

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

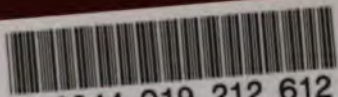
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 2044 019 212 612

PSIAV 176-25

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

9

Quintessence
ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

9
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

~~131184~~

~~Slav 30.2~~

P Slav 176. 25

Meinot fund.
(I - VI.)

(347)

СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

ПОРА!

Скажи мнѣ, милый другъ, зачѣмъ въ тиши ночной,
Когда все спитъ кругомъ, намъ слышится порой,
Какой-то внятный зовъ, какой-то голосъ дальній?
Куда, зачѣмъ зоветъ онъ — громкій и печальный?
Какія будить въ насъ завѣтныя мечты?
Знакомъ ли онъ тебѣ? Его узнала-ль ты,
Какъ я его узналъ, съ счастливою тревогой?...
Ты слышишь — то нашъ край холодный и убогій,
Родимый, милый край соскучился по насъ;
То вѣтеръ загудѣлъ, разлукой утомясь,
То рѣки разлились, пустыни и суровы;
То разсердились дремучія дубровы
И взволновались... Любезный, чудный шумъ!
Какъ много онъ живитъ воспоминаній, думъ...
Ужъ не пора ли намъ къ отчизнѣ воротиться?
Ужъ не довольно ли скитаться, суетиться,
Искать въ чужой толпѣ намъ чуждаго добра?
Ужъ не пора-ль домой? — Пора, дружокъ, пора!

Парижъ. 25 апрѣля, 1876.

2.

НОЧЬ.

Какая ночь! Рѣдѣютъ облака;
То здѣсь, то тамъ звѣзда блеснетъ умильно
И скроется. Тиха и глубока
Нисходитъ тѣнь. Луга росой обильной
Обрызганы, и теплый аромат
Стоить въ недвижномъ воздухѣ. Бывало,
Въ такія ночи сердце трепетало;
Струился въ грудь волшебной страсти ядъ—
И, притаясь, исполненный сматенья,
Во тьмѣ я ждалъ внезапнаго видѣнья.
Теперь не то. Любуясь красотой,
По сторонамъ безстрастно взоръ блуждаетъ,
И счастливъ онъ окрестной пустотой,
И ничего отъ тьмы не ожидаетъ.
Безлюдье, тишь, спокойствіе и лѣнь;
Таинственный полетъ полночной птицы,
Вдали сквозь тучъ безгромныя зарницы;
Въ природѣ и въ душѣ—ночная тѣнь!

Гр. А. Голвищевъ-Кутузовъ.

НОВЫЯ ПИСЬМА

А. С. ПУШКИНА

ИЮЛЬ 1830—МАЙ 1836 г.

Отъ издателя.

Едва ли кто-нибудь можетъ сомнѣваться въ чрезвычайномъ интересѣ этихъ новыхъ писемъ Пушкина. Не говоря уже о томъ, что каждая строка величайшаго русскаго поэта должна быть дорога всѣмъ его соотечественникамъ; не говоря и о томъ, что въ этихъ письмахъ—какъ и въ преждепоявившихся, такъ и быть струей свѣтлой и мужественной умъ Пушкина, поражаетъ прямота и вѣрность его взглядовъ, мѣткость и какъ бы невольная красивость выраженія;—но вслѣдствіе исключительныхъ условій, подъ влияніемъ которыхъ эти письма были начертаны, они бросаютъ яркій свѣтъ на самый характеръ Пушкина и даютъ ключъ ко многимъ послѣдовавшимъ событіямъ его жизни, даже и къ тому, печальному и горестному, второму, какъ извѣстно, она закончилась.

Писанныя со всею откровенностью семейныхъ отношеній, безъ поправокъ, оговорокъ и утаекъ, они тѣмъ яснѣе передаютъ намъ нравственный обликъ поэта.

Несмотря на свое французское воспитаніе, Пушкинъ былъ не только самымъ талантливымъ, но и самымъ русскимъ человекомъ своего времени; и уже съ одной этой точки зрѣнія его письма достойны вниманія всякаго образованнаго русскаго человѣка; для историка литературы они—сущій кладъ: нравы, самый бытъ извѣстной эпохи отразились въ нихъ хотя быстрыми, но яркими чертами.

Позволю себѣ прибавить отъ своего имени, что я считаю избраніе меня дочерью Пушкина въ издателя этихъ писемъ однимъ

изъ почетнѣйшихъ фактовъ моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оцѣнить довѣріе, которое она оказала мнѣ, возложивъ на меня отвѣтственность за необходимыя сокращенія и исключенія.

Быть можетъ, я до нѣкоторой степени заслужилъ это довѣріе моимъ глубокимъ благоговѣніемъ передъ памятью ея родителя, ученикомъ котораго я считалъ себя, съ „младыхъ ногтей“, и считаю до сихъ поръ... „Vestigia semper adora“...

Впрочемъ, тщательный пересмотръ писемъ привелъ меня къ убѣжденію, что можно было ограничиться только самыми необходимыми и немногочисленными исключеніями; въ большинствѣ случаевъ исключенія эти обуславливаются излишнею „энергіей“ фразы: Пушкинъ, какъ истый русскій человекъ, да и къ тому же въ письмахъ, носившихъ строго-частный характеръ, не любилъ стѣсняться.

Не должно также забывать, что со времени начертанія этихъ писемъ прошло почти полъ-вѣка—и что, слѣдовательно, когда дѣло идетъ о выясненіи такой личности, каковою былъ Пушкинъ, исторія вступаетъ въ свои права—и давность облачаетъ своимъ почтеннымъ покровомъ тѣ, что могло бы прежде показаться слишкомъ интимнымъ, слишкомъ близко касающимся отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Сама дочь поэта, рѣшившись подѣлиться съ отечественной публикою корреспонденціей своего родителя, адресованной къ его женѣ—ея матери—освятила, такъ сказать, наше право перенести весь вопросъ въ болѣе возвышенную и безучастную—какъ-бы документальную сферу.

Намъ остается искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренбергъ за этотъ поступокъ, на который она, конечно, рѣшилась не безъ нѣкотораго колебанія—и выразить надежду, что ту же благодарность почувствуетъ и докажетъ ей общественное мнѣніе.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ.—Ноябрь, 1877.

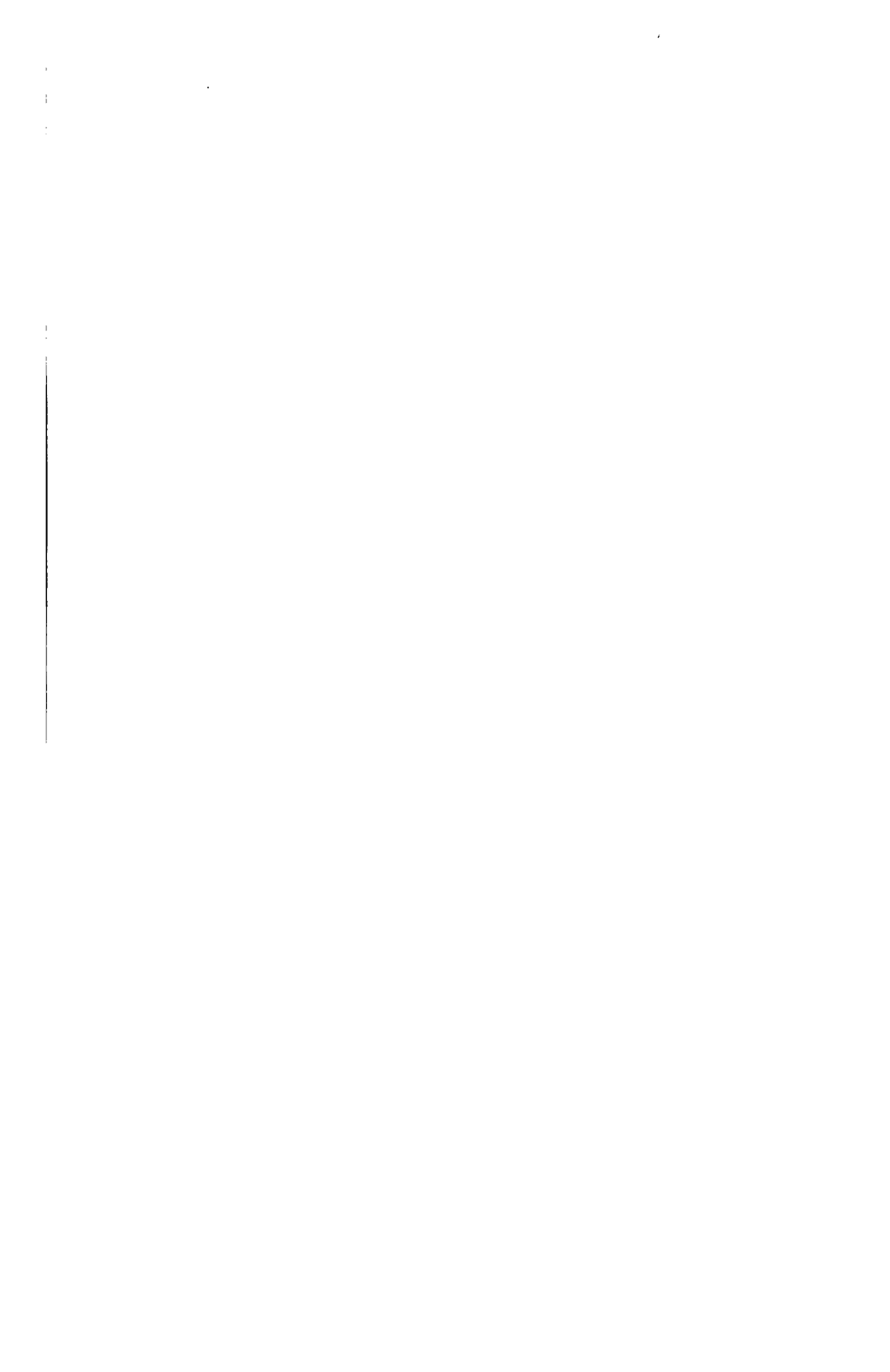
Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1827 года, Пушкинъ возвратился, наконецъ, въ Петербургъ, послѣ своего семилѣтняго удаленія изъ столицы. Кишиневская жизнь, странствованіе по степямъ Новороссіи, поѣздки на Кавказъ, въ Крымъ,—все это образовало въ Пушкинѣ потребность къ передвиженіямъ. Уже въ началѣ 1828 года, въ письмѣ къ П. А. Осиповой, онъ сильно жалуется на столичную жизнь: „Признаюсь, что это (петербургское) житіе довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, и съ трудомъ ихъ переношу“. Дѣйствительно, въ

1828 г., Пушкинъ дѣлаетъ опять непрерывныя поѣздки, то въ свою деревню, въ Михайловское, то въ Тверь, то въ Москву. Во время поѣздки въ Москву, въ 1828 году, Пушкинъ въ первый разъ познакомился съ семействомъ своей будущей жены, Натальи Николаевны Гончаровой. Въ 1829 году, онъ предпринялъ большое путешествіе на Кавказъ и далѣе, въ Закавказье. Это было время турецкой войны. Пушкинъ пробрался въ лагерь Паскевича, присутствовалъ при взятіи Эрзерума, что навлекло на него неудовольствіе, по возвращеніи въ Петербургъ, — отчасти потому, что присутствіе въ арміи не-военнаго человѣка было не въ обычай того времени, а еще болѣе потому, что Пушкинъ, хотя и получилъ разрѣшеніе жить въ столицѣ, но оставался подъ надзоромъ, и, слѣдовательно, какъ отпущенный только на Кавказъ, не могъ, безъ особаго дозволенія, уѣхать въ Закавказье.

Этотъ надзоръ можно также отнести къ числу причинъ, побуждавшихъ Пушкина предпринимать изъ Петербурга постоянныя поѣздки. Онъ дѣйствительно очень стѣснялся своею столичною жизнью, и въ первыхъ числахъ января 1830 г. рѣшился, наконецъ, видѣти изъ того положенія, въ которое былъ поставленъ. Съ этою цѣлью онъ обратился къ гр. Бенкендорфу, отъ котораго зависѣлъ, съ письмомъ, на французскомъ языкѣ: „Генералъ! явившись къ вашему сіятельству и не имѣвъ счастья застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпечить. Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію („Борисъ Годуновъ“), {но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 рублей, которая могла бы доставить мою трагедію, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ я наиболѣе доволенъ. Поручая себя вашему благорасположенію, остаюсь“ и пр.

Такъ писалъ Пушкинъ въ январѣ 1830 года, а въ мартѣ онъ, неожиданно для друзей, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, 21-го апрѣля, сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой и получилъ ея согласіе; 18-го февраля 1831 года была ихъ свадьба.

Послѣ женитьбы, Пушкинъ также не провелъ ни одного года на мѣстѣ. Благодаря такимъ постояннымъ его странствованіямъ, послѣ него должна была остаться обширная переписка, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣетъ для себя полного изданія. Многое разсыяно по различнымъ сборникамъ; многое, вѣроятно, остается въ рукописи, если только не утрачено навсегда. Издаваемая нынѣ переписка Пушкина съ его невѣстою, а потомъ женою, хранилась долгое время по смерти поэта у его вдовы, скончавшейся въ 1864 году, а потомъ перешла въ руки ея дочери, графини Натальи Александровны Меренбергъ, живущей постоянно въ Висбаденѣ. Она поручила, какъ мы видѣли выше, Ив. С. Тургеневу взять на себя просмотръ и приведеніе въ порядокъ этой переписки, а вмѣстѣ и окончательное рѣшеніе вопроса, что изъ текста писемъ можетъ быть допущено въ пе-

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CXXLII. — 1/18 ЯНВАРЯ, 1878.

—Вы жéнитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; *Наташа* ничего мнѣ не писала. [Это не о васъ она говорила, а о *татап*]. Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла *Аванасія Николаевича*, *Наташи Ивановны*, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резонновъ:—*Наташа* знаетъ, какъ я люблю ее, *Наташа* мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, *Наташа* мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто.—Потомъ она много спрашивала о *татап*, о *Николаѣ Аванасьевичѣ*, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. *Наташа Ивановна*, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ *Ивана Николаевича*. Я былъ на манѣврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать *Аванасію Николаевичу*; но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Чтò подѣлываетъ *la Grand'tatan de Zavode*—бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Чтò вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это—такъ какъ вы меня всегда считаете *сочинителемъ*. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: *прошу любить и жаловать*. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданья.

№ 8.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—По почтѣ, но опятъ безъ штемпеля, съ помѣткой почтоваго нумера отъ руки.—Отъ 30 іюля).

Вотъ письмо *Ав(анасія) Ник(олаевича)*, которое мнѣ пересылаетъ *Иванъ Николаевичъ*. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получить дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли *Наташи Ивановны*—и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки—туть, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ *Кат(ерины) Ис(ановны)*; она въ Парголовѣ, у графини Полье,

которая почти сумасшедшая; она спитъ до 6-ти часовъ вечера и нивого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣва, дочь Сперанскаго, прислала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей—но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлыя часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. Ае(анасію) Ник(олаевичу) слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную *Grand'taman*, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобъ это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ *Наталя Ивановна* согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Ае(анасія) Ник(олаевича), я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это — другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, *Канкрину*, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.—30 іюля.

Роспишетесь ли вы въ полученіи этого письма?

II. Въ Москву изъ поѣздки въ Болдино ¹⁾.

№ 4.—На конвертѣ: Mademoiselle Natalie Gontcharoff.—Частнымъ путемъ ²⁾.—Въ концѣ августа.

Я отправляюсь въ *Нижній*, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ слу-

¹⁾ Помѣстье Пушкинскъ, Нижегородской губерніи, Лукояновскаго уѣзда.

²⁾ Получивъ отъ отца, по случаю своей женитьбы, имѣніе въ селѣ Болдино, Пушкинъ отправился, въ августѣ, для его осмотра, чрезъ Москву и Нижній. Эту записку онъ написалъ въ самую минуту своего отъѣзда изъ Москвы, послѣ какой-то размовки съ будущей тещей, и уже простившись какъ съ нею, такъ и съ невѣстой.

чаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. — А. П.

№ 5.—Было вложено въ конвертъ, не сохранившійся, а потому нѣтъ ни адреса, ни штемпеля. — Отъ 9 сентября.

Моя дорогая, моя милая *Наталья Николаевна* — я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполне меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она — часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантинныхъ, которые начинаютъ устанавливаться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ *Натальѣ Ивановнѣ*; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу *Аванасію Николаевичу*. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я только счастливъ тамъ, гдѣ вы. — 9 сентября. — Болдино.

№ 6.—На конвертѣ: тотъ же подробный московскій адресъ невесты. — Почтовый штемпель: Арзамасъ, 1 октября.

Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и общаете мнѣ задержку въ *Богородицкѣ* не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантинныхъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это — мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь прокляты тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только

и видимъ это. Что вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что говорить *le Grand papa*? Знаете ли что онъ мнѣ писалъ? *La Grand'maman*, — говоритъ онъ, стоить не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, по-видимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинными, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? *Мой ангелъ*, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, *un outchitel*, аббата Николь, вторымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять?—это нисколько не заorno на разстояніи 500 верстъ и сквозъ пять карантинныхъ. Эти карантинны не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны *Натамъ Ивановнѣ*, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и *m-r Serge*. Имѣете ли новѣстіе о другихъ?—30 сентября.

№ 7.—На конвертѣ: тотъ же адрессъ.—Почтовый штампель: Арзамасъ, 16 октября. (Письмо проткнуто иглою по случаю холеры).

Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая *Натамъ Николаевна*, пишите мнѣ, несмотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ что дѣлать? Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только *la canaille* умираетъ отъ холеры—все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій токъ. Итакъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адрессъ и бюлетень о вашемъ здоровьи! Мы же окружены карантинными, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на

бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идиотомъ: какъ говорится — до святости. *Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда-ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и приѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя пстъ (да еще какова? московскаго!).* Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. *Je ris jaime*, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей *taman*; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангель. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стояли васъ.—11 октября.

№ 8.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, октября 30 (проткнуто).

NB. Весь текстъ по-русски.

Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой Ангель, отвѣчайте мнѣ хоть по чухонски да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы первого октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я пренещастное животное ужъ безъ того. Гдѣ вы? что вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чумное время дѣло другое; радъ письму проволотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ—и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я приѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т.-е. въ московской деревнѣ, то приѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-богу не шучу—но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: въ Луцъ (ояновскій) уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

№ 9.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Почтовый штемпель: Арзамасъ, ноября 6 (проткнуто).

9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ!—мнѣ писать о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась.

Не достаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ *Лукашова* до Москвы 14 карантинновъ. Чего лучше? Теперь я расскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не знаетъ—онъ хочетъ посмотреть его—дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчье, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они рожутся вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ—овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ „*Кавказскаго пастыря*“:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука,
Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ—я хочу сказать: *revenons à nos moutons*. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, *Адриана*, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но, *Наталя Ивановна*, но вы!—ей-же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добратъся до васъ. Думаю, что *Вятка* еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: въ *Абрамово*, для доставленія въ *Болдино*; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранить васъ Богъ. Повергните меня въ ноги въ вашей матушки.—
4 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

№ 10.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Почтовый штампель: Арзамасъ, ноября 20 (проткнуто).

Болдино, 18-го ноября.—Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы, — 14 карантинновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантинновъ только три. Я храбро явился въ первый (*Сиваслейка*, губ. Владимірская); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней

остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—*Вы не по казенной надобности изволите ѣхать?—Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей.—Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ.—Давно ли?—Да ужъ около 3-хъ недѣль.—И эти, губернаторы, не дадутъ этого знать?—Мы не виноваты-съ.—Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной,—сижу въ Болдино, да кисну. Вотъ какимъ образомъ я проѣхалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.*

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пчаница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь, не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставляю вѣщамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На-дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову, онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой Ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня въ стопы вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

№ 11.—Конвертъ не сохранился; письмо проткнуто. — Подписано: 26 ноября.

Судя по вашему письму, отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я, верстъ за тридцать отсюда, къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантинъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это по-

сгднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ *Нижній*. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ *Лукояновъ* (тавъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ, *comme de l'an 40*) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Приѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, приѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинными моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ *Нижній*. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не знаетъ; такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблагovolите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говорить, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣтаете надо мной.

Затѣмъ, кланяюсь вамъ.—26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ полагаютъ — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; *Лукояновъ* отстоитъ отсюда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заоченіе ¹⁾. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ неприятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ,

¹⁾ Упомянутыхъ документовъ нѣтъ при письмѣ.

что холера опустошаетъ *Нижній*. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

Къ № 11.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Отправлено въ дополненіе предыдущаго письма частнымъ путемъ и потому не прочтено; подъ адресомъ подпись: „самодужійшее“. — Въ концѣ ноября.

Вотъ и еще одинъ ¹⁾ документъ. Переверните страницу.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не выпускаютъ, потому что я на *перекладной*, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю *Дмитрію* Голицыну о моемъ несчастномъ походе и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку и все семейство. На-дняхъ я писалъ вамъ письмо, нѣсколько жесткое, — но это потому, что у меня голова шла кругомъ—простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

№ 12.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Отправлено частнымъ путемъ, но прочтено.—Отъ 2 декабря.

Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ неприятели, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непременно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена, и выѣздъ

¹⁾ Вѣроятно, въ дополненіе къ двумъ вышеупомянутымъ. Собственно, этотъ документъ есть отвѣтное письмо Пушкину Д. Язкова, изъ Нижняго. Вотъ его текстъ, съ сохраненіемъ орфографіи:

Monsieur! Je m'empresse de vous envoyer un certificat, que j'ai obtenu pour votre depart. Je prend part a votre position ayant moi même des parents a Moscou, et je consois le desir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir put vous etre utile, en cette occasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dit, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite votre très humble serviteur—Dmitri Jaskoff.

le 22 novembre, 1880.—Nigni.

На оборотѣ этого письма Пушкинъ и сдѣлалъ свою приписку.

запрещенъ. Затѣмъ, мои несчастныя попытки убраться; потому извѣстнѣе, что вы не покидали Москвы; наконецъ, ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ *Никитку* ради этой *sacrée* княгини Голицыной? Знаете ли вы эту вн. Г.? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жесткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. *Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на дѣть недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлебъ да на воду!*

Никитинъ больше не одѣленъ — карантинныя были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейбѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинными, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительныя поклонныя матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и *т-т Serge*. — 2 декабря. — Платово.

1831-й годъ.

№ 18. — Конвертъ этого письма къ тещѣ въ Москву не сохранился.

Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Наталі, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ *Аванасію Николаевичу* притязанія г-на П.....а. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на П.....а принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дразгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали моею женою, какъ человека ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознаться, что это значить проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ей мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позво-

ляю. Не женщина въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное свойство и сьумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли оплутаться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Наталіи; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, несмотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ въ займы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга — Александръ Пушкинъ.

Царское-Село 26 іюня 1831.

II.

ПИСЬМА КЪ ЖЕНѢ.

1831-й годъ.

I. Въ Петербургъ изъ поѣздки зимою въ Москву.

№ 14.—На конвертѣ: М. Г. Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Врискорнъ. — Почтовый ящикъ: Москва, 7 декабря.

.....
.....¹⁾

Сегодня мочи нѣтъ устать — Цалую тебя женка, мой Ангелъ.
6 дек.

¹⁾ Выѣхавъ изъ Петербурга по личнымъ дѣламъ, Пушкинъ, очевидно, далъ словенѣ извѣстить ее хоть въ нѣсколькихъ строкахъ о своемъ прибытіи въ Москву — что и исполнилъ. Записка написана карандашомъ, и верныя ея двѣ строки отрываны изъ оригинала. Эта записка имѣетъ въ настоящемъ своемъ видѣ одно значеніе точнаго указанія дня, когда Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву.

№ 15.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 9 декабря.

Здрастуй, жена моя Ангель. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itineraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что по причинѣ оттепели долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и челоуѣва съ собою не взялъ въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхарковался въ углу. Другой мемельскій жидъ, путешествующій на щетъ перваго. Вообрази какая веселая кампанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь акуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу приягнымъ разговоромъ, на примѣръ по нѣмецки разказывалъ ему *Ivan Wjiguin*; (*ganz charmant!*). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), приятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимнія экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащюкина не нашель я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у *Пречистинскихъ воротъ въ домъ Ильинской* (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцаловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащюкинъ дуракъ, дуракъ Нащюкинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣляется; что за подсвѣчники, что за сервизы! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень разпрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю слетни, а слетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе вѣроятно не явлюсь. Дѣло съ Нащюкинымъ и Догановскимъ вѣроятно скоро кончу; о твоихъ брилліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ что я ужасный рестоуицикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелевомъ. Къ стати: я кошелевъ обратилъ въ кошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ именинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ Царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ

80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени коменданской лѣстницы. Душа моя, жена моя, Ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была-ли у тебя Хитрово или Фивельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрили не пляши ничего; напиши, не притѣсняють-ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. За симъ цалую тебя сердечно. У меня гости. — 8 дек.

№ 16.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 11 декабря.

Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замѣдила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англ. клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ *Теодоръ и Розалія*, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора. Все это однакожь не слишкомъ забавно, и меня гнететъ въ П. Б. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т.-е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопы ваши знали о моемъ приѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о приѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться, и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе, да полно я слушаюсь ея не намѣренъ. Цалую тебя и прошу ходить възадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать.—Христоръ съ тобой.—10 дек.

№ 17.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 16 декабря.

Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня оторчили и осердили. Василій вретъ, что онъ изтратилъ на меня 200 рублей. Алешѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему приѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безповонтъ, а они какъ я вижу обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Омина, когда ты принять его не хотѣла? да и

ты хороша. Ты пшянешь по ихъ дудѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередь какъ приступитъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣляюсь по моему прихвѣдѣ. Василія вѣроятно принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной—*enfin de faire maison nette*; все это очень досадно.—Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащюкинъ запуталъ дѣла свои болѣе нежели мы полагали. У него три или четыре прожента, изъ конхъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой Ангелъ, люблю такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю какъ бы удрать въ П.Б., къ тебѣ, жена моя.—Разпечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста не стегивайся, не сиди поджавши ноги, и недружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Б. ты хорошо сдѣлала что отослала—дѣло не о чинѣ, а все таки нужное.—Жду его.—На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащюкина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго—и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ; и свои надобли. Пиши мнѣ лучше о себѣ—о своемъ здорьевѣ. На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя.

№ 18.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 19 декабря (писано карандашомъ).

Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое *vertige*? обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустили-ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлала, что уѣхала отъ тебя. Безъ меня ты что нибудь съ собой да напроказишь. Того и гряди выминешь... За чѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ кончу ли здѣсь мои дѣла, но въ иразднику къ тебѣ приѣду.—Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ выведу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащ. занятъ дѣлами, а домъ его такая безголовь и ералашь, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, инюны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякой кричитъ, курить трубку, обѣдать, поеть, пшяпеть; угла нѣтъ свободнаго—что дѣлать? Между тѣмъ денегъ

у него нѣтъ, кредита нѣтъ—время идетъ, а дѣле мое не разпутывается. Все это по неволѣ меня бѣситъ. Къ тому же я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое вѣроятно будетъ пахнуть бобковой мазью какъ твои вывѣтные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—аванъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не женатаго (утѣшся). Вчера Нац. задалъ намъ цыганской вечеръ; я такъ отъ этого отвѣкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ.—Тоска, мой Ангель—до свиданія.—16 дек.

1832-й годъ.

II. Въ Петербургъ изъ поѣздки осенью въ Москву.

№ 19.—На конвертѣ:—М. Г. Наталья Николаевна Пушкиной, въ С.-Петербургѣ, на Фурштатской, въ домѣ Алжмова. — Штетпель: Москва, 22 сентября.

Четвергъ. Не сердись, жена, дай слово связать. Я приѣхалъ въ Москву, вчера въ среду. Велосиферъ, по русски поспѣшнѣйшій дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади разковывались, и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. На силу дотошился въ Москву, обо...нную дождемъ и встревоженную приѣздомъ двора. Теперь послушай съ вѣмъ я путешествовалъ, съ вѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькой Иосифъ вышелъ чистъ отъ искушенія. Приѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онѣ в..., и видитъ что это состояніе приятное и независимое. Онѣ ѣдиль со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяз.; княгиня завезла меня во фр. театръ, гдѣ я чуть было не заснулъ отъ скуки и усталости. Приѣхалъ въ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь со 20-го

челла и сегодня ѣдетъ въ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая Княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ, и Государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою новскоду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, а я, мой Ангелъ, не имѣвая ни минуты покоя въ П. Б. Не можешь вообразить какая тоска безъ тебя. Я-же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проснется, ибо онъ и пьяница и дуракъ; на Ирину Буаминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея волотуха, и что Спасскій? Ахъ, жена душа! что съ тобою будетъ! Прощай, ниши.

№ 20.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 26 сентября.

Какая ты умнишка, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, жена. Продолжай какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ; взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяць карета моя—хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибелусъ или Юхимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Къ стати: смотри, не брюхата-ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ вознесенія¹⁾. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ друга, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастной любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буановъ или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правдали, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься-ли ты? съѣзди, жена, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней

¹⁾ Это—день свадьбы Пушкина.

отправлялся обовъ, и я было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него провинились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ. Актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ раббитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣщенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу, и разказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашникахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякой день обѣдать и ужинать, волочись за мою дѣвичью, но только не Окулову. Какое отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Булки я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставляю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ—мой Ангелъ, милая моя жена. Покажѣсь прощай, Христось съ тобою и съ Машей. Видишь-ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей влаяюсь, и цалую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. — Воскресеніе.

Важное открытіе: Иполить ¹⁾ говорить по французски.

№ 21.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Москва, 27 сентября.

Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три.—Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложисься рано спать.—Не хорошо только что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П.....а тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ потому что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіи сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю *Mémoires de Diderot*. Былъ вечеръ у Вяземской и видѣлъ у ней *le beau Bezobrasof*, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Иполить принесть мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ—а въ

¹⁾ Камердинеръ Пушкина.

Московскомъ Университетѣ и оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблавы, а это приятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цалую ручку у К. Ив. Не забудь же.

№ 22.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 30 сентября.

Вотъ видишь что я правъ: нечего было тебѣ принимать П.....а. Просидѣла бы ты у Идалии, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значить? Ужъ не в...-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не Ангелы прелести, не Мадонны etc. etc.—Знаешь русскую пѣсню—

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовуть.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнить.—Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для Альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы какъ торговки на вшивомъ рынкѣ) а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія ¹⁾. Передай это Вяземскому. Благодарю, душа моя, зато что въ шахматы учишься. Это непременно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у вн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Салогубъ, гр. Пушкина (Владиміръ), Аугоге, ея сестра, и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Салогубъ (съ тѣткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ че-

¹⁾ Профессоръ Каченовскій, прекратившій не за-долго предъ тѣмъ изданіе „Вѣстника Европы“, гдѣ онъ нападалъ на Пушкина.

редомъ. Съ Нащокинымъ вижуся всякой день. У него въ домикъ былъ пиръ: подали на столъ мышенка въ смѣтанѣ подъ хрѣномъ въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я вѣроятно за него примусь; но поважѣсть, голова моя кругомъ идетъ при мысли о Газетѣ. Какъ то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цалую Машу и благословляю, и тебя то-же, душа моя, мой Ангелъ. Христось съ вами.

№ 23.—Тотъ же адресъ.—Штемпель: Москва, 8 октября.

По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и доѣхавъ до мѣста свиньи свиньей, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ не крещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ—а я вѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другаго дня. Видишь-ли что я правъ а что ты кругомъ виновата? Виновата 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому что паветъ Бенвендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе будто бы подобное Нащокинскому! жена, жена!— Но оставимъ это. Ты мнѣ кажешься, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь щеты, доишь кормилицу—ай да хватъ баба! Что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. На силу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставляю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ ¹⁾ здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и приѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія, и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ приплють для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научить тебя какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскія ѣдутъ послѣ 14, а я на дняхъ. слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю куда головы преклонить. Хочешь камеражей? Горскина вчера вышла за к. Щербатова, за младенца. Красавица Безобразовъ кружить здѣш-

¹⁾ Гончаровъ.

нѣя головки причосанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-Соловьиѣ. Москва ожидаетъ Царя въ зимѣ, но кажется напрасно. Прощай, мой Ангелъ, цалую тебя и Машу. Прощай душа моя—Христось съ тобою.

1833-й годъ.

III. Въ Петербургъ изъ путешествія въ Оренбургъ и Уральскъ.

№ 24.—На конвертѣ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургъ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера.—Штемпель: Торжокъ, 21 августа.

Милая жена, вотъ тебѣ подробная моя Одисея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго мосту—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веровка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскоевскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Волота волновались бѣлыми волнами. По счастью вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что то было съ вами Петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съдору солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій смѣривствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, и теперь отправляюсь въ сторону въ Ярополецъ ¹⁾—а Соболевскаго оставляю на единѣ съ швейцарскимъ спромъ. Вотъ, мой Ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, страшая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Яропольца. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Сибирскіе. Пиши мнѣ о своей груд-

¹⁾ Италіе Гончаровыхъ.

ниѣ и о прошлом. Маму не болѣй, а сама беритъ свое здоровье, не доходящей 24-ти. Да баша не съ кѣмъ. Сидитъ все такъ не поспиточной. Кланится и жалитъ ручку съ Гривинской кѣло-сѣю Кошуринѣй Давыдовѣй. Убои жалитъ крѣпко и кѣтъ весь бѣлозубою жѣи, Маму и Сашу.

Кланится Завенскому негдѣ умирать. оману сну, что нѣтъ бѣды поспиточная съ нѣтъ простились и исповорились обо Амла-нихѣ, а исповорили бѣту хранились простились.

Х Х.—Тѣмъ же простились.—Шелковикъ Маша. И простились.

Тѣмъ не угладились. нѣтъ Ангель. откуда и къ жѣи маму: нѣтъ Гавриловск; негдѣ Берновскъ и Маллинишки. а исповорились кѣ-роково и жѣи много развѣдывались. Бѣтра смирны на простило-туну дорину въ А;лованду. узнаю съ угладились, что простило-туну негдѣ Еуфимовскъ негдѣи и рѣшились нѣтъ негдѣи. Въ 8 ча-совѣ вечера простились и къ дѣрину негдѣ Шакту Павлову, исповорились бѣрамъ нѣтъ нѣтъ рѣшились. Здѣсь я нагдѣсь боль-ную негдѣи. Назадъ тому 5 дѣтъ, Павловскѣ, Маллинишки и Берновѣ нагдѣи были угладились и баринишки; но угладились негдѣи, а баринишки развѣдывались: нѣтъ смирны нѣтъ прости-лись нагдѣсь я одну бѣлую негдѣи, на которой и сѣдѣлъ въ Маллинишки; но и та ужъ нѣтъ нѣтъ негдѣи, не бѣи, а въ Маллинишки нѣтъ нѣтъ Англѣ, Емранскѣ, Сашѣ, Мамѣ etc., живеть угладились Парасковѣи Александровнѣ Рейхманѣ, который погдѣи нѣтъ нѣтъ. Величнѣя, нѣтъ нѣтъ восдѣи, живеть здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не погдѣи, зная что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь обѣдѣи я на-рѣи и проигралъ три рубля въ двѣдѣи четыре роббера въ нѣтъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь бѣоиспѣи. Много спрашивають меня о тебѣ; также ли ты хороша какъ славнѣи—и какаа ты: бѣи или блондинѣи, худѣи или мѣи? Завтра чѣтъ сѣтъ отправнѣи въ Ярополицѣ, гдѣ пробуду нѣтъ часовѣ, и отправнѣи въ Москву гдѣ, нагдѣи, долженъ буду остаться днѣ три. Забылъ я тебѣ славнѣи, что въ Ярополицѣ (виноватѣ: въ Торжкѣ) гѣи m-lle Rojarsky, та самая, которая варитъ славнѣи квасъ и жаритъ славнѣи котлетн, провожая меня до воротъ своего трактира, отгѣи на мои нѣтъ: сдѣи вамъ замѣи чужѣи красоты, у васъ у самого такаа красавица, что я встрѣи ее (?) ахнула. А надѣи тебѣ зная что m-lle Rojarsky ни дагдѣи ни дагдѣи m-lle George, только немного постарѣи. Ты видишь, моя женѣи, что слава твѣи разпрѣи по всѣмъ уѣдѣи. До-вольна-ли ты? будьте здоровы всѣ, помнить ли меня Маша, и

нѣтъ-ли у ней новыхъ загнѣй? Прощай, моя плотничья бры-
ветка (что-ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня
дуться. Письмо это застанеть тебя послѣ твоихъ измѣннѣй. Гля-
дѣлась-ли ты въ зеркало, и увѣрилась-ли ты, что съ твоимъ ли-
цомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ—а душу твою люблю я
еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цалую тебя крѣпко.

№ 26.—Конвертъ не сохранился.—Изъ Москвы, 26 августа.

26 авг.—Москва. Поздравляю тебя со днемъ твоего Ангела,
мой Ангелъ, цалую тебя вѣчно въ очи—и пишу тебѣ продолже-
нiе моихъ похужденiй—изъ антресолей вашего Никитскаго дома,
куда прибылъ я вчера благополучно изъ Ярополица. Въ Ярополицѣ
приѣхалъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня
какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нее лежала
палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я про-
велъ у нее. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ, и о Кат. Ив.—
Мать, кажется, тебя въ ней ревнуетъ; но хотя она по своей при-
вичкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже го-
речью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела
у нее. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоре-
номъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣ-
душки Дорошенки, въ которому ходилъ я на поклоненiе. Сем.
Фед., съ которымъ мы большiе приятели, водилъ меня на его
гробницу, и показывалъ мнѣ прочiя достопамятности Ярополица.
Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Кат. Ив. позволила
мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десята три, ко-
торыя къ намъ и придутъ съ варенiемъ и наливками. Такимъ
образомъ набѣгъ мой на Ярополець былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, жена, послушай что дѣлается съ Дм. Ник. ¹⁾ Онъ
какъ владѣтельный принцъ влюбился въ гр. Н. Черн. по порт-
рету, услыша, что она дѣвица плотная, чернобровая и румяная.
Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополець въ надеждѣ ее увидѣть, и
въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церквѣ. Вотъ онъ и
полезъ на стѣны. Пишетъ мнѣ заводовъ, что онъ безъ памяти
отъ *la charmante et divine comtesse*, что онъ ночи не спитъ, et
que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Кат.
Ив., чтобъ она просватала за него *la charmante et divine comtesse*;
Кат. Ив. побѣжала къ Кругликовой, и выполнила комиссію. По-
звали *la divine et charmante*, которая отказала на отрѣзъ. Кат.
Ив. безповорота о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть.
Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А на-

¹⁾ Гончаровичъ.

добно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимю, и очень по-дозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ сѣдонности къ М.....у (святому), для сего онъ со всевозможномъ дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скоттинъ у своего племянника: *Митрофанъ, хочешь-ли ты осе-ниться?* Видишь какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. М.....ъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ молахамъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью, и приѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ ¹⁾ меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащюкинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрѣва къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentleman и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порадочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не общитывая товарища. 2) Не и..... ни явнымъ ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были сѣверныя; меня наслау танцали шестерней. Въ Казанѣ буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цалую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

№ 27.—Конвертъ не сохранился. Изъ Москвы, 27 августа.

Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой Ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Киреевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера приѣхавъ поздно домой, напелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ за немѣнїемъ бальнаго платья, и за небритіе усомъ, которыя отрощаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ три салонницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который говоритъ женатъ на красавицѣ.

¹⁾ Старикъ Гончаровъ.

Я ея не видалъ и не могу всеподлиннѣе о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали—а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ дедка его князь Петръ Долгорукой—получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣлъ его промотать въ Англ. влобѣ, о чемъ адѣйшее общество весьма жалѣеть. Въ влобѣ я не былъ—чуть-ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Англійскій влобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другія мои старыя знакомыя. Но мнѣ надобны мои старыя знакомыя. Никого не увижу. Важная новость: французскія вѣнѣски, уничтоженныя Разтопчинимъ въ годъ когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію бродилъ я по вѣнѣжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашель. Книги вѣтныя мною въ дорогу перебились, и перетерялись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машѣ въпризначать и воевать съ нянею: прибью. Цалую тебя. Кланяюсь теткѣ.—Благословляю Машку съ Сашкой.

№ 28.—На конвертѣ: тотъ же адресъ.—Штемпель: Нижний, 2 сентября.

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ щастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятны сутки. Успѣлъ только сѣвдить въ баню, а объ торедѣ скажу только тебѣ: *les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties*. Буду на арманку, которая свои послѣднія штуки показываешь, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя терять за долги. Параша, поваръ, извощикъ, аптекаръ, *и-ше Sichler etc.*, у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безповоношься—сердишься на меня—и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что если у тебя опять нарвы, что если Машка больна? А другія, непредвидѣнныя случаи.—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну—и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Сибирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. адорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркія, съ утра маленькія морозы—роскошь! такъ-ли у васъ?

Гуляешь-ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще въ заперти. Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и решую ее къ тебѣ, по прошу Христомъ и Богомъ тебѣ не воякать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цалую всѣхъ васъ равно крѣпко—тебя въ особенности.

№ 29.—Конвертъ не сохранился.—Изъ Нижняго, 2 сентября.

Мой Ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказать и ни о чемъ всеподданнѣйше не донести. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиниться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для зрителей, которыя очень мало меня уважають несмотря на то что я ниню прекрасныя стихи. У него засталъ я его дочерей, и В.....-скаго le с..., который скачетъ изъ Казани къ намъ въ П. Б.—Они звали меня на вечеръ къ Пашковимъ на дачу, я не поѣхалъ жалѣя своихъ усовъ, которыя только лишь оцѣтнѣли. Обѣдалъ у Суденки моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть—но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой Ангелъ, это впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отоѣдали втроемъ; и я, безъ церемоній, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ не морщась по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зажженный пуншъ съ ананасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ нижней лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевского.—*Sacré chien*, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, *pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?*—*Animal*, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, *qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-Russien?* Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держалъ меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отоѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виновать: втроемъ съ бутылкой мадеры.) Потомъ для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерлядьми и съ женой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, жена, страшно! теперь слѣдуетъ важное признаніе. Сказать-ли тебѣ словечко, утерпѣть-ли твое сердечко? Я нарочно танулъ письмо разказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобъ какъ можно позже дойти до сего роковаго мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ конгадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, бѣдную съ теткой изъ

Москвы къ мужу, и обиваемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на разпѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это положе? двѣ тройки стоять на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете.—Правда? сказала я, и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью, и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну это еще не бѣда. Постой, жена, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали за 3 или 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороши-ли городничиха? Вотъ то-то что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю.—Уф! кончили. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у Губернатора ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярманка возмечилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ едѣдали на меня впечатлѣнія бальнаго развѣзда, когда карета Гончаровыхъ ужъ уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Натану, которую заочно целую куда ни попаало. *Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro.*—

№ 30.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Казань, 11 сентября.

Казань, 8 сентября.—Мой Ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчас ѣду въ Сибирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разпрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все что предполагалъ видѣть и въ концѣ сент. быть въ деревнѣ. Здорова-ли ты? здоровы-ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая сбѣгаетъ на карачкахъ какъ котенокъ и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій—вотъ онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Целую тебя.

№ 21.—Векъ конверта.—Изъ окрестностей Симбирска, отъ 12 сентября.

Село Языкова, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.— Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому забѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ, и отъ Загражскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой Ангелъ — но я все таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страници кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну такъ и быть — дай Богъ тебѣ быть здоровой.—Я радъ что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣсть. Объ И. Н... говорить нечего. Надѣюсь, что свадьба его разстроится. По всему видно что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Въроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцемъ и съ дядей-башмачникомъ дуэля кажется не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его — но ужъ по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень беспокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди сдѣлаешь новыя долги не разплатясь со старыми. Я путешествую кажется съ пользою, но еще не въ мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу приѣхать въ Болдино, и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ — невогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings сороколѣтней, несносной бабѣ съ вошными зубами, и съ ногами въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двести какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ разхвалялъ ея красоту и гений. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и страждаетъ меня перепискою и приѣдомъ къ П. Б., съ чемъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень — и я радъ что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а въ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человека чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ (нимъ) вечеръ, и оста-

ниъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангель женка. Цалую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брѣхата. Кланяюсь Бат. Ив. и брату С.

Пиши мнѣ въ Бодино.

№ 82.—На конвертѣ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановѣ Загражской, въ Сиб., въ Зимнень Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной.—Штемпель: Симбирскъ, 14 сентября.

Симбирскъ, 14. — Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я чтобъ его затравить. На третій станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изво всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что-же? не отѣхалъ я и пяти верстѣ. Гора—лошади не ввезуть—около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ какъ Богъ помогъ—набонецъ вѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ—анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цалую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ до тебя касающемся. Кланяюсь тетеѣ.

№ 83.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Оренбургъ, 19 сентября.

Оренбургъ, 19 сент.—Я здѣсь со вчерашняго дня. На силу дѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду въ андкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дни три—и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.—

Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написать. Да не льзя, мой ангель — взялся за гушъ, не говори что не дюжъ—то есть уѣхалъ писать, такъ пиши-же романъ за романомъ, козму за поемой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находить—я и въ воласкѣ сочиняю, что-жь будетъ въ постелѣ? Одно меня секрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣсть мой холодныя, дорожныя рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня да и только. Свѣтъ-то мой Илю-

лить! Въ стати о Хамовемъ племени: какъ ты ладишь своимъ домоу? боюсь, людей у тебя мало; не наимень-ли ты кого? На женщины надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня беспокоитъ—я мнителенъ какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, жена. Прощай, жена—не жди отъ меня ужъ писемъ, до самой деревни. Цалую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю—и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простибельное путешественнику. Знаешь-ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, жена. Бери съ меня примѣръ.

№ 34.—Тотъ же адрессъ.—Штемпель: Луконьовъ, 4 октября.

2 окт.—Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня—думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова-ли ты? здоровы-ли дѣти? сердце замираетъ какъ подумаешь. Подѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то-ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамопный Атаманъ и козачи приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду—и накормили меня свѣжей игрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ [28 сентября] вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній (годъ) была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратной же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и также озякъ на нихъ какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, жена. Того и гляди забалуешься безъ меня, забудешь меня—извоетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранять тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моею сто-

решил я передъ тобою честь какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волоклися я за одними 70 и 80 лѣтними старухами. А на молоденькихъ в..... шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцовъ, жилъ я еще *bonne fortune*—нашелъ 75 лѣтнюю казачку, которая помнить это время какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виновать и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресеніе приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма—сегодня поведѣльничъ, недѣлю буду его ждать. Прости—оставлю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цалую тебя, жена—будь умна и здорова.

№ 85.—На конвертѣ: М. Г. Наталья Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣннаго моста, въ домѣ Ольгье. — Штемпель: Лукояновъ, 10 октября.

Мой Ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять *из Арзамасскаго уѣзда*; а то чего добраго: въ Нижегород. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово; такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня беспокоятъ: то что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатую. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу что ты здорова, что Манька и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не страшай меня, жена, не говори что ты изкокетничалась; я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мѣль. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спать. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пуг(ачевѣ), а стихи пока еще спать. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячь 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ, и заживемъ прищѣвючи. Очень благодарю за новости и за сметни. Коли увидишь Жуковскаго, поцалуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и збѣдою; каково его здоровье? напиши. Карамзиннымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьи Николаевнѣ объясни, что если я не былъ въ нимѣ въ Дерить, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишицахъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, поларая все приѣхать. Ждѣлъ что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣдки въ Германію; Б.....ъ умно дѣлаетъ, что женится на в. Х.....ой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хо-

зайство, не ждали волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіи стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ, и не сардись на Нащокина: слава Богу что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; ялюнь да и тольво. Что такое 50 р. присланныя тебѣ моимъ отцемъ? ужь не проценты-ли 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго? Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во первыхъ деньги, а во вторыхъ свободное время. А у меня ни того ни другаго. Какова Краевская? не даромъ Отрѣжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть бессмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фивельмоны приѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то мой Ангель, удадутся тебѣ балы? Прощай, душа. Я что то сегодня не очень здоровъ. Животики болитъ, какъ у Александрова. Цалую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетьку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.—8 окт.

№ 36.—Тотъ же адресъ.—Штенпель: станція Абрамово, 11 октября.

Мой Ангель, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ из моего приязду велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое ? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не страдай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ Ц., ни съ женихомъ вняжны Любы. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь что Смирдинъ акуратень. На дняхъ пришло ему стиховъ.—Знаешь-ли что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ слаотнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаганъ, другой, третій—и ужь начнетъ писать!—Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла не только лицомъ да и фигурой. Чего тебѣ больше. Прости, цалую васъ и благословляю. Теткѣ цалую ручку. Говорить-ли Маша? ходить-ли? что зубки? Сапѣ подвистываю.—Прощай.—11 окт.

№ 87.—Тотъ же адрессъ, съ той же станціи, 25 октября.

Получилъ сегодня письмо твое отъ 4-го окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресенье не получилъ отъ тебя письма, и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что и не вспомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличиться на нынѣшнихъ балахъ. Видно Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна ни покрывки! советничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности повѣденія, которое относится не къ *тому*, а къ чему то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, жена, соперничать съ гр. С... — Ты красавица, ты бойбаба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кнстеньевскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскія. Книгинѣ В. скажи, что напрасно она беспокоится о портретѣ Вателя и что *съ этой стороны* честное мое повѣденіе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ, я поставлю его портретъ *сзади* всѣхъ другихъ. Къ стати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова недержала; поспѣй ей отъ меня. Жуковскаго и Вельгорскаго вѣроятно ты уже видѣла. Что Ж.? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ Правда-ли? Чтожь ты хотѣла женить его на К. Н.? и что К. Н., будетъ въ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресенье вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для *ratés de foie gras*, и который для того затѣваетъ Альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о отвѣтахъ (что я говорю *просьбы*: приванія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы!—а каковъ Сапша рыжій? Да въ кого то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю гнѣвно, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ что со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Приѣду оживиться твоею молодостию, мой Ангель. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустими руками явиться, взялся за гузъ, не скажу что не дюжь. А ты не брани меня. Благодарю мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цалую ей ручки и прошу,

ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей.— Машку, Сашку рыжаго и тебя цалую и крещу. Госнадъ съ вами.— Прощай, спать хочу.— 21 октября, Болдино.

№ 88.—Безъ конверта.—Изъ Болдина, отъ 20 октября.

Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, епасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты кажется не путемъ кокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься что за тобою, , бѣгаютъ ; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьи Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостныхъ шаромыжниковъ; Вотъ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ.* Къ чему тебѣ принимать мушкетъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Оомѣ и Кузьмѣ. Оома назормила Кузьму, иерой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Оома не далъ. Кузьма и прибилъ Оому какъ какалю. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее правоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало; и благодарю за то что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою беззвучную жизнь. Гуляй, жена; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой в... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Олиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которыя, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись.— Да, Ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пущаешься; но ты знаешь какъ я не люблю все что пахнетъ московской барышнею, все что не сомме il faut, все что vulgaire.... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой, аристократическій тонъ измѣнился; разведусь, вотъ те Христось, и пойду въ солдаты съ геря. Ты спрашиваешь какъ я живу и покорощь ли я? Во первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; *усъ да борода—малодцу махала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ.* 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно равнисался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ, да

грешневой кашей. До 9 часовъ—читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердит(ь)ся: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не поналъ на Дерптъ. Кланяюсь ей; Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и княжнамъ Вяз(емскимъ). Политикѣ скажи, что за ея поцалуемъ явлюсь лично, а что де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христе съ вами.—Благословляю и цалую васъ.—80 окт.

№ 39.—Прежній адресъ, съ той же станціи, 8 ноября.

Болдино, 6 ноября.—Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню что я тебѣ писалъ. Помнится я былъ немножко сердитъ, и кажется письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ въ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; в...., у которой переняла ты прическу [NB: ты очень должна быть короша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью] Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердець. Подумай объ этомъ хорошенько и не безповой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка; чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здорье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ неразлучнымъ съ жизнію мушны, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c.—не говоря объ с....., о коемъ прочель я на дняхъ цѣлую диссертацию въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ также неспособенъ какъ и въ военной, но у него по крайней мѣрѣ здоровая и на сѣдлѣ онъ все таки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь,

да до него доберемся—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говорить у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ сохвѣую ему быть баалуши, занятіе приятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но онека такъ ограбила его, что нельзя и подумать; развѣ не заступится-ли Бенкендорфъ: попробую приѣхавъ въ П. Б.—При семъ письмо къ отцу—вѣроятно уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стихмовъ много, но не разглашай этого: а то альманашики заѣдятъ меня. Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя Сашку, и Машку; цалую Машку—и такъ далѣе, до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя въ тетиннымъ имянникамъ. Да Богъ вѣсть.

Пушкинъ возвратился домой только 28 ноября, и провелъ всю зиму съ 1833 г. на 1834 г. въ Петербургѣ, занятый изданіемъ своей „Исторіи Пугачевского бунта“.

ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЬХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КВАШНИНЪ — помѣщикъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА — его жена.

ОЛЬГА—23-хъ лѣтъ }
РАИСА—19-ти лѣтъ } ихъ дочери.

ОРЕСТЪ — гимназистъ, сынъ Квашиныхъ.

СКВОРЦОВЪ — кандидатъ университета, учитель Ореста, во время каникулъ.

АРКАДІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛЫНОВЪ.

АРДАЛЬОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КОВЫРНЕВЪ — мелководный дворянинъ.

АНДРЕВНА — нянька дѣтей Квашиныхъ.

ПАВЕЛЪ — слуга въ домѣ Квашиныхъ.

САША — дворовая дѣвочка.

АЛЕКЪЕВЪ — частный повѣренный.

СТАНОВОЙ ПРИСТАВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Квашиныхъ, въ одной изъ
отдаленныхъ губерній.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ помѣщичьемъ домѣ, средней руки.

ОРЕСТЬ — осторожно входитъ, озирается и
пробирается къ окну; смот-
реть въ него.

Такъ и есть: опять съ Раисой!.. Меня за книгу, а самъ по
амурнымъ дѣламъ... Врешь, братъ, я самъ не дуракъ: такъ я и
сталъ сидѣть да зубрить, пока вы изволите нѣжности разпусать...
Вишь ты, ораторствуетъ какъ... — доказываетъ что-то... Вона сюда
идуть... Ну, что же, милости просимъ, а я на-утекъ (*убѣгаетъ*).

Входить РАИСА и СКВОРЦОВЪ.

РАИСА.

Что за вздоръ вы говорите... Для чего это я буду работать,
трудиться, когда у меня есть состояніе, есть прислуга: я могу
приказать, нанять, заплатить и для меня все сдѣлають?..

СКВОРЦОВЪ.

Да вѣдь дѣло дѣлу рознь... Я не говорю, чтобы вы непре-
мѣнно взялись за черную работу... за работу вашихъ слугъ...
Для всякаго есть свое дѣло... Есть оно и для богатыхъ людей.

РАИСА.

Напримѣръ?

СКВОРЦОВЪ.

Напримѣръ, хоть искусства, наука... Я уже не иду далѣе.

РАИСА.

Для искусства нужны таланты, которыхъ у меня нѣтъ; для
науки — знанія, которыхъ я тоже не имѣю...

СКВОРЦОВЪ.

Знанія приобрѣтаются... Въ приобрѣтеніи-то ихъ и заклю-
чается трудъ...

РАИСА.

Да, во-первыхъ, это очень долго и скучно... во-вторыхъ, —
для меня и не нужно: я и безъ знаній могу прожить... Сколько
я понимаю, — учатся для того, чтобы посредствомъ знаній добы-
вать деньги: вотъ какъ и вы, напримѣръ... Выучитесь, поступите
на службу и будете получать жалованье за ваши знанія... Да и
теперь вы, вотъ, у насъ учителемъ и вамъ платять... за что же? —
за знанія, за науку... Вотъ вы и трудитесь, работаете, читаете
ваши книжки, а все для чего? — чтобы получать деньги: одна

дѣль... А мнѣ этого не нужно... Да, наконецъ, наука—это не женское дѣло... Это не назначеніе женщины...

СКВОРЦОВЪ.

А интересно бы знать, что вы считаете назначеніемъ женщины.

РАЙСА.

Это нисколько не интересно, потому что извѣстно всѣмъ и каждому, и я думаю такъ же, какъ другія...

СКВОРЦОВЪ.

Однако?

РАЙСА.

Да очень просто: назначеніе женщины—быть хорошей матерью, доброй женой, заниматься дѣтьми, воспитывать ихъ...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, а если замужъ не выйдете?

РАЙСА.

Я выйду... У меня все есть для этого: и состояніе, и... я не дурна...

СКВОРЦОВЪ.

Выйдете за перваго встрѣчнаго, кто посватается, безъ любви, безъ твердаго сознанія, что женихъ хорошій, честный человѣкъ, искренно любящій васъ?..

РАЙСА.

Зачѣмъ? Я выйду съ выборомъ... Я еще молода: успѣю вы-
брать...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, а предположите случайность, что, несмотря на всѣ ваши достоинства, вы не встрѣтите такого человѣка, котораго бы вы полюбили и который бы васъ стѣбилъ,—тогда вы что будете дѣ-
лать? тогда вы въ чемъ найдете ваше назначеніе?

РАЙСА.

Дѣлать все-таки ничего не буду, а буду жить, веселиться, выѣзжать, заведу хорошій кругъ знакомыхъ... А состарѣюсь, тогда буду въ карты играть, табакъ нюхать, сплетничать...
(смѣется).

СКВОРЦОВЪ.

И это жизнь, и это вы называете назначеніемъ человѣка?

РАЙСА.

Да, впрочемъ, этого быть никогда не можетъ, чтобы я оста-
лась въ дѣвушкахъ... Здѣсь, правда, трудно найти жениха,—

такіе все уроды... А мы поѣдемъ непременно въ Петербургъ... Сестра этого хочеть и навѣрно добьется: она чего захочеть, такъ ужъ сдѣлаетъ,—переуправить и папу, и маму... А въ дѣвушкахъ я ни за-что не останусь... Сестра Оля на четыре только года старше меня, а говоритъ, что нѣтъ жизни хуже дѣвической, что лучше—хоть за кого-нибудь—да выдти... Да и я сама вижу, какова стала сестра: капризная, ни чѣмъ недовольная, во всѣмъ придирается, все ей скучно... Впрочемъ, это, можетъ быть, и оттого, что здѣсь живемъ,—въ деревнѣ, въ глуши, безъ порядочныхъ людей...

СВВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, это не отъ деревни и не оттого, что она до сихъ поръ замужъ не вышла, а отъ скуки,—а скука оттого, что ничего не дѣлаетъ, и не умѣетъ дѣлать...

РАЙСА.

Да полноте вы съ вашимъ дѣломъ: не рубашки же намъ шить, въ самомъ-дѣлѣ, или не чулки же вязать... Куда какъ весело, — вотъ тоже развлеченіе отъ скуки!.. Или опять вы съ вашими искусствами да науками,—такъ ужъ мы говорили объ этомъ... Здѣсь по-неволѣ соскучишься... Книгъ порядочныхъ,—и тѣхъ не достанешь... Не отъ деревни!—Нѣтъ, отъ деревни вся эта тоска... Нѣтъ, вы, въ самомъ-дѣлѣ, не умничайте: оставьте всѣ ваши ученые разговоры, а подумайте, войдите въ наше положеніе... Ну, что вы улыбаются?.. Можете вы просто, по-человѣчески разсуждать, безъ умничанья вашего,—такъ я буду говорить, а не можете,—убирайтесь, я и говорить не хочу...

СВВОРЦОВЪ.

Да извольте, извольте... Не гнѣвайтесь: постараюсь, по-человѣчески...

РАЙСА.

Ну, вѣдь, вотъ вы знаете уже нашу жизнь... Что это за жизнь?.. Въ городѣ театры, собранія, концерты, гулянья, выѣзды, можно большой кругъ знакомыхъ завести... А здѣсь что? Папа либо съ рабочими да съ прикащикомъ бранится,—либо о противномъ этомъ хозяйствѣ разговариваетъ; мамаша только и толкуеть, что дѣвушкамъ нужно за работой сидѣть, въ пальцахъ вышивать, чай разливать, за хозяйствомъ наблюдать; пріѣдутъ сосѣди,—только и слышишь: конны да четверики, коровы да лошади, овесъ да навозъ... Ну, какъ тутъ съ-ума не сойти?.. По-неволѣ скучаешь... Ну, разсудите: жизнь это, настоящая?

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, не настоящая... И не жизнь, а прозябаніе...

РАИСА.

Ну, вотъ видите: а вы говорите...

СКВОРЦОВЪ.

Что я говорю?

РАИСА.

Да, конечно, глупости: работать, трудиться нужно...

СКВОРЦОВЪ — смѣется.

Спасибо, хоть откровенно...

РАИСА.

Да ужъ не взыщите, — опять повторю: глупости... Какой тутъ трудъ, какая работа... Намъ развлеченье нужно, веселье, общество... Вотъ что намъ нужно... Слышите?

СКВОРЦОВЪ.

Слышу, слышу...

РАИСА.

И понимаете?

СКВОРЦОВЪ.

Кажется.

РАИСА.

Ну, и вотъ, если бы вы были порядочный человѣкъ, такъ вмѣсто того, чтобы эти проповѣди читать: какъ нужно трудиться, да работать, вы бы пристали къ намъ съ сестрой и доказывали бы родителямъ, что намъ необходимо въ Петербургъ ѣхать...

СКВОРЦОВЪ.

Неужели вы думаете, что Петербургъ, въ самомъ дѣлѣ, вполне удовлетворить васъ, если вы будете вести въ немъ такую же недѣльную жизнь...

РАИСА.

Ахъ, отстаньте, надоѣли...

СКВОРЦОВЪ.

Право, и тамъ соскучитесь: повѣрьте, что всѣ эти городскія удовольствія очень однообразны и скоро надоѣдаютъ.

РАИСА.

Только не мнѣ...

СКВОРЦОВЪ.

И вамъ такъ же, какъ другимъ... займутъ только на первое время, а потомъ тоже надоѣдаютъ, и снова заскучаете.

РАЙСА.

Ну, ужь не уминяйте: я лучше знаю себя...

СКВОРЦОВЪ — улыбается.

Да, вотъ развѣ жьли жениховъ будетъ удачна... А въ противномъ случаѣ, безъ дѣла, и тамъ будетъ скучно... А если бы вы увидѣли, какая тамъ, въ столицѣ, есть бѣдность, нищета и голодь, то, ружась, при вашемъ добромъ, воспріимчивомъ сердцѣ, вамъ будетъ совѣстно выдать бездѣльво деньги и отдавать ихъ и все ваше время одному веселью и развлеченіямъ... Если бы вы увидѣли городское горе...

РАЙСА.

Ну, опять зафантазировали!.. И что у васъ за страсть распускать эти фантазіи на мой счетъ... И совсѣмъ вы меня не знаете: нѣтъ совсѣмъ у меня такого добраго, воспріимчиваго сердца... И совсѣмъ я не хочу знать и сочувствовать вашимъ бѣднымъ и несчастнымъ... И думать о нихъ никогда не желала, а хочу только одного: веселиться и веселиться... Я совсѣмъ не такая, какъ вы думаете... Я эгоистка и очень этимъ довольна...

СКВОРЦОВЪ.

А какъ эта эгоистка, потихоньку отъ своихъ родителей, отдаетъ всѣ свои деньги женѣ пьяницы работника, котораго прогнали безъ расчета?

РАЙСА.

Это не ваше дѣло.

СКВОРЦОВЪ.

А какъ эта безсердечная особа расплакалась, когда при ней....

РАЙСА — топнувъ ножкой.

Отстаньте, говорить... Васъ не спрашиваютъ...

Входитъ ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

Боже мой, какой оживленный разговоръ!.. О чемъ это?..

Садится въ сторону.

СКВОРЦОВЪ — приподнимаясь съ мѣста и собираясь уходить.

О безсердечіи и эгоизмѣ людскомъ...

Улыбается, смотря на Райсу.

ОЛЬГА.

Вы, вѣроятно, упрекали въ этомъ Рай, а она доказывала, что очень способна сочувствовать и понимать страданія другого?..

СКВОРЦОВЪ — улыбаясь и смотря на Раису.

Да, нѣчто въ этомъ родѣ...

Хочеть уйти.

ОЛЬГА.

Я такъ и думала: Раичка очень чувствительна и очень скоро отзывается на всякое, даже притворное, чувство... Даже способна навязываться съ своимъ сочувствіемъ!.. Куда же вы уходите?.. Можетъ быть, вы не кончили, и я вамъ помѣшала?.. Я не хотѣла нарушать вашей бесѣды...

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ-съ, мы почти кончили... Да и разговоръ-то былъ такой, который можно всегда продолжать, даже безъ конца... А я вспомнилъ, что надо освѣдомиться о своемъ воспитанникѣ: что онъ подѣлываетъ...

ОЛЬГА.

Да, это бы не мѣшало немножко пораньше, а теперь, я думаю, вы его не найдете... Я только-что видѣла изъ сада, какъ онъ ввалился въ телѣгу къ двумъ крестьянскимъ женщинамъ... какъ-то очень неприлично обращался съ ними, отнял у нихъ возжи, нахлесталъ лошадь — и съ хохотомъ, съ визгомъ, ускочилъ куда-то... Я и шла вамъ сказать объ этомъ...

СКВОРЦОВЪ — пожимая плечами.

Да, юноша, нечего сказать!.. Очень вамъ благодаренъ за сообщеніе... Пойду его розыскивать и вразумлять, хотя исправленіе его нравственности, по-настоящему, и не составляетъ моей обязанности...

Уходить.

РАИСА — по уходѣ Скворцова.

Оля, что это ты за намеки дѣлала на мой счетъ?

ОЛЬГА.

Какіе намеки?

РАИСА.

Какъ же? О моемъ сочувствіи, чувствительности, навязчивости...

ОЛЬГА.

Развѣ это неправда?

РАИСА.

Кому же я навязываюсь?..

ОЛЬГА.

Да даже вотъ и этому учителюшкѣ... Развѣ я не вижу, какъ ты передъ нимъ кокетничаешь, гримасничаешь... Что это за го-

рячія уединенныя бесѣды, что—ты его на объясненія, что ли, вызывала?..

РАИСА — съ сдержаннымъ раздраженіемъ.

Да... разумѣется... что же можетъ быть другое?..

ОЛЬГА.

Ты, пожалуйста, не гримасничай хоть со мной-то: я очень хорошо тебя понимаю...

РАИСА.

И понимать тутъ нечего: дѣвушка цѣлыхъ полчаса разговаривала съ мужчиной: о чемъ же больше, какъ не о любви?.. Кто-нибудь да объяснялся: либо онъ, либо она!..

ОЛЬГА.

Пожалуйста, не ломайся и не разыгрывай роли: ты очень много о себѣ воображаешь, а тутъ совсѣмъ не большая честь и слава: заставить за собой ухаживать какого-нибудь учителя, которому жалованье платять, какъ лакею... Пожалуйста, не воображай о себѣ, никого не удивишь...

РАИСА.

Я нисколько не воображаю и не думаю удивлять, я, напротивъ, стараюсь только подражать старшей сестрѣ...

ОЛЬГА.

Это что еще такое?

РАИСА.

Ничего: ты старалась, чтобы учитель ухаживалъ за тобой, только онъ не захотѣлъ... Теперь я стараюсь, чтобы онъ ухаживалъ за мной.

ОЛЬГА.

Это онъ тебѣ смѣлъ сказать про меня?

РАИСА.

И не думалъ: это я сама видѣла.

ОЛЬГА.

Когда же это было, когда?

РАИСА.

Очень недавно, можетъ быть, даже и теперь, оттого ты и сердилась, что онъ со мной наединѣ разговариваетъ...

ОЛЬГА.

Какая ты гадкая, Раиса, какая ты неблагогородная! Какъ у тебя языкъ ворочается говорить это про сестру...

РАИСА.

За что же ты бранишься: вѣдь, не я начала первая упрекать, а ты?

ОЛЬГА.

Ты воображаешь, кажется, что ты красавица, и всѣхъ можешь побѣждать...

РАИСА.

Что же? Я знаю, что я не дурна...

ОЛЬГА.

Удивительно, просто красавица! это онъ тебя, что ли, увѣрялъ?..

РАИСА.

Можетъ быть, и не только онъ... А тебя увѣрялъ ли кто?

ОЛЬГА — со злобой и чуть не со слезами.

А ужъ это совсѣмъ безстыдно, это гнусно, гадво: поддразнивать старшую сестру, что родилась красивѣе ея.

РАИСА.

Я бы не поддразнивала, Оля, но вѣдь ты сама начала: ты первая начала меня дразнить, что я гримасничаю съ учителемъ и стараюсь его влюбить въ себя... А мы разговаривали такъ, просто: о деревнѣ, о Петербургѣ... все спорили...

ОЛЬГА.

Да ужъ ты меня не увѣрай: ужъ я вижу, что онъ тебѣ нравится.

РАИСА.

Такъ что же?

ОЛЬГА.

Ну, только и есть. Не думаете ли вы себѣ съ нимъ партію блестящую устроить? что же? съ Богомъ, я не завидую... (*Саркастически*) Учительша!.. Съ Богомъ!..

РАИСА.

Вотъ ты какая, Оля: мнѣ только-что было-стало жалко тебя, что я тебя обидѣла, а ты опять задираешь... Ну, вѣдь, ужъ знаешь меня: вѣдь, ужъ я не поддамся!.. Ни въ одномъ словѣ тебѣ не уступлю, коли ты такъ начнешь!.. Ну, да, учительша буду!.. За мной, вотъ, хоть учитель ухаживаетъ, а за тобой никто...

ОЛЬГА.

Никогда этого не будетъ, чтобы онъ сталъ за тобой ухаживать: не воображай! Онъ просто насмѣхается надъ тобой, какъ надъ глупой дѣвчонкой... Да и онъ знаетъ, что если бы онъ

только осмѣлился это возмечтать, такъ его завтра же въ нашемъ домѣ не будетъ, завтра же его выгонять...

РАИСА.

Это ты, что ли, будешь вымещать свою досаду, что онъ пренебрегъ тобой?..

ОЛЬГА.

Да ужь, пожалуй, что хочешь говори, а только предупреждаю тебя, что если я хоть что-нибудь замѣчу между вами, дамъ тебѣ слово: на другой же день его въ нашемъ домѣ не будетъ, потому что ни я, ни мамаша, не захотимъ, чтобы компрометтировалась наша фамилія.

РАИСА.

Ахъ, Боже мой, какая нравственная!.. Да успокойся, пожалуйста, у меня и въ помышленіи-то ничего нѣтъ, я совершенно къ нему равнодушна, болтаю такъ съ нимъ, отъ скуки... А вотъ кто любовныя-то слова въ его книгахъ и ногтемъ и карандашемъ отмѣчалъ?.. Кто стихи-то на бумажкахъ писалъ, да подъ подушку ему влалъ?.. Кто въ саду-то по вечерамъ въ темной аллеѣ въ одной кофточкѣ съ нимъ встрѣчался?.. Это, я думаю, хуже можетъ свомпрометтировать нашу фамилію: какъ ты думаешь?

ОЛЬГА.

Никогда этого не бывало...

РАИСА.

Никогда не бывало!.. Нѣтъ, было... Я своими глазами видѣла...

ОЛЬГА.

Фискалка гнусная!.. Какъ хорошо: ходить, фискалить... Ну, фискаль, рассказывай: боюсь, что ли, я кого?.. Ты не воображаешь ли, что я его себѣ въ женихи прочу?.. Ужъ слишкомъ низко ты обо мнѣ думаешь... Просто, онъ за мной ухаживалъ, а ты этого видѣть не можешь... Я тебя знаю!.. Кто бы только ни обратилъ на меня вниманіе, ты всегда... всегда начинаешь передъ тѣмъ кокетничать, гримасничать... Ты какъ будто задачу себѣ задала, во что бы то ни стало, не дать мнѣ выдти за-мужъ, пока сама не выйдешь... Ну, такъ знай же: тебѣ не удастся выдти прежде меня, никогда, никогда!.. Ужъ лучше же обѣ въ дѣвкахъ останемся, а смѣяться тебѣ надъ собой я не позволю...

Плачетъ.

РАИСА.

Да полно, Оля... Ну, неужто ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, что этотъ учитель такъ мнѣ нуженъ... Возьми ты его себѣ съ

Богомъ... Я, пожалуй, и говорить съ нимъ не стану совсѣмъ...
Перестань же, Оля...

ОЛЬГА.

Да, не станешь!.. Только увѣряешь, а сама... потихоньку...

РАИСА.

Ну, клянусь тебѣ, онъ мнѣ совсѣмъ, не особенно нравится...
Такъ, только-что неглушь...

ОЛЬГА.

Ну, Рая, душенька, ну—признайся мнѣ, какъ передъ Богомъ:
вѣдь онъ объяснялся тебѣ?..

РАИСА.

Да ей-Богу же нѣтъ... Онъ только умничааетъ, да наставле-
нія читаетъ... И развѣ онъ не понимаетъ, что онъ не можетъ
быть моимъ женихомъ... Онъ не посмѣетъ этого и подумать!..

ОЛЬГА.

Охъ, очень посмѣетъ... Онъ очень много о себѣ думаетъ!..
Онъ и самъ не подумаетъ жениться на тебѣ, а такъ только,
чтобы увлечь тебя, погубить, а послѣ смѣяться... Ты не спорь:
я знаю и понимаю его хорошо... Ну, Рая, признайся: вѣдь,
онъ бралъ тебя за руку, пожималъ?..

РАИСА.

Да, когда здоровался: и тебѣ тоже, и мамѣ, всѣмъ...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, да не такъ, а особенно... вдругъ, въ разговорѣ!.. И
не смотрѣлъ на тебя при этомъ такъ... особенно... со страстью?..
Ну, знаешь какъ...

РАИСА.

Ахъ, отстань, Оля, даже противно слушать: говорить тебѣ:
нѣтъ...

ОЛЬГА.

Ну скажи, ради Бога, скажи еще: не говорилъ онъ, что
онъ страдаетъ, тоскуетъ, что онъ несчастливъ, что у него есть
горе, которое онъ никому, никому не скажетъ, кромѣ одного
человѣка?..

Раиса, смотря на сестру, хохочетъ.

ОЛЬГА.

А, ты смѣешься... Значить: говорилъ, говорилъ... Я уличила
тебя!.. Онъ изъяснялся тебѣ...

РАИСА — прислушиваясь.

Оля, да перестань: вонъ кто-то идетъ сюда, разговариваютъ...

Кажется, онъ самъ и идетъ, Скворцовъ... Успокойся, не хорошо!..

Входитъ СКВОРЦОВЪ, ведя за руку ОРЕСТА.

СКВОРЦОВЪ — входя.

Барышни, не вразумите ли хоть вы этого юношу, что такъ вести себя, какъ онъ, совсѣмъ не хорошо и неприлично... Я засталъ его въ цѣлой толпѣ крестьяночекъ, отругивающимся отъ мужиковъ, которые срамили его за тѣ безобразія, какія онъ позволяеть себѣ публично, среди бѣлаго дня... На мои слова онъ не обращаетъ вниманія, говоритъ, что это не мое дѣло, да оно и справедливо... Но мнѣ жалко его братьевъ: онъ имъ подаетъ отвратительный примѣръ... Онъ и ихъ испортить... Вѣдь если бы я не попалъ во-время, мужики, пожалуй бы, изувѣчили его...

ОРЕСТЬ.

Да, удастся!.. Я имъ давно сказалъ: кто тронетъ, изъ-за угла послѣ застрѣлю... либо подожгу... Они меня боятся!.. Это вы трусы: боитесь всего...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, послушайте, на что это похоже?.. Поговорите съ нимъ, усовѣстите его.... Это, вѣдь, невозможно!.. Если такъ будетъ продолжаться, я не вынесу, откажусь—и уѣду.. Обратился-было къ родителямъ, такъ папаша только хохочетъ, говоритъ, что изъ него бравый военный выйдетъ, а мамаша оправдываетъ: что, дескать, съ ребенка взять, глупъ еще, не понимаетъ... Да когда и попадуть ему, коли не теперь?... А у этого ребеночка борода ужъ показалась... Семнадцать лѣтъ юношѣ, а онъ еще въ четвертомъ классѣ, да и не перейдетъ, если такъ будетъ заниматься, какъ до сихъ поръ.... Я васъ предупреждаю.... Исключать изъ гимназіи непременно... И вѣдь что дѣлаетъ, если бы все вамъ рассказать... Это возмутительно!..

РАЙСА.

Какъ же тебѣ не стыдно, Орестъ... Вѣдь...

ОРЕСТЬ.

Да что я такое особенное дѣлаю? Что вы привязываетесь, Борисъ Ниволанчъ?.. Я все дѣлаю, что вы заставляете... Каждый день больше двухъ часовъ вы меня морите... Чего вамъ еще отъ меня нужно?... Васъ наняли подготовить меня къ переходному экзамену, ну, вы и приготавливаете... А что вы фискалите, бѣгаете за мной, да подсматриваете, что я дѣлаю... У насъ въ гимназіи ученики постыдились бы фискальничать-то, а вы

еще важничаете, что изъ университета... Хорошо университетскій!.. У насъ бы какъ васъ вздули за это...

СКВОРЦОВЪ — обращаясь преимущественно къ Рансѣ.

Ну, слышите... Что же я могу тутъ сдѣлать?.. Я откажусь!.. Конечно, я не бралъ на себя быть его гувернеромъ и исправлять его нравственность... Богъ съ нимъ, пускай бы оставался такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, какъ нравится его родителямъ.. Но вѣдь занятія-то наши при этомъ идутъ плохо: ему надо бы съ утра до вечера заниматься всю вакацію—и то онъ едва ли бы приготовился, а такъ, по два часа въ сутки, мы не далеко уйдемъ, особенно, если и въ эти два часа мы думаемъ совсѣмъ о другомъ...

ОЛЬГА.

Борисъ Николаичъ, такъ вы заставьте его цѣлый день сидѣть за книгой: пускай учится...

ОРЕСТЬ.

Не хочешь ли—посиди сама... а я еще не намѣренъ!.. Мама при мнѣ его нанимала и условливалась, чтобы я каждый день учился часъ или два, а онъ еще иногда по три держать...

ОЛЬГА.

Да, вѣдь, это для твоей же пользы, Орестъ... Какъ ты не понимаешь?... Вѣдь, тебя не переведутъ, изъ гимназіи исключать... Вѣдь ужъ ты великъ, тебѣ стыдно такъ себя вести!.. Пора о себѣ подумать!.. Пойми, что, вѣдь, если говорятъ, такъ тебѣ же добра желаютъ...

ОРЕСТЬ.

А очень васъ просятъ!.. Думайте сами о себѣ...

РАИСА.

Да что же изъ тебя будетъ, если тебя изъ гимназіи выгонятъ... Куда ты дѣнешься?... Вѣдь, ты совсѣмъ пропадешь...

ОРЕСТЬ.

Не пропади сама, а я не пропаду...

РАИСА.

Ну, да что же ты будешь дѣлать тогда?

ОРЕСТЬ.

Это ужъ мое дѣло... Исключать!.. Экая важность большая!.. Чортъ бы ее побралъ и гимназію-то... Надоѣла она мнѣ до смерти... Проклятая!.. Хоть бы сгорѣла, что ли... Слава Богу—я шесть лѣтъ въ ней: не цѣлый же вѣкъ сидѣть... Все равно въ ней не останусь, если и переведутъ нынче...

СКВОРЦОВЪ.

Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ не сказали объ этомъ раньше вашимъ родителямъ? Не для чего было тогда и меня приглашать... А вы теперь поставили и меня, и вашихъ родителей, въ самое фальшивое положеніе... Впрочемъ, тутъ нечего много говорить... *(Обращаясь къ Ольгѣ и Раисѣ)* Будьте добры, переговорите съ вашими родителями, расскажите имъ все, что вы слышали, и если они не найдутъ средствъ образумить вашего брата и не заставятъ его заниматься, какъ слѣдуетъ, то я отказываюсь и долженъ буду уѣхать отсюда... Это невозможный господинъ!..

Пожимаетъ плечами и уходитъ.

ОЛЬГА.

Ты слышишь, безсовѣстный... Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ же было и учителя нанимать, и деньги тратить, — если ты не хочешь учиться!..

ОРЕСТЬ.

Такъ что же: вамъ же лучше, что его нанимали: не для одного меня, онъ и для васъ былъ занятіе: одна за нимъ бѣгаетъ, а за другой онъ самъ.

Хочочеть.

ОЛЬГА— строго.

Что? что?

ОРЕСТЬ— хочочеть.

Ничего!.. Проѣхали съ орѣхами, проскакали съ пирогами...

ОЛЬГА.

Ахъ, какой ты негодяй, мерзкій мальчишка.... отвратительный!..

ОРЕСТЬ — продолжая смѣяться.

Что? не любишь?.. Видно въ жилку попалъ... Вы думаете, я ничего не вижу? Все вижу... Меня не проведете...

ОЛЬГА.

Кто же, кто за нимъ бѣгаетъ?.. Ну, скажи кто?

ОРЕСТЬ.

Кто?.. Да ты... А онъ за Райкой пріударяетъ... Ха, ха, ха... А тебѣ—носъ!.. Вотъ!.. что, не правда, что ли?.. Правда, правда!..

Хочочеть.

ОЛЬГА.

Да какъ ты смѣешь это говорить? Ты понимаешь ли, что ты говоришь и про кого?—про сестеръ своихъ...

Входитъ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и вслѣдъ за ней КОВЫРНЕВЪ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—входя.

Чтой-то, это онъ какъ хохочетъ весело... А-га, да и всѣ вмѣстѣ, въ кучѣ... Вотъ люблю, какъ всѣ-то вмѣстѣ, дружны, веселы, безъ ссоры, безъ споровъ безъ всякихъ... хохочутъ, смѣются... Вотъ все бы такъ... (*Садится*) Ухъ, батюшки, жаряща какая сегодня...

ОЛЬГА.

Да, очень дружны, очень веселы!.. Нечего сказать!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ай, да ты, Оля, сердита... А я-то пла—радовалась... Слышу, хохочутъ... Вотъ, молю, слава-Богу—веселятся мои!.. А я, вѣдь, кого вела-то къ вамъ... (*Оглядывается*) Что нейдешь?.. иди!.. Небось, передъ зеркаломъ парадится тоже..

Въ дверяхъ показывается КОВЫРНЕВЪ.

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, матушка, намъ нельзя не въ порядкѣ.

ОРЕСТЬ—всакивая.

А—а, дворянинъ Ковырневъ!.. Ангелъ мой, дворянская кошечка!..

Бросается къ нему, схватываетъ и начинаетъ вертѣться вмѣстѣ съ нимъ по комнатѣ.

КОВЫРНЕВЪ.

Позвольте, ангелъ мой, позвольте... (*Старается освободиться изъ рукъ Ореста*) Чтой-то, да дайте же поздороваться-то... съ сестрицами-то...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—смѣясь.

Будеть, Орестъ, будетъ, перестань... Закружишь ты его со-сѣмъ, онъ все и забудетъ, а онъ съ дѣломъ—сегодня...

КОВЫРНЕВЪ. . .

Закружилъ и есть... Ахъ, ангелъ мой, такъ въ круги голова и пошла... Ужъ силенъ ты, Орестъ Алексѣвичъ, ужъ сказать—въ силы силенъ!..

ОРЕСТЬ.

Ужъ очень я тебѣ обрадовался... Здравствуй!..

КОВЫРНЕВЪ.

Здравствуйте, ангелъ мой... Вотъ съ барышнями-то... Ольга Алексѣевна... Раиса Алексѣевна...

Подходить къ ручѣ ихъ.

РАИСА.

Ахъ Боже мой, отъ тебя, Ковырневъ, сегодня духами пахнетъ, а не масломъ скоромнымъ... Чтò это значить?

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, ангель мой, вотъ и отъ насъ духами запахло...

ОРЕСТЬ.

Да онъ и нарядный сегодня какой... Фу ты... и воротнички выставилъ...

КОВЫРНЕВЪ.

А вы какъ полагаете, ангель мой... Потому прямо изъ гостей, изъ хорошихъ гостей... отъ людей стоящихъ!.. Ты не думай, ангель мой, Ковырнева вездѣ привѣчаютъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты погоди, Орестъ, не сбивай его: я его нарочно къ барышнямъ вела.... Пускай онъ при нихъ все разскажетъ.... Ну, Ардальонъ Михайловичъ, садись, да разсказывай опять сначала... Ужь теперъ для барышень... Да по порядку...

КОВЫРНЕВЪ—взглядывая на Ореста.

А гдѣ же, Алексѣй Михайловичъ? не повѣстить ли бы намъ и его, что гость, молъ, скоро будетъ?.. Вотъ бы Орестъ Алексѣичъ, потрудился бы, побезпокоился...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И то правда. Орестинька, поди-ка разыщи папашу да скажи, что къ намъ скоро гость будетъ петербургскій...

ОЛЬГА и РАЙСА.

Какой гость петербургскій?

КОВЫРНЕВЪ.

Новый самый, прямо изъ Питера... Да ты, Орестъ Алексѣичъ, пойдешь, такъ погляди-ка, на какомъ я жеребцѣ пріѣхалъ...

ОРЕСТЬ.

Купилъ, что ли?

КОВЫРНЕВЪ.

Ну нѣтъ, не по моей бѣдности этакихъ жеребцовъ заводить... У меня домъ-то весь продай, такъ не купишь такого... А это жеребецъ того самаго гостя, что сейчасъ слѣдомъ за мной пріѣдетъ...

ОРЕСТЬ.

Да кто такой? Фамилію-то скажи, неравно папаша спросить...

КОВЫРНЕВЪ.

А фамиль его, ангель мой, Волыновъ. Больше ничего!...

Только такой господинъ... этакихъ не много!.. Подъ-ка, оповѣсти пананеньку-то, а то гнѣваться будетъ, что не сказали...

ОРЕСТЬ.

Сейчасъ... Только я этого жеребца попробую, поватаюсь....
Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, Орестъ, не смѣй: пожалуй еще убьетъ...

ОЛЬГА.

Да и не хорошо, чужая лошадь!..

КОВЫРНЕВЪ.

А я нарочно, ангель мой, его, Ореста-то Алексѣича, угналъ отсель, потому юношъ; хоть умень, умень, а все еще въ мысляхъ не твердъ: какъ бы рѣчей постороннихъ которыхъ не вывелъ изъ нашего дѣла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ну, рассказывай же скорѣй... Вѣдь, барышнямъ-то одѣваться нужно...

КОВЫРНЕВЪ.

Истинно, что нужно, потому судьбы Божіи неисповѣдимы: можетъ, и судьба...

ОЛЬГА.

Да ну, говори же... Какой ты скучный...

КОВЫРНЕВЪ.

Ахъ, ангель мой, приткая: говори!.. И то говорю!.. всего за разъ не скажешь... Давеча закружило въ головѣ-то, до сихъ поръ круги идутъ, а я себя не потерялъ: все помню... Вотъ и Ореста Алексѣича...

ОЛЬГА.

Да ну же... Какой такой Волыновъ?.. Я и не слыхала!.. Давно ли онъ сюда пріѣхалъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И я ничего не слыхала про него...

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ то-то, ангель мой... А еще барышни-невесты въ дому, а такой соколъ въ пяти верстахъ вьется, а вы и не знаете ничего!.. А вотъ Ковырневъ, старикъ, путинка нестоящая, а онъ же знаетъ и для своихъ благодѣтелейъ старается...

РАИСА.

Ну, Ковырневъ, мое терпѣніе лопнуло: если ты не начнешь сейчасъ рассказывать... я и слушать тебя не стану, уйду...

КОВЫРНЕВЪ.

Тебѣ-то и слушать, ангелъ мой, звѣзда моя источная, можетъ твоя-то судьба тутъ и совершится... черезъ меня, путинку малую... Вѣдь, вотъ вы велики, и славны, и знатны по милости родителейъ своихъ, а я путинка малая, а можетъ быть, эта самая путинка...

ОЛЬГА.

Ахъ, дуракъ какой!.. Ты изъ всякаго терпѣнія можешь вывести своими разсужденіями... Говори же, что тебя спрашиваютъ... Ну, что вздоръ мелешь... Путинка да путинка: затвердилъ одно...

КОВЫРНЕВЪ.

Однако же позвольте, ангелъ мой, я хоть бѣдный человѣкъ, однако у меня дарованіе отъ Бога не отнято... Я все могу понимать—даже до тонкости... Я хоть ученья и не принялъ, а самъ въ себѣ много содержу, въ понятіи своемъ... И вотъ за неоставленіе вашихъ родителейъ, что благодѣтели они мои настоящіе, можетъ вамъ Господь черезъ мою руку невидимо посылать... Вотъ что, ангелъ мой!.. Я дуракъ-то—дуракъ, а можетъ когда и уменьъ бываю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, а ты не обижайся... а рассказывай лучше: въ самъ-дѣлѣ, вѣдь имъ приготовиться и одѣться нужно...

ОЛЬГА.

Да я совсѣмъ и не въ обиду сказала, а такъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Да какая обида, ангелъ мой... Мнѣ, бѣдному человѣку, на своихъ благодѣтелей обижаться не приходится...

РАИСА.

Ну, прощай, Ковырневъ... Я уйду...

КОВЫРНЕВЪ.

Анъ нѣтъ, ангелъ мой, не уходи, послушай старика: я ужъ вижу, что тутъ твоя статья будетъ...

РАИСА.

Да ты скажи хоть: старій, или молодой этотъ Воыновъ?

КОВЫРНЕВЪ.

А довольно тебѣ сказать: красавикъ писанный, вотъ какъ на картинкахъ пишутъ... Вотъ какой!..

РАИСА.

Ну, а какъ же ты съ нимъ познакомился, и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Пріѣхалъ онъ сюда въ свое собственное владѣніе, по сосѣдству съ вами, досталось ему опослѣ бабиньки его... Блинова была барыня, а усадьбу ее видали, чай, проѣздомъ когда, въ сторонкѣ она стоитъ—Мѣшкова прозывается... Вотъ это самое въ его владѣніе и наслѣдовало... И пріѣхалъ онъ недавно... Будетъ ли съ двѣ недѣли—не знаю... А я прослышавши, какъ онъ пріѣхалъ, обрадовался, да и къ нему, потому я всѣхъ здѣсь помѣщиковъ знаю, а онъ человекъ вновѣ... Опять же онъ дворянинъ, и я дворянинъ, одной мы вості...

РАИСА.

Какъ же вы ему представлялись?..

КОВЫРНЕВЪ.

Никакъ не представлялся... Такъ, просто...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—улыбаясь.

Что сказалъ-то ему, какъ пришелъ?.. Вѣдь онъ тебя не знаетъ... Ну, такъ какъ же ты?

КОВЫРНЕВЪ.

А такъ вотъ и сказалъ: дворянинъ мелкомѣстный... Ковырневъ... много объ васъ наслышамшись... И какъ вы здѣсь вновѣ, а я всѣхъ знаю довольно... Позвольте быть знакомымъ...

ОЛЬГА.

Какъ же онъ тебя принялъ?

КОВЫРНЕВЪ.

А такъ принялъ онъ меня... могу сказать... Наши господа не многіе такъ принимать умѣютъ, видать, что изъ ума умень: не взираетъ на то, что бѣдный человекъ, мелкомѣстный, а почитаетъ въ томъ, что свой братъ, дворянинъ, не мужикъ или мѣщанинъ какой... Ну, а ужъ живетъ-то: видать сейчасъ, что отъ большихъ капиталовъ... Одежи у него этой—такъ Боже мой милосливый! важется, вѣкъ не износишь!.. Опять шкатунка какая стоитъ: и чего-чего въ ней ятъ—и все серебряное... Цѣпочекъ разныхъ, портмонѣвъ этихъ до ужаси много!.. Повара привезъ чудснаго, молодой, чистый, завсегда при формѣ... Лакей тоже петербургскій: французъ—не французъ, а во фракѣ, и завсегда при перчаткахъ, и вѣры не нашей, и имя ему Язефъ... Ну, и понялъ онъ меня сразу: обласкалъ, и угостилъ, и ночевать у себя оставилъ, а на другой день вотъ и пальто это самое подарилъ, рубашку приказалъ выдать чистую... И ты говоришь, ангель мой, масломъ свороннымъ отъ головы не пахнетъ: тутъ таки духи—

помады идутъ что страсть... Самъ-то такъ даже каждый день весь обтирается онъ этими ладеколонами, съ губки...

ОЛЬГА.

Ну, этого, пожалуй, ты могъ бы и не рассказывать при барышняхъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Истинно говорю, ангель мой, какъ есть весь обтирается, съ губки... Льётъ этихъ духовъ страсть... Ничего не жалѣеть... Опосля отъ него такъ даже по всѣмъ комнатамъ духъ идетъ... Даже удивительно это!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ну, ну, хорошо... Ты рассказывай: какъ же онъ о насъ-то?.. какъ къ намъ-то вздумалъ ѣхать знакомиться?..

КОВЫРНЕВЪ.

А съ кѣмъ же ему, ангель мой, знакомиться здѣсь, коли не съ вами: вы у насъ здѣсь въ углу первые дворяне. Извѣстно, что все отъ меня это шло... Вотъ рассказываетъ онъ мнѣ, что пріѣхалъ, говорить, осмотрѣть свое имѣніе, да что, какое это имѣніе—не по мнѣ... Мнѣ, говорить, или продать его, или прикупить къ нему земель да лѣсовъ и устроить что-нибудь значительное... Кто, спрашиваетъ, у васъ тутъ помѣщики побогаче?.. Я и говорю, что вотъ у васъ сосѣдства самый ближній, въ большихъ чинахъ, полуполковникъ, и при орденахъ, и имѣніе значительное... Ну, и про барышень сейчасъ само-собою... Вотъ, я говорю: барышни, такъ барышни, такихъ поискать да и поискать, на первый сортъ барышни... А въ другой разъ такъ-то къ нему: вотъ, я говорю, земель-то прикупайте, имѣніе устраивайте да и женитесь у насъ здѣсь... «Ахъ—говорить,—я бы съ радостью женился на здѣшней барышнѣ, потому столичныя всѣ вѣтренныя»... А мнѣ это и на руку, я и началъ его нашими-то разгорячать, наговаривать ему: и какія онъ прекрасныя, и какія умныя, тихія и къ родителямъ почитательныя, да такъ его распалилъ, что, побѣждай, говорить, къ нимъ, скажи, что желаю познакомиться... Этого и виду, говорить, не подавай, что на-счетъ барышень, а такъ скажи, что будто на-счетъ покупки земель... Ну, я себѣ думаю: хорошо, ангель мой, они мнѣ роднѣ: уже этого душа моя не потерпитъ, чтобы не свазать!.. Вотъ съ тѣмъ и пріѣхалъ!.. Вотъ, ангелы мои: во что почтете мою послугу—не знаю, а женишка вамъ представляю не кое-какого...

ОЛЬГА.

Да ты съ чего же взялъ, что онъ непременно такъ и будетъ свататься къ которой-нибудь изъ насъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Ну, ангель мой, Ольга Алексѣвна, ужъ я этого отвѣта на себя не приму: это дѣло Божье, да ваше... Мое дѣло постараться да похвалить, а тамъ ужъ ваше разсужденіе...

ОЛЬГА.

Да, можетъ быть, онъ намъ-то совсѣмъ еще не понравится...

КОВЫРНЕВЪ.

Опять-таки, ангель мой, я въ это не вступень... Ну, какъ мнѣ въ это вступить?.. Одно скажу, что по здѣшнимъ мѣстамъ другихъ такихъ жениховъ нѣтъ: и изъ себя красавицъ, и богатъ, и ума палата... Вотъ на-счетъ чиновъ не знаю... Чего не знаю, такъ не знаю. Не приходилось мнѣ никакъ спросить-то его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Однако, барышни, пора одѣваться... Надо приготовить: послѣ обо всемъ переговоримъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, надо, надо, ангель мой... Онъ не въ долгихъ, смотри, и приватить...

ОЛЬГА—вставая.

Пойдемъ, Рая...

РАИСА.

Я не пойду... Не буду переодѣваться...

ОЛЬГА.

Это что же значить?.. Мы во всякомъ нарядѣ прекрасны?..

РАИСА.

Совсѣмъ не то, а мнѣ просто совѣстно и неприятно рядиться на показъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Не на показъ, а для приличія... Неловко же, мой другъ, въ носильномъ... Если бы мы еще не знали, что пріѣдетъ... ну, такъ; а то это будетъ просто явное пренебреженіе къ гостю... Притомъ же—женихъ...

РАИСА.

Вотъ именно я и не хочу являться невѣстой на выставку... Оля, старшая сестра, она прежде меня должна выдти замужъ...

ОЛЬГА.

Вотъ это всегда такъ: Ранча вѣчно съ колесами, съ вы-

ходами... Постоянно старается поставить меня въ самое смѣшное положеніе...

РАЙСА.

Да что ты, Оля? я для тебя жел.. Не ты ли же меня упрекаешь постоянно, что я всѣхъ отъ тебя отбиваю... Я совсѣмъ даже не выйду къ нему: вотъ тебѣ!..

КОВЫРНЕВЪ.

Нѣтъ, ангель мой, этого никакъ невозможно быть...

РАЙСА.

Почему это невозможно?.. Не хочу—и не выйду ни за что...

ОЛЬГА.

Да вѣдь это очень просто и понятно... Всѣ эти замыслы видны... Въ первый разъ она не выйдетъ, чтобы возбудить интересъ, а потомъ и явится, оварить какъ свѣтило... (*Злобно*) Ахъ ты, источникъ звѣзда!.. Отвратительно смотрѣть на твои фокусы!..

РАЙСА.

Ну, напрасно ты, Оля, горячишься и меня поддразниваешь... Я искренно говорила, искренно хотѣла, чтобы ты не упрекала меня потомъ.

ОЛЬГА.

Да что ты такое, въ самъ-дѣлѣ, о себѣ думаешь?.. Что ты за красота такая, что какъ тебя кто увидитъ, такъ ужъ сейчасъ и влюбится?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да полноте, полноте... Что вы, что вы, ничего еще не видя... Подите-ка, одѣвайтесь лучше обѣ поскорѣе...

ОЛЬГА.

Я пойду... Но пусть же она не рисуется такимъ ангеломъ... Я буду за каждымъ словомъ, за каждымъ взглядомъ ея слѣдить... Ужъ обличу ее передъ всѣми вами, докажу всѣ ея хитрости и замыслы...

Уходитъ.

КОВЫРНЕВЪ—оглядываясь, Райсѣ вполголоса.

Никакъ вамъ невозможно, ангель мой, не выходить, потому я на вашу статью гнуль... Онъ вашей стати женихъ, а не сестрицынъ... Конечно, и въ крестьянствѣ говорятъ, что черезъ ночь не жнуть, а тоже бываетъ, что и младшая сестра прежде старшей выходить въ замужество... А въ нашемъ мѣстѣ и по-давно... Что дѣлать-то? Всякому своя судьба отъ Бога... Извѣстно, сестрицѣ обиденько, да ужъ какъ быть-то: ты будешь по-превосходнѣе много... Вѣдь, всякой по себѣ выбираетъ: и сапоги,—

такъ сапогъ сапогу всегда пара... (*Очень тихо*) А я тебѣ скажу: на тебя у него вся мѣта, потому я такъ и говорилъ ему: обѣ барышни хороши... а ужъ младшенькая, Раиса Алексѣвна, ужъ не въ примѣръ... Да онъ тебя и видѣлъ, ангелъ мой...

РАИСА.

Гдѣ?

КОВЫРНЕВЪ.

Ужъ не знаю гдѣ, а точно видѣлъ... И вся въ немъ горячка теперь на тебя одну... потому и самъ-отъ, да и я-то ему все подбавлялъ, да подгорячалъ... Теперь только и рѣчей, и думъ, что про тебя...

РАИСА.

Ну, хорошо что сказалъ: ужъ теперь-то я ни за что не выйду къ нему...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ это, ангелъ мой, что такое значить?

РАИСА.

А то и значить, что онъ мнѣ теперь же противень... Я вообще сватовства терпѣть не могу, и никогда бы не пошла за человѣка, который сватовъ подсылаетъ, а особенно такихъ, какъ ты...

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ тебѣ и сюрпризъ... За все-то мое старанье—да и покорнѣйше здравствуй... Да вы, ангелъ мой, посмотрите сначала на человѣка, а тутъ его и обсуждайте... Онъ меня совсѣмъ, ангелъ мой, и не посылалъ сватать, а велѣлъ только оповѣстить, что пожелаете ли принять...

РАИСА.

А ты зачѣмъ же сватаешь?

КОВЫРНЕВЪ.

Да я не сватаю, ангелъ мой, а такъ только...

При послѣднихъ словахъ входитъ СЕВОРЦОВЪ.

СЕВОРЦОВЪ.

Здравствуйте, Ардалионъ Михайлычъ. (*Тотъ сухо подаетъ руку*). Что это у васъ за суетня въ домѣ?.. Всѣ бѣгаютъ, толкаются, переговариваются, только вездѣ и слышишь: женихъ да сватаютъ... Вотъ и вы тоже, слышу, разговариваете...

РАИСА.

А вы еще не знаете: вотъ Ковырневъ мнѣ жениха сватаетъ, петербургскаго, красавца, богатаго... Сейчасъ прійдетъ...

СКВОРЦОВЪ—нѣсколько поблѣднѣвъ.

Что же, въ добрый часъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Ну, вотъ, господинъ, вы такъ точно говорите, правильно—какъ же еще не въ добрый часъ... Всякій человѣкъ хорошій вамъ этого пожелаетъ!.. А вотъ барышня говоритъ: и знать его не хочу, и не одѣнусь, и не выйду, не покажусь...

СКВОРЦОВЪ—повеселѣвъ.

Что же вы это, Раиса Алексѣевна? Почему такъ? *(Съ улыбкою)* Вѣдь, петербургскій?

РАИСА.

Да потому, что это не мой женихъ, а сестры... А, впрочемъ, я еще посмотрю: каковъ...

Быстро оборачивается и уходитъ.

КОВЫРНЕВЪ—проводя ея до дверей.

Ужъ, ангель мой, порнавится, ужъ ручаюсь, что порнавится... потому все въ немъ есть... *(Возвращаясь отъ дверей къ Скворцову, который стоитъ въ раздумьи)*. Вотъ онъ, барышня-то, каковы, бѣда!.. То подай жениховъ, а развещешь—не желаютъ.

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЮ.

Ковырневъ, Ковырневъ! Да гдѣ ты?

КОВЫРНЕВЪ—направляясь къ дверямъ.

Здѣсь, батюшка, Алексѣй Михайлычъ, здѣсь-съ...

КВАШНИНЪ—появляясь въ отворенныхъ дверяхъ.

Ахъ, вотъ онъ гдѣ... Господинъ, бездушный дворянинъ, Ковырневъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Здравствуйте, отецъ-благодѣтель... здравствуйте...

КВАШНИНЪ—въ дверяхъ.

Волыновъ!.. Какой это Волыновъ? Я такого не слышалъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Новый, батюшка... Новый, здѣшній господинъ помѣщикъ... Недавно прибыли... Послѣ барыни Блиновой наследствуютъ: бабынька ихняя была...

КВАШНИНЪ.

Что-жъ онъ не ѣдетъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Пріѣдетъ, батюшка, пріѣдутъ безпремѣнно...

КВАШНИНЪ.

Ну, я, вѣдь, съ завтракомъ ждать его не стану: мой часъ приспѣ... Ты что тутъ дѣлаешь?

КОВЫРНЕВЪ.

А вотъ Марья Григорьевна да барышнямъ докладывалъ... Изволили одѣваться пойти... А то васъ ожидалъ...

КВАШНИНЪ.

Ну, пойдѣмъ, приложимся... А тутъ докладывай и мнѣ...

КОВЫРНЕВЪ.

Извольте, благодѣтель... Пойдемте...

КВАШНИНЪ—обращаясь къ Скворцову.

А вы, господинъ философъ?.. Да васъ что звать: вы не частны... Пойдемъ, Ковырневъ.

КОВЫРНЕВЪ.

Пойдемте, благодѣтель.

Уходить.

СКВОРЦОВЪ—стоитъ въ раздумьи.

А, вѣдь, у меня въ душѣ не ладно... Эта дѣвушка съ ума нейдетъ... (*Задумывается*). Нѣтъ, тутъ голову потеряешь... Лучше бѣжать, пока силы есть и встать предлогъ подъ рукой... Этакая смѣсь добра и зла, оригинальности и пошлости, кокетства и искренности... Нѣтъ, нѣтъ, отрицательнаго всего больше!.. Среда все исковеркала, что и было хорошаго... (*Решительно*). Богъ съ ними, со всѣми... уйду, убѣгу безъ оглядки!..

Черезъ комнату медленно, какъ-бы задумавшись, проходитъ РАЙСА. Она видѣла Скворцова, но проходитъ, какъ-бы незамѣчая его.

СКВОРЦОВЪ—увидя ее, вполголоса.

Ну, въ послѣдній разъ!.. (*Громко*). Райса Алексѣвна!

РАЙСА—притворно вздрагивая.

Ахъ!.. Какъ вы меня испугали.. Я и не вижу васъ...

СКВОРЦОВЪ.

О чемъ вы это такъ задумались?

РАЙСА.

А вамъ что?..

СКВОРЦОВЪ.

Да, да, правда... Какое мнѣ дѣло до того, что вы думаете... Извините... Я хотѣлъ сказать вамъ, что не сегодня, завтра уйду...

РАИСА.

Ахъ, очень жалко...

СКВОРЦОВЪ.

То-есть, какъ это жалко?

РАИСА.

Такъ, жалко, что уйдете: не съ кѣмъ будетъ поспорить, по-толковать, иногда и посовѣтоваться... А какъ же Орестъ?

СКВОРЦОВЪ.

Ну, Богъ съ нимъ... Я вижу, что ничего не могу для него сдѣлать, а даромъ деньги брать мнѣ совѣстно...

РАИСА.

Ахъ, знаете, какой онъ сверный мальчишка!.. Знаете, что онъ сказалъ намъ, что будто Оля ухаживаетъ за вами, а вы за мной... Вообразите! каковъ мальчишка!.. а?..

СКВОРЦОВЪ—нѣсколько смутясь.

Да, надежды подаетъ большія... Спасибо вамъ, что сказали: вотъ еще новая причина, чтобы поскорѣе уѣхать отсюда...

РАИСА.

Ну, на это не стоить обращать вниманія: вѣдь, это не правда... Согласитесь, вѣдь, я не подавала вамъ никакого повода ухаживать за мной?.. Не правда ли?.. Вѣдь, и вы ничего особеннаго во мнѣ не чувствуете, кромѣ, можетъ быть, того, что считаете меня глупой, капризной и болтливой дѣвочкой... Вѣдь такъ?

СКВОРЦОВЪ.

Ну, а предположимъ, что я совсѣмъ иначе на васъ смотрю, предположимъ, что я влюбился бы въ васъ... Вѣдь это было бы ужасное несчастье... Не правда ли?

РАИСА.

Для кого?

СКВОРЦОВЪ.

Разумѣется, для меня... Вамъ-то что же, вамъ все равно: развѣ вы могли бы полюбить такого бѣдняка, какъ я?.. Вы мечтаете о другой партіи, блестящей... Вамъ нужно богатство, роскошь, веселье, блескъ...

РАИСА.

А встати: вы не уѣжайте такъ скоро, посмотрите этого петербурскаго жениха...

СКВОРЦОВЪ.

Для чего же это? Вы думаете, мнѣ очень интересно и пріятно

будетъ видѣть, какъ вы станете кружить ему голову, чтобы выйти за него замужъ?..

РАИСА.

Вотъ и ошибаетесь: напротивъ, я буду всячески стараться, чтобы онъ женился на Ольгѣ... Она жалуется, что я всѣхъ у нея отбиваю, становлюсь всегда на ея дорогѣ и мѣшаю ей выйти замужъ: такъ вотъ я и хочу ей доказать, что я совсѣмъ не такова...

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Ѣдетъ... Ѣдетъ!..

РАИСА.

Вонъ, слышите, Ѣдетъ... Прощайте... Я уйду въ свою комнату и выйду только въ такомъ случаѣ, если настоятельно прикажутъ... Такъ что же, — останетесь!?. (*Многозначительно*). Я прошу васъ остаться...

СКВОРЦОВЪ—послѣ вѣвтораго колебанія.

Извольте, останусь, я не могу отказать вамъ.

РАИСА.

Ну, спасибо... До свиданія.

Убѣгаетъ.

СКВОРЦОВЪ.

Что она: смѣется надо мной, хочетъ дѣйствительно влюбить въ себя и потомъ одурaczyć, или... Неужели это то, что мнѣ не разъ казалось, и чему я самъ не вѣрилъ, что, повидимому, невозможно въ такой капризной, вѣтреной дѣвушкѣ?.. Ну, да я одурaczyć-то себя не дамъ. (*Садится*). Посмотримъ, что эта за новая личность...

Вбѣгаетъ ОЛЬГА и вслѣдъ за ней послѣвно входитъ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

ОЛЬГА—не замѣчая Скворцова, подбѣгаетъ къ окну.

Ахъ, какая прелесть, ахъ, какая прелесть!.. Мамаша, мамаша, смотрите скорѣй: какой экипажъ, какая лошадь!.. въ полахъ!.. И лавей, посмотрите, лавей, или вучеръ—въ какой либрей!.. Нѣтъ, это грумъ!.. Мамаша, да вы не выставляйтесь очень передъ окномъ, чтобы не замѣтилъ, что смотримъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—опрывая на себѣ воротничокъ и рукавчики.

Нѣтъ, нѣтъ, я не выставляюсь... Ахъ, эти рукавчики мнѣ въ жару въ эту... Оля, посмотри-ка, что у меня тутъ съ воротничкомъ: не переѣхалъ-ли?..

ОЛЬГА—мелькомъ взглянувъ на мать.

Да ничего... Смотрите, смотрите: какъ лошадь бѣжить... какъ ногами выдаетъ... и какъ онъ править отлично!.. Посмотрите: какъ съ горы спускается... Вотъ спустились... Вотъ на мостъ вѣзжается... Ахъ, у насъ тутъ одна половина прогнила, провалилась, только конецъ торчитъ, а вмѣсто нея дыра... Вотъ я давно говорила, что нужно починить... Ну, если лошадь ногой попадетъ... Срамъ!.. Вотъ, мамаша, я давно говорила...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что-жъ подѣлаешь съ мужиками?.. Не починиваютъ... Не слушаются... Одна, говорить, половина наша, а другая ваша... вы и починивайте... Становому, вотъ, надо пожаловаться...

ОЛЬГА.

Ахъ, ахъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что? не вижу!..

ОЛЬГА.

Нѣтъ, ничего, я думала... Нѣтъ, проѣхалъ... Вотъ къ воротамъ подѣзжаютъ... Мамаша, да не выставляйтесь вы, ради Бога... Право, не хорошо...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, я сяду коли...

ОЛЬГА.

Посмотрите: вѣхалъ на дворъ, оглядывается, не знаетъ къ которому крыльцу подѣхать, а у насъ никто и не встрѣтитъ... даже никто не подходитъ лошади взять... Вонъ, старый дуракъ Семень, стоитъ, розиня ротъ, и смотреть... не двигается. Нѣтъ чтобы подѣжать, принять лошадь... Ай, ай... Что за срамъ, мамаша, посмотрите: всѣ бабы изъ людской, горничныя выѣжали и смотреть точно на чудо на какое... Что онъ о насъ подумаетъ... И бабы чумазны, грязныя, босыя... Господи, какой срамъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, Оля, ужъ это ничего: бабы всегда ходятъ босыя, особливо лѣтомъ...

ОЛЬГА.

Такъ, вѣдь, онъ, посмотрите, подходитъ къ нему, заговариваютъ. Онъ спрашиваетъ что-то!.. Ахъ!.. А на чистомъ крыльцѣ все никого нѣтъ... Вотъ, мамаша, вы не сказали, чтобы Павелъ его встрѣтилъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да еще пришелъ ли онъ? Онъ на сѣнокосѣ былъ: за нимъ въ лугъ послали...

ОЛЬГА.

Вотъ, мамаша, послѣдняго человѣка на сѣнокосѣ брать... *(Кричитъ изъ двери)*. Павелъ, Павелъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да никто его не брать: самъ ушелъ... Разумѣется, тамъ дѣвки, сѣно гребутъ, такъ около нихъ... У нихъ, вѣдь, одна забота...

ОЛЬГА—вновь смотря въ окно.

Хоть бы Ковырневъ вышелъ... Гдѣ же онъ?... А, ну, вотъ, Орестъ вышелъ... Подошелъ въ нему... Молодецъ Орестъ... Ка-вовъ!.. Руку подаетъ, должно быть, отрекомендовался, смѣются... Право, молодецъ!.. Лошадь осматриваютъ, разговариваютъ...

ПАВЕЛЬ—въ красной рубашкѣ на выпускѣ, показываясь въ дверяхъ.

Вы изволили кричать?

ОЛЬГА—быстро оборачиваясь съ ужасомъ.

Павелъ, ты съ ума сошелъ, ты въ чемъ-это?

ПАВЕЛЬ.

Чего-съ?

ОЛЬГА.

Что: чего-съ?.. Тутъ гость изъ Петербурга, тебя нѣтъ, за тобой посылаютъ, а ты въ рубашкѣ...

ПАВЕЛЬ.

Я на сѣнокосѣ помогаю...

ОЛЬГА.

Тебя никто не заставлялъ... Ступай скорѣй, переодѣнься, надѣнь сѣртугъ... Скорѣй, да не встрѣтись съ гостемъ, не ходи въ прихожую... *(Снова бросаясь къ окну)*. Вонъ они на крыльцо входятъ... Ступай же, говорятъ, скорѣе: переодѣнься... *(Павелъ скрывается)*. Ахъ, онъ непременно встрѣтится... Чтѣ это у насъ, что за беспорядокъ, Господи...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

То-то, какъ бы вы побольше хозяйствомъ-то занимались, а то все я одна... За всѣмъ не поспѣешь...

ОЛЬГА.

Ну, мамаша, ужъ полноте... *(Замѣтя Скворцова)*. Ахъ, Борисъ Николанчъ, вы здѣсь?.. Я васъ не видала...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, батюшка, да вѣдь и я не примѣтила...

СКВОРЦОВЪ.

Я, можетъ быть, тутъ лишній?.. Извините, я уйду...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ай, что вы? Нѣтъ, я очень рада: вотъ къ намъ гость, новый человѣкъ, образованный, изъ Петербурга... Вотъ познакомтесь, поддержите компанію...

СКВОРЦОВЪ.

Очень благодаренъ...

Входитъ КВАШНИНЪ.

КВАШНИНЪ—смѣясь.

Никакъ не могъ удержать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Кого?

КВАШНИНЪ.

Ковырнева... Убѣжалъ встрѣчать гостя... Ужъ давно онъ томился посмотрѣть: не ѣдетъ ли? Да я не пускалъ нарочно... А какъ увидѣлъ въ окно, что пріѣхалъ, средствъ никакихъ не было: просто взмолился чуть не со слезами: пусти его встрѣтить... (Смѣется). Такой подлець!

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, что съ него взыскивать: бѣдный человѣкъ, семейный, старается заслужить передъ всѣми...

КВАШНИНЪ.

Да чортъ съ него взыскиваетъ... Наплевать!.. Нѣтъ, вѣдь, мазурикъ... Я говорю: ты дворянинъ, тебѣ не пристало лакейскую роль играть... Ты это долженъ понимать... Конечно, говорить, ангель мой, какъ мнѣ этого не понимать, что я есть дворянинъ, природный... Ну, такъ и сиди здѣсь со мной, жди, принимай въ гостиную... Такъ вѣтъ, никакъ не утерпѣлъ, даже вспотѣлъ весь и покраснѣлъ: они, говорить, въ первый разъ, и дороги-то, пожалуй, не найдуть... Врешь, я говорю, тамъ прислуга покажетъ...

ОЛЬГА.

Да, папаша, хороша у насъ прислуга... нечего сказать!.. Босня бабы его встрѣтили, а Павелъ явился въ рубашкѣ...

КВАШНИНЪ.

Ну, ничего, матушка, по-деревенски... (Услыша шаги въ со-

спидней комнатъ). Вотъ идутъ... Милости просимъ, милости просимъ... Пожалуйте сюда...

Входятъ КОВЫРНЕВЪ, ВОЛЫНОВЪ и ОРЕСТЬ.

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ, ангель мой, вотъ они-съ, Алексѣй Михайлычъ... полуполковникъ (*Указываетъ на Квашнина*).

ВОЛЫНОВЪ.

Новый вашъ сосѣдъ, Арсадій Петровичъ Воыновъ.

КВАШНИНЪ.

Очень пріятно, очень пріятно... Вотъ позвольте представить: жена...

ВОЛЫНОВЪ — почтительно кланаясь Марьѣ Григорьевнѣ.

Я надѣюсь, вы простите смѣлость одинокаго, скучающаго человѣка, являющагося къ вамъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ, съ надеждою найти русское гостепрѣимство и радушіе.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Напротивъ, мы очень рады и счастливы вашимъ знакомствомъ...

КВАШНИНЪ.

У насъ по-просту, безъ церемоній, мы люди деревенскіе... Всегда очень рады.

КОВЫРНЕВЪ.

У насъ батюшка, Арсадій Петровичъ, просто... Я вамъ докладывалъ, ангель мой...

КВАШНИНЪ.

Ну, а ты, ангель мой, погоди... Вотъ дай сначала со всѣми познакомиться дорогого гостя...

КОВЫРНЕВЪ.

Извольте, батюшка, извольте... Знакомство—это напаче всего... Безъ это никакъ нельзя...

КВАШНИНЪ.

То-то...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—указывая на Ольгу.

Дочь моя, Ольга... старшая...

Воыновъ кланяется. Ольга первая протягиваетъ ему руку.

КВАШНИНЪ—оглядываясь.

А гдѣ же Ранса?

ОЛЬГА.

Она не совсѣмъ здорова...

СКВОРЦОВЪ—улыбаясь.

Курю, курю, Алексѣй Михайлычъ, ошибаетесь... (Подаетъ руку *Волынову*). Очень пріятно.

КВАШНИНЪ.

Ну, да вѣдь это такъ только говорится, для красоты слога, что ли... (Обращается къ *Волынову*). Давно изъ Питера?

ВОЛЫНОВЪ.

Всего недѣли три...

КВАШНИНЪ.

Ну, что тамъ новенькаго?

ВОЛЫНОВЪ.

Да, кажется, все по прежнему...

КВАШНИНЪ.

Да, давненько ужъ я не бывалъ тамъ.... и представьте—не тинеть. Вотъ чѣмъ деревня хороша: обживешься, никуда не хочется... А тоже, вѣдь, въ молодости-то—какъ же: по всѣмъ этимъ заведеніямъ.... и на островахъ, у Ивана Ивановича Излера—ездѣ... А вотъ теперь не хочется никуда... Только я вамъ скажу: нынче въ деревнѣ жить невозможно... Вы думаете поселиться здѣсь?..

ВОЛЫНОВЪ.

Это смотря по обстоятельствамъ... А вы почему же думаете, что нынче въ деревнѣ невозможно жить...

КВАШНИНЪ.

Не у чего: хозяйничать невозможно... Съ этими разбойниками сладу нѣтъ никакого... Вотъ сами увидите...

КОВЫРНЕВЪ.

Трудно нынче, ангелъ мой, намъ дворянамъ, очень трудно!..

ВОЛЫНОВЪ.

Это съ кѣмъ? Про кого вы изволите говорить?..

КВАШНИНЪ.

Про кого же больше... Про мужичонковъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Про чѣрнятъ, ангелъ мой...

ВОЛЫНОВЪ.

Что же они?..

КВАШНИНЪ.

Что? не слушаются, ничего не хотятъ дѣлать, только пьянствуютъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Ни къ чему не въирають... Бѣда нынче съ ними...

ВОЛЫНОВЪ.

Да развѣ они у васъ еще на издѣльной повинности?

КВАШНИНЪ.

Какое, помилуйте! давно на оброкъ перевелъ, на выкупъ представилъ, теперь вотъ выкупной ссуды жду. Я все для нихъ, ракалѣевъ, слѣлалъ: нѣтъ, ничего не помогаетъ! Приходится хозяйство совсѣмъ выдать... Да и вину... Уѣду въ городъ жить...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Полно, пожалуйте, какіе ужъ мы съ тобой городскіе жители...

ОЛЬГА.

Папаша давно ужъ это говорить, давно собирается ѣхать даже въ Петербургъ, а между тѣмъ ни съ мѣста...

КВАШНИНЪ.

И уѣду... Брошу все и уѣду... Да, помилуйте, невозможно жить... Я ужъ на что: можно сказать первымъ хозяиномъ слыву, хлѣбомъ засыпался... Вотъ спросите его... (Указываетъ на Ковырнева).

КОВЫРНЕВЪ.

Ахъ, ангелъ мой, ужъ у васъ хлѣба, бывало, такъ зрить невозможно... Низъ, прямой низъ...

КВАШНИНЪ.

Ужъ спросите его: онъ знаетъ дорогу въ мои амбары (Смѣется).

КОВЫРНЕВЪ.

Что-жъ, ангелъ мой, вы наши первые благодѣтели: не оставляете бѣднаго человѣка... Завсегда скажу...

КВАШНИНЪ.

Да-съ, былъ хозяинъ, держался дольше другихъ, а и я скажу: нѣтъ, невозможно нынче хозяйничать... Денегъ идетъ гибель, всякому мошеннику заплати чистыя денежки, а работы отъ него нѣтъ... Присмотра нѣтъ никакого... Вездѣ воровство...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Приказчика нѣтъ порядочнаго... Человѣка если бы найти хорошаго... Все отъ этого!.. Вотъ у Глѣбова хорошій приказчикъ попался, такъ и хозяйство хорошо пошло: не жалуются...

КВАШНИНЪ.

Все это вздоръ, пустяки!.. Хвастаютъ!.. Ужъ вы спросите

меня... Я съ этимъ мужичьемъ, можно сказать, зубы съѣлъ: знаю его вдоль и поперекъ... Ничего нельзя подѣлать съ нимъ безъ палки.

КОВЫРНЕВЪ.

Невозможно, ангель мой... потому онъ привыкъ... Ему она требуется...

СКВОРЦОВЪ.

Палка-то?

КОВЫРНЕВЪ.

А вы какъ думаете, милостивый государь?.. Безпремѣнно...

ВОЛЫНОВЪ.

А развѣ хорошая плата не можетъ поощрять работника?..

КВАШНИНЪ.

Ахъ, полноте, пожалуйста, да его хоть оволохи, такъ онъ все будетъ норовить, чтобы украсть, или напиться...

КОВЫРНЕВЪ.

Это такой родъ, ангель мой, потому они отъ Хама... Опять же нынче страха на нихъ нѣтъ... Изъ страха они вышли...

КВАШНИНЪ.

Какой страхъ, помилуйте... Вотъ этотъ чудакъ упросилъ меня: поѣдемте въ городъ, въ собраніе, тамъ все дворянство будетъ... Ну, напялилъ я мундиръ, вхожу и что же вижу: эти черти, уроды, мужичье, сидятъ на стульяхъ рядомъ съ дворянами... Я вошелъ, хоть бы кто-нибудь пошевелился, мѣсто далъ, сидятъ бороды задравши, знать ничего не хотятъ... Да это что же такое за безобразіе... Какой же тутъ можетъ быть страхъ, помяновеніе... Помилуйте... Я постоялъ, постоялъ, посмотрѣлъ, плюнулъ, да и ушелъ... Да нога моя никогда не будетъ больше въ этихъ собраніяхъ... Это не собраніе, а вертепъ какой-то... поворъ, униженіе для дворянства...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, ангель мой, истинно, что прискорбно смотрѣть... Такъ тогда у меня, Алексѣй Михайлычъ, батюшка, растревожились, плюнули и вышли... Да и конечно... Коли чувствуетъ самъ въ себѣ человѣкъ... а тутъ...

КВАШНИНЪ.

Ахъ, постой ты, погоди... А вы что же, намѣреваетесь здѣсь хозяйство заводить, что-ли?...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, я запашки не заведу: это, дѣйствительно, не должно быть здѣсь выгодно... А вотъ какое-нибудь коммерческое предприятие...

КВАШНИНЪ.

Вотъ торговля... Вотъ это одно, что намъ осталось... Это выгодно... Нынче всѣ на это бросаются, только дворянское ли это дѣло?.. Не постыдно ли это для насъ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, я не про торговлю, а какое-нибудь промышленное заведеніе, какой-нибудь заводъ...

КВАШНИНЪ.

Вотъ это одобряю... Въ этомъ бы я самъ принялъ участіе, еслибъ дѣло вѣрное... Вотъ ссуду получу, капиталъ будетъ большой, около ста тысячъ, вотъ тогда можно будетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Полно, гдѣ намъ... Мы ничего не понимаемъ въ этомъ...

КВАШНИНЪ.

Ну, это Богъ знаетъ: понимаю я или нѣтъ... Про себя ты можешь говорить, а меня со счета не собьешь... Счетъ знаемъ твердо... (*Къ Волынову*). Вы служите?..

ВОЛЫНОВЪ.

Я инженеръ-технологъ и служилъ больше въ частныхъ акціонерныхъ обществахъ...

КВАШНИНЪ.

Тамъ видно и капиталецъ благопріобрѣли?..

ВОЛЫНОВЪ.

Да, я не бѣденъ...

КВАШНИНЪ.

Что же вы хотите затѣвать?

Павелъ вноситъ подносъ съ кофейнымъ приборомъ и, проходя мимо Волынова, кланяется ему. Волыновъ, слегка наклонивъ голову, смотритъ вопросительно.

ОЛЬГА—повелительно Павлу.

Ставь сюда и уходи... (*Вполголоса*) Это ужасъ что такое!.. (*Павелъ молодцовато уходитъ*).

КВАШНИНЪ—кивая на него.

Вотъ, ракалія, раскланивается... Онъ воображаетъ, что вы и у него въ гостяхъ... Вотъ вамъ образецъ: каковъ нынче народецъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И слова имъ не скажи—сейчасъ: пожалуйста разсчитать...

КОВЫРНЕВЪ.

Хамы, ангель мой, лакутеи, не понимаютъ, оттого...

ВОЛЫНОВЪ.

А вотъ я хотѣлъ предложить вамъ, Алексѣй Михайловичъ: не угодно ли вамъ продать мнѣ ваши лѣсныя дачи, которыя смежны съ моею землею... Моихъ лѣсовъ для моего предпріятія маю...

КВАШНИНЪ.

Да, вѣдь, продать... отчего не продать, коли цѣна будетъ подходящая... Дешево не отдамъ, впередъ говорю: я не нуждаюсь...

ВОЛЫНОВЪ.

Зачѣмъ дешево, лишь бы былъ рассчетъ въ эксплуатаціи..

КВАШНИНЪ.

А почему за десятинку положите? У меня лѣсъ хорошій...

ВОЛЫНОВЪ.

Это надо потолковать, осмотрѣть хорошенько, оцѣнить, сдѣлать рассчетъ, тогда уже и...

КВАШНИНЪ.

Да вы что затѣваете? скажите...

ВОЛЫНОВЪ.

Это довольно сложное предпріятіе... Тутъ предполагается и лѣсопилка, и фабрикація химическихъ продуктовъ сухой перегонки дерева... Здѣсь пойдутъ въ дѣло и корни, и сучья: ни одинъ пруть изъ дерева не пропадетъ...

КВАШНИНЪ.

О, пенъевъ-то я вамъ сколько угодно могу продать...

ВОЛЫНОВЪ—скромно улыбаясь.

Нѣтъ, вѣдь, это дѣло большое: тутъ ваша лѣсъ, и мой собственный, будутъ валя въ морѣ... Если я это устрою, придется всѣ окрестныя лѣса скупать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что же, это вы одни думаете предпринять?

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ это можно... Нѣтъ, у меня есть компаньоны въ Петербургѣ, люди съ большими средствами...

ОЛЬГА.

Угодно вамъ кофе?

ВОЛЫНОВЪ—вставая и садясь къ столу рядомъ съ Ольгой.

Съ удовольствіемъ... Мнѣ, право, даже совѣстно: мы въ вашемъ присутствіи завели съ вами канашней такой сухой разговоръ, который, я думаю, нисколько не можетъ васъ интересовать... Я берусь за кофе какъ за средство поправить мою ошибку... Позвольте мнѣ быть теперь нѣсколько любезнѣе... Я, вѣдь, совсѣмъ не такой скучный собесѣдникъ, какъ вы могли подумать, слушая нашъ разговоръ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Помилуйте, какой же скучный...

ОЛЬГА—перебивая мать съ сіяющимъ лицомъ.

Вы даже о сухихъ предметахъ говорите такъ, что дѣлаете ихъ интересными... Я слушала васъ съ удовольствіемъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Тяжело вамъ благодарностей, но вижу въ этомъ только крайнюю синхронность... Общаю вамъ на будущее время никогда не говорить въ вашемъ присутствіи о подобныхъ дѣлахъ...

КВАШНИНЪ.

Ну да, вы тамъ какъ хотите съ барынями любезничайте въ свое время... Это ваше дѣло, молодое... А вы теперь мнѣ скажите, очень ужъ вы меня заинтересовали,—что, это дѣло будетъ очень выгодно?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, mesdames, ужъ я теперь не виноватъ: не отвѣтить вашему папа не смѣю... Это мудреный вопросъ вы задаете, Алексѣй Михайловичъ: каждый понимаетъ выгоду по-своему... И опять—чѣмъ шире предпріятіе, чѣмъ больше затрачено на него, тѣмъ и доходы больше...

КВАШНИНЪ.

А однако, сколько процентовъ можетъ приносить капиталъ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Вамъ, можетъ быть, покажется смѣло, но, по нашимъ расчетамъ, больше рубля на рубль...

КВАШНИНЪ.

Ого!..

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ какъ, ангелъ мой!.. Вотъ такъ барышня!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, Алексѣй Михайлычъ, я, ей-Богу, боюсь, что ваши дамы сочтутъ меня за невѣжу и нѣуча... Я больше не продолжаю нашего дѣловаго разговора... И, вѣдь, посмотрите, какъ я засидѣлся у васъ: въ первый разъ и такъ долго... Вѣдь, это невѣжество...

КВАШНИНЪ.

Да развѣ вы не останетесь у насъ обѣдать?

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, нѣтъ, ради Бога... Это черезчуръ...

КВАШНИНЪ.

Ну, нѣтъ, батюшка, у насъ хоть и русскій столъ, и поварь—не французъ, а, Богъ милостивъ, накормимъ... Оставайтесь-ка, полноте... Мы, вѣдь, по-деревенски...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И я тоже надѣялась, что вы доставите намъ это удовольствіе...

ВОЛЫНОВЪ.

Я, ей-Богу, не смѣю даже и возражать: вы такъ любезны... Но я, право, самъ себѣ не вѣрю: въ первый разъ я у васъ въ домѣ и чувствую себя точно среди давно знакомыхъ людей...

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, ангелъ мой, я вамъ докладывалъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Правда, правда... Это для меня просто удивительно... Я вообще такъ трудно схожусь съ людьми...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Есть русская пословица: сердце сердцу вѣсть подаетъ...

ВОЛЫНОВЪ—кидая бѣглый взглядъ на Ольгу, отъ котораго та опускаетъ глаза,—къ матери.

Прелестная пословица!.. Я былъ бы счастливъ, еслибъ ее можно было примѣнить въ настоящемъ случаѣ...

КВАШНИНЪ.

Ну, такъ, не угодно-ли вамъ пока съ дамами въ садъ, а я, безъ церемоніи, пойду по хозяйству, а послѣ пообедаемъ, а послѣ обѣда опять о дѣлѣ поговоримъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Я уже теперь отдаю себя совершенно въ ваше распоряженіе...

КВАШНИНЪ.

Вотъ я такъ люблю, чтобы по-просту... Ну, Ковырневъ, пойдѣмъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Пойдемте, благодѣтель...

КВАШНИНЪ.

Да гдѣ же Ранса?..

ОЛЬГА.

Вѣдь, я сказала тебѣ, папаша, что она не совсѣмъ здорова...

КВАШНИНЪ.

А, ну, и то сказать, ея дѣло...

Уходитъ съ Ковырневымъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Въ такомъ случаѣ ужъ и я пойду... по своимъ дѣламъ. Вы извините меня...

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, ради Бога... Ольга Алексѣевна, кажется, хотѣла показать мнѣ свой садъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вотъ и прекрасно...

Уходитъ.

А ОЛЬГА—нѣсколько жеманясь.

Что же, пойдѣмте?..

ВОЛЫНОВЪ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ (*подастъ ей руку*). А чѣмъ больна ваша сестрица?

ОЛЬГА.

Какъ вамъ сказать?.. Больше капризами: у нея немножко странный характеръ...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а... Это интересно!..

ОЛЬГА.

Вы находите?.. Я не думала...

ВОЛЫНОВЪ.

Женскій капризь, особенно который скоро проходитъ, очень милъ и пріятенъ... потому-что...

ОЛЬГА.

Почему?...

ВОЛЫНОВЪ.

Потому что безвреденъ...

Уходить.

СКВОРЦОВЪ.

Гм... Комедія начинается... Ольга Алексѣевна, кажется, скоро вошла въ роль, и этотъ баринъ, какъ видно, актеръ опытный... Выдержитъ ли характеръ другая сестра?... *(Смотритъ въ окно)*.

Входить РАЙСА.

РАЙСА—оглядываясь по сторонамъ,
вполголоса.

Что, всё ушли?... Гдѣ они, въ саду?...

СКВОРЦОВЪ.

Въ саду...

РАЙСА.

Онъ очень недурень... Я смотрѣла въ щелку дверей... А какъ вы находите: уменъ?

СКВОРЦОВЪ.

Райса Алексѣевна!... И вамъ не стыдно?... Это не малодушіе, не пошлость?...

РАЙСА—обидѣвшись и разсердившись.

Что такое стыдно?... Какое малодушіе, пошлость?... Что такое вы говорите? Опомнитесь...

СКВОРЦОВЪ.

Я думалъ, что вы вспомните ваши намѣренія, и то, что вы говорили какой-нибудь часъ назадъ, и постыдитесь послѣ этого обнаруживать такое пошлое любопытство къ неизвѣстному человеку, которое заставляетъ васъ даже подглядывать въ дверныя щели...

РАЙСА.

Во-первыхъ, тутъ нѣтъ ничего дурного: захотѣла посмотрѣть— и посмотрѣла... И нахожу, что онъ очень интересенъ. А, вторыхъ, это совсѣмъ не ваше дѣло, и я никогда не просила васъ быть моимъ наставникомъ и читать мнѣ правоученія.

СКВОРЦОВЪ.

Въ такомъ случаѣ для чего же вы остановили меня, просили остаться?

РАЙСА.

Неужели же вы думаете для того, чтобы пригласить васъ къ себѣ учителемъ, послѣ того, какъ даже Орестъ отбился у васъ отъ рукъ? *(Смѣется)*.

СКВОРЦОВЪ.

Это ужъ даже вовсе неостроумно и обидѣть меня не можетъ... Но все-таки я желалъ бы знать, какую роль вы мнѣ приготовляли, упрашивая не уѣзжать... Для чего я вамъ былъ нуженъ?.. Если есть въ васъ хоть капля искренности и уваженія къ человѣку, такъ скажите мнѣ откровенно... Неужели въ самомъ дѣлѣ у васъ было одно желаніе—держать около себя человѣка, который симпатизировалъ вамъ, и, пользуясь этимъ, дурачить его, смѣяться надъ нимъ?... Ну, скажите же, ради Бога, правду...

РАЙСА.

Ничего я не хотѣла, ничего не думала, а просто мнѣ жалко васъ стало, когда вы собрались уѣхать... Мы много съ вами говорили, спорили... Я, должно быть, привыкла къ вамъ... Вотъ и все... А наставленій и грубости отъ васъ слышать я все-таки не хочу...

Быстро поворачивается и уходитъ.

СКВОРЦОВЪ.

Райса Алексѣевна, ради Бога, еще два слова...

РАЙСА.

Въ другое время, когда вы будете въ лучшемъ расположеніи духа, а не теперь.

Уходитъ.

СКВОРЦОВЪ—одинъ.

Что же это такое?... Что это за дѣвушка?.. Она такъ искренно, такъ сердечно смотрѣла на меня... и въ то же время... (Схватываетъ себя за голову). Да, я люблю ее... Это ужасно!.. Я съ ума сойду...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ въ усадьбѣ Квашнина. Впереди, подъ деревомъ, чайный столъ.

ОРЕСТЪ—сидитъ возлѣ чайнаго стола. Передъ нимъ, въ независимой позѣ, стоитъ Павелъ.

Вотъ бы такого коня заполучить, какъ у Аркадія Петровича, да въ корень бы—въ тройку... Вотъ тогда держись только... Нашихъ-то, Бурю да Сокола, на пристяжку... Такъ, кажется, разнесли бы... Никакія глѣбовскія лошади не устояли бы, всѣхъ бы обогнали!.. Да я упрошу когда-нибудь Аркадія Петровича дать заложить его Джальму въ тройку... Только Семена не пушу на козлы: онъ—тетеря, ему не справиться... А самъ сяду...

ПАВЕЛЪ.

Не справиться вамъ, разобьютъ...

ОРЕСТЪ.

Я не справлю? я?... Ну, ужъ, братъ, врешь!.. у меня никакая лошадь не отобьется!.. Да развѣ я не справилъ, когда катался на Джальмѣ въ кабріолетѣ?.. Отлично шель...

ПАВЕЛЪ.

Такъ-то въ одиночку, а въ тройкѣ-то онъ горячиться будетъ... Пристяжныя-то подхватятъ... Ну, и разнесутъ: волось-то послѣ не соберете...

ОРЕСТЪ.

Вотъ такъ ужъ нѣтъ... Теперь ты давай мнѣ какую хочешь бѣшеную лошадь въ корень, всякую усмирить можно... Пропусти только здоровую толстую бичевку промежъ губъ: какъ натянулъ ее хорошенько, когда задурила, она врѣжется въ это мѣсто (*показываетъ у себя на улы губѣ*)... всякую осадить можно, какая бы ни была тугоуздоватая... Иныя, бываетъ, удила закусываютъ, а ужъ веревку-то ей закусить не удастся... я ей всю пасть разорву!.. Да помнишь ты тогда, ночью, вѣдь, съ тобой же ѣздили, брали потихоньку Бахвала: ужъ какой, кажется, бѣшенный и тоже удила закусываетъ, а ничего тогда не подѣлалъ... Я его тоже веревкой взнуздывалъ окромѣ удила. (*Смѣется*). Помнишь еще тогда на другой день переполохъ былъ: удивлялись, что Бахвалъ по-утру весь въ мылѣ былъ, точно купанный... Семень увѣрялъ еще, что это домовой его не любить... Помнишь?

ПАВЕЛЪ—ухинился.

Ну, какъ не помнить... Только тогда вы съ Андриушвой, не со мной... Я дома-то не ночевалъ тогда тоже... (смеется)—къ утру пришелъ...

ОРЕСТЬ.

Да, да... А-и, скоро мы тогда скатали на немъ (съ восторгомъ), страсть, братъ!.. А мой-отъ фюфанъ-то, Николаичъ...

ПАВЕЛЪ.

Учитель-то?

ОРЕСТЬ.

Ну, да!... Проспалъ, ничего не слышалъ: такъ я чудесно прокраиса... Только на другой день будить меня, а у меня голова трещить—страсть, никакъ не приподнять... Онъ меня будить, а я только ругаюсь, да какъ свисну его на-отмашь, точно во снѣ, ничего не понимаю... Отступился, ушелъ... (Хочется). Послѣ нашимъ рассказываетъ, какъ я его огрѣлъ, а мамаша и говорить: «ну, чего спрашивать съ соннаго человѣка... Опять же—ребенокъ... День-то убѣгается... Спится ему крѣпко...»

ПАВЕЛЪ.

Да вотъ, а Мальчика-то запамяли... На ноги совсѣмъ свѣтъ и ѣсть плохо... Пожалуй, изведется совсѣмъ.

ОРЕСТЬ.

А, вотъ, велика важность!.. Чортъ бы его взялъ... Чего онъ стѣбитъ: вся-то цѣна ему пятьдесятъ цѣлковыхъ.

ПАВЕЛЪ.

Да такъ-то такъ... А вотъ что, Орестъ Алексѣичъ, я смотрю: не нравится мнѣ эта ихняя запряжка... у Аркадія Петровича... шоры эти... По нашему мѣсту, не идетъ... То ли дѣло трѣчка-матушка, съ колокольчинею, съ бубенчиками, сбруя съ наборомъ... Роскошь!.. То ли дѣло!..

ОРЕСТЬ.

Мнѣ, братъ, самому не по мысли... Ну, да, вѣдь, что же...! Онъ по-петербургски привыкъ...

ПАВЕЛЪ.

Опять—это на кучерѣ одѣянье: еврея эта ихняя... Что это?... Шляпа круглая, на плечахъ перелиня... Да мнѣ бы, кажется,—оволоти меня—не надѣть...

ОРЕСТЬ.

Отчего?

ПАВЕЛЬ.

Отъ своего брата стыдно... Смѣяться стануть... Точно въ бабьемъ салопѣ, а—кучерь... Какой ужъ это кучерь!..

ОРЕСТЬ.

Такъ вы дурачье деревенскіе, оттого тебѣ и стыдно... А будь ты городской, съ удовольствіемъ бы надѣлалъ...

ПАВЕЛЬ—обидѣвшись.

Какіе же мы деревенскіе... Развѣ что пока въ деревнѣ живемъ... Такъ это отъ насъ зависитъ: сегодня въ деревнѣ, а завтра въ городѣ—не привязаны...

ОРЕСТЬ.

Такъ городъ городу ровень... То нашъ городишко, а то Петербургъ... Попробовалъ бы сунуться, такъ никто бы тебя и не взялъ, потому—ничего не знаешь... никакихъ городскихъ обыкновеній... Посмотри-ка у Аркадія Петровича петербургская-то прислуга—тебѣ ли чета? Они всегда въ струнѣ...

ПАВЕЛЬ.

Анъ вотъ и довольно ошибаетесь... Аркадій-то Петровичъ самъ говорилъ: какой, говоритъ, ты ловкій молодецъ, Павлуша... Кабы не жилъ ты у здѣшнихъ господъ, съ удовольствіемъ бы взялъ тебя къ себѣ... Два раза по рублю на чай мнѣ жаловали... Вотъ что!.. А вы знаете-ли сколько ихняя-то прислуга получаетъ?

ОРЕСТЬ.

Сколько?

ПАВЕЛЬ.

А по 15-ти да по 20-ти рублей въ мѣсяць... А я у васъ сколько? 6 въ мѣсяць... Такъ вотъ оно расчетъ-то какой...

Подходить АНДРЕВНА.

АНДРЕВНА.

Павелъ, а Павелъ...

ПАВЕЛЬ.

Чего еще?

АНДРЕВНА.

Слышь: Павелъ!..

ПАВЕЛЬ.

Да слышу... Ты глухая-то, не я... (Громко). Чего, я говорю, надо?...

АНДРЕВНА.

Подъ, тебя тамъ въ комнатахъ спрашиваютъ.

ПАВЕЛЬ.

Кто?

АНДРЕВНА.

Зовутъ, зовутъ, батюшка... Поди... Сама слышала... Кликнули тебя...

ПАВЕЛЬ.

О, глухой чортъ! Слышала, говорить.

Уходить.

АНДРЕВНА—садясь около Ореста, хочет поглядать его по головѣ, но Орестъ отталкиваетъ ее руку.

Чтой-то старую-то няньку толкаешь—разлюбилъ: не какъ махонькой когда былъ... А кто тебя выинчилъ?

ОРЕСТЪ—вполголоса, смотря на няньку.

Глухая тетеря...

АНДРЕВНА.

Что?

ОРЕСТЪ—также.

Глухая тетеря—вотъ что...

АНДРЕВНА.

То-то... Знамо, я никому больше и дотронуться до тебя не давала... Такъ и теперь меня въ тебѣ тянетъ, а ты вотъ ужъ большой сталъ, няньку старую разлюбилъ...

ОРЕСТЪ.

Табачный носъ...

АНДРЕВНА.

Что?

ОРЕСТЪ—громко.

Я говорю: табачный носъ...

АНДРЕВНА.

Ничего, что табачный, а вотъ всѣхъ же васъ выводила... Тебя одного поднять, да на свои ноги поставить чего стоило... Аи, баловливъ былъ, аи, баловливъ!.. Да вотъ ни руки, ни ноги не сломалъ: все цѣлехонько... А у другой бы няньки, по твоему характеру, давно бы безъ головы ходилъ... А ты кабы путный былъ, такъ вотъ хоть бы когда старой нянькѣ четверочку табачку и купилъ бы... А то вотъ дразниться-то знаешь: табачный носъ!.. а можетъ быть нянькѣ-то и табаку-то не на что купить... Всѣхъ васъ лучше Раиньва, ужъ сказать что лучше: вѣтъ, вѣтъ, да няньку и вспомнить...

ОРЕСТЬ.

Я тебѣ когда-нибудь подарю, вмѣсто табаку-то, золи съ перцемъ...

АНДРЕВНА.

Что?

ОРЕСТЬ—громко.

Я говорю, подарю непременно...

АНДРЕВНА.

Ну, подаришь, такъ спасибо скажу... А ты темерь вотъ что мнѣ растолкуй: отъ Райньки не могла добиться, а къ Олинъѣ и не подступайся... Скажи ты мнѣ на милость: къ которой сестрицѣ петербургскій-то баринъ, Аркадій-то Петровичъ, къ которой сватается?.. На которой онъ жениться-то хочетъ?.. Мы посмотримъ, посмотримъ, разобрать не можемъ: день онъ съ Райнькой—и она будто къ нему, а на другой—за Олинъкой ходитъ... Къ которой же онъ сватается-то? На которой жениться-то хочетъ?..

ОРЕСТЬ.

На обѣихъ...

АНДРЕВНА.

На Олинъѣ... Ну, такъ и слѣдуетъ: на старшей...

ОРЕСТЬ—громко.

На обѣихъ, я говорю...

АНДРЕВНА.

Что на обѣихъ?

ОРЕСТЬ.

Ну, пошла къ чорту...

АНДРЕВНА.

Знамо, обѣ хороши, а все младшей впередъ старшой высказывать не приходится... Хотя я Райньку и больше люблю, да пушай, ничего, поживетъ еще дома: про нея и другой женихъ найдется... Да вотъ ты еще что мнѣ молви: съ чего это Аркадій Петровичъ все нѣмцевъ никакихъ да французовъ себѣ въ прислугу набралъ?.. Самъ-отъ онъ, кажись, вѣдь, русской нации? нашей?..

ОРЕСТЬ—громко.

Нѣтъ, нянька, онъ не русскій... Онъ турка...

АНДРЕВНА.

Что? турка?.. Ну, что непутное мелешь?.. Ты говори путемъ.

ОРЕСТЬ.

Да воли онъ турка, такъ что же мнѣ дѣлать... Вѣдь я же тебѣ и говорю, что онъ на обѣихъ сестрахъ вдругъ жениться хочетъ, потому имъ турецкій законъ позволяетъ... Я тебѣ говорю: на обѣихъ, а тебѣ, глухому тетереву, слышится: на Олинкѣ...

АНДРЕВНА.

Тѣфу тебѣ, коли инъ... Маленькій-то безпутный былъ, безпутнымъ ты и останешься... *(Встаетъ и идетъ отъ него прочь. На дорожкѣ встрѣчается со Скворцовымъ)*. Учить, что-ли, идешь выводка-то моего?..

СКВОРЦОВЪ.

Вотъ не знаю, няня, захочетъ ли еще учиться-то сегодня твой выводочекъ?

АНДРЕВНА.

Учи, батюшка, учи его хорошенько, выбивай дурь-то изъ него... Столько въ немъ дури этой сидитъ, столько, что, кажись, вѣромъ его обдай, такъ не вываришь... Ну-ка что говорить: что женихъ-отъ петербургскій турка и на обѣихъ сестрицахъ за-разъ жениться хочетъ... Ну-ка, про сестрицъ что своихъ мелеть... Поругай его, сударь, поругай хорошенько... Меня-то ужъ, старухи, не слушается: авось тебя постыдится... Да за книжкой-то его, за книжкой больше держи, чтобы въ книжку-то вникалъ больше, а то у него вѣтры въ головѣ-то ходятъ, у безпутнаго этакого... Знаю я его довольно... Иди, батюшка, иди...

Уходить.

СКВОРЦОВЪ—Оресту.

Что это вы, Орестъ, остритесь на-счетъ вашихъ сестеръ и вашего, кажется, большого пріятеля?..

ОРЕСТЬ.

А зачѣмъ она, глухая тетера, пристаётъ ко мнѣ: надѣла до смерти... Лѣзетъ съ разспросами, а сама ничего не слышитъ: кричи тутъ съ ней... Нѣтъ, жалко, васъ не было: вы послушали бы весь нашъ разговоръ—преуморительно!.. Ужъ это вы встрѣтили, я ее совсѣмъ озялѣ, а то просто смѣхъ...

СКВОРЦОВЪ—двусмысленно.

Я воображаю... Ну, а что же, заниматься мы будемъ сегодня? Вотъ, кажется, ужъ скоро недѣля, какъ вы не можете найти часа свободнаго для занятій...

ОРЕСТЬ.

Да къ чему, Борисъ Николаичъ, ну, къ чему? Вѣдь, все равно: не переведуть... не выдержать мнѣ экзамена...

СКВОРЦОВЪ.

Ну, да ужъ если не для экзамена, такъ хоть бы для того, чтобъ голову-то вашу немножко занять чѣмъ-нибудь дѣльнымъ... Неужто вамъ не надобно шляться и ничего не дѣлать?..

ОРЕСТЬ.

Вотъ чудной человѣкъ!.. Да что вамъ во мнѣ? Вѣдь, папаша съ мамашей сказали вамъ, чтобъ вы не стѣсняли меня и что они не будутъ на васъ въ претензіи, если я не выдержу экзамена... Чего же вамъ еще?.. Жалованье вы свое получите... Вамъ же легче...

СКВОРЦОВЪ.

Да не о себѣ я думаю, а о васъ.... Вѣдь, вы окончательно опозлитесь, одурѣете, пропадете совсѣмъ...

ОРЕСТЬ.

Ахъ, пожалуйста, никто васъ не проситъ обо мнѣ заботиться!.. Аркадій Петровичъ общалъ, что устроить мою карьеру въ Петербургѣ и безъ вашей треклятой гимназіи... И устроить—этому я вѣрю... А заниматься не хочу и не буду...

СКВОРЦОВЪ.

Какой подумаешь всесильный человѣкъ, Аркадій Петровичъ!.. Какую же это онъ карьеру вамъ общаетъ, смѣю спросить? Вы ничего не знаете, ни къ чему не способны... Одна вамъ была дорога—въ юнкера, да и тамъ нынче экзаменъ требуется.

ОРЕСТЬ.

Ну, такъ что? захочу въ юнкера пойду, захочу и экзаменъ выдержу: у Аркадія Петровича всѣ экзаминаторы пріятели... Тамъ люди благородные, офицеры, не наши гимназическіе кутейники: они всегда дворянина пропустятъ... А не захочу въ юнкера, по гражданской части, въ какомъ-нибудь обществѣ мѣсто получу, гдѣ Аркадій Петровичъ начальникомъ... или директоромъ, что ли...

СКВОРЦОВЪ.

Да вы писать не умѣете: у васъ въ каждомъ словѣ грамматическая ошибка...

ОРЕСТЬ.

Такъ хороша ваша гимназія хваленая, что въ шесть лѣтъ писать не умѣли выучить... Чортъ бы ее побралъ...

-СКВОРЦОВЪ.

Да тутъ не гимназія виновата, а вы сами... Насильно ничему выучить нельзя...

ОРЕСТЬ.

Ну, вотъ, сами же говорите это, а во мнѣ пристааете, насильно хотите учить...

СКВОРЦОВЪ.

Да, Богъ съ вами, ничего я не хочу, кромѣ одного, чтобы вы припомнили въ свое время мое предсказаніе, что никакой карьеры вамъ Аркадій Петровичъ не устроитъ, никакой должности вамъ не дастъ и не можетъ дать, а будете вы вѣкъ свой шататься, избалуетесь и пропадете вовсе... Вотъ это вы помните...

ОРЕСТЬ.

Ахъ, отстаньте пожалуйста: съ такимъ состояніемъ, какое будетъ у меня, не пропадаютъ, я и безъ должности проживу... Я не нищій, мнѣ жалованья не нужно, я изъ-за него не буду хлопотать... (*Встаетъ*). А вотъ, почему вы говорите противъ Аркадія Петровича, это я очень хорошо понимаю...

Хочочеть.

СКВОРЦОВЪ.

Ну, продолжайте, договаривайте...

ОРЕСТЬ.

Что же, и скажу: я не боюсь васъ...

СКВОРЦОВЪ—сдерживая волненіе.

Да ну, говорите же, говорите...

ОРЕСТЬ—отходя отъ него.

Да и скажу: оттого, что онъ у васъ Рансу отбиваетъ!.. Вы ревнуете его и злитесь... (*Быстро уходитъ, оглядываясь. Издали*). А все-таки онъ не чета вамъ, вы мизинца его не стоите: вѣдь, Ранса-то тоже понимаетъ... Смѣется только надъ вами... Вотъ вы и знайте...

Убѣгаетъ съ хохотомъ.

СКВОРЦОВЪ—сдѣлавшій было невольное угрожающее движеніе въ сторону Ореста, быстро останавливается.

Нѣтъ, вѣдь онъ мальчишка... Связываться съ нимъ!.. Нѣтъ, довольно униженія и безъ того... Но, вѣдь, значить, всё это, всё замѣчаютъ, всё смѣются надо мной... И что я въ ихъ глазахъ? Учитель на жалованьи, бѣднякъ, который мечтаетъ ворваться въ богатую семью, изъ корыстныхъ расчетовъ ухаживаетъ за дѣвушкой... Можетъ быть, даже она сама это думаетъ и въ душѣ презираетъ меня, вмѣстѣ со всѣми другими... Вѣдь, ни разу же она не сказала мнѣ, что я ей дорогъ, что она любитъ меня... Только привыкла ко мнѣ, любить со мной бесѣ-

двать—вотъ что она говорила; но, вѣдь, это не мѣшаетъ ей видимо интересоваться, любезничать, да, любезничать съ этимъ акціонеромъ, заводчикомъ, предпринимателемъ, съ этой подозрительной личностью... Не даромъ она дѣлаетъ большіе глаза, выражаетъ изумленіе и сердится, когда я упрекаю ее за излишнюю любезность и внимательность въ тому франту; она какъ будто хочетъ сказать: да какое вы имѣете право врывать въ мою душу, анализировать мои чувства, осуждать мои намѣренія... Да, она прямо это показываетъ, прямо даетъ понять мнѣ, что не признаетъ за мною права слѣдить за ней, ревновать ее, что для нея мое чувство, мое увлеченіе—если не смѣшно и противно, то возбуждаетъ только ея жалость, состраданіе... И я самъ, самъ во всемъ виноватъ, мнѣ не за что винить ее!.. Я видѣлъ и понималъ, въ какой она выросла средѣ, какъ она испорчена, я сознавалъ опасность, которая мнѣ предстояла и не умѣлъ побороть въ себѣ зародыша страсти, не умѣлъ во-время убѣжать отъ нея... Что теперь будетъ? Я не могу, не въ силахъ оторваться отъ нея, не могу равнодушно видѣть, что она рискуетъ своею судьбой, увлекаясь этою двусмысленною личностью... Да, двусмысленною, подозрительною, я это чувствую, хотя не могу ничѣмъ доказать... Что же мнѣ дѣлать?.. Говорить противъ него—она не повѣритъ, потребуетъ доказательствъ, заподозритъ только меня въ мелочной зависти; сказать ей прямо, что люблю ее, и просить ея руки, но, вѣдь, меня всѣ осмѣютъ и можетъ быть, прежде всѣхъ другихъ, она же сама, первая... Вѣдь, ей навѣрно въ голову даже не приходила мысль о возможности быть моею женой: она выросла и воспиталась на мысли, что должна выдти замужъ за человѣка извѣстнаго общественнаго положенія, котораго я не имѣю... Но я долженъ непременно, долженъ все ей сказать: открыть свою душу и высказать мое нѣніе о немъ... Да, я долженъ, я не могу иначе!.. (*Вдали показывается Волюновъ подъ руку съ Райсой*). Вотъ они... вмѣстѣ!.. подъ руку!.. О, я не въ силахъ ихъ видѣть... Я сдѣлаю какую-нибудь глупость... Но оставить ихъ вдвоемъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, уйти теперь.

Быстро, порывисто, почти убѣгаетъ въ противоположную сторону.

РАЙСА.

Борись Николаичъ, Борисъ Николаичъ... Что это, какъ онъ странно ушелъ... Неужели онъ не слышитъ моего голоса?

ВОЛЫНОВЪ.

Присядемте здѣсь... Да, этотъ господинъ учитель... вообще довольно странный человѣкъ... Напримѣръ, относительно меня:

несмотря на всѣ мои любезности, онъ держитъ себя со мною точно какой скрытный врагъ... Между тѣмъ какъ между нами не можетъ быть ничего общаго... И чтó, скажите, пожалуйста, онъ уменъ: я никогда не могъ вызвать его на продолжительный разговоръ, всегда онъ отдѣляется какими-то общими незначащими фразами...

РАИСА.

О, онъ очень уменъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Да?... И должно быть изъ семинаристовъ...

РАИСА.

Не знаю хорошенько, но, кажется, нѣтъ... Кажется, онъ говорилъ, что его мать—вдова, бѣдная чиновница... Здѣсь недалеко, въ уѣздномъ городѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а... Ну, это все-равно...

РАИСА.

То-есть какъ все-равно?

ВОЛЫНОВЪ.

То-есть среда одинакова: семинаристы, бѣдные низшаго сорта чиновники, это все одна среда: они женятся, рождаются между собою... Всѣ наши мелкіе чиновники вышли преимущественно изъ духовнаго званія... поповичей, какъ ихъ называютъ... Вы, мнѣ кажется, питаете къ нему большое сочувствіе?..

РАИСА.

Да, я его люблю... Онъ хорошій...

ВОЛЫНОВЪ—съ улыбкой.

Какое вы святое слово употребили: люблю... Развѣ съ этимъ словомъ можно такъ неосторожно обращаться?

РАИСА.

Отчего же? Чтó особеннаго въ этомъ словѣ? Я слыхала, что оно страшно только для институтокъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Но развѣ ваше чувство къ этому господину, или, лучше сказать, ваше общечеловѣческое расположеніе къ нему можно назвать любовью?

РАИСА.

Какою любовью?

ВОЛЫНОВЪ—улыбался.

О, да, конечно... Вы мнѣ напоминаете известный водевиль-ный куплетъ... Но вѣдь въ такомъ случаѣ естественъ вопросъ и съ моей стороны: какую же любовь вы его любите: какъ друга, какъ хорошаго знакомаго или какъ-нибудь иначе?..

РАИСА.

А почему васъ такъ это интересуетъ?... Можетъ быть, вы задаете мнѣ такой вопросъ, о которомъ я никогда и не думала?.. Но почему это васъ-то интересуетъ?

ВОЛЫНОВЪ.

Потому, во-первыхъ, что меня все интересуетъ, что касается васъ, а во-вторыхъ, вы извините меня и не подумайте, что я хочу васъ оскорбить: мнѣ показалось... какъ бы это выразить, показалось, что господинъ учитель имѣетъ дерзость иногда смотреть на васъ такими глазами, которые говорятъ о чувствѣ... не совсѣмъ скромномъ въ его положеніи...

РАИСА.

Я васъ не совсѣмъ понимаю: скажите мнѣ яснѣе, проще...

ВОЛЫНОВЪ.

Проще?.. Извольте, только условіе: не сердиться... Мнѣ казалось, что онъ смотритъ на васъ глазами влюбленнаго...

РАИСА.

Такъ что же?.. Очень рада...

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ? И это васъ не оскорбляетъ?

РАИСА.

Чѣмъ же тутъ оскорбляться?

ВОЛЫНОВЪ.

Но, вѣдь, такіе взгляды вызываютъ на отвѣтъ: на нихъ отвѣчаютъ или презрѣніемъ, или сочувствіемъ... Неужели вы считаете возможнымъ отвѣтить сочувствіемъ на любовные взгляды вашего учителя?

РАИСА.

Я ихъ не замѣчала, но я считаю все возможнымъ...

ВОЛЫНОВЪ.

То-есть вы хотите сказать, что этого нѣтъ еще, но что это можетъ быть...

РАИСА.

Я не говорю, что оно непременно случится, но какъ же я

могу утверждать, что этого не можетъ случиться... Развѣ чело-
вѣку можно впередъ ручаться за свои чувства?..

ВОЛЫНОВЪ.

Да, это всегда такъ бываетъ... (*Смотря съ особеннымъ вы-
раженіемъ на Раису*). Бываетъ, что одинъ смотритъ на женщину
какъ на недосыгаемое свѣтило, какъ на недоступное для него
божество, которымъ онъ можетъ только безмолвно и втихомолку
восхищаться, передъ которымъ онъ не осмѣливается вслухъ вы-
сказать свои чувства, боясь прогнѣвить или оскорбить его... А
она, эта женщина, это божество въ глазахъ одного, считаетъ
себя самымъ обыкновеннымъ существомъ, способнымъ отвѣчать
на всякое мизерное чувство... самаго дюжиннаго, другого чело-
вѣка... (*Все съ болшею и болшею страстью*). Одинъ отдастъ бы
половину жизни, всю жизнь, все возможное для него счастье,
хоть за малѣйшій проблескъ сочувствія, хоть за слабую надежду,
что когда-нибудь оцѣнитъ его чувство и позволить принести къ
ногамъ божества и это чувство, и все свое сердце, все прошед-
шее и будущее, что не оттолкнуть этого приношенія съ презрѣ-
ніемъ... не посмѣются надъ нимъ, надъ его ничтожествомъ и
дерзостию... А другой, можетъ быть менѣе достойный, менѣе чув-
ствующій, но дерзкій и самонадѣянный, безъ всякаго права,
смѣло подходитъ къ этому божеству, нагло и вызывающе смотритъ
на него, не боясь, что будетъ наказанъ за свою дерзость и са-
монадѣянность... И онъ не ошибается: сочувствіе къ нему счи-
таютъ возможнымъ... Не правда ли, Раиса Алексѣевна? за что
это неравенство?.. За что объ одномъ думаютъ: да, для тебя счастье
возможно, а другому прямо показываютъ, если и не говорятъ:
нѣтъ, не надѣйся, для тебя счастье немислимо... За что? за что это?..

Въ сильномъ волненіи ломаетъ руки.

РАИСА—смущенная и сконфуженная, ста-
раясь не смотрѣть на Волынова.

Если эти намеки на меня... то... какое же я божество?.. я
самая простая!.. И я со всѣмъ такъ ни о комъ не думаю...

ВОЛЫНОВЪ.

Но вѣдь, согласитесь, что въ первое время нашего знаком-
ства вы держали себя со мной болѣе, чѣмъ недоступно... Вы часто
почти оскорбляли меня своею холодною, пренебреженіемъ...
Если бы не доброта вашей матушки, не привѣтливость и ласко-
вость вашей сестры, я долженъ бы былъ отказаться отъ знаком-
ства съ вашимъ домомъ... Въ послѣднее только время вы стали
какъ будто немного милостивѣе ко мнѣ... Вонъ идетъ ваша се-

стра... Скажите же мнѣ искренно и откровенно: вы не питаете ко мнѣ ни отвращенія, ни недовѣрія?..

РАИСА.

Что вы? за что? съ какой стати?

ВОЛЫНОВЪ.

Значить, я не принадлежу въ вашихъ глазахъ къ числу тѣхъ людей, которые никогда не могутъ заслужить вашего сочувствія?.. Скажите, ради Бога, скорѣе и прямо...

РАИСА.

Нѣтъ, не принадлежите.

ВОЛЫНОВЪ.

Спасибо вамъ... Вы оживили меня...—Ольга Алексѣевна, мы здѣсь, здѣсь...

Входитъ ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

А-а... А я васъ на-силу нашла: прошла по той аллеѣ, куда вы пошли, потомъ повернула въ темную аллею...

ВОЛЫНОВЪ.

А мы вотъ встрѣтились въ саду съ Райсой Алексѣевной, усѣлись здѣсь, да все и бесѣдовали, ожидая васъ... Ну, что мамаша?

ОЛЬГА.

Она ожидаетъ васъ въ своей комнатѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, ожидаетъ! такъ я отправлюсь къ ней поскорѣе... До свиданія, mesdames, (*выразительно*)—надѣюсь, радостнаго...

Привѣтливо киваетъ головою и уходитъ.

ОЛЬГА.

Вы о чемъ разговаривали?

РАИСА.

Такъ, о пустякахъ все...

ОЛЬГА.

Да нѣтъ, о чемъ именно? расскажи...

РАИСА.

Да, право, трудно и рассказать: разговоръ переходилъ, мѣнялся... О людяхъ, о людскихъ отношеніяхъ, объ учителяхъ...

ОЛЬГА.

Ахъ, а знаешь, я встрѣтила твоего обжѣ..

РАИСА.

Оля, сколько раз просила я тебя не называть его так: какой онъ мой обжé?.. Съ чего вы всё взяли?..

ОЛЬГА.

А, значить, и Аркадiй Петровичъ замѣтилъ, что онъ къ тебѣ равнодушенъ... Вѣдь это всё видать...

РАИСА.

Да мнѣ-то какое до этого дѣло: равнодушенъ онъ или нѣтъ... Мнѣ рѣшительно все равно...

ОЛЬГА.

Ну, ну, полно, ужъ какое все-равно... Что ты передо мной скрываешь... Вѣдь я мѣшать не буду: я еще помогу, если что нужно... Ну, ну, нѣ сердись!.. Охъ, какая ты скрытная!.. Я хотѣла только спросить: не вышло ли между вами чего: я его встрѣтила такого разстроеннаго, такого убитаго, на немъ лица не было... Бродить тамъ по темной аллеѣ... Я было его спросила: что съ вами, Борисъ Николаичъ? Но, вѣдь, онъ такой же, какъ ты, скрытный: вамъ, говорить, такъ кажется, со мной ровно ничего, какъ всегда... И прошелъ, больше ни слова не сказалъ... Спрашиваю ему вслѣдъ: не видали ли нашихъ? Вздрогнулъ даже, такъ всего и передернуло: какъ же, говорить, видѣлъ вашихъ: тамъ, у чайнаго стола бесѣдуютъ... И такой злой, злой, даже голосъ у него охрипъ... Видно, что онъ тебя ревнуетъ къ Аркадiю...

РАИСА — раздражительно.

Да какое онъ имѣетъ право?..

ОЛЬГА — двусмысленно.

Ужъ я этого не знаю... Ты мнѣ не хочешь ничего сказать... А я вотъ не въ тебя... (Оглядывается). Я вотъ, когда вижу, что ты не идешь противъ меня, не дѣлаешь мнѣ на зло, я всей душой къ тебѣ, ничего даже скрыть отъ тебя не могу... (Оглядывается). Знаешь, зачѣмъ онъ къ мамашѣ пошелъ?

РАИСА.

Нѣтъ, не знаю...

ОЛЬГА.

Онъ меня просилъ предупредить мамашу, что желаетъ съ нею говорить наединѣ, безъ свидѣтелей... А передъ этимъ мы ходили по темной аллеѣ и... знаешь, что онъ сказалъ?.. (Бросается къ сестрѣ на шею). Ахъ, душечка, Рая, какъ я счастли-

ва!.. какъ я люблю тебя!.. Рая, милая!.. Ты дѣйствительно хорошая, честная!.. ты не вредила мнѣ...

Цѣлуетъ ее.

РАИСА.

Да что же онъ сказалъ такое?

ОЛЬГА.

Онъ, онъ много говорилъ... говорилъ, что привязанъ къ нашему семейству, что лучше нашей семьи не знаетъ... Что мамашу любить, какъ родную мать... Что его удивляетъ только твоя холодность и какъ будто даже пренебреженіе и недовѣріе къ нему... Что, конечно, онъ еще ни чѣмъ не успѣлъ заслужить твоего расположенія, но онъ мечталъ, что мы жили бы вмѣстѣ въ Петербургѣ и онъ, по своему богатству, по своимъ связямъ и знакомству, могъ бы доставлять тебѣ такъ много удовольствій, какъ ты и не воображаешь...

РАИСА.

Какъ, жить вмѣстѣ въ Петербургѣ? Что же это значить?..

ОЛЬГА.

А ты послушай дальше... Что онъ и теперь уже любитъ тебя, какъ сестру, и боится только, что никогда не заслужитъ твоей дружбы и довѣрія... Намекнулъ и на твои отношенія къ учителю и такъ пытливо посмотрѣлъ на меня... Я, разумѣется, ни слова не сказала и даже виду не подала...

РАИСА.

Это странно...

ОЛЬГА.

Погоди, погоди, сейчасъ все поймешь?.. Я его послѣ этого и спрашиваю: что же вы ничего обо мнѣ не скажете?.. Какъ же вы обо мнѣ думаете?.. А онъ... Ахъ, Рая, душа!.. Мы ходили подъ руку... Онъ такъ крѣпко, крѣпко прижалъ къ себѣ локтемъ мою руку, и говоритъ: въ васъ, Ольга Алексѣвна, кромѣ достоинствъ, я ничего не знаю... Вы такъ добры, способны на такую любовь, преданность, что... Ахъ, Рая, мнѣ даже стыдно говорить...

Скрываетъ свое лицо на груди сестры.

РАИСА — слегка отстраняя ее.

Ну, говори, говори...

ОЛЬГА.

Что если бы, говорить, мнѣ пришлось избирать подругу жизни... лучше васъ я не могъ бы найти... Въ васъ, въ вашей душѣ... Онъ тутъ много, много говорилъ хорошаго, лестнаго...

РАИСА.

Ну, а что же ты?

ОЛЬГА.

Я вся горѣла, ничего не видѣла, не помню, чтѣ со мной было... И вдругъ онъ спрашиваетъ: а вы, какого бы мужа вы желали имѣть?..

РАИСА.

Что же ты отвѣтила?

ОЛЬГА.

Что же я могла сказать?.. Я не помнила себя, я вся трепетала... Вѣдь это въ первый разъ въ жизни, Рая, понимаешь, — въ первый!.. И такой человѣкъ!.. Я поняла, что онъ объясняется со мною, что онъ хочетъ дѣлать мнѣ предложеніе... Развѣ я могу ему отказать: этакой душичъ, этакой прелести?.. Я ему отвѣтила: такого, какъ вы!.. И хотѣла-было бѣжать отъ него, но онъ удержалъ меня за руку, крѣпко пожалъ ее, и такимъ сердечнымъ, симпатическимъ голосомъ, даже, кажется, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: спасибо вамъ, большое спасибо за ваше сочувствіе... Ну, Рая, милая, развѣ это не то?..

РАИСА.

А потомъ что же было?

ОЛЬГА.

Потомъ онъ сталъ рассказывать про свою жизнь въ Петербургѣ, про свое богатство, расспрашивалъ: какого мнѣнія о немъ мамаша, папаша, ты... Ну, разумѣется, я увѣрила его, что самого высокаго мнѣнія, ручалась и за тебя, что ты не чувствуешь къ нему ни недоувѣрія, какъ онъ говорить, а тѣмъ больше пренебреженія... Въ это время вдали увидѣли тебя, онъ попросилъ, чтобы я сходила къ мамашѣ и предупредила ее, что онъ желаетъ переговорить съ нею наединѣ... а самъ пошелъ къ тебѣ на-встрѣчу... Ну, Рая, душка, какъ ты думаешь: вѣдь, навѣрно, онъ пошелъ къ мамашѣ дѣлать предложеніе?

РАИСА.

Да, похоже на то... только странно: отчего же онъ?..

ОЛЬГА — съ безпокойствомъ.

Что такое? что? Говори, Рая... говори...

РАИСА.

Отчего же онъ прямо не сдѣлалъ тебѣ самъ предложеніе?..

ОЛЬГА.

Какъ же не сдѣлать?.. Развѣ это не предложеніе?.. Онъ прямо объяснился,—ты пойми: я не желалъ бы иной подруги жизни, кромѣ вась... И опять о тебѣ: что онъ и *теперь уже* любить тебя, какъ сестру... Какъ же?.. Вѣдь, если онъ женится на мнѣ, ты будешь ему сестра...

РАЙСА — задумчиво.

Да, это правда... Но только... Вѣдь, въ такихъ случаяхъ, кажется, получивши согласіе отъ дѣвушки, просить у нея позволенія переговорить съ родителями...

ОЛЬГА.

Да, вѣдь, это какъ кто... Это, вѣдь, не правило... Притомъ же онъ развѣ станетъ подражать нашимъ деревенскимъ обычаямъ... Ты знаешь: онъ постоянно смѣется надъ ними... Рая, да тебѣ это неприятно... Неужели ты завидуешь мнѣ?.. Или ты сама неравнодушна къ нему?..

РАЙСА.

Что ты? Что ты?.. Нѣтъ, я очень рада!.. Только я боюсь, не ошибаешься ли ты...

ОЛЬГА.

Ну, ужъ, что я не ошибаюсь-то... это вѣрно!.. Ты посмотрѣла бы, какими глазами онъ глядѣлъ на меня, какъ жалъ мнѣ руку... съ какимъ чувствомъ говорилъ... Нѣтъ, нѣтъ, Рая, я не ошибусь!.. Ты не бойся: когда я выйду за него и мы поѣдемъ въ Петербургъ, я возьму тебя съ собой... Что тебѣ здѣсь дѣлать?.. Онъ можетъ и Борису Николаичу доставить хорошее доходное мѣсто... Тогда и тебѣ не стыдно будетъ выйти за него...

РАЙСА — вспыхнувъ.

Да съ чего ты взяла?.. Съ чего ты мнѣ суешь этого учителя?.. Что ты думаешь: неужели?..

ОЛЬГА.

Ну, ну, не сердись... Милая, ангель, не сердись... Я такъ только... Я, вѣдь, изъ любви къ тебѣ... Я такъ счастлива, такъ счастлива!.. Да, разумѣется, съ твоей красотой, съ твоимъ приданымъ, развѣ ты не найдешь себѣ какаго хочешь жениха... особенно въ Петербургѣ... Знаешь что, Рая: меня мучитъ любопытство... Я пойду, послушаю у дверей, что они говорятъ съ мамашей... а?

РАЙСА — холодно.

Какъ хочешь...

ОЛЬГА.

Я пойду... не могу... А ты не дуйся же, не сердись на меня... Я, ей-Богу, изъ любви, отъ чистаго сердца...

Цѣлуетъ ее въ щеку и убѣгаетъ.

РАЙСА—одна.

Что это такое?.. Неужели Ольга увлекается до такой степени?.. Но, вѣдь, онъ говорилъ мнѣ съ такой страстью, съ такимъ волненіемъ... Если бы Ольга не понимала, онъ, конечно, бы... Бѣдная Оля!.. Но что же мнѣ дѣлать?.. Я не увлекала его, не старалась понравиться... была даже холодна... Онъ мнѣ нравится: уменъ, хорошо собой, богатъ, но я не хотѣла мѣшать Ольгѣ... Пускай!.. Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ увлекся ею?.. Или этотъ Борисъ Николаичъ... Можетъ быть, онъ думалъ, что и я безъ ума влюблена въ него... Не можетъ быть, чтобы онъ отдавалъ Ольгѣ предпочтеніе передо мной... И что думаетъ о себѣ этотъ Скворцовъ... Развѣ онъ можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ мужемъ, или не воображаетъ ли, что я...

СКВОРЦОВЪ осторожно выходитъ изъ-за деревьевъ и нерасшѣченный походитъ къ Райсѣ.

СКВОРЦОВЪ.

Можно мнѣ на нѣсколько минутъ прервать ваши мечты, Райса Алексѣевна?..

РАЙСА — слегка вздрагивая.

А-а, вотъ какъ вы легки на поминѣ!..

СКВОРЦОВЪ.

Какъ, развѣ вы обо мнѣ говорили или думали?..

РАЙСА.

Да, и говорила, и думала...

СКВОРЦОВЪ.

Много чести...

РАЙСА.

Да, дѣйствительно много!.. Мнѣ надоѣли вами всѣ... всѣ!.. Почему-то, я не знаю, вы ведете себя такъ относительно меня, что мнѣ покою не даютъ вами: точно между нами есть какія непозволительныя отношенія, точно я влюблена, въ самомъ дѣлѣ, въ васъ, и скрываю это...

СКВОРЦОВЪ — злобно.

А этого нѣтъ?

РАЙСА — вспыхнувъ.

Что за глупый и дерзкій вопросъ, господинъ Скворцовъ!..

Я, кажется, не подавала вамъ никакого повода предлагать мнѣ подобныя вопросы...

СКВОРЦОВЪ.

Это не вопросъ, потому-что тутъ и сомнѣнія никакого быть не можетъ... Я не спрашиваю васъ, а говорю утвердительно, что ни скрытыхъ отношеній, ни скрытой любви ко мнѣ въ васъ нѣтъ... Я скажу еще больше, что я предметъ насмѣшки въ глазахъ вашихъ, и всѣхъ кто васъ окружаетъ, даже въ глазахъ этого проходивца, фата, который съ нѣкотораго времени чуть не поселился здѣсь...

РАИСА.

Какъ вы смѣете такъ говорить о немъ?.. Почему вы знаете: можетъ быть, это мой женихъ...

СКВОРЦОВЪ—саркастически.

Я такъ и думалъ... Чего лучше?!.. Въ добрый часъ!.. Охъ богачъ, красавецъ, одѣлаетъ васъ счастливою, устроитъ вашего брата, откроетъ здѣсь фабрики, заводы, обогатитъ край и вашихъ родителей...

РАИСА.

Да, да, онъ таковъ, и все это сдѣлаетъ... Что-жъ изъ этого?..

СКВОРЦОВЪ.

Изъ этого слѣдуетъ, что нужно держать меня, бѣдняка, на привязи около себя, заставлять меня кривить душой, толчать деньги за обученіе неуча, который ничего не дѣлаетъ, который ненавидитъ книги и видѣть ихъ не можетъ, дурачить меня, позволять надѣяться на дружбу, на сочувствіе—и въ то же время пользоваться мною, какъ средствомъ возбудить ревность и ухаживанія другого, настоящаго, выгоднаго жениха... И это честно, Раиса Алексѣевна?.. Это достойно уважающей себя, благородной дѣвушки?..

РАИСА.

Да вы съ ума сошли? Вы оскорбляете меня, вы клеветаете на меня, мнѣ же прямо въ глаза... Чѣмъ я васъ держу на привязи, чѣмъ заставляю кривить душой?.. Что я попросила васъ остаться—въ надеждѣ, что вы принесете хоть какую-нибудь пользу брату и заработаете себѣ нѣсколько лишнихъ денегъ, въ которыхъ, вы сами признавались мнѣ, очень нуждаетесь; что я была любезна съ вами, находила удовольствіе говорить съ вами, какъ съ умнымъ человекомъ... Развѣ это похоже на все то, что вы сейчасъ сказали?.. Вы подумайте сами: какъ вамъ не стыдно говорить такія оскорбительныя вещи человеку, который ни въ чемъ передъ вами не виноватъ...

СКВОРЦОВЪ.

Но развѣ вы не видѣли, признайтесь по совѣсти, развѣ вы не замѣчали, что не простое чувство привязываетъ меня къ вамъ, что я увлекаюсь вами каждый день все больше и больше?..

РАИСА.

Ну, если и замѣчала, что же изъ этого?

СКВОРЦОВЪ.

И замѣчая, вы продолжали быть столь же, даже болѣе любовною, внимательною, чѣмъ прежде?.. Вы допустили, что чувство мое развилось до безумныхъ надеждъ на взаимность?

РАИСА.

Положимъ, что я этого не предвидѣла, и не знаю, что бы я сдѣлала, еслибъ могла предвидѣть... Но развѣ это даетъ вамъ право оскорблять меня, упрекать въ какихъ-то скверныхъ намѣреніяхъ за то только, что я не догадывалась о вашемъ чувствѣ, о какихъ-то вашихъ надеждахъ?.. Развѣ я давала вамъ какой-нибудь поводъ словами, взглядами,—чего-то ожидать, на что-то надѣяться?.. Не я ли вамъ не разъ говорила, что я самая обыкновенная, простая барышня, желающая только веселья, свободы, независимости и неспособная ни на какіе подвиги, даже, можетъ быть, ни на какое сильное чувство... Я даже не рисовалась передъ вами, не прикрашивала себя, не старалась скрыть своихъ недостатковъ... Мнѣ всегда не нравились ваши восторженные неzasлуженныя похвалы, которыя вы иногда мнѣ расточали. Чѣмъ же вы увлеклись во мнѣ, и виновата ли я, что въ васъ явилось какое-то чувство, да еще съ надеждами?..

Насмѣшливо улыбается.

СКВОРЦОВЪ.

Ну, Раиса Алексѣевна, говорятъ, женщина всегда себя оправдываетъ, если захочетъ... Въ вашихъ словахъ до сихъ поръ все было хорошо и даже честно, если только искренно... Не хороша была только послѣдняя насмѣшливая улыбка... Я думаю, что вы по крайней мѣрѣ не въ состояніи насмѣхаться надъ страданіями другого, хоть и чужого для васъ человѣка... Но Богъ съ вами: во многомъ вы сами не виноваты... Для меня теперь все ясно... Простите меня за мои рѣзкія слова, я дѣйствительно не имѣла права ихъ высказать: это говорила во мнѣ ревность, оскорбленное чувство, разбитыя надежды... Простите меня... Я во всемъ виню себя, а не васъ... Но, ради Бога, не для меня, а для себя: будьте осторожны, не увлекайтесь мишурой... Мнѣ сердце говорить, что тутъ, въ этомъ человѣкѣ,—вы знаете въ

комъ, — что-то неладно, не хорошо... Я не знаю, что именно, но есть что-то въ немъ фальшивое, подозрительное... Помните, что это говорить вамъ человекъ... (*прерывающимся голосомъ*) который... который васъ безумно любитъ... и говоритъ съ вами, вѣроятно... въ послѣдній разъ... Прощайте...

Порывисто оборачивается и уходитъ.

РАИСА.

Борисъ Николаичъ... Погодите... Послушайте... Борисъ Николаичъ...

СКВОРЦОВЪ—не оборачиваясь.

Нѣтъ, нѣтъ, не могу болѣе... Все сказано... Мнѣ тяжело... Прощайте...

Закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ.

РАИСА—одна.

Бѣдный!.. Мнѣ жалко его... Хорошій... добрый... честный!.. Что это, какъ мнѣ жалко его?.. Какъ тяжело, грустно... Неужели? (*Задумывается*). Нѣтъ, это такъ... изъ жалости...

Изъ кустовъ съ хохотомъ выскакиваетъ ОРЕСТЬ и, кривляясь, бѣжитъ въ ту сторону, куда ушелъ СКВОРЦОВЪ, показывая ему носъ.

РАИСА—оглядываясь.

Орестъ, что это ты?.. Орестъ, какъ тебѣ не стыдно?..

ОРЕСТЬ.

Слышала, слышала, все слышала... Что, братъ, отъѣхала ни съ чѣмъ?.. Вишь ты, кутя поганая, туда же съ своимъ рыломъ... къ сестрѣ моей, къ барышнѣ богатой, подтѣзжаетъ... Какъ же... Такъ сейчасъ на шею и бросились... Молодецъ, Рая, молодецъ!.. Отлично его отбрила...

Хочетъ обнять сестру.

РАИСА.

Ахъ, отстань, Орестъ... Ты мнѣ противенъ... Это ты подслушивала?..

ОРЕСТЬ.

А ты какъ думала?.. Разумѣется, подслушивала... Ольга тамъ у дверей, а я здѣсь... Какъ увидѣлъ его съ тобой, такъ подкрался, въ вустахъ присѣлъ, и все, братъ, слышала, все до словечка—не безпокойся... Нѣтъ, каковъ гусь: въ родственнички къ намъ надумалъ затесаться... Вотъ я, погоди, ужъ его на зубки подыму...

РАИСА.

Орестъ, если ты осмѣлишься хоть слово сказать, хоть видъ

ПАВЕЛЪ.

~~Зачемъ вы не можете знать, какъ не моя часть, — приващичья...~~
 Чай, эти дѣла при своихъ дѣлахъ были...

КВАШНИНЪ.

~~Зачемъ вы не можете знать, когда баринъ не смотритъ... Чай, бѣ-~~
~~да въ магазинѣ-то все тамъ торчишь: не доведешься!.. Али и~~
~~самъ дѣлаешь...~~

ПАВЕЛЪ.

Нельзя вамъ этимъ заниматься.. Присѣсть времени не най-
 дется — не за погахъ, а не то, что по людскимъ бѣгать, али
 снѣтъ.. А какъ на горничныхъ, пожалуй, извольте покри-
 чать: кто тамъ не соберешь даже посуду переменить.. Какъ гос-
 поди торчишь, такъ точно ихъ куда повывмететь, — ни одной не
 оставишь.. А мнѣ одному со всякими дѣлами не управиться: какъ
 управлюсь..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Гдѣ, полно, батюшка, — самого-то тебя изъ дѣвичьей не выку-
 рили.. Какъ ни хватись: гдѣ Павелъ?.. Ужъ послалъ въ дѣ-
 вичью — навѣрно тамъ!.. Да еще что затѣялъ: съ гармоніей
 въ дѣвичью-то ходить... Слышу недавно, — что за музыка
 у насъ? вхожу, — а это онъ извоить дѣвушекъ потѣ-
 шить.. А тѣ хохочуть... Точно и не-господскій домъ...

ОЛЬГА.

Да, ужъ это удивительно, что у насъ прислуга себя позво-
 лаетъ...

КОВЫРНЕВЪ.

До забвения, ангель мой, нынѣшній народъ доходить: ни-
 чему не уважаютъ...

ПАВЕЛЪ.

Хоть бы вы-то ужъ не говорили, Ардальонъ Михайлычъ: сами
 любите въ дѣвичью-то ходить... Дѣвушки-то отъ васъ вонъ бѣ-
 гаютъ, какъ завидятъ васъ... А еще старый человекъ!..

КВАШНИНЪ—хохочеть.

Что, братъ, Ковырневъ?.. Улучили!..

КОВЫРНЕВЪ.

Вы бы подержали это при себѣ, ангель мой, а не ежели
 при господахъ напраслину изводить... Я въ вашу компанію не
 икинись: я господинъ, а вы — холопъ... Если я и захожу въ дѣ-
 вичью, — такъ, можетъ, мнѣ линія была: можетъ, по господскому
 же прикину, чтобы за вашимъ безпутствомъ присмотрѣть...

ПАВЕЛЪ.

Полно ужъ барствовать-то... Тоже баринъ, господинъ!.. А того Анна изъ умывальника-то облила въ корридоръ?.. за что?.. Что вы съ ней дѣлали?

Квашнинъ хохочеть.

ОЛЬГА.

Мамаша, да что это за разговоръ начали при насъ: прикажите ему замолчать и уйти отсюда... Это, право, удивительно: лавкою позволяютъ этакія вещи говорить, и при барышняхъ... А папаша хохочетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—Павлу.

Ну-ка, полно, ужъ очень разораторствовался... Поди-ка, зови Ореста Алексѣича чай кушать, да и Бориса Николаевича... А Петиньку съ Ваничкой пускай Андревна напоить послѣ... Я и безъ того устаю наливать-то...

Павелъ уходитъ.

КВАШНИНЪ—прихлебывая чай.

Ахъ, чудесно съ кисленькимъ-то послѣ сна... Хорошо, Ковырневъ?..

КОВЫРНЕВЪ.

Ужъ на что лучше, ангелъ мой... Самая пріятная вещь — этотъ чай...

КВАШНИНЪ—къ женѣ.

Ну, что же, матушка, хотѣла рассказать объ разговорѣ-то вашемъ... Вотъ теперь говори, а то хотѣла давеча рассказывать: только человѣкъ глаза раскрылъ, еще не оклемался со сна, въ груди застыло все послѣ обѣда, а она—рассказывать... Вотъ теперь постошло, — съ удовольствіемъ послушаю... Я, впрочемъ, впередъ знаю что: я давно видѣлъ...

ОЛЬГА.

Да, мамаша, и мы ждемъ... расскажите...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—оглядываясь.

Я бы ужъ давно рассказала, да вотъ все мѣшаютъ... не одни... *(Взглядываетъ на Ковырнева)*.

ОЛЬГА.

Ну что, Ковырневъ—это ничего!... Все равно!... Говорите, мамаша...

КОВЫРНЕВЪ.

Я, ангелъ мой, все равно... Опять же, милые мои, я вашъ радѣтель... И все мнѣ доподлинно извѣстно касающееся...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, такъ вотъ что: вы меня отъ этой разливки освободите...

Сидьте кто за самоваръ... И безъ того-то надоѣла она мнѣ, не воль силу...

РАИСА.

Да повольте, мамаша, я разолью...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Садись, садись, матушка, разливай, новости ислери-то: можетъ быть, ужъ не долго тебѣ осталось... *(Выходитъ изъ-за стола и садится съ боку. Раиса задумывается ея)*. Да и лучше тебѣ будетъ, по моему разговору, за самоваромъ-то... Неравно застыднись, покрасѣешься, такъ есть за чтѣ спрятаться... *(Улыбается)*.

РАИСА.

Отчего это мнѣ, мамаша, застыдиться?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—многозначительно, съ улыбкою.

Ну, а можетъ, такой разговоръ пойдетъ, что какъ ни бойка, а застыднись... Можетъ, такую тебѣ новость скажу, что сердчишко-то забьется, и кровь, поневолѣ, въ лицо ударитъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Ударитъ, ангель мой, безпримѣнно ударитъ!.. Она, дѣвичья кровь, кипучая... безпримѣнно въ лицо вступитъ... *(Улыбается)*. Безъ этого нельзя...

ОЛЬГА—съ некоторымъ безпокойствомъ.

Ужъ вы, мамаша, кажется, думаете о Расчѣ, точно о ребенкѣ, что ужъ она такъ молода и неопытна, что не въ состояніи слышать никакого разговора особеннаго, даже второй до нея не касается...

КОВЫРНЕВЪ.

Касателенъ, ангель мой, довольно касателенъ...

ОЛЬГА—съ сердцемъ.

Ахъ, какъ ты надоѣлъ!.. Ну, что вмѣшиваешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ и гдѣ ты ничего не знаешь...

КОВЫРНЕВЪ.

Знаю, ангель мой, довольно знаю... во всѣхъ частяхъ!..

КВАШНИНЪ.

Да ну, матушка, связывай, что ли... Въ чемъ дѣло?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А вотъ въ чемъ дѣло: былъ у меня сегодня одинъ человекъ для секретнаго объясненія... *(Къ мужу)*. Ты знаешь: кто...

КВАШНИНЪ.

Ну...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, выражалъ онъ свои чувства къ нашему дому, какъ онъ дорожить честью быть знакомымъ, какъ уважаетъ насъ, родителей, и какія онъ питаетъ чувства къ одной дѣвицѣ... (*Взглядываетъ на Раису и улыбается. Она тревожится, блонднитъ и краснѣетъ*). Чувства его самыя сильныя и страстныя, но скромныя и благородныя... что онъ почелъ бы за счастье сдѣлать предложеніе, но опасается, что не встрѣтитъ взаимности... что, по благородству своему, онъ не соблазнитель какой и дѣвушкѣ, потихоньку отъ родителей, предложенія дѣлать не желаетъ и увлечь ее себѣ не позволитъ... а потому и просить родителей узнать чувства и мнѣнія, чтобы и самому не остаться въ конфузѣ, въ случаѣ отказа... Я нахожу, что это такой благородный поступокъ, который рекомендуетъ человѣка съ самой прекрасной стороны... Это сейчасъ видно, что человѣкъ солидный, который не хочетъ кружить голову дѣвочкѣ, понапрасну, а обращается къ матери и...

ОЛЬГА.

Мамаша, да изъ вашихъ словъ понять ничего нельзя: кому же онъ дѣлаетъ предложеніе?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Онъ еще формально не дѣлаетъ предложенія, потому что просить узнать только мнѣніе о себѣ... Но, конечно, это все равно: я ему сказала, что въ моемъ согласіи онъ сомнѣваться не можетъ, вѣроятно, и папаша тоже препятствовать не будетъ, потому—такіе люди благородныя, скромныя—рѣдки...

КВАШНИНЪ.

Само собой...

ОЛЬГА.

Да про кого же, мамаша, про кого онъ говорилъ?.. Кому онъ намѣренъ дѣлать предложеніе?.. Что вы такъ тянете? Что вы прямо не скажете?.. Вы все на Раичку смотрите и улыбаетесь на нее: развѣ ей хочеть дѣлать предложеніе?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты не огорчайся, Олинька, твоя судьба тоже неизвѣстна, можетъ быть, еще лучше Раишьиной будетъ... Конечно, я вижу, что ты очень къ нему неравнодушна и, какъ мать, желала бы тебѣ такого жениха, и онъ объ тебѣ самаго высокаго, самаго жесткаго мнѣнія, даже съ восторгомъ говорилъ о всѣхъ твоихъ достоинствахъ... Но только-что мнѣніе отобрать онъ на-счетъ

Ранчекъ просилъ, и я такъ поняла, что онъ ей дѣлаетъ предложеніе...

ОЛЬГА—чуть не со слезами.

Да этого быть не можетъ, мамаша, вы не поняли, вы ошиблись... Онъ мнѣ дѣлаетъ предложеніе,—мнѣ, а не ей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что ты, Олинька, другъ мой, развѣ бы я не разобрала?.. Вѣдь, я думаю, ты тоже дочь мнѣ и притомъ старшая... Развѣ бы мнѣ не было приятно?..

ОЛЬГА.

Да, да, мамаша, вы Ранчку больше любите—это, вѣдь, извѣстно... Вы считаете ее красавицей и всегда выставляете на показъ, а про меня думаете, что на меня ужъ никто и вниманія не обратитъ: вотъ потому вамъ такъ и показалось... Онъ говорилъ про меня, а вамъ показалось, что про Ранчку...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да что же, Олинька, вѣдь, я не дура же, не полуумная какая, чтобы не разобрать...

ОЛЬГА.

Ну, такъ вы нарочно сами навязывали ему вашу любимицу... Я иначе этого и понять не могу: когда человѣкъ самъ лично объяснился со мной, высказалъ свои чувства, намѣренія, получилъ мое согласіе, пошелъ объясняться съ родителями... И вдругъ... Въ такомъ случаѣ это вы... или сбили его... или нарочно разыгрывали роль, что не такъ его поняли... Я не дѣвочка, мамаша, не ребенокъ, я сумѣю понять, когда человѣкъ объясняетъ свои чувства и дѣлаетъ предложеніе... Да, я бы желала видѣть, какъ онъ сюда глаза покажетъ женихомъ Райсы послѣ того, что онъ мнѣ говорилъ...

РАЙСА.

Оля, да, вѣдь, онъ ничего тебѣ особеннаго не говорилъ: ты припомни... Ты, вѣдь, мнѣ все рассказывала... Ты такъ поняла только его...

ОЛЬГА.

Да, я тебя знаю: ты вѣчная моя завистница, вѣчный мой врагъ... Я никогда отъ тебя ничего и не ожидала, кромѣ однихъ интригъ и гадостей... Но я теперь вижу, что всё противъ меня... Даже родная мать и та въ заговорѣ, вмѣстѣ съ тобой, противъ меня (*мачеха*). О, Господи, Господи, что я за несчастный человѣкъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Олинъка, Олинъка, постыдись!..

КВАШНИНЪ.

Ольга, перестань, сударыня, не хорошо!.. Насильно, вѣдь, замужъ не выйдешь... Другой явится, за другого выйдешь: земля не блиномъ сошла... Перестань, что ты это!..

ОЛЬГА.

Нѣтъ, папаша, не перестану... Я долго терпѣла, больше силъ моихъ нѣтъ... Теперь она торжествуетъ, но она ошибается: если онъ не женится на мнѣ, то я не допущу, чтобы онъ и на ней женился... Я скандалъ сдѣлаю!.. Если вы любите меня, если вы добрые родители, то вы должны были прямо отказать ему: прежде старшей дочери младшую не выдаютъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—разводя руками.

Вотъ извольте, что тутъ подѣлаешь...

КВАШНИНЪ.

Да что ты блажишь: развѣ насильно можно замужъ выдти?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И зачѣмъ же ты ее, сестру, хочешь счастья лишить?..

ОЛЬГА.

Вотъ видите: ей вамъ жалко, а меня не жалко... Зачѣмъ же вы допустили, чтобы онъ ѣздилъ сюда, увлекалъ меня, чтобы я влюбилась въ него?.. А теперь вы что сдѣлали: младшая сестра выйдетъ замужъ за человѣка, въ котораго влюблена старшая... Да развѣ это возможно, развѣ это позволительно?.. Да я въ церкви священнику скажу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—оглядываясь.

Господи, что она говорить!.. Этакъ не то, что Аркадій Петровичъ, да всякій послѣдній женишисья нашего дома бѣгать будетъ... Хорошо, что еще никого постороннихъ нѣтъ... Посмотри, Аркадьянъ Михайлычъ, не подслушиваютъ ли гдѣ людишки... Срамъ!.. Ославятъ на всю округу...

КОВЫРНЕВЪ.

Сейчасъ, сударыня, рассмотрю... (*Идетъ и смотритъ по сторонамъ*).

КВАШНИНЪ.

Да, Олинъка, ты себя, пожалуйста, поудержи: Волыновъ—не кто другой, а этимъ человѣкомъ дорожу, онъ мнѣ самому нуженъ... И если ты только, Боже тебя сохрани...

КОВЫРНЕВЪ—поспѣшно возвращаясь.

Учитель идетъ, учитель... *(Къ Оминьт)*. Прикройтесь, сударыня, прикройтесь, ангелъ мой... Въ сторонку смотрите, а то увидить: глазки-то заплаканные...

ОЛЬГА.

Поди прочь отъ меня... Дуракъ, сваты!.. *(Плачетъ, закрывши лицо платкомъ)*.

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ угодно, ангелъ мой... я для васъ же...

Входитъ СКВОРЦОВЪ.

КВАШНИНЪ—вставая.

Что это, батюшка, позапоздали къ чаю?.. Пойдемъ, Ковырневъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Пойдемте, батюшка...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Пойду ужъ и я... Вотъ Раинька вамъ нальетъ: садитесь, кушайте...

СКВОРЦОВЪ.

Извините, Алексѣй Михайлычъ, и вы, Марья Григорьевна, я васъ остановлю на минутку... я пришелъ проститься съ вами... Я сейчасъ уѣзжаю...

КВАШНИНЪ.

Куда это?

СКВОРЦОВЪ.

Къ матери ѣду... У нея пробуду недѣльки двѣ, а потомъ въ Петербургъ, искать службы или дѣла...

КВАШНИНЪ.

Да что же вы такъ вдругъ?..

СКВОРЦОВЪ.

Я письмо получилъ... Мнѣ необходимо ѣхать сію же минуту... У меня ужъ и лошадь нанята до города...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Стало быть, вы къ намъ и не воротитесь... А какъ же Орестъ-то?.. Экзамены-то его?..

СКВОРЦОВЪ.

Я васъ предупреждалъ, что онъ не хочетъ ничего дѣлать, совсѣмъ не занимается и не можетъ приготовиться къ экзаменамъ...

КВАШНИНЪ.

Все-таки, батюшка, это была ваша обязанность... Вы должны

были какъ-нибудь на него дѣйствовать... Вы взялись приготовить, порядились поставить его на экзамены... И какъ же вы такъ теперь вдругъ, не кончивши дѣла, проведя даромъ время...

СКВОРЦОВЪ.

Я, вѣдь, не требую никакого вознагражденія, никакой платы за потраченное даромъ время, особенно если вы меня же считаете виноватымъ въ распущенности Ореста; я пришелъ только поблагодарить васъ за гостепріимство и проститься съ вами...
Мое почтеніе...

КВАШНИНЪ.

Да какъ же такъ?.. Я не хочу, чтобы вы такъ, даромъ, у меня жили... только-что, конечно, не могу заплатить вамъ всѣхъ денегъ сполна... Надо намъ посчитаться...

СКВОРЦОВЪ.

О, полноте, что за счеты... Прощайте, Марья Григорьевна...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прощайте, батюшка!.. Вы хоть бы чаю-то напились на дороге...

СКВОРЦОВЪ.

Благодарю васъ... Нѣтъ ужъ, извините, я тороплюсь... Лошадь ждетъ...

КВАШНИНЪ.

Послушайте, вы хоть адресъ свой оставьте: я вышлю вамъ что слѣдуетъ по расчету... Я не хочу...

СКВОРЦОВЪ.

Хорошо, я оставлю свой адресъ вашему привациву, или нянѣ...

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ и прекрасно, а то я еще, пожалуй, потеряю... Да постойте... Оставайтесь, погостите у насъ такъ... Ну, что дѣлать-то: Орестка лѣнтяй, я знаю... Такъ поживите, погуляйте, поохотитесь, мы люди русскіе, гостепріимные, вы знаете... Право!.. Вотъ, можетъ быть, у насъ еще что веселенькое устроится: попируете, повеселитесь, вы молодой человѣкъ, и попляшете... А? Оставайтесь-ка...

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, не могу... Извините... Прощайте, Ольга Алексѣевна...

ОЛЬГА—стараясь скрыть слезы:

Прощайте...

СКВОРЦОВЪ—порывисто подходя къ Раисѣ.

Прощайте, Раиса Алексѣевна.

КВАШНИНЪ.

Вотъ, Рая, тебѣ слѣдуетъ просить, чтобы остался...

РАИСА.

Почему, папаша?

КВАШНИНЪ.

Ну, какъ почему?.. Сама знаешь: твой будетъ праздникъ...
Поздравьте, батюшка, невѣста...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что ты, Алексѣй Михайлычъ, раньше времени...

КВАШНИНЪ.

Ничего, все равно... Это вѣрно...

СКВОРЦОВЪ—поблѣдѣвшій и пошатнувшійся
отъ словъ Квашина, овладѣвъ
собою.

Такъ вы невѣста?.. Поздравляю васъ...

РАИСА—протягивая къ нему руку.

Останьтесь...

СКВОРЦОВЪ—ирезывающимся голосомъ.

Нѣтъ... благодарю васъ. Будьте счастливы... (*Длааетъ дов-
женіе, чтобы уйти*).

РАИСА—удерживая его за руку, тихо.

Мнѣ жалко васъ... Останьтесь... Прошу васъ...

СКВОРЦОВЪ—вырывая руку.

Нѣтъ, Раиса Алексѣевна... Довольно...

Всѣмъ кланяется общимъ поклономъ и быстро уходитъ.

Ольга истерически хохочетъ. Всѣ оборачиваются и подходятъ къ ней.

ВСѢ—кромя Раисы.

Что ты?... Что съ тобой?... Что вы, ангелъ мой?

ОЛЬГА—истерически.

И какъ все это было сдѣлано, какъ все разыграно? И это не подлость, не нивость?.. Держала этого учителя, гримасничала съ нимъ, чтобы больше заинтересовать, возбудить ревность Волынова, заставить его поскорѣе сдѣлать предложеніе, а теперь этому несчастному полная отставка... (*Хохочетъ*). О, мерзкая, отвратительная кокетка, притворщица!..

КВАШНИНЪ.

Ну, мнѣ надоѣло это... Пускай ее выкликааетъ... (*Женя*). Маша, пойдёмъ... (*Къ дочери*). А если только ты помѣшаешь этой свадьбѣ,

берегись у меня... Добрь я, терпѣливъ, только до времени... Этакого другого зятя не скоро наживешь... Ты это помни...

РАИСА.

Папаша, вы еще не слышали моего отвѣта,—мамаша, а вы даже и не спросили меня о немъ... Я васъ прошу предупредить Аркадія Петровича, что я не чувствую къ нему никакого расположенія, и что я ни въ какомъ случаѣ не пойду за него...

КВАШНИНЪ.

Что ты, съ ума сошла?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ранча, въ умѣ ли ты... Опомнись!..

КОВЫРНЕВЪ.

Подумайте, ангель мой... Что такое значить... Этакимъ женихъ необнаковенный, можно сказать!.. Отъ счастья своего отказываетесь...

КВАШНИНЪ.

На эту дуру нечего смотрѣть...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Это ужъ слишкомъ большая жертва, Ранча, съ твоей стороны.

РАИСА.

Я въ полной памяти, ни на кого не смотрю и ни для кого ничѣмъ не жертвую, а за Воынова я не пойду... Вы его увидите, Ковырневъ, такъ и скажите... Это мое послѣднее слово...

Уходить.

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ такъ пуля, ангель мой...

КВАШНИНЪ.

Наградилъ Богъ дочками!.. Нѣчего сказать... Да врать: я передѣлаю по-своему...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Сокрушать они меня прежде времени!..

ОЛЬГА—бросаясь вслѣдъ за сестрой.

Ранча, ангель, душка, прости меня!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Квашнина.

КВАШНИНЪ съ женою сидятъ у стола по среднѣй комнатѣ.
На столѣ завтракъ.

КВАШНИНЪ—выпивая водку и закусивая.

Это, чортъ знаетъ, что за порядки!.. Этого ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ нѣтъ: мои собственныя деньги держать слышномъ годъ... Все не такъ, да не такъ... Исправленія да дополненія... Такъ ты смотри, все ли въ исправности, да требуй сразу... Велика штука—выкупную ссуду выдать... Ну, согласился я, желаю получить, наплевалъ на мужичонковъ, давайте деньги, получите этихъ канальевъ... Ну, и выдай сразу!.. Такъ нѣтъ, вотъ другой годъ водять, мучать, а толку нѣтъ... (Шестъ).

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ты не волнуйся, не разстраивайся... Выкупаешь лишняго, тебѣ вредно!.. А изъ-за чего?.. Этимъ не поможешь...

КВАШНИНЪ.

Терпѣть не могу безпорядковъ... Къ чему эти всѣ мировые посредники сидятъ, присутствія разныя, коли не могутъ сдѣлать сразу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, да ужъ что же дѣлать... Потерпимъ, подождемъ, не уйдетъ... Когда-нибудь да получимъ...

КВАШНИНЪ.

Не когда-нибудь, а мнѣ, можетъ быть, сейчасъ надобно... сію минуту... Можетъ быть, я черезъ это, что мнѣ до сихъ поръ ссуды не выдали, миллионовъ лишаюсь... Можетъ быть, такое предпріятіе уйдетъ изъ рукъ, что послѣ будешь кусать локоть, да ужъ повдно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Эхъ, полно Алексѣй Михайловичъ, какія еще у тебя предпріятія, на старости лѣтъ... Хозяйство-то бы устроить, да усадьбу въ порядокъ привести, а тамъ остальные денежки пускай лежатъ, да проценты приносятъ... И хорошо, и покойно... И дѣтямъ обезпеченіе!..

КВАШНИНЪ.

Да это по-вашему, по-бабы!.. Тоже разсуждаютъ!.. Много ли ты процентовъ-то будешь получать?.. Прежде съ имѣнія-то я

получать до восьми тысячъ, и то едва ставало на прожитіе, а изъ банка съ этого капитала и трехъ не получишь... Чѣмъ же жить-то будешь? Не на запашку ли надѣяться?.. Знаемъ мы эти барыши довольно!.. Ну, и станешь изъ банка-то каждый годъ капиталъ вынимать: на долго ли его хватить... А тутъ что? послѣ то?.. Вотъ тебѣ и хорошо, и покойно, и для дѣтей обезпеченіе!.. Эхъ, вы!.. (Шептѣ).

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да не кушай ты, не кушай много-то... Тебѣ вредно!..

КВАШНИНЪ.

Отстань: я знаю свою границу... А по-моему, коли этой случай выпадаетъ, что можно въ учредители такого предпріятія вѣрнаго попасть, сразу миллионеромъ сдѣлаться, такъ думать нечего, а надо пользоваться случаемъ... Да, нѣ вотъ—пользуйся, коли денегъ-то нѣтъ... И есть деньги, свои собственныя, да вотъ не дають въ-время, по милости нашихъ прекрасныхъ русскихъ порядковъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Въ какіе это учредители? что это такое?

КВАШНИНЪ.

Учредитель-то что такое? Ну, мудрено тебѣ объяснить, ты, пожалуй, не поймешь... А вотъ я тебѣ расскажу коротко: устраивается какое-нибудь общество для какого-нибудь предпріятія... Ну, вотъ устраиваешь его ты, я, третій, четвертый—вотъ мы всѣ и будемъ учредители... Дѣлаемъ складчину, всякой вносить свой пай, а потому ужъ предпріятіе и идетъ въ ходъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну такъ что же? а миллионы-то откуда же?

КВАШНИНЪ.

Вотъ то-то и есть, что съ вами толковать-то нельзя: вы ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаете...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Такъ растолкуй, батюшка...

КВАШНИНЪ.

И растолкуй тебѣ, ты не поймешь... Ну, вотъ поймешь ли, слушай: то бывають учредители, а то есть еще акціонеры... Учредительскій капиталъ лежитъ неприкосновенный, а на акціонерскія деньги мы оборотъ ведемъ, все предпріятіе совершаемъ... Вотъ, положимъ, мы, учредители, выручили на акціонерскій рубль еще рубль: мы изъ этого рубля акціонерамъ даемъ пять копѣекъ, а себѣ

берешь девяносто пять... Вотъ какая разница!.. А неудалось предпріятіе, нѣтъ дохода, онытъ-таки мы, учредители, не въ убыткѣ, разобрали всѣ свои деньги по карманамъ, а акціонеры тамъ какъ хотѣтъ, икъсе дѣло... Поняла ли?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, я понимаю, что въ учредителяхъ-то быть хорошо, а затѣмъ же въ акціонеры-то идутъ, коли имъ худо?..

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ то-то и есть, поэтому-то и трудно въ учредители-то попасть: безъ случая да безъ знакомства не попадешь... Конечно, и капиталъ нужно имѣть порядочный и готовый... А въ акціонеры всякаго примутъ: милости просимъ кому угодно... Ну, туда можно и съ маленькимъ капиталомъ идти, бѣдные люди больше и попадаютъ... Объ чемъ же я и хлопочу-то!.. Изъ чего же и бѣшусь-то!.. Посылаетъ Богъ зятя: человекъ солидный, знающій, богатый, затѣваетъ дѣло вѣрное, только денежки загребай, всей душой готовъ услужить для насъ, какъ родныхъ... Все ужъ у него слажено, все устроено, и учредители всѣ на лицо.. ты бы посмотрѣла имена какія: все богачи, князья да графы!.. Мнѣ и мѣста-то нѣтъ, да ужъ по родству обхлопоталъ—принимають, только бы денежки... А вотъ ихъ-то и нѣтъ... Вся надежда была на ссуду, такъ вотъ, извольте видѣть, до сихъ поръ не готова... Вотъ и сиди да свисти... Чортъ ихъ бери! (Пьетъ). А предпріятіе-то какое!.. Ахъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да не кушай ты, не кушай... Можетъ, все сдѣлается... Аркадій Петровичъ для тебя постарается... Какое же это у васъ предпріятіе-то?..

КВАШНИНЪ.

Какое?.. А вотъ какое!.. Видишь ты это дерево?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вижу...

КВАШНИНЪ.

Если срубить его да продать, какъ ты думаешь, чего оно стобитъ?.. Ну, скажи примѣрно, самую дорогую цѣну?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, пять рублей.

КВАШНИНЪ.

А мы его продадимъ за пятнадцать, или за двадцать!

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ же такъ?

КВАШНИНЪ.

А, вотъ то-то и есть... Это наука доказываетъ... Въ деревѣ-то есть и древесина, и сердцевина, и корье, и смола, и древесный уксусъ, и газъ, и еще многіе другіе составы... Какъ мы его по источкамъ-то разберемъ, да все порознь продадимъ, такъ изъ пяти-то рублей и выйдетъ двадцать... Поняла ли?.. Я тебѣ такъ, вкратцѣ говорю, для ясности: это матерія сложная и хитрая... Мнѣ Аркадій Петровичъ два часа рассчитывалъ карандашомъ на бумагѣ, такъ тамъ видѣе, и этихъ составовъ онъ цѣлый листъ исписалъ... Удивительный этотъ человекъ, чего онъ только не знаетъ! Еще, говорить, вижу въ вашемъ и своемъ имѣніи признаки каменнаго угля и какой-то фарфоровой глины, каналинъ, что ли, не помню... Ну, да, говорить, это послѣ... Не все вдругъ!.. Да-съ!.. А ты было отъ большого ума этакого человекъ чуть-чуть не лишила насъ тогда съ предложеніемъ-то Раисѣ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—конфузиво.

Ну, да право же онъ тогда на-счетъ Раички больше говорилъ...

КВАШНИНЪ—смѣясь.

Да, да, на-счетъ Раички говорилъ, а на другой же день Ольгѣнѣ формальное предложеніе сдѣлалъ... Просто тебѣ тогда спать хотѣлось послѣ обѣда: въ полуснѣ-то ты и не разобрала...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Такъ что же, вѣдь и ты думалъ сначала, что онъ въ Раичкѣ больше...

КВАШНИНЪ.

Такъ мало ли что думалъ, а онъ съ тобой говорилъ... Ну, да что объ этомъ толковать... Слава Богу, все обошлось благополучно: я за Ольгу еще больше радъ, Раиса молода, дождется своего...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да само-собою разумѣется...

КВАШНИНЪ.

Вотъ какъ бы мнѣ только въ учредители-то попасть: вотъ моя забота... Ахъ, вы, чортъ васъ дери!..

Пьетъ.
КОВЫРНЕВЪ входитъ.

КВАШНИНЪ—увидя его.

А-а, ваше высокоблагородіе... какими судьбами?..

КОВЫРНЕВЪ.

Съ дорогимъ гостемъ къ вамъ, ангель мой... съ Аркадіемъ Петровичемъ пріѣхали...

Здоровается съ Квашнинымъ, дѣлуя въ плечо мужа и ручку у жены.

КВАШНИНЪ.

Развѣ здѣсь онъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, пріѣхали сею минутою.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Гдѣ же онъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Гдѣ же имъ быть-то, ангель мой?.. Съ своимъ сердечнымъ предметомъ, съ нареченной своей остались... Сейчасъ сюда пожалуютъ...

КВАШНИНЪ.

Ну, и ладно... А ты за хорошія вѣсти, поди выпей... Я ужъ сдѣлалъ... Вотъ кое-что осталось—поѣшь...

КОВЫРНЕВЪ—подходя къ закускѣ.

Покорнѣйше благодарю, ангель мой... *(Наливаетъ водки)*. Хороши-то хороши мои вѣсти, да не очень... Будьте, здоровы благодѣтели...

Пьетъ.

КВАШНИНЪ.

Чѣмъ не очень?.. Что мелешь?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА:

Не захворалъ ли ужъ Аркадій Петровичъ?.. Или не случилось ли чего?

КОВЫРНЕВЪ.

Нѣтъ, слава Богу, въ полномъ своемъ здоровьѣ, только-что не по мысли мнѣ... въ Петербургъ отъѣзжаютъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ въ Петербургъ?

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ, благодѣтельница, по эстрѣ по какой-то, по своимъ по дѣламъ... При мнѣ и стафетъ пришелъ: сейчасъ приказали лошадей—и къ вамъ только проститься заѣхали...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—съ безпокойствомъ.

Что это значить?.. Да гдѣ же онъ?.. *(Встаетъ)*.

КВАШНИНЪ.

Не безпокойся... Онъ мнѣ давно говорилъ, что его могутъ эстренно вызвать въ Петербургъ по тому дѣлу... когда къ ми-

нистру пойдеть... Вотъ, вѣрно, пришло... А я вотъ и сиди на бабахъ... Прозѣвай!.. Ахъ, чортъ васъ дери!.. Исправленія да дополненія... Анаемы, больше ничего!.. (*Колотитъ по столу кулакомъ*).

Входятъ ВОЛЫНОВЪ и ОЛЬГА, подѣ руку съ нимъ, въ слезахъ и съ головою на плечѣ Волынова.

ОЛЬГА.

Папа, мама, что это такое, онъ уѣзжаетъ...

ВОЛЫНОВЪ—здороваясь съ Квашинными.

Успокойте вы ее, ради Бога... Вѣдь, не надолго, на нѣсколько дней... Много, много дѣвъ недѣли проѣзжу... Мамаша, успокойте ее...

ОЛЬГА.

Да какъ же такъ, вдругъ. (*Плачетъ*).

ВОЛЫНОВЪ.

Да что же дѣлать, моя радость... Ну, милая Ольга... Ну, успокойтесь!.. я, вѣдь, предупреждалъ и папашу, что меня могутъ потребовать экстренно... Вотъ, спросите его: онъ знаетъ мои дѣла...

КВАШНИНЪ.

Говорилъ, говорилъ, Оля... Что же дѣлать... У насъ, мужичья, матушка, дѣла не вашимъ чета: не юбки, да оборки... Мужчина всегда долженъ быть готовъ, точно солдатъ на войнѣ... (*Изъ Волынову*). Вызываютъ по тому дѣлу?

ВОЛЫНОВЪ.

Да.

КВАШНИНЪ.

Стало быть, все кончено?

ВОЛЫНОВЪ.

Совершенно.

КВАШНИНЪ.

И все благополучно?

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ нельзя лучше...

КВАШНИНЪ.

А я, значить, такъ не при чемъ и останусь?..

ВОЛЫНОВЪ.

А вотъ намъ нужно будетъ потолковать... Ну, Оля, радость моя, перестаньте же плакать... Вы меня терзаете... Неужели вы думаете, я радъ этой поѣздкѣ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Олинъка, милая, перестань, не мучь себя и его... Ты думаешь, ему въ самомъ дѣлѣ легко... А что же дѣлать, если необходимо: дѣла призываютъ...

ОЛЬГА.

Ахъ, я ненавижу эти дѣла!.. Не нужно ихъ!.. Его ничто не должно у меня отнимать, онъ долженъ принадлежать мнѣ одной... Поѣдьте воли такъ всѣ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ нимъ...

ВОЛЫНОВЪ—торопливо.

Да, вѣдь, я на нѣсколько дней... Гдѣ же тутъ всѣмъ подниматься, беспокоиться... Да вы меня тамъ и не увидите: я цѣлые дни буду мѣкаться по дѣламъ,—то туда, то сюда...

ОЛЬГА.

Но какъ же я проживу эти нѣсколько дней?.. Вѣдь, они мнѣ вѣчностью покажутся... Мнѣ кажется, я умру съ тоски... Аркадъ, милый, дайте мнѣ слово, что вы бросите всѣ ваши дѣла, когда... потомъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, безъ сомнѣнiя, моя радость, безъ сомнѣнiя... Мы устроимъ нашу жизнь такъ, чтобы никогда не разлучаться... Я бы готовъ даже отказаться отъ этого дѣла, если бы оно уже не было начато и если бы отъ меня не зависѣло благосостоянiе многихъ людей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ же это можно, Олинъка, дѣла бросать... Какъ можно этого требовать, моя душенька...

КВАШНИНЪ.

Да, какъ же,—по вашему, женскому, понятiю, мужчина созданъ только для того, чтобы за вашу юбку держаться... Не поддавайтесь, Аркадiй Петровичъ, какъ разъ обабятъ!.. Я вотъ ужъ на что былъ, кажется, и боекъ и поворотливъ, а вотъ теперь обабился такъ—двинуться никуда не хочется...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, Алексiй Михайлычъ, вѣдь, и я столько на своемъ вѣку поработалъ, что пора и отдохнуть... Особенно теперь, когда я такъ счастливъ... Но этого дѣла бросить не могу, вы знаете: если я откажусь, тутъ десятки людей разорятся... Мнѣ необходимо ѣхать...

КВАШНИНЪ.

Да какъ это можно... что вы это... Само собой разумѣется!..

ОЛЬГА.

О, я знаю, вы благородны, великодушны... Вы рыцарь!.. Но дайте мнѣ слово, Аркадь, что вы будете писать ко мнѣ каждый день...

ВОЛЫНОВЪ.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, общаю... Но теперь, дорбгой, это невозможно...

ОЛЬГА.

Ну, изъ Петербурга... И я вамъ буду писать каждый день...

Вбѣгаетъ ОРЕСТЬ.

ОРЕСТЬ.

Аркадій Петровичъ, правда, что вы уѣзжаете въ Петербургъ?

ВОЛЫНОВЪ.

Правда, правда, мой милый Орестъ... Прощай...

ОРЕСТЬ.

И повара съ Жозефомъ берете? Они тутъ у экипажа...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, беру... Я безъ нихъ никуда...

ОРЕСТЬ.

А какъ же Джальма и Богатырь?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ужъ нечего дѣлать: ихъ здѣсь оставляю... (*Умблалс*). Не возить же мнѣ и ихъ съ собою на двѣ недѣли...

ОРЕСТЬ.

А можно мнѣ безъ васъ покататься на Джальмъ?.. Я его не вспорчу...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, полно, Орестъ, ты со своими глупостями... Этакую лошадь тебѣ давать въ руки...

ВОЛЫНОВЪ.

Полноте, мамаша, что за важность!.. Можешь, можешь, мой другъ... потому что я тебѣ даже вовсе его дарю: завтра же можешь послать за нимъ и взять его къ себѣ, сюда...

ОРЕСТЬ.

Да вы шутите?

ВОЛЫНОВЪ.

Какія же тутъ шутки, когда я это говорю серьезно и положительно...

ОРЕСТЬ—бросается къ нему на шею.

Аркадій Петровичъ, милый, добрый... *(Начинаетъ прятать, потому что сержитъ за руки Ковырнова)*.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Аркадій Петровичъ, вы забалуете его... Этакіе подарки...

ВОЛЫНОВЪ.

Я думаю, мамаша, братъ той, которая мнѣ дороже жизни, въ которой все мое счастье, стбитъ и не такого подарка... *(Цѣлуетъ руку Ольги)*.

ОЛЬГА.

О, Аркадь, милый, безцѣнный!.. Вы мое счастье!..

ВОЛЫНОВЪ.

Однако, батюшка, намъ нужно бы поговорить съ вами... Мнѣ пора ѣхать...

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ что: женская компанія, и вы съ ней *(къ Оресту и Ковырнову)*, уходите-ка пока... Оставьте насъ съ нимъ... Мы потолкуемъ.

Всѣ уходятъ.

ОЛЬГА—уходя.

Да вы недолго?

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... Нѣсколько словъ...

ОЛЬГА.

Смотрите же, поскорѣе...

Уходятъ.

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, что, батюшка?.. Все устроено, общество образовалось; какъ я приѣду въ Петербургъ, тотчасъ будетъ утверждено, а тогда уже нельзя будетъ ввести васъ въ него учредителемъ... Какъ же намъ быть?..

КВАШНИНЪ.

Да вотъ нѣтъ ссуды-то, до сихъ поръ не вышла... Пишутъ, чортъ бы ихъ побралъ, что скоро, скоро выйдетъ, можетъ быть, на-дняхъ, да вотъ теперь-то нѣтъ... Видно, не судьба...

ВОЛЫНОВЪ.

Ахъ, досадно мнѣ за васъ... Сколько ссуды-то?

КВАШНИНЪ.

Шестъдесятъ тысячъ.

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, хоть этого и недостаточно... взносъ сто тысячъ, да это бы какъ-нибудь поправили, дополнили...

КВАШНИНЪ.

Вы не можете себѣ представить, мой милый другъ, какъ я изъ себя выхожу все это время изъ-за этой ссуды...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, жалко... Дѣло большое: согни три тысячъ нажали бы набѣрно... что больше!..

КВАШНИНЪ.

Экъ, ужъ не говорите!.. Эти наши порядки съ ума меня сводятъ...

ВОЛЫНОВЪ—въ раздумьи.

Досадно, не зналъ я, что такъ скоро поѣду въ Петербургъ, а то взять бы отъ васъ довѣренность на полученіе ссуды прямо изъ банка... Я бы ужъ тамъ обхлопоталъ...

КВАШНИНЪ.

Такъ что же, довѣренность я могу сейчасъ дать: это не долго...

ВОЛЫНОВЪ.

Развѣ со мной сейчасъ доѣдете въ городъ на моихъ лошадей?.. У меня ямскія наняты... Сдѣлаемъ тамъ это дѣло... Я поѣду дальше, а вы назадъ...

КВАШНИНЪ.

Такъ, что же, не оставь, голубчикъ, Аркадій Петровичъ, хлопоты... На что этого лучше!.. Я мигомъ соберусь...

ВОЛЫНОВЪ.

Только вотъ что: пожалуй, опоздаетъ ссуда... Общество-то утверждать, списокъ учредителей подписать, а денегъ-то я еще не получу... Опять ничего толку не будетъ...

КВАШНИНЪ.

Да, пожалуй!.. Можетъ, какъ позадержишь утвержденіе...

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, какъ это можно: этого-то нельзя... Тамъ тоже часы считаютъ—ждутъ... Э, да вотъ что: вѣдь, не для чужого, для своего, родного... второго отца... Хотите, я за васъ свои деньги внесу?.. Всѣхъ ста тысячъ не наберется... Я тоже, вѣдь, взносъ дѣлаю... Ну, займу, чего недостаетъ: въ Петербургѣ у меня кредитъ большой, денегъ достану сколько угодно... Ну, вотъ, хотите?

КВАШНИНЪ.

Аркадій Петровичъ, да, вѣдь, это благодѣшніе?.. Я не смѣлъ и мечтать объ этомъ... Мнѣ совѣстно и...

ВОЛЫНОВЪ.

Я, вѣдь, это хоту сдѣлать для отца моей будущей жены, для его семьи...

КВАШНИНЪ—кидаюсь къ нему на шею.

Милый мой, голубчикъ... За что мнѣ Богъ тебя послалъ... Благодарю тебя, благодарю тебя!.. Всю жизнь не забуду!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, полноте, полноте, батюшка, стѣить ли такъ много придавать значенія такой услугѣ...

КВАШНИНЪ.

Какъ же, братецъ... Да кто это нынче сдѣлаетъ? Родной сынъ, такъ и тотъ не сдѣлаетъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, полноте же, полноте, папаша... Вѣдь, я же вамъ и буду вмѣсто сына... Вы не знаете, что значить для меня ваша и моя Оля... Я не знаю, на что я готовъ для нея... Ну, такъ это, значить, конечно... Такъ и сдѣлаемъ... Собирайтесь же скорѣе... Поѣдемъ въ городъ, тамъ вы мнѣ выдадите довѣренность на полученіе ссуды, дадите какую-нибудь росписку, или вексель тамъ, что ли, въ деньгахъ, которые я внесу за васъ въ Петербургъ—и дѣло съ концомъ...

КВАШНИНЪ—нѣсколько озадаченный.

Какъ?.. Такъ въ городъ-то нужно развѣ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ же, а довѣренность-то? нужно, вѣдь, у нотариуса ее совершить... Росписку или вексель мы бы и здѣсь написали, да довѣренность-то нужно совершить... Какъ же, необходимо нужно ѣхать... Вы и бумаги съ собой захватите, которыя касаются выкупа... Какъ же...

КВАШНИНЪ.

Да, да... Конечно...

ВОЛЫНОВЪ.

Необходимо, необходимо... Ну, собирайтесь же, папаша, поскорѣе... Мнѣ пора ѣхать, очень пора...

КВАШНИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... *(Идетъ и тотчасъ возвращается).* А

знаешь что: не будемъ говорить ничего нашему бабью объ этомъ дѣлѣ... То-есть: зачѣмъ мы ѣдемъ вмѣстѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Отчего же?.. (*Нахмурились*). Что же, онѣ не вѣрятъ мнѣ, что ли?.. Вѣдь, я, кажется, не для себя...

КВАШНИНЪ—махая руками.

Ну, что это... какъ это можно говорить: не вѣрять!.. А бабье!.. тоска съ ними, скука!.. Все разскажи, да объясни: какъ, да почему, да зачѣмъ? да какъ это такъ вдругъ?.. Терпѣть не могу... А я люблю по военному: сейчасъ, вдругъ, сообразилъ по вдохновенію, сдѣлалъ—и готово.

ВОЛЫНОВЪ.

Да, конечно, такъ гораздо лучше...

КВАШНИНЪ.

Ну, вотъ видишь, я зналъ, что ты меня поймешь... А, вѣдь, признайся по совѣсти: вѣдь, ты не столько для меня, сколько для Оли это дѣлаешь? а? признайся-ка...

ВОЛЫНОВЪ.

Если хотите, по совѣсти: не столько для Оли и для васъ, сколько для дѣла... Мы, люди дѣловые, составившіе себѣ состояніе оборотами и предприятиями, не можемъ видѣть равнодушно, когда пропадаютъ бесплодно порядочные капиталы... А, вѣдь, я знаю, что вы сдѣлаете со своей выкупной ссудой... Будете годъ за годомъ проживать капиталъ и черезъ нѣсколько лѣтъ у васъ гроша изъ нея не останется... Либо кто-нибудь подѣдетъ, выпроситъ займы, наобѣщаетъ большіе проценты, а потомъ и заплатитъ ему нечѣмъ, и взять съ него нечего... Это, вѣдь, вещь извѣстная... А тутъ вы, по крайней мѣрѣ, наживете, и наживете хорошо: можете удвоить, даже утроить вашъ капиталъ...

КВАШНИНЪ—изъявлявшій знаками согласіе и сочувствіе его словамъ.

Милый мой, представь, ты, вѣдь, изъ слова въ слово мои слова повторяешь,—вотъ что я сейчасъ, сейчасъ передъ твоимъ пріѣздомъ, женѣ говорилъ... Ты извини, пожалуйста, что я такъ вдругъ началъ тебѣ «ты» говорить... Но я, ей-Богу, не могу... Послѣ твоего благороднаго заявленія, сердце мое просто исполнено къ тебѣ... какъ къ сыну... Ты не сердисься?..

ВОЛЫНОВЪ.

Полноте же, батюшка: я васъ давно хотѣлъ просить, чтобы

вы видѣли во мнѣ сына и обращались со мною какъ съ сыномъ... Однако, намъ пора: въ городѣ могутъ задержать... Пожалуй, опоздаю на поѣздъ...

КВАШНИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... Но ты дай себя расцѣловать... Я не могу... (*Цѣлуются*). Ну, а ужъ въ городѣ, какъ хочешь, бутылочку-другую, по старой памяти, холоденькаго разопьемъ... За успѣхъ нашего дѣла, за ваше будущее счастье... на прощаньи... Безъ этого нельзя...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, разумѣется...

КВАШНИНЪ.

Вотъ и чудесно... Я, вѣдь, сейчасъ... Я, вѣдь, мигомъ... Ну, поцѣлуй еще... (*Цѣлуются*). Не зять, а сынъ ты мой милый!.. Я сейчасъ... Ты пока поамурься съ невестой... Знаю, братъ, знаю: помню, помню все... какъ это мило-дорого... А я мигомъ соберусь... (*Уходитъ и тотчасъ возвращается*). А знаешь чтѣ: давно я тебя хотѣлъ спросить: отчего у васъ съ Раисой нѣтъ ладовъ? Я, вѣдь, признаться, сначала думалъ, что ты къ Раисѣ будешь свататься, а жена также думала: оттого тогда и исторія эта вышла... да къ тому же, и моложе, и какъ будто покрасивѣе... Или—о вкусахъ не спорять... На вкусъ, на цвѣтъ то-варища нѣтъ... а?

ВОЛЫНОВЪ.

Да, во-первыхъ, это,—во-вторыхъ, развѣ Раиса Алексѣевна могла быть мнѣ женой... Конечно, если бы я не думалъ жениться, а хотѣлъ только ухаживать, то, можетъ быть, отдавалъ бы предпочтеніе Раисѣ, но развѣ она имѣетъ тѣ нравственныя качества, которыя могутъ составить счастье мужа и вторыхъ такъ много въ Олѣ... Вѣдь, я ищу жену, а не красивую мечтательницу-дѣвочку...

КВАШНИНЪ.

Умень, ей-Богу, умень: сытъ—тебя не наслушаешься!.. Вотъ я тоже женился, Марья Григорьевна была не дурна, правда, но не Богъ знаетъ какая красавица... А видѣлъ нравственныя достоинства, и взялъ, и не раскаяваюсь: дай Богъ всякому такую жену...

ВОЛЫНОВЪ.

Оля безконечно добрая, солидная, преданная, она ужъ если полюбить, такъ на всю жизнь, она будетъ вѣрною женою... Ну, а у Раисы въ головѣ еще фантазіи да учителя сидятъ...

Какіе учителя?

КВАШНИНЪ.

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, точно не знаете...

КВАШНИНЪ.

Ей-Богу же не знаю...

ВОЛЫНОВЪ.

И ничего не замѣчали?

КВАШНИНЪ.

Ей-Богу, нѣтъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Не замѣчали, что Раиса увлечена совсѣмъ этимъ учителемъ, что былъ у васъ...

КВАШНИНЪ.

Да полно, быть не можетъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Вотъ это всегда такъ: родители всегда послѣдніе узнаютъ... Да я съ перваго раза замѣтилъ, что они другъ къ другу равнодушны... Ну, наконецъ, спросите всѣхъ: Ореста, Олю, это всѣ знаютъ... Отчего Раиса такая скучная и раздражительная, особенно противъ меня, послѣ отъѣзда этого учителя?.. Она сердится на меня, видитъ, что я понимаю ихъ наскевозъ и отгадываю ихъ замыслы...

КВАШНИНЪ.

Замыслы? Какіе замыслы?

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, этого я не знаю: мало ли могутъ быть какіе замыслы у несчастныхъ влюбленныхъ изъ такихъ разныхъ слоевъ общества... Ну, тамъ одинъ будетъ дѣлать себѣ карьеру, чтобы сдѣлаться достойнымъ, другая будетъ вѣчно ждать того возжелѣннаго времени, когда можно будетъ соединиться бравомъ... Мало-ли какія бываютъ фантазіи...

КВАШНИНЪ.

Именно фантазіи!.. Вотъ оно что!.. Хорошо, что уѣхалъ... Да я не только въ домъ къ себѣ, къ порогу близко не подпущу... Не вздумали бы переписываться... Надо мать предупредить!.. Эхъ, эти бабы, подъ носомъ-то у себя ничего не видятъ: кому бы замѣтить это первой, какъ не матери!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, теперь собирайтесь же, напаша... Дорбогой обо всемъ переговоримъ... Мнѣ, право, пора...

КВАШНИНЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... Скажите, пожалуйста, а? каково?.. учитель!.. Райка!.. Не ожидагь!..

Уходитъ.

ВОЛЫНОВЪ—однѣ.

И прекрасно сдѣлали, Ранса Алексѣевна, что отказали наотрѣзъ... Увлечшись вашей красотой и свѣжестью, я, пожалуй, не сумѣлъ бы сдѣлать главнаго... А досадно, чертовски хороша! и какъ-то соблазнительно-загадочна!.. Ну, теперь вашему студію, кажется, навсегда дорога закрыта... А тамъ увидимъ, посмотримъ!..

Входитъ ПАВЕЛЬ.

ВОЛЫНОВЪ.

Что тебѣ, мой другъ?

ПАВЕЛЬ.

Съ отъѣздомъ, Аркадій Петровичъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Я, кажется, тебѣ далъ сегодня на чай, какъ только пріѣхалъ сюда: вѣдь, это ты меня встрѣчалъ?

ПАВЕЛЬ.

Такъ точно, Аркадій Петровичъ... Очѣнно вамъ благодаренъ... (*Впомолоса, омядываясь*). Но какъ, можетъ быть, вамъ не со всѣмъ извѣстно, что я отъ всей души старался для вашей милости и, по вашему приказу, обо всемъ переводилъ до васъ, что касающее нашихъ господъ... Вотъ и на счетъ отказа Рансы Алексѣевны я тотчасъ перевелъ Язепу: изволите помнить, онъ тогда еще остался здѣсь, точно какъ будто не наши, вы огнѣвались и одни уѣхали...

ВОЛЫНОВЪ—перебивая его.

Ну, такъ что же, что же, мой милый... Я, право, не знаю, что ты переводилъ Жозефу и для чего ты это дѣлалъ... Я лично, кажется, ничего такого не приказывалъ...

ПАВЕЛЬ.

Такъ точно-съ; но какъ вашъ же самый Язепъ просилъ отъ вашего имени и даже благодарность выдавалъ...

ВОЛЫНОВЪ—перебивая.

Ну, такъ что же, что же изъ этого?.. Говори скорѣе, я сейчасъ иду къ барышнямъ, что тебѣ еще на воду, что ли, хочется получить?.. Можетъ быть, ты не доволенъ Жозефомъ, что онъ мало платилъ тебѣ за свое лакейское любопытство, и желалъ бы получить съ меня... Хотя я никогда не дѣлалъ никакихъ пору-

ченій Жозефу, но, изволь, на чай тебѣ дамъ еще съ удовольствіемъ... Вотъ получи... (*Вынимаетъ деньги*).

ПАВЕЛЬ.

Нѣтъ-съ, не на-счетъ того, а какъ изволили вы рассмотреть все мое стараніе и какъ я приклоненъ служить господамъ на-счетъ всякаго предмета, такъ пришелъ просить вашей милости: нельзя ли мнѣ мѣстечко получить въ Петербургѣ, потому заразился переправиться въ этотъ самый Петербургъ изъ здѣшнихъ мѣстовъ... Не ворыстна здѣсь оченно служба... для нашего брата... Жалованье оченно обидно...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а, тебѣ мѣстечко въ Петербургѣ хочется получить... Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ похлопочу...

ПАВЕЛЬ.

Къ вашей бы милости стать желателенъ... потому Язень говорить, что, можетъ статься, онъ останется въ Петербургѣ и не воротится сюда...

ВОЛЫНОВЪ.

А-а, въ такомъ случаѣ, ты ужъ подожди моего возвращенія; вотъ когда я ворочусь, женюсь на Ольгѣ Алексѣевнѣ, тогда я и возьму тебя къ себѣ...

Входитъ ОЛЬГА.

ОЛЬГА.

Ахъ, Аркадъ, папа ушелъ, ты одинъ... Я жду его тамъ, а онъ...

ВОЛЫНОВЪ—подавая Павлу деньги.

На же, мой другъ, не церемонься, ты прислуживалъ мнѣ здѣсь, а я не люблю, чтобы для меня кто-нибудь трудился даромъ... Возьми и иди съ Богомъ.

ПАВЕЛЬ—принимая деньги.

Много доволенъ и чувствительно даже...

ОЛЬГА—къ Павлу.

Ты иди скорѣе... Я слышала: тебя папаша спрашивалъ... Ищутъ вездѣ...

Павель уходитъ.

ОЛЬГА.

Ахъ, Аркадъ, папа ушелъ, я тебя жду тамъ, а ты... Скажи пожалуйста: зачѣмъ папаша хочетъ ѣхать съ тобою въ городъ?

ВОЛЫНОВЪ.

Да просто хочетъ прокатиться, проводить меня...

ОЛЬГА.

Отчего же вы меня съ собою не берете?..

ВОЛЫНОВЪ.

Да гдѣ же вы меня посадить: вѣдь, Алексѣй Михайлычъ ѣдетъ со мной на амскихъ... У меня гарантасикъ маленькій, для тебя нуженъ отдѣльный экипажъ, а я тороплюсь, мнѣ каждая минута дорога...

ОЛЬГА.

Да, каждая минута дорога, а сколько времени здѣсь разговаривали съ папашей вдвоемъ... Я измучилась, ожидая, когда ты придешь ко мнѣ... И что это за секреты отъ меня? о чемъ вы говорили?..

ВОЛЫНОВЪ.

Радость моя, я не могу сказать: не спрашивай меня, пожалуйста...

ОЛЬГА.

Что же это такое, что ты даже отъ меня скрываешь... Нѣтъ, скажи мнѣ непременно: я непременно хочу знать... Я требую, чтобы ты сказалъ: у тебя не должно быть секретовъ отъ меня...

ВОЛЫНОВЪ.

Вотъ видишь, собственно говоря, это пустяки, но отецъ твой просилъ меня, да и я самъ не желалъ бы оглашать этого дѣла...

ОЛЬГА.

Да что же такое? Неужели ты думаешь, что если откроешь секретъ мнѣ одной и не будешь говорить другимъ, такъ я скажу кому-нибудь?.. Ты мало знаешь меня: всякая твоя тайна умретъ вмѣстѣ со мною...

ВОЛЫНОВЪ.

Да я въ этомъ ни минуты не сомнѣвался...

ОЛЬГА.

Ну такъ, Аркадій, милый, докажи свое довѣріе ко мнѣ, скажи сейчасъ же всю правду: о чемъ вы говорили съ папашей...

ВОЛЫНОВЪ.

Да ивоволь, пожалуй, только, право, не ловко какъ-то говорить... Видишь, въ чемъ дѣло: отцу хочется участвовать въ предпріятіи, которое должно принести громадныя выгоды, а денегъ наличныхъ у него нѣтъ... Ну, право, зачѣмъ ты меня заставляешь говорить...

ОЛЬГА.

Ну, ну... Говори же, говори...

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, я далъ ему своихъ сто тысячъ рублей...

ОЛЬГА—съ паэосомъ.

Архадъ!.. Какой ты благородный, великодушный!.. Ты герой, ты рыцарь!.. И онъ говорить, что это пустяки!.. О, какъ я люблю тебя!.. Милый мой, зачѣмъ ты уѣзжаешь безъ меня... Я не вынесу, я умру съ тоски! Возьми меня съ собой!.. (*Бросается къ нему на шею*).

ВОЛЫНОВЪ—дѣлуя ее въ голову.

Скоро, скоро, мой ангель, мы никогда не будемъ разставаться: вотъ, дай мнѣ устроить это дѣло, улучшить благосостояніе и свое, и всей вашей семьи, и тогда ты моя, моя на вѣки...

Входить КВАШНИНЫ, КОВЫРНЕВЪ, потомъ РАЙСА и ОРЕСТЬ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Вонъ наши голубки какъ милуются: оставить однихъ нельзя... (*Улыбается*). Ну, да ничего, ничего, передъ разлукой ничего, и Богъ простить!..

ОЛЬГА—застыдась и закрывая лицо руками.

Ахъ, мамаша, вы вѣчно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ничего, ничего!.. Я говорю, что ничего... Я сама была молода и невѣстой была тоже: знаю все...

ВОЛЫНОВЪ—дѣлуя руку Марьи Григорьевны.

Милая мамаша, какая вы добрая, какая вы образцовая мать!.. Оля, вамъ я ничего большаго не желаю, какъ чтобы вы были таковы, какъ ваша папаша...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—обиняла его.

Ахъ, ты, милый мой, голубчикъ... Дай Богъ вамъ здоровья и всякаго счастья... (*Утираетъ глаза*).

КВАШНИНЪ—входя.

Вотъ я и готовъ. Развѣ не скоро?.. И амнія мекумъ... такъ ли это говоритса?..

Указываетъ Волынову на боковой карманъ сюртука, изъ котораго украдкой отъ всѣхъ вынимаетъ и показываетъ пачку сложенныхъ бумагъ, причемъ хитро подмигиваетъ.

ВОЛЫНОВЪ.

И пора намъ, папа, очень пора... Вы не разсердитесь, мамаша, что я увожу Алексѣя Михайлыча... Я былъ противъ того, чтобы онъ безповоился провожать меня, но папаша непременно захотѣлъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И нускай проклятыя я рада... Хотя, во крайней нѣрѣ, воротится, разскажетъ намъ, какъ вы поѣхали... А то ужъ больно скоро вы собрались: такъ неожиданно, что я даже, вдругъ-то, перепугалась...

КОВЫРНЕВЪ.

Одинъ, значить, я сиротинкой останусь... Думаешь, провою благодѣтели, а теперь ужъ, видно, и състь мнѣ негдѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Да ужъ, другъ любезный, мѣста тебѣ не будетъ... Ты оставайся здѣсь,—занятой вотъ дамъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, ужъ будемъ мѣстѣ горевать, ангель мой...

ВОЛЫНОВЪ — къ входящей въ эту минуту Раисѣ.

Здравствуйте, Раиса Алексѣевна, и прощайте... Я очень счастливъ, что вы удостоили видѣти и даете возможность проститься съ вами... Хотя уѣзжаю и не на-долго, а все-таки не желалъ бы, чтобъ помнили меня лихою... Да, кажется, и не за-что? — да?..

РАИСА.

Я не имѣю ничего противъ васъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Такъ пожелайте мнѣ счастливаго пути, успѣха въ дѣлахъ и благополучнаго возвращенія...

РАИСА.

Желаю вамъ отъ всей души...

КОВЫРНЕВЪ.

Да, ангель мой, это напаче всего: благополучнаго пути въ дорогѣ... Дорожка... она... всяко бываетъ...

ВОЛЫНОВЪ — улыбался.

Вотъ Ардальонъ Михайлычъ, — вездѣ найдется и во всякомъ разговорѣ приметъ участіе... (Къ Раисѣ). Буду надѣяться, что по возвращеніи мы встрѣтимся друзьями, и вы убѣдитесь, что я дорого цѣню ваши добрыя желанія... (Смотритъ на нее много-значительно и потомъ быстро оборачивается къ Марьѣ Григорьевнѣ). Прощайте, мамаша...

Цѣлуетъ у нея руку.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прощай, мой голубчикъ, дорогой мой... Ворочайся же по-скорѣе...

ВОЛЫНОВЪ.

Объ этомъ-то ужъ не беспокойтесь: я самъ буду минуты считать...

КОВЫРНЕВЪ.

Присѣсть бы надо, ангелъ мой, на дорожку...

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, еще насажусь въ дорогѣ. Прощай, милый Орестъ, до свиданія...

ОРЕСТЪ.

Прощайте, Аркадій Петровичъ. *(Обнимаются)*. Вы не поштили: Джальма мой, и я могу имъ распоряжаться?

ВОЛЫНОВЪ.

Какъ же тебѣ не стыдно спрашивать? — развѣ я стану дѣлать подарки въ шутку?.. Твой, твой, — навсегда: распоряжайся съ нимъ, дѣлай что хочешь...

ОРЕСТЪ—обнимаетъ Волынова.

Благодарю васъ... очень благодарю... Слышите, мамаша: не мѣшайте же мнѣ послѣ... Вотъ такъ подарочекъ!.. Джальма мой, Джальма мой!..

Прягаетъ.

ВОЛЫНОВЪ—подходить къ сидѣвшей въ стонѣ и плачущей Ольгѣ.

Ну, Оля, моя милая, безцѣнная... прощайте... Не плачьте, ради Бога, не терзайте меня... Дайте мнѣ вашу ручку...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да полно-те ужъ, Богъ съ вами, — поцѣлуйтесь...

КВАПНИНЪ.

Да, да, разумѣется... Чего тутъ церемониться: дѣло конченое... Поцѣлуй его, Оля, на прощаньи...

Ольга, конфузась, но порывисто охватываетъ руками шею Волынова, крѣпко, продолжительно цѣлуетъ его, потомъ вскрикиваетъ: «ахъ!» закрываетъ лицо руками и съ рыданиями опускается въ кресло.

ВОЛЫНОВЪ.

Оля, Оля, счастье мое... успокойтесь!..

КВАПНИНЪ.

Ну, ничего, — пусть проплачется: безъ этого нельзя...

КОВЫРНЕВЪ.

Оно, ангелъ мой, больно для сердца-то... Охъ, какъ больно... это самое разставанье съ сердечнымъ дружкомъ... женишкомъ боготаннымъ... А проплачется — и полегчаетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А ты, Оля, будь мужественнѣе... и будь благороднѣе... Пожалѣй и его: ему вѣкъ тоже тяжело...

КОВЫРНЕВЪ.

Еще какъ тяжело-то, ангель мой!.. Чувствительно-тяжело это самое для нашего брата, мужчини, потому — въ нашень роду слезъ нѣтъ...

ОЛЬГА—Комприву.

Ахъ, отстань ты, ради Бога... Надоѣлъ: все борзочить...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, ангель мой, — это не нами усталено, отъ Бога такъ положено: въ женскомъ роду все слезами склонитъ, а въ нашень роду, въ мужскомъ — все въ вѣкъ останется... всякая горестъ... Намъ безпримѣнно тяжелѣе!..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, прощайте, Ольга... Мнѣ пора... Я скоро, скоро возвращусь...

ОЛЬГА — утирая быстро глаза и какъ-бы вдругъ охватывая собой, съ глубокимъ вздохомъ.

Прощайте... Пишите же... чаще, чаще!..

ВОЛЫНОВЪ.

Буду, буду... Ну, бабюшка, пойдете поскорѣе... Мнѣ ужасно тяжело...

КОВЫРНЕВЪ.

А со мной-то, ангель мой, благодѣтель мой первѣющій, Аркадій Петровичъ, другъ мой сердечный...

ВОЛЫНОВЪ.

Прощайте, прощайте, Аркадьонъ Михайлычъ... До свиданія, скоро увидимся... Еще разъ — до свиданія, Раиса Алексѣевна: не желаете ли сдѣлать какое порученіе въ Петербургъ?..

РАИСА.

Нѣтъ, благодарю васъ, — мнѣ ничего не нужно...

КВАШНИНЪ—многозначительно.

Такъ вотъ мы въ городъ ѣдемъ... можетъ, туда не будетъ ли къ кому порученія отъ тебя, не нужно ли чего передать?..

РАИСА.

Къ кому же, папаша, и какое порученіе?

КВАШНИНЪ.

Ну, почему я знаю какое и мало ли къ кому... Вонъ учи-

тель найтъ тамъ теперь у своей мамаша гостить... Можетъ быть, къ нему... (*Раиса конфузится и опускаетъ голову*). Что же, не будетъ къ нему ничего?..

ОРЕСТЪ—съ хохотомъ.

Можетъ, стишки печальные пошлешь...

РАИСА — смѣло поднимая голову, со сверкающими глазами.

Да, папаша, будетъ порученіе: если увидите его, скажите ему, что я очень его уважаю и сожалѣю, что ему привелось учить и тратить время на такого негодая, какъ мой братецъ...

КВАШНИНЪ.

Ого!.. Ну, объ этомъ послѣ, — теперь некогда... Побѣдемъ, Аркадій Петровичъ... (*Къ женѣ*). Вотъ ваше воспитаніе... и при-смотри!.. (*Уходитъ вмѣстѣ съ Воиновымъ, Ольгой, Марьей Григорьевной и Ковыринымъ*).

РАИСА—одна.

И отецъ!.. И его настроили!.. Кто же это?.. Они всё какъ-будто хотятъ заставить меня безпрестанно думать о немъ... и мѣшаютъ забыть его... Они не знаютъ, что я и безъ того!.. Неужели, въ самомъ-дѣлѣ, это то... настоящее... неизвѣстное мнѣ прежде чувство?.. Что онъ для меня?.. Отчего же я краснѣю при его имени, отчего мнѣ подчасъ такъ грустно, скучно?.. Затѣмъ мнѣ дѣлается досадно, обидно, когда говорятъ о немъ съ пренебреженіемъ, или насмѣшкой?.. Неужели это любовь?.. Вѣдь, когда я видѣла его здѣсь, — ничего подобнаго не чувствовала: я сама любила посмѣяться надъ нимъ, подразнить его... Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ мнѣ нуженъ, что онъ дорогъ мнѣ,...

Входитъ САША, оглядываясь.

САША — таинственно.

Раиса Алексѣевна...

РАИСА.

Что тебѣ?

САША.

Я все высматривала, когда вы останетесь одни... Къ вамъ вотъ записочка отъ Бориса Николаича; просилъ отдать такъ, чтобы никто не видалъ, и принести отъ васъ отвѣтъ...

РАИСА.

Какъ, отъ Бориса Николаича?

САША.

Такъ точно, отъ нихъ самыкъ: они здѣсь за садомъ, увидѣли

меня и попросили вамъ передать... А я, говоритъ, похожу здѣсь, буду ждать отвѣта.

РАИСА—прочитавши письмо, съ видимымъ волненіемъ.

Послушай, Саша: скажи Борису Николаичу, что я очень рада его видѣть, но сама къ нему ни въ садъ, ни куда не пойду, а если угодно—пожаловаль бы сюда... Перескажешь?

САША.

Какъ же не пересказать? Отчего же? Перескажу...

РАИСА.

Слушай еще: ему не хочется встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ нашихъ, такъ пускай самъ найдетъ время, когда я буду здѣсь одна, и приходитъ сюда... Но ужъ если съ кѣмъ и встрѣтится изъ нашихъ, — былъ бы готовъ... Я скрывать не буду... Понимаешь?

САША.

Понимаю, барышня... Какъ не понимать: я все понимаю...

РАИСА.

Ну, поди и скажи... Иди же скорѣе...

САША.

Я, барышня, одной минутой.

Уходить.

РАИСА—вновь прочитывая письмо.

«Только два слова... для вашего блага... Мнѣ лично ничего не нужно: я приучилъ себя къ мысли, что я для васъ человекъ совершенно чужой... Мнѣ жалко васъ!.. Вы себя погубите!.. Можетъ быть, пострадаетъ и вся ваша семья...» Что же это такое?.. Какія-то загадки?.. Я ничего не понимаю... (*Продолжаетъ читать*). «Въ письмѣ я не хочу ничего говорить: мнѣ думается, что лично переданныя мною вамъ свѣдѣнія и объясненія будутъ для васъ убѣдительнѣе... А не повѣрите, — тогда ваше дѣло: моя совѣсть будетъ спокойна...» Чудеса!.. (*Слышитъ шаги и голоса, прячетъ письмо*).

Входятъ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и ОЛЬГА.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—входя.

Ну, Олюшка, ну, милая!.. Не огорчайся, душенька, не убивайся такъ... Ну, мало-ли бываетъ, что женихъ съ невѣстой разлучаются, — ну, неужели же ужъ всѣ такъ и убиваются, какъ ты?.. Надо же имѣть благоразуміе, моя душа... Ну, что такая за важность, что женихъ на двѣ, на три недѣли уѣхаль, по крайней надобности: вѣдь не на вѣки простылась...

ОЛЬГА—рыдая.

Ахъ, мамаша, вы не понимаете... Я чувствую, чувствую, что не увижу его болѣе... Онъ тамъ, въ Петербургѣ, влюбится въ другую, — меня разлюбить, забудетъ, женится на другой... Охъ, я чувствую, чувствую, что это случится... И затѣмъ вы не сдѣлали давно свадьбу, не обвѣнчали насъ: тогда бы ужъ я никуда его одного не отпустила, всюду бы за нимъ шла и ѣхала... Ну, затѣмъ, затѣмъ вы откладывали свадьбу?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ, Олинъба, откладывали?.. Да ты посчитай: давно ли онъ тебѣ предложеніе-то сдѣлалъ: еще недѣли вѣдь не прошло... Надо же хоть что-нибудь приготовить, хоть платье-то вѣнчальное спить...

ОЛЬГА.

Ничего этого не нужно: все это пустяки... Нынче всѣ эти приготовленія не въ модѣ, а платье въ недѣлю очень можно спить... А теперь изъ-за этого платья я, можетъ быть, его потеряю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, наконецъ, онъ самъ же назначилъ срокъ свадьбы черезъ мѣсяцъ, — не могли же мы говорить ему: нѣтъ, вѣнчайся поскорѣе, сейчасъ же... Ну, что бы онъ могъ подумать, еслибъ мы стали требовать этого... Ты разсуди, мой другъ!.. Ты дѣвушка... и вдругъ родители свадьбой торопятся, упрашиваютъ жениха: вѣнчайся поскорѣе... Да это Богъ знаетъ что могло ему въ голову придти!.. Ты подумай, что говоришь!

ОЛЬГА.

Ничего бы не пришло въ голову: онъ знаетъ меня, понимаетъ и цѣнитъ... Онъ не сдѣлалъ бы предложенія, еслибъ думалъ, что я какая-нибудь... И это не можетъ быть, чтобы онъ самъ на мѣсяцъ свадьбу отсрочилъ, это неправда: это вы отсрочили... Онъ слишкомъ страстно влюбленъ въ меня, чтобы оттягивать свадьбу: ужъ это, позвольте, мнѣ лучше знать... А это все вы, вы... ваши предразсудки глупые, старинные, барскіе...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, такъ, коли такъ, — Богъ съ тобой... Коли не вѣришь мнѣ, лгуньей меня дѣлаешь, такъ мнѣ и говорить нечего... Я лучше замолчу, — Богъ съ тобой!..

ОЛЬГА.

Ахъ, Господи, да вы поймите, что мнѣ вѣдь тошно, скучно

безъ него... Я вѣдь влюблена въ него, а жить безъ него не могу и боюсь, что потеряю его... А вы сердитесь!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да я не сержусь, мой другъ, а для чего же такъ себя убивать по-напрасну... Если онъ человѣкъ достойный и благородный, если онъ любить и цѣнить тебя, такъ нечего и безпокойтись... Вотъ черезъ двѣ недѣльки воротится—и свадьбу сыграемъ...

ОЛЬГА.

Вы думаете, мамаша, онъ непременно воротится? Вы увѣрены въ этомъ?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, конечно, увѣрена... Какъ же я могу не думать этого... Развѣ онъ таковой человѣкъ? Кажется, ужъ это всякій можетъ видѣть, что это человѣкъ солидный, со всѣми достоинствами...

ОЛЬГА.

И меня, вѣдь, любить?.. Вѣдь онъ влюбленъ въ меня?.. Мамаша, да?—вѣдь влюбленъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да развѣ бы сталъ онъ дѣлать предложеніе, еслибъ не былъ влюбленъ?.. Онъ вѣдь не изъ-за приданаго на тебѣ женится...

ОЛЬГА—выдаюсь на него къ матери.

Ахъ, мамочка, душечка, милая, вы оживили меня... Вы знаете сами, какъ страшно потерять то, что дорого... Ну, ну, я буду умница, я переломлю себя... Пойду сейчасъ, сяду и буду писать къ нему... буду писать все, все, что думаю, чувствую, каждый день, каждый часъ, минуту каждую... Вотъ и буду какъ-будто вмѣстѣ съ нимъ... Да, мамаша, это я хорошо придумала отъ тоски?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что же, это прекрасно, только чего лишняго не напиши: ты, вѣдь, еще дѣвушка, невѣста...

ОЛЬГА.

Что же вы думаете: я дура, что ли, какая?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, я не къ тому, а только для твоей же осторожности...

ОЛЬГА.

Не безпокойтесь: я знаю, что можно и что нужно писать къ нему.

Уходитъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—къ Райсѣ, стараясь принять строгій тонъ.

А ты, что это, сударыня, какія выходки себѣ позволяешь?

РАЙСА.

Какія, мамаша?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ какія? Какъ ты отвѣтила отцу насчетъ учителя?.. Даже брата не пожалѣла, обозвала негодемъ—и при комъ же? при Аркадѣ Петровичѣ... Развѣ это хорошо? И изъ-за кого ты такъ разстроилась, изъ-за кого брата обидѣла? изъ-за какого-нибудь учителяшки!.. Это что же значить такое?

РАЙСА.

Мнѣ, мамаша, всѣ эти шуточки, всѣ эти намеки до смерти надоѣли... И ужъ особенно такому мальчику, какъ Орестъ, не слѣдовало бы ихъ позволять себѣ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да какъ же ему не позволять себѣ, когда онъ своими глазами видѣлъ и самъ слышалъ ваши секретныя объясненія съ учителемъ... только Орестъ былъ такъ скромнень и благородень, что даже слова мнѣ не сказалъ,—теперь только, вотъ сейчасъ, высказалъ, когда ты его при всѣхъ обидѣла... И какъ тотъ-то, тотъ-то... какъ онъ смѣлъ только подумать... Значить, ты сама ему поводъ подала... Онъ бы только то подумалъ: кто онъ и кто ты!.. А ужъ отъ тебя я этого никакъ не ожидала, чтобы ты, моя дочь, и обратила вниманіе на какого-нибудь учителяшку... И отчего онъ осмѣлился возмечтать о себѣ?—только отъ нашей доброты и гостепріимства, что мы держали его въ домѣ не какъ наемнаго человѣка, а какъ хорошаго знакомаго: чѣмъ, по-твоему, это развѣ не значить глупость и необразованіе его? А?.. Умный, образованный человѣкъ сейчасъ бы понялъ свою настоящую позицію... и никогда бы себѣ этого не позволилъ... А, значить, ты сама ему поводъ подала... А?.. Да что же ты ничего не говоришь?.. Я говорю, говорю, а отъ нея ни гласу, ни послушанія... Что это за манера такая?..

РАЙСА.

Да что же мнѣ говорить, мамаша?.. Вы дѣлаете мнѣ выговоръ, замѣчаніе: я выслушиваю его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А въ душѣ не соглашаешься... Что же онъ, по-твоему, можетъ быть тебѣ женихомъ, что ли?.. Ужъ не для него ли ты и Аркадію Петровичу отказала?..

РАИСА.

Нѣтъ, не для него, а для Ольги...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Для Ольги!.. Не отказала бы для Ольги, а значить самой не нравился... А развѣ такой человекъ можетъ не нравиться, какъ Аркадій Петровичъ, если бы у тебя другого въ головѣ не было?.. А?.. Значить было?.. Ну, что же не говоришь? Отвѣчай...

РАИСА.

Я не знаю, мамаша, что вамъ угодно, что бы я отвѣчала... Вы сами все знаете и объясняете за меня... Что же мнѣ говорить!.. Вы мнѣ прикажите, какъ отвѣчать вамъ, я такъ и буду.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты дерзкая дѣвочка, больше ничего... Разбаловала я васъ совсѣмъ... Съ дѣтства ты была вздорная, непочтительная... Я впередъ знала, что мнѣ съ тобой не сговорить... Пускай, коли отецъ поговорить съ тобой, а я и разстраивать себя не хочу... Нашла какой предметъ: учитель!.. Нечего сказать: пристойный женишокъ для моей дочери!..

Уходитъ.

РАИСА—одна.

Теперь всѣ противъ него... Бѣдный Борисъ Николаичъ!.. Какъ же мнѣ теперь держать себя съ нимъ?.. Вотъ, вѣдь, я знаю, что и теперь отъ одного моего взгляда, отъ одного слова, отъ улыбки, онъ сдѣлается или сияющій, счастливый,—или мрачный и злой... Это очень весело чувствовать власть надъ умнымъ человекомъ... И нисколько не жалко, когда мучишь сама, не смѣишь только трогать никто посторонній: тогда самой больно за него... Какъ же мнѣ теперь держать себя съ нимъ?.. Онъ ушелъ совсѣмъ—и мнѣ было грустно, скучно безъ него, такъ жалко его... Вотъ теперь онъ не выдержалъ, выдумалъ какой-то предлогъ, впередъ знаю, что только предлогъ, чтобы видѣться со мною, и мнѣ такъ хочется въ одно и то же время и обрадовать его, сказать, какъ я о немъ скучала, какъ много думала, и помучить—показать совершенное равнодушіе, даже пренебреженіе, наказать за то, что много думаетъ о себѣ, что ушелъ, когда я этого не хотѣла... Что же я сдѣлаю?.. *(Задумывается)*.

Входитъ СКВОРЦОВЪ.

СКВОРЦОВЪ — горюливо подходитъ къ Раисѣ.

Раиса Алексѣевна, скажите: неужели это правда: не вы, а ваша сестра выходитъ за Волынова?.. Здравствуйте...

Протягиваетъ руку.

РАИСА—подавая и быстро отдергивая руку.

Здравствуйте... Это вы для этого вопроса только назначали мнѣ секретную аудіенцію?.. Не стоило!..

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, не для этого.. Объ этомъ я сейчасъ только узналъ отъ Саши и не хотѣлъ ей вѣрить... А еслибъ зналъ прежде, то, можетъ быть, и не пошелъ бы сюда...

РАИСА.

Вы хотѣли сказать что-то важное, отъ чего-то предостеречь меня...

СКВОРЦОВЪ.

Да, да, только для того я и ѣхалъ... Но такъ какъ не вы невѣста Волынова, то я не знаю... впрочемъ, все равно: вы сестра... ваша семья... скандалъ и неприятность отразятся и на васъ...

РАИСА.

Что такое вы говорите: я ничего не понимаю...

СКВОРЦОВЪ.

Я... я все объясню, все скажу... Вы только скажите мнѣ какъ это случилось: вѣдь, вы были невѣста? вы сами отказали ему?..

РАИСА.

Да что это васъ такъ интересуеть? развѣ не все равно? Вы ничего еще не сказали мнѣ, а сюда сейчасъ могутъ придти мамаша, сестра, братъ, чего вы такъ бонтесь... а...

СКВОРЦОВЪ.

Ничего я не боюсь, я боялся только за васъ, желалъ видѣть васъ одну, чтобы не помѣшали убѣдить васъ... но теперь, когда не вы... Ну, скажите же мнѣ, ради Бога, вы сами отказали?..

РАИСА.

Сама...

СКВОРЦОВЪ.

Но почему?..

РАИСА.

Вотъ этого ужъ я вамъ не скажу... потому что... было много причинъ... и я сама не знаю, которая изъ нихъ главная...

СКВОРЦОВЪ.

И послѣ вашего отказа онъ сдѣлалъ предложеніе вашей сестры!.. Какъ это на него похоже!..

РАЙСА.

Онъ и не дѣлалъ мнѣ предложенія: это было недоразумѣніе со стороны мамыши...

СКВОРЦОВЪ.

О, полноте, пожалуйста!.. Какое тутъ недоразумѣніе!.. Конечно, ему лучше бы было, если бы удалось обмануть васъ... Еще бы!.. Вы знаете ли, вѣдь это мошенникъ, мошенникъ отъявленный!..

РАЙСА.

О, какъ вы рѣшительно выражаетесь... Вы не забываете, что кто бы онъ ни былъ въ вашихъ глазахъ, но онъ женихъ моей сестры, нашъ будущій родственникъ...

СКВОРЦОВЪ.

Никогда онъ не будетъ вашимъ родственникомъ, если родители ваши узнаютъ, кто онъ такой, а я не знаю, какъ иначе называть людей, которые всю жизнь существуютъ только обманомъ и мошеннической спекуляціей... Во-первыхъ, онъ вовсе не то, что вы думаете: не богачъ, акціонеръ и заводчикъ, а неплатный должникъ, бѣгающій отъ своихъ кредиторовъ...

РАЙСА.

А его имѣніе?

СКВОРЦОВЪ.

Имѣнія этого, еслибъ оно не было даже заложено, не достало бы на покрытие и третьей части его долговъ; неожиданно оно ему досталось и онъ тотчасъ же заложилъ его и въ банкъ и въ частныя руки, а на вырученныя деньги приобрѣлъ этихъ Джальмъ, Богатырей, эти кабриолетки, и прочую обстановку, которая отуманиваетъ людей, подобныхъ Оресту и Ковырневу, которая обманула и вашихъ родителей, и даже...

РАЙСА.

И даже меня... хотите вы сказать...

СКВОРЦОВЪ.

Да, я бы, можетъ быть, сказалъ это, еслибъ вы не освободились отъ такого упрека тѣмъ, что раньше другихъ разгадали его и отказали въ вашей рукѣ...

РАЙСА.

Положимъ, я совсѣмъ не потому ему отказала... Но это все равно... Скажите мнѣ, какъ же вы все это узнали и какія же у васъ доказательства?..

СКВОРЦОВЪ.

Въ рукахъ у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ... Я шелъ

предупредить васъ и думалъ, что вы мнѣ повѣрите на-слово.. Но не сегодня—завтра его арестуютъ: случайно я встрѣтился въ городѣ съ прїѣхавшимъ изъ Петербурга повѣреннымъ, который имѣетъ специальное порученіе выслѣдить и арестовать этого господина по одному дѣлу, которое сдѣлано тоже мошенническимъ образомъ... Я видѣлъ даже исполнительный листъ объ арестѣ Волынова и слышалъ отъ повѣреннаго все то, что передалъ вамъ... Первымъ моимъ дѣломъ было тотчасъ ѣхать сюда, чтобы предупредить васъ, васъ...

РАЙСА—протягивая къ нему руку.

Спасибо вамъ....

СКВОРЦОВЪ — схватываетъ и страстно нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руку.

РАЙСА—вздрагивая и оглядываясь.

Что вы дѣлаете?.. Отстаньте...

Старается освободить руку.

СКВОРЦОВЪ.

О, какъ вы меня обрадовали!.. Вѣдь я ждалъ не такой встрѣчи: я думалъ, что вы равнодушны къ Волынову, что вы не захотите слушать меня, а, можетъ быть, даже разсердитесь и прогоните... Я думалъ, что увижу слезы, или досаду, или огорченіе, или презрѣніе ко мнѣ, какъ клеветнику... А вы, вы...

РАЙСА—овладѣвая собою и стараясь быть холодною.

Я благодарна вамъ за сестру и мое семейство... Теперь, можетъ быть, очень удобно поправить дѣло безъ скандала, потому что Волыновъ очень встаети уѣхалъ въ Петербургъ...

СКВОРЦОВЪ.

Какъ уѣхалъ, когда?..

РАЙСА.

А вотъ въ ту самую минуту, какъ вы ждали за садомъ свиданія со мной... Онъ получилъ какую-то телеграмму, неожиданно собрался и уѣхалъ...

СКВОРЦОВЪ.

Опять увернулся!.. жалко!.. Очевидно, эта телеграмма предупреждала его о преслѣдованіи... Ну, значитъ, онъ больше къ вамъ не возвратится...

РАЙСА.

Однако, что же я должна дѣлать? Сказать сестрѣ—она не повѣритъ, родители тоже... Я-то вамъ вѣрю безусловно, но—сестра... родители...

СКВОРЦОВЪ.

Если онъ успѣеть уѣхать отсюда, то, будьте увѣрены, онъ не воротится... Если же его успѣютъ арестовать здѣсь, то личность его разъяснится сама собой и для вашихъ родителей, и для всѣхъ...

РАИСА—размышляя.

Мнѣ самой давно казалось многое въ немъ странно, подозрительно... Знаете, что меня беспокоитъ: у нихъ были какіе-то продолжительные секретные разговоры съ папашей... Отецъ не разъ проговаривался и въ разговорѣ съ нами, что если бы онъ получилъ вскорѣ ссуду и успѣлъ принять участіе въ предпріятіи Воынова, то быстро бы разбогатѣлъ... Теперь онъ вдругъ собрался и уѣхать въ городъ съ Воыновымъ, тоже послѣ разговора наединѣ... Мимоходомъ, я слышала, какъ папа говорилъ мамашѣ, что ему нужно быть у нотариуса, чтобы выдать Воынову въ городѣ какую-то довѣренность... Я боюсь... Папа очень легковѣренъ и довѣрчивъ... Не вышло бы чего-нибудь...

СКВОРЦОВЪ.

Я и не зналъ, что вашъ отецъ уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ... Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ рассчитываетъ какъ-нибудь обмануть вашего отца!.. Да, это нужно бы предупредить!.. Знаете что: я поѣду сію минуту въ городъ, можетъ быть найду повѣреннаго, а то и прямо обращусь къ исправнику... Однимъ словомъ, попытаюсь какъ-нибудь остановить этого мошенника и помѣшать ему обмануть вашего отца... Прощайте... я сейчасъ же поѣду...

РАИСА.

Я не знаю, какъ благодарить васъ... Вы добрый!.. Но мнѣ совѣстно: вѣдь, до города тридцать верстъ... Вы, чужой намъ... и—такъ заботитесь, принимаете такое участіе!..

СКВОРЦОВЪ.

Да, въ несчастію, чужой... чужой для васъ!.. Но что же дѣлать... Я ничего не требую, ничего не жду... кромѣ доброй памяти... Я чужой для васъ, но вы... вы—не чужая мнѣ!.. Прощайте... Дайте мнѣ вашу ручку, можетъ быть, въ послѣдній разъ...

Орестъ, входявшій въ дверь съ балкона изъ сада, замѣтя ихъ, останавливается и прячется за калитку.

РАИСА.

Нѣтъ, я не такъ выразилась... Я не то хотѣла сказать... Я сама васъ... уважаю, цѣню... Я и Воынова пошла... отказала ему... потому-что узнала васъ... увидѣла, какіе бываютъ настоя-

щие, хорошие люди... Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не думайте!.. Можеть быть, я держала себя съ вами глупо, неосторожно, можеть быть меня по-дѣломъ бранять за васъ... Но въ душѣ... я всегда... цѣнила васъ... ставила гораздо выше себя и всѣхъ нашихъ знакомыхъ... Повѣрьте мнѣ: я говорю теперь искренно...

Протягиваетъ ему руку.

СКВОРЦОВЪ—бера ее за руку.

Слушайте: я, вѣдь, знаю, понимаю васъ... Вижу, что въ васъ—свое, непосредственное, чѣмъ я всегда восхищался, и, что навѣянное, привитое воспитаніемъ, средою... О, я знаю хорошо ваше сердце, вашу душу... Но уже теперь не то, не то мнѣ хотѣлось бы слышать отъ васъ, что вы сказали... И зачѣмъ вы дали себѣ свободу сказать даже эти привѣтливныя слова? Прощаясь съ вами, можеть быть, навсегда, мнѣ легче было бы считать васъ окончателно испорченною, избалованною, безсердечной барышней, мнѣ легче было бы унести впечатлѣніе незаслуженныхъ оскорбленій, насмѣшекъ, презрѣнія... Я тогда скорѣе забылъ бы васъ... можеть быть, возненавидѣлъ бы даже... И это было бы счастье для меня... А теперь... я унесу въ душѣ свѣтлый, прелестный образъ... съ которымъ я навсегда долженъ разстаться...

РАЙСА.

Но зачѣмъ вы говорите—навсегда... я вовсе не хочу съ вами прощаться навсегда... Я хочу и надѣюсь, что мы будемъ видѣться, если не теперь, то послѣ...

СКВОРЦОВЪ—со страстью.

Но, вѣдь, вы не можете не видѣть, что я люблю васъ, люблю не какъ друга, а какъ женщину... А вы не чувствуете во мнѣ ничего, кромѣ пріязни, кромѣ уваженія... Вамъ никогда не приходила даже мысль о возможности отвѣтить мнѣ тѣмъ же чувствомъ, о возможности когда-нибудь принадлежать мнѣ... Въ вашихъ глазахъ я всегда останусь, можеть быть, хорошимъ человекомъ, но не такимъ, съ которымъ можно связать свою жизнь. (*Хватая ее за руку*). Вы, вѣдь, не любите меня, не считаете даже возможнымъ полюбить?.. Ну, ради Бога, скажите мнѣ всю правду, не хитря, не стѣсняясь, не боясь меня оскорбить...

РАЙСА—не отнимая руки, взволнованная.

Я не знаю... Не знаю, что значить любить... Да, я не считала васъ женихомъ... Но мнѣ всегда было весело съ вами, а безъ васъ скучно... Я постоянно думала о васъ...

СКВОРЦОВЪ—въ восторгѣ.

Раиса... Раиса Алексѣевна... Я не вѣрю... Развѣ это возможно... Радость моя, жизнь моя! Это счастье не для меня!.. Это сонъ!.. Я не могу, не могу говорить!..

Со слезами на глазахъ цѣлуетъ
ей руку.

Боковая дверь съ шумомъ распаивается, въ нее влетаетъ запыхавшаяся
МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА въ сопровожденіи ОРЕСТА.

ОРЕСТЬ.

Вотъ, я негодай!.. А она что дѣлаетъ: вотъ полюбуйтесь!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—едва въ силахъ говорить
отъ волненія.

Вонъ, милостивый, государь, вонъ!.. Какъ вы смѣли подумать!.. Не смѣйте и думать... Наглець!.. Поповичъ!.. Вонъ, я вамъ говорю... Нивогда этого быть не можетъ!..

РАИСА.

Успокойтесь, мамаша... Онъ уйдетъ!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Молчи!.. Я съ тобой послѣ поговорю!..

СКВОРЦОВЪ.

Позвольте, Марья Григорьевна!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—визгливо.

Вонъ, я говорю!.. Не смѣй говорить!.. Я людей позову, вытолкать велю!.. Чтобъ нивогда духу твоего здѣсь не было!.. Ахъ, ахъ, ахъ!..

Начинается истерика.

ОРЕСТЬ.

Что это въ самомъ дѣлѣ такое!.. Я пойду Павла позову!..

Уходить.

РАИСА.

Борисъ Николаичъ!.. Это ничего!.. Побѣжайте, пожалуйста, поскорѣе туда: можетъ быть, еще успѣете!.. Устройте, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ пріѣзжайте сюда и привозите, если можно, какое-нибудь доказательство о томъ господинѣ!.. До вашего возвращенія я ничего не буду говорить имъ о немъ. Пожалуйста, только извините мамашу!.. для меня!..

Подаетъ ему руку.

СКВОРЦОВЪ.

Для васъ я все прощу... и все перенесу... Я такъ счастливъ,
какъ рѣдко бываютъ люди... До свиданія..

Быстро уходить.

Марья Григорьевна, которая во время разговора Раисы со Скворцовымъ дѣлала истерику вполголоса, наблюдала и прислушивалась, послѣ ухода Скворцова начинаетъ опять громко охать и хохотать истерически.

РАИСА.

Мамаша, мамаша, успокойтесь...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—въ истерикѣ.

Прочь, прочь... Безстыдница! Неблагодарная! Ахъ, ха, ха, ха!..

Входить ОРЕСТЬ съ ПАВЛОМЪ.

РАИСА.

Павель, принесите воды поскорѣе, а ты, Орестъ, подай спирта или гофманскихъ капель... Мамаша, мамаша, успокойтесь...

ОРЕСТЬ.

А, убѣжалъ, струсилъ!.. Я бы ему накласть...

РАИСА—строго.

Принеси же спирту, я тебѣ говорю... и позови Ольгу... Мамаша, мамаша, успокойтесь... Вѣдь ничего не случилось особеннаго...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—въ истерикѣ.

Осрамила, осрамила... все семейство, всю фамилію, на всю округу... На весь уѣздъ... Ха, ха, ха!.. Не позволю, не позволю... Не бывать этому, не бывать! ахъ, ахъ, ха, ха, ха!..

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Угловая, она же и чайная, комната въ домѣ Квашнина. Два дивана. Передъ однимъ изъ нихъ круглый столъ. Утро.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА сидитъ за чайнымъ столомъ, ОРЕСТЬ и КОВЫРНЕВЪ пьютъ чай.

ОРЕСТЬ—оканчивая стаканъ.

Больше не хочу... Ну, Ковырневъ, кончай же скорѣе да поѣдемъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Позвольте, ангелъ мой, папашеньки бы подождали, когда вернутся, узнали бы, разспросили обо всѣмъ, какъ и что... Развѣ вамъ не интересно знать?..

ОРЕСТЬ.

Да чего тутъ знать: распростились, Аркадій Петровичъ поѣхалъ въ Петербургъ, папаша—домой... Вотъ и всѣ новости... Чего тутъ разспрашивать?.. Поѣдемъ скорѣй... Еще не напился развѣ? Который стаканъ оплетаешь?.. Мамашу-то замучилъ наливая... Ненасытная утроба!..

КОВЫРНЕВЪ.

Ахъ, ангелъ мой... я, кажется не нахрапомъ: ваше же доброе... душевное угощеніе... Маменькино безпокойство по доброй ея душѣ, не въ черезъ-силу... Она изволить знать, что я на счетъ чайку этого грѣшникъ большой... Можетъ, не слѣдъ бы мнѣ и пить-то по бѣдности моей, да вотъ дворянская-то привычка... Маменька-то меня, старика, и изволить баловать, не взираетъ на свое безпокойство... А вы, ангелъ мой, по молодости своей меня осуждаете...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, да, пей на доброе здоровье... Давай еще налью... Ну, что ты, Орестъ, болтаешь...

КОВЫРНЕВЪ—подавая стаканъ, къ Оресту.

Вотъ видишь ты, вотъ мамашенька-то, старая-то благодѣтельница, и почитаетъ старика... Знаетъ, что—своя кровь, благородная, не какая-нибудь... А вы, молодые люди...

ОРЕСТЬ.

Ну, надоѣлъ: я коли такъ одинъ поѣду...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да куда это вы собираетесь?..

ОРЕСТЬ.

Да за Джальмой, мамаша... Я просто стосковался по немъ... Вотъ какъ глаза разжалъ—все вову: поѣдемъ, такъ нѣтъ, видите, безъ чаю онъ никакъ не можетъ... Баринъ какой!.. А теперь вотъ отъ самовара оттащить нельзя...

КОВЫРНЕВЪ.

Не то безъ чаю, ангель мой... Правда, что у меня съ утра грудь заваливается, а изопью чайку—и отпустить... А главный предметъ: какъ же мы уѣдемъ, папашеньку не повидавши, ничего не разузнавши: какъ нашъ соколъ въ дальнюю сторонку полетѣлъ... И папашенька встанутъ, могутъ хватиться: гдѣ Ковырневъ, гдѣ Орестъ?.. А насъ и нѣту... И будетъ неприятность: не могли, скажете, подождать меня... (*Къ Марью Григорьевну*). Вотъ, благодѣтельница, какое мое было разсужденіе, а не то—чай... Что чай?.. Чай—чаемъ, а главное—къ родителямъ почтеніе... Такъ ли я, матушка, говорю?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

И совершенно справедливо!.. И, конечно, слѣдуетъ отца подождать: что за нетерпѣніе такое... Не уйдетъ отъ тебя твой Джальма, коли ужъ подаренъ тебѣ... Успѣешь—наѣздишься...

ОРЕСТЬ.

Да, успѣешь... А вотъ какъ испортятъ его тамъ... Лошадь-то тысячная...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Пустяки, пустяки!.. Изволь отца подождать... Нѣтъ ужъ, избаловала я васъ совсѣмъ... Давно ужъ пора за васъ приняться... Дѣлаете, что хотите, ни на что не похоже, а особливо ты... Изволь, изволь, папашу подождать: у него спросись!.. Нѣтъ ужъ—довольно: я вижу теперь примѣры, какъ вы всѣ избалованы...

ОРЕСТЬ—надувши губы, выдается въ иресо.
Тихо Ковырневу.

Погоди, дьяволъ, старшій чортъ, я тебя утѣшу... Подхалима проклятая!.. Лизоблудъ!..

КОВЫРНЕВЪ—какъ-бы не слыша.

Поздненько, видно, воротился-то, Алексѣй Михайлычъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ не поздно: передъ разсвѣтомъ...

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, я все было поджидалъ, все не спалъ...

ОРЕСТЬ.

Да, не спалъ ты... Дрыхъ съ 10 часовъ во всю ивановскую...

КОВЫРНЕВЪ.

Нѣтъ, истинно не спалъ... Куда за полночь выходилъ даже на улицу: прислушивался—не ѣдетъ ли?.. Нѣтъ, ничего не слышать... Къ утру-то ужъ, видно, разморило меня очень: уснулъ, такъ ничего и не слышалъ... Утромъ проснулся ранехонько... Неужто, спрашиваю, не бывалъ еще баринъ?.. Нѣтъ, говорятъ, пріѣхалъ... Только напугали же меня, проклятые: не совсѣмъ будто, сказываютъ, въ своемъ здоровьѣ, на силу на великую на рукахъ вынули изъ тарантаса... Такъ я и мучился до самаго вашего вставанья... Такъ ни въ чемъ, ангель мой, въ здоровьѣ-то въ своемъ—все благополучно?.. Алексѣй-то Михайлычъ?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ужъ я тебѣ говорила, что ничего... Видно, немножко лишняго на разстаняхъ выпили, дорогой-то его порастрясло... Ну, и...

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ, такъ, ангель мой!.. Это такъ точно, что на разстаняхъ... Нельзя безъ этого... Ну, а дорогой-то поразмяло, поразмотало его: тоже—дорога не ближняя до города... Это такъ точно... А вотъ пропочивается, все какъ рукой сниметь... Ну, такъ это слава Богу!.. Это ничего!.. (*Входитъ Оля*). А вотъ и сударыня наша... Невѣста наша прекрасная... (*Подходитъ изъ ручки*). Съ добрымъ утромъ, ангель мой, какъ изволили ночью почивать? А ужъ кого во снѣ видѣли—самъ знаю..

ОЛЬГА.

Я совсѣмъ не спала: всю ночь глазъ не сомнула... Здравствуйте, мамаша.

Цѣлуются.

КОВЫРНЕВЪ.

Чтой-то, сударыня: неужто все о дружбѣ своемъ думала?.. Вѣдь, этакъ и въ личикѣ измѣна будетъ и съ тѣльца спадете... Ночи не спать!.. Какъ это можно!.. И Аркадій Петровичъ пріѣдутъ, увидятъ, что скудали, спасибо не скажетъ... Какъ намъ будетъ за васъ отвѣтъ-то держать?.. Скажетъ: чего смотрѣли?.. Отчего не повоили моего драгоценнаго предмета?..

ОЛЬГА.

Ну, конечно, кому же отвѣчать за меня, какъ не тебѣ?..

КОВЫРНЕВЪ.

А какъ вы думаете, ангель мой!.. И очень онъ мнѣ нака-

звѣдалъ всячески соблюдать его драгоценную собинку... Какъ ужъ просилъ, какъ просилъ!.. Сами, чай, слышали...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, я что-то не слыхала...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ же, ангель мой, не слыхали? И при васъ, при самихъ, вторично повторялъ: будь, говорить, безотлучно при господахъ, утѣшай и забавляй ихъ...

ОРЕСТЬ.

Такъ ты бы вверхъ ногами ходилъ, какъ тебя заставляли у Хлябовыхъ: на что ужъ забавнѣе... Встань-ка да походи...

КОВЫРНЕВЪ.

Эхъ, милый въюнышъ, ангель мой, Орестъ Алексѣичъ!.. Старца почти!—сказано... А не то что все въ смѣхъ, да въ обиду... Мало ли что недобрые люди дѣлаютъ: какъ надъ бѣднымъ человѣкомъ смѣются... Вамъ это не примѣръ: не таковы ваши родители благородные... Вотъ что, ангель мой!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—съ неудовольствіемъ.

Ну-ка, полноте... Что еще за ссоры... И безъ того мнѣ не до того... (Къ Ольгѣ). Что принцесса-то наша, Ранса-то: выйдетъ, или нѣтъ?.. Али сама надурила, да сама же и гнѣваться изволить?..

ОЛЬГА.

Она говорить: я не выйду изъ своей комнаты, пока меня не позовутъ... Если гонять, говорить, вонъ человѣка, который мнѣ пріятель, такъ, пожалуй, и меня выгонять, если я приду незваная...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Видишь ты какъ!.. Ну, да ужъ не переломить же она меня этимъ... Ужъ не позволю свою фамилію пачкать такими женихами... Изволите видѣть: одна дочь будетъ за Волыновымъ, за такимъ человѣкомъ, что весь уѣздъ теперь завидуетъ, а другая за нищимъ, наемщикомъ, учительшкой какимъ-то... Богъ знаетъ, еще дьячковъ нѣтъ ли въ родствѣ!.. Ужъ не бывать этого: напрасно она думаетъ меня этими выходами переломить, что выходить не хочетъ, и безъ чаю остается... По мнѣ хоть безъ обѣда оставайся, а ужъ не позволю... А вотъ отецъ встанетъ, расскажу ему все,—какъ хочетъ: пускай онъ съ ней поговоритъ, а мнѣ ужъ это не подь силу, я изъ силъ выбилась... Не по моему здоровью такая исторія...

ОЛЬГА.

Мамаша, да, вѣдь, она, кажется, и не думаетъ за него замужъ идти... Вы напрасно только тревожитесь...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ, матушка, напрасно: сама видѣла—ручки у нея цѣловагь...

ОЛЬГА.

Ну, такъ что же за важность такая... Мало ли кто у кого руки цѣлуется...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, вѣдь, учитель, Олинъка!.. Какъ это ты говоришь, мой другъ... Вѣдь, не кто-нибудь, а учитель!.. Ну что ужъ учитель... Сама ты разсуди!..

ОРЕСТЬ.

А я и разговоръ ихъ слышала... Въ любви вѣялся, тоже чувства свои размазывалъ передъ нею... А та и рада, довольна: красненькая стойтъ передъ нимъ, раскисла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Вотъ, слышишь...

КОВЫРНЕВЪ.

Ужъ не пара, сказать, что не пара!.. Квашинимъ барышнямъ Волыновъ—вотъ женихъ на первый сортъ... Ужъ всякой скажетъ: женихъ!.. А Скворцовъ—то ровно какъ бы ужъ и обиденько, и очень обиденько!.. Не та снасть!.. Да и кровь—то не наша, не подходящая...

ОЛЬГА.

Ну, да, впрочемъ, это не мое дѣло... А я, мамаша, всю ночь не могла уснуть...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Отчего же это, милая моя?.. Зачѣмъ ты такъ себя убиваешь...

ОЛЬГА.

Я все думала о немъ и писала къ нему... Я вотъ нарочно принесла прочесть вамъ нѣкоторые отрывки, если хотите... Кажется, не дурно вышло, отъ души...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прочитай, прочитай... Очень мнѣ это пріятно, что ты къ первой къ матери идешь посоветоваться... Вотъ это по-дочерни!.. Прочитай, моя душенька... (*Цѣлуется ея*).

КОВЫРНЕВЪ—со вздохомъ.

Ужъ на что лучше къ родительницѣ во всякомъ дѣлѣ при-

бѣгать... На кого ближе облокотиться, какъ не на мать родную... Мать—напаче всего, она во чревѣ носить... Она всегда и поддерживаетъ во всякомъ дѣлѣ... Таковыхъ людей, что родителей своихъ почитаютъ, и Богъ-отъ награждаетъ, и люди-то одобряютъ... Такимъ-то людямъ...

ОЛЬГА.

Ну, Ковырневъ, перестань... Коли хочешь слушать, такъ слушай, а то уходи—не мѣшай...

КОВЫРНЕВЪ.

Слушаю, ангель мой, слушаю... Какъ мнѣ не слушать... Съ полнымъ даже... чувствомъ моимъ... потому...

ОЛЬГА.

Да перестань же... Я буду читать, мамаша... (*Начинаетъ читать*). «Послѣ отъѣзда вашего... да, *вашего*... только души и сердца наши, не слышно ни для кого, говорятъ другъ другу: *ты!*.. Но ни люди, ни свѣтъ, ни обычай не позволяютъ еще намъ открывать свои сердца, и мы должны замѣнять это *ты* холоднымъ *мы*... Итакъ, послѣ вашего отъѣзда, истерзанная тоскою, горемъ, скукою, но не разставаясь съ вами мыслію ни на одну минуту, я стремилась прочь отъ всѣхъ, въ уединеніе»...

ОРЕСТЪ.

Да ты вчера весь вечеръ съ мамашей и съ Ковырневымъ просидѣла...

ОЛЬГА.

Тебя не спрашиваютъ... Ты еще слышномъ глупъ, чтобъ критиковать... Кабы ты читалъ больше, ты бы понималъ, какъ надо писать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Перестань, Орестъ!.. Правда, что не понимаешь: она отъ души пишетъ... изъ ума... а ты... Дуракъ!.. Читай, читай, Оленька, очень хорошо... И вѣжливо, и трогательно—очень хорошо!..

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ прекрасно, ангель мой, что сказать невозможно... даже до слезъ...

ОЛЬГА—читаетъ.

«Въ уединеніи... Да... Я пошла въ садъ, въ ту аллею, которую мы такъ оба любили, и гдѣ, вы помните, въ первый разъ, среди благоухающей природы, подъ сводомъ смотрѣвшаго на насъ неба, совершилось между нами то незабвенное, давно-желанное, таинственное»...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—перехватывая.

Ахъ, погоди-ка, Олянька, это что-то... какъ будто неловко: совершилось!.. Можно Богъ знаетъ что подумать... Меня даже точно что въ сердце кольнуло...

ОЛЬГА.

Нѣтъ, мамаша, не безпокойтесь... Вы не дослушали... Перебили меня... Вы слушайте: «въ первый разъ... совершилось между нами то незабвенное, давно-желанное, таинственное, чудное, взаимное открытiе нашихъ душъ...» Вотъ видите: ничего нѣтъ такого!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Правда... Оно даже очень хорошо сказано, а все-таки лучше, кабы ты какъ-нибудь это по другому, а то: въ первый разъ!.. совершилось!.. Какъ-то странно... неловко!..

ОЛЬГА.

Ну, хорошо: я подумаю, переменяю... (*Читаетъ*). «Тогда и небо, и деревья, и трава слышали наши взаимныя признанiя и раздѣляли наши чувства: все сияло, все ликовало, все радовалось...»

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, какъ прекрасно!.. Совсѣмъ ты у меня сочинительница!.. Хоть печатай!..

БОВЫРНЕВЪ.

Истинно: какъ все въ складъ расписано...

ОЛЬГА.

Ну, дальше... (*Читаетъ*). «Я видѣла тогда, что природа раздѣляетъ мою радость... Но что же теперь? Раздѣлитъ ли она мою тоску, мое горе въ разлукѣ съ половиною моего существа...»

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Вотъ опять... Кабы послѣ свадьбы писала...

ОЛЬГА.

Ну, это вздоръ, мамаша!.. Все равно: онъ для меня и теперь половина моего существа: онъ такъ мнѣ дорогъ!.. Нѣтъ, я этого не переменяю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, какъ хочешь... Я только такъ...

ОЛЬГА.

Вы слушайте дальше. (*Читаетъ*). «И что же мнѣ показалося?.. Мнѣ показалось, что небо мрачно, что деревья уныло машутъ своими вершинами, какъ-бы жалѣютъ обо мнѣ, что

каждый цвѣтокъ, каждая травка опустили свою головку... Но вдругъ засвисталъ соловей»...

ОРЕСТЬ.

Днемъ-то?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—укоризненно.

Орестъ...

ОЛЬГА—читаетъ.

«Засвисталъ соловей, этотъ вѣстникъ любви»... Мамаша, вамъ нравится это выраженіе: соловей—вѣстникъ любви...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Прекрасное выраженіе!..

ОЛЬГА—продолжаетъ.

«Этотъ вѣстникъ любви. Его пѣніе показалось мнѣ вашимъ голосомъ»...

ОРЕСТЬ—тихо.

Похоже...

ОЛЬГА.

«Онъ говорилъ мнѣ слова любви и утѣшенія... Я слушала его—и поняла: онъ говорилъ мнѣ: я тоже люблю тебя, думаю о тебѣ, скучаю въ разлуку съ тобою... О, правда ли это?.. Не обманывай меня!.. Если я должна потерять любовь твою, должна погибнуть... О, говори скорѣе, не оставляй меня терзаться сомнѣніями!.. Для меня нѣтъ жизни безъ милаго, безъ того, кому я отдаю себя навсегда, вѣчно!.. Если онъ обманетъ меня, я умру, я погибну, или сойду съ ума, превращусь въ безумное существо!.. Но онъ умолкъ безъ отвѣта... Я шла, опустивши въ землю глаза, и на пескѣ дорожки искала вашихъ слѣдовъ... Я нашла ихъ: они были перепутаны съ моими»...

ОРЕСТЬ—фыркнуть.

Да, какъ же!.. разберешь тутъ слѣды... кривой Федоръ въ лаптяхъ постоянно по этой аллеѣ дрова таскаетъ!..

ОЛЬГА—обидѣвшись.

Ну, что это, мамаша, это невозможно!.. Я не буду читать... Велите ему уйти отсюда... Мальчишка, и смѣетъ насмѣхаться надъ тѣмъ, чего не понимаетъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Орестъ, что ты въ самомъ дѣлѣ забываешься... Какъ ты смѣешь противъ старшей сестры, невѣсты... Уйди, коли не можешь молча слушать...

ОРЕСТЬ.

Да я бы давно ушелъ: вы сами не пустели... Я коли такъ поѣду за Джальмой...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, поѣзжай куда хочешь... Надоѣлъ!.. Я ужъ знаю, что тебѣ не сидится...

ОРЕСТЬ—Ковырневу.

Ну, а ты, поѣдешь, или нѣтъ, со мной?..

КОВЫРНЕВЪ.

Я не знаю, ангелъ мой, какъ мамашенька скажутъ... Папашенька бы не огнѣвался...

ОРЕСТЬ.

Ну, чертъ съ тобой, я и одинъ съѣзжу, съ Андриушкой!..
Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—Ковырневу.

Да ужъ съѣзди ты съ нимъ... Все постарше, по-опытнѣй... А то поведутъ они эту лошадь... Я боюсь, не убила бы какъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Коли въ угоду вамъ, матушка, я съ моимъ полнымъ удовольствіемъ готовъ послужить... Конечно, что я ужъ по-присмотрю получше, и очень баловаться не дамъ... Только вотъ какъ бы Алексѣй Михайлычъ, опасаясь я, не хватились... Не огнѣвались бы...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣту, ничего... Я ему скажу... Ужъ ступай, съѣзди съ нимъ...

КОВЫРНЕВЪ.

Слушаю, сударыня... Съѣзжу...

Уходить.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну-ка, Олинъка, вотъ теперь всѣхъ отослали: никто не помѣшаетъ... Почитай-ка еще... Какъ, право, ты все это прекрасно описала!.. И откуда это у тебя берется?.. Удивительно это даже для меня... Нѣтъ, Райчѣвъ такъ не удастся, не написать!..

ОЛЬГА.

А вы думали, что ваша любимица Раиса одна все умѣетъ... всѣ звѣзды съ неба хватаетъ... А про меня думали, что я дурочка...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, я ничего никогда про тебя дурного не думала... Я тебя всегда за большую умницу считала... А Райчка, какая же она моя любимица особенная... Всѣ вы у меня любимицы рав-

ния... Можетъ, больше спускала ей, что, думала, ребенокъ... Ну, а ужъ теперь вижу: нѣтъ, она съ душкомъ!.. Да выходитъ и ума въ ней нѣтъ большого... Вотъ и Аркадій Петровичъ, ужъ, кажется, ума палата, а тебя же предпочель...

ОЛЬГА.

Ужъ не напоминайте, мамаша!.. Вы и тогда хотѣли ему свою Ранчу навязать... Еслибъ онъ не былъ такъ влюбленъ въ меня, и не испугался сдѣлать предложеніе, а Раиса не закапризничала бы и дала согласіе... Я не знаю, чтó бы тогда за скандалъ вышелъ... А все ваше пристрастіе... Ужъ Ранча, Ранча!.. А что ваша Ранча, вотъ, влюбилась въ учителешку, да еще замужь за него выйдетъ... Вотъ вамъ и Ранча ваша!..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, ужъ нѣтъ, ужъ этому не бывать!.. Чтó другое уступлю, а ужъ въ этомъ пусть извинить...

ОЛЬГА.

Да она захочетъ, такъ поставить на своемъ... Вы знаете ее взбалмошный, упрямый характеръ... Захочетъ выйти за него, она не задумается — и убѣжитъ... Не будете же ее подъ замкомъ держать...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, не пугай ты меня, Олинъка... Я и безъ того напугана... Я не знаю чтó мнѣ и дѣлать: лаской, что ли, мнѣ на нее дѣйствовать... да уговоромъ... Ужъ напашѣ-то, я не знаю, сказывать ли: тотъ бурю такую подниметъ, что послѣ еще бы хуже не вышло... Нѣтъ, ужъ видно, лучше мнѣ ее посовѣстить, да приласкать... а?.. какъ ты думаешь?..

ОЛЬГА.

Я не знаю, какъ хотите... Да изъ-за чего вы такъ хлопочете... По-моему, такъ пускай каждая выходитъ за кого хочетъ: всякой выбираетъ по себѣ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, чтó ты говоришь, Олинъка... Какая же это пара Раисѣ?.. Это пятно даже на тебя падетъ, что у тебя сестра за какимъ-нибудь Севорцовымъ замужемъ... Нѣтъ, нѣтъ, я поговорю съ ней, а увижу, что не слушаетъ, отцу скажу...

Входитъ АНДРЕВНА съ подносомъ въ рукахъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что, али баринъ проснулся?

АНДРЕВНА.

Проснулся, одѣвается... Сейчасъ Павелъ прибѣгалъ, чтобы закуску несли...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

А самоваръ-то готовъ-ли горячій?.. Этотъ остылъ.. Прими-ка его, да вели принести другой...

АНДРЕВНА.

Что это у насъ Ранча не идетъ чай-то кушать... Спрашивала, спрашивала, не отвѣчаетъ... Велѣла себѣ молока да хлѣба чернаго принести, покушала, да такъ безъ чаю и сидитъ... И изъ своей комнаты никуда нейдетъ... Что за оказія за такая... Поссорились, что ли, вы съ ней? Видать, что поссорились: вчера шумъ-отъ былъ... Да изъ-за чего вышло-то?.. Дѣвки сказываютъ, — изъ-за учителя, что учитель къ ней воровскимъ манеромъ на свиданье приходилъ... Да я не вѣрю: не таковская она у меня барышня... Обругала только ихъ, безпутковъ, не велѣла и рта развѣвать на такія рѣчи... Скажи ты мнѣ, матушка-барыня, всю правду-то...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вотъ, нашла время, стану я теперь тебѣ рассказывать... Съ тобой, вѣдь, кричать надо... А ты поди-ка лучше, скажи ей, упрямцѣ, что мамаша приказала, дескать, сейчасъ же въ чайную идти... Чтобы сейчасъ же, — до папаши пришла... Слышишь?

АНДРЕВНА.

Слышу, слышу... Что это у насъ за оказія — и, Господи, пошли!.. Чего никогда не бывало... Пускай Орестъ: тотъ озорникъ!.. А то Ранча... Хоть смѣла, шаловлива, а кажись всегда съ умкомъ была...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, иди же, иди... Посылай ее скорѣе... Да самоваръ-отъ возьми... Слышишь?..

АНДРЕВНА.

Ну, такъ неужто не слышу... Вы не какъ вонъ Орестъ, внятно говорите... А вонъ тотъ такъ все пошептомъ, пошептомъ, нарочно меня старуху на смѣхъ...

Береть самоваръ и уходитъ.

ОЛЬГА.

Какъ вамъ, мамаша, не скучно разговаривать съ Андревной.. Еще рассказываете ей все... И она приходитъ къ вамъ точно не къ барынѣ, а къ товаркѣ какой...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, что, Олинька, съ нея взять, старухи... Я въ ней при-
выкла, она преданная нашему дому... всёхъ васъ выводила...

ОЛЬГА.

Да скучно, мамаша, и неприлично: все-таки прислуга...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, мой другъ, я не гордая... Меня не убудеть, что пого-
ворю съ нею... А мнѣ коли преданная слуга, такъ дороже всего
на свѣтѣ...

Входитъ РАЙСА.

РАЙСА—подходя къ матери.

Вы меня звали, мамаша?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты хоть бы поздоровалась съ матерью-то... Сегодня, кажется,
еще не видались...

РАЙСА—цѣлуетъ руку матери.

Я думала, мамаша, что вамъ это будетъ неприятно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Почтеніе-то къ матери неприятно?.. Ну, ужъ, матушка, я
вижу у тебя умъ ва-разушь зашелъ... Что же, дерзость мнѣ ваша
приятнѣе и неуваженіе?..

РАЙСА.

Вы мнѣ не приказали вчера подходить къ себѣ... Я и не
смѣла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Полно, матушка, кажется, ужъ очень смѣла: дѣлаешь все,
что тебѣ вздумается, никого не спрашиваешься... Кажется, я ни-
чѣмъ тебя не оскорбила, не обидѣла, а оскорбила ли, нѣтъ ли,
ты меня, такъ, по-моему, дочери слѣдовало бы первой подойти
да извиниться передъ матерью... А не разыгрывать этакихъ ро-
лей: не сидѣть безвыходно въ своей комнатѣ безъ чаю...

РАЙСА.

Какъ только вы приказали, я тотчасъ пришла...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Пришла да безъ всякаго чувства, безо всякаго сознанія...
Ты, кажется, совсѣмъ не понимаешь даже, что вчера оскорбила
меня и обидѣла...

РАЙСА.

Нѣтъ, мамаша, мнѣ кажется, я васъ ничѣмъ не оскорбила..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Скажите, пожалуйста, это она мнѣ прямо въ глаза говорить... Да развѣ это не оскорбленіе для матери, что ты, безъ вѣдома ея, позволила ничтожному человѣку изъясняться въ любви, цѣловать у тебя руки и... и... не знаю еще что...

РАИСА.

Я этого не ожидала, не предвидѣла, и потому не могла предупредить васъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да ты не должна была совсѣмъ и принимать его одна, безъ матери, безъ сестры... Да ужъ не говоря объ этомъ, я гоню его вонъ, приказываю уйти, мнѣ дурно дѣлается отъ разстройства, а она этому же человѣку опять руку подаетъ и шепчется съ нимъ въ присутствіи моемъ... И это, по-твоему, не кровное оскорбленіе?

РАИСА.

Я думала, мамочка, что вамъ дурно, и что вы этого не замѣтите...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Скажите, пожалуйста, можно ли съ этой дѣвочкой сговорить!.. Нѣтъ, Раиса, ты безчувственная, безсердечная, въ тебѣ искры любви въ матери нѣтъ!.. Богъ съ тобой!.. Я не того отъ тебя ожидала... Я считала тебя доброй, любящей, а ты въ глаза надъ матерью насмѣхаешься... Богъ съ тобой!..

Плачетъ.

РАИСА—бросаясь къ ней съ участіемъ.

Мамочка, милая, душонька, что вы? Ну, о чемъ вы плачете?.. Ну, простите меня, если я васъ обидѣла... Я не хотѣла оскорбить васъ... Ну, мамочка, перестаньте плакать... Ну, простите меня.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Нѣтъ, Раиса, Богъ съ тобой, я вижу, что мнѣ съ тобой не сговорить: ты меня не уважаешь и не любишь... Я расскажу все отцу: пускай ужъ онъ разсудитъ и поговоритъ съ тобой... Все расскажу...

РАИСА—принимая слова холодный и спокойный видъ.

Какъ вамъ угодно... Расскажите!.. Я и сама вовсе не хотѣла срывать ни отъ васъ, ни отъ папа посвященіе Бориса Николаича...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ты даже, можетъ быть, и опять намѣрена повторять эти тайныя свиданія?..

РАИСА.

Совсѣмъ не тайныя... А я прямо просила его бывать у насъ...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, ужъ извините: этого-то я не позволю... И отецъ не позволитъ...

РАИСА.

Отчего же, мамаша? Вѣдь, онъ жилъ же у насъ слѣпшомъ два мѣсяца, очень часто оставался со мной наединѣ, никто никогда не запрещалъ мнѣ разговаривать съ нимъ, вы даже очень любили и хвалили его... А теперь вдругъ и бывать ему нельзя у насъ... Онъ остался такой же, какъ и былъ, и я точно также...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, да ужъ ты сколько хочешь хитри и умничай, а я этого не позволю... Прежде онъ жилъ у насъ, какъ наемный учитель, а теперь какъ онъ будетъ бывать?.. какъ женихъ, что ли?..

РАИСА.

Просто какъ знакомый...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Такихъ знакомыхъ въ нашемъ семействѣ быть не можетъ...

РАИСА.

Есть многіе гораздо хуже и глупѣй, и безчестнѣе его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Можетъ быть, можетъ быть, только ни я, ни отецъ твой такихъ знакомыхъ не желаемъ, которые, забывая свой низкій родъ, осмѣливаются у моихъ дочерей руки дѣловать и въ любви передъ ними изъясняться... (Входитъ Павелъ съ кипящимъ самоваромъ). Что баринъ, скоро?

ПАВЕЛЬ.

Сейчасъ, идутъ-съ...

Уходятъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, вотъ папаша сейчасъ придетъ, мы его спросимъ: какъ онъ смотритъ на такихъ знакомыхъ... Вотъ, садись, подожди его, коли для тебя материнскія слова ничего не значать...

Входитъ КВАШНИНЪ. Дочери подходятъ къ нему здороваться. Съ женой онъ дѣлуется и садится завтракать.

КВАШНИНЪ.

Здравствуйте, здравствуйте... Ну, какъ, что?

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ ты съѣдидл? разскажи намъ... давно мы съ нѣтер-
пѣніемъ тебя ожидаемъ...

КВАШНИНЪ—закусывая.

Ничего... Все отлично, превосходно...

ОЛЬГА.

Что, Аркадій, папаша?

КВАШНИНЪ.

Кланяется, кланяется... Особенно ужъ тебѣ, Оля... Ужъ та-
кіе у него восторги, такія чувства къ тебѣ!.. Просто, всю дорогу
только и словъ, что про тебя... И такая ты и сякая: и умная,
и добрая, и солидная, и красавица писанная, просто всѣ добро-
дѣтели!..

ОЛЬГА,

Ахъ, милый!.. А онъ не прислалъ папа, записочки съ вами?..

КВАШНИНЪ.

Нѣтъ, милый другъ... Да и некогда было... Какъ пріѣхали,
прямо къ нотаріусу... Сдѣлали дѣло, надо было закусить... Ну,
а тутъ ужъ и лошади ждуть...

ОЛЬГА.

Неужели же онъ не нашелъ минутки свободной, чтобы хоть
строчку, хоть словечко черкнуть мнѣ...

КВАШНИНЪ.

Некогда, некогда было, Оля, ей-Богу, некогда... Каждая ми-
нута была занята, и торопился онъ очень... И какой же онъ
дѣлец!.. Ну, ужъ, посмотрѣлся я!.. Мало такихъ видалъ... У
нотаріуса это самъ диктуетъ, самъ пишетъ... И все онъ знаетъ,
всѣ законы... Нотаріуса-то учить... Удивительный человѣкъ!..

ОЛЬГА.

Онъ гений, папаша...

КВАШНИНЪ.

Ужъ именно гений!.. Это надобно правду сказать... Такихъ
людей не много...

ОЛЬГА.

А все-таки я въ большой на него претензіи, что онъ не на-
писалъ ко мнѣ... не утѣшилъ меня...

КВАШНИНЪ.

Ахъ, ты, какая чудная... Вѣдь, говорю же тебѣ, минуты
свободной не было... Ему непременно нужно было сегодня утромъ
попасть на желѣзную дорогу, да еще заѣхать къ одному бога-

тому купцу, съ которымъ у него тоже дѣла... Да и зачѣмъ тебѣ письмо, когда, вотъ, я на лицо, живое тебѣ письмо... А ужь что любить тебя, что все готовъ для тебя сдѣлать, ты не сомнѣвайся: ужь это я тебѣ вѣрно говорю... У меня есть даже доказательства...

ОЛЬГА.

Да, знаю, знаю, папочка... Въ любви-то его я увѣрена; знаю и то, какъ онъ великодушенъ, на что способенъ и что онъ сдѣлалъ для васъ...

КВАШНИНЪ.

Сказалъ развѣ?..

ОЛЬГА.

Я требовала, чтобы онъ сказалъ, онъ не могъ скрыть, но заставлялъ меня никому не говорить, и я молчала... Но вообразите, папаша, онъ считаетъ это свое одолженіе ни во что, говорить, что это пустяки...

КВАШНИНЪ.

Да для него, можетъ быть, пустяки, а для насъ это благодѣаніе...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да что такое? Про что вы говорите? Что это за секретъ?..

КВАШНИНЪ.

Теперь ужь это не секретъ... Я могу всѣмъ сказать, пускай всѣ знаютъ, каковъ мой будущій зятѣкъ... Да, Марья Григорьевна, спасибо ему... Не всякій родной сынъ это сдѣлаетъ!.. Онъ мнѣ далъ взаймы, безъ процентовъ, сто тысячъ рублей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Сто тысячъ?..

КВАШНИНЪ.

Да-съ, сто тысячъ, пустячки!.. И благодаря ему, я буду учредителемъ предпріятія, которое, можетъ быть, дастъ мнѣ миллиончикъ... Вотъ что сдѣлать для меня ея женихъ, нашъ будущій зять, Аркадій Петровичъ Волыновъ...

РАЙСА.

Папаша, онъ вамъ въ руки эти деньги отдалъ?.. Вы ихъ получили отъ него?

КВАШНИНЪ.

Что за глупый вопросъ?—если я занялъ у него, такъ, разумѣется, получилъ...

ОЛЬГА.

Страшная ты, Раиса! Это, вѣдь, не одни разговоры, не шутка, а настоящія, настоящія сто тысячъ рублей...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, это благородный поступокъ...

КВАШНИНЪ.

Да-съ, этотъ женихъ не изъ тѣхъ, что въ карманъ тестю смотреть... Этотъ самъ старается, заботится о будущей своей роднѣ... Этотъ не изъ тѣхъ прощальгъ, что подѣвзаютъ къ богатымъ невѣстамъ и прикидываются влюбленными, а у самого на умѣ одно, какъ бы къ приданому-то подобраться поскорѣе... эти вотъ всѣ чиновники мелкіе, разночинцы, учителяшки разные, вся эта нищета безродная... Наберутся разныхъ словъ изъ книженокъ своихъ, да и размазываютъ передъ барышнями, что побогаче... А наши дуры, развѣся уши, слушаютъ: ахъ, какъ уменъ, ахъ, какъ влюбленъ!.. Вотъ кого осчастливить нужно!.. Вотъ съ кѣмъ соединить жизнь!.. Бѣдный, несчастный!.. Умереть, пожалуй, отъ любви, чаютку схватить!.. А онъ, прощальга, и не думаетъ объ ея любви и чувствахъ, а подыгрывается какъ воръ, что изъ кармана платки таскаетъ... Ты не знаешь ли, Раиса Алексѣевна, этакихъ мазуриковъ?..

РАИСА.

Знаю, папаша...

КВАШНИНЪ.

Знаешь... Ну, и прекрасно!.. И прошу изъ головы этотъ вздоръ выкинуть, а впередъ отъ такихъ людей держать себя подалше, — помнить чья ты дочь и что для тебя партія можетъ быть получше...

РАИСА.

Я, вѣдь, и отказала ему, папаша.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Что же ты мнѣ этого не сказала... Вообрази, дружокъ, какая дерзость: только-что ты уѣхалъ, къ намъ — ужъ не знаю какъ — прорвался этотъ учитель нашъ, встрѣтилъ Раису одну-на-одну и осмѣлился изъясняться ей въ любви и даже просить ея руки... Я застала ихъ — ужъ онъ ручки у нея цѣлуетъ...

КВАШНИНЪ.

Вотъ какъ... Что же ты сдѣлала?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, конечно, я безъ всякихъ разговоровъ выгнала его вонъ, не позволила ему даже слова сказать...

КВАШНИНЪ.

Самое лучшее... Еще слѣдовало бы велѣть изъ комнату въ шею вытолкать, а на дворѣ велѣть кучерамъ въ кнуты принять... Вотъ какъ этихъ жениховъ нужно провожать... Ракалія этакая!.. Къ моей дочери свататься вдумалъ... Скажите, пожалуйста!.. Какое!.. А, право, жалко, что не велѣла кучерамъ въ кнуты...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ну, для чего, мой другъ... Это ужъ черезъ-чуръ... Положимъ, это съ его стороны излишняя дерзость и самонадѣянность... Можетъ быть, вѣдь, и Раиса Алексѣевна тутъ немножко виновата: кабы держала себя осторожнѣе, этого не было бы... Я и то немножко раскаявалась, что ужъ очень круто его прогнала... Но я ужасно расстроилась: представь себѣ, вхожу, — вижу ручки онъ у нея цѣлуетъ... Я, вѣдь, не знала, что она отказала ему... Ну, у меня просто духъ перехватило... въ сердцу подступило... слова не могу сказать, кричу только: вонъ, вонъ!.. даже дурно потомъ мнѣ сдѣлалось... Если бы я знала, что она ужъ отказала ему, — я бы иначе поступила: я бы напѣла ему такъ, что онъ потомъ всю бы жизнь помнилъ, и отпустила бы его тихо... Да, вѣдь, я не знала... И отчего же ты до сихъ поръ ничего мнѣ не сказала, что отказала ему?..

РАИСА.

Да я, мамаша, Скворцову вовсе не отказывала: я не про него говорю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Про кого же ты говоришь, мать моя?.. Тебя не поймешь...

РАИСА.

Я говорю про Воынова... Я Воынову отказала...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Какъ про Воынова?.. Да ты съ-ума, что-ли, сошла?..

ОЛЬГА.

Аркадій, кажется, въ тебѣ и не сватался...

КВАШНИНЪ.

Да я про кого тебѣ говорилъ?.. Развѣ я про Аркадія Петровича говорилъ тебѣ?.. Что я тебѣ говорилъ?..

РАИСА.

Вы говорили, что есть негодяи, которые ухаживаютъ за богатыми невѣстами, прикидываются влюбленными, тогда какъ у нихъ одна цѣль — какъ-нибудь обмануть и обобрать родителей невѣсты...

КВАШНИНЪ.

Ну... Такъ какое же это отношеніе имѣть къ Воынову?..

РАИСА.

Мнѣ показалось, что вы на него намекаете...

КВАШНИНЪ—вскакивая.

Что-о?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки! она, ей-Богу, съ ума сошла... Что она такое говорить?..

ОЛЬГА.

Не безпокойтесь, — не сошла... Она просто ненавидитъ, злобствуетъ, что Аркадій предпочелъ меня ей... и со злобы и зависти не знаетъ что ужъ и сказать... Это ужъ такъ глупо, и и гадко, и смѣшно, Раиса, что я отъ тебя этого не ожидала!..

РАИСА.

Нѣтъ, Оля, я не злобствую и не завидую тебѣ, — напротивъ, я тебя очень жалѣю... Ты скоро сама убѣдишься въ этомъ...

КВАШНИНЪ.

Да въ чемъ, въ чемъ—въ этомъ? Ты подумай: что ты говоришь-то?.. Вѣдь, это, въ самомъ-дѣлѣ, только дура или сумасшедшая можетъ говорить... Или ужъ дѣйствительно ты отъ зависти и досады сама не знаешь, что говоришь?.. За что ты жалѣешь Ольгу?..

РАИСА.

За то, что Ольга полюбила и дала слово такому человѣку...

КВАШНИНЪ.

Какому?

РАИСА—рѣзко.

Такому негодяю, какъ Воыновъ...

КВАШНИНЪ—въ бѣшенствѣ.

Раиса!.. я тебя...

ОЛЬГА.

Какъ ты смѣешь, Раиса... Я не позволю тебѣ оскорблять...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки! не кричите: право, она не въ себѣ...

РАИСА.

Выслушайте меня хладнокровно, если можете... Я поторопилась, не выдержала, слыша какъ вы оскорбляете честныхъ людей, превознося негодяя, — и проговорила прежде, чѣмъ слѣдовало... Но все равно: не сегодня—завтра вы сами все узнаете... Еще лучше, можетъ быть, что я предупрежу васъ... Послушайте же, — я не сумасшедшая, говорю сознательно и не отъ злобы или зависти... Волюновъ—обманщикъ, негодай... Я боюсь, что...

ОЛЬГА—бросаясь къ сестрѣ.

Раиса! ты не смѣй говорить такихъ вещей... Я понимаю—кто это внушилъ тебѣ... Я не позволю оскорблять при мнѣ того, кто...

Вбѣгаетъ ОРЕСТЪ и вслѣдъ за нимъ, запыхавшись, торопливо входитъ КОВЫРНЕВЪ.

ОРЕСТЪ—вбѣгая.

Папаша, мамаша, что же это такое? что это значить? Джальму мнѣ не дали, — сказали: описанъ, опечатанъ... И Джальма, и Богатырь, и кабриолетъ, — и все, все, все опечатано... Только что передъ нами чиновникъ уѣхалъ... Что же это, папаша, такое?.. (*Чуть не плачетъ*). Джальма мой, — онъ мнѣ подаренъ... Всѣ слышали... Какъ они смѣютъ!.. Это моя лошадь!..

РАИСА.

Вотъ и разъясненіе началось!..

КВАШНИНЪ и ОЛЬГА.

Да что это значить?.. Что случилось?.. Растолкуй ты, Ковырневъ... Я ничего не понимаю...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Объясни, Ардальонъ Михайлычъ, что такое... У меня даже сердце упало... Какъ описано, какъ все опечатано?..

КОВЫРНЕВЪ.

Такъ, матушка, такъ точно, благодѣтель... Самъ я этого дѣла прозвойти не могъ, и что такое значить—понять не могу, а говорить людишки, рассказываютъ: наѣхалъ, чу, господинъ никакой изъ города, съ медалью, ранымъ-ранешенько, созвалъ народъ, старосту, все описалъ, все запечаталъ, сдалъ старостѣ на храненіе подъ росписку, а самъ уѣхалъ... Только-только мы его не застали....

ОРЕСТЪ.

Но, вѣдь, они должны, папа, отдать мнѣ моего Джальму:

Вѣдь, онъ мой, мнѣ при всѣхъ Аркадій Петровичъ подарилъ...
Вѣдь, не могутъ они его...

КВАШНИНЪ.

Ахъ, погоди ты, отстань!.. (Къ Ковырневу). Да по какой причинѣ, по какому поводу это сдѣлано?..

КОВЫРНЕВЪ.

То-то, ангель мой, темнота!... Ничего добиться не могъ... Ну, знамо, мужикъ, что онъ понимаетъ,—говорять: начальство приказало да и шабашъ... Тутъ болтать-то—чего не болтають: всякое городать, чего и быть невозможно... Сказываютъ, будто бы и въ залогъ-то все это было у купца нашего, Баранова, и деньги, чу, у него онъ занялъ да не отдалъ, въ срокъ... А иные мелютъ, что будто и вовсе самъ продалъ все заведеніе свое и денежки взялъ впередъ, да лошадей на срокъ не прислалъ, такъ купецъ-отъ хватился, велѣлъ опечатать, чтобы вѣрно было... Кто ихъ пойметъ... Ничего даже разобрать невозможно... Темнота!.. Путаго-то человѣчка не было ни одного, разспросить-то, узнать-то въ корень не отъ вого... А такъ это прискорбно, такъ прискорбно...

ОЛЬГА.

Папаша, мнѣ кажется, я понимаю, догадываюсь: просто это какая-нибудь гнусная интрига... У такихъ людей, какъ Аркадій, всегда есть враги... Онъ же такой гордый, никому кланяться не хочетъ... Вотъ, воспользовались, что онъ уѣхалъ, и надумали въ его отсутствіе сдѣлать скандалъ... Ужъ навѣрное, что такъ...

КВАШНИНЪ.

Да и я то же думаю... Другого ничего быть не можетъ...

ОРЕСТЪ—къ Ковырневу.

А вотъ я говорилъ тебѣ, звалъ: поѣдемъ пораньше... Кабы тогда поѣхали, не высжиवालъ бы ты свой чай, чиновника бы застали, и все узнали бы... Можетъ быть, и Джальму уведи бы... А вотъ теперь все изъ-за тебя, дьявола!.. Вхалъ бы мнѣ тогда одному, какъ всталъ... Папаша, да неужели же мнѣ Джальму не отдадутъ?..

Вбѣгаетъ АНДРЕВНА.

АНДРЕВНА.

Пріѣхалъ, пріѣхалъ...

Всѣ.

Кто? кто?

АНДРЕВНА.

Павлушка высаживается, въ окно видѣла, и съ нимъ, гости нѣмки, незнакомые...

КВАШНИНЪ—громко.

Да кто прѣхаль-то, старая глушная?..

АНДРЕВНА.

Онъ воротился, кому больше: нашъ баринъ, Аркадій Петровичъ...

Всѣ въ недоумѣніи стоятъ неподвижно.

ОЛЬГА.

Аркадій!.. А, онъ узналъ, воротился, онъ все это разсѣтъ!.. Аркадій, милый!..

Хочетъ бѣжать къ нему на встрѣчу.

РАЙСА—хватая ее за руку.

Оля, милая, я прошу тебя, не ходи... Погоди здѣсь... Узнай сначала...

ОЛЬГА—вырывается.

Это что еще?.. Ты думала, тебѣ удастся его оклеветать, осямьтъ... Ты думала, я тебѣ повѣрю... Нѣтъ, онъ мой, мой женихъ, а не твой!.. Не удалось, не удалось!.. Клеветница, интриганка!.. Аркадій, Аркадь, милый!..

Бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя входитъ ВОЛЫНОВЪ въ сопровожденіи АЛЯБЬЕВА и становаго пристава. Черезъ нѣсколько времени входитъ СКВОРЦОВЪ.

ОЛЬГА—бросаясь на шею Волынову.

Аркадій... О, какъ я рада, какъ я счастлива!.. Ты воротился, ты...

ВОЛЫНОВЪ—вѣжливо устраниая ее.

Здравствуйте, Ольга Алексѣевна... Здѣсь есть посторонніе... Я долженъ представить...

КВАШНИНЪ и МАРЬЯ ЕРИГОРЬЕВНА.

Какими судьбами? Какъ такъ?.. Аркадій Петровичъ...

Подходить къ нему. Орестъ опережаетъ ихъ и бросается къ нему на шею.

ВОЛЫНОВЪ—здороваясь со всѣми.

Здравствуйте, здравствуйте... Не ждали?.. Я самъ не ожидаю... Батюшка, папаша, позвольте прежде всего представить вамъ моихъ спутниковъ... Вотъ повѣренный, г. Алябьевъ...

КВАШНИНЪ.

Очень пріятно...

ВОЛЫНОВЪ.

А это, кажется, знакомый вамъ человѣкъ...

Указываетъ на пристава.

КВАШНИНЪ.

Она Оомитъ, какъ же... *(Подаетъ руку)*. Очень радъ... По-корнѣйше прошу садиться, господа... Чайку, или закусить?.. *(Увидя входящаго Скворцова)*. Вамъ что угодно, милостивый государь?..

СКВОРЦОВЪ.

Я въ качествѣ свидѣтеля, по приглашенію повѣреннаго...

КВАШНИНЪ.

Да что вамъ нужно... Какого свидѣтеля?.. Мнѣ никакыхъ свидѣтелей не нужно!..

АЛЪБЪЕВЪ.

Я ихъ просилъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля вотъ по ихъ дѣлу... *(Указываетъ на Воинова)*.

КВАШНИНЪ.

Ты его приглашалъ, Аркадій Петровичъ?..

ВОЛЫНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, для меня лично г. Скворцовъ совершенно не нуженъ...

КВАШНИНЪ—показывая рукой на дверь.

Такъ не угодно ли вамъ...

СТАНОВОЙ ПРИСТАВЪ.

Позвольте, Алексѣй Михайлычъ, они могутъ быть, какъ свидѣтель...

КВАШНИНЪ.

Какъ можетъ быть, коли я этого не хочу... въ моемъ домѣ...

СТАНОВОЙ ПРИСТАВЪ.

Такъ точно, могутъ-съ!.. Законъ дозволяетъ это, по желанію повѣреннаго...

КВАШНИНЪ.

Да что же это такое? Объясните же, наконецъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка... Я вамъ объясню...

КВАШНИНЪ.

Объясни, мой другъ, пожалуйста...

ВОЛЫНОВЪ.

Хоть я и окруженъ здѣсь на половину врагами *(взглядываетъ на Раису и Скворцова)*, которые рады будутъ случаю видать въ меня грязью, но за то у меня много и друзей, которые меня понимаютъ *(цѣлуетъ руку Оми)* и, знаю, примутъ во мнѣ участіе... Пока я здѣсь жилъ и хлопоталъ по устройству имѣнія,

а потомъ вотъ потерялъ голову вмѣстѣ съ сердцемъ, которое отдавъ, впрочемъ, въ вѣрныя руки... Надѣюсь такъ, Ольга?..

ОЛЬГА — вѣжно.

Развѣ въ этомъ можно сомнѣваться...

ВОЛЫНОВЪ — дѣлуетъ ея руку.

Благодарю, мой ангелъ... Я не сомнѣваюсь!.. Такъ вотъ, пользуясь моимъ отсутствіемъ изъ Петербурга и желая помѣшкать тому дѣлу, о которомъ вы знаете, мои друзья-пріятели подвели очень хитрую штуку—представили ко взысканію въ судъ какой-то мой вексель въ семь тысячъ, о которомъ я, ей-Богу, совсѣмъ позабылъ, и обдѣлали дѣло такъ, что, за неявкою моею въ судъ и за неотысканіемъ моего мѣстожительства, судъ призналъ меня несостоятельнымъ должникомъ и выдалъ исполнительный листъ объ арестованіи меня, съ которымъ вотъ и явился сюда г. Алябьевъ...

АЛЯБЬЕВЪ.

Хоть не совсѣмъ такъ, да это, впрочемъ, все-равно... Продолжайте...

ВОЛЫНОВЪ.

Представьте себѣ: меня хотятъ посадить въ яму, и за какія-нибудь семь тысячъ!.. (Смѣется). Не правда ли, остроумно?.. И, вѣдь, надо же случиться бѣдѣ, что всѣ мои деньги въ Петербургѣ, а теперь на лицо всего какихъ-нибудь полторы тысячи... Я прошу: дайте, господа, мнѣ свободу добѣжать въ Петербургъ безъ скандала, и я вамъ въ тотъ же день уплачу капиталъ съ процентами на проценты—не соглашаются... Такъ вотъ и упрости ихъ, батюшка, заѣхать сюда, надѣясь, что вы не откажетесь уплатить за меня эти деньги, если есть въ наличности... Конечно, вы не доведете, чтобы женихъ вашей дочери хоть одну минуту сидѣлъ въ тюрьмѣ...

ОЛЬГА.

О, конечно!..

КВАШНИНЪ.

Да само собой разумѣется, только въ настоящую-то минуту у меня нѣтъ такихъ денегъ...

ОЛЬГА.

Но вы, папаша, можете достать черезъ день, черезъ два... Вамъ повѣрять такія деньги...

КВАШНИНЪ.

Да, конечно, могу... Я достану...

РАИСА.

Да, вѣдь, у васъ, папаша, должны быть сто тысячъ, которые вы заняли у г. Воынова... Вотъ изъ нихъ дайте...

КВАШНИНЪ.

Я, вѣдь, векселя только выдалъ, а деньги у Аркадія Петровича въ Петербургѣ... Онъ ихъ тамъ внесетъ.

ВОЛЫНОВЪ—стараясь замать разговоръ, къ Алябьеву.

Такъ вотъ, батюшка согласенъ внести вамъ деньги, только не сейчасъ... Согласитесь подождать...

АЛЯБЬЕВЪ—не отвѣчая Воынову, къ Квашнину.

Значить, вы выдали дутые векселя?..

КВАШНИНЪ.

Какъ дутые?

АЛЯБЬЕВЪ.

То-есть, безденежные, денегъ по нимъ въ руки не получили?..

ВОЛЫНОВЪ.

Ну, господинъ Алябьевъ, вы, кажется, вмѣшиваетесь въ наши семейныя дѣла, которые до васъ не касаются... Вамъ угодно продержатъ меня здѣсь, или въ моемъ имѣніи, подъ вашимъ надзоромъ, что-ли, пока вамъ заплатятъ всѣ деньги по векселю?..

СКВОРЦОВЪ.

Г-нъ приставъ, потрудитесь составить протоколъ, что въ присутствіи вашемъ, г. Алябьева и моемъ, Алексѣй Михайлычъ показаль, что выдалъ г. Воынову безденежные векселя и Воыновъ противъ этого ничего не возражалъ... Мы съ Алябьевымъ подпишемся, какъ свидѣтели...

ВОЛЫНОВЪ—гордо.

Это въ чему же-съ?

СКВОРЦОВЪ.

А въ тому, чтобы вы не могли потомъ взыскивать по этимъ векселямъ...

КВАШНИНЪ.

Да вы что же вмѣшиваетесь... Васъ кто спрашиваетъ?

СКВОРЦОВЪ.

Алексѣй Михайлычъ, поймите, какую вы бѣду себѣ готовляете: вѣдь, Воыновъ можетъ отъ васъ потребовать уплаты по этимъ векселямъ... Никакого общества нѣтъ и не бывало... Все

это пошлый обманъ... Никогда г. Волыновъ не внесетъ за васъ ста тысячъ, да ихъ и нѣтъ у него... Вотъ вы спросите Алябьева; онъ знаетъ всё его дѣла... Имѣніе Волынова заложено и перезаложено... Пускай г. Волыновъ свазаетъ тебѣ и подпишетъ подъ протоколомъ, что хотя онъ векселя и взялъ, но денегъ по нимъ вамъ не выдалъ, а обязуется выдать тогда-то, подъ особую расписку... Спросите его: дастъ ли онъ такое показаніе?..

КВАШНИНЪ.

Оставьте вы меня въ покоѣ... Я говорить съ вами не хочу... Что вы ввязываетесь?.. Я самъ не дуракъ!.. Убирайтесь вонъ!..

РАЙСА.

И это вы, папаша, говорите человѣку, который безворыстно совѣтуетъ и заботится о васъ!.. Развѣ вы не понимаете, не видите, что васъ обманываютъ, хотятъ разорить...

ВОЛЫНОВЪ.

Да гдѣ я? Что со мною дѣлаютъ?.. Въ домѣ ли я родителей моей невѣсты, или подъ судомъ, въ камерѣ судебного слѣдователя... Кто же далъ право становаму и этимъ господамъ производить мнѣ допросъ?.. За что всё эти оскорбленія?.. Ольга Алексѣевна, Алексѣй Михайлычъ, Марья Григорьевна, неужели все это дѣлается съ вашего согласія, съ вашего позволенія?.. Въ такомъ случаѣ вы извините меня, я уйду, я отряхну прахъ отъ моихъ ногъ, на порогѣ этого дома!..

ОЛЬГА.

Папаша, прекратите же эту сцену... Прикажите имъ замолчать... Что это такое?!.. Аркадій, ты успокойся, я вѣрю въ тебя, не сомнѣваюсь, и всё мы вѣримъ, и папаша, и шапан!..

КВАШНИНЪ.

Да они меня совсѣмъ съ ума свели, съ толку сбили... Я совсѣмъ растерялся... Тамъ имѣніе описываютъ... Тутъ за долгъ сажать хотятъ... Нѣтъ, Аркадій Петровичъ, Богъ съ ними съ учредительствомъ, не хочу я въ общество поступать!.. Отдай мнѣ векселя назадъ... Успокой ты меня, и докажи себя передъ ними...

ОРЕСТЬ.

И насчетъ Джальмы, засвидѣтельствуйте, что онъ мой, что вы мнѣ его подарили. Они его описали, опечатали... Не отдають...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Да, Аркадій Петровичъ, самое это лучшее... Бросьте вы все это дѣло... И намъ и вамъ будетъ покойнѣе... Право, дорогой мой, оставьте вы все это... Будьте...

ВОЛЫНОВЪ.

Да, я вижу, Марья Григорьевна, что я долженъ все бросить, всёхъ оставить... Я не ожидалъ, чтобы въ домъ моей невѣсты какіе-то незнакомые проходимцы осмѣлились оскорблять меня, чтобы сестра моей невѣсты подозрѣвала меня въ мошенничество, въ обманъ... Да, я долженъ бросить все, и проститься съ вами навсегда... (*Къ становаму приставу*). Извольте писать протоколъ, и если хотите... если эта комедія къ чему-нибудь послужить... запишите, что я утверждаю, что векселя не безденежные, что я выдалъ подъ нихъ чистыя деньги, на что у меня есть доказательства, и что въ свое время я ихъ намѣренъ представить во взыскацію. (*Общее движеніе*). А теперь вы можете меня арестовать... Я готовъ ѣхать...

ОЛЬГА—бросаясь къ Волынову.

Архадій, ты меня оставляешь, ты бросаешь меня?.. Что ты сказалъ? Я ничему этому не вѣрю... Я вѣрю тебѣ одному...

ВОЛЫНОВЪ.

Мнѣ жалко васъ, Ольга Алексѣевна, я васъ любилъ, но я не могу жениться на той, родители которой выставляютъ меня какимъ-то обманщикомъ, чуть не воромъ, которые, взявши деньги, говорятъ, что ихъ не получали, сестра которой намекаетъ, почти прямо называетъ меня мошенникомъ, и вмѣстѣ съ какимъ-то проходимцомъ, своимъ возлюбленнымъ...

СКВОРЦОВЪ—бросаясь къ Волынову.

Молчать, пока вы дѣлы... Я говорю вамъ въ глаза, что вы негодай, мошенникъ, воръ, и имѣю на это доказательства. Мнѣ хотѣлось только обличить васъ передъ всѣми, и я достигъ своей цѣли... Вы сами себя разъяснили... А по векселямъ вы ничего не получите... Я докажу, что они безденежные, выманенные мошенническимъ образомъ...

ВОЛЫНОВЪ.

Вы докажете?.. О, свѣже-испеченный и непропеченный юристъ!.. Я бы желалъ знать, какія доказательства могутъ опровергнуть документъ, въ которомъ Алексѣй Михайлычъ собственноручно удостовѣряетъ, что деньги по векселямъ отъ меня получили... Въ довѣренности, мнѣ выданной, онъ прямо пишетъ, что предоставляетъ мнѣ получить ссуду въ уплату части займѣхъ у меня и полученныхъ сполна ста тысячъ рублей...

СКВОРЦОВЪ, АЛЯБЬЕВЪ и ПРИСТАВЪ.

Какъ, вы это подписали?.. Алексѣй Михайлычъ!.. Что вы надѣлали? Вы разорили себя...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—растерянно.

Батюшки, что онъ надѣлалъ?.. растолкуйте вы мнѣ...

КОВЫРНЕВЪ.

Сто тысячъ, ангелъ мой!.. Это деньги!.. На полу не поды-
мешь...

ВОЛЫНОВЪ.

Не я обманщикъ, а меня обманывали... Меня хотѣли здѣсь
оборать... Взяли мои деньги и хотятъ сдѣлать векселя безде-
нежными... Бѣто выходить мошенникъ и воръ?..

ОЛЬГА.

О, я проклинаю всѣхъ, всѣхъ!.. (*Къ Раису*). Тебя особенно
и съ твоимъ возлюбленнымъ вмѣстѣ... Это вы, вы все сдѣлали...
Вы хотите лишить меня счастья...

ВОЛЫНОВЪ.

Господа, мнѣ здѣсь дѣлать больше нечего... Я уйду... (*Хо-
четъ идти*).

ОЛЬГА—бросаясь къ нему.

И я съ тобой... Куда ты, туда и я... Я не оставлю тебя,
не расстанусь съ тобой, никому не отдамъ... Я ничему не вѣрю...
Ты мой, я твоя...

РАИСА—удерживая Ольгу.

Оля, Оля, постыдись!.. Образуемся!..

ОЛЬГА.

Прочь, не сестра ты мнѣ больше...

ВОЛЫНОВЪ.

Извините, Ольга Алексѣевна... Я уйду одинъ... Мнѣ васъ
жалко... Вы не можете быть невѣстою мошенника... Вы ба-
рышня такой хорошей, такой благородной фамиліи... Идите же,
господа... Или я одинъ уйду.

Подходить къ дверямъ, въ которыхъ его останавливаетъ
Орестъ. Ольга истерически рыдаетъ.

ОРЕСТЪ.

А Джальма?.. Какъ же Джальма? Вѣдь, вы подарили его
мнѣ...

ВОЛЫНОВЪ.

Подите вы прочь отъ меня, глупый мальчишка!.. (*Отталки-
ваетъ его*).

ОРЕСТЪ—удерживая его.

Нѣтъ, я не отстану... Вы подарили... Вы засвидѣтельствуйте...

КВАШНИНЪ—который до сихъ поръ сидѣлъ какъ потерянный, вдругъ бросается къ Волынову.

Веселя мой, веселя отдай... Довѣренность... Теперь я все понялъ... Отдай!.. (*Хватаетъ его за шею*).

ВОЛЫНОВЪ.

Г-нъ приставъ, что же это?.. Это насиліе, разбой!.. Я буду кричать, требовать помощи...

ПРИСТАВЪ.

Алексѣй Михайлычъ, успокойтесь, такъ нельзя... Ваше отъ васъ не уйдетъ... Не дѣлать бы прежде, спросить, посоветоваться... А такъ нельзя...

КВАШНИНЪ.

А, что?.. Какъ?..

Отпускаетъ Волынова. Тотъ скрывается за дверь. Алябьевъ и приставъ его сопровождаютъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки мои, что же будетъ теперь?.. Алексѣй Михайлычъ, что ты надѣлалъ?.. Разоритъ онъ насъ теперь... (*Рыдаетъ*).

ОЛЬГА.

Пустите меня, пустите въ нему... Я не отстану... Я съ нимъ...

СВВОРЦОВЪ и РАЙСА—удерживая ее.

Оля!... Ольга Алексѣевна... Образумься!.. Придите въ себя!..

КОВЫРНЕВЪ.

Не хорошо, ангель мой!.. Придите въ себя... Теперь это никакъ невозможно...

ОЛЬГА—порываясь.

Пустите, пустите... Проклятіе мое на васъ!.. Проклятіе!.. (*Истерически хохочетъ*).

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Держите ее, держите... не пускайте...

КВАШНИНЪ.

А? что?.. Разоритъ? Вы чего смотрѣли?.. Что прежде не говорили?.. Теперь всё на меня... Кто привелъ, кто сваталъ?.. ты! (*указываетъ на Ковырнева*). Кто повѣрилъ первый, принималъ, расхваливалъ?.. (*къ Марьѣ Григорьевнѣ*)—ты!.. Кто любилъ, какъ дура, какъ сумасшедшая?.. (*къ Олгѣ*)—ты!.. За мужъ захотѣлось, потерпѣть, подождать не могла...

ОЛЬГА.

Какъ?.. Я же и виновата... Меня оскорбили, унизили, озорили, лишили любимого человѣка... И я виновата?.. Нѣтъ, вы виноваты во всемъ!.. Еслибъ вы не позволили здѣсь оскорблять его въ присутствіи моемъ, онъ никогда бы не отстался отъ меня... Можетъ быть, вы и деньги получили, а его сдѣлали обманщикомъ, мошенникомъ... Вчера обнимали, цѣловали, возносили, а сегодня... что?.. И при мнѣ, при постороннихъ... Это хоть кого взбѣситъ... И кому, кому позволили вы издѣваться надъ нимъ?.. Развѣ это люди въ сравненіи съ нимъ... Это ничтожество, завистники, сплетники!.. Если онъ теперь и разорить васъ, такъ по-дѣломъ, по-дѣломъ... Но я-то, я-то за что страдаю?.. За что?.. За что?.. Въ первый разъ въ жизни встрѣтила человѣка, который полюбилъ, оцѣнилъ меня... И того ослеветали, оскорбили, отняли... Разбили мое счастье, мою жизнь!.. И кто же, кто? родная сестра, сами родители, родной отецъ... О, вы, вы виноваты!.. Я люблю его, я жить безъ него не могу... Я сойду съ ума, я умру... Дайте мнѣ его, верните его... О-о, проклятіе, проклятіе!..

Убѣгаетъ съ истерическими рыданіями и хохотомъ.

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки, не забѣжала бы она куда, не сдѣлала бы чего надъ собою... Бѣгите, смотрите за ней... Орестушка, бѣги за ней...

ОРЕСТЬ.

Вотъ еще... Стану я бѣгать за ней... Она будетъ комедіи представлять, а я бѣгать стану... Мошенникъ, такъ мошенникъ и есть!.. Гдѣ Джальма-то?..

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ардадьонъ Михайловичъ, бѣги, хоть ты, батюшка...

КОВЫРНЕВЪ.

Какъ теперь, ангелъ мой?.. теперь за ней ни въ жизнь не поспѣешь, воли въ нее вступило... Не съ моими ногами... Что одинъ подѣлаешь? Тутъ народу много нужно...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Ахъ, Господи, Господи!.. Батюшки, батюшки!.. Что будетъ... Что будетъ!..

КВАШНИНЪ.

Нищіе, всѣ будемъ нищіе!.. Разорены, разорены!.. Дочь про-

влинаеть!.. Я виноватъ, я одинъ виноватъ во всемъ!.. Погубилъ, разорилъ... себя, семью!.. Обманули, провели, какъ дурака... Своего природнаго, родового мало... Захотѣлъ разбогатѣть, дворянству измѣнилъ, породѣ своей... Всѣ смѣяться будутъ... Дуракъ, дуракъ, посмѣшище общее!.. (Къ Раису и Скворцову). А вы смѣетесь, рады!.. Подвели... На смѣхъ подняли... Смѣйтесь, смѣйтесь!..

РАИСА.

Что вы, папочка, что вы... Гдѣ же мы смѣемся?.. (Подходитъ къ Квашнину).

КВАШНИНЪ.

Прочь, ты не какъ дочь, ты какъ злой врагъ мой поступила... Подговорила этого... (Указываетъ на Скворцова). Онъ силой ко мнѣ ворвался, и ты, вмѣстѣ съ нимъ, меня на смѣхъ, на смѣхъ, на поворъ всѣмъ... Вотъ, молъ, какой дуракъ у меня отецъ!.. Глядите, смотрите, смѣйтесь!.. А ты думаешь—этотъ не того же хочетъ: онъ тоже въ карманъ смотритъ... Хотъ и разорили, молъ, а все что-нибудь да осталось, что-нибудь да дадутъ: голяку все годится...

СКВОРЦОВЪ.

Вы ошибаетесь, Алексѣй Михайлычъ. Вы напрасно оскорбляете меня...

РАИСА.

Папаша, милый... онъ не такой: онъ честный, безкорыстный!.. Я люблю его...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА—всплеснувъ руками.

А, батюшки, еще новая радость, честь для нашей фамиліи...

КВАШНИНЪ.

Ха, ха, ха... Чего лучше... Вотъ какіе женихи нынче у моихъ дочерей... Мазурики, мошенники, нищѣ, всякіе разночинцы, учителя, попovichи!.. Да кому же и быть?.. Я, Квашнинъ, сталъ тотъ же Ковырневъ: обобрали, разорили, опозорили, осмѣяли!.. Ай, ай, что это? Голова, голова... Душно, душно...

Падаетъ на руки окружающихъ.

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ, ангелъ мой, говорилъ, не безпокойтесь: отъ безпокойства болѣзнь приключается...

МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА.

Батюшки, батюшки, что такое? Что съ нимъ?.. Не умеръ ли?..

СКВОРЦОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... Дурно ему... Орестъ, скачите скорѣе въ городъ, за докторомъ! Ранса Алексѣевна, не теряйтесь: позовите людей, воды, льду, спирту...

КОВЫРНЕВЪ.

Вотъ, ангелъ мой... Кто могъ это сдумать?.. Все отъ Бога!.. Прямо сказано: вкупѣ богатъ и убогъ...

Всѣ окружаютъ Квашнина.

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

ОТКУДА НЕУДАЧИ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ?

Созваніе представителей русской земли для составленія проекта новаго уложенія есть величайшее событіе екатерининскаго царствованія. Дѣянія законодательной комиссіи долго оставались подъ спудомъ и, какъ все неизвѣстное, возбуждали самыя разнообразныя толки. Думали даже, что представители русскаго общества, собранныя Екатериной, проявили стремленія вредныя для общественнаго порядка, навлекли на себя неудовольствіе императрицы и были распущены, какъ неоправдавшіе высокаго довѣрія государыни. Этимъ опаснымъ для спокойствія государства направленіемъ комиссіи объяснялась и та тайна, которая безъ малаго цѣлое столѣтіе скрывала отъ потомства всякіе слѣды ея дѣятельности. Только въ самое послѣднее время, благодаря изданіямъ Русскаго Историческаго Общества, густая тьма, покрывавшая дѣянія депутатовъ, начинаетъ разсѣиваться, и Россія получаетъ возможность судить о томъ, чѣмъ была въ дѣйствительности надѣлавшая въ свое время столько шума екатерининская законодательная комиссія. Наша литература давно уже оцѣнила по достоинству почтенный трудъ Д. В. Полѣнова. Три изданныя имъ тома успѣли уже вызвать и нѣсколько болѣе или менѣе своеобразныхъ переработокъ содержащихся въ нихъ матеріаловъ, каковы, на примѣръ, статьи г. Бланка въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и отдѣлъ въ «Исторіи кодификаціи» г. Пахмана. Въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ

намѣренія передавать въ той или другой формѣ содержаніе напечатанныхъ уже документовъ¹⁾). Пользуясь изданнымъ матеріаломъ, а частью и тѣмъ, съ которымъ мы имѣли случай ознакомиться въ архивѣ П. Ст. Собственной Е. И. В. канцеляріи, мы хотѣли бы представить общую характеристику дѣятельности комиссіи, и съ этою цѣлью сдѣлать оцѣнку условий, въ которыхъ она была поставлена, и выяснить возможные причины загадочнаго исхода ея занятій.

I.

Цѣль созванія депутатовъ.

14-го декабря 1766 года послѣдовалъ манифестъ, которымъ разныя сословія имперіи российской призывались прислать выборныхъ «не только для того, — сказано въ манифестѣ, — чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но допущены они быть имѣютъ въ комиссію, которой дадимъ наказъ, для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію Намъ для конфирмаціи. Сیمъ учрежденіемъ Мы нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великой довѣренности къ оному и прамыя материнскія любви».

Откуда эта мысль у самодержавной императрицы призвать подданныхъ своихъ къ участію въ законодательствѣ?

Мысль совѣщанія съ подданными объ ихъ нуждахъ и недостаткахъ и о вопросахъ законодательства, которыми эти недостатки и нужды могутъ быть облегчены, такъ естественна, такъ дается самымъ дѣломъ управленія такимъ обширнымъ государствомъ, каковымъ и тогда уже была Россія, что скорѣе былъ бы поводъ удивляться и искать причинъ, если бы она не возникла въ умѣ такой просвѣщенной государыни, какою была Екатерина Великая. Эта мысль — даже и не новая въ нашей государственной практикѣ. Въ московской Руси собирались съ этою же цѣлью земскіе соборы. Одинъ изъ нихъ (соборъ 1648 года) былъ созванъ для того, чтобы «государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большого и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна». Люди любозна-

¹⁾ Впрочемъ, въ „Вѣстникѣ Европа“, янв., 1877, стр. 49, въ статьѣ С. К. Брюловой: „Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху“ — было уже сдѣлано изложеніе содержанія, именно, дворянскихъ наказовъ.

тельные и теперь могутъ видѣть въ московской грановитой палатѣ экземпляръ соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича, этотъ важнѣйшій памятникъ нашего законодательства московской эпохи, скрѣпленный подписами всѣхъ чиновъ государства. Ближайшіе предшественники Екатерины II также обращались въ законодательныхъ вопросахъ въ содѣйствію выборныхъ людей. Попытку въ этомъ родѣ встрѣчаемъ въ царствованіе Петра II и Елизаветы Петровны. Выборные люди, созданные послѣднею государынею, еще не успѣли кончить своего дѣла и разѣхаться по домамъ, какъ императрица Екатерина II вступила на престоль. Итакъ, польза дѣла и примѣры исторіи одинаково могли навести Екатерину Великую на мысль о созваніи представителей земли, управление которой досталось въ ея руки.

Примѣры нашей исторіи, говоримъ мы, *могли* навести, но не думаемъ, что въ нихъ надо искать ближайшую причину созванія законодательной комиссіи. Взоры императрицы Екатерины, особенно въ первые годы ея царствованія, не были обращены въ русскую старину, связи съ которой у ней были очень шаткія. По своему рожденію и воспитанію она не столько принадлежала Россіи, сколько западной Европѣ. Въ лицѣ ея на російскій императорскій престоль вступила женщина, проникнутая просвѣтительными идеями французской философіи XVIII вѣка, увлекавшаяся мыслями энциклопедистовъ и высоко ставившая одобреніе своей правительственной дѣятельности такими людьми, какъ Даламберъ и Вольтеръ. Молитвенникомъ русской государыни, по собственному ея признанію, служила книга Монтескьё — «О духѣ законовъ».

Ближайшую причину созванія выборныхъ съ цѣлью дать Россіи такое законодательство, чтобы «видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться», надо искать въ знакомствѣ императрицы съ западно-европейской литературой и, главнымъ образомъ, съ сочиненіемъ Монтескьё, «О духѣ законовъ».

Великая заслуга Монтескьё, обратившаго на англійскія учрежденія вниманіе всего образованнаго міра и сдѣлавшаго попытку дать имъ теоретическую конструкцію въ формѣ знаменитаго ученія о раздѣленіи властей, не осталась незамѣченной русской государыней. Она живо заинтересовалась представительными учрежденіями Англии, знакомилась съ практикой англійскаго парламента, и экземпляръ журналовъ его засѣданій препроводила

А. И. Бибикову, маршалу учрежденной ею законодательной комиссии.

Духовное общеніе съ Западомъ, первые слѣды котораго принадлежать весьма отдаленному времени, въ царствованіе великой Екатерины проявилось въ формѣ далеко необыкновенной и крайне поучительной. Послѣдніе успѣхи западной науки были усвоены русской императрицей и возвѣщены русскому народу съ высоты престола, какъ его драгоцѣннѣйшее достояніе ¹⁾. «Вы увидите,—писала Екатерина въ интимномъ письмѣ къ Даламберу о своемъ трудѣ, экземпляръ котораго хотѣла доставить ему,—какъ тамъ, на пользу моей имперіи, я обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служить мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги гениальныхъ людей: они служатъ для благосостоянія человѣчества».

Свои заимствованія изъ Монтескьё Екатерина дѣлала, однако, съ большою осторожностью. Сличеніе ея наказа съ оригиналомъ указываетъ на очень своеобразное измѣненіе мыслей французскаго ученаго. Хотя она и считала его трудъ молитвенникомъ, но далеко не находила возможнымъ всегда за нимъ слѣдовать. Особенно крупныя отступленія сдѣлала она въ вопросѣ о раздѣленіи властей. Мысль объ участіи народа въ законодательствѣ она не находила возможнымъ повторить въ своемъ наказѣ, какъ общее правило при организаціи законодательной власти. Но на дѣлѣ она призываетъ русскихъ людей къ этому участію. Практика императрицы шла, такимъ образомъ, далѣе ея теоріи: то, чего она не рѣшалась высказать въ теоріи, она легко допустила на практикѣ.

Порядокъ, осуществляемый на дѣлѣ, хотя бы онъ и не былъ введенъ въ систему дѣйствующаго права въ формѣ опредѣлен-

¹⁾ Эту особенность своего участія въ дѣлѣ умственного общенія Россіи съ западной Европой императрица хорошо понимала сама. Въ ея письмѣ къ Вольтеру отъ 11 августа 1765 г. находимъ такое мѣсто: „Мы очень изумлены, встрѣчая въ западной литературѣ произведенія, дѣлающія честь роду человѣческому, и вида какъ мало пользуются ими для блага другихъ. Мой девизъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и притомъ надписи: полезное. У насъ знаніе научаютъ, и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ—лаборотъ, мы не имѣемъ такихъ удобствъ“. Сб. Рус. Ист. Общ., X, 38.

наго положенія, самъ по себѣ имѣеть уже великую важность: онъ есть живая дѣйствительность. Возведеніе его въ теорію можно было предоставить будущему.

Манифестомъ 14-го декабря 1766 года представители русской земли призывались къ участию въ законодательствѣ. Таково было дѣйствительное намѣреніе императрицы и такъ именно было оно понято депутатами и ихъ избирателями.

Составители нѣкоторыхъ малороссійскихъ наказовъ особое доказательство заботливости императрицы о пользѣ и благодѣяніи народа видятъ, между прочимъ, именно въ томъ, что депутаты созваны не только для того, чтобы выслушать ихъ нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участіе въ составленіи проекта новаго уложенія. Заявленій такого рода намъ не случилось встрѣтить въ великороссійскихъ наказахъ. Но и великороссійскіе депутаты, какъ и депутаты другихъ мѣстъ, обращаясь къ собранію съ своими мнѣніями, постоянно предлагаютъ ихъ «на разсужденіе» собранія, которое они считаютъ въ правѣ дѣлать постановленія.

Въ засѣданіи 10-го іюля 1768 года, двѣнадцать депутатовъ отъ дворянъ, пахатныхъ солдатъ и городовъ разныхъ мѣстностей, при обсужденіи только-что внесеннаго въ собраніе проекта правъ благородныхъ, подали особое мнѣніе, въ которомъ они просятъ отложить обсужденіе проекта на нѣкоторое время, въ теченіи котораго они могли бы ознакомиться съ нимъ. Въ этомъ мнѣніи встрѣчаемъ такое мѣсто: «если оный (проектъ) сходственъ съ положеніемъ нашего государства, и что больше, если согласенъ съ естественнымъ разсужденіемъ, то подтвердимъ и постановимъ оный непоколебимымъ. А если, напротивъ, найдеть въ немъ что-либо такое, что для всего отечества и будущаго спокойствія можетъ быть вредно, или чего недополнено,— о томъ подать намъ (т.е. просимъ) свои примѣчанія» (Арх. Дневн. зап. бол. собр.). Даже между дворянами и пахатными солдатами были люди, которые хорошо понимали, въ чемъ заключался «опытъ чистосердечія и великой довѣренности», съ которыми государыня обратилась къ своему народу.

Заключительныя статьи многихъ наказовъ, въ которыхъ составители заявляютъ желаніе увѣковѣчить на память грядущимъ поколѣніямъ какимъ-нибудь внѣшнимъ знакомъ этотъ актъ монаршей воли, едва ли можно понять, если не предположить, что избиратели хорошо видѣли всю политическую важность этого акта. Такъ же надо объяснять и тотъ взрывъ общаго восторга, которымъ сопровождался первый засѣданіи комиссіи, и который

привелъ къ поднесенію императрицѣ титула «великой, премудрой матери отечества».

Въ нашей литературѣ принято съ ироніей указывать на то, что комиссія занялась сочиненіемъ титула императрицы, прежде чѣмъ совершила что-нибудь по существу дѣла, для исполненія котораго была создана. Совершенно напрасно. Поднесеніемъ титула комиссія хотѣла почтить не результатъ своихъ трудовъ, а великое начинаніе государыни, великій актъ приваганія представителей русской земли къ участию въ законодательствѣ. Поднесеніе титула указываетъ, что значеніе факта созванія депутатовъ было правильно понято и встрѣчено съ тѣмъ сочувствіемъ и восторгомъ, который вполне приличествуетъ важности заключающейся въ немъ идеи.

Великое значеніе этого факта не укрѣпилось и отъ вниманія Генриха Ширлея, находившагося тогда въ Москвѣ въ качествѣ завѣдующаго англійскимъ посольствомъ при нашемъ дворѣ. Въ день открытія засѣданій комиссіи, онъ писалъ въ Англію: «Ея императорское величество прѣѣзжала сюда изъ Коломны въ прошлую субботу, а сегодня въ день, *долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи*, она отправилась, для слушанія божественной службы, въ торжественномъ шествіи, въ соборъ, гдѣ были собраны чины имперіи, а изъ церкви въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ, вступивъ на тронъ, допустила депутатовъ къ чести цѣлованія своей руки»¹⁾.

• 1) Съ этимъ отзывомъ Ширлея, относящимся къ идеѣ начинанія Екатерины, не должно смѣшивать послѣдующихъ его отзывовъ, вызванныхъ самой дѣятельностью комиссіи. Дѣятельность комиссіи, дѣйствительно, заслуживаетъ упрековъ, но это другой уже вопросъ, о немъ рѣчь будетъ ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что Ширлей не всегда правильно оцѣниваетъ недостатки комиссіи и не всегда по настоящему адресу направляетъ свои упреки. Но подъемъ общаго настроенія, вызванный созваніемъ комиссіи, отразился и въ этихъ послѣднихъ донесеніяхъ Ширлея. „Русскіе, писалъ онъ съ 13-го августа, не говорятъ и не думаютъ ни о чемъ другомъ (какъ о комиссіи), и, видя собранныхъ въ своей столицѣ представителей многихъ націй, столь различныхъ по племю, обычаямъ и религіи, какъ-то: самоѣды, казаки, бугары, татары и пр., которыхъ они считаютъ (быть можетъ, не безъ основанія) вполне заслужившими отъ русской имперіи, они способны заключить, что теперь они составляютъ мудрейшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю во всей вселенной“ (Сб. Р. Ист. Общ., XII, 304 и сл. 326 и сл.).

далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться».

Геніальныя способности императрицы стоятъ выше всякаго сомнѣнія, добрую ея волю мы также не имѣемъ права заподозрить. Но дѣло законодательства представляетъ величайшія трудности, для преодоленія которыхъ необходимы спеціальныя знанія, приобретаемыя путемъ сложной спеціальной подготовки. Екатерина-Великая была просвѣщеннѣйшей женщиной своего времени, но вопросы законодательства были и для нея новостью. «Я начала, — говоритъ императрица, — читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я и читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова...» Два года — время, конечно, продолжительное, но мы сомнѣваемся, чтобы и человекъ спеціально подготовленный могъ въ это время составить правила для цѣлаго законодательства; тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ императрицы, которая тутъ же впервые и знакомилась съ большинствомъ подлежащихъ рѣшенію вопросовъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1767 года наказъ былъ уже готовъ и врученъ комиссіи, а въ январѣ того же года она писала къ Даламберту о ходѣ своихъ работъ: «Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено, и, Богъ вѣдаетъ, что станетъ съ остальнымъ; однако придется рѣшиться къ назначенному мною сроку». Такимъ образомъ, за шесть мѣсяцевъ до начала занятій комиссіи императрица еще сама не знала, что выйдетъ изъ ея труда, долженствовавшаго направлять дѣятельность этой комиссіи.

Неудивительно послѣ этого, что наказъ далеко не всегда даетъ опредѣленные правила въ руководство составителямъ уложенія и даже не отличается единствомъ направленія.

Переводя и примѣняя къ нашимъ потребностямъ, вагъ ихъ понимала сама императрица, мысли Монтескьё, она по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя стоило бы только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое уложеніе, а указываетъ лишь общее, и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, а нерѣдко ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленнаго вывода.

«Надежить установить порядковъ неподвижной для наследованія», говоритъ наказъ, — но какой? Сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторые указанія на римскій и греческій порядковъ наследованія, императрица заключаетъ: «мое намѣреніе въ семь

дѣлѣ склоняется болѣе къ раздѣленію имѣнія». Но наследованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части—это только одинъ изъ множества вопросовъ наследственнаго права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, да и приведенное отличается крайней неопредѣленностью. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наследниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ?

«Полрѣно сдѣлать упрежденіе объ опекунствѣ», говоритъ наказъ далѣе, но наказъ, — опять умалчиваетъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что опека должна быть «для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ». Но у насъ и прежде была опека и не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея, во всякомъ случаѣ, были опредѣленнѣе правилъ наказа.

Старые законы не должны имѣть значенія «правила» для составителей новаго уложенія; наказъ же, который надо было считать за правило, не обнималъ и собою части всей сложной системы права.

Неполнота наказа не удержала совершенно отъ прозорливости императрицы; но можно думать, что относительно мѣры этой неполноты у ней не было точнаго представленія, и практическую пригодность своего труда она значительно преувеличивала¹⁾. «Какъ нѣтъ ничего совершеннаго, что человѣкомъ сочинено,—говоритъ заключительная статья наказа,—то если откроется въ производствѣ, что на какия ни есть учрежденія въ семь наказѣ правила еще не положено, дозволяется просить дополненія». Это гордое сознаніе, что наказъ можетъ имѣть несовершенства, свойственныя всѣмъ трудамъ рукъ человѣческихъ, такъ и наводитъ на мысль, что Екатерина В. казалось, что она почти на все положила правила, тогда какъ въ дѣйствительности трудно найти вопросъ, по которому не пришлось бы просить дополненія. То же преувеличеніе практическаго значенія наказа подсказало императрицѣ и 525 статью его, въ которой авторское самолюбіе предписывало «наказъ сей читать въ комиссіи единожды въ началѣ каждаго мѣсяца до окончанія комиссіи». Наказъ—объемистый трудъ въ 90 страницъ (съ дополненіемъ къ нему), для прочтенія его нужно было нѣсколько засѣданій, которыя еже-

¹⁾ Это понятно, въ виду тѣхъ лестныхъ отзывовъ, которые приходилось выслушивать государницѣ отъ своихъ придворныхъ. «Всѣ тѣ, которые видѣли мою работу,—писала она г-жѣ Жофрэнъ,—единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но, мнѣ кажется, что еще надобно почистить“..

мѣсячно тратились, какъ въ большой комиссіи, такъ и во всѣхъ частныхъ, совершенно непроизводительно.

Рядомъ съ крайней неполнотой основныхъ началъ законодательства, наказъ страдаетъ и шаткостью своихъ общихъ основаній. Стремленіе къ «новому» уложенію было внушено императрицѣ сочиненіями энциклопедистовъ, ихъ борьбой съ средневѣковымъ порядкомъ вещей. Но рядомъ съ энциклопедистами Екатерина-Великая не съ меньшимъ увлеченіемъ изучала Монтескье. Изъ его книги освоилась она съ идеей о произвольности законовъ, о соответствіи ихъ съ характеромъ народа, страны и другими условіями человѣческаго быта. Эти два совершенно разныхъ направленія, благодаря спѣшности работы, остались въ наказѣ непримиренными. Какъ ревностная ученица Монтескье, государыня высказываетъ мысль, что «законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности». Если это вѣрно, то едвали было нужно впередъ возвѣщать депутатамъ, что они должны сочинить «новое» уложеніе, ибо трудно допустить, чтобы все историческое право не соответствовало народному умствованію и подлежало замѣнѣ новымъ. Еще менѣе нужно было сочинять какой-либо наказъ въ руководство комиссіи. Народное умствование депутаты, вонечно, принесли съ собою: надо было только прислушиваться къ нему. Тѣмъ не менѣе Екатерина написала наказъ, въ которомъ даны комиссіи обязательныя правила. Нѣкоторые изъ этихъ правилъ выведены изъ сравненія постановленій разныхъ иностранныхъ законодательствъ на основаніи указаній «здраваго разума». Что дѣлать, если правила, выведенныя императрицей на основаніи «здраваго разума», не сойдутся съ народнымъ умствованиемъ депутатовъ? Случай очень возможный. По правиламъ наказа попытка ни на что не нужна, а по народному умствованію она считалась полезной и примѣнялась въ судахъ еще при императорѣ Александрѣ I-мъ. По правиламъ наказа за кражу не должно было казнить смертью, а по народному умствованію конокраду и теперь еще надо голову рубить. «Что батюшка ему (конокраду) тюрьма-то, — говорили еще недавно крестьяне орловской губерніи своему мировому судѣ, — кабы ты по закону-то, по-Божьему, ему голову отрубилъ, такъ бы полно ему насъ разорать-то; да и другому не повадно бы было».

Исходныя точки наказа представляютъ, такимъ образомъ, безвыходное противорѣчіе.

До сихъ поръ сказанное даетъ намъ право сдѣлать такое

заключеніе. На комиссію была возложена задача необыкновенной трудности: она должна была составить новое уложеніе по всѣмъ частямъ права. Полной свободы дѣйствія ей не было предоставлено: она должна была руководствоваться правилами наказа. Наказъ же далеко не давалъ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ частямъ законодательства и нерѣдко страдалъ неослѣдовательностью основныхъ своихъ началъ.

Мы видѣли, что наказъ былъ плодомъ весьма спѣшной работы: въ январѣ 1767 г., когда манифестъ о созваніи депутатовъ былъ уже обнародованъ и назначено время ихъ собранія, императрица еще не знала, какія начала она предложить имъ въ руководство. Но женщина, такъ богато одаренная отъ природы, какъ Екатерина-Великая, и такъ близко стоявшая къ практическимъ потребностямъ государственной жизни, очень скоро должна была усмотрѣть недостатки первоначальной постановки трудовъ комиссіи. Дѣйствительно, не прошло и года со дня открытія засѣданій депутатовъ, какъ недостатки эти были уже ей ясны.

Въ концѣ мая 1768 года, она нашла нужнымъ написать «три урока» въ наставленіе частной комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Въ предисловіи къ этимъ урокамъ она говоритъ: «комиссіа въ своему дѣлу не можетъ приступить, не узнавъ совершенно то, что въ государствѣ нашемъ теперь дѣлается, отъ чего послѣдуетъ свѣдѣніе въ чемъ иногда недостатокъ, ибо перемена не для произвольной перемены должна быть сдѣлана, но для поправленія недостаточнаго, если что слышется, а хорошее и полезное отъ оной изымается, потому что оно всегда въ своей силѣ остаться должно» (Арх., связка № 196).

Работамъ комиссіи дается здѣсь иное и гораздо болѣе практическое направленіе: она не должна сочинять новаго, а только исправлять недостатки стараго. Это задача болѣе опредѣленная и легче исполнимая. Но дѣло было уже сдѣлано: манифестъ, наказъ, распоряженія дирекціонной комиссіи — все было проникнуто крайне туманнымъ стремленіемъ къ новому уложенію. Это неясное направленіе руководило работами комиссіи уже цѣлый годъ. Поставить ихъ на новую почву можно было не специальнымъ наставленіемъ одной изъ частныхъ комиссій, а общими мѣрами, которыя касались бы дѣятельности всей комиссіи, чего, однако, не было сдѣлано. Почва подъ ногами депутатовъ оставалась до конца зыбкой.

III.

СОСТАВЪ КОМИССІИ.

Составъ комиссіи занимать мысли императрицы, можетъ быть, не менѣе наказа. Изъ черновыхъ бумагъ ея, хранящихся въ общемъ собраніи с.-петербургскихъ департаментовъ сената, видно, что первоначальное составленіе плана выборовъ было поручено князю Вяземскому, оберъ-прокурору Всеволожскому, генералъ-рекетмейстеру Козлову и господину Бузымину, въ руководство которымъ государыня дала нѣсколько основныхъ мыслей. Но планъ, выработанный этими лицами, былъ потомъ значительно измѣненъ самою императрицею. Остановимся же на составѣ комиссіи, чтобы судить о томъ, съ кѣмъ желала совѣщаться Екатерина В., и кто и какъ отзывался на ея призывъ.

Первый вопросъ, который здѣсь возникаетъ, есть вопросъ о томъ, кому дано было право прислать представителей, и по какимъ округамъ должно было происходить избраніе?

Желая совѣщаться съ представителями страны и выслушать ихъ нужды, императрица, при всемъ стремленіи къ новизнѣ, должна была имѣть дѣло съ существующимъ уже обществомъ и въ тѣхъ его подраздѣленіяхъ, которыя сложились исторически. Россія XVIII вѣка есть государство сословное. Чтобы узнать нужды Россіи, надо было выслушать представителей отъ сословій: каждое сословіе имѣло свои особыя права и обязанности, только ему извѣстныя. Согласно съ этимъ фактомъ, Екатерина пригласила прислать выборныхъ отдѣльных сословій: дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ сельскихъ обывателей ¹⁾. Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ отступленія отъ существующаго историческаго строя общества и также въ духѣ энциклопедистовъ. Сословіе духовенства вовсе не было приглашено прислать депутатовъ,—черта, понятная въ государыню, которая такъ дорожила добрымъ мнѣніемъ Вольтера ²⁾. Составъ екатерининской

¹⁾ Такъ по общепринятому образу выборовъ. Изъ черновыхъ же бумагъ императрицы видно, что она пришла къ этимъ сословіямъ не безъ нѣкотораго колебанія. Въ планѣ выборовъ, составленномъ кн. Вяземскимъ и др., различены слѣдующія группы избирателей: дворяне, купцы, цеховые, однодворцы, государственные крестьяне, запорожское войско, донское и другія казацкія войска. Черновой опиской образа, написанной рукою императрицы, тоже различаютъ цеховыхъ и мѣщанъ, какъ особую группу избирателей, отъ купцовъ. Это различіе, конечно, имѣетъ свое основаніе въ различномъ положеніи купцовъ и цеховыхъ.

²⁾ Законъ о церковныхъ имуществахъ также не остался, конечно, безъ вліянія на это устраненіе духовенства.

комиссии, такимъ образомъ, существенно отличался отъ состава нашихъ московскихъ соборовъ: сословія, которому принадлежало такое видное мѣсто въ земскихъ соборахъ, вовсе не было допущено въ комиссію. Изъ лицъ духовнаго званія въ комиссію засѣдалъ только одинъ членъ, митрополитъ новгородскій, Димитрій. Но онъ былъ представителемъ не духовенства, какъ сословія, а синода, какъ государственнаго учрежденія, наравнѣ съ представителями другихъ государственныхъ учреждений: сената, коллегій и пр., которымъ также дано было право прислать депутатовъ.

Нельзя сказать, чтобы эта особенность (которая, вѣстакъ замѣтить, не укрылась отъ вниманія тогдашняго англійскаго посла при нашемъ дворѣ, лорда Казкарта) согласовалась съ другими распоряженіями императрицы, и чтобы сама комиссія не почувствовала стѣны ея неудобствъ. Екатерина В. вовсе не была той мысли, что депутаты не должны касаться законовъ, относящихся до духовенства. Наоборотъ, она сама указала на необходимость учрежденія духовно-гражданской комиссіи, которая должна была не только остановиться на вопросахъ личнаго положенія духовенства, но принять мѣры, чтобы не ввралась какія-либо злоупотребленія въ наружное исполненіе духовныхъ обрядовъ, опредѣлить число праздничныхъ дней, способъ ихъ чествованія и пр. Дирекціонная комиссія еще въ августѣ 1767 года разсуждала объ учрежденіи частной комиссіи для духовныхъ дѣлъ, но нашла, что учредить ее не изъ чего, такъ какъ въ комиссіи былъ всего одинъ членъ духовнаго званія (Арх. Днев. зап. дирекц. ком.). А между тѣмъ учредить эту комиссію было необходимо. Въ маѣ слѣдующаго года духовно-гражданская комиссія была, наконецъ, учреждена, но вотъ въ какомъ составѣ, — въ нее вошли: прокуроръ адмиралтейской коллегии Иванъ Фурсовъ, статскій совѣтникъ Василій Баскаковъ, генералъ-маіоръ князь Волконскій, генералъ-маіоръ Опочининъ и поручикъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Потемкинъ. Вотъ тѣ лица, которые были призваны выработать проектъ духовно-гражданскаго законодательства. Надо думать, что они были въ большомъ затрудненіи. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснять скоро послѣдовавшее затѣмъ измѣненіе состава комиссіи: оба генерала и поручикъ лейбъ-гвардіи коннаго полка вышли, а на мѣсто ихъ были избраны: Петръ Кривскій, депутатъ бахмутскаго дворянства, Иванъ Банкишъ-Каменскій, депутатъ отъ нижнихъ чиновъ чернаго и желтаго гусарскихъ полковъ, и канцеляристъ духовнаго правленія Иванъ Сухопрудскій, депутатъ отъ города Углича. Если, несмотря на невозможность, при отсутствіи депу-

казовъ отъ духовенства, правильно организовавъ духовно-гражданскую комиссію, эта комиссія гдѣ не менѣе выработала подробный, пространно мотивированный планъ законодательства по своей части, это надо объяснить гдѣ, что выборы происходили, иногда, съ отступленіемъ отъ предписаннаго императрицей обряда, благодаря чему въ комиссію и вошли лица, знающія съ положеніемъ духовенства. Въ данномъ случаѣ, такимъ лицомъ былъ Иванъ Сухопрудскій, вошедшій въ составъ духовной комиссіи уже по выходѣ изъ нея трехъ военныхъ депутатовъ. Выборы депутатовъ отъ города Углича и составленіе наказа состоялись при сильномъ участіи мѣстнаго духовенства. Углицкій наказъ начинается съ пунктовъ отъ бѣлаго духовенства; подписанъ онъ 28 (если не болѣе) священниками и впереди всѣхъ углицкой соборной церкви ключаремъ, іереемъ Гаврииломъ Ивановичемъ; затѣмъ идутъ въ значительномъ числѣ подписи дьяконовъ и дьячковъ по церквамъ; а за ними уже подписались члены магистрата, буицы, кописты и пр. Все это заставляетъ думать, что Сухопрудскій явился въ комиссію какъ довѣренное лицо всего углицкаго духовенства, и, какъ канцелярствъ мѣстнаго духовнаго правленія, долженъ былъ хорошо знать его интересы. На его преобладающую роль въ духовной комиссіи указываетъ современный списокъ членовъ частныхъ комиссій, гдѣ онъ поставленъ на первомъ мѣстѣ, впереди прокурора Фурсова и статскаго совѣтника Баскакова, хотя по чину и времени избранія въ комиссію онъ и моложе ихъ.

Примѣръ Углича показываетъ, что исключеніе духовенства, вызванное тогдашнимъ направленіемъ западной философіи, не оправдывалось «народнымъ умствованіемъ». Правда, духовенство далеко не вездѣ принимало участіе въ выборѣ депутатовъ и составленіи наказовъ, но примѣръ Углича не былъ единственнымъ. Съ участіемъ духовенства встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи. Наказъ отъ города Стараго Санжарова, на примѣръ, подписанъ 8-ю іереями. Въ другихъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ нѣкоторые признаки скрытнаго вліянія духовенства. Подписей его подъ наказами нѣтъ, но наказы содержатъ статьи о нуждахъ духовенства.

Духовенство имперіи не представляло мощной организованной силы, но совершенно игнорировать его—было ошибкой. Интересы его также нуждались въ представительствѣ: исключенное отъ законнаго участія въ комиссіи, духовенство старалось проникнуть въ нее окольными путями.

Другое отступленіе отъ начала сословности выборовъ было

сдѣлаю уже при самыхъ выборахъ, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, исполнителями воли государыни. Выборы городскихъ депутатовъ Петербурга и Москвы были всеословные. «Лица высшихъ государственныхъ чиновъ сѣдѣли между гражданами всякаго званія. Эти сановники, дабы болѣе примѣнить себя къ бывшимъ тутъ прочимъ гражданамъ, пріѣхали въ собраніе, не имѣя на себѣ никакихъ орденовскихъ знаковъ, или другихъ отличій» (Полѣновъ, I, 10). Представителемъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ и кавалеръ графъ Алексѣй Орловъ, представителемъ Москвы — генералъ-аншефъ и кавалеръ князь Голицынъ. Этимъ избраніемъ два важнѣйшихъ пункта нашей городской жизни вовсе остались безъ представителей. Графъ Орловъ и князь Голицынъ могли быть представителями дворянства, — но интересы купечества, цеховыхъ, ямщиковъ и другихъ разрядовъ городскихъ жителей были имъ, конечно, совершенно чужды ¹⁾. Таковъ характеръ выборовъ не могъ не отразиться печальнымъ образомъ и на наказахъ, составленныхъ въ этихъ городахъ. Наказъ отъ города Москвы былъ составленъ при сильномъ участіи мѣстной знати. Онъ подписанъ князьями, графами и дворянами и, сравнительно, небольшимъ числомъ купцовъ. Всѣ подписи занимаютъ всего одинъ листъ бумаги, тогда какъ подписи подъ углицкимъ наказомъ тянутся на пяти листахъ, а на тульскомъ — на шести съ половиной. Одно это сравненіе числа подписей показываетъ уже, насколько московскіе городскіе люди мало интересовались дѣломъ законодательной комиссіи. Сочинителемъ московскаго наказа былъ полковникъ Волковъ. Содержаніе его отличается крайней безвѣрностью. Читая его, трудно вѣрить, что онъ составленъ въ Москвѣ, въ этомъ средоточіи государственной жизни московскаго періода, изъ котораго выросло цѣлое московское государство, — такъ мало отразились на немъ особенности положенія нѣкогда «царствующаго града Москвы». Наказы Пскова, Чернигова, Архангельска, даже Углича и Нѣжина содержатъ въ себѣ гораздо болѣе любопытныхъ историческихъ данныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ интереснѣе московскаго. Составители московскаго наказа просятъ, на примѣръ, объ учрежденіи въ городѣ Москвѣ публичныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, о заведеніи казенныхъ кирпичныхъ заводовъ, чтобы имъ было гдѣ муку и кирпичъ покупать; о перенесеніи рыбныхъ лавокъ изъ центра города.

¹⁾ Дворяне петербургскаго уѣзда вовсе и не послали отъ себя особаго представителя, кѣроликъ, въ томъ соображеніи, что они уже достаточно представлены городскими депутатами.

въ болѣе отдаленныя мѣста, чтобы онѣ не заражали воздуха, и пр. Ясно, кажется, что это не нужды московскаго купечества, и понятно, почему оно такъ поскупилося своими подписями подъ этимъ наказомъ. Такою же безцѣлностью отличается и наказъ города С.-Петербурга, также украшенный подписями князей и графовъ.

Сближеніе сословій есть великое дѣло, въ которому должно стремиться каждое законодательство. Екатерининская коммиссія, въ составъ которой были призваны почти все сословія, необходимо должна была повести къ этому сближенію, ибо дѣло отдѣльных сословій она возводила въ дѣло обще-государственное. Но производить выборы представителей средняго сословія и писать отъ него наказъ дворянамъ, графамъ и князьямъ вмѣстѣ съ купцами, цеховыми и ямщиками—не имѣло никакого основанія. Высшее сословіе только по зимамъ стекалось въ свои роскошныя московскія палаты для развлеченій свѣтской жизни; службы и повинностей городскихъ оно не несло и не знало. Ему были извѣстны одни удовольствія городской жизни, а не тягости ея и недостатки. Соединеніе лицъ высшаго сословія въ одинъ избирательный округъ съ купцами, цеховыми и ямщиками повело только въ тому, что настоящіе граждане уклонились отъ участія въ дѣлѣ законодательства. Всесословные выборы Москвы и Петербурга, такъ живо описанные почтеннымъ издателемъ актовъ коммиссіи, представляютъ единственно либеральную декорацию во ввусъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка.

Всесословность выборовъ, не отвѣчавшая существу жизненныхъ отношеній того времени, не оправдывалась и съ формальной точки зрѣнія права. По обряду выборовъ депутаты должны были быть всланы городомъ. Въ понятіе же города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра В., которое дѣйствовало и въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило ¹⁾. Это отступленіе городскихъ выборовъ Москвы и Петербурга отъ начала сословности сдѣлано, конечно, не безъ вѣдома императрицы и служить только новымъ доказательствомъ недостаточной твердости основныхъ началъ, съ которыми она приступила къ великому дѣлу созванія законодательной коммиссіи.

Всесословные выборы, точно такъ же какъ и выборы съ участіемъ духовенства, представляются исключеніемъ. Обыкновенно же выборы въ городахъ производились городскими жителями въ

¹⁾ Въ черновыхъ наброскахъ, вмѣсто депутата отъ города, прямо говорится о депутатѣ отъ купцовъ.

тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. купцами, цеховыми, ямщиками, канцелярскими чиновниками и пр.

Но дѣло выборовъ далеко не происходило такъ просто и единообразно, какъ можно подумать, читая написанный Еваторною обрядъ, въ которомъ вовсе не приняты въ соображеніе историческія особенности разныхъ мѣстъ. Понятіе города, какъ совокупности людей средняго сословія, возникшее только съ Петра, далеко не успѣло еще объединить во всѣхъ городахъ имперіи всѣхъ городскихъ жителей (въ этомъ тѣсномъ смыслѣ) въ одно сословіе; кромѣ того, жители нѣкоторыхъ городовъ, по разнымъ причинамъ, состояли на особомъ положеніи. Благодаря этому, городское населеніе многихъ городовъ имперіи распадалось на отдѣльныя группы, различавшіяся правами и обязанностями. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ городахъ, жители которыхъ разбивались на такія группы, представлялось совершенною невозможностью, чтобы всѣ избиратели соединились на одномъ депутатѣ, или снабдили бы его однимъ наказомъ. Въ Нѣжинѣ, напримѣръ, моренное городское населеніе пользовалось магдебургскимъ правомъ и состояло въ вѣдѣніи магистрата; а рядомъ съ нимъ, на особикъ правахъ, существовало братство нѣжинскаго греческаго купчества и была еще община венгеророссійскихъ купцовъ. Кромѣ того, къ нѣжинскимъ гражданамъ принадлежало еще нѣкоторое число шляхты и казаковъ, постоянно жившихъ въ городѣ. По мѣстной нѣжинскихъ жителей, эта шляхта и казаки должны были подчиняться магдебургскому праву и вѣдаться магистратомъ. Но на дѣлѣ они давно вышли изъ-подъ власти магистрата и жили по литовскому статуту. Всѣ эти разряды лицъ называютъ себя гражданами Нѣжина, но, благодаря различію правъ, интересы ихъ очень различны. По обряду выбора депутатовъ, городъ Нѣжинъ долженъ былъ прислать одного депутата. Онъ такъ и сдѣлалъ, но снабдилъ его четырьмя разными наказами, по одному отъ каждаго особаго разряда лицъ. Такимъ образомъ, нѣжинскій депутатъ, магистратскій писарь Костевичъ (избраніе магистратскаго писаря указываетъ на преобладаніе перваго разряда) получилъ невозможное порученіе одновременно отстаивать противорѣчивыя ходатайства своихъ избирателей. Городъ Астрахань, находившійся, повидимому, въ подобныхъ же условіяхъ, нашелъ другой исходъ. Несмотря на положительное предписаніе прислать одного депутата отъ города, онъ прислалъ пятерыхъ: одного отъ русскихъ жителей, другого отъ армянъ и ватоликовъ, третьяго отъ татаръ казанской слободы, четвертаго—отъ татаръ бухарскаго, глян-

20
8
1920

20
6
1740

сваго и агрыжанскаго дворовъ и т. д. Всѣ они были признаны сенатомъ въ качествѣ депутатовъ.

Такъ оригинально исправлялись на мѣстахъ недостатки обряда выборовъ, вызванные незнакомствомъ составителей его съ дѣйствительнымъ положеніемъ городского населенія имперіи.

Также не вполне соответствовали обряду и выборы депутатовъ сельскаго населенія и по той же причинѣ: по незнакомству составителей обряда съ положеніемъ сельскаго населенія. По обряду, каждой провинці дано право прислать по одному депутату отъ слѣдующихъ трехъ разрядовъ свободныхъ сельскихъ обывателей: однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и черносопныхъ крестьянъ. Но, во-1-хъ, эти разряды не исчерпываютъ всѣхъ видовъ свободного сельскаго населенія того времени (здѣсь не упомянуты, напримѣръ, половники, ясачные, приписные къ заводамъ), а во-2-хъ, обрядъ требуетъ присылки разныхъ депутатовъ отъ такихъ разрядовъ, между которыми въ то время уже было весьма трудно провести разграничительную черту (таковы, напримѣръ, однодворцы и нѣкоторые виды пахатныхъ солдатъ). Вслѣдствіе этого, когда приступили къ выборамъ, пришлось, съ одной стороны, допустить къ участію въ нихъ крестьянъ, въ обрядѣ не упомянутыхъ (половниковъ, ясачныхъ, даже экономическихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дворцовыхъ); а съ другой — однодворцы нѣкоторыхъ мѣстностей прислали общаго депутата съ прежнихъ службъ служилыми людьми, которые были тѣ же пахатные солдаты и должны были бы прислать отдѣльнаго депутата.

Выборы депутатовъ отъ дворянъ, благодаря большому единообразію этого сословія, не подали повода къ такимъ отступленіямъ отъ обряда.

Чтобы познакомить читателя ближе съ составомъ комиссіи, мы приведемъ здѣсь современный списокъ числа депутатовъ по губерніямъ и сословіямъ, который, вѣроятно, еще не былъ напечатанъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать въ немъ, время двухъ мелкихъ поправокъ, только одно отступленіе. Депутаты отъ сельскаго населенія показаны въ оригиналѣ въ ихъ подраздѣленіяхъ, т.-е. отъ cadaго изъ трехъ разрядовъ отдѣльно. Въ виду того, что различія этихъ разрядовъ не всегда выдерживались въ дѣйствительности, мы сливаемъ ихъ въ одну общую рубрику депутатовъ отъ сельскаго населенія, къ которымъ причисляемъ и нововрещенныхъ иновѣрцевъ, приславшихъ отъ себя обрусѣвшихъ депутатовъ.

Вѣдомость, сколько въ присутствіи комиссіи находится депутатовъ, за іюль 1768 года:

Губерніи.	Дворяне.	Горожане.	Казакъ.	Поселенн.	Инозѣрци.	Всего.
Московская	49	58	—	5	—	112
Кіевская	—	1	—	1	—	2
С.-Петербургская	3	3	—	—	—	6
Новгородская	18	20	—	4	—	42
Казанская	5	16	—	28	12	61
Астраханская	1	11	10	2	—	24
Сибирская	—	10	2	4	2	18
Иркутская	—	5	—	1	2	8
Смоленская	5	5	—	1	—	11
Эстляндская	4	2	—	—	—	6
Лифляндская	4	4	—	—	—	8
Финляндская	1	4	—	4	—	9
Нижегородская	4	7	—	4	1	16
Малороссійская	10	10	11	—	—	31
Слободская	5	5	3	2 ¹⁾	—	15
Воронежская	17	15	8	8	2	50
Бѣлгородская	17	13	1	4	—	35
Архангельская	6	13	—	3	3	25
Оренбургская	3	4	10	7	10	34
Новороссійская	8	1	7	2 ²⁾	—	18
Всего	160	207	54	78	32	531

Представители дворянъ состояли на двѣ-трети изъ военныхъ людей, число которыхъ доходило до 109 (въ томъ числѣ 17 отставныхъ). Большая часть военныхъ были штабъ-офицеры — 83 человекъ, въ томъ числѣ 30 генераловъ. Большинство депутатовъ гражданской службы также принадлежало къ высшимъ чинамъ, съ ассессора начиная. Сенаторовъ было 11 человекъ. Этотъ чиновный составъ дворянскихъ депутатовъ совершенно въ духъ времени. Освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы состоялось только въ 1762 году. Манифестъ о выборѣ депутатовъ нашелъ ихъ еще всѣхъ на службѣ. Если выбирали служащіе дворяне, то, понятно, кто болѣе дослужился, тотъ и былъ въ ихъ глазахъ лучше. Другой мѣрки не могло быть.

Другимъ характеромъ отличаются представители городовъ. Великороссійскіе города были почти исключительно представлены купцами, число которыхъ доходить до 173; остальные городскіе

¹⁾ Въ оригиналѣ показаны мѣстѣ съ казаками, тогда какъ въ названіяхъ названы просто хлѣбопашцами.

²⁾ Въ оригиналѣ не показанъ депутатъ отъ нополетныхъ и поселенъ, Степанъ Вилченко, прибывшій въ комиссію 22-го іюня. — Такія вѣдомости составлялись за каждый мѣсяць.

депутаты—мѣщане, секретари магистратовъ, духовныхъ правленій и т. под. Нѣкоторые малороссійскіе города прислали казаковъ: сотниковъ, полковыхъ писарей и т. под.

Сельское население исключительно выслало депутатовъ изъ своей среды: черносошныхъ крестьянъ, однодворцевъ и т. под.

Депутаты отъ казаковъ, приведенные въ 3-й рубрикѣ, представляютъ собою высшіе чины казацкаго войска. По роду жизни это тѣ же крестьяне, но обязанные нести съ принадлежащихъ имъ земель военную службу на своемъ содержаніи. Они также были исключительно представлены лицами своей среды: казацкими сотниками, старшинами, а въ большинствѣ случаевъ простыми казаками. На все число депутатовъ отъ казаковъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ-трехъ депутатовъ, выбранныхъ изъ офицеровъ.

Подъ рубрикой иновѣрцевъ соединены представители отъ татаръ, разныхъ наименованій, самоѣдовъ, башкиръ, черемисовъ, мещеряковъ, балмызовъ и другихъ инородцевъ, принадлежавшихъ къ сельскому населенію, которые по болѣе части и русскаго языка не знали, а потому имъ и было предоставлено право выбрать себѣ въ помощь особыхъ лицъ подъ именемъ опекуновъ.

Вопросы, подлежавшіе обсужденію комиссіи, должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ. Хотя дворянство и высшіе чины были хорошо представлены, но численное большинство было далеко не на ихъ сторонѣ, и въ случаѣ столкновенія они всегда остались бы въ меньшинствѣ. Не этимъ ли надо объяснять тотъ знаменательный фактъ, что высшіе сановники, за небольшими исключеніями¹⁾, почти вовсе не принимали участія въ преніяхъ?

Хотя въ результатѣ выборовъ надо было ожидать именно такого отношенія числа представителей разныхъ сословій, но есть основаніе думать, что результатъ этотъ не могъ удовлетворить императрицу. Она смотрѣла на дворянство, какъ на опору монархіи и, конечно, была бы болѣе довольна, еслибъ этому со-

¹⁾ Число депутатовъ изъ высшихъ чиновъ, отъ генерала и дѣйст. ст. совѣт. начинала, доходило до 35 человекъ (мы не включаемъ сюда представителей отъ правительственныхъ учреждений, о которыхъ рѣчь будетъ ниже). Изъ нихъ только 11 человекъ приняли участіе въ преніяхъ, въ теченіи первыхъ 100 засѣданій; и изъ этихъ 11-ти, только трое говорили по 2 раза, остальные же 8 только по одному. Двадцать же четыре человека, т.-е. болѣе $\frac{2}{3}$, не приняли никакого участія въ преніяхъ. Въ числѣ ихъ находятся и такіе сановники, какъ графъ Захаръ Чернышевъ, вице-президентъ военной коллегіи, генералъ-аншефъ, сенаторъ, графъ П. И. Панинъ, генералъ-аншефъ, кн. А. М. Голицынъ, позднѣе фельдмаршалъ, дѣйст. стат. совѣт. Дмитрій Волковъ, президентъ мануфактуръ-коллегіи, сенаторы: кн. Вяземскій, кн. Трубецкой, Жолубовскій и др., генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, графъ Алексій Орловъ и пр.

словію принадлежалъ и численный перевѣсъ голосовъ. При выборахъ членовъ въ дирекціонную комиссію императрица, которой принадлежало право утверждать выборы, утвердила только лицъ высокопоставленныхъ, не допустивъ въ составъ комиссіи ни одного мелкаго человека. Это также указываетъ на симпатіи государыни, которымъ составъ комиссіи далеко не удовлетворялъ.

Перейдемъ теперь въ вопросу о томъ, насколько сочувственно отнеслось населеніе Россіи въ довѣрчивому обращенію къ нему императрицы. Сочувствіе населенія должно было выразиться въ его желаніи воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ выслать депутата изъ каждаго округа, въ которомъ были избиратели. Къ сожалѣнію, имѣющіеся у насъ подъ руками матеріалы, не даютъ возможности исчерпывающимъ образомъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ уѣздахъ были дворяне и свободные сельскіе обыватели, и въ какихъ нѣтъ. Мы знаемъ города и уѣзды, изъ которыхъ депутаты были присланы, но не можемъ сказать, что города и уѣзды, которые депутатовъ не прислали, сдѣлали это по нежеланію участвовать въ комиссіи. Фактъ неприсылки можетъ объясняться и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ вовсе не было дворянъ, или другихъ избирателей.

Число свободныхъ сельскихъ обывателей въ это время не велико, и могли быть цѣлыя уѣзды, въ которыхъ ихъ вовсе не было. Этимъ объясняется сравнительно небольшое число представителей отъ крестьянъ въ такомъ крестьянскомъ государствѣ, какова Россія. Но для правильной оцѣнки его надо имѣть въ виду слѣдующее. Избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне высылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, сельское же населеніе только отъ цѣлой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Такимъ образомъ, представителей сельскаго населенія и должно быть меньше. Но за каждымъ сельскимъ депутатомъ стояло гораздо болѣе избирателей, чѣмъ за городскимъ или дворянскимъ. Они представляли всѣ погосты или сельскія общества своей провинціи и получали отдѣльные наказы отъ каждаго погоста. Депутатъ Чупровъ, наприкладъ, единственный представитель крестьянъ архангельской провинціи, привезъ съ собою 195 наказовъ, отъ уѣздовъ: вожскаго, волыскаго, пурговскаго, мезенскаго, кеврольскаго и двинскаго. Тутъ были наказы отъ черносошныхъ крестьянъ, ясачныхъ, дворцовыхъ и бывшихъ экономическихъ. Въ одномъ двинскомъ уѣздѣ считалось тогда

20,548 душъ черносопныхъ крестьянъ и 10,913 душъ экономическихъ. Эти цифры даютъ понятіе о той массѣ интересовъ, представителемъ которыхъ явился Чупровъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ архангельской губерніи, которыя выслали также по одному депутату, былъ составленъ еще 241 наказъ. Цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066. Такимъ образомъ, около половины (496) всѣхъ крестьянскихъ наказовъ приходится на архангельскую губернію. Этотъ громадный процентъ свободнаго сельскаго населенія, выпадающій на одну губернію, объясняется тѣмъ, что новые московскіе порядки всего менѣе воснулись этой отдаленной области, сохранившей наиболѣе остатковъ до-московской старины. Но изъ сравнительно небольшого числа общинъ, приходящагося на остальную Россію, нельзя еще дѣлать заключенія, что ихъ именно столько и было, и что всѣ онѣ прислали депутатовъ. Какъ не, всѣ горожане и даже дворяне воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, такъ, конечно, и не всѣ крестьяне. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ ябургскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, и новолоджскомъ, новгородской, были свободные сельскіе обыватели, а депутатовъ отъ нихъ не было. По смыслу обряда выборовъ, сельское населеніе даже не было обязано прислать депутатовъ. Ему было только предоставлено право, которымъ оно могло и не воспользоваться.

Полное отсутствіе представителей крестьянскаго населенія губерній малороссійской, лифляндской и встляндской объясняется взглядомъ императрицы на тамошнихъ крестьянъ, которыхъ она считала крѣпостными (Сб. Р. Ист. Общ., X, 286), и которые поэтому не были приглашены къ выборамъ. Сравнительно большая цифра крестьянскихъ депутатовъ казанской губерніи объясняется значительнымъ числомъ инородцевъ, принявшихъ православіе, которые одни выслали 14 представителей.

Особенно въ больномъ числѣ явились представители отъ городовъ. Цифра ихъ на 47 человекъ превышаетъ цифру депутатовъ отъ уѣзднаго дворянства. Но это надо объяснять не болѣею ихъ ревностью къ дѣлу, сравнительно съ дворянами, а тѣмъ, во-первыхъ, что нѣкоторые города, какъ Астрахань, Тула и друг., прислали по нѣскольку депутатовъ, тогда какъ дворяне выслали всегда по одному на уѣздъ, а иногда по одному и на два, и, во-вторыхъ, депутаты отъ средняго сословія были присланы не только отъ уѣздныхъ городовъ, но и отъ нѣкоторыхъ пригородовъ, слободъ и посадовъ, которые уѣздовъ не имѣли.

Положеніе дворянъ этого времени было исключительно при-

влетитрованное. Пользуясь уже значительной долей земныхъ благъ, нѣкоторые изъ нихъ совершенно равнодушно отнеслись къ законодательной комиссiи, которая имѣла цѣлью сдѣлать подданныхъ имперiи счастливыми. Такъ поступили муромскіе дворяне. Они выслали депутата, но въ наказѣ, ему данномъ, прямо заявили, что по довольномъ общемъ разсужденiи всего муромскаго дворянства не нашли никакихъ нуждъ и отягощенiй, которыя нуждались бы въ исправленiи. Этимъ заявленiемъ, конечно, и новое законодательство, по скольку оно касается дворянъ, признавалось излишнимъ. Они, очевидно, считали уже себя счастливыми и при старомъ порядкѣ вещей. Дворяне нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ и вовсе депутатовъ не выслали. Таковы уѣзды: масальскій, вологровскій, цивильскій, звенигородскій, лебедянскій, сокольскій и землянскій. Нѣкоторые изъ нихъ ссылались при этомъ на свое малолѣтство! ¹⁾.

Но мы сдѣлаемъ большую ошибку, если подумаемъ, что въ великому значанiю Екатерины равнодушно отнеслись только нѣкоторые изъ дворянскихъ избирателей. Какъ бы ни было велико дѣло, нарождающееся въ обществѣ, всегда и во всякой средѣ найдутся равнодушные. Между горожанами они также были, хотя и по другой причинѣ, по крайней бѣдности и недосугу оторваться отъ ежедневныхъ заботъ дня. Горожане Лебедянска, Сокольска, Землянска, Ливнѣ, Ефремова, Новосила и Данилова не прислали депутатовъ. Въ четырехъ послѣднихъ городахъ, какъ видно изъ заявленiй депутатовъ, даже вовсе не было купечества; не-торговому же городскому населенiю, которое нерѣдко находилось еще въ худшемъ положенiи, чѣмъ крестьяне, было, конечно, не до законодательства на новыхъ началахъ. Такихъ примѣровъ неприсыли депутатовъ и притомъ отъ всѣхъ сословiй можно было бы набрать и еще нѣсколько.

Нѣкоторые города даже лучше сдѣлали бы, еслибъ вовсе никого не послали. Мы разумѣемъ борисоглѣбскую слободу (арславской губ.), приславшую депутата на правахъ города. Борисоглѣбскіе горожане выбрали своимъ представителемъ купца Семена Еболина. Этотъ Семенъ Еболинъ по смерти своего отца раздѣлился съ братомъ, которому предоставилъ домъ въ Борисоглѣбскѣ, а самъ перѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ и поселился. Узнавъ

¹⁾ Крупная цифра дворянскихъ и городскихъ представителей московской губ. объясняется сравнительно большимъ числомъ уѣздныхъ городовъ, входившихъ тогда въ составъ этой губерніи. Къ Москвѣ было приписано болѣе 54 уѣздовъ, которые теперь раздѣлены между 8 отдѣльными губерніями: московской, востромской, арславской, калужской, тульской, владимирской, рязанской и тверской.

о постигнутой его участи, Ебоддинъ просилъ вмѣсто него выбрать другого, ссылаясь на свою болѣзнь и на то, что дома у него въ Борисоглѣбскѣ нѣтъ. Мѣстная ратуша не уважила его ходатайства и требовала, чтобы онъ взялъ наказъ и полномочіе и ѣхалъ представлять интересы своей родины. Можно думать, что борисоглѣбская слобода хотѣла только отдѣлаться отъ чести участвовать въ законодательной комиссіи, и выборы, по всей вѣроятности, пали на отсутствующаго, такъ какъ изъ наличныхъ гражданъ никто не хотѣлъ ѣхать. Дѣло дошло до сената; но эта высшая инстанція показала не большее пониманіе дѣла, чѣмъ мѣстная ратуша. Сенатъ произвелъ цѣлое слѣдствіе и, находя, «что отъ части въ домѣ Ебоддинъ отказался уже по выборѣ, а болѣзнь, какъ видно изъ аттестата врача, не такъ чрезвычайна, чтобы могла препятствовать отправленію депутатской должности, опредѣлилъ выслать Ебоддина немедленно изъ депутатской должности» (Арх., Журналы). Генераль-прокуроръ Вяземскій увѣдомилъ объ этомъ рѣшеніи маршала комиссіи, и Ебоддинъ былъ занесенъ въ списки депутатовъ, въ числѣ которыхъ и оставался до конца, являя примѣръ депутата, противъ своей воли обязаннаго защищать интересы своихъ избирателей. И это, несмотря на то, что по обряду выборовъ каждый депутатъ имѣлъ право, если только не хотѣлъ участвовать въ засѣданіяхъ комиссіи, передать свои полномочія другому.

Это, впрочемъ, не единственный случай неумѣлаго отношенія администраціи къ новому дѣлу представительства. Депутатомъ казаковъ лубенскаго полка былъ избранъ казакъ Мищенко. Получивъ полномочіе, но не дождавшись окончанія составленія наказа, онъ поѣхалъ въ Москву, 7-го августа явился въ сенатъ и того же числа занесенъ въ списки депутатовъ. Малороссійскій генераль-губернаторъ, графъ Румянцовъ, узнавъ, что Мищенко уѣхалъ, не явившись къ нему и не взявъ наказа, остался этимъ крайне недоволенъ и обратился въ сенатъ съ просьбой «прислать къ нему Мищенко за карауломъ». По обряду выборовъ явля депутатовъ къ генераль-губернатору не требовалась, наказъ же, конечно, могъ быть переданъ если не по почтѣ, то какимъ-либо инымъ путемъ. Послѣдствій ходатайства строгаго генераль-губернатора намъ не удалось розыскать, но Мищенко до конца остался депутатомъ (Арх., Журналы).

Всякое новое дѣло, какъ бы ни было оно само по себѣ хорошо, врѣшнеть и становится на ноги только съ теченіемъ времени и при умѣломъ и заботливомъ уходѣ. А потому ни равнодушныя нѣкоторой части избирателей къ своему новому праву,

ни промахи администраціи не должны насъ смущать. Они не составляютъ особенности нашей русской природы и, при известныхъ условіяхъ, встрѣчались вездѣ и всегда будутъ встрѣчаться.

Если высшая администрація находила возможнымъ требовать присылки депутата «за карауломъ», то еще менѣе можно удивляться тому, что депутаты не всегда пользовались должнымъ уваженіемъ со стороны населенія. Во время зимняго перерыва заведеній комиссіи, за которымъ послѣдовалъ переѣздъ ея изъ Москвы въ С.-Петербургъ, Чупровъ, депутатъ отъ крестьянъ архангельской провинціи, ѣздилъ къ себѣ на родину. На одной изъ станцій олонецкаго уѣзда ямщики требовали съ него съ шумомъ и бранью уплаты двойныхъ прогоновъ. Чупровъ не хотѣлъ подчиниться незаконному требованію, убѣждалъ крестьянъ исполнить свою обязанность согласно положенію и указывалъ имъ на свое званіе депутата. Ничто не подѣйствовало, ямщики продолжали шумѣть и даже побили Чупрова, не подозревая, конечно, что они бьютъ дѣятельнаго члена законодательной комиссіи, который не разъ поднималъ свой голосъ въ защиту крестьянскихъ интересовъ.

Передъ обнародованіемъ манифеста о созваніи представителей, у императрицы Екатерины были нѣкоторые сомнѣнія относительно того, захочетъ ли населеніе Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи прислать выборныхъ. Среди отдѣльныхъ мыслей императрицы, данныхъ въ руководство князю Вяземскому и другимъ лицамъ, которымъ было поручено составить планъ выборовъ, между прочимъ, встрѣчаемъ и такую: «Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи отдается на волю прислать депутатовъ. А не пришлютъ, останутся на такомъ основаніи, какъ нынѣ, пока не будутъ бить челомъ объ уравниніи». Императрица опасалась, что эти части имперіи не захотятъ принять участія въ общемъ законодательствѣ. Но она не сомнѣвалась, что новое законодательство, выработанное по указаніямъ ея наказа, доставитъ гораздо болѣе счастья малороссамъ, остзейцамъ и финляндцамъ, чѣмъ то, которымъ наслаждались они подъ покровомъ ихъ старыхъ привилегій, а потому и выражала надежду, что они будутъ бить челомъ объ уравниніи. До этого же челобитія они должны были, какъ-бы въ наказаніе, оставаться при старыхъ правахъ. Въ обнародованный обрядъ выборовъ это опасеніе не перешло. Изъ известной статьи профессора С. М. Соловьева, мы знаемъ, что по отношенію къ Малороссіи эти опасенія были поддерживаемы въ императрицѣ доносеніями графа Румянцева, тогдашняго генераль-губернатора

Малороссіи. Отъ 2-го марта 1767 года онъ писалъ государынѣ: «Новый проектъ уложенія не производить здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйствія и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отъзвы же у всѣхъ одни: зачѣмъ бы намъ тамъ и быть? Наши законы весьма хороши, а буде депутатамъ быть, конечно, уже надобно, только развѣбъ искать правъ и привилегій подтвержденія»¹⁾... Разсматривая, однако, списокъ малороссійскихъ депутатовъ по уѣздамъ и городамъ, мы должны придти къ заключенію, что опасенія императрицы не оправдались: малороссійскіе дворяне и горожане явились въ комиссію вовсе не въ меньшемъ числѣ, чѣмъ дворяне и горожане другихъ мѣстностей. Если не всѣ округа были представлены, то то же явленіе встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ Великороссіи. Также не оправдались опасенія императрицы и по отношенію къ остзейскимъ провинціямъ и виборской губерніи: эти мѣстности, сравнительно, были представлены не слабѣе другихъ. Участіе представителей ихъ въ трудахъ комиссіи далеко не ограничивалось одною защитою мѣстныхъ привилегій: нѣкоторые изъ нихъ не менѣе великороссійскихъ депутатовъ участвовали и въ преніяхъ по вопросамъ общаго законодательства; проектъ же крестьянскихъ правъ былъ весь сочиненъ лифляндскимъ депутатомъ, барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. Екатерининская комиссія несомнѣнно могла явиться прекраснымъ средствомъ объединенія разныхъ частей нашей обширной и не вездѣ единоплеменной имперіи.

Мы обозрѣли составъ комиссіи, насколько члены ея являются представителями населенія, въ его подраздѣленіяхъ на сословія. Но Екатерина-Великая не думала ограничить составъ комиссіи только депутатами отъ населенія. Она призвала въ нее еще депутатовъ отъ высшихъ правительственныхъ учрежденій: сената, синода, коллегій и главныхъ канцелярій. Кромѣ

¹⁾ „Рус. Вѣс.“ 1861 г. I. 35. Въ этой же статьѣ приведены и отрывки письма государини къ Румянцову, изъ которыхъ видно, съ какою ясностью мысли и словесностию духа отнеслась она къ запугивающимъ донесеніямъ своего генералъ-губернатора: «Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я, — пишетъ государиня, — прелестствіа, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣтилъ извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 года. Однако же я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертаніе прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнуть, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уложенія тутъ, гдѣ они не сходственны съ общимъ добромъ».

того, всѣ губернаторы должны были представить свои соображенія и также входили въ составъ комиссiи всягiй разѣ, какъ прiѣзжали въ Москву или Петербургъ, куда были перенесены засѣданiя ея съ февраля 1768 года. Эти представители отъ учреждений пополнили собой составъ чиновныхъ членовъ комиссiи еще 28 чиновниками, въ числѣ которыхъ было 7 дѣйствительныхъ тайныхъ, тайныхъ совѣтниковъ и военныхъ генераловъ; остальные же принадлежали въ слѣдующимъ чинамъ до 8-го класса включительно.

Это приглашенiе особыхъ депутатовъ отъ правительственныхъ учреждений не представляется достаточно согласеннымъ съ общимъ ходомъ законодательныхъ работъ по составленiю новаго уложенiя.

Депутаты сената и коллегiй приглашались, конечно, въ томъ соображенiи, чтобы законодательная комиссiя имѣла возможность выслушать людей, знакомыхъ съ практикой примѣненiя законовъ. Но, по образу управленiя комиссiей, каждая частная комиссiя, выработавъ какой-либо проектъ, должна была пригласить въ свое засѣданiе то учреждение, въ полномъ его составѣ, дѣятельности котораго касался выработанный проектъ, и обсудить его вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ проектъ новаго уложенiя, по окончательной разработкѣ его въ комиссiи, подлежалъ еще внесенiю въ сенатъ, который долженъ былъ рассмотреть его вмѣстѣ со всѣми коллегiями.

Такимъ образомъ, для выслушанiя мнѣнiй правительственныхъ учреждений были приняты гораздо болѣе дѣйствительныя мѣры, рядомъ съ которыми допущенiе особыхъ депутатовъ отъ правительственныхъ учреждений представляется немнѣющимъ цѣли.

Не достигая никакой цѣли, особое представительство учреждений должно было невыгодно отразиться на дѣлопроизводствѣ этихъ учреждений. Мы видѣли уже, что и помимо специальныхъ депутатовъ отъ сената и коллегiй въ составъ комиссiи, путемъ выборовъ отъ дворянъ, вошло болѣе 25 чиновниковъ, членовъ этихъ высшихъ учреждений. Вмѣстѣ съ специальными представителями цифра ихъ доходитъ до 53-хъ человекъ. Засѣданiя комиссiи происходили по утрамъ и должны были продолжаться въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ. Высшiя правительственныя учреждения, лишившись такого значительнаго числа членовъ, едва-ли могли справиться съ своими текущими дѣлами. Неудобства этого порядка вещей дали себя знать сейчасъ же по открытiи засѣданiй комиссiи и вызвали именной указъ императрицы отъ 11-го августа 1767 года, которымъ должностнымъ лицамъ сената и

коллегии предписывалось присутствовать въ комиссіи только два дня въ недѣлю, а остальное время они должны были посвящать текущимъ дѣламъ въ своихъ присутствіяхъ. Участвуя въ комиссіи только два дня изъ пяти (комиссія, обыкновенно, собиралась пять разъ въ недѣлю), могли ли они быть дѣтельными и полезными ея членами? Въ декабрѣ того же года, при переездѣ комиссій изъ Москвы въ Петербургъ, послѣдовало новое распоряженіе, въ силу котораго всѣ депутаты-чиновники, занимавшіе въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ главные должности (сенаторовъ, председателей, главныхъ судей и пр.), должны были остаться въ Москвѣ и, слѣдовательно, совсѣмъ перестали принимать участіе въ засѣданіяхъ комиссій, но выгодами депутатскаго званія, жалованьемъ и другими, имъ всемілостивѣйше предоставлено пользоваться (Арх., Журналы).

Участіе высшихъ чиновъ было, такимъ образомъ, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Мы выше указали уже на то, что они принимали очень малое участіе въ преніяхъ. Это было необходимымъ, хотя и не преднамѣреннымъ со стороны императрицы слѣдствіемъ ея собственныхъ предписаній: если все то, что могла выработать комиссія, должно было еще разсматриваться въ соединенномъ присутствіи сената и коллегій, то зачѣмъ же высокопоставленнымъ членамъ этихъ учреждений тратить время и трудъ на пренія въ комиссіи, большинство которой состояло изъ лавочниковъ, крестьянъ и казаковъ, которыхъ можно было пересылать за карауломъ, и среди которыхъ, естественно, они должны были чувствовать себя не на своемъ мѣстѣ ¹⁾?

1) Изъ 28 представителей правительственныхъ учреждений приняли участіе въ преніяхъ, въ теченіи первыхъ 100 засѣданій, только 14 человекъ и изъ нихъ только 8 говорили болѣе двухъ разъ. Въ числѣ неучаствовавшихъ находимъ депутатовъ: сената, герольдмейстерской конторы, коллегій лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, мануфактуръ-коллегій, коллегій экономіи и суднаго приказа, которымъ представлялся не разъ случай высказаться. Но если принять въ соображеніе, что депутаты правительственныхъ учреждений не всегда выходили торжествуящими изъ преній, то мнѣнія ихъ подвергались внимательной критикѣ, что случилось, напримѣръ, съ сѣят. совѣт. Меженниковымъ, депутатомъ коммерцъ-коллегій, обнаружившимъ недостаточное знаніе условій нашей торговли, какъ это выяснилось изъ возраженій купцовъ на его голосъ, или съ коллежскимъ совѣтникомъ барономъ Апъ, депутатомъ медицинской коллегіи, несостоятельность мнѣнія котораго о томъ, что медицинская коллегія приняла уже всѣ необходимыя мѣры для врачебной помощи деревенскимъ жителямъ, и что они не нуждаются ни въ какихъ улучшеніяхъ по этой части, подала поводъ сержанту тегенбургскаго пѣхотнаго полка Самсонову произнести противъ него рѣчь, хотя и совершенно справедливую, но пронзенную весьма ѣдкой ироніей, что, конечно, не могло понравиться генеральному штабъ-доктору арміи, званіе, въ кото-

Сравнивая состав екатерининской комиссіи съ составомъ земскихъ соборовъ московскаго государства, нельзя не придти въ заключенію, что московскіе государи поступали практичѣе. Они не исключали изъ состава земскихъ соборовъ духовенства, которое играло въ древней Россіи весьма важную роль и не только какъ учрежденіе чисто-религіозное, но и по вліянію его на наше свѣтское право. Значеніе духовенства, съ самаго начала императорской эпохи, весьма умалается; но нельзя сказать, чтобы роль его въ половинѣ XVIII вѣка была окончательно сыграна и исключеніе его оправдывалось тогдашнимъ «народнымъ умствованиемъ». Съ другой стороны, московскіе государи, призывая вмѣстѣ съ представителями земли и высшіе чины служебной іерархіи, иногда, по крайней мѣрѣ, предписывали имъ имѣть совѣщаніе особо отъ первыхъ, не смѣшиваясь съ ними. Этому примѣромъ слѣдовало воспользоваться и организовать комиссію въ формѣ двухъ палатъ, отчего дѣло законодательства могло только выиграть. Не всякое государство можетъ гордиться особымъ сословіемъ, которое оказало бы его развитію такія же услуги, какія оказала Англіи ея аристократія; но въ каждомъ есть разряды лицъ, проникнутые аристократическими предразсудками. Не обладая тою силою, какою въ свое время обладали бары Англіи, они все же сила, ибо въ ихъ рукахъ всѣ важныя административныя и судебныя должности. Дать имъ свою долю участія въ дѣлѣ законодательства также необходимо. Съ пользою это можетъ быть сдѣлано только путемъ выдѣленія ихъ въ особую палату, иначе они отнесутся въ законодательному предпріятію съ такимъ равнодушіемъ, которое уронитъ его въ самомъ началѣ.

Последній вопросъ, на который надо обратить здѣсь вниманіе, относится къ свободѣ выборовъ и составленія наказовъ, которыми должны были избиратели надѣлать своихъ представителей.

Что касается свободы выборовъ, то мы не имѣемъ основанія думать, чтобы она была въ какомъ-нибудь отношеніи стѣснена, и чтобы администрація стремилась не допустить до выборовъ неугодныхъ ей кандидатовъ и, наоборотъ, облегчала выборы людей ей пріятныхъ. Эти приемы современной администраціи конституціонныхъ государствъ были чужды Россіи XVIII вѣка. Вѣра въ благія намѣренія верховной власти была преобладающимъ чув-

ромъ состоялъ баронъ Альт,—если мы примемъ въ соображеніе возможность такой непріятной случайности, то воздержаніе отъ преній правительственныхъ депутатовъ будетъ совершенно понятно.

состояніи населенія того времени. Правильной оппозиціи правительству, которая достигаетъ опасныхъ для него размѣровъ только благодаря своеобразнымъ стремленіямъ его органовъ, еще не было, такъ какъ не было и самой почвы, на которой она могла бы дѣйствовать, а потому у администраціи не было и повода къ инициативѣ въ выборы. По образу выбора депутатовъ отъ дворянъ и горожанъ, участіе администраціи имѣло мѣсто только при избраніи дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ. Какъ скоро эти лица были избраны, самое избраніе депутатовъ совершалось уже безъ участія администраціи; всѣмъ дѣломъ избранія руководилъ избранный изъ среди сословія старшина. У крестьянъ выборами руководилъ мѣстный представитель администраціи, но, конечно, не для вліянія на выборы, а только для наблюденія за порядкомъ, и потому, что крестьяне уѣзда и провинціи не составляли отдѣльнаго цѣлаго, а Екатерина не находила еще возможнымъ дать имъ особаго сословнаго представителя, въ родѣ предводителя дворянства или городского головы ¹⁾.

Но съ случаемъ вліянія администраціи на составленіе наказовъ встрѣчаемся. Императрица, надо думать, имѣла въ виду свободное составленіе наказовъ. Она хотѣла выслушать «нужды и недостатки» населенія, и если бы она ограничила выраженіе ихъ, то не достигла бы своей цѣли. Приглашеніе высказать «нужды и недостатки» не было бы, въ такомъ случаѣ, правдой, а такой двойственности и желанія подвести своихъ подданныхъ подъ отвѣтственность мы не можемъ допустить въ императрицѣ. По образу выбора депутатовъ руководство дѣломъ составленія наказовъ предоставлено выборному представителю сословія, а не администраціи. Правда, срокъ для составленія наказа назначенъ очень краткій, — всего три дня. Но нѣтъ основанія думать, чтобы это было сдѣлано прямо съ цѣлью стѣснить свободу выраженія мнѣній. Императрица очень спѣшила съ новымъ уложеніемъ и могла назначить такой краткій срокъ только для ускоренія его хода.

Но не такъ смотрѣла на это дѣло пугливая администрація, которая, по обыкновенію, была *plus royaliste que le roi lui même*, и тѣмъ, конечно, только вредила въ глазахъ населенія охраняемымъ ею интересамъ. Графъ Румянцовъ, генераль-губернаторъ Малороссіи, доносилъ сенату, что шляхетство повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго избрало въ депутаты земскаго судью, Лаврен-

¹⁾ Утвержденіе Генриха Шпрелля, что императрица „заботилась составить комиссію лишь изъ такихъ лицъ, которые будутъ подчиняться ея предписаніямъ“.— (Сб. Р. Ист. Общ. XII, 380) совершенно несправедливо.

тія Селецкого, «но не давъ Селецкому полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разѣхались, отложя все сіе на дѣлій мѣсяць. Послѣ того на срокъ, собою положенный, вторично съѣхавшись, приступили къ сочиненію наказа, оставя прямую общественную пользу, коснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отагощеній, разсуждать о такихъ обстоятельствахъ, которыя во всемъ противны точной силѣ и разуму помянутаго манифеста. Тогда нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и выбранный депутатъ Селецкий въ томъ имъ противорѣчили: но они, озлобясь на сихъ, отважились нарушить подѣ присягою сдѣланную довѣренность первому депутату Селецкому и, пользуясь простотою предводителя полковника Тарнавіота, заставили его въ противность обряда выбрать другаго депутата, подкоморія Григорія Долинскаго». Такъ какъ увѣщанія генераль-губернатора не произвели должнаго дѣйствія, то онъ и просилъ виновныхъ въ описанныхъ беспорядкахъ подвергнуть суду. Въ чемъ состояли разсужденія нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства изъ сенатскаго указа не видно, но сенатъ предалъ виновныхъ суду не за противозаконныя разсужденія, а только за ослашаніе генераль-губернатора. Профессоръ Соловьевъ въ вышеприведенной статьѣ говоритъ, что они просили: «повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи запорожской избрать гетмана ¹⁾».

Впрочемъ, это единственный случай вмѣшательства администраціи въ дѣло составленія наказовъ, который намъ встрѣтился. Составители наказовъ исключительно стояли на почвѣ дѣйствующаго права и были озабочены лишь его утвержденіемъ и охраненіемъ. Они такъ мало проникнуты духомъ опаснаго новаторства, что администраціи, при всемъ ея усердіи, и повода не представлялось ударить въ набатъ и всполошить мирныхъ жителей.

¹⁾ Изъ переписки государини съ Румянцовымъ видно, какъ смотрѣла она на разсужденія депутатовъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя, по словамъ Румянцева, «во всемъ противны точной силѣ и разуму» ея манифеста: «Хотя бы тотъ, или другой указъ, писала она, недѣльныя просьбы, какъ Стародубскій, въ наказъ свой и внесъ, то надѣяться можно, что самимъ депутатамъ ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ комиссіи стидно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многочисленнымъ собраніемъ въ посѣданіе несомнѣнно обращены будутъ, тѣмъ вышше, когда волею одного, вадоромъ выполненнаго наказа, прочтуть другой увѣранный...» («Рус. Вѣст.» 1861 г. I. 85, ст. С. М. Соловьева). Высочайшій политическій совѣтъ императрицы, понятно, несомнѣнно съ пулкимъ настроеніемъ ея генераль-губернатора.

IV.

Порядокъ занятій.

Порядокъ, которому должна была слѣдовать коммиссія въ своихъ занятіяхъ, составляетъ существенѣйшую сторону дѣла. На коммиссію была возложена столь обширная и сложная работа, что ей надо было очень и очень подумать о томъ, какъ устроить и довести до конца свое безпримѣрно-трудное дѣло.

Императрица Екатерина понимала всю важность этого вопроса, но, какъ и въ дѣлѣ основныхъ началъ законодательства, она не находила возможнымъ предоставить самой коммиссіи выработать порядокъ своихъ занятій, а опредѣлила его сама. Съ этою цѣлью она написала извѣстный обрядъ управленія коммиссіей ¹⁾. Не исчерпывая всего содержания этого обряда, мы ограничимся разборомъ тѣхъ его положеній, которыя имѣютъ наибольшее значеніе.

Первое засѣданіе коммиссіи имѣло состояться подъ предсѣда-

¹⁾ Сенаторъ Вибиковъ, въ жизнеописаніи своего отца, говоритъ, что обрядъ управленія коммиссіей и наказъ генераль-прокурору и маршалу сочинены его отцомъ, стр. 85, прим. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, на чемъ основано это утвержденіе. Въ библиотекѣ императорской академіи наукъ, среди бумагъ императрицы, находился черновой списокъ генераль-прокурорскаго наказа, писанный рукою государини. Первые три пункта его написаны по-русски, съ нѣкоторыми отступленіями отъ напечатаннаго въ П. С. Зак.; слѣдующіе, по 11-й, по-французски и составляютъ извлеченіе изъ французскаго оригинала; затѣмъ 12-й (въ напечатанномъ это будетъ начало 13-го) и 13-й снова по-русски. Нѣсколько послѣднихъ строкъ 13-го пункта не дописаны. Эта рукопись показываетъ, что императрица сама трудилась надъ составленіемъ наказа генераль-прокурору, заимствуя понятія о правѣ народномъ, естественномъ и пр. изъ сочиненія на французскомъ языкѣ. Что касается обряда управленія коммиссіей, то также сохранились черновые его наброски, писанные рукою государини (Сб. Р. Ист. Общ., X, 280). Этотъ памятникъ подвергся также многократнымъ передѣлкамъ, какъ и наказъ. Есть списокъ его, писанный рукою Кариджаго, съ собственноручными поправками Екатерины. Онъ состоитъ всего изъ 27 статей (тамъ же, 222); напечатанный же въ П. С. З. имѣетъ 31 ст. Такимъ образомъ, оба эти акта первоначально писаны рукою государини и потому постоянно передѣлывались ею, какъ и наказъ коммиссіи, до самаго печатанія. Руки Вибикова не замѣтно ни въ этихъ, ни въ другихъ предварительныхъ работахъ Екатерины. Въ составленіи плана выборовъ онъ не былъ приглашенъ участвовать. Сочиненіе начертанія для прибрѣденія работы коммиссіи къ окончанію поручено было не ему, а Андрею Петровичу Шувалову. Надъ трудомъ Шувалова рукою императрицы написано: „Подать и сочиненъ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ по нашему повелѣнію, за что ему весьма благодарю“. Трудно думать, чтобы императрица переписывала сама и исправляла сочиненія Вибикова, нигдѣ не упомянувъ объ этомъ. Судя по дѣятельности Вибикова въ коммиссіи, должно сомнѣваться, что „обрядъ“ написанъ имъ.

тельствомъ генераль-прокурора, который долженъ былъ пригласить депутатовъ избрать себѣ предводителя, или маршала, т.-е. предсѣдателя комиссіи. Этому маршалу обрядъ предоставляетъ право руководить всѣми дальнѣйшими дѣйствіями комиссіи: онъ назначаетъ часъ и мѣсто засѣданій, вноситъ въ комиссію предметы для обсужденія, управляетъ преніями и ставитъ вопросы для рѣшенія, собираетъ голоса, въ случаѣ раздѣленія ихъ даетъ членамъ время для соглашенія, въ случаѣ же раздѣленія поровну, долженъ стараться согласить ихъ и снова собрать голоса. Только исходящія отъ маршала предложенія подлежатъ обсужденію собранія. Никто изъ членовъ не имѣетъ права поставить какой-либо вопросъ и довести его до обсужденія собранія. Итакъ, маршалъ является живой и мертвой водой комиссіи: живой, если онъ сумѣетъ справиться съ своей задачей, мертвой—если нѣтъ.

Главнымъ сотрудникомъ маршала по исполненію его трудныхъ обязанностей былъ генераль-прокуроръ, правительственное лицо, съ которымъ маршалъ долженъ былъ предварительно совѣщаться о дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Генераль-прокуроръ присутствовалъ въ комиссіи съ правомъ голоса. Въ случаѣ же равнаго раздѣленія голосовъ, онъ имѣлъ два голоса; такое же право было предоставлено и маршалу.

Для предварительныхъ работъ комиссіи должна была, по предложенію маршала, выбрать изъ своей среды нѣсколько частныхъ комиссій. Дѣй такія комиссіи были предписаны самымъ обрядомъ управленія. Первая и главнѣйшая изъ всѣхъ есть дирекціонная. Она должна была выработать планъ учрежденія всѣхъ остальныхъ частныхъ комиссій и дѣлать представленія маршалу объ избраніи въ нихъ членовъ. Она наблюдала за дѣятельностью этихъ комиссій, давала имъ наставленія, провѣряла ихъ работы съ большимъ навазомъ и исправляла ихъ, если находила отступленія отъ его правилъ. Маршалъ и генераль-прокуроръ были членами дирекціонной комиссіи, а послѣдній начальникомъ ея канцеляріи. Такимъ образомъ въ маршалѣ, генераль-прокурорѣ и дирекціонной комиссіи сосредоточивалась и ими исчерпывалась вся организующая и направляющая дѣятельность комиссіи.

Не довѣряя комиссіи ни опредѣленія основныхъ началъ законодательства, ни выработки порядка ея занятій, Екатерина-Великая не находила возможнымъ предоставить въ полную ея волю и выборы маршала и членовъ частныхъ комиссій. Утвержденіе въ должности маршала и членовъ дирекціонной комиссіи она предоставила себѣ самой; представленіе же кандидатовъ въ маршалы и члены всѣхъ частныхъ комиссій было двойное: отъ ком-

мисіи и генераль-прокурора. Хотя кандидаты генераль-прокурора также подлежали баллотировкѣ въ комиссіи, но обрядъ не предвидитъ случая ихъ забаллотирования. Благодаря этому, вся направляющая дѣятельность могла оказаться въ рукахъ лицъ, назначенныхъ, собственно, самою императрицею, что дѣйствительно и случилось.

Все вниманіе императрицы было поглощено дѣятельностью комиссіи, которая по справедливости можетъ быть названа любимымъ дѣтищемъ первыхъ годовъ ея царствованія ¹⁾. Она старалась держать въ своихъ рукахъ всѣ ея нити и зорко слѣдила за всѣми выборами, но вовсе не изъ опасенія, что будутъ избраны къ болѣе дѣятельному участию въ законодательствѣ разрушительные элементы.

26 апрѣля 1765 года императрица писала Бибикову: «Александръ Ильичъ, получила я вчерашній день отъ васъ черезъ князя Щербатова списокъ кандидатовъ по балламъ для военной комиссіи. Необходимо нужно, чтобы одинъ изъ гражданскихъ депутатовъ котораго-нибудь порта нашего въ сію комиссію вошелъ, а еще лучше или архангелогородскій, или кронштадтскій, если они еще не умѣщены. Итакъ, отдавъ на вашъ выборъ, кого выберете, остаюсь къ вамъ доброжелательная». Въ этомъ письмѣ Елизаветина выражаетъ заботу о томъ, чтобы въ военной комиссіи, которая должна была обсуждать и положеніе портовыхъ городовъ, но съ военной точки зрѣнія, не были упущены изъ вниманія интересы торгующихъ людей, а потому и требуетъ, чтобы въ нее былъ избранъ гражданскій депутатъ какаго-либо порта. Маршалъ и генераль-прокуроръ предложили Ивана Рыбникова, депутата отъ города Кронштадта, который и былъ избранъ.

Еще болѣе высокой политической смыслъ предпринимала императрица одну статью черноваго обряда управления комиссіей, въ которой она говоритъ: «Стараться депутатамъ внушать, чтобы они и лифляндцевъ и эстляндцевъ посадили въ разныя частныя комиссіи» (Сб. Р. Ист. Общ., X, 233). Эта статья не перешла въ обнародованный обрядъ, но, конечно, воля императрицы была сообщена и не одному маршалу съ генераль-прокуроромъ. Въ частныя комиссіи, по предложенію этихъ лицъ, было выбрано десять депутатовъ отъ остзейскихъ провинцій, принимавшихъ не-

¹⁾ 18-го августа 1767 года Генрихъ Ширлей писалъ въ Англию: „Въ настоящую минуту собраніе депутатовъ сдѣвалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и, повидимому, исключаетъ изъ ея кабинета всѣ прочія дѣла“.

рѣдко очень дѣятельное участіе въ работахъ этихъ комиссій. Такъ достигала императрица сліянія разнородныхъ частей своей имперіи въ одно цѣлое.

Но вотъ какъ иногда приводились въ дѣйствіе ея мудрыя предначертанія неумѣльными руками исполнителей ея воли. Въ числѣ избранныхъ въ частныя комиссіи депутатовъ отъ остзейскихъ провинцій былъ и генераль-фельдцейхмейстеръ Александръ Вильбоа, представитель отъ дворянства эстняцкаго дистрикта. Избранный членомъ юстицкой комиссіи, онъ несиѣшилъ отказаться отъ этой чести на томъ основаніи, что правамъ никогда не обучался, а потому и полезнымъ себя для этой комиссіи не признаетъ. Маршалъ и генераль-прокуроръ не нашли нужнымъ даже ознакомиться съ специальностями тѣхъ лицъ, которыхъ они проводили въ частныя комиссіи, а можетъ быть, по ихъ мнѣнію, знаніе правъ и не нужно было для членовъ юстицкой комиссіи. Самъ Бибиковъ правамъ не обучался, а былъ же предсѣдателемъ законодательной комиссіи. Къ сожалѣнію, не всѣ такъ добросовѣстно относились къ своему дѣлу, какъ Вильбоа.

Засѣданія комиссіи распадались, такимъ образомъ, на засѣданія большой комиссіи и засѣданія частныхъ, члены которыхъ могли вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе и въ преніяхъ большой.

Въ какомъ отношеніи стояли частныя комиссіи къ большой? По обряду управленія, большая комиссія не составляла проектовъ законовъ, — это было дѣло частныхъ, каждой по ея специальности. Большая же рассматривала проекты, которые вносились въ нее изъ частныхъ и исправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ слѣдующемъ: частныя комиссіи, выработывая проекты отдѣльныхъ законоположеній, дѣйствовали по указаніямъ большой, или независимо отъ этихъ указаній? Обрядъ управленія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и «да» и «нѣтъ».

Частныя комиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ, должны были руководствоваться большимъ наказомъ, депутатскими наказами и дѣйствующими законами.

Но большой наказъ, какъ мы знаемъ, далеко не заключалъ въ себѣ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ вопросамъ и нерѣдко ограничивался приведеніемъ однихъ примѣровъ. Въ этихъ случаяхъ, обрядъ управленія предписываетъ большой комиссіи подавать свое мнѣніе «которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдовать», и этому мнѣнію дирекціонная комиссія, а слѣдовательно, и всѣ частныя должны были слѣдовать.

Въ данномъ случаѣ, большая комиссія даетъ направленіе работамъ частныхъ, которому для нихъ обязательно подчиниться.

Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ обрядъ управленія съ мнѣніями большой комиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и дѣйствующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ комиссіямъ не въ наказъ, а только для соображенія. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ комиссій. Конечно, частная комиссія, въ виду того, что составленный ею проектъ поступитъ на утвержденіе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ, по правилу, мнѣнія большой комиссіи не связываютъ частныхъ, — эти послѣднія имѣютъ право разсчитывать, что большая комиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба большой комиссіи съ частными возведена здѣсь въ общее правило.

Мы затрудняемся объяснить, что заставило императрицу придти къ такимъ совершенно разнымъ выводамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что нельзя было придумать правила болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности комиссіи, какъ это послѣднее. Если даже «согласныя» (вѣроятно, единогласныя) мнѣнія большой комиссіи не обязательны для 5-ти членовъ частной, то зачѣмъ же терять ей трудъ и время для выработки какихъ-либо общихъ положеній, никого не связывающихъ.

Мнѣніями пяти членовъ частной комиссіи, конечно, легче было управлять, чѣмъ мнѣніями 500 большой, но тогда не было вовсе надобности и собирать эту большую комиссію. Не думаемъ, однако, чтобы желаніе заправлять всѣмъ законодательствомъ продиктовало императрицѣ это правило. Она предоставила же комиссіи право рѣшать вопросы о началахъ законодательства, когда они не указаны точно въ наказѣ. Это право нисколько не меньше того, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Кроме того, проектъ частной комиссіи подлежалъ же обсужденію большой и могъ быть ею измѣненъ.

Думаемъ, что объясненіе этой печальной непослѣдовательности надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицы и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ съ сложными вопросами законодательства. Дѣло, за которое ваялась императрица съ такимъ полнымъ довѣріемъ къ своимъ личнымъ силамъ, было слишкомъ трудное и для нея совершенно новое. Недосмотръ и ошибки при такихъ условіяхъ весьма обыкновенны.

Предварительныя работы частныхъ комиссій не были, слѣдовательно, приведены въ должную зависимость и связь съ работами большой комиссіи. Ошибка—чрезвычайной важности, лишившая занятія комиссіи всякаго единства и послѣдовательности.

Дѣла въ комиссіи рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ, которое принималось за мнѣніе всего собранія.

Мы ограничимся разобранными правилами обряда и перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ шли на дѣлѣ занятія комиссіи и въ какой мѣрѣ были поняты и выполнены предписанныя ей правила?

Первое дѣло, за которое должна была приняться комиссія, былъ выборъ маршала. Это первое дѣло было вмѣстѣ съ тѣмъ и самое трудное. Большинство членовъ комиссіи не знало другъ друга; они сошлись вмѣстѣ въ первый разъ. Дѣло, для котораго они собрались, было также совершенно новое. Предшествовавшая жизнь Россіи не могла имъ дать никакихъ указаній относительно того, кто же изъ собравшихся депутатовъ способенъ быть руководителемъ въ трудѣ такой важности, какъ занятія законодательной комиссіи. Трудна роль всякаго предсѣдателя; трудности же роли маршала были чрезвычайны: онъ не только долженъ былъ руководить преніями, но и самые предметы обсужденія, порядкомъ, въ которомъ они должны были слѣдовать одни за другими, и, наконецъ, постановка вопросовъ для рѣшенія,—все это исходило отъ него. Для такой роли мало было избрать просто способнаго человѣка,—маршалъ долженъ былъ обладать обширными и притомъ специальными познаніями и не только по всѣмъ отраслямъ дѣйствовавшаго тогда въ Россіи права, но и права иностранныхъ государствъ, такъ какъ наказъ, слѣдуя методѣ Монтескьё, постоянно ссылается на иностранныя законодательства. Разобраться въ этомъ громадномъ матеріалѣ—дѣло не легкое. Только послѣдующія пренія могли выдвинуть людей болѣе или менѣе способныхъ занять мѣсто маршала. Въ первыя же засѣданія депутаты, естественно, блуждали въ совершенной темнотѣ.

Выборъ комиссіи палъ на двухъ братьевъ графовъ Орловыхъ, Ивана и Григорія. При данныхъ условіяхъ другого выбора и нельзя было сдѣлать. Все предпріятіе законодательной комиссіи исходило отъ самой императрицы: ею было оно задумано въ типичнѣ кабинетѣ, ею и приведено въ исполненіе. Избирая приближеннѣйшихъ къ ней лицъ, комиссія хотѣла дать ей полную возможность направлять и дальнѣйшую дѣятельность комиссіи согласно своимъ благимъ предначертаніямъ, въ искренно-

сти которыхъ депутаты не могли сомнѣваться. Мы видимъ въ этомъ избраніи побѣдоносный выходъ изъ перваго затрудненія, съ которымъ встрѣтилась коммиссія. Но Григорій Орловъ отказался, ссылаясь на множество возложенныхъ на него дѣлъ; тогда коммиссія избрала на его мѣсто графа Захара Чернышева, также пользовавшагося довѣріемъ государыни. Генераль-прокуроръ предложилъ съ своей стороны въ кандидаты А. И. Бибикова. На это предложеніе коммиссія изъявила полное свое согласіе. Это единодушное одобреніе правительственнаго кандидата, который на предшествовавшей баллотировкѣ, какъ кандидатъ коммиссіи, не получилъ и простого большинства голосовъ (за него подали голосъ 165 депутатовъ, а противъ 262) также свидѣтельствуешь о большомъ тактѣ членовъ коммиссіи. Изъ трехъ представленныхъ императрицѣ кандидатовъ она утвердила Бибикова, такъ какъ графъ Иванъ Орловъ просилъ объ освобожденіи его отъ этой чести, а графа Чернышева императрица сама нашла слишкомъ обремененнымъ другими дѣлами. Съ ея точки зрѣнія, выборъ, конечно, былъ самый удачный, ибо кандидатъ генераль-прокурора былъ, безъ сомнѣнія, ея кандидатъ. Послѣдствія покажутъ, насколько этотъ выборъ оправдалъ высое довѣріе государыни; а теперь мы бросимъ взглядъ на предшествовавшую жизнь Бибикова, слѣдуя біографіи, составленной его сыномъ, чтобы разъяснить, въ какой мѣрѣ она могла подготовить его къ той высшей роли, которая теперь выпала на его долю.

Александръ Ильичъ Бибиловъ родился въ маѣ 1729 года и происходилъ отъ древней фамиліи крымскихъ князей, многія отрасли которой еще въ началѣ текущаго столѣтія жили въ Крыму. Одинъ изъ его предковъ въ XVI столѣтіи, при царѣ Иванѣ, былъ воеводой и успѣшно начальствовалъ 30 ти-тысячною арміею въ войнѣ со шведами. Отецъ Александра Ильича былъ инженеръ-генераль-поручикъ и состоялъ въ дружественныхъ связяхъ съ генераль-фельдцейхмейстеромъ принцемъ гессенъ-гомбургскимъ и со многими другими высокопоставленными фамиліями своего времени. Такимъ образомъ, по рожденію и связямъ А. И. Бибиловъ уже отъ колыбели предназначался къ видной роли въ своемъ отечествѣ. Воспитаніе получилъ онъ домашнее, сперва въ домѣ отца, а потомъ въ женскомъ московскомъ зачатіевскомъ монастырѣ, гдѣ была пострижена его бабка и тетка, на попеченіе которыхъ онъ поступилъ по смерти матери. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Бибиловъ былъ записанъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ, но продолжалъ оставаться у своихъ родственницъ до дальнѣйшаго повышенія въ чинахъ. Въ 1746 году онъ былъ произведе-

день въ инженеръ-прапорщикъ и прямо изъ монастыря перешелъ на службу въ Петербургъ. Съ этого года открылась молодому человѣку петербургская жизнь съ обыкновенными для людей его возраста и состоянія удовольствіями. Нѣкоторыя увлеченія этой жизни не совсѣмъ нравились отцу Александра Ильича, и онъ просилъ о переводѣ сына въ болѣе патриархальную Москву, который и состоялся въ 1749 году. Вскорѣ за тѣмъ молодой Бибиковъ, также по ходатайству отца, былъ назначенъ къ строенію кронштадтскаго канала, а въ томъ же 1749 году переведенъ съ чиномъ подпоручика въ артиллерію. Въ 1751 году онъ «за усердіе въ службѣ и знаніе наукъ» былъ пожалованъ поручикомъ артиллеріи и аудиторомъ, а вскорѣ потомъ женился по выбору отца на единственной дочери его друга, князя Ковловскаго. Съ возрастомъ служебная карьера Бибикова развивается все болѣе и болѣе. Продолжая пользоваться лестнымъ довѣріемъ начальства, онъ назначается къ разнымъ особымъ порученіямъ, удачное исполненіе которыхъ доставляетъ ему въ 1756 году чинъ подполковника. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ Семилѣтняя война дала ему новый случай отличиться и обратить на себя вниманіе начальства какъ удачными распоряженіями, такъ и подвигами личной храбрости. Въ началѣ 1762 года императоръ Петръ III возвелъ его въ чинъ генераль-маіора, а императрица Екатерина, въ день своей коронаціи, наградила его орденомъ св. Анны. Лично извѣстный государинѣ, генераль Бибиковъ назначался ею къ исполненію нѣкоторыхъ важныхъ и деликатныхъ порученій, какъ, напримѣръ, поѣздка въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство низложеннаго императора Ивана Антоновича, усмиреніе горнозаводскихъ крестьянъ и объѣздъ нашей пограничной линіи съ Польшей, съ цѣлью опредѣленія ея удобствъ съ военной и политической точки зрѣнія. Последнее порученіе было возложено на Бибикова вмѣстѣ съ генераль-поручикомъ Веймарномъ. Осмотръ границы былъ съ успѣхомъ оконченъ лѣтомъ 1766 года, а въ слѣдующемъ году, 38 лѣтъ отъ роду, онъ былъ утвержденъ императрицею маршаломъ законодательной комиссіи.

Заслуги Александра Ильича въ той области дѣятельности, которой онъ посвятилъ свою предшествовавшую жизнь, несомнѣны. Его благонамѣренность, честность, мужество, усердіе и исполнительность заслужили одобреніе всѣхъ его современниковъ. Но, пробѣгая повѣсть его жизни, съ такой любовью написанную его сыномъ, нельзя найти въ ней ни одной черты, которая указы-

вала бы хотя на нѣкоторую склонность его къ тому роду дѣятельности, для которой была созвана коммиссія. Для успѣха всякаго дѣла надо, чтобы исполнители не только знали его, но и любили. Александръ Ильичъ не только не имѣлъ необходимыхъ знаній, но и не любилъ новаго порученнаго ему дѣла и даже боялся его.

Состоя маршаломъ, онъ переписывался съ другомъ своимъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ при датскомъ дворѣ, М. М. Философовымъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками писемъ самого Бибикова, въ которыхъ онъ высказывался о своей дѣятельности въ роли маршала, но въ биографіи помѣщены нѣкоторые отрывки изъ отвѣтныхъ писемъ къ нему Философова. Изъ этихъ отвѣтовъ видно, что положеніе маршала представлялось Бибикову исполненнымъ всякихъ опасностей, онъ любилъ изображать себя человѣкомъ, брошеннымъ въ пучину, готовую ежеминутно поглотить его. Философовъ писалъ Бибикову: «Подлинно правду говоришь, что ты по своему дѣлу въ пучинахъ и пропастяхъ океана обращаешься».... Или въ другомъ письмѣ: «Истинно душа моя соболѣзновала, воображая окружающія тебя бездны»....

Вотъ въ какомъ настроеніи духа находился предсѣдатель екатерининской коммиссіи. Незнакомые съ дѣломъ могутъ подумать, что отвѣты Философова писаны предсѣдателю революціоннаго собранія, потрясавшаго основы государства. А между тѣмъ переписка велась съ нашимъ маршаломъ, долженствовавшимъ руководить представителями того народа, о которомъ Петръ-Великій сказалъ, что это есть «послушавѣйшій народъ» въ свѣтѣ, и депутаты котораго дѣйствительно воды не замутили. Храбрый военачальникъ и усмиритель горнозаводскихъ крестьянъ, заслужившій за успѣшное прекращеніе бунта ордена св. Александра Невскаго, оказался доступенъ чувству страха и проявилъ робость духа среди мирныхъ законодательныхъ работъ. Тутъ нужно было, конечно, иное мужество, въ которому и Семилѣтняя война не въ силахъ была приготовить.

Избранный довѣріемъ императрицы въ маршалы, Бибиковъ не послѣдовалъ примѣру графовъ Орловыхъ—не отказался. Онъ взглянулъ, конечно, на это избраніе какъ на одно изъ тѣхъ разнообразныхъ порученій по службѣ, къ исполненію которыхъ онъ не разъ привывался. Желая подвигаться далѣе по столь легкой для него служебной дорогѣ, онъ счелъ неудобнымъ отказываться. По всей вѣроятности и сама императрица не представляла себѣ

ясно того важнаго значенія, какое принадлежало роли маршала въ ходѣ занятій комиссіи ¹⁾.

Маршалъ избранъ, маршалскій жезлъ ему врученъ, комиссія можетъ приступить теперь къ своимъ занятіямъ.

Разбору комиссіи подлежалъ громаднѣй матеріалъ. Въ нее поступили: 28 наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, 163 отъ дворянъ, 401 отъ городовъ и 1066 отъ сельскаго населенія (въ этомъ числѣ и наказы отъ казаковъ и инновѣрцевъ), всего 1264 наказа. Кромѣ того, она должна была имѣть дѣло съ прежними законами, которые не были даже приведены въ извѣстность и собраны во-едино. По полному собранію законовъ число прежнихъ указовъ, съ соборнаго уложенія начиная и по день собранія комиссіи, превосходитъ 12,900 №№ и занимаетъ болѣе 17 объемистыхъ томовъ въ четвертку. Начала, на основаніи которыхъ надо было переработать весь этотъ матеріалъ, указаны въ наказѣ; но, какъ мы видѣли, тамъ указано далеко не все. Очень многое приходилось еще установить самой комиссіи.

Изъ бѣглаго ознакомленія съ матеріаломъ, съ которымъ должна была имѣть дѣло комиссія, ясно уже, что она не могла прямо приступить къ составленію новыхъ законовъ: ей надо было предварительно совершить цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Прежде всего надо было выработать самую систему законовъ, въ которую потомъ и можно было укладывать отдѣльныя законоположенія. Система уложенія, для своего времени представлявшая значительный шагъ впередъ передъ судебниками, далеко не удовлетворяла потребностямъ законодательства половины XVIII вѣка и нуждалась въ полной переработкѣ. Затѣмъ нужно было уяснить основныя начала законодательства, насколько они даны большимъ наказомъ, и установить ихъ вновь по тѣмъ вопросамъ, по отношенію къ которымъ наказъ даетъ одни примѣры, или вовсе ничего не даетъ. Наконецъ, привести въ извѣстность содержаніе депутатскихъ наказовъ и дѣйствующаго права. Всѣ эти подготовительныя работы слѣдовало поручить частнымъ комиссіямъ. Большое законодательное собраніе, въ 500 человекъ слишкомъ,

¹⁾ Насколько генераль-прокуроръ кн. Вяземскій, этотъ главный помощникъ маршала, могъ оказывать ему дѣйствительное содѣйствіе, можно судить по отзыву о немъ Ник. Из. Пайина, записанному Порошинимъ: „Ник. Из. Пайинъ изволилъ долго разговаривать со мною о нѣтънѣмъ генераль-прокурорѣ кн. Вяземскомъ и удивляться, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе“. Соловьевъ, Истор., XXVI, 263. Хотя Екатерина и умѣла находить достойныхъ людей, но выборы ея не всегда были одиозно удачны.

можетъ съ успѣхомъ обсуждать, какъ общія начала законодательства, такъ и его частныя положенія. Но неправильно будетъ возложить на него непосредственно самую выработку этихъ общихъ началъ и отдѣльныхъ правилъ. Эта предварительная работа съ гораздо большимъ успѣхомъ можетъ быть совершена небольшими специальными комиссіями. При такой постановкѣ вопроса о занятіяхъ комиссіи съ-разу бы выяснился характеръ и объемъ предстоящаго ей труда. вмѣстѣ съ этимъ выяснилось бы, что дѣло комиссіи не можетъ быть совершено скоро, за одинъ присѣсть; что большой комиссіи, по опредѣленіи плана занятій и выборѣ членовъ въ частныя, и дѣлать было нечего; до окончанія первыхъ предварительныхъ работъ она могла быть распущена по домамъ. Вопросъ о планѣ занятій должно было возбудить маршалу и, конечно, въ первомъ засѣданіи послѣ того, какъ комиссія организовалась и получила возможность дѣйствовать.

Посмотримъ теперь, какъ шли занятія комиссіи въ дѣйствительности. Выше мы видѣли, что порядокъ ея занятій былъ опредѣленъ императрицей въ обрядѣ управления. Тамъ указано на учрежденіе частныхъ комиссій, на необходимость выработать общія начала, если въ наказѣ они не выражены; указано на то, что въ большомъ собраніи будутъ читаться законы, въ поправленіи которыхъ наиболѣе чувствуется нужда, и депутатскіе указы, которые предварительно должны быть разобраны по матеріямъ. Все это вѣрно, но слишкомъ обще, и маршалу надо было очень подумать — и не одному, а вмѣстѣ съ комиссіей — о томъ, какъ же осуществить этотъ обрядъ на дѣлѣ.

Мы пройдемъ молчаніемъ первыя семь засѣданій комиссіи, въ которыхъ происходило чтеніе большого наказа и обряда управления и состоялось опредѣленіе о поднесеніи императрицѣ титула «великой, мудрой матери отечества», и приступимъ прямо къ тѣмъ засѣданіямъ, которыми открылись обыкновенныя ея занятія.

Въ 8-мъ засѣданіи, происходившемъ 20 августа, маршалъ, не ставя никакихъ общихъ вопросовъ о планѣ занятій, предложилъ большому собранію прямо приступить къ чтенію крестьянскихъ наказовъ. Это чтеніе началось съ наказа отъ черносошныхъ крестьянъ каргопольскаго уѣзда. По прочтеніи наказа депутаты стали дѣлать на него свои примѣчанія. Разсмотрѣніе этого наказа еще не было окончено въ 10-мъ засѣданіи, какъ маршалъ предложилъ читать наказъ отъ ясачныхъ крестьянъ казанскаго уѣзда. По прочтеніи сего наказа, онъ пригласилъ желающихъ дѣлать на него свои примѣчанія. Такъ дѣло шло 14 засѣданій,

въ продолженіи которыхъ было прочитано 12 наказовъ. На 12-мъ наказѣ маршалъ оборвалъ чтеніе наказовъ и предложилъ приступить къ чтенію законовъ о правахъ благородныхъ. Чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ также сопровождалось постоянными воззваніями маршала къ членамъ о томъ, чтобы они дѣлали на законы свои примѣчанія. Это длилось 10 засѣданій. Но, прежде, чѣмъ всѣ законы, касавшіеся правъ благородныхъ, были исчерпаны, маршалъ прервалъ ихъ чтеніе и предложилъ передать какъ всѣ прочитанные законы, такъ и сдѣланные на нихъ примѣчанія въ частную комиссію о родахъ государственныхъ жителей, а большое собраніе, по предложенію маршала, перешло къ новому чтенію законовъ о купечествѣ, поглотившемъ еще 36 засѣданій.

Таковы занятія комиссіи въ теченіи первыхъ 60 засѣданій. Она начала съ чтенія подлинныхъ наказовъ, ни мало не задумываясь надъ тѣмъ, надо ли еще ихъ читать и что изъ этого чтенія можетъ выйти. Очевидно, порученное маршалу дѣло казалось ему до такой степени легкимъ, что онъ ни минуты не остановился надъ тѣмъ, какъ же за него приняться. Въ обрядѣ управления сказано: «по усмотрѣнію маршала происходитъ чтеніе законовъ и наказовъ». И вотъ онъ, начавъ чтеніе съ наказовъ, велѣлъ потомъ читать законы.

Но слѣдовало ли наказы и законы читать цѣликомъ, какъ сдѣлалъ маршалъ? Въ обрядѣ сказано: «читать законы, въ управленіи которыхъ болѣе состоитъ нужды, по правиламъ большого наказа, и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ депутатскихъ представляется».... И далѣе: «читать наказы, разобравъ по матеріямъ, и сдѣлавъ выписку».... Эти правила предполагаютъ предварительную работу надъ указами и наказами, которая должна была предшествовать внесенію ихъ въ большое собраніе. Наказы надо было разобрать по матеріямъ, сличить съ дѣйствующими законами и правилами большого наказа, и результаты этого сличенія предложить большому собранію, причемъ можно было читать и подлинныя мѣста изъ наказовъ и указовъ.

Маршалъ потому только приступилъ къ чтенію наказовъ цѣликомъ, что ходъ занятій комиссіи не былъ достаточно выясненъ. Чтеніемъ наказовъ ровно ничего не достигалось, и маршалъ убѣдился въ этомъ собственнымъ горькимъ опытомъ. Крестьянскіе наказы, какъ и наказы другихъ сословій, часто весьма близки между собой и содержатъ много повтореній. Читая наказы цѣликомъ, пришлось по нѣскольбу разъ выслушивать не только однѣ и тѣ же нужды и недостатки крестьянъ разныхъ погостовъ

и деревень, но даже одѣ и тѣ же примѣчанія на нихъ членовъ собранія. Чтеніе 12 наказовъ достаточно убѣдило маршала, что такъ продолжать нельзя. Онъ прекратилъ чтеніе наказовъ и никогда болѣе къ нему не возвращался. Но и послѣ этого урока, онъ не пришелъ къ мысли о необходимости выработать планъ занятій, а предложилъ новое чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ.

Но что такое права благородныхъ? Это понятіе очень сложное. Одни права благородныхъ относятся къ области государственнаго права, напримѣръ: приобрѣтеніе и потеря дворянства, права по службѣ и пр. Другія—гражданскаго, какъ вотчинныя права, особый порядокъ дворянскаго наследованія и пр. Третьи—къ уголовному, такъ какъ въ московскомъ государствѣ дворяне и наказывались нѣсколько иначе, чѣмъ не-дворяне. Наконецъ, были особня дворянскія права и въ процессѣ. Законы о какихъ же правахъ благородныхъ хотѣлъ читать маршалъ? Этого онъ и самъ не зналъ. Законы читались безъ всякой системы и единственно въ порядкѣ времени. Въ первомъ засѣданіи начали съ процессуальныхъ статей уложенія, но прочли изъ нихъ только двѣ. За ними была прочтена статья уложенія о бракахъ крестьянскихъ дѣвокъ, или вдовъ, и три статьи, относящіяся къ завѣщательному праву. Послѣ этого снова двѣ процессуальныхъ статьи, а за ними одна о необходимой оборонѣ. Этимъ кончилось чтеніе статей уложенія о дворянствѣ. Болѣе къ уложенію уже не обращались, а приступили къ чтенію соборнаго дѣянія отъ 1682 года объ уничтоженіи мѣстничества. Эти немногіе примѣры могутъ дать понятіе о томъ, какъ читались законы въ комиссіи.

Чтеніе законовъ было такъ же безцѣльно, какъ и чтеніе наказовъ. При чтеніи маршалъ не ставилъ никакихъ вопросовъ, а только приглашалъ членовъ говорить свои примѣчанія. Говорили поэтому такъ же безъ всякаго порядка и общаго плана, какъ и читали. На нѣкоторые законы говорили очень много и по нѣскольку разъ одно и то же, на другіе, не менѣе важныя, ровно ничего. Иногда говорилось и такое, что вовсе не шло къ правамъ благородныхъ. Все это, тѣмъ не менѣе, терпѣливо выслушивалось, записывалось и было передано въ частную комиссію.

Можно спросить, съ какою цѣлью маршалъ предложилъ передать весь этотъ сырой матеріалъ въ частную комиссію?

Въ виду разобранныхъ выше статей обряда управленія, можно подумать, что происходившія въ большомъ собраніи пренія по поводу наказовъ и законовъ, при всей ихъ беспорядочности, предназначались, однако, для руководства частной комиссіи, куда

они и были, съ этою цѣлью, переданы. Обрядъ управленія, дѣйствительно, предписываетъ это. Но пренія въ комиссіи не достигли и этой скромной цѣли. По обряду, депутаты не должны были ограничиваться одними примѣчаніями; имъ надо было придти къ *положеніямъ*, которыя и слѣдовало передать въ частную комиссію хотя не въ наказъ, но для соображенія. Маршалу, поэтому, надо было не выслушивать только примѣчанія, а вывести изъ нихъ вопросъ и поставить его собранію для рѣшенія. А. И. Бибиковъ во всѣ 60 засѣданій не поставилъ ни одного вопроса по существу дѣла, и не произвелъ ни одного голосованія. Такимъ образомъ, частная комиссія о родахъ жителей получила изъ большого собранія не опредѣленія его, а рядъ мнѣній отдельныхъ членовъ, къ которымъ, иногда, присоединялись нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Въ чемъ мнѣніе большой комиссіи— этого частная не могла знать: она имѣла подъ руками только ворохъ частныхъ замѣчаній и была лишена всякаго руководства со стороны большинства комиссіи.

Выше мы указали, что отношенія частныхъ комиссій къ большой и самою императрицею были поставлены не совсѣмъ правильно. Недосмотры «обряда» не только не были исправлены практикой, но то, что происходило въ дѣйствительности, было вѣдъ всякаго сравненія ниже предписанныхъ императрицею правилъ. Засѣданія большого собранія были превращены въ совершенно безцѣльную читальню и говорильню.

Оставимъ на время большую комиссію и перейдемъ въ дирекціонную, которая должна была представлять маршалу о необходимости учрежденія частныхъ и наблюдать за ихъ дѣятельностью. Посмотримъ, какъ составлена эта направляющая комиссія и какъ исполнила она свою важную задачу.

Значеніе этой комиссіи не укрылось отъ вниманія депутатовъ. Когда въ первоначальный списокъ кандидатовъ въ члены этой комиссіи не попалъ ни одинъ изъ представителей городовъ, они обратились къ собранію съ просьбой представить на утвержденіе императрицы не двухъ кандидатовъ на каждое мѣсто (всѣхъ мѣстъ 5), какъ было рѣшено прежде, а трехъ. Собраніе согласилось, и въ число новыхъ пяти кандидатовъ были избраны четыре представителя отъ городовъ. Императрица утвердила только людей, принадлежавшихъ къ знати: митрополита Дмитрія, вице-президента военной коллегии, генералъ-аншефа, графа Захара Чернышева, сенатора, генералъ-инженера Николая Муравьева (кандидатъ маршала и генералъ-прокурора), сенатора, тайнаго совѣтника Дмитрія Волнова и графа Ивана Орлова. Ди-

рекціонная комиссія, такимъ образомъ, была составлена исключительно изъ правительственныхъ лицъ.

Первыя три засѣданія комиссіи, согласно предписанному порядку, были посвящены чтенію большого наказа, которое ни къ чему не привело, кромѣ занесенія въ протоколъ чувствъ общаго удивленія членовъ къ мудрости императрицы. Въ черновомъ протоколѣ засѣданія, происходившаго 20 августа, между прочимъ читаемъ: «а гдѣ написано было, что дѣтей обучать грамотѣ для знанія законовъ божескихъ и гражданскихъ, всѣ господа присутствующіе оказывали великое удовольствіе, что сіе полезное дѣло предписано». Въ чистомъ протоколѣ, членами подписанномъ, этой подробности нѣтъ. Тамъ кратко сказано: «читали большой наказъ, при чемъ были разныя разсужденія». Когда пришлось подписывать протоколъ, члены комиссіи вѣроятно нашли, что удовольствіе ихъ не есть же какое-нибудь дѣло, которое они обязаны были совершить въ засѣданіи, а потому и нашли нужнымъ скрыть его. Тамъ отнеслись члены дирекціонной комиссіи къ чтенію наказа, тогда какъ по обряду они должны были разработать его и представить въ большое собраніе свое мнѣніе о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наказъ не давалъ точнаго правила, или ограничивался однимъ примѣромъ.

Въ 4-мъ засѣданіи князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, внесъ слѣдующее предложеніе: «такъ какъ государство російское, въ разсужденіи правъ, раздѣляется на три части: Велико-россію, Малороссію и Лифляндію, и каждая управляется своими законами, то оныя не будутъ ли нужны?» Комиссія нашла, что будутъ нужны.

Въ 5-мъ засѣданіи возбужденъ былъ, наконецъ, вопросъ объ учрежденіи частныхъ комиссій, и въ одномъ изъ слѣдующихъ, послѣ нѣкоторыхъ преній, принято предложеніе сенатора Волкова объ учрежденіи 3-хъ частныхъ комиссій: вотчинной, юстицкой и о родахъ государственныхъ жителей, которыя и были учреждены въ теченіи сентября и октября. Тогда же постановлено: вмѣсто наставленія дать частнымъ комиссіямъ эстрактъ изъ протокола отъ 5 сентября. Въ 12-мъ засѣданіи, по разрѣшеніи вопроса о частныхъ комиссіяхъ, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что же теперь дѣлать? рѣшено снова читать большой наказъ; а вслѣдъ затѣмъ приступили къ чтенію наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ, тѣмъ занимались еще и въ 20-мъ засѣданіи (Арх. Дневн. зап. дирекц. ком.).

Такова дѣятельность дирекціонной комиссіи въ первыя 20 засѣданій. Для оцѣнки ея, остановимся прежде на эстрактѣ изъ

протокола отъ 5-го сентября, который она обратила въ наставленіе для частныхъ комиссій. Комиссія о родахъ жителей была учреждена 6-го сентября; 8-го она получила уже это наставленіе отъ дирекціонной. Въ наставленіи ей предписывалось теперь же приступить къ составленію плана законодательства о состояніяхъ, а по утвержденіи его дирекціонной, и самаго проекта правъ разныхъ сословій¹⁾. Частная комиссія, слѣдовательно, должна была работать надъ подробностями проекта сословныхъ правъ, прежде чѣмъ были выяснены какія-либо общія начала этой вѣтви законодательства. Большое собраніе занималось въ это время чтеніемъ крестьянскихъ наказовъ и еще не приступало къ правамъ благородныхъ. Дирекціонная комиссія ни сама не даетъ никакихъ руководящихъ началъ частной, ни считаетъ нужнымъ ожидать, когда ихъ выработаетъ большое собраніе. Частная комиссія должна работать совершенно самостоятельно и прямо надъ проектомъ. О связи работъ частной комиссіи съ работами большого собранія и рѣчи нѣтъ.

Засѣданія только-что учрежденной частной комиссіи о родахъ государственныхъ жителей происходили одновременно съ засѣданіями большой, а потому члены ея даже не могли всегда присутствовать при преніяхъ большой²⁾. Слѣдствіемъ этого было то, что членамъ частной комиссіи приходилось повторять все, что было уже сдѣлано въ большой. Въ большой комиссіи читаются законы о дворянахъ, и въ частной читаются законы о дворянахъ. Въ большой комиссіи, по поводу этого чтенія, отдѣльные депутаты прочитываютъ свои мнѣнія, или, какъ тогда говорили, голоса, и въ частной комиссіи читаются тѣ же голоса. Такимъ образомъ, засѣданія большой комиссіи и частной съ самаго начала идутъ независимо другъ отъ друга и безъ малѣйшей внутренней связи, ибо пересылка изъ большой комиссіи въ частную наказовъ, законовъ и голосовъ, которымъ частная, если бы даже и хотѣла, не могла слѣдовать, такъ какъ за отсутствіемъ голосованія не могла знать, въ чемъ состоитъ мнѣніе большого собранія,—не есть же еще связь. Такъ сложилось подѣ

¹⁾ Для примѣра, каковъ долженъ быть планъ, комиссія говоритъ: „Должность ея (частной ком.) разобрать и раздѣлить виды государственныхъ жителей, а именно: о дворянствѣ. Что есть дворянство? какія оного степени? кто дворянинъ? какія его права? О среднякъ родѣ или мѣщанствѣ. Что есть мѣщанство? какіе оного роды или степени? какія его права?“ и т. д. (Арх. Дневн. зан. дирек. ком.).

²⁾ Засѣданія большого собранія происходили по утрамъ разъ пять въ недѣлю; въ то же время для, но только четыре раза въ недѣлю, собирались и члены комиссіи о родахъ жителей.

руководствомъ дирекціонной комиссіи отношеніе частныхъ комиссій къ большому собранію.

Обрядъ управленія возлагаетъ на дирекціонную комиссію разработку вопроса о частныхъ комиссіяхъ. Вопросъ о частныхъ комиссіяхъ, на которыя естественно было возложить всю массу предварительныхъ работъ по собиранію матеріаловъ (изъ наказовъ и указовъ), выработкѣ основныхъ началъ, а послѣ утвержденія ихъ большимъ собраніемъ, и по составленію самыхъ проектовъ по отдѣльнымъ отраслямъ права, есть собственно вопросъ объ общемъ планѣ законодательныхъ работъ. Дирекціонная комиссія порѣшила съ нимъ очень скоро: она предложила устроить три комиссіи и тѣмъ повончила, обратившись снова къ чтенію большого наказа, а потомъ наказовъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Императрица Екатерина, зоркимъ окомъ слѣдившая за первыми шагами своего любимаго дѣтища, не совсѣмъ-то счастливо развивавшагося, хотя она и не спускала его съ своихъ рукъ, не могла не замѣтить этой бездѣятельности дирекціонной комиссіи, и принялась сама за составленіе общаго плана законодательныхъ работъ. Этотъ планъ появился въ свѣтъ 8 апрѣля 1768 года подъ именемъ «Начертанія о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія» ¹⁾. Здѣсь мы находимъ цѣлую систему законодательства, которое Екатерина раздѣляла на двѣ части: на право общее и особенное. Каждое изъ этихъ правъ, въ свою очередь, подраздѣлялось по предметамъ. Соответственно этому дѣленію должны быть учреждены и частныя комиссіи, которыхъ для общаго права Екатерина назначила 11, а для особеннаго 4. Все это обязана была сдѣлать, конечно, сама дирекціонная комиссія. Но только по полученіи этого наставленія число частныхъ комиссій было доведено до 19, и большинство ихъ, слѣдовательно, было учреждено уже по прошествіи 7 мѣсяцевъ со дня открытія засѣданій собранія.

Ясно, что среди членовъ комиссіи, приближенныхъ къ императрицѣ, на которыхъ она считала себя въ правѣ наиболѣе разсчитывать, не было людей способныхъ быть исполнителями либе-

¹⁾ Мы выше имѣли уже случай указать, что составленіе этого начертанія было поручено графу А. П. Шувалову. Представленный имъ императрицѣ трудъ носить заглавіе: „Опытъ плана всему, о чемъ въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія господамъ депутатамъ трудиться должно“. Этотъ „опытъ“ весь переиелъ въ „начертаніе“, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Онъ хранится съ бумагами императрицы въ залѣ общаго собранія петербургскихъ департаментовъ сената. Шуваловъ не былъ депутатомъ. Императрица поручила ему наблюденіе за веденіемъ дневныхъ записокъ.

ральных предначертаний начала ее царствования. Состояние нашей образованности и литературы того времени достаточно объясняет этот печальный факт. Ни маршалъ, ни генераль-прокуроръ, ни члены дирекціонной комиссіи не могли дать должнаго хода законодательнымъ работамъ комиссіи, и депутаты трудились ежедневно безъ всякаго направленія и порядка. Руководящіе люди рѣшительно не знали, что надо было дѣлать, а между тѣмъ по обряду управленія они одни должны были давать направленіе всему дѣлу, и помимо ихъ никто не имѣлъ ни права, ни возможности спасти благое начинаніе Екатерины отъ полнаго крушенія.

Перейдемъ снова въ засѣданія большого собранія. По прочтеніи нѣкоторыхъ законовъ о правахъ благородныхъ, маршалъ приступилъ къ такому же беспорядочному чтенію законовъ о купечествѣ, потомъ предложилъ чтеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, чѣмъ комиссіа занималась въ теченіи 11 засѣданій. За остзейскими привилегіями послѣдовали законы о юстиціи, въ объемѣ столь же смутномъ и неопредѣленномъ, какъ и чтеніе законовъ о правахъ дворянства и купечества. Всѣ эти чтенія происходили въ томъ же порядкѣ, какъ и чтеніе наказовъ и законовъ о правахъ благородныхъ, т.-е. прочитывали какой-либо законъ, маршалъ вызывалъ желающихъ дѣлать свои примѣчанія, желающіе охотно дѣлали ихъ; но изъ этихъ примѣчаній ровно ничего не выходило, такъ какъ не было поставлено и рѣшено голосованіемъ ни одного вопроса. Затѣмъ, весь этотъ матеріалъ, не имѣющій ровно никакого значенія, передавался въ частныя комиссіи.

10 іюля 1768 года чтеніе законовъ о юстиціи было прервано внесеніемъ составленнаго частною комиссіею о родахъ жителей проекта о правахъ благородныхъ.

Проектъ о правахъ благородныхъ уже готовъ, а между тѣмъ большое собраніе не приступало еще къ обсужденію дворянскихъ депутатскихъ наказовъ и не высказало ни одного положенія относительно того, какъ же надо организовать дворянство. Ясно, кажется, что руководители законодательными работами крайне слѣпнули поднести императрицѣ плоды своихъ трудовъ, вовсе не заботясь о томъ, чтобы они были зрѣлые. Составленный частной комиссіею проектъ нельзя разсматривать какъ результатъ совѣщаній большого собранія. Это произведеніе членовъ двухъ частныхъ комиссій, состоявшихъ почти исключительно изъ правительственныхъ лицъ, а потому правильнѣе будетъ считать его правительственнымъ, хотя въ содержаніи проекта и видно

вліяніе нѣкоторыхъ изъ отдѣльныхъ мыслей, высказанныхъ въ большомъ собраніи ¹⁾).

Въ обзоръ содержанія проекта мы не будемъ теперь входить; мы остановимся только на вопросѣ о томъ, какъ разсматривался этотъ проектъ въ большомъ собраніи.

10 іюля проектъ былъ внесенъ въ собраніе, и маршалъ, въ томъ же засѣданіи, предложилъ прочитать его. Послѣ перваго чтенія, происходившаго, согласно обряду, въ совершенномъ молчаніи, нѣкоторые изъ членовъ заявили желаніе говорить противъ проекта. Не предложивъ выслушать этихъ замѣчаній, маршалъ приступилъ въ томъ же засѣданіи ко второму чтенію и немедленно вслѣдъ за окончаніемъ чтенія сталъ спрашивать членовъ, по статьямъ, согласны ли на нихъ, или нѣтъ, т. е. приступилъ къ голосованію статей проекта безъ преній.

Вотъ какъ понималъ маршалъ дѣло законодательства. Комиссія не высказала ни одного мнѣнія о правахъ дворянства, проектъ составленъ совершенно независимо отъ тѣхъ взглядовъ, которые могли принадлежать ей большинству, она едва успѣла выслушать его—и ей предлагаютъ, чтобы она сейчасъ же голосовала по статьямъ и безъ всякихъ преній!

Русскій человѣкъ, говоритъ пословица, заднимъ умомъ крѣпокъ. Это свойство его проявилось и въ засѣданіи 10 іюля. Предложенное маршаломъ голосованіе пошло своимъ чередомъ, съ первой статьи начиная, которая была принята всѣми голосами, за исключеніемъ одного. Вторая была принята единогласно; третья и четвертая также приняты. О пятой возникли несогласія. Во время споровъ, возбужденныхъ этой статьей, нѣкоторые члены снова заявили желаніе говорить противъ проекта и даже противъ тѣхъ его статей, которыя уже приняты. Въ это время 28 депутатовъ отъ дворянъ составили письменный протестъ, въ которомъ просили: «по важности матеріи дать время на размышленіе». Одновременно съ ними 12 представителей отъ однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и горожанъ составили тотъ протестъ, замѣчательное начало котораго мы выписали выше. Онъ оканчивался

¹⁾ Полный ходъ работъ былъ слѣдующій: по составленіи проекта частной комиссіей, онъ былъ рассмотрѣнъ ею въ присутствіи членовъ герольдіи, потомъ внесенъ въ дирекціонную. Изъ дирекціонной, съ ея замѣчаніями, возвращенъ снова въ частную; переработанъ ею; рассмотрѣнъ съ членами герольдіи; снова—въ дирекціонную, а оттуда въ общее собраніе. Частная комиссія о родахъ жителей, выработавшая проектъ правъ благородныхъ, состояла: изъ генералъ-аншефа кн. А. М. Голицына, оберъ-прокурора графа Федора Орлова, генералъ-поручика графа Якова Брюса, ландрата барона фонъ-Унгернъ-Штернберга и юнца Николая Слѣпникова.

такъ: «теперь же къ соглашенію никакимъ образомъ приступить не возможно, понеже ничто не можетъ быть вдругъ совершено, что человѣкомъ сочинено». Тутъ же поднялись и татары: они просили дать имъ копію проекта съ переводомъ на татарскій языкъ, такъ какъ они и понять его не могли.

Видя полный неуспѣхъ своего предпріятія, маршалъ вынужденъ былъ уступить и отложилъ разсмотрѣніе проекта на недѣлю (Арх. Днев. зан. бол. собр.).

Въ слѣдующемъ засѣданіи, состоявшемся ровно черезъ недѣлю, приступлено было къ обсужденію проекта по статьямъ. Нѣкоторыя статьи вызвали весьма много возраженій и поправокъ; для 6 ст., 1-й главы, напримѣръ, было предложено 8 разныхъ редакцій. По содержанию своему, мнѣнія депутатовъ, которые при этомъ высказывались, далеко не новыя. Многія изъ нихъ были уже высказаны въ самомъ началѣ засѣданій собранія, когда читались законы о правахъ дворянъ, и теперь только повторяются. При заявленіи этихъ возраженій, маршалъ слѣдуетъ совершенно тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался и при обсужденіи наказовъ и законовъ, т.-е. онъ даетъ высказываться отдѣльных мнѣніямъ и затѣмъ, не сводя ихъ ни къ чему, и не ставя никакихъ вопросовъ для голосованія, переходитъ къ слѣдующей статьѣ ¹⁾. Такъ дѣло шло цѣлыхъ 13 засѣданій, въ теченіи которыхъ были разсмотрѣны всѣ статьи проекта, выслушано множество возраженій, но въ результатъ не получилось ровно ничего, кромѣ вораха отдѣльных мнѣній, большинство которыхъ было высказано уже годъ тому назадъ.

Видя безпомощное положеніе своего маршала, императрица снова послѣдила къ нему на помощь. 13-го іюля она написала ему собственноручное письмо, въ которомъ дѣлала наставленія относительно того, какъ надо поступать въ томъ случаѣ, когда на статью проекта предложено будетъ разомъ нѣсколько новыхъ редакцій. Мѣсяць спустя, письмо это, нѣсколько переработанное, было прислано въ комиссію, какъ дополненіе къ обряду управленія комиссіей. Не исчерпывая всего содержания этого памятника, который весь былъ вызванъ ошибками маршала, мы приведемъ только два его пункта.

При обсужденіи проекта императрица предписывала выбрать особаго депутата, который взялъ бы на себя его защиту. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда противъ статьи проекта высказано не

¹⁾ Единственный случай баллотированія; состоявшійся въ это время, разберемъ ниже.

одно, а нѣсколько мнѣній, предписывалось пригласить депутатовъ подписаться подъ этими разными мнѣніями, и подъ каемымъ окажется болѣе голосовъ, тѣ мнѣніе и должно было войти въ конкуренцію со статьей проекта, а остальные уничтожались, т.-е. всѣ мнѣнія на статью подлежали баллотировкѣ, и то изъ нихъ, которое получило большее число голосовъ, баллотировалось затѣмъ со статьей проекта и, конечно, становилось на ея мѣсто, если получало больше голосовъ.

Получивъ это дополненіе къ обряду 13-го августа, маршалъ, однако, продолжалъ до 4-го сентября ни къ чему неведущее выслушивание примѣчаній и только по окончаніи примѣчаній на всѣ статьи объявилъ, что слѣдующія три засѣданія назначаются имъ для преній по спорнымъ вопросамъ.

Эти новыя пренія отличались отъ предшествовавшихъ только тѣмъ, что при чтеніи 2 ст. II-й главы маршалъ объявилъ, что защищать эту статью будетъ депутатъ отъ козловскаго дворянства артиллеріи поручикъ Григорій Коробинъ. Этотъ же депутатъ вывѣлся затѣмъ самъ защищать нѣкоторыя другія статьи проекта. Это нововведеніе, конечно, было сдѣлано въ исполненіе дополнительныхъ статей императрицы къ обряду. Но отъ чего въ роли защитника проекта выступилъ поручикъ Коробинъ? Въ дополненіи къ обряду сказано, что такого защитника надо выбрать. Допустимъ, что выборъ долженъ былъ произвести самъ маршалъ, но изъ кого? Конечно, изъ среды лицъ, которыя составляли проектъ. Это даже прямо сказано въ вышеупомянутомъ письмѣ императрицы къ маршалу. Но А. И. Библиковъ не исполнилъ этого совершенно правильнаго требованія государыни и предоставилъ защиту проекта Коробину, который не принадлежалъ къ составу ни дирекціонной, ни частной комиссіи о родахъ жителей. Почему онъ сдѣлалъ это? Мы выше уже замѣтили, что знатныя лица, входившія въ составъ комиссіи, не любили принимать участіе въ ея преніяхъ. Несмотря на это, волею императрицы, они приглашались въ большинство частныхъ комиссій. Исключительно изъ нихъ состояла дирекціонная комиссія; въ частной же комиссіи о родахъ жителей рядомъ съ четырьмя титулованными представителями дворянства сидѣлъ только одинъ представитель отъ горожанъ, купецъ Свѣшниковъ. Надо думать, что именитые люди не захотѣли выступить въ опасной роли защитниковъ составленнаго ими проекта, а на купца Свѣшникова маршалъ не находилъ возможнымъ положиться; вотъ какъ отъѣтчивомъ передъ собраніемъ явился артиллеріи поручикъ Коробинъ, человекъ благонамѣренный и либеральнаго образа мыс-

лей (онъ поднялъ въ комиссіи вопросъ объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ), но въ составленіи проекта нисколько невиноватый. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя статьи проекта онъ защищалъ, а отъ защиты другихъ отказался. По поводу статей 37, 42 и 43, напримѣръ, преній вовсе не было, потому-что никто не вызвался ихъ защищать, хотя и были желающіе ихъ опровергать. Вотъ какъ отнеслись ближайшіе къ императрицѣ люди къ ихъ собственному дѣлу, въ составленномъ ими проекту правъ благородныхъ.

Посмотримъ теперь, къ чему привели пренія по тѣмъ статьямъ, которыя взялся защищать Коробинъ. Роль этого единственнаго официальнаго защитника правительственнаго проекта была крайне тяжелая. Желающихъ говорить противъ проекта было очень много. Разъ вызвавшись защищать его, онъ долженъ былъ возражать каждому желающему. Турниръ, возможный развѣ для казого-нибудь чудо-богатыря, въ родѣ Ильи-Муромца. Такимъ свавочнымъ богатыремъ Коробинъ не былъ, не разъ приходилось ему отказываться отъ дальнѣйшей защиты, ссылаясь на то, что имъ высказаны уже всѣ доказательства. Въ такихъ случаяхъ маршалъ переходилъ къ слѣдующей статьѣ, хотя бы и оставались желающіе говорить противъ предшествующей. Маршалъ, на обязанности котораго лежало соглашать членовъ, оставался все время совершенно пассивнымъ зрителемъ этого неравнаго боя: никакихъ согласительныхъ предложеній не вносилъ и, по обыкновенію, не произвелъ ни одной баллотировки, производить которая ему еще недавно вновь было предписано дополненіемъ къ обряду отъ 13 августа. Эти пренія, продолжавшіяся 6 засѣданій и служившія только повтореніемъ предшествовавшихъ преній, точно также не привели ни къ одному постановленію комиссіи, какъ и всѣ прежнія. Въ результатъ ихъ опять получился ворохъ отдѣльныхъ мнѣній, который маршалъ снова предложилъ отослать въ дирекціонную комиссію для передачи въ частную.

Эти безконечные, ни къ чему неприводящіе споры, которые три раза возбуждались по одному и тому же предмету и всякій разъ съ однимъ и тѣмъ же результатомъ: «передать въ частную комиссію», утомили, наконецъ, и самихъ членовъ большого собранія. Они, кажется, начали понимать полную бесплодность всѣхъ ихъ «примѣчаній». Въ засѣданіяхъ 23 и 28 іюля, когда проектъ обсуждался въ первый разъ, очень многіе изъ нихъ говорили противъ 6 ст. I главы его, для поправки которой было предложено даже 8 разныхъ редакцій; въ засѣданіи же 15 сен-

губра, когда или согласительныя пренія, на эту статью никто не сдѣлалъ ни одного замѣчанія.

Разсмотрѣніе проекта большиниъ собраніемъ, продолжавшееся 18 засѣданій, нисколько не подвинуло дѣла впередъ. Частная коммиссія, получившая его обратно, точно также не имѣла въ рукахъ ни одного руководящаго мнѣнія большой, какъ и въ началѣ своего труда.

Безплодность засѣданій большого собранія стала переходить и въ сознаніе самой императрицы. На эту мысль наводитъ то, что съ внесеніемъ въ коммиссію проекта о правахъ благородныхъ засѣданія ея становятся все рѣже и рѣже. До этого времени она собиралась, обыкновенно, до пяти разъ въ недѣлю. Съ 10 же іюня по конецъ мѣсяца коммиссія собралась всего четыре раза; въ августѣ и сентябрѣ было только по семи засѣданій. Шестого октября, въ послѣдній день обсужденія проекта, когда, несмотря на всѣ усилія императрицы помочь маршалу, совершенно выяснилась неспособность его поставить какой-либо вопросъ и довести дѣло до голосованія, собранію было объявлено, что впередъ оно будетъ собираться только два раза въ недѣлю. Это объявленіе было сдѣлано устами маршала, но, конечно, оно внушено императрицею.

По сдачѣ проекта въ частную коммиссію, маршалъ снова принялся за чтеніе законовъ, и на этотъ разъ—законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ, хотя начатое нередъ внесеніемъ проекта чтеніе законовъ о юстиціи и не было исчерпано. Такъ продолжалось до 18-го декабря, когда, по случаю войны съ турками, засѣданія большого собранія были прерваны.

Мы кончили обзоръ хода занятій коммиссіи. Составленный императрицею обрядъ управленія, съ цѣлью опредѣлить порядокъ ея занятій, имѣлъ свои недостатки и нуждался въ умѣлой руцѣ для примѣненія его къ дѣлу. Руководители работъ коммиссіи, принадлежавшіе къ высшимъ чинамъ имперіи, отъ которыхъ государынѣ естественно было ожидать наиболѣе просвѣщеннаго содѣйствія своимъ начинаніемъ, не только не смягчили этихъ недостатковъ искуснымъ примѣненіемъ обряда къ дѣлу, но, еще менѣе самой императрицы знакомые съ тайнами того сложнаго законодательнаго аппарата, въ дѣйствию въ которомъ она ихъ призывала, — они вовсе не умѣли приступить къ осуществленію ея обряда. Благодаря полному ихъ непониманію, обрядъ управленія вовсе не былъ исполненъ, и 18-го декабря 1768 года занятія коммиссіи были совершенно въ томъ же по-

доженіи, какъ и въ день открытія ея засѣданій, 31-го іюня 1767 года ¹⁾.

V.

Образцы принятій.

Грустное впечатлѣніе оставляютъ въ читателѣ дневныя записки большого собранія, эта лѣтопись его ежедневныхъ занятій; но вовсе не потому, чтобы ему приходилось краснѣть за мнѣнія представителей русской земли. Рѣчи, проинесенныя депутатами въ комиссіи, навсегда останутся памятникомъ твердаго чувства законности и глубокаго политическаго смысла, обнаруженнаго ими при обсужденіи многихъ вопросовъ крайне-деликатнаго свойства.

Мы далеки отъ мысли исчерпать, съ этой точки зрѣнія, весь богатый матеріалъ депутатскихъ наказовъ и голосовъ. Только съ цѣлью нѣсколько пополнить сдѣланную нами картину занятій комиссіи, и показать дѣло и съ другой, неофициальной стороны, — мы приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ рѣчей депутатовъ по тремъ крупнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ комиссіи разнообразнымъ чтеніемъ, которому она предавалась. Именно: по вопросу объ остзейскихъ привилегіяхъ, о порядкѣ приобрѣтенія дворянства и объ ограниченіи помѣщичьей власти.

Существуетъ мнѣніе, что комиссія проявила опасныя для государственнаго единства стремленія, выразившіяся въ разсмотрѣніи остзейскихъ привилегій, и тѣмъ возбудила въ императрицѣ боязнь за цѣлость имперіи, съ такимъ трудомъ созданной ея великими предшественниками. Посмотримъ, насколько это мнѣніе справедливо.

Какъ возникъ въ комиссіи вопросъ объ остзейскихъ привилегіяхъ? Въ засѣданіи 2-го октября 1767 года, когда маршалъ предложилъ отослать прочтанныя законы о дворянствѣ въ частную комиссію, нѣсколько остзейскихъ депутатовъ изъ дворянства вошли въ собраніе съ особымъ заявленіемъ, въ которомъ, указывая на то, что въ предшествовавшее чтеніе не вошли законы о правахъ остзейскаго дворянства, выразили надежду, что комиссія не предприметъ ничего несогласнаго съ высочайше подтвержденными привилегіями остзейскаго дворянства, и про-

¹⁾ Мы далеко не исчерпали всѣхъ недостатковъ въ ходѣ занятій комиссіи; но, для цѣли нашего общаго обзора, довольно и сазаннаго.

силы оставить ихъ права неприкосновенными. Одно изъ этихъ заявленій было подписано генераль-фельдцейхмейстеромъ Вильбоа, другое — генераль-поручикомъ Ренненкампомъ. Выслушавъ ихъ, маршалъ предложилъ собранію, не признаетъ ли оно за нужное приступить къ чтенію привилегій остзейскаго дворянства. Предложеніе изшло, такимъ образомъ, отъ самого маршала. Для правильнаго его пониманія, надо замѣтить, что приближенные къ императрицѣ члены комиссіи — и во главѣ ихъ маршалъ — и самъ генераль-прокуроръ князь Вяземскій нисколько не боялись остзейскихъ привилегій; эти привилегіи возбуждали въ нихъ большой интересъ и даже что-то похожее на любовь. Мы выше говорили уже о томъ, что генераль-прокуроръ Вяземскій, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій дирекціонной комиссіи, предложилъ ей ознакомиться, наравнѣ съ великороссійскими законами, съ привилегіями малороссійскими и остзейскими. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и члены частной комиссіи о родахъ жителей. Въ засѣданіи 27-го сентября, они опредѣлили вытребовать изъ дирекціонной комиссіи нѣсколько книгъ о правахъ дворянства прибалтійскихъ губерній, а изъ малороссійскихъ законовъ — о вольностяхъ шляхетскихъ. Постановленіе совершенно понятное и независимо отъ того, что членомъ этой комиссіи, по волѣ императрицы, былъ остзейскій депутатъ, баронъ Унгервъ-Штенбергъ, для котораго эти привилегіи были дѣйствующимъ правомъ. По большому навазу, русское дворянство должно было имѣть привилегіи, но какія именно, — тамъ не было указано. Чтобы внести въ проектъ правила о дворянскихъ привилегіяхъ, членамъ комиссіи о родахъ жителей, естественно, надо было ознакомиться съ существующими привилегіями и выбрать наиболѣе подходящія къ нашимъ условіямъ. Они знакомились не только съ правами балтійскихъ дворянъ и шляхетскими вольностями, но съ правами нѣмецкой, французской и англійской аристократіи, а въ засѣданіи 13-го ноября читали даже «великую грамоту, данную отъ англійскаго короля Іоанна его подданнымъ». Теперь понятно, почему маршалъ обратился къ комиссіи съ предложеніемъ читать остзейскія привилегіи. Въ этомъ надо видѣть выраженіе аристократическихъ симпатій высшихъ чиновъ комиссіи, которые нашли нѣкоторую нишу и въ самомъ наказѣ императрицы, — объ опасности же для единства имперіи здѣсь не могло быть и рѣчи.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ вопросу о балтійскихъ привилегіяхъ члены большого собранія, среди котораго высшіе чины были въ меньшинствѣ и гдѣ они стѣснялись говорить откровенно. Въ концѣ засѣданія 30-го ноября, произошло

чтеніе первыхъ пяти (по времени) балтійскихъ привилегій. Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи, депутатъ любимскаго дворянства, отставной секундъ-маіоръ Никифоръ Толмачовъ, подавъ противъ этихъ привилегій голосъ, въ которомъ высказалъ мнѣніе, «чтобы, — слѣдуя общему благу, изображенному въ данномъ комиссіи большомъ наказѣ, какъ по извѣстнымъ правительствующему сенату недостаткамъ балтійскихъ правъ, такъ и для предупрежденія происходящихъ отъ смежныхъ съ означенными губерніями жителей преступленій, въ которыя они впадаютъ по причинѣ разности законовъ, отъ незнанія оныхъ, — были сочинены законы одинаковые для всѣхъ ея величеству подданныхъ народовъ». Къ этому мнѣнію тутъ же присоединилось 25 представителей отъ дворянства и 41 отъ городовъ и казаковъ, а всего 67, — и это по собственному побужденію, безъ всякаго вызова со стороны направляющихъ лицъ. Что же сдѣлалъ маршалъ въ виду этой очевидной возможности получить въ этомъ же засѣданіи общее опредѣленіе комиссіи по существенному вопросу о томъ, надо ли писать одинаковые законы для всей имперіи, или различные для каждой ея части: Великороссіи, Малороссіи, Лифляндіи и пр.? Онъ продолжалъ читать остзейскія привилегіи. Что дѣлали члены комиссіи? они прерывали эти чтенія замѣчаніями о необходимости единого законодательства.

Императрица Екатерина не могла быть довольна заявленіями остзейцевъ. Желая остаться при прежнихъ своихъ правахъ, они прямо выражали этимъ недовѣріе къ началамъ большаго наказа, которыя долженствовали сдѣлать ихъ счастливыми. Прислушиваясь въ все продолжающемуся чтенію этихъ привилегій, она нашла, наконецъ, себя вынужденной подать собственный голосъ. Сохранилось ея письмо въ генералъ-прокурору Вяземскому, въ которомъ она поручаетъ ему такъ устроить, чтобы кто-нибудь изъ знати подавъ голосъ противъ балтійскихъ привилегій, и дасть самые мотивы для возраженія. Въ этомъ вмѣшательствѣ императрицы не было бы ни малѣйшей надобности, если бы маршалъ умѣлъ — не говоримъ уже руководить, а только пользоваться настроеніемъ собранія: послѣ голоса Толмачова, такъ хорошо поддержаннаго значительнымъ числомъ депутатовъ, не трудно было, при томъ довѣріи, которымъ и доселѣ пользуются представители власти въ глазахъ русскаго человѣка, получить постановленіе комиссіи о прекращеніи чтеній балтійскихъ привилегій. Желаніе императрицы не было однако исполнено. Никто изъ знати не выступилъ противъ балтійскихъ при-

взлетѣй, и мотивы ея не были развиты предъ собраніемъ (Полѣновъ, II, 337).

При чтеніи законовъ о правахъ благородныхъ, большое вниманіе дворянъ привлекъ вопросъ о способахъ пріобрѣтенія дворянства, на которомъ, главнымъ образомъ, и сосредоточивались пренія. Со времянъ Петра-Великаго, дворянское достоинство пріобрѣталось выслугою: всякій, получившій на военной службѣ первый оберъ-офицерскій чинъ, дѣлался потомственнымъ дворяниномъ, какова бы званія, по рожденію, онъ ни былъ. Таково было и дѣйствовавшее во время засѣданій комиссіи право. Этотъ сравнительно легкій доступъ къ преимуществамъ дворянскаго званія не могъ нравиться людямъ родовитымъ, которые стремились въ замкнутости и обособленности. Елизаветинскій наказъ, высказавшій начало сословной организаціи государства, — причежъ дворянству отводилась роль спеціальной опоры монархіи и, съ этою цѣлью, предполагалось надѣлать его особыми привилегіями, — могъ дать нѣкоторое основаніе думать, что императрица и сама не прочь удовлетворить этому естественному стремленію знатныхъ фамилій къ болѣе рѣзкому выдѣленію изъ массы остальнаго населенія.

Самымъ виднымъ и энергическимъ представителемъ этого стремленія въ комиссіи былъ вѣзвѣстный историкъ, князь М. М. Щербатовъ. Онъ произнесъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ доказывалъ, что дворянство должно пріобрѣтаться рожденіемъ и высочайшимъ пожалованіемъ, а не выслугою; законъ же Петра-Великаго онъ объяснялъ временными причинами. Послѣдняя его рѣчь была сказана «съ крайнимъ движеніемъ духа» и увлекла всѣхъ присутствовавшихъ депутатовъ московской и нижегородской губерній и 27 дворянскихъ депутатовъ другихъ мѣстностей, которые поспѣшили присоединить свои подписи къ его голосу.

Вотъ этотъ памятникъ ораторскаго краснорѣчія XVIII вѣка: «Депутатъ двѣпровскаго пикинернаго полка, — такъ началъ Щербатовъ, — въ мнѣніи своемъ говорить, что всѣ древнія російскія дворянскія фамиліи произошли отъ низкихъ родовъ, и что теперь эти древніе дворяне, по надменности своей, не желаютъ допустить въ свое званіе людей того достойныхъ. Весьма удивляюсь, что этотъ господинъ депутатъ уверяетъ подлымъ началомъ древнія російскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію словъ, мнѣ довольно уважать на историческія событія. Одни російскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя

Владимира. Другіе, выѣхавшіе знатные люди, берутъ свое начало отъ коронованныхъ главъ. Многія фамиліи хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканія подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ не вспомнить она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣтелемъ дражайшее отечество въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами, — дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтели самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрныя твои чада, — древніе російскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью, они тебя освободили отъ чуждаго ига, они приобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Мнѣ мнится зрѣть еще текущу кровь достойныхъ сихъ мужей и напоминающу ихъ потомкамъ то же исполнять и такъ же жертвовать своею жизнью отечеству, какъ они учинили. Вотъ первое право требованія дворянъ древнихъ родовъ, чтобы никто съ ними безъ высочайшей власти не былъ сравненъ. Но они, сею любовью побужденные, не затворяютъ надменностью врата для доблести, а хотятъ, чтобы желающіе войти къ намъ въ собратство — удостоились того истинною добродѣтелью, которую бы самъ монархъ увѣнчалъ дворянскимъ званіемъ».

Но и новый законъ Петра, по необходимости долженствовавшій вести къ сближенію сословій, не остался безъ защитниковъ. Въ его пользу высказалось болѣе десяти депутатовъ, преимущественно людей не именитыхъ, между которыми были простые казаки и даже представители городовъ. Къ голосамъ говорившихъ присоединили свои подписи и другіе, число которыхъ доходитъ, подъ нѣкоторыми мнѣніями, до 20 и болѣе. Чтобы познакомить съ аргументаціей противниковъ аристократической замкнутости, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи казака Никиты Миронова, одного изъ самыхъ мелкихъ членовъ собранія, представителя нижнихъ чиновъ казацкаго войска съ далекихъ береговъ Терека. Казакъ Мироновъ не убѣдился доводами князя Щербатова и въ слѣдующемъ засѣданіи рѣшился возражать своему краснорѣчивому противнику.

«Нѣкоторые гг. депутаты, — говорилъ Мироновъ, — въ мнѣніяхъ своихъ о дворянствѣ представляютъ, что званіе это драгоценно и не надлежитъ давать его достигшимъ оберъ-офицерскаго ранга не изъ дворянъ. На сіе осмѣливаюсь предложить слѣдующее. Достоинство дворянское не рождается отъ природы, но приобрѣтается добродѣтелью и заслугами своему отечеству. Могутъ ли гг. російскіе дворяне сказать о своихъ предкахъ, что всѣ они родились отъ дворянъ. Я, напротивъ, полагаю, что въ Россіи болѣе найдется такихъ, которые за воинскія дѣла и другія добродѣтели получили это достоинство. Да и въ военной службѣ, одни ли дворяне защищаютъ свое отечество? Конечно, нѣтъ! Какъ предки ихъ, такъ и въ новѣйшее время, въ прусскую войну, не съ ними ли и другіе вѣнчались тою же кровью? Также и впредь, если, паче чаянія (отъ чего Боже сохрани!) возникнетъ гдѣ-нибудь отъ непріятеля война, то одни ли дворяне будутъ защищать государство? не съ ними ли будутъ люди всякаго званія? и послѣднихъ будетъ еще больше, чѣмъ дворянъ. Если же вышедшимъ вѣрною своею службою не изъ дворянъ въ оберъ-офицерскіе чины не будетъ дано дворянство, то какое же будетъ для нихъ поощреніе въ службѣ? Нѣкоторые гг. депутаты представляютъ еще, что узаконеніе императора Петра I-го было временное, по случаю бывшихъ тогда продолжительныхъ войнъ. Хотя нынѣ у насъ въ Россіи царствуетъ тишина и всѣ мы молимъ Всемогущаго Бога, чтобы и до конца вѣка было мирно, но на пограничныхъ мѣстахъ и теперь не вездѣ благополучно. Проживая на персидской границѣ, близъ горскихъ, беззаконныхъ и звѣрообразныхъ дикихъ народовъ, видимъ, что они не щадятъ и родъ свой, убиваютъ брать брата и самихъ родителей, а умертвить русскаго почитаютъ святымъ долгомъ. Показывая на насъ свирѣпость свою пуше лютыхъ звѣрей, они не столько въ сраженіяхъ, какъ внезапно убиваютъ. Какъ предки наши во всегдашней войнѣ обращались, такъ и мы не видимъ себѣ отъ этихъ варваровъ покоя. Находясь постоянно въ воинскихъ службахъ, въ виду проливающейся крови, мы считаемъ за должное водать возможное благодѣяніе тѣмъ, которые бывають въ сраженіяхъ и ознаменовываютъ себя храбрыми поступками. Итакъ, въ слабому моему мнѣнію почитаю справедливымъ прибавить, чтобы получившіе въ воинской службѣ оберъ-офицерскіе ранги были настоящими дворянами. Я, впрочемъ, предаю все мною сказанное на разсужденіе почтеннѣйшаго собранія гг. депутатовъ».

Къ этому голосу присоединилось 13 депутатовъ, преимуще-

ственно отъ казаковъ. Но первымъ присоединился представитель харьковскаго дворянства, полковникъ Матвій Буликовскій.

Многочисленными рѣчами противниковъ и сторонниковъ Петровскаго закона разсматриваемый вопросъ былъ исчерпанъ со всѣхъ сторонъ. Оставалось рѣшить его голосованіемъ и, такимъ образомъ, дать частной комиссіи о родахъ руководящее начало для составленія соотвѣтствующей статьи проекта. Хотя рѣчь кн. Щербатова увлекла не только дворянъ, но и многихъ представителей городовъ, тѣмъ не менѣе намъ представляется крайне сомнительнымъ, чтобы голосованіе выпало въ пользу его мнѣнія. Присоединившіеся къ нему депутаты выразили этимъ только свое сочувствіе его горячей защитѣ дворянства «отъ нареканія въ подлости происхожденія». Изъ присоединенія представителей городовъ къ его похвалѣ историческимъ заслугамъ дворянства вовсе еще не слѣдуетъ, что всѣ они подали бы голосъ противъ Петровскаго закона, если бы этотъ вопросъ былъ опредѣленно поставленъ, и такимъ образомъ закрыли бы себѣ самимъ доступъ въ ряды высшаго сословія ¹⁾. На исходъ баллотировки имѣло бы, конечно, рѣшительное вліяніе мнѣніе кого-либо изъ руководящихъ правительственныхъ лицъ. Но они хранили глубокое молчаніе. Что же касается маршала, онъ, по обыкновенію, никакой попытки къ соглашенію депутатовъ не сдѣлалъ, вопроса для рѣшенія не поставилъ и къ голосованію не приступилъ, несмотря на то, что пренія совершенно выяснили и исчерпали поднятый депутатами вопросъ.

Эта безрезультатность преній не могла не отразиться печальнымъ образомъ и на внесенномъ поздне въ комиссію проектѣ правъ благородныхъ. Шестая статья II-й главы проекта, говорящая о приобрѣтеніи дворянства, отличается крайней неясностью ²⁾. При обсужденіи проекта, она вызвала оживленныя пренія, причемъ депутатамъ пришлось многое повторить изъ того, что они говорили годъ тому назадъ. Эти пренія также ни къ чему не привели. Но нѣсколько засѣданій спустя, депутатъ дмитровскаго дворянства, сенаторъ, тайный совѣтникъ, князь Иванъ Вяземскій снова возвратился къ этому вопросу и внесъ предложеніе (въ засѣданіи 7-го августа) о томъ, что «дослужившіеся до дворянства не должны быть лишены сего званія, и что надо просить

¹⁾ Позднѣ происходившая баллотировка, о которой рѣчь будетъ ниже, даже ярно даетъ основаніе думать, что кн. Щербатовъ остался бы въ меньшинствѣ.

²⁾ Вотъ эта статья: „Добродѣтели и заслуги возводятъ людей на степень благородства“.

государыню, чтобы она велѣла вписать въ списокъ дворянъ, кои отъ предковъ благородныхъ рождены и кои дослужились до сего времени». Хотя предложеніе это было внесено несвоевременно, когда собраніе перешло уже къ обсужденію другихъ статей проекта, хотя оно очень плохо формулировано (о лишеніи кого-либо дворянства изъ достигшихъ уже этого званія, противъ чего направлено предложеніе, и рѣчи не было), но маршалъ допустилъ его и, по обыкновенію, вызвалъ по его поводу новыя пренія. Депутатъ отъ города Дерпта, профессоръ Яковъ Урсинусъ, очень основательно замѣтилъ князю Вяземскому, на вторую часть его предложенія, что списки дворянъ должны находиться въ герольдіи, которая обязана вести ихъ, а потому просить императрицу не о чемъ. Урсинуса поддержалъ купецъ Барзовъ, депутатъ отъ города Опочки. Велѣдъ за этими заявленіями маршалъ предложилъ желающимъ подписаться, кто съ кѣмъ согласенъ. Къ мнѣнію Урсинуса присоединилось 99 человекъ, къ предложенію Вяземскаго только—19. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось. Но въ засѣданіи 18-го августа (второе послѣ описаннаго) маршалъ снова обратился къ предложенію Вяземскаго и пригласилъ членовъ баллотировать его.

Такимъ образомъ, собраніе пришло къ единственному случаю баллотированія законодательнаго вопроса. Мы нарочно остановились съ нѣкоторой подробностью на его зарожденіи, чтобы показать, съ какимъ трудомъ достался онъ маршалу. Можно подумать, что какая-то невидимая сила натолкнула Вяземскаго, совершенно не во-время, внести предложеніе, которое не разъ уже высказывалось многими членами и въ гораздо лучшей формѣ, но безъ всякихъ послѣдствій; и затѣмъ, та же таинственная сила привела мало-по-малу (въ 4-мъ засѣданіи послѣ внесенія) Бибинова—къ голосованію. Можетъ быть, все это дѣло непосредственно направлялось скрытой рукой императрицы.

Предложеніе Вяземскаго для баллотировки было формулировано маршаломъ слѣдующимъ образомъ: «Надлежитъ ли учинить всеподданнѣйшій докладъ ея императорскому величеству объ учиненіи разбора дворянству и о внесеніи въ списокъ дворянскій какъ рожденныхъ отъ предковъ благородныхъ, такъ и дослужившихся до чину, приносящаго дворянское достоинство?» (Арх., Днев. зан. бол. собр.) Предложеніе было принято большинствомъ 242 голосовъ противъ 157.

Таковъ примѣръ единственнаго баллотированія. Этотъ единственный примѣръ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣромъ полной неспособности маршала вести дѣло законодательства. Съ цѣлью

уясненія одного изъ началъ законодательства о дворянахъ, Вяземскій внесъ свое предложеніе, которое, надо полагать, состояло въ томъ, чтобы дворяне, дослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина, и впредь получали дворянское достоинство, хотя онъ выразилъ его крайне плохо и связалъ вмѣстѣ съ неидущей въ дѣлу просьбой о составленіи дворянскихъ списковъ. Маршалу слѣдовало выяснить предложеніе Вяземскаго и поставить вопросъ, какъ онъ намѣченъ предшествовавшими рѣчами. Поставленный же имъ вопросъ не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія; изъ предложенія Вяземскаго въ него вошла только совершенно ненужная часть—просьба къ императрицѣ о составленіи списковъ. Члены собранія, которымъ были очень памятны происходившія передъ тѣмъ пренія о Петровскомъ законѣ, формулированное маршаломъ предложеніе поняли, конечно, въ духъ этихъ преній, т. е. что они просятъ императрицу, чтобы и впредь оберъ-офицеры вносились въ дворянскіе списки, или, что то же, чтобы чинъ оберъ-офицера давалъ дворянское званіе, а потому и приняли это предложеніе значительнымъ большинствомъ ¹⁾.

Получивъ всеподданнѣйшій докладъ комиссіи, императрица препроводила его въ сенатъ, а сенатъ, въ которомъ были члены, лучше сенатора Вяземскаго знакомые съ обязанностями герольдіи, отвѣчала, что герольдія давно уже составляетъ списки, но, по неизмѣннѣю достаточныхъ свѣдѣній какъ о древнихъ родахъ, такъ и о выслужившихъ дворянское званіе, работы своей въ окончанію привести не можетъ. Таковъ исходъ этой единственной попытки голосованія. Со стороны маршала эта печальная попытка была, конечно, опытомъ привести въ исполненіе письмо императрицы отъ 13-го іюля, о которомъ мы говорили выше.

При чтеніи законовъ о юстиціи зашла рѣчь о частныхъ побѣгахъ крѣпостныхъ. Этимъ воспользовался депутатъ козловскаго дворянства, артиллеріи поручикъ, Григорій Коробинъ, чтобы высказать мнѣніе о необходимости ограничить права помѣщиковъ, такъ какъ причину побѣговъ онъ видѣлъ въ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти. Такъ поднятъ былъ въ комиссіи вопросъ

¹⁾ Что предложеніе Вяземскаго, формулированное маршаломъ, дѣйствительно было такъ понято, это видно изъ депеши англійскаго посла, лорда Казарта, присутствовавшего въ самомъ засѣданіи. Отъ 19 августа 1768 года онъ писалъ: „маршалъ сказалъ имъ, какъ имъ передавали, что такъ какъ въ предыдущемъ засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы за всѣми лицами, достигшими офицерскаго чина, было призвано дворянство, а въ настоящее засѣданіе было подано противоположное тому мнѣніе, то онъ обаванъ рѣшить этотъ вопросъ большинствомъ голосовъ посредствомъ баллотированія“... Сб. Р. Ис. Общ., XII, 359.

о предѣлахъ власти помѣщиковъ. Чтобы выступить съ такимъ вопросомъ въ XVIII вѣкѣ, нужна была значительная доля рѣшимости.

Сама императрица Екатерина вынуждена была сдѣлать въ своемъ наказѣ существенныя отступленія отъ первоначальной редакціи статей, въ которыхъ она касалась вѣрностнаго права. Къ необходимости этихъ отступленій привели ее тѣ замѣчанія, которыя ей пришлось выслушать отъ разныхъ лицъ, которымъ она читала свой наказъ. Содержаніе первоначально составленнаго императрицей наказа, изъ котораго она потомъ выпустила около половины, до сихъ поръ, во всемъ его объемѣ, намъ невѣстно. Но мы знаемъ, что въ спискѣ наказа, который былъ сообщенъ ею поэту Сумарокову, прямо говорилось объ освобожденіи вѣрностныхъ. По крайней мѣрѣ, такъ надо думать, читая возраженія Сумарокова.

«Сдѣлать русскихъ вѣрностныхъ людей вольными нельзя, — писалъ Сумароковъ: — скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанно будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ, — прибавила здѣсь императрица своею рукою), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Въ другихъ государствахъ, въ Украйнѣ — другое сему основаніе, а у насъ этого быть безъ отнятія помѣщичьяго повоа не можетъ. Мы въ деревняхъ во вѣки не жить; но всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, и нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ (и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи, — прибавила государыня).

«Продавать людей, какъ скотину, — писалъ далѣе Сумароковъ: — не должно; но гдѣ слугъ брать, когда крестьяне будутъ вольны» (Сб. Р. Ист. Общ. X, 85 и сл.).

На основаніи этихъ возраженій можно, кажется, заключить, что въ первоначальномъ наказѣ прямо говорилось объ освобожденіи вѣрностныхъ, иначе эти весьма горячія возраженія не имѣли бы никакого основанія.

Императрица осталась недовольна замѣчаниями Сумарокова. Она нашла, что «г. Сумароковъ хороший поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобъ быть хорошимъ законодателемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ»... Надо, однако, полагать, что подобныя же замѣчания, на мысль объ освобожденіи крестьянъ, она слышала и отъ другихъ лицъ. Известно выраженіе Н. И. Панина. Выслушавъ нѣкоторыя части наказа, онъ сказалъ: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles». Мы не имѣемъ достаточнаго основанія думать, чтобы мысли первоначальнаго наказа, относящіяся до нашего государственнаго устройства, чѣмъ-нибудь отличались отъ мыслей наказа напечатаннаго; а потому это замѣчаніе Н. И. Панина находимъ возможнымъ отнести только къ мыслямъ государыни о вольности крестьянъ, да развѣ еще къ отиѣнѣнныиъ пытки и нѣкоторымъ другимъ нововведеніямъ въ области уголовного права.

Приведенныя замѣчанія императрица слышала отъ дворянъ, говорились они въ ихъ интересѣ, а по наказу дворяне—опора монархіи. Естественно, что она не могла остаться равнодушной къ нимъ. Благодаря этому, въ наказѣ, данномъ комиссіи, объ освобожденіи крестьянъ уже нѣтъ рѣчи, императрица даже прямо говоритъ: «Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ» (260). Все дѣло сводится къ тому, что «законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имуществъ» (261). Но и это робкое «могутъ» замыкается слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: «Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе, весьма сходственное съ естественномъ, есть то, котораго частное распоряженіе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, для котораго учреждается» (262). Это заключеніе допускаетъ весьма различныя толкованія и можетъ быть даже приведено съ пользою для защиты мнѣнія Сумарокова.

Въ слѣдующихъ далѣе статьяхъ императрица касается съ крайней осторожностью вопроса о поборахъ съ крестьянъ. Она не рѣшается даже высказать мысли о необходимости установленія какой-либо определенной нормы крестьянскихъ повинностей, а только находитъ нужнымъ предписать закономъ, чтобы помѣшники съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и такіе поборы брали, которые бы меньше отлучали мужика отъ его дома и семейства (270). Нѣкоторыя другія статьи, касающіяся удрученнаго положенія подданныхъ (276, 277, 288, 295 и др.), императрица даже не рѣшилась отнести прямо къ крѣпостнымъ, хотя онѣ и могутъ быть истолкованы въ ихъ пользу.

Такой осторожностью и даже нерѣшительностью отличаются статьи обнародованнаго наказа ¹⁾. Въ виду сопротивленія, которое встрѣтила сама государыня въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, мы не будемъ, конечно, ожидать, что Коробьинъ, довольно близко стоявшій къ руководящимъ людямъ коммиссіи, прямо выступитъ съ проектомъ освобожденія крѣпостныхъ. Гораздо позднѣе, въ началѣ нашего столѣтія, не только освобожденіе крестьянъ, но даже проектъ закона о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли не нашелъ сочувствія въ государственномъ совѣтѣ времянъ императора Александра I (Иконникова, «Мордвиновъ», 274). Коробьинъ предложилъ установить съ крѣпостныхъ опредѣленные закономъ повинности и признать за ними право собственности на ихъ имущество. Это предложеніе свое Коробьинъ подкрѣпляетъ ссылками на наказъ, но оно идетъ далѣе наказа и отличается болѣею опредѣленностью и рѣшительностью.

Мы приведемъ, хотя въ извлеченіи, голосъ дворянина Коробьина, такъ рѣзко выдѣлившагося изъ среды своихъ собратьевъ. «Когда тоюмо войду въ такія мысли, — говорилъ Коробьинъ о своихъ размышленіяхъ относительно причинъ частыхъ крестьянскихъ побѣговъ, — то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотреть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Они берутъ съ крестьянъ болѣе обыкновенной подати, отдають ихъ въ работу къ своимъ кредиторамъ зарабатывать проценты своихъ долговъ, отбирають крестьянское имущество. Но ежели все сіе безпристрастно рассмотримъ, увидимъ точно, что сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству. Ибо тогда только процвѣтаетъ, или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны; отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ къ защищенію своего отечества распаляющійся происходитъ. Но какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа обществу, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда и самое общество слабѣетъ; разоряя крестьянъ, разоряются всѣ прочіе въ государствѣ... Если бы всякій изъ владѣльцевъ извѣстенъ былъ, что не болѣе отъ своего земледѣльца потребовать можетъ, какъ только то, что законами пред-

¹⁾ Крайняя осторожность императрицы въ крѣпостномъ вопросѣ, къ которой пришла она по выслушаніи замѣчаній на свой наказъ, съ особенной яркостью выступаетъ изъ словенія «Начертанія о приведеніи работъ коммиссіи къ окончанію» съ «Опытомъ» графа Шувалова. Въ опытѣ говорится о томъ, чтобы крестьянъ не продавать безъ земли и изъ вотчины въ вотчину, безъ ихъ согласія, не переводить; дворянъ же вовсе не продавать. Въ «Начертаніи» все это опущено.

писано; то симъ бы образомъ могли пресѣчься злоупотребленія, происходящія отъ неограниченной власти помѣщика надъ имѣніями своихъ крестьянъ». Сославшись затѣмъ на 215 и 261 ст. б. н., Коробьинъ продолжалъ: «Надлежитъ, слѣдовательно, предписать законами, дабы земледѣльцы вѣдали, что они имѣютъ своего собственнаго. Премудрое умствованіе, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтенные гг. депутаты, что мать наша къ намъ вѣщаетъ. Она внушаетъ, что земледѣлія нѣтъ ничего полезнѣе въ государствѣ. Она учитъ, что земледѣліе въ томъ обществѣ весьма въ худомъ состояніи находится, гдѣ крестьяне ничего не признаютъ за свое собственное... Надобно предписать закономъ, чтобы крестьянинъ платилъ своему помѣщику ежегодно известную дань, однакоже, по силѣ 277 ст. даннаго намъ наказа, умѣренную»...

Коробьинъ хорошо понималъ, что голосъ его не можетъ разсчитывать на сочувствіе большинства дворянъ, и потому постарался сказать, что найдетъ возможнымъ, и для ихъ успокоенія. Въ заключеніи своего голоса онъ разъясняетъ, что дѣло идетъ только объ огражденіи имущественныхъ правъ крестьянъ, права же помѣщиковъ по управленію своими подданными остаются неприкосновенными. Пиллюля была позволочена, что не укрылось отъ вниманія противниковъ Коробьина, упрекавшихъ его потомъ въ противорѣчіи.

Мнѣніе Коробьина вызвало многочисленныя возраженія. Первымъ выступилъ противъ него депутатъ углицкаго дворянства, генералъ-маіоръ Опочининъ. Онъ не находилъ полезнымъ имѣть крѣпостныхъ и не касаться ихъ имущества. Это должно было повести, по его мнѣнію, только къ ненависти между помѣщиками и ихъ подданными. Въ этомъ же смыслѣ высказался депутатъ зарайскаго дворянства, отставной капитанъ Кондыревъ. Представитель дворянства тверскаго уѣзда, лейбъ-гвардіи подпоручикъ Неклюдовъ, доказывалъ, что Россія никогда не чувствовала никакого вреда отъ власти помѣщиковъ, всякія ограниченія ея находилъ бесполезными, такъ какъ побѣги, по его мнѣнію, происходятъ единственно отъ развращенія нравовъ, и, наконецъ, обратилъ вниманіе на непослѣдовательность Коробьина: «ограничить поборы и оставить власть по-прежнему—сіи два существа вмѣстѣ быть не могутъ», такъ заключилъ онъ свою рѣчь. Противъ Коробьина выступилъ и кн. М. М. Щербатовъ. По его мнѣнію, крестьяне бѣгаютъ не отъ одного неправосудія и мздоимства помѣщиковъ, но и отъ «пространства російской имперіи, вмѣщающаго въ себя 8 климатовъ по земному шару, что понуж-

даетъ многихъ искать способѣйшаго жилища». Остановившись на вопросѣ о признаніи за крестьянами права собственности на земли, онъ спрашивалъ: «откуда взять имъ земли? Если у помѣщиковъ, то это значитъ лишить ихъ кровью приобрѣтеннаго». Это дало ему поводъ снова распространиться о заслугахъ дворянскаго сословія и обратить вниманіе собранія на отеческія отношенія помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Особенной извѣстностью отличается возраженіе депутата муромскаго дворянства, отставнаго гвардіи капитана Ивана Чаадаева. Онъ находилъ, что «мнѣніе Коробьина, дабы осчастливить государство изобрѣтеніемъ новѣйшей пользы, есть столь похвально, столь важно его содержаніе; но способы, къ тому предложенные, единою мечтою назвать должно... Не стѣсненіемъ власти благоправныхъ помѣщиковъ, но исправленіемъ злоправныхъ благоденствіе земледѣльцамъ доставить должно». Депутатъ тамбовскаго дворянства, камеръ-юнкерь Лопухинъ, выразилъ опасеніе, что уменьшеніе власти помѣщиковъ произведетъ разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердился отечество наше достигло столь высокой степени славы и благоденствія.

Мы исчерпали всѣ существенные мотивы противниковъ Коробьина, которые принадлежали, исключительно, къ представителямъ дворянскаго сословія, и перейдемъ теперь къ его сторонникамъ, которыхъ онъ нашелъ какъ между дворянами, такъ и среди представителей другихъ сословій. Чтобы познать ихъ аргументаціей, мы приведемъ выдержки изъ рѣчей двухъ депутатовъ: Козельскаго и Чупрова.

Депутатъ отъ шляхетства екатерининской провинціи (днѣпровскаго пикинернаго полка), маіоръ Яковъ Козельскій, находилъ необходимымъ опредѣлить барщину въ два рабочихъ дня въ недѣлю, а для оброчныхъ имѣній—оброкъ стоимостью двухъ рабочихъ дней, по мѣстнымъ цѣнамъ. Движимое и недвижимое имущество крестьянъ должно было остаться въ ихъ пользованіи, съ тѣмъ, чтобы безъ позволенія помѣщика они не могли закладывать его и продавать; но владѣли бы имъ потомственно, безъ вмѣшательства помѣщика. Развивъ эти положенія, онъ обратилъ вниманіе собранія на пчелу, которая защищаетъ приобрѣтенное трудомъ своимъ и жалить, и продолжалъ: «крестьянинъ впередъ знаетъ, что все, что бы ни было у него, то не его, а помѣщиково; каковому человѣку надобно, въ такомъ случаѣ, быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И какъ ему быть добронравну и добродѣтелю, когда ему не остается никакого средства быть такимъ? Въ семъ насиліи онъ принужденъ и себѣ недоброхот-

ствовать, а отъ того и пьянствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣности... И верховная власть, по самодержавію своему, не требуетъ болѣе опредѣленной всякому службы; желать владѣть крестьянами безпредѣльно—значить желать большаго».

Депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ архангелогородской провинціи, Иванъ Чупровъ, на утвержденіе тѣхъ депутатовъ, которые говорили, что помѣщичьи крестьяне болѣе поощряются къ хлѣбопашеству, чѣмъ государственные, и что господа поддерживаютъ своихъ крѣпостныхъ во время голода и другихъ бѣдствій, отвѣчалъ: «о таковыхъ весь свѣтъ знаетъ, кто у кого подъ защитою и въ добромъ поведеніи и въ немучительствѣ жителство имѣетъ, у помѣщика, или у ховяина, того похулить едва ли кто отважится; да и не на тѣхъ помѣщиковъ поношеніе, которые благородными учрежденіями крестьянъ своихъ управляютъ; да и г. депутатъ Коробинъ не о таковыхъ, но о безмѣрно мучащихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани собирающихъ представляетъ, а по слуху довольно таковыхъ признается: недовольны тѣмъ, что по желанію своему, по окладу, съ души берутъ деньгами, съ нихъ же еще и съ домашняго произращенія сверхъ денегъ собираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ; почему оный г. депутатъ и правильно желаетъ узаконить, въ чемъ помѣщикамъ имѣть власть надъ крестьянами». Далѣе Чупровъ нашелъ полезнымъ отвѣтить кн. Щербатову, на вновь высказанную имъ похвалу дворянству: «Правда, что заслуга и всегда признается за справедливо, и честь дворянская за достоинство почитается, да однако же и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность состоитъ, чаю, что по возможности своей и все отправляютъ; только нынѣ дѣло не о томъ идетъ, и гг. депутаты не на то собраны, чтобъ чести себѣ приписывать, но въ сходственность большого наказа о узаконеніи всѣхъ вообще и каждаго особенно. То по-сему, никакой вещи не надо остаться безъ узаконенія и для того не должны, кажется, оставить безъ опредѣленнаго закона и помѣщичьихъ крестьянъ» (Арх. Дневн. зан. бол. собр.).

Кто же остался побѣдителемъ въ этомъ любопытномъ спорѣ представителей русской земли XVIII вѣка, рѣшеніе котораго должно было глубоко повліять на послѣдующія судьбы нашего отечества? Къ сожалѣнію, мы лишены возможности отвѣчать на этотъ вопросъ, такъ какъ маршалъ, по обыкновенію, ограничился выслушиваніемъ замѣчаній, но преній не направлялъ, согласительнаго предложенія не внесъ, вопроса не поставилъ и голосованія не произвелъ.

Нѣкоторые изъ изслѣдователей, вниманіе коихъ останавливалось на екатерининской комиссіи, основываясь на томъ, что число лицъ, говорившихъ противъ ограниченія помѣщичьихъ правъ, было больше говорившихъ въ его пользу, приходятъ къ заключенію, что Коробьинъ поднялъ безнадежный вопросъ, которому суждено было полное поражение въ комиссіи. Другіе повторяютъ это мнѣніе. Не думаемъ, чтобы такое заключеніе было вѣрно. Въ преніяхъ принимало участіе всего около 16 депутатовъ, изъ которыхъ 6 говорили за ограниченіе, 10 противъ, комиссія же состояла болѣе чѣмъ изъ 500 депутатовъ. При голосованіи, голоса распределяются не пропорціонально числу говорившихъ «за» и «противъ», а соответственно распределенію интересовъ среди депутатовъ. Большинство дворянъ, вѣроятно, было бы противъ; но и между ними нашлись бы сторонники ограниченія. Коробьинъ и Козельскій живое тому доказательство. За ограниченіе были и нѣкоторые другіе дворянскіе депутаты, не принявшіе участія въ преніяхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ графъ П. И. Панинъ. Это мы знаемъ изъ записки, поданной имъ императрицѣ Екатеринѣ и приведенной въ вышепомянутой статьѣ профессора Соловьева. Панинъ, согласно съ Коробьинимъ, думалъ, что къ бѣгству ведутъ крестьянъ, между прочимъ, и неограниченная помѣщичья власть. Для ограниченія ея онъ предлагалъ: запретить продажу въ рекруты и съ раздробленіемъ семей; сочинить примѣрное на все государство положеніе о крестьянскихъ работахъ и податахъ; барщины назначить 4 дня въ недѣлю, причемъ крестьянинъ не долженъ былъ пахать въ сутки болѣе 1 десятины, косить болѣе 3 копенъ сѣна, рубить болѣе 1½ сажень дровъ; оброкъ не долженъ былъ превышать 2 рублей. Но все это «примѣрное положеніе» не для публикаціи, а только для секретнаго предписанія губернаторамъ. Мнѣніе гр. Панина отличается, такимъ образомъ, крайней осторожностью и не идетъ такъ далеко, какъ мнѣнія, выраженные въ комиссіи, но въ принципѣ онъ признаетъ необходимость ограниченія и, слѣдовательно, согласенъ съ Коробьинимъ. До насъ дошли два письма князя Дмитрія Алексѣевича Голицына, нашего посла при Версальскомъ дворѣ, къ вице-канцлеру кн. Александру Михайловичу Голицыну, члену комиссіи. Въ первомъ письмѣ, отъ 1765 года, онъ говоритъ о пользѣ предоставленія вѣрнопольнымъ права собственности на ихъ земли; во второмъ, отъ 1766 года — на движимости. (Рус. Вѣст. 1876, № 2). Этотъ Голицинъ не былъ членомъ законодательной комиссіи. Но думаемъ, что будетъ

большою несправедливостью къ именитымъ представителямъ дворянскаго сословія утверждать, что только двое изъ ихъ среды сознавали всю несправедливость и государственный вредъ крѣпостныхъ порядковъ ихъ времени ¹⁾. Отъ ихъ молчанія въ комиссіи нельзя еще заключать къ образу ихъ мыслей. Въ проектъ правъ благородныхъ было внесено постановленіе о свободныхъ деревняхъ, а проектъ правъ крѣпостныхъ признаетъ за крестьянами право собственности на ихъ движимости и говоритъ объ учрежденіи для крѣпостныхъ особаго крестьянскаго суда и о правѣ ихъ жаловаться на помѣщика, если онъ будетъ ихъ разорять, а, между тѣмъ, ни авторы этихъ проектовъ, ни члены дирекціонной комиссіи, одобрившей его, не приняли никакого участія въ преніяхъ большого собранія. Они могли сохранять молчаніе по нежеланію спуститься на арену публичныхъ преній, гдѣ крестьянинъ Чупровъ дѣлаетъ наставленіе князю Щербатову, справедливости котораго они не могли же не признать.

Иначе должно было отнестись къ предложенію Коробьина большинство представителей другихъ сословій, для которыхъ крѣпостное право не представляло никакихъ выгодъ, а наоборотъ — одни неудобства. Мы знаемъ, что купцы прямо жалуются комиссіи на то, что они не могутъ конкурировать съ дворянами, такъ какъ дворяне располагаютъ для своихъ фабрикъ и заводовъ даровымъ трудомъ крѣпостныхъ, а они должны оплачивать трудъ своихъ наемныхъ работниковъ. Вотъ почему есть достаточное основаніе думать, что большинство представителей другихъ сословій было бы на сторонѣ ограниченія помѣщичьей власти, злоупотребленія которой были у всѣхъ передъ глазами, польза же доставалась только однимъ дворянамъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что среди представителей русской земли XVIII вѣка были люди, которые правильно понимали государственныя потребности своего отечества, умѣли цѣнить хорошее въ Петровскихъ реформахъ и имѣли достаточно мужества для борьбы съ такою старою язвой, какъ крѣпостное право.

¹⁾ Еще въ пользу ограниченія помѣщичьей власти изъ именитыхъ современниковъ комиссіи высказался графъ Яковъ Сиверсъ, новгородскій губернаторъ. Причину крестьянскихъ побѣговъ онъ усматривалъ, какъ и Коробьинъ, въ неограниченной власти дворянъ налагать на крѣпостныхъ какой угодно оброкъ, и требовалъ правительственнаго опредѣленія количества оброка и рабочихъ дней.—Соловьевъ, Ист. XXVI, 187. Сиверсъ не былъ депутатомъ, но могъ присутствовать въ комиссіи въ качествѣ губернатора.

Не голосъ русскаго народа, къ радости всей Россіи, раздавшійся въ комиссіи, производить грустное впечатлѣніе. Нѣтъ! грустное впечатлѣніе производить полное неумѣнье руководящихъ людей воспользоваться этимъ голосомъ и свести его къ опредѣленнымъ положеніямъ, которыя могли составить лучшую славу екатерининскаго царствованія.

VI.

Отсрочка засѣданій.

Сдѣланный нами разборъ условій, которыми была обставлена дѣятельность комиссіи, достаточно уже уясняетъ исходъ ея занятій.

«18-го декабря 1768 года маршалъ Бибииковъ объявилъ собранію о полученномъ комиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что, по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ имъ по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые, за выборомъ членовъ въ частныя комиссіи, остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ же частныхъ комиссій остаться и продолжать свои занятія» (Полѣновъ, I, XX).

Объявленіемъ войны императрица вовсе не думала воспользоваться какъ средствомъ для прекращенія занятій неугодной ей комиссіи. Война дѣйствительно требовала отсрочки засѣданій большого собранія. Это ясно изъ состава комиссіи. Изъ 160 дворянскихъ депутатовъ—92 состояли въ военной службѣ; въ нимъ надо причислить 54 представителя казацкихъ войскъ, которые также не могли оставаться въ Петербургѣ. За отъѣдомъ этихъ депутатовъ, дѣятельность большого собранія, конечно, не могла продолжаться. Кромѣ того, письменная работа въ значительной мѣрѣ велась также военными людьми: прапорщиками, ваптенармусами, сержантами и пр., временно прикомандированными къ комиссіи. Они тоже должны были уѣхать. Еще до указа императрицы, одни члены комиссіи сами заявили о желаніи своемъ присоединиться къ полкамъ, другіе—были вызваны своими начальниками. Такъ, еще 29 ноября князь Голицынъ, начальникъ первой арміи, которому было подчинено и донское

казацкое войско, просилъ прислать къ нему депутата, войскового старшину Сулина, извѣстнаго ему какъ знатока казацкой службы. Вслѣдъ затѣмъ онъ просить отпустить и генераль-поручика Ренненкампа, подписавшаго извѣстное заявленіе о балтійскихъ привилегіяхъ. То же дѣлаютъ и другіе начальники: графъ Григорій Орловъ, генераль-кригсъ-коммиссаръ Глѣбовъ, графъ Петръ Панинъ, которые и сами были членами комиссіи. Графъ Панинъ еще 13 декабря просилъ отпустить изъ комиссіи всѣхъ депутатовъ и офицеровъ по письменной части, входившихъ въ составъ московскаго полка, который уже выступилъ въ походъ противъ турокъ. За недѣлю до этого, поручикъ московскаго полка Астафьевъ самъ просится объ увольненіи, желая раздѣлить участь своего полка (Арх. Журналы). Дѣятели комиссіи развѣзжаются еще до указа императрицы.

Въ виду этого, отсрочка засѣданій большого собранія была неизбежна, и императрица дѣйствительно предписала отсрочку, а не замаскированное распущеніе. Предсѣдатель комиссіи, приписывавшій неудовлетворительный ходъ занятій большого собранія его многочисленному составу, а не своему неумѣнью вѣзаться за дѣло, нѣсколько разъ обращался къ императрицѣ съ представленіемъ о невозможности совѣщаться съ такимъ большимъ числомъ представителей (Биографія, 122, 131). Несмотря на эти неоднократныя представленія, Екатерина во все свое царствованіе не распустила большого собранія, по крайней мѣрѣ мы не встрѣтили такого указа. Ей больно было, конечно, отказаться отъ замысла, на который она возлагала такія блестящія надежды. Въ полномъ собраніи законовъ отпечатано нѣсколько указовъ, которыми засѣданія комиссіи еще въ семидесятыхъ годахъ нѣсколько разъ отсрочивались: сперва до 1 мая 1772 года, потомъ до 1-го августа и 1-го ноября того же года, и послѣдній до 1-го февраля 1773 года. Такимъ образомъ, еще въ 1773 году императрица разсматривала комиссію какъ существующую. Такъ же смотрѣли на нее и въ обществѣ. Въ томъ же году, бѣлорусскій генераль-губернаторъ, графъ Чернышевъ, просилъ императрицу о дозволеніи жителямъ двухъ вновь присоединенныхъ бѣлорусскихъ губерній прислать въ комиссію составленія проекта новаго уложенія депутатовъ. На этой просьбѣ императрица положила высочайшую резолюцію: «Быть по сему». Послѣднее извѣстіе о комиссіи, которое мы встрѣтили, относится къ 1775 году: въ этомъ году «уложенная комиссія» была помянута въ числѣ тѣхъ учрежденій, которыя прибыли съ императрицею изъ

Петербурга въ Москву и теперь должны были возвратиться обратно. Такимъ образомъ, екатерининская коммиссія никогда не была распущена,—она просто была забыта.

Эта смерть коммиссіи отъ забвенія, — при неправильной постановкѣ задачи ея, при многихъ недостаткахъ организаціи и, наконецъ, при полномъ неумѣннн руководящихъ людей не только исправить искуснымъ примѣненіемъ первоначально допущенныя ошибки, но просто привести въ исполненіе то, что въ предписаніяхъ Екаторины было исполнимаго, — совершенно понятна. Великая мысль императрицы, призвать къ участію въ законодательствѣ представителей всѣхъ сословій и, такимъ образомъ, дать подданнымъ своей обширной имперіи, принадлежащимъ къ разнымъ народностямъ и разнымъ исповѣданіямъ, высшее единеніе, — разбилось, встрѣтившись съ полнымъ неумѣнннмъ дать ей практическое осуществленіе. Въ теченіи года и 6 мѣсяцевъ коммиссія не сдѣлала ни одного постановленія по существу законодательныхъ вопросовъ, несмотря на всѣ усилія императрицы помочь ей. Такимъ направленіемъ дѣла маршалъ доказалъ бесполезность ея гораздо лучше, чѣмъ могли это сдѣлать его неоднократныя представленія. Императрица потеряла, наконецъ, вѣру въ коммиссію, а потому и не возобновила ея засѣданій.

Истинныя причины этого факта не были правильно поняты въ свое время. Сенаторъ Бибиковъ, сынъ маршала, въ жизнеописаніи своего отца, высказываетъ такую мысль: «Предпріятіе сіе было рановременно;... нѣкоторые же изъ депутатовъ, увлекаемые вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти, другіе предлагали уничтоженіе рабства»... Вотъ корень тѣхъ обвиненій коммиссіи, которыя распространены въ нашемъ обществѣ. Исходя изъ источника, столь близкаго къ маршалу, эти обвиненія легко находили вѣру. Тѣмъ не менѣе, они совершенно неосновательны. Дневныя записки большого собранія, содержащія полную лѣтопись его занятій, нынѣ уже печатаются. Въ нихъ ничего нѣтъ, что бы могло оправдать приписываемыя Бибиковымъ нѣкоторымъ депутатамъ «ухищренія». Думать, что дневныя записки скрыли эти ухищренія, нѣтъ ни малѣйшаго основанія: онѣ писались не для печати, а для поднесенія самой императрицѣ. Скрыть же что-нибудь отъ государыни не было возможности: въ самомъ собраніи было слишкомъ много людей, лично преданныхъ ей, да и сама она, нерѣдко, была невидимой свидѣтельницей происходившаго,—фактъ, вызвавшій неодобреніе со стороны англичанина Ширлея, но не казав-

пійся стѣснительнымъ нашимъ депутатамъ, которые, наоборотъ, восхищались этимъ невидимымъ присутствіемъ государыни. Исторія едва ли представляетъ примѣръ собранія представителей народа, болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ закону и предержавнымъ властямъ. Екатерининская коммиссія ни единымъ заявленіемъ, хотя бы одного своего члена, не погрѣшила противъ поученія апостола: «нѣсть бо власть аще не отъ Бога».

Что касается другого упрека, состоящаго въ томъ, что члены коммиссіи, проникнутые вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, то и онъ также несправедливъ. Члены коммиссіи предлагали не уничтоженіе рабства, а только нѣкоторыя ограниченія помѣщичьей власти. Предлагавшіе это члены имѣли на своей сторонѣ государыню, которая въ первоначальномъ наказѣ шла даже далѣе ихъ предложеній и, конечно, вовсе не была испугана вольнодумствомъ Коробьина и его сторонниковъ.

Если царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 году издалъ соборное уложеніе, то приглашеніе депутатовъ, съ той же цѣлью, императрицею Екатериною никакъ уже не можетъ быть разсматриваемо какъ преждевременное. Правда, въ той формѣ, въ которой императрица задумала свою коммиссію, она была неосуществима, но въ этой формѣ она никогда и нигдѣ не могла осуществиться. Здѣсь вина не въ основной мысли законодательства при участіи представителей народа, а въ неправильно-выбранномъ способѣ осуществленія этой мысли. Депутатскіе наказы ставили дѣло законодательства вполнѣ правично. Насколько императрица отправлялась отъ нѣсколькихъ смутныхъ идей, навѣянныхъ на нее чтеніемъ французскихъ книгъ, настолько же представители русской земли исходили изъ нашего дѣйствующаго права, заботясь единственно объ исправленіи его и объ облегченіи нѣкоторыхъ совсѣмъ уже непомерныхъ тягостей и злоупотребленій. При такомъ направленіи депутатовъ, дѣло законодательства ставилось на реальную почву и непреодолимыхъ затрудненій не представляло.

Неудачный исходъ екатерининской коммиссіи можно было предвидѣть. Надо только жалѣть, что истинныя причины его не были поняты своевременно. Это могло бы повести къ новымъ, болѣе удачнымъ опытамъ и, во всякомъ случаѣ, спасло бы благое начинаніе Екатерины отъ того недоумѣнія, которое и до сихъ поръ еще примѣшивается къ воспоминанію о немъ. Печатаемые теперь акты коммиссіи снимутъ незаслуженно брошенную на нее тѣнь подозрѣнія и представятъ дѣянія ея въ ихъ истинномъ

свѣтъ. Они раскроютъ множество ошибокъ, которыми съ самаго начала было обставлено это дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ раскроютъ и то чувство строгой законности, и ту умѣренность желаній, которыя проявили въ эту памятную эпоху представители русской земли, и дадутъ намъ возможность взглянуть на положеніе Россіи XVIII вѣка при блескѣ того свѣта, которымъ на минуту освѣтила всѣ закоулки нашего обширнаго отечества гениальная мысль великой государыни ¹⁾.

В. СЕРГѢВИЧЪ.

¹⁾ На эту заслугу комиссіи указала сама императрица: „Комиссія уложенія,—сказала она,—бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свидѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слыше о цвѣтахъ“.

ОКТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ.

ПОВѢТЬ.

Прошла моя печаль, подобно сновидѣнью,
И нынче слѣды ея летучій и пустой
Готовъ я приравнять ночному испаренью,
Упавшему въ траву невидимой росой.

МУЗА.

Скажи, что было то, поэтъ?
Когда же дашь ты мнѣ отвѣтъ?
Давно, давно ужъ я гадаю,
Какая тайна у тебя,
За что повинувъ ты меня,
За что напрасно я страдаю?

ПОВѢТЬ.

О, то была печаль изъ самыхъ обыденныхъ,
Знакома каждому навѣрное она,
И жалкой лишь душѣ больныхъ и огорченныхъ
Сдается, что для нихъ неправда создана.

МУЗА.

Довѣрься мнѣ въ ночной тиши, —
У обыденной лишь души

Печаль быть можетъ обиденной.
 Раскрой свою больную грудь,
 Чтобъ могъ свободно ты вздохнуть,
 Отъ горькой тайны облегченный.
 Вѣдь знаешь ты, — молчанья богъ
 Печаленъ, сумраченъ и строгъ,
 И братомъ смерти онъ зовется.
 Отраду жалоба дастъ,
 И съ сердца бремя упадетъ,
 Какъ рѣчь цѣлебная польется.

П О Э Т Ъ .

Повѣришь-ли, меня беретъ уже раздумье,
 Какъ долженъ я тебѣ печаль свою назвать?
 Была-ли то любовь, иль опытъ, иль безумье,
 И можетъ ли она другого поучать.
 Но все же я готовъ теперь передъ тобою
 Ту повѣсть мрачную измѣнить наединѣ.
 Присядь тутъ съ лирою: волшебною струною
 Буди прошедшее, уснувшее во мнѣ.

М У В А .

Поэтъ! Еще одинъ вопросъ:
 Скажи, — давнишнее то горе
 Вѣдь ты безъ злобы перенесъ?
 Ты больше съ прошлымъ не въ раздорѣ? —
 Чтобъ быть подругою твоей,
 Чтобъ слово вымолвить участя, —
 Я не должна дѣлить страстей,
 Тебя доведшихъ до несчастья.

П О Э Т Ъ .

О, да! Я исцѣленъ безслѣдно отъ недуга,
 И какъ страдалъ — забылъ. Надъ пропастью крутой,
 Гдѣ прежде я висѣлъ, мнѣ, кажется, подруга,
 Что будто бы стоялъ не я, а кто другой.
 Порывовъ нѣчего тебѣ моихъ бояться,
 Согласны мы съ тобой, надѣюсь, можетъ быть.

Какъ сладко горевать и сладко улыбаться
Надъ тѣми музами, что вправѣ мы забыть.

МУЗА.

Какъ мать съ любовью, осторожно
Бачаетъ сонное дитя,
Такъ я пугливо и тревожно
Готова выслушать тебя.
Начни рассказъ, — отвѣтомъ нѣжнымъ
У лиры струны зазвучать,
И вотъ, въ сияньи безмятежномъ,
Ужъ тѣни прошлаго летать.

ПОЭТЬ.

О ты, мой милый трудъ, — отрада лучшихъ дней,
Уединенье золотое!
Опять, мой кабинетъ, сижу въ тиши твоей,
Мое убѣжище святое!
Знакомцы старые, давно ужъ не видалъ
Я васъ, забытые, родные.
Вотъ лампа вѣрная, съ которой я мечталъ
Въ часы безмолвные, ночные;
Вотъ кресло пыльное... О, чудный мой дворецъ,
Приютъ спокойствія и мира!
Да, муза юная, вернулся твой пѣвецъ,
Воскресла дремлющая лира!
Хочу я вамъ теперь страданья рассказать
Любви, исполненной отравы:
Увы, мои друзья, то женщина опять...
(Ужъ вы предвидѣли? — И правы!)
У этой женщины я вѣчно былъ въ рукахъ,
Какъ рабъ, покорный господину;
Въ ея безжалостныхъ, губительныхъ когтяхъ
Порвалъ я сердца половину!
И все же я скажу: нерѣдко близъ нея
Вдали я видѣлъ счастья грѣзы,
Когда мы подь-руку бродили у ручья
Подъ тѣнью трепетной берѣзы,
И въ мѣсячныхъ лучахъ на тихомъ берегу
Песокъ волшебнo серебрился,

А я ее ласкалъ... Довольно... Не могу!
 Къ чему, безумный, я стремился?
 Навѣрное въ тотъ мигъ была судьбѣ нужна
 Зачѣмъ-то жертва искупленья,
 И злобно за любовь отмстила мнѣ она,
 Какъ будто счастье—преступленья!

МУЗА.

Минута сладкая игриво
 Мелькнула въ памяти твоей,—
 Скажи, зачѣмъ же ты пугливо
 Сдержался слѣдовать за ней?
 Зачѣмъ въ бесѣдѣ откровенной
 Были радости таить?
 Не лучше-ль, въ тонъ судьбѣ надменной
 Объ ихъ заманчивости бренной
 Теперь съ улыбкой говорить.

ПОЭТЪ.

Нѣтъ! Лучше я взгляну съ презрѣнiемъ на горе;
 Теперь, уже остывъ отъ времени къ нему,
 Тебѣ я разскажу, съ улыбкою во взорѣ,
 О томъ, какъ я страдалъ, когда и почему...
 Я помню, ночь была осенняя дождлива,
 Почти такая же, какъ видишь ты сейчасъ,
 И вѣтеръ жалобный въ душѣ моей тоскливо
 По струнамъ горестнымъ наигрывалъ не разъ.
 Сидѣлъ я у окна, въ тревожномъ ожиданьи
 Прислушивался я, идетъ ли кто-нибудь...
 Я ждалъ ее... Все нѣтъ!.. Въ невольномъ содроганьи
 Поникъ я головой, и въ любящую грудь
 Вонзилось черное, большое подозрѣнье:
 Измѣна, можетъ быть?... Какъ прежде, за окномъ
 Молчала улица и, точно привидѣнье,
 Подчасъ прохожіе мелькали съ фонаремъ.
 То вдругъ ненастный вихрь мнѣ слышался за дверью,
 И въ немъ чудился мнѣ живой, знакомый вздохъ:
 Чего-чего тогда, отдавшись суевѣрью,
 Въ душѣ своей больной придумать я не могъ!
 Напрасно я взывалъ къ своей послѣдней силѣ,

Напрасно от нея поддержки ожидалъ,
 Часы урочные безжалостно пробили,
 А милой нѣтъ и нѣтъ... Я плакалъ, я дрожалъ,
 И все еще искалъ съ безпомощной тоскою
 Я тѣнь желанную на брошенномъ пути...
 О, Муза, вѣришь ли, той женщиной пустою
 Безумный былъ огонь зажженъ въ моей груди!
 Все въ мѣрѣ для нея готовъ я былъ оставить,
 Труднѣй, чѣмъ съ жизнію, разстаться было съ ней,
 И даже въ эту ночь я долженъ былъ лукавить,
 Хитрить съ самимъ собой, стремясь порвать скорѣй
 Всѣ цѣпи прошлаго. Я звалъ ее презрѣнной,
 Я ей приписывалъ всѣ горести свои,
 Но образъ красоты небесной, несравненной
 Властительно смирялъ всѣ жалобы мои.
 Загласъ уже заря, и я въ изнеможенѣхъ,
 Убитый, на окнѣ тревожно задремалъ;
 Когда-жъ очнулся я,—въ природѣ пробужденіе
 Настало мирное, и утра лучъ сіялъ.
 И вдругъ услышалъ я, по улицѣ сосѣдней
 Какъ будто пронеслись тревожные шаги.
 Я слушаю, гляжу, измученный и блѣдный,
 И что же? То—она! О, Боже помоги...
 Она ко мнѣ идетъ...—Вошла: ей гора мало!
 Откуда ты? Зачѣмъ? Гдѣ ночью ты была?
 Гдѣ тѣло чудное въ часы любви лежало?
 Смѣяться надо мной поутру ты пришла?
 Ты знаешь,—я всю ночь проплакалъ на сторожѣ,
 А ты, любовь свою дѣлила ты съ другимъ?
 Скажи, безстыдная, на чемъ была ты ложь?
 Какъ смѣешь думать ты, что буду я твоимъ,
 Что я къ объятіямъ усталымъ, ненасытнымъ,
 Со страстью нѣжною и ласвою прильну?
 Иди, вернись опять къ дѣламъ своимъ постыднымъ,
 А я на вѣкъ любовь и молодость клянущу!..

МУЗА.

Смирись, смирись! Я умоляю,
 Отъ словъ несдержанныхъ твоихъ
 И я тревожусь и страдаю.
 Едва ли твой недугъ затихъ!

Должно быть, раною глубокой
 Ты былъ когда-то пораженъ.
 Тяжелъ ударъ судьбы жестокой,
 Не такъ легко проходить оны.
 Забудь ее, дитя родное!
 Ты нима, прежде дорогое,
 Скорѣй изъ сердца изгони,
 Иль, какъ чужое, вспомани.

П О Э Т Ъ .

О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые
 Дала измѣну испытать,
 Извѣдать гнѣвъ, порывы злѣе
 И вѣру въ счастье потерять.
 Тебѣ, тебѣ я, черноокой,
 Тебѣ я шлю проклятье вновь:
 Ты погребла во тьмѣ глубокой
 Мои надежды и любовь!
 Твоя улыбка, взоръ лукавый,
 Твоя губительная рѣчь
 Мнѣ грудь наполнили отравой,
 И былъ бы я готовъ обречь
 Теперь на гибель все земное,
 Въ чемъ есть на радости намѣкъ:
 За то—тебѣ, созданье злое,
 За то—красѣ твоей упрѣкъ!
 Любви восторженныя грезы,
 Увы, на-вѣкъ я потерялъ;
 Слезамъ не вѣрю,—тѣ же слезы
 Не у тебя ли я видалъ?
 О, стыдъ тебѣ! Тебѣ довѣрилъ
 Когда-то жизнь и сердце я;
 Я былъ дитя, не лицемѣрилъ
 И всей душой любилъ тебя.
 Конечно, не было защиты
 У сердца дѣтскаго тогда, —
 Могли такъ скоро быть разбиты
 Восторги юные всегда,
 Но было легче молодыя
 Мечты совсѣмъ не нарушать.
 О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые

Дала и горе испытать!
 Не ты-ль безжалостнымъ ударомъ
 Слезу заставила бѣжать?
 Повѣрь, источникъ тотъ не даромъ
 Отереть тобою. Иссыхать
 Ему судьба не дозволяетъ,
 Онъ все бѣжитъ, не умоляетъ,
 Онъ всѣ печали омываетъ
 И будетъ день, увѣренъ я,
 Я въ немъ умоюсь отъ тебя!

МУЗА.

Довольно, мой поэтъ! Послушай: какъ бы мало
 Невѣрной женщиной ты ни былъ увлеченъ,
 Хотя бы день одинъ отраду сердце знало,
 За этотъ день одинъ ужъ долженъ быть прощень
 Ударъ, полученный тобою отъ коварной.
 Ты хочешь быть любимъ, умѣй же уважать
 Любовь минувшую душою благодарной.
 Я знаю: для людей такъ тягостно прощать
 Обиды ближнему,—но если уничтожишь
 Въ себѣ ты ненависть,—вѣдь мукъ избѣгнешь ты.
 Предай забвенію, чего простить не можешь.
 Какъ мертвыхъ берегутъ могильные кресты,
 Такъ точно у любви есть бранные остатки,
 Мечты уснувшія,—и нуженъ имъ покой.
 Зачѣмъ находишь ты, что сумрачны и гадки
 Воспоминанія любви твоей былой?
 Быть можетъ, крылась тутъ забота Провидѣнья,
 И душу обновилъ болѣзненный ударъ.
 Мы всѣ находимся у горя въ обученіи,
 Житейской мудрости мы черпаемъ въ немъ даръ.
 Да, мраченъ тотъ законъ, но вѣченъ, непреложенъ,
 Что каждому должно несчастье окрестить;
 Налогомъ горести счастливый мигъ обложенъ,
 Страданьемъ за него мы призваны платить.
 Взгляни—подъ тучами, грозой и вѣтрами
 Выравниваетъ хлѣбъ свой колосъ золотой,
 И радость я сравню съ душистыми цвѣтами,
 Вспоенными дождемъ, омытыми росой.
 Не самъ ли ты сказалъ, что больше не страдаешь?

Ты счастливъ, ты любимъ, всѣ сладости земли
 Теперь безопасно ты и весело вкушаешь.
 Припомни-жь слезы тѣ, что нѣкогда текли:
 Не ихъ ли горечью, не старымъ ли недугомъ
 Цѣнить все лучшее ты мудро научёнъ?
 И какъ теперь легко тебѣ въ бесѣдѣ съ другомъ!
 Бокаловъ на пиру какъ весель нынче звонъ!
 Ты могъ ли-бъ такъ любить красу земного міра,
 Петрарку, пѣнье птицъ, роскошные цвѣты,
 Искусства древнія, творенія Шекспира,
 Когда-бъ въ ихъ прелести подчасъ не слышалъ ты
 Отвѣта нѣжнаго на прежнія страданья?—
 А неба яснаго прозрачная лазурь?
 А вѣчный ропотъ волнъ? А полночи молчанье?
 Кто-бъ могъ ихъ понимать, не зная душевныхъ бурь
 Иль мукъ бессонницы и думъ о снѣ загробномъ?—
 Вѣдь нынче счастливъ ты съ подругою иной,
 И въ сердцѣ, нѣкогда обиженномъ и злобномъ,
 Какой приливъ любви ты чувствуешь порой!
 Теперь, когда вдвоемъ вамъ вечеромъ случится
 Бродить съ ней подъ руку надъ дремлющимъ ручьемъ,
 На тихомъ берегу не также-ль серебрится
 Песокъ заманчиво подъ мѣсячнымъ лучомъ?
 Слетаются опять надъ вами счастья грѣзы,
 Опять дано тебѣ красавицу ласкать
 Подъ тѣнью трепетной, по-прежнему, берѣзы,
 И ты ужъ предъ судьбой не станешь унывать.
 Зачѣмъ же ты клянeshь старинныя печали,
 Невѣрные шаги минувшихъ юныхъ лѣтъ?
 Все то, чѣмъ ты богатъ, они тебѣ послали!
 Дитя мое! Въ тебѣ, я знаю, злобы нѣтъ:
 Прости и пожалѣй ту женщину, которой
 Обязанъ первой ты мучительной слезой,
 И да послужить въ томъ самъ Богъ тебѣ опорой,
 Создавшій вашъ союзъ для радости земной,
 Увы, невысказанной безъ горькихъ испытаній.
 Какъ знать? Она тебя любила, можетъ быть,
 И ей не обошлась разлука безъ страданій,
 Но случай ей велѣлъ мечту твою разбить.
 Легко ли было ей въ тебѣ оставить рану,
 Отдать тебя другой, проливши море слезъ?

Не всё же слезы тѣ приписывать обману!
Прости ее, дитя, — мечту невинныхъ грѣзь!

П О Э Т Ъ .

И правда! Злоба нечестива,
Какъ змѣй подземный холодна,
И содрогаюсь я бровогливо,
Когда ползеть по мнѣ она.
Послушай, милая богиня,
Молю — свидѣтельницей будь:
Проникла мирная святиня
Въ мою измученную грудь.
Клянусь глазами голубыми
Моей подруги молодой,
Клянусь я благами земными,
Клянусь я неба синевою;
Клянусь божественной вселенной
И вѣчной благослѣю Творца,
Звѣздой утра несравненной,
Надеждой тихаго конца;
Клянусь я жизненною силою,
Роскошной зеленью полей
И всёмъ, что жду я за могилой,
Клянусь — изъ памяти своей
Теперь на-вѣкъ я изгоняю
Ту повѣсть черную свою!
На мирный сонъ я обрекаю
И тѣнь печальную твою.
О, ты, какъ сладкое видѣнье,
Меня привлекающая къ себѣ!
Уже готовый дать забвенье,
Даю пощаду я тебѣ.
Простимъ другъ другу. Я снимаю
Предъ Богомъ цѣпь твоей любви,
Съ слезой послѣдней посылаю
Тебѣ послѣднее: прости!

Теперь же, Муза молодая,
Ты, златокудрая моя,
Веди, рѣзвясь и напѣвая,
На праздникъ жизни ты меня.

Поємъ любовь, поємъ свободу!
Безслѣдно, ненависть, умри!...
Глади—воскресшую природу
Уже ласкаетъ луть зари.
Сворѣй идемъ гулять по лугу,
Цвѣты по прежнему срывать,
Идемъ будить мою подругу,
Ее лелѣять и ласкать.
Какъ солнце землю пробуждаетъ
Такъ, Муза, ты бодрить меня
И возрожденье—сердце знаетъ—
Бо мнѣ придетъ съ лучами дня!

С. А.

ОФФИЦІАЛЬНАЯ ТУРЦІЯ

ВЪ

ЛИЦАХЪ

Sambul und das moderne Türkenthum. Politische, sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen. Leipz. 1877.

Два года тому назадъ намъ довелось провести нѣкоторое время въ Константинополѣ и сдѣлать наблюденія надъ общественнымъ бытомъ его османскаго населенія ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ говорится, много воды утекло; Россіи пришлось стать лицомъ въ лицу съ тѣми самыми турками, которые намъ казались какимъ-то отребьемъ міра, жалкимъ исчадіемъ человѣческаго рода. Теперь, когда эти самые турки показали себя не только отчаянными воевателями, но и вооруженными превосходнымъ оружіемъ, ловко имъ управляющими, выставили замѣчательныхъ полководцевъ, доказали полную самоотверженность — мы можемъ впасть въ другую крайность, или во всякомъ случаѣ не тамъ искать причины испытанныхъ нами явленій, гдѣ она находится въ дѣйствительности. Изученіе дѣла и критическое отношеніе къ нему — вотъ что болѣе всего необходимо въ настоящую минуту.

Настоящая война расплодила за границею цѣлую массу всяческихъ книгъ, книжекъ и книжонокъ, по такъ-называемому *восточному вопросу*; какъ прежде, такъ и теперь, когда факты, повидному, на лицо, мы находимъ далеко неодинаковыя воззрѣнія на ту-

¹⁾ См. въ „Вѣстникѣ Европы“, авг. и сент. 1876, статья: „Турецкая цивилизація“.

рокъ въ печатной литературѣ. Слѣдовательно, еще и теперь надобно погодить строить заключенія, а сперва основательно взвѣсить различныя данныя, предлагаемыя различными сторонами. Большинство книгъ, явившихся въ послѣднее время, касательно Турціи и ея отношеній къ Европѣ, — плохія компіляціи, въ которыхъ обыкновенно кое-что понадергано изъ прежнихъ, отжившихъ свой вѣкъ, сочиненій, кое-какъ склеено на скорую руку и преподносится какъ нѣчто свѣжее въ чисто-спекулятивныхъ расчетахъ на случайную современную приманку сюжета. Есть между этими книгами и такія, которыя можно назвать литературными вылазками турецкихъ доброхотовъ, взявшихъ за орудіе печатнаго слова съ цѣлью атаковать общественное мнѣніе европейской публики и заполнить его въ лагерь Турціи, каковы, напримеръ, «Турецкіе очерки» Мюрада-эфенди, (Лейпцигъ, 1877), въ которомъ видятъ австрійца *Вернера*, теперешняго дипломатическаго турецкаго представителя въ Стокгольмѣ. Но, конечно, не тутъ слѣдуетъ искать истины; въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, по поводу подобныхъ книгъ, справедливо замѣчено, что онѣ всѣ основаны на мудромъ принципѣ: «Чей хлѣбъ ѣмъ, того и пѣсенку пою». Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и брошюру Збоинскаго, старающагося запугать враговъ Турціи несмѣтными цифрами ея ратниковъ и оружія. Всѣ эти произведенія одного же разбора съ недавно явившеюся въ Константинополь театральною пьесою на турецкомъ языкѣ: «Черняевъ въ Азіи, или турецкіе герои», какаго-то *Визенталя*-эфенди. Но за то большую цѣну должны имѣть въ нашихъ глазахъ такія сочиненія, которыя выходятъ изъ-подъ пера людей, «питающихся хлѣбомъ Турціи», но неподкупленныхъ этимъ обстоятельствомъ. Такихъ книгъ, правда, очень немного; впрочемъ, немногочисленность ихъ искупается богатствомъ содержанія, которое состоитъ не изъ однихъ платоническихъ разсужденій или сантиментальныхъ сѣтованій на варварство и гнилость изображаемой ими Турціи, но представляетъ собою собраніе фактическихъ данныхъ, выводъ изъ которыхъ предоставляется дѣлать самому читающему. Поставленные въ возможность провѣрить и дополнить показанія постороннихъ наблюдателей высшаго турецкаго общества своими личными наблюденіями, мы намѣрены остановиться именно на одной изъ такихъ книгъ о Турціи, явившихся въ послѣднее время, гдѣ авторъ обнаруживаетъ столько же знанія дѣла, сколько трезваго взгляда и безпристрастія. Имя автора не названо подъ заглавіемъ книги, которое мы привели въ началѣ статьи; авторъ называетъ себя только *туркомъ*; но, судя по всѣмъ заключающимся въ книгѣ даннымъ, это — евро-

иеецъ, человекъ очень образованный, по національности австрийскій нѣмецъ, по профессіи врачъ. Какъ образованный человекъ, онъ умѣлъ наблюдать явленія турецкой жизни и анализировать ихъ; какъ врачъ, онъ, благодаря своей профессіи, имѣлъ въ рукахъ своихъ наилучшее средство проникать въ самые недоступные слои османскаго общества, въ самые сокровенные тайники запертаго и занавѣшеннаго со всѣхъ сторонъ внутренняго быта османовъ; какъ австриецъ, онъ скорѣе долженъ быть почитателемъ, или по крайней мѣрѣ политическимъ сторонникомъ Турціи, и ужь никакъ не сочувствовать ея врагу, Россіи. Онъ даже и не скрываетъ своей враждебности къ этой послѣдней и приписываетъ нѣкоторыя неурядицы послѣдняго времени въ оттоманскомъ правительствѣ «коварному» вліянію русской дипломатіи: онъ не разъ въ своей книгѣ генерала Игнатъева старается выставить злымъ гениемъ для Турціи. Панславизмъ и ему грезится какимъ-то страшнымъ чудовищемъ, а Россія — договищемъ, въ которомъ гнѣздится эта ужасная гидра. Слѣдовательно, выпуская въ свѣтъ свою книгу о Турціи и туркахъ, да еще въ такое критическое для нихъ время, какъ теперь, онъ едва ли имѣлъ въ виду угодить нежалуемой имъ Россіи и поддержать ея интересы въ глазахъ остальной Европы; мало того: мѣстами онъ силится высказать себя сторонникомъ и благожелателемъ турокъ, и тѣмъ не менѣе, онъ этихъ самыхъ турокъ представляетъ намъ въ такомъ свѣтѣ, что и самый заклятой врагъ ихъ не сумѣлъ бы сдѣлать этого лучше. Колеблясь между долгомъ справедливости и, вѣроятно, чувствомъ нѣкоторой признательности и благодарности или даже просто привычки къ націи, среди которой онъ провелъ цѣлыя десятки лѣтъ, авторъ прибѣгаетъ къ различнымъ оговоркамъ въ родѣ слѣдующей: «Когда я тамъ и самъ рисую дѣйствія чиновницей аристократіи константинопольской и ея жевретовъ, то я этимъ вовсе не хочу высказать что-либо позорное и оскорбительное для турецкой націи вообще» и т. д., и затѣмъ распространяется о нѣкоторыхъ прекрасныхъ качествахъ простаго турецкаго рабочаго люда. Но потомъ, въ другомъ мѣстѣ, самъ же проговаривается, что все же «эти люди, въ сожалѣнію, не имѣютъ никакого вліянія на государственныя дѣла; что они такъ же, какъ и не-мухаммеданскіе подданные, угнетаются, обворовываются и высасываются чиновничествомъ, но что если бы кто, прельстившись картинами Уркугарта (обожателя турокъ), попробовалъ на болѣе продолжительное время (тѣмъ, т. е., случайное посѣщеніе какаго-нибудь туриста) завязать извѣстныя сношенія съ этимъ людомъ, тотъ весьма скоро и горько бы разо-

чаровался: нѣкоторые, тѣсно связанные съ исламомъ, учрежденія и въ этихъ кружкахъ видряютъ свое тлетворное вліяніе, такъ что, можно сказать, абсолютное отсутствіе нравственныхъ и физическихъ потребностей въ этихъ людяхъ распространяеть вокругъ себя какую-то пустыню, которая просто невыносима для европейца».

Планъ самой книги очень простъ: это—родъ біографій государственныхъ и общественныхъ дѣятелей Турціи, около которыхъ сгруппированы знаменательные факты изъ разныхъ сторонъ жизни и быта этого государства за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Такой планъ частію зависитъ отъ отрывочнаго порядка наблюденій автора, отчасти же обусловливается, думаемъ мы, самымъ свойствомъ предмета. Государственно-общественный строй оттоманской Порты таковъ, что въ ней всѣ дѣла внутренней и вѣшной политики направляются и обусловливаются тѣми или другими взаимными отношеніями отдѣльныхъ личностей—деспота-султана къ ближайшимъ исполнителямъ его воли, разнымъ пашамъ, беямъ, а этихъ послѣднихъ другъ къ другу и къ своимъ вклевретамъ; народные же интересы тутъ совершенно подавлены и вытѣснены личными происками олигарховъ. Съ другой стороны, можетъ быть, спѣшность работы была причиною того, что у автора факты не всегда плотно сгруппированы, и потому мы позволимъ себѣ не стѣсняться рамками самой книги въ своемъ собственномъ изложеніи. Мы также оставляемъ въ сторонѣ свѣдѣнія и разсужденія автора касательно былого-прошлаго Турціи; притомъ эта сторона составляетъ самую слабую и всего менѣе интересную часть книги; остановимся болѣе всего, по выраженію самого автора, на «изображеніи различныхъ стремленій и тенденцій, которыми характеризовались въ послѣднія 15 лѣтъ разныя отрасли управленія Турціи и его функцій, такъ какъ я, т.-е. авторъ, въ теченіи цѣлаго царствованія былъ очевидцемъ судебъ, постигавшихъ эту страну».

I.

Султанъ Абду-ль-Азизъ, пока былъ еще только наслѣдникомъ, сидѣлъ у брата взаперти въ своемъ гаремѣ и короталъ время въ обществѣ своей *единственной* жены да разныхъ дервишей, муллъ, ходжей и т. п. фанатической толпы: сопркосновеніе съ европейскими элементами столицы для него было недоступно, ибо противъ этого братомъ его были приняты самыя строгія мѣры. И вотъ, въ такой-то обстановкѣ готовился новый султанъ со всѣми

доблестями истого правовернаго турка: Абду-ль-Азизъ не пилъ тогда не только вина, но даже кофе, не курилъ табакъ; былъ крайне расчетливъ въ своихъ расходахъ и порицалъ расточительность своего брата. Отъ него всё, и мусульмане и христіане, чаяли много для блага государства; но оказалось, что новый султанъ имѣлъ совершенно особый идеалъ возрожденія своего государства: онъ мечталъ о возвращеніи Турціи къ ея прежнему блеску и могуществу и приведеніи ея въ такое состояніе, чтобы снова заставить трепетать передъ нею Вѣну и даже, пожалуй, распустить побѣдоносное знамя свое передъ Парижемъ, Лондономъ и Петербургомъ. Ненависть свою къ Европѣ онъ не въ силахъ былъ побороть даже и для виду, по требованію этикета, во время своего шествія въ мечеть Эюба на препоясаніе мечомъ; проѣзжая мимо палатки, нарочито устроенной для дипломатическаго корпуса, онъ намѣренно повернулся къ ней спиною и уставлялъ глаза куда-то въ неопредѣленное пространство, сдѣлавъ видъ, что онъ что-то такое пристально разглядѣть хотѣлъ. Къ этому принципу, руководившему дѣйствіями Абду-ль-Азиза, т.-е. къ его ненависти противъ всей Европы и христіанства, присоединялись еще два не менѣе крупныхъ мотива, а именно—скряжничество и жадность къ деньгамъ и намѣреніе измѣнить систему престолонаслѣдія въ пользу своего старшаго сына.

Въ этихъ видахъ онъ прежде всего принялся за преобразование своихъ военныхъ силъ; но оно состояло лишь въ томъ, что онъ перемѣнилъ мундиръ и не обращалъ при этомъ никакого вниманія на дисциплину; увеличивалъ съ каждымъ годомъ панцирный флотъ и не помышлялъ объ образованіи способныхъ моряковъ. Какъ истый турокъ, онъ уволилъ множество поляковъ, венгерцевъ, итальянцевъ и даже русскихъ (?) офицеровъ, которыхъ до него было очень много въ турецкой арміи. И вотъ, когда первый опытъ показать величіе оттоманской державы сдѣланъ былъ надъ Черной-Горою, то оказалось, что *маленькій князекъ маленькой нации* не только не былъ побѣжденъ, но еще самъ нанесъ нѣсколько пораженій турецкому войску, и это страшно раздражало Абду-ль-Азиза. Полагая всю силу свою въ войскѣ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что главное основаніе прочности государства заключается въ его эконоическомъ развитіи; онъ считалъ Турцію какимъ-то неистощимымъ мѣшкомъ и не думалъ заботиться ни о земледѣліи, ни о промышленности, ни о торговлѣ, и т. п. Къ этому еще присоединилась страсть султана къ мотовству и роскоши, которую онъ прежде, бывши наследникомъ, порицалъ въ своемъ братѣ: ставши султаномъ, онъ

вошелъ во вкусъ сладкой жизни и скоро побоянилъ съ своимъ прежнимъ аскетизмомъ; менѣе чѣмъ въ пятнадцать лѣтъ дворцовый бюджетъ съ 10 милліоновъ лиръ возросъ до 20 милліоновъ. Отсюда начинается та расточительная финансовая система, которая довела Турцію до банкротства: всѣ министры финансовъ только и хлопотали, что объ увеличеніи налоговъ, о выпускѣ бумажныхъ денегъ, да о заграничныхъ займахъ. Невѣжественные и низкіе журналисты до небесъ превозносили всѣ эти мѣры, и сами другъ передъ другомъ спѣшили съ предложеніями разныхъ проектовъ тѣхъ или другихъ налоговъ и сулили отъ нихъ горы доходовъ государству. И вотъ, изъ всего этого получилось безпримѣрное въ исторіи явленіе: государство, 25 лѣтъ тому назадъ не имѣвшее ни копѣйки долгу, съ богатѣйшею и плодороднѣйшею территоріей, въ 20 лѣтъ проведенныхъ имъ въ мирѣ и спокойствіи, надѣлало долговъ въ 5—6 милліардовъ франковъ и объявило себя несостоятельнымъ!

Завѣтная мечта—упрочить престолъ за своимъ потомствомъ, также повела Абду-ль-Авиза во многимъ мѣропріятіямъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Дѣятельнымъ помощникомъ ему въ этомъ была его мать, или какъ ее называютъ по-турецки, *валиде*. Извѣстно, что для устраненія династическихъ несогласій, у оттоманской династіи существуетъ четыре традиціонныхъ правила: 1) старшій въ мужскомъ поколѣніи занимаетъ тронъ; 2) прочіе члены султанской фамиліи не вступаютъ въ законный бракъ, чтобы не образовывалось побочныхъ линій; 3) принцессы выдаются замужъ за любимцевъ изъ подданныхъ, и 4) султанъ при вступленіи своемъ на престолъ долженъ умерщвлять своихъ братьевъ. И вотъ, на послѣдній-то пунктъ, несоблюденный впервые Абду-ль-Меджидомъ, и указывала *валиде* въ особомъ рескриптѣ, данномъ въ декабрѣ 1874 года, существованіе котораго тщетно отрицали въ свое время туркофильскіе сотрудники газеты «*Kölnische Zeitung*». Но Мурадъ-эфенди, нынѣшній экс-султанъ, держалъ себя такъ осторожно, что ему удалось избѣгнуть кровавой участи, которой онъ подвергался съ своими братьями по 4-му пункту. Тѣмъ не менѣе султанъ опасался его, и когда ѣздилъ въ 1867 году за границу, то и его возилъ съ собою.

Но какъ бы султанъ ни былъ неограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, все-таки въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ перемѣна престолонаслѣдія, ему приходилось бороться съ традиціею цѣлаго народа, и потому ему нужны были помощники въ ряду главныхъ государственныхъ дѣателей. Съ этой точки зрѣнія для насъ

должно стать совершенно ясно все значеніе въ ходѣ турецкаго управленія отдѣльныхъ личностей, облеченныхъ болѣе или менѣе обширными полномочіями, изъ которыхъ больше всѣхъ фигурировали Фуадъ-паша, Аали-паша и Махмудъ-Недимъ-паша.

Фуадъ-паша и Аали-паша были бы не прочь сослужить службу султану, но, какъ умные люди, они понимали всю опасность такого шага, и потому съ ловкостью дипломатовъ извивались, и съ тѣмъ умерли, что не угодили ему. Мечтою Абду-ль-Азиза ловко воспользовался вице-король египетскій, и, притворившись готовымъ на всѣ услуги пособникомъ, выхлопоталъ въ 1866 году у султана утвержденіе власти за своимъ потомствомъ и нѣкоторыя другія уступки. Оба вышеупомянутые визиря безспорно были люди весьма талантливые, чтобы не сказать болѣе, и умѣли обуздывать дикіе порывы своего повелителя. Такъ, про Фуадъ-пашу рассказываютъ, что онъ однажды сказалъ султану: «Государь, вы совершенно правы, что не любите христіанъ, но объ этомъ не надо говорить». Но и тотъ и другой были односторонники и имѣли свои слабыя стороны, сильно вредившія дѣлу. Фуадъ-паша, напр., ничего не смыслилъ въ финансахъ, а между тѣмъ постоянно вмѣшивался въ хозяйственное управленіе государства, такъ что Турція обязана своимъ банкротствомъ главнымъ образомъ этому великому мужу. Такъ, онъ ввелъ налогъ на соль, и съ тѣхъ поръ начались постоянныя эпизоотіи; сеотоводство пришло въ упадокъ, а съ нимъ упало и производство шерстяныхъ издѣлій, какъ, напр., выдѣлываніе ковровъ и т. п. Шелководство и шелковая мануфактура, составлявшія прежде источникъ богатства для многихъ мало-азійскихъ провинцій, обложены были такими безумными пошлинами, что повсюду принли въ совершенный застой. На все, на все сдѣланы были непомерныя валоги; нѣкоторые мудрые прожектеры предлагали-было обратить даже продажу хлѣба и мяса въ монополію; но только фіаско съ монополіей табаку удержало отъ этой нелѣпой мѣры. Откупщики десятинной подати и пошлинъ, ростовщики, въ союзъ съ бесовѣстными чиновниками, сдирали послѣднюю шкуру съ крестьянина; тюрьмы наполнились массою несостоятельныхъ должниковъ, дошедшихъ до 40,000 человекъ; болѣею частью все это были люди, за которыми числились государственныя недоимки. Дворъ между тѣмъ самымъ бесовѣстнымъ образомъ пожиралъ все, что только выжималось изъ страны. Присылавшіеся изъ провинцій суммы адъютанты султана везли прямо въ нему. Крупновскія пупы и подарки г-жѣ Круппъ, которые будто бы заказывались на собственные деньги султана и валидѣ, въ дѣйствительности

относились на счетъ артиллерійскаго управленія. Даже 6 октября 1876 года, когда государство объявило себя банкротомъ, султанъ потребовалъ полной уплаты по купонамъ принадлежавшихъ ему консолей.

Аали-паша былъ человекъ менѣе способный, чѣмъ Фуадъ, но обстоятельнѣе и основательнѣе его, и, пожалуй, еще больше имѣлъ вліянія на султана. Что онъ зналъ цѣну деньгамъ и любилъ ихъ, доказательствомъ этому служить оставшееся послѣ его смерти состояніе въ 1½ милліона лиръ, около 11-ти милліоновъ рублей. Но вся его дѣятельность точно также, главнымъ образомъ, сосредоточивалась на иностранной политикѣ, въ которой онъ держался Талейрановской системы. Главную его слабость составляла боязнь конкуренціи, вслѣдствіе чего онъ всячески старался отгѣснять, елико возможно, отъ государственныхъ дѣлъ всѣхъ мало-мальски способныхъ и талантливыхъ людей; на экономическій же бытъ вѣренной ихъ управленію страны оба они не оказывали, да и не могли оказывать, благотворнаго вліянія: всѣ ихъ мѣропріятія въ этомъ отношеніи, можетъ быть, и благонамѣренныя, ничего не принесли, кромѣ вреда. Но вотъ выступилъ на сцену послѣ нихъ Махмудъ-Недимъ-паша, котораго можно назвать *экономомъ* въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ полагалъ, что матеріальное благополучіе государства можно упрочить самымъ простымъ способомъ: стоить только сократить до послѣдней степени штаты чиновниковъ, да и остальнымъ, по мѣрѣ возможности, или не платить ничего, или затягивать уплату на самые неопредѣленные сроки. Султанъ держался за Махмуда потому, что онъ подавалъ ему виды на осуществленіе плана о престолонаслѣдіи. Самъ же Махмудъ, по мнѣнію автора, былъ орудіемъ генерала Игнатьева, который, будто бы, одинъ изъ всѣхъ дипломатовъ исполнялъ свою обязанность какъ слѣдуетъ, дѣятельно работая въ интересахъ своего государства. Но вѣрнѣе, что Махмудъ, какъ и вообще всѣ государственные мужи Турціи, имѣлъ въ виду не султана съ его планами, ни генерала Игнатьева съ его дипломатическими ходами, а свой собственный карманъ: такъ оно, по крайней мѣрѣ, выходитъ изъ всѣхъ дѣйствій этого министра. Напримѣръ, съ учредителей компаніи конно-железныхъ дорогъ въ Константинополѣ онъ взялъ взятку въ 35,000 лиръ; съ учредителей австро-оттоманскаго банка—40,000 лиръ. Всѣ эти предпріятія устраивались помимо совѣта министровъ. Изъ-за этого потомъ возникли-было распри между директоромъ оттоманскаго банка, г. Тубини, и англійскимъ банкиромъ Мертономъ. Послѣдній высккивалъ съ Тубини половинную часть изъ полученныхъ

имъ 100,000 лиръ, какъ благодарность за устройство займа. Это было 18-го іюля 1873 года. Французское посольство, какъ ближайшее начальство г-на Тубини, отказало истцу, съ полною откровенностью заявивши, что г. Мертонъ за «коммисію» уже получилъ 20,000 лиръ, а что спорныя 100,000 лиръ вовсе не есть коммисіонная плата, а просто-на-просто *pot de vin*, или «взятка», и что истецъ и отвѣтчикъ оба одинаково не имѣли на эти деньги никакого законнаго права.

Главнымъ предметомъ экономической дѣятельности Махмуда было сокращеніе штатовъ и урѣзыванье жалованья чиновниковъ, но, разумѣется, вовсе не съ цѣлью употребить сбереженныя такимъ путемъ средства на другія какія-нибудь существенныя нужды государства, а положить ихъ въ свой собственный карманъ. Изъ Эдхема-паши, Джевдетъ-паши, Сафветъ-паши и Кіани-паши составила подѣ грошеимъ титуломъ «коммисіи реформъ» проскрипціонная коммисія, которая еженедѣльно представляла верховному визирю списки подлежащихъ отрѣшенію чиновниковъ. Увольняли всѣхъ, виновныхъ и невиновныхъ; придирались ко всякому случаю; ябедничеству и доносамъ данъ былъ самый широкій просторъ. Правда, что между исключенными изъ службы чиновниками было много и бесполезныхъ людей, не мало было отъявленныхъ мошенниковъ, но заурядъ съ такими личностями увольнялись люди, 15, 20, 25 и даже 30—40 лѣтъ состоявшіе на службѣ, которые если и не отличались образцовыми знаніями и добросовѣстностью, то, по крайней мѣрѣ, были полезны своимъ практическимъ навыкомъ въ веденіи дѣлъ. На обязанности той же коммисіи было давать другія назначенія оставшимся безъ хлѣба чиновникамъ; но она дѣлала заштатнымъ такія предложенія, что тѣ поневолѣ отказывались; напримѣръ, судѣ предлагали должность писца гдѣ-нибудь въ отдаленномъ провинціальномъ захоlustвѣ; переводчику предлагали мѣсто на какомъ-нибудь пустынномъ дунайскомъ островкѣ, гдѣ свирѣпствовали лихорадки, и съ оладомъ вчетверо меньшимъ противъ того, каковой онъ получалъ прежде, и т. д. Само собою разумѣется, что подобное безцеремонное сокращеніе штатовъ не могло не отзываться на ходѣ дѣлъ во всѣхъ управленіяхъ, которыхъ коснулась реформаторская дѣятельность Махмуда. Но особенно это обнаружилось въ телеграфномъ вѣдомствѣ, когда, въ іюль 1872 г., на разныхъ телеграфныхъ станціяхъ столицы и обоеихъ предмѣстій подана была масса депешъ отъ имени различныхъ банкирскихъ домовъ, которыми поручались корреспондентамъ этихъ домовъ въ Парижѣ, Лондонѣ и т. д. громадныя фондовыя операціи. Корре-

спонденты сообразили, что тутъ какая-нибудь ошибка, и спросили по телеграфу, точно ли сдѣланы были такіе небывалые заказы, и что же вышло? Оказалось, что шайба мошенниковъ устроила эту мистификацію для эксплуатированія публики, воспользовавшись невѣжествомъ новаго, удешевленнаго служебнаго персонала, — разслѣдованія же не привели ни къ какому результату, потому что телеграфные чиновники не въ состояніи были надлежащимъ образомъ разобрать подписей на поданныхъ имъ телеграммахъ.

Тотъ же мотивъ экономіи руководилъ министерствомъ Махмуда и въ плутовской разверсткѣ почтовой пересылочной платы въ январѣ 1872 года, которая официально провозглашена была пониженіемъ, а въ дѣйствительности почтовая плата была повышена, какъ это явствуетъ изъ приводимыхъ авторомъ вычисленій.

Не лучше велось дѣло и съ путями сообщенія, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ такое громадное значеніе въ экономическомъ быту всѣхъ странъ. «Турецкая раса, — говоритъ нашъ авторъ, — кажется не имѣетъ никакого понятія о пользѣ шоссе, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и другихъ средствахъ сообщенія. Пренебреженіе турокъ къ такимъ предпріятіямъ я замѣтилъ во всѣхъ классахъ народонаселенія, даже у купцовъ, фабрикантовъ и земледѣльцевъ. Только въ послѣдніе два года я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ головахъ чиновниковъ министерства общественныхъ работъ стала мелькать смутная идея объ этомъ: они внѣшнимъ чутьемъ замѣтили увеличеніе народонаселенія и его благосостоянія въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ желѣзныхъ дорогъ, хотя никакъ еще не могутъ понять, чему надо приписать это увеличеніе. Свойственное этой расѣ отвращеніе отъ хорошихъ средствъ сообщенія въ высшихъ кружкахъ оправдывается такимъ соображеніемъ: что, молъ, хорошія дороги облегчаютъ вторженіе непріятельскихъ армій». И вотъ почему даже до сихъ поръ турецкое правительство не рѣшило вопроса о соединеніи румелійскихъ дорогъ съ европейскою сѣтью, изъ-за чего оно не остановилось бы даже и передъ разрывомъ съ Австріею. Вотъ почему проектированное еще въ 1847 году шоссе изъ Трапезунта къ персидской границѣ проведено всего на разстояніе ружейнаго выстрѣла, да такъ и брошено. Дѣло это поручено было Исмаиль-пашѣ, который изъ раба, принадлежавшаго смирнскому погонщику ослось, благодаря своему искусству совершать операцію обрѣзанія, чему онъ обучился у одного цирюльника, возвысился сперва въ званіе главнаго придворнаго медика, еще при султанѣ Абду-ль-Меджидѣ. Когда, въ 1847 г.,

умеръ ребенокъ султанскаго гарема, котораго онъ лечилъ, его уволивъ и предложили мѣсто губернатора въ Янинъ; но онъ отказался, и его сдѣлали министромъ общественныхъ работъ. Въ это-то время и вздумали проложить шоссе изъ Трапезунта черезъ Эрзерумъ и Баязидъ къ персидской границѣ, для каковой цѣли взяли 12 милліоновъ піастровъ изъ фонда софійской мечети и вручили ихъ Исмаиль-пашѣ. По этому случаю данъ былъ пышный обѣдъ, на которомъ присутствовала вся городская знать и иностранные консулы Трапезунта. Затѣмъ, окрестные жители согнаны были на работы съ платою по 3 піастра въ день съ прокормомъ; дорогу довели до подошвы горы Баязъ, и этимъ закончилось предпріятіе. Исмаиль-паша, *quasi re bene gesta*, благополучно вернулся назадъ, а о 12-ти милліонахъ ни слуху, ни духу до сего времени. Вслѣдствіе этого, еще 25 лѣтъ тому назадъ бывшій въ цвѣтущемъ положеніи Трапезунтъ мало-по-малу сдѣлался незначительною деревнею. Вотъ почему также шоссе отъ моря до мануфактурнаго города Брюссы, всего на шестичасовомъ разстояніи, не могло быть окончено въ продолженіи цѣлыхъ 12-ти лѣтъ; да и теперь-то оно годно для путешествія развѣ однихъ только самоубійцъ. Вотъ почему желѣзная дорога отъ моря до Брюссы еще прежде, чѣмъ была окончена, потребовала громаднаго ремонта. Вотъ почему и новый мостъ между Стамбуломъ и Галатою цѣлыя 9 лѣтъ не можетъ окончиться, а многіе обрывки его, на которые еще не ступала ни одна нога человѣческая, уже починяются. Когда, въ 1862 году, Мюнифъ-эфенди, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, вздумалъ-было выступить въ печати съ проектомъ расширенія и исправленія константинопольскихъ улицъ, то его вся стамбульская публика почла *сумасшедшимъ*; да еще и теперь зачастую въ турецкихъ газетахъ встрѣчаются діатрибы противъ устройства конножелѣзныхъ дорогъ и туннели, ведущаго въ гору изъ Галаты въ Перу. Константинопольская гавань, единственная въ цѣломъ мірѣ, съ которою можетъ равняться развѣ гавань Ріо-де-Жанейро, была бы, навѣрное, заперта, если бы корабельное движеніе по ней не давало порядочнаго дохода казнѣ. Прочія же превосходныя гавани, какъ смирнская, митленская, варнская и др., благодаря такому варварскому взгляду на вещи, оставлены въ забросѣ. А между тѣмъ груды денегъ тратились на бесполезныя постройки и перестройки дворцовъ. Только смерть Абду-ль-Ависа помѣшала осуществленію проекта постройки громаднѣйшей мечети возлѣ Долма-Бахче, стоимость которой опредѣлена была смѣтою въ 800,000 ларъ. Сколь мало турецкое правительство обращало вниманія

на пути сообщенія, это явствуетъ изъ того, что знаменитый строитель трапезунтскаго шоссе, Исмаиль-паша, въ октябрь 1873 г., вторично сдѣланъ былъ министромъ общественныхъ работъ. Въ ту пору носились неблагоприятныя слухи о только-что выстроенной Эдгемъ-пашою дорогѣ изъ Скутари въ Измидъ (Никомедію): говорили, что на нее израсходовано вдвое больше противъ смѣты; а между тѣмъ она выстроена была такъ дурно, что доходы съ нея не покрывали издержекъ по эксплуатаціи. Султанъ поручилъ новому министру произвести ревизію. Исмаиль-паша со всею пышностью провѣтилъ въ Измидъ и обратно, и потомъ думалъ на досугѣ составить докладъ о ревизіи. Но султанъ тотчасъ же повалъ его къ себѣ и потребовалъ отчета. Но что же могъ сказать султану цирюльникъ, ничего не смыслящій въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ? Хотя султанъ очень милостиво поступилъ съ Исмаиломъ, разжаловавъ его изъ министровъ въ градоначальники, но когда тотъ прочиталъ высочайшее повелѣніе о своей отставкѣ, то съ нимъ тутъ же, въ Портѣ, сдѣлался ударъ.

Итакъ, содержаніе всѣхъ чиновниковъ было понижено на 40, 50 и даже на 60 процентовъ; вездѣ, гдѣ только можно было сократить расходъ, онъ былъ сокращенъ, такъ что надо было ожидать непремѣннаго возстановленія баланса въ финансахъ. Но не тутъ то было: въ то время, какъ маленькіе чиновники должны были чуть не умирать съ голоду, кое-какъ перебиваясь на 200, 300, 400 піастрѣхъ въ мѣсяцъ, жалованье служилыхъ тузовъ въ той же пропорціи было увеличено. Напр., Риза-паша, министръ безъ портфеля, получавшій прежде 25,000 піастровъ, сталъ получать 50,000 піастровъ въ мѣсяцъ. Несмотря на колоссальную *экономію*, государство не могло уплатить 1-го января 1872 года процентовъ по купонамъ, не сдѣлавъ новаго займа. Декретомъ 6 октября 1875 года половина уплаты процентовъ государственнаго долга была произвольно отсрочена на 5 лѣтъ. Эта банкротская махинація была заранѣе подготовлена самымъ секретнѣйшимъ образомъ отъ посольствъ англійскаго и французскаго. Еще вечеромъ 6 числа директоръ банка, провѣдавъ объ этомъ по биржевымъ слухамъ, явился къ верховному визирю удостовѣриться, такъ ли это, и Махмудъ далъ отрицательный отвѣтъ; а поутру 7 октября султанское *ирадѣ* объ этой операціи уже напечатано было въ газетахъ «Басиретъ» и «Вахытъ». Послы великихъ державъ, которые за какіе-нибудь разорванные штаны у пьянаго матроса въ Галатѣ готовы строчить ноту за нотой въ Порту, тутъ только раскрыли ротъ и глазомъ не моргнули, когда цѣлыя тысячи англ-

ийскихъ и французскихъ подданныхъ лишались своихъ долготѣльныхъ сбереженій. А графъ Зичи, говорили, даже будто бы поздравлялъ Порту съ такимъ финансовымъ оборотомъ. Правовѣрные старо-турки только ухмылялись отъ удовольствія, что ихъ верховный визирь Махмудъ-паша натянулъ длинный носъ гурамъ!

И вотъ, такіе-то мнимые радѣтели блага государства, какъ Махмудъ и Б^о, чтобы прикрыть свои воровскія продѣлки, старались пускать пыль въ глаза добѣрчивой публикѣ нѣкоторыми своими распоряженіями, рассчитанными на эффектъ, но вкрайне нецѣльными и бессмысленными въ основѣ своей. Чуть не каждый день издавались приказы касательно общественнаго благочинія, но, разумѣется, не достигавшіе цѣли. Такъ, во время рамазана верховный визирь запретилъ *христіанамъ* курить табакъ на улицахъ и въ своихъ лавкахъ. Несмотря на это, полицейскій однажды замѣтилъ одного лавочника, который курилъ папиросу у дверей своей лавки. — «Развѣ ты не знаешь, что христіанамъ запрещено курить въ рамазанъ?» — «Ну, такъ что же? Это меня не касается: я еврей», — отвѣчалъ нарушитель порядка. И сконфуженный полицейскій остался съ носомъ. Когда онъ донесъ о случившемся начальству, то пришлось отмѣнить плохо сформулированное распоряженіе.

Въ первый день рамазана совершилось торжественное открытіе конножелезной дороги константинопольской. Верховный визирь командировалъ даже одного изъ своихъ адъютантовъ на эту церемонію. А послѣ обѣда градоначальникъ Али-бей опять велѣлъ превратить только-что начавшееся движеніе по линіи: не знали, кого слушать. Однако же компанія подала протестъ, и такъ какъ въ предпріятіи участвовали иностранные капиталисты, то государственная казна порядочно поплатилась за эту произвольную выходку градоначальника.

Въ эту пору начала свирѣцствовать холерная эпидемія въ городѣ и предмѣстьяхъ. И вотъ, санитарная коммиссія, чтобы не отстать отъ другихъ во всеобщемъ содомѣ, наложилла карантинъ на зараженные дома — это значило, что мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти, могли, сколько имъ угодно было, выходить, а только особамъ женскаго пола строго воспрещалось переступить за порогъ своего дома.

Прочіе дѣльцы тоже не дремали. Военный министръ Эс'ад-паша, бывшій ненавистникъ христіанъ и европейцевъ, направилъ на нихъ ввѣренную ему армію, возбуждалъ солдатъ въ самому грубому обхожденію съ беззащитными женщинами и дѣтьми,

не помысливъ о томъ, какому расгѣнію подвергалъ онъ самый основной элементъ военной корпораціи,—дисциплину. Ино дня въ день пьяные солдаты на улицахъ, на гуляньяхъ, на площадяхъ открыто нападали на женщинъ и дѣвушекъ, и даже на дѣтей—пачкали и рвали платье, и даже просто иногда грабили. Для большей безнаказанности они обыкновенно ходили толпками. Когда же пострадавшіе жаловались, то имъ обыкновенно рекомендовали обращаться къ капитану, майору или полковнику военныхъ частей, къ которымъ принадлежали обидчики, что равнялось отказу, ибо почему могла знать оскорбленная, къ какому полку принадлежали обидѣвшіе ее солдаты. Оставалось прибѣгнуть къ суду общественнаго мнѣнія. Всѣ почти газеты завонили, а газета «Levant Herald» даже открыла у себя особую рубрику: *Безчинства преторіанцевъ*. Но военный министръ съ наглостью возражалъ, говоря, что это дѣлали не солдаты, а какіе-то другіе негодяи, переодѣтые солдатами; а какимъ образомъ эти лица могли добыть себѣ военную форму, онъ не считалъ нужнымъ объяснять. Мало того: когда газета «Levant Herald» напечатала цѣлый рядъ жалобъ на солдатъ за подписью оскорбленныхъ, въ числѣ коихъ были жены и дочери изъ почетныхъ фамилій, изъ высшихъ кружковъ, и при этомъ указывалось на отвѣтственность военнаго министра за дисциплину арміи, то Эс'адъ-паша вчинилъ искъ противъ редактора (не Виткера, конечно), м-ра М'Коана. Но на первомъ же засѣданіи очевидно было, что даже самый безнравственный судъ долженъ былъ обвинить истца. Правительство, чтобы не скомпрометтироваться обвиненіемъ военнаго министра, поспѣшило отставить Эс'ада-пашу, и процессъ канулъ въ воду. «Но насколько дисциплина арміи,—заключаетъ авторъ,—была распатана, это всего лучше доказали событія 1876 года»—и, прибавимъ мы, варварское обращеніе турецкихъ солдатъ съ нашими плѣнными и ранеными въ нынѣшней войнѣ. Да и какъ было обуздывать дикую солдатскую орду, которую самъ султанъ въ одномъ своемъ приказѣ называлъ «своими дѣтьми»? Какой офицеръ могъ отважиться штрафовать «дѣтя султана», когда оно, бывало, провинится?

Издавна существовалъ законъ, что всѣ проѣзжавшіе мимо султанскаго дворца, верхомъ на лошади или въ кавкѣ по Босфору, обязаны были—первые спѣшиваться, и всѣ—спускать зонтики. Во время крымской войны случилось англійскому послу, лорду Стратфорду Редклиффу, проѣзжать мимо дворца Черагана съ драгоманомъ и слугами верхами на лошадяхъ, какъ вдругъ

ихъ остановилъ одинъ изъ евнузовъ и потребовалъ, чтобы они спѣшили. Но Стратфордъ, вмѣсто того, чтобы исполнить это требованіе, тотчасъ же послалъ драгомана Пизани во дворецъ къ султану заявить, что вотъ, молъ, какъ оскорбляютъ представителя ея величества королевы Викторіи, солдаты которой проливаютъ кровь въ защиту оттоманской имперіи. Султанъ Абду-ль-Меджидъ понялъ суть дѣла, отмѣнилъ негѣное правило и тотчасъ же приказалъ евноху извиниться передъ посланникомъ. Но въ концѣ 1871 года законъ этотъ, не практиковавшійся уже въ теченіи дѣлѣхъ 15 лѣтъ, снова былъ восстановленъ, и даже безъ оповѣщенія объ этомъ публики, и только одинъ «Levant Herald» имѣлъ печальную храбрость признать эту мѣру въ порядкѣ вещей.

II.

Раздѣляя мечтательныя стремленія султана возстановить могущество Турціи въ прежнемъ ея блескѣ и въ то же время бессильныя осуществить эти мечты путемъ внутреннихъ плодотворныхъ мѣропріятій, наиболѣе дѣятельные и патріотичные министры время Абду-ль-Азиса, какъ Фуадъ-паша и Аали-паша, думали наверстать свою административную неумѣлость дипломатическими изворотами. Вмѣсто того, чтобы положительными мѣрами возвышать благосостояніе и политическую репутацію своего государства, они приложили все стараніе къ подавленію и искорененію не-мусульманскихъ составныхъ элементовъ его, и въ этомъ обнаружила фанатическая ограниченность возрѣній даже такихъ людей, какъ оба вышепоименованные турецкіе государственные мужа, которымъ нельзя отказать въ умѣ и относительной образованности. Когда и въ финансахъ, и въ управленіи собственной Турціи все расплывалось, когда въ провинціяхъ то тамъ, то сямъ обнаруживались разныя злоупотребленія и вслѣдствіе того безпорядки и волненія, Сербія, Румынія, Египетъ и Тунисъ были совершенно свободны отъ анархіи,—и вотъ конькомъ Фуада-паши было низвести Сербію и Румынію опять на степень простыхъ турецкихъ провинцій и разорить ихъ при содѣйствіи какого-нибудь нуждавшагося въ деньгахъ паши, въ чемъ ему ревностно содѣйствовало австрійское правительство, и только помѣшали прочія державы, гарантировавшія независимость дунайскихъ княжествъ: старанія оттоманскаго премьера не увѣнчались успѣхомъ.

Думая повліять на своего повелителя и побудить его къ реформамъ, заставивъ его самолично видѣть плоды европейской культуры, а также чтобы не уронить себя въ глазахъ Европы, послѣдовавъ примѣру другихъ монарховъ дѣлать другъ другу визиты, Фуадъ-паша устроилъ въ 1867 году поѣздку султана въ Европу и сопутствовалъ ему въ качествѣ чичероне. Въ его отсутствіе правителемъ государства остался Аали-паша, съ которымъ они работали за-одно и не разъ мѣнялись своими высокими постами, чтобы дружнѣе и успѣшнѣе осуществлять тѣ или другіе свои замыслы: когда одинъ дѣлался верховнымъ визиремъ, то другой занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, и обратно, такъ-что эти два имени стоятъ неразлучно въ новой исторіи Турціи. Въ февраль 1869 года умеръ Фуадъ-паша, оставивъ своей семьѣ громадное состояніе, а своему отечеству — политическое завѣщаніе, написанное въ формѣ предсмертной исповѣди, обращенной къ султану; недоошенное имъ дѣтище, Турція, осталась на попеченіи одного Аали-паши.

Мегемедъ-Эминъ-Аали родился въ 1815 году въ Константинополѣ и былъ сынъ незначительнаго чиновника. Онъ получилъ обыкновенное турецкое воспитаніе, состоящее въ обученіи чтенію, каллиграфіи, корану и словесности. 15-ти лѣтъ онъ поступилъ на службу въ одно изъ бюро Порты, по рекомендаціи Решидъ-паши, который впоследствии былъ верховнымъ визиремъ, и съ этого-то времени началъ онъ свое образованіе, такъ-какъ турецкое государство не имѣетъ никакихъ другихъ учебныхъ заведеній для формировація своихъ чиновниковъ. Решидъ-паша, покровитель его, былъ въ свое время человекъ, по-своему, очень дѣятельный, создавшій цѣлую школу дѣловыхъ людей, изъ которой вышелъ между прочимъ и историкъ Джевдетъ-паша. Большую часть служебнаго времени Аали провелъ за-границею въ качествѣ повѣреннаго турецкихъ посольствъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ, пока въ 1852 году сдѣлался верховнымъ визиремъ. Но сперва ему не повезло, и его вскорѣ смѣстили. Побывавъ въ разныхъ должностяхъ, въ 1855 году онъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и его имя красуется, вмѣстѣ съ именемъ Джемилъ-паши, подъ парижскимъ трактатомъ 1856 года. Послѣ того онъ опять нѣсколько разъ кочевалъ съ одного поста на другой, пока въ 1869 году, по смерти Фуадъ-паши, не сдѣлался верховнымъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; эти должности онъ и занималъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 6 сентября 1871 года.

Эта легкость, съ какою турецкіе высшіе сановники перемѣщаются съ одного поста на другой, достаточно показываетъ, какъ

турецкое правительство мало обращает вниманія на то, насколько лица, назначаемыя на ту или другую должность, знают въѣрною имъ спеціальность, и потому насколько они въ состояніи, какъ слѣдуетъ, вести ту или другую отрасль государственнаго управления. Поэтому, кто изъ нихъ чувствовалъ въ себѣ, напримѣръ, способности и наклонности къ дипломатіи, тотъ оказывался дипломатомъ не только въ международныхъ дѣлахъ Турціи, но и во внутреннихъ мѣропріятіяхъ. Такъ было съ Фуадъ-пашею; таковъ былъ и Аали-паша. Все, что ни затѣвали они для улучшения экономического положенія и юридическаго быта страны, кромѣ вреда ничего не приносило, какъ, напр., введеніе бумажныхъ денегъ, соляного и другихъ налоговъ, консолидированіе государственныхъ долговъ, секуляризація выморочныхъ недвижимыхъ имуществъ, и т. п.

Правосудіе испоконъ вѣковъ было *partie honteuse* турецкаго государства. При Абду-ль-Азизѣ и рѣчи быть не могло о какихъ-либо улучшеніяхъ въ юридическихъ учрежденіяхъ. Жадность его установила порядокъ не выдавать чиновникамъ жалованья по 6—16 мѣсяцевъ сряду; а послѣдствіемъ этого было колоссальное развитіе взяточничества. Братъ египетскаго хедива Исмаиль-паши, Мустафа-Фазиль-паша, въ бытность свою министромъ юстиціи, выработалъ проектъ юридическихъ реформъ, который хотя и не былъ образцомъ юридической мудрости, но все же заключалъ въ себѣ кое-какія хорошія и полезныя соображенія. Но Аали-паша почему-то былъ противъ этого проекта и никогда не представлялъ его султану, такъ-что еще и теперь онъ валяется гдѣ-нибудь въ кладовой Аали-паши и, вмѣстѣ съ другими бумагами, служитъ *драгоценнымъ матеріаломъ* для продовольствія мышей. Какъ дипломатъ и приверженецъ Талейрановской школы, по взгляду котораго явись служить только для того, чтобы скрывать мысли, Аали-паша принялъ проектъ и сказалъ: «превосходная работа, которою ваше превосходительство оказали безсмертную услугу его величеству и цѣлому государству, и я считаю за величайшую для себя честь повергнуть ее на утверженіе его величества и въ этихъ видахъ прошу только нѣсколько дней сроку, чтобы просмотрѣть ее. А пока не угодно ли вамъ заняться министерствомъ финансовъ и разслѣдовать, что тамъ такое натворилось; министръ финансовъ производилъ свои частныя спекуляціи на биржѣ на казенныя деньги и причинилъ этимъ казнѣ страшные убытки; опечатайте тамъ все». На другой день Фазиль-паша представилъ докладъ о своей ревизіи. «Очень хорошо», сказалъ великій визирь: «я вижу, что министръ фи-

нансовъ долже не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ; я васъ прошу принять на себя эту должность». — «А что же, ваше превосходительство», замѣтилъ египтянинъ, «будетъ съ моимъ проектомъ юридической реформы, если я теперь оставляю министерство юстиціи?» — «Теперь мнѣ нуженъ пока министръ финансовъ, и для этого никого нѣтъ способнѣе вашего превосходительства; а что касается до вашего великолѣпнѣйшаго проекта, то я ужъ самъ возьмусь провести его». Такимъ образомъ Мустафа-паша сдѣлался министромъ финансовъ, вскорѣ былъ смѣщенъ, а о юридической реформѣ не было вовсе и помину, такъ какъ у Аали-паши не было вовсе и въ мысляхъ приниматься за какую бы то ни было реформу, а тѣмъ болѣе осуществлять ее. Воспитанный въ принципахъ Решидъ-паши и, благодаря своей дипломатической карьерѣ, узнавши по опыту, какъ мало требуется для того, чтобы бросать, сколько угодно, дипломатической пыли въ глаза, онъ только и хлопоталъ, что о какихъ-нибудь фразахъ да газетныхъ статейкахъ: этого ему было довольно.

Для выработки гражданскаго кодекса учреждена была особая коммиссія. Она не нашла ничего лучше, какъ составить сборникъ изъ юридическихъ сочиненій среднихъ вѣковъ, когда мусульманскій міръ болѣе, чѣмъ на три-четверти состоялъ изъ кочевниковъ; эти сочиненія заключаютъ въ себѣ массу параграфовъ о контрактѣ, залогѣ, обязательствахъ, куплѣ-продажѣ, и т. п., изложенныхъ безтолковнѣйшимъ языкомъ, и столько же пригодны въ настоящее время, сколько, напримѣръ, Личурговы законы или Зороастрова Зендъ-Авеста приложимы къ британскому торговому флоту. Свидѣтельство христіанъ противъ мусульманъ въ провинціальныхъ судахъ до сего времени еще не допускается. Исполненіе же судебныхъ приговоровъ еще плачевнѣе, такъ-какъ турецкія исполнительныя власти издавна привыкли соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ своими собственными взглядами или интересами.

Естественнымъ слѣдствіемъ таковаго состоянія турецкой юстиціи и отношенія къ ней правительственныхъ дѣятелей-патріотовъ, мечтавшихъ единственно о возстановленіи во что бы то ни стало прежняго блеска и могущества представительницы мусульманства, Турціи, и объ обращеніи всѣхъ невѣрныхъ въ ея данниковъ, было прежде всего стремленіе турецкихъ дипломатовъ уничтожить капитуляціи. Прислужникъ стамбульской бюрократіи, газета «Turquie» въ цѣломъ рядѣ статей, выходившихъ изъ-подъ пера Аали-паши и Фуадъ-паши, и больше всего изъ-подъ пера самого невѣжественнаго и безтактнѣйшаго редактора газеты, доказывала,

что Турция лучшая изъ всѣхъ на свѣтѣ странъ, и что для довершенія ея благополучія недоставало только уничтоженія капитуляцій. И правду надо сказать: различные приступы, сдѣланные въ царствованіе Абду-ль-Азиза на капитуляціи, успѣли-таки сдѣлать порядочныя брешы въ этомъ оплотѣ человѣческихъ правъ въ безправномъ государствѣ, благодаря не столько мудрости турецкихъ дипломатовъ, сколько весьма слабой бдительности европейскихъ правительствъ. Вслѣдствіе уступчивости послѣднихъ, европейцы изъяты изъ-подъ покровительства капитуляцій въ дѣлахъ, касающихся ихъ владѣнія недвижимою собственностью, и плоды такого равнодушія уже дали себя знать за послѣдніе два года, когда Порта начала ставить разные препятствія въ наследственной передачѣ недвижимыхъ имуществъ. Когда Аали-паша открылъ свой походъ противъ капитуляцій, имѣя въ виду поставить всѣхъ европейцевъ въ Турціи въ положеніе полного безправія, въ каждомъ находятъ турецкіе райи, и поручилъ это дѣло товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Халиль-бею, то константинопольскія посольства возвысили свой голосъ противъ этого покушенія хитраго османлы, и европейскіе кабинеты оставили безъ вниманія заявленія турецкаго правительства. Тогда этотъ маленький Юпитеръ направилъ свои перуны на внутреннихъ враговъ величія Порты, а именно сперва на египетскаго хедива. Въ этихъ-то видахъ и былъ возвращенъ изъ заграничной ссылки братъ Исмаиль-паша, Мустафа-паша, чтобы на всякій случай имѣть наготовѣ средство проивзвестъ, когда понадобится, демонстрацію противъ хедива. Но хедивъ оказался такимъ же дипломатомъ, какъ и Аали, если еще не похитрѣе. Онъ вышѣдалъ чрезъ своихъ агентовъ, что Турція не въ силахъ была воевать съ нимъ, да притомъ же онъ имѣлъ на своей сторонѣ Францію, передъ которой, какъ извѣстно, Аали благоговѣлъ,—и не поддакъ. Аали, дотолѣ неотступавшій ни передъ какимъ противникомъ, тутъ такъ ошлошалъ, что даже отсовѣтовалъ султану ѣхать на открытіе Суэзскаго канала, и на глазахъ всѣхъ европейскихъ представителей при этомъ торжественномъ случаѣ фигурировалъ въ качествѣ хозяина вице-король египетскій. Это была непоправимая ошибка со стороны Аали-паши; походъ противъ хедива кончился пучкомъ. Такимъ образомъ, и Мустафа-Фазиль-паша больше ужъ не надобился, и вотъ, чтобы какъ-нибудь отъ него избавиться, его и сдѣлали министромъ юстиціи и поручили составить проектъ реформы. И проектъ, и авторъ его, какъ мы уже видѣли, оба канули въ вѣчность.

Еще раньше, когда султанъ предпринялъ путешествіе по

Европѣ и, въ отсутствіе сопутствовавшаго султану Фуадъ-паша, правителемъ государства сдѣланъ былъ Аали-паша, онъ употребилъ-было всю свою энергію на то, чтобы объявлена была война Греціи, самостоятельность которой также была бѣльмомъ на глазу государственныхъ людей Турціи, а особливо со времени критскаго возстанія, въ которомъ больше всего виноваты были сами же Фуадъ-паша и Аали-паша. Занимаясь такими, по ихъ мнѣнію, великими дѣлами, какъ водвореніе червесовъ на турецкой территоріи, какъ различныя, уже видѣнныя нами выше, финансовыя мѣропріятія; праздуя завтраками, обѣдами, съ неизбежными гостями и каламбурами, разные свои дипломатическіе фарсы, ораторствуя въ государственномъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ людей ровно ничего не смыслившихъ, — Фуадъ-паша и Аали-паша не обращали должнаго вниманія на то, что творилось ихъ губернаторами въ провинціяхъ, въ частности — на островѣ Критѣ. Критскіе старѣйшины, какъ извѣстно, явились къ тогдашнему губернатору Исмаиль-пашѣ съ самыми скромными желаніями; но тотъ ихъ встрѣтилъ ружейными выстрѣлами. Когда они обратились прямо къ Портѣ, то ихъ цѣлыхъ три мѣсяца водили, не давая никакого отвѣта, и тогда критянамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только взбунтоваться. Посланный для улаженія дѣла, въ качествѣ экстреннаго уполномоченнаго, Мустафа-паша, которому принадлежитъ цѣлая половина острова, разумѣется, не имѣлъ никакого интереса подвергать военнымъ опустошеніямъ свои владѣнія, и послалъ напыщенныя донесенія о небывалыхъ стычкахъ и усмиреніи повстанцевъ. Его вступилъ свирѣпый Омеръ-паша, который и подавилъ-было возстаніе, — какъ вдругъ явился Аали-паша съ примирительною миссією. Дипломатія все это время не дремала: Франція, Австрія и Россія совѣтовали Турціи уступить островъ Критъ Греціи; но Фуадъ-паша и Аали-паша оставались глухи къ этимъ совѣтамъ. Фуадъ-паша готовъ былъ даже вызвать второй Наваринъ. Это было озадачило сперва дипломатію, но потомъ она усилила свои представленія. Фуадъ былъ въ это время на смертномъ одрѣ; прочіе министры не знали, что имъ дѣлать, и послали въ Критъ Субхи-пашу спросить мнѣнія Аали-паша, а онъ въ это время составилъ цѣлый проектъ государственной реформы, къ которому мы вскорѣ и вернемся. Желая хоть на чемъ-нибудь выместить непріятности, постигшія Порту во время критскаго возстанія, — Аали-паша, какъ сказано было выше, и думалъ раздѣлаться съ Греціей, весьма недвусмысленно выказавшей свою симпатію къ тяготѣнію своихъ критскихъ единоплеменниковъ. Онъ бы и успѣлъ,

пожалуй, въ этой затѣѣ, если бы и тутъ не взяла верхъ капитальная слабость въ его характерѣ — непоколебимое превлечение передъ всѣмъ, что исходило изъ Франціи, вслѣдствіе котораго онъ всякую фразу, всякую сплетню, которыя пускались въ свѣтъ изъ Парижа, считалъ въ нѣкоторомъ родѣ божественнымъ откровеніемъ. Наполеонъ устроилъ парижскую конференцію, которая уладила дѣло до нѣкоторой степени согласно съ притязаніями Аали-паши: Греція должна была играть роль несчастнаго подсудимаго преступника; Турція явилась истцомъ и судьей, а прочіе члены конференціи — нѣмыми свидѣтелями процесса, на которомъ одна только Россія еще позволила себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Но вотъ, какъ-разъ во время разгара этой дипломатической комедіи, подобно какой-нибудь бомбѣ, разразилась франко-пруская война. Еще не раздалось ни одного выстрѣла на нѣмецко-французской границѣ, какъ уже всѣхъ охватила финансовая паника; биржевиками овладѣла пляска св. Вита. Аали-паша, бывшій дотошъ образцомъ дипломатической осмотрительности и разсудительности, добровольно предложилъ императору Наполеону союзъ Турціи противъ Германіи и даже заставилъ султана послать поздравительную телеграмму по случаю огненнаго крещенія Лулу и Саарбрюкенскаго фарса. Добрый геній Турціи устроилъ однако же такъ, что французское правительство въ своемъ тогдашнемъ ослѣпленіи отклонило союзъ; итакъ, если это предложеніе не повлекло за собой какихъ-либо дурныхъ для Турціи послѣдствій, то этимъ она обязана не государственной неспособости Аали-паши, а единственно французскому высокоумію. Турки не сознавались потомъ въ поздравительной телеграммѣ, и хотя, несмотря на то, существованіе ея было доказано, Аали-паша упорно отрезался отъ нея и даже скомпрометтировалъ этимъ султана.

Ничего не было легче въ то время возстановить авторитетъ султана въ Тунисѣ, и турецкое правительство уже не-разъ начинало серьезно помышлять объ этомъ. Возможно ли было вторично завоевать Алжиръ, и было ли бы это завоеваніе благополучіемъ для страны — это другой вопросъ; но несомнѣнно, что Франція же извлекала пользу изъ смутныхъ обстоятельствъ Туниса, и было совершенно достаточно 5,000 человекъ войска да одного фрегата, чтобы положить конецъ этимъ смутамъ, — а Франція такъ же мало была расположена поднимать тревогу изъ-за Туниса, какъ и изъ-за Рима. Но Аали-паша все-таки же трусилъ.

Точно такой же результатъ имѣли и внутренніе религіозные

вопросы въ Турціи. Уже Фуадъ-паша сдѣлать изъ католическо-армянскаго вопроса какую-то кашу. Онъ бесспорно былъ талантливый человѣкъ; но ему надоѣдало долго возиться съ мелочами, неизбежно сопряженными съ каждымъ болѣе или менѣе сложнымъ вопросомъ. Папскіе агенты воспользовались этою его слабостью, и буллу «Reversurus», которая касалась не только старинныхъ правъ армянъ-католиковъ, но задръвала даже суверенныя права Порты, подсунулъ ему въ намѣренно искаженномъ арабскомъ переводѣ латинскаго оригинала; а онъ и принялъ. Во время правительства Аали-паши, который въ римско-католической церкви видѣлъ могущественнаго союзника исламу противъ греческо-русскихъ домогательствъ, и сильно поддерживался въ этомъ взглядѣ французскимъ правительствомъ, армяне-католики, урѣзанные въ правахъ своихъ, едва могли возвышать свой слабый голосъ; а при Махмудъ-панѣ, когда Франція принуждена была сосредоточиться исключительно на своихъ внутреннихъ дѣлахъ, послѣ погрома 1870—1871 гг., у представителя русской дипломатіи руки были совсѣмъ развязаны, и ему удалось на этотъ разъ поддержать права анти-хассунитскихъ армянъ и такимъ образомъ сдѣлать тщетными притязанія Ватикана.

Позднѣе, когда Махмудъ-паша дѣятельно осуществлялъ свою *экономическую* реформу, а военный министръ Эс'адъ-паша занимался натравливаніемъ своихъ солдатъ на мирныхъ гражданъ, выступила на сцену болгарская схизма. Патриархатъ въ своемъ несчастномъ ослѣпленіи упорно отказывалъ своимъ «поп rossupis» самымъ умѣреннымъ и самымъ основательнымъ желаніямъ болгаръ,—и дѣло извѣстно чѣмъ кончилось.

Такимъ образомъ, всѣ дипломатическія ухищренія Фуадъ-паши и Аали-паши не привели ни къ чему. Даже и Австрія, къ которой турки всегда относились не особенно почитательно, и та поставила ихъ въ должныя границы, отправивъ графа фонъ-Лейнитена съ самыми категорическими представленіями. Ворчанье турецкихъ дипломатовъ на Англію, по поводу различныхъ дѣлъ въ Триполѣ, Сиріи, Іеменѣ, Багдадѣ, Басрѣ и др., также сочтено англичанами за ребячество, которому эти послѣдніе съ-разу положили предѣлъ покупкою акцій Суэскаго канала и приобрѣтеніемъ острова Сокотры, а позднѣе просто-на-просто отправкою своего флота въ Везикскую бухту, съ цѣлью быть каждую минуту на-готовѣ вломиться въ Босфоръ и стать подъ орудія Черагана. Этою мѣрою Англія поспѣшила особенно тогда, когда турки уже начали-было склоняться къ мысли о союзѣ съ Рос-

сею, о чемъ такъ энергически трубила газета «Turquie», редакторъ которой, какъ извѣстно, получаетъ внушенія отъ всѣхъ министерствъ Стамбула. Всѣ эти неудачи, вмѣстѣ съ разгромомъ обожаемой Аали-пашей французской имперіи, окончательно разстроили его и безъ того слабое здоровье, и достаточно было одного отступленія отъ діеты, которое онъ позволилъ себѣ на свадьбѣ у одного изъ своихъ подчиненныхъ, чтобы ему слечь въ могилу. Популярность Аали-паши безвозвратно была подорвана желѣзно-дорожною конвенціею, заключенною съ барономъ Гиршемъ. Турки, особливо старые турки, вообще недолголюбиваютъ хорошихъ путей сообщенія, а заключеніе конвенціи по постройкѣ румелійскихъ дорогъ еще сопровождалось самыми колоссальными, доходившими до полнѣйшаго цинизма, подкупами и взятками, которыя не обошли даже и султанскаго дворца. Аали-паша, бывшій въ то время первымъ секретаремъ султана, тоже не побрезгалъ щедротами барона Гирша. Все, что публично говорилось о немъ похвальнаго, было только простою вѣжливостью къ живому человѣку, и говорилось, пока онъ былъ живъ. Сюда же надо отнести и телеграмму 7-го сентября 1871 года, которая гласила слѣдующее: «*Vienne. La mort d'Aali-pacha a causé ici d'unanimes regrets*». Газета «Turquie», въ своей наивности, которую вообще отличается ея редакторъ, ничего потому не нашлась сказать въ похвалу покойнаго, какъ только назвала его *Талейраномъ и Меттернихомъ Турціи*. Оно такъ и было.

III.

Въ довершеніе характеристики Аали-паши намъ остается еще остановить свое вниманіе на одномъ документѣ, составленномъ оттоманскимъ премьеромъ во время его миротворческой миссіи на островъ Критъ и помѣченной 3-мъ числомъ мѣсяца шабана 1284 года (30 ноября 1867 года). Онъ приведенъ цѣликомъ въ переводѣ, но мы ограничимся лишь нѣсколькими, наиболее характерными изъ него выдержками. Извѣстно, что вѣдь и пріятель и сподвижникъ Аали-паши, Фуадъ-паша, то же подарилъ свое отечество подобнымъ же памятникомъ, и въ этой манерѣ двухъ выдающихся личностей изъ турецкой бюрократіи какъ нельзя болѣе сказанъ духъ самой бюрократіи: на бумагѣ оба эти государственные мужа рассуждали какъ нельзя лучше, съ турецкой и даже отчасти съ не-турецкой точки зрѣнія; а на

практикѣ ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ и сотой доли изъ того, что такъ великолепно творили они въ теоріи. Документъ этотъ важенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ изображаетъ положеніе христіанъ въ Турціи точно такимъ, какъ его представляли и представляютъ всѣ благомыслящіе европейцы, и, слѣдовательно, служитъ самымъ вѣскимъ опроверженіемъ мнѣній отъявленныхъ туркофилловъ или даже и порядочныхъ, но не вполне свободныхъ отъ предразсудковъ людей, каковъ, напри- мѣръ, англичанинъ Галленга, который приписываетъ значительную долю турецкихъ неурядицъ самимъ же христіанскимъ подданнымъ Порты въ своей книгѣ «Two years of the Eastern Question». Никто себѣ не врагъ, а потому едва ли и Аали-паша былъ расположенъ клеветать на себя или на свое отечество. Онъ начинаетъ свою курьезную записку обзоромъ политическаго состоянія и взаимныхъ отношеній всѣхъ европейскихъ государствъ и приходитъ къ заключенію, что куда ни оглянись, а Турція со всѣхъ сторонъ оказывается въ изолированномъ положеніи. «Еще, — говоритъ онъ, — не успѣли высохнуть чернила подписей парижскаго трактата, какъ императоръ Наполеонъ, творецъ этого трактата, гарантировавшаго Турцію отъ вмѣшательства въ ея дѣла со стороны другихъ державъ, самъ же первый сталъ вмѣшиваться, особливо въ дѣлахъ, касавшихся Румыніи, Сербіи, Черной-Горы, Сиріи и Крита, какъ будто бы вышеозначеннаго трактата и не существовало. Выдвинувъ революціонерный принципъ — что всякій народъ можетъ самъ избирать себѣ правителя и форму правленія, и что никакой народъ не долженъ быть принуждаемъ противъ своей воли подчиняться господству другого народа, онъ вскружилъ головы всѣмъ націямъ, а въ особенности турецкимъ христіанамъ». Фуадъ-паша возлагалъ, въ своемъ завѣщаніи, все упованіе на Англію; но Аали-паша и въ ней не видитъ проку для Турціи, «потому что, — говоритъ онъ, — Англія, кромѣ своихъ собственныхъ интересовъ и своей торговли, ни о чемъ не заботится. Австрію Наполеонъ также поставилъ въ невозможность слѣдить за соблюденіемъ трактата, вырвавъ изъ ея руки Италію, изъ которой онъ намѣревался сдѣлать *соединенныя штаты* подъ гегемоніей Франціи; но та не поддавалась его видамъ и сложилась въ самостоятельное крупное государство съ 24 милліонами народонаселенія. А тутъ подоспѣлъ еще римскій вопросъ. Пока императоръ кружился въ этомъ водоворотѣ трехъ противныхъ теченій, уже обнаружались не сулившіе ничего хорошаго въ будущемъ признаки его ошибочныхъ дѣйствій въ Мексикѣ и Германіи. Теперешнія (т.-е. въ 1867 г.) отношенія

Пруссія очевидны; но она пока принуждена идти объ руку съ Россіей. А эта послѣдняя очень хорошо понимаетъ, что рано или поздно Франція потерпитъ крушеніе отъ своихъ собственныхъ ошибокъ и потеряетъ свое вліяніе, и что прямой ея союзникъ есть Пруссія, которая, если ей удастся осуществить свои замыслы въ Германіи, никогда не будетъ препятствовать Россіи въ ея дѣлахъ на Востокѣ». Аали-пашѣ, какъ и Фуаду, также постоянно мерещилась зияющая пасть Россіи, выжидавшей лишь благопріятнаго момента, чтобы проглотить Турцію. Онъ поэтому полагаетъ, что Россія будетъ пользоваться всякимъ волненіемъ христіанъ, тѣмъ болѣе, что эти волненія немѣнно вызовутъ симпатіи въ самихъ русскихъ вслѣдствіе ихъ единовѣрія съ ними. При этомъ слѣдуетъ сослаться на ноту иностранныхъ державъ по случаю критскаго восстанія, которую Аали-паша считаетъ произведеніемъ петербургскаго кабинета.

Изолированное положеніе Порты, а также затрудненія и опасности, которыми окружена она,—продолжаетъ Аали-паша:—ставить ее въ необходимость держать подъ ружьемъ ту часть народонаселенія, которая и должна бы работать на пользу возрожденія и культурнаго развитія турецкой націи; да и войско не въ силахъ долго удерживать въ повиновеніи 10 милліоновъ не-мухаммеданскаго народонаселенія, готовыхъ всякую минуту къ восстанію и носящихъ въ сердцѣ своемъ затаенное желаніе освободиться. Изъ исторіи же извѣстно, что въ критическую пору всякія полумѣры и медлительность пагубны. Чтобы сохранить основы вѣчнаго благополучія, надобно поскорѣ принести нѣкоторыя жертвы во второстепенныхъ вещахъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. «Нужно ли, когда поднимается штормъ, хоть на одну минуту задумываться надъ тѣмъ, выбросить или нѣтъ за бортъ часть груза, чтобы спасти корабль государства? А иначе, вѣдь, если корабль будетъ выброшенъ на берегъ—чего Боже сохрани!—то не погибнетъ ли вмѣстѣ съ кораблемъ и весь грузъ его? И не останется ли тогда одно только раскаяніе? А какая польза въ раскаяніи?»

Послѣ этого вступленія, Аали-паша предлагаетъ мѣры, которыми можно еще поддержать клонящееся къ разрушенію государство. Мѣры эти должны вытекать, по его мнѣнію, изъ того основнаго положенія, что права каждаго должны быть гарантированы, и всякій долженъ исполнять свой долгъ, безъ чего немислимо ни общее счастье государства, ни каждаго его члена въ отдѣльности. А для этого необходимо,—говоритъ онъ,—принять за основаніе, что «всякій гражданинъ можетъ имѣть, по

своему положенію, голосъ въ дѣлахъ общества, въ которому принадлежитъ онъ, и доступъ ко всѣмъ должностямъ долженъ быть открытъ каждому безъ различія религіи или происхожденія, а единственно лишь сообразно его способностямъ и заслугамъ. Эти принципы теперь господствуютъ во всѣхъ уже европейскихъ государствахъ, гдѣ при назначеніи на должность и не упоминаются слова: *католикъ, протестантъ, еврей, атеистъ*. Не-мусульманскіе подданные Порты посылаютъ дѣтей своихъ учиться за границу, приобретаютъ тамъ полезныя познанія; но потому только, что они не мусульмане, они не видятъ впереди никакой будущности и ропщутъ на это. Чтобы остановить все болѣе и болѣе усиливающееся среди нихъ недовольство, Порта должна взять въ свои руки инициативу и изыскать средства оградить своихъ подданныхъ отъ иностраннаго вліянія. Надо вселить имъ такія идеи, дать такое направленіе ихъ образованію, чтобы они ожидали осуществленія своихъ надеждъ не отъ чужихъ государствъ, а отъ своего законнаго повелителя. Въ виду этого, само собою разумѣется, необходимо уничтожить всякую разницу между не-мухамеданами, занимающими должности, и ихъ мусульманскими согражданами, облеченными тѣмъ же званіемъ и занимающими тѣ же должности. Но число состоящихъ на государственной службѣ не-мусульманъ сравнительно съ мусульманами ничтожно, а между тѣмъ число способныхъ для занятія низшихъ и высшихъ постовъ въ государствѣ среди не-мусульманъ все возрастаетъ, а если имъ открытъ безпрепятственный доступъ къ службѣ, то они, благодаря своимъ способностямъ и познаніямъ, овладѣютъ всѣми мѣстами и заслонятъ такимъ образомъ мусульманскихъ чиновниковъ, чего совсѣмъ нежелательно. «Къ сожалѣнію, — говоритъ Аали-паша, — надобно признаться, что мы пренебрегаемъ образованіемъ и нисколько не стремимся сравняться съ окружающими насъ цивилизованными народами, такъ что не будь христіанъ, мы бы не въ состояніи были даже вовсе управлять своимъ государствомъ. И если бы мы захотѣли и впредь относиться къ не-мусульманамъ такъ же, какъ мы относились къ нимъ дѣйствительно раньше, и если бы даже намъ удалось завязать имъ глаза, то все-таки мы бы не могли совершенно устранить внимательства ихъ повровителей, сильныхъ государствъ съ двумя-стами милліонами свободныхъ христіанскихъ подданныхъ. Если же бы мы вадумали пойти инымъ путемъ, или продолжать дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали доселѣ, то фундаментъ мусульманскаго государства — чего Боже сохрани! — распался бы и ослабѣлъ, а независимость мусульманскаго народа уничтожилась бы, какъ

это выходит по многимъ признакамъ... А чтобы избѣжать опасности отъ неограниченнаго допущенія христіанъ къ государственной службѣ, мы должны заявить, что всякій желающій поступить на службу долженъ умѣть читать и писать по-турецки? Затѣмъ Аали-паша считаетъ необходимымъ приняться, не щадя денегъ и не щадя дорогого времени, за устройство школы, въ которыхъ бы дѣти мухаммеданъ и христіанъ обучались вмѣстѣ, такъ чтобы этимъ путемъ мало-по-малу сгладилась та уворенившаяся вѣками ненависть и вражда, которая существуетъ между тѣми и другими. Въ заключеніе онъ указываетъ на неудовлетворительное состояніе правосудія и считаетъ нужнымъ позаботиться о скорѣйшемъ организованіи смѣшанныхъ судовъ и составленіи кодекса гражданскихъ законовъ.

Мы передали почти съ буквальной точностью главнѣйшіе пункты записки Аали-паши. Изъ нея видно, что болѣе образованные оттоманы понимаютъ безнадежное состояніе своего государства, и сознаютъ, въ чемъ заключаются самыя большія мѣста его устройства. Но и тутъ вы на каждой строчкѣ видите все же турка-мусульманина: толкуя о необходимости полной равноправности христіанъ съ мусульманами, онъ все же стремится такъ или иначе сохранить преобладающее положеніе своей національности и достаточнымъ средствомъ къ этому считаетъ навязать свой некультурный языкъ націямъ, настолько опередившимъ турокъ въ образованіи, что едва ли эти послѣдніе въ состояніи теперь догнать ихъ. Что же касается до той фанатической партіи, которая привыкла считать своимъ исключительнымъ правомъ пользоваться всѣми благами государственнаго общежитія, не принося, съ своей стороны, никакихъ жертвъ для поддержанія и развитія этого общежитія, то она не имѣла никакого расположенія къ какимъ-либо радикальнымъ преобразованіямъ въ государственномъ строѣ, а упорно стояла и стоитъ на своемъ *non possumus*, хоть бы весь міръ провалился, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что предложенныя Аали-пашей мѣры были приняты лишь въ самой незначительной степени и не привели ни къ какимъ результатамъ. Кто имѣетъ терпѣніе со вниманіемъ прочесть записку Аали-паши, тотъ въ состояніи понять, сколь смѣшны должны быть гомеопатическія дозы равныхъ дипломатическихъ совѣтовъ и предложеній въ глазахъ правительства, члены котораго очень хорошо знаютъ объ этомъ замѣчательномъ произведеніи и высказанныхъ въ немъ соображеніяхъ. Консервативная партія турецкая совсѣмъ пренебрегла его совѣтами, а прогрессивная партія такъ-называемыхъ образованныхъ оттомановъ, по-

няла его по-своему и въ сущности ничуть не лучше другихъ фанатическихъ изувѣровъ, какъ это показали послѣдующія дѣяствія ея представителей. Прославленный за свои знанія и образованность, и притомъ не только турками, но и европейцами (пуще всѣхъ французами), Ахмедъ-Вефикъ-папа оказался ни болѣе ни менѣе какъ отъявленнымъ палачомъ, поставившимъ себѣ цѣлью систематическое истребленіе славянскихъ подданныхъ Порты; вожаки младо-турецкой партіи выставляютъ себя либералами передъ европейскою публикою, а подъ рукою у себя творять самыя несообразныя съ истинными гуманно-либеральными понятіями вещи. А все это происходитъ оттого, что образованіе, на которое съ такою настойчивостью указываетъ Аали-папа въ своей запискѣ, отливается у нихъ въ самыя уродливыя формы, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коренныхъ свойствъ оттоманской расы и мусульманской религіи. Въ какомъ положеніи находится теперь эта основная сторона государственно-общественнаго быта всякой страны, т. е. воспитаніе и образованіе,—кто и какъ изъ турецкихъ дѣятелей заявилъ себя на этомъ поприщѣ, объ этомъ мы сейчасъ узнаемъ.

IV.

Въ прежнее время чиновники оттоманской Порты вербовались исключительно изъ *улема* — «ученыхъ», которые получали свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, существующихъ при мечетяхъ, и называемыхъ *медреса*. Питомцы этихъ заведеній и есть тѣ ознаменовавшіе себя въ послѣднее время *софта*, о которыхъ такъ много было писано, что можно больше уже не распространяться о нихъ. Это классъ тѣхъ тугоумныхъ паразитовъ, которыхъ по ограниченному самодовольству можно приравнять къ нашимъ раскольничьимъ начетчикамъ: также они по-долгу муштруются въ книжной мудрости, также медленны и упрямы въ своей общественной дѣятельности, и потому также свято хранятъ допотопныя унаслѣдованныя традиціи и недоступны никакому освѣжающему образовательному вліянію извнѣ.

Султанъ Махмудъ II, человекъ энергическій, покончивъ съ янычарами, махнулъ рукою на почтенныхъ улема и имѣлъ въ виду создать классъ людей, образованныхъ на европейскій манеръ, такъ какъ уже слишкомъ стала ощутительна неудовлетворительность познаній, получаемыхъ въ разныхъ медресахъ, для государственныхъ потребностей и сношеній съ Европою, которыя

замѣтно осложнились. И вотъ онъ основалъ медицинскую школу, школы военныя, инженерныя, морскія. Были приглашены учителя и инструкторы изъ Италіи, Австріи, Германіи, Франціи и Англіи. Для образованія чиновниковъ было организовано при ней переводческое бюро, подъ вѣдѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что послѣ греческаго восстанія рѣшено было не поручать должности драгомана Порты грекамъ. Къ счастью, нашелся одинъ турокъ, нѣкто Исмаиль-бей, который по собственной охотѣ еще раньше занимался изученіемъ французскаго языка, и ему, произведши съ грѣхомъ пополамъ экзамень, поручена была вышеозначенная должность. Во главѣ этого бюро стоялъ англичанинъ, г. Редгауэ, знатокъ языковъ. Изъ этой-то чиновничьей школы, въ родѣ лицея, и вышли Фуадъ-паша, Аали-паша, Ахмедъ-Вефикъ-паша, Мюнифъ-эфенди (нынѣ министръ народнаго просвѣщенія) и др. Нѣкоторые молодые люди были посланы для образованія въ Парижъ. Но къ чему повели эти въ основаніи своемъ благія мѣропріятія? Они создали особый классъ полуобразованныхъ фатовъ, монополизирующихъ государственную службу, утратившихъ всѣ хорошія свойства старомодныхъ софта и усвоившихъ всѣ дурныя качества европейскихъ кутилъ, классъ такъ-называемыхъ *стамбульскихъ эфенди*. А произошло это вслѣдствіе особеннаго характера оттоманской расы, питающей непреоборимое отвращеніе къ труду, который она считаетъ унизительнымъ для человѣка, и вѣками привыкшей жить паразитомъ насчетъ подвластной ей христіанской райи. Какъ бы ни были хорошо организованы общественныя школы, онѣ никогда не дадутъ хорошихъ плодовъ, если въ самомъ обществѣ нѣтъ началъ, благопріятствующихъ школьному образованію; а этимъ-то въ корнѣ и страдаетъ турецкое общество.

Турецкое воспитаніе обусловливается гаремнымъ строемъ семейной жизни и существенно разнится отъ европейскаго. Въ то время какъ у насъ воспитаніе дитяти начинается съ появленія его на свѣтъ божій и ведется послѣдовательно родителями, потомъ школою, учителями, профессорами, путешествіями и свободнымъ обращеніемъ съ другимъ поломъ, въ Турціи всѣхъ этихъ воспитательныхъ средствъ не существуетъ. Мать, болѣею частью купленная на рынкѣ рабыня и обученная только искусству кокетничать, само-собою разумѣется, неспособна дать воспитаніе своему дѣтищу; а отецъ по своимъ дѣламъ большую часть дня находится въ отсутствіи. Первые 6—8 лѣтъ ребенокъ остается на рукахъ какой-нибудь негрѣтняки-рабыни или евнуха, и въ ту пору какъ ребенокъ европейца *воспитывается* въ правилахъ порядки-

вості, послушанія, соревнованія, честолюбія, уваженія къ старшимъ, аккуратности, дѣтя турецкое просто-на-просто *растемъ* въ полной раскущенности. Ни о какихъ ограниченіяхъ своеволія нѣтъ и рѣчи; напротивъ, воля ребенка во всѣхъ случаяхъ служить закономъ для его родителей и слугъ, и когда одинъ европеецъ, бывши свидѣтелемъ ежедневно повторявшихся подобныхъ отношеній отца къ своему сыну, однажды замѣтилъ объ этомъ отцу, то послѣдній равнодушно отвѣчалъ на это: *Не знаемъ? Джоджукъ истэмйоръ; азмидуръ*: «Что подѣлаешь? дѣтя такъ хочетъ; это не хорошо». А такія отношенія господствуютъ во всѣхъ турецкихъ семействахъ безъ исключенія, и само-собой очевидно для педагоговъ, что даже самое наилучшее образованіе ничего не помогаетъ турецкому юношеству, независимо отъ физической и интеллектуальной слабости расы. Единственно, что ребенокъ усваиваетъ въ эти годы—это безграничное презрѣніе къ гурамъ и блистательную идею о превосходствѣ турецкой расы надъ всѣми остальнымъ. Принудительнаго обученія, установленнаго закономъ или силою самихъ вещей въ Европѣ, здѣсь не знаютъ, хотя на бумагѣ оно и значится, и даже упоминается въ особой статьѣ недавно провозглашенной конституціи; но до сихъ поръ остается мертвою буквой. Когда молодой барчукъ изъ касты стамбульскихъ эфенди не обнаруживаетъ никакого расположенія чему-либо учиться, то при этомъ довольствуются тѣмъ, что говорятъ вамъ: *Джоджукъ истэмйоръ; не знаемъ*: «Дѣтя не хочетъ—что подѣлаешь?» И вотъ будущій эфенди растетъ сорванцомъ. Это буквально вѣрно; примѣровъ масса. Приведемъ одинъ. У Рэфъ-бея, предсѣдателя одного отдѣленія государственнаго совѣта, сына покойнаго Рифъ-атъ-паши, который во время миссіи Меншикова былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и считался первымъ стилистомъ въ свое время, есть сынъ лѣтъ 20—22, который до сихъ поръ ни читать, ни писать не умѣетъ, и все свое время проводитъ только въ томъ, что отправляется въ находящійся напротивъ его родительскаго дома отель персидскаго посольства и цѣлыми днями потѣшаетъ посольскую прислугу разными паясничествами, передразнивая грековъ, евреевъ, армянъ, цыганъ, и пр., какъ они выговариваютъ по-турецки.

Въ элементарныхъ школахъ учатъ дѣтей немножко читать и писать, кромѣ того, корану и необходимымъ молитвамъ, разумѣется, чисто механически, безъ пониманія смысла арабскихъ словъ. Много что къ этому еще присоединяется кое-что изъ ариметики. Въ школахъ *руидийѣ*, т.-е. высшихъ городскихъ училищахъ, учатъ немного географіи и исторіи, но уровень этихъ

школь ниже германскихъ деревенскихъ школь. Нравственное воспитаніе этихъ школь крайне ничтожное; физическаго совсѣмъ нѣтъ. И вотъ, богатые турки, сознавая неудовлетворительность этихъ школь, приглашаютъ для своихъ дѣтей домашняго учителя, болѣею частью ходящю изъ какого-нибудь медресе, который въ теченіе 5—6 лѣтъ еле-еле выучиваетъ своихъ питомцевъ читать и писать съ грѣхомъ пополамъ и кое-что понимать по-арабски и персидски, а все остальное восполняется въ нихъ національнымъ высомѣриемъ, которое не преминетъ этотъ менторъ вселить въ нихъ. Если же отецъ вздумаетъ пригласить европейскихъ учителей для обученія дѣтей иностраннымъ языкамъ, исторіи, математикѣ, рисованію, музыкѣ и т. п. предметамъ, то хаджа навѣрное станетъ этому противиться. До чего можетъ доходить упрямое пренебреженіе во всему, что возбуждаетъ естественное любопытство во всякомъ образованномъ человѣкѣ, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Племянникъ эвезь-верховнаго визиря Махмудъ Недимъ-паши, однажды, говоритъ одному европейцу (именно автору настоящей книги), что онъ гдѣ-то прочиталъ о вознагражденіи изобрѣтателя шахматной игры и цѣлыхъ три дня тщетно трудился надъ вычисленіемъ потребованной награды. Европейецъ замѣтилъ ему, что съ помощью алгебраическихъ вычисленій это легко узнать въ какія-нибудь 15—20 минутъ, а съ логарифмами достаточно и 10 минутъ. Мальчикъ принесъ таблицу логарифмовъ, и европейецъ доказалъ ему сказанное имъ. Но въ то время, какъ онъ работалъ надъ громадными цифрами, мальчикъ обратился къ одному изъ своихъ находившихся при этомъ родственниковъ: *Бакъ, бакъ не аджадубъ шей!* «Гляди, гляди — вотъ диво-то!» А тотъ съ невыразимою флегматичностью спрашиваетъ: «Лязимъ-ми?» — «А развѣ это нужно?» — «Не нужно-то не нужно, да только все же удивительно», отвѣчалъ мальчуганъ. — «Э, ничинъ лязимсизъ шейэ бакаимъ?» — «Ну, вотъ еще, къ чему стану я смотрѣть на бесполезное дѣло?» — возразилъ тотъ, съ явнымъ пренебреженіемъ повернулся къ нимъ спиною и усталъ на потолокъ бессмысленный взоръ свой.

Да и что можетъ побуждать османца стремиться къ образованію? Если онъ, какъ сынъ паши или другого высшаго государственнаго сановника, принадлежитъ къ привилегированному сословію стамбульскихъ эфенди, то его на 16—17 году опредѣляютъ въ какое-нибудь бюро Порты, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изучаетъ элементы государственной службы и занимается перепискою или регистратурою, болѣею частью безъ жалованья. Въ то же время, будущій государственный мужъ

обыкновенно женится, чѣмъ уже окончательно прекращается всякое стремленіе къ дальнѣйшей наукѣ. Да и гдѣ ему взять времени для этого? Утромъ онъ пребываетъ въ гаремѣ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время отправляться въ бюро. По окончаніи дневныхъ занятій онъ идетъ куда-нибудь въ кофейню или въ казино, пьетъ тамъ мастику (самый крѣпкій спиртуозный напитокъ, противнаго анисоваго запаха), ужинаетъ, принимаетъ или самъ дѣлаетъ визиты и, въ концѣ-концовъ, опять возвращается въ гаремъ. Дѣти же бѣдныхъ родителей 12—14 лѣтъ поступаютъ въ обученіе къ какому-нибудь ремесленнику, и это самая порядочная часть турецкой націи, отличающаяся сравнительно хорошими нравственными качествами. Если же малый обнаружитъ хоть слабые признаки способностей, то его посылаютъ въ медресэ, гдѣ онъ проводитъ много лѣтъ въ изученіи высшей мусульманской мудрости — толкованіи корана, мугаммеданскихъ преданій, житій святыхъ, философіи, физики на средневѣковыхъ началахъ, астрологіи, мусульманскаго права и т. п. наукъ, ни къ чему негодныхъ въ практической жизни, съ тѣмъ, чтобы впоследствии, въ свою очередь, переливать эту чепуху въ души другихъ жаждущихъ просвѣщенія.

Но большая часть предпочитаетъ честному труду проводить праздную, пустую жизнь въ конакахъ пашей и другихъ богатыхъ людей, въ качествѣ привратниковъ, конюховъ, кофеваровъ, набивателей трубокъ и т. п. Вслѣдствіе гаремной системы домохозяйства и непреодолимаго отвращенія къ труду, дома зажиточныхъ османлы, какъ извѣстно, всегда переполнены множествомъ челяди, среди которой принципъ раздѣленія домашнихъ послугъ соблюдается съ самою строжайшею точностью. Большинство слугъ не получаетъ никакого жалованья, имѣя у своего господина только кровъ, пищу и обноски платья, а для покрытія прочихъ своихъ нуждъ они должны рассчитывать на подачки отъ тѣхъ, кто бываетъ у нихъ господина просто ли съ визитомъ или съ какою-нибудь просьбою; въ крайнемъ же случаѣ они принуждены зашибать себѣ копейку разными плутнями. И вотъ эти-то несчастные паразиты, въ награду за свое долготѣнее, бесполезное пресмыканье, впоследствии, при содѣйствіи своихъ вліятельныхъ патроновъ, получаютъ разныя должности въ провинціальныхъ управленіяхъ—дѣлаются чиновниками, окружными начальниками, сборщиками податей, жандармскими офицерами и т. п. Можно себѣ представить, какъ должно идти управленіе, во главѣ котораго сидитъ или бывшій лакей, или конюхъ, или поварь, и т. п.!

Но турки мало объ этомъ заботятся. Мы какъ сейчасъ помнимъ, бывший секретарь турецкаго посольства въ Петербургѣ, Реуфъ-бей съ укориною отзывался о принятомъ у насъ обычаѣ держать особый столъ для прислуги. «У насъ,—говорилъ этотъ *уфдж-аддж* (маленькій человѣчекъ),—что кушаютъ господа, то и прислуга: разница въ пищу считается предосудительной!» Оно точно такъ и есть у турокъ: сидѣть ли распредѣлять столъ, когда онъ и у господъ-то состоитъ изъ какихъ-нибудь жареныхъ бадлиджановъ или памы, да пилава на деревянномъ маслѣ. Турки рѣшительно не имѣютъ понятія о тѣхъ потребностяхъ, какія извѣстны всякому цивилизованному европейцу, напримѣръ, о хорошемъ, т.-е. питательномъ и вкусномъ столѣ, о комфортномъ устройствѣ жилища и т. п. Самъ султанъ спитъ на перинѣ, постилаемой прямо на полъ или на нары; внутренность же домовъ турецкихъ вельможъ поражаетъ отсутствіемъ вкуса и комфорта. Куда же, спросятъ, дѣваютъ они собираемыя съ такою жадностью деньги? На разныя дорого-стоющія бездѣлки или на цѣнные предметы, но ничуть не гармонирующіе съ остальною обстановкою оттоманскаго комфорта, или же, и это главнымъ образомъ, прямо-на-прямо на удовлетвореніе своихъ скотскихъ страстей, т.-е. на покупку наложницъ и на приобрѣтеніе разныхъ нарядовъ и украшеній для этихъ орудій своего сладострастія. Султанъ Абду-ль-Азизъ, напримѣръ, накупалъ массу картинъ, въ которыхъ онъ ровно ничего не смыслилъ. Еще недавно въ Парижѣ было заказано для султанскихъ гаремницъ 8,000 паръ башмачковъ стоимостью въ 2,000 франковъ каждая. Поэтому-то равенство прислуги турецкой съ господами въ домашнемъ обиходѣ вовсе не есть что-либо необычайное. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ рабство нигдѣ такъ не господствуетъ и не бросается въ глаза постороннему зрителю, какъ именно въ Турціи. Считая всѣхъ, кромѣ себя самихъ, презрѣнными тварями, стамбульскіе вельможи естественно не даютъ себѣ труда справляться о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ своихъ служекъ, при назначеніи ихъ на начальственные посты среди провинціального народонаселенія, которое въ ихъ глазахъ ничѣмъ не выше скотовъ, а тѣмъ паче ихъ же собственныхъ лакеевъ, конюховъ и т. п. Въ силу такого-то взгляда на вещи, описанный порядокъ замѣщенія второстепенныхъ государственныхъ должностей такъ прочно утвердился въ Турціи, что образовательный цензъ не имѣетъ тамъ доселѣ на правителѣ никакой цѣны, несмотря на всѣ старанія правительства придать ему добавочное значеніе.

Въ концѣ царствованія Абду-ль-Меджида верховный визирь Кыбрылы Мегемедъ-паша устроилъ чиновничью школу подъ именемъ *Мектеб-и-Миллийе*, въ которой подъ руководствомъ опытныхъ учителей, болѣею частью христіанъ и европейцевъ, кромѣ языковъ турецкаго и французскаго, преподавались ариметика, геометрія, алгебра, географія, исторія, гражданское и уголовное право, политическая экономія, естественная исторія, статистика. По выслушаніи полного курса, продолжавшагося 2½ года, воспитанники получали дипломъ, дававшій имъ предпочтительное право на занятіе служебныхъ мѣстъ въ провинціяхъ, о чемъ и дано было знать всѣмъ генераль-губернаторамъ циркулярно. Но что же вышло на дѣлѣ? Кончившій курсъ въ школѣ ѣдетъ куда-нибудь въ провинцію съ цѣлью занять отрыввшуюся тамъ вакансію и представляетъ мѣстному мюдиру или каиммакаму свой аттестатъ и рекомендательное письмо. Между тѣмъ вали уже назначилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ отчисленныхъ въ заштатъ трубконабивателей, конюховъ или соразвратниковъ. Онъ съ изысканною вѣжливостью принимаетъ просителя и его рекомендацію, и выражаетъ глубокое сожалѣніе, что тотъ не далъ ему знать объ этомъ раньше, и проситъ кандидата подождать открытія новой вакансіи. Съ открытіемъ новой вакансіи онъ опять обойденъ. «Очень жаль, — извиняется тогда вали, — что это мѣсто было уже раньше мною обѣщано одному очень способному человѣку; потерпите еще немного». Воспитанникъ школы такимъ образомъ ждетъ, все ждетъ, запутывается въ дѣлахъ и, въ концѣ-концовъ, ни съ чѣмъ въ отчаяніи возвращается опять въ Константинополь, гдѣ поступаетъ въ привазики, газетчики, или, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ домашніе учителя въ какомъ-нибудь семействѣ. Этотъ порядокъ продолжается по сію пору, и еще очень недавно французско-турецкая газета «Хакыкятъ» — «La Vérité», органъ военнаго министра, заявила во всеуслышаніе, что уже никто больше не хочетъ поступать въ эту школу, которая еще продолжаетъ влечить свое плачевное существованіе. Теперь Абду-ль-Хамидъ возвѣстилъ объ основаніи новой подобной же школы, и объ образованіи особой комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которая одна уполномочена утверждать должностныхъ лицъ, назначаемыхъ мѣстными мюдирами и каиммакамами; но изъ циркуляра, разосланнаго этою комиссіей, не видно, какими данными она будетъ руководиться, чтобы отличать достойныхъ субъектовъ отъ недостойныхъ и контролировать представленія генераль-губернаторовъ, которые, разумѣется, не перестанутъ подсовывать всегда своихъ креатуръ.

Въ то время когда Абду-ль-Азизъ былъ въ Парижѣ (1867), сопутствовавшій ему Фуадъ-паша договорился съ французскимъ правительствомъ объ устройствѣ лица на французскихъ началахъ. Первымъ директоромъ его былъ г. Сальвъ, опытный, добросовѣстный и солидный педагогъ, который однако же, по истеченіи срока своего контракта, не пожелалъ возобновить его и возвратился во Францію. Онъ напечаталъ въ «Revue des Deux Mondes» (за 1874 годъ) статью, въ которой съ полной правдивостью описалъ состояніе этого заведенія и всѣхъ трудностей, съ которыми ему приходилось бороться. Между прочимъ онъ сообщаетъ, что успѣхи турецкихъ воспитанниковъ всегда были плоше прочихъ учениковъ — наблюденіе, которое подтверждаютъ всѣ, кто только занимался обученіемъ въ Константинополѣ и которое совершенно естественно при существующей системѣ воспитанія въ турецкихъ домахъ. То же самое свидѣтельствуетъ и г. Редгаузъ, долго руководившій переводческимъ бюро при Портѣ, по заявленію котораго въ 1870 въ цѣлой Турціи нельзя было насчитать больше 20 человекъ, понимавшихъ по-французски, хотя ихъ множество училось въ означенномъ бюро.

По уходѣ г. Сальва въ іюнѣ 1875 года директоромъ лица сдѣланъ былъ нѣкто Савасъ-паша. Грекъ по происхожденію и по ремеслу врачъ, посредствомъ разныхъ интригъ и лобызанія поль одеждъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ добился въ 1863 — 64 году званія полицейскаго медика. Лѣтомъ 1865 года въ Константинополѣ разразилась страшная, опустошительная холера. Фуадъ-паша учредилъ комиссію изъ врачей, на которую было возложено порученіе со всѣми полномочіями принять всевозможныя мѣры къ прекращенію эпидеміи. Городъ былъ раздѣленъ на участки, и въ каждый было назначено по два врача. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ полиціймейстера, обязана была доставлять донесенія высшему начальству о всемъ, что касалось эпидеміи. Вице-предсѣдателемъ былъ Савасъ-паша, тогда еще Савасъ-эфенди. Въ сентябрѣ эпидемія прекратилась, истребивъ до 30,000 народу. Фуадъ-паша потребовалъ отъ комиссіи доклада о дѣятельности врачей, фармацевтовъ, медицинскихъ студентовъ, фельдшеровъ и т. п. въ видахъ награжденія ихъ орденами. Составленъ былъ списокъ дѣятелей и данъ былъ Савасу-эфенди для представленія куда слѣдуетъ. Что случилось съ этимъ спискомъ, никто доселѣ не знаетъ; известно только то, что вмѣсто врачей, фармацевтовъ, фельдшеровъ, медицинскихъ студентовъ, которые работали, подвергая свою жизнь опасности, награды получили какія-то подозрительныя личности, которыхъ никто нигдѣ не видалъ во время эпидеміи, напр.

люди, подносившіе членамъ комиссіи во время ихъ засѣданій кофе или подававшіе имъ горячіе уголья для закуриванья папиросоу. Это было все по милости Саваса-эфенди. Сдѣлавшись директоромъ лицея, онъ и тутъ поступалъ подобнымъ же образомъ. Какого-то г. Д'Олли, который 15 лѣтъ тому назадъ эмигрировалъ, по поводу столкновенія съ юстиціею, изъ Бельгій, онъ сдѣлалъ профессоромъ римскаго права; ирландца Гульда, котораго г. Сальвъ, по педагогическимъ и нравственнымъ соображеніямъ, принужденъ былъ удалить изъ лицея, онъ сдѣлалъ опять преподавателемъ и назначилъ ему 12,000 франковъ жалованья за 8 годовыхъ лекцій. Тогда же былъ основанъ университетъ, называемый *Дару-ль-Фунунъ*. Савасъ-паша сдѣлалъ своего племянника, который долготъ занимался торговлею въ Галатѣ, инспекторомъ учебной части, секретаремъ директора и секретаремъ этого университета. Какой-то Янко Виеннось, о которомъ прежде никто и не слышалъ, произведенъ былъ Савасъ-пашею въ *канцлеры университета*. Въ то же время Савасъ-паша велъ интриги между Мегемедъ-Рущди-пашею и Мидхатъ-пашею, который былъ тогда верховнымъ визиремъ. Первому онъ обѣщалъ свергнуть послѣдняго, а у Мидхата привидывался самымъ преданнымъ другомъ, готовымъ выслушивать и принимать въ сердце всѣ его тайны. Теперь Савасъ-паша губернаторомъ Архипелага и острова Кипра и, какъ писали недавно въ газетахъ, изловилъ шайку морскихъ разбойниковъ.

Въ настоящій моментъ оба эти высшія учебныя заведенія, и лицей и университетъ, ввѣрены управленію Али-Соави-эфенди. Этотъ тоже хорошъ. Стяжавъ себѣ популярность, когда онъ былъ еще простымъ ходжею въ огромномъ тюбанѣ, своими публичными проповѣдями въ мечетяхъ во время рамазана, онъ основалъ потомъ газету «Мубіръ» — «Вѣстникъ» и сталъ во главѣ такъ-называемой младотурецкой партіи. Во время преслѣдованія этой партіи въ 1867 году онъ эмигрировалъ въ Европу; жилъ долгое время въ Лондонѣ, гдѣ сошелся съ извѣстнымъ туркофиломъ Уркугардомъ и женился на богатой англичанкѣ. Въ 1876 году онъ вернулся въ Константинополь, и теперь стоитъ во главѣ двухъ центровъ оттоманской науки, окружаемый самымъ идолопоклонническимъ почитаніемъ отъ всѣхъ стамбульцевъ. Этотъ закоренѣлый фанатикъ-фарисей началъ свою новую педагогическую дѣятельность съ того, что повыгонялъ изъ лицея всѣхъ учениковъ не-турецкой національности, въ числѣ коихъ было 49 болгаръ, 30 иностранцевъ и будто бы 5 *москочевъ*, хотя первый параграфъ устава лицея гласитъ, что это заведеніе открыто для

встаъ оттоманскихъ подданныхъ безъ различія. Какъ попали туда русскіе, — рѣшительно не понимаемъ: не разумѣютъ ли подъ ними дѣтей польскихъ эмигрантовъ? Мотивъ этого очищенія очевиденъ и съ полною откровенностью высказанъ Али-Соави-эфенди даже печатно, когда редакція газеты «Османлі» сдѣлала ему упрекъ за такое сокращеніе числа воспитанниковъ. Мало того: онъ обругалъ печатно редактора «Османлі» гауромъ-москвомъ и привлекъ его даже къ суду за диффамачію. Все турецкое общественное мнѣніе стало на его сторону въ этой исторіи: въ газетахъ посыпались благодарственные панегирики Али-Соави-эфенди отъ воспитанниковъ лица и отъ другихъ взрослыхъ лицъ, не находящихъ словъ въ похвалу такому великому человѣку. Люди близко знакомые со стамбульскими отношеніями, кажется, не ошибаются въ своемъ предположеніи, что Али-Соави-эфенди съ Мидхатъ-пашей и пресловутымъ Ахмедъ-Вефикъ-пашей «составляли», какъ онъ выражается, «адскую триаду болгарскихъ ужасовъ». Эти триумвиры, пользующіеся громаднымъ вліяніемъ въ стамбульской публикѣ, повидимому, задались цѣлью систематически истребить ненавистныхъ имъ болгаръ и настойчиво преслѣдуютъ свою цѣль до послѣдняго времени, какъ это явствуетъ изъ образа дѣйствій Али-Соави-эфенди и Ахмедъ-Вефикъ-паши.

Вотъ какъ направляется образованіе турецкаго юношества даже въ настоящую минуту, когда пора бы было образумиться его фанатическимъ руководителямъ и понять, что ретроградная, сумасбродная ихъ система, при всей своей ортодоксальности, не поведетъ къ добру, и рано или поздно найдетъ себѣ достойное возмездіе.

Но всѣ эти личности, какъ Савась-паша, Али-Соави-эфенди и др., не болѣе какъ второстепенные дѣтели: главные принципы и направленіе народнаго образованія въ Турціи должны конечно имѣть свое начало въ министерствѣ народнаго просвѣщенія: чтъ же оно дѣлаетъ? какою духъ въ немъ господствуетъ? Наконецъ, могло же быть что-нибудь сдѣлано и по инициативѣ частныхъ лицъ, по почину самого общества турецкаго? Или оно совершенно безучастно относится къ дѣлу воспитанія и образованія молодого поколѣнія и все предоставляетъ благоусмотрѣнію и мудрости правительства? Отвѣтъ на это мы постараемся дать ниже.

В. Смирновъ.

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА

THE SKELETON IN THE HOUSE ¹⁾.

П О В Ъ С Т Ь.

I.

— А вотъ это наша спальня, — сказалъ Лебрехтъ, отворяя дверь: — нравится ли она тебѣ?

— Восхитительная, — отвѣчала Анхенъ.

Она простояла съ минуту на порогѣ и обвела глазами комнату. Затѣмъ, быстрыми шагами подошла къ камину и бросилась въ кресло.

— Боже мой, какъ я устала!

Лебрехтъ закусилъ губы, и его красивое лицо, доврчиво улыбавшееся передъ тѣмъ, омрачилось. Анхенъ не могла этого видѣть, потому что она поставила ноги на каминную рѣшетку и откинула голову назадъ; но въ ту минуту, какъ онъ тихо проходилъ мимо нея по мягкому ковру, она протянула ему руку, проговоривъ умоляющимъ тономъ:

— Не сердись на меня, Лебрехтъ!

Онъ схватилъ маленькую ручку и прижалъ ее къ губамъ:

— За что могу я на тебя сердиться, — невнятно пробормоталъ онъ, потому что сердце у него стучало, какъ молотокъ. Если она не вынудитъ его руки, если глаза ея съ любовью

¹⁾ Т.-е. „Въ домѣ—скелетъ“—соотвѣтствуетъ нашей поговоркѣ: на душѣ камень, болячка; вообще: нечистая, беспокойная совѣсть. — Нѣмецкій оригиналъ печатается въ первыхъ выпускахъ „Журнала Вестермана“.

остановятся на немъ, если губы ея протянутся для поцѣлуя, тогда онъ выскажется!

Но темные глаза глядѣли устало; прелестный, слегка открытый ротикъ не улыбался; рука тихо выскользнула изъ его руки и повисла. Онъ уже готовъ былъ опуститься на колѣни, но тутъ опять выпрямился и отвернулся, съ трудомъ сдерживая вздохи, тѣснившіе его удрученную грудь.

Итакъ, снова приходится отложить на завтра признаніе, какъ это было во всѣ шесть недѣль ихъ свадебнаго путешествія!

Но этотъ вечеръ первый, который они проводятъ въ своемъ домѣ! онъ не похожъ на другіе! За нимъ не послѣдуетъ никакого «завтра»; онъ рассчитывалъ на него такъ, какъ игрокъ, который ставитъ на послѣднюю карту все свое достояніе,—такъ и онъ возлагалъ на этотъ вечеръ свою послѣднюю надежду. Завтра онъ долженъ сознаться... но это-то именно и ужасно! Тогда, вѣдь, это не будетъ больше признаніемъ, а просто лишь открытіемъ, устранить которое больше не въ его власти; ни молчаніе, ни ложь, никакія уловки больше немислимы... И вотъ, очутится онъ въ положеніи преступника, упорно и долго запиравшагося и вдругъ уличеннаго, и который не можетъ рассчитывать на снисходительность судьи.

И судьей этимъ будетъ его молодая, прекрасная, обожаемая жена, которая такъ слѣпо ему довѣряетъ! которая еще вчера утромъ... Боже мой! неужели онъ въ самомъ дѣлѣ могъ только улыбнуться, когда она, наклонивъ свое разочарованное личико къ его плечу, полу-смѣясь, полу-плача, сказала: «я желала бы только, чтобы у *нею* были твои добрые, честные глаза!» Да! онъ только улыбнулся въ отвѣтъ и безъ счета цѣловалъ ее, но — все же не сознался.

Онъ подошелъ къ окну, раздвинулъ тяжелыя занавѣсы и уставился въ сумракъ осенняго вечера, мощное дыханіе котораго проносилось надъ деревьями, такъ что вѣтки трещали, а сухіе листья неистово колотились объ окна.

И ему вспоминалась та влосчастливая лѣтняя ночь и то, какъ онъ, точно безумный, подбѣжалъ къ этому самому окну.

Онъ раскрылъ его, самъ того не сознавая; холодный, сырой воздухъ освѣжилъ его горячій лобъ, и онъ жадно глоталъ его.

— Милый Лебрехтъ, изъ окна страшно дуетъ, — замѣтила Анхенъ у камина.

— Извини, пожалуйста.

Онъ закрылъ окно, задернулъ занавѣсы и отошелъ отъ окна. Жена сидѣла въ прежней позѣ; эта апатія, охватившая суще-

ство, которое онъ привыкъ видѣть съ утра до ночи въ веселомъ, въ возбужденномъ расположеніи духа, досаждала ему въ настоящую минуту; когда онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ.

— Ты устала, Анхень,—сухо произнесъ онъ:—ты бы легла спать.

— Я совсѣмъ не устала,—отвѣчала она,—а какъ-то раскленлась; должно быть, отъ долгой ѣзды и отъ вѣтра, который все время дулъ намъ въ лицо.

— Въ послѣднемъ я не виновата: на то мы и въ Помераніи, на берегу моря, которому незнакомы ваши нѣжные рейнскіе зефиры... а что касается ѣзды... то мнѣ очень жаль, но я желала устроить все въ лучшему, ты бы должна была это знать.

Анхень повернулась въ креслѣ: впервые Лебрехтъ заговорилъ съ ней такимъ холоднымъ, можно даже сказать, рѣзкимъ тономъ. Она поглядѣла на него, широко раскрывъ глаза, не столько со страхомъ, сколько съ удивленіемъ.

— Прости меня,—проговорилъ онъ,—я не хотѣлъ упрекать тебя; это сорвалось у меня съ языка... я самъ не знаю, какъ это случилось... должно быть, я самъ расскленился... немного...

— Отдохнемъ хорошенько,—предложила Анхень.—Оставь меня на этомъ креслѣ; на немъ такъ хорошо сидится, а затѣмъ отлично поужинаемъ. Судя по тому огню, который фрау Ульценъ развела въ кухнѣ, она собирается знатно угостить насъ.

— Но я боюсь, что ужинъ будетъ готовъ не такъ-то скоро,—замѣтилъ Лебрехтъ:—вѣдь, ты знаешь, что она ждала насъ двумя часами позже.

— О! я не спѣшу, напротивъ того,—возразила Анхень:—я, право, чувствую себя такой разбитой, что не въ состояніи ѣсть въ настоящую минуту. Я попрошу пова чашку кофе; онъ освѣжитъ меня; когда мы пріѣхали, во всемъ домѣ пахло жаренымъ кофе; мнѣ кажется, что я слышу этотъ запахъ и теперь.

Лебрехтъ, только-что было растянувшійся на кушеткѣ, вдругъ вскочилъ на ноги.

— Боже мой! что съ тобой, Лебрехтъ?

— Со мной? Ничего! я хочу только приказать, чтобы тебѣ подали кофе.

Молодая жена также поспѣшно встала.

— Боже мой!—вскричала она,—какъ ты блѣденъ! тебѣ, вѣрно, нездоровится! сознайся!

Она приложила руку къ его лбу: лобъ былъ холодный и влажный; онъ почти невольно оттолкнулъ ее руку.

— Ты, право, нездоровъ, Лебрехтъ! не послать ли за твоимъ пріятелемъ?

— Этого только недоставало, — закричалъ Лебрехтъ съ принужденнымъ смѣхомъ, — онъ очень суровъ съ мнимыми больными. Къ тому же, онъ и безъ того долженъ пріѣхать сегодня вечеромъ, хотя бы я лучше желалъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ.

— Почему?

— Я думалъ, что тебѣ было бы пріятнѣе провести первый вечеръ со мной наединѣ. Вѣдь ты знаешь, что это была одна изъ причинъ, почему мы не поѣхали съ курьерскимъ поѣздомъ.

— Да, но какъ ты, можетъ быть, помнишь, — противно моему желанію; мнѣ, напротивъ, казалось, что будетъ гораздо лучше, если твои друзья и твои прикащики насъ встрѣтятъ.

— У меня нѣтъ друзей, кромѣ Бертрама; что касается прикащиковъ, то они успѣютъ еще и завтра встрѣтить своего принцепала.

— Я не то хотѣла сказать, Лебрехтъ, а только...

— А только, что тебѣ страшно наединѣ со мной въ этомъ старомъ, пустомъ домѣ.

Анхенъ покраснѣла до корня волосъ.

— Стыдись, Лебрехтъ!

— А развѣ это неправда, Анхенъ?

— А я повторяю: стыдись, Лебрехтъ!

То была настоящая ссора, по крайней мѣрѣ, такъ звучала эта бесѣда въ ухахъ фрау Ульценъ, а если ея уши не все разслышали, то это была не ея вина, потому что фрау Ульценъ, вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ стояла передъ дверью, въ такой неудобной позѣ, что у ней заболѣла поясница. А потому она выпрямила свою небольшую, плотную фигурку, тѣмъ болѣе, что ссора казалась оконченной, — и постучала въ дверь.

Самъ хозяинъ отворилъ дверь и съ такою силой, что фрау Ульценъ достался порядочный толчокъ, и она принялась тереть локоть, докладывая хозяину, что пріѣхалъ господинъ докторъ и дожидается въ кабинетѣ.

Анхенъ подошла къ полуотворенной двери.

— Мнѣ хочется отказать ему, — сказалъ, запинаясь, Лебрехтъ.

— Ни подъ какимъ видомъ, — вскричала съ живостью Анхенъ, — и я сейчасъ приду; я только немного пріодѣнусь.

— Если онъ останется у насъ весь вечеръ, то тебѣ нѣчего торопиться.

— Тѣмъ лучше, милый Лебрехтъ!

Она хотѣла-было броситься на шею мужу, но присутствіе

фрау Ульценъ, любопытно глядѣвшей своими маленькими глазами, свергавшими на толстомъ, красномъ лицѣ, стѣснило ее. Поэтому она приложила только палецъ къ губамъ:

— Итакъ, до свиданія! поклонись отъ меня своему пріятелю, и не забудь привезать на-счетъ кофе.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала Лебрехтъ, поспѣшно затворяя дверь и не оборачиваясь, такъ-что Анхенъ едва успѣла высвободить подолю своего платья.

— Онъ сердится на меня, — прошептала она, — и я это заслужила. Ну, вдругъ онъ пойдетъ и пожалуется страшному человеку, котораго зоветъ своимъ другомъ... Какимъ тономъ онъ сказалъ: «мой единственный другъ!» Нѣтъ! онъ не такъ сказалъ, но такъ вышло. А теперь онъ сидитъ вмѣстѣ съ нимъ и изливаетъ ему свою печаль о томъ, что у него такая глупенькая жена и что онъ...

Слезы полились у ней изъ глазъ; она снова бросилась въ кресло, закрыла лицо руками и зарыдала:

— ... Ахъ, онъ несчастливъ! это я сдѣлала его несчастнымъ! — Нѣтъ! нѣтъ! не несчастнымъ, но не такимъ счастливымъ, какъ онъ того заслуживаетъ, какъ я о томъ мечтала и какъ я надеялась: я вѣдь такъ невыразимо люблю его!

Она вдругъ протянула впередъ руки, точно-будто желая обнять любимаго мужа. Руки упали на колѣни — и вотъ, она впала въ глубокую думу, глядя бессмысленными глазами на уголья камина.

И въ то время, какъ по горящимъ угольямъ пробѣгали взадъ и впередъ голубые огоньки, въ воображеніи ея проносились картина за картиной, сцена за сценой... тысячи картинъ, тысячи сценъ ея недолгой, счастливой жизни; она такъ ярко горѣла, такъ тепло грѣла — и вотъ, вдругъ теперь она грозитъ померкнуть подъ золой.

Вотъ ей видится палуба парохода, по которой «онъ» ходить взадъ и впередъ съ красной книгой въ рукахъ, поглядывая на виноградники и горы голубыми, задумчивыми глазами... Онъ давно уже нравился ей, этотъ высокій, бѣлокурый человекъ, гораздо раньше, чѣмъ ея пріятельницы начали подсмѣиваться надъ «длинноногимъ англичаниномъ», между тѣмъ, какъ кузень Артуръ поглаживалъ черную бородку и, покачиваясь съ ноги на ногу, словно желалъ сказать: «слава Богу, что я не похожъ на этого свучнаго господина». Кузень Артуръ сдѣлалъ очень злое лицо, когда папá, добродушно разговорившійся съ тѣмъ незна-

комцемъ, представилъ его дамамъ: «г-нъ Лебрехтъ Нудель, — торговый домъ въ Вольдомѣ».

«Лебрехтъ Нудель! какое удивительное имя», замѣтилъ кузень Артуръ и тутъ же спросилъ: «не можетъ ли кто-нибудь сказать мнѣ, гдѣ находится Вольдомъ?»

Нѣсколько дней позже, кузень Артуръ отлично зналъ, гдѣ находится Вольдомъ, и успѣлъ тѣмъ временемъ привыкнуть къ имени, которое сначала показалось ему такимъ смѣшнымъ, потому что оно довольно часто произносилось при немъ въ родительскомъ, гостеприимномъ домѣ Анхенъ; его часто посѣщала Нудель, которому нужно было пробыть денька два въ Кельнѣ. А изъ двухъ деньковъ выросли цѣлыхъ двѣ недѣли, а дѣла Нуделя все не подвигались впередъ... и... бѣдный Артуръ! — онъ хотѣлъ застрѣлиться!.. и застрѣлился бы! — честное слово! — да только онъ тогда лишился бы удовольствія танцовать на свадьбѣ кузины и доказать ей, что въ его жилахъ текла настоящая, дворянская кровь, а не съ примѣсью мѣщанской, какъ въ жилахъ его кузины. Мамá была совсѣмъ на сторонѣ Артура, но добрый папá отстоялъ свою дочку обычнымъ, тихимъ, спокойнымъ манеромъ: — Артуръ долженъ радоваться тому, что у него будетъ кузень, который можетъ выкупить при случаѣ какой-нибудь безпокойный вексель. Я самъ вѣдь простой, незнатный человекъ, и у меня какъ-разъ столько денегъ, что я знаю имъ цѣну. Да! я даже такъ мелокъ, что откровенно сознаюсь, что два милліона, которыми владѣетъ мой вятъ, мнѣ-таки помогутъ, и если Анхенъ его любить, то... Богу извѣстно, какъ охотно оставилъ бы я ее при себѣ! Впрочемъ, Вольдомъ вѣдь все же находится такъ-сказать на землѣ. Я надѣюсь, хоть и не люблю путешествій, убѣдиться въ томъ собственными глазами и на берегу Балтійскаго моря выпить настоящаго рейнвейна за здоровье молодой четы изъ бокала, который подарилъ король прусскій королю вольдомскому.

Королю вольдомскому!

Берлинскій банкиръ, у котораго папá негласно справлялся о состояніи своего будущаго зятя, не только подтвердилъ единодушныя показанія лондонскаго и гамбургскаго торговыхъ домовъ, но даже прибавилъ: «я считаю его еще богаче; онъ, въ самомъ-дѣлѣ, заслуживаетъ того титула, которымъ наградилъ еще его покойнаго отца нашъ блаженной памяти остроумный король. Пусть онъ самъ расскажетъ вамъ эту исторію; ее сообщилъ мнѣ одинъ врачъ изъ Вольдома, съ которымъ я познакомился прошлымъ лѣтомъ въ Селедочной деревнѣ».

И Лебрехтъ разсказалъ ее съ опущенными глазами, точно будто стыдился, и невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ, какъ чело-вѣкъ, сознающійся въ какой-нибудь винѣ.

А между тѣмъ вѣдь это былъ невиннѣйшій въ мірѣ анекдотъ: когда покойный король, охотно посѣщавшій Новую-Поме-ранію и Рюгенъ, посѣтилъ Вольдомъ, онъ остановился въ старомъ домѣ съ островонечной крышей, на рыночной площади, въ отведенной для него квартирѣ. И когда, на другой день, онъ осматривалъ достопримѣчательности города въ сопровожденіи своего хозяина, который на всѣ вопросы короля: «кто выстроилъ эту набережную въ гавани? кому принадлежать эти магазины? чьи эти корабли? кто разбилъ этотъ бульваръ? кто выстроилъ эту богадѣльню?» и т. д., — отвѣчалъ постоянно: «я, ваше величество! мнѣ, ваше величество!» — наконецъ, король замѣтилъ, обращаясь къ своей свитѣ и указывая на отца Лебрехта: «Ну, господа, сознаюсь вамъ, что если бы я не былъ, къ сожалѣнію, королемъ Пруссіи, то желалъ бы быть королемъ Вольдома!»

А на великолѣпномъ кубкѣ изъ рѣзного серебра, присланномъ полгода спустя изъ Берлина, красовался гербъ города Вольдома рядомъ съ прусскимъ королевскимъ гербомъ, и подъ вензелемъ короля стояло имя отца Лебрехта и надпись золотыми буквами: «Благодарный король прусскій — своему вольдомскому собрату».

Какъ часто приходилось послѣ того Лебрехту повторять эту исторію! — и какъ часто отъ души смѣялся ей папá и даже гордая мамá... улыбалась и она сама... она все время не спускала глазъ съ милаго лица Лебрехта, и оно казалось ей еще въ тысячу разъ милѣе теперь, когда на немъ выражалось смущеніе, и говорила про-себя: «онъ король, а я его королева!.. о! какъ мы будемъ счастливы!»

Будутъ ли они счастливы? — пока они еще не вполне счастливы, по крайней мѣрѣ, Лебрехтъ не вполне счастливъ! Ему было не по-себѣ въ ея родительскомъ домѣ. Съ папá, конечно, онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, — это само-собой разумѣется: кто можетъ не любить добраго, стараго папá, который желаетъ добра всему свѣту, а тѣмъ болѣе будущему мужу своей любимой, единственной дочери!

Мамá тоже, конечно, не желала обижать его, — о! разумѣется, нѣтъ! — но для Лебрехта, конечно, было тяжело постоянно выслушивать рѣсказни про величіе знаменитаго, дворянскаго рода фонъ-Блюнгель-Пюцъ, изъ котораго происходила мамá: о томъ, какъ онъ блисталъ нѣкогда на Рейнѣ съ своими пятьюдесятью

звѣнками и какъ онъ былъ въ родствѣ съ Сиккингенами и другими аристократическими фамиліями—и даже чуть-было не породнился съ императорскимъ домоу Габсбурговъ; и какъ блескъ этотъ мало-по-малу угасалъ, подобно заходящему солнцу, пока, наконецъ... о, злая иронія судьбы! — урожденной фонъ-Клюнгель-Пюцъ не пришлось выдти замужъ за бюргера, а ея дочь, — въ силу того желѣзнаго закона, который управляетъ возвышеніемъ и паденіемъ великихъ фамилій, — тоже выходитъ замужъ за бюргера.

А если Лебрехта и не безпокоила мамѣ, то онъ все же никакъ не могъ привыкнуть въ веселой суматохѣ, царствовавшей въ родительскомъ домѣ. Вѣчная толпа гостей надоѣдала ему. Онъ этого, положимъ, не высказывалъ, да это было и не нужно: она ясно читала все въ его полу-грустномъ, полу-гнѣвномъ взглядѣ, которымъ онъ глядѣлъ, когда думалъ, что его не замѣчаютъ, на пеструю толпу: на молодыхъ офицеровъ, гремѣвшихъ шпорами, волочившихъ сабли, — а во главѣ ихъ Артуръ, который относился въ своей роли презрѣннаго любовника то съ трагической, то съ комической стороны, и былъ одинаково вестерпимъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ; на этихъ хлыщеватыхъ, щеголеватыхъ референдаріевъ и ассессоровъ, которые почти всѣ были офицерами резерва, и между ними и ихъ линейными собратами существовало явное или тайное соперничество, и предметомъ его служила опять-таки она.

Она не могла, не хотѣла отрицать этого, когда Лебрехтъ намекалъ ей на то. Не могла и не хотѣла также отрицать и того, что она отъ всего сердца радовалась своимъ побѣдамъ, пока не увидѣла его, — «бѣлокураго англичанина», померанскаго колониальнаго торговца, короля Вольдома! Ну, а теперь прогонимъ это облако! Оно не пристало мнѣ и, кромѣ того, оно выражаетъ сомнѣніе въ моей любви!.. Или же мнѣ слѣдуетъ сомнѣваться въ его любви?

Ахъ! она не сомнѣвалась въ его любви.. ни одной минуты! а между тѣмъ то облако, которое, ей казалось, она разъ-навсегда прогнала своими поцѣлугами, — снова и снова появлялось, и становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. И она замѣтила, что эта сумрачность все усиливалась по мѣрѣ ихъ приближенія въ мѣсту ихъ назначенія; да! она совершенно отчетливо помнитъ, что первыя недѣли были совершенно ясны и что какъ-разъ въ тотъ день, когда они распрощались съ Комскимъ озеромъ, чтобы ѣхать обратно домой черезъ Венецію, Вѣну, Прагу и Дрезденъ, расположение духа ея мужа перемѣнилось. Она ломала голову безъ

конца, соображая, что бы это могло значить? Что творится въ его душѣ, когда онъ долгія минуты, а затѣмъ и цѣлые часы сидитъ, бывало, глубоко задумавшись, въ театрѣ или въ вагонѣ, во время безконечныхъ переѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ, и затѣмъ внезапно — и всякій разъ при этомъ исподтишка взглянуть на нее, молча за нимъ наблюдающую — возобновляетъ прерванный разговоръ или заводитъ новый? Дѣла ли его озабочиваютъ? Онъ увѣрялъ ее, что вовсе не дѣла. Не боленъ ли онъ? — но онъ увѣряетъ, что совершенно здоровъ. Или онъ разлюбилъ ее? — Онъ закрывалъ ей ротъ страстными поцѣлуями. Или онъ несчастливъ?

Подъ конецъ никакого другого вопроса больше не оставалось, и потому именно его увѣренія, что онъ счастливъ, что плаваютъ на верху блаженства, которыми его подарила ее любовь, не могли ее успокоить. Вѣдь теперь его не удручала больше слишкомъ оживленная, свѣтская атмосфера, царствовавшая въ родительскомъ домѣ; теперь ему не надоѣдали вѣчные толки мамѣ про величіе и паденіе ея фамиліи...—все это и другое, что такъ портило жизнь жениху, осталось навсегда позади него: теперь она съ нимъ, она наединѣ съ нимъ среди толпы людей, равнодушно проходящихъ мимо,—наединѣ, такъ, какъ будто бы они находились на Робинзоновскомъ островѣ.

Не для того ли, чтобы скрыть отъ нея настоящую причину своей тоски, говорилъ онъ ей съ меланхолической улыбкой: «да! я готовъ вѣрить, что ты была бы счастлива со мной на Робинзоновскомъ островѣ, какъ и я съ тобой, но—въ Вольдомѣ! въ Вольдомѣ, въ маленькомъ, скучномъ городишкѣ, на берегу сѣраго Балтійскаго моря!» Въ Вольдомѣ, гдѣ театры принадлежать къ области фантазій, а концерты къ міру сказокъ, гдѣ не придется хлопотать о выборѣ общества, по той простой причинѣ, что тамъ никакого общества не существуетъ... тамъ, можетъ быть, тебѣ потруднѣе будетъ считать себя счастливой и, быть можетъ, наступать и такіе дни, когда ты будешь чувствовать себя несчастной.

Тщетно возражала она ему, сначала съ азартомъ, а потомъ уже съ тайнымъ гнѣвомъ и съ трудомъ подавляемыми слезами:

— Положимъ, что все это такъ, какъ ты говоришь. Но развѣ я это слышу впервые? Развѣ ты этого не говорилъ еще тогда, когда я еще не знала: любишь ли ты меня? нѣтъ! я это знала съ перваго момента и ты тоже зналъ, что я люблю тебя и послѣдую за тобой на край свѣта, а тѣмъ болѣе на твою родину, которую ты рисуешь такой безотрадной. Я спокойно вы-

слушивала тебя и только спрашивала: «Хорошо ли тебѣ тамъ живется?» а ты на это отвѣчалъ: «Я нахожу почти всѣ другія мѣста болѣе привлекательными, но все-таки мнѣ кажется, что я не могъ бы жить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ»; и тогда я сказала: «Ну, и я, значитъ, не могу жить въ другомъ мѣстѣ!» И то, что я тогда сказала, я повторяю теперь; и ты долженъ мнѣ вѣрить, пока я тебѣ не докажу противнаго. Пока ты меня любишь, ни слова больше объ этомъ.

Онъ дѣйствительно не возвращался болѣе къ этой темѣ въ послѣднюю недѣлю. Только сегодня утромъ въ Берлинѣ опять затронулъ онъ ее.

Они хотѣли сначала ѣхать съ утреннимъ курьерскимъ поѣздомъ, который приходитъ въ десять часовъ вечера въ Вольдомъ, и онъ уже телеграфировалъ объ этомъ наканунѣ въ свой домъ и въ свою контору. Но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе... къ ея великому удивленію, такъ какъ онъ вообще твердо, почти упрямо держался своихъ рѣшеній, которыя принималъ лишь по зрѣломъ размысленіи. На этотъ разъ вышло иначе. Онъ слишкомъ поздно спохватился, что если они пріѣдутъ въ назначенный часъ, то не избѣгнуть торжественныхъ встрѣчъ и всякихъ другихъ церемоній, хотя прикащики въ конторѣ знали, какъ онъ ненавидѣлъ всякія такія представленія. Будутъ произнесены рѣчи, на которыя ему придется отвѣчать; будетъ шумно, беспокойно, а ему смерть какъ хочется тишины и покоя. Онъ себя знаетъ: они могутъ добыть этотъ покой только однимъ способомъ: вмѣсто курьерскаго поѣзда сѣсть на ранній утренній поѣздъ, конечно, это такъ-называемый черепаший поѣздъ, и останавливается на каждой станціи; но тѣмъ не менѣе они пріѣдутъ двумя часами раньше домой.

Она согласилась не потому, чтобы этотъ планъ ей нравился, напротивъ того! она находила совершенно естественнымъ, чтобы прикащики устроили праздничную встрѣчу своему принципалу послѣ шестинедѣльной отлучки изъ дому, тѣмъ болѣе, когда онъ возвращался съ молодой женой. Она ничего не имѣла и противъ того, если бы встрѣча оказалась веселой и немного шумной. Но послѣ двухъ-трехъ робкихъ замѣчаній благоразумно замолчала и поторопилась уложить всѣ вещи, чтобы быть готовой къ раннему поѣзду.

И вотъ такимъ образомъ они выѣхали рано поутру, хотя она охотно вздремнула бы еще часочекъ. Послѣдніе дни путешествія были очень утомительны, и она въ самомъ дѣлѣ чувствовала себя очень усталой въ первый разъ за все путешествіе. Но

она не показала этого и даже ни разу не вздремнула въ вагонѣ, хотя раза два не могла подавить легкой зѣвоты! Но чѣмъ болѣе старалась она принимать все съ хорошей стороны, тѣмъ недовольнѣе и нетерпѣливѣе становился Лебрехтъ. Путешествіе оказалось гораздо несноснѣе, чѣмъ онъ думалъ: тихая ѣзда, безпрестанныя остановки — просто нестерпимо. Онъ ходилъ по купѣ... — они ѣхали, какъ и всегда, въ первомъ классѣ и были одни... — взадъ и впередъ, то закрывалъ окно, то снова открывалъ его, ссорился съ кондукторомъ, ворчалъ на кочегара и такъ не любезно отвѣчалъ одному господину, который подошелъ къ окну вагона на одной станціи и, судя по его словамъ, былъ уроженецъ Вольдома и его пріятель, что тотъ, повидимому, совсѣмъ оторопѣлъ, а сама она испугалась странной раздражительности Лебрехта, обыкновенно такого мягкаго и спокойнаго.

Конечно, онъ тотчасъ же извинился, и она слышала, какъ онъ сказалъ этому господину, закрывая окно: «Мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ въ Брюсселѣ».

Затѣмъ опять началось хожденіе взадъ и впередъ по вагону, и, наконецъ, остановившись передъ нею, онъ сказалъ:

— Въ Брюсселѣ какъ разъ идетъ боковая вѣтвь въ Вольдомъ. Намъ придется дожидаться тамъ цѣлый часъ поѣзда изъ Сундина. Это ужасно скучная остановка, и я буду безнадежно преданъ на съѣденіе этому нестерпимому болтуну. Я хочу предложить тебѣ вотъ что: съ слѣдующей станціи ведетъ старая почтовая дорога въ Вольдомъ. Теперь два часа. Если мы найдемъ тамъ экипажъ, то можемъ пріѣхать въ Вольдомъ почти въ одно время съ этимъ нестерпимымъ поѣздомъ. Мы оставимъ на станціи нашъ багажъ и у насъ будутъ развязаны руки. Я тысячу разъ ѣздилъ по этой дорогѣ, когда былъ мальчикомъ и когда желѣзная дорога еще не была проведена. Она не особенно привлекательна, какъ и вся здѣшняя мѣстность, но для меня съ каждымъ тополемъ, который растетъ на ней, связано какое-нибудь воспоминаніе. И тебѣ можно будетъ при этомъ провѣрить: справедливы ли мои описанія здѣшней мѣстности и здѣшнихъ людей? Согласна?

Разумѣется, она согласилась.

Искусъ оказался тяжкимъ, и она не разъ должна была сознаться самой себѣ, что Лебрехтъ ничего не преувеличилъ. Людей, правда, она не много видѣла, но мѣстностью могла налюбоваться вдоволь: безконечная бурья пастбища или сѣрые поля, надъ которыми проносились холодный, сырой вѣтеръ, такой сырой и холодный, какова на ея прекрасномъ Рейнѣ не бываетъ

и въ декабрѣ мѣсяцѣ, а не то что въ половинѣ октября! Время отъ времени на этой пустынной равнинѣ попадалась одинокая, окруженная деревьями и кустарниками усадьба; одинокая мельница красовалась на вершинѣ необыкновенно низенькаго холма; на горизонтѣ виднѣлась темная полоса лѣса. Хотя она убѣждала себя, что все это должно казаться гораздо красивѣе лѣтомъ, когда луга зелены, пастбища покрыты цвѣтами, необозримыя поля переливаются золотыми волнами и жаворонокъ съ пѣсней поднимается къ голубымъ небесамъ, на которыхъ плаваютъ большія бѣлыя облака, но сѣрая, дождливая дѣйствительность безжалостно заливала пестрыя картины, которыя рисовало воображеніе; потому что вдругъ пошелъ дождь и въ маленькой двухмѣстной, открытой таратайкѣ они были совершенно беззащитны отъ непогоды.

Но все это она перенесла бы гораздо спокойнѣе—хотя сегодня при ея утомленіи неудобное путешествіе казалось ей тяжелѣе, чѣмъ во всякое иное время—если бы Лебрехтъ былъ веселѣе, если бы онъ снова обрѣлъ на своей родинѣ ту спокойную, непринужденную манеру, которая очаровала ее въ немъ. Но, къ сожалѣнію, этого не случилось. Какъ раньше того онъ бранилъ неудобство ѣзды на желѣзной дорогѣ, такъ теперь онъ ворчалъ на обстановку, которую самъ же создалъ, точно будто чужое неразуміе или упрямство навязало ему ее. Надвинувъ дорожную шапку низко на лобъ, поднявъ воротникъ пальто, сидѣлъ онъ, прислонясь въ уголь, какъ человѣкъ, который не хочетъ больше терять словъ по поводу неприятности, которой не можетъ предотвратить. И это молчаніе пугало ее еще болѣе, нежели предшествовавшая ему раздражительность. Въ концѣ-концовъ, она не рѣшалась больше заговаривать съ нимъ и вдоволь наслушалась скрипа колесъ, стука лошадиныхъ копытъ и протяжныхъ завываній вѣтра, который проносился надъ сырными полями и наклонялъ тополи, шелестившія листьями. Охъ! ужъ эти тополи съ ихъ шелестомъ! Если, какъ говорилъ Лебрехтъ, каждый тополь напоминалъ ему его юность, то какъ печальна, должно быть, была эта юность! Она повязала себѣ голову платкомъ, чтобы не такъ явственно слышать нестерпимый шелестъ, и цѣлыхъ четверть часа не раскрывала глазъ, чтобы не видѣть, какъ наклоняются ихъ вершины, точно привидѣнія.

Но вскорѣ эта предосторожность стала излишней: густыя тучи все темнѣли, да темнѣли и какъ будто опускались все ниже и ниже съ каждымъ разомъ, какъ она на нихъ взглядывала; наступили сумерки, а за сумерками ночь, хотя было навѣрное

не позже семи часовъ. Ни одной ласковой звѣздочки на небѣ, ни одного привѣтливаго огонька на землѣ. Только разъ въ сторону мелькнулъ слабый свѣтъ, да тотчасъ же и погасъ, а кучеръ проговорилъ:

— Висѣличный холмъ!

То были первыя слова, произнесенныя этимъ человѣкомъ во всю дорогу. Она ломала голову потомъ: что собственно хотѣлъ онъ этимъ сказать? Было ли связано и у него какое-нибудь воспоминаніе съ этимъ страшнымъ мѣстомъ, какъ у Лебрехта съ тополями? или же тамъ дѣйствительно стоитъ висѣлица? Что это за огонекъ мелькнулъ тамъ вдали? Слава Богу! вотъ еще огонекъ, другой, третій — цѣлый рядъ огней: фонари желѣзно-дорожной станціи, какъ объяснилъ Лебрехтъ. Затѣмъ еще влочки шоссе, слава Богу!—безъ тополей; затѣмъ на-право и на-лѣво низенькія, четырехугольныя, озаренныя слабымъ свѣтомъ огна, между большими темными массама—овины пахарей, живущихъ въ предмѣстьѣ, какъ объяснилъ Лебрехтъ... Узкія, темныя ворота, при входѣ и выходѣ которыхъ колыкался фонарь на цѣпяхъ... Немного лучше освѣщенная улица съ порядочными, какъ кажется, домами... маленькая, четырехугольная площадь, обканчивающаяся съ одной стороны гаванью... Она слышала сквозъ завываніе вѣтра шумъ волнъ и смутно видѣла высокія мачты, вырѣзывавшіяся на посвѣтлѣвшемъ немного небѣ, и вотъ, наконецъ, передъ ней выросли два высокіхъ зданія, видѣвшихся среди остальныхъ низкихъ, точно два замка: налѣво ратуша съ остроконечной крышей, направо отъ нея еще болѣе высокое зданіе, тоже съ остроконечной крышей...—его домъ, который будетъ теперь и ея домомъ... Этотъ домъ онъ ей такъ часто описывалъ, и теперь она бросила на него робкій взглядъ, сидя въ таратайкѣ, при слабомъ свѣтѣ фонарей, горѣвшихъ тамъ и сямъ на площади, и свѣтѣ, исходявшемъ изъ оконъ массивнаго, громаднаго дома... нѣмой, темной, каменной тайны, вздымавшейся до самаго ночного неба.

И вотъ, медленно отворилась массивная дверь, показался старый Бальтазаръ—она давно уже его знала — и немедленно исчезъ, такъ какъ вѣтеръ погасилъ свѣчу, которую онъ держалъ въ рукахъ. Она чуть-было не засмѣялась: вышло такъ, какъ если бы старикъ желалъ показать только свой громадный, багровый носъ! Но она не въ силахъ была разсмѣяться: вотъ порогъ, черезъ который она мысленно такъ часто переступала подъ руку съ своимъ милымъ Лебрехтомъ и...

— Да войди же въ домъ! — закричалъ нетерпѣливо Леб-

рехтъ, расплатившійся съ извощникомъ. Онъ, конечно, не хотѣлъ ее обидѣть, но этотъ рѣзкій тонъ дико прозвучалъ въ ея неприличныхъ ушахъ.

Затѣмъ, конечно, онъ тотчасъ же очутился возлѣ нея, когда она сдѣлала два шага въ большихъ, нижнихъ сѣняхъ, гдѣ господъ встрѣтила маленькая, толстая фрау Ульценъ съ книженами и возгласами удивленія касательно неожиданнаго пріѣзда господъ.—И она подъ руку съ нимъ вошла по широкой желѣзной лѣстницѣ, которая вела изъ нижнихъ сѣней въ галерею, съ громадными черными колоннами. Лѣстница была очень отлога и также съ колоннами. Всѣ комнаты перваго этажа выходили, повидимому, на галерею.

И далѣе она прошла по всѣмъ комнатамъ подъ руку съ Лебрехтомъ, причѣмъ фрау Ульценъ свѣтила имъ, а Бальгазаръ, шествуя по ихъ пятамъ, зажигалъ свѣчи у зеркалъ и на столахъ.

И по тому самому, что свѣтъ постоянно появлялся за ней спиной, у ней осталось такое ощущеніе, точно она прошла по лабиринту, въ которомъ никогда не слѣдуетъ найти дорогу; а затѣмъ Лебрехтъ отворилъ послѣднюю дверь и сказалъ:

— А вотъ наша спальня, а затѣмъ...

Беликозѣпные часы на каминѣ пробили легкимъ серебрянымъ звономъ восемь часовъ. Анхенъ вскочила, какъ человѣкъ, внезапно пробужденный изъ долгаго утренняго сна, во время котораго ему снилось безконечно многое, а онъ въ этой путаницѣ представленій тщетно искалъ одного только, что ему никакъ не давалось...

Нѣтъ! она не спала и не сновидѣнія проносились въ ея головѣ и сердцѣ съ смутной поспѣшностью—въ то время, какъ она смотрѣла на дрожащія голубые огоньки углей, покрывавшихся золою: тѣ проносились краткая исторія ея любви, которую она снова пережила въ какихъ-нибудь нѣсколько минутъ... которую она обняла въ одномъ взглядѣ, какъ странникъ обнимаетъ обширный ландшафтъ со всѣми подробностями въ то время, какъ онъ глядитъ на облако, которое только-что появилось на горизонтѣ и про которое встревоженный проводникъ сказалъ, что, прежде нежели они достигнутъ ближайшаго мѣста своего назначенія, оно затянетъ весь прекрасный, смѣющийся, окружающій міръ сѣрымъ покрываломъ и зальетъ его потоками дождя.

Встревоженный проводникъ—это ея собственное, сильно-бьющееся, мучимое угрызениями совѣсти сердце! Она плохо выдержала искусь! Съ какихъ это поръ дурная погода можетъ такъ испортить ея расположеніе духа? Развѣ такъ отнеслась она къ

непогодѣ въ то утро, когда ихъ засталъ дождь, когда они ѣздили осматривать Лёвенбургъ на Зибенгебирге и принуждены были идти пѣшкомъ и подъ проливнымъ дождемъ, по длинной дорогѣ, въ Кёнигсвинтеръ? Но, конечно, она тогда шла съ нимъ подъ руку, и каждое препятствіе, какое ей приходилось преодолевать на своемъ пути, служило поводомъ къ нескончаемымъ шуткамъ и веселости! Но развѣ не была она обязана, потому именно, что онъ сидѣлъ сегодня молчаливый и не въ духѣ, успокоить его удвоенной веселостью. Она, вѣдь, можетъ быть очень веселой — и онъ такъ любитъ, когда она бываетъ весела! Быть можетъ, онъ ожидалъ этого? Быть можетъ, ея усталое молчаніе послужило доказательствомъ, что его опасенія оправдываются и что она находитъ ужасной его возлюбленную Померанію? А теперь, когда она вошла въ домъ, когда они проходили по комнатамъ... Ну, конечно, онъ ужасно спѣшилъ и было очень темно! Но зачѣмъ она молча шла за нимъ? Зачѣмъ не остановилась, чтобы полюбоваться царской роскошью, съ какой, очевидно, былъ отдѣланъ домъ? И зачѣмъ, когда они вошли, наконецъ, въ эту комнату, которая совсѣмъ и не похожа на комнату, а похожа на большую палатку, обитую голубой матеріей, затканной серебромъ! Такая изящная и богатая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая уютная и удобная, совсѣмъ такая, какой она себя ее представляла, какою она описывала ему ее въ минуту шаловливой веселости... А онъ, милый, добрый, все это понялъ, запомнилъ и устроилъ еще въ тысячу разъ лучше!.. А она! Развѣ она бросилась ему на шею? Развѣ она поблагодарила его за его доброту, за его заботливость, за его любовь? Развѣ она сказала ему: я озарю твой темный домъ своей любовью, какъ озаряетъ росинку утренній солнечный лучъ, и прогоню поцѣлуйми облако съ твоего чела, милый, неразумный человѣкъ! И я сдѣлаю тебя такимъ же счастливымъ, какъ и я сама!

Ахъ! ничего, ничего-то этого она ему не сказала! А бросилась вотъ въ это кресло и своимъ глупымъ поведеніемъ впервые, съ тѣхъ поръ какъ его знаетъ, вырвала у него рѣзкое слово, и когда онъ вышелъ отсюда, то облако на его челѣ было мрачнѣе, чѣмъ когда-либо... — облако, которое появилось на немъ не съ сегодняшняго дня, которое, слѣдовательно, вызвала не она своимъ глупымъ поведеніемъ, таинственное облако, уже долгія недѣли тяготѣющее на немъ и причина котораго должна лежать глубже и, можетъ быть, только слѣдующая: я обманулся въ тебѣ, ты не та жена, которая можетъ сдѣлать меня счастливымъ!

И когда размышленіе опять привело ее къ тому же заклю-

ченію, къ которому оно всегда приводило ее, — бѣдная Анхенъ валилась слезами, какъ ребенокъ, который не видитъ больше спасенія отъ угрожающей ему опасности, — и рыдала, закрывъ лицо руками, и свовѣ тонкіе пальцы слезы бѣжали ручьями.

И такимъ образомъ она, конечно, не могла видѣть толстой экономки, которая тихо, очень тихо постучавшись въ дверь, слегка приотворила ее, не дожидаясь, чтобы ей закричали: войдите! съ минуту глядѣла въ щель и затѣмъ снова затворила ее, громко постучалась, какъ будто бы только-что подошла къ двери и вошла въ комнату съ дѣловой улыбкой на толстыхъ губахъ, держа на подносѣ чашку кофе, которую потребовала барыня.

II.

Анхенъ въ испугѣ вскочила съ кресла и постаралась, какъ сумѣла, скрыть свои слезы. Невозможно было и думать, что фрау Ульценъ не замѣтила ихъ, хотя она и виду не подавала, что видѣла слезы Анхенъ, но пододвинула маленькій мраморный столикъ и подала кофе барынѣ, извиняясь, что заставила его такъ долго ждать и что не такъ ловко умѣетъ прислуживать, какъ та горничная, которую г. коммерціи-совѣтникъ и г-жа коммерціи-совѣтница привезутъ съ собой черезъ недѣлю.

— Я не знаю, прійдутъ ли къ намъ мои родители такъ скоро, какъ обѣщали, — отвѣчала Анхенъ.

— Баринъ думаетъ, что они скоро прійдутъ, да и я также. Добрымъ родителямъ, извѣстно, не терпится взглянуть на свою доченьку, а доченькѣ не терпится поглядѣть на родителей, съ которыми ей никогда еще не приходилось расставаться, а съ родителями-то расставаться не легко. Я жила у многихъ господъ, которые только-что поженились и любили другъ друга, что твои голубки. Но только дѣло въ томъ, что одной любовью не проживешь, а надо и еще кое-что кромѣ любви, а пока этого дождешься — пройдутъ мѣсяцы и годы... а иной и во всю жизнь не дождется.

Лебрехтъ расписалъ фрау Ульценъ своей Анхенъ какъ особу, довольно несносную. Она, конечно, полезна въ своемъ родѣ, но у ней пропасть недостатковъ и въ томъ числѣ несноснѣе всего ея нестерпимая болтливость. А благоразумная мамà не разъ преждедала ее напоследокъ упасть на первыхъ порахъ вліятельную экономку, прожившую въ домѣ слишкомъ десять лѣтъ, ща-

дѣть до тѣхъ поръ, пока она не почувствуетъ, что она «сама стоитъ на твердой почвѣ».

Но Анхенъ не думала въ эту минуту объ этихъ благоразумныхъ совѣтахъ. Слова толстой старухи, стоявшей около нея со сложенными на животѣ руками, высказанныя съ тѣмъ туземнымъ акцентомъ, какой она впервые замѣтила у Лебрехта и который поэтому ей такъ нравился, нашли отголосокъ въ ея удрученномъ сердцѣ.

— Неужели такъ и не дождутся!—повторяла она.

Фрау Ульценъ боялась, что зашла слишкомъ далеко, но увидѣвъ, что слова ея, очевидно, произвели впечатлѣніе на молодую женщину, спокойно продолжала.

— Ну, да! такъ и не дождутся! но только, конечно, на это никогда не слѣдуетъ указывать, а стараться успокоить бѣдную молодую дамочку, какъ я это всегда дѣлала относительно молодой фрау фонъ-Вильцовъ, гдѣ я раньше уже цѣлыхъ полгода вела хозяйство молодого барона. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, хотя и со слабостями, какъ и всѣ мы, грѣшныя, и придерживался рюмочки больше, чѣмъ это было ему полезно. Но если бы жена вздумала считать себя отъ этого несчастной, то немного счастливыхъ набралось бы у насъ здѣсь въ околоткѣ. А моя молодая барыня чувствовала себя такой несчастной, что сколько я ее ни утѣшала, а въ одно прекрасное утро мы нашли ее въ пруду, позади города; въ жизни ее вернуть намъ не удалось.

— Великій Боже! и неужели такъ и не узнали, что довело ее до самоубійства.

— Нѣтъ,—отвѣчала Ульценъ, качая головой:—одни рассказывали, что она была влюблена до свадьбы въ одного поручика, который остался въ Богеміи, и что хотѣла выдти за него замужъ, да родители не позволили и заставили выдти за моего барина, а другіе... а про поручика говорили, что онъ съ горя застрѣлился. Но все это однѣ сплетни: мнѣ она объ этомъ ничего не говорила, а ужъ навѣрное рассказала бы, кабы что-нибудь было, потому что была мной очень довольна и постоянно твердила:—Какъ хотите, фрау Ульценъ! или: Дѣлайте, какъ знаете, фрау Ульценъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, такой молодой, неопытной дамочкѣ всего лучше довѣриться пожилой, опытной женщинѣ, которая знаетъ хозяйство, какъ свои пять пальцевъ, и ничего не желаетъ для себя, а желаетъ только какъ бы угодить господамъ. На слугъ, вѣдь, вообще нельзя полагаться, въ особенности здѣсь, въ Вольдомѣ, гдѣ у нихъ у всѣхъ въ головѣ засѣла мысль о

переселеніи, потому что кое-кому удалось нажить деньги въ Америкѣ; а когда людямъ не поживется долго на мѣстѣ, то они всегда увѣряютъ, что я въ томъ виновата, но вы, сударыня, сами увидите, что я нисколько въ этомъ не виновата.

Анхенъ потихоньку пила превосходный кофе и никакъ не могла отдѣлаться отъ мысли о бѣдной молодой женщинѣ, которая утопилась, никому неизвѣстно по какой причинѣ, и совсѣмъ не слыхала, какимъ образомъ фрау Ульценъ перескочила отъ этого трагическаго предмета къ вопросу о прислугѣ; но она не хотѣла дать той замѣтить свое невниманіе и проговорила наудачу:

— Чѣмъ же вы-то виноваты?

— Не правда-ли? — ревностно подхватила фрау Ульценъ, — чѣмъ же я-то виновата? Я не виновата, что домъ старѣе, чѣмъ шведская стѣна у Сундинскихъ воротъ? и что они говорятъ, что если бы всѣ тѣ люди были еще живы, которые родились въ этомъ домѣ, то всѣмъ намъ стало бы тѣсно въ немъ. Да! сударыня, если молодому существу, попавшему сюда, кажется здѣсь страшно, и оно задумаетъ бѣжать отсюда, проживъ какихъ-нибудь шесть недѣль....—то это въ сущности весьма естественно, потому что, если послушать стараго Бальзаара, который тридцать лѣтъ служилъ при покойномъ сенаторѣ и вотъ уже пять лѣтъ какъ живетъ при молодомъ баринѣ: чего только не наслушался и не наглядѣлся онъ, сударыня—этому повѣрить нельзя, пока его не услышишь; а ужъ то, что здѣсь, когда никого въ комнатѣ нѣтъ, такъ слышно, какъ кто-то какъ будто дышетъ, точно кто-нибудь по близости спитъ въ постели—такъ это я сама тысячу разъ слышала, а также и Дорте слышала, сударыня, наша новая кухарка, которая живетъ уже шесть недѣль, да я еще не знаю, будетъ ли изъ нея толкъ, потому что она хохочетъ день-деньской; но со старой не было никакого сладу, она подъ конецъ ни о чемъ другомъ не говорила и навѣрное въ первый же вечеръ отъявилась бы и въ вамъ, сударыня, съ этими самыми рсказнями; обѣ служанки болтали то же самое, а потому я вынуждена была отпустить ихъ, потому что ни одинъ человѣкъ не можетъ исчезнуть, да я летать также, и это всѣ они говорятъ въ городѣ; а потому имъ здѣсь не мѣсто въ домѣ; подумала я, сударыня, и отказала имъ; если новыя служанки, которыхъ вы наймете, будутъ такія же, какъ и всѣ прочія, но, по крайней мѣрѣ въ первые дни васъ не будутъ беспокоить этими глухими рѣчами. А это чего-нибудь да стѣбитъ: не правда-ли, сударыня?

— Я право не знаю, о чемъ вы говорите, — отвѣчала Анхенъ. По лицу экономки пробѣжала полу-смущенная, полу-гнѣвная улыбка.

— Ахъ! вы не знаете, въ самомъ дѣлѣ не знаете, ну, такъ прошу покорнѣйше извинить меня. Я, конечно, не изъ тѣхъ людей, что не умѣютъ держать языкъ за зубами. И когда баринъ сказалъ: — фрау Ульценъ, не говорите объ этомъ женѣ, это будетъ ей сюрпризъ! — то я и не стану говорить; и если бы онъ сказалъ: — фрау Ульценъ, не говорите женѣ про то, что случилось съ г. Флидербушемъ, то я бы тоже ничего не сказала, въ этомъ вы можете быть увѣрены, сударыня... Не прикажете ли еще чего, сударыня?

Фрау Ульценъ присѣла и хотѣла молча удалиться, такъ-какъ Анхенъ ей не отвѣчала, съ совнаніемъ оскорбленнаго достоинства, но остановилась въ недоумѣніи. Большіе, темные глаза молодой женщины, внезапно вскочившей съ своего кресла, глядѣли на нее такимъ вопрошающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показалося Ульценъ, такимъ испуганнымъ взглядомъ:

— Ахъ! сударыня, неужели же въ самомъ дѣлѣ вы ничего объ этомъ не знаете? — спросила Ульценъ.

Молодая женщина чуть замѣтно покачала въ отвѣтъ головою. Фрау Ульценъ съ неприятнымъ удивленіемъ всплеснула руками и вскричала:

— Господи, сударыня, теперь ужъ я, право, не знаю: должна ли я вамъ говорить объ этомъ? Потому-что если баринъ ничего вамъ объ этомъ не говорилъ... ну! что-жъ вѣдь, у барина совѣсть чиста, и онъ можетъ спокойно ждать, что изъ этого всего выйдетъ и, конечно, не знаетъ того, что говорятъ люди; а не то навѣрное рассказалъ бы вамъ, сударыня, какъ все происходило, потому-что вы, сударыня, не проживете въ Вольдомѣ сутокъ, какъ уже обо всемъ узнаете, и ужъ коли на то пошло, то лучше, чтобы вы, сударыня, узнали это отъ меня, потому-что я желаю добра господамъ и по-крайней-мѣрѣ знаю въ чемъ дѣло, и какъ это случилось; а другіе ровнѣхонько ничего не знаютъ; и какъ они теперь говорятъ, что я завидовала г. Флидербушу... но ужъ про г. Флидербуша баринъ навѣрное говорилъ вамъ, сударыня?

— Не помню, — беззвучно отвѣчала Анхенъ.

— Неужели! — вскричала Ульценъ.

Анхенъ снова усѣлась въ креслѣ, стараясь казаться спокойной, хотя дрожація колѣни и сильно бьющееся сердце выдавали ея волненіе. Несмотря на свое смущеніе, она очень хорошо

собнавала, какъ неприлично ей выслушивать отъ старой болтуни о такихъ вещахъ и лицахъ, о которыхъ Лебрехтъ умалчивалъ. Но если это молчаніе не было случайнымъ? если онъ молчалъ только затѣмъ, чтобы не встревожить ее? если его собственное безпокойство, его уныніе, его мрачный видъ, который такъ смущалъ ее, объяснятся ей теперь неожиданнымъ образомъ? если ей можно сказать ему сегодня вечеромъ: «я все знаю, Лебрехтъ!» Но что же? Боже мой? что-жъ это такое? Навѣрное это что-нибудь очень, очень неприятное... это ясно изъ всего, что болтаетъ старуха...

— Не хотите ли присѣсть?—спросила Анхенъ, указывая на стулъ, стоявшій по близости.

Фрау Ульценъ весьма охотно воспользовалась позволеніемъ. Такого удобнаго случая наставить своей мудростью молодую женщину, только-что переступившую за порогъ своего новаго дома, ей еще никогда не представлялось, во всю ее многолѣтнюю хозяйственную практику. Ея приземистая, тучная фигура просто сіяла, когда, усѣвшись на край стула и разглаживая жирными руками складки своего чернаго передника, она проговорила съ самодовольной улыбкой на толстыхъ губахъ:

— Не глядите, сударыня, съ такимъ страхомъ на часы! Когда г. докторъ у барина, такъ они всегда долго-долго засидятся другъ съ другомъ, а сегодня навѣрное засидятся еще дольше, потому-что Бальтазаръ, который только-что пронесъ бутылку вина—ужъ это первое дѣло, когда г. докторъ прійдетъ, но только я ничего худого не хочу этимъ сказать, сударыня, Боже упаси!... — говорить, что они теперь разговариваютъ объ этомъ. А г. докторъ часто бываетъ въ городѣ и всегда принималъ большое участіе въ г. Флидербушѣ, у котораго уже давно не было матери, а только старая тѣтка, вдова моряка, а братъ ея, отецъ молодого Флидербуша, тоже былъ корабельнымъ капитаномъ и много лѣтъ плавалъ на нашемъ кораблѣ, пока наконецъ... сколько бышь тому времени прошло? да! такъ! весною у насъ былъ пожаръ на палубѣ, а осенью «Анна-Марія» потерпѣла кораблекрушеніе, и весь экипажъ потонулъ, а съ нимъ вмѣстѣ и г. Флидербушъ—отецъ то-есть—и вотъ зимою прійхалъ въ намъ въ домъ молодой Флидербушъ: этому теперь прошло шесть лѣтъ, и ему тогда было четырнадцать и, значить, теперь ему было бы двадцать, если бы....

— Развѣ онъ умеръ? — испуганно спросила Анхенъ.

Фрау Ульценъ бросила меланхолическій взглядъ на потолокъ.

— Въ томъ-то и дѣло, сударыня, что никто этого не знаетъ, и всѣ ломаютъ на счетъ этого голову: потому-что его всѣ знали и всѣ къ нему привыкли. Только бывало и слышишь: Гансъ Флидербушъ! Гансъ Флидербушъ!... его звали Гансомъ, сударыня, и, говорятъ, онъ былъ очень дѣльный малый... теперь по-крайней-мѣрѣ,—хотя прежде я слыхала, о немъ говорили совсѣмъ иначе, и многіе удивлялись: какъ это нашъ баринъ такъ довѣряетъ такому молодому и легкомысленному человѣку. Да, сударыня, я этого не понимаю и всегда радовалась за него, если баринъ чаще приглашалъ его къ столу, нежели другихъ, и ѣздилъ съ нимъ лѣтомъ на воды въ дѣловое время, а зимою катался съ нимъ на конькахъ, или стрѣлялъ въ цѣль за садомъ, и еще три года тому назадъ бралъ его съ собой въ Лондонъ, а въ прошломъ году въ Парижъ, чтобы онъ узналъ свѣтъ, какъ говорилъ баринъ, хотя Бальтазаръ говорилъ—для того, чтобы тамъ прокидывать тѣ дурачества, которыхъ ему нельзя прокидывать въ Вольдомѣ. Конечно, это очень непочтительно со стороны Бальтазара, сударыня, но вы, сударыня, еще не знаете, каковы люди, и я считаю своей обязанностью раскрыть вамъ глаза. Вотъ Бальтазаръ, сударыня, такъ взаправду завидовалъ Флидербушу, и ворчалъ у насъ на кухнѣ еще наканунѣ того дня, какъ баринъ собирался ѣхать на свадьбу—за то, что Флидербушу поручено было укладывать дорожный сундукъ барина, тогда-какъ Бальтазаръ тридцать лѣтъ сряду укладывалъ дорожныя вещи покойному сенатору и всегда ему угождалъ. Флидербушъ укладывалъ сундукъ вотъ въ этой комнатѣ, сударыня, въ которой баринъ всегда спалъ и прежде, хотя она и не была такъ великолѣпно отдѣлана, какъ теперь; а тѣмъ временемъ г. докторъ сидѣлъ у барина въ кабинетѣ, гдѣ онъ сидятъ и теперь, и они выпили тогда этакъ бутылочки двѣ или три. А затѣмъ г. докторъ ушелъ, и Бальтазаръ свѣтилъ ему и ужъ больше на верхъ не возвращался, потому-что спать внизу. Я тоже отослала служанокъ спать, потому-что на другое утро онѣ должны были рано встать, да и дѣлать имъ было больше нѣчего, да и мнѣ, собственно говоря, тоже, хотя Бальтазаръ не убралъ бутылокъ и стакановъ, но я не знала: можно мнѣ войти или нѣтъ, потому-что баринъ не любитъ, чтобы къ нему входили безъ зова. И должно быть тутъ я чуть-чуть вздремнула и очень удивилась, когда, проснувшись, услышала, что бьетъ полночь, и я думаю, что бой часовъ именно и разбудилъ меня, потому-что часы еще не кончили бить, какъ я проснулась...

— Ну-съ, сударыня, я старая и разсудительная женщина и не изъ трусливаго десятка; но когда этакъ, знаете ли, проснешься

ровно въ полночь и подумаешь, что всё уже давно улеглись спать, и въ домѣ царствуетъ мертвая тишина, и вдругъ услышишь какой-то стукъ и звонъ, словно какъ-бы въ церкви, знаете ли, сударыня, такой глухой и странный, что не знаешь, сверху ли онъ идетъ или снизу? Великій Боже, думаю я, что бы это могло значить, а г. Флидербушъ... нѣтъ, ей-Богу, сударыня, мнѣ это сначала совсѣмъ было не вдомѣкъ; а это ужъ цѣлую вѣчность шумъ-то слышался изъ комнаты барина, и я тѣмъ временемъ прошла уже по корридору мимо кухни, позади комнату для прѣвзжихъ, гдѣ я сплю, а шумъ все еще не улегся. Ну, вотъ, я собралась съ духомъ и вернулась назадъ, и вправду: шумъ шелъ изъ комнаты барина: сначала голосъ барина, а затѣмъ голосъ Флидербуша, а затѣмъ оба голоса разомъ, точно вотъ когда двое сильно между собою спорять. Ну, сударыня, это было тѣмъ удивительнѣе, что я никогда не слышала худого слова отъ барина про г. Флидербуша, и чтобы г. Флидербушъ вдругъ осмѣлился такъ дерзко говорить съ бариномъ—этому я тоже никогда бы не повѣрила. И чисто отъ удивленія, сударыня, потому-что я знаю, какъ слѣдуетъ себя вести слугѣ, сударыня, экономка же должна показывать слугамъ хорошій примѣръ, а это подслушивается у дверей, тотъ это дѣлаетъ на свою собственную голову.... Но тутъ даже не надо было и подслушивать... и Рабельманъ, слуга нашего совѣтника, сударыня, проходилъ какъ-разъ въ это время по переулку и тотъ тоже слышалъ, хотя въ переулокъ не выходитъ ни одного окошка, и стѣна тамъ толстая, претолстая. Но словъ, сударыня, онъ не могъ разслышать, потому-что и я, сударыня, не разслышала ихъ, хотя стояла у самой двери, и только разъ до меня долетѣли слова барина: — отдай мнѣ его назадъ! а Флидербушъ на это: — нѣтъ! не отдамъ! И затѣмъ, сударыня, поднялась возня; словно какъ-бы они боролись другъ съ другомъ, и при этомъ, должно быть, они толкнули столъ; столъ полетѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ и бутылки и стаканы, которые на немъ стояли; а затѣмъ послышался громкій крикъ и мнѣ кажется, что баринъ прибилъ его, потому-что то кричалъ Флидербушъ. Я бросилась къ двери, дверь заперта, а черезъ сѣни въ столовую, откуда ведетъ другая дверь къ барину, и та дверь на замкѣ. Ну, тутъ ужъ мнѣ стало вдругъ такъ страшно, сударыня, такъ страшно, что я и описать не могу, потому-что тѣмъ временемъ все утихло, словно какъ въ могилѣ, и я, быть-можетъ, простояла нѣсколько минутъ со свѣчей въ рукѣ—и по сіе время еще дивлюсь, сударыня, какъ это я ее не уронила со страху.... а затѣмъ я опять пошла въ сѣни и тутъ, слава Богу! вышелъ самъ

баринъ изъ спальни, сударыня, тоже со свѣчей въ рукѣ и побѣжалъ стремглавъ на лѣстницу, а я побѣжала за нимъ, потому-что онъ меня совсѣмъ не замѣтилъ, и онъ уже сбѣжалъ на первую площадку, какъ я еще стояла на верху. и, конечно, сбѣжалъ бы совсѣмъ внизъ, да только свѣча у него вдругъ потухла, и онъ только теперь примѣтилъ меня и закричалъ:—идите сюда, скорѣе, фрау Ульценъ! идете сюда, скорѣе!—Ну, я побѣжала къ нему со всѣхъ ногъ и онъ зажегъ свою свѣчу объ мою, и я увидѣла, что онъ блѣденъ, какъ полотно, и руки у него такъ дрожать, что его подсвѣчникъ все стучается объ мой подсвѣчникъ и онъ не сразу могъ зажечь свѣчу, и я должна была три раза спросить его: чтѣ случилось?—пока онъ наконецъ отвѣтилъ: Флидербушъ... но нѣтъ, онъ не сказалъ Флидербушъ, онъ сказалъ: Гансъ выбросился изъ окошка спальни и лежитъ теперь въ саду... Мертвый?—спрашиваю я.—Не знаю,—отвѣчаетъ баринъ; я звалъ его, онъ не отвѣчаетъ.—Но что же такое случилось, сударь?—спрашиваю я опять.

— Мы поспорили,—отвѣчаетъ баринъ:—мнѣ очень жаль... очень... если бы я могъ думать... и при этомъ губы его дрожали, сударыня, а глаза совсѣмъ собирались высочить изъ головы, и онъ шатался, такъ что я думала, что онъ упадетъ. Но вотъ онъ выпрямился и проговорилъ: «Теперь ужъ повдно горевать, фрау Ульценъ. Оставайтесь здѣсь и разбудите Бальтазара, а я самъ пойду его».—Но свѣча у васъ потухнетъ на дворѣ, сударь, говорю я ему.—А вотъ Христіанъ, говоритъ баринъ, я возьму его фонарь.

— Мы сошли тѣмъ временемъ внизъ и проходили мимо окна, которое выходитъ на дворъ. На дворѣ мы увидѣли Христіана...

— ... Это нашъ кучеръ, сударыня, и онъ уже выкатилъ карету, въ которой баринъ долженъ былъ ѣхать на другое утро на желѣзную дорогу, да услышалъ, что дождь идетъ, такъ и всталъ, чтобы прикрыть карету рогожкой. Онъ набитый дуракъ, сударыня, и ему хоть волъ на головѣ теши, но что касается лошадей и экипажей... ужъ тутъ онъ маху не дастъ, сударыня. И его большой фонарь былъ зажженъ, а дождь-то лилъ какъ изъ ведра; когда баринъ отворилъ дверь на дворъ, я ему и говорю: «надѣньте шапку». А онъ и не отвѣчаетъ, а приказываетъ только, чтобы Бальтазаръ бѣжалъ скорѣе за г. докторомъ. Ну, сударыня, дальше нечего рассказывать; не нашли они его, хотя избѣгали весь садъ, сначала баринъ съ Христіаномъ, а затѣмъ и кое-кто изъ прислуги, которую баринъ велѣлъ разбудить, а затѣмъ они обыскали весь домъ, съ чердака до погреба,

хотя никакой возможности не было ему попасть опять въ садъ въ домъ, а затѣмъ послали искать его по всему городу, но все понапрасну; Флидербушъ не отыскался; баринъ объявилъ о томъ кому слѣдуетъ, и начальникъ полиція въ ту же ночь составилъ протоколъ и сказалъ барину: «Пусть онъ ѣдетъ съ миромъ; что дать пощечину мальчишеѣ, который не слушается своего хозяина—самъ Богъ велить; а если мальчишка отъ этого взбѣлится и, вмѣсто того, чтобы попросить прощенія, выскочить изъ чистаго упрямства изъ окна, то по-дѣломъ ему, если онъ даже и сломаетъ себѣ шею. А что онъ не сломалъ себѣ шеи, такъ это ясно какъ божій день; а разъ онъ не сломалъ себѣ шеи, то очень легко могъ, какъ кошка, перелѣзть черезъ садовую стѣну, а такъ какъ кошки если не къ людямъ привычны бываютъ, такъ къ дому, то надо думать, что онъ вернется, когда дурь съ него соскочитъ... и авось мы еще этого дождемся». Ну-съ, сударыня, старикъ не дождался этого, потому что недѣлю спустя его свесли на кладбище, а онъ былъ самый завадичный другъ и пріятель покойнаго сенатора и крестный отецъ нашему барину, и я думаю, что онъ перевернулся бы отъ ужаса въ могилѣ, если бы услышалъ, что люди говорятъ.

— А что они говорятъ? что могутъ они говорить? — вскричала Анхентъ.

Она вдругъ вскочила съ своего кресла и протянула сложенные руки въ фрау Ульценъ.

Въ запыленныхъ глазкахъ нивеньбой экономки, которая тоже встала съ мѣста, засвѣтился злорадный огонекъ въ то время, какъ она глядѣла на взволнованную молодую женщину, тихо покачивая жирной головой.

— Что они могутъ говорить, сударыня? да чего только не скажутъ злые люди, чтобы почесать языки, и это про нашего барина, который такъ богатъ, что могъ бы купить весь городъ и такъ щедръ, что бросаетъ деньги за окно, и просто срамъ и стыдъ, кому иной разъ достаются эти денежки. Ужъ въ этомъ случаѣ баринъ вылитый покойный сенаторъ, который когда умеръ, такъ полъ-Вольдома было записано у него въ долговой книгѣ: корабельные капитаны и матросы, и купцы, и ремесленники, и всѣ-то ихъ долги онъ зачеркнулъ и надъ ними написалъ: «получу уплату въ небесахъ!»

Фрау Ульценъ вытерла глаза, какъ она это всегда дѣлала, когда рассказывала эту исторію про покойнаго.

— Да, да, — продолжала она: — то-то былъ добрый баринъ — слишкомъ добрый для здѣшняго міра — и чего только они

не говорили про него; и что онъ торговалъ черными невольниками, когда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ ѣздилъ въ Америку; и что у него было съ десятокъ кораблей, которые постоянно плавали между Африкой и Америкой и то и знай, что провозили невольниковъ, но сюда, въ Вольдомъ, никогда и не заглядывали, а постоянно бросали якорь за Висѣличной горой— это будетъ отсюда въ полумили разстояніа, сударыня, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ прежде ходить туда, потому что всего еще какихъ-нибудь два года тому назадъ, тамъ стояла старая висѣлица, пока, наконецъ, сенаторъ не велѣлъ ее прибрать и не поставилъ на ея мѣсто маякъ; а тогда они принялись говорить, что онъ это сдѣлалъ только потому, что покойный король пригрозилъ, что онъ его повѣситъ, если онъ не оставитъ торгова невольниками и не велитъ закрывать подземнаго хода, который ведетъ отъ висѣлицы прямо сюда въ нашъ домъ. Да, сударыня, этому трудно повѣрить, а, вѣдь, взаправду болтаютъ про это, а другіе говорятъ, что этотъ ходъ вовсе не закрывалъ и существуетъ и по сіе время, и что въ комнатѣ барина, гдѣ жилъ и покойный сенаторъ, есть дверь, которой никто не знаетъ, кромѣ барина, и что сенаторъ, умирая, открылъ ее сыну... и теперь о ней знаетъ нашъ баринъ и больше никто. И что если бы только нашли дверь, то и Флидербушъ то же сыскался бы.

— Господи помилуй!— вскричала Анхень.

— Не правда ли, сударыня, вѣдь, это просто срамъ! но вы, сударыня, не тревожьтесь объ этомъ! Какимъ способомъ исчезъ Флидербушъ изъ сада— этого никто не понимаетъ, потому что вокругъ сада идетъ высокая, гладкая стѣна и только одна дверь ведетъ во дворъ, гдѣ находился Христіанъ съ каретой и штуки двѣ орудій, ведущихъ въ погребъ, но онѣ закрыты рѣшеткой. А что касается двери, которая будто бы находится въ комнатѣ барина и которой никто не знаетъ и не можетъ найти, то можетъ быть прежде и существовалъ подземный ходъ, потому что въ домѣ, который стоитъ триста лѣтъ и имѣетъ такіа толстыя стѣны, все можетъ быть; но теперь въ ней только есть шкафъ въ стѣнѣ, который, конечно, такъ великъ, что въ немъ умѣстится полдома, и одна половина его пуста, а въ другой хранились драгоценности, а также и всѣ акты и документы, которые баринъ самъ привелъ въ порядокъ и убралъ по смерти стараго барина—я при этомъ была: цѣлыхъ десять сундуковъ, биткомъ набитыхъ, которые теперь стоятъ въ погребѣ—и кромѣ этого у барина тамъ ничего не было, сколько мнѣ извѣстно, кромѣ удочекъ и ружей; но за два дня до отъѣзда баринъ сказалъ мнѣ:

«Фрау Ульценъ, — сказалъ онъ, — домъ у насъ теперь полонъ работниками и это продлится двѣ-три недѣли, пока все не будетъ отдѣлано, а вы не можете угладѣть за всѣми: не взять ли намъ изъ буфета большой серебряный сервизъ и не спрятать ли его въ шкафъ, потому что хотя люди и честны, но все же кое-что можетъ и потеряться, а такого сервиза больше не найдешь».

«Очень хорошо, сударь, — отвѣчала я, — и мы спрячемъ туда же и ложки и все такое, — береженаго Богъ бережетъ, да и у меня забота съ плечъ долой, потому что ящики въ буфетъ можетъ всякій отоменуть кривымъ гвоздемъ. Ну, сударыня, баринъ-то на это разсмѣялся, но мы-то, грѣшныя, знаемъ, какъ это дѣлается. И вотъ я и уложила все въ шкафъ, обернувъ въ мягкую бумагу, какъ и слѣдуетъ, сударыня, когда укладываешь такія дорогія вещи... и оставила только полдюжины обыкновенныхъ столовыхъ и чайныхъ ложекъ, на всякій случай; и хорошо сдѣлала, потому что когда вы, сударыня, потребовали кофе, то я и говорю барину: «Не подать ли баринѣ къ кофе одну изъ нашихъ прекрасныхъ ложекечекъ», а баринъ мнѣ въ отвѣтъ: «И такъ будетъ хорошо, а потерялъ ключъ». «Почему вы мнѣ его не отдали?» спрашиваю я. Онъ хотѣлъ отдать ключъ мнѣ и я должна была, когда домъ будетъ готовъ, вынуть вещи и снова поставить ихъ въ буфетъ. Да только въ послѣднюю ночь у барина голова шла кругомъ, и онъ совсѣмъ спать не ложился, потому что мы все искали его, пока, наконецъ, не пробило семь часовъ, и барину нужно было ѣхать на желѣзную дорогу, чтобы поспѣть на слѣдующій день къ милой невѣстѣ въ Кельнъ... Ахъ ты, Господи! вѣдь, это пробило половину девятаго; какъ время-то летитъ, когда займешься разговоромъ! Мнѣ нужно бѣжать въ кухню, сударыня, чтобы господамъ было тѣмъ поужинать, потому что я не очень-то довѣряю Дорте, хотя она три года пробыла у тѣтки Имфельдтъ, первой кухарки, да и баринъ съ докторомъ тѣмъ временемъ, вѣроятно, уже наговорились до-сыта и, можетъ быть, вы, сударыня, пожалуете теперь къ нимъ? Не прикажете ли вамъ въ чемъ помочь, сударыня?»

— Благодарю васъ, — отвѣчала Анхенъ: — я и одна справлюсь.

— Вѣрю, — отвѣчала фрау Ульценъ, прибирая кофейный приборъ, — когда такая молоденькая дамочка проведетъ въ дорогѣ шесть недѣль безъ горничной, а баринъ... ну, у нашего барина никогда не было камердинера и... я всегда говорила людямъ, когда они этому дивились: — Молодые господа, — говорила я: —

всегда счастливѣе, когда бываютъ совсѣмъ одни,—и у кого домъ полная чаша, тотъ въ дорогѣ самый покладливый человѣкъ.

Фрау Ульценъ проговорила это замѣчаніе у дверей, ожидая, что молодая женщина поблагодаритъ ее за него ласковымъ словомъ или кивкомъ головы, а быть можетъ, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Но Анхенъ, которая въ эту минуту стояла въ глубинѣ комнаты, передъ большимъ грюмо, повернувшись къ ней спиной, ничего не сказала и не обернулась къ ней. Но за то фрау Ульценъ видѣла въ зеркалѣ, освѣщенномъ канделябрами, отраженіе молодой женщины: она была блѣдна, какъ полотно, и темные глаза потерянно глядѣли впередъ. Фрау Ульценъ подумала, что лишнее ласковое слово не повредитъ. Она стукнула чашкой, чтобы показать, что она еще тутъ и проговорила:

— Сударыня, не принимайте всего этого такъ близко къ сердцу! У кого чистая совѣсть, тому не страшны людскія рѣчи; а нашъ баринъ не такой, какъ г. баронъ фонъ-Клебеневъ въ Вюстене, у котораго я жила въ экономахъ... теперь этому скоро уже сорокъ лѣтъ, и я еще была тогда совсѣмъ молоденькая, и тоже должна была показывать передъ судомъ, точно будто я чтó и знала, а чтó я знала? Я, право, такъ-таки ничего не знала. И что-жъ такое, что молодой баринъ придетъ въ столовую и наговоритъ пустяковъ молоденькой дѣвчонкѣ, хотя у него у самого красавица молодая жена... Боже милостивый! извѣстно, молодежь вѣтренна! Ну, а Ловиза, да и знаете ли, сударыня, старый Пальцофъ тоже, должно быть, объ этомъ провѣдалъ, и, должно быть, они поэтому и поссорились разъ въ лѣсу Вюстене. Только разъ баринъ и не вернулся домой, да такъ и пропалъ цѣлыхъ шесть недѣль, и ужъ все перерыли, искавъ его, и сосновый лѣсъ, и поля, и пруды: а старый-то Пальцофъ впередъ всѣхъ, потому-что никому и въ голову не приходило подозрѣвать его, и вотъ вдругъ... вотъ тоже въ такое время, въ октябрѣ мѣсяцѣ, собака Іохима Вензака принялась выть въ сосновой роцѣ—Іохимъ Вензакъ былъ пастухъ и повелъ стадо на пастьбу вовлѣ сосновой роцѣ—вотъ собака-то и прибѣгаетъ съ костью во рту, а ужъ пастуху ли не знать всѣхъ костей, онъ сейчасъ же и позвалъ жандарма, который какъ разъ проѣзжалъ по дорогѣ, да и говорить: «это, говоритъ, кость отъ нашего барина»,—и въ самомъ дѣлѣ! въ сосновой роцѣ и нашли его; тамъ онъ и пролежалъ все время, всего лишь на полфута подъ землей; и они десять разъ проходили по этому мѣсту, не подозрѣвая о томъ. Старый Пальцофъ не посмѣлъ зарыть его глубже, лисицы и вырыли его и полуобглодали. И когда пришли брать старика, по-

тому-что вмѣстѣ съ трупомъ нашли и его порошницу, онъ какъ закричить: «я васъ заждался совсѣмъ», да какъ всадить себѣ пулю въ лобъ, такъ и умеръ на мѣстѣ.

Фрау Ульценъ достаточно громко разсказала эту исторію, самую любимую изъ всѣхъ ея исторій, но она не была увѣрена, что барыня ее слышала, потому что та все еще стояла недвижимо передъ зеркаломъ, и фрау Ульценъ вдругъ стало страшно, не наговорила ли она чего лишняго, о чемъ лучше было бы и помолчать. Но она утѣшила себя мыслью, что она ни слова не сказала про то, про чтѣ ей формально было запрещено говорить.

И вотъ она легонько кашлянула... въ знакъ, что уходитъ на этотъ разъ совсѣмъ... постучала кофейнымъ приборомъ, видя, что кашель не помогаетъ, и вышла изъ комнаты въ мучительной неизвѣстности: дѣйствительно ли барыня не замѣтила ея ухода или сдѣлала видъ, что не замѣтила.

Анхенъ, какъ только услышала, что дверь затворилась, провела руками по лбу и глазамъ, какъ человѣкъ, вышедшій изъ оцѣпенѣнія; робко оглянулась кругомъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли она одна, а затѣмъ бросилась къ той самой двери, въ которую вышла Ульценъ, заперла ее на ключъ, бросилась затѣмъ къ другой двери, которая вела въ переднія комнаты, и тоже заперла ее. Затѣмъ подбѣжала къ столу, на которомъ лежалъ различный ручной багажъ, открыла элегантный мѣшочекъ и пошарила дрожащими руками среди всякаго рода красивыхъ дамскихъ вещицъ... вотъ и онъ!

Она вынула это... какой-то предметъ, завернутый въ бѣлый, батистовый платокъ. Она развернула платокъ... носовой платокъ Лебрехта и взяла въ руки оригинальный ключъ, съ длинной, гладкой ручкой, зубчатой бородкой и круглымъ ушкомъ. Ключъ былъ покрытъ темными пятнами... она это замѣтила уже раньше, а также и то, что ржавчина окрасила платокъ.

Но разглядывая теперь платокъ противъ свѣта, она увидѣла... Великій Боже! ужъ полно, ржавчина ли это?

Дрожь пробѣжала по ней. Невольно уронила она и ключъ, и платокъ.

Но въ ту же минуту опять подняла ихъ и, оглядываясь кругомъ, какъ будто искала, куда бы получше запрятать ихъ.

Что это! что-то идетъ, кажется? нѣтъ... но ключъ и платокъ уже въ карманѣ, куда она сунула ихъ въ страхъ, и гдѣ имъ, пожалуй, безопаснѣе лежать, чѣмъ въ мѣшкѣ.

Отъ кого она прятать ихъ?

Молодая женщина засмѣялась. Смѣхъ странно прозвучалъ въ ея ушахъ; точно не ея смѣхъ—и она вдругъ залилась слезами.

Противная старуха съ ея гадкими исторіями! а Лебрехтъ! Каково! ни слова мнѣ объ этомъ не сказалъ!

Она снова усѣлась въ креслѣ передъ каминомъ и думала, думала, думала... какъ и передъ тѣмъ... нѣтъ, нѣтъ! Теперь она боролась изо всей мочи съ страшной мыслью, что она нашла ключъ къ тоскѣ Лебрехта!

III.

— Что тамъ такое?—спросилъ докторъ.

— Мнѣ послышался шорохъ, — отвѣчалъ Лебрехтъ, снова запирая дверь.—Это прошла Ульцень, и больше никто.

— Ульцень, и больше никто... восхитительно! — замѣтилъ докторъ, осушая свой стаканъ и снова наполняя его: — совсѣмъ какъ и подобаетъ человѣку съ нечистой совѣстью. Она, вѣрно, шла отъ твоей жены?

— Должно быть, — отвѣчалъ Лебрехтъ.

— Гмъ! а если да она, такъ себѣ, en passant, не придавая этому никакого значенія—да и какое значеніе она можетъ этому придать?—открыла твою милую тайну женѣ?

— Я настоятельно просилъ ее не говорить объ этомъ.

— Подъ какии предлогомъ?

— Я сказалъ, что желаю... желаю сдѣлать сюрпризъ женѣ.

— Сюрпризъ! хорошо! очень хорошо! А если вдругъ кто-нибудь изъ остальной прислуги обрадуетъ ее этимъ сюрпризомъ? старикъ Бальтазаръ, напримѣръ?

— Это въ высшей степени невѣроятно.

— Однако, возможно?

— Зачѣмъ ты меня мучаешь?

— Затѣмъ, чтобы сказать тебѣ, что твоя тайна... какъ Дамокловъ мечъ, несмотря на всѣ твои предосторожности, виситъ у тебя надъ головой на одной шелковинкѣ...

— Точно я этого не знаю такъ же хорошо, какъ и ты.

— На шелковинкѣ, которая можетъ оборваться каждую минуту, и мечъ тотчасъ же упадетъ,—и ты... погибшій человѣкъ. Да ты и безъ того уже погибшій человѣкъ, и я тебѣ это докажу.

Съ тонкаго, блѣднаго лица доктора пропала ироническая усмѣшка, съ которой онъ до сихъ поръ выслушивалъ исповѣдь пріятеля. Онъ принялся тереть ладонями волѣни длинныхъ, ху-

дыхъ ногъ, сначала тихо, а потомъ все скорѣе и скорѣе, по своей привычкѣ, когда какой-нибудь пациентъ истощалъ его терпѣніе. Онъ не глядѣлъ больше съ юмористическимъ подмигиваніемъ черезъ очки въ лицо пріятелю, но держалъ глаза опущенными, точно все, что онъ собирался сказать, было написано на коврѣ, и ему нужно было поспѣшно прочесть это, изъ боязни, что въ слѣдующій моментъ оно изгладится.

— Я докажу тебѣ ясно, какъ дважды-два—четыре, что ты не что иное, какъ мономанъ, сошедшій съ ума на томъ, что его преслѣдуютъ, или который воображаетъ, что у него въ брюхѣ засѣлъ центнеръ сѣна, а въ головѣ—мѣра овса. Представь себѣ, ради Бога, какъ бы поступилъ на твоемъ мѣстѣ разумный человѣкъ? Въ его отношеніяхъ, въ его жизни существуетъ обстоятельство, котораго онъ стыдится, хотя нисколько въ немъ не виновать, и котораго онъ такъ же не въ состояніи измѣнить, какъ и носа, съ какимъ природа произвела его на свѣтъ. По моему мнѣнію, уже самый этотъ стыдъ есть совершенно презрѣнная, аристократическая нелѣпость, почти граничащая съ безуміемъ, но еще не составляющая безумія, потому что съ этой стороны я готовъ сдѣлать вкусу самья значительныя уступки. Что одному кажется совой, то другому представляется соловьемъ, и наоборотъ, — а человѣку, о которомъ мы говоримъ, это обстоятельство было совой съ самаго дѣтства: онъ сердился на сову и боялся ее; и въ своемъ родѣ имѣлъ на то основаніе, потому что другіе люди такъ же слабы, какъ и онъ, и могли попрекнуть его совой, да и попрекали при случаѣ, какъ, напримѣръ, тотъ любезнѣйшій полковникъ, съ его замѣчаніемъ: «мы бы охотно произвели васъ въ офицеры, любезный другъ, но въ нашемъ аристократическомъ полку, знаете...»—убирайся къ чорту, сказалъ тогда этотъ господинъ, и я надѣюсь, что при всякомъ другомъ случаѣ онъ отвѣтитъ каждому, кто вздумаетъ попрекнуть его совой: «убирайся къ чорту!»

Онъ такъ и дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока ему не довелось въ одинъ прекрасный день послать къ чорту не *его*, а *ее*, а на это у него не хватило духа.

Съ своей точки зрѣнія я сожалѣю объ этомъ; но могу это понять. Мало того: я не моралистъ, во всякомъ случаѣ не такой, который бы не допускалъ исключеній. Я допускаю исключенія; я говорю: любовь есть борьба за существованіе, какъ и война. Въ войнѣ, какъ и въ любви, мораль всегда приводитъ ad absurdum: въ войнѣ, какъ и въ любви позволительны всѣ средства—и плохой тотъ полководецъ, который до

поры до времени откроетъ свою слабую сторону неприятелю. И дуракъ былъ бы тотъ, кто бы далъ взглянуть въ лицо своей возлюбленной, которая, какъ и добродушный полковникъ, *mutatis mutandis* сказала бы: «мнѣ бы очень хотѣлось выдти за васъ замужъ, любовный другъ, но въ нашемъ аристократическомъ домѣ, знаете ли...

Во! умный полководецъ и умный любовникъ играютъ слѣдовательно въ прятки. Это ихъ священное право; мало того: ихъ долгъ.

Но, *mon cher*, только лишь до поры до времени; только до тѣхъ поръ, пока въ сраженіи не наступитъ моментъ, когда батальонъ, который неприятель принялъ-было за цѣлую армію, долженъ наброситься на неприятеля и заявить ему:—насъ всего горсточка людей, но каждый изъ насъ герой!—только до тѣхъ поръ, пока не наступятъ дни безумной страсти, когда любовь заслоняетъ собою все... тогда онъ долженъ открыть ей все, и будъ онъ самъ мистическій лебединый рыцарь или даже самъ сатана, она отвѣтитъ ему:—мнѣ на это наплевать. Я врачъ, мой милый, и я могъ бы, если бы захотѣлъ быть нескромнымъ, привести тебѣ случаи, когда весьма крупныя уступки дѣлались и прощались... да, что я говорю! осыпались самыми горячими поцѣлуями. Но ты... теперь я долженъ перейти къ тебѣ... что ты дѣлаешь? и что ты дѣлалъ? Ты упустилъ тотъ благопріятный, всемогущій, всепрощающій моментъ, моментъ, который нивогда не вернется. Никогда! *mon cher*! Онъ остался позади въ томъ свѣтломъ раю, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни раскаянія, ни искушенія, ни подозрѣнія—въ томъ свѣтломъ раю, изъ котораго вы только-что вернулись и съ которымъ безповоротно разстается молодая женщина съ первыми шагами, которыми она переступила за порогъ дома, гдѣ ей предстоитъ быть хозяйкой. И когда, принимая на свои нѣжныя плечи бремя тяжелой отвѣтственности, она съ испугомъ и сомнѣніемъ спрашиваетъ себя:—будешь ли ты въ состояніи вынести это бремя?—И съ надеждой и довѣріемъ отвѣчаетъ на страшный вопросъ:—да! если онъ будетъ мнѣ вѣренъ и преданъ, онъ, олицетворяющій собою вѣрность, твердость, честность и мужество! И вотъ вдругъ этотъ мужественный, добрый, твердый, вѣрный мужъ подходитъ къ ней съ гримасой:—ты попалась въ сѣти, моя бѣдная птичка!—или—что по-моему въ тысячу разъ хуже—съ ласками шепчетъ ей на ухо:—я виноватъ передъ тобой, я недостоинъ...—ну! удивительно ли, если она поймаетъ его на словѣ? Говорю тебѣ, *mon cher*, я знаю молодыхъ дамъ, которыя такъ поступали, и судя по всему, что ты мнѣ раньше рассказы-

вать про твою барыню, я полагаю, что и она поступитъ точно такимъ же манеромъ. Родство съ Клюнцель-Пютцами съ материнской стороны не сходитъ съ рукъ безнаказанно. Вѣдь мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ мучительной дилеммой, изъ которой прежде все еще могъ быть исходъ: но ты изъ боязни аристократическихъ замашекъ семьи своей жены такъ долго скрывалъ свою тайну, что теперь уже не можешь открыть ее безъ того, чтобы не оскорбить не только этихъ аристократическихъ замашекъ, на которыя намъ наплевать, но даже и нравственности... нравственности, поп шер, святость которой и я признаю.

Вспомни слова поэта: «кто обманываетъ довѣріе, тотъ убиваетъ живое существо въ утробѣ матери!» Рана, которую ты нанесешь довѣрчивому сердцу твоей молодой жены, никогда не заживетъ. Отнынѣ и навсегда она не будетъ больше вѣрить тебѣ съ перваго слова; будетъ вѣрить тебѣ только тогда, когда посторонніе подтвердятъ истину твоихъ словъ. Знаешь ли ты, какой это смыслъ имѣеть, когда для жены требуется подтвержденіе постороннихъ людей?—это значить просто-на-просто другихъ мужчинъ, которые могутъ быть не хуже и не лучше, чѣмъ ты, но которыхъ она считаетъ лучше тебя, изъ одного духа противорѣчія. Я покажу тебѣ на ближайшемъ примѣрѣ, какъ далеко можетъ простираться это недовѣріе.

Ты говоришь: Ульценъ не сообщитъ ей о твоей тайнѣ, потому что ты запретилъ ей это. Допустимъ, что она устоитъ передъ искушеніемъ, заключающемся уже въ самомъ запрещеніи, и не разболтаетъ о ней. Кто ручается тебѣ, что она не расскажетъ твоей женѣ исторію про Ганса Флидербуша? повторяю, хоть ты и ворчишь: кто ручается тебѣ за это? и притомъ расскажетъ эту исторію со всѣми комментаріями, съ какими она ходитъ по городу? И при этомъ я еще не сообщалъ тебѣ самаго злобѣщаго, потому что хотѣлъ пощадить тебя; но quod ferrum поп sanat, ignis! итакъ, забытая исторія о потаенномъ ходѣ, ведущемъ изъ этой комнаты на морской берегъ къ Висльичной горѣ, снова вызвана изъ забвенія, и этимъ объясняютъ исчезновеніе юноши. Это смѣшно, не правда ли? а вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣмъ не смѣшно. Ты вѣдь не можешь призвать сюда всѣхъ жителей города и сказать имъ:—осмотрите, господа, сдѣлайте милость—это стѣнной шпаль, можетъ ли онъ вмѣстить въ себя всѣхъ васъ, дураковъ? И если тебѣ наплевать на рѣчи дураковъ, такъ подумай, что ихъ рѣчи могутъ дойти до ушей твоей жены, и вдругъ юноша, чего Боже упаси! не вернется, и тайна его исчезновенія останется невыясненной... какъ ты думаешь? можетъ это

способствовать тому, чтобы твоя молодая жена нашла весьма приятнымъ пребываніе въ этомъ старомъ, запущенномъ замкѣ? Какъ ты думаешь, не будетъ ли она вспоминать про эту исторію каждый разъ, какъ войдетъ въ эту комнату? или... знаешь ли, что я тебѣ скажу, мой милый: на твоёмъ мѣстѣ я бы велѣлъ задѣлать этотъ шкафъ, пока до нея не дошли всѣ эти исторіи и рассказы, такъ чтобы, когда она заговорить съ тобой о нихъ, ты бы могъ спокойно замѣтить ей:—представь, милая, какъ нелѣпы всѣ эти рассказы: въ этой комнатѣ не существуетъ даже шкафа, не то что потайного хода...

Что ты—съ ума сошелъ?

Докторъ вытаращилъ глаза на Лебрехта съ полу-испуганнымъ, съ полу-испытующимъ выраженіемъ, съ какимъ врачъ наблюдаетъ подозрительные симптомы, показывающіе у пациента приближеніе припадка умопомѣшательства. Лебрехтъ же, сидѣвшій до того времени напротивъ доктора и слушавшій его довольно сповойно, такъ по крайней мѣрѣ казалось послѣднему, вдругъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ тяжелое кресло, которое докторъ могъ лишь съ трудомъ сдвинуть съ мѣста, какъ какое-нибудь перышко, и затѣмъ такъ хватилъ имъ изо всей мочи объ полъ, что, несмотря на коверъ, которымъ былъ покрытъ полъ, кресло затрещало, бутылки и стаканы на большомъ столѣ зазвенѣли, а всякая лампа надъ столомъ замѣтно повачнулась. А Лебрехтъ принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, запустивъ объ руки въ густые и курчавые бѣлокурные волосы и затѣмъ сталъ потрясать кулакомъ какъ-бы подъ носомъ у невидимаго противника и затѣмъ остановился какъ разъ напротивъ доктора и заскрипѣлъ стиснутыми зубами.

— Проклять! проклять!

— Что или кто проклять, любезный Лебрехтъ?—спросилъ докторъ тономъ, спокойствіе котораго представляло странный контрастъ съ порывистой предыдущей рѣчью.

— Мы поставили это туда въ шкафъ.

— Что, милый Лебрехтъ?

— Какъ можешь ты спрашивать что... что?

— *Cognus delicti!*

— Ну да! надо же было куда-нибудь дѣть его, то было ближайшее и самое вѣрное убѣжище въ ту минуту.

— Конечно! я совсѣмъ и забылъ спросить, какъ вы съ этимъ распорядились.

— Онъ долженъ былъ достать его и отвезти въ свое мѣсто, въ томъ случаѣ, если я напишу ему, что объяснился съ Анхенъ;

или какъ-нибудь иначе запрятать его... потому что уничтожать его не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ.

— Разуѣтса!

— Я оставилъ ему съ этой цѣлью ключъ...

— А онъ увезъ его собой?

— Нѣтъ! изъ-за ключа-то и вышло все дѣло. Онъ грозилъ, что выдастъ меня; я хотѣлъ получить ключъ обратно; а онъ не хотѣлъ его отдавать; я вырвалъ у него изъ рукъ проклятый ключъ... и... и ударилъ его ключомъ...

— До смерти?

— Съ ума ты сошелъ!

— Оставимъ это! тебѣ не вачѣмъ топтать ногами. Значить, не до смерти? ну, а далѣе?

— Далѣе все было такъ, какъ я тебѣ рассказывалъ. Я...

— Ну?

— Я потерялъ ключъ.

— Гдѣ? и какимъ образомъ?

— Самъ не знаю: мнѣ казалось, что я сунулъ его въ одинъ изъ моихъ сундуковъ, но въ дорогѣ напрасно искалъ его: онъ пропалъ.

— Прими это за хорошее предзнаменованіе; пойми это такъ, что тебѣ больше не придется никогда открыть шкафа или, какъ я раньше говорилъ тебѣ, вели на-глухо задѣлать его. И если ты долженъ, по точному смыслу и по буквѣ завѣщанія твоего отца, имѣть таковой, то заведи новый: *le roi est mort!*.. и, какъ и подобаешь такому великому тирану, торжественно погребенъ подъ сводами собственнаго дворца. *Requiescat in pace!* и... *vive le roi!*

— Нельзя, нельзя! шкафъ необходимо отпереть; я въ то же самое утро уложилъ въ него все свое серебро.

— Объ этомъ знаетъ кто-нибудь?

— Ульценъ.

— Г-мъ! знаетъ ли она тоже, что ключъ потерянъ?

— Я долженъ былъ ей это сказать... недавно... она хотѣла что-то изъ него вынуть. Я предчувствовалъ, что такъ случится, а потому хотѣлъ избѣжать встрѣчи, которую мнѣ собирались устроить приеащени. Мнѣ пришлось бы угощать ихъ, а сервиза-то и нѣтъ..

— И ты боишься открыть шкафъ въ чьемъ-нибудь присутствіи или вообще поручить кому-нибудь другому открыть его? *Corpus delicti!*..

— Красуется на первомъ планѣ.

— Ты долженъ, значить, отпереть шкафъ наединѣ.

— Это трудно сдѣлать, потому что влѣтъ потерянъ, а другого не существуетъ.

— Ну, такъ сломай дверцу! или ты боишься, что шумъ разбудитъ твою жену! И, полно! молодыя, здоровыя женщины спать крѣпко!

Ей-Богу, я не шучу! Что ты дѣлалъ все это время, какъ не рассчитывалъ на крѣпкій сонъ твоей жены: ты рассчитывалъ, что она ничего не слышитъ, ничего не видитъ, что она не замѣчаетъ переменъ въ тебѣ? Что какое-нибудь неосторожное слово твоей прислуги не объяснить ей твою меланхолю такъ, что приведетъ ее въ ужасъ и что даже твои поцѣлуи и ласки не въ силахъ будутъ успокоить ее? Что ты стоишь теперь, точно громомъ оглушенный? Король Вольдома... каждый вершокъ въ немъ отзывается мальчишкой и онъ боится привидѣній, которыхъ самъ вызвалъ изъ мрака! Неужели ничто, ни мои шутки, ни мои серьезныя увѣщанія, ни всѣ мои резоны, ни злой случай, который точно стоворился противъ тебя — а случай существуетъ, повѣрь мнѣ, вопреки Валленштейну! — ни уваженіе къ самому себѣ, ни любовь къ твоей женѣ... ничто, рѣшительно ничто не можетъ подвинуть тебя поступить такъ, какъ тебѣ слѣдуетъ поступать: идти къ женѣ немедленно, прежде нежели она успѣла переступить черезъ этотъ порогъ и все рассказать ей: со слезами или съ проклятіями, съ гнѣвомъ или съ печалью — это мнѣ все равно, рѣшительно все-равно — но все, слышишь ли — все рассказать ей, все, отъ А до Z!

— Ради Бога, тише!

Докторъ въ жару краснорѣчія громко проговорилъ послѣднія слова, указывая рукою на дверь, на порогъ которой ожидалъ появленія Анхенъ. Но взоры Лебрехта, стоявшаго напротивъ него, были устремлены на другую дверь, которая вела въ анфиладу парадныхъ комнатъ, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что эта дверь, которую онъ заперъ собственноручно, была лишь притворена. Быть можетъ, она сорвалась съ задвижки, когда онъ съ такой силой хватилъ стуломъ объ полъ — все-равно, надо опять запереть ее, и онъ готовился это сдѣлать и пробѣжать мимо доктора, котораго онъ почти не слушалъ, къ двери и запереть ее, какъ вдругъ, къ его великому ужасу за ней послышался стукъ отодвигаемаго стула. Испуганный взглядъ его обратился на доктора... и вотъ дверь совсѣмъ отворилась и на свѣтломъ фонѣ салона, освѣщеннаго восковыми свѣчами, показалась высокая, стройная фигура Анхенъ. Она колебалась съ минуту, затѣмъ

легкими шагами, съ улыбкой на прекрасномъ, нѣсколько блѣдномъ лицѣ, пошла на-встрѣчу двумъ пріятелямъ.

IV.

Неожиданное появленіе Анхенъ смутило на минуту обонхъ пріятелей, взволнованныхъ предыдущимъ разговоромъ. Съ трудомъ пролепетала Лебрехтъ, представляя доктора, «что это его самый старшій и самый загадочный пріятель», а докторъ про-бормоталъ своимъ непонятнымъ горловымъ голосомъ:

— Радъ видѣть васъ въ Вольдомѣ.

При этомъ онъ низко поклонился и, выправивъ затѣмъ свою длинную, худую фигуру, поглядѣлъ съ высоты своего долговазого роста на Анхенъ, съвозъ сверкающія стекла очковъ; Анхенъ дружески отвѣчала на его привѣтствіе и сѣла на одинъ изъ стульевъ, которые Лебрехтъ поспѣшно придвинулъ къ камину, приглашая пріятеля тоже усѣсться съ ними рядомъ. Но докторъ проворчалъ что-то непонятное съвозъ зубы, и принялся шагать по комнатѣ по свойственной ему привычкѣ, когда ему случалось натолкнуться въ своей практикѣ на какой-нибудь непредвидѣнный и неислѣдованный случай, надъ которымъ онъ хотѣлъ поразмыслить на досугѣ, не обращая вниманія на пациента и ни на кого изъ присутствующихъ.

Этого онъ не предвидѣлъ, не могъ предвидѣть!

Онъ представлялъ себѣ, по рассказамъ Лебрехта, Анхенъ маленькимъ, хорошенькимъ, подвижнымъ, вѣчно смѣющимся и дурачащимся существомъ, кокетливымъ не въ мѣру и вообще страшно избалованнымъ и, несмотря на то, или, быть можетъ, по тому самому, самой подходящей женой для его слишкомъ серьезнаго, склоннаго въ меланхоліи, чопорнаго до педантизма пріятеля. И эта-то веселая, живая фигурка постоянно рисовалась въ его воображеніи во все время оригинальной бесѣды, которую онъ велъ съ своимъ пріателемъ, и его выводила изъ себя мысль, что любимецъ его души, его идолъ, да! его идеалъ, какъ бы онъ ни нападалъ на него и не дразнилъ его, красивый, гордый малый, король Вольдома, поставилъ себя въ такое нелѣпное положеніе, точно будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ убилъ, сварилъ и съѣлъ Ганса Флидербуша... И все это изъ-за какой-нибудь веселой фигурки! И эта маленькая фигурка навѣрное не доходитъ и до локтя бѣлокурому красавцу, такъ что онъ можетъ взять ее на руки, какъ булку, и смѣясь прошептать въ маленькое, кукольное

ушко забавную тайну, еслибы куволка вздумала разсердиться: тише, куволка, тише! а то не получишь сегодня вечеромъ кучка сахара!—И куволка усмирилась бы и...

И вотъ онъ обернулся... и видитъ передъ собой молодую даму, совершеннѣйшую противоположность тому портрету, который рисовался у него въ воображеніи: стройную женщину, которой стѣять лишь немножко закинуть назадъ голову, чтобы достать до губъ Лебрехта. И такую голову: маленькую и прелестную, какъ у версальской Діаны—съ чистыми, божественно-правильными очертаніями: изъ-синя черными, слегка вьющимися волосами, широкимъ, но нѣжнымъ лбомъ, съ греческимъ жгутомъ волосъ на стройномъ затылкѣ, съ пластическимъ и благородно-блѣднымъ лицомъ и большими, черными, лучистыми глазами, глядящими изъ-подъ красиво выведенныхъ, узкихъ, черныхъ бровей... маленькимъ ротикомъ съ мягкими, но энергическими губами, такъ что сомнѣваешься: что больше пристало имъ: цѣловаться или приказывать? И при этомъ каждое движеніе, каждый жестъ, точно у королевы... голосъ мягкій и густой... Докторъ былъ оглушенъ какъ-бы небеснымъ видѣніемъ.

Да! небесное, грозное видѣніе!

Онъ сразу понялъ все то, что еще за минуту передъ тѣмъ казалось ему хитрой загадкой, хотя разгадка ея по всей вѣроятности весьма проста, и даже пошла! И вотъ хитрая загадка была разрѣшена... къ стыду и вмѣстѣ съ тѣмъ къ глубокой тревогѣ совѣтника. Первоначальная мысль Лебрехта, представлявшаяся ему передъ тѣмъ трусостью и нелѣпостью, теперь казалась ему гениальной смѣлостью; нежеланіе Лебрехта открыть свою тайну, казалось, по крайней мѣрѣ, весьма понятнымъ; положеніе, въ которомъ онъ теперь находился, нисколько не смѣшнымъ, но въ высшей степени критическимъ, почти отчаяннымъ; безцеремонное объясненіе, которое онъ только-что рекомендовалъ, казалось возможнымъ лишь для отчаянно-смѣлаго человѣка, да и то результатъ его былъ бы сомнительнымъ. Предварительная подготовка тѣмъ необходимѣе, что здѣсь не могло быть и рѣчи о безумной, ослѣпленной, всепрощающей и всезабывающей любви. Кто такъ прекрасенъ, тотъ долженъ быть избалованъ любовью! Къ чему давать себѣ трудъ платить за любовь любовью же? Развѣ такъ смотритъ молодая, любящая жена? Развѣ такъ говоритъ молодая, любящая жена? Такъ умно и сдержанно, такъ разумно и холодно... Въ первый вечеръ своего пріѣзда въ домъ любимаго мужа, при первой встрѣчѣ съ лучшимъ другомъ своего мужа? Въ первомъ порывѣ страха ему показалось, что она могла слы-

шать часть ихъ разговора, но теперь онъ больше этого не думалъ. Ни тѣни смущенія! Видъ принцессы, которая не совсѣмъ довольна оказаннымъ ей приѣмомъ, но слишкомъ хорошо воспитана, чтобы дать это замѣтить. Быть можетъ, принцессѣ не нравилось, что онъ все еще тутъ, тогда какъ она достаточно медлила съ своимъ приходомъ, чтобы дать ему время уйти. Откуда, изъ этой комнаты? Знаете ли, сударыня, что я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, имѣю право быть въ этой комнатѣ, право — которое вы еще должны завоевать себѣ? Знаете ли вы, что вашъ мужъ, который теперь такъ молчаливо принимаетъ васъ у камина и я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, — мы просиживали вонъ тамъ, у того стараго, массивнаго стола, изъ прочнаго дуба, вѣтъ году въ годъ каждый вечеръ далеко за полночь, распивая вино, болтая, курая, обмѣниваясь мыслями и изливая другъ другу душу, даже и тогда, когда мы молчали. И вотъ, теперь вдругъ вы приходите и превращаете мужественнѣйшаго человѣка въ труса! Ссорите двухъ завадныхъ друзей! Вонъ, сидите тамъ, точно прекрасное привидѣнiе, и я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, я, который не боюсь самого сатаны, едва осмѣливаюсь ходить по этому привычному мнѣ полу, который только ради васъ покрытъ ковромъ, и не рѣшаюсь налить себѣ стаканъ вина — даромъ, что отъ продолжительнаго разговора и нервнаго возбужденія у меня пересохло въ горлѣ. Нѣтъ, честное слово, меня вы не осилите, прекрасная чертовка! Да и этого бѣднаго труса также, — или же вы доламы будете опустить его на всѣ четыре стороны, и это такъ же вѣрно, какъ я вовсю докторомъ Адальбертомъ Бертрамомъ!

И докторъ подошелъ къ столу, налилъ себѣ полный стаканъ вина, осушилъ его залпомъ и... снова заходилъ по комнатѣ, проклятая свои нервы, которые сегодня рѣшительно его не слушались, про-себя ругая Лебрехта, трусость котораго очевидно заразительна, проклятая красоту молодой женщины, въ которой онъ теперь видѣлъ уже не случайную причину, но настоящій и главный корень всего зла.

Долговязый, худой человѣкъ, въ душѣ котораго происходила такая борьба, что онъ едва успѣвалъ вклеивать слова въ крайневялый разговоръ, — да и это рѣдкое слово проносилъ страннымъ, насмѣшливымъ тономъ, — произвелъ бы на всякаго, кто его видѣлъ въ первый разъ, неприятное впечатлѣнiе: бѣдной, обуреваемой мучительными предчувствiями, смущенной и унылой Анхель онъ показавался просто ужаснымъ, хотя она употребляла всѣ свои усилiя, чтобы скрыть произведенное на нее впе-

чатлѣвіе. Дѣло оказалось еще хуже, чѣмъ она ожидала! Она боялась доктора и часто полу-шутя, полу-серьезно называла его Мефистофелемъ и злымъ гениемъ своего милого Лебрехта! Извѣстны ли ему ея мысли?—вѣдь онъ, по словамъ Лебрехта, читаетъ сокровеннѣйшія мысли въ душѣ людей! Радуетъ ли его ея страхъ, все возраставшій, въ то время, какъ она робко поглядывала на Лебрехта, съ красиваго лица котораго на-вѣки исчезла веселость, производившая на нее такое чарующее впечатлѣніе! Да! глядя на его, какъ-будто на десять лѣтъ постарѣвшее лицо, въ то время какъ онъ молча глядѣлъ на уголья въ каминѣ, она спрашивала себя: неужели это ея любимый, обожаемый мужъ?

Но дѣло въ томъ, что Лебрехтъ сомнѣвался въ самомъ себѣ и былъ доведенъ до послѣдней степени отчаянія. Бертраму, право, не было никакой нужды терять столько словъ и такъ патетически убѣждать его, что онъ поступилъ какъ глупецъ и какъ трусъ; что онъ, если только онъ не дуракъ и не совсѣмъ бездушный человѣкъ, долженъ немедленно высказаться; что съ каждымъ протекающимъ моментомъ положеніе его становится все хуже и хуже! Да, да, да! онъ рѣшился высказаться, онъ повторялъ про-себя безостановочно тѣ слова, которыя онъ рѣшилъ высказать; и надѣялся, что эти слова внезапно сами выговорятся вслухъ, и содрогался отъ страха, который онъ ощущать, если они выговорятся. Въ присутствіи Бертрама!—немыслимо! Онъ выскажется тогда, когда Бертрамъ уйдетъ изъ комнаты. Затѣмъ онъ не уходитъ? чего онъ тутъ завязъ съ своими длинными ногами, между мужемъ и женой, которымъ надо сообщить другъ другу самыя важныя вещи, и затѣмъ своими демонскими взглядами и жестами приглашаетъ его исполнить свой долгъ? Онъ исполнить свой долгъ, но только не при Бертрамѣ! И тутъ онъ подумалъ, съ какою радостью онъ ждалъ того момента, когда онъ познакомитъ между собой своего стараго пріятеля и жену—двухъ существъ, которыхъ онъ любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ; и неужели въ этой томительной, тяжелой, мучительной встрѣчѣ осуществился тотъ страстно-ожидаемый моментъ?

— Тебѣ больше не предстоитъ сегодня вечеромъ навѣстить никого изъ твоихъ пациентовъ, Адальбертъ? — спросилъ онъ.

Докторъ остановился, посмотрѣлъ черезъ очки на пріятеля съ насмѣшливой усмѣшкой, точно хотѣлъ сказать: «у тебя не хватитъ духа, mon cher!» и снова молча зашагалъ по комнатѣ.

— Я надѣялась, что докторъ отужинаетъ съ нами, — сказала Анхель.

Бертрамъ поклонился и слегка повелъ при этомъ своими узкими плечами, что могло одинаково означать: «благодарю, непременно», или же: «извините, никакъ не могу!»

— Ужинъ подадутъ не такъ еще скоро,—продолжала Анхенъ съ усиленіемъ:—фрау Ульценъ объявила, что ужинъ никакъ не будетъ готовъ раньше десяти часовъ, потому что она ожидала насъ въ этому часу; теперь же...

— Безъ пяти минутъ девять,—подхватилъ докторъ, вскользь взглянувъ на часы и пристально на Лебрехта:—и если вы желаете, чтобы я съ вами поужиналъ, то позвольте мнѣ отлучиться на нѣсколько минутъ... Я черезъ нѣсколько минутъ вернусь, Лебрехтъ.

— Вы собираетесь навѣстить вашего пациента?—спросила Анхенъ.

— Боже сохрани!—отвѣчалъ докторъ:—напротивъ того, всеѣмъ здоровыхъ молодыхъ людей, господъ конторщиковъ, и такъ дагѣ. Они хотѣли собраться безъ четверти девять у тѣтки Имфельдъ — въ нашемъ Grand restaurant, сударыня — чтобы еще разъ прорепетировать октетъ, который они разучили... слова сочинены мною, сударыня,—и промочить кружкой или двумя пива пересохшее отъ волненія и ожиданія гортло. Они не уйдутъ отсюда, пока я за ними не приду, а я не хочу, какъ сострадательный человѣкъ, чтобы они просидѣли тамъ всю ночь. Итакъ, черезъ пять или десять минутъ, я вернусь...

Докторъ подошелъ къ маленькому столику, на которомъ лежали его шляпа и трость. У Лебрехта, который передъ тѣмъ такъ страстно желалъ, чтобы онъ ушелъ, мурашки пробѣжали по спинѣ. Когда Бертрамъ уйдетъ,—наступитъ моментъ признанія... онъ долженъ будетъ высказать то, что тѣснить его грудь. Нельзя ли еще отдалить хотя на мгновение эту чашу! Хоть маленькую отсрочку, хоть тѣ жалкіе два часа, которые онъ выгадаетъ, если Бертрамъ останется!

— Къ чему тебѣ самому безповоняться,—сказалъ онъ:—это можно поручить кому-нибудь другому.

— Поручить-то, конечно, можно, но будетъ ли также хорошо выполнено порученіе—другой вопросъ,—отвѣчалъ докторъ, протягивая руку за шляпой.

— Бѣдные конторщики! — сказала Анхенъ: — они, конечно, думали сдѣлать намъ удовольствіе! Право, съ нашей стороны отвратительно, что мы лишили ихъ этой радости... да и себя также.

— Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе,—поспѣшно проговорилъ докторъ,—то дѣло поправимо.

Лебрехтъ задрожалъ. Очевидно, Бертрамъ все еще не довѣрялъ ему; и то была явная уловка вызвать такое положеніе, которое неизбежно должно привести къ тому открытію, которое онъ такъ старательно устранялъ; то-есть косвенно побудить его къ объясненію, такъ какъ, само-собою разумѣется, оно должно состояться раньше того, какъ придутъ молодые люди. Онъ не хотеть, чтобы его принуждали; не хотеть быть игрушкой въ рукахъ Бертрама!

— Прости, любезный другъ,—сказалъ онъ,—если я воспротивлюсь этому и пошлю отказъ на сегодняшний вечеръ. Мнѣ очень жаль, что я испорчу удовольствіе молодымъ людямъ, но я не вижу другого исхода. Такія вещи хороши только, когда они дѣлаются въ свое время.

Лебрехтъ всталъ, и прижавъ пуговку электрическаго звонка, оттащилъ своей сильной рукой Бертрама, стоявшаго уже у двери.

— Итакъ, ты не хочешь?—спросилъ тихо докторъ и затѣлъ провизнеть громко, поворачиваясь къ Анхенъ:—въ свое время! это, конечно, самое главное: горе тѣмъ, кто пропускаетъ удобное время!

— Но оно уже упущено!—вскричалъ Лебрехтъ, бросаясь съ унылымъ лицомъ опять на свой стулъ.

— Можно съ толкомъ пользоваться каждымъ моментомъ; стѣбитъ для этого только ловить этотъ моментъ,—проговорилъ докторъ съ иронической усмѣшкой:—конечно, ловить моменты умѣютъ только сильные люди.

— Должно быть, я не изъ сильныхъ людей.

— По крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

— Ни въ какую въ твоихъ глазахъ! Ну, говори же откровенно, я привыкъ изстари выслушивать истинно дружескія замѣчанія въ твоихъ усть.

— Въ такомъ случаѣ они не должны были бы, казалось, такъ удивлять тебя,—возразилъ докторъ:—имѣю честь кланяться, сударыня...

— Оставайтесь!—вскричала Анхенъ.

Она встала и быстро пошла на встрѣчу доктору.

— Не огорчайте меня, пожалуйста. Я въ первый разъ вижу васъ вмѣстѣ съ моимъ Лебрехтомъ и вы хотите разстаться съ нимъ въ ссорѣ? Неужели я должна думать, что послужила причиною размолвки между двумя такими старыми пріятелями, между тѣмъ, какъ я...

Лихорадочная краска залила ее лицо. Она провела рукою по лбу и по глазамъ, и продолжала болѣе спокойнымъ тономъ

и съ улыбкой на губахъ, съ которой плохо вязался тревожный и блуждающій взглядъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! милый докторъ, вы должны остаться. Лебрехтъ въ самомъ дѣлѣ правъ; сегодня вечеромъ серенада не можетъ удасться. А потому...

Она повернулась къ столу и стала поправлять скатерть, которую докторъ сдвинулъ съ мѣста, бѣгая взадъ и впередъ.

— И къ тому же: меня рѣшительно стѣсняетъ такое множество гостей, которыхъ я не могу же отпустить безъ ужина: конечно, фрау Ульценъ будетъ исправна, да и въ винѣ вѣроятно нѣтъ недостатка, но нѣтъ совсѣмъ или почти-что совсѣмъ нѣтъ серебряныхъ приборовъ. По крайней мѣрѣ, такъ сказала Ульценъ, и мой, обыкновенно такой аккуратный Лебрехтъ...

Она все еще стояла у стола спиной къ мужчинамъ, говоря эти слова. Докторъ остановился передъ Лебрехтомъ и оставилъ на него сверкающій взглядъ черезъ очки, а Лебрехтъ отвѣтилъ на этотъ вызовъ насмѣшливой улыбкой и съ спокойствіемъ, взорвавшимся доктора, докончилъ за Анхенъ:

— ... Потерялъ ключъ отъ шкапа — это совершенно вѣрно; равно какъ и то, что будетъ очень затруднительно отпереть шкафъ. И у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты поднимать эту воню сегодня вечеромъ. Анхенъ это знаетъ и... довольно объ этомъ, не такъ ли, Анхенъ?

— Конечно, конечно! — отвѣчала Анхенъ, — какъ хочешь.

— Конечно, конечно, какъ онъ хочетъ! — вскричалъ докторъ. — У семи нянекъ дитя безъ глазу! Кто-нибудь одинъ долженъ командовать! чудесное дѣло! веселое дѣло!

Онъ, повидимому, совсѣмъ позабылъ, что собирался передъ тѣмъ уходить, такъ же какъ и Лебрехтъ забылъ, что позвонилъ слугу. Всѣ усѣлись по прежнему у камина, но только долго никто не говорилъ ни слова, и никто повидимому не замѣчалъ продолжительнаго молчанія, которое однако тяготило всѣхъ, какъ бремя.

Тяжкое бремя для бѣдной Анхенъ. Ей казалось, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ она, призвавъ на помощь все свое мужество, переступила за порогъ вонъ той двери; а вѣдь этому прошло не болѣе получаса. Какъ перенесетъ она это?

Въ сердцѣ ея звучала жаркая мольба: — Лебрехтъ! милый Лебрехтъ! скажи мнѣ! сейчасъ! сейчасъ! со скорбью или съ гнѣвомъ — все равно — но все, все, все! — Но она подавляла въ сердцѣ этотъ вопль, просившійся на уста. Здѣсь, здѣсь произошло все

это! внутри этихъ толстыхъ стѣнъ, которыя могутъ заглушить каждый гнѣвный возгласъ, каждый громкій крикъ, а между тѣмъ не скрыли ихъ отъ ушей той, которая подслушивала у дверей! Онъ выбѣжалъ вонъ въ ту дверь, разсерженный бросился ему вслѣдъ... черезъ гостиную, черезъ всѣ великолѣпныя, блистающія золотомъ и серебромъ комнаты, черезъ которыя она проходила сначала въ потемкахъ, а затѣмъ при ослѣпительномъ освѣщеніи... до самой спальни, до окна...

Медленный вой, произведенный какъ-бы громадной, силой трубою, заставилъ ее съ испугомъ очнуться отъ своихъ страшныхъ фантазій.

— Великій Боже! что это такое?

— Это упражняется старый нашъ знаемецъ, — сказалъ докторъ, — капельмейстеръ Нордостъ. Онъ всегда сначала поводитъ въ нашемъ переулкѣ, чтобы испытать, въ голосѣ ли онъ; затѣмъ вступаетъ весь оркестръ. Вотъ онъ уже разразился. Не правда ли, какая прекрасная музыка, сударыня? и къ тому же — ничего не стоитъ.

— Кромѣ развѣ нѣсколькихъ побитыхъ стеколъ и потопленныхъ кораблей, — сказалъ Лебрехтъ, дѣлая отчаянное усиліе, чтобы завязать разговоръ.

— А пророс — старыхъ знакомыхъ, — продолжалъ докторъ, не обращая никакого вниманія на Лебрехта, точно онъ сидѣлъ у камина вдвоемъ съ Анхенъ: — знаете ли, сударыня, что вы здѣсь встрѣтите стараго знакомаго? по крайней мѣрѣ я такъ думаю, судя по тому необычайному интересу, который онъ принимаетъ въ васъ и въ вашемъ супругѣ.

— Знакомаго? да еще къ тому же и стараго? и здѣсь, въ Вольдомѣ? возможно ли?

Докторъ не былъ хорошенко увѣренъ, сознавала ли прекрасная молодая женщина то, что говорила: ея большіе, темные глаза глядѣли такъ неопредѣленно, точно мысли ея бродили гдѣ-то далеко, далеко; но онъ говорилъ не для нея, а для Лебрехта, хотя и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ послѣдняго.

— Возможно ли? Вы должны благодарить за это великаго святаго, государство, которое раскидываетъ на всѣ четыре стороны неоцѣненные сѣмена своей интеллигенціи, въ образѣ своихъ чиновниковъ, а также и на наши наносные пески, на которыхъ такіа драгоцѣнна растенія обыкновенно не произрастаютъ.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — сказала Анхенъ съ тѣмъ же блуждающимъ, потеряннымъ взглядомъ.

— И ужь, конечно, не такіе, какъ этотъ баринъ:—Лоренцъ Стернъ причислялъ бы его въ числу *most inquisitive travellers*: онъ снабженъ билетомъ на проѣздъ по всѣмъ фамилнымъ тайнамъ и секретамъ, сровомъ на шесть недѣль. Далѣе, билетъ, которымъ онъ владѣетъ въ качествѣ здѣшняго временнаго директора полиціи, недѣйствителенъ, потому что затѣмъ онъ отправится *recta via* въ Берлинъ, въ министерство, гдѣ, конечно, больше простора для такихъ головъ, какъ его. Но тѣмъ временемъ онъ и здѣсь не теряетъ времени. Онъ все знаетъ,—пари держу, онъ знаетъ, что мы сидѣли здѣсь втроемъ у камина, и знаетъ, о комъ мы говоримъ.

— Хорошо бы и намъ узнать, о комъ ты говоришь,—замѣтилъ Лебрехтъ.

— Онъ влюбленъ въ васъ обоихъ и называетъ величайшимъ горемъ въ своей жизни то обстоятельство, что онъ долженъ былъ оставить Кельнъ за недѣлю до вашей свадьбы и не могъ такимъ образомъ почтить ее своимъ присутствіемъ и своей поэзіей, въ которой онъ, судя по его словамъ, сильнѣе Гёте и Шиллера, вмѣстѣ взятыхъ.

— Значитъ, это одинъ изъ твоихъ поклонниковъ, Анхенъ,—сказалъ Лебрехтъ.

Доктора разсердилъ насмѣшливый тонъ, съ какимъ Лебрехтъ бросилъ это замѣчаніе, которое, повидному, глубоко задѣло Анхенъ. Она вдругъ выпрямилась на своемъ стулѣ, но затѣмъ откинулась на спинку; и краска, появившаяся на ея лицѣ, прошла.

— Безъ сомнѣнія,—подхватилъ докторъ:—однимъ изъ привилегій солида служить то, что ему всѣ поклоняются: праведные и неправедные, гиганты и... пигмен.

— Ты говоришь безъ сомнѣнія про маленькаго, горбатаго ассессора,—сказалъ Лебрехтъ...—Франка, или какъ тамъ зовутъ это противное существо.

— Фонъ-Франкъ... Оскаръ фонъ-Франкъ,—сказалъ докторъ:—что касается противности, то это дѣло вкуса.—Вы находите его также противнымъ, сударыня?

— Онъ давно знакомъ съ моими родителями,—проговорила Анхенъ.

— Онъ этимъ хвалится,—продолжалъ докторъ,—и тѣмъ глубже сожалѣетъ о томъ, что долженъ будетъ возобновить это пріятное знакомство лишь на очень короткій срокъ.

— Ему, полагаю, не придется вовсе его возобновить,—вмѣшался Лебрехтъ,—я ненавижу этого человѣка.

— Неужели же это сердце сердцу вѣсть подаетъ?

Докторъ внезапно оставилъ ироническій тонъ, какимъ говорилъ до сихъ поръ, и сказалъ, обратившись къ Лебрехту:

— Серьёзно, мой снэгъ, я думаю, что это такъ и есть, и что необыкновенная дѣятельность, выказанная этимъ баринкомъ съ первой минуты своего пребыванія здѣсь, въ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ —мы только-что говорили объ этомъ дѣлѣ до вашего прихода, сударыня; Лебрехтъ, конечно, сообщитъ вамъ о немъ при случаѣ —отнюдь не происходитъ изъ дружескаго участія, какъ утверждаетъ этотъ господинъ, а, напротивъ того, коренится въ тайней, но не достаточно ловко скрытой злобѣ. На меня по крайней мѣрѣ повсѣдніе этого господина произвело такое впечатлѣніе, и я уже раньше хотѣлъ тебѣ сообщить объ этомъ и предостеречь тебя отъ этого сладкорѣчиваго лицемѣра, и вотъ вижу, теперь, къ моему успокоенію, что это предостереженіе излишне.—Что съ вами, сударыня?

Суетливый докторъ—также какъ и Лебрехтъ, у котораго при этомъ неожиданномъ намекѣ на роковую исторію кровь застыла въ жилахъ и въ ушахъ зазвенѣло — не замѣтилъ, что Анхель сидѣла блѣдная какъ смерть, близкая къ обмороку, приложивъ руку къ сердцу, тяжело дыша, а потому оба мужчины были одинаково удивлены ея судорожными рыданіями.

Они вскочили съ своихъ мѣсть, но Анхель уже оправилась и улыбалась, жестомъ прося ихъ не тревожиться.

— Извините,—проговорила она,—это ничего, ровно ничего — я устала отъ дороги—нѣтъ, не уходите, докторъ! напротивъ того! Вы видите, что я тороплюсь какъ можно скорѣе попасть въ число вашихъ пациентовъ. Но только такого рода припадки не долго длятся у меня, слава Богу,—одну минуту, не болѣе, увѣряю васъ. Право, милый Лебрехтъ, это уже прошло, совсѣмъ прошло. Я думаю даже, что я, просто, голодна — мы, вѣдь, почти ничего не ѣли, милый докторъ—да и вы, вѣроятно, тоже голодны, я пойду справлюсь объ ужинѣ—не бойся, милый Лебрехтъ, что я твою фрау Ульценъ... она должна оставаться полноправной хозяйкой—на нынѣшній вечеръ, по крайней мѣрѣ... Вы смѣтаетесь, докторъ? право, я не сварлива, какъ нѣкоторые другіе.

Она протянула доктору руку, которую тотъ прижалъ къ губамъ, согнувъ въ три погавели свою длинную фигуру..

— Вы—милая женщина, я долженъ отдать вамъ эту справедливость, хотя бы даже ревнивый Лебрехтъ выгналъ меня за это изъ своего дома, какъ несчастнаго полицейскаго комиссара.

— Ты сегодня болтливъ, какъ соловей, — проговорила Леб-

рехтъ, принужденно смѣясь, и затѣмъ прибавилъ сердитымъ тономъ, обращаясь къ старому слугѣ, который только-что вошелъ въ комнату:

— Гдѣ вы пропадаете? Я уже съ полчаса тому назадъ какъ позвонилъ. Вы должны... что это у васъ тамъ такое?

— Только-что принесли, — отвѣчалъ старикъ-слуга своимъ глухимъ голосомъ, подавая дрожащей рукой телеграмму барину.

— Ну, что тамъ еще? — закричалъ Лебрехтъ нетерпѣливо.

Онъ подошелъ къ столу и надараналъ свое имя подъ квитанціей.

— Вотъ! а затѣмъ придите снова сюда, слышите?

Бальтазаръ вышелъ изъ комнаты.

— Старикъ опять пьянъ сегодня, — замѣтилъ Лебрехтъ, распечатывая депешу: — придется отвезать ему отъ мѣста, какъ ни жаль...

— Что случилось? — закричала Анхенъ.

Она замѣтила, что Лебрехтъ не успѣлъ взглянуть въ депешу, какъ помертвѣлъ. Лебрехтъ не тотчасъ отвѣчалъ.

— Ради Бога, — вскричала Анхенъ, — скажи мнѣ: мамá больна или папá...

— Ахъ! какое больные! Они будутъ сюда сегодня вечеромъ.

Анхенъ радостно вскрикнула, схватывая телеграмму, которую Лебрехтъ бросилъ на столъ, и прочитала ее вслухъ, какъ будто бы призывая уши въ помощь глазамъ, отуманеннымъ слезами:

«Мамá еле-жива отъ нетерпѣнія; надѣялись встрѣтиться съ вами въ Берлинѣ; прїедемъ съ курьерскимъ поѣздомъ; прошу выслать для мамá экипажъ на станцію, а для меня приготовить королевскій кубокъ. Привеземъ съ собой Лизетту», — т. е. горничную, докторъ, — «твой старый папá».

— О! какъ я счастлива! о, какъ я счастлива!

Она нѣсколько разъ поцѣловала телеграмму, причемъ слезы покатались у ней изъ глазъ.

— Вѣрю вамъ, вѣрю вамъ, — отвѣчалъ докторъ и, обращаясь къ Лебрехту, который стоялъ какъ привоженный къ мѣсту, съ наморщенными бровями, тихо шепнулъ ему: — ну, вотъ ты и у правдника! Надѣюсь, что ты теперь скажешь ей обо всемъ?

Анхенъ не разслышала словъ, но шепотъ доктора долетѣлъ до нея. Темное покрывало снова грозило повиснуть надъ ея радостью; она съ силой отдернула его назадъ.

— Ну, скорѣе, скорѣе! — вскричала она: — вы извините Лебрехта и меня... я тоже поѣду съ нимъ. Нѣтъ... лучше будетъ, если... что такое я хотѣла сказать?

Докторъ съ участіемъ смотрѣлъ на молодую женщину, казавшуюся ему теперь вдвое прекраснѣе и которая въ своемъ радостномъ возбужденіи, очевидно, сама не помнила, что говорила.

— Вы хотѣли, быть можетъ, сказать, что не лучше ли, если я встрѣчу вашихъ родителей на станціи?

Анхенъ и Лебрехтъ взглянули на доктора: одна съ удивленіемъ, другой — съ испугомъ.

— Я не прогляжу ихъ; на этомъ поѣздѣ бываетъ всегда немного пассажировъ, да и мало-мальски опытный глазъ сейчасъ же признаетъ такихъ рѣдкихъ путешественниковъ. Лебрехтъ и вы можете въ такомъ случаѣ спокойно заняться своими приготовлениями.

— Какъ вы добры, — сказала Анхенъ, протягивая руку доктору.

— Ни подъ какимъ видомъ, — закричалъ Лебрехтъ.

— Какъ такъ ни подъ какимъ видомъ? — спросилъ докторъ черезъ плечо.

— Что подумаютъ родители! Это невозможно! Да и какія такія приготовленія намъ предстоятъ?

— Неужели же твой тестъ и твоя теща будутъ ѣсть изъ оловянныхъ ложекъ, — сказалъ докторъ, выпуская руку Анхенъ и становясь между ней и Лебрехтомъ такъ, что первая не могла видѣть насмѣшливой и сердитой гримасы, которую онъ сдѣлалъ Лебрехту и на которую тотъ отвѣчалъ болѣе вызывающей, чѣмъ смущенной миной и ворчливыми словами:

— Сойдетъ и такъ.

— Говорилъ кувшинъ, пока не разбился! — рѣзко докончилъ докторъ. — Что вы говорите, сударыня?

— Конечно, сойдетъ и такъ, — отвѣчала послѣдняя очень кротко: — въ случаѣ нужды можно занять у сосѣдей...

— Какъ это пристало королю Вольдома! — ворчалъ докторъ.

— Я говорю: въ случаѣ нужды, но, милый Лебрехтъ, папá и ты такъ часто говорили про старый серебряный кубокъ... и что вы прежде всего выпьете изъ него... и теперь папá убѣдительно объ этомъ просить... если это только возможно...

— Никакое сопротивленіе тутъ не поможетъ, — пропѣлъ докторъ страшно фальшиво.

Лебрехтъ чувствовалъ себя въ положеніи преслѣдуемаго оленя, который видитъ, что ему нѣтъ спасенія, и какъ-разъ по тому самому рѣшается вступить въ борьбу. Поберемся, если Бертрамъ рѣшится принять вызовъ.

— Тут не можетъ быть рѣчи о сопротивленіи, — сказалъ онъ, — а просто лишь о невозможности. Вѣдь кубокъ тоже въ швафу...

— Который ничего не стбитъ отпереть. Пошли за Петеромъ Генрихомъ; онъ отпереть тебѣ какой угодно замкъ въ какихъ-нибудь пять минутъ.

— Но только не этотъ... я знаю.

— Въ переводѣ на нѣмецкій языкъ: ты не хочешь доставить этого небольшого удовольствія твоему тестю?

— Если бы я могъ...

— Человекъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ.

— Ну, такъ значить, не хочу.

— Такъ бы ты сразу и говорилъ.

— Какой это былъ ключъ?—спросила Анхенъ.

— Боже мой, я уже говорилъ: старый, большой очень странной формы ключъ пятнадцатаго или даже четырнадцатаго столѣтія, какихъ больше нельзя найти и какихъ больше совсѣмъ не дѣлаютъ. Я припоминаю встать, что однажды старикъ Генрихъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напрасно пробился съ замкомъ нѣсколько часовъ сряду.

— Ну, такъ ступай!—сказала Анхенъ,—а то бѣдныхъ папѣ и мама никто не встрѣтитъ на станціи.

— Поспѣемъ,—замѣтилъ докторъ:—теперь въ началѣ десятой часъ! у насъ цѣлый часъ впереди, а до станціи доѣхать десять минутъ.

— Но вѣдь надо успѣть заложить лошадей, — сказалъ Лебрехтъ,—да, кромѣ того, намъ нуженъ другой экипажъ для поклажи... я сейчасъ распоряджусь, Анхенъ. Не прикажешь ли еще чего?

— Нѣтъ, благодарю тебя,—отвѣчала Анхенъ.

Тонъ ея уюололъ Лебрехта. Она вовсе не подозрѣвала, почему онъ отказалъ ей въ такой скромной просьбѣ, ни того, что онъ далъ бы охотно отрѣзать руку, еслибы ему можно было исполнить ея просьбу. Почему же онъ не могъ ее исполнить? Чисто по винѣ Бертрама, которому слѣдовало, вмѣсто того, чтобы спорить съ нимъ и раздражать его, оставить ихъ вдвоемъ, и тогда онъ можетъ быть нашелъ бы тѣ слова, какія нужно. Но еще не поздно... Бертрамъ и безъ того собирался раньше идти... онъ самъ можетъ остаться подъ какимъ-нибудь предлогомъ или вернуться до отъѣзда и сообщить вскользь, на порогѣ... быть-можетъ, такъ будетъ всего лучше.

— Ты пойдешь со мной, Бертрамъ? Бальтазаръ одинъ не справится, — пожалуй, перепутаетъ все, и выйдутъ недоразумѣнія...

— Разумѣется, — отвѣчалъ докторъ... — все готовъ сдѣлать, только бы не вышло недоразумѣнія! Честь имѣю кланяться.

Оба направились къ дверямъ.

— Докторъ!

Бертрамъ оглянулся: — Что прикажете?

— Я хотѣла вамъ что-то сказать... о мама, милый Лебрехтъ... дамскія дѣла... это до тебя не касается, милый Лебрехтъ; старая болѣзнь, мама... я знаю, она сегодня же вечеромъ заговоритъ о ней и никогда не проститъ мнѣ, если я не предварю нашего друга о такой важной вещи. Побудьте еще двѣ минуты, докторъ.

Лебрехтъ заскрипѣлъ зубами; итакъ, ему нельзя будетъ высказаться.

— Не хочу мѣшать, — сказалъ онъ, — до свиданья!

Онъ пошелъ къ двери и съ силой захлопнулъ ее за собой.

Докторъ держалъ въ рукѣ шляпу и трость; онъ бѣсился на Лебрехта, бѣсился на Анкенъ, которая, съ свойственнымъ женщинамъ легкомысліемъ, занимала пустяками минуты, отъ которыхъ зависѣли жизнь и смерть. Онъ собирался даже, со словами: — мнѣ очень жаль, сударыня, въ другой разъ, — выдти за дверь, но молодая женщина, какъ-будто караулившая его, бросилась къ нему и, положивъ свою руку на его руку, вскричала съ мучительной тревогой въ голосъ:

— Не уходите! не уходите! мнѣ нужно съ вами поговорить!

— А! — сказалъ докторъ: — вамъ надо со мной поговорить! это другое дѣло. Прошу васъ, садитесь, сударыня; въ чемъ дѣло?

Фр. Шпилъгагенъ.

ДѢЛО Г-НА ИЛОВАЙСКАГО

ВЪ ГАЛИЦІИ.

НЕВОЛЬНАЯ ГЛАВА ИЗЪ СЛАВЯНСКОЙ ПАТОЛОГИИ.

Недавно вся наша печать взволнована была вѣстью о трехдневномъ арестѣ профессора Иловайскаго въ Галиціи. Волненіе это слѣдуетъ приписать, конечно, главнымъ образомъ не столько самому факту ареста, — совсѣмъ не то, — сколько личности, которая подверглась тому. Во всякомъ случаѣ, пріятно уже и то, что волненіе нашей печати по этому поводу повело за собою практическія попытки къ устраненію подобныхъ случаевъ на будущее время. Къ сожалѣнію, и тутъ печать и общество наше обнаружили неполноту знанія условій и причинъ самаго явленія, а отсюда сдѣлалась ненабѣжною и нецѣлесообразною мѣръ, принятыхъ для устраненія явленія.

Вотъ чтó узнали мы изъ газетъ нашихъ: г-нъ Иловайскій пріѣхалъ въ городокъ Галичъ, гдѣ хотѣлъ осмотрѣть русскія древности: церковь и развалины замка. Онъ попросилъ отдельнаго слугу провести его къ „канонику“ церкви, — но „каноникъ“ оказался римско-католическимъ священникомъ, а не униатскимъ, котораго слѣдовало было назвать „деканомъ“. Каноникъ и указалъ московскому профессору на этого декана. Но пока униатскій деканъ и г-нъ Иловайскій осматривали древности, каноникъ донесъ жандарму, что въ Галичъ прибылъ „московскій агентъ“; у г-на Иловайскаго потребовали паспортъ, арестовали, повезли въ Станиславовъ, потомъ во Львовъ. Тутъ отъ него потребовали удостовѣренія тожества личности съ отмѣченною въ паспортѣ, и какъ г-нъ Иловайскій зналъ въ Львовѣ только трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ умеръ, другой отсутствовалъ, и только третій, редакторъ газеты „Слово“, г-нъ Шло-

щанскій былъ на-лицо, то г-нъ Иловайскій сослался на этого послѣдняго. Послѣ подтвержденія личности г-на Иловайскаго, онъ былъ выпровожденъ въ Россію. По словамъ г-на Иловайскаго, его сначала подозрѣвали, не офицеръ ли онъ, снимающій стратегическіе планы, а потомъ произвели въ панславистическіе агенты, — обвиненіе, противъ котораго протестуетъ г-нъ Иловайскій и передъ русскою публикою, увѣряя, что въ Россіи нѣтъ панславистовъ, и что онъ писалъ только о балканскомъ вопросѣ статьи, которыя ему „въ вину не могутъ быть поставлены“.

Таковъ фактъ, по показаніямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и г-на Иловайскаго. И нѣтъ основанія не вѣрить этимъ показаніямъ, съ которыми въ сущности согласны и показанія тѣхъ газетъ, которыя выступили-было противъ г-на Иловайскаго и — надо сознаться — выступили не совсѣмъ прилично ¹⁾. Совершенно понятно огорченіе нашихъ газетъ и ученыхъ друзей г-на Иловайскаго при видѣ того, что столь невинный человѣкъ заплатился хотя бы „трехдневнымъ плѣномъ у поляковъ“ за невинное желаніе увидѣть своими глазами, какъ мало древне-русскаго осталось въ одномъ изъ древнѣйшихъ русскіихъ городовъ. Совершенно понятно желаніе нашихъ ученыхъ обществъ, которыя обратились къ канцлеру князю Горчакову съ просьбой оградить русскіихъ ученыхъ и мирныхъ путешественниковъ вообще отъ пассажей, подобныхъ случившемуся съ г-мъ Иловайскимъ. Тѣмъ страннѣе было прочесть въ двухъ газетахъ, „Голосѣ“ и „Виржевыхъ Вѣдомостяхъ“, письма изъ Вѣны, въ которыхъ подозрѣніямъ галицкихъ жандармовъ противъ г-на Иловайскаго дана полная вѣра, на основаніи чего прочитаны горячія нотаціи московскимъ панславистамъ, — но показанію г-на Иловайскаго, несуществующимъ, — и непрошенной, конечно, защитѣ и похвалѣ русскому послу въ Вѣнѣ г-ну Новикову. По истинѣ, только въ нашей печати возможна такая поспѣшность и безтактность!

Но только въ нашей же печати и въ нашемъ обществѣ, при нашемъ невѣдѣніи дѣлъ и отношеній въ славянщинѣ, возможна и та неполнота въ передачѣ самыхъ свѣдѣній австрійскихъ газетъ о г-нѣ Иловайскомъ, и наивность надеждъ и мѣръ, принимаемыхъ учеными друзьями г-на Иловайскаго, для огражденія мирныхъ русскіихъ путе-

¹⁾ „Голосъ“ во второй корреспонденціи по этому дѣлу сообщаетъ, что г-нъ Иловайскій саранивалъ у замка всрѣтившагося крестьянина о князьяхъ русскіихъ, что совершенно понятно въ историкѣ, желающемъ узнать, насколько помнятъ мѣстами люди прошлое. Та же газета сообщаетъ, какъ-бы въ уменьшеніе вины галицкой полиціи, что самъ г-нъ Иловайскій пожелалъ, чтобъ его везли въ Станиславовъ, гдѣ была его вещи и паспортъ, а потомъ во Львовъ. И это понятно — въ виду того, что только во Львовѣ г-нъ Иловайскій имѣлъ знакомыхъ.

шественниковъ въ Австріи. Такъ, напримѣръ, ни одна газета наша не довела до свѣдѣнія своей публики о слѣдующемъ.

При первой вѣсти объ арестѣ г-на Иловайскаго, въ вѣнской „Neue Freie Presse“ было написано, что „когда былъ арестованъ въ Галичѣ московскій эмиссаръ, предлагавшій канонику 1,000 рублей на церковь, то при немъ найдено 86,000 рублей, а также множество прокламацій и сочиненій панславистическаго и социалистическаго содержанія“. Газета „Слово“, редакторъ которой теперь получаетъ благодарственные адреса отъ московскихъ ученыхъ обществъ за выручку г-на Иловайскаго, приведши извѣстіе „Neue Freie Presse“, вмѣсто простаго опроверженія этого вздора, написала слѣдующее: „Такъ составляютъ въ наше время исторіи объ агитаціяхъ русскихъ высланныхъ между русскимъ народомъ въ Галиціи противъ австрійскаго правительства. Что протегуемне турецко-польскою политикою нигилисты агитовали своимъ способомъ между нашимъ народомъ—не опровергаемъ. Что такіе люди ходили въ Галичѣ и другихъ мѣстахъ подъ окомъ римскихъ ксендзовъ и жандармовъ—знаемъ положительно. Не знали о нихъ старѣства, а лишь теперь открываютъ анти-австрійскихъ агитаторовъ и социалистовъ — въ Иловайскихъ. И такими „правдами“ трактуютъ газеты своихъ читателей“ („Слово“, 1877, № 108).

Узнавши о статьяхъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Голоса“, редакторъ „Слова“ заявилъ, что это „польскія газеты“, и затѣмъ спеціально о „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ написалъ буквально же слѣдующее: „Что письмо съ такими тенденціями можетъ издаваться въ Петербургѣ — мы совсѣмъ не удивлялись. Развѣ не съ такою программой и направленіемъ издавано въ Кіевѣ „Кіевскій Телеграфъ“, распространявшій, какъ позднѣйше оказалось, нигилистически-революціонную пропаганду?.. Не Иловайскіи, Аксаковы, Миллеры, за которыхъ голосомъ идутъ десятки милліоновъ русскаго и славянскаго народа, но приверженцы „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Кіевскихъ Телеграфовъ“ нанесли такъ намъ (русскимъ галичанамъ), какъ и австрійскому правительству, затрудненія, распространивши между нашею молодежью, подъ претекстомъ украинфильства и вражды противъ русскаго правительства, идеи, соотвѣтныя для умалишенныхъ философовъ и вымѣренныхъ противъ церкви, духовенства и государственнаго порядка. Если затѣмъ нынѣ австрійскія власти требуютъ отъ русскихъ подданныхъ вида паспортовъ, то не изъ опасенности передъ панславизмомъ, котораго здѣсь никто пронаговати не потребуетъ, а навѣрно для того, чтобы не пускати въ край вредныхъ общественному порядку агентовъ нигилизма, котораго орга-

номъ стались отъ нѣкоторого времени „Биржевыя Вѣдомости“ („Слово“, 1877, № 113).

Эта оцѣнка „Голоса“ и „Биржевыхъ Вѣдомостей“, — замѣтимъ, газетъ, которыя недавно еще были мѣстомъ охотнаго помѣщенія вѣстей изъ Галиціи въ духѣ партіи, которой органомъ служить восхваляемое теперь московскими учеными обществами „Слово“, — можетъ только вызвать улыбку въ нашемъ читателѣ, хотя не удивить никого, послѣ того какъ въ той же братской газетѣ прежнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ были названы казацкопольской газетой, а объ обѣдѣ, который былъ данъ петербургскими литераторами г-ну Корнгу, по оставленіи имъ редакціи, было сказано, что г-нъ Корнгъ самъ себѣ далъ обѣдъ, на которомъ были только поляки! Но что скажутъ г-нъ Иловайскій и московскіе ученые о своемъ пріятелѣ „Словѣ“, прочитавъ вышеприведенныя слова въ защиту придирчивости австрійскихъ жандармовъ къ русскимъ путешественникамъ? Не покажутся ли имъ самимъ наивными ихъ надежды, что ихъ адрессы прекратятъ эту придирчивость, если самъ ихъ львовскій союзникъ вполне оправдываетъ ее, хотя и даетъ ей другіе мотивы?

Наши московскіе ученые, очевидно, совсѣмъ не знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и совсѣмъ не знаютъ того, что дѣлается въ Галиціи уже нѣсколько мѣсяцевъ, что объясняетъ и исторію съ г. Иловайскимъ, — и на что есть намеки въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ газеты „Слово“.

Галиччина издавна сдѣлалась театромъ ожесточенной борьбы мѣстной русской и польской интеллигенціи, особенно публицистики, центромъ которой служитъ Львовъ. Съ начала 1860-хъ годовъ произошелъ расколъ и въ галицко-русскомъ обществѣ, въ которомъ отъ господствующаго клерикальнаго направленія въ литературѣ и политикѣ отдѣлилось направленіе болѣе свѣтское, принявшее имя „народной партіи“, или по тамошнему „народовцевъ“. Такъ какъ народъ въ Галиціи принадлежитъ къ одному племени съ нашими украинцами, или малороссами, то эта новая партія, сблизившись болѣе, чѣмъ старая, съ новымъ украинскимъ движеніемъ, въ то время оживившимся въ Россіи, получила названіе украинской, или малорусской. Связей съ нашимъ малорусскимъ движеніемъ далеко не чужда была и старая партія, но теперь, по реакціи молодой, она стала съ болѣею силою наирать на свое имя просто русской партіи и отстаивать литературное единство русскаго языка, разумѣя подъ нимъ, впрочемъ, не столько литературный языкъ въ Россіи, сколько церковный, имѣя въ виду вообще не столько народъ, сколько церковь, въ особенности духовенство. Въ 1866 г., послѣ Садовы, поколебавшей гѣру въ проч-

ность существованія Австріи и послѣ „пожертвованія русиновъ полякамъ“, по выраженію одного изъ членовъ министерства гр. Бейста, старая партія русская въ Галиччинѣ сочла необходимымъ окончательно разорвать свои связи съ малорусскимъ движеніемъ и стать подъ знамена того самаго направленія, которое у насъ въ тѣ времена представлялось тогда „Московскими Вѣдомостями“ и „Голосомъ“, и съ которыми слились и московскіе славянофилы, превратившіеся въ „славянскихъ благотворителей“. „Слово“ заявило въ 1866 г. единство и даже полное тожество русской народности отъ Карпатъ до Амура и преступность всякой даже литературной розни. То же самое высказывалось и въ клерикальныхъ кружкахъ русской Венгрии. Молодая галицкая партія осталась при малорусской программѣ, — и расколъ въ галицко-русской интеллигенціи, который сначала разигрывался на почвѣ ореографіи (старая партія стояла за ореографію Максимовича, такъ-называемую этимологическую, а молодая — за ореографію г. Кулиша, фонетическую), сдѣлался полнымъ. Кромѣ культурныхъ, литературныхъ и политическихъ разногласій тутъ стали дѣйствовать и раздувательства польскихъ газетъ и, наконецъ, причины денежно-варьерныя. Около этого именно времени открылась возможность галичанамъ перенестись въ Россію на мѣста униатскихъ священниковъ, потомъ въ службу учебную. Съ другой стороны, влияние вице-маршала сейма, совѣтника Лавровскаго, который присталъ къ народной партіи, давало возможность членамъ ея помѣститься на службѣ въ Галиціи, преимущественно учебной. Вражда поляковъ къ русинамъ „схизматикамъ“ и „москвофиламъ“ заглушила прежнюю вражду ихъ къ „украинофиламъ“, „хлопонамъ“, „ковакамъ“ и „гайдамакамъ“, тѣмъ болѣе, что молодежь изъ галицкихъ украинофиловъ, подъ влияніемъ совѣтника Лавровскаго, поубавила своего украинофильства и „народовничества“. За то вражда обѣихъ русскихъ партій достигла до крайности. И, что всего хуже, какъ борьба поляковъ и русиновъ, такъ и русиновъ между собою велась всѣми средствами, въ числѣ которыхъ запугиваніе властей, доносы и клевета, самое безцеремонное извращеніе фактовъ играли самую видную роль, особенно со стороны поляковъ и старыхъ русиновъ. Эти пріемы борьбы запутали вопросы спора и понятія общественныя до послѣдней степени. На русской сторонѣ путаница увеличивалась тѣмъ, что хотя вопросъ ставился между партіей всерусской и малорусской — „московской“ и „украинской“, но на самомъ дѣлѣ ни у кого не было отчетливаго понятія даже о литературѣ въ Россіи, ни „московской“, ни „украинской“, и что большинство галицко-русской публики принадлежало собственно къ третьей партіи „австро-рутенскихъ“ клерикаловъ, создавшихъ себѣ особый, довольно

варварскій, мѣшанный церковно-малорусскій языкъ, и такую же особую литературу, болѣе устарѣлую по формамъ и идеямъ, чѣмъ даже „московская“ литература отъ Ломоносова до Карамзина. И все это маскировалось подъ растяжимымъ именемъ: русинъ, русскій, рускій. Путаница понятій и нечистота приѣмовъ борьбы усиливались вѣшателствомъ нашихъ кружковъ и печати московско-обрусительнаго и славяно-благотворительнаго направленія, которые, по обыкновенію, не знали сущности дѣла и не хотѣли узнать ее, принимая ярлыки за вещи.

Сколько было въ то время испорчено чернилъ и въ Галиціи, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, сколько было выпущено громкихъ словъ, обвиненій, вымыслено было „польскихъ интригъ“ и „московскихъ агентовъ“, того и сосчитать нельзя! И шестидесятые годы представили примѣръ такого же ареста русскаго профессора въ Галиціи, какой случился съ г. Иловайскимъ, только еще, кажется, курьезнѣе. Мы говоримъ о проф. Потебнѣ изъ Харькова, который былъ арестованъ въ Австріи, какъ „московскій агентъ“, между тѣмъ какъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ онъ былъ названъ агентомъ малороссійской революціи, пріѣхавшимъ во Львовъ „устроить союзъ русиновъ и поляковъ и давать для народоваго жонда вѣлады изъ увеличеннаго тогда профессорскаго жалованья“. Только тогда никто не подумалъ адресоваться въ канцлеру съ адресами о защитѣ мирныхъ ученыхъ отъ произвольныхъ доносовъ и арестовъ.

Теперь въ Галиччинѣ вновь заострились отношенія, усѣвшія было сгладиться въ началѣ 70-хъ годовъ, и случаи, въ родѣ тѣхъ, какому подвергся г. Потебня, начали повторяться въ учащенномъ количествѣ и, конечно, будутъ повторяться еще больше, несмотря на адреса и толки нашихъ ученыхъ и газетъ, а въ значительной степени, именно *смотря* на нихъ.

Къ 1875—76 годамъ стали оказывать свое вліяніе на Галицію слѣдующія явленія: во-первыхъ, обращеніе униатовъ въ Польшѣ въ православіе. Оно еще болѣе раздражало поляковъ галицкихъ противъ „Москвы и схизмы“ и ея „агентовъ“, съ другой же стороны, усилило разладъ между чистыми австро-рутенскими клерикалами и тѣми изъ старо-русской партіи, которые болѣе искренно тянутъ къ „Москвѣ“. У старой партіи явилось два органа: „Слово“,—по-прежнему, униатско-клерикальное, но со всплывшими анти-ультрамонтанскими, и даже православными, — и „Сіонъ“ — униатско-ультрамонтанскій, по временамъ готовый относиться благосклонно и къ малорусскимъ автономистамъ, лишь бы они не выступали изъ предѣловъ австрійской легальности и униатскаго благочестія. Далѣе, обращеніе униатовъ въ Польшѣ въ православіе ослабило еще по одной причинѣ „москвофиль-

свое" направленіе въ Галиччинѣ, даже къ молодежи, которая въ западно-славянскихъ земляхъ весьма практична. Съ прекращеніемъ уни, прекратилась надобность вывоза въ Россію священниковъ-галичанъ, а къ тому времени почти прекратился и вывозъ австрійскихъ славянъ въ Россію на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Молодежь галицко-русская стала исходить почвой подъ ногами и стала размѣщаться въ кадры мѣстныхъ партій: австро-рутенской и галицко-украинской, съ клерикальнымъ же отгѣнкомъ, принимая участіе въ двухъ обществахъ, поставившихъ себѣ цѣлью изданіе популярныхъ книгъ: въ „Обществѣ имени Мих. Качковскаго" и въ „Просвѣтѣ".

Другое явленіе, важное для Галиціи, оказавшее къ настоящему времени вліяніе на тамошнія дѣла,—это открытіе двухъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ Львовъ съ Кіевомъ, Украиной и остальной Россіей. Сношенія между галичанами и нашими стали чаще, количество книгъ, печатанныхъ въ Россіи, и украинскихъ и великорусскихъ, обращающихся въ Галиччинѣ, стало больше. Болѣе здоровые элементы галицко-русскаго общества, озвачомившись съ новою русскою литературою, въ ея настоящемъ видѣ, а не по слухамъ черезъ мѣстныхъ ея истолкователей,—увидѣли тщету споровъ между мѣстными москвофилами и украинофилами, увидѣли, что вопросъ о такъ-называемой „московской" и „украинской" литературѣ есть вопросъ формы, а не сущности, и стали толковать о необходимости прекращенія споровъ и о совмѣстной дѣятельности въ пользу своего народа въ его мѣстныхъ условіяхъ. Органомъ такого новаго направленія, къ которому не совсѣмъ благосклонно относились заматерѣвшіе въ спорахъ вожаки готовыхъ уже партій, стала газетка „Другъ", собственность студенческаго общества „Академическій кружокъ" во Львовѣ,—сначала робко, а съ конца 1876 года совсѣмъ открыто. Сохраняя старую правопись, „Другъ" съ этого времени призналъ основой своего языка языкъ народный, и въ то же время сталъ печатать у себя статьи на чистомъ литературномъ языкѣ „петербургско-московскомъ" и перечаталъ повѣсть изъ „Отечественныхъ Записокъ", одинъ изъ рассказовъ Г. И. подъ заглавіемъ „Отравленный Дьяконъ". Вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто прежнихъ одъ и передѣлокъ нѣмецкихъ повѣстей изъ русской жизни и петербургской придворной исторіи, и невозможныхъ издѣлій мѣстныхъ „прославленныхъ и многонадныхъ" писателей, — „Другъ" сталъ давать переводы очерковъ Эрмана и Шартриана, Золя, Щедрина, преимущественно изъ жизни сельской, близкой къ мѣстнымъ жанреннымъ интересамъ: крестьянъ, помѣщиковъ, учителей, духовныхъ. Появились и оригинальныя пробы рассказовъ изъ жизни рабочихъ, напр., очерки о Борыславѣ, извѣстномъ мѣстѣ до-

быванія цетрала и „земляного воску“ въ Галиччинѣ. Все это вызвало нареканія, обычныя всюду при началѣ народно-реального направленія въ литературѣ. Въ довершеніе всего два студентскія общества: „Академическій кружокъ“, основанный подъ покровительствомъ старой партіи, и „Дружескій Лихьяръ“, покровительствуемый младшею партіею, рѣшили слиться въ одно общество, сохранивъ только формальное различіе, такъ какъ послѣднее общество имѣетъ значеніе спеціальное: кассы взаимной помощи между студентами.

Все это не могло не вызвать бури раздраженія среди старыхъ вожаковъ, особенно партіи „Слова“. Не совсѣмъ довольны этимъ поворотомъ дѣлъ и такъ-называемые народо́вцы. Они хоть и старались представить движеніе въ молодежи поворотомъ къ ихъ партіи, но ясно видѣли, что новое движеніе выходитъ изъ ихъ узкихъ рамокъ и обгоняетъ ихъ совершенно. Надо прибавить, что преклоненіе передъ авторитетными, чинами и степенями, непривычка къ критикѣ чрезвычайно вкоренены въ Галиціи, какъ между русинами, такъ и между поляками. Въ то же время уровень научныхъ идей во всѣхъ слояхъ тамошняго общества до того слабъ, что частныя разногласія почти совсѣмъ не могутъ обращаться за разрѣшеніемъ къ чему-нибудь прочному и широкому, а потому всякій споръ въ Галиччинѣ сейчасъ превращается въ ругань, всякая борьба не разбираетъ средствъ, доходить до клеветъ, доносовъ и прямого обращенія къ полиціи.

Послѣдней, — а она въ Галиціи польская, — скоро представился и поводъ къ вмѣшательству въ дѣла русиновъ, въ особенности когда начавшаяся война на границахъ Австріи настроила политическіе и полицейскіе нервы на особенно высокій ладъ. Поводъ этотъ далъ страхъ социалистической и панславистической агитаціи, угрожающей существованію Австріи и особенно галицкихъ порядковъ. О томъ какъ всякое славянское движеніе грозитъ тому искусственному равновѣсію, какое устроилось въ нынѣшней политической системѣ Австро-Венгріи, дуализму нѣмецко-венгерскому, который на дѣлѣ является триализмомъ: нѣмецко-венгерско-польскимъ, — нечего и говорить. Въ добавокъ эта система политическая прикрываетъ социальное положеніе еще болѣе непрочное, особенно въ восточной половинѣ Венгріи и въ Галиціи, — гдѣ массы народа, преимущественно малорусскаго, находятся въ ужасномъ экономическомъ порабощеніи у шляхты венгерской и польской и у еврейскихъ торгашей, которые постепенно оттѣсняють отъ землевладѣнія и самую шляхту. Такимъ образомъ, здѣсь социальное-экономическое неравенство является безъ всякихъ прикрасъ единоплеменности и единовѣрія классовъ, а напротивъ того во всей рѣзкости и осложненности разноплеменности и разновѣрія высшихъ

и низшихъ классовъ. Понятно, что у послѣднихъ существуетъ ропоть, болѣе сильный, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и что первые сами не чувствуютъ никакой опоры подъ собою. Въ минуту борьбы вѣнскихъ централистовъ съ автономными тенденціями поляковъ, которымъ польская шляхта никакъ не можетъ отдаться именно по своей беспочвенности и по необходимости для нея поддержки со стороны виѣшной власти,—и которыхъ она не можетъ также и оставить совсѣмъ,—даже въ офиціозныхъ газетахъ нѣмецкихъ, и въ парламентѣ вѣнскомъ высказывалось, что „соціально-экономическое положеніе при Карпатахъ заставляетъ ожидать близкой катастрофы“. Насколько это вѣрно,—трудно сказать. Но періодически ропоть среди народа принимаетъ болѣе опредѣленную форму: „щось буде зъ жыдамы!“ или: „кажутъ, що прийде москаль,—тоди щось буде зъ панамы—ляхамы и жыдамы“; „Московський царь,—или якыть царь до насъ уступыть и буде землю дѣлыть“. Чаше всего сами евреи и польская шляхта вдругъ переполошуются отъ страха новой гайдамачины и, конечно, начинаютъ искать виѣшнихъ подстрекателей: въ 40-хъ и 50-хъ годахъ—агентовъ вѣнско-нѣмецкихъ, которымъ исключительно и до сихъ поръ приписываетъ польское общественное мнѣніе галицкую рѣзню помѣщиковъ 1846 года; въ началѣ 60-хъ годовъ—украинофильско-московскихъ коммунистовъ,—казакомановъ и хлопомановъ; въ концѣ 60-хъ годовъ—московско-панславистскихъ подстрекателей. Теперь стали всюду видѣть соціалистовъ-интернаціоналовъ и панславистовъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время и съ запада, изъ Германіи,—и съ востока, изъ Россіи—на Галицію стала наплывать волна соціально-демократическаго движенія,—въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что въ Германіи соціально-демократическое движеніе разрослось въ своего рода государство съ значительной кассой, съ нѣсколькими десятками газетъ и журналовъ, между которыми есть даже научные, и что нѣмецкій элементъ въ Австріи во всѣхъ проявленіяхъ жизни тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ Германіей. Соціально-демократическое движеніе у нѣмцевъ австрійскихъ существуетъ совершенно открыто, до того, что въ Вѣнѣ издается органъ подъ именемъ „Der Socialist“, и любопытно, что даже недавній министръ австрійскій, профессоръ *Шефле*, авторъ книгъ „Kapitalismus und Socialismus“, „Bau der menschlichen Gesellschaft“,—года два назадъ напечаталъ книжку „Quintessenz des Socialismus“, въ которой, признавая, что скорая революція въ направленіи соціалистическомъ была бы нежелательна для самихъ соціалистовъ, высказываетъ однако увѣренность въ неизбежномъ разложеніи капиталистическаго строя и въ наступленіи порядка, подходящаго къ

желаемому соціалістамъ. Тотъ же профессоръ Шефле принимаетъ участіе въ изданіи соціалістическаго журнала „Neue Gesellschaft“, выходящаго въ Цюрихѣ. Вызвали во вниманіе подобныя примѣры, а также соціально-экономическое состояніе края, и то, что интеллигенція русиновъ вполнѣ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, можно удивляться тому, какъ еще слабо въ Галичинѣ даже знакомство съ соціалістическими ученіями, а не тому, что они, наконецъ, проникли и туда.

Это знакомство и это проникновеніе началось весьма недавно и до сихъ поръ весьма слабо: въ 1875 г. въ Вѣнѣ издано было три маленькихъ брошюры г. В. Кистки („Парова Машина“, „Правда“ и „Розмова про бѣдность“), а въ 1876 и 1877 годахъ появилось въ „Другѣ“ нѣсколько статей, въ которыхъ болѣе въ общихъ чертахъ ставился вопросъ о необходимости посвященія высшихъ классовъ работѣ въ пользу массъ и необходимости слитія въ одною лицѣ владѣльца и работника, чѣмъ налагалась сколько-нибудь подробно какая-нибудь сторона соціалістическихъ теорій. Вообще же можно сказать, что въ этомъ органѣ, если въ послѣднее время и являлась рѣшительно какая-нибудь соціальная мысль, то только мысль о необходимости искать опоры мѣстному русскому возрожденію въ благѣ массъ, и исследовать причины народной бѣдности—болѣе глубоко, чѣмъ объясненіе ея исключительно „пьянствомъ и лѣнью“,—какъ это принято у патріотовъ галицкихъ, не исключая и тѣхъ, кто зоветъ себя „народѣвцами“.

Но и эта мысль показавшаяся слишкомъ радикально-соціалістическою въ Галиціи и возбудила ярость не только въ польскомъ обществѣ, но и въ русскомъ, въ средѣ котораго нашлись люди, даже среди студентовъ, призывавшіе противъ распространителей подобныхъ мыслей мѣры полиціи и суда. Какъ мы сказали, по законамъ, въ Австріи соціалістическія идеи и литературная дѣятельность въ ихъ пользу не составляетъ еще преступленія. Австрійскимъ подданнымъ запрещено только участіе въ раграничныхъ соціально-революціонныхъ и вообще политическихъ и тайныхъ обществахъ, подъ которыми въ особенности разумѣется „интернаціональное общество рабочихъ“. Официально даже нѣмецко-австрійскія рабочія общества могутъ называть себя соціально-демократическими, но не могутъ только вступать въ прямыя сношенія не только съ „интернаціональнымъ обществомъ“, но даже съ „германскимъ общимъ союзомъ рабочихъ“, распространившимъ свою дѣятельность въ Германіи весьма широко. Вотъ этимъ-то и воспользовались въ Галиціи противодемократическіе элементы для того, чтобъ имѣть поводъ давить въ са-

момъ его зародившѣ движеніе, которое угрожало ихъ политическому господству.

Случайныя обстоятельства помогли этимъ попыткамъ подавленія. Въ началѣ прошлаго года львовская полиція задержала нѣсколькихъ русскихъ подданныхъ и нашла у одного изъ нихъ запасъ книжекъ различнаго содержанія, отъ самыхъ новинныхъ, въ родѣ сочиненій Гоголя, до великорусскихъ и малорусскихъ брошюръ соціально-демократическаго характера, изъ которыхъ однако большая часть издана была въ Австріи и не затронута была цензурою, или же представляла перепечатку австрійскаго изданія. Вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ одинъ галицкій студентъ, сотрудникъ „Друга“, — и вмѣстѣ съ другими русскими подданными былъ обвиненъ въ принадлежности къ заграничному тайному обществу. Процессъ велся во Львовѣ, въ мартѣ 1877 г., и черезъ петербургскія газеты сталъ извѣстенъ въ Россіи, хотя въ весьма неполномъ и одностороннемъ видѣ. Обвиненныхъ судили какъ членовъ заграничнаго тайнаго общества съ соціально-революціонными цѣлями, а въ полицейскихъ свѣдѣніяхъ и газетахъ называли ихъ нигилистами, украинифилами и панславистами. Насколько широко понималось и полиціей и печатью извѣстнаго цѣля термины, нигилизмъ, украинифильство и панславизмъ, покажетъ отрывокъ изъ письма одного русскаго народнаго учителя въ Венгрію, въ которомъ онъ оправдывается отъ обвиненій, введешныхъ на него мадьярскими и мѣстными русскими газетами и рассказываетъ, какія книги отобрали отъ него, или, лучше, привезла отъ него полиція. Письмо это напечатано въ 10 № венгро-русской газеты „Карпаты“ за 1877 г. Вотъ его начало: „Въ 9 числѣ „Карпата“ 1877 г., между разными извѣстіями, въ особенности моей скромной личности касающагося извѣстіе напечатано, по второму у меня. полиція нѣсколько брошюръ и книгъ *нигилистическаго* содержанія нашла и конфисковала. Имѣю честь поэтому почтенную редакцію въ слѣдующихъ уведомити. Правда, что по нѣкимъ злонанѣренннмъ дописамъ появилась у меня полиція для отысканія и нашла нѣсколько книгъ, между прочими Гоголя, Лермонтова и еще нѣкоторыя другія, которыхъ содержанія не знаю, такъ какъ онѣ еще не были и разрѣшаны“. Надо пояснить, что газета „Карпаты“, громко озаглавленная: „общественная (соціальная), церковная, научная, литературная и экономическая газета“, органъ епархіальнаго правительства и „общества св. Василія Вел.“, принадлежитъ, какъ и „Слово“, въ тому направленію, которое кооптрется нашими славянскими комитетамъ, т.-е. какъ будто бы направленію общерусскому, потому что оно не признаетъ литературнаго значенія мѣстнаго народнаго языка. Кіевскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго коми-

тета, который преимущественно вѣдает области австро-русскія, выдалъ обществу св. Василія, въ 1872 г., нѣсколько сотъ рублей при основаніи „Карпата“, и еще въ 1875 году вновь въ этомъ отдѣлѣ поднять былъ вопросъ о выдачѣ субсидіи „Карпату“, какъ газетѣ, „борющейся противъ мадьярскихъ и іезуитскихъ стремленій за русскую церковь и національность“, а петербургскій отдѣлъ слав. благ. комитета, въ концѣ того же года, въ I т. „Славянскаго Сборника“, восхвалялъ „мужество“ редактора „Карпата“. Еще въ прошломъ году „Карпаты“ осудилъ всякое литературное разнообразіе въ русскомъ мірѣ и особенно украинскія попытки писать „языкомъ слугъ“ и слить „господъ со слугами“. Послѣдовательность заставила „Карпаты“ стать за „господъ—мадьяровъ“ противъ „слугъ—славянъ“, и теперь органъ, нѣкоторымъ образомъ основанный на деньги нашихъ славянскихъ благотворителей, открыто защищаетъ Турцію, громитъ Россію, „московскихъ агентовъ“—и усматриваетъ нигилистическую агитацію въ сочиненіяхъ Гоголя и Лермонтова, конфискацію которыхъ онъ,—защитникъ теоріи „единой русской народности и литературы“, вполне одобряетъ. Вполне одобрительно и даже предупредительно отнеслась къ мѣрамъ мадьярской и—въ Галиціи—польской полиціи противъ распространителей „нигилистическихъ“ книгъ, въ числѣ которыхъ были тѣ же сочиненія Гоголя, Лермонтова и пр.,—и органъ галицкихъ общеруссовъ, газета „Слово“,—съ тою только разницею, что она записала ихъ въ число „польскихъ“, а не „московскихъ“ агентовъ. Польскія газеты подхватили сначала вѣсть о поимкѣ „московскихъ агентовъ“,—но тактика „Слова“ сблизилась. Къ тому же, нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, по поводу дѣла о демонстраціи на казанской площади, польскія газеты отнеслись,—изъ „противомосковской“ тактики, сочувственно къ „русскому социализму“. Поэтому, когда поднялся въ Австріи крикъ о поимкѣ „панславистскихъ, московскихъ, украинофильскихъ, нигилистическихъ и т. п. агентовъ“, то польскія газеты не знали, на какую ногу ступить: они то вторили этому крику, то замазывали его. Тѣмъ не менѣе, полиція забрала во Львовѣ и въ двухъ мѣстахъ въ Венгріи всякаго рода русскія—великорусскія и малорусскія книги, судъ заднимъ числомъ запретилъ перепечатку изданныхъ въ Австріи же книгъ,—и обвинялъ арестованныхъ въ ихъ распространеніи и въ принадлежности къ „заграничному тайному обществу“, въ томъ, что они были посланы какъ агенты этого общества,—не то изъ Швейцаріи и Лондона, не то изъ Россіи,—собирать для него членовъ. Кара обвиненнымъ сравнительно ничтожна:—согласно австрійскому кодексу,—двое приговорены были къ мѣсячному аресту и высылкѣ изъ Австріи,

одинъ (австрійскій подданный) къ 8-ми-дневному. Но приемы обвиненія и основы суда были совсѣмъ произвольны: все обвиненіе основывалось на доказанности существованія за границей Австріи тайнаго революціоннаго общества, — а это-то прежде всего и надо было доказать. Судъ же совершенно произвольно свелъ въ одно общество разныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые были и незнакомы другъ съ другомъ, вѣнчилъ въ вину всѣмъ имъ письмо, писанное однимъ, другое, — полученное другимъ (это былъ эмигрантъ и у него оказалось письмо изъ Лондона) и т. п. Кромѣ того, одинъ изъ арестованныхъ, — г. Куртиевъ, — оказался по суду совершенно невиннымъ и тѣмъ не менѣе вывезенъ тоже полиціей изъ Австріи, какъ теперь г. Иловайскій, — съ тою только разницею, что онъ пострадалъ отъ того еще гораздо больше, чѣмъ московскій ученый. Г. Куртиевъ имѣлъ совершенно законный видъ и мѣсто при русскомъ театрѣ ¹⁾, — котораго долженъ былъ лишиться при высылкѣ изъ Австріи. Очевидно, австро-польскій судъ и полиція, поступая такъ произвольно, были вполне увѣрены въ томъ, что не встрѣтятъ протеста въ нашемъ обществѣ и его представителяхъ, — въ чемъ и не ошиблись. Никто, — ни даже печать наша не сказала слова, даже въ виду совершенно несправедливаго поступка съ г. Куртиевымъ, который просидѣлъ 4 мѣсяца въ тюрьмѣ до процесса, признанъ былъ, наконецъ, совершенно непричастнымъ даже по подозрѣнію въ принадлежности къ какой бы то ни было агитаціи, даже въ привозкѣ въ Галицію Гоголя, — и все-таки былъ выпровоженъ изъ предѣловъ Австріи съ потерей своего заработка. Русскія газеты или промолчали, или безъ критики передали свѣдѣнія о судѣ, или явно стали на его точку зрѣнія, — и все вмѣстѣ подтвердило расчетъ австрійскихъ чиновниковъ, что русскаго можно трогать безпрепятственно, и набросить на него тѣнь во всякомъ случаѣ очень легко, если пустить въ ходъ извѣстнаго рода обвиненія.

Какъ же было послѣ того не осмѣлиться на будущее время галицкимъ полицейскимъ агентамъ! А тутъ еще начались, наконецъ, военныя дѣйствія по сосѣдству, національныя страсти разгорѣлись, пошли слухи о томъ, что готовится революціонное движеніе въ Австріи, — то противъ Россіи, то противъ Австріи самой. Австрійской, цислейтанской полиціи, кромѣ всего прочаго, представлялся прекрасный моментъ заглянуть въ корреспонденцію, изслѣдовать отношенія разныхъ лицъ и обществъ, подъ предлогомъ исканія нитей заговоровъ, — какъ это передъ тѣмъ сдѣлала транслейтанская полиція по поводу

1) Русскій театръ въ Галиціи имѣетъ нѣсколько актеровъ изъ подданныхъ нашего государства, поступившихъ въ него изъ разныхъ труппъ югозападной Россіи. Нѣсколько лѣтъ назадъ галицко-русская труппа пріѣхала давать свои представленія въ Россію, — въ Каменецъ-Подольскъ.

дѣла Милетича, котораго сначала обвинили въ оскорбленіи дружественнаго, русскаго правительства, а потомъ, почитавъ корреспонденцію его,—въ заговорѣ и противъ Австріи.

И дѣйствительно,—едва услѣли арестованные въ январѣ русскіе подданные отсидѣть свои сроки тюремнаго заключенія, какъ въ маѣ львовская полиція вновь поймала одного русскаго подданнаго, какъ „нигилистическаго агента“ въ своемъ городѣ. Онъ оказался польской національности, равно какъ и тѣ лица, съ которыми онъ находился въ ближайшихъ сношеніяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ одинъ, тоже русскій подданный, литераторъ, занимающійся социальными науками, оказался сотрудникомъ двухъ польскихъ газетъ, — „Gazeta Narodowa“ и „Dziennik Polski“. Полиція провела обыскъ въ одной типографіи польской, въ польскомъ рабочемъ обществѣ во Львовѣ „Gwiarda“, затѣмъ въ Вѣнѣ въ такомъ же обществѣ „Sila“, затѣмъ въ студентскомъ обществѣ „Ognisko“ въ Вѣнѣ же. Потомъ перешла къ русинамъ: во Львовѣ была арестована почти вся редація „Друга“, далѣе обыски и аресты перешли въ семинарію, потомъ распространились по провинціямъ: въ Перемишль, Станиславовъ и др.,—наконецъ, опять въ Вѣну, гдѣ тоже арестовано было нѣсколько русиновъ. Тогда-то произошло въ австрійской печати, особенно галицкой, цѣлое столпотвореніе вавилонское,—обнаружившее степень нравственнаго развитія общества, которыхъ она служитъ выразителемъ. Всѣ кричали, что полиція нашла на слѣдъ страшнаго заговора, революціонной организаціи. Въ этомъ нѣкто не сомнѣвался. Мало того, — всѣ слѣдили дѣлать указанія и даже признанія, истинно трогательныя по своей добровольности. Всякій сѣяшилъ не только выгородить себя, но даже улечь всѣхъ своихъ противниковъ. Одни кричали, что пойманы вербовщики польско-турецкаго легіона, другіе, что — польскаго легіона, который долженъ вторгнуться въ Россію,—третьи, напротивъ, утверждали, что пойманы агенты московскіе, которые хотятъ приготовить народъ въ Галичинѣ, — и русиновъ и магуровъ, — къ приходу москалей и поднять его общающимися надѣла земли, причемъ не забывалась и „схема“, т. е. православіе, казачина и гайдамачина. Особенно переносились евреи и разнесли панику по всему краю. Стали поступать жалобы на крестьянъ, которые тоже стали подвергаться арестамъ, — за угрозы „вырѣзать жидовъ“. Отъ провинціальной цѣлхты стали появляться въ газетахъ письма, предлагающія образованіе оруженныхъ обществъ безопасности, стражи изъ консервативныхъ элементовъ. Намѣстникъ почувствовалъ необходимость сдѣлать объѣздъ края, особенно восточной Галиціи. „Газета Народова“ приглашала всѣхъ благомыслящихъ людей по уѣздамъ,

особенно евреямъ, подавать доносы по дорогѣ наѣстнику на всѣхъ подозрительныхъ людей, на всѣхъ разсѣвателей вредныхъ идей.

Вопросъ былъ только въ томъ, отъ кого собственно идутъ эти вредныя идеи? Этотъ вопросъ каждый разрѣшалъ въ Галиціи по своему. Что въ этомъ дѣлѣ должна была играть роль „всесвѣтная революція“, „безумные философы будущаго“, это признавали всѣ. Но остановиться на нихъ однихъ никто не хотѣлъ. Великій искаръ того, кто направляетъ въ данномъ случаѣ этихъ „философовъ будущаго“, кто породилъ ихъ, или хоть того, кто попускаетъ дѣйствовать имъ, — и каждый указывалъ на своего противника. Польскія газеты убѣждали, что первый арестованный полякъ, русскій подданный, только по имени полякъ, а на самомъ дѣлѣ москаль, что онъ даже по-польски говоритъ хуже, чѣмъ по-московски, — и что самые опасные социалисты, это русинскіе поны, которые разсѣваютъ межъ народомъ социалистическія идеи въ интересахъ „московского ядра и слезмы“. „Слово“ клялось, что вся бѣда въ полякахъ и ихъ автономіи, что они выдумали украинофильство, они умышленно попускали социалистическую агитацію противъ Россіи и теперь доигрались до того, что образовалась партія, которая угрожаетъ общему порядку, религіи и т. п., въ особенности, конечно, вредная для русиновъ ¹⁾. Виновато „Слово“ также и львовскихъ „украинофиловъ“, общество „Прогрессу“, и учителей и профессоровъ, къ нему принадлежащихъ: это они-де научили молодежь вреднымъ идеямъ, или, по крайней мѣрѣ, приготовили къ нимъ юношество, похваливая сочиненія украинофиловъ изъ Россіи, оказавшихся революціонерами. Газета „Сюнъ“ при сей okazji накинулась на Шевченка, котораго сочиненія въ прошломъ году вышли въ Прагѣ новымъ полнымъ изданіемъ, и стали, по мнѣнію церковной газеты, отравлять юношество, даже семинарское. Органы львовскихъ украинофиловъ „Правда“ и „Газета Школьна“, — выступавшія всегда, какъ горячіе хвалители Шевченка и его послѣдователей, попали въ курьёзное положеніе, изъ котораго не-вернулся такъ: они ругали „Слово“ подлымъ домошничествомъ и доказывали свою невинность обвиненіемъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, единственно виноваты. Виноваты же, по ихъ мнѣніямъ, всесвѣтные революціонеры, принявшіе личину украинофильства, да русское правительство — что развило у себя выгнаться, а потомъ выгнкнуло его въ Галицію, или, какъ намекала „Газета Школьна“, едвали не уследивши съ нѣкоторыми эмигрантами изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобы

¹⁾ Въ такомъ родѣ была написана и корреспонденція изъ *Вены* (?) въ „С.Н. Вѣдомости“ и въ то же самое время почти буквально появилось въ видѣ передовой статьи въ „Словѣ“, — во *Львовѣ*.

они агитировали въ Австріи, и чтобы въ Россіи, гдѣ уже 10,000 человекъ украинцевъ арестовано и сослано въ Сибирь—нигѣть предлогъ окончательно уничтожить Русь-Украину!

Чѣмъ кончится дѣло, по поводу котораго поднялся этотъ страшный и въ половинѣ своихъ проявленій чрезвычайно комическій гвалтъ,—мы не можемъ сказать. Дѣло еще не дошло до суда, хотя, говорятъ, скоро будетъ ему представлено. Пока достоверно извѣстно, что прокурорская власть выпустила на волю большую часть притянутыхъ, не усмотрѣвъ повода къ обвиненію ихъ, въ особенности поляковъ, и оставила подѣ арестомъ только нѣсколько человекъ русиновъ и одного поляка,—того, что „лучше говорить по-московски, чѣмъ по-польски“,—да еще двухъ-трехъ, въ томъ числѣ одну женщину, крестьянку, и обвиняетъ ихъ въ принадлежности къ заграничному тайному обществу съ социалистическими цѣлями. По всей вѣроятности дѣло опять ведено будетъ и кончится, подобно предыдущему, — но волненіе, имъ произведенное, уляжется не скоро, да и дѣла, подобныя ему, навѣрно, будутъ повторяться.

Именно въ самый разгаръ этого волненія былъ арестованъ среди „ботанической экскурсіи“ въ Карпаты г. Остенъ-Сакенъ — и протрубленъ былъ въ нѣмецкихъ и польскихъ газетахъ, то какъ нигилистическій, то какъ московско-панславистическій агентъ; а когда волненіе это вновь было подогрѣто арестами въ Венгріи и въ польскихъ кругахъ по поводу „трансильванской попытки“,—среди подновленного разгара подозрительности и перекрестныхъ доносовъ явился въ Галицію г. Иловайскій — и подвергся извѣстной исторіи, которую называютъ „трехдневнымъ плѣномъ у поляковъ“. Наши газеты и ученые общества справедливо возмущались этимъ плѣномъ, исполнились благодарности къ виновнику прекращенія этого плѣна и похвального желанія, чтобы на будущее время русскіе путешественники въ Австріи были ограждены отъ подобныхъ случайностей. Но нашъ рассказъ, думаемъ, покажетъ читателю тщетность такого похвального желанія, съ чѣмъ въ основѣ согласенъ и самъ редакторъ „Слова“, наивно превозносимый друзьями г. Иловайскаго: въ Австріи, говоритъ онъ, ловятъ не панславистовъ, а украинофиловъ и нигилистовъ,—и прибавляетъ: „совершенно основательно!“ А кто ихъ тамъ разберетъ? —Полиція, конечно. А пока разберутъ,—субъектъ посидитъ три дня, а то и шесть мѣсяцевъ, высшій срокъ, назначенный въ Австріи для предварительнаго слѣдствія и заключенія. Полиція же въ Австріи, особенно въ Галиціи и Венгріи, отождествляетъ панславизмъ и „нигилизмъ“, а въ послѣднее время—то и другое съ украинофильствомъ, а все это вмѣстѣ съ „интернаціоналомъ“, — какъ видно изъ отрыва

всовскаго уѣзднаго начальства объ одномъ изъ судившихся русиновъ: „въ послѣднее время занялся очень панславизмомъ“,—и даже, какъ видно изъ арестовъ сочиненій Гоголя, Лермонтова и др., со всякимъ живымъ русскимъ движеніемъ, даже чисто литературнымъ. Къ тому же, дѣйствительно въ Галиціи образовались зародыши партіи, которая, не отрекаясь отъ своей народности и на почвѣ ея, старается воспользоваться извѣстными результатами, формами и идеями, выработанными и въ Россіи,—на Украинѣ, какъ и въ „Москвѣ“,—и слить ихъ съ извѣстными идеями западно-европейскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ и съ идеями федеральнаго панславизма. Г. Иловайскій былъ, вѣроятно, совершенно искрененъ, отрицая у себя всякія панславистическія идеи. Права была въ признаніи на этотъ счетъ и газета „Слово“, отрицая тоже въ своихъ кругахъ, состоящихъ изъ „вѣрноконституціонныхъ“, всегда подающихъ голосъ за теперешнее противославянское правительство въ Австріи. Но въ Австріи не перестанутъ бояться всякаго панславизма и смѣшивать ихъ разные отгѣнки; и чѣмъ больше будетъ усиливаться тотъ именно отгѣнокъ, который теперь складывается въ Галиціи, тѣмъ болѣе будутъ преслѣдовать его, такъ какъ онъ гораздо опаснѣе для теперешней системы, чѣмъ такъ-называемое московское славянофильство и его отголоски и слуги въ самой Австріи,—которые сами выступаютъ врагами такого панславизма и добровольными прислужниками австрійской полиціи. Вотъ почему мы думаемъ, что исторіи, въ родѣ случившейся съ г. Иловайскимъ, не только не имѣютъ шансовъ прекратиться, но только начинаются. Наша печать и ученые общества не могутъ оказать тутъ никакой помощи для огражденія русскихъ путешественниковъ, особенно ученыхъ, литераторовъ и вообще людей, заинтересованныхъ славянствомъ и русскимъ элементомъ въ Австріи,—между прочимъ и потому, что причинъ, придающихъ смѣлость австрійскимъ властямъ въ дѣйствіяхъ противъ русскихъ подданныхъ, наша печать и ученые устранить не въ силахъ, да, кажется, и не думаютъ о нихъ. Счастье г. Иловайскаго, что онъ ѣхалъ изъ Болгаріи и не имѣлъ, какъ видно, совсѣмъ никакихъ книгъ съ собою. Но явись онъ изъ Германіи и имѣй какія-нибудь русскія книги,—австрійскія власти нашли бы, на чемъ основать то обвиненіе, которое взвела на него „Neue Freie Presse“, и сумѣли бы скомпрометтировать г. Иловайскаго и въ Россіи, придравшись къ самому ничтожному случаю—къ какой-нибудь брошюркѣ, купленной имъ изъ любопытства въ Лейпцигѣ или въ Берлинѣ и завалявшейся въ его сакъ-возажѣ. Все, что могли бы сдѣлать русскія газеты и ученые для предупрежденія подобныхъ печальныхъ случаевъ

ностей, особенно газеты славянофильскаго оттѣна, это—способствовать умѣренію доносительскихъ привычекъ по крайней мѣрѣ хоть въ русинахъ австрійскихъ, если не въ другихъ,—привычекъ, составляющихъ лучшую среду для случаевъ, въ родѣ постигшаго г. Иловайскаго. Но для того нашей печати и ученымъ, прежде всего надо знать эти привычки, а потомъ имѣть столько искренности, чтобъ назвать ихъ своимъ именемъ. А ни признаковъ, ни такого знанія, ни этой искренности мы не замѣчаемъ въ нашихъ газетахъ, ни въ нашихъ ученыхъ обществахъ, ни въ нашихъ славянскихъ комитетахъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и вообще. Изъ всего этого сдѣлали личное дѣло г. Иловайскаго, между тѣмъ какъ тутъ слѣдовало бы поставить вопросъ несравненно шире.

Львовъ, 1877.

К. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1878.

Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го.—Приѣзд Государя Императора въ Петербургъ.—Взглядъ на историческую почву развитія.—Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи.—Дѣла мира и дѣло войны.—Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ.—Причины неуспѣха крымской кампаніи.—Успѣхи и недостатки, обнаружившіеся нынѣ.—Внутренніе вопросы и задачи.—Дальнѣйшая работа.—Амнистія печати.

Заря новаго года занималась подъ впечатлѣніемъ радости и торжества: мы праздновали взятіе Плевны, прибытіе Государя въ Петербургъ и столѣтіе со дня рожденія императора Александра Павловича. Уму человѣка свойственно дѣлать сближенія между историческими числами и, останавливаясь на совпаденіяхъ случайныхъ, переходить отъ нихъ къ общему ходу исторіи, улавливая въ немъ ту логическую связь, которая уже вовсе не случайна. Такъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1677 году, мы также вели войну съ турками, которые осаждали Чигиринъ. Сто лѣтъ спустя родился императоръ Александръ I, между двумя турецкими войнами, въ то самое время, когда уже зарождалась мысль о „сѣверной системѣ“ и осуществленіи „греческаго прожекта“ при содѣйствіи дружественнаго намъ сосѣдняго монарха, Иосифа II-го. Императоръ Александръ родился 10 лѣтъ спустя послѣ того, какъ была открыта законодательная коммиссія для сочиненія новаго уложенія; депутаты этой коммиссіи начали свои работы сто-десять лѣтъ тому назадъ. Императору Александру суждено было потомъ вести новыя войны съ Турціею, и не съ одной Турціею,—и ему представлялась мысль о новомъ уложеніи. Конечно, образъ мыслей Александра I-го при началѣ его царствованія былъ обусловленъ и личнымъ его воспитаніемъ и индивидуальнымъ его характеромъ, то-

есть явленіями случайными. Но, отводя должное мѣсто вліянію такихъ личныхъ особенностей, мы все-таки не можемъ упустить изъ виду и логическую связь между мыслями Александра въ 1802—1810 годахъ, во время предначертанія имъ обширныхъ реформъ управленія своею имперією, и тѣми мыслями, которыя уже за 35—40 лѣтъ передъ тѣмъ были выражены въ наказѣ Екатерины II-ой при учрежденіи комиссіи удоженія. А въ томъ наказѣ, послѣ оговорки о главныхъ чертахъ общаго порядка, соотвѣтствовавшихъ Россіи прошлаго столѣтія, высказывались и слѣдующія мысли: „вольность есть право дѣлать все то, что законы дозволяютъ; сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ, никого бы, кромѣ ихъ, не боялись; хотите ли предупредить преступленія: сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилось между людьми; наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія“; въ наказѣ превозглашалось и начало вѣротерпимости: „гоненіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрять по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковѣйныя сердца, утушая споры ихъ, противныя тишинѣ государства и соединенію граждан“.

Утверждаютъ, что предначертанія императора Александра I-го не были осуществлены имъ вполне, и что въ учрежденіи государственнаго совѣта и министерствъ полагался, по удостоенію ближайшаго сотрудника императора, еще только „краеугольный камень огромнаго зданія“. Но если мы обратимся ко времени, болѣе отдаленному, къ эпохѣ екатерининскаго наказа, отъ которой насъ отдѣляютъ болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, то едва ли рѣшимся утверждать, что и всѣ мысли того наказа были потомъ уже совершенно осуществлены. Положимъ, нѣкоторыя изъ нихъ были тогда преждевременны; таково спеціально было положеніе о равенствѣ: „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подчинены были одинакимъ законамъ“. Странно было провозглашать это въ странѣ крѣпостного права и въ такое время, которое видѣло расширеніе области крѣпостного права. Допустимъ, что нѣкоторыя другія мысли наказа устарѣли теперь, по прошествіи столѣтія съ той поры, какъ были выражены. Однако, нѣкоторыя изъ мыслей наказа были осуществлены преемниками Екатерины. Такъ, необходимость „распространенія просвѣщенія между людьми“ была любимой заботой Александра I-го, а самое равенство передъ законами было осуществлено въ нынѣшнее царствованіе.

Только при томъ, что уже сдѣлано въ теченіи столѣтія, было бы возможно прежде осуществленіе и другихъ мыслей Екатерины и Александра I-го, неисполнившихся въ свое время главнымъ образомъ именно потому, что онѣ встрѣчали слишкомъ рѣзкое противорѣчіе въ

существованія рабства. Новая реформа, намъ современная, была весьма мудро *начата смзгу*; благодаря тому, только теперь устранены тѣ препятствія въ ея продолженію, которыя были встрѣчены Екаториною II и Александромъ I.

Если мы соберемъ въ одно цѣлое хотя бы тѣ только указанія на необходимость дальнѣйшихъ реформъ, какія успѣли сказаться доселѣ въ учрежденіи правительственныхъ комиссій и сборѣ ими матеріаловъ по разнымъ областямъ государственно-народнаго быта, то увидимъ, что въ сознаніи самого правительства уяснилась необходимость дальнѣйшей, многообразной и обширной работы въ смыслѣ преобразования. Приведеніе въ порядокъ финансовъ, намѣненіе податной системы, поднятіе производительности страны, улучшеніе нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и земледѣльческаго класса, преобразование крестьянскихъ учреждений, установленіе образовательнаго ценза для занятія государственныхъ должностей, преобразование духовнаго суда, измѣненіе нѣкоторыхъ законовъ о союбъ брачномъ, измѣненіе всей тюремной системы, реформа провинціальной администраціи и полиціи, пересмотръ всей системы законовъ уголовныхъ — все это представляетъ такую обширную совокупность уже сознанныхъ дальнѣйшихъ образовательныхъ заботъ, что и при составленіи екатериинскаго наказа не имѣлось въ виду болѣе обширной сферы для составленія новаго уложенія.

Но за великими реформами, уже осуществленными въ нынѣшнее царствованіе, мы находимся теперь въ такомъ періодѣ, который довольно ярко отличается отъ ближайшаго, нами пережитаго.

При началѣ дѣла реформы, котораго заслуга вся принадлежитъ царственному соименнику Александра I, дѣло это представлялось въ рѣзкихъ, отдѣльныхъ чертахъ. Очевидна была необходимость отмѣны крѣпостнаго права, введенія открытаго порядка судоустройства и судопроизводства, предоставленія обществу нѣ котораго содѣйствія въ мѣстномъ хозяйственномъ управленіи. Каждое изъ этихъ преобразованій было необходимо въ отдѣльности, даже безъ органической связи со всеми остальными улучшеніями, какія могли оказываться нужными. Такъ напр., народъ слѣдовало освободить отъ крѣпостнаго гнета прежде всего, во всякомъ случаѣ, — не дожидаясь никакихъ другихъ, одновременныхъ улучшеній, и хотя бы не было ни новаго суда, ни земскихъ учреждений. Въ свою очередь необходимое преобразование судовъ могло быть совершено и безъ связи съ улучшеніемъ, напр., участи печати или со внесеніемъ свѣта гласности въ дѣла государственныхъ финансовъ.

По поводу эпохи Александра I говорятъ еще, что реформы того времени не имѣли національнаго характера, отличались космополитизмомъ. Славянофилы указываютъ вообще на „космополитическій“ характеръ „петербургскаго періода“, и предрекаютъ намъ, въ противоположность тому періоду, будущность въ какомъ-то, никогда ими не формулированномъ „національномъ“ смыслѣ. Мысль эту недавно выразилъ отъ себя, совершенно неожиданно, „Голосъ“, при сравненіи имъ реформъ александровской эпохи съ реформами, сдѣланными нынѣ и еще неоконченными. По этому мнѣнію, всѣ внутреннія реформы александровской поры „носятъ на себѣ неизгладимую печать космополитическихъ (!) идей“; нынѣ же, хотя „духъ обще-европейскаго, всемірнаго прогресса несомнѣнъ во всѣхъ реформахъ, но, согласно характеру просвѣщенія и политической жизни XIX вѣка, этотъ духъ облекся у насъ въ національныя, историческія, самостоятельныя формы“. Это мнѣніе отдѣляется отъ славянофильскихъ взглядовъ только благосклонною оговоркою относительно „духа обще-европейскаго, всемірнаго прогресса“. Оно отрекается не отъ обще-европейскаго духа, но отъ обще-европейскихъ формъ, называемыхъ „космополитическими“. Но вѣдь если допускается общность духа, то не понятно, почему полагается непремѣннымъ условіемъ несходство формъ, въ которыхъ тотъ духъ можетъ выразиться. Взглядъ славянофиловъ, какъ онъ ни произволенъ, все-таки дѣлѣнъ; они отрекаются отъ обще-европейскихъ формъ потому именно, что отрекаются отъ обще-европейскаго духа. Ихъ ученіе основано на самобытности русскаго духа, взаимнѣй которой „Голосъ“ допускаетъ только самостоятельность формъ, при общности духа. Сомнѣваемся, чтобы такое странное ученіе о формахъ, независимыхъ отъ духа, могло найти приверженцевъ. Несостоятельность его очевидна.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя основныя формы, единственныя могущія быть предметомъ разсужденія, неизмѣнно обусловливаются самой сущностью того духа, т.-е. тѣхъ началъ, которыя находятъ въ нихъ свое выраженіе и могутъ воплотиться только въ нихъ. И тѣ преобразованія учреждений, которыя совершились у насъ въ новѣйшее время, вовсе не представляютъ безусловно національныхъ, самостоятельныхъ, несходныхъ съ западными формъ. Наиболѣе самостоятельности представляла, конечно, реформа крестьянская, т.-е. собственно земельный надѣлъ, который былъ формою не столько политической, сколько соціальною. Но и здѣсь не было такого безусловнаго несходства съ остальною Европой, какъ то многимъ кажется. Право крестьянъ на ту

землю, на которой они живутъ и которую обрабатываютъ, въ сущности было не создано, но только *признано* земельнымъ надѣломъ, и въ мотивахъ къ такому законодательному признанію указывалось прямо на то, что право это въ народныхъ понятіяхъ всегда существовало и до освобожденія. Надѣлъ только регулировалъ право естественное, всегда русскимъ народомъ совнававшееся. Существовало же у насъ это право потому, что не было той споліаціи, которая въ западной Европѣ была совершена установленіемъ феодализма. Въ той мѣрѣ, въ какой и на Западѣ отмѣнялся феодальный принципъ землевладѣнія, и тамъ становился возможнымъ выкупъ арендаторами и крестьянами земель. Распространенное и крѣпкое крестьянское землевладѣніе существуетъ нынѣ во Франціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Иногда западныя правительства являлись даже посредниками для ликвидаціи феодальныхъ отношеній, облегчая переходъ земель въ руки арендаторовъ и крестьянъ. Такъ, продажа національныхъ имуществъ во Франціи повела именно къ созданію крестьянскаго землевладѣнія, а ирландскій земельный билль Гладстона облегчалъ приобрѣтеніе мелкими фермерами участковъ, ими занимаемыхъ. Правда, французскіе и германскіе крестьяне и ирландскіе фермеры должны были при этомъ выкупать свои осѣдлые и полевые участки, если хотѣли приобрѣсть ихъ. Но вѣдь и у насъ земельный надѣлъ былъ бы явленіемъ совершенно національнымъ и самостоятельнымъ лишь въ такомъ случаѣ, если бы онъ совершился безъ выкупа, чего въ дѣйствительности не было. Итакъ, совершенно самостоятельнымъ явленіемъ, даже и въ этомъ социальномъ дѣлѣ, у насъ была собственно только одновременность надѣла съ личнымъ освобожденіемъ крестьянъ. Права ихъ на землю нельзя было не признать, такъ какъ оно существовало въ дѣйствительности, и, принявъ великое дѣло освобожденія, правительство совершило актъ великой мудрости и справедливости, одновременно явившись посредникомъ при ликвидаціи какъ личныхъ, такъ и земельныхъ отношеній крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ „душъ“.

Что касается другихъ преобразованій, относящихся именно къ устройству государственныхъ функцій, а не регулированію народнаго быта, то въ этихъ преобразованіяхъ—о которыхъ только и можетъ быть рѣчь, когда сравниваютъ характеръ реформъ нынѣшняго времени съ реформами александровской эпохи—рѣшительно невозможно сказать, будто современныя преобразованія совершенно отличаются отъ тогдашнихъ именно „национальностью своихъ формъ“, между тѣмъ, какъ тѣ были, по выраженію цитируемой газеты, „оторваны отъ вся-

кой національной, исторической почвы". Если видѣть ошибку александровской эпохи въ такой „оторванности" отъ національной почвы ея предначертаній, то что же придется тогда сказать о преобразованіяхъ Петра-Великаго? Надо или быть славянофиломъ, или не быть имъ, — середины тутъ нѣтъ, всякій средній терминъ былъ бы только самопротиворѣчіемъ. Съ другой стороны, нынѣшнія преобразования въ области суда, самоуправленія, финансовой отчетности, школы и военного устройства вовсе не представляли такихъ самостоятельно-національныхъ формъ, которыми бы они существенно отличались отъ характера „космополитическихъ" предначертаній эпохи Александра I-го.

Въ основаніе новаго судоустройства и судопроизводства и мѣстнаго самоуправления легли формы, выработанныя на Западѣ. Въ судебномъ устройствѣ почти все, начиная съ основныхъ и даже до мелкихъ формъ, взято прямо изъ французскаго и отчасти англійскаго законодательства; въ земскомъ устройствѣ усматриваются формы, взятые изъ Германіи. Тѣ, въ чемъ сказывалось, въ той и другой реформѣ, отступленіе отъ западныхъ образцовъ, вовсе не составляло какой-либо самобытно-русской, національной формы, но было только неполнымъ осуществленіемъ формъ, заимствованныхъ съ Запада. Порядокъ и всѣ формы составленія финансовой отчетности: составъ и обнародованіе бюджета, дѣйствія и отчетъ контроля, какъ они установлены въ настоящее время, не имѣютъ въ себѣ рѣшительно ни одной національной черты, если не признать за таковую нѣкоторыя пробѣлы.

Преобразование школы было предпринято съ прямымъ указаніемъ на западно-европейскія формы: главнымъ аргументомъ новой системы служило именно указаніе на фактъ, что такія формы существуютъ на Западѣ. При этомъ западныя формы были переняты даже слѣпкомъ буквально, то-есть оставлены были въ сторонѣ тѣ серьезныя шаги, которые дѣлаются на Западѣ въ новѣйшее время къ измѣненію нѣкоторыхъ исключительныхъ формъ, несоотвѣтствующихъ болѣе современнымъ потребностямъ, и вся забота была о томъ, чтобы перенять буквально тѣ формы, какія существуютъ въ западной школѣ издавна, хотя бы онѣ уже и начинали уступать мѣсто условіямъ новымъ. Гдѣ же тутъ „Голосъ" можетъ усмотрѣть „національную, историческую почву"? Всѣ сомнѣнія и разногласія по этому поводу сводились исключительно на то: чему отдать предпочтеніе, тому ли, что на Западѣ существуетъ какъ давняя форма, или тому — въ чемъ уже сказываются условія новыя, которыми дѣлаются все большія уступки на самоѣ

Западѣ. Короче, — образцомъ и здѣсь служилъ Западъ, а о постановкѣ русской школы на какихъ-либо самостоятельныхъ національных формахъ, самобытно произрастающихъ на русской почвѣ, и не „оторванныхъ“ отъ нея, — вовсе не было и рѣчи. Да и не можетъ быть рѣчи о нихъ, какъ только предпринимается не разсужденіе болѣе или менѣе туманнаго свойства, ни къ чему не обязывающее, но положительное дѣло, въ основу котораго приходится класть что-либо действительно-существующее, а не нѣчто такое, чтó кѣмъ-то загадывалось, но никѣмъ даже еще не формулировано. Во всякомъ случаѣ, трудно, при всемъ желаніи, усмотрѣть въ преобладаніи латинскаго и греческаго языковъ въ русской школѣ самостоятельно-національную русскую форму, — если только „Голось“ не захочетъ сослаться на греко-латинскую академію въ Кіевѣ.

Наконецъ, и то важное преобразование, въ которомъ названная нами газета болѣе, чѣмъ кто-либо, усматривала одинъ изъ величайшихъ успѣховъ нашего времени — преобразование военнаго устройства — цѣликомъ было взято изъ Германіи, со всѣми готовыми формами. И это было вполне естественно. Разъ заимствованъ духъ системы, нельзя прискать для его выраженія иныхъ формъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ онъ именно воплощается. Однажды, принявъ основное начало всеобщей личной воинской повинности, пришлось заимствовать всѣ формы, которыя его осуществляютъ. И здѣсь, второстепеннымъ отступленіемъ отъ германскаго образца никакъ не дадутъ права утверждать, что военное устройство представило у насъ самобытную національную форму.

Государь возвратился въ Петербургъ, послѣ побѣдъ, за день до празднованія столѣтія Александра I-го. Какъ уже замѣчено выше, случайныя совпаденія историческихъ чиселъ говорятъ уму именно тогда, когда даютъ ему поводъ уловить не случайную, но логическую связь въ ходѣ исторіи. Царствованіе императора Александра Павловича было эпохой великихъ побѣдъ и великихъ предначертаній. Ни одинъ русскій монархъ до него, со времени Петра I, не являлся съ такими обширными преобразовательными планами, съ такимъ глубокимъ сознаніемъ важности дѣла образованія, съ такимъ убѣжденіемъ въ возможности и необходимости приближенія Россіи къ Европѣ, не по однихъ мундирамъ и условіямъ общежитія, но и по самому умственному развитію народа. Изъ всѣхъ преемниковъ Петра I до Александра I ни одинъ не сознавалъ, какъ онъ, — т.-е. въ такой цѣльности и всесторонности — необходимость обширной реформы. Слава на-

шего времени состоитъ именно въ томъ, что главныя пренятствія, представившіяся Александру I-му и задержавшія его добрую волю, устранены. Сверхъ того, никогда еще въ русской исторіи монархъ не обладалъ такимъ громаднымъ нравственнымъ могуществомъ, какъ Государь, котораго пріѣздъ мы недавно привѣтствовали. Не было еще такой эпохи, когда вся семья русскаго народа, со всѣми входящими въ его составъ національностями и разновѣріями, и разными ступенями развитія, была бы столь тѣсно сплочена, какъ она нынѣ сплочена, въ спокойное, величавое сознаніе своей солидарности съ государствомъ и его Вождемъ. Освобожденная масса сознаетъ, что государство есть уже не источникъ ея закрѣпощенія, но залогъ ея свободы. Раскольники почти забыли о разновѣріи, сознавъ свою полную солидарность съ государствомъ, ихъ не преслѣдующимъ, какъ встарь. Поляки—и тѣ устали враждовать противъ него, и время общаго испытанія избираютъ ужъ не для плановъ о мятежѣ, какъ въ бывшее время, но для проявленія охоты къ окончательному замиренію. А въ Финляндіи засѣдаетъ нынѣ сеймъ, и этотъ сеймъ выражаетъ главѣ государства, какъ правоспособный и уполномоченный органъ финляндевъ, тѣ же чувства преданности и готовности къ пожертвованіямъ, какія можно слышать во всѣхъ единичныхъ общинахъ и селеніяхъ русскаго народа.

На рукахъ Россіи внѣшняя война. Но что бы ни говорили, никогда еще внутри государства не было у насъ такого спокойствія и единодушія въ общемъ народномъ чувствѣ, какъ нынѣ. Да, мы утверждаемъ, что никогда внутри Россіи не было такого полнаго и прочнаго спокойствія, какъ нынѣ, и если бы намъ рѣшились возражать указаніемъ на политическій процессъ, то мы отвѣчали бы вопросомъ: что могутъ значить сотни въ сравненіи съ 80-ти-милліоннымъ народомъ? Чтобы вспахать почву Россіи даже и подъ то сѣмя, которое ей полезно, нужны не сотни, не тысячи,—милліоны, и притомъ плуговъ, а не сохъ. Еще вопросъ: что думать о силѣ такой пропаганды, въ которой двадцатаго слова не понимаютъ слушатели въ самый моментъ ихъ произнесенія,—да и тѣ слабы слѣды, какіе могли бы остаться, быстро заростають травой, той травой, которую родитъ сама почва? Что значить, въ самомъ дѣлѣ, враждебная государству горсть людей въ сравненіи, напримѣръ, съ тѣмъ много-милліоннымъ, природнымъ, и потому сильнымъ сѣкаторствомъ, которое прежде враждовало съ государствомъ, приписывая ему нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ ту или иную тягость, приписывая ему самую природу антихриста—какъ это было при Петрѣ В. и послѣ него?

Только бросивъ хотя бы бѣглый взглядъ на всю нашу исторію, начиная съ Петра, мы можемъ убѣдиться фактами, что, собственно

говоря, никогда не было такой относительно спокойной поры внутреннего состоянія Россіи, какъ семидесятыя годы текущаго столѣтія, и въ особенности именно настоящій моментъ. Матажи раскольниковъ и приверженцевъ старины, почти непрерывный рядъ политическихъ переворотовъ при преемникахъ Петра до предшествовавшаго царствованія, пугачевщина и разинщина, цѣлый рядъ отдѣльныхъ крестьянскихъ волненій, проходящій чрезъ всѣ царствованія, не исключая предшествовавшаго, политическая смута еще полвѣка тому назадъ, рядъ польскихъ возстаній, и враждебное настроеніе по отношенію къ государству преслѣдуемыхъ раскольниковъ, усмиранныхъ поляковъ, финляндцевъ, лишенныхъ сеймовой дѣятельности, даже части зрѣлаго чисто-русскаго образованнаго общества, котораго уныніе по временамъ доходило до того, что оно готово было ждать внутреннихъ успѣховъ отъ внѣшнихъ пораженій, какую бы скорбь ни внушали ей эти пораженія! Въ сравненіи со всѣмъ этимъ, что же значать современные попытки къ возбужденію волненій? Вѣдь любая секта сбѣгуновъ или хлыстовъ имѣетъ безъ всякаго сравненія болѣе задачъ къ распространенію. Итакъ, нельзя не согласиться, что именно въ настоящій моментъ Россія представляетъ такое внутреннее спокойствіе и единодушіе, какому давно не бывало примѣровъ, а потому теперь ничто не можетъ связывать преобразовательную дѣятельность, если ей было бы суждено сдѣлать новый шагъ впередъ.

Но и самая война не даетъ никакого повода къ недовольству настоящимъ въ сравненіи съ прошлымъ. Мы не отрицаемъ, что война обнаружила нѣкоторые недостатки, и скажемъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ. Но это были такіе недостатки, которые зависѣли никакъ не отъ ослабленія мужества въ русскомъ народѣ или хотя бы меньшаго искусства въ русскихъ генералахъ; всѣ недостатки, какіе могли обнаружиться войною, сказались преимущественно и опять-таки отъ нѣкотораго отсутствія общей связи и нѣкоторой невыясненности идеи. Но сами по себѣ матеріальные результаты, успѣхи, доселѣ достигнутые нынѣшнею войною, никакъ не отставали отъ успѣховъ, одержанныхъ нами на тѣхъ же театрахъ дѣйствій въ прежнія времена.

Съ войною 1853—1856 годовъ было бы излишне и сравнивать нынѣшнюю войну. Съ турецкими войнами, бывшими болѣе полувѣка тому назадъ, сравненіе было бы слишкомъ отдаленно, по разности международныхъ обстоятельствъ. Но мы можемъ бросить взглядъ на войну 1828—29 годовъ. Существенная разница представлялась тремя обстоятельствами: во-первыхъ, въ то время флотъ на Черномъ морѣ имѣла Россія, а Турція его не имѣла, послѣ наваринской битвы; во-

вторыхъ, хотя турецкая армія и въ то время уже устранилась по европейскому образцу, но въ этомъ отношеніи еще только было сдѣлано начало; всего въ 1826 году были уничтожены яничары; въ-третьихъ, наконецъ, Портѣ въ то время не удавалось собрать и половины тѣхъ силъ, которыми она располагала въ нынѣшнюю войну, и соотношеніе борющихся силъ въ то время было гораздо благопріятнѣе для насъ, чѣмъ нынѣ. Регулярной арміи Турція могла выставить въ 1828 году въ Европѣ всего 50 т. чел., въ 1829-мъ только 40 т. чел. Между тѣмъ, русская дѣйствующая армія при началѣ кампаній какъ 1828, такъ и 1829 года доходила до 150 т. чел., то-есть только на четверть была слабѣе той арміи, которая перешла Дунай весною истекшаго года. Сверхъ того, само-собой разумѣется, что турки въ то время не имѣли надъ нами превосходства оружія.

Кампаніи 1828 и 1829 годовъ на европейскомъ театрѣ войны рѣзко отличались одна отъ другой своимъ характеромъ. Если нынѣ иностранные знатоки говорили намъ, что, растянувъ свою операционную линію, оказавъ пренебреженіе къ крѣпостямъ и необеспечивъ обѣихъ нашихъ фланговъ, на которыхъ оставались цѣлыя двѣ непріятельскія арміи, мы нарушили всѣ правила военнаго искусства, двинувшись преждевременно за Балканы, и вслѣдствіе того встрѣтились сперва съ неуспѣхами, которые были причиной, что война затнулась на слѣдующій годъ,—то можно было бы отвѣчать указаніемъ на примѣръ 1828 года. Въ то время мы повели дѣло сообразно „со всѣми правилами военнаго искусства“, занялись исключительно крѣпостями. Перейдя Прутъ весною, немного позже, чѣмъ въ нынѣшній разъ, и взявъ въ іюнѣ Браиловъ, наши войска осадили Силистрію и Виддинъ, имѣя цѣлю прежде всего обезпечить наши фланги. Затѣмъ, такъ какъ у насъ былъ флотъ, а у турокъ его не было (онъ былъ уничтоженъ въ 1827 году), то это обстоятельство само опредѣляло направленіе нашихъ наступательныхъ дѣйствій, а именно, указывало имъ путь вдоль побережья Чернаго моря, на Варну и Шумлу. И здѣсь мы не пошли впередъ, оставляя въ тылу или на флангѣ у себя крѣпости: мы обложили Варну, какъ съ моря, такъ и съ суши, ставъ на сообщеніяхъ Варны съ Шумлою. Варна сдалась въ октябрѣ, вслѣдствіе несогласій въ гарнизонѣ, такъ что комендантъ, Юсуфъ-паша, явился въ русскій лагерь и сдался намъ, а адмиралъ Иссетъ-Магометъ, командовавшій небольшимъ отрядомъ, оставшимся въ цитадели, не могъ держаться въ ней. Но это было и все, что мы могли сдѣлать до наступленія холодной поры. Шумлу мы не могли взять, и отрядъ Ридигера, выдвинутый въ тылъ Шумлы, на ея сообщенія съ Адрианополемъ, потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ отступить. Кампанія 1828 года кончилась тѣмъ, что оставленъ

былъ русскій гарнизонъ въ Варнѣ, а остальные войска были переведены обратно, на лѣвнй берегъ Дуная. Да и гарнизонъ въ Варнѣ могъ быть оставленъ только благодаря тому, что у насъ былъ флотъ. Нѣтъ, кажется, нужды настаивать на томъ, насколько ходъ ннѣшней войны за Дунаемъ былъ удачливъ.

Что касалось военныхъ дѣйствій въ Азіи, то главный результатъ въ 1828 году былъ тотъ же, что нынѣ: мы овладѣли Карсомъ. Правда, тогда это стоило намъ несравненно менѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, такъ какъ нынѣ мы въ дѣйствительности сдѣлали въ Арменію два похода. Но организація турокъ въ Азіи въ то время была такъ плоха, сопротивленіе ихъ столь слабо, что Карсъ достался русскимъ войскамъ послѣ штурма, въ которомъ они потеряли не болѣе 300 человекъ.

Кампанія 1829 года, какъ уже выше замѣчено, рѣзко отличалась по своему характеру отъ предшествовавшей; она представила болѣе энергіи. Вмѣсто того, чтобы ограничиться обложеніемъ крѣпостей, Дибичъ отыскалъ турецкую армію въ полѣ и разбилъ ее. Но это случилось вслѣдствіе такой неосторожности турокъ и такого неискusstва ихъ въ маневрированіи, которыхъ въ ннѣшнюю войну они ужъ вовсе не выказываютъ. Войска наши перешли Дунай въ началѣ весны и снова обложили Силистрію, подойдя къ ней съ востока, вверхъ по теченію Дуная, совершенно такъ, какъ и въ началѣ крымской войны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начаты были дѣйствія и противъ Шумлы: отрядъ генерала Рота былъ выставленъ отъ Варны противъ Шумлы, у Праводъ, на той линіи, по которой теперь проходитъ желѣзная дорога отъ Руссува къ Варнѣ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ подъ Шумлой стояли главные силы турокъ, противъ нихъ былъ выдвинутъ только небольшой русскій отрядъ, а главные силы Дибича находились подъ Силистріей. Это была все та же мысль о необходимости прежде всего овладѣть ближайшими крѣпостями. Турки воспользовались этой ошибкой, напали на Рота, при Праводахъ, съ превосходными силами, и разбили его. Но самихъ Праводъ они не взяли и остались стоять передъ этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ. Неосторожность ихъ была такъ велика, что они не только не предвидѣли возможности движенія Дибича отъ Силистріи на ихъ сообщеніе съ Шумлой, но и не знали ничего объ этомъ движеніи, когда оно началось. Такимъ образомъ, Дибичъ пришелъ отъ Силистріи къ Праводамъ въ обходъ турецкаго лагеря и всего въ трехъ миляхъ отъ него, разстояніе втрое больше того, какое отдѣляло турецкую армію отъ Шумлы, а эта армія оставалась на мѣстѣ, не укрѣпясь въ Шумлу. Ставъ въ тылу турокъ и вступивъ въ связь съ Ротомъ, Дибичъ за-

ставилъ турокъ принять сраженіе и совершенно разбилъ ихъ при Булержи.

Между тѣмъ, осада Силистріи продолжалась тѣмъ корпусомъ, который Дибичъ оставилъ передъ нею. Когда Силистрія сдалась, Дибичъ стаянулъ тамошній корпусъ къ себѣ и, отдѣливъ часть своихъ войскъ противъ Шумлы, съ остальными силами двинулся чрезъ Балканы на Адрианополь. Балканы не были защищены, и въ августѣ русскія войска овладѣли безъ боя Адрианополемъ. Итакъ, кампанія 1829 года была болѣе похожа на нынѣшнюю; движеніе впередъ было сдѣлано сперва помимо Силистріи, затѣмъ помимо Варны. Правда, на это могутъ возразить, что Дибичъ предварительно отрядилъ достаточныя силы для обезпеченія себя въ тылу противъ Силистріи и Варны. Но за то же онъ и пришелъ къ Адрианополю съ такимъ войскомъ, которое, будучи малочисленно само по себѣ, еще много ослабѣло отъ утомленія и болѣзней, такъ что въ Адрианополь вступили всего 15 тысячъ человѣкъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ рассказывали, будто Мольтке, узнавъ о первомъ движеніи генерала Гурко за Трновъ, на Шинку и за Балканы, сказалъ, что если русскимъ этотъ планъ удастся, то надо будетъ съечь все то, что доселѣ написано о военномъ искусствѣ. Но вѣдь тотъ же Мольтке высказывалъ и о томъ вступленіи нашемъ въ Адрианополь мнѣніе довольно сходное. По этому мнѣнію и положеніе Дибича въ Адрианополѣ было по меньшей мѣрѣ крайне-опасное.

Мы не разбираемъ здѣсь достоинства того или другого способа веденія войны, мы только сравниваемъ настоящее съ прошедшимъ. И вотъ къ чему приводитъ насъ такое сравненіе: въ 1828 году наши силы болѣе, чѣмъ втрое превосходили регулярныя силы турокъ, а между тѣмъ война все-таки затянулась на два года, и въ первомъ году успѣхи наши за Дунаемъ были менѣе значительны, чѣмъ теперь; мы даже не зимовали за Дунаемъ, а вернулись на лѣвый берегъ. Теперь же регулярныя силы турокъ при началѣ войны равнялись нашимъ, а между тѣмъ мы зимуемъ не только за Дунаемъ, но и въ Балканахъ. Въ 1829 году, соотношеніе силъ было опять то же: 40 т. чел. регулярнаго турецкаго войска противъ 150 т. чел. русскихъ — вотъ что позволило отдѣлять достаточныя отряды противъ крѣпостей, и хотя оставшіяся затѣмъ наступательныя силы все-таки были невелики, но вѣдь и у турокъ въ Адрианополѣ оказывалось всего 10 т. чел.

Кампанія 1829 года привела ко взятію за Балканскимъ хребтомъ — Адрианополя, за Сагандукскимъ хребтомъ — Эрзерума. Мы не станемъ загадывать теперь, къ чему можетъ привести кампанія 1878 года. Но, сравнивъ успѣхи нынѣшней кампаніи съ походомъ

1828 года, имѣемъ достаточное основаніе сказать, что, несмотря даже на нѣкоторыя ошибки, несмотря и на гораздо большую трудность дѣла, оно велось успѣшнѣе, чѣмъ въ 1828 году. А это позволяетъ надѣяться, что и 1878-й годъ не уступитъ 1829-му.

Безполезно было бы стараться заглушить въ себѣ чувство радости, внушаемое нашими побѣдами. Оно вполне естественно, и сами такъ-называемые „пессимисты“ не въ силахъ заглушить его въ своемъ внутреннемъ сознаниі, хотя могутъ удерживаться отъ его выраженія. Нельзя не радоваться взятію Карса и Плевны, какъ нельзя было не скорбѣть, когда палъ Севастополь. Въ то время пессимизмъ охватилъ большинство русскаго общества, а между тѣмъ скорбное чувство въ немъ не подлежало сомнѣнію; общество нуждалось въ утѣшеніи, и утѣшало себя все-таки тѣмъ, что могло поддерживать его національную гордость: стойкостью обороны при большомъ неравенствѣ силъ. Такихъ пессимистовъ, которые бы искренно радовались неуспѣхамъ національнаго оружія, никогда не было, а такихъ, которые оставались бы равнодушными къ торжеству его—нѣтъ и нынѣ. Было бы несправедливо называть пессимистомъ всякаго, кто, невзирая на послѣднія побѣды, сохранилъ трезвость мысли и отказывался бы забыть въ упоеніи побѣдами все то, что имъ предшествовало, и тѣ недостатки, которые до побѣды выступили наружу довольно ярко. Только дитя можетъ плакать и смѣяться, отдаваясь всецѣло минутному настроенію и забывая совершенно какъ о настроеніи предшествующей минуты, такъ и о поводахъ, его вызвавшихъ; можно испытывать чувство радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказываться отъ трезваго сужденія, которое соотвѣтствуетъ зрѣлому уму.

Да, побѣда при Авліярѣ, взятіе Карса, побѣда при Дубнякѣ, взятіе Плевны, два значительныхъ успѣха при Мечеѣ внушаютъ намъ вполне законное и естественное чувство радости. Но допустимъ, что за этими успѣхами послѣдовали другіе, еще болѣе блестящіе; допустимъ, что уже взятъ Русчукъ, что турки разбиты на пути къ Адрианополю, что мы, наконецъ, предписали Турціи такой миръ, который окончательно освободитъ славянъ и даже дастъ Россіи нѣкоторое земельное расширеніе. Будетъ ли этотъ результатъ таковъ, что, въ виду всего происшедшаго мы имѣли бы основаніе предаться исключительно одному упоенію побѣдой, удовлетвориться однимъ возбужденіемъ національной гордости? Едва ли кто станетъ утверждать это не въ ваздравныхъ рѣчахъ, а въ серьезномъ, критическомъ разсужденіи. Мы все-таки будемъ сознавать, что побѣдили мы только Турцію, а это еще не создастъ для нашего національнаго сознаниа никакой новой эры: и сто лѣтъ тому назадъ мы побѣждали Турцію. Что Россія

теперь сильнѣе, чѣмъ была столѣтіе тому назадъ, для этого не требовалось новой побѣды надъ Турціею: это мы знали и безъ подобнаго удостовѣренія. Во всякомъ случаѣ Россія все-таки Россія, а Турція—Турція.

Самое полное торжество въ нынѣшней войнѣ все-таки не можетъ дать такой пищи развитію шовинизма у насъ, какую дало національному самолюбію въ Германіи торжество ея надъ Франціею. Германское общество, дѣйствительно, такъ увлеклось неожиданнымъ, огромнымъ военнымъ успѣхомъ, что въ немъ значительно ослабѣли, на время, стремленія къ внутреннему совершенствованію. Но вѣдь это сравненіе совсѣмъ не идетъ къ намъ. Каковы бы ни были наши успѣхи въ настоящей войнѣ, ея невозможно сравнивать съ войною между Германіею и Франціею. Мы видѣли и можемъ увидѣть теперь только повтореніе того, что видѣли 50 и 200 лѣтъ тому назадъ; для Германіи же война 1870—71 годовъ представила нѣчто совершенно-небывалое, полный переворотъ въ ея всемірномъ и даже внутреннемъ положеніи. Если бы мы не только освободили балканскихъ славянъ, но объединили бы все славянство (предполагая, что это намъ нужно), исторгли бы западныхъ славянъ изъ-подъ власти Австріи и Пруссіи и присоединили бы къ славянской имперіи даже такія славянскія области, которыя уже въ продолженіи вѣковъ состоятъ подъ нѣмецкимъ господствомъ, если бы вдобавокъ намъ удалось устроить все это славянство подъ гегемоніею Россіи такимъ образомъ, что всѣ славяне были бы имъ столь же довольны, какъ нѣмцы, составившіе объединенную Германію,—то только тогда наши успѣхи, по своимъ размѣрамъ, сравнялись бы съ успѣхами Пруссіи въ эпоху войнъ 1864—1871 годовъ. Наконецъ, для полнаго сходства требовалось бы еще, чтобы самый ходъ такой великой, предпринятой Россіею войны, съ начала и до конца, обнаружилъ такую же подготовленность, предусмотрительность, систематичность и отсутствіе недостатковъ и ошибокъ, что столь блестящимъ образомъ характеризовало войны, веденныя Пруссіею въ 1864—1871 годахъ, и чтобы, притомъ, во внутреннемъ положеніи у насъ былъ уже достигнутъ извѣстный уровень, такъ-что, напримѣръ, хотя бы финансы наши могли перенести чрезвычайные расходы на войну безъ всякой пертурбаціи.

Излишне было бы указывать одну за другой отдѣльныя черты несходства успѣховъ, какіе мы видѣли и можемъ увидѣть въ нынѣшнюю войну, съ тѣми, которые обнаружили въ упомянутую эпоху въ Германіи. Итакъ, то чувство крайняго удовлетворенія національнаго самолюбія, которое на время отуманило головы нѣмцамъ и заставило ихъ закрыть глаза на нѣкоторые пробѣлы и недостатки,

у насъ вовсе не истекало бы естественно изъ фактовъ и даже накопилось бы въ несомнѣнномъ логическомъ противорѣчїи съ нѣкоторыми изъ фактовъ, прямо обнаруженныхъ войной. Нынѣшняя война доселѣ засвидѣтельствовала только живое чувство преданности государству въ народѣ, стойкость и геройское самоотверженіе русскаго солдата; она показала также, что у насъ есть и даровитые генералы, которые сумѣли превозмочь даже такіа серьезныя затрудненія, какія представлялись иногда въ недостаточности военнаго матеріала, въ ошибкахъ первоначальнаго расчета силъ, нужныхъ для веденія войны, и основного ея плана, наконецъ, въ нѣкоторомъ недостаткѣ единства въ операціяхъ. Но во всемъ этомъ не было рѣшительно ничего новаго, и потому война, несмотря на блестящіе успѣхи, которыми мы первые никакъ не откажемся гордиться, приноситъ намъ скорѣе урокъ, чѣмъ какое-либо право отказаться отъ дальнѣйшаго ученя, выдавъ самимъ себѣ аттестатъ полной „зрѣлости“. Напомнимъ для примѣра только о нѣсколькихъ такихъ фактахъ, которые теперь уже уяснились для всѣхъ и не могутъ подлежать спору.

Начать съ первоначальнаго исчисленія силъ, нужныхъ для борьбы съ Турціею. Силы эти, какъ впоследствии стало очевидно, были опредѣлены въ размѣрѣ слишкомъ недостаточномъ. Если въ 1828 и 1829 годахъ, противъ 40-тысячной регулярной арміи, какую имѣла Турція, мы переводили чрезъ Дунай до 150 т. чел., то въ настоящее время противъ турецкой регулярной арміи въ 150 т. чел. требовалось съ самаго начала не менѣе 300 т. чел. Но, съ одной стороны, существовало такое мнѣніе, что болѣе 200-тысячной арміи за Дунаемъ прокормить нельзя,—мнѣніе, которое держалось неизвѣстно на чемъ, такъ какъ если тамъ можно было прокормить 200 т. чел., то почему же нельзя было прокормить третью больше этого числа, какъ то впоследствии и оказалось фактически возможнымъ. Съ другой стороны, къ военной силѣ Турціи, къ качествамъ ея арміи, состоянію ея вооруженій и запасовъ относились слишкомъ скептически, на основаніи слишкомъ оптимистскихъ свѣдѣній, доставленныхъ нашими агентами въ Константинополь. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ, составъ войскъ, переведенныхъ за Дунай въ началѣ кампаніи представлялъ всего семь корпусовъ, то-есть не превышалъ 200 т. чел., между тѣмъ какъ турецкая армія, со включеніемъ частей нерегулярныхъ, скорѣе превосходила эту цифру, чѣмъ не достигала ея. Такой расчетъ уже самъ по себѣ представлялъ несоотвѣтствіе силъ для успѣшнаго дѣйствія вдали отъ своей территоріи и безъ опоръ, представляемыхъ крѣпостями, между тѣмъ какъ непріятель вездѣ опирался на крѣпости, могъ скоро пополняться подкрѣпленіями и

имѣлъ позади себя удобныя сообщенія—моремъ и нѣсколькими желѣзными дорогами.

Но первоначальный расчетъ представлялся особенно недостаточнымъ именно въ виду того общаго плана дѣйствій, который былъ выработанъ еще до войны. Если бы предполагалось вести ее безъ особенно-смѣлой инициативы, а просто по рутинѣ такъ-называемыхъ „вѣхъ правилъ военнаго искусства“, если бы имѣлось въ виду прежде всего обложить Силистрию, Руссукъ и Виддинъ, и двигаться впередъ не ранѣе, какъ по овладѣннн важнѣйшими дунайскими крѣпостями, въ такомъ случаѣ численное равенство нашихъ силъ съ турецкими еще не было бы такъ ощутительно. Часть турецкихъ войскъ должна была бы все-таки оставаться внутри страны и занимать еще другіе крѣпости и пункты, кромѣ непосредственно нами угрожаемыхъ. Но, такъ какъ предварительный планъ состоялъ въ быстромъ движеніи къ Балканамъ, не выжидая взятія дунайскихъ крѣпостей, то такой образъ дѣйствій требовалъ уже безусловно, чтобы численность нашихъ войскъ весьма значительно превосходила численность непріятеля. Иначе должно было послѣдовать одно изъ двухъ: или одинъ изъ нашихъ фланговъ оказался бы недостаточно обезпеченнымъ и удлинненіе нашей операціонной линіи подвергло бы ее опасности; или же, отрядивъ силы, вполне достаточныя для обезпеченія противъ Руссукъ и Силистрии съ одной стороны, Никополя и Виддина — съ другой, и оставивъ достаточную силу для связи между ними и для обезпеченія выдвигающейся впередъ операціонной линіи, мы могли бы двинуть за Балканы только такой слабый отрядъ, который никакихъ прочныхъ успѣховъ тамъ одержать бы не могъ. Въ дѣйствительности случилось, какъ извѣстно, отчасти и то, и другое, такъ какъ наступательное движеніе Османа изъ Виддина въ Плевну принудило насъ измѣнить первоначальный планъ на половинѣ его осуществленія.

Перехода къ вооруженію и снабженіямъ нашей арміи, мы должны признать несомнѣнный фактъ, что до прибытія войскъ, вооруженныхъ бердановскими ружьями, и до нѣкотораго устройства тыла арміи, установившагося уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ по переходѣ чрезъ Дунай, то и другое оставяло желать многаго. Правда, теперь, послѣ недавнихъ блестящихъ успѣховъ, нѣчто начинаетъ уже забываться и слышатся порою голоса, которые пытаются опровергнуть факты, недавно для всѣхъ столь ясныя. Но тѣмъ съ болѣею настойчивостію мы должны стараться удерживать факты во всей ихъ ясности. Неужели же намъ суждено вѣчно забывать и каждый разъ учиться наново убыточнымъ опытомъ? Такъ недавно, нѣкто г. П. Е. помѣстилъ въ „Голосѣ“ возраженіе противъ нѣсколькихъ словъ „Москов-

енныхъ Вѣдомостей" относительно недостатковъ нашего вооруженія. Этотъ авторъ ссылается прежде всего на обычный въ такихъ случаяхъ аргументъ, сѣтуя на „распространеніе извѣстій, которыя могутъ поселить въ войскахъ недоувѣріе въ своей собственной силѣ во время боя", и затѣмъ довольно-наивно замѣчаетъ, что „если бы дѣйствительно вооруженіе нашихъ войскъ было неудовлетворительно, то въ виду непоправимости дѣла въ настоящую минуту, патриотизмъ долженъ былъ бы подсказать, что такія вещи не предаются гласности".

Такихъ разсужденій нельзя пропускать безъ указанія на всю ихъ несостоятельность. Названное письмо напечатано 7 декабря, то-есть послѣ взятія Карса и Плевны. Терялъ ли солдатъ доувѣріе въ своей силѣ, видя самъ, что ружье Кривца допускаетъ принципальную стрѣльбу только на 600 шаговъ, или не терялъ—это особый вопросъ. Должно быть все-таки не терялъ, потому что и съ такимъ ружьемъ онъ взялъ Карсъ. Но спрашивается, какое вліяніе на доувѣріе или недоувѣріе солдата къ его оружію можетъ имѣть журнальная статья, когда солдатъ самолично, лучше какихъ-либо журналистовъ, видитъ, какъ дѣйствуетъ его ружье, и ежедневно собственными опытами можетъ сравнить его съ ружьемъ непріятельскимъ? Если бы даже допустить, что солдатъ можетъ потерять доувѣріе къ себѣ вслѣдствіе несовершенства оружія, то неужели онъ будетъ дожидать для этого газетной статьи? Неужели человѣкъ хромаетъ, напримѣръ, не оттого, что у него одна нога короче другой, но оттого только, что услышалъ, какъ кто-то называлъ его хромымъ? Корреспондентъ „Голоса" говоритъ, что такія вещи изъ патриотизма не должны предаваться гласности. Но вѣдь русскій патриотизмъ можетъ предполагаться только въ русской же печати. А что же выигралось бы, если бы русская печать показывала убѣжденіе въ превосходствѣ нашего оружія, между тѣмъ какъ именно тѣ, отъ кого надо бы скрывать факты, то-есть сама непріятельская армія и корреспонденты враждебной намъ печати видѣли все дѣло на мѣстѣ? Неужели турки подошли на 800 шаговъ къ нашимъ рядамъ только потому, что прочли въ русскихъ газетахъ, что у кривцовскихъ ружей нѣтъ принципа для стрѣльбы далѣе 600 шаговъ? Разсужденіе г. П. Е. слишкомъ наивное, но никакъ не невинное; оно принадлежитъ именно къ области самыхъ вредныхъ традицій замалчиванія очевидности и заугиванія говорящихъ правду.

Но такими пустыми разсужденіями авторъ не ограничивается. Онъ рѣшается утверждать, что отзывъ о недостаткахъ нѣкоторыхъ видовъ нашего оружія, какъ ручного, такъ и артиллерійскаго, есть „положительная ложь и клевета". Въ подтвержденіе онъ ссылается

на сообщеніе какаго-то неназваннаго имъ офицера, что всѣ наши вооруженія заслуживаютъ „особой похвалы“ и что артиллеріей въ арміи „всѣ довольны“. Мы не будемъ настаивать на очевидныхъ недостаткахъ крымскихъ ружей; отчего бы эти недостатки ни зависѣли, они стали слишкомъ извѣстны. Впрочемъ, въ задунайской арміи эти ружья теперь уже въ значительной степени уступили мѣсто ружьямъ Бердана и захваченнымъ у турокъ ружьямъ системы Пибоди. Но что касается орудій нѣкоторыхъ калибровъ, то для насъ не можетъ имѣть цѣны сообщеніе неизвѣстнаго офицера, когда мы читали въ официальномъ рапортѣ весьма извѣстнаго генерала, а именно въ донесеніи генерала Скобелева о взятіи Ловчи, что наши орудія уступали турецкимъ. Затѣмъ, въ отношеніи предмета снаряженія весьма важнаго, при той системѣ войны, которая рассчитана, между прочимъ, на неприступность окоповъ, защищаемыхъ скорострѣльнымъ оружіемъ, а именно въ отношеніи шанцевого инструмента, мы имѣемъ не только единогласное свидѣтельство всѣхъ корреспондентовъ, что его у насъ было заготовлено слишкомъ мало и что это затрудняло ходъ работъ подъ Плевной, но еще весьма вѣское официальное заявленіе въ томъ же смыслѣ, а именно—донесеніе того же генерала Скобелева о штурмѣ 30-го и 31-го августа. Тамъ прямо указывалось на недостаточность шанцевого инструмента. Стало быть, кого же г. П. Е. думаетъ обвинять во лжи и клеветѣ?

Не будемъ останавливаться на тѣхъ недостаткахъ, какіе обнаружены въ устройствѣ санитарной и госпитальной части, въ недостаткѣ обоевъ, теплой одежды для раненныхъ, и т. п. Они были отчасти пополнены пожертвованіями общества, на которыя все-таки нельзя было рассчитывать при приготовленіяхъ къ войнѣ, такъ какъ военное устройство вообще должно быть рассчитано не на случайную помощь. Достаточно будетъ перечислить, что слишкомъ оптимистскія свѣдѣнія о слабости Турціи, нѣкоторыя несовершенства первоначальнаго плана и, наконецъ, нѣкоторые, замѣтные пробѣлы въ приготовленіяхъ, то-есть и вооруженіи, и снабженіи,—и представили тѣ недостатки, которыхъ мы не должны игнорировать, которыми, наоборотъ, намъ слѣдуетъ воспользоваться, какъ новымъ опытомъ.

Полевно оглядываться назадъ, свѣрять настоящее съ прошедшимъ и отдавать себѣ ясный отчетъ, насколько мы ушли впередъ. Само собою разумѣется, что нынѣшнюю войну нельзя сравнивать съ крымскою, такъ какъ та дала неудовлетворительные результаты, а нынѣшняя, благодаря Бога, идетъ успѣшно. Но дѣлать сравненіе между отдѣльными фактами прежняго времени и нынѣшняго все-таки полезно, хотя бы для указанія различій. По мнѣнію генерала Богдановича, „главной причиною неудовлетворительнаго результата нашихъ

усилій (въ крымскую войну) было то, что мы не успѣвали пользоваться благоприятными случаями для пораженія непріятеля, неоднократно встрѣчавшимися въ продолженіи войны⁶. Вопреки существовавшему доселѣ мнѣнію, генералъ Богдановичъ видитъ только второстепенную причину нашей неудачи въ „недостаточномъ вооруженіи войскъ и плохомъ устройствѣ хозяйственнаго управленія нашей арміи, въ особенности по части приарѣнія больныхъ и раненыхъ“. Намъ кажется, что тѣ недостатки, какіе выказались нынѣ, хотя и не лишили насъ блестящихъ успѣховъ, но нѣсколько замедлили ихъ, — представились какъ разъ въ отношеніи обратномъ тому, какое определено для крымской войны уважаемымъ ея историкомъ. Благоприятными случаями для пораженія непріятеля, какіе только представились, наши генералы нынѣ умѣли пользоваться; они избрали слабозащищенный, удобный пунктъ для переправы черезъ Дунай, которая и совершилась съ малыми потерями; они сумѣли воспользоваться первымъ случаемъ, когда Мухтаръ-паша слишкомъ растянулъ свою боевую линію, и прорвали ее въ центрѣ; они навлекли всю пользу изъ занятаго нами шипчинскаго перевала, упорно отстоявъ его противъ неразсчитливыхъ атакъ Сулеймана, которые разстроили его армію; промедленіе въ движеніи Шефкета-паши на Плевну было употреблено ими въ пользу для того, чтобы, какъ только позволило прибытіе нашихъ подкрѣпленій, стать на сообщеніе Плевны съ Софією, взявъ крѣпкія позиціи Горнаго-Дубняка и Телиша, чѣмъ и была рѣшена участь Плевны; упущеніе Мехмета-Али въ обезпеченіи себѣ обходной дороги на Орханіе повело къ занятію нашими войсками Этрополя, что заставило Мехмета-Али очистить Орханіе.

Итакъ, если какіе-либе изъ прежнихъ недостатковъ сказались въ нынѣшней войнѣ, то это были не тѣ, которые, по отзыву военнаго историка, стояли на первомъ планѣ въ эпоху крымской войны, но скорѣе такіе, которые хоть издали напоминали то, что имъ поставлено на второмъ планѣ, а именно—недостатки въ вооруженіи войскъ и устройствѣ хозяйственнаго управленія, между прочимъ по части приарѣнія больныхъ и раненыхъ; сюда же слѣдуетъ отнести и нѣкоторые недостатки въ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ непріятеля, въ расчетѣ силъ, нужныхъ для успѣшной съ нимъ борьбы, и въ первоначальномъ планѣ самыхъ дѣйствій, отъ котораго зависѣлъ и расчетъ силъ. Итакъ, недостатки сказались болѣе всего именно въ томъ, что относилось къ приготовленіямъ, къ порядку, къ связи между различными частями одного дѣла, впрочемъ къ системѣ устройства. Стойкость солдатъ и искусство генераловъ было на лицо, но и нѣкоторые пробѣлы въ порядкахъ. А это есть только отраженіе всего общаго положенія: нами и дома у себя произведено много работы

для улучшеній по всѣмъ частямъ, но еще недостаетъ связи, недостаетъ и людей, соединенныхъ общою идеею, недостаетъ и выдержки въ начинаніяхъ вслѣдствіе недостатка цѣльности въ предпринятомъ.

Если окинемъ взоромъ наши реформы, то увидимъ и въ нихъ совокупность огромныхъ усилій и заслуживающихъ уваженія успѣховъ, но увидимъ въ нихъ именно скорѣе совокупность, чѣмъ общность, органическое единство. Пробѣлы между ними еще весьма примѣтны. Такъ, крестьянскія учрежденія, созданныя одной реформой, доселѣ стоятъ особнякомъ отъ земскихъ и судебныхъ учреждений, созданныхъ двумя другими реформами. Крестьянская реформа наложила на выкупающихъ свои земли крестьянъ большое, специально-крестьянское платежное бремя, въ видѣ выкупныхъ платежей, а между тѣмъ собственно государственное податное бремя осталось до сихъ поръ на тѣхъ же крестьянахъ, такъ какъ за реформой крестьянской еще не послѣдовала реформа податная. Такимъ образомъ, крестьяне несутъ одно платежное бремя собственно какъ крестьяне, но въ то же время на нихъ же лежитъ главнымъ образомъ и общее податное бремя, уже безъ всякаго отношенія къ устройству ихъ быта.

Далѣе. Судебная реформа вся основана на началѣ, что личныя права не могутъ быть ограничены безъ приговора суда, и это начало проведено въ той реформѣ до мельчайшихъ подробностей, такъ что даже производство слѣдствія и соединенная съ нимъ власть предварительнаго ареста взяты изъ рукъ полиціи и переданы судебнымъ органамъ. Между тѣмъ, предѣлы правъ административныхъ властей все еще не вполне согласованы доселѣ съ тѣмъ основнымъ началомъ новаго нашего законодательства.

Укажемъ еще и другіе примѣры такого отсутствія органической связи, вслѣдствіе незаконченности, которая производитъ даже нѣчто въ родѣ протнворчія одного другому. Такъ, министерство финансовъ систематически старалось объ улучшеніи нашего финансоваго положенія, для чего введена новая система составленія росписей, придана имъ гласность опубликованіемъ ихъ, учреждена превосходная система контроля, и отчеты его печатаются и обсуждаются въ газетахъ. Но, принимая всѣ мѣры для уменьшенія сверхсмѣтныхъ кредитовъ и для провѣрки требованій разныхъ вѣдомствъ, министерство финансовъ все-таки не ограждено отъ ихъ внѣ-бюджетныхъ требованій, и естественно не можетъ удерживать само себя въ распоряженіи кредитными средствами, особенно по выпускамъ кредитныхъ знаковъ, такъ какъ не въ природѣ вещей, чтобы какой-либо органъ могъ сдерживать самъ себя; самыя лучшія условія и самыя благія цѣли единичныхъ лицъ все-таки не могутъ дать той устойчивости въ

дѣйствіяхъ отдѣльныхъ частей, какая создается сама собою, однимъ равновѣсіемъ и соглашеніемъ самыхъ учреждений.

Вспомнимъ, что одной изъ главныхъ общихъ чертъ, которыми характеризовались новыя реформы, была гласность: въ финансы, судъ, земство, введено было начало гласности. Между тѣмъ, прямой органъ гласности—печать—доселѣ еще далеко не приобрѣла такихъ условій существованія, которыя возлагали бы на нее юридическую отвѣтственность и давали достаточный просторъ. Изъ такого несоотвѣтствія въ дѣйствительномъ проведеніи начала гласности произошла неизбежная фальшь: печать старалась казаться стоящею на высотѣ своего призванія, а по своимъ условіямъ не могла ей соотвѣтствовать; она силилась казаться тѣмъ, чѣмъ она въ дѣйствительности быть не могла. Второстепенными или далекими вопросами печать должна была замѣнять первостепенные, близкіе, бывшіе у всѣхъ на умѣ. Она у себя дома весьма осторожно относилась и къ становаму, но за то являлась грозною при встрѣчѣ съ лордомъ Биконсфильдомъ или графомъ Андраши. Такой диссонансъ въ печати отразился въ сбивчивости понятій въ обществѣ; не видя въ печати вѣрнаго отраженія своихъ мыслей, оно отчасти само колебалось, приучалось сомнѣваться въ очевидномъ, отчасти же—и еще болѣе—теряло довѣріе и уваженіе къ печати. Конечно, эти явленія могутъ быть только временныя; но они все-таки весьма вредны, какъ всякая пертурбація, задержка въ ходѣ развитія.

Продолжая нашъ перечень, замѣтимъ еще, что въ сущности все дѣло современной реформы, во всѣхъ ея отрасляхъ, было построено на мысли уничтожить въ обществѣ его апатію: выборное начало и гласность въ освобожденіи крестьянъ, земскомъ и судебномъ устройствѣ, даже въ нѣкоторомъ облегченіи положенія русской печати, по сравненію съ временами прежними,—все это имѣло одинъ смыслъ. Мало того, и всѣ прочія реформы, даже неоснованныя на допущеніи выборнаго начала, напримѣръ, хотя бы военная или акцизная, все-таки были рассчитаны на приисканіе наилучшихъ людей, какихъ въ данный моментъ можетъ дать страна, стало-быть, опять-таки на содѣйствіе правительству въ его благихъ начинаніяхъ—лучшихъ силъ страны. А какъ же ихъ было найти, если общественное мнѣніе само на нихъ не указывало? Вотъ почему въ новомъ дѣлѣ появлялось мало-помалу много старыхъ явленій. Никто не станетъ утверждать, что всѣ призванные оказались избранными, что всѣ дѣятели выказали высокую нравственность, что вообще происходящее вокругъ насъ представляетъ высокій нравственный уровень. Недавно одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ, относившійся вовсе не враждебно къ на-

нимъ военнымъ дѣйствіемъ, рѣшился даже прямо высказать въ журналѣ „Nineteenth Century“, что главная наша язва и доселѣ—взяточничество, въ самыхъ многообразныхъ формахъ. Допустимъ, что г. Форбсъ увлекся, что онъ слишкомъ обобщилъ частное, хотя бы и нерѣдкое явленіе. Но, вѣдь, и то, что мы слышимъ часто сами въ своей средѣ,—повторяемъ,—вовсе не высказываетъ общаго убѣжденія, что уровень нравственности въ такихъ и иныхъ примѣрахъ, которые увлекаютъ собою и другихъ людей, соответствуетъ общему уровню нравственнаго сознанія въ русскомъ обществѣ. Если бы это было такъ, въ такомъ случаѣ не было бы и сѣтованій; общество не понимало бы возможности ничего лучшаго. Итакъ, для успѣха дальнѣйшей преобразовательной работы въ будущемъ необходима общая идея, органическая связь, а для выполненія нужны наилучшіе люди, на которыхъ могло бы указывать общественное мнѣніе. Введенныя уже въ дѣло реформы начала общественнаго содѣйствія и гласности, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, внесутъ въ понятія и дѣйствія людей правду, а въ государствѣ, съ возвышеніемъ нравственнаго уровня, и матеріальное благосостояніе. Итакъ, работа начатая далеко еще не кончена, и къ этой мирной работѣ, въ согласіи и полномъ взаимномъ довѣрїи общества съ правительствомъ, можно примѣнить слова, сказанныя недавно Государемъ Императоромъ о нынѣшнихъ трудахъ военныхъ: „Многое нами сдѣлано, но намъ предстоитъ еще много вперед“.

Настоящее „Обозрѣніе“ было уже набрано, когда появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 16-го сего декабря, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: сложить съ повременныхъ изданій, которыя въ настоящее время состоятъ подъ дѣйствіемъ объявленныхъ имъ предостереженій, силу этихъ взысканій“.

Нѣтъ надобности прибавлять, что къ такому милостивому акту Высочайшей воли, ошастливившей вышеупомянутое ходатайство г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ своимъ согласіемъ, наша печать отнесется съ полнѣйшимъ пониманіемъ важности этого акта и увидитъ въ немъ новый знакъ заботы Государя Императора о судьбахъ отечественной печати; этимъ заботамъ не воспрепятствовала и великая „злоба дня“ переживаемаго нами времени. Ежедневная печать по мѣрѣ своихъ силъ принимала дѣятельное участіе въ военныхъ

событіяхъ, поддерживала патриотизмъ, и если могла иногда грѣшить, то развѣ только избыткомъ и преувеличеніемъ такого патриотизма. Но, какъ мы позволили себѣ замѣтить еще въ прошедшемъ обозрѣніи, „опытъ относительнаго простора, предоставленнаго печати по отношенію къ военнымъ событіямъ, доказалъ полнѣйшую безвредность такого относительнаго простора“ — и можетъ быть только въ дипломатіи наша печать не всегда обнаруживала необходимыя дипломатическія свойства и подчасъ выражала свою готовность вступить въ борьбу чуть не съ цѣлымъ міромъ. Настоящій актъ Высочайшей воли устраняетъ теперь всякую мысль о томъ, что просторъ, данный печати въ военное время, могъ оказаться вреднымъ; въ виду такого акта и въ печати можетъ только еще болѣе укрѣпиться убѣжденіе, что ея существованіе не бесплодно, что правительство и въ будущемъ не оставитъ своихъ заботъ о дальнѣйшей ея организаціи на началахъ, положенныхъ въ основаніе закона 6-го апрѣля 1865 года, имѣющаго теперь за собою цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ опыта.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/14 декабря, 1877.

XXXII.

НОВЫЕ УСПѢХИ ДРАМЫ ВО ФРАНЦІИ.

Давно уже я ничего не говорил о театрѣ. Между тѣмъ, пора указать на то, какіе быстрые успѣхи сдѣлала на немъ за послѣдній годъ натуралистическая идея. Истекшій годъ займетъ особое мѣсто въ исторіи нашей драматургіи: онъ былъ свидѣтелемъ первыхъ серьезныхъ усилій къ обновленію нашей сцены, гдѣ кончались съ предсмертнымъ стономъ маріонетки трагедіи и романтической драмы. Итакъ, я обращаюсь къ послѣднимъ сценическимъ успѣхамъ, доказавшимъ потребность реализма въ театрѣ, и затѣмъ въ заключеніе скажу, на чемъ же мы теперь остановились.

I.

Годъ тому назадъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Comédie Française дала „l'Ami Fritz“ Эркмана-Шатриана. Это послужило какъ-бы откровеніемъ, и, начиная съ этой эпохи, драматическіе писатели, болѣе или менѣе сознательно, стали наперерывъ другъ передъ другомъ переносить повседневную жизнь на сцену. Вотъ почему я начну съ „l'Ami Fritz“, который такъ-сказать далъ толчокъ анализу лицъ и общественной среды.

Въ пьесѣ передается простая исторія женитьбы одного добраго малаго, Фрица Кобюсъ. Этотъ здоровенный силачъ—богатый, веселый, уроженецъ нашего незабвеннаго Эльзаса,—ведетъ веселую жизнь холостяка въ обществѣ землемѣра Фредерика, сборщика податей Ганезо и кутилы Жозефа;—эта троица закоренѣлыхъ холостяковъ поноситъ брачную жизнь, кура трубки за десертомъ. Между тѣмъ, старый раввинъ Давидъ Сисель, упрямый свать, далъ себѣ слово женить Фрица. И съ этой цѣлью онъ отсылаетъ его на три недѣли на ферму Мезанжъ, гдѣ Фрицъ влюбляется въ дочь собственнаго фермера, крошку Сюзель, превосходную хозяйку съ бѣлыми ручками и

глубокими глазами. Хотя онъ и думалъ-было спастись бѣгствомъ, но любовь не даетъ ему покоя, и онъ женится на Сюзель, а старшій Давидъ торжествуетъ: эпикурейская, эгоистическая холостая жизнь въ сотнй разъ побѣждена его усилиями.

Весь сюжетъ въ этомъ. Но что это за очаровательная идиллія, — не идиллія жеманнаго поэта, а откровенная и здоровая идиллія, о какой могъ бы мечтать Раблѣ. Громадное достоинство пьесы заключается въ расположеніи сценъ, въ побужденіяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ языкѣ, которымъ они говорятъ. Эта добродушная комедійка приноситъ съ собой или — вѣрнѣе сказать — подтверждаетъ цѣлую театральную революцію. Наконецъ-то передъ нами раскрываютъ уголокъ міра дѣйствительнаго, а не условнаго міра подмостковъ.

Въ первомъ дѣйствіи сценарій самый естественный. Служанка, Катринъ, и ея сосѣдка, Либетъ, которая пришла ей помочь, накрываютъ на столъ, болтая на-счетъ Кобюса и его возвращенія на женитьбу. Кобюсъ сегодня именинникъ и пригласилъ обѣдать пріятелей. Самъ онъ возвращается изъ погребя. Подходятъ пріятели, и начинается обѣдъ, одинъ изъ обжорныхъ провинціальныхъ обѣдовъ. И вотъ, когда выступаетъ на сцену Сюзель, съ громаднымъ букетомъ фіалокъ, которыя она нарвала по изгородямъ. Фрицъ приглашаетъ ее остаться и отобѣдать съ ними. Но ей конфузно въ обществѣ всѣхъ этихъ господъ, которые не торопятся съ обѣдомъ. Затѣмъ, когда она ушла и трубы раскурены, старикъ Давидъ проповѣдуетъ о необходимости жениться среди разнузданнаго веселья, царствующаго за десертомъ, и громкаго хохота гостей.

Нельзя представить себѣ ничего болѣе живого и болѣе естественнаго, какъ это первое дѣйствіе. Это цѣлая картина дѣйствительной жизни, начиная съ того момента, когда служанка накрываетъ скатерть, и кончая тѣмъ, когда веселая компанія уходитъ въ пивную. Слова Фрица, съ которыми онъ выходитъ изъ-за стола: „Катринъ, убирай!“ показываютъ, что обѣдъ служить какъ-бы осью, вокругъ которой вертится все дѣйствіе. И сцены такъ легко, такъ жизненно сдѣланы одна другую, что дѣйствующія лица ни-разу не подходятъ къ бутѣ суфлера; весь діалогъ проходитъ въ дѣйствіи, актеры говорятъ и дѣйствуютъ въ одно время. Это, на мой взглядъ, — характеристическій фактъ. Къ тому же, какая искренняя веселость, какъ пируютъ эти счастливые люди и какой нѣжный ароматъ исходитъ среди блюдъ, весело дымящихся, букетъ Сюзели!

Второй актъ обставленъ еще удачнѣе. Фрицъ на фермѣ Мезанжъ, гдѣ за нимъ ухаживаетъ Сюзель. Косцы, отправляющіеся на работу, пѣлиемъ будятъ его. Послѣ этого, онъ заказываетъ завтракъ Сюзели:

яйца, редиску и сливочное масло. Какъ! влюбленный человекъ и снисходить къ такимъ пошлымъ мелочамъ? Боже мой, да, конечно! этотъ влюбленный съ аппетитомъ кушаетъ, и даже Сюзель побѣждаетъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что готовитъ ему превкусныя кушанья. Послѣ завтрака, молодая дѣвушка взбирается на вишневое дерево и рветъ вишни на десертъ, а Фрицъ ихъ поѣдаетъ. Затѣмъ является компанія друзей. Старикъ Давидъ въ восторгѣ, потому что очень хорошо видитъ, какъ Фрицъ влюбленъ. Сюзель подходитъ къ колодцу, чтобы зачерпнуть воды, а старикъ проситъ у ней пить и пускаетъ въ ходъ библейскій рассказъ о Ревекѣ, съ цѣлю заставить молодую дѣвушку разговориться и выпытать тайну ея любви. Но когда Фрицъ догадывается, что любитъ Сюзель, Давидъ же объявляетъ, что женить ихъ, онъ допускаетъ, какъ трусъ, своихъ друзей похитить себя. Забудьте, что все это дѣйствіе тоже представляетъ картину, выхваченную цѣликомъ изъ жизни дѣйствительной. Передъ нами проходитъ настоящее деревенское утро, приготовленія къ завтраку, любовь, такъ какъ она развивается среди мелкихъ фактовъ повседневной жизни. И какъ милы эти редиски, яйца и масло, замѣняющія въ настоящемъ случаѣ обычныя разглагольствованія о цвѣтахъ и звѣздахъ! Долженъ сознаться въ одной слабости: я пришелъ въ восторгъ отъ настоящаго вишневаго дерева и настоящей воды, которая видѣль на первомъ представленіи. *Comédie Française* первая показала примѣры реализма въ декорацияхъ, и примѣры, поданный такимъ авторитетомъ, какъ *Comédie Française*, должны найти себѣ подражателей.

Третье дѣйствіе переноситъ насъ опять въ столовую Фрица, но тутъ уже не видно пирующихъ, не слышно смѣха. Фрицъ боленъ. Любовь, которую онъ старается подавить, лишаетъ его аппетита, и онъ отказывается идти обѣдать съ друзьями, которые зовутъ его съ собой. Наконецъ, старикъ Давидъ заставляетъ его рѣшиться, объявивъ ему, что нашелъ мужа для Сюзели и что его фермеръ, Христель, долженъ иридти къ нему просить руки Сюзели. Тогда Фрицъ въ предестной сценѣ узнаетъ отъ молодой дѣвушки, что она не любитъ мнимаго жениха, и предлагаетъ ей видти за него замужъ. „Любишь ли ты меня, Сюзель?“ Дѣвушка отвѣчаетъ, бросаясь ему на шею: „Ахъ! да, ш-гъ Кобюсъ“. Какая восхитительная откровенность! Конечно, это дѣйствіе самое блѣдное изъ всѣхъ трехъ. Но какъ естественно развивается въ немъ людская драма. Многие нашли, что Фрицъ очень грубъ, потому что любовь выражается у него потерей аппетита. Ужъ не долженъ ли онъ былъ бы, по ихъ мнѣнію, написать сонетъ? Вотъ, первый влюбленный на театрѣ, который страдаетъ

отъ любви, какъ и всѣ люди вообще. У него не варить желудокъ, что очень вѣрно наблюдено. Банальные влюбленные совершенно напрасно принимаютъ руку къ сердцу, потому что сердце не при чемъ въ кризисѣ страсти, и вся боль сосредоточивается въ желудкѣ. Но вотъ Фрицъ женится—и выздоравливаетъ. Теперь Сюзель навѣрное будетъ закармливать его.

Вотъ и вся пьеса. Итакъ, достаточно было изобразить на театрѣ человѣческую истину, старую, какъ миръ, изобразить ее при условіяхъ правды и новизны, чтобы увлечь зрителей. Веселый малый, любящій погулять, и ловкая и добрая дѣвочка овладѣли всей залой. Къ чему же намъ толковать послѣ этого о сложныхъ интригахъ, построенныхъ по извѣстнымъ правиламъ? Обыкновенно, я не ставлю ни въ грошъ успѣхъ. Но тутъ я ему радуюсь: „l'Ami Fritz“ одержалъ успѣхъ при особенныхъ условіяхъ, при которыхъ менѣе удачно задуманная пьеса провалилась бы. Хотя приверженцы успѣха во что бы то ни стало и оказались невѣрны своей теоріи и принялись доказывать публикѣ, что она напрасно смѣется и плачетъ,—пьеса тѣмъ не менѣе шла удачно, и мы убѣдились, что можно рукоплескать пьесѣ вопреки всякимъ ходячимъ условіямъ и правиламъ, довольствуясь тѣмъ, что она выхвачена изъ дѣйствительности, и изъ самой грубой дѣйствительности три или четыре картины представлены съ строгой правдой.

Я не смѣлъ надѣяться на такой разительный примѣръ и ужъ, конечно, не ожидалъ, чтобы этотъ примѣръ былъ показанъ Comédie-Française. Я очень хорошо знаю, что „l'Ami Fritz“ увѣнчался успѣхомъ благодаря поэтической сторонѣ идилліи; но ужъ и то хорошо, что реализмъ водворился съ торжествомъ на нашей первостепенной сценѣ. Подумайте!—настоящій обѣдъ въ Comédie Française, настоящее вишневое дерево, съ настоящими вишнями, настоящій колодець, съ настоящей водой! И, кромѣ этихъ подробностей mise-en-scène, надо слышать языкъ, которымъ говорятъ дѣйствующія лица, этотъ живой, естественный языкъ. Влюбленный говоритъ, что немного подпилъ, остальные дѣйствующія лица пересказываютъ другъ другу о своихъ дѣлишкахъ безъ фразъ, точно прохожіе, которые бы встрѣтились на улицѣ. Главный упрекъ, который дѣлали авторамъ, заключается въ томъ, что въ ихъ пьесѣ слишкомъ много ѣдятъ. Я нахожу, что въ ней недостаточно ѣдятъ. Я бы хотѣлъ, чтобы въ ней ѣли въ продолженіи всѣхъ трехъ дѣйствій. Развѣ ѣда не литературна во Франціи? Гаргантюа въ духѣ нашего народа. Нѣкоторые изъ нашихъ провинцій, Турренъ, Эльзасъ, славятся своими обжорами. Легенды показываютъ намъ нашихъ отцовъ за столомъ, пирующихъ всю свою

жизнь. И неужели же намъ не дозволено представить этого эпического зрѣлища на сценѣ, на основаніи какихъ-то чакоточныхъ, жеманныхъ соображеній? Ахъ, мы и безъ того слишкомъ много вынули крови у нашей литературы, мы слишкомъ много выставили на сценѣ дѣйствующихъ лицъ, питавшихся росой и вареньемъ, и имѣемъ право требовать, чтобы намъ показали здоровыхъ ребятъ, геройски работающихъ челюстями! Долгъ платежей красенъ. И вотъ почему я нахожу, что въ „l'Ami Fritz“ ѣдятъ слишкомъ мало, потому что дѣйствующія лица въ немъ должны накушаться за всѣхъ своихъ предшественниковъ: за деревянныхъ грековъ и римлянъ трагедій, за оловянныхъ рыцарей романтической драмы, за малокровныхъ буржуа приличныхъ комедій, за тысячи-тысячъ маріонетокъ, перебывавшихъ на сценѣ. Я бы желалъ, чтобы Фрицъ, вмѣстѣ съ своими гостями, провозгласилъ слѣдующій гостъ: „за здоровье жизни, за здоровье живыхъ произведеній!“

Но теперь, несмотря на свое восхищеніе, долженъ высказать, однако, всю правду. „L'Ami Fritz“, повторяю, идиллія, не больше. Гг. Эрманъ-Шатрианъ, которые извлекли пьесу изъ одного изъ своихъ романовъ, очень живо сочувствуютъ природѣ. Они вели въ Эльзасѣ жизнь, которую отлично умѣютъ живописать, гибкимъ и реальнымъ языкомъ. Но отъ нихъ не слѣдуетъ требовать созданія глубокихъ характеровъ. Ихъ дѣйствующія лица реальны въ томъ смыслѣ, что у нихъ вѣрные жесты, вѣрная интонація, вѣрный костюмъ. Но всѣ эти дѣйствующія лица выкроены по одному фасону и не представляютъ собою новыхъ и интересныхъ документовъ. Представьте себѣ добродушныхъ куколъ, которыя бы разгуливали среди вполне точныхъ и превосходно нарисованныхъ декораций. Конечно, я не говорю, что картина жива, и не спорю, что, быть можетъ, существуютъ уголки въ мірѣ, гдѣ жители всѣ отличаются такой ровностью темперамента. Даже, если хотите, такая простота пружинъ ближе къ повседневной жизни, чѣмъ исключительные случаи, исключительные люди, въ которыхъ и зло и добро выражаются крупными чертами. Но, запираясь въ этомъ монотонномъ мірѣ, лишаешься всей выгоды глубокаго изученія человѣческой природы: тутъ уже не приходится забираться въ глубь человѣческаго сердца, а только скользить по поверхности. Съ какимъ бы талантомъ ни было написано такое произведеніе, оно остается средняго качества—и только недурно.

Итакъ, „l'Ami Fritz“—произведеніе не высокаго разбора. Какъ я уже говорилъ, его нѣжныя и поэтическія стороны, эльзасская среда, затрогивающая нашъ патріотизмъ, очевидно, гораздо больше содѣйствовали его успѣху, нежели реалистическія стремленія. Но именно

теперь, послѣ „l'Ami Fritz“, легко понять, чѣмъ можетъ быть этотъ реализмъ, очищенный отъ цвѣтовъ, которыми его такъ удачно украсили гг. Эрманъ и Шатрианъ. Вообразите себѣ дѣйствующихъ лицъ, глубже изученныхъ, разныхъ темпераментовъ, страсти которыхъ, сталкиваясь, создали бы драму! Придайте больше энергіи дѣйствию, завяжите и развяжите его только путемъ игры страстей, въ простой и реальной исторіи. Вдохните реальную жизнь въ дѣйствующихъ лицъ и въ самое дѣйствіе. Сохраните точныя декорации „l'Ami Fritz“ и выхватите каждое дѣйствіе, какъ это сдѣлали авторы, изъ жизни дѣйствительной; представьте завтракъ, утро въ деревнѣ, какое-нибудь одиночное событіе, которое бы объяснило произвольное дробленіе на акты,—и вы получите пьесу, какую мнѣ такъ хотѣлось бы видѣть на театрѣ; новыя рамки, въ которыхъ можно было бы возобновить изученіе всѣхъ страстей. Такимъ образомъ создастся цѣлый родъ произведеній; драма пойдетъ на ряду съ романомъ, на театрѣ воспользуются человѣческими документами, изслѣдованіемъ человѣческой природы, столь поразительно начатымъ нашимъ великимъ Бальзакомъ.

Я увѣренъ, что драматическіе писатели наши бы много свѣжихъ эффектовъ, еслибы захотѣли дать себѣ трудъ наблюдать: какимъ образомъ вещи происходятъ въ дѣйствительной жизни. Самые простые факты жизни были до того искажены на театрѣ, что эти факты вышли бы необыкновенно рельефны и необыкновенно новы, если бы ихъ изобразили правдиво. Большая ошибка у насъ заключается въ томъ, что всѣ утверждаютъ, будто театръ живетъ условной жизнью. Только правда вдохновляетъ и очаровываетъ зрителей.

Безъ сомнѣнія пришлось бы изображать голую правду, а это не совсѣмъ удобно, потому-то я охотно сознаю, что у театра есть своя особенная оптика. Задача станетъ очень трудной въ тотъ день, когда отбросятъ сантиментальную поэзію и выведутъ на сцену нѣсколькихъ негодяевъ, чтобы мы не заскучали въ обществѣ однихъ честныхъ людей.

II.

Въ прошломъ сентябрѣ на театрѣ „Gympase“ произошло также довольно крупное событіе. Два талантливыхъ актера, занимающіеся слегка литературой, поставили пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ: „Pierre Gendron“, и въ этой пьесѣ критика усмотрѣла весьма рискованную попытку реализма. Тутъ уже выступили не бисквитные персонажи, не легкой и поэтически-фамиллярный языкъ „l'Ami Fritz'a“. Гг. Лафонтенъ и Ришаръ, авторы, избрали рамою фабрику, а героями—рабочихъ, говорящихъ на грубомъ и картинномъ языкѣ народа. Казалось бы, что смѣлость попытки безусловна.

Но что окончательно придадо пьесѣ характеръ неожиданной новизны, это главнымъ образомъ буржуазная специальность сцены, на которой она давалась.

„Gympase“ по преимуществу театръ поклонниковъ Скриба,—театръ, живущій всѣми традиціями хорошаго тона, добродѣтелей и приличій, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ никогда не уклонялся.

Литература, пользующаяся на немъ успѣхомъ, есть литература скромная, прилизанная, строго придерживающаяся традицій. И вотъ вдругъ на эту сцену выводятъ работниковъ въ блузѣ, пьяницъ съ краснымъ носомъ, дѣлюю грубую и безцеремонную драму. Вы понимаете, какой вышелъ сильный контрастъ. „Pierre Gendron“, который могъ бы показаться невиннымъ въ другомъ мѣстѣ, въ театрѣ „Gympase“ получилъ характеръ сорви-головы. Сюрпризъ былъ полный и, благодаря, быть можетъ, его неожиданности, успѣхъ былъ также полный въ первое представленіе.

Дѣло въ томъ, что „Pierre Gendron“ въ первоначальномъ своемъ видѣ представлялъ большую драму въ пяти дѣйствіяхъ, предназначавшуюся для одного изъ бульварныхъ театровъ. Декорація изображала при этомъ фабрику, а дѣйствіе разрѣшалось трагично. Мнѣ говорили, что эта пьеса была представлена двумъ или тремъ театральнымъ директорамъ, но они ее не приняли, по разнымъ причинамъ. Тогда Лафонтенъ, одинъ изъ авторовъ, вздумалъ свести ее къ Монтиньи, ловкому директору „Gympase“. Тотъ сперва-было очень испугался. Но онъ очень любилъ Лафонтена, который когда-то игралъ у него на сценѣ и, къ тому же, очень соблазнился предложеніемъ этого артиста сыграть главную роль въ своей драмѣ. Но только она не могла оставаться пятнадцатой; „Gympase“ не выдержалъ бы такую машину, выкрашенную черной краской, во вкусѣ „Ambigu“ или „Porte-

Saint-Martin". Итакъ, „Pierre Gendron" передѣляли, сократили его на два акта, измѣнили нѣкоторыя сцены и такимъ образомъ создали теперешнюю пьесу, въ которой опытный глазъ можетъ разглядѣть слѣды болѣе капитальной пьесы и болѣе мрачной развязки.

Мнѣ надо было разсказать исторію пьесы, чтобы сдѣлать затѣмъ нѣкоторые выводы. Но сперва я долженъ поговорить о самомъ произведеніи. Вотъ его содержаніе: Пьерръ Жандронъ хорошій работникъ, механикъ, у котораго есть двѣ дочери отъ перваго брака, Мадлена и Луиза. Мать умерла; отецъ взялъ любовницу, Розалію, отличную и честную хозяйку, которая воспитала дѣтей и наконецъ стала считаться законной женой ихъ отца. Они живутъ вмѣстѣ уже пятнадцать лѣтъ, и всѣ на фабрикѣ считаютъ ихъ женатыми, такъ что нельзя было бы даже и понять, почему они не женились, еслибы авторы не приписали Розаліи страннаго чувства, о которомъ я буду говорить ниже. Луиза выросла у отца, ее баловали; она видѣла дурной примѣръ, воспитавшій въ ней худыя инстинкты. Ей извѣстно фальшивое положеніе ея мнимой мачихи, и она готова сбиться съ пути и убѣжать съ братомъ хозяина фабрики, Эрнестомъ Дюбюиссономъ, молодымъ вѣтрогономъ, прокутившимъ свое состояніе. Напротивъ того, Мадлена, крестница м-ше Рибо, тетки хозяина, Поля Дюбюиссона, весьма талантливаго инженера, воспитывалась въ пансіонѣ и вышла оттуда невинной и прелестной дѣвушкой. Она любитъ молодого инженера, который платитъ ей взаимностью. Въ этомъ аленькомъ мірѣ всѣмъ бы жилось хорошо, если бы одинъ негодяй мрабочій, литейщикъ, по имени Луварь, по прозванію Угорь, не пришелъ навмататься на фабрику. При видѣ его Розалія смущается и приходитъ въ отчаяніе, и тутъ мы узнаемъ тайну несчастной женщины. Ее когда-то обезчестилъ Луварь, и вотъ поэтому-то она ни за что не хотѣла согласиться выдти замужъ за честнаго Жандрона. У негодяя есть письмо отъ нея, и онъ грозитъ открыть ея тайну.

Хуже всего то, что онъ жилъ когда-то въ подмастерьяхъ у Жандрона, и этотъ послѣдній, ничего не подозрѣвающій, хочетъ пригласить его въ свой домъ, на семейный обѣдъ въ день своихъ именинъ. Розалія плачетъ, Пьерръ сердится, а Луиза окончательно смущаетъ весь домъ, сообщивъ Мадленѣ, что отецъ живетъ съ любовницей. Тѣмъ временемъ Луварь опять увлекается Мадленой, мечтаетъ о томъ, чтобы увезти ее съ собой и старается увѣрить Пьерра, что у ней есть любовникъ. Наконецъ, наступаетъ роковое объясненіе. Розалія во всемъ признается Пьерру, который тѣмъ не менѣе женится на ней въ концѣ-концовъ, какъ это легко было предвидѣть. Луварь, совершившій, какъ полагаютъ, убійство, когда работалъ въ

Египтъ, надъ прорытіемъ Суэзскаго перешейка, увозится жандармами. Мадлена должна выдти замужъ за хозяина фабрикъ, а м-ше Рибо общаетъ вернуть на путь истинный Луизу, обѣжавшую съ молодымъ Эрнестомъ, и которая безъ сомнѣнія выйдетъ за него замужъ. Какъ видите, всѣ мрачныя краски пьесы подергиваются розовымъ цвѣтомъ: зло наказано, а добро торжествуетъ.

Теперь легче понять, какимъ ампутаціямъ подверглась пьеса. Кажется несомнѣнно, что она оканчивалась не такъ идеально. Въ настоящемъ ея видѣ въ ней право слишкомъ много браковъ въ ея развязкѣ, и это всеобщее счастье очень обезцвѣчиваетъ произведеніе. Но я могу сдѣлать болѣе серьезныя упреки. Авторы, какъ кажется, очень мало знаютъ міръ рабочихъ. Они основали свою пьесу на чувствѣ стыдливости и щекотливости, котораго Розалія въ жизни дѣйствительной ни на минуту не испытала бы. Въ какомъ-нибудь предмѣствѣ Розалія двадцать разъ созналась бы Жандрону, что имѣла любовника до него, и двадцать разъ вышла бы за него замужъ, если бы онъ ей это предложилъ! Поэтому, когда Луваръ появился, ей стоило бы только сказать одно слово:—вотъ негодяй, о которомъ я тебѣ говорила, Пьерръ, защити меня! Но въ такомъ случаѣ драмы не существовало бы. И вотъ такимъ образомъ драма кишитъ невѣрными подробностями. Напримѣръ: одну минуту Жандронъ толкуетъ, что будетъ драться на дуэли съ похитителемъ своей дочери, и это вызываетъ улыбку, потому что еще не бывало примѣра, чтобы рабочий дрался иначе какъ на кулачкахъ.

По-моему, „Pierre Gendron“ драма—ни то, ни сѣ. Она сильно смахиваетъ на обычныя наши мелодрамы, но у ней есть литературная отдѣлка. Луваръ очень мало отличается отъ обычныхъ злодѣевъ, а тотъ способъ, какимъ отъ него отдѣлываются при развязкѣ, превращая его внезапно въ убійцу, слишкомъ удобенъ. Негодный рабочий совсѣмъ не таковъ: онъ пьетъ, бьетъ баблуню, обижаетъ женщинъ, дѣлаетъ всякія пакости, но не убиваетъ. Поэтому Луваръ не списанъ съ натуры, и остается просто на-просто драматической куклой, какими угощаютъ насъ десятками всѣ наши писатели. Я уже говорилъ, насколько невѣрна личность Розаліи. Луиза и Мадлена не правдивѣе. Луиза пошла по той дорожкѣ, съ какою дѣвушка ея темперамента обыкновенно не сворачиваютъ, и это значитъ слишкомъ дешево отдѣлываться отъ зрителей, если утѣшать ихъ фразой, что Луиза преобразится въ честную женщину. Что касается Мадлены, то она представляетъ собой уступку, сдѣланную драматическимъ условнымъ правиламъ. Авторы отдають ее въ пансіонъ для сбереженія ея непорочности, какъ будто пансіоны какія-то храни-

лица непорочности. Это понятіе буржуазное. Вообще, вторая дочь со-всѣмъ лишняя въ драмѣ, и введена въ нее лишь затѣмъ, чтобы служить извиненіемъ смѣлости изображенія Луизы съ ея животной чувственностью. Съ той минуты, какъ она выходитъ замужъ за хозяина, все обстоитъ благополучно, и честь Жандроновъ восстановлена. Уже одинъ этотъ бракъ, самъ по себѣ, испортилъ для меня все произведеніе, потому что низводитъ его на степень самыхъ вульгарныхъ пьесъ.

Совсѣмъ тѣмъ я считаю, что „Pierre Gendron“ сослужилъ знатную службу на театрѣ натуральной школы. Послѣ „l'Ami Fritz“ нельзя было желать лучшаго доказательства. Успѣхъ „l'Ami Fritz“ объясняли идиллическимъ характеромъ пьесы. Но „Pierre Gendron“ — пьеса грубая, и такъ какъ драма эта произвела большой фуроръ на первомъ представленіи, то критика вынуждена была признать, что натуральная школа дѣлаетъ большіе успѣхи на сценѣ. Къ тому же, въ этого рода попыткахъ, въ этой литературной борьбѣ внутреннее достоинство произведеній не принимается въ расчетъ. Достаточно, чтобы произведеніе слыло за реалистическое, хотя бы оно и не было таковымъ; побѣда тѣмъ не менѣе обезпечена. Публика увидѣла въ „Pierre Gendron“ произведеніе натуральной школы; она рукоплескала ему, слѣдовательно, она признала натуральную школу на театрѣ. Вотъ единственный выводъ, который я дѣлаю въ настоящемъ случаѣ.

Впрочемъ, хотя я и строгъ, но охотно признаю, что гг. Лафонтенъ и Ришаръ сдѣлали весьма интересную попытку. Какъ бы ни была несовершенна эта попытка, она тѣмъ не менѣе переноситъ міръ рабочихъ на сцену, гдѣ до сихъ поръ онъ появлялся лишь въ отвратительныхъ мелодрамахъ.

А во Франціи не легкое дѣло изображать низшіе классы въ литературныхъ произведеніяхъ: если мы и отрелись отъ классическихъ и романтическихъ героевъ, за то остановились на буржуазныхъ дѣйствующихъ лицахъ, не позволяя себѣ спускаться до народа. Изучать народъ — это уже довольно смѣло, хотя бы изученіе это и было нѣсколько поверхностнымъ. Гг. Лафонтенъ и Ришаръ поступили еще храбрѣе, и эта-то храбрость и ввела въ заблужденіе публику: они заставили говорить настоящимъ рабочимъ языкомъ работниковъ, выведенныхъ въ „Pierre Gendron“, языкомъ очень картиннымъ, пересыпаннымъ словами изъ argot. Форма въ сущности всегда болѣе всего поражаетъ толпу во всякомъ произведеніи, и рѣдко бываетъ, чтобы толпа заботилась о сущности. Итакъ, если Луваръ и другіе говорятъ на argot, значитъ авторы взяли ихъ изъ народа. Вѣрная

рѣчь заставила увѣрять въ вѣрность характеровъ. И всего удивительнѣе то, что argot былъ признанъ. Въ этомъ заключается цѣлая литературная революція. Надо знать, какой ужасъ питають у насъ ко всякому искреннему слову, ко всякой правдивой картинности, чтобы понять, какъ изумителенъ этотъ успѣхъ. „Pierrot Gendron“, которому апплодируютъ въ „Gymnase“,—вотъ въ чемъ торжество, каковы бы ни были достоинства анализа, выказаннаго въ немъ авторами.

Итакъ, опытъ произведенъ. Послѣ „l'Ami Fritz“ могли еще оставаться сомнѣнія. Можно было отговариваться тѣмъ, что публика „Comédie-Française“ захвачена врасплохъ поэтической прелестью этой эльзасской картинки. Но теперь, послѣ грубости языка „Pierrot Gendron“, послѣ этой картины рабочей жизни, признанной вѣрною, несомнѣнно, что толпа пришла къ тому, что готова допустить, готова желать даже въ драматическихъ произведеніяхъ стремленія къ реализму. Такимъ образомъ, въ продолженіи цѣлаго ряда годовъ въ толпѣ происходитъ глухой переворотъ. Послѣ вѣкового сопротивленія и отвращенія, она вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ начинаетъ апплодировать тому, что еще вчера осмистывала; это значитъ, что толпа созрѣла для новаго движенія; долгое время рукоплесканія толпы доставались на долю классическому репертуару; затѣмъ они перешли на сторону романтической драмы, и понадобилась еще четверть столѣтія, чтобы снискать ихъ произведеніямъ натуральной школы. Я знаю, что битва еще не окончательно выиграна, такъ какъ утверждаю, что „Pierrot Gendron“—самая обыкновенная мелодрама, но болѣе старательно написанная, ей приданы размѣры комедіи съ анализомъ и она скрашена оригинальностью языка. Но какъ бы то ни было, а побѣда обезпечена, потому что публика доказала, какъ она готова восхищаться вѣрнымъ изображеніемъ на сценѣ повседневной жизни, хотя бы даже и очень неприглядной, лишь бы только талантливый человѣкъ взялся за дѣло.

III.

Перехожу къ другому аргументу, и этотъ аргументъ черпаю въ „Cigale“, пьесѣ въ трехъ дѣйствіяхъ гг. Мейльяка и Галени, которая только-что имѣла большой успѣхъ на сценѣ „Variétés“. Мы ясно увидимъ здѣсь, что всякій драматическій кодексъ бесполезенъ, и что авторы пользуются въ сущности полной свободой сочиненія.

Въ „Cigale“ интрига до того избита, до того пошла, что авторы

очевидно совсѣмъ не заботились объ основѣ своего произведенія. Въ этомъ отношеніи беззаботность никогда еще не была доведена до такой степени.

Въ пьесѣ рѣчь идетъ о молодой дѣвушкѣ, Стрекозѣ, похищенной уличными комедіантами, и которая убѣгаетъ отъ нихъ, чтобы спастись отъ любовныхъ преслѣдованій троицы изъ своихъ товарищей. Она попадаетъ на постоялый дворъ, посѣщаемый живописцами и влюбляется въ художника Мариньяна, затѣмъ находитъ своихъ богатыхъ родителей и превращается въ м-лле Дезаллюръ. Бѣда въ томъ, что у Мариньяна есть любовница, которая его обманываетъ, и что, съ другой стороны, м-лле Дезаллюръ желаетъ выдать замужъ за ея кузена Эдгара. Но все устроивается такъ, какъ и слѣдовало ожидать: Эдгаръ наследуетъ любовницу Мариньяна, а этотъ послѣдній женится на Стрекозѣ. Вотъ и все. Это больше, нежели блѣдно,—это ничтожно.

Что же могло подвинуть гг. Мейльеа и Галевн, такихъ искусныхъ и тонкихъ писателей, избрать сюжетъ, отъ котораго отвернулся бы самый послѣдній изъ водевиллистовъ? Я полагаю, что ими руководило слѣдующее соображеніе:—у насъ будутъ въ распоряженіи два очень живописныхъ міра: міръ уличныхъ комедіантовъ и міръ живописцевъ; невозможно, чтобы мы не набрали на какія-нибудь удачныя находки, давъ волю своей фантазій и наблюдательности. И они написали пьесу не ради самой пьесы, но ради сцены. Что за дѣло до цѣлаго, если каждый эпизодъ въ отдѣльности будетъ достаточно привлекателенъ, чтобы овладѣть зрителями. Все дѣло было въ томъ лишь, чтобы вдохнуть жизнь въ дѣйствующихъ лицъ, вырвать изъ жизни рельефныя картины и замѣнить театральную технику нашихъ драматическихъ писателей заботой о вѣрности деталей, приправленныхъ парижскимъ остроуміемъ.

Вотъ какимъ образомъ Мейльеа и Галевн придали интересъ такому избитому сюжету. Они перенесли этотъ сюжетъ въ реальную парижскую среду, въ среду современную, которой еще никто не изображалъ на театрѣ, и публика пришла въ восторгъ отъ этого. И такая за то прелестная картина вышла изъ перваго акта, гдѣ изображенъ постоялый дворъ въ Барберонѣ, воспроизведенный съ мельчайшими подробностями. Первые реплики двухъ живописцевъ: Мариньяна и Мишо, появленіе Стрекозы, которую нашли въ обморокѣ у одного дерева въ лѣсу, длинная исторія, которую она такъ забавно рассказываетъ, изумительное появленіе трехъ комедіантовъ Каркасонна, Биби и Филоша, наконецъ, послѣдняя сцена, въ которой повѣрившій родителей Стрекозы узнаетъ въ ней благородную дѣвицу

Дезаллюрь—всѣ эти сцены кажутся чрезвычайно живыми, потому что, при всѣхъ своихъ комическихъ преувеличеніяхъ, онѣ содержатъ невѣроятное количество правдивыхъ подробностей и вѣрныхъ наблюдений. Чувствуется, что дѣйствующія лица списаны съ дѣйствительности.

Вторая картина мнѣ нравится меньше. Она переноситъ насъ къ тѣмъ ш-ше Дезаллюрь, и входитъ въ разрядъ рутинныхъ драматическихъ приемовъ. Хорошенькія сценки попадаютъ и въ ней; такъ, напр., та, въ которой Эдгаръ и его кузина объясняютъ другъ другу, что нисколько не любятъ другъ друга; та, въ которой приносятъ Мариньяна, упавшаго въ рѣку; сцена, когда Стрекова и любовница живописца чуть не вцѣпляются другъ другу въ волосы; но все это нѣсколько натянуто. А между тѣмъ обстановка чудесная: дача въ Буживалѣ, выстроенная на берегу рѣки, парижскія окрестности, такія красивыя и живописныя.

Но всего характеристичнѣе третья картина. Надо замѣтить, что въ концѣ второго акта пьесѣ наступилъ рѣшительный конецъ, если только у нея было начало. Остается только женить Стрекову и Мариньяна—операция изъ самыхъ простыхъ и никакъ не можетъ наполнить собой цѣлаго акта. Можно было вопрошать себя, чѣмъ займутъ гг. Мейльякъ и Галеви сцену. Друзья ихъ дрожали за нихъ. И что-жь, однако! эта третья картина всѣхъ забавнѣе. Она обезпечила успѣхъ всей пьесы; авторы безъ церемоніи забросили пьесу. Я не думаю, чтобы можно было найти другой примѣръ такого полного презрѣнія къ театральной механикѣ. Мариньянъ женится на Стрековѣ, но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, чтобы показать намъ внутренній бытъ живописца, вывести на сцену новую школу живописи, которая у насъ съ такой отвагой отыскиваетъ себѣ мѣсто на солнцѣ. Мариньянъ распространяется объ „импрессионистахъ“; самъ онъ „люминистъ“ и „интенціонистъ“. Декорация мастерской съ ея знаменитыми картинами М. Мане, Клода Моне, Дега, Сезанна, Ренуара, Сизле, Пиззара и пр., очень забавенъ. И весь актъ занятъ разсужденіями о новой художественной формулѣ, съ которою выставки въ улицѣ Лепельтье познакомили весь Парижъ. Что касается меня, то я питаю большую нѣжность къ живописцамъ-импрессионистамъ. Я хочу вѣрить, что гг. Мейльякъ и Галеви тоже провинуты любовью къ этимъ художникамъ-новаторамъ, которые ищутъ въ живописи того же, чего они сами ищутъ въ театрѣ—современной жизни и правдиваго изображенія разнообразнѣйшихъ сторонъ великаго Парижа. И даже если обсуждать ихъ способъ осуществленія этой задачи, надо признать за импрессионистами то достоинство, что они открыли

списать, въ которомъ наша національная живопись совершить свое обновленіе. Сколько бы надъ ними ни смѣялись и ни отрицали ихъ, а они тѣмъ не менѣе придали искусству истинно-художественное направление, единственное, какое происходило со времени романтическаго движенія 1830 г. И доказательствомъ этому служитъ то, что наши ежегодныя выставки наполнены произведеніями импрессионистовъ, т.-е. я хочу сказать—произведеніями лукавыхъ молодыхъ людей, которые копируютъ импрессионистовъ, прикрашивая ихъ для вѣщшаго удовольствія буржуа.

Но вернемся къ „Cigale“. Говорятъ, что только гг. Мейльякъ и Галеви могутъ позволить себѣ такую плохо-скроенную и плохо-сшитую, но такую интересную пьесу. Это просто-на-просто означаетъ, что у нихъ есть оригинальность. Но если такъ, если оригинальность оказывается столь успѣшной на театрѣ, вопреки драматическому кодексу, то почему бы и другимъ оригинальнымъ авторамъ не попытаться снискать успѣхъ, не прибѣгая къ традиціямъ? Мы видимъ, какъ всѣ правила понируются ногами при англодисконтахъ залъ. Это должно подавить въ насъ и то слабое уваженіе, какое мы могли сохранять къ правиламъ. Совѣмъ тѣмъ я долженъ сознаться, что, по моему мнѣнію, дѣло было бы не хуже, если бы, вмѣсто этого растрепаннаго сюжета, гг. Мейльякъ и Галеви избрали какую-нибудь солидную исторію, связаную и цѣльную. Благодаря своему парижскому остроумію и тонкой наблюдательности, они обходятся совѣмъ безъ основы или даже больше того, ухитряются справиться съ плохой основой. Это фокусъ, которому я англодирую, никому не совѣтуя ему подражать. Неужели они сами не понимаютъ, какую мощь приобрѣли бы ихъ произведенія, если бы они провели до конца свою любовь къ современной жизни и къ реальности. Они любятъ нашъ Парижъ, знаюмы ео всѣми его мірами, и обладаютъ легкой и живой кистью, необходимой, чтобы хорошо живописать ихъ.

Но все это одни только орудія труда. Надобно прибавить къ этому матеріалъ, т.-е. живое и крупное содержаніе. Разъ они заимствуютъ типы и разговоры изъ жизни дѣйствительной,—почему бы имъ не заимствовать также правдивныхъ событій, вмѣсто того, чтобы нускаться въ условныя интриги, не выдерживающія критики?

Когда я пишу все это и требую такъ настоятельно свободы для сцены, я думаю въ особенности о подростающемъ поколѣніи писателей, о томъ поколѣніи, которое роковымъ образомъ должно обновить наше драматическое искусство. Самнымъ страшнымъ препятствіемъ во Франціи для автора, желающаго писать драмы или комедіи,

является кодексъ, навязываемый ему критикою. Онъ долженъ принять старую формулу и отказаться отъ своей оригинальности. Поэтому надо безъ устали доказывать, что на театрѣ можно списать успѣхъ единственно силою таланта, безъ необходимости подчиняться какому-нибудь игу.

IV.

Говоря о „Cigale“ я указалъ на стремленіе, проявляющееся у нашихъ драматическихъ писателей, — превращать каждое дѣйствіе въ отдѣльную картину, выхваченную изъ жизни дѣйствительной. Интрига на послѣднемъ планѣ, а главное въ томъ, чтобы перенести на сцену какой-нибудь правдивый и оригинальный уголокъ нашего общества, искусно анализированный. Мы встрѣтимъ ту же формулу и въ пьесѣ „le Club“, но только примѣненную еще съ бѣльшей точностью и бѣльшей силой, нежели въ „Cigale“. „Клубъ“ — пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ гг. Гондине и Когана, которой Парижъ каждый вечеръ рукоплещетъ въ „Vaudeville“.

Я сказалъ, что интрига на заднемъ планѣ. Сюжетъ можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Роже де-Савнэ любитъ Жанну де-Мовъ, молодую женщину, мужъ которой, Фернандъ, сошелся съ г-жей де-Мораннъ: она изъ свѣта перешла въ полу-свѣтъ. Прибавьте, что эта женщина очень злая.

На одномъ маскарадѣ ей удается стать причиной дуали между Роже и де-Моранномъ, проводящемъ свою жизнь въ клубѣ, въ разлугѣ съ женой, и самымъ рѣдкимъ философомъ. Поэтому онъ наотрѣзъ отказывается драться за свою жену. Тогда эта барыня науськиваетъ Фернанда на Роже, мужа на любовника, увѣривъ перваго, что Роже рисковалъ сломать себѣ шею въ Этрета, слускаясь съ береговаго пика, единственно лишь затѣмъ, чтобы повидаться съ ней нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей. Правда въ томъ, что молодой человекъ дѣйствительно совершилъ этотъ подвигъ, но лишь затѣмъ, чтобы броситься къ ногамъ ма-ше де-Мовъ, такъ-что не можетъ разубѣждать мужа, и дуэль состоялась бы, если бы г-жу де-Мораннъ не уличили во лжи, и если бы сама ма-ше де-Мовъ не открыла глазъ Фернанду, который снова возвращается къ женѣ. Какъ видите, эта исторія не хуже и не лучше другихъ. Если прибавить къ ней другую семью, Пибраковъ, гдѣ мужъ домохозяинъ и добрый малый, а жена нервная женщина, вѣчно считающая себя обманутой, то мы найдемъ тутъ всѣ ординарные элементы банальной комедіи: комизмъ, чувство, легкій оттѣнокъ драматизма. Но я, право, сомнѣваюсь, чтобы одна

эта исторія особенно понравилась публикѣ, потому-что она ужь очень любима. Поэтому авторы твердо рѣшили не довольствоваться ею. Имъ было достаточно этой исторіи для перваго акта. Но уже со втораго они ухватились за другое.

И тутъ-то обнаружилась оригинальность ихъ произведенія. Навѣрное, ихъ первой идеей было вывести на сцену внутреннюю жизнь клуба. Извѣстно, что женщины не допускаются въ клубъ, и это очень затрудняло дѣло. Но авторы тѣмъ не менѣе смѣло ввязались за него, рассчитывая на любопытство публики, женщинъ въ особенности, которыя непременно пожелають увидѣть на сценѣ этотъ страшный клубъ, покищающій у нихъ мужей, и куда онѣ не могутъ заглянуть. Расчетъ былъ весьма хитеръ и удался вполне. Впрочемъ, если женщины туда и не допускаются, за то о нихъ много тамъ говорится. И вотъ авторамъ пришлось только придумать интригу, которая бы могла найти отголосокъ въ клубѣ. Роже, Фернандъ, де-Мораннъ, само собой разумѣется, члены клуба, что и объясняетъ его появленіе на сценѣ. Изъ пьесы, впрочемъ, можно вывести, пожалуй, ту мораль, что мужа напрасно пренебрегаютъ женами, и лучше бы сдѣлали, если бы проводили свои вечера у домашняго очага.

Картина, разъ ея появленіе на сценѣ оправдано, пріобрѣтаетъ живой интересъ. Во-первыхъ, декорации вѣрны до мельчайшихъ подробностей. Во-вторыхъ, сцены очень живы и естественны. Нельзя представить себѣ, съ какимъ искусствомъ гг. Гондине и Коганъ распорядились съ двадцатью или тридцатью эпизодами, наполняющими этотъ актъ. Въ немъ происходитъ непрерывное движеніе, люди приходятъ и уходятъ, перекидываются словами, разговоры скрещиваются совсѣмъ, такъ, какъ это бываетъ въ настоящихъ клубахъ. Всѣ типы, попадающіеся въ клубахъ, собраны здѣсь и тонко изучены. Играютъ, курятъ, болтаютъ, смѣются. Передъ нами фотографическій снимокъ съ одного угла современнаго жизни. Но и всякія другія рамки точно также были бы возможны.

На этомъ пунктѣ я наставляю. Я могъ бы привести двадцать другихъ картинъ, которыя можно было бы извлечь изъ нашей повседневной жизни. И авторы „Club“ настолько поняли могущество правдивыхъ картинъ, что для третьяго акта избрали новыя рамки: благотворительный базаръ. Нельзя представить себѣ ничего свѣжѣе и милѣе: барыни, разыгрывающія магазинщицъ, молодыя дѣвушки, превращенныя въ вродавщицъ сигаръ и спичекъ—со всею хищническою жадностью, какую женщины умѣютъ развивать въ пользу бѣдныхъ. Стоитъ только представить себѣ третій актъ безъ этихъ рамокъ, чтобы понять, насколько былъ бы онъ блѣденъ.

Итакъ, вотъ на чемъ мы остановились,—повторяю это въ третій разъ. Интригу отодвигаютъ на задній планъ, въ ожиданіи того, когда можно будетъ совсѣмъ обойтись безъ нея. Главное дѣло—это перенести на театръ картины, поражающія насъ на улицѣ, въ салонахъ, у бѣдныхъ, какъ и у богатыхъ. Чувствуется, что театральная механика испробована на всѣ лады, что всѣ комбинаціи исбиты, и что нора испытать надъ публикой силу другого интереса, интереса вѣрнаго воспроизведенія жизни. Авторы инстинктивно направляются въ эту сторону, и это стремленіе будетъ все расти и расти, и они болѣе или менѣе сознательно поддадутся увлекающему ихъ движенію. После „l'Ami Fritz“, мы видѣли „Pierre Gendron“, мы видѣли „Cigale“; теперь мы смотримъ „Club“, а затѣмъ появится цѣлый рядъ произведеній этого рода, потому что это движеніе только что начинается. И уже ясно видна его прогрессія. „Club“ гораздо смѣлѣе „Cigale“. Гг. Мейльякъ и Галеви ищутъ спасенія въ своей фантазіи; они примѣшиваютъ фарсъ въ жизни дѣйствительной, и это объясняетъ ихъ успѣхъ. Но Гондине и Боганъ ничего особеннаго не дѣлаютъ. Ихъ клубъ и ихъ базаръ списаны съ величайшей правдивостью, безъ малѣйшихъ прикрасъ воображенія. И если обѣ картины нравятся, то именно благодаря своей правдивости. Ничего натутого. Часто говорятъ у насъ, что публика не желаетъ смотрѣть на театрѣ то, что она видитъ въ повседневной жизни, но это несправедливо, потому что, напротивъ того, я замѣтилъ; какое глубокое впечатлѣніе производитъ въ театрѣ вѣрная декорация, фотографически вѣрная сцена, правдивый крикъ. Въ театрѣ какъ разъ непреодолимой является только одна сила—сила правды.

Очевидно, наступаетъ часъ, когда натуральное движеніе сообщится драматическому искусству. Давно уже дѣло его выиграно въ романахъ. Въ настоящую минуту романъ сталъ не чѣмъ инымъ, какъ протоколомъ, собраніемъ человѣческихъ документовъ. Последнія произведенія натуральной школы: „la Fille Elisa“ Эдмона де-Гонкуръ, и „Набавъ“ Альфонса Доде далеко увели насъ отъ „Notre-Dame de Paris“ и „Trois Mousquetaires“. Въ нихъ, помимо слова, помимо самой воли автора, вѣетъ новымъ духомъ. Теперь этимъ самымъ духомъ повѣяло и въ театрѣ, и онъ не преминетъ сдѣлаться такимъ сильнымъ, что смететъ старинныя условныя формулы. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что театръ превратится въ простыя подмостки для живыхъ картинъ? Нѣтъ, конечно. Я вѣрю также во всемогущество дѣйствія, но только дѣйствія логическаго, строго вытекающаго изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Мое откровенное мнѣніе о „Club“, это — то, что второе дѣйствіе слишкомъ длинно и слишкомъ раз-

дроблено. Слишком чувствуется, что дѣйствіе существует тутъ только ради рамокъ, и эпизоды, ровнымъ образомъ носящіе монотонный характеръ, въ концѣ-концовъ утомляютъ, тѣмъ болѣе, что ихъ можно было бы уничтожить, не вреда ходу пьесы. Это происходитъ оттого, что наши драматическіе писатели недостаточно еще прониклись натуральной формулой и стараются загладить свои попытки къ анализу, придерживаясь истасканныхъ, театральныхъ комбинацій прошлаго времени.

V.

Но я не имѣю въ виду устраивать себѣ масляницы, говоря только о пьесахъ, написанныхъ по реалистической формулѣ. Надо мнѣ отдать отчетъ и о другихъ успѣшныхъ представленіяхъ послѣдняго времени, чтобы представить полную картину драматическаго движенія во Франціи въ настоящую минуту. Впрочемъ, эти успѣхи представляютъ такія стороны, которыя только помогутъ мнѣ сдѣлать свои выводы.

На первомъ планѣ укажу на успѣхъ, какой имѣло на сценѣ „Comédie Française“ возобновленіе „Hernani“ Виктора Гюго.

Въ настоящее время у насъ очень трудно судить о Викторѣ Гюго, какъ о драматическомъ писателѣ. Всякаго рода препятствія не даютъ откровенно высказывать своей мысли, потому что откровенность была бы почти грубостью. Авторъ еще живъ и окруженъ такимъ ореоломъ славы, послѣ такой долгой и блистательной жизни литературнаго короля, что правда, высказанная въ лицо этому державному старцу, показалась бы почти оскорбленіемъ. Конечно, мы уже отошли на достаточное разстояніе отъ романтизма. На театрѣ мы уже — потомство, и можемъ произнести свое сужденіе; но я думаю, что уваженіе будетъ сдерживать намъ уста до тѣхъ норъ, пока Викторъ Гюго живъ и можетъ насъ услышать.

Я помню свою молодость. Намъ было нѣсколько мальчишекъ, жившихъ въ вѣдрахъ Прованса, влюбленныхъ въ природу и поэзію. Драмъ Виктора Гюго преслѣдовали насъ, какъ дивныя видѣнія. По окончаніи классовъ, съ памятью, оледенѣлой классическими тирадами, которыя мы должны были учить наизусть, мы просто отогрѣвались, заучивая сцены изъ „Hernani“ и „Ruy Blas“. Сколько разъ на берегу маленькой рѣчки, послѣ продолжительнаго купанья, мы разгрызали между собой дѣльные акты! Затѣмъ мы мечтали: ахъ! если бы увидѣть все это на театрѣ! и намъ казалось, что потолокъ обрушится отъ восторга зрителей.

Теперь, послѣ долгихъ лѣтъ я удовлетворилъ этому желанію моеи юности; я увидѣлъ на сценѣ „Негпані“, который былъ до сихъ поръ мнѣ знакомъ только въ чтеніи. Велико было мое изумленіе. Эта драма, гдѣ поэтъ все принесъ въ жертву эффекту, гдѣ онъ нагромоздилъ одну нелѣпость на другой, единственно для того только, чтобы придать побольше рельефности антитезѣ,—эта драма производитъ весьма посредственный драматическій эффектъ. Перрэнъ, директоръ „Comédie Française“ тщетно поставилъ блистательно пьесу, и даже поручилъ написать новую фанфару талантливому музыканту: сердце не трогается, голова не кружится, въ окончательномъ результатѣ получается разочарованіе, потому что все это представлялось болѣе широкимъ и болѣе громоноснымъ.

Впрочемъ, я отлично объяснилъ себѣ это разочарованіе. Я былъ очень выгодно обставленъ. Моя ученическая память просыпалась; я поджидалъ сцены, которыя приводили насъ въ восторгъ въ былое время, и съ удивленіемъ видѣлъ, какъ онѣ леденѣли на сценѣ, производили скуку и утомленіе, несмотря на свои поэтическія красоты. Какъ! такъ это-то „Негпані“, облеченный костымъ и плотью, такъ вотъ онѣ—тѣ готическія залы, которымъ наше воображеніе придавало такіе грандіозные размѣры, такъ вотъ тѣ героическія слова и дѣйствія, которыя вызывали передъ нами цѣлый міръ гигантовъ! Воже мой! какъ это воспроизведеніе средневѣкового видѣнія умалило его и низводило высокое до рубежа смѣшного. Да, нѣтъ сомнѣнія, театръ Виктора Гюго созданъ только для чтенія. Я слыхалъ это мнѣніе, но понималъ его, только увидѣвъ одно изъ произведеній поэта на сценѣ. Викторъ Гюго точно будто слишкомъ высоко забрался. Онъ нуждается въ воображеніи читателя, для расширенія рамокъ его романтическихъ поэмъ. Въ чтеніи нелѣпости не такъ бросаются въ глаза, сверхъестественныя лица меньше поражаютъ, декорации, только намѣченныя, принимаютъ громадные размѣры. Напротивъ того, на театрѣ матерія даетъ себя чувствовать, рамки суживаются, нечеловѣчскій характеръ дѣйствующихъ лицъ бросается въ глаза, банальность подмостковъ какъ-будто смѣется надъ лирической напыщенностью драмы. Изъ этого вытекаетъ аксіома, которую я охотно выражу въ слѣдующихъ словахъ: „существуетъ неизвѣстный предѣлъ идеализации, за которымъ всякая пьеса становится нелѣпой, потому что матеріальныя средства театра не позволяютъ ее осуществить“.

Безполезно вдаваться въ критическій разборъ „Негпані“. Я говорю, само собой разумѣется, о драматической основѣ произведенія, потому что стихи давно уже признаны совершенствомъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что всѣ почти признають странность этого платониче-

сваго бандита, который во всёх слушалъ ведетъ себя, какъ десятилѣтній ребенокъ. Старикъ Гомецъ тоже весьма диковинное лицо, какой-то фразеръ Бартоло, въ которомъ въ концѣ-концовъ высклещется палачъ; и какъ онъ наивенъ при этомъ, какую жалостную мину корчитъ при развязкѣ, когда донья Соль проглатываетъ свою порцію яду; какъ будто бы „ce vieillard stupide“ не долженъ былъ предвидѣть, что убьетъ молодую дѣвушку, потребовавъ смерти Эрнани! Я не хочу входить въ разборъ пьесы, но не могу не подчеркнуть нѣкоторыхъ пунктовъ. Въ „Hernani“ по преимуществу выразилась романтическая формула: стремленіе добиться возможно большаго эффекта, какими бы то ни было путями. Отсюда изобрѣтеніе знаменитаго рога. Когда рогъ протрубить, Эрнани долженъ будетъ умереть, и мы враніе знаемъ, что рогъ протрубить, когда бандитъ превратится въ вельможу, счастливаго и могущественнаго. Такимъ образомъ, поэтъ получаетъ, нагромождая нелѣпость на нелѣпость, этотъ изумительный пятый актъ, этотъ любовный дуэтъ, прерванный дыханіемъ смерти. Осмѣлюсь ли сказать? впечатлѣніе получается далеко не такое грандіозное, какъ бы того хотѣлось поэту.

Оно мнѣ показалось даже тигостнымъ. Мы погружаемся съ головой въ міръ призраковъ. Сцена происходитъ въ какихъ-то заоблачныхъ сферахъ мнимой кастильской чести, гдѣ уже нѣтъ ничего человѣческаго. Вѣрность клятвѣ можетъ быть хорошей драматической пружиной, но заставлять славнаго малаго умирать въ вечеръ своей свадьбы, потому что онъ поклялся убить себя по первому требованію—это басня, не что иное, какъ страшный кошмаръ, въ которомъ нѣтъ ни на грошъ правды, и который возмущаетъ самихъ честныхъ людей. Въ залѣ нѣтъ ни одного честнаго человѣка, который бы не сбросилъ съ величайшимъ удовольствіемъ стараго Гомеца съ террасы. Законы чести, понимаемые такимъ образомъ, чудовищны. Я не вижу ни трагическаго нравоученія, ни трагической истины.

Ахъ! какъ пріятно было бы услышать человѣческое слово среди всей этой дѣланной поэзіи! какъ пріятно было бы отдохнуть отъ идеала, если бы намъ дали хоть клочокъ анализа! Поэтъ оставляетъ при развязкѣ своихъ дѣйствующихъ лицъ такими же, какими взялъ ихъ въ первой сценѣ, нисколько не изучивъ ни ихъ сердца, ни ихъ ума. Эрнани и донья Соль проходятъ черезъ всю пьесу въ одной и той же суровой и нѣжной повѣ. Это типы во вкусѣ 1830 г., отмѣченные рокомъ и тайной. Въ этомъ диковинномъ романтическомъ мірѣ, чѣмъ болѣе лицо какое-нибудь оставалось неизвѣстнымъ, тѣмъ оно было и интереснѣе.

Одну Донъ-Карлосъ вѣрять природѣ, и по-настоящему величіе драмы.

Но нели порочна и другая вещь: скука, каковой нѣтъ отъ этой пьесы. Романтическая драма стала послѣднимъ типомъ за сценой, пьесъ и трагедій. Мы нисколько не интересуемся всѣми этими господами. ДIALOGъ наполненъ истинными писателями, которыхъ невозможно довести до публики и вся историческая часть, съ эффектной индигаскою на вершій пьесы, и которая авторъ изумительно, оставляетъ насъ хлѣбными, нисколько утомятся, зритель сплывае съ разсѣянности и съ трудомъ слѣдитъ за дѣйствіемъ. Ни на одну минуту волнение не овладѣваетъ зрителемъ. Иллюзія не производится, нѣтъ нѣста для глубокаго литературнаго восхищенія. Такъ напримѣръ, часто поднимался на сцѣнѣ разсказъ Теранса изъ „Федры“; но развѣ безконечный монологъ Карла V. передъ гробницей Карла Великаго, не есть тотъ же разсказъ Теранса, которому нѣтъ конца. Онъ также утомятъ для зрителей. И какия сцены скука вѣсть отъ знаменитой сцены съ портретами. Викторъ Гюгъ, когда писалъ ее, думалъ, что онъ очень сцениченъ. А нисколько наоборотъ, ничто такъ не замедляетъ дѣйствія, какъ это безвольное наречіе сцене предковъ.

Надо видѣть въ какое затруднительное положеніе поставленъ актеръ, играющій Донъ-Карлоса во время этой исключительной болтовни стараго Голеда. При чтеніи, это и въ голову не приходитъ. На сценѣ неправдоподобность сцены бросается въ глаза. Донъ-Карлосъ двадцать разъ заставилъ бы стараго болтуна замолчать. И все это ради того, что нисколько хотѣлось удесатерить эффектъ, чтобы сильнѣе подчеркнуть, что Сильва не можетъ видать своего гостя. Вѣдь въ томъ, что весь эффектъ пропадаетъ: его приходится слишкомъ долго ждать.

Конечно, во время перваго представленія много хлѣвали. Но не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ характера этихъ апплодисментовъ. Я говорилъ уже, что невозможно разсуждать въ наше время о театрѣ Викторъ Гюгъ. Слишкомъ много вліяній дѣйствуютъ на публику, чтобы восторгъ, съ какою встрѣчено возобновленіе представленія его драмы, былъ справедливымъ и безпристрастнымъ приговоромъ. Во-первыхъ, выступаетъ впередъ вопросъ политическій, который очень важенъ. Въ Викторѣ Гюгѣ привѣтствуютъ великаго патріота, великаго республиканца. Съ другой стороны, въ театрѣ присутствуетъ романтическій хвостъ, т.-е. я подразумѣваю подъ этимъ людей, ублаживаемыхъ въ юности романтизмомъ и привѣтствующихъ эту литературу своей молодости, безъ разбора партій.

Овда слѣдуетъ причислить юное поколѣніе поэтовъ, зачисленныхъ въ романтической полкъ. Съ одной стороны уваженіе къ человѣку, съ другой — глубокое литературное восхищеніе помогаютъ тому, что весьма осязательная скука, производимая мессой, скрывается за этими оваціями.

Если бы я сказалъ, что публика оставалась холодна, несмотря на аплодисменты, то это смѣшивало бы на парадоксъ. А между тѣмъ это чистая правда! Сколько разъ въ мѣстахъ, заранѣе опредѣленныхъ, одни влабры дѣйствовали, среди ледяного безмолвія залы; раздавался вдругъ тотъ рѣзкій, особенный залпъ рукоплесканій, который внезапно начинается и внезапно кончается, точно ружейный залпъ. Въ другихъ мѣстахъ вся зала одушевилась; но только это всегда бывало по поводу стиховъ, которые останутся самыми прекрасными въ нашей французской поэзіи. Въ „Негнані“ всегда рукоплещутъ поэту, но не драматическому писателю.

Мнѣ остается высказать еще послѣдній аргументъ, а поговорю въ нѣсколькихъ строкахъ о двухъ актеракъ, игравшихъ въ этой драмѣ: Монне-Сюлли и Вормсѣ. Вормсѣ въ роли Донъ-Карлоса имѣлъ такой громадный успѣхъ, что Монне-Сюлли, игравшій роль Эрнани, отошелъ на задній планъ. Это весьма характеристичное обстоятельство. Главное несчастье Монне-Сюлли, этого талантливаго актера, заключается въ томъ, что онъ родился полустолѣтіемъ позже. Ему слѣдовало родиться вмѣстѣ съ Фредерикомъ Леметромъ и Вокажемъ. Нѣтъ сомнѣній, что тогда онъ нашелъ бы себѣ мѣсто, тогда какъ теперь я считаю, что онъ совсемъ не въ своей сферѣ.

Рѣчь Монне слишкомъ отрывиста и слишкомъ пламенна для нашихъ ушей. Его пѣвучій голосъ удивляетъ насъ, мы находимъ неестественнымъ то, какъ онъ ворочаетъ глазами и скалитъ свои бѣлые зубы; когда онъ ходитъ по сценѣ, то кажется просто бѣшенымъ возлѣ своихъ спокойныхъ и разсудительныхъ товарищей. Дѣло въ томъ, что въ немъ течетъ кровь 1830 г., и онъ играетъ Эрнани такъ, какъ бы его играли въ то время, а потому въ настоящее время намъ онъ кажется почти смѣшнымъ. Возлѣ него Вормсѣ кажется совсѣмъ инымъ. Этотъ послѣдній какъ-бы созданъ для натуральной драмы. Онъ анализируетъ свою роль, овладѣваетъ ею вполне и передаетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Это искусный художникъ, страстно любящій правду и которому противны бесполезныя преувеличенія. И подумайте, какое чудо! онъ сказалъ монологу Карла V-го съ такимъ величественнымъ спокойствіемъ, что весь успѣхъ оказался на его сторонѣ. Развѣ это не изумительно? реальный актеръ побѣждаетъ романтическаго актера, и какъ разъ

на почвъ 1880 г.? Романтическая формула значить совсѣмъ отжила, если Ворису сдѣлали овацію въ „Негпапѣ“.

Меня лично упрекали въ томъ, что я неблагодарный сынъ романтизма. Нѣтъ, я вовсе не неблагодаренъ. Я знаю, что наши старшіе братья выиграли славную битву и проникнуты восхищеніемъ и благодарностью къ Виктору Гюго. Но только чтѣ меня сердитъ и когда я начинаю возмущаться, такъ это тогда, когда сектанты коуютъ основать французскую литературу на романтизмѣ. Если вы завоевали свободу, то дозвольте и намъ воспользоваться ею. Романтизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ возмущеніемъ; намъ предстоитъ теперь воспользоваться побѣдой, создавая правдивыя произведенія. Движеніе, начатое вами, продолжается нами, что-жь тутъ удивительнаго? Это человѣческій законъ. Мы заимствуемъ вашъ умъ, но не хотимъ вашей риторики.

Я уже говорилъ, какое мѣсто занимаетъ Викторъ Гюго въ моей иншости. Я отъ него не отрекся, но думаю только, что пора помѣстить его въ музей нашихъ великихъ писателей, рядомъ съ Корнелемъ и Мольеромъ. Драмы его будутъ даваться время отъ времени, какъ славныя формулы искусства извѣстной эпохи. Не забудутъ, что „Негпапѣ“ былъ написанъ имъ въ двадцать семь лѣтъ, и что онъ принесъ съ собой цѣлую литературную революцію. Блескъ этой поэзии будетъ вѣчно восхищать. Но само собой разумѣется, что нельзя считать „Негпапѣ“ послѣднимъ словомъ нашей драматической литературы, что эта литература продолжаетъ развиваться, что болѣе логическая и болѣе глубоко-гуманная формула можетъ наследовать формулѣ романтической.

Возобновленіе представленій „Негпапѣ“ ничего не доказываетъ. „Негпапѣ“ произведеніе классическое, и ему можно только рукоплескать. Слѣдовало бы Виктору Гюго поставить на сцену тѣ двѣ драмы, которыя лежатъ у него въ портфелѣ, какъ говорятъ, чтобы можно было судить о точномъ впечатлѣніи новаго произведенія, написаннаго по старой формулѣ. Что касается меня, то я резюмирую свое мнѣніе, сказавъ, что драмы поэта—очень плохой театръ, драпированный очень красивыми стихами.

VI.

Другой аргументъ, къ которому не преминуть прибѣгнуть критики натурализма—это великій успѣхъ, одержанный на послѣднихъ дняхъ въ Ambigu гг-ми Деннери и Кормонъ большой, шести-актной мелодрамой: „Une cause célèbre“. Публика на первомъ представленіи не переставала плавать и аплодировать. Это фактъ, который слѣдуетъ засвидѣтельствовать и рассмотреть.

Главной удачей авторовъ оказался выборъ сюжета, глубоко гуманнаго. При ихъ знаніи театра имъ пришло въ голову: какую трогательную драму можно построить на положеніи, имѣвшемъ мѣсто въ нѣсколькихъ недавнихъ процессахъ: а именно на положеніи отца убійцы, котораго дочь, дѣвочка четырехъ или пяти лѣтъ, своимъ показаніемъ передаетъ отца въ руки правосудія. Прологъ будетъ раздирающій, а въ пьесѣ поднѣе отецъ и дочь снова сталкиваются, причемъ все дѣло въ томъ, чтобы по возможности драматичнѣе обработать ихъ взаимное отношеніе.

Само собой разумѣется, авторы избрали точкой отправленія обстоятельство, неизбежное для мелодрамы: отецъ невиненъ. И вотъ такой прологъ въ двухъ картинахъ сочинили они. Мы находимся наканунѣ битвы при Фонтенѣ. Одинъ сержантъ, Жанъ Рено, приходитъ тайкомъ повидаться съ женой Мадленой и дочерью Адриенной, пятилѣтнимъ ребенкомъ. Но главнымъ образомъ онъ пришелъ затѣмъ, чтобы вручить Мадленѣ на храненіе фамиліи бумажки и драгоценности, переданныя ему однимъ путешественникомъ, графомъ де-Морва, очутившемся между двухъ армій, смертельно раненымъ, и подарившимъ ему сумму въ триста лундоровъ. Надо сказать, что Жанъ Рено спасъ графа отъ одного мародера, еврея Лазаря, который готовился добить графа. Жанъ Рено уходитъ обратно въ лагерь; но не успѣлъ онъ выйти въ дверь, какъ Лазарь, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, входитъ въ окно. Онъ хочетъ, чтобы Мадлена видела ему бумажки и драгоценности, но такъ какъ та сопротивляется, а маленькая Адриенна, запертая въ сосѣдней комнатѣ, принимается кричать, то онъ велитъ матери, чтобы она заставила умолкнуть ребенка, сказавъ: не бойся, я съ твоимъ отцомъ. Мадлена падаетъ, сраженная ударомъ ножа, сбѣгаютъ сосѣди, сенешаль составляетъ протоколъ на основаніи показанія дѣвочки, которая повторяетъ то, что она слышала. И никто въ селеніи этому не удивляется, потому что Жанъ Рено, честный человѣкъ, обожавшій жену, зачастую страшно ссорился съ ней изъ ревности. Вторая картина пролога происходитъ

на другой день послѣ битвы при Фонтенѣ. Жанъ Рено взялъ знамя, и его полковникъ д'Обтерръ поздравляетъ его. Въ эту минуту приходитъ сенешаль съ маленькой Адриенной. Съ Жана Рено снимаютъ допросъ, ребенокъ дѣлаетъ свое показаніе, и отецъ присуждается къ смертной казни, поверженный въ самое трагическое отчаяніе насильственной смертью жены и страшнымъ обвиненіемъ дочери. Ему остается вѣрять только его товарищъ по оружію Шамборанъ, который не вѣритъ въ его виновность.

Итакъ, вотъ завязка. Этотъ прологъ заранѣе даетъ предчувствовать все содержаніе драмы, и для того, кто знаетъ бульварный репертуаръ, не трудно угадать то, что произойдетъ. Можно навѣрное предсказать, что Адриенна, очень счастливая, встрѣтится со своимъ отцомъ, очень несчастнымъ, и что невинность этого послѣдняго, послѣ болѣе или менѣе жестокихъ перипетій, будетъ, наконецъ, признана, между тѣмъ, какъ настоящій виновный, Лазарь, будетъ наказанъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Искусство авторовъ должно заключаться лишь въ томъ, чтобы самымъ занимательнымъ образомъ привести публику къ развязкѣ, уже заранѣе имъ извѣстной. Развязка извѣстна, но неизвѣстно, какъ дойдутъ до нея авторы. И даже не нужно быть особенно догадливымъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ Лазарь будетъ уличенъ. У Мадлены было очень роскошное ожерелье, подаренное ей въ день свадьбы ея крестной матерью г-жой д'Обтерръ. Жанъ Рено положилъ его вмѣстѣ съ драгоценностями, врученными ему графомъ де-Морна, такъ что Лазарь, если только вздумаетъ продать эти драгоценности, — безсознательно для самого себя, предъявить доказательство совершеннаго имъ убійства и воровства. Вотъ и вся незатѣйливая механика драмы, весьма искусно построенной.

Итакъ, драма развязывается весьма развязно, даже слишкомъ развязно. Когда драматурги неловки, то они становятся нахальны. Шамборанъ спокойно поручилъ Адриенну герцогу и герцогинѣ д'Обтерръ, которые воспитываютъ ее, какъ приемную дочь, не подозревая о томъ: кто ея отецъ. Въ драмѣ есть весьма сложныя сцены, которыхъ я не стану разбирать и которыя клонятся единственно лишь къ тому, чтобы весь этотъ людъ, знавшій другъ друга, на дѣлѣ двѣнадцать лѣтъ позабылъ другъ о другѣ. У герцога и герцогини, конечно, это просто-на-просто расфянность. Наконецъ, какъ бы то ни было, а въ ту минуту, какъ молодая дѣвушка, богатая, счастливая, осипанная всѣми благами и всѣми дарами, готовится выдти замужъ за молодого офицера, котораго любить, проходить по дорогѣ толпа каторжниковъ, которыхъ вѣжливо просятъ войти въ

парк отдохнуть подъ тѣнистыми деревьями. Да! представьте себѣ, какъ все это просто дѣлается на свѣтѣ. Они входятъ, и отецъ узнаетъ дочь, потому что, само-собою разумѣется; Жанъ Рено находится въ числѣ этихъ каторжниковъ. Отецъ и дочь кричатъ добрыхъ четверть часа, между тѣмъ какъ другіе каторжники дѣлаютъ видъ, что ничего не слышатъ. Затѣмъ, наконецъ, когда надо слова пуститься къ путь, Жанъ какъ-будто спохватывается, что они не одни, и становится въ рядъ, дѣлая знавъ дочери молчать. Мнѣ это показалось комичнымъ. Однако публика плачетъ—и очень горько.

Драма была бы кончена, если бы авторы не придумали новой интересной перипетіи.

У Адриенны есть пріятельница, вмѣстѣ съ ней воспитывавшаяся въ монастырѣ, Валентина, исторія которой тоже очень романтическая. Отецъ ея довѣрилъ ее вавонниссѣ д'Армалье и затѣмъ исчезъ бесслѣдно. Между тѣмъ, оказывается, что Валентина дочь графа де-Морна. Когда Лазаръ появляется съ бумагами и драгоценностями, которыя у него хранились въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, онъ заявляетъ притязанія на титулъ графа де-Морна, чтобы войти во владѣніе громадными помѣстьями, и такъ какъ ему нужно прежде призвать Валентину, чтобы достигъ своей цѣли, то онъ является за ней въ замокъ д'Обтерръ, гдѣ она находится вмѣстѣ съ Адриенной. Я ничего не говорю про этого терпѣливаго мошенника, но, право, онъ слишкомъ хитеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ наивенъ. Валентина признаетъ въ немъ отца. Но вотъ, роясь въ знаменитыхъ драгоценностяхъ, она находитъ знаменитое ожерелье Мадлены, которое Адриенна сто разъ ей описывала. А такъ какъ мнимый графъ де-Морна лишаетъ Жана Рено его послѣдней надежды, дѣлая противъ него убійственное показаніе, что онъ никогда и не думалъ довѣрять своихъ драгоценностей и своихъ бумагъ этому солдату, то Валентина больше не сомнѣвается: ея отецъ—убійца. Тутъ я ожидалъ, что все зала расхохочется, до того это невѣроятно; но ничуть не бывало,—зала принялась аплодировать. Очевидно вѣдь, что человѣкъ, убившій Мадлену и укравшій бумаги, не можетъ быть графомъ де-Морна. Естественно было бы Валентинѣ подумать: „этотъ человѣкъ не можетъ быть моимъ отцомъ. Онъ укралъ драгоценности, онъ укралъ титулъ, онъ вообще воръ и лгуна“. Но, ради хода драмы, нужно было, чтобы Валентина повѣрила, что она дочь этого негодяя. Такимъ образомъ, положеніе ея относительно Адриенны весьма драматично. Адриенна, пяти лѣтъ отъ роду, выдала отца, не вѣдая, что творить, и это злое дѣло убиваетъ ее. Валентина, взрослая и сознающая смыслъ своихъ поступковъ, можетъ ли, въ свою очередь, выдать отца,

чтобы спасти невиннаго Жана Рено? Велѣдствіе этого, между Валентиной и мнимымъ де-Мориа — и затѣмъ между обѣими дѣвушками — происходить весьма мучительныя и хорошо написанныя сцены.

Наконецъ, пьеса развязывается такъ, какъ этого можно было ожидать, судя по прологу. Каленисса сообщаетъ Валентинѣ, что она дочь графа де-Мориа, но что негодяй, который явился къ ней, конечно, не ея отецъ. Съ этой минуты, Валентина болѣе не колеблется показать ожерелье — и Лазарь уличенъ. Жанъ Рено, находящійся здѣсь по призыву герцога, котораго авторы нарочно сдѣлали губернаторомъ Прованса, объявляется невиннымъ, и Адриенна выходитъ замужъ за своего молодого офицера, который выказался такимъ рыцаремъ, что въ продолженіи всей драмы восторгался гуманной мыслью, что женится—во что бы то ни стало—на дочери невиннаго каторжника.

Такова „Une cause célèbre“—и, повторяю, я безъ малѣйшаго смущенія свидѣтельствую объ ея весьма законномъ успѣхѣ. Особенно обветшала вѣдь драма романтическая, драма историческая, драма съ развѣвающимися султаномъ и длинными тирадами. Денвери и Кормонъ, правда, помѣстили свою драму въ царствованіе Людовика XV, но весь вопросъ тутъ только въ однихъ костюмахъ. Пьеса вполнѣ современная. Къ тому же, надо сознаться, что мелодрама въ такомъ видѣ была и останется силой. Какъ хотите вы, чтобы толпа оставалась равнодушной къ такимъ сильнымъ впечатлѣніямъ: мать, которую убиваютъ, маленькая дѣвочка, кричащая за кулисами, отецъ, обвиняемый по-напрасну? Публика всегда роковымъ образомъ будетъ ходить на такіа представленія, подобно тому, какъ она ходитъ смотрѣть, какъ гильотинируютъ въ улицѣ Лароветтъ, или—какъ она бросается на улицу—глядѣть на раздавленнаго человѣка. Это удовольствіе чисто-физическое, если въ этомъ вообще есть какое-нибудь удовольствіе. Нервы потрясены, слезы текутъ невольно. Это эффектъ вѣрный и сильный, противъ котораго безсильны всѣ литературныя разсужденія, всѣ вопросы вкуса.

По-моему, прологъ превосходитъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если бы замѣнить въ немъ языкъ, который ни на что не похожъ, то я бы не потребовалъ другого ни для какой современной драмы, написанной по той формулѣ, на которую я указывалъ. Я рѣдко видѣлъ на театрѣ что-либо болѣе удачное и эффектное, чѣмъ убійство Мадленъ. Во второй картинѣ, отчаяніе отца, страшное показаніе Адриенны требовали бы гениальности для того, чтобы вышло все то, что должно было бы выйти; но въ сущности авторы достаточно намѣтили поло-

жизнѣ. Зато все пропало тамъ, гдѣ начинается самая драма. Какая дикая комбинація: герцогъ и каторжанинъ! Какъ бы вы хохотали, если бы неожиданное волненіе не хватало бы васъ за горло. Деннери и Кормонъ посмѣялись бы въ отвѣтъ на мой упрекъ, что жкъ драма невѣроятна. Очень имъ нужна правда! они хотятъ только завладѣть публичкой. И вотъ они громоздятъ эффекты на эффектъ, заранее зная, въ какихъ мѣстахъ женщины будутъ плакать. Каторжанинъ приходить къ герцогу—сенсация! дочь, въ платьѣ съ оборками, бросается въ объятія отца въ красной курткѣ—сенсация! злодѣй приходитъ со пикатулкой—сенсация! развѣвка, которой всѣ ожидаютъ и которую заранее предвидѣть, приходитъ безъ малѣйшей неожиданности, но сенсация, тѣмъ не менѣе, произведена,—сенсация вопреки и наперекоръ всему. И самыя глупыя фразы, глупыя до слезъ, будутъ вызывать наибольшее рукоплесканій. Это—фактъ, и сердиться на него бесполезно. Общественной глупости всегда нуженъ будетъ каковой-нибудь поводъ.

Но какой критикъ осмѣлится сказать нашей литературной молодежи:—вы видите, такія вещи удаются, ищите же ихъ.

Гдѣ тотъ варваръ, тотъ человѣкъ, лишенный всякаго вкуса, который бы захотѣлъ возлечь на нашъ театръ въ такой омутъ? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что мелодрама—родъ грубый и низкій, не заслуживающій особыхъ притязаній. Я его оставляю на его мѣстѣ и только желаю ему немного болѣе здраваго смысла и немного болѣе стила. Неужели это слишкомъ большое требованіе. Когда пьесу Деннери и Кормона дадутъ двѣсти или триста разъ орду, отъ нея останется только брошюра, надъ которой посмѣются наши дѣти. Съ болѣе или менѣе уваженіемъ къ правдѣ, они могли бы оставить послѣ себя литературное произведеніе.

VII.

Я уже указала, говоря о тѣхъ пьесахъ, которыя пользуются успѣхомъ, на тѣ выводы, какія думаю извлечь изъ всего этого. Мы имѣемъ дѣло уже не съ теоріей, а съ цѣлымъ рядомъ опредѣленныхъ и весьма типичныхъ фактовъ. Давно уже я предсказывала развитіе на театрѣ натуралистическаго движенія; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы стремленіе къ наслѣдованію и анализу, выражающее собой весь девятнадцатый вѣкъ и внесшее переворотъ во всѣ науки и искусства, оставило въ сторонѣ драматическое искусство. Естественныя науки появились въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Химія, физика родились

вмѣстѣ съ нашими столѣтіемъ; исторія и критика возродилась и были такъ сказаны созданы послѣ революціи; цѣлый новый міръ вышелъ изъ нѣдра земли и пришлось начинать снова: анализировать челоука и матерію, изслѣдовать то, что существуетъ. Изъ этого выросла великая натуральная или реалистическая школа, которая глухо, немолимо развивалась, шествуя зачастую въ потемкахъ, но тѣмъ не менѣе подвигаясь впередъ гигантскими шагами и восторжествовавшая наконецъ во очю. Въ романѣ Балзака былъ смѣлѣмъ и могучимъ новаторомъ, поставившимъ на мѣсто воображенія поэта наблюденіе ученаго. Но въ театрѣ переворотъ совершался гораздо медленнѣе. Никакой еще знаменитый писатель не выразилъ новой идѣи въ какой-нибудь драмѣ или комедіи. Только въ силу аналогіи можно было предсказывать, что театръ не останется въ сторонѣ отъ общаго движенія вѣка.

Теперь у насъ налицо факты, и я указалъ на нихъ. Я не придаю тѣмъ пьесамъ, которыя даются въ настоящее время на нашихъ театрахъ, такого значенія, какаго у нихъ нѣтъ. Но онѣ тѣмъ не менѣе являются весьма интересными симптомами. Какъ вы думаете: стали бы англодировать „l'Ami Fritz“ двадцать лѣтъ тому назадъ? Конечно, нѣтъ. Эта пьеса, въ которой во-время ѣдятъ, въ которой влюбленный говоритъ такимъ обыденнымъ языкомъ, возмутилъ бы и классиковъ и романтиковъ. Чтобы объяснить ея успѣхъ, надо признать, что время сдѣлало свое дѣло, и медленный переворотъ совершился въ публикѣ. Правдивыя картины, отглаголиванія сначала, теперь привлекаютъ. Толпа увлечена, и отнынѣ театръ доступенъ для всякихъ попытокъ. Вотъ единственное заключеніе, какое можно вывести. Въ театрѣ „Guzpase“ успѣхъ „Pierre Gendron“ быть можетъ еще удивительнѣе для того, кому знакомъ прѣсный репертуаръ этого театра. И тамъ произошло типичное явленіе: „Pierre Gendron“ выдержалъ только двадцать представленій, несмотря на успѣхъ перваго. Онъ снискалъ рукоплесканія образованной публики, но публика буржуазная осталась къ нему холодна, что доказываетъ медленность того движенія, о которомъ я говорилъ. Что касается „Club“ и „Cigale“, то успѣхъ ихъ, болѣе постоянный, очевидно зависитъ отъ декораций и „mise-en-scène“. Поэтому не слѣдуетъ преувеличивать торжества. Публика еще не вполне побѣждена. Но она вступила на путь уступокъ и на этомъ пути уйдетъ далеко.

Если изучить ближе исторію нашей драматической литературы, то мы различимъ въ ней нѣсколько рѣзко очерченныхъ періодовъ. Во-первыхъ, мы видимъ младенчество искусства, фарсы и мистеріи среднихъ вѣковъ, простыя речитативы, говорившіяся среди рече-

ской „mise-en-scène“ и самых первобытных декораций. Мало-помалу пьесы усложняются, но самым варварским образом, и когда появляется Корнель, то его приветствуют главным образом как новатора, потому что он очищает драматическую формулу того времени и освящает ее своим гением.

Расинъ и Мольеръ тоже новаторы, непризнанные современниками и вызывавшіе ихъ несправедливыя и даже разъяренныя сужденія. Было бы весьма любопытно и поучительно изучить по документамъ то, какъ классическая формула создавалась у насъ. Она навѣрное соответствовала образованію и общественному духу той эпохи. Ничто не бываетъ прочно, если не построено на потребностяхъ общества. Трагедія царила въ продолженіи трехъ вѣковъ, потому что она отвѣчала потребностямъ трехъ вѣковъ. Гении различныхъ темпераментовъ поддерживали ее своими произведеніями. Поэтому мы видимъ, что она долго еще господствовала даже и тогда, когда второстепенные таланты производили совсѣмъ ничтожныя вещи. Она была установившейся силой и продолжала при этомъ служить литературнымъ выраженіемъ того общества, и ничто не могло бы сокрушить ее, если бы само общество не исчезло. Послѣ революціи, послѣ этого глубокаго переворота, который все преобразилъ и создалъ новый міръ, трагедія продолжала еще влечить жалкое существованіе, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Затѣмъ формула рухнула, и восторжествовалъ романтизмъ, воцарилась новая формула. Надо переместись въ первую половину нашего столѣтія, чтобы вполне понять значеніе этого крика свободы. Новое общество еще не сложилось окончательно. Возбужденныя умы, насильственно перенесенныя изъ одной сферы въ другую, пребывали въ опасномъ лихорадочномъ состояніи, и первое прижизненіе, какое они сдѣлали изъ завоеванной свободы, выразилось въ слезахъ и вопляхъ, въ мечтаніяхъ объ изумительныхъ похиженіяхъ, о сверхъестественной любви. Всѣ глядѣли на звѣзды и убивались—весьма любопытная реакція противъ общественнаго освобожденія, провозглашеннаго цѣною такихъ потоковъ крови. Я остаюсь въ предѣлахъ драматической литературы, и утверждаю, что романтизмъ въ театрѣ былъ мятежомъ, вторженіемъ побѣдоносной толпы, которая насильно протиснулась на сцену съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами. Въ первую минуту, сражающіеся главнымъ образомъ старались поразить умы новой формой; они риторикѣ противопоставили другую риторикю, древности—средніе вѣка, экзальтацію страсти экзальтаціи долга. Вотъ и все, такъ какъ сценическая условность перемѣстилась,—и только. Дѣйствующія лица продолжали быть марионетками, только иначе одѣтыми, и ничто не измѣнилось кромѣ наруж-

ности и языка. Впрочемъ, этого было довольно для того времени. Надо было завладѣть театромъ во имя литературной свободы, и романтизмъ выполнилъ роль мятежника съ невѣроятнымъ блескомъ. Но кто же не понимаетъ въ настоящее время, что этимъ роль его и ограничилась. Развѣ романтизмъ выражаетъ наше общество тѣмъ или инымъ способомъ? развѣ онъ соответствуетъ потребностямъ нашей эпохи? Очевидно, нѣтъ. Поэтому онъ уже устарѣлъ, какъ жаргонъ, котораго мы больше не понимаемъ. Классическая литература, которую онъ льстилъ себя надеждою замѣнить, жила въ продолженіи трехъ вѣковъ, потому что она опиралась на самый складъ того общества; но романтизмъ, ни на чемъ не основанный, кромѣ фантазій нѣсколькихъ поэтовъ или, если хотите, переходящей болѣзни умовъ, возбужденныхъ историческими событіями, долженъ былъ роковымъ образомъ исчезнуть вмѣстѣ съ этой болѣзнію. Онъ послужилъ поводомъ къ великолѣпному расцвѣту лирики, и это будетъ его вѣчной славой. Но въ настоящее время, когда переворотъ выяснился окончательно, всѣмъ стало очевидно, что романтизмъ былъ просто-напросто звеномъ между классической литературой и реалистической. Мятежъ оконченъ, и теперь предстоитъ основать новое государство. Натуральная школа вытекаетъ изъ классическаго искусства, подобно тому какъ новое общество основано на обломкахъ древняго общества. Она одна соответствуетъ нашему общественному состоянію, она одна имѣетъ глубокіе корни въ современномъ духѣ, и она дастъ единственную формулу прочнаго и живучаго искусства, потому что эта формула выразитъ современное мышленіе. Вѣ ея нѣтъ и не можетъ быть ничего, кромѣ скоропреходящихъ модъ и фантазій. Она, повторяю, служитъ выраженіемъ нашего вѣка, и чтобы ей погибнуть, необходимо было бы, чтобы новый переворотъ преобразовалъ наше демократическое общество.

Теперь можно пожелать одного только: появленія гениа, который бы освѣтилъ натуралистическую формулу. Въ романѣ появился Бальзакъ, и романъ былъ основанъ. Когда появятся наши Корнели, Расины, Мольеры, чтобы основать у насъ новый театр? Я указалъ на нихъ предвозвѣстниковъ. Остается—надѣяться и ждать.

Эмиль Зола.

ДВА ДѢЛА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ.

СБОРНИКЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
Т. XXI. Спб. 1877.

Юбилей Александра I-го, заключившій собою истекшій годъ, благодаря и значенію того времени, и усиліямъ печати, вызвалъ въ обществѣ новый интересъ къ Александровской эпохѣ; въ теченіи двухъ-трехъ дней газеты были переполнены обзорѣми этого двадцати-пяти-лѣтія, біографическими подробностями, рассказами отдѣльных эпизодовъ, анекдотами и т. п. Все это, правда, получило размѣры болѣе крупныя, нежели то было въ обычаѣ при подобныхъ случаяхъ, но все это, конечно, и ограничилось одною поверхностью общественной жизни, гдѣ вообще такъ скоро вытѣсняются одни впечатлѣнія другими, болѣе новыми. Иное значеніе имѣютъ факты изъ области науки, историческіе памятники эпохи. Хотя новый выпускъ (21-й томъ) „Сборника Русскаго Историческаго Общества“ появился ко дню юбилея и притомъ посвященъ исключительно времени Александра I-го, но, по важности его содержанія, самому выбору напечатанныхъ въ немъ документовъ, этотъ выпускъ совершенно выдѣляется изъ ряда эфемеридъ, которыми обыкновенно сопровождался всѣ юбилей.

Документы, вошедшіе въ составъ новаго выпуска, характеризуютъ собой два главныхъ дѣла царствованія Александра I-го:—защита государства отъ могущественнаго внѣшняго врага, и защита его отъ не менѣе могущественныхъ внутреннихъ враговъ, а именно, общественной апатіи, повальной лжи, повсемѣстнаго хищничества, всякихъ административныхъ злоупотребленій, при полномъ безсиліи закона. Кульминаціоннымъ пунктомъ внѣшней борьбы была отечественная война; хотя она окончилась полнымъ торжествомъ, но за нимъ побѣдителя уже ожидали сѣти Меттерниха; война внутренняя была только объявлена въ видѣ реформъ,—но такъ и осталась неоконченною, заглушевною шумомъ и блескомъ внѣшней борьбы.

Для эпохи отечественной войны въ „Сборникѣ“ изданы донесенія и письма самому императору и канцлеру графу Румянцову изъ-за границы: изъ Парижа—князя А. В. Куракина и графа А. П. Шувалова; полковника А. И. Чернышева—изъ Шенбрунна, близъ Вѣны, и изъ

Парижа; и барона Сухтелена—изъ Стокгольма. Эпоха, которую обнимаютъ эти документы, а именно, 1809—1812 гг., служила прологомъ къ колоссальной европейской войнѣ, и уже это одно говоритъ о великой важности ихъ и необыкновенномъ интересѣ. Это, можно сказать, повѣствованіе, продиктованное самими дѣйствующими лицами; въ прежнее время писали романы въ письмахъ, и именно подобнымъ романомъ можно назвать всю эту дипломатическую переписку, и читается она съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, какъ читаются романы лучшихъ авторовъ. Особенно любопытны своими живыми подробностями, схваченными, очевидно, съ натуры, донесенія полковника А. И. Чернышева (впослѣдствіи князя и военного министра). Мы можемъ здѣсь представить, конечно, только небольшой образчикъ оттуда, и остановимся именно на томъ, что имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ интересамъ дня.

Донесеніе пишется въ октябрѣ 1810 года, прямо къ императору. Въ Россіи идетъ война съ Турціею, и военныя дѣйствія сосредоточены около Рущука. Французскій дворъ живетъ въ Фонтенблѣ; 9-го октября у императора балъ. Полковникъ Чернышевъ собирается оставить Францію; его пригласили также на балъ. Наполеонъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы, кромѣ письменнаго обращенія къ императору Александру, довести чрезъ Чернышева устно до его свѣдѣнія о многихъ важныхъ вещахъ и изобразить ему „положеніе дѣлъ такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ, и въ томъ свѣтѣ, въ какомъ Наполеонъ желаетъ“. Императоръ отводитъ Чернышева къ окну—и тамъ, въ сторонѣ отъ другихъ, завязывается бесѣда.

„Его Величество,—говоритъ Чернышевъ,—спросилъ меня, не имѣемъ ли мы (т.-е. въ посольствѣ) извѣстій о нашихъ дѣлахъ въ Турціи, и сказалъ, что онъ предполагаетъ—теперь Рущукъ уже взятъ, и сдача этой крѣпости должна была быть непремѣннымъ послѣдствіемъ битвы при Ботинѣ; его мнѣніе таково, что мы могли бы заключить миръ, самое позднее—въ январѣ мѣсяцѣ. Тогда турки, гордые тѣмъ, что сопротивлялись и сражались нѣкоторое время съ русскими, и, сверхъ того, теряя окончательно надежду на поддержку со стороны континентальныхъ державъ, сочли бы необходимымъ уступить обѣ провинціи (нынешнюю Румынію), которыя мы уже завоевали. По его мнѣнію, была ошибка съ нашей стороны, что турки показали въ этой кампаніи больше энергии и сопротивленія, чѣмъ въ предыдущія, и что наша переправа чрезъ Дунай произвела въ нихъ такую тревогу и придала мужество; что онъ не понимаетъ, каковъ былъ нашъ планъ: если идти на Константинополь, то пришлось бы преодолѣть много трудностей, не только со стороны турокъ, но и со стороны

другихъ державъ. Для осуществленія этого проекта нужно было имѣть во главѣ арміи человѣка, соединявшаго въ себѣ военныя доблести съ большими политическими соображеніями; что въ этомъ отношеніи графъ Каменскій былъ очень слабъ... Его (Наполеона) мнѣніе и планъ были таковы, что мы должны были бы удовольствоваться тѣмъ, чтобы расположивъ четыре дивизіи на лѣвомъ берегу Дуная, отражать турокъ каждый разъ, когда они пытались переправиться, а не прорываться дальше. Онъ былъ увѣренъ, что тогда турки, видя, что отобрать завоеванныя провинціи имъ не удастся, и видя согласіе между великими континентальными державами, по необходимости принуждены были бы заключить миръ на требуемыхъ условіяхъ, что такого рода война съ ними не произвела бы въ нихъ ни того энтузіазма, ни того испуга, которые они показали, а слѣдовательно стѣбла бы намъ меньше людей и меньше денегъ... Послѣ этого онъ мнѣ говорилъ о нашемъ вежсальномъ курсѣ и сказалъ: „не война съ англичанами была причиной тому, что онъ сдѣлался такъ плохъ; что надо винить въ этомъ дурное управленіе финансами у насъ съ давнихъ поръ и слишкомъ большое количество выпущенныхъ ассигнацій“...

Нѣсколько дней спустя, полковникъ Чернышевъ имѣлъ новую и длинную бесѣду съ Наполеономъ; вся она посвящена мирнымъ увѣреніямъ императора и его доводамъ въ пользу невозможности самой мысли о войнѣ между Россією и Францією. Любопытно, что въ 1810 году Наполеонъ высказалъ по этому поводу мысль, которая спасла бы его черезъ два года, если бы онъ ее не забылъ: „Я не зналъ бы что дѣлать, углубившись во льды Польши, или войдя въ долины Украины“, говорилъ Наполеонъ въ опроверженіе слуховъ, будто онъ собирается объявить войну Россіи.

Чѣмъ болѣе мы приближаемся во времени окончательнаго разрыва, тѣмъ болѣе выступаетъ въ письмахъ и доносеніяхъ драматическая сторона дѣла, подготовлявшаго въ тиши кабинетныхъ переговоровъ и обюдныхъ вѣжливостей колоссальное столкновеніе народовъ, со всеми внутренними пружинами этой драмы и изворотами, ключъ въ которыхъ, очевидно, держалъ въ своихъ рукахъ Наполеонъ. Историкъ найдетъ тутъ массу мелкихъ указаній на ничтожныя факты, которые явились потомъ причиною великихъ событій. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, Буракинъ, видно, былъ уже вполне увѣренъ въ неизбежности войны, и даже, „уступая требованіямъ своей совѣсти“, смѣло рѣшился взяться не за свое дѣло и изложить императору Александру I-му свой планъ предстоящей войны съ Наполеономъ. Замѣчательно, что это какъ разъ тотъ планъ, который

вскорѣ началъ приводить въ исполненіе Барклай-де-Толли. „Полагаю,—пишетъ Куракинъ,—что мы не должны упускать изъ виду, что наша имперія не имѣетъ иныхъ крѣпостей, кромѣ груди нашихъ солдатъ, тогда какъ Наполеонъ ведетъ войну въ 800 миляхъ отъ Франціи, и ея границы защищены многими линіями крѣпостей, начиная съ тѣхъ, которыя онъ велѣлъ возвести послѣ Тильзитскаго мира въ герцогствѣ Варшавскомъ. Не для того, чтобы показать наше невыгодное въ военномъ отношеніи положеніе, я позволяю себѣ сдѣлать это замѣчаніе, но для того, чтобы вывести изъ него такое заключеніе, что необходима крайняя осторожность, государь, чтобы не подвергнуть опасности цѣльность нашихъ границъ, которыя на огромномъ пространствѣ, отъ Риги до Каменца, совершенно открыты, и не рѣшатся на генеральныя сраженія. Настоящій способъ вести эту войну, по моему мнѣнію, долженъ заключаться въ томъ, чтобы избѣгать всякаго генеральнаго сраженія и сообразоваться, сколько возможно, съ малою войною, принятою въ Испаніи противъ французъ, чтобы ихъ тревожить и стараться уничтожить недостаткомъ продовольствія такія огромныя массы, которыя они поведутъ на насъ“.

Но еще за годъ до вступленія въ борьбу съ Наполеономъ, указанія на неизбежность ея были очень слабыя; надежда на мирный исходъ дѣлъ, повидимому, преобладала, и 1810 и 1811 годы могли явиться потому кульминаціоннымъ пунктомъ въ другомъ великомъ дѣлѣ Александровской эпохи: въ эти два года окончательно созрѣла мысль о великихъ внутреннихъ реформахъ и даже были сдѣланы первыя шаги къ ихъ осуществленію. Для разъясненія сущности этого другого великаго дѣла помѣщенъ въ новомъ выпускѣ Сборника „Отчетъ въ дѣлахъ 1810 года, представленный императору Александру I-му М. М. Сперанскимъ, 11-го февраля 1811 года“, почти наканунѣ отечественной войны. Изъ первыхъ строчекъ этого отчета видно, какъ его авторъ намѣренъ былъ отнестись къ своему дѣлу, различая при этомъ публичныя и довѣренныя отчеты: „Въ публичныхъ отчетахъ,—говоритъ Сперанскій,—министры и управляющіе разными частями обыкновенно стараются доказать, что все идетъ наилучшимъ образомъ. Я считалъ бы себя недостойнымъ вниманія Вашего, если бы въ довѣренномъ отчетѣ дозволилъ себѣ представлять подобныя увѣренія“.

Насколько финансы опредѣляютъ общее положеніе дѣлъ, оно было во времени отечественной войны, и еще за два года до нея, дѣйствительно критическое: „125 милліоновъ дохода, 225 милліоновъ расхода, 577 милліоновъ долгу“ — такъ восклицаетъ Сперанскій,

перейдя къ финансовымъ вопросамъ. Въ теченіи двадцати-двухъ лѣтъ передъ тѣмъ (1787 г.—1809 г.) всѣ финансовыя операціи, по словамъ отчета, состояли въ одномъ выпускѣ ассигнацій, и только въ годъ самаго отчета въ первый разъ былъ составленъ правильный финансовый планъ. Такимъ образомъ съ 1-го января 1810 года, можно сказать, въ первый разъ началась у насъ финансовая исторія. „Въ какихъ обстоятельствахъ должно было планъ сей приводить въ дѣйствіе?“—спрашиваетъ Сперанскій.—„Тогда, какъ сильнымъ потрясеніемъ весь кредитъ Европы почти уничтожился, когда цѣльня царства, такъ сказать, исчезали, торговля въ отчаяніи, самая недвижимая собственность безъ достовѣрности, и одно то только каждый считаетъ своимъ, что можно спасти отъ войны и скрыть отъ налоговъ—серебро и золото. Въ семъ состояніи общественныхъ дѣлъ, въ теченіи одного года, среди всеобщаго, такъ сказать, пожара, надлежало исхитить наши финансы изъ опаснаго ихъ положенія“.

Какъ человекъ государственнаго ума, Сперанскій понималъ, что финансы составляютъ только часть всего механизма, а потому еще въ концѣ 1809 года онъ составилъ „общій планъ государственнаго устройства, который — говорится въ отчетѣ — Вашему Величеству угодно было разсмотрѣть и опредѣлить и всего послѣдствіемъ было учрежденіе совѣта (государственнаго) и министерствъ въ настоящемъ ихъ видѣ“. По „общему плану“, въ его отдѣлѣ государственныхъ установленій, предполагалось открыть въ теченіи 1810 года или преобразовать три органа: государственный совѣтъ, министерства и сенатъ. Но устройство сената совѣмъ не удалось окончить; устройство министерствъ осталось только не завершеннымъ, вслѣдствіе отсутствія уставовъ и недостатка между ними связи и единообразія: „вслѣдъ за симъ работа сія совершится: въ ней останется одинъ только важный пунктъ неразрѣшеннымъ: отношеніе министерствъ къ сенату, доколѣ сенатъ не будетъ образованъ“.

Вообще Сперанскій признавался въ томъ, что дѣло преобразованія шло слишкомъ медленно и мало успѣшно и искалъ причины тому не въ однихъ естественныхъ затрудненіяхъ. „Нельзя не признать здѣсь, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ—такъ говоритъ онъ въ заключеніе—что время ихъ совершенія (т.-е. государственныхъ установленій) далеко отстало отъ первоначальнаго предназначенія; но если исчислить множество текущихъ дѣлъ, воина ходъ сихъ важныхъ учреждений непрестанно былъ затрудняемъ, если разсудить, что при учрежденіяхъ сихъ соображенія личныя у насъ, какъ и вездѣ, столько же представляютъ трудностей, сколько и самое дѣло, если, наконецъ, измѣрить все время и труды, поглощенные устройствомъ

финансовъ, не только въ главныххъ его операціяхъ, но и въ самыхъ подробностяхъ: то умедленіе сіе окажется естественнымъ.—Тѣмъ же менѣе нельзя не сожалѣть о потери времени, и если что можетъ въ самъ утѣшить, то одна только мысль, что предметы сіи не отложены и не потеряны изъ виду, но всё находится въ движеніи и болѣею частью близки къ своему концу“.

Эти слова, полныя надеждъ, отдѣлялись отъ новой всеобщей европейской войны всего какимъ-нибудь годомъ. Изъ всѣхъ задуманныхъ реформъ въ болѣе законченномъ видѣ явился одинъ государственный совѣтъ. „Но сколь далеко еще—воскликаетъ Сперанскій—отстоитъ установленіе сіе отъ совершенства! Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще не продолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограничено, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще по необходимости избирать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шагу поровнялся онъ въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ мы видимъ. Недостатокъ сей не можетъ однако же быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится. Нужно только вести его единообразно и неослабно“.

Но всё сѣтованія отчета на „естественное умедленіе“, жалобы его на „личныя соображенія“, которыя „у насъ, какъ и вездѣ, столько же представляютъ трудностей, сколько и самое дѣло“,—все это не помѣшало Сперанскому оцѣнить важность и заслугу того, что уже было совершено подъ личнымъ покровительствомъ императора. „Совѣтъ—говоритъ онъ въ примѣчаніяхъ къ отчету—учрежденъ не для разрѣшенія судныхъ дѣлъ, но для того, чтобъ власти законодательной, доселѣ расцѣпанной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы и учрежденія не были разсматриваемы съ болѣею зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ болѣею свободою, такъ какъ и никогда (должно правду сказать) самодержецъ не внималъ ее съ болѣею терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ, умъ самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобъ російскій императоръ могъ съ приличіемъ ска-

затѣ, въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта“; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. — Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствию. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, которое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краюгольному его камню. — Но если бы зданіе сіе и не совершилось; если бы политическія наши установленія и не двинулись впередъ: то и въ семь предположеній совѣтъ есть уже весьма важное учрежденіе. — Есть мѣры, кои одно лицо, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти представляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть рассчитываютъ ихъ министры, присуждаетъ совѣтъ; а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать своего необходимаго утвержденія. — Бываютъ и могутъ быть положенія критическія, въ коихъ тяжесть сія должна быть нарочито увеличена. Таковъ есть случай войны. Здѣсь государь долженъ защищать свое отечество, а дѣло его совѣта есть измѣрять и налагать мѣру частныхъ пожертвованій. Совѣтъ долженъ въ нихъ отвѣтствовать, сколько бы оно ни казалось чрезмѣрнымъ. Такимъ образомъ власть верховная будетъ всегда сохранять свойственный ей характеръ; она будетъ имѣть менѣе произвольности, но болѣе истинной дѣйствующей силы“.

Вся эта бесѣда, вставленная въ дѣловой отчетъ, дѣлаетъ много чести уму и характеру лица, которое вело ее, а еще болѣе тому, кто ей благосклонно внималъ. Императоръ, какъ видно изъ того же отчета, вовсе не находилъ себѣ поддержки ни въ окружающей его средѣ, ни въ самомъ обществѣ. Объ этомъ можно легко заключить изъ той опасности, каковой подвергался въ то время самъ Сперанскій, избранный для выполненія предначертаній императора. Въ самомъ концѣ отчета, Сперанскій, жалуясь на многочисленность своихъ обязанностей, откровенно говоритъ государю: „... Я слишкомъ часто и на всѣхъ путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистію, а еще болѣе съ неразуміемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчь? Въ теченіи одного года я попеременно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и дѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подъячихъ преслѣдовала меня за указъ 6-го августа эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вельможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного,

безъ всякихъ связей, меня ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ какъ опаснаго уловителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ негѣностямъ, но, скрывая собственныя ихъ страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной; я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента и когда пользы ихъ страстей требовали противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей; но какъ скоро движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ челоуѣка опаснаго и во все то, что Вашему Величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ... Простите мнѣ, Ваше Величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастье къ Вамъ приближаться, я имѣлъ случай, можетъ быть, болѣе другихъ познать силу и пространство Вашихъ мыслей и желаній не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоять государства. Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ Вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: доколѣ никакія уваженія, никакія неприятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе".

Еще не такъ давно существуетъ „Русское Историческое Общество“, а уже оно успѣло оказать большія услуги наукѣ и внести много свѣта въ наше недавнее прошедшее, особенно въ тѣ двѣ эпохи, которыя справедливо продолжаютъ привлекать къ себѣ вниманіе—Екатерининскую и Александровскую. Хотя послѣдній томъ приготовленъ къ юбилейному торжеству, но, какъ мы уже замѣтили, онъ не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ поспѣшности работы: планъ его, очевидно, былъ заблаговременно обдуманъ, и текстъ внимательно редактированъ недожившимъ до конца своей работы А. Н. Поповымъ. Проф. Вестужевъ-Рюминъ посвятилъ, въ началѣ тома, памяти покойнаго нѣсколько весьма сочувственныхъ страницъ, вполне заслуженныхъ неизмѣннымъ трудолюбіемъ покойнаго на большомъ пространствѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ дѣятельности, отрывшейся въ 1847 году однимъ изъ почтенныхъ трудовъ въ нашей славянской литературѣ: „Путешествіе въ Черногорію“; оно не утратило своего значенія и до настоящей минуты. Десять лѣтъ тому назадъ и нашъ журналъ былъ обязанъ покойному его

трудами. Въ 1868 г. онъ напечаталъ у насъ двѣ статьи: въ январѣ, февралѣ и мартѣ — „Послѣдняя судьба панской политики въ Россіи“; и въ апрѣлѣ — „Дѣло Новикова и его товарищей“; въ 1869 г., въ январѣ — „Екатерина II и іезуиты“. А. Н. Поповъ не переставалъ трудиться надъ историческими изслѣдованіями до послѣднихъ дней жизни. Новѣйшая его работа надъ бытовою и политическою исторіею отечественной войны, издававшаяся въ „Русскомъ Архивѣ“, къ сожалѣнію, кажется, осталась не совсѣмъ оконченною: смерть застала автора надъ этимъ почтеннымъ трудомъ и сдѣлала тѣмъ болѣе чувствительною утрату, понесенную историческою наукою въ лицѣ покойнаго.

М. С.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 ноября по 20 декабря 1877 года.

28-го ноября вечеромъ, по Петербургу пронеслась вѣсть, что Плевна пала, и Османъ съ своею арміею взятъ въ плѣнъ. На слѣдующій день появилось оффиціальное извѣстіе объ этой побѣдѣ и вызвало восторгъ. Плевна могла быть занята, по выходѣ оттуда Османа; но она была взята вмѣстѣ съ арміею и съ Османомъ во главѣ ея; наконецъ, Плевна съ 44-хъ-тысячною арміею Османа не сдалась намъ на капитуляцію, вынужденная однимъ голодомъ или потерями отъ бомбардировки, какъ сдались нѣмцамъ Мецъ, Страсбургъ, Парижъ, Тіонвилль и т. д. Нѣтъ, она была взята съ бою, послѣ отчаянной попытки непріятеля пробиться. Все это представляло полное удовлетвореніе національному чувству, которое было болѣзненно возбуждено почти пяти-мѣсячною обороною Плевны, съ троекратнымъ отраженіемъ нашихъ нападеній. Естественно потому, что паденіе ея вызвало въ Россіи искренній и всеобщій восторгъ. Подъ вліяніемъ его, русское общество охотно усвоило себѣ теперь ту легенду о гениальности Османа, которая прежде была сложена англійскими и нѣмецкими

писателями. Почти такое же легендарное значеніе въ этомъ дѣлѣ было придано и той мысли, что Плевна можетъ быть взята только посредствомъ „стального кольца“. Впрочемъ, такъ всегда бываетъ, при всѣхъ войнахъ. Легенда сперва замѣняетъ собой исторію. Но даже и тогда, когда устанавливается критическій взглядъ исторіи, легенда продолжаетъ существовать на ряду съ нею, и представляетъ собой исторію популярную.

Паденіе Плевны до такой степени преобладало надъ прочими фактами войны за прошлый мѣсяць, что должно занять собою почти все мѣсто настоящаго обзора. Но прежде, чѣмъ рассказать самое событіе, необходимо провѣрить самыя представленія о значеніи плевнинскаго періода нынѣшней войны.

Главное изъ этихъ представленій то, что „Плевна“ явилась какъ нѣчто случайное, измѣнившее всѣ условія войны за Дунаемъ; что „Плевны“ могло и не быть, и тогда русскія войска, быть можетъ, уже теперь находились бы въ Константинополѣ или по меньшей мѣрѣ въ Адрианополѣ; что гениальнымъ авторомъ „Плевны“ былъ Османъ-паша, и что если бы не его гений, то ничто не задержало бы нашего торжественнаго наступленія впередъ; наконецъ, что только благодаря оригинальной мысли о необходимости „стального кольца“ и затѣмъ благодаря новому плану и работамъ подъ Плевною, которыя постепенно служивали это кольцо, мы ее и взяли. Всѣ эти представленія, если хотите, вѣрны въ общихъ чертахъ, какъ вѣрны въ своей сущности и народныя былинны, когда въ случайныхъ олицетвореніяхъ передаютъ смыслъ историческихъ событій. Но въ эпическихъ представленіяхъ много совершенно-неточнаго, и самыя простыя вещи являются въ нихъ съ примѣсью чего-то чудеснаго.

Что такое означала „Плевна“ въ дѣйствительности, въ смыслѣ стратегическомъ, и что была сама Плевна какъ позиція, въ смыслѣ тактическомъ? Уяснимъ себѣ эти два вопроса, и тогда убѣдимся, что первую роль играла въ этомъ дѣлѣ сила вещей, а не сила чьего-либо личнаго творчества.

„Плевна“ въ смыслѣ стратегическомъ означала ни болѣе ни менѣе какъ необезпеченность праваго фланга нашей общей линіи дѣйствій. Необезпеченность эта явилась просто потому, что мы двинулись впередъ, не обезпечивъ себя достаточными силами противъ Виддина. Допустимъ, что перейдя черезъ Дунай въ составѣ семи корпусовъ, наши войска направились бы прежде всего на дунайскія вѣрности; что одинъ корпусъ сталъ бы въ Добруджѣ, два двинулись въ Руссукю, затѣмъ въ Силистрію; два взяли бы Никополь и пошли

бы на Виддинѣ, а два остальные остались бы въ Систовѣ и впереди его между Осмою и Янтрой, готовые отразить нападеніе главной турецкой арміи изъ четырехугольника на линію Янтры и подкрѣплять по мѣрѣ нужды виддинскій отрядъ. И при такой системѣ дѣйствій, самое большое, что мы сдѣлали бы до сихъ поръ на Дунаемъ, при силахъ въ 200 тысячъ человекъ, могло быть только взятіе Виддина или Рущука (предполагая Никополь взятымъ). Дѣло въ томъ, что двухъ корпусовъ было бы недостаточно, чтобы овладѣть Виддиномъ, гдѣ стоялъ Османъ съ 40 т. чел., имѣя возможность рассчитывать на вспомогательныя силы изъ Ниша и изъ Западной Болгаріи, т.-е. на тѣ еще 30 тысячъ человекъ, которые онъ въслѣдствіи стянулъ къ себѣ въ Плевну. Съ другой стороны, Рущукъ могъ быть взятъ двумя корпусами не иначе, какъ при помощи нашихъ центральныхъ силъ, которыя нанесли бы пораженіе на Янтрѣ или на Ломѣ главной турецкой арміи, идущей отъ Разграда, изъ четырехугольника.

Итакъ, при полномъ обеспеченіи нашей базы на Дунаѣ и обонхъ нашихъ фланговъ, никакихъ силъ для серьезнаго наступленія впередъ, въ глубь Болгаріи, у насъ бы не осталось. Стало бы насъ задержала на пять мѣсяцевъ не Плевна, но недостаточность силъ, съ которыми была начата кампанія. Вѣдь, Виддина мы также не взяли бы тремя штурмами, при силахъ, равныхъ съ турецкими, и если бы попытались при этомъ условіи штурмовать Виддинѣ, то были бы еще вѣрнѣе отражены каждый разъ, чѣмъ отъ Плевны.

Но мы хотѣли идти впередъ: таковъ былъ первоначальный планъ; мы пренебрегали Виддиномъ, который былъ далеко, верста за двѣсти; подражая нѣмцамъ, мы пошли мимо крѣпости, но не подражали имъ въ томъ, что они обходили крѣпости не иначе, какъ оставляя противъ каждой изъ нихъ достаточныя силы. Мы пошли впередъ, и вотъ—тогда явилась передъ нами „Плевна“. Но что же означало ея неожиданное, хотя вовсе не случайное появленіе? Оно означало, что самъ Виддинѣ, пренебреженный нами, потому что былъ вдали, придвинулся къ намъ ближе и сталъ, въ образѣ Плевны, у самой Осмы, то-есть на самомъ боку нашей растянутой операционной линіи, напомнилъ намъ о своемъ существованіи и о томъ, что такой силы нельзя обойти, не принявъ предварительно мѣръ, чтобы нейтрализовать ея дѣйствіе.

Что же потребовалось въслѣдствіи для того, чтобы сломить армію Османа въ Плевнѣ и нейтрализовать Виддинѣ, удерживая въ то же время напоръ восточной турецкой арміи изъ четырехугольника, и тѣ переходы, которые уже были заняты нами далеко впередъ, въ

Балканахъ? Потребовалось переправить вновь за Дунай тысячъ семьдесятъ человекъ русскихъ войскъ, привлечь къ войнѣ Румынію, а за нею и Сербію. Итакъ, что же была „Плевна“ въ смыслѣ стратегическомъ: это былъ только передвинутый Виддинъ, не болѣе; съ той, пожалуй, разницей, что настоящій Виддинъ все-таки остался, но сохранилъ уже только третъестепенное значеніе.

Переходя теперь къ личной „геніальности“ Османа-паши, выскажемъ такое мнѣніе, что личный талантъ онъ проявилъ главнымъ образомъ только какъ инженеръ, не въ смыслѣ строителя, конечно, такъ какъ честь строительства принадлежала начальнику инженеровъ, но въ смыслѣ генерала, сумѣвшаго оцѣнить громадное значеніе окоповъ при скорострѣльномъ оружіи. Самое движеніе его изъ Виддина въ Плевну, которое считается геніальной чертой, не было даже плодомъ его инициативы: оно было предписано ему изъ Константинополя военнымъ совѣтомъ. Корреспондентъ весьма серьезной по своимъ сообщеніямъ „Politische Correspondenz“, оставшійся доселѣ въ самомъ Виддинѣ, писалъ ей, уже послѣ взятія Плевны: „когда Османъ-паша, въ іюнѣ, получилъ предписаніе предпринять фланговое движеніе въ Плевну, онъ стянулъ къ себѣ всѣ свободныя войска“ и т. д. Что движеніе арміи Османа не было замѣчено, въ этомъ странно видѣть заслугу Османа, такъ-какъ 40-тысячную армію на пути скрыть нельзя. Допустимъ, что Осману не было предписано идти только къ Плевнѣ; ему было скорѣе предписано идти на помощь Никополю, что оказалось уже поздно.

Ставъ затѣмъ на плевнинскую позицію, крѣпкую по природѣ, Османъ тотчасъ принялся укрѣплять ее, и въ этомъ его положительная заслуга. Затѣмъ, его дивизія отбила 8 іюля штурмъ трехъ нашихъ полковъ, имѣвшихъ слабую артиллерию; въ этомъ ужъ никакой заслуги турецкаго начальника не было; далѣе — съ 40 тысячами человекъ, Османъ сталъ въ крѣпкой позиціи, и, имѣя превосходное ручное оружіе съ громадными запасами патроновъ, отбилъ 18 іюля штурмъ нашихъ двухъ дивизій. Могло ли быть иначе? Могли ли 20—30 челов. отстоять штурмомъ такую позицію у непріятеля, во всякомъ случаѣ стойкаго и энергическаго? Наконецъ — штурмъ 30 августа: 70 тысячъ человекъ противъ 70 же тысячъ, въ позиціи, сдѣланной почти неприступною: могъ ли быть результатъ иной, чѣмъ былъ, и причеиъ тутъ геніальность турецкаго полководца?

Но вотъ его прямая, хотя и болѣе скромная заслуга: онъ превосходно укрѣпилъ Плевну. Редуты его, съ нѣсколькими ярусами козменговъ, потребовали громадной работы, которая была исполнена весьма быстро и поддерживалась во все время осады; самое распо-

ложепіе редутовъ, взаимно-поддерживавшихъ одинъ другой, было весьма искусно. Его инженерныя работы нейтрализовали и тѣ успѣхи, какіе намъ случалось одерживать: мы взяли большой гривицкій редуть, но владѣніе имъ не принесло намъ никакой пользы; позади его уже готовъ былъ другой, почти равнотильный и для перваго неуязвимый. Мало того. Сознвая всю важность для себя обезпеченія софійскаго шоссе, по которому долженъ былъ двигаться къ нему вспомогательный корпусъ и по которому получались всѣ снабженія, Османъ возвелъ на самомъ этомъ шоссе рядъ укрѣпленій, каковы Дольній-Дубнякъ, Горній-Дубнякъ и Телишъ. Безъ взятія ихъ невозможно было и обложеніе Плевны.

Въ необходимости такого обложенія мы, наконецъ, убѣдились въ сентябрѣ. Конечно, это была мысль превосходная, но возможно ли было не придти къ ней? Неужели же, послѣ трехъ штурмовъ, стоившихъ намъ 32 т. чел., мыслимо было надѣяться еще на четвертый штурмъ? Итакъ, при всей несомнѣнной основательности и важности того убѣжденія, что намъ оставалось дѣйствовать только блокадой, излишне было бы видѣть въ немъ нѣчто совершенно-оригинальное, неожиданное, такое, что могло и не установиться само собою.

Затѣмъ, судьба Плевны была рѣшена взятіемъ гвардіею укрѣпленій на софійскомъ шоссе и расположеніемъ гренадерскаго корпуса на лѣвомъ берегу рѣки Виды, въ тылу западныхъ турецкихъ укрѣпленій и моста изъ Плевны на Видѣ. Послѣ этого, вопросъ о сдачѣ Плевны дѣлался уже только вопросомъ времени. Правда, Османъ могъ рассчитывать на помощь изъ Орханіе и Софія, сперва отъ Шефкета, потомъ отъ Мехемета-Али пашей. Но генералъ Гурко, овладѣвъ Горнимъ-Дубнякомъ и Телишомъ, разстроилъ корпусъ Шефкета; затѣмъ, двинувшись на Правецъ и на Этрополь, и взявъ эти пункты, принудилъ Мехемета-Али очистить Орханіе и изъ наступательной роли перейти къ роли оборонительной при Арабъ-Конакѣ. Тогда исчезла уже всякая надежда для Османа.

Вся суть дѣла съ нашей стороны, дѣйствительно, и заключалась въ этомъ обложеніи и въ отраженіи турецкаго корпуса, назначеннаго къ деблокированію Плевны. Что касается непосредственныхъ дѣйствій подъ самой Плевною, то-есть противъ ея укрѣпленій, то они сами-по-себѣ вовсе не обусловливали овладѣнія Плевною. Правда, мы взяли еще 30-го августа большой гривицкій редуть, а затѣмъ генералъ Скобелевъ овладѣлъ южною позиціею, такъ-называемыми „Зелеными высотами“. Но ни гривицкій редуть, ни Зеленныя высоты никакого вреда остальнымъ турецкимъ позиціямъ не нанесли. „Служиваніе кольца“ заключалось въ томъ, что у насъ производились по-

вля работы, переставлялись батареи для болѣе успѣшнаго дѣйствія. Но, по отзывамъ всѣхъ очевидцевъ, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ, никакого замѣтнаго дѣйствія наша бомбардировка и съ новыхъ батарей не производила. Корреспондентъ „Голоса“, г-нъ Градовскій, приводитъ свой разговоръ съ командиромъ одной изъ нашихъ осадныхъ (24-хъ-фунтовыхъ) батарей; командиръ сказалъ ему о себѣ: „мы стрѣляемъ скорѣе безпокойства ради, чѣмъ для серьезнаго вреда. Вѣдь Плевну мы думаемъ взять не бомбардированіемъ!“ Тотъ же корреспондентъ приводитъ слухъ объ изреченіи генерала Тотлебена, что взятіе Плевны было—„сухарный вопросъ“.

Итакъ, весь вопросъ былъ въ обложеніи и успѣшномъ дѣйствіи противъ вспомогательной арміи, выдвинувшейся въ Орханіе. Необходимость обложенія была столь очевидна, особенно послѣ третьяго неуспѣшнаго штурма, что мысль о ней не могла принадлежать никому въ отдѣльности; она была — очевидностью для всѣхъ. Но что же сдѣлало возможнымъ обложеніе: только прибытіе гвардейскаго, части гренадерскаго корпусовъ и еще другихъ поддержекъ, что— вмѣстѣ взятое—доводило русскую армію съ румынскою за Дунаемъ до цифры свыше 300 тысячъ человекъ.

Итакъ, всѣ главныя черты дважды измѣнявшагося положенія дѣлъ были обусловлены прежде и болѣе всего—самой силою вещей. Что касается специально таланта Османа-паши, то выше уже указано, въ чемъ именно онъ главнымъ образомъ проявился: въ энергіи производствъ работъ и искусномъ расположеніи веревовъ. О „геніальности“ его говорить рѣшительно нѣтъ повода и замѣтны даже, что Османъ-паша, пришедшій въ Плевну не по своему почину, въ дѣйствительности не выполнилъ и той задачи, которая на него была возложена, когда ему было предписано сдѣлать это движеніе. Угрожать флангу противника, можетъ быть достаточно, когда противникъ еще не сдѣлалъ ошибки, не вытянулся впередъ, оставивъ свой флангъ необезпеченнымъ. Но когда такая ошибка уже сдѣлана, тогда требуется брать непріятеля во флангъ, а не только угрожать ему. И вотъ, если бы Османъ, послѣ успѣшнаго отраженія двухъ нашихъ штурмовъ, 8-го и 18-го іюля, двинулся во второе изъ этихъ чиселъ въ Систову, преслѣдуя насъ, какъ онъ имѣлъ полную возможность это сдѣлать, тогда могло произойти нѣчто такое, что вполне оправдало бы основную мысль его движенія къ Плевнѣ. Но этого, онъ не сдѣлалъ, а, стало-быть, ничего лично-геніальнаго и не произвелъ.

Онъ остался въ Плевнѣ. Говорять, онъ остался выжидать третьяго нашего штурма, а послѣ третьяго — четвертаго, затѣмъ катаго. Но какое же основаніе могъ онъ имѣть къ ожиданію, что мы будемъ

дѣлать эти новые штурмы? Онъ остался въ Плевнѣ и оставался тамъ *самимъ домо*. Если Плевна не должна была служить опорой для наступательнаго дѣйствія, для прорыва нашей операціонной линіи, а только играла роль задержки, то роль ея была окончена въ сентябрѣ, послѣ третьяго штурма. Въ то время наши подкрѣпленія были еще въ пути, Осману было не трудно выйти изъ Плевны по софійскому шоссе, прикрываясь рядомъ укрѣпленныхъ позицій, которыхъ мы, при равенствѣ силъ съ нимъ, быть можетъ, и не взяли бы, а онъ соединился бы съ Шефкетомъ и устроилъ бы ближе къ Балканамъ, оставался на лѣвомъ флангѣ, новую „Плевну“, болѣе близкую къ Софіи и Адрианополю, — наконецъ, защищаемую 70-тысячнымъ войскомъ, а не 44-тысячнымъ, какъ было нынѣ. Между тѣмъ, оставившись въ Плевнѣ на неопредѣленное время, онъ тѣмъ самымъ, очевидно, обрекалъ себя и свою армію на гибель, — и участь его ставилась сперва вопросомъ о Шефкетъ-пашѣ, о Мехметъ-Али-пашѣ, а потомъ уже и просто „сухарнымъ вопросомъ“.

Въ какомъ положеніи былъ этотъ „сухарный вопросъ“ къ концу ноября, у насъ, повидимому, не было извѣстно съ достовѣрностью. За то о приготовленіяхъ турокъ къ движенію изъ Плевны и о самомъ началѣ его свѣдѣнія у насъ были получены заблаговременно, и всѣ командиры частей были предупреждены быть на-готовѣ. Не имѣя возможности отступать на Софію, Османъ-паша рѣшился пробиться въ направленіи къ Виддину. Для этого слѣдовало двинуться по софійскому шоссе, которое на протяженіи 4—5 верстъ идетъ изъ Плевны по широкой ложбинѣ — сперва къ сѣверу, а потомъ поворачиваетъ на западъ. Эта ложбина закрыта съ обѣихъ сторонъ возвышенностями, на которыхъ расположены сѣверныя и сѣверо-западныя укрѣпленія Плевны. Тамъ, по правой сторонѣ ложбины находятся редуты опанешскій и буковскій, на который румыны дѣлали однажды неуспѣшное нападеніе. Ложбина пересѣкается далѣе рѣкою Видомъ, чрезъ которую каменный мостъ ведетъ къ митропольскимъ высотамъ, на сѣверо-западѣ отъ Плевны. Здѣсь слѣдовало пробиться сквозь русскія траншеи и, оставивъ софійское шоссе, идти далѣе на Виддинъ. Не имѣя въ настоящее время такихъ обстоятельныхъ официальныхъ свѣдѣній, которыя разъясняли бы самый ходъ дѣйствія, мы въ дополненіе къ телеграммамъ и краткому описанію „Русскаго Инвалида“, беремъ пространную телеграфическую корреспонденцію г. Магъ-Гахана въ „Daily-News“ и, въ особенности, прекрасный рассказъ г. Градовскаго въ „Голосѣ“.

Для удобства переправы Османъ устроилъ черезъ Видъ еще два моста изъ телегъ, для пѣхоты, предназначивъ каменный мостъ собственно для артиллеріи и для обоза. Видъ былъ такъ мелокъ, что

его въ крайнемъ случаѣ можно было перейти и въ бродъ. На софійскомъ шоссе, за мостомъ, была устроена батарея изъ 4 орудій, которыя могли обстрѣливать все пространство за рѣкой по направленію къ Митрополю. Въ ночь на 28 ноября Османъ перевелъ отборныя свои войска за рѣку Видъ, въ Плевнѣ же оставилъ больныхъ и только незначительное число войска для прикрытія отступления. Но самая линія передовыхъ редутовъ и городъ оказались пусты, когда туда стали вступать съ востока и юга наши войска. Такъ какъ ложбина закрыта со всѣхъ сторонъ, то съ нашихъ позицій нельзя было видѣть движенія по ней турецкихъ войскъ. Османъ-паша, находясь самъ въ передовомъ отрядѣ, ударилъ на митропольскую позицію съ такой стремительностью, что раздавилъ занимавшій ее сибирскій гренадерскій полкъ; несмотря на отчаянное сопротивленіе этого полка, турки овладѣли окопами и взяли шесть нашихъ орудій.

Между тѣмъ, войска наши, заранѣе предупрежденныя о приготовленіяхъ турокъ, послѣшили на канонаду и ружейную пальбу, которыя раздались за Видомъ. Атака была произведена непріателемъ на лѣвый флангъ расположенія гренадерскаго корпуса. Справа послѣшили на помощь сибирскому полку гренадерскіе же полки: сперва самогитскій, за нимъ астраханскій, къ которому командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ Ганецкій, обратился съ ободрительными словами, указывая ему на необходимость взять снова во что бы то ни стало занятую непріателемъ нашу позицію. Гренадеры бросились въ атаку и послѣ ожесточеннаго боя сбили непріателя съ позиціи, отнявъ у него нашу батарею. Въ этотъ моментъ на помощь гренадерамъ подоспѣла 3-я гвардейская пѣхотная дивизія. Турки потеряли сами 7 орудій и знамя, и стали отступать за Видъ.

Но отступление обратно въ Плевну было уже для нихъ невозможно. Услыхавъ около 8 часовъ утра канонаду за Видомъ, русскія и румынскія войска съ востока и юга двинулись впередъ и заняли большіе редуты, оставленные турками. Румыны заняли второй гривицкій редутъ, потомъ двинулись къ Опанешу и овладѣли имъ, послѣ слабого сопротивленія частей, оставленныхъ Османомъ для прикрытія. Въ тылу турокъ, отступавшихъ отъ Митрополя за Видъ, раздались выстрѣлы румыновъ, и непріатель, подвергшись одновременно натиску нашихъ гренадеръ отъ Митрополя и огню румыновъ съ тыла, смѣшался въ нестройныя толпы, скученныя на обонхъ берегахъ Вида. Вскорѣ среди ихъ появился бѣлый флагъ. Между тѣмъ, съ юга войска генерала Скобелева вступили въ крешинскій редутъ; всѣ редуты впереди Плевны и самый городъ постепенно были заняты нашими войсками безпрепятственно.

Около половины девятаго выдѣлка Османа оказалась уже не-

успѣшною, но бой продолжался еще четыре часа; только около 12 часовъ огонь началъ стихать и въ половинѣ перваго у турокъ показался бѣлый флагъ. Къ генералу Ганецкому подѣхалъ турецкій офицеръ для переговоровъ. Но генералъ объявилъ ему, что для переговоровъ долженъ явиться одинъ изъ главныхъ начальниковъ турецкой арміи. Тогда прибылъ начальникъ турецкаго штаба, Теверикъ-паша, и объявилъ, что Османъ-паша раненъ. Между тѣмъ, русскіе и турки близъ моста стояли уже мирно, всего въ пятидесяти шагахъ другъ отъ друга. Генералъ Ганецкій поѣхалъ самъ къ домику, въ которомъ находился Османъ-паша, раненый въ ногу. Въ домикѣ онъ напелъ пашу, сидѣвшаго на скамейкѣ. Османъ тотчасъ согласился на безусловную капитуляцію: вылазка не удалась, а всѣ позиціи, которыя составляли силу Плевны, были уже въ нашихъ рукахъ. Послѣ этихъ переговоровъ, къ мосту прибылъ и великій князь — главнокомандующій. Свиданіе генерала Ганецкаго съ Османомъ происходило въ два часа, а въ три часа турки уже буквально „положили“ оружіе, тамъ, гдѣ стояли, такъ что вся дорога была покрыта ружьями. Англійскій корреспондентъ передаетъ слѣдующія слова генерала Скобелева объ Османѣ: „У него—физіономія великаго полководца; я въ восторгѣ, что видѣлъ его; онъ гаси (непобѣдимый) Османъ и останется Османомъ-побѣдителемъ, несмотря на то, что сдался“.

Замѣчанія, сдѣланныя въ началѣ статьи, позволяютъ намъ огорчиться и здѣсь, что удивленіе къ геніальности Османа, такъ сильно высказавшееся у насъ, было преувеличено; собственно радость, внушенная побѣдой, сказывалась и въ этомъ удивленіи и даже въ нѣкоторомъ сочувствіи къ Осману. Между тѣмъ, такого сочувствія онъ уже рѣшительно не заслуживалъ; въ Плевнѣ не оказалось ни одного плѣннаго русскаго или румына; вспомнимъ еще, что послѣ отбитія нашихъ штурмовъ 18 іюля и 30—31 августа Османъ не позволялъ намъ подобрать раненныхъ, изъ которыхъ многіе погибли отъ неодачи помощи, не говоря о тѣхъ, которые сдѣлались жертвами башибузукровъ.

Численность арміи Османа, положившей оружіе въ Плевнѣ, представляла 44 т. чел., сверхъ потери, доходившей до 4 т. чел. по показанію начальника турецкаго штаба. Въ числѣ плѣнныхъ находилось 10 нашихъ: мушнръ Османъ-паша, ферикъ Альди-паша, 8 бригадныхъ генераловъ и 2128 офицеровъ. Орудій взято 77. Въ Плевнѣ оставалось еще большое число раненныхъ и больныхъ, которые не были взяты Османомъ въ обозъ и не считаются въ приведенной цифрѣ плѣнныхъ. Наши потери представляли: 77 офицеровъ и 1792 нижнихъ чина.

Взятіе Плевны и послѣдовавшее за нимъ вступленіе въ войну

Серби сдѣлаю возможнымъ распредѣлить нашу плевнискую армію или какъ она называлась, „отрядъ обложенія Плевны“, между софійскимъ и рущукскимъ отрядами и балканскимъ отрядомъ генерала Радецаго. Какъ совершенно это распредѣленіе, о томъ до сихъ поръ свѣдѣній не имѣется. Мы должны теперь бросить взглядъ на дѣйствія этихъ отрядовъ въ направленіи къ Софіи, на Ломѣ и близъ Трнова.

Дѣйствія софійскаго отряда, генерала Гурко, въ тылу Плевны раздѣлялись на три момента, весьма различныхъ по своему значенію. Первый моментъ—взятіе Дубнява и Телиша обусловило обложеніе Плевны; второй моментъ—взятіе Правца и Этрополя, означало наступленіе противъ арміи Мехемета-Али и лишеніе защитниковъ Плевны всякой надежды на его помощь; наконецъ, третій, наступившій послѣ совершеннаго очищенія сѣверныхъ склоновъ этропольскаго Балкана отъ вспомогательной арміи Мехемета, оставленія имъ города Орханіе и отступленія за переваль,—означало уже нѣчто новое, неизвѣстное болѣе никакого отношенія къ Плевнѣ. Генералу Гурко предстояло теперь совершить второй забалканскій походъ, идти на Софію и далѣе по дорогѣ на Филиппополь, преслѣдуя отрядъ Мехемета, и въ соединеніи съ войсками генерала Радецаго, которыя наступали бы съ сѣвера, дать рѣшительныя сраженія турецкимъ войскамъ за Балканами. Но этотъ второй походъ за Балканы генералъ Гурко совершаетъ уже не съ 10—15 т. чел., какъ первый, а съ 50 ю тысячами, которыя имѣютъ быть вѣроятно еще усилены на цѣлую половину.

Дѣйствія этого отряда очень интересны въ военномъ отношеніи, такъ какъ они представляютъ рядъ шахматныхъ ходовъ, принуждавшихъ непріятеля уступать одну позицію за другою, но замѣчательны еще и по той картинности, физической и нравственной, какую представляетъ борьба съ могучими силами балканской природы, стоящей за турокъ. Войска всходятъ на высокія горы, причемъ пунжи поднимаются солдатами на обледѣлыя кручи горъ. Къ каждой ротѣ генералъ отрядилъ одно орудіе, возложивъ доставку его на указанную позицію на отвѣтственность ротнаго командира; въ каждой ротѣ имѣются лѣмки для того, чтобы поднимать пунжи на позицію людьми. При сильныхъ морозахъ, войска съ немощными трудами поднимаются на такія позиціи, которыя были оставлены турками безъ охраны, потому что считались ими неприступными. Овраги и лѣса, горы и снѣга—все это преодоливается необыкновенной настойчивостью и выносливостью нашихъ солдатъ.

Послѣ того, какъ Правецъ и Этрополь были заняты нами, турки вышли изъ Орханіе и заняли мѣстечко Врачанъ, при входѣ въ

ущелье р. Бебрена, чтобы удерживать дальнѣйшее наступленіе русскихъ по софійской дорогѣ. Но тогда ген. Гурко поручилъ колоннѣ генерала Дандевилля двинуться изъ Этрополя чрезъ Стригль-Балканъ къ югозападу, въ обходъ Врачеша. Это движеніе заставило турокъ очистить Врачешъ послѣ того, какъ ген. Дандевилль взялъ съ бою греотскую высоту; а между тѣмъ ген. Гурко двинулъ другую колонну, ген. Эллиса, изъ Правца, въ слѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, и эта колонна, вступивъ въ баба-монахскій перевалъ, заняла 19 ноября, къ западу отъ шоссе, позицію въ виду сильно-укрѣпленнаго Арабъ-Конака, который составляетъ здѣсь главную опору непріятеля. Цѣлый день 20 числа наши солдаты встаскивали орудія на позицію, которая господствуетъ надъ Арабъ-Конакомъ; на слѣдующій день они были атакованы 12-ю таборами турокъ, но послѣ 4-хъ-часоваго бою отбили ихъ съ огромнымъ для непріятеля урономъ. Послѣ того, колонна генерала Эллиса сильно укрѣпила занятія ею высоты и применила лѣвымъ флангомъ къ колоннѣ генерала Дандевилля; затѣмъ началось бомбардированіе Арабъ-Конака. Между тѣмъ двѣ другія колонны ген. Гурко уже заняли Златицу, на южномъ склонѣ Балгана.

Но дальнѣйшія наступательныя дѣйствія ген. Гурко были временно приостановлены, какъ сообщали англійскіе корреспонденты, по распоряженію изъ главной квартиры. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ прошелъ мѣсяць, а Арабъ-Конакъ остается еще въ рукахъ турокъ. Но въ этомъ мѣсяцѣ взята Шлевна, и въ войнѣ приняла участіе Сербія, что создаетъ новое положеніе дѣлъ.

Передъ началомъ ими военныхъ дѣйствій, происшедшимъ 1 декабря, сербскіе отряды были расположены такъ: на восточной границѣ Сербіи, на р. Тимокъ, корпусъ Хорватовича, около 20 т. чел. На юго-востокѣ—моравскій отрядъ Лѣшанина, въ виду турецкой крѣпости Ниша, около 14 т. чел.; на югѣ—яворскій отрядъ Николича, около 10 т. ч.; на западной границѣ, по р. Дринѣ, дивизія Алимпича, около 8 т. чел. Резервы подъ начальствомъ Вѣлимарковича, около 18 т. ч., стоятъ между тимокскимъ и моравскимъ отрядами. Общая численность этихъ войскъ—около 70 т. чел. пѣхоты, 3 т. кавалеріи и 250 орудій.

Отряды тимокскій, моравскій и яворскій перешли границу 1 декабря. Тимокскій отрядъ одной частью направился къ Виддину, куда съ восточной стороны стягиваются румыны, и занялъ 5 декабря мѣстечко Адліе; другой частью—на Бѣлградчикѣ, взявъ съ бою проходъ св. Николая въ Балканахъ; остальная часть тимокскаго отряда направилась къ Пироту—и 16-го взяла его съ бою. Моравскій отрядъ занялъ 6 декабря Мраморъ близъ Ниша, противъ котораго этотъ отрядъ долженъ дѣйствовать, а затѣмъ взялъ городъ Прокопле и Куршумле и выдвинулъ передовую часть своихъ силъ до Лесковаца. Яворскій

отрядъ овладѣлъ Рашкою и Янковою и роздалъ оружіе населенію Старой Сербіи. Наконецъ, отрядъ Вѣлимарковича занялъ Агъ-Паланку.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій связь съ дѣйствіями генерала Гурко можетъ представить именно движеніе части отряда Хорватовича на Пиротъ, который отстоитъ всего на 70 верстъ отъ Софіи. Теперь поватно, что, въ виду вступленія сербскихъ войскъ на театръ войны, дѣйствія ген. Гурко противъ Арабъ-Конака могли быть приостановлены. Съ одной стороны, движеніе сербовъ впередъ изъ Пирота, съ запада, къ Софіи можетъ побудить турокъ очистить Софію, что можетъ отозваться и на рѣшимости ихъ отстаивать позиціи на востокъ отъ Софіи, при Арабъ-Конакѣ и Комарцахъ. Съ другой стороны, если бы этого не случилось и турки продолжали бы удерживать эти позиціи, то до штурма Арабъ-Конака или до обхода его, корпусъ ген. Гурко долженъ выждать тѣ значительныя подкрѣпленія, которыя имѣли направиться къ нему отъ Плевны. Сверхъ того, жестокіе морозы на Балканахъ, доходившіе до 20 градусозъ, не благопріятствовали скорому наступленію.

Командовавшій восточною турецкою арміею Сулейманъ-паша за послѣднія пять недѣль трижды кидался съ одного края нашей дунайско-балканской операціонной линіи на другой, ударяя то на лѣвый флангъ нашего руцукскаго отряда, вблизи самаго Дуная, то на войска наши близъ сѣвернаго склона Балкана, то снова на первый изъ названныхъ пунктовъ. Цѣлью его при этомъ было, вѣроятно, только освободить себя отъ упрека, что онъ ничего не сдѣлалъ съ своей стороны для отвлеченія нашихъ дѣйствій противъ Плевны. Полагаемъ это потому собственно, что серьезной надежды воспрепятствовать имъ Сулейманъ въ ноябрѣ уже имѣть не могъ.

Послѣ того какъ нападеніе, сдѣланное имъ 14 ноября на 12-й корпусъ, при Мечѣ между Ломомъ и Янтромъ, было отбито и показало невозможность отгнѣснить нашъ руцукскій отрядъ за Янтру, Сулейманъ перебросилъ значительныя силы на свой лѣвый флангъ, къ Османъ-Базару, и 22 ноября атаковалъ съ 20 т. чел. нашу позицію, впереди Елены, у Марени, занятую всего двумя и то неполными полками, сѣвскимъ и орловскимъ, подъ начальствомъ ген. князя Святополкъ-Мирскаго. Полки эти принуждены были отойти къ Еленѣ, и здѣсь были окружены со всѣхъ сторонъ и понесли большія потери. Имъ удалось однако пробиться на укрѣпленную яковицкую позицію, на дорогѣ отъ Елены въ Трновъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, другой турецкій отрядъ, въ 10 т. чел., занялъ Златарицу близъ самаго Трнова и угрожалъ оттуда самой столицѣ Болгаріи. Но этотъ отрядъ былъ выбитъ изъ Златарицы силами, высланными изъ Трнова, а между тѣмъ 24 числа къ князю Мирскому подоспѣли значительныя подкрѣпленія.

Турки въ этотъ день возобновили атаку съ силами въ 30 т. чел., но вскорѣ отъ нея отказались. Въ двухъ названныхъ выше полкахъ потеря въ дѣлѣ при Еленѣ состояла изъ 50 офицеровъ и 1800 нижнихъ чиновъ и 11 орудій, которыя достались туркамъ.

Черезъ шесть дней послѣ этого нападенія на Елену и Златарицу съ силами до 40 т. чел., и черезъ два дня послѣ того какъ пала уже Плевна, а именно 30 ноября, Сулейманъ-паша съ такимъ же числомъ войскъ (60 таборовъ) снова ударилъ на позицію 12-го корпуса, великаго князя Владиміра Александровича, у Мечки. Наши войска отбили нѣсколько сильныхъ атакъ, и получивъ въ подкрѣпленіе свѣжую бригаду, сами перешли въ наступленіе и преслѣдовали непріятеля до Лома. Наша потеря въ этомъ дѣлѣ была 25 офицеровъ и 700 солдатъ, турки потеряли около 3 т. чел.

Послѣ этого дѣла, подвижный Сулейманъ-паша предпринялъ немедля общее отступательное движеніе, замаскировавъ его незначительными передовыми отрядами. Отступленіе совершалось уже изъ четырехугольника восточныхъ крѣпостей — за Балканы, въ Румелию, для прикрытія Адрианополя. Въ крѣпостяхъ четырехугольника оставлены гарнизоны, силою въ 8—10 т. чел. въ каждой.

Въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ войны, слѣдуетъ указать на два новыхъ подвига русскихъ моряковъ. Пароходъ „Россія“, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Заранова, захватилъ 13-го декабря, близъ Пендераклинъ, турецкое грехъ-мачтовое паровое судно, транспортъ, съ цѣлымъ таборомъ низама, свыше 700 человекъ, и привезъ съ своей добычей въ Севастополь. Пароходъ „Константинъ“, подъ начальствомъ капитана-лейтенанта Макарова, подошелъ 15-го декабря къ Басумъ, и пустилъ катера для подведенія минъ подъ стоявшихъ тамъ двухъ броненосцевъ. Двѣ мины, пущенныя съ катеровъ, взорвались — одна подъ трубой броненосца, другая — подъ его гротъ-мачтою. Съ берега былъ открытъ ружейный огонь, который, впрочемъ, не сдѣлалъ вреда нашимъ морякамъ. Катерами командовалъ лейтенантъ Запаренный; мины были пущены имъ и лейтенантомъ Щетинскимъ.

Подъ Эрзерумомъ не произошло ничего новаго, кромѣ занятія 9-го декабря частью нашихъ войскъ нѣсколькихъ селеній къ сѣверовостоку отъ этой крѣпости, по ольтинской дорогѣ; эта часть войскъ спустилась, такимъ образомъ, съ главной позиціи нашей на Деве-Бойну, въ равнину.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе 1-го октября 1877 года.

Въ засѣданіи присутствовали 23 члена.

По открытіи засѣданія, секретарь прочелъ отчетъ о дѣятельности комитета съ 1-го мая по 30-е сентября, а казначей—отчетъ о приходахъ общества за то же время.

По произведенной баллотировкѣ, избранъ единогласно въ члены общества Викторъ Теофиловичъ Пуциковичъ. Предсѣдатель сообщилъ о смерти членовъ общества: А. Н. Вовлемишева, А. И. Варгунича, С. М. Жуковского и В. Ц. Иллкова.

Чрезвычайное собраніе 1-го октября 1877 года.

По открытіи засѣданія, предсѣдателемъ было доложено, что назначенное на 5-е мая нынѣшняго года чрезвычайное собраніе для разсмотрѣнія проекта устава ссудосберегательной кассы для литераторовъ не могло состояться, въ виду крайне незначительнаго числа прибывшихъ въ это засѣданіе членовъ общества, и было отложено до осени. Съ тѣхъ поръ на проектъ устава ссудосберегательной кассы для литераторовъ поступили замѣчанія отъ редакціи журнала „Гражданинъ“ и отъ двухъ литераторовъ. Послѣ довольно продолжительныхъ прерій о томъ, слѣдуетъ ли приступить въ настоящемъ засѣданіи къ разсмотрѣнію проекта устава, предсѣдателемъ былъ поставленъ на баллотировку вопросъ: „желаетъ ли собраніе приступить къ разсмотрѣнію проекта устава?“ По утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса, собраніе приступило къ обсужденію проекта устава въ общемъ и въ частностяхъ, причемъ нѣкоторыя изъ представленныхъ замѣчаній были признаны общимъ собраніемъ уважительными. Въ заключеніе собраніе поручило комитету, согласно съ этими замѣчаніями, измѣнить нѣкоторыя статьи проекта устава и затѣмъ представить его на утвержденіе правительства.

М. Стасюлевичъ.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

И

ЕГО СУДЬБА

Сочинения ЛОРДА БАЙРОНА въ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ, ИЗДАВАННЫХЪ ПОДЪ
РЕДАКЦІЕЙ Н. В. ГЕРВЕЛЯ. ЧЕТЫРЕ ТОМА. Спб. 1874—1877 г.

I.

Il a combattu toute sa vie contre le monde dont il est issu, et pendant sa vie comme après sa mort, il a porté la peine des ressentiments qu'il a provoqués et des répugnances qu'il a fait naître. Un critique étranger peut être plus équitable et louer librement la main puissante dont il n'a pas senti les coups.

Taine.

Одинъ изъ послѣднихъ нѣмецкихъ біографовъ-критиковъ Байрона совершенно отрѣзываетъ великаго поэта отъ его родной почвы. Въ своемъ возникновеніи, на всемъ своемъ пути, какъ своимъ блескомъ, такъ и своимъ закатомъ, онъ рѣшительно уподобляется метеору—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ англійской литературѣ. Главную пищу для своей поэзіи и собственный ея центр тяжести нашелъ онъ внѣ Англій, и за то лишился той отеческой

почти, которая такъ благотворно дѣйствуетъ на сердце и на поэмю, доставляя имъ внутренній миръ... Онъ—настоящій гражданинъ вселенной между англійскими писателями, смѣло перешагнувшій черезъ границы своего отечества; не даромъ его и привѣтствовалъ Гёте, какъ глашатая мировой литературы¹⁾. Напротивъ того, извѣстный французскій историкъ англійской литературы, хотя и выставившій на видъ междуособные счеты Байрона со своимъ отечествомъ, признаетъ его, несмотря на это, между всѣми англійскими поэтами нашего вѣка и самыми великими и наиболѣе *аналійскими*. «Онъ такъ великъ и до того англичанинъ, что одинъ онъ можетъ лучше насъ вознакомить съ своею страной и съ своимъ вѣкомъ, чѣмъ всѣ прочіе, взятые вмѣстѣ»²⁾. Который изъ двухъ взглядовъ вѣрнѣе? Кто такой Байронъ—безпочвенный гражданинъ вселенной, или поэтъ, оставшійся подъ неотразимою властью своей, ненавидимой имъ, національности, и съ тѣмъ вмѣстѣ поэтъ мировой?

Это еще ничего не доказываетъ, если отечество и при жизни преслѣдовало Байрона и послѣ смерти оцѣнило его гораздо менѣе, чѣмъ другія страны; въ биографіи Байрона, помѣщенной въ извѣстной «Encyclopaedia Britannica» прямо признанъ фактъ его несколько не уменьшающагося, а, напротивъ, возрастающаго вліянія — на материкъ, но не въ самой Англии. Та же «Энциклопедія» указываетъ на рыаный дикрамбъ Байрону Кастелара — извѣстнаго вождя республиканизма въ Испаніи, и сознается при этомъ, что самихъ англичанъ не даромъ упрекаютъ въ небрежномъ въ нему отношеніи (neglecting). «Фактъ этотъ, — замѣчается при этомъ, — во всякомъ случаѣ знаменателенъ»³⁾. Между тѣмъ какъ на европейскомъ материкѣ продолжаютъ появляться труды, посвященные безпристрастному изслѣдованію жизни и сочиненій Байрона, въ Англии продолжаютъ сплетать на него клеветы, дошедшія, наконецъ, до прямой уголовщины подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія г-жи Бичеръ-Стоу, противъ которой съ особенною доказательностью ополчился въ своемъ трудѣ нѣмецъ—Эльзе. Другой нѣмецъ—Энгель—выступилъ еще въ 1876-мъ году апологетомъ Байрона исключительно на основаніи выписокъ изъ собственныхъ писемъ его и записокъ, до сихъ поръ остающихся самой слабой защитой поэта въ глазахъ англичанъ, которымъ досталось отъ него тутъ

¹⁾ Karl Elze, Lord Byron. Berlin, 1870, p. 375—76.

²⁾ Taine, Histoire de la littérature Anglaise, 2 éd., t. IV, p. 335.

³⁾ Encyclopaedia Britannica, vol. IV, p.

никакъ не меньше, чѣмъ въ его поэтическихъ произведенiяхъ ¹⁾. Нѣмецъ-апологетъ посвятилъ свою книгу англичанину, а именно Дизраэли—лорду Биконсфилду, предсѣдателю комитета для сооруженiя памятника Байрону. Такимъ образомъ, только послѣ долгихъ сомнѣнiй и колебанiй, Англія, сирѣчь сердце, не отказала однако же въ примирительномъ увѣнчанiи лаврами своему гениальному Авессалому. Но тѣнь его, врага лицемѣрной англійской добродѣтели, прикрывающей англійскій эгоизмъ, не могла, конечно, не содрогнуться при видѣ запоздалаго вѣнка, подаваемаго ей рукой чужака, ставящаго выше всего исключительно «англійскіе интересы». Быть введеннымъ въ отечественный капитолій при такихъ условiяхъ—какая странная честь для того, кто угасъ въ Миссолунги, не успѣвъ непосредственнымъ участіемъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи заставить забыть грѣхи своей частной жизни и хотя сколько нибудь загладить политическіе грѣхи своего народа!

Но какимъ же образомъ дошелъ Байронъ, относительно Англіи, до той роли Авессаломъ, которая обошлаъ ему во всякомъ случаѣ дорого и до сихъ поръ не даетъ ему отдохнуть и въ самой могилѣ? Сложилась ли такимъ образомъ обстоятельства, что сынъ оказался уже черезъ-чуръ непохожимъ на своего отца, такъ что въ этомъ и прямая загадка разлада его съ отцомъ;—или же, наоборотъ, сынъ вышелъ весь въ отца и не могъ ужиться съ нимъ потому, что коса тутъ нашла на камень?

Какъ ни много было до сихъ поръ писано о жизни Байрона, многое въ ней остается еще загадочнымъ, да и останется, можетъ быть, навсегда, вслѣдствіе уничтоженiя дневника поэта ²⁾. За то сочиненiя Байрона составляютъ, по преобладанію въ нихъ личнаго начала, его настоящую автобіографію или, по крайней мѣрѣ, его самопризнаніе или исповѣдь (Selbstbekenntnisse, confessions).

На основанiи этихъ, главнымъ образомъ, поэтическихъ самопризнанiй, а также и тѣхъ, которыя заключаются въ его письмахъ, и сбережены его другомъ Муромъ,—при помощи критически оцѣненныхъ не англійскими исследователями различныхъ

¹⁾ Lord Byron, eine Autobiographie nach Tagebüchern und Briefen, mit Einleitung und Erläuterungen, von Eduard Engel. Ergänzungsband zu Byrons Werken. Berlin, 1876.

²⁾ Чтò, какъ извѣстно, произошло послѣ смерти Байрона не безъ участiя его жены, которая такимъ образомъ отняла у него возможность вылить и, можетъ быть, оправдать многое и въ семейныхъ его отношенiяхъ (см. Elze, Lord Byron, p. 280).

послороннихъ свѣдѣтельствъ о Байронѣ,—некая, не принадлежащая его роднѣ, воспарилась безпристрастно врать свѣтъ на его тѣлбу съ немъ, т.-е. на взаимныя отношенія между характеромъ поэта и національнымъ характеромъ страны. Но если Тэнъ совершенно правъ, говоря, что правдивый голосъ можетъ раздаваться только со стороны людей, не испытанныхъ на самихъ себѣ могучихъ ударовъ историческаго бича Байрона, то, съ другой стороны, въ особаго рода искушеніе могутъ быть введены тѣ, кому приходится по-сердцу безпомощное бичеваніе или своего отечества. Такое искушеніе можетъ оказаться особенно сильнымъ именно у насъ, и именно въ настоящее время. Надо заранѣе это имѣть въ виду, оставаясь, при видѣ новаго изданія Байрона въ русскомъ переводѣ, все еще на загадочномъ образѣ стараго «властителя нашихъ думъ». Чѣмъ менѣе пристрастнаго фанатизма, чѣмъ болѣе трезвой правды, тѣмъ болѣе пользы окажется для науки, а также и для самой текущей жизни, которой не слѣдуетъ отказываться отъ руководства живой науки даже въ минуты наибольшаго напряженія.

Всѣмъ извѣстенъ тотъ мрачно причудливый складъ въ характерѣ Байрона, который казался и въ его враждѣ съ окружающимъ обществомъ. Въ объясненіе этой психологической черты Маколей, въ своемъ блестящемъ *Essay* о Байронѣ, указываетъ на старую сказку о злой волшебницѣ, отравившей новорожденному всѣ дары добрыхъ волшебницъ. Байронъ,—поясняетъ Маколей,—былъ очень красивъ, но поврежденіе ноги при самомъ рожденіи сдѣлало его хромымъ на всю жизнь. При всѣхъ преимуществахъ знатнаго происхожденія (если,—прибавлю я отъ себя,—это дѣйствительно преимущество для человѣка съ высшимъ духовнымъ призваніемъ), онъ не могъ ими вполне воспользоваться потому, что экономическое положеніе его знатнаго рода было довольно критическое и не сразу поправилось сколько-нибудь ощутительнымъ образомъ. Но взглядъ Маколей остроуменъ—не болѣе. Подобнаго рода причуды судьбы выпадаютъ на долю многихъ, не доводя ихъ однако же до меланхолическаго ожесточенія. Гораздо вѣрнѣе указаніе на наследственность въ родѣ Байроновъ самой болѣзненной причудливости. Но вѣдь черта эта свойственна и англійскому характеру вообще, обыкновенно соединяясь съ тѣмъ, что называется англійскимъ *слиномъ* (слово, которое Пушкинъ напрасно думалъ перевести нашимъ русскимъ *хандра*). Эта національная болѣзнь, обыкновенно объясняемая (конечно, односторонне), климатическими условіями Англій, съ особенною силою сказывается въ нѣкоторыхъ личностяхъ и семействахъ. Въ родѣ

Байроновъ она доходила до страстности, граничившей съ бѣшенствомъ. Наслѣдственность этой психологической черты объясняется, можетъ быть, не столько передаваемою физическаго темперамента, сколько заразительною нравственнымъ вліяніемъ и примѣромъ. На бѣду для нашего поэта, къ наследственной причудливости его почти бѣшеннаго отца присоединилась и нервная раздражительность его матери, доходившая также до изступленія, — чѣмъ бы ни объяснялось это, — особенностями ли ея темперамента и воспитанія, или же раздражающимъ вліяніемъ на нее полу-сумасшедшаго мужа. Довольно рано лишившись отца, поэтъ остался на рукахъ у матери, которая то осыпала болѣзненно-нежными ласками этого единственнаго сына, то вдругъ, подъ вліяніемъ той же нервной любви, требуя отъ него какаго-то невозможнаго совершенства, становилась способною предавать его проклятіямъ за то, что онъ не удовлетворялъ ея идеальнымъ требованіямъ. Понятно, что это должно было развить и въ мальчикѣ ту же нервную страстность въ отношеніяхъ къ матери, которая позже, на рубежѣ юношества, доводила его съ нею до такихъ сценъ, что они грозили другъ другу сейчасъ же покончить съ собою при помощи отравы, послѣ чего сынъ обыкновенно бѣгалъ въ аптеку и просилъ отнюдь ей не отпускать яду, и узнавалъ при этомъ, что мать успѣла побывать тамъ же и точно также предупредить на его счетъ ¹⁾. Тою же болѣзненною нервною страстностью объясняется, надо думать, и то, что Байронъ былъ страстно влюбленъ сперва восьми, потомъ двѣнадцати лѣтъ, и что память сердца именно о первой любви оказалась еще настолько сильною въ шестнадцатилѣтнемъ юношѣ, что онъ едва могъ придти въ себя и не слишкомъ обнаружить свое волненіе передъ матерью, которая именно и рассчитывала его подразнить извѣстіемъ, что предметъ его первой дѣтской страсти достался другому ²⁾. Та же чувствительность сказывалась впоследствии и въ отношеніяхъ къ товарищамъ по школѣ и университету. — «Всѣ мои школьныя связи были страсти», — говоритъ Байронъ. Встрѣчи съ бывшими товарищами всегда доставляли ему особенное наслажденіе, тѣмъ болѣе, что ему не было суждено пользоваться этимъ особенно часто, такъ какъ друзья его вообще умирали рано. Потребность любить и особенно — быть любимымъ должна была усиливаться въ

¹⁾ Elze, p. 60.

²⁾ Эти-то сердечныя отношенія и выражаются въ стихотвореніи „Сонъ“, написанномъ гораздо позже и производящемъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы все это только-что успѣло пройти сквозь душу поэта.

Байронъ по мѣрѣ того, какъ, вслѣдствіе гнѣвныхъ выходовъ матери, въ немъ неизбежно развивалась мысль, что она не любитъ его, а вслѣдствіе этого и собственное его сердце невольно для нея сжималось; съ другой стороны, и судьба, преждевременно лишившая его самыхъ милыхъ друзей, не могла не представляться ему какою-то несправедливою мачихой. Горькое чувство обиженности и сиротства все болѣе и болѣе развивалось въ немъ, все болѣе и болѣе ожесточало его страстную душу. Мысль о томъ, что терпятъ вѣдь и другіе, и терпятъ, можетъ быть, больше его, едва ли могла унимать его личные жалобы: по крайней мѣрѣ, въ его поэзіи этого почти не видать. Но въ Байронѣ обнаруживалось уже съ дѣтства великодушное стремленіе — облегчить чужую тяготу или даже снять ея часть на себя. Известенъ рассказъ о томъ, какъ еще школьникомъ, видя, что большой шалунъ бьетъ маленькаго товарища, онъ подбѣжалъ въ нему опростетью, глядя на него во всѣ глаза. «Чего тебѣ, крошка?» — спросилъ его обозленный буянъ. — «Я хочу принять на свою долю половину твоихъ ударовъ» — послѣдовало въ отвѣтъ. Въ этомъ уже видѣнъ зародышъ того направленія, которое разрѣшилось впослѣдствіи поступленіемъ Байрона — сперва въ итальянскіе карбонари, потомъ въ греческіе гетеристы.

Образованіе Байрона началось съ того, что онъ, по его собственному свидѣтельству, очень много читалъ, и уже съ пятилѣтняго возраста читалъ рѣшительно все, что попадалось подъ руку, за исключеніемъ только газетъ и журналовъ, которые достались ему въ первый разъ, когда онъ былъ уже восемнадцатилѣтнимъ юношей. Онъ долженъ былъ такимъ образомъ долго оставаться вдали отъ текущихъ событій и тѣмъ свободнѣе переноситься воображеніемъ изъ эпохи въ эпоху и изъ края въ край. Рано прочелъ онъ и все священное писаніе, особенно пристрастившись, опять по его собственному свидѣтельству, къ ветхому завѣту и только съ трудомъ осиливая новый. Едва ли это объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя части новаго завѣта отличаются болѣе отвлеченнымъ характеромъ, мало привлекательнымъ для отроческаго возраста. Независимо отъ преобладающаго въ ветхомъ завѣтѣ эпическаго начала и отъ образности въ самой его дидактикѣ, и внутренней смыслъ его морали всегда долженъ былъ болѣе приходиться по сердцу Байрону, чѣмъ смыслъ новаго завѣта. Евангельское изреченіе: «если кто-нибудь ударитъ тебя въ щеку, подставь ему и другую» не менѣе, конечно, наглядно, чѣмъ ветхозавѣтное: «око за око, зубъ за зубъ», но послѣднее должно было болѣе нравиться Байрону уже въ дѣтствѣ при его преждевремен-

ной ожесточенности. Если онъ готовъ былъ отдаться подъ удары обидчика изъ большихъ, то, конечно, отъ умѣнія поставить себя, въ сознаниіи внутренней своей правоты, выше всякой обиды. Маленькимъ Байрономъ руководило стремленіе явиться смѣлымъ защитникомъ такого же маленькаго, какъ онъ, отъ большого, — стремленіе, льстившее въ значительной степени его самолюбію. Онъ и вообще былъ въ училищѣ бесстрашенъ и смѣлъ въ отношеніи къ старшимъ, ласковъ и предупредителенъ къ младшимъ, часто разыгрывая предъ послѣдними роль защитника ¹⁾. Самоотверженіе въ чисто-христіанскомъ духѣ, съ полнымъ забвеніемъ своего я, не могло его привлекать еще въ дѣтствѣ — при болѣзненно-чревыѣрномъ развитіи въ немъ уже тогда именно этого я.

Училище въ Гарро, куда отданъ былъ Байронъ, должно было дисциплинировать его умственное развитіе посредствомъ того строгаго классицизма, на которомъ въ немъ все основывалось по господствующему въ Англии педагогическому обычаю. Но это школьное направленіе, по свидѣтельству Эльзе, заключало въ себѣ слишкомъ мало привлекательнаго для Байрона, такъ что онъ и тутъ остался болѣе или менѣе предоставленнымъ своему самообразованію. Заслуживъ, подобно весьма многимъ высоко даровитымъ личностямъ, славу довольно лѣниваго ученика и не подавъ, по собственному его свидѣтельству, ни малѣйшаго повода видѣть въ немъ будущаго поэта, онъ подавалъ надежды развѣ на ораторскій даръ, проявлявшійся въ немъ въ то время, когда онъ декламировалъ въ классѣ какіе-нибудь литературные образцы. Даръ этотъ и шелъ бы къ нему, какъ къ будущему члену парламента. Надо думать, что это не мало льстило самолюбію мальчика. Извѣстно, что когда, со смертію старшаго въ родѣ, званіе лорда досталось десятилѣтнему Байрону, это произвело на него очень сильное впечатлѣніе — особенно благодаря его крайней нервности и вовсе не педагогическому приему, употребленному при этомъ въ школѣ, подѣ влияніемъ того старобританскаго аристократизма, который вторгается даже и въ педагогику. При совершенно новомъ для него, во время переѣздки учениковъ, обращеніи: *dominus!* онъ, привѣтствуемый товарищами, былъ до того этимъ потрясенъ, что не былъ въ состояніи отвѣтить обычнымъ *adsum* и разразился истерическими слезами ²⁾. Мечты о будущей выдающейся роли съ этихъ поръ вѣроятно не давали

¹⁾ Elze, p. 39.

²⁾ Elze, p. 29.

новой мальчику, и безъ того уже любимому въ играхъ представлять предводителя: не даромъ другъ Байрона, Муръ, находилъ, что не малымъ бы счастьемъ для него было не знать о своемъ «пэрствѣ» по крайней мѣрѣ до двадцатилѣтняго возраста.

Гордое сознание преимущественности должно было еще болѣе развиться у Байрона въ Кембриджскомъ университетѣ, этой, впрочемъ, вовсе имъ не любимой *alma mater*, которую онъ иронически охарактеризовалъ такимъ образомъ въ своихъ «Часахъ Досуга» (*Hours of Idleness*):

«Счастливъ юноша, посвященный въ Эвклидовы аксіомы, хотя бы и мало знаемый со всѣмъ остальнымъ. Счастливъ онъ, если умѣетъ скандировать греческіе стихи съ искусствомъ знатока, хотя бы не былъ въ состояніи написать ни одного стиха по-английски!... Если бы онъ и недоумѣвалъ при имени отечественной *Magna charta*, — онъ за то отлично помнитъ законодательство Спарты... Плохо зная имя Авонскаго барда (Шекспира) — онъ за то будетъ превозносить безсмертную славу греческихъ драмъ» ¹⁾.

Байронъ негодовалъ на Кембриджъ за избытокъ классицизма, успѣвшій ему надоесть уже въ Гарро. Этимъ избыткомъ отвлеченности должно было поддерживаться то отстраненіе отъ окружающей среды, къ которому Байронъ былъ приведенъ уже своимъ всевозможнымъ чтеніемъ (за исключеніемъ именно такого, которое могло бы знакомить его съ текущею жизнію). Классицизмъ только ограничивалъ эту отвлеченность, перенося исключительно въ міръ двухъ великихъ народовъ древности. Въ той огромной дозѣ, въ какой онъ отпускается въ Англию, безъ сколько-нибудь достаточнаго противовѣса со стороны отечествовѣдѣнія, онъ не можетъ не содѣйствовать нравственной обособленности, оторванности юноши отъ ближайшихъ условій *мѣста и времени*, всегда способной погружать въ эгоизмъ, остающійся *эгоизмомъ*, какъ бы утонченно и возвышенно онъ ни разумѣлся. Конечно, историческіе примѣры древности являются нерѣдко образцами гражданской доблести и могутъ развивать въ молодежи гражданское чувство. Но то, что въ древности *обязывало* личность, ради чего поступалась она частью своихъ правъ и своего счастья — это было понятіе слишкомъ ограниченное, все же слишкомъ тѣсно связанное съ *личными* правами и счастьемъ. *Отечество*, какъ оно понималось въ древности даже и на высшихъ ступеняхъ достигнутаго ею развитія, связывало между собою только тѣхъ, кто счи-

¹⁾ Thoughts suggested by a college examination (*Byrons Poetical Works*, new edition, in 8 vol. London. John Murray. 1870, vol. III (miscellanies), p. 89.

тался полноправными гражданами, а число ихъ было ограничено. Древность вовсе не знала того, что обозначается словомъ *народъ*, въ его теперешнемъ смыслѣ, т.-е. какъ совокупность всѣхъ говорящихъ однимъ языкомъ и живущихъ подъ однимъ закономъ, какъ бы различны ни были ихъ положеніе, образъ жизни и степень развитія. Эту существенную черту классической древности вполне вѣрно понялъ (и отнесся къ ней далеко не безъ сочувствія) даже мыслитель, выдававшійся въ XVIII в. по своему стремленію къ равенству и готовый, ради его, даже вернуться къ первобытной порѣ. «У грековъ,—говорилъ Ж. Ж. Руссо,—все, что слѣдовало дѣлать народу, дѣлалъ самъ народъ. Онъ постоянно собирался на площади» (т.-е. все время проводило на ней въ дѣлахъ политическихъ небольшое число полноправныхъ гражданъ). «Рабы справляли за него всѣ работы, его же великимъ дѣломъ была его свобода» (но рабы вѣдъ составляли громадную массу народа, составляли большинство). «Какъ? — спрашиваетъ Руссо:—свобода осуществляется только при помощи рабства? Можетъ быть. Обѣ крайности сходятся. Бываютъ такіа несчастныя положенія, когда можно сохранить свою собственную свободу только на счетъ свободы другихъ, такъ что гражданинъ не будетъ вполне свободнымъ, если рабъ не будетъ вполне рабомъ. Вы, народы новаго міра, не имѣете болѣе рабовъ, но за то вы сами рабы; за ихъ свободу вы платитесь вашею. Хвалитесь, сколько хотите, такимъ преимуществомъ, я же скорѣе въ немъ вижу нивость, чѣмъ человѣчность». Выходитъ, что и у Руссо, при всей его парадоксально-напускной ненависти ко всякой цивилизаціи, какъ къ основному источнику человѣческаго неравенства, все-таки сказалась завсаска, доставшаяся европейской цивилизаціи отъ такъ-называемаго возрожденія классической древности (*renaissance*). Свойственный древне-классическому міру духъ *преимущественности* легко прививался къ соответственнымъ, по своей основѣ, феодальнымъ началамъ средневѣковой Европы и только содѣйствовалъ своимъ культурнымъ вліяніемъ ихъ отвлеченной выработкѣ, возведенію ихъ въ систему. Если феодальный бытъ служилъ самою неблагоприятною почвою для воспріятія нравственной сущности христіанства, то возрожденіе древности еще болѣе устранило ея вліяніе.

Старыя преданія англійскаго феодализма уже въ дѣтствѣ надѣляли Байрона званіемъ лорда, поставившимъ его въ особое преимущественное положеніе даже передъ родною матерью. Англійская педагогическая система должна была въ сильной мѣрѣ содѣйствовать развитію въ немъ стремленія къ широкому проявленію

своего я. Понятно, что для христіанскаго смиренія и самоотверженія уже не оставалось мѣста, и дѣтское нерасположеніе Байрона къ новому завѣту должно было только усилиться въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ. Онъ откровенно и высказывалъ это — къ великому соблазну своихъ соотечественниковъ, которые, вмѣстѣ съ преданіями феодальнаго быта, сохраняли и преданія средневѣковаго *формальнаго* христіанства. Правда, оно уже не было *католицизмомъ* (въ собственной Англіи), но оно оставалось тою же формальною вѣрою, обязательною какъ бы ради выслуги у небеснаго сюзерена.

Байрону между тѣмъ претила всякая выслуга. Принявъ въ наслѣдство средневѣковыя права, онъ былъ далеко отъ принятія вмѣстѣ съ ними какихъ-нибудь обязательствъ. Если бы онъ родился въ средніе вѣва, ему бы слѣдовало быть сюзереномъ, но онъ бы не могъ быть ничѣмъ вассаломъ. Со званіемъ лорда продолжала соединяться и въ его время обязательная служба небесному сюзерену, но Байронъ былъ противъ нея уже потому, что хорошо зналъ, въ какой степени завѣтъ этого воображаемаго «сюзерена», его *новый* завѣтъ съ людьми, не соответствовалъ всѣмъ тѣмъ личнымъ правамъ и преимуществамъ, которыхъ держались его воображаемые «вассалы». Прямая натура Байрона не была въ состояніи фальшивить и лицемерить; онъ зналъ, что христіанство несовмѣстимо съ тою безграничною личной свободой, къ которой стремился онъ по своей натурѣ на почвѣ преданій феодализма и классицизма, и онъ открыто и смѣло говорилъ вслухъ, что только съ трудомъ могъ *осилить новый завѣтъ*.

Съ другой же стороны, можетъ быть опять изъ желанія быть лично послѣдовательнымъ и не считать для себя обязательными воззрѣнія того класса общества, принадлежность къ которому доставляло ему однако же несомнѣнное удовольствіе, Байронъ открыто утверждалъ, — опять къ великому соблазну своей среды, — что если держаться, по примѣру предковъ, положительной религіи, то слѣдуетъ всякой другой предпочесть католическую, какъ самую древнюю ¹⁾. Такъ какъ при этомъ, однако же, Байрону вовсе не нравилось папство, то предпочтеніе, отдаваемое имъ католичеству, зависѣло, надо думать, оттого, что оно всегда умѣло удерживать свою самостоятельность и не было способно на какія либо сдѣлки съ посторонними силами, хотя сколько-нибудь похожая на ту колоссальную сдѣлку, въ силу которой явилась англикан-

¹⁾ Такою, по крайней мѣрѣ, она ему представлялась. Письмо къ Далласу 21 января 1808 г. (Engel p. 17).

ская церковь. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ католичество по нраву Байрону должно было приходиться и то, что оно оказывалось не особенно-то причастнымъ христіанскому духу смиренія и кротости. Это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ уцѣлѣвшей въ католицизмѣ завсѣгда дохристіанскаго, классическаго латинства, а мы знаемъ уже, что, какъ ни надобѣло Байрону швольный классицизмъ, мучившій его, по его собственному свидѣтельству, въ продолженіи тринадцати лѣтъ, — во многомъ онъ совершенно сжился съ его духомъ, что и вызывало у него даже предпочтеніе къ классическимъ формамъ въ современной европейской литературѣ.

Выступивъ уже 19-ти лѣтъ авторомъ (можетъ быть не безъ желанія удивить своихъ бывшихъ наставниковъ, никакъ этого не ожидавшихъ), Байронъ въ первомъ своемъ поэтическомъ сборникѣ, «Часахъ Досуга», старается, по свидѣтельству Тэна, слѣдовать строгости старой классической теоріи ¹⁾. Въ содержаніи же дасть онъ тутъ много разъ почувствовать, до какой степени не безразлично было для него быть уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ привѣтствовану: dominus! Если онъ говоритъ во вступленіи, что единственная его претензія, это — занять мѣстечко въ «толпѣ писателей джентльменовъ», съ преимуществомъ попасть послѣ смерти въ каталогъ писателей королевской или знатной крови, спасшей отъ забвенія многія имена при всемъ томъ, что сочиненія ихъ давно забыты, — то это, конечно, можно принять за иронию. Но въ концѣ того же предисловія онъ приводитъ слова Джонсона по поводу поэмъ одного изъ своихъ благородныхъ родственниковъ (графа Карлиля): «когда знатный человѣкъ дѣлается писателемъ, то онъ имѣетъ право рассчитывать, чтобы ничто, сколько-нибудь заслуживающее похвалы въ его сочиненіяхъ, не было оспариваемо». Правда, молодой поэтъ прибавляетъ, что онъ не желалъ бы пользоваться этимъ преимуществомъ, а предпочитаетъ самыя озлобленныя нападенія безымянныхъ критиковъ такимъ похваламъ, которыя относились бы исключительно къ его титулу. Въ одномъ изъ стихотвореній, обращаясь къ неназванному тутъ другу, онъ проситъ его не завидовать преимуществамъ аристократическаго происхожденія.

Въ стихахъ, посвященныхъ своему родовому ньюстетскому аббатству, Байронъ, прощаясь съ могилами предковъ, общается

¹⁾ И позже, замѣчаетъ Тэнъ, почти во всѣхъ сочиненіяхъ Байрона ощутительны слѣды классицизма. Онъ совѣтуетъ держаться и самъ строго держится правила излѣстныхъ единствъ въ трагедіи. Онъ любитъ ораторскую форму, симметрическую фразу, *style condensé* (Taine, Hist. de la Litt. Angl., IV, 354).

имъ никогда не забыть ихъ славы. ¹⁾ Въ другихъ стихахъ, посвященныхъ молодымъ поэтомъ товарищу Байрона, герцогу Дорсету, припоминаются преданія его рода, и въ заключеніе говорится: «таковы были твои предки; поддержи же славу ихъ имени» ²⁾.

Въ большомъ стихотвореніи, посвященномъ воспоминаніямъ дѣтства, Байронъ, затрогивая подъ именемъ Эвріала друга своего графа Делавера, называетъ его «достойною отраслью древней линіи» ³⁾. Во всемъ этомъ слишкомъ ярко проглядываетъ несомнѣнный аристократизмъ. Въ объясненіе можетъ быть приведено и слѣдующее свидѣтельство самого Байрона изъ того же сборника стиховъ, свидѣтельство о тѣхъ педагогическихъ приемахъ, съ какими относились къ товарищамъ Байрона и, конечно, къ нему самому. Обращаясь къ молодому графу Дорсету, «пользующемуся званіемъ, ставящимъ его въ самое малое разстояніе отъ трона», Байронъ предостерегаетъ его такимъ образомъ: «не позволяй удалять себя отъ науки и отъ всякаго контроля, несмотря на бездѣйствіе этихъ учителей, которые снисходительно смотрятъ на герцогскія проказы, зная, что титулованный мальчикъ будетъ со временемъ въ состояніи однимъ словомъ доставлять повышенія и всякія милости».

Въ томъ же сборникѣ первыхъ своихъ стиховъ Байронъ проявляетъ и гордое чувство личной независимости отъ своей среды, той самой среды, которой чистою кровью и фамильными славами онъ такъ гордился. Въ посланіи «къ Бечеру, который совѣтовалъ ему болѣе посѣщать общество», онъ говоритъ: «я не хочу спускаться къ этому міру, который я презираю... Еслибъ сенатъ или лагерь требовали моихъ услугъ, честолюбіе, быть можетъ, заставило бы меня выдвинуться. Когда пройдетъ первая молодость и ея испытательные годы, я, можетъ быть, попытаюсь показать себя достойнымъ своего происхожденія... Я живу лишь для того; чтобъ заслужить похвалу потомства... Но на что я присоединюсь къ стаду, управляемому модой. Къ чему стану я льстить его заправщикамъ и пресмыкаться передъ ихъ законами. Къ чему унижаться передъ гордыми, и расточать похвалы не-

¹⁾ Стихотвореніе помѣчено 1808 г., т.-е. поэту было тогда всего пятнадцать лѣтъ. Замѣчу что у г. Гербала переведено всего нѣсколько стихотвореній изъ „Часовъ Досуга“. Страннымъ образомъ читатель не предупрежденъ объ этомъ никакимъ примѣчаніемъ. Къ тому же, стихотворенія выбраны изъ этого сборника далеко не самыя характерныя.

²⁾ Помѣчено 1805 г., когда Байрону было 17 лѣтъ.

³⁾ Делаверъ родился въ 1791 г., стало быть ему не могло быть болѣе 16 лѣтъ, такъ какъ „Часы Досуга“ вышли въ 1807 г.

лѣпостямъ? Къ чему искать счастья въ дружбѣ съ глупцами?»¹⁾ Подобное направленіе, все болѣе и болѣе развиваясь въ Байронѣ, становилось весьма для него опаснымъ. Англійская аристократическая среда издавна выработала извѣстный кодексъ правилъ, которыхъ держится съ самою надменною косностью, при лицемѣрномъ незамѣчаніи ихъ устарѣлой односторонности. Горе тому, кто задумаетъ хотя сколько-нибудь освободиться изъ-подъ ихъ власти, кто осмѣлится ополчиться со своимъ личнымъ умомъ противъ наслѣдственной мудрости передового класса. Но если такъ, то, при характерѣ Байрона, столкновеніе со своими стало на первыхъ уже порахъ для него неизбежнымъ.

Между тѣмъ и въ той средѣ, въ которую вступилъ онъ уже по собственному желанію въ качествѣ дилеттанта, но дилеттанта, конечно, рассчитывавшаго на скорую славу, — въ средѣ литературной, онъ сразу же нажилъ себѣ враговъ. Въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, роль его вышла сначала страдательная: онъ сдѣлался жертвою яростнаго нападенія со стороны «Эдинбургскаго Обозрѣнія», посмѣявшагося довольно мѣтко надъ его аристократической снѣсью въ соединеніи съ претензіей быть поэтомъ. Критику, при англійскихъ нравахъ, едва ли неприятно поразилъ самъ по себѣ этотъ аристократизмъ, но онъ поразилъ ее именно въ связи съ тѣмъ, что показалось ей только *претензіей* на поэтический даръ. Въ этомъ отношеніи Байрону пришлось раздѣлить участь многихъ, на первыхъ порахъ непризнанныхъ, а потомъ, и даже вскорѣ потомъ, знаменитыхъ писателей. Критика прямо рѣшила, что едва ли существовалъ когда-нибудь сборникъ стиховъ болѣе посредственныхъ, а потому и посоветовала молодому лорду навсегда распрощаться съ поэзіей. Давно уже замѣчено, что это-то и должно было, при самолюбиво-упорномъ характерѣ Байрона, подтолкнуть его къ тому, чтобы сдѣлать прямо наоборотъ. Правда, онъ и впоследствии отпирался отъ писательства какъ отъ исключительнаго призванія, но отпирался, уже посрамивъ своихъ литературныхъ противниковъ своею несомнѣнно-признанною и быстро установившеюся литературною славою. Но злая эдинбургская критика заключала въ себѣ слѣдующее мѣткое замѣчаніе: «хотя поэты и имѣютъ привилегію на эгоизмъ, все же они должны пользоваться ею съ умеренностью». И что же? несмотря на бесспорную вѣрность этого замѣчанія, Байронъ, — конечно, не только на зло критику, а вслѣдствіе основной особен-

¹⁾ Ни одного изъ этихъ въ высшей степени характерныхъ стихотвореній въ изданіи г. Гербеля не оказывается.

ности своего характера и своей поэтической природы, — навсегда остался въ поэзіи «эгоистомъ» — въ томъ смыслѣ, какъ понимала это критика. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ постоянно выражалъ, какъ извѣстно, только самого себя, — и вся Европа такъ долго находилась подъ обаяніемъ этихъ постоянныхъ вярваций на одну и ту же, совсѣмъ, повидимому, не широкую тему, т.-е. постоянно занималась, вмѣстѣ съ поэтомъ, собственною его личностію. Тѣмъ имѣлъ полное право сказать, что «едва ли существуетъ другой, столь великій поэтъ съ воображеніемъ столь ограниченнымъ»¹⁾. Но результаты, достигнутые Байрономъ при всей этой ограниченности сферы его воображенія, конечно, показываютъ, какъ промахнулись эдинбургскіе критики, поспѣшивъ его отнести къ разряду посредственностей. Одна сила таланта однако же не могла бы приковать къ личности поэта вниманіе всего міра. Для этого нужно, чтобы самое содержаніе этой личности было широко-глубоко, чтобы она вмѣщала въ себѣ цѣлое множество личностей.

Будемъ же слѣдить далѣе за поэтическими проявленіями многообъемлющаго байроновскаго типа, чтобы вѣрно опредѣлить, при его мировомъ значеніи, и его отношенія къ націи, произведшей поэта.

Байрону, при его самолюбіи, прежде всего надо было хорошенъко отомстить своимъ литературнымъ врагамъ (хотя онъ и увѣрялъ въ своихъ письмахъ, что только мать его огорчилась ихъ выходкой, а самому ему отъ этого горя мало²⁾). Местью его была злая сатира: «*Англійскіе барды и шотландскіе критики*»³⁾. Отдѣливая критиковъ, онъ отдѣлялъ и тѣхъ, кого они превозносятъ (многихъ отдѣлялъ только за то, что самого его не включили въ число этихъ превозносимыхъ) наприм. В. Скотта и Мура, конечно не заслуживавшихъ, чтобы на нихъ вымещали чужую вину и впоследствии оплатившихъ Байрону добрыми отношеніями къ нему (Муръ даже прямо дружбою). Развѣнчивая, какъ ему кажется, ложныя знаменитости, Байронъ невольно увлекается ролью защитника своей эпохи отъ этого, какъ онъ выражается, «легіона идиотовъ». Онъ видитъ въ себѣ въ этомъ случаѣ защитника истинной чести Англій. «Ея почетное имя, говорить онъ, никогда не лишится справедливаго уваженія, во-

¹⁾ Taine, Hist. IV, 352.

²⁾ Engel, p. 19. Въ другомъ мѣстѣ, правда, онъ сознался: „мнѣ лишь тогда стало хорошо, когда я далъ волю гнѣву въ своихъ стихахъ“ (35).

³⁾ Въ настоящемъ русскомъ изданіи Байрона сатира эта помѣщена въ 3-мъ томѣ, въ переводѣ П. И. Вейнберга (въ 1-мъ изданіи ея не было).

тюрмы оно окружено, какъ ины страны, превосходящей всѣхъ свободою и болѣе всѣхъ любимой музами. О, если бы твои барды, Альбионъ, старались соперничать съ тобою въ славу и становиться болѣе достойными твоего имени! Чѣмъ были Асины въ наукѣ, Римъ—въ военномъ могуществѣ, Тиръ—въ апогеѣ своей славы—все это соединилось теперь въ тебѣ, дорогая Англія, самодержавная повелительница земли, прелестная царица океана.— Разъ навсегда въ этомъ случаѣ отечество привело въ такой паеосъ поэта, оцѣнившаго тутъ то, къ чему такъ страстно стремился онъ самъ—безграничную мощь и власть, широкое развитіе личности въ собирательномъ значеніи нации. Онъ даже прямо увлекается тутъ англійскою національною исключительностью, вмѣняя нелюбимому имъ поэту—Саути—какъ-бы въ недостатокъ патриотизма слѣдующій сюжетъ: «вотъ шествуетъ впереди всѣхъ Іоанна д'Аркъ, этотъ злой бичъ Англіи и гордость Франціи. Пусть злой Bedfordъ сжегъ ее какъ колдунью—нашему поэту что за дѣло? Статуя ея красуется у него въ храмѣ славы, ея цѣпи падаютъ, дверь тюрмы откривается и дѣвственница феннесь возрождается изъ своего пепла».—Становясь способнымъ вмѣнить въ вину сочувствіе такой свѣтлой личности, потому что она не только не своя, но и прямой врагъ (хотя и древній врагъ) Англіи, т.-е. миролюба на этотъ,—впрочемъ, первый и послѣдній разъ,—политическому эгоизму, т.-е. политической безнравственности своего общества, Байронъ, съ другой стороны, проникается тутъ его пуританскою нравственностью въ тѣсномъ смыслѣ, обвиняя другого поэта, Мура (отдѣлываемаго изъ-за благосклонности къ нему критикѣ), въ эротизмъ. «Тяжело,—говоритъ онъ,—музѣ провозносить обвинительный приговоръ; но она должна быть справедливою и не имѣетъ права щадить гармоническихъ защитниковъ разврата. Чисто то пламя, которое горитъ на ея алтарѣ; съ отвращеніемъ бѣжитъ она отъ зараженнаго омміама; но, полная снисходительности къ молодости, прощаетъ тебѣ (Муру) и говоритъ: «исправься и перестань грѣшить».—Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своей сатиры, вдаваясь въ тотъ же морализаторскій паеосъ, Байронъ вслѣдъ затѣмъ начинаетъ обличать англійское лицемеріе и ханжество.—«Пусть Италия, мастерица на всевозможные способы утончать нравы и обычаи, но, въ то же время, развращать сердца—пусть она, наводняя нашъ городъ своими туземными ухищреніями, санкціонируетъ порокъ и прогоняетъ всякое общественное приличіе... Не обнажайте карательныхъ мечей, вы, истребители нашихъ пороковъ, вы, святые реформаторы, вы, для спасенія нашихъ грѣшныхъ душъ, приказывающіе, чтобы

но воскресеньямъ не пѣнились пивныя кружки и оставались въ бездѣйствіи бритвы цирюльниковъ; вы, свидѣтельствующіе неоткупоренными бутылками и небритыми бородами о вашемъ священномъ чествованіи дня субботняго». Самъ поэтъ вполне непричастенъ общественному лицемѣрью, и, проповѣдуя нравственность, откровенно сознается въ своихъ собственныхъ слабостяхъ. «Я, говоритъ онъ, самый вѣтренный изъ этой оглашенной толпы, умѣющій очень хорошо понимать добро и дѣлать зло, свободный отъ всякой опеки въ томъ возрастѣ, когда щить разума не прикрываетъ насъ, — пробивающійся сквозь безчисленную армію страстей, побывавшій на всѣхъ тропинкахъ обольстительныхъ наслажденій и на каждой изъ нихъ сбывавшійся съ дороги ¹⁾, даже я долженъ возвысить голосъ, даже я сознаю, что подобныя явленія, подобные люди разрушаютъ общественное благо».

Слова эти вылились, можетъ быть, изъ-подъ пера Байрона подъ вліяніемъ самыхъ свѣжихъ воспоминаній о томъ широкоемъ разгулѣ, какому отдался онъ, по окончаніи курса въ Кембриджѣ, въ родовомъ своемъ замкѣ Ньюстетѣ, вовсе уже не смущаясь тѣнями своихъ славныхъ предковъ. Легко могло статься, что этимъ разгуломъ Байронъ отчасти унималъ въ себѣ желчь, несомнѣнно возбужденную «Эдинбургскимъ Обзорніемъ», хотя онъ самолюбиво скрывалъ это. Съ другой стороны, разгулъ Байрона могъ доставлять ему наслажденіе и какъ дерскій бунтъ противъ англійской аристократической чопорности и того добродѣтельнаго соблюденія внѣшнихъ приличій, подъ которымъ такъ часто скрывалась, по его свидѣтельству, внутренняя безнравственность.

Между тѣмъ въ «Англійскихъ бардахъ и шотландскихъ критикахъ» сказано кое-что, идущее совершенно въ тонъ со средой, къ которой принадлежалъ Байронъ, находящееся въ прямой связи съ аристократизмомъ его «Часовъ Досуга». Обращаясь къ представителямъ того рода поэзіи, который затрогивалъ жизнь бѣдныхъ классовъ общества, и отдавъ, это правда, справедливость инымъ изъ нихъ, Байронъ отзывается о другихъ съ явнымъ пренебреженіемъ — не только къ слабости ихъ дарованія, но и къ самому излюбленному ими предмету. «Теперь, — говоритъ онъ, — стобитъ любому крестьянину окончить свое земное странствіе, любому лугу украситься заборомъ — въ честь этихъ событій сейчасъ же зазвучитъ ода... Продолжайте пѣть, о, вы, гармоническіе са-

¹⁾ Строки, имяющія, очевидно, автобиографическое значеніе. Энгель не включилъ ихъ въ свою „автобіографію“ Байрона, ограничиваясь исключительно письмами и записками поэта; но для полной автобіографіи такого въ полномъ смыслѣ лирика нужны и безчисленныя выписки изъ его сочиненій.

пожники! Изготовляйте въ одно и то же время башмакъ и стихотвореніе!» Въ другомъ мѣстѣ Байронъ, нападая уже не на какую-нибудь бездарность, а на самого Вальтеръ-Скотта, придирается къ нему именно за собираемые имъ предметы. «Скажи, спрашиваетъ Байронъ, развѣ въ лѣтописяхъ Каледоніи не найдется воспоминаній о подвигахъ болѣе благородныхъ, чѣмъ гнусныя продѣлки клана воровъ и мошенниковъ»¹⁾.

Но не долго суждено было Байрону попадать хотя изрѣдка въ тонъ со своею аристократическою средою. Правясь ему своими преимуществами, она все болѣе и болѣе стѣсняла обязательностью своего условнаго кодекса его непокладисто-гордое я. Тотъ же Вальтеръ-Скоттъ, такъ безцеремонно отдѣланный молодымъ писателемъ - лордомъ, вовсе не сердясь на него, искренно сожалѣлъ о немъ, говоря: «Бѣдный Байронъ!... онъ самъ погубилъ себя безумнымъ презрѣніемъ къ общему мнѣнію» (т.-е. главнымъ образомъ—къ мнѣнію своего же класса). Онъ точно будто хотѣлъ сказать: «вамъ не нравится это? такъ вотъ вамъ за то и похуже еще въ томъ же родѣ!»²⁾.

Усиленію этого направленія въ Байронѣ содѣйствовалъ въ сильной степени и духъ времени. Его стремленіе къ безграничной свободѣ личности нашло себѣ пищу въ томъ ученіи французскихъ мыслителей, которому принадлежала такая значительная доля участія въ подготовленіи переворота, завершившаго XVIII в. во Франціи. Въ сущности, ученіе этихъ мыслителей только упростило и сдѣлало доступными всѣмъ идеѣ, первоначально развившіяся на англійской почвѣ—изъ бывшаго всегда сильнымъ въ Англій *начала личности*, воздѣланнаго вліяніемъ классицизма. Но когда упрощенная французами форма этихъ идей открыла имъ доступъ во всѣ классы общества, тогда первые ихъ испугались именно англичане, т.-е. англійская аристократія, почувшая въ этомъ что-то со временемъ разрушительное для своихъ правъ, и задавшаяся съ этихъ поръ тѣмъ болѣе явнымъ консерватизмомъ. Она окончательно вообразила себя самимъ небомъ призванною защитницею всего, испровергавшагося французскою популяризацией духа личности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ популяризація эта сказала такъ смѣло и крупно и въ практикѣ—событіями революціи. Вотъ новый поводъ къ усвоенному разладу Байрона съ консерватизмомъ своей среды.

Разладъ этотъ сталъ невыносимъ для Байрона, и онъ, слѣдуя

¹⁾ Байронъ въ изд. Гербеля, III, стр. 68, 70, 76, 77, 79 81, (отдѣлъ: *Сатиры*).

²⁾ *Taine*, IV, 841.

впрочемъ обычаю англійскихъ же аристократовъ—обращаться на время въ туристовъ, отъправился въ дальнее и долгое путешествие. Онъ рѣшился на это тѣмъ скорѣе и тѣмъ охотнѣе, что и съ матерью продолжались у него нелады, вслѣдствіе взаимной неуступчивости двухъ одинаково страстныхъ и самолюбиво упорныхъ характеровъ. Единственное существо въ родствѣ, которое могло бы удержать Байрона — была его сестра Августа, любившая его такъ нѣжно и такъ ровно, что у него, при всей его самолюбивой мнительности, никогда не являлось сомнѣнія на ее счетъ. Но она была уже замужемъ, Байронъ не видался съ нею цѣлыхъ три года и даже не съзвдиль проститься съ ней, а уѣхавъ, не простившись также и съ матерью.—Въ одномъ изъ недавнѣйшихъ писемъ къ послѣдней, онъ распространяется о пользѣ путешествій. «Я знаю,—пишетъ онъ тутъ,—какъ вредно торчать дома, погрязнувъ по уши въ предрассудкахъ островитянъ, а потому и думаю, что долженъ бы существовать законъ, который бы заставлялъ нашихъ молодыхъ людей ежегодно совершать путешествія въ тѣ двѣ страны, которыя еще, какъ союзныя, не закрыты для насъ войною». Видно, что непріязненное столкновение съ родиной совершенно охладило его жаръ къ ней или, по крайней мѣрѣ, заставило его, изъ самолюбія, считать себя къ ней охлажденнымъ. Впрочемъ, онъ оговаривается въ томъ же письмѣ: «если я замѣчаю въ чемъ-нибудь превосходство Англіи (относительно котораго, впрочемъ, мы очень часто находимся въ заблужденіи), то я радуюсь этому; если же я вижу, что Англія въ чемъ-нибудь отстаетъ отъ другихъ націй, то я вывожу себѣ отсюда урокъ. А если бы я засѣлъ въ вашихъ городахъ и далъ бы себя весь вѣкъ обкуривать и напускать передъ собою туману, то я бы не приобрѣлъ и малѣйшей доли того, чему я выучился и что я теперь знаю».

Въ томъ же самомъ письмѣ Байронъ увѣряетъ, что онъ даже не ведетъ дневника и что писательство ему вообще надобно. «Если мнѣ удалось,—пишетъ онъ,—моею послѣднею книгою доказать критикамъ и свѣту, что я стою немного дороже, чѣмъ они думали, то этого съ меня и будетъ, и я не стану какимъ-нибудь новымъ трудомъ ставить на карту свою извѣстность¹⁾. Правда, у меня есть еще кое-что въ рукописи, но это останется для моихъ потомковъ, и если они сочтутъ это достойнымъ обнародованія, то пусть оно продлитъ хоть немного память обо мнѣ». Это «кое-что», о которомъ съ такимъ «смирениемъ паче гордости»

¹⁾ „Англійскіе Барды и Шотландскіе Критики“ имѣли, какъ извѣстно, успѣхъ.

говорить тутъ Байронъ, было начало его «Странствованій Чайльдъ-Гарольда», являющихся, какъ извѣстно, поэтическимъ дневникомъ его путешествія.

Мать отвѣчала, повидному, соображеніями о продажѣ его родового замка Нью-Стега, важными для поправленія ихъ экономическаго положенія и соединявшимися въ умѣ ея, какъ кажется, съ мыслию о возвращеніи его въ отечество. Байронъ отвѣтилъ ей, что именно въ случаѣ продажи своего замка онъ и остался бы за границею. «Нью-Стегъ, — писалъ онъ, — это единственная моя связь съ Англійей; стбитъ только порвать ее, и у меня не станетъ ни малѣйшей охоты оставаться дома... Къ тому же, я чувствую себя до того гражданиномъ вселенной, что каждое мѣсто, гдѣ я могу пользоваться такимъ чуднымъ климатомъ, какъ здѣсь, и жить такъ роскошно, при столь небольшихъ расходахъ, какъ въ какой-нибудь англійской высшей школѣ, — каждое подобное мѣсто будетъ для меня отечествомъ, да я и считаю имъ въ самомъ дѣлѣ берега Архипелага». Безъ малаго четыре мѣсяца спустя онъ однако же извѣщалъ мать о скоромъ своемъ возвращеніи послѣ двухгодовой отлучки, но замѣчая при этомъ, что онъ возвращается въ отечество съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ оставилъ его — *равнодушіемъ*. Впрочемъ, по его увѣренію, это чувство не распространялось на мать. Извѣстно, что поэтъ уже не засталъ ее въ живыхъ. «Я почувствовалъ всю правду того, что мы можемъ имѣть только *одну* мать», — писалъ онъ послѣ ея смерти доктору Пиготу ¹⁾. Оставшись наединѣ съ ея тѣломъ, онъ плакалъ, какъ рассказываютъ, навзрыдъ. Не желая показаться въ такомъ состояніи людямъ, онъ не былъ на похоронахъ, а сталъ, когда двинулся поѣздъ, фехтовать со своимъ слугой, но скоро свалился съ ногъ какъ-бы въ обморокъ ²⁾.

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ внезапной смерти матери, Байронъ тогда же набросалъ свое завѣщаніе. Его воля была, чтобы тѣло его было погребено въ склепѣ посреди сада въ Нью-Стегѣ безъ всякихъ церемоній, безъ богослуженія и безъ всякой надписи, кромѣ простого обозначенія имени и возраста. Его воля была также, чтобы его вѣрный песъ не былъ изгнанъ изъ того же склепа.

Но поэтъ отмѣнилъ свое рѣшеніе относительно той новой рукописи, о которой писалъ онъ матери. Въмѣсто того, чтобы

¹⁾ Всѣ приведенныя тутъ письма помѣщены въ измеченіи у Энгеля, на стр. 25—29.

²⁾ Elze, p. 112—118.

быть завѣщанными потомству, первыя двѣ пѣсни «Странствованій Чайльдъ-Гарольда» вышли въ свѣтъ въ 1812 г., быть можетъ, не безъ затаенной мысли поэта о томъ, что послѣ ихъ появленія лавоническая надпись на гробѣ: «Лордъ Байронъ—такихъ-то лѣтъ», будетъ уже сама по себѣ достаточно краснорѣчива.

За два дня до появленія своей новой пѣсмы, Байронъ показалъ гордое пренебреженіе къ заботѣ о томъ, чтобы не нажить себѣ новыхъ враговъ передъ ея выходомъ въ свѣтъ. Въ верхней палатѣ парламента была произнесена имъ рѣчь, служившая самымъ смѣлымъ вызовомъ, обращеннымъ къ своей же средѣ, той самой средѣ, которая не могла, на примѣръ, простить Байрону, что онъ, предаваясь своему разгулу въ Нью-Стегѣ, велѣлъ себѣ сдѣлать кубокъ изъ черепа. Байронъ произнесъ рѣчь ¹⁾ по поводу недавнихъ волненій между англійскими рабочими, вызванныхъ невыносимымъ ихъ положеніемъ. «Все это, — говорилъ онъ, — происходило въ 130 миляхъ отъ Лондона, а мы, добрые люди, вполне увѣренные въ неприкосновенности своего величія, продолжали себѣ наслаждаться побѣдами за границей—при самыхъ явныхъ домашнихъ бѣдствіяхъ. Но всѣ взятые вами города, всѣ эти арміи, отступившія передъ вашими вождями, стоятъ ли они того, чтобы ради ихъ вы похваляли другъ друга, когда у васъ дома раздоръ, когда вамъ приходится посылать солдатъ и палачей противъ собственныхъ вашихъ гражданъ. Вы называете этихъ людей *толпою* (а *mob*)—отчаянною, опасною и невѣжественною, и вамъ представляется, что единственное средство унять «многоголового звѣря», это—отсѣчь ему нѣсколько лишнихъ головъ... Но сознаемъ ли мы все, чѣмъ мы обязаны этой *толпѣ*? Она воздѣлываетъ наши поля и служитъ въ нашихъ домахъ, она пополняетъ нашъ флотъ и нашу армію, она сдѣлала насъ способными противиться всему свѣту; но она же станетъ противиться намъ сама, когда нерадѣніе о ней (*neglect*) и бѣдствія доведутъ ее, наконецъ, до отчаянія. Вы можете, сколько вамъ угодно, называть *народъ* (*people*)—*толпою*, но не забывайте, что толпа высказываетъ нерядко не что иное, какъ желанія *народа*... Я посѣтилъ нѣкоторыя изъ самыхъ удрученныхъ областей Турціи, но и подъ властію самаго деспотическаго изъ невѣрныхъ государствъ не найди такихъ отталкивающихъ бѣдствій (*squalid wretchedness*), какія я встрѣтилъ по возвращеніи въ самое сердце христіанской страны!»..

¹⁾ 27 февраля 1812 г.

Не трудно замѣтить, что послѣднія слова заключаютъ въ себѣ упрекъ англичанамъ въ лицемерности, или, по крайней мѣрѣ, безплодности ихъ «христіанства». Въ другой своей рѣчи ¹⁾ Байронъ налетъ на непоследовательность ихъ религіозности въ отношеніи католиковъ въ видѣ вопроса: «въ какой мѣрѣ то, что они вѣрують—не мало, а *слишкомъ много* (въ сущности—главное обвиненіе, возводимое на нихъ), въ какой мѣрѣ такой избытокъ преданности своему Господу можетъ сдѣлать этихъ нашихъ согражданъ неспособными хорошо служить своему королю?» Тутъ же Байронъ ополчился и противъ религіозной нетерпимости англійскихъ шкотовъ, въ которыхъ, на основаніи общепринятаго англійскаго катихизиса, развивается мысль, что католики—тѣ же идолопоклонники. «Не значить ли это,—спрашиваетъ Байронъ, — выдѣлывать изъ дѣтей вашихъ скорѣе дьяволовъ, чѣмъ людей ²⁾?.. Ужъ лучше въ такомъ случаѣ отправлять ихъ на острова Южнаго океана, гдѣ они все же скорѣе бы остались людьми, хотя бы и выучились людоедству; право, менѣе отвратительно развивать въ нихъ способность пожирать мертвыхъ, чѣмъ преслѣдовать живыхъ». Обозвавъ такимъ образомъ своихъ соотечественниковъ утонченными людоедами живо, Байронъ достаточно имъ отомстилъ за весь шумъ, поднятый изъ-за того черена, который напелъ онъ на кладбищѣ и изъ котораго сдѣлалъ кубокъ.

Понятно, что такія рѣчи должны были произвести потрясающее впечатлѣніе,—никакъ не меньше, чѣмъ «Чайльдъ-Гарольдъ». Послѣ этого можно было опасаться, какъ бы Байронъ не предпочелъ вообще роль оратора, столь увлекательную для самолюбія. Такимъ образомъ исполнились бы ожиданія его шкотовыхъ наставниковъ, а равно и обѣщаніе Шеридана, что изъ него, если онъ будетъ такъ продолжать, непременно выйдетъ великій ораторъ ³⁾. Въ отрывкѣ дневника, относящемся къ 1813 г., Байронъ говоритъ: «если бы я имѣлъ виды на внѣшній успѣхъ въ Англіи, то я бы, конечно, ограничился однимъ парламентомъ. Но у меня нѣтъ честолюбія,—увѣряетъ онъ, однако же вслѣдъ затѣмъ оговаривается:—а если бы оно у меня и было, то только въ смыслѣ: *aut Caesar, aut nihil*». Мѣшало, стало быть, опасеніе, что все же ему не удастся быть *первымъ* ораторомъ. «Быть

¹⁾ Произнесенной 21 апрѣля того же года.

²⁾ Въ письмѣ къ матери отъ 14 января 1811 г., Байронъ съ другой стороны замѣтилъ, что «люди сами причиняютъ себѣ болѣе зла, чѣмъ могъ бы ихъ причинить дьяволъ» (Engel, p. 26).

³⁾ Engel, p. 83.

первымъ человѣкомъ государства,—говорить онъ въ томъ же отрывкѣ,—не диктаторомъ, не какимъ-нибудь Суллою, а Вашингтономъ или Аристидомъ, быть первымъ по таланту и доблести—это значить быть первымъ послѣ Божества». «Франклинъ, Пеннъ,—или, пожалуй, Брутъ, Бассій, даже Мирабо и Сень-Жюсть», перечисляетъ онъ далѣе тѣхъ, чья роль для него привлекательна. «Изъ меня же никогда ничего не выйдетъ, или ужъ самое большее, чего я могу надѣяться, это чтобъ кто-нибудь сказалъ про меня: «онъ бы, можетъ быть, могъ, еслибъ захотѣлъ». Вотъ это мнительное недоувѣріе въ себѣ изъ того же самолюбія, не мнрившагося ни съ какою ролью, кромѣ самой первой, и удержало Байрона въ кругу писателей, гдѣ онъ, повидимому, былъ увѣреннѣе въ своемъ первенствѣ, хотя и продолжалъ отзывать объ авторствѣ очень свысока. «Кто станетъ писать, будучи годнымъ на что-либо лучшее?—спрашивалъ онъ еще 24 ноября 1813 года. — Дѣйствія, дѣйствія, дѣйствія! — говорилъ Демосенъ. — Дѣйствія! говорю и я, а никакъ не писательства, всего менѣе римоплетства! Пусть только приглядятся къ жалкому, однообразному житью-бытью всей этой разновидности (species) въ челоувѣчествѣ, — за исключеніемъ Сервантеса, Тасса, Данта, Аріоста, Клейста (всѣ они были дѣятельными и дѣльными гражданами), да Эсхила, Софокла и еще, можетъ быть, двухъ изъ древнихъ, — и вообще окажется, что этого сорта люди—самыя бесполезныя и праздыя твари!»¹⁾

Такой взглядъ на авторство могъ усилиться въ Байронѣ отъ нерѣдкой странности отношеній между писателемъ и обществомъ, странности, которую Байронъ испыталъ на себѣ. За «Часы Досуга» обозвали его «посредственностью изъ посредственностей»; «Барды и Критики» намѣнили его положеніе въ литературномъ мірѣ ради силы его желчныхъ выходовъ, направленныхъ, между прочимъ, противъ самыхъ и по справедливости любимыхъ писателей; наконецъ, «Чайльдъ Гарольдъ», т.-е. пока только двѣ пѣсни поэмы, разомъ поставили Байрона въ первый рядъ современныхъ поэтовъ²⁾.

Между тѣмъ въ этомъ «Чайльдъ-Гарольдѣ» сразу узнали знакомыя черты и при томъ тѣ же самыя, которыя такъ оттолкнули

¹⁾ Engel, p. 35, 37, 39—40.

²⁾ В.-Скоттъ говорилъ, что въ теченіи цѣлаго столѣтія ни одинъ литературный трудъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія. „Я проснулся въ одно прекрасное утро,—разсказывалъ самъ Байронъ — и увидѣлъ себя знаменитостью“ (Poetical Works of L. Byron. New edition in 8 volumes. London, John Murray. 1870, v. I, p. 14).

отъ поэта окружающую его среду. Напрасно онъ увѣрялъ въ предисловіи, что въ «Чайльдѣ» не слѣдуетъ видѣть «извѣстное лицо» и разъ навсегда объявлялъ, что это «образъ, созданный воображеніемъ для извѣстной цѣли», хотя въ «нѣкоторыхъ частяхъ и можетъ быть случайное сходство съ кѣмъ-нибудь». Байронъ сообщаетъ въ началѣ поэмы, что гербъ предковъ его героя достался ему въ наслѣдство безъ пятенъ, но что самъ герой смѣялся надъ добродѣтелью и посвящалъ ночи разгулу; что прежде чѣмъ имъ была прожита третья часть жизни, его постигло нѣчто гораздо худшее, чѣмъ несчастье: онъ почувствовалъ всю полноту пресыщенія.

Среди своихъ безчисленныхъ походовъ, онъ искренно и глубоко полюбилъ *одну*. О такой любви говорится и въ «Часахъ Досуга», какъ о спасительномъ оберегѣ отъ нравственнаго паденія. Но «Чайльду» она не могла бы помочь; «если бы онъ и имѣлъ успѣхъ, онъ потомъ осквернилъ бы тишину семейной жизни». Впослѣдствіи, уже въ Испаніи, въ немъ какъ будто всплываетъ новая любовь, напоминающая ту первую, но онъ спѣшитъ сослаться на пресыщеніе:

. . . оно теперь слѣдить
За мной, какъ тать, вездѣ...

«Готовый, ради развлеченія, встрѣтиться даже съ какимъ-нибудь большимъ положительнымъ горемъ или хотя бы даже спуститься на дно ада, онъ наконецъ хватается, какъ за якорь спасенія, за путешествіе, — онъ такъ и рвется въ далекій путь. У него была мать, и онъ не забылъ объ этомъ, но избѣгъ свиданія съ ней передъ отъѣдомъ; была у него и сестра, которую онъ любилъ, но онъ не повидался и съ нею, прежде чѣмъ пуститься въ свое печальное путешествіе. Ясно, что это была страница изъ жизни самого же поэта, но выставившая его нравъ въ преувеличенно-мрачномъ свѣтѣ, какъ бы на зло обществу, взводившему на него всевозможныя обвиненія. Страница эта какъ бы хотѣла сказать: я еще хуже того, что вы думаете и останусь таковъ — ужасайтесь! Но характеристикѣ героя не доставало тѣхъ реальныхъ подробностей, которыхъ и впослѣдствіи никогда не оказывалось у героевъ Байрона, живущихъ всегда внѣ условій пространства и времени. Чайльдъ не вышелъ современнымъ англичаниномъ съ плотью и кровью; между тѣмъ въ поэмѣ говорилось объ его замкѣ, его пажѣ, и критика, новидимому, воображала, что поэтъ хотѣлъ отодвинуть его въ средніе вѣка — для того — вѣроятно думалось ей — чтобы хорошенько замаскировать его сход-

ство съ собою. Отнесясь вообще весьма благосклонно къ поэмѣ, критика замѣтила, что она «представляетъ анахронизмъ, что герой вовсе не проникнуть рыцарскимъ духомъ, такъ какъ времена рыцарства были времена любви, славы» и т. п. Байронъ воспользовался этимъ возраженіемъ, чтобы разочаровать своихъ соотечественниковъ насчетъ рыцарства, чтобы устранить тотъ розовый цвѣтъ, который любили они наводить на старину, потому что то была старина ихъ предковъ. «Добрны старыя времена, отвѣчалъ поэтъ, когда l'amour du bon vieux temps, l'amour antique процвѣтали, были самыя безнравственныя изъ всѣхъ временъ». ¹⁾ Этимъ собственно и ограничилась защита Байрономъ своего героя: если бы онъ жилъ дѣйствительно во времена рыцарства, онъ бы вовсе не оказался безнравственнѣе другихъ — даже при томъ сгущеніи темныхъ красокъ, въ которомъ заключалась особаго рода идеализація Байрономъ «Чайльда» ²⁾. Что поэтъ готовъ былъ утаивать сочувственныя черты дѣйствительности, это видно уже изъ того, что онъ, страстно искавшій имѣть друзей, но частью преждевременно потерявъ ихъ, частію въ нихъ разочаровавшись ³⁾, выставляетъ Чайльда совершенно замкнувшимся въ самомъ себѣ:

Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
Онъ пылкой дружбѣ не вѣрялъ
И человекъ не искалъ
Для изліяній откровенныхъ,
Хотя бы гордая тоска
Была какъ море глубока.

Пессимистическое утаиваніе добрыхъ своихъ сторонъ видно и изъ «пѣсни», вложенной поэтомъ въ уста Чайльду. Тутъ говорится о тоскѣ его пажа. Этотъ мальчикъ дѣйствительно сопровождалъ поэта и дѣйствительно тосковалъ, такъ что поэтъ отправилъ его обратно въ Англію вмѣстѣ съ своимъ слугою Мурреемъ и при этомъ еще назначилъ особую сумму на его воспитаніе. Въ поэмѣ тоска пажа вовсе не приводитъ къ его увольненію отъ путешествія; она служитъ только къ тому, чтобы вызвать въ Чайльдѣ своего рода зависть:

¹⁾ Прибавленіе въ введенію, писанное въ 1818 г. См. въ изд. г. Гербеля, I, 168.

²⁾ Но вѣдь изъ этого выходило, что на самомъ дѣлѣ гербъ предковъ могъ достаться Чайльду незамысленнымъ лишь въ условномъ смыслѣ чести, а не въ чисто нравственномъ смыслѣ.

³⁾ Одинъ изъ друзей, приглашенный поэтомъ провести съ нимъ послѣдній вечеръ его отбыдомъ въ море, отказался по какому-то пустому поводу (Жизн.).

Довольно, малютка! понять я умѣю,
 Что слезы такія—не стыдъ ¹⁾,
 И если-бъ я чистое сердце имѣю,
 Я самъ бы заплакать на взрѣдъ ²⁾.

То же самое вызываетъ у Чайльда и тоска по семьѣ и родинѣ его стараго слуги ³⁾, слезы котораго онъ унимаетъ такъ:

Довольно, мой добрый служитель—ты правъ.
 Печаль твоя стѣбитъ похвалъ;
 Но я . . . не таковъ легковѣрный мой нравъ...
 Смѣясь, край родной покидай.

И вслѣдъ за нимъ, несмотря на ихъ «похвальную» грусть, отправляются и они: онъ барски тащитъ за собою людей, совсѣмъ уже не смѣющихся и не ипущихъ развлечения въ путешествіи.

Чайльдъ-Гарольдъ именно только *завидуетъ* слезамъ своего пажа и своего слуги, но при этомъ считаетъ совершенно законнымъ свой собственный недостатокъ слезъ:

Въ чему о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнетъ ⁴⁾.

Изъ писемъ къ матери видно, что *такимъ же покинутымъ созданиемъ, какъ онъ самъ*, сперва показался Байрону и его маленькой Робертъ, котораго онъ потому-то и захотѣлъ взять съ собою. Убѣдившись потомъ въ противномъ и отпустивъ его съ дороги домой, поэтъ долженъ былъ тѣмъ живѣе почувствовать свое нравственное одиночество: оказалось, что онъ только всѣми покинутъ. Вѣрность стараго Флетчера мало его утѣшала, потому что, не разлучаясь съ поэтомъ, онъ все-таки постоянно жаловался и нылъ. И вотъ поэтъ восклицаетъ со своимъ Чайльдъ-Гарольдомъ:

Корабль мой, неси же меня по волнамъ!
 Пусть море кипитъ подо мной,
 Неси, куда хочешь—къ далекимъ странамъ,
 Лишь только не въ край мой родной!

Обиженная личность поэта не чувствуетъ себя способною любить въ этомъ край вого-нибудь;—она вообще не умѣетъ, не хочетъ и даже считаетъ малодушнымъ любить безъ того, чтобъ и ее

¹⁾ Въ подлинникѣ: иду въ твои глаза.

²⁾ Въ подлинникѣ: и мои бы глаза не остались сухими.

³⁾ Байронъ на самомъ дѣлѣ готовъ былъ отпустить домой и своего стараго Флетчера, но вѣрный слуга самъ не хотѣлъ разлучиться съ нимъ, сопровождалъ его въ путешествіяхъ и впоследствии принялъ его послѣдній вздохъ въ Миссолунги.

⁴⁾ На этотъ разъ въ переводѣ сказано болѣе, чѣмъ въ подлинникѣ; буквально было бы: „мое величайшее горе, что я не покидаю ничего, что бы требовало слез“.

любили! Но при самомъ отплытіи чуть-было не вышли наружу
нныя чувства:

Скалистый берегъ потерялся
Подъ пѣной волнъ и уплылъ вдаль,
И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не призвался,
Что край родной покинуть жаль;
Но это было на мгновенье ¹⁾
И, затанувъ невольный стонъ,
Въ тотъ мигъ себя не выдалъ онъ
Единнымъ словомъ сожалѣнья...

Начинается рядъ самыхъ новыхъ и разнообразныхъ путе-
выхъ впечатлѣній. Вотъ Португалія расточаетъ передъ сыномъ
«туманнаго Альбіона» яркія красоты своей залитой солнцемъ
природы:

О, Боже! небо не скупилось
Для этихъ мѣстъ въ своихъ дарахъ...
Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
Что за окрестности въ горахъ!
Лишь нечестивыми руками
Здѣсь человекъ все портитъ мочь.

Тутъ или сказался смутный отзвукъ давнишняго чтенія, или
же оказалось невольное совпаденіе съ Ж. Ж. Руссо, съ кото-
рымъ у Байрона оказывались и другія точки соприкосновенія.
«*Tout est bien en sortant des mains de l'Auteur des choses, tout
dégénère entre les mains des Hommes*»—читаемъ мы въ самомъ
началѣ «Эмиля»—книги, основанной, впрочемъ, на томъ, что
самъ по себѣ человекъ *хорошъ*, но что онъ испорченъ такою на-
зываемою «цивилизациею». Воззрѣніе Байрона оказывалось не-
сравненно болѣе радикальнымъ въ своемъ пессимизмѣ: человекъ
представлялся ему *въ самомъ корнѣ своей природы дурнымъ*, и
уже устами Чайльда (во второй пѣснѣ) онъ говоритъ рѣши-
тельно:

Природу я душою обнимаю,—
Она милѣй... ²⁾

Тамъ же говоритъ онъ:

Жить безъ людей въ ущельяхъ горъ,
Спускаться къ пропастямъ глубокимъ
Еще не значить быть однимъ
Скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ
И въ дѣломъ мірѣ одинокимъ;
Но это значить—тотъ постигъ
Природы тайны и языкъ.

¹⁾ Въ подлинникѣ: „но эта тихая мысль уснула въ его груди“.

²⁾ Въ переводѣ Кошова.

Но мизантропія не мѣшаетъ Чайльдъ принимать по временамъ участіе въ человѣческихъ интересахъ, и даже въ интересахъ той самой Англіи, которую онъ такъ охотно покинулъ. Замокъ Цинтра въ Португаліи напоминаетъ ему о заключенной здѣсь конвенціи. Она не была почетна для англичанъ и съ чувствомъ ненависти олицетворена поэтомъ въ образъ какого-то бѣсенка...

Въ томъ замкѣ на смѣхъ онъ собралъ
 Всѣхъ гордыхъ рыцарей конгресса
 И ихъ надежды осмѣялъ...
 Здѣсь побѣдитель покорился
 И предъ безуміемъ поникъ
 И вновь спасителемъ явился
 Дипломатическій языкъ.
 О, лавры, лавры! вы обидны
 Героямъ нашимъ навсегда.
 Срамъ побѣдителю, когда
 Онъ растеряется постыдно
 И клонитъ голову въ странѣ,
 Имъ покоренной на войнѣ ¹⁾.

Тутъ, конечно, сказалась та сторона права Байрона, которая заставляла его становиться на сторону *дѣла* противъ *словъ*, вслѣдствіе чего, какъ мы видѣли, онъ даже готовъ былъ презрительно относиться къ своему званію поэта. Ему казалось обиднымъ уже то, что люди прямого открытаго *дѣла* уступили говорунамъ и писакамъ—ихъ дипломатическому языку. Совершенно въ сторонѣ имъ оставленъ вопросъ о томъ, что управляло тутъ *дѣломъ*;—оно цѣнится имъ уже само по себѣ, какъ побѣда сильной и твердой человѣческой воли, какъ осязательное проявленіе человѣческаго я. Все, что внѣ этого я, т.-е. выше его, всякая идея объ отвлеченной справедливости или добрѣ—устраивается, какъ ограниченіе этого я. Байронъ, упорный стоятель за свою личность, въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, является и стоятелемъ за національное я—за честь этой Англіи, которую самъ онъ выставлялъ въ своей рѣчи чуть не хуже Турціи.

Чайльдъ-Гарольдъ переѣзжаетъ въ Испанію—и находитъ тутъ тотъ же разладъ между *природой* и *человѣкомъ*:

¹⁾ Въ буквальной переводѣ было бы: „онъ поразилъ героевъ въ замкѣ Маріальтъ; онъ обомель ихъ мозгъ (если только у нихъ былъ мозгъ) и обратилъ суетную радость націи въ горе. Тутъ безуміе низвергло на землю гордость побѣдителя и подлетка возвратила обратно то, что сокрушило оружіе: для такихъ вождей, какъ наши, напрасно цѣбуютъ лавры! Горе побѣдившей, а не побѣжденной рати—съ тѣхъ поръ, какъ поруганный триумфъ поникъ головою на берегу Лузитаніи“.

О, для чего въ странѣ счастливой
Народъ свободный не живетъ!

—воскликаетъ онъ, невольно обращаясь къ жителямъ края:

Сыны Испаніи, проснитесь!
Оружье въ руки и—впередъ!

Но они уже сдѣлали это, и Чайльдъ остается только задуматься надъ будущими плодами ихъ мужества, взвѣсить достоинство этихъ плодовъ сравнительно съ прошедшимъ Испаніи:

Судьба испанскаго народа
Была всегда для насъ странна:
Ему невѣдома свобода,
Но за нее дралась страна.

Если такъ, то вся эта отчаянная борьба должна представиться, и дѣйствительно представляется поэту отвратительною человѣческою бойней. Съ презрѣньемъ олицетворивъ бѣсенна конвенціи, онъ съ ненавистью и ужасомъ олицетворяетъ также и великаналюдоѣда войны. А въ ней ли не сила *дѣйствія*, въ ней ли не осязательное проявленіе всей крупно разившейся мощи человѣческаго я, устремившагося къ мировому владычеству въ лицѣ Наполеона, встрѣтившаго неожиданный отпоръ въ этихъ несвободныхъ испанцахъ?

Но вотъ во 2-ой пѣснѣ Чайльдъ-Гарольдъ уже въ Греціи. Тутъ, въ прошедшемъ, блестящія преданья свободы, если только зажмурить глаза на ту массу рабовъ, которые ею не пользовались. И они дѣйствительно не помѣшали Чайльдъ восторгаться древнею греческою свободой и славой, горестно спрашивая:

Вся эта слава для того ли,
Чтобъ древнимъ подвигамъ добра
Подчасъ дивился въ скромной школѣ
Досужій разумъ школяра?

Да, она вся ушла въ книгу и притаилась тамъ. Въ дѣйствительности—

... цѣлый край лежитъ безъ силъ
И на спинѣ своей несетъ
Безславно свой турецкій гнетъ...
Рабы съ рожденья до могилы
Не слышать—жребій ихъ таковъ—
Позорный звонъ своихъ оковъ..

Былое, правда, не совсѣмъ позабыто:

Имъ снится призракъ прошлой славы;
Они съ надеждою глядятъ
На иностранныя державы,
Чтобъ хоть онѣ пришли сорвать
Съ нихъ рабства горькую печать...

Но такое ожиданье *чужой помощи* вызываетъ презрѣнье гордаго Чайльдъ-Гарольда...

Рабы! по развѣ вы забыли:
Кому свободы сладокъ даръ,
Тѣ рабству сами наносили
Въ бою рѣшительный ударъ!

.

Въ Чайльдъ-Гарольдѣ такимъ образомъ еще не предвидится тотъ, кто впослѣдствіи пошелъ умирать за греховъ: тутъ онъ еще говоритъ имъ, что они должны *сами себя спасти*. А его отечество? Развѣ оно бы позволило это имъ при той дисциплинѣ, въ которой англичане, по его же словамъ, такъ строги? Во имя этой же дисциплины Греція должна была молча нести свое иго, потому-что это нужно для «англійскихъ интересовъ»! Чайльдъ-Гарольдъ не возстаетъ противъ этого, хотя ему представлялся тутъ самый удобный случай попрекнуть свою постылую родину. Онъ и попрекнулъ ее,—но только съ одной стороны—за тѣ античные мраморы, которые выломаны были изъ храмовъ Акрополя по приказанію лорда Эльджина и впослѣдствіи куплены англійскимъ правительствомъ. Чайльдъ-Гарольдъ негодуетъ лишь какъ художникъ и археологъ:

О, кто безъ слезъ посмотритъ нынѣ
На край, измученный отъ ранъ,
На искаженныя святилища,
На жертвы хищныхъ англичанъ?
Будь проклята часть, когда узнали
Они сюда вторичный путь,
Когда раздавленную грудь
Безчеловѣчно разрывали
И увезли чужихъ боговъ
Трофеемъ хладныхъ береговъ.

То же сдѣлалось предметомъ особой поэмы, написанной Байрономъ въ Аѳинахъ въ 1811 г.: «*Проклятiе Минервы*». Сама богиня, выходя изъ своего храма, грозитъ тутъ поэту:

Палада будетъ вѣкъ главою твоихъ враговъ ¹⁾.

¹⁾ У г. Гербеля менѣе близко: „странн твоихъ враговъ“.

Поэтъ сначала старается защитить собственно англичанъ, давая при этомъ просторъ старому чувству мести противъ Шотландіи—ради задѣвшей его на самомъ порогѣ его литературнаго поприща критики «Эдинбургскаго Обзорнія». Дѣло въ томъ, что отвѣчаетъ передъ Палладой, «грабитель и воръ» святыни ея храма, лордъ Эльджинъ—родомъ изъ Шотландіи,—и вотъ поэтъ поясняетъ Палладѣ, что это—

Туманный край софистовъ-подлецовъ.
Дыханье горъ ея и толстыхъ береговъ,
Въѣдаясь въ черепъ, мозгъ жидить и размягчаетъ,
Который, наконецъ, водою выступаетъ,
Такой же мутною, какъ грязь ея долинъ
И столь же ледяной, какъ снѣгъ ея вершинъ ¹⁾.

Но богиня не убѣждается доводами поэта; она отвѣчаетъ ему, что—

.... Не одинъ Эльджинъ узнаетъ муки мщенья...

Она грозитъ лишить своихъ совѣтовъ и Великобританію—уже не за одно оскорбленіе своей святыни, а также за другія дѣла, на которыя ей съ отвращеньемъ указываетъ богиня:

Взгляни на Категаты! Союзница британцевъ
Льетъ слезы средь руинъ сожженныхъ ими шанцевъ.
Здѣсь не Паллада въ бой сыновъ твоихъ вела
И не она союзъ святой разорвала!

т.-е. вѣроломство, оказанное Англіей относительно Даніи (въ 1803 г., когда Англія напала въ мирное время на Копенгагенъ, сожгла его и плѣнила датскій флотъ). Такое вѣроломство далеко отъ *политической мудрости*. Но богиня указываетъ и на другія *политическія преступленія* Англіи, на ея образъ дѣйствій въ Индіи, суля ей расплату по-дѣломъ въ будущемъ:

Передъ тобой Востокъ, гдѣ смуглые сыны
Гангесскихъ водъ, сойдясь подъ знаменемъ войны,
До корня потрясутъ владычество британцевъ.
Взгляни—матежъ среди воинственныхъ бирманцевъ
Вдымаетъ ужъ свою могучую главу
И не склонить ее, пока, багря траву,
Широкой Индѣ волной кровавой не помчится,
Чтобъ съ Англіей за все съ лихвою расплатиться.

¹⁾ Это вообще передано вѣрно; я позволилъ себѣ только незначительныя измѣненія.

Тамъ—да погибнуть всѣ! Я, давъ свободу вамъ,
Не позволяла быть жестокою къ рабамъ ¹⁾.

Тутъ уже, очевидно, не тотъ, на древне-греческой жизни основанный взглядъ, который заставлялъ даже Руссо говорить, что для полноты свободы однихъ нужно, можетъ быть, рабство другихъ. Обличенье грѣховъ отечества поставило Байрона на болѣе широкую точку зрѣнія—на точку зрѣнія общей справедливости и гуманности, и, приписываемая внушеньямъ самой Паллады, такая точка зрѣнія становится для него настоящею, глубокою и дальновидною мудростью. Въ томъ же смыслѣ выяснился и взглядъ поэта на отношенія англичанъ къ испанцамъ. Обращаясь къ первымъ, Паллада говоритъ имъ:

Вотъ и Испанія! Она вамъ руку жметъ,
Отталкивая васъ съ тѣмъ вмѣстѣ отъ воротъ ²⁾.

Но богинѣ еще мало этихъ обвиненій—она раскрываетъ и внутреннія язвы гордой своей славой и своей судьбой Англии, тѣ язвы, которыя Байронъ указалъ уже въ своей первой парламентской рѣчи: «обернитесь, наконецъ, домой,—хотя вы и не охотно разглядываете то, что тамъ дѣлается; городъ вашъ полонъ скорби; хотя въ немъ и раздаются громкіе клики першества, но вотъ тутъ въ немъ изнываетъ голодь, а вонъ тамъ шныряетъ грабежь» ³⁾.

Проклятья Паллады заключаются предсказаньемъ горькой расправы за все, ожидающей Англию отъ другихъ странъ:

Скажи, какъ взглянетъ твой народъ униженный
На пышный городъ свой, со всѣхъ сторонъ зажженный
И возносящій вверхъ надъ Темзой устрешенной
Могучій столбъ огня? Не хмурься, Альбионъ!

¹⁾ Послѣдніе два стиха не довольно близки. Въ подлинникѣ:

Pallas, when she gave
Your free-born rights, forbad ye to enslave,

т.-е. „Паллада, давъ вамъ ваши права свободныхъ людей, запретила вамъ обращать другихъ въ рабство“.—Замѣчу, что „Проклятіе Минервы“ въ первый разъ является въ русскомъ переводѣ въ настоящемъ видѣннн.

²⁾ Это мѣсто совершенно невѣрно передано въ переводѣ, заставляющемъ Палладу обращаться съ этими словами къ *Испаніи*. Я сдѣлалъ поправку. Но буквально было бы: „взгляните на вашу *Испанію*;—она пожимаетъ руку, которую невидать, она мужески пожимаетъ ее, отталкивая васъ отъ своихъ воротъ“.

³⁾ Пришлось передать это мѣсто криво, такъ какъ стихи русскаго перевода слишкомъ далеки отъ подлинника.

Твоимъ былъ факель тотъ, которымъ былъ зажжонъ
 Рядъ гибельныхъ костровъ возмездія земного ¹⁾
 Отъ Таго темныхъ водъ до Рейна голубого.
 Когда-жъ они твои освѣтятъ берега,
 Не сѣтуй, что судьба была къ тебѣ строга:
 Вѣдь жизнь за жизнь—есть всѣмъ извѣстное ученье.

Высказать такіа грозныя истины своимъ соотечественникамъ могъ только человѣкъ, самъ про себя сказавшій: «никогда я не льстилъ силѣ, ни разу не подавилъ ни одной мысли, просившейся наружу» ²⁾. Но, при всей своей смѣлой самостоятельности и Байронъ, однакоже, не рѣшился напечатать такую поѣму. Она вышла въ свѣтъ уже послѣ его смерти ³⁾.

Къ судьбѣ Греціи возвращается Байронъ и въ своемъ «*Гяуръ*», появившемся уже въ маѣ 1813 г.

Противопологая ея грустную судьбу ея же чудной природѣ, онъ склоненъ объяснить первую свою любимую мыслью о томъ, что человѣкъ въ самомъ корнѣ дурень:

... Тамъ, гдѣ вся страна
 Богомъ въ жилище создана,
 Гдѣ все—и нѣга и краса,
 Гдѣ всѣ природы чудеса
 Разлиты щедрою рукою,
 Тамъ люди съ злобною душою ⁴⁾
 Стремятся радость омрачить
 И рай въ пустыню обратить.

Хотя и странно сравнивать произведенія совершенно различныхъ странъ и различныхъ эпохъ, но мнѣ невольно при этомъ припоминается взглядъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ на при-

¹⁾ Этѣхъ двухъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ; они прибавлены, очевидно, ради рѣими.

²⁾ Письмо къ Муру отъ 9 апрѣля 1814 г. Engel, p. 45.

³⁾ Въ 1828 году. Переводъ г. Гербеля помѣщенъ въ IV т. его изданія. Точно также ненапечатанными остались написанные въ первый же періодъ дѣятельности Байрона «*Отзвукъ Горациа*», въ которыхъ опять затрогивались нѣкоторые современные писатели, обооружившіе поэта неожиданнымъ благородствомъ своихъ отзывовъ къ нему (несмотря на выходы противъ нихъ въ „*Hours of Idleness*“). Налочитана, но подъ псевдонимомъ, написанная почти одновременно съ „*Проклятіемъ Минерны*“, сатира „*Вальсъ*“, въ которой Байронъ съ ювеналовскимъ жаромъ налучается на сладострастную распущенность этого танца, заимствованнаго изъ Германіи любящій съ ганноверскою династіею, и такъ полюбившагося англичанамъ при всей лицензірной ихъ похвалѣ своей строгой нравственности. Ясно, что это была новая нелюбая поэтическая мекта Байрона своимъ соотечественникамъ, такъ любившихъ его упрекать въ безнравственности.

⁴⁾ Не вѣрнѣ ли: слюбились съ бѣдой (enamour'd of distress)?

чину бѣдствій русской земли во время междоусобій и во время татарщины. Они видѣли эту причину въ грѣхахъ людей вообще. Эта отвлеченная точка зрѣнія помѣшала имъ видѣть настоящій корень зла и дѣйствовать противъ него. Что касается Байрона, то онъ, правда, не остается при своемъ отвлеченномъ взглядѣ; далѣе онъ указываетъ уже опредѣлительнѣе на тѣхъ *тирановъ*, отъ которыхъ все зло въ Греціи ¹⁾, а возможность ихъ въ ней объясняетъ, какъ и въ «Чайльдъ-Гарольдѣ», собственными качествами грековъ:

Эллада! трудно описать
Твой путь отъ славы до цѣней!
Одно, что можемъ мы сказать:
Не отъ чужихъ, а отъ дѣтей
Погибла ты: твоихъ оковъ
Виною не мощь твоихъ враговъ,
А рабскій духъ родныхъ сыновъ.

Но и тутъ, какъ въ «Чайльдъ-Гарольдѣ», онъ еще далекъ отъ того, чтобы указать на другую *спеціальную* причину печальной судьбы Греціи—на эгоистическія отношенія европейскаго Запада къ судьбѣ христіанъ на Востоцѣ. Герой поэмы, этотъ Гауръ, вовсе даже не изъ числа тѣхъ, которые выносятся, въ теченіи вѣковъ, всю тяготу, соединенную съ этой презрительной кличкой. Онъ не изъ числа постоянныхъ жертвъ турецкаго деспотизма; онъ—не грекъ, а венеціанецъ, случайно столкнувшійся въ *личной сраженіи* съ туркомъ. Раба турка полюбилась Гауру и заплатилась за это жизнью; Гауръ мститъ за нее ея господину, но вовсе даже не находитъ его неправымъ, а говоря:

... если бы она
И жнѣ была такъ невѣрна,
Я-бъ сдѣлалъ то же, что и онъ.

Все дѣло тутъ, стало быть, въ *личной мести*, мести со стороны человѣка, для котораго вся жизнь заключалась только въ *личной любви*. Въ своей исповѣди игумну монастыря, въ которомъ онъ уединяетъ себя отъ постылаго ему міра, онъ прямо говоритъ:

Не скрою: слѣдъ мой на землѣ,
Какъ хищной птицы на скалѣ ²⁾,
Означенъ кровью—весь въ крови;
За то въ любви я походилъ
На голубей: я разъ любилъ,

¹⁾ Въ переводѣ г. Студитскаго (вообще удачномъ) эта черта смягчена.

²⁾ У г. Студитскаго не такъ близко къ подлиннику: „какъ слѣдъ орлицы“.

Иной не вѣдая любви...

Пусть издѣвается глушець
Надъ вѣчной вѣрностью сердець...

Ради этой вѣчной любви, онъ, далекій отъ мысли о покаяніи, готовъ вѣрвать въ вѣчную жизнь. Приравливаясь, можетъ быть, къ понатіямъ лица, которому открываетъ онъ свою душу, онъ употребляетъ такое сравненіе:

Молитва, какъ ты знаешь самъ,
Возносить душу къ небесамъ;
Въ любви же сами небеса
Нисходятъ въ душу, какъ роса...

Не есть ли это прямая идеализація Байрономъ той его первой безнадежной любви, которая, какъ ему могло казаться, осталась бы и его единственною любовью, если бы не пришлось ей остаться навсегда безнадежной. Но Гауръ, лишившись любимой женщины, вспоминаетъ про друга юности: онъ проситъ сообщить ему о своей судьбѣ, о судьбѣ человѣка, которому остается только умереть и который дѣйствительно умираетъ, потому что его Лейли не стало, а другъ юности гдѣ-то тамъ, далеко. Весь окружающій человѣческій міръ для него совершенно не существуетъ: онъ въ состояннн любить только съ тѣмъ, чтобы быть самому любимымъ. При этомъ невольно опять напрашивается—уже не сравненье, а противопоставленье: это исповѣдь Наливайки въ извѣстномъ отрывкѣ Рылѣва. Тутъ, какъ и у Байрона, страстная душа изливаетъ свои чувства передъ безстрастнымъ монахомъ, отказываясь отъ покаянья, находя, что ей не въ чемъ казаться. При извѣстномъ вліяніи Байрона на нашу литературу двадцатыхъ годовъ, очень можетъ быть, что самое *положеніе* заимствовано нашимъ поэтомъ у англійскаго. Но какъ не похоже содержаніе исповѣди украинца на содержаніе исповѣди Гаура. Наливайко у нашего поэта совершенно не знаетъ ни личной любви, ни личной ненависти. Онъ безгранично любить свою родину, онъ безгранично ненавидитъ ея враговъ, и вотъ онъ-то поэтомъ и имѣлъ бы полнѣйшее право сказать про свою любовь, что чрезъ нея небеса входятъ въ душу, потому что въ его любви нѣтъ ничего ограниченнаго, узкаго и сколько-нибудь своекорыстнаго, а она, какъ небо, распространяетъ и свѣтъ и тепло во всѣ стороны, не требуя ничего самому себѣ. А вѣдъ Байрону представлялся такой же случай выставить человѣка, живущаго только мыслью о своемъ народѣ: стоило сдѣлать этого Гаура грекомъ, или славяниномъ, словомъ—включить его въ ряды турецкой раини и на:

дѣлить его жаждой освобожденія отъ ига своихъ братьевъ, отмщенья за нихъ вѣковому врагу. Но «Гауръ», какъ и «Чайльдъ-Гарольдъ», является только отраженіемъ самого Байрона съ его воспоминаніями о личной любви и о личной дружбѣ, — Байрона, оторвавшася отъ своей родины и не настолько еще привязавшагося къ этой несчастной Греціи, чтобы полюбить ее уже въ то время не только археологическою любовью! Въ остальныхъ же чертахъ «Гаура» опять же таки распознаются черты «Чайльдъ-Гарольда»:

... Что-то есть въ его очахъ,
 Что тяготитъ, вселяетъ страхъ:
 Мятажный блескъ ихъ говоритъ,
 Что духъ надменный въ немъ царитъ
 И что онъ требуетъ одной—
 Одной покорности слѣпой...

Братья монастыря невольно избѣгаютъ его взгляда; только изрѣдка «нисходитъ онъ до улыбки» (to smile descendeth he), когда же это съ нимъ бываетъ—

Въ его улыбкѣ роговой
 Видна насмѣшка надъ бѣдой...

Живя въ монастырѣ, онъ дажекъ отъ того, чтобы проникнуться однимъ духомъ съ братіей:

... Онъ златомъ и серебромъ,
 Украсилъ бѣдный божій домъ,
 Но изъ тщеславья одного,
 А не изъ вѣры... Отъ него
 Доселѣ нашъ церковный сводъ
 Вотще молебной рѣчи ждетъ...
 И если кто изъ злыхъ духовъ,
 Оставивъ свой подземный кровъ,
 Являлся въ образѣ людей,
 Онъ вѣрно точно былъ таковъ...

Издавъ своего «Гаура» въ маѣ 1813 г., Байронъ уже въ сентябрѣ того же года выпустилъ въ свѣтъ пятое его изданіе. Въ ноябрѣ же появилась его «Абидосская Невѣста», — поэма, основанная на томъ же чувствѣ *личной любви* Селима къ Зюлейкѣ и его *личной мести* ея отцу, ради которой онъ готовъ даже стать противъ своихъ соотечественниковъ въ ряды греческихъ пиратовъ. Мѣстомъ дѣйствія служить, какъ видно изъ этого, тотъ же Востокъ, про который поэтъ говоритъ тутъ:

... то—солнца сторона!
 Въ ней дышетъ все божественной красою;
 Но люди тамъ съ безжалостной душою...
 Земля какъ рай... Увы, зачѣмъ она—
 Прекрасная—злѣдьямъ предана ¹⁾.

Тутъ такимъ образомъ виною печальной судьбы Востока является не человекъ вообще, а та воинственная орда, власти которой отданъ этотъ земной рай.

Къ самому концу того же 1813 г., всего въ какихъ-нибудь десять дней, Байронъ написалъ «Корсара» — опять новую вариацию на ту же вѣчную свою тему, тѣмъ не менѣе разошедшуюся, какъ рассказываютъ, въ теченіи одного дня, въ количествѣ 14,000 экземпляровъ ²⁾. Человекъ безъ рода и племени, такъ сказать, принадлежащій собственно только морю, на которомъ бурно течетъ его жизнь, Конрадъ на немъ своего рода «царь—вольный человекъ» (какъ величаются цари въ сказкахъ), неограниченно властвующій надъ своею воинственною дружиною и надъ сердцемъ женщины, которую любитъ онъ съ такимъ же постоянствомъ, какъ Гауръ. Публика до того оказалась склонна видѣть и въ этомъ Корсарѣ того же Байрона, что разнесся слухъ, будто бы поэтъ, во время своего путешествія, на самомъ дѣлѣ предавался пиратству ³⁾. И онъ, рѣшительно подалъ самъ къ тому поводъ, приписавъ Конраду даже слѣдующую свою причудливую особенность:

Лишь черствый черный хлѣбъ и разные коренья
 Да изрѣдка плоды—дней лѣтнихъ украшенье—
 Вотъ все, что съ первыхъ дней, въ теченіи многихъ лѣтъ,
 Являлось передъ нимъ какъ завтракъ и обѣдъ ⁴⁾.
 Не падая во прахъ предъ страсти обаяньемъ,
 Онъ смѣлый духъ питалъ тѣмъ гордымъ воздержаньемъ.

Послѣдніе два стиха должны, надо думать, служить объясненіемъ тому, что побуждало самого Байрона постоянно держать именно этотъ строжайшій постъ. Онъ, надо думать, хотѣлъ доказать, что сумѣлъ бы точно также восторжествовать и надъ всякою страстью; если же не торжествовалъ надъ столь многими, то собственно потому, что *не хотѣлъ*, и потому-то, напротивъ, предавался имъ

¹⁾ Поэма эта помѣщена у Н. В. Гербеля въ прекрасномъ переводѣ И. И. Кошова.

²⁾ Poetical Works of L. Byron, new edition. London. 1870, v. 2, Introduction to the Corsair.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Непереведенною осталась тутъ слѣд. черта: „вся эта незатѣливая нища походила на столь отвѣтливую“.

на зло мнѣнію общества. Поэтъ описываетъ даже наружность своего героя чертами, напоминающими его собственную наружность:

Сложенный хорошо, съ высокимъ, гибкимъ станомъ
И мощною рукою, онъ не былъ великаномъ,
Но каждый, кто-бъ свой взглядъ остановилъ на немъ,
Конечно-бъ увидалъ поболъ, чѣмъ въ другомъ,
И, увидавъ, сказалъ, что все въ немъ поражаетъ,
Но какъ и почему, того и самъ не знаетъ.

Состояніе души Конрада, предшествовавшее его разбойничеству на морѣ, вполне передаетъ ту самолюбивую обиженность всѣмъ и всѣми, которою отличался поэтъ.

Обманутый людьми въ благихъ своихъ мечтахъ,
Онъ проклиналъ добро, какъ золь своихъ причину,
А не плутовъ и ихъ презрѣнную личину,
И не хотѣлъ понять, что добрыя дѣла,
Свершенные людьми, приносятъ—вмѣсто зла—
Имъ радость и любовь, и доброе желанье,
Скорѣе повторить свое благодарѣнье,
Когда оно падетъ на добрыя сердца ¹⁾.
Будя въ врагахъ боязнь и злобу безъ конца,
Когда еще сильнымъ въ немъ были увлеченья,
Онъ слишкомъ презиралъ людей, чтобъ угрыванье
Въ немъ было совѣсти, и гнѣвъ свой принималъ
За тайный зовъ души на праведное мщенье
Всѣмъ за вины немногихъ; самъ онъ сознавалъ,
Что сталъ преступникомъ, но мыслью утѣшался,
Что лучше кто его, тотъ лучшимъ лишь казался,
Тотъ былъ лишь лицемеръ, свершавшій то въ потьмахъ,
Что смѣлый совершалъ открыто, на глазахъ ²⁾.

Но Конрадъ сохранилъ способность любить, когда и его любили. Всѣ симпатическія наклонности, уцѣлѣвшія въ немъ, сосредоточились на одномъ лицѣ — Медорѣ. Въ недоумѣніи она говоритъ ему:

Не чудно-ль, что съ душой, столь нѣжною ко мнѣ,
Природы лучшія движенья въ войнѣ.

Но онъ объясняетъ, что «сила любви его къ ней и возможна только при ненависти къ остальнымъ людямъ; — чувства эти такъ въ немъ смѣшались, что если ихъ разлучить, то, полюбивъ человечество, онъ долженъ будетъ разлюбить Медору».

¹⁾ Въ подлинникѣ последнее выражено гораздо короче.

²⁾ Я позволилъ себѣ тутъ небольшія измѣненія въ переводѣ, приближающія его къ подлиннику.

Но судьба лишаетъ его любимой женщины, и онъ, подобно Гяуру, съ нею одной теряетъ рѣшительно все:

Кто чистъ, тотъ въ часъ бѣды стремится къ небесамъ,
Куда затворенъ входъ озлобленнымъ сердцамъ;
Но тотъ, кто гордъ душой, въ домъ тронъ свой ждетъ злоба,
Кого надежды лучъ не ждетъ за дверью гроба,
Тотъ, разрывая цѣпь съ землей, теряетъ все...

А между тѣмъ Конрадъ продолжаетъ жить, если вѣрно мнѣ-
нiе англійскихъ критиковъ, что продолженiемъ ему служить
Лара (герой новой поэмы Байрона), что Медора была жертвою
загадочнаго врага Лары, Эдцелина, а пажъ Лары, Каледъ, это
та же самоотверженно любящая Гюльнара, которая спасла Кон-
рада изъ турецкаго плѣна, но уже слишкомъ поздно для того,
чтобы онъ могъ соединиться съ Медорой ¹⁾. Въ этой любящей
женщинѣ, переодѣтой пажемъ, могли опять усмотрѣть черту изъ
собственной жизни Байрона, котораго во время его широкаго
жизня-бытья, по выходѣ изъ Кембриджской *alma mater*, нѣко-
торое время сопровождала всюду такая же переодѣтая женщина,
къ великому, разумѣется, соблазну англійскаго общества. Такимъ
же воспоминаниемъ изъ собственной жизни поэта оказывается и
слѣдующее описанiе молодости Лары-Конрада: лишившись отца
слишкомъ рано, чтобы понять свою потерю,—

Онъ сталъ своихъ поступковъ господиномъ.
Но человекъ затѣмъ лишь властелиномъ
Становится, чтобъ счастья не знать.
Не помня ласкъ, способныхъ удержать
Отъ тысячи стезей, ведущихъ къ преступленью,
Онъ съ раннихъ лѣтъ умѣлъ повѣдѣвать,
Когда всего нужнѣй повиновенье ²⁾.

Лара, какъ извѣстно, является также и обладателемъ соб-
ственнаго родового замка, въ который и возвращается онъ въ
началѣ поэмы, послѣ долгой отлучки Богъ вѣсть куда (во время
этой отлучки, какъ полагають, онъ и былъ Конрадомъ—корса-
ромъ). Долго шла о немъ дурная молва; наконецъ, о ней поза-
были, и онъ могъ бы поддержать славу своихъ знатныхъ отцовъ.

Но онъ, подобно поэту, не счелъ нужнымъ объ этомъ подум-
ать, отдавшись, подобно ему, жаждѣ наслажденiй, хотя и вла-
дѣлъ достаточною силою, чтобы одолѣть ее (какъ это видно изъ
строгаго поста Конрада). Онъ относился съ презрѣнiемъ къ за-

¹⁾ Post. Works of L. Byron, London. 1870, v. II, Introduction to Lara.

²⁾ Обѣ эти автобиографическiя черты указаны уже у Эльзе (стр. 64).

урядной добродѣтели, всегда и во всемъ стараясь поражать собою, быть загадкой для всѣхъ, никому, поэтому, не открывая своей души, но самъ за то охотно заползая въ чужое сердце. Онъ былъ способенъ любить гораздо сильнѣе, чѣмъ могло бы большинство людей, и въ мечтахъ своихъ перешелъ за предѣлы дѣйствительности... Отказываясь признать себя виновнымъ, онъ, наконецъ, ввалилъ всю вину на природу... Дѣйствія человѣческой воли сталъ онъ принимать за дѣло судьбы... Слишкомъ высокой душою для обыкновеннаго эгоизма, онъ умѣлъ порою пожертвовать своимъ благомъ для блага другихъ, но вовсе не изъ состраданія или долга, а по какому-то странному направленію мысли, побуждавшему его съ затаенною гордостью дѣлать то, чего бы другой не захотѣлъ сдѣлать. То же самое побужденіе, въ минуту соблазна, выводило его и на путь преступленія—до такой степени онъ то парилъ выше, то спускался ниже людей, среди которыхъ считалъ себя осужденнымъ жить¹⁾. Все это, конечно, только дальнѣйшее выясненіе типа Конрада, такъ что хотя бы между обѣими поэмами и не было никакой фактической связи, между ними несомнѣнна связь внутренняя, — впрочемъ, та, которую можно легко прослѣдить и во всѣхъ поэмахъ Байрона, — такъ какъ всѣ онѣ только различныя варіаціи его безконечной исповѣди вслухъ, исповѣди, на которую онъ приглашалъ весь міръ и которой—что еще замѣчательнѣе—дѣйствительно долго и жадно внимали всѣ вонцы образованнаго міра. Эта исповѣдь тѣшила его гордость, такъ какъ она постоянно соединялась съ обвинительнымъ актомъ противъ другихъ людей и противъ природы съ правящими ею силами. Эти силы обвинялись и въ томъ, что служило гордой душѣ исповѣдывающагося главнымъ источникомъ наслажденія. Конрадъ находилъ его въ подчиненія себѣ другихъ:

Такъ было до сихъ поръ и будетъ безконечно.
 Такъ всѣ для одного трудиться будутъ вѣчно!
 Законъ природы въ томъ. Пусть бѣдный не кланяетъ
 Того, кто, не трудясь, трудомъ его живетъ.
 Златая цѣпь тяжка! О, еслибъ люди знали,
 Насколько легче ихъ всѣдневныя печали!

Далѣе едва ли можетъ пойти аристократизмъ мысли. Крупная личность имѣетъ право развиваться насчетъ множества другихъ, да еще воображать себѣ, что это право — бремя, такое

¹⁾ Я не рѣшился привести этого важнаго мѣста въ стихотворномъ переводѣ, такъ какъ онъ не точно передаетъ смыслъ подлинника.

бремя, каево никогда бы и не снести обыкновеннымъ смертнымъ. Но если такъ, то освобождать другихъ изъ-подъ своей власти, значить только снимать съ себя лишнюю тяготу. Лара и является вдругъ освободителемъ своихъ рабовъ, а поэтъ спѣшитъ увѣрить, что имъ руководить вовсе не желаніе сдѣлать добро. Но онъ приписываетъ ему при этомъ еще и особый, уже совершенно эгоистическій умыселъ:

Что для него народная свобода?
За слабыхъ онъ, чтобъ сильныхъ въ грязь втоптать! ¹⁾

—такъ какъ эти сильные были его враги. Послѣ этого невольно напрашивается вопросъ: не отразился ли и тутъ самъ поэтъ, произнесшій въ парламентѣ свою рѣчь за рабочихъ, можетъ быть, собственно для того, чтобы насолить лордамъ — своимъ сотоварищамъ-неприятелямъ, или, по крайней мѣрѣ, увѣрявшій самого себя, что имъ руководить только подобное побужденіе? Вѣдь не даромъ еще въ дѣтствѣ, увлекаясь духомъ ветхозавѣтнаго гнѣва и мести, онъ съ трудомъ лишь осиливалъ, какъ мы видѣли, новый завѣтъ.

Тотъ же духъ обнаруживается и въ Ларѣ, не сносящемъ и въ минуту смерти самаго символа христіанства:

..... когда изъ веру стощей
Толпы къ нему вдругъ кто-то подошелъ
И показать ему символъ
Любви и правды—крестъ животворящій,—
Онъ на него разсѣянно взглянулъ
И отвернулся.....

А Каледъ даже оттолкнулъ крестъ, т.-е. оттолкнула его Гюльнара, если вѣрно, что она скрывается подъ именемъ Каледа, — и въ такомъ случаѣ отвращеніе это понятно, какъ какъ Гюльнара — магометанка. Самъ же поэтъ при этомъ напоминаетъ Чайльда, завидовавшаго способности своего пажа и слуги — любить близкихъ. Такъ же точно поэтъ завидууетъ тутъ всѣмъ тѣмъ, кто способенъ христіански любить и вѣровать. Онъ говоритъ про Каледа:

Боясь за Лару, онъ не понималъ,
Что для него жизнь только начиналась,
Та жизнь любви, жизнь сладостная та,
Что лишь тому желанною являлась,
Его сердцемъ чистъ, кто вѣруетъ въ Христа.

Блестательный успѣхъ, съ избыткомъ вознаграждавшій, по-

¹⁾ У г. Гербеля это мѣсто переведено иначе и недовольно близко къ подлиннику.

видимому, за неуспѣхъ при первомъ выступленіи на литературное поприще, — при самолюбіи поэта, не могъ же быть встрѣченъ съ его стороны холодно, даже съ пренебреженіемъ. Этимъ объясняется, что въ промежуткѣ между «Корсаромъ» и «Ларой», онъ опять-было зарекся писать, — мало того, переговаривался со своимъ книгопродавцемъ насчетъ совершеннаго уничтоженія всѣхъ уже изданныхъ своихъ сочиненій. Но вѣсть объ отреченіи отъ престола Наполеона не позволила Байрону отречься отъ писательства, заставивъ его отклониться на такое мировое событіе новыми стихами ¹⁾.

Наполеонъ, какъ яркое проявленіе силы личности, не могъ не приволатъ къ себѣ съ самаго начала вниманія Байрона. Если даже такая ужасная личность, какъ Али-паша Янинскій, произвела на него въ своемъ родѣ благоприятное впечатлѣніе своею эвергіею и заслужила отъ него названіе «магометанскаго Бонапарта» ²⁾, то тѣмъ понятнѣе увлеченіе Байрона настоящимъ Бонапартомъ, связавшееся еще въ ученическіе годы поэта. Изъ дневника его видно, что уже въ 1803 г. онъ защищалъ его бують отъ поношеній со стороны площадныхъ ругателей, и что съ тѣхъ поръ Наполеонъ оставался героемъ для него. Это увлеченіе человѣкомъ, который выдвинулся *самъ собою* такъ далеко впередъ и сталъ такъ высоко надъ всѣми государями по рожденію, усиливалось въ Байронѣ по мѣрѣ того, какъ росла ненависть къ Наполеону англійской аристократіи, видѣвшей въ немъ исчадіе революціи. На это друзьямъ-лордамъ, Байронъ еще болѣе восхищался гениемъ — homo novus, сзумѣвшимъ, въ тому же, такъ вѣрно разгадать англичанъ и сдѣлаться до такой степени страшнымъ для этихъ, какъ впоследствии ихъ назвалъ поэтъ, «надутыхъ торгашей» ³⁾. Но съ 1813 г. совершается поворотъ въ отношеніяхъ Байрона къ Наполеону. Только-что приведенное мѣсто изъ дневника поэта написано именно въ 1813 г. и отъ воспоминанія о прежнемъ увлеченіи великимъ человѣкомъ переходитъ къ грусти объ его паденіи. «Бѣжать, оставивъ на произволь судьбы свою армію!» съ негодованіемъ восклицаетъ поэтъ,

¹⁾ Elze, p. 186. То же сообщается въ примѣчаніяхъ къ новому англійскому изданію сочиненій Байрона (Poetical Works of L. Byron, new edition in eight volumes, London. John Murray, 1870, vol. III, introduction to the ode to Napoleon Bonaparte). Напротивъ, извѣстный французскій переводчикъ Байрона, Benjamin Laroche, сообщаетъ въ своихъ примѣчаніяхъ, будто поэтъ отрѣкся отъ писательства уже послѣ оды Наполеону.

²⁾ Elze, 98 (на основаніи писемъ Байрона къ матери).

³⁾ „Донъ Жуанъ“, п. X (haughty shopkeepers).

поясня далѣе, что и величайшій человекъ можетъ быть побѣжденъ, но и побѣжденный остается внутренно ненадомленнымъ, упорно вѣрнымъ *себѣ и своимъ*. Нравственное паденіе Наполеона тѣмъ болѣе и рѣшительнѣе располагало націю къ ненависти Байрону старинѣ, къ «глупой, заплѣсневѣлой системѣ европейскаго равновѣсія», какъ выразался въ пылу негодованія поэтъ, видѣвшій въ этой системѣ тормазъ для всякаго смѣлаго личнаго начинанія въ политической жизни. Разочарованіе въ представителѣ новаго начала, въ этомъ «исчадіи революціи», какъ его величали лорды, склоняетъ Байрона къ политическому индифферентизму. «Если бы, — пишеть онъ въ томъ же дневникѣ 1813 года, — учредилась міровая республика, то я бы сейчасъ сталъ защитникомъ неограниченной власти». Дѣло въ томъ, что «въ богатствѣ—сила, въ бѣдности—рабство — и такъ оно вездѣ на землѣ, и любая форма правленія такъ же пригодна, какъ и всякая другая» ¹⁾. Въ такомъ настроеніи былъ поэтъ еще до окончательнаго паденія своего прежняго идола.

Когда же разнеслась молва о роковомъ событіи въ Фонтенебло, Байронъ написалъ свою «Оду Наполеону», въ которой говоритъ: «со времянъ неповорнаго ангела, несправедливо названнаго утреннею звѣздой, ни одинъ человекъ, ни одинъ духъ не падалъ съ такой высоты». Наполеону, по мнѣнію поэта, все же представлялся выборъ: «Умереть властелиномъ—жить рабомъ! Онъ съ постыдной рѣшительностью выбралъ послѣднее». Далѣе поэтъ вспоминаетъ Суллу и Карла V: оба отказались отъ власти *сами*, а не уступивъ чьему либо принужденію. «Еще лучше, конечно, замѣчаетъ онъ про Карла V, было бы никогда не знакомиться ни съ кельей ханжи, ни съ престоломъ деспота». Такимъ же деспотомъ признаетъ тутъ поэтъ и Наполеона на его самосозданномъ міровомъ престолѣ; «а было время, говоритъ онъ павшему, когда вся земля принадлежала Франціи, а Франція принадлежала тебѣ, — и когда добровольное отреченіе отъ этой безпредѣльной власти доставило бы тебѣ болѣе чистую славу, чѣмъ та, которая соединяется съ именемъ Маренго.» Поэту при мысли о св. Еленѣ припоминается, правда, другое существо, также заживо прикованное къ скалѣ, но вполне сохранившее свое нравственное величіе. Но сравненіе съ Прометеемъ не подходитъ къ Наполеону. Не зависть боговъ, а «справедливый судъ Божій» постигъ послѣдняго, сопровождаемаго въ изгнаніе «не благословіями, а проклятіями людей, и способнаго вызвать своимъ заключительнымъ актомъ

¹⁾ Engel, p. 34, 36, 41.

(хотя онъ далеко не худшій) насмѣшку самого сатаны: тотъ въ крайней мѣрѣ сохранилъ въ паденіи всю свою гордость, и, если бы былъ смертнымъ, умеръ бы съ тою же гордостью».

Байронъ такимъ образомъ продолжаетъ сочувствовать ничему не покоряющемуся произволу личности, котораго высшимъ идеаломъ и является сатана, продолжавшій и позже къ себѣ привлекать его поэтическое вниманіе и удивленіе. Ему досадно, что Наполеонъ не устоялъ въ такомъ сатанинскомъ величіи и непобѣдимости. Но, съ другой стороны, онъ болѣвненно сознаетъ и всю нравственную тщету такого величія, хотя бы оно и осталось непоколебленнымъ до конца. «Больно думать, восклицаетъ онъ, что міръ, это благородное твореніе Божіе, служилъ подножіемъ для такой низкой твари»,—низкой, стало быть, и въ свои лучшіе дни, на самой высотѣ своего величія. Она была низка потому, что «одаренная силой спасать—она дарила своимъ поклонниковъ только могилами, такъ что паденіе ея послужило для людей урокомъ, сколько низости заключается въ честолюбіи».

Итакъ, уже не сила сама по себѣ, не сила себѣ довлѣющая и вызывающая поклоненіе уже тѣмъ, что она *сила*—цѣнится тутъ потому, а сила, получающая назначеніе *онъ себя*, существующая для того, чтобы *спасать другихъ*—вогъ что незамѣтнымъ образомъ вытекло для него изъ развѣнчиванья Наполеона. И вотъ, въ концѣ оды, въ видѣ утѣшенія, вмѣсто разбитаго идола, возвышается передъ нимъ монументально-несокрушимый ликъ человѣка, вѣчно сильнаго именно своею способностью *спасать*. «Есть ли, спрашиваетъ поэтъ, между всѣми сильными міра хотя одинъ, на комъ бы могъ отдохнуть утомленный взоръ, кто, не блистая преступною славой,—не дѣлался бы предметомъ презрѣнья? Онъ есть, такой человѣкъ,—первый, послѣдній—лучшій; это—Цинциннатъ Запада, тотъ, кого не могла бы возненавидѣть и самая зависть, онъ, завѣщавшій потомству имя Вашингтона, чтобы постоянно заставлялъ краснѣть человечество при взглядѣ на это одинокое исключеніе».

Если англійской аристократіи не былъ и не могъ быть милъ прежній идолъ Байрона—Наполеонъ, то еще болѣе не милымъ долженъ былъ представиться ей и этотъ новый предметъ его восторженнаго сочувствія, этотъ защитникъ свободы людей, которыхъ Англія считала своими собственными ренегатами, къ тому же не представлявшій никакой Ахиллесовой пяты и тѣмъ болѣе неприятный для враждебнаго стана.

Въ пылу разочарованія Наполеономъ дойдя, какъ мы видѣли, до полнѣйшаго политическаго индифферентизма, поэтъ по

всей вѣроятности, подъ оживительнымъ вліяніемъ личности Вашингтона, отдастъ рѣшительно предпочтеніе той формѣ правленія, которая установилась въ странѣ, возвеличенной имъ. «Чѣмъ болѣе, — пишетъ онъ въ отрывкѣ изъ своего дневника, относящемся къ тому же 1814 г., — чѣмъ болѣе равенства между людьми, тѣмъ безпристрастнѣе раздѣляется зло и становится при помощи подобнаго дѣлежъ выносимѣе, — а потому я стою за республику»¹⁾.

Итакъ, добро все-таки невозможно въ человѣческомъ мірѣ, а потому просто суетно стремиться дѣятельно къ нему; добро должно быть замѣнено однимъ равномернымъ распредѣленіемъ зла. Мы видѣли, что въ «Борсарѣ» Байронъ въ самомъ избыткѣ *правъ* и жизненныхъ благъ видитъ и избытокъ *тлѣнны*; самый властный и богато-одаренный есть вмѣстѣ и самый несчастный, но вознагражденіемъ служитъ ему гордое сознаніе своей преимущественности въ пользованіи этимъ добромъ-зломъ. Въ только-что приведенныхъ словахъ дневника сказалась уже готовность поступиться этимъ гордымъ сознаніемъ, отказаться отъ доставляемой имъ отрады, допустивъ равномерный дѣлежъ между людьми. Но старая *личная завѣска* сохраняется, повидимому, и тутъ: все дѣло все-таки — въ *себѣ*, въ облегченіи своего я снятіемъ съ него лишней тяготы, только суетно принимаемой за какое-то благо. Примѣръ Вашингтона еще не возымѣлъ окончательнаго вліянія, новый завѣтъ съ его духомъ любви, обращающей самое зло заботъ о другихъ въ положительное благо, оставался еще не осиленнымъ, хотя и возбуждавшимъ уже порою зависть въ Байронѣ къ тѣмъ, кому удается его осилить.

Ор. Миллеръ.

¹⁾ Engel, p. 42.

ПОТЕМКИНЪ НА ДУНАѢ

1790-й годъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Сей остальной изъ сталъ славной
Екатерининскихъ орловъ...

Дуликинъ.

Въ одномъ изъ городовъ Бессарабіи, въ минувшемъ году, понадобилось занять подъ военный складъ часть развалиннаго зданія, заваленнаго дѣлами какой-то, всѣми забытой, интендантской комиссіи. При переноскѣ бумагъ, на чердакѣ архива, среди разнаго хлама, обратили вниманіе на старомодную, безногую шифоньерку. Въ ней оказалась часть разныхъ полуистлѣвшихъ фуражныхъ дѣлъ извѣстнаго, въ походахъ Суворова, фанагорійскаго пѣхотнаго полка, и связка тетрадей, изъ синеватой плотной, мелкоисписанной бумаги, съ заголовкомъ: «Памяти російскаго Агамемнона». — Съ боку одной изъ страницъ приписка: «О моемъ, полномъ тревоженіи, примѣчательныхъ встрѣчъ и событій, незабвенномъ пребываніи на Дунаѣ, писалъ для своихъ дѣтей и внуковъ секундъ-майоръ Савватій Вехтѣвъ».

Въ текстѣ найденной рукописи замѣнены лишь нѣкоторыя, совсѣмъ устарѣлыя слова, — теперь мало даже понятныя, и разсказъ раздѣленъ на главы.

I.

... Зимой, въ началѣ 1790 года, въ Петербургѣ было особенно много веселостей. Не забуду я той поры до конца жизни.

Въпущенный изъ кадетъ морского корпуса во флотскіе батальоны, состоявшіе лично при особѣ наследника-цесаревича, Павла Петровича, я проживалъ въ Гатчинѣ, но не-рѣдко отлучался на побывку и въ столицу. Моимъ батальоннымъ былъ самъ государь-наследникъ, какъ генералъ-адмиралъ и президентъ морской коллегіи; другими командовали Неплюевъ, Аракчеевъ и Малютинъ.

Моряки особенно любили цесаревича; но его «финанціи» были нарочито не обширны; а подѣль часъ и ой-какъ скудны. Мундирчики наши, на прусскій ладъ, короткіе и темнозеленые, были часто изъ перекрашеннаго суконца, а потому, побывавъ на солнцѣ, даже при томъ пѣгѣе. Но мы не унывали, кое-какъ, хоть гѣсененько, «обострѣжились» и, въ поношенной амуниціи, не уступая щеголямъ и петимѣтрамъ, отдавали охотно дань молодости и свѣту. Ахъ, время, время, неизгладимое въ сердцахъ и въ памяти тогдашнихъ людей!

То былъ двадцать-восьмой годъ преславнаго государствованія великой монархини Екатерины Второй. Она старѣлась, но не уставала въ знаменитыхъ дѣлахъ. Блескомъ былъ окруженъ ея престолъ. Первая турецкая война — Румянцовская — кончилась; продолжалась вторая, — Потемкинская. Мы, кадеты, собираясь на свободѣ о томъ о сѣмъ потолковать, мало говорили о громкихъ внутреннихъ событіяхъ претекшихъ временъ, — о засѣданіяхъ въ зимнемъ дворцѣ именитой комиссіи для начертанія «Новаго Уложенія», равно какъ о Пугачевѣ и укрощеніи его приснопамятнаго бунта. За то на устахъ всѣхъ были имена Потемкина и Суворова, особенно послѣдняго. Насъ тануло на Дунай, туда, гдѣ базалось такъ близко осуществленіе новой великой Восточной системы, сирѣчь безсмертнаго «греческаго проекта» свѣтлѣйшаго, изгнаніе турецкихъ ордъ изъ Европы и всѣми желанное воцареніе на древнемъ византійскомъ престолѣ второго внука императрицы, Константина. Такъ нареченный въ честь послѣдняго Палеолога, павшаго при разгромѣ турками Византіи, одиннадцатилѣтній внукъ Екатерины въ то время былъ нарочито окруженъ греками. Его кормилица, слуги и даже товарищи игръ были природные жители Греціи. Въ Петербургѣ былъ въ тѣхъ же цѣляхъ устроенъ греческій кадетскій корпусъ. И нѣкоторые жители Элады писывали августѣйшему отроку просительныя письма, съ

титломъ: «Кротчайшему греческому самодержцу, Константину Третьему». Государыня въ январѣ устроила при дворѣ пышную свадьбу дѣвѣцѣ Мурузи съ Комнѣномъ и сама убирала къ вѣнцу невѣсту. Начинали учиться по гречески...

Золотые, счастливые годы! Всѣ мы тогда жили смѣлыми, возвышенными мечтаніями.

Былъ у меня товарищъ по морскому корпусу, Ловцовъ, малый пылкій, чувствительный и одаренный прекраснымъ сердцемъ. Съ нимъ въ особенности мы любили проводить время въ толпахъ о военныхъ матеріяхъ. Я былъ рѣзвый, шустрый мальчикъ, склонный въ забавамъ и шалостямъ. И воспитаніе наше тогдашнее, по Эмилю, было болѣе въ естественныхъ упражненіяхъ, въ играхъ, бѣганьи на свободѣ, въ танцахъ и другихъ физическихъ забавахъ. Война, подвиги смѣлыхъ героевъ наполняли мое воображеніе. Нашъ корпусъ находился въ то время въ Кронштадтѣ. Уединенная на морскомъ берегу липовая аллея, въ корпусномъ саду, была любимымъ мѣстомъ нашихъ бесѣдъ съ Ловцовымъ. Бывало, забьемся туда, усадемся съ книгами, или гуляемъ вдали отъ другихъ товарищей и отъ начальства. Мы подѣляли въ корпусѣ главныхъ героевъ: одни были за смѣлаго въ бояхъ, воеателя Суворова, другіе—за блистательнаго въ политическихъ замыслахъ, пышнаго Потемкина.

По выходѣ изъ корпуса, Ловцовъ списался съ отцомъ и тотчасъ отправился въ дѣйствующую противъ турокъ дунайскую армию. Какъ я ему завидовалъ и какъ ропталъ на свою судьбу, особенно, когда мой другъ, проѣздомъ черезъ Херсонъ, отписалъ мнѣ въ пространной цидулѣ, что тамъ на городскихъ триумфальныхъ, въ честь Потемкина, воротахъ дворянствомъ были начертаны сіи знаменательныя слова: «Путь въ Византію». Византія! изгнаніе новыхъ моавитянъ и возрожденіе, черезъ Россію, падшей и забытой имперіи Палеологовъ! Горячо билось въ то время любовью къ родинѣ сердчѣйшо только-что выпорхнувшаго изъ гнѣзда, легвокрылаго пленника.

Въ Гатчинѣ, вокругъ цесаревича, было тоже пылкое настроеніе, хотя самъ впечатлительно-чуткій и рыцарски-возвышеннаго духа государь-наслѣдникъ по-неволе сдерживался. На всѣ его просьбы государынѣ-матери, отпустить его къ храброму русскому войску, стоявшему у Дуная, послѣдовали ясные и безповоротные отказы, съ совѣтомъ: заниматься своимъ дѣломъ и ждать «когда воснутъ сего пунета».

Въ Петербургѣ, куда я «иновѣ» наѣзжалъ повеселиться съ товарищами, повертѣться въ театрахъ и на гуляньяхъ, былъ замѣ-

тенъ отмѣнный отъ гатчинскаго и во многомъ несходный образъ мыслей. Въ ближнихъ дворскихъ кругахъ старались всѣми силами отвлечь помыслы монархини отъ продленія предпринятой войны, находя то рановременнымъ, фантазическимъ и ажи би, въ виду французскихъ происшествій, даже весьма вредительнымъ для спокойствія и мирнаго процвѣтанія самой россійской имперіи.

Въ тайности-же этою критикою подводились злме подвоины подъ сильнаго вельможу, перваго тогдашняго пособника государыни, Потемкина. Свѣтлѣйшему нашелся въ тотъ именно годъ неожиданный и негаданный соперникъ, юный будущій князь, Платонъ Зубовъ. Все начинало работѣствовать новому всевластному дворскому свѣтилу, а, въ сходствіе того, и тайно порочить каждое распоряженіе князя Таврическаго, — къ тому же отъ обиженной гордости, въ непостижимомъ бездѣйствіи, мирно жившаго въ то время среди блестящей свиты въ Яссахъ.

Помѣстье моего отца, В***й губерніи, было въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Зубовыхъ, и мы хорошо знали всю ихъ невазистую родинку. Ухъ, сильно были чванливы и спѣсивы, и ой какъ жадны къ власти и къ почестямъ, а ума весьма средняго и даже простаго. Наши домашнія дѣла помѣшали мнѣ проситься на Дунай. Долги отца, по поручительству за кого-то изъ сродниковъ, державшаго винный откупъ, грозили намъ немалыми бѣдами. Но была къ тому и еще одна причина.

Вскорѣ по моемъ выходѣ изъ кадетъ, — на зиму въ Петербургъ прѣехала моя двоюродная тѣтка, Ольга Аркадьевна Ажигина.

Помѣстье Ажигинныхъ, Горки, было не вдали отъ деревни моей бабушки и вѣстной матери, у которой я часто гащивалъ, до поступленія моего въ корпусъ. И какъ я всякій разъ радовался, когда бабушка, навѣщая сосѣдовъ, возила и меня въ красивую и прелестную усадьбу Горокъ. Домъ Ольги Аркадьевны стоялъ у озера, на гребнѣ далеко-виднаго холма, весь въ зелени стараго, густорослаго сада, сбѣгавшаго по откосамъ и оврагамъ къ водѣ, съ боскѣтами, перекидными мостиками, качелями, гротами и островками.

По саду рѣзвилась черноволосая, коротко, ѣжкомъ остриженная, въ бѣломъ передничкѣ, съ карими глазами и съ премилую родинкой на подбородкѣ, семилѣтняя Пашута, единственная дочь двѣдой, хлѣбосоленной, дородной и доброй, хотя вѣсколько сердитой на видъ, Ольги Аркадьевны. Говорю — сердитой, потому что, бывало, нахмуритъ Ольга Аркадьевна свои черныя, прегустыя

брови, — ну, — Зевсъ громовержецъ, или по крайности арабистанскій левъ. А изъ-подъ бровей свѣтятся такіе ласковые, простые и сердечные глаза. Кажется, вотъ положить тебя, шалуна, подъ горячій часъ, на широкую свою ладонь, другою прихлопнуть, только мокренько станеть. А она вареньемъ кормить, цѣлуеть да пыхтитъ, куда дѣлся и гнѣвъ. Ну, премилая и преавантажная была барыня. О Пашутѣ нечего и говорить.

Я, какъ теперъ, вижу эту веселую, проворную и шаловливую, какъ котенокъ, рѣзвущую. Не посидитъ на мѣстѣ: разбрасаетъ кублы, цвѣтные лоскутки, прыгаетъ по стульямъ или вертится юлой по паркету, стоя на одной ногѣ. То присядеть, охаеть, перецыганиваетъ старую няню Меркульевну; то ураганомъ налетитъ на комоды и уклады матери, перероетъ все, нанесетъ вороха отрѣзовъ и всякаго хлама, и сядетъ съ иглой у столика, — кубламъ платья шить. Но глядишь — опять все бросила, размела, съ собачьей-болонькой возится, гремитъ, или вдругъ стихла, пропала, ну, точно вѣтромъ ее унесло. Ищутъ ее подъ мебелью, въ занавѣскахъ, на хорахъ, на чердакѣ. Ольга Арсѣевна махнетъ рукой — бросьте, молъ, ее непутную; знамое дѣло... А потомъ встревожится: ну, какъ выскочила егвоза, попала въ колодезь, или въ сугробъ; собаки опять же такія злыя во дворѣ. Пыхтитъ, сердится, вызываетъ ее: выходи, Пашутка, отъ дьяволицы пирожковъ съ макомъ принесли, поймали на проталинкѣ свѣгиря. Выскочить она изъ какой-нибудь норы, изъ-за печки, изъ швафа съ платьемъ, и заливается. Но вотъ ей исполнилось десять, одиннадцать лѣтъ. Она все та же юла; но стала выравниваться, хорошеѣть. Папильотки носить, на плечикахъ modesti, а съ кошмой спать, целенаеть ее и водить въ какомъ-то вязаномъ изъ гаруса уморительномъ колпакѣ.

Я былъ тремя годами старше матушки троюродной сестрицы, Прасковьи Львовны, и не серкою въ томъ, когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, сталъ очень къ ней неравнодушенъ. Въ деревнѣ чего у насъ не бывало: умильные переглядыванья при большихъ, вздохи, поднесенія цвѣтовъ, и нечаянныя встрѣчи въ боскетахъ, да въ тѣнистыхъ, дремучихъ аллеяхъ, а разъ гдѣ-то, на мостикѣ, искусно перекинутомъ черезъ шумящій ручей, даже и неожиданно-сорванный, весьма перепуганный подѣлуй, — словомъ амурныя мистеріи, по всей формѣ. Разстались мы на время, какъ-бы на-короткѣ, а случилось весьма на долго, почти на семь лѣтъ. И какъ я досадовалъ, что, отправясь въ корпусъ, не предвидѣлъ столь долгосрочной разлуки!

Въ день послѣдняго отъѣзда изъ Горокъ — это было осенью — Ажигина садила разный лѣсной молодникъ въ своемъ саду, и

мы съ Пашей на память тоже посадили въ цвѣточной клумбѣ, передъ домомъ, молоденькій въ полъ-аршина дубокъ.

Троюродная сестрица Пашута, подъ конецъ деревенской моей жизни, тѣмъ особенно стала меня занимать, что вообразилась мнѣ, по ея впрочемъ словамъ, какою-то непривзанною, таинственною жертвой у матери, — Ольги-то Аркадьевны! — добавляя я себѣ впоследствии. — «И не любятъ-то ее, какъ слѣдуетъ, варенья мало даютъ, — зубы испортишь, — и по-французски Ломбонда все велятъ учить, а онъ такой противный; въ чулкахъ и въ передникѣхъ репейниковъ нанесла съ огорода, всю дымевую кисейную юпочку искромсала въ послѣднемъ кружовникѣ; бѣгаешь, какъ мальчишъ-сорванецъ, по сырости, горло застудишь; въ чернилахъ не токма персты, даже весь носъ, писавши урокъ, перекрасила». — И какъ бывало встрѣтимся гдѣ въ закоулкѣхъ, шепчетъ Пашута на мамашу, да такъ въ серьебъ, какъ что важное, по тайности, сдвинетъ брови, оглядывается и грозитъ, чтобъ не проговорился. Тогда я не понималъ причины тѣхъ шептаній, а послѣ ихъ относилъ къ пересудамъ какой-либо долгоязыкой, не встати ластивой приживалки, либо къ раннему чтенію любовныхъ рыцарскихъ и всякихъ романовъ, которые Пашута бирала у матери и тайкомъ читала въ своей горенкѣ. Рыцари спасали героинь изъ-за заперти, изъ неприступныхъ вышекъ; ну, и Пашута быстрыми, взглядчивыми глазами искала въ Горкахъ своего рыцаря. Помню послѣднюю нашу встрѣчу въ деревнѣ. Былъ теплый осенній день. Посадивъ на клумбѣ, среди цвѣтовъ, дубокъ, мы побѣжали подъ гору, къ гроту. Паша сѣла на качель. Я взялся за веревку и сталъ ее покачивать. Какъ теперь ее вижу — въ косахъ, въ голубомъ короткомъ платьецѣ и въ панталончикахъ. Она задумалась. Ленты косъ и передникъ развѣваются.

— О чемъ, Пашута, думаешь?

— Ахъ! сказку о жарь-птицѣ, о грифахъ вспомнила. Точно сижу на грифѣ и лечу — лечу... земля, прудъ, Горки и ты самъ, точно дымъ, видѣются изъ облаковъ...

Хлопотливая и шумная корпусная жизнь мельнула для меня незамѣтно. Пока бабушка была жива, я не-рѣдко писывалъ къ ней и повсегда слать поклоны «сосѣдкамъ» — спрашивая о здоровьѣ троюродной сестрицы, о гротахъ, ея любимой кошкѣ и о посаженномъ дубкѣ. Баловница-бабушка, сама имѣвшая въ жизни не мало, какъ она говорила, амурныхъ «гисторій», покровительствовала моему настроенію. Черезъ нея я препровождалъ

«матушкѣ-кузинѣ» собственнаго переписыванія, съ виньетами, романсы для пѣнія Беллиградцаго, модныя марши для фортепяно Сарти, а иногда и преловко подобранныя, иносказательныя, съ акростихами, куплеты. Пугала, бывало, бабушка.

— «Представь, mon bijou! — писывала она: — въ твою-то Лайсу сердцеѣдъ и псовый охотникъ, одинъ штыкъ-юнкеръ, нашъ сосѣдъ влюбился. Вездѣ-то онъ, mon coeur, мотается, гдѣ только ляжетъ ея слѣдокъ; не пускають шаматона къ Горкамъ на пушечный выкъ; такъ онъ, Dieu la garde! ночи напролетъ снуеть по лунѣ верхомъ за озеромъ и грубитъ въ охотничій, большущій рогъ, подаетъ о себѣ голось»...

Со смертью бабушки, свѣдѣнія мои объ Ажигиныхъ прекратились. Домой о нихъ я не рѣшался писать. Тамъ знали о моемъ дѣтскомъ волокитствѣ; я же старался казаться теперь степеннымъ и возмужалымъ. А гдѣ тамъ степенность! Время, впрочемъ, взяло свое. Классныя занятія, экзамены, выпускъ въ офицеры, обмундировка, новыя товарищи и нешуточная строгая служба въ Гатчинѣ, съ веселыми побывками въ столицу, все это мало-по-малу незамѣтно изгладило мои деревенскія впечатлѣнія, — особенно урывки въ Петербургъ.

Не было сверстника болѣе меня въ тѣ годы падкаго до всякихъ проказъ и холостыхъ кутежей. Рослый, статный, румяный, голубые глаза съ поволокой, русая коса и булки въ пудрѣ и распомажены, надушень, находчивъ, весельчакъ, танцоръ и хохотунъ. Ахъ, гдѣ вы нынѣ, тѣ прошлыя, давніе годы? Природная, вѣчная пудра посеребрила голову... «Кто будетъ на вонскомъ бѣгу? Вехтѣевъ будетъ? ну, и мы тамъ!» — бывало рѣшаютъ товарищи. Театра, охоты, танцевъ, попойки безъ меня и не затѣвали. Гдѣ Вехтѣевъ, тамъ и жизнь, смѣхъ, плясъ и всякія веселости. Попадался я и въ разныхъ превратностяхъ: разъ, побившись объ закладъ, въ женскомъ платьѣ, забрался я въ вечернѣ въ дѣвичій, престрогій пансіонъ; въ другой — проигрался въ карты въ преображенскомъ полку и, спустивъ на отыгрышъ шубу, доѣхалъ обратно въ Гатчину по морозу, зарывшись въ одномъ мундирчикѣ въ чухонскій возъ съ соломой. Были — впрочемъ, больше для виду — и волокитства за цыганками; но тощій кошелекъ не довелъ ни до чего серьезнаго.

Пріѣздъ Ажигиныхъ меня переродилъ.

Нечего говорить, какъ я обрадовался, когда въ Гатчину до меня дошла вѣсть изъ дому, что Ольга Аркадьевна рѣшила провести зиму 1790 года въ Петербургѣ. Матушка писала, что причиной тому было желаніе Ажигиной закончить образованіе уже взрослой дочери по музыкѣ, танцамъ и рисованію, а вѣрнѣе,

чтобъ дать своему «милу-дружку Папутѣ» случай побывать въ столицѣ. Да и какъ было не соблазниться! Здѣсь жила великая монархиня и былъ дворъ, и сюда всякъ стремился тогда изъ глуши деревень, взглянуть на новый міръ и на модныя столичныя забавы.— «Выдетъ за мужъ, не до того будетъ»—сказала, навѣстивъ матушку, Ольга Аркадьевна:—«пойдутъ дѣти, мужъ не повезетъ; а теперь сама еще, пока дѣвка, владыка. Надѣюсь, и вашъ Савватій Ильичъ, какъ добрый знакомый и истинный кавалеръ, навѣститъ насъ».

Урожай хлѣба и травъ былъ въ то лѣто въ нашихъ мѣстахъ вообще изрядный, цѣны на сельскіе припасы стояли хорошия. Ажигина списалась съ Цинклершей, своей кумой, бывшей въ Петербургѣ за экономомъ Смольнаго монастыря, наняла у Николы Морского недорогую, по приличію и по своему рангу квартиру, чистую да укромную, отправила впередъ нужныя вещи и часть дворни, а сама переѣхала въ столицу въ началѣ января.

Помню, какъ билось мое сердце, когда, по отпискѣ родительницы, я пріѣхалъ изъ Гатчины и вошелъ въ посеребренный отъ инея палисадникъ однояруснаго, съ антресолями и верхнимъ балкономъ, деревяннаго дома николевской попады.

Старый буфетчикъ Ермилъ, сидя въ преогромныхъ оловянныхъ очагахъ и съ чулочными спицами въ рукахъ, не узналъ меня въ передней. Да и гдѣ было узнать въ «стоярѣсломи», плечистомъ, съ завитою въ букалахъ косой, флотскомъ офицерѣ былаго неотесаннаго, деревенскаго барчѣнка, камлотовые штіблеты и бумазейные камзолы котораго кроились и шились не руками столичнаго перваго портвого, Миллера, а сѣдого вѣрнопостного закройщика, Прошки.

Знакомые по Горкамъ столовые, семилбровые, съ звонками и съ музыкой «нортѣновскіе» часы тѣтушки пробили полдень, когда я, оправаясь въ передней у зеркала, взялся за ручку залныхъ дверей. За ними слышались мягкіе, нѣжныя звуки клавесіна, а имъ вторили порывистыя, какъ-бы нетерпѣливыя трели скрипки. Я вошелъ.

Дородная, нѣсколько посѣдѣвшая, тѣтушка, въ бѣломъ утреннемъ пудромантелѣ и въ чепцѣ на небрунанныхъ волосахъ, съ недовольствомъ глядя въ ноты, сидѣла за клавесіномъ. А среди комнаты, въ свѣтло-кофейномъ кафтанѣ, на жирныхъ, прудастьяхъ, ловко-изогнутыхъ ножкахъ, въ позиціи, готовой на легкокрылый прыжокъ, стоялъ румяный, съ строгой мордочкой старичекъ, танцовальный французъ-учитель. Онъ вправо и влѣво размахивалъ скрипичей, нетерпѣливо топалъ ножкой по полу, ударялъ смычкомъ по струнамъ и собственными, преуморительными, на жен-

скій манеръ, выгибаніями и присѣданіями сопровождалъ плавные пассе́, пліе и глоссáды своей ученицы. Какъ теперь вижу эту картину, хотя тому прошло столько долгихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

Чуть взявшись концами пальцевъ за слегка-приподнятый, сѣро-дымчатый, кисейный подолъ, и гордо-равсѣянно откинувъ красивую, съ невысокою, à la Titus, прической голову, плисунья показивалась, дѣлая фигуру гавота, въ тотъ мигъ, какъ я вошелъ.

— Chassez, balancez, jetez... et salut... en troisième! — командовалъ, расшаркиваясь, старчикъ. Меня увидали. Крикъ, шумъ, объятія, привѣтствія, разпросы. Танецъ брешень. Я остался обѣдать — и весь вечеръ.

Въ возмужалой, стройной дѣвушкѣ, съ деревенскимъ, здоровымъ загаромъ и съ высокой крѣпкой грудью, я въ силу спозналъ былую рѣзвуху Пашуту, съ которой когда-то велъ дѣтскую дружбу въ хоромахъ и боскетахъ Горожъ. Большіе каріе глаза смотрѣли прямо и смѣло. Тонкая улыбка не сходила съ подвижного лица. Пока мы говорили съ Ольгой Аркадьевной, она равсѣянно взглядывала то на меня, то на покрытыя морозными узорами окошки, за которыми слышались бубенцы и санный гулъ проносившихся, по наѣзженной гололѣдкѣ, городскихъ саней.

— Весело вамъ здѣсь, сестрица? — спросилъ я Пашуту, когда мы остались вдвоемъ.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтила она: — для чего-жъ и пріѣхали? Веселому жить хочется, помирать не можется.

— Вамъ ли думать о смерти?

— Да, такъ весело жить, — улыбнулась она: — смѣхъ тридцать лѣтъ у воротъ стоитъ, и свое возьметъ.

— Любо васъ слушать, не горожанка. А ужъ матушка лелѣетъ васъ и, чай, ласкаетъ? одна вѣдь дочушка у ней...

— Еще бы! она такая славная.

— Выѣзжаете?

— О, да! въ операхъ, балетахъ были.

— А знакомыхъ пріобрѣли?

— Зачѣмъ? намъ и безъ нихъ пріятно.

Видю, сдержаннѣе стала, не идетъ, какъ прежде, на откровенность.

— Ну, Савватій Ильичъ, — сказала мнѣ послѣ первыхъ двухъ-трехъ заѣздовъ Ольга Аркадьевна: ты вѣдь роденъка, хоть и не близкая, да по сердцу. Я на чистоту. Стыдно будетъ забивать тетку и сестрѣнку. Уважь, почаще навѣдывайся къ деревенщинѣ, провинціалкамъ. Руководи, указывай Пашѣ, что и какъ. Замѣжъ да запоръ дѣвку не удержатъ. Вѣдь тебѣ всѣ эти деликатѣссы и фінѣссы, какъ на ладони. Хотимъ поучиться да взглянуть на

здѣшнія вертопрашества. У васъ тутъ всякія моды, карусели, куртаги, балы...

— Что-жъ, тѣгуша, съ Богомъ!—раскошеливайте горѣцкія похоронки. Для кого-жъ и припасали?

— Такъ-то; такъ, голубчикъ. Да ой-какъ здѣсь все дорого. Помоги, племянничекъ! нельзя-ли, понимаешь, уторговать, подешевле добыть тѣхъ и этихъ вашихъ всякихъ дивовиновъ. Вотъ хоть бы модныя магазейны, — вздохнула и тоже оглянулась Ажигина: — да опять и эти ваши мастерицы... Шельма на шельмѣ! Была я у Лепрэ и у Шелепіхи на Морской... Ахъ, душегубки! ахъ, живодерки! — прибавила Ольга Аркадьевна, закатывъ головой и даже зажмурясь.

— Маман, finissez!—перебила ее, полузакрывшись вѣеромъ, Пашута.

— Что finissez? Что ты понимаешь, да мигаешь? правду вѣдь говорю... Опять же онъ не сторонній, а родня и при томъ вѣжливый кавалеръ, ну, и не откажетъ. А дѣвичье терпѣнье—золото ожерелье...

Какъ мнѣ ни было досадно и даже горько, что меня Ажигины почитали за родню, тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце и охотно, я имъ пособилъ, гдѣ могъ. Вѣдилъ съ ними къ Шелепіхѣ и къ Лепрэ, мотался по магазинамъ, по театрамъ и катаньямъ.

«Ожгла меня въ конецъ эта Ажигина», — говорилъ я себѣ, не на шутку чувствуя, что съ первой же встрѣчи снова сталъ привоанъ къ милому когда-то предмету. Куда дѣлись гоняныя съ товарищами, пирушки и сильная въ то время картѣжъ... Настали заботы о востомѣ, — въ порядкѣ ли онъ, — разодѣнешься, ни пылинки, на ямскую тройку и въ Петербургъ. Сперва по праздникамъ, а тамъ и въ будни, при случаѣ, сталъ я неотмѣнно ѣздить изъ Гатчины къ Николѣ - Морскому. Особенно любилъ я заставать Пашу по домашнему, въ корнѣтѣ, то-есть въ распашномъ капотикѣ. Привозилъ матушѣ-сестрицѣ новыя французскія книжки и гравюры, гамбургскія и любекскія газеты и модныя ноты. Забьемся въ ея горенку, она съ ногами на софѣ, а я ей рассказываю. Читалъ съ нею, рисовалъ и писалъ ей въ альбомъ, а съ Ольгой Аркадьевной игралъ ради забавы въ фофаны и въ дурачки, и толковалъ о придворныхъ и гатчинскихъ новостяхъ.

— Приѣзжайте, милый Савватій Ильичъ, — бывало шепнеть Пашута на разставаньи:—въ четвергъ опять концертъ Поэзилло; уговорите мамашу; ахъ, какъ хорошо пѣлъ вчера придворный хоръ...

Не совсѣмъ-то приходились мнѣ по-душѣ чрезмѣрные вы-

ѣзды и увлеченія Пашуты столичными веселостями и обычаями, а она отъ нихъ была безъ ума.

— Молода, вырвалась изъ деревенской глуши! — оправдывалъ я сестрицу передъ ворчавшей иногда ея матушкой, а самъ воть какъ ревновалъ ее и къ концертамъ, и къ итальянскимъ операмъ и ко всякому выѣзду изъ дому.

«Время образумить и обратить ее къ тому, кто не наглядится на нее, не надышется!» — утѣшалъ я себя, провожая Ажигиныхъ въ экипажѣ въ театръ или пѣшкомъ гуляя съ нарядной кузиной по Англицкой набережной: — «пусть упивается забавами, пусть щеголяетъ и веселится. Она вспомнить прошлое, оцѣнить мои чувства, и счастьемъ моему быть не далеко».

II.

Столичные веселости были въ полномъ разгарѣ. Публика сходила съ ума отъ новаго балета «Шалости Эдла». Всѣхъ плѣняли въ этой истинно-волшебной пьесѣ танцовщики Пикъ, Фабіани и Лѣсогоровъ, особенно-жъ первыя тогдашнія балетчицы Сантини, Канціани, Настюша Берилева и Нечочка Поморева. Нѣсколько разъ мы посѣтили этотъ балетъ, какъ и славныя комедіи «Недоросль» и «Школу злословія».

Русская вольная труппа Книппера, игравшая въ театрѣ Локателли, у Невы, на Царицыномъ лугу, поставила въ тотъ годъ комическую и преслабавную оперу «Гостинный дворъ» — слова и музыка Михайлы Матѣнскаго, крѣпостного пѣвчаго графа Ягужинскаго. Весь городъ перебивалъ въ этой оперѣ, гдѣ роль жениха уморительно до слезъ игралъ московскій актеръ изъ мѣщанъ, Залѣшкинъ. Мы дважды были въ этой оперѣ, послѣдній разъ, незадолго до масляной, въ день рожденія Ольги Аркадьевны. Сама она послѣ театра разболѣлась зубами, подвязала къ щекѣ подушечку съ ромашкой и не вышла къ чаю.

Пашута, навинувъ на корнѣтъ теплую шапкевку, осталась одна со мной въ гостиной. Толковали мы о томъ, о семъ, перебирали игру актеровъ, общество, которое видѣли въ партерѣ и въ ложахъ. А послѣ нѣсколькихъ раздумій, вздоховъ и павъ, я, подъ влияніемъ вечера, проведеннаго въ такой близости къ несравненной, не смогъ болѣе стерпѣть.

— А помните-ли, сестрица, Горки, прошлыя времена? — спросилъ я, помолчавъ.

«И зачѣмъ я назвалъ ее сестрицей?» — спохватился я тутъ же въ досадѣ.

— Какъ не помнить!—отвѣчала она, откинувшись въ кресло:— дѣтскія, милыя увлеченія.

— Помните Ломбнда?

Она кивнула мнѣ головой.

— Жива Меркульевна?—здравствуетъ кошечка? цѣль, живъ дубокъ?

Нѣжная улыбка была мнѣ отвѣтомъ изъ глубины заслоненнаго отъ лампы кресла.

— Ахъ, несравненное время!—произнесъ я:—тогда ничто не мѣшало, такъ близко былъ мой рай...

Сказавъ это, я спохватился и не смѣлъ поднять глазъ. Но какъ было выдержать? Мнѣ вспоминались не разъ сказанныя кухней похвалы вечерамъ въ Смольномъ у кумы ея матери, гдѣ Папшута то съ тѣмъ плясывала, то съ другимъ изъ извѣстныхъ въ городѣ щеголей, превознося ихъ любезности, ловкость и вѣжливо расточаемые залетной провинціалкѣ комплименты. Я ждалъ, чтó объявить Паша на мое признаніе?... Она молча протянула мнѣ изъ-подъ кацавейки руку и, когда я коснулся ее поцѣлуюмъ, сказала мнѣ: «какой вы славный, добрый, Савватій Ильичъ, съ вами такъ отрадно»... И только...

Черезъ день мы гуляли съ Пашей по набережной вдоль Невы. Мостовая была скована морозомъ. Лихіе рысачники проносились мимо насъ, лорнируя мою сопутницу въ преогромные, вошедшіе тогда въ моду лорнеты.

— Ахъ, голубчикъ Савватій Ильичъ!—сказала она, скользя легкой походкой:—какъ весело! вотъ жизнь! ну, какъ бы я хотѣла быть богатой...

— И зачѣмъ особое богатство? у васъ ли, съ матушкой, нѣтъ достатка?

— Нѣтъ, не то, не то...

— Родовая ваша вотчина первая въ уѣздѣ,—продолжалъ я:—какъ устроена, прилажена, и все для васъ...

— Нѣтъ, — скучно въ деревнѣ, глушь, пустота! То-ли здѣшніе люди, — какъ обворожительны. Эта пышность, роскошь, жизнь бьетъ ключомъ... Экипажи какіе, смотрите. Утромъ—свиданья, визиты... ахъ, прелесты!.. чтó ни вечеръ, — танцы, балы. Деревня... да кто-же возьметъ меня, хотъ бы съ нашими постылыми Горками?

— Прости, мое божество,—сказалъ я тихо, прижавшись къ Папшутѣ:—есть одинъ—ужли его не угадаешь? И если не богатъ онъ достаткомъ, за то искреннимъ, горячимъ чувствомъ. Онъ давно, давно у твоихъ ногъ...

Паша ни слова не отвѣтила, только, склонившись, шибче по-

шла. Вечерѣло. Слѣгъ срывался и падалъ въ тишинѣ легкими хлопьями.

— Что-жъ ты отвѣтишь тому человѣку?—спросилъ я, заглядывая въ лицо моей спутницы.

Она молча прошла улицу, другую. Стала видна ихъ квартира. Вдругъ она остановилась, обернулась ко мнѣ. Грудь ея прерывисто дышала. Во всю щоку заигралъ могучій ажігинскій румянецъ.

— Не обманываетъ тотъ человѣкъ?—спросила она, пристально глядя на меня.

— Клянусь, онъ говорить отъ сердца.

— Ну, такъ не бѣда, — отвѣтила она: не богатый варить пиво, — тароватый; дождикъ вымочить, солнце высушить. Кто принесетъ тучу, тотъ принесетъ и ведро. А ему отерой, что отвѣту быть черезъ двѣ недѣли... тогда и прѣзжай.

— Отчего-жъ не теперь! Паша, Пашута...

Она вырвала руку и легкой козочкой взбѣжала на свое крыльцо.

Я опьянѣлъ, обезумѣлъ отъ восторга. «Вотъ скрытница, плутовка, какъ мучить. Да не долго сомнѣваться, ждать. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ». Я потерялъ спокойствіе, сонъ. Что ни день, съ полковыми озадами и по почтѣ начались пересылки изъ Гатчины нѣжныхъ, на цвѣтной раздушенной бумагѣ, грамотокъ. Я исписывалъ цѣлыя страницы, справлялся объ ея занятіяхъ, здоровьѣ, ревновалъ ее. «Вѣрно, другой счастливецъ нашелся?» — изливалъ я горе въ письмахъ: «оттого, знать, и медлишь... Много красавцевъ въ Питерѣ. Отеройся, скажи, кто тебя плѣнилъ?» — «Много хорошихъ, да милаго нѣтъ» — отшучивалась въ отвѣтахъ Пашута: «сватались къ дѣвушкамъ тридцать съ однимъ, а быть ей за однимъ».

Не утерпѣлъ я, примчался изъ Гатчины черезъ недѣлю. Хотѣлъ осыпать Пашу укорицами, а она и вотъ съ вопросомъ:

— Получилъ приглашеніе въ Смольный?

— Какое приглашеніе?

— Балъ-маскарадъ у мадамъ Цинклеръ. Вчера тебѣ послано.

— Ни за что не поѣду, — сказалъ я.

— Пустяки, какое дѣтство. Тамъ весело будетъ, натапцуюсь, наговоримся.

Я отступилъ шагъ, выпрямился.

— Прасковья Львовна, — сказалъ я торжественно: — сегодня я прѣхалъ, чтобъ съ вашего согласія сдѣлать формальное предложеніе Ольгѣ Аркадьевнѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не теперь: — зажала она мнѣ ротъ: послѣ бала—ну, прошу тебя—послѣ, чтобъ мама не догадалась.

— Но какая причина? развѣ не вѣришь, не любишь мамашу?

— Ахъ, люблю и вѣрю, но лучше молчи теперь, молчи. Тамъ, на вечерѣ, будемъ свободны, ничѣмъ не связаны; понимаешь, воля?— до-сыта напьемся, набѣсимся. Ты, смотри, какъ я писала, достань латы и шлемъ, съ перьями,— я буду испанской цѣточницей... Для всѣхъ тайно, и вдругъ послѣ... ахъ, какъ весело... мамаша-то удивится... ну, милочка, помолчи теперь. Согласенъ?

Тихій ангелъ пролетѣлъ между нами. «Ребенокъ!» подумалъ я: «страсть въ тайнѣ, въ секретамъ. Вешнія воды, дѣвочки сны. Это тѣ же романы, читанные въ сельской тиши».

— Согласенъ, но съ однимъ уговоромъ,— отвѣтилъ я.

— Съ какииъ?

— Поѣдемъ кататься.

— Охотно.— Мамаша, дайте намъ бѣренъкаго,— сказала Пашута входящей матери.

Ольга Аркадьевна была съ утра что-то не въ духѣ; египетскій модный пассьянсъ ей не удавался. Она влинула Ермила, велѣла заперчь намъ санки, и мы помчались.

Нивогда не изгладится изъ моихъ воспоминаній эта поѣздка. Мы неслись по Фонтанѣ.

— Знаете, топ соупи, чей это домъ?—спросила, оглянувшись на Измайловскимъ мостомъ, Пашута.

— Какъ,— говорю,— не знать! домъ князя Platона Зубова.

— Тутъ и младшій его братъ, графъ Валерьянъ, проживаетъ,— сказала она:— какой красавецъ...

— Щеголишка, пустохватъ! гдѣ, встати, его ты видѣла?

— Показывали намедни въ оперѣ...

— Пожалуй,— замѣтилъ я, съ улыбкой, самъ между тѣмъ испыхнувъ:— еще можетъ чей-нибудь риваль? ты измѣнишь... онъ твой супирантъ...

— Вотъ глупости, совсѣмъ этотъ Валерка, сказываютъ, ребенокъ, ну, ей-Богу, какъ дѣвочка,—и щоки съ пушкомъ, и въ ухѣ брильянтовая серьга. Ха—ха... Я безъ смѣху на него не могла смотрѣть. Видѣлъ ты его?

— Нѣтъ, не видѣлъ—отвѣчаю, а кошки подъ камоломъ такъ и сиребуть:—да и не жалѣю; первый шалбѣрникъ, верховать. Хороши нравы; недавно, слышно, съ гусарской ордой, человекъ полсотни, съ пѣсенниками, барабанами, ложками и трещотками, ночью подошелъ въ дому одной молоденькой вдовы и такъ ее перепугалъ своей серенадой, что та чуть отъ страху не умерла... Что имъ, лишь бы попойки, обиды женщины, кутежи!

Полагаю, что, говоря это, я и блѣденъ сталъ въ тѣ минуты. А Паша смѣется, тормозить меня за руку.

— Ну, каковой онъ тебѣ соперникъ, — ты человекъ, а то дѣвочка какая-то, херувимъ изъ леденчика.

Только и сказала; но не разъ вспоминалъ я впоследствии тѣ слова. Миновали мы Аничковъ дворъ, увидѣли Екатерину, съ сѣренными ливрейными лакеями, катившую въ возкѣ по Невской перспективѣ, выѣхали къ Лѣтнему саду. Петровскіе дубы и липы стояли въ морозныхъ блестяхъ.

— И нашъ дубокъ когда-нибудь вырастетъ, будетъ такимъ же, — сказала Пашута, кутая въ шубку лицо.

— Великъ ли стая? — спросилъ я.

— Да видѣнь ужъ изъ цвѣтовъ. Тутъ тянется онъ въ началѣ, за то перерастетъ потомъ всё дерева, всю мелочь.

Я обхватилъ Пашу. Бурый конь, фыркая, вынесся на ледъ, полетѣлъ по широкой Невѣ.

Не за горами былъ и условленный срокъ для объясненія съ Ольгой Аркадьевной. Жаль мнѣ было думать, въ завѣды мои, что она ничего не знаетъ. Бывало, сидитъ, мудреный свой пассьянсъ раскладываетъ и, глядя на Пашуту, будто думаетъ: «Золото мое, когда-же я тебя пристрою и дождусь-ли той счастливой поры?»

Наканунѣ указаннаго мнѣ дня, былъ назначенъ тотъ именно балъ-маскарадъ, у жены эконома Цинклера въ Смольномъ, куда меня такъ звала Пашута. Подобныя вечеринки въ самомъ зданіи учреждений, носившихъ смиренный титулъ монастыря, были въ тѣ годы не въ диковинку. Составлялись онѣ какъ-бы съ доброю цѣлью: дать лучшимъ питомицамъ старшихъ курсовъ, въ присутствіи классныхъ дамъ, провести время и повеселиться не токмо съ подругами, но и съ родными, знакомыми подругъ. Сюда допускались межъ тѣмъ и кадеты выпускнаго разряда, а съ ними, по протекціи, пробирались гвардейцы и иныхъ полковъ офицеры.

Цинклерша, познавотивъ Пашуту съ начальницей Смольнаго, генеральшей Лафонъ, добыла разрѣшеніе на свой вечеръ и для меня. Предполагались игры всякаго рода, фанты, пѣпіе, потомъ танцы въ характерныхъ костюмахъ съ монастырями. Я, разумѣется, спроворилъ себѣ желаемый нарядъ въ лучшемъ видѣ, — досталъ его, черезъ товарищю, изъ балетной гардеробной. Все уладивъ и приспособивъ, я сталъ съ замираніемъ сердца ждать субботы, на масляной, когда долженъ былъ состояться предположенный балъ.

И вдругъ — хлопъ повѣстка, явиться къ ротному. Я нацѣпилъ шпагу, одѣлся въ полную форму и пошелъ. Встрѣчаетъ съ тревожнымъ видомъ.

— Слышалъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю.

— Шведы-то...

— Что-жъ они?

— Экспедицію флотомъ готовятъ противъ насъ въ веснѣ.

— Ну, не повдоровится имъ,—сказалъ я.

— Я и самъ такъ думаю. А между тѣмъ вотъ ордеръ генераль-адмирала. Повелѣвается тебѣ отъ цесаревича, немедленно взять ямскихъ и ѣхать секретно съ этими бумагами къ начальнику русскаго отряда, Салтыкову, въ Выборгъ.

— Когда ѣхать?

— Сейчасъ.

— Вотъ тебѣ и масляная,—не утерпѣлъ я не сказать.

— А что-жъ, попроси въ штабѣ фельдъегерскую, еще успѣешь захватить конецъ блиновъ.

— Да нельзя-ли замѣниться, попросить кого?

— Ну, не совѣтую. Знаешь порядки его высочества; не любить онъ со службой шутить.

Огорчила меня эта вѣсть. Дѣлать нечего. Справилъ я себѣ фельдъегерскій плакатъ и полетѣлъ, даже Пашу не извѣстивъ,—думаю, успѣю въ субботу. Для того по пути въ Петербургъ бросилъ на постояломъ и припасенный маскарадный костюмъ. А дѣло вышло иначе и совсѣмъ плохо. Салтыкова въ Выборгъ я не засталъ; онъ пировалъ на блинахъ у знакомаго изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Пока я съѣздивъ туда, вручилъ ему секретныя бумаги, вернулся съ нимъ въ городъ и выждалъ, когда тотъ всѣмъ распорядится, напишетъ и вручитъ мнѣ по формѣ отвѣтъ, безъ коего мнѣ возвращаться не дозволялось,—не только кончилась масляная, но и наступилъ первый день поста. Какъ я сѣлъ опять въ сани и какъ проѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ужъ и остановиться мнѣ было жутко, того не припомню. Отъ огорченія—стыдно признаться—я не разъ принимался плакать на пути.

Приѣзжаю въ Гатчину, отдаю по начальству рапортъ о побѣдѣ и бумаги, а самъ думаю: «Когда-то еще тѣ шведы вдуваютъ къ намъ въ гости, а меня лишили вонъ какого удовольствія». Повертѣлся я на квартирѣ, зашелъ кое-къ кому изъ товарищей, слышу—странная какая-то исторія случилась въ столицѣ. Слухъ прошелъ, что какіе-то повѣсы въ Петербургѣ, нанявъ ямскую карету, произвели похищеніе нѣкоей, благороднаго и уважаемаго дома, дѣвицы. Молва прибавляла, что ее предварительно опояли какимъ-то зельемъ, отъ коего она чуть не умерла, и что полиція, бросившись искать похитителей и похищенную, насочила на такія лица, что по-неволѣ привусила языкъ и тотъ

часть должна была прекратить дальнѣйшіе розыски. Разумѣется, толковали объ этомъ, какъ всегда по началу, въ неясномъ и сбивчивомъ видѣ, и я сперва не обратилъ на эти рассказы особаго вниманія. Одни изъ рассказчиковъ были за смѣлыхъ и ловкихъ сорванцовъ, другіе за жертву ихъ обмана.

Но зашелъ я къ нашему батальонному лекарю. Это былъ близорукій и страшно разсѣянный нѣмецикъ изъ Саксоніи, по фамиліи Громайеръ, общій другъ и повѣренный въ дѣлахъ. Онъ черезъ минуту забывалъ, что ему говорили, а потому никто его не боялся, и всѣ съ нимъ были откровенны. Умѣя отменно клеить изъ картона коробочки и укладки, онъ, кромѣ горчишниковъ, ревеня и какого-то бальзама на водкѣ, почти не употреблялъ другихъ медикаментовъ. И меня онъ, на гатчинской скукѣ, не разъ принимался учить искусству клеить. Но мнѣ это показалось тошнѣхонько, и я заходилъ къ нему болѣе почитать «Вольнаго Гамбургскаго Корреспондента», который онъ выписывалъ на сбереженія отъ жалованья. Я засталъ его за чтеніемъ какой-то цидулки. — Грубіяны, варвары, готтентоты! — ворчалъ онъ, пробѣгая нѣмецкія строки петербургскаго коллеги. И когда я спросилъ, въ чемъ дѣло? — онъ, заморгавъ подслѣповатыми, огорченными глазами, протянулъ мнѣ письмо, середина котораго начиналась особымъ заглавіемъ: «Новая Кларисса Гарло».

Съ первыхъ строкъ, въ которыхъ излагалось событіе, занимавшее городъ, я вздрогнулъ и чуть не лишился чувствъ: передо мной мелькнули знакомыя имена. Похитителями оказывались графъ Валерьянъ Зубовъ и его родичъ и наперсникъ во всѣхъ его похожденияхъ, Трегубовъ, а похищенной — дѣвица Ажигина. Съ трудомъ дочиталъ я мелкоисписанныя страницы, спойкойно, по возможности, произнесъ нѣсколько незначительныхъ словъ и поспѣшилъ уйти отъ лекаря. Тогда только я понялъ замѣшательство и сдержанность нѣкоторыхъ товарищей, бывшихъ въ послѣдній день масляной въ Петербургѣ, съ которыми мнѣ привелось перемолвить о новой столичной аванюрѣ. Я затаилъ на днѣ души роковое открытіе и, старая нетерпѣніемъ, сталъ молча ожидать поры, чтобъ, не показывая своего настроенія, подъ благовиднымъ предлогомъ, вырваться изъ Гатчины въ Петербургъ.

Желанный случай насталъ. На второй недѣлѣ поста надо было ѣхать съ завазомъ въ интендантствѣ воевакой батальонной аммуниціи.

До-нынѣ ясно помню чувство, съ которымъ я подъѣзжалъ къ недавно еще дорогому и волшебному для меня пріюту, въ домъ попадѣи у Николая-Морского. — «Если я такъ долго не навѣщала тѣтушки, — мыслилъ я, — то и она хороша; хоть бы стровой,

въ такихъ обстоятельствахъ, откликнулась. Значить, я не нуженъ, лишній сталъ. Посмотримъ, чѣмъ оправдаютъ свое приключеніе».

Я позвонилъ въ завѣтный когда-то дверной колокольчикъ. Ко мнѣ вышла незнакомая въ лисней душегрѣйкѣ, старая женщина. То была, какъ я потомъ узналъ, хозяйка дома.

— Госпожа Ажигина дома?—спросилъ я.

— Обѣ выѣхали.

— Куда? давно?

Лицо ли, голосъ ли мой выдали меня, старуха поправила на себѣ душегрѣйку, и, глянувъ какъ-то въ бокъ, объяснила, что ея бывшія постоялки, получивъ нѣкоторые неотложныя письма изъ своей вотчины, снялись и на первой недѣлѣ отбыли во-свояси.

— Такъ и дочь?—спросилъ я почему-то.

— И барышня,—отвѣтила попадья, какъ-бы думая: «бѣдный ты, бѣдный, проглядѣлъ, а безъ тебя вотъ что случилось».

Я бросился къ знакомымъ, въ полицію, побывалъ въ Смольномъ. На мои разспросы, даже глазъ на глазъ, всѣ отвѣчали нехотя и полунамеками. Въ Зубовскомъ домѣ швейцаръ объявилъ, что графъ Валерьянъ Александровичъ выѣхалъ въ Трегубовское, тверское помѣстье, на медвѣжью и лосью охоту, и вернется не ближе середины поста.

Въ тотъ же вечеръ я снова завернулъ къ никольской попадѣ. «Да вы не племянницею ли Ольги Аркадьевны?»—спросила она, и когда я назвалъ себя, пригласила зайти къ ней. Что я перечувствовалъ, видя тѣ самыя горницы, хоть и не съ той обстановкой и мебелями, гдѣ еще такъ недавно длились мои блаженные часы, того никогда мнѣ не выразить. Вотъ залъ, гдѣ стояли горѣцкія клавесіны и гдѣ, освѣщенное яркимъ зимнимъ солнцемъ, я увидѣлъ въ памятное утро мое божество. Вотъ гостиная, гдѣ проведенъ вечеръ послѣ опернаго спектакля. Каждый уголокъ напоминалъ столько пережитыхъ впечатлѣній, ожиданій, надеждъ.

Попадья усадила меня, откинула оконную занавѣску, и въ сумеркахъ указала черезъ каналъ на противостоявшій, высокій домъ.

— Отъ тебя, сударь, нечего таить,—сказала она: ты свой и пожалѣешь бѣдняйку. Тутъ они, шалбѣрники, и устроили свою западню.

— Такъ, дѣйствительно, былъ обманъ, засада?—спросилъ я, чувствуя, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо.

— Былъ ихъ грѣхъ, да и она не безъ вины.

— Это надо доказать, не вѣрю!—вскрикнулъ я, вскакивая.

— Что ты, что!—остановила меня за руку попадья:—и себя,

государь мой, и меня на вѣкъ погубишь. Не знаешь нешто, что за люди?

— На нихъ судъ, гнѣвъ государыни. Я добьюсь, не всѣ-жъ стануть приерывать.

— Вѣнниковъ, батюшка, много, да пару мало. А и въ доброй тяжбѣ на лапти не добьешься.

— Такъ я заставлю ихъ самихъ.

— Слушай лучше. Тѣтушка твоя добрая, да извини, не въ пронось молвить слово, высоко несется и баламутка порядочная... Не наше бабье дѣло, а прямо скажу: ейная кума во всемъ первая доводчица и погубителька. Трегубову да графчику Валерьяну она другую изъ монастырокъ готовила, а вышло вонъ что. Видишь окошко? Въ немъ они треклятые и караулку свою въ скрытности устроили. Сняли тамъ горницы, да и ну силки раскидывать. Что за оказія, какъ ни взглянешь, маются все какіе-то молодчики. Мало-ли всякихъ наѣновъ, и не вдомѣтъ. Знаками все, — то прямо съ енижкой сидеть, то бокомъ, будто читають; а вечеромъ свѣчи — двѣ-три на подоконникѣ, было и больше. И все то, по условію, были разныя обозначенія, потомъ пошли и цидулки...

— Какъ? переписывались?—спросилъ я.

— Ну, что опять всеинулся? точно и твоихъ тамъ не было! Не диво, что дѣвка амурныя грамотки писать; коза во дворѣ, козелъ черезъ тынъ глядитъ. Лишь бы сама пава перьѣ свое берегла.

— Что же вышло и какъ все случилось?—спросилъ я.

— Надавали глупь-человѣку всякихъ обѣщаній, да при томъ и клялись. Она не вѣрила, не подпускала ихъ близко. Только все порѣшилось на той самой маскарадѣ у кумы, куда она ряженая ѣздила плясать. Бѣсомъ началось, бѣсомъ и кончилось. Ждали случая съ смолянкой, одной княгинюшкой; начальница видно догадалась и той не пустила на вечеръ. Они-жъ сыпали приманку не даромъ и подвзятили саночки Ажигиной...

— Какъ? стало она,—спросилъ я: по своей охотѣ?

— Не разберешь. Весь вечеръ скучала, какъ въ воду опущена, ни въ игры, ни въ танцы. Мать измаялась отъ духоты, уѣхала раньше,—дѣвицы же стали просить, она дочку на куму оставила. А при разѣздѣ оттерлась Паша какъ-то въ суетѣ, кинулись ее исвать — и слѣдъ простылъ. Кучеръ съ Ермиломъ подали карету—нѣтъ барышни. Укатили ее въ другомъ экипажѣ, гдѣ лакей и кучеръ были переодѣтые господа.

— Боже! настрадалась я,—продолжала разсказщица,—вчужѣ глядя на твою тѣтку, какъ объявилась эта пропажа. Сперва охала

она, тренихалась все, будто путнаго чего ожидала, а сама глазъ съ ирономъ не сводить, ночи на пролетъ молится. То туда, въ городъ метнётся, то сюда. Ничего не добьётся: все заслонилось, точно въ потемкахъ. Какъ полагаете,—спрашиваетъ: гдѣ и когда обѣщались? — Да почему, говорю, думаете, что былъ вѣнецъ?—Какъ почему? клялся вѣдь, принцессой божилися сдѣлать, всѣхъ омолотить. — Свадьбой, сударыня, не таки, говорю, дѣла кончаются, а вы бы, милая барыня, шкатулочки, да сундучки ея перерыли, не было-ль какой нерезонной въ письмахъ передачи? — Она смолчала, заперлась на замокъ и тутъ-то вдоволь алошастная напилась полни.

— Что-жъ въ тѣхъ письмахъ?

— Твои ничего, и она вотъ какъ жалѣла, что ничего о тебѣ прежде не знала. А тѣ сорванцы прямо, какъ дурманомъ, ономли простоту. Родителька-де твоя все дѣтей тебя считаетъ; взаперти, молъ, экую красотку-королеву держать, удалитъ отъ хорошихъ людей. И ужъ не упомяну всего... Да! вотъ еще... Нынче свѣтъ-де ужъ не тотъ; пренебреги старѣмъ, да ветошью; брось постылый затворъ; ключъ, молъ, тебѣ даденъ отъ желѣзной двери,—ужли его кинешь? Ахъ, душегубы... Будь иронней, а не монашкой. Вотъ, голубка-то бѣлая и стала иронней, попала въ свѣтъ...

— Вы сказали,—замѣтилъ я:—что Ажигины вдвоемъ вернулись въ деревню? Какъ же такъ, откуда взялась дочь?

— А ужъ это, сударь, завсегда такъ-то съ нашею сестрой, — заключила попадая:—на то наша мудрость, да вѣра въ мужчинскія слова... И конецъ бываетъ, куда какъ не по клятвѣмъ и божбѣ. На другой день слышитъ твоя тѣтка, что бѣглянка въ скрытности объявилась у кумы. До утра только и была въ отлучкѣ. Пѣшая прибилась рано по холоду къ заставѣ, а дальше подвезли ее охтенскіе дровяники. Какъ увидала ее Ольга Аркадьевна, такъ и съ ногъ пала. Чтò ни спрашивали Пашу, ничего не открыла, ни слова не сказала. Легла ничкомъ въ подушку, да такъ три дня лежала безъ пищи и сна, только вдыхала глухо, да плечиками отъ слезъ подѣргивала. Съѣздила съ ней Ажигина къ Скорбящей, отслужила молебенъ и увезла ее молчкомъ въ деревню...

— Гдѣ-жъ была Прасковья Львовна?

— Никто не знаетъ. Думаютъ, увезли ее на дачу графа, да испугалась она, либо опомнилась, и какъ-нибудь урвалась...

«Опомнилась, легко говорить!» — подумалъ я: «прощай на вѣкъ, Пашута!» — Поблагодаривъ расклащипу, я возвратился въ Гатчину, на себя не похожъ. Хотѣлъ писать къ Ольгѣ Арка-

дѣвѣ, къ своимъ, — рука не бралась за перо. «Измѣнила ты мнѣ, на кого промѣнила мою приверженность, любовь? — размышлялъ я внѣ себя: какой урокъ! Но тѣ-то изверги, злодѣи? Ужли на нихъ и расправы нѣтъ? Но кто вмѣшается, чье право? Братъ одного изъ нихъ въ какой силѣ; у другого связи, богатство... Да и пошла вѣдь она охотой»...

И ударился я разъ ночью, какъ теперь помню, въ слезы; такъ плакалъ, такъ, что самъ спохватился: это что же? Анъ возмездіе и вотъ въ руки...

«Кому-жъ и мстителемъ быть за безпомощную дѣвушку» — сказала я себѣ: «какъ не мнѣ, если не по разбитому сердцу, хоть бы по одному родству?» — Распалился я этими мыслями такъ, что думалъ, думалъ и рѣшилъ опять ѣхать въ Петербургъ. Въ то время и въ голову мнѣ не приходило, что изъ того можетъ выйти, въ какія обстоятельства я буду поставленъ и куда занесетъ меня неожиданная, негаданная судьба.

Была весна. Наступилъ май. Въ Петербургѣ стало зѣло не спокійно. Шведы объявили намъ войну. Сперва на это мало обращали вниманія. Но вдругъ прошелъ слухъ, что шведскій флотъ вышелъ изъ Штогольма и пустился на поиски нашего. Гатчинскихъ морскихъ батальоновъ еще не требовали въ походъ. Они неотлучно находились при резиденціи наслѣдника. Донесенія объ эволюціяхъ штогольмской эскадры межъ тѣмъ приходили все тревожнѣе, и, наконецъ, стали тутъ и индѣ тараторить, что ихъ дерзостныя намѣренія могутъ вскорѣ нанести гроу и самой резиденціи великой російской монархини.

Въ такое-то время, послѣ долгой отлучки, я навернулся въ Петербургъ, куда надо было съѣздить за приѣмомъ батальонной аммуниціи.

III.

Это было двадцать-третьяго мая, 1790 года. Задержанный интендантскими не порядками, я заночевалъ въ Петербургѣ и пробудился на заѣзжемъ дворѣ, на Морской, отъ грома неожиданной и весьма внушительной пушечной пальбы. То шведскій флотъ, прорвавшись мимо Свеаборга и Ревеля и открывъ бомбардировку по нашему, съ утра началъ сраженіе близъ Кронштадта, защищаемого адмираломъ Крузомъ.

Изумленный городъ высыпалъ на улицы. Лица всѣхъ были блѣдны и встревожены. Всякъ спрашивалъ и никто не зналъ, на что надѣяться и чего ожидать. Всѣ робко поглядывали поверхъ крыши, не летятъ ли чинѣныя бомбы.

Я за другими вышелъ на адмиралтейскую площадь. Стекла дворцовыхъ оконъ примѣтно вздрагивали отъ повторительныхъ залповъ, раскатило и гулко доносившихся отъ взморья по Невѣ. Нѣкій изъ ближней свиты, престарѣлый, но желавшій казаться бодрымъ вельможа, какъ я узналъ впоследствии, знаменитый Бецкій, будто ненарокомъ вышелъ, поддерживаемый ливрейнымъ лакеемъ, на крыльцо, и сталъ, смѣясь, обращаться къ народу. Самъ шутить, а глаза все на рѣку, и губы бѣлѣшеньки. Онъ незадолго вовсе ослѣпъ, но скрывалъ это отъ публики; и лавей его держалъ за рукавъ, чтобъ дернуть, когда нужно было кланяться знакомцамъ при встрѣчѣ.

— Охота, братцы, безъ дѣла стоять?—сказалъ Бецкій, обращаясь къ народу: — государыню, кормилицу нашу, безпокоите... все кончится, вѣрьте, благополучно. Ну, гдѣ имъ, горе-богатырямъ, супротивъ русскихъ? Отъ Петра-то Великаго поговорку, чай, слышали?.. Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой...

— То, ваше сіятельство, Полтава, — судачили въ толпѣ: а авось вонъ насъ куда, къ самому ему на порогъ вдвинули. —

Слѣпой старецъ, прикуса языка, заковылялъ къ своей каретѣ.

Пальба къ вечеру затихла, а съ нею куда дѣлись и сомнѣнія. Столичный людъ извѣстенъ онъ, каковъ. Охотники до веселостей и всякихъ праздныхъ утѣхъ мигомъ приободрились. Невская перспектива покрылась гуляющими. Началось гонянье бѣговыхъ, охотничьихъ дрожекъ, колясокъ въ шорной аглицкой упряжи. Понесли хвосты расфуфыренные, съ ливрейными драбантами, модницы. Зашмыгали, таратора о шведской пальбѣ, гвардейскіе и статскіе петиметры. Зашелъ я въ военную коллегію; тамъ одни писцы; мое дѣло не двинулось. — «Что, — думаю: — останусь еще день; все равно ѣхать съ пустыми руками. А къ вечеру, авось, что-нибудь объяснится и о шведахъ». Я же въ тѣ роковые дни возилъ о нихъ первыя секретныя предувѣдомленія.

И захотѣлось мнѣ, при этомъ воспоминаніи, самому повеселиться, встрѣтить товарищей, съ горя съ ними покутить. Изъ коллегіи я зашелъ въ книжную лавку Глазунова, узнать, нѣтъ ли тамъ новыхъ о политикѣ вѣдомостей? Слышу разговоръ двухъ посѣтителей:

— Сегодня, —сказалъ одинъ изъ нихъ: государыня повелѣла дать на Царицыномъ въ театрѣ трагедію Рославъ.

— Дмитревскій, il grande, большой таланто! — произнесъ другой, старшій, — очевидно иностранецъ: въ Парижѣ съ Левѣномъ, въ Лондонѣ съ Гаррикомъ, на одной сценѣ игралъ. Надо бы въ театрѣ.

Меня какъ бы что подтолкнуло. Я пообѣдалъ въ Демутовомъ

травирѣ, бросился на Царицынъ лугъ, въ Книпперовъ театръ. Тамъ я взялъ себѣ наилучшее мѣсто въ партерѣ и до вечера бродилъ по набережной у Лѣтнаго сада.

Недавно передѣланный изъ простаго балагана, этотъ театръ былъ новинкой для горожанъ. Ложъ не имѣлось, а кромѣ партера, вдоль стѣнъ, былъ сдѣланъ трехъ-ярусный открытый балконъ, отдѣленія котораго, безъ промежутковъ, искусно возвышались одно надъ другимъ. Живопись плафона и стѣнъ хоть и была изрядно пестра, за то общій видъ зрителей, сидящихъ амфитеатромъ, какъ въ древности, весьма хорошъ. На занавѣси была изображена Фемида, принимающая поздравленія благодарныхъ россiянъ. Кромѣ параднаго крыльца, имѣлось еще нѣсколько отдѣльных подъѣздовъ, просторныхъ и столь умно устроенныхъ, что давки, особенно во время несчастя, пожара, при выходѣ случиться не могло. Давно то было и много послѣ переиспытано, а я до мелочей ясно помню, какъ проведенъ мною былъ тотъ вечеръ.

Сѣлъ я, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, на свою лавку. Сбоку у меня старичокъ, тотъ самый иностранецъ, что у Глазунова подалъ мнѣ мысль объ этомъ спектаклѣ. Мы разговорились. Онъ оказался итальянцемъ, учителемъ молодого графа Бобринскаго. Вижу, черезъ рядъ свамеекъ, противъ меня два вертлявыхъ затылка, въ разубранныхъ первымъ парикмахеромъ косахъ; гвардейскіе аксельбанты и галуны; тончайшими духами отдастъ отъ платковъ, коими они машутъ при аплодисментѣ актрисамъ.

— Кто это? — спрашиваю итальянца.

— Графъ Валерьянъ Зубовъ... знаете?

— А другой?

— Его Санчо-Пансо, Трегубовъ.

Я такъ и вскипѣлъ. Но странное дѣло, остался почти спокоенъ и тихъ, точно не слышалъ отвѣта сосѣда. Помню, какъ съ легкимъ сердцемъ и даже весело я прислушивался къ игрѣ актеровъ, а въ междодѣйствіи — къ шуму и къ громкому говору, больше по-французски, съ мѣста на мѣсто переходившихъ театральныхъ пересудчиковъ. Раздавалось и обычное въ тѣ годы щѣлкианье орѣховъ, во время игры, не только въ заднихъ рядахъ партера, но и въ ближайшихъ къ сценѣ отдѣленіяхъ балкона, гдѣ засѣдали первыя столичныя модницы.

Больше всѣхъ вертѣлись графъ и Трегубовъ. Въ самыхъ патетическихкихъ мѣстахъ знаменитой Княжнинской трагедіи, какъ-бы нарочито тѣмъ оказывая пренебреженіе къ высокому искусству Мельпомены, они съ преглупою угодливостью то подавали знакомымъ дамамъ въ нижнія ложи лорнетки, цвѣты, то подносили

нѣтъ сласти, или публикаціи о модахъ, причемъ непомѣрно гре-
нѣли шпорами и саблями.

Въ одно изъ междодѣйствій, утомленный духотой, я вышелъ
съ итальянцемъ подышать чистымъ воздухомъ, а встать завер-
нулъ и въ особую при театрѣ караулку, гдѣ, въ видахъ береж-
ности отъ огня, разрѣшалось курить. Желающіе здѣсь же имѣли
обычай раскивать принесенныя изъ лавокъ прислужкой и приве-
зенныя въ дому бутылки венгерскаго и прочихъ винъ. Мы по-
курили и вышли.

Вижу на площади, у крыльца, стоитъ, въ кругу притѣвалъ,
графъ Валерьянъ Зубовъ.

— Что мнѣ декламаторскіе таланты и это бытѣ вашего
прославленнаго Дмитревскаго!—ужли не постылъ онъ вамъ? Вотъ
Нечочка Поморева—это другая статья...

— Такъ рѣшено?—спросилъ его Трегубовъ.

— У развѣзда, господа,—объявилъ Зубовъ:—сперва апло-
дисментъ, цвѣты,—а тамъ...

Болѣе я не разслышалъ. Взглянулъ на его румяное отъ
экстаза, красное и смѣющееся, женоподобное лицо, и вдругъ уви-
дѣлъ, подъ бровей, въ ухѣ брилліантовую серёжку. Тутъ и вспо-
мнилась мнѣ Пашута. Все завертѣлось передо мной: офицеры,
площадь, толпа, спѣшившая изъ караулки, экипажи, фонари.

— Вамъ бы, сударь,—сказалъ я, подойдя къ графу:—не
за актрисами гоняться.

Зубовъ смѣшался.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ:—и кто вы такой? Не
имѣю чести васъ знать.

— А я васъ доподлинно знаю,—отвѣтилъ я:—не^еугодно^{ли}
на пару словъ?

Онъ отошелъ со мной въ сторону. Я назвалъ себя.

— Но въ чемъ же ваша надобность ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Часъ и мѣсто, государь мой, если вы памятуете, что есть
честь?

— Дуэль?—спросилъ онъ вполголоса, покраснѣвъ.

Всѣ его прихлебатели поостодвинулись при этомъ словѣ, и
ни на комъ нѣтъ лица.

— Что-жь,—продолжалъ онъ:—я не прочь отъ сатисфакціи;
только не въ такомъ мѣстѣ, господинъ Вехтѣвъ, конверсація;
и, притомъ, убѣждены-ль вы доподлинно въ моей токмо провин-
ности? То было недоразумѣніе, карнавальная шалость въ мас-
кахъ, на-парі... и, притомъ, не о вашей родственницѣ...

— Ни слова больше! да или нѣтъ?—вскрикнулъ я, задро-
жавъ и хватаясь за шпагу.

Чувствую, меня схватили свади, отводятъ дальше отъ публики. Оглядываюсь,—два незнакомыхъ артиллериста, открыто ставшіе за меня. «Давно пора проучить заввавшихся фаворитовыхъ родичей и ихъ друзей!—говорять они, пожимаая мнѣ руки:—мы къ вашимъ услугамъ». Я имъ назвалъ себя и мѣсто моей стоянки. Они подошли къ графу и къ его саттелитамъ и условились о срокѣ и мѣстѣ поединка. Установили драться вечеромъ слѣдующаго дня на пистолетахъ, за Калинкиной деревней.

Утромъ я отправилъ нарочнаго въ Гатчину, извѣщая, что коллегія замедлила съ выдачей порученныхъ мнѣ вещей и что я надѣюсь все окончить черезъ сутки. Пообѣдавъ гдѣ-то въ гостинницѣ, я провалялся почему-то мимо Николая-Морского и по Невѣ, и заблаговременно возвратился на постоялый. Тутъ я заперся въ нанятой горенкѣ и сталъ писать письма къ родителямъ. Я писалъ съ увлеченіемъ, орошая слезами послѣднія, быть можетъ, строки къ дорогимъ сердцу людямъ, и откровенно, безъ утайки, рассказалъ имъ все, что со мной произошло и къ чему я, по долгу совѣсти, готовился. Отнеся лично письмо въ почтовую контору, я прилежъ отдохнуть.

Было недалеко до вечера. Тревоги предыдущей безсонной ночи утомили взволнованный духъ. Мнѣ мерещилось близкое будущее: роковой, безвременный конецъ, сраженные горемъ отецъ и мать и отношеніе къ моей судьбѣ Пашуты. Тяжелыя, мрачныя мысли роились въ душѣ. Вотъ получается въ родномъ домѣ мое письмо, а вотъ и приказъ по флоту: исключается изъ списковъ убитый мичманъ таковой-то. Я не могъ вздремнуть, всталъ и присѣлъ писать прощальное обращеніе къ своей измѣнницѣ. Съ этою исповѣдью на груди, я рѣшилъ идти на барьеръ.

Много ли прошло времени, не упомяну. Надъ одной строкой я задумался. Пашута, какъ живая, представилась моимъ мысленнымъ взорамъ. Вотъ она дѣвочкой, быстроглазая, стриженная, рѣзвая, какъ перепелка; встрѣчи въ Горкахъ, въ вѣшніе цвѣтныя дни, бѣготня по пахучему саду, прятки у гротовъ, катанья въ лодкѣ, качели у пруда. Затѣмъ переписка, бабушкины запугиванья влюбленнымъ, трубящимъ въ рогъ, оставленнымъ юнкеромъ, пересылка поклоновъ, стиховъ. А вотъ она въ Петербургѣ, ужъ матушка-сестрица, Прасковья Львовна, хотя для меня все та же Пашута. Урокъ танцевъ, уморительный старчикъ, учитель со скрипочкой, мать въ пудромантелѣ за клавишами, пѣніе романсовъ, чтеніе Ричардсона, Дидерота, Де-Фб, — прогулки пѣшкомъ и въ саняхъ на буренькомъ, бесѣды вдвоемъ. И такъ близко было счастье. И все улетѣло, какъ сонъ. «Вы меня предали, продали, и кому же? Знаете ли вы, что за личность, на исцательства ко-

торой вы поддались? Вы для него—минутная забава, одна изъ прихотей празднаго, пустого, избалованнаго верхохвата. Отчего вы не сказали мнѣ ранѣе и откровенно? Зачѣмъ безжалостно разбили любящее сердце? Говорять о какой-то случайности, роковымъ недоразумѣніи. Нѣтъ, вы не даромъ о немъ говорили, интересовались имъ. Наконецъ... письма... Да, я узналъ, вы ихъ получали, и о нихъ мнѣ ни слова. Но, знайте, никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ»...

Въ дверь постучались.

«Секунданты,—подумалъ я, подписавъ и вложивъ въ готовый паветъ неконченное письмо къ Пашутѣ:—что-жъ, други честные, сторонніе, идѣте,—готовы». Я опустилъ письмо въ карманъ и отперъ дверь.

Вмѣсто бравыхъ, возвышенныхъ духомъ артиллеристовъ, на порогѣ изъ присѣнокъ вынырнулъ невзрачный, коротконогий, одутловатый и рѣшительный видомъ, пожилой полицейскій поручикъ. Крупныя губы, носъ пуговкой и маленькіе, сторожкіе, недобрые глаза.

— Не вы-ли мичманъ Вехтѣвъ?—спросилъ онъ, придерживая шпаженку и оглядывая внимательно горницу и меня.

— Такъ точно.

— Извольте-жъ, государь мой, за мной въ секунду слѣдовать.

— Куда?

Вмѣсто отвѣта, онъ подалъ мнѣ, съ внушительнымъ видомъ, запечатанный большою печатью паветъ. Я вскрылъ его, пробѣжалъ бумагу. Тѣ было требованіе о «неуклонной и беспроглядительной, въ чему буду», явѣ моей, къ лицу, имя котораго было всѣмъ хорошо вѣдомо.

Меня какъ варомъ обдало, потомъ бросило въ неудержную, внутреннюю дрожь. Я хотѣлъ-было распорядиться, дать знать хозяйкѣ, позвать слугу; но полицейскій поручикъ ершомъ и стойко воспротивился.

— Чтѣ вы, сударь!—сказалъ онъ, скривя ротъ какимъ-то наглымъ, преподлымъ манеромъ:—какіе тутъ распорядки! въ моментъ, въ терцію-съ повелѣно... Не на плясъ, не на маскарадную вечеринку зовутъ ваше благородіе, а къ самому его высокопревосходительству, Степану Ивановичу, господину Шешковскому.

Я повалъ—возврата и послабленія не было и быть не могло. Я взглянулъ въ окно. На улицѣ насъ ужъ дождала городова, извозничья, крытая коляска. Я защелкнулъ дверь на ключъ, и мы отправились. Въ корридорѣ я встрѣтилъ растеряннаго постояльскаго слугу; съ ключомъ я успѣлъ ему передать для отправкѣ на почту и заготовленное письмо. Мы поѣхали.

Всю дорогу занималъ мои мысли необычный, таинственный человекъ, которому такъ неожиданно теперь передавала меня судьба. Въ корпусѣ и въ Гатчинѣ много о немъ было шушуканій. Всѣ знали, что, знаменитый и страшный въ то вообще мягкое время, этотъ человекъ не съ-разу приобрѣлъ свою грозную репутацію. Онъ сперва занимался мирными науками и даже былъ не чуждъ обихода съ музами; кропалъ стишоны и учился у какого-то заѣзжаго живописца писать акварельными красками ландшафты и изображенія нѣжныхъ амурныхъ пасторалей.

Въ молодости лѣтъ Шешковскій, какъ сказывали, даже попался въ написаніи нѣкоего вольнодумнаго на одного своего начальника пашевилы и былъ за то въ немалой передрагѣ и встраскѣ. Но годы взяли свое. Бездарный, завистливый рифмо-слагатель и неудавшійся мазилка соблазнился первою отличкой по рангу. За ней пошли другія. Непривзанный, презираемый товарищами, Перонъ бросилъ измѣнницу лиру и остался въ длани съ однимъ наказующимъ бичомъ.

Соученикъ и мой другъ, Ловцовъ, въ корпусѣ былъ вхожъ къ одному вельможѣ, стороннику и одномышленнику Потемкина, и мнѣ не разъ сказывалъ о его отношеніяхъ къ Шешковскому.

Возвышенный духомъ и добраго сердца Потемкинъ, радѣя о чести и славѣ обожаемой имъ монархини, рѣшился при одномъ случаѣ не токмо критиковать, но даже и урвать свою вѣнценосную благодѣтельница и учительницу; «Ну, матушка-богиня, выдвинула ты на склонѣ своихъ дней изъ російскаго арсенала таковыя двѣ ржавыя и гнусныя пушки, какъ на Москвѣ князь Прозоровскій, а здѣсь Шешковскій... Прости, великая, но какъ бы тѣ пушки, не въ мѣру усердія стрѣляя, не затемнили твоего имени». Что касается до личныхъ сношеній, то прямой предъ всѣми Потемкинъ ужъ ни-чуть не стѣснялся съ тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ. Встрѣчаясь съ нимъ, онъ обыкновенно шучивалъ. — «Ну, Степанъ Ивановичъ, какъ изволишь кнутобойничать?» — «По-маленьку, ваша свѣтлость», отвѣчалъ вопрошаемый: «по-маленьку! исполняемъ возложенныя на насъ службишки»....

Къ такому-то человекъу меня везли на аудіенцію. Мы миновали Казанскую церковь, гостинный дворъ и приблизились на уголъ Итальянской и Садовой, гдѣ въ одномъ изъ бывшихъ домовъ Бирона находилось тогдашнее помѣщеніе Шешковскаго.

Меня ввели въ небольшую приемную. Приѣхали мы туда за свѣтло; но я долгою дожидался хозяина квартиры, бывшаго въ ту пору гдѣ-то въ гостяхъ. Совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, загремѣли внутри двора колеса его экипажа. Онъ вошелъ

въ свои апартаменты боковыми, скрытыми отъ постороннихъ, ходомъ. Его прибытіе я угадалъ по вытянутымся лицамъ дежурныхъ и по немалой суетѣ, начавшейся въ комнатахъ флигеля. Прошелъ одинъ писецъ, другой, зашмыгали съ бумагами вахтеры, разныхъ вѣдомствъ курьеры. И вотъ затѣнькала гдѣ-то глухой, дребезжащій колокольчикъ. Ему отвѣтила судорожный бой моего сердца.

Меня позвали къ Степану Ивановичу.

IV.

Подъ вліяніемъ общихъ толковъ, я предполагалъ встрѣтить нѣчто съ перваго раза ошеломляющее, нѣчто легендарное, въ родѣ страшнаго дракона, крылатаго, съ огненнымъ взоромъ и съ длиннымъ, змѣинымъ языкомъ.

Каково же было мое удивленіе, когда за столомъ, заваленнымъ грудами бумагъ, между двухъ, какъ теперь помню, восковыхъ свѣчей, я разглядѣлъ прямо сидѣвшую противъ меня, добродушную фигуру невысокаго, сторбленнаго, полнаго и вротко улыбавашагося старика. Ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Въ такомъ родѣ я встрѣчалъ изображенія нѣкоторыхъ, прославленныхъ тихимъ правленіемъ, римскихъ папъ. Жирный, въ мягкихъ складочкахъ, точно взбитый изъ сливокъ, подбородокъ былъ тщательно выбритъ; сѣрые глаза смотрѣли вяло и сонно; умильные, полныя губы, смиренно и ласково сложенныя, казалось, готовы были къ однимъ ободряющимъ, привѣтъ и ласку несущимъ словамъ. Бѣлыя, сквозящія жиркомъ руки, въ поворномъ ожиданіи, были сложены на животѣ.

Я вспомнилъ городскіе толки, что Шешковскій тайно сбѣгалъ не только провинившихся юношей, но и важныхъ, попадавшихъ въ «первыхъ пунктахъ» взрослыхъ мужчинъ и дамъ, а потому, боясь отравы, уже давно, окромя вѣрнаго чаю, печѣныхъ въ крутую яицъ, молочнаго и трехъ, ежедневно освящаемыхъ, просфоръ, по нѣсколько дней ничего почти не ѣлъ. Такъ напоминала о себѣ совѣсть этому, захватившему высокое довѣріе монархини, ничтожному проходимцу.

Шешковскій, при моемъ входѣ, съ тою же улыбкой, молча указалъ мнѣ стулъ, опустилъ глаза въ раскрытую передъ нимъ бумагу и, сказавъ: «Такъ-то, молодой человекъ, познаваемимся!» спросилъ мои имя, годы, рангъ, а равно мѣсто жительства и состояніе моихъ родителей. Голосъ его былъ такъ ласковъ и добръ. Мнѣ казалось, что я слышу стараго друга дѣтства, готоваго спро-

силь: «Ну, какъ матушка, бабушка? давно ли получалъ о нихъ вѣсти? жива ли бабушка?»

«Что же это?», подумалъ я, разглядывая сидѣвшаго противъ меня доброхота: «гдѣ же драконъ?» — Вскорѣ, однако, въ его рѣчи послышалась непріятная, посторонняя примѣсь, будто гдѣ-то неподалеку, въ сосѣдней комнатѣ, или за окномъ, начали сердиться и глухо ворчать два северные кота.

— Въ кабалѣ, въ атеизмѣ или въ черной магіи, сударикъ, не упражнялся ли?—спросилъ меня Шешковскій, глядя въ лежавшій передъ нимъ листъ:—и въ какихъ градусахъ сихъ вольнодумныхъ, пагубныхъ наукъ ты обрѣтался и состоялъ?

Я былъ ошеломленъ. Что оставалось отвѣтить? Пересиливъ, насколько возможно, волненіе, я сповоино возразилъ, что ни въ какихъ градусахъ не упражнялся и въ нихъ не состоялъ.

— Отлично... Такъ и слѣдуетъ ожидать отъ истиннаго россиянина. А не злоумышлялъ ли чего, хотя бы малѣйше, къ возмущенію, бунту, или къ какому сопротивному расколу, — продолжалъ, всматриваясь въ бумагу, Степанъ Ивановичъ:—каковой клонился бы къ освященному спокойствію монархини, или къ нарушенію обманными шептаньями, передачами и иными супротивными дѣяніями народной, воинской и статской тишины?

— Не умышлялъ....

— Хвалю.... Истинные отечества слуги таковыми быть повсегда должны.... А какъ же ты,—поднявъ вдругъ насмѣшливо-холодный взоръ Шешковскій:—а какъ же ты затѣялъ публичный affrontъ, да еще съ наглыми издѣвками, подполковнику, кавалеру Георгія четвертыя степени и флигельсъ-адъютанту, графу Валерьяну Александровичу Зубову?

— На то я былъ вынужденъ его же кровной и сверхъ мѣры нещасной обидой особѣ, близкой мнѣ.

— Въ чемъ обида?—спросилъ, взглянувъ на меня изъ-за свѣчей и тотчасъ зажмурившись, Шешковскій:—въ чемъ, говори....

— Не отвѣчу.

— Отвѣтишь,—тихо прибавилъ, не раскрывая глазъ, Степанъ Ивановичъ.

— То дѣло чести и ему быть должно тою между имъ и мной...

— Заставлю!—еще тише сказалъ, чуть повернувшись въ креслѣ, Шешковскій.

Я безмолвствовалъ. Общее наше молчаніе длилось съ минуту.

Я не давалъ отвѣта.

— Такъ какъ же? — спросилъ опять Степанъ Ивановичъ: — что вздумалъ! вѣдь пацѣнокъ, пѣся твоя голова! самъ не пони-

маешь, что можешь вызвать! все имѣю, все вѣдь во власти... четвертнымъ полѣномъ, не токмо-что, бить могу и сталь бы,— да помни, неизреченны милости къ такимъ....

— Я не пѣся голова и не пащѣнокъ,—твердо выговоришь я, глубоко-обиженный за свое происхождение и рангъ: — чай, знаете гатчинскіе батальоны; я офицеръ собственного экипажа государя-цесаревича. При томъ вмѣшательство въ частныя дѣла...

— Вотъ какъ, гусѣк! — проговорилъ, нахмурившись, но все-еще желая казаться добрымъ, Степанъ Ивановичъ.

— Не гусѣкъ, повторяю вамъ, а царевъ слуга. Въ мудрое-жъ и кроткое, какъ и сами вы говорите, правленіе общей нашей благодѣтельности не могъ я, сударь, предполагать, чтобъ кого, безъ суда и законной резолюціи, кто смѣлъ четвертнымъ полѣномъ бить.

Шешковскій протянулъ руку къ колокольчику, но остановился и со вздохомъ опять сложилъ руки на животъ. Не ожидалъ онъ, видно, такого отвѣта.

— Изверги, масоны, мутьяны, отечества враги! — сказалъ онъ, качая какъ-бы въ раздумьи головой:—свои законы у васъ! хартия, право народовъ, природы! Мирабо, доморослые Лафайѣты! слушай ты, глупый офицершкво, да слова не пророни....

Тутъ Шешковскій точно преобразился. Глаза его проснулись. Руки задвигались по столу. И показался онъ мнѣ въ ту минуту моложе, бодрѣй и даже будто выше прежняго.

— Слушай, дерзновенный, — произнесъ онъ громче и съ разстановкой: — посягая на ближнихъ слугъ монарха, на кого святотатски посягаешь? Изволишь ли вѣдать персону его сіятельства князя Платона Александровича?

— Какъ не знать.

— Ну, а вѣдь они тому—братецъ. Кому не воздалъ должнаго респекта?... Такъ вотъ тебѣ резолюція, пока на словахъ. Сроку тебѣ двое сутокъ. Не токма о поединкѣ, или о новыхъ экспликаціяхъ, но чтобъ ровно черезъ сорокъ-восемь часовъ, отъ сего момента,—слышишь ли,—духу твоего не пахло, какъ въ сей резиденціи, такъ равно и въ Гатчинѣ.

— Но я на службѣ. Дозволите ли передать о томъ по начальству?

Шешковскій улыбнулся, опять какъ-бы въ безсиліи закрылъ глаза и вздохнулъ. Пальцы его сплелись и снова старались смиренно уложиться на камзолѣ.

— Попробуй,—сказалъ онъ:—ну, такъ, для-ради любовна-нія, попытайся...

Онъ досталъ табакерку, раскрылъ ее и, шурясь съ усмѣшкой на меня, потянулъ изъ нея носомъ.

— Не постигаю,—проговорилъ я:—гдѣ-жъ правда, законъ?

— Лучше безъ разговоровъ,—перебилъ Степанъ Ивановичъ:— либо прочь отсюда тишайше, по доброй волѣ; либо телѣжка, фельдъегерь и... Сибирь.

Я опустилъ голову, соображая, съ какимъ злорадствомъ бѣгали по мнѣ тѣмъ временемъ торжествующіе взоры Степана Ивановича.

— Итакъ, Вехтѣевъ, вотъ готовый пакетъ,—сказалъ съ прежнею мягкостью Шешковскій: все готово и подписано. Напрасно, милый, было и спорить.

Голова моя вкружилась. Я съ трудомъ слѣдилъ за ходомъ своихъ мыслей. Ясно было, что друзья графа успѣли принять всѣ нужныя мѣры. Случай въ театрѣ получилъ огласку и меня рѣшили, тѣмъ или другимъ способомъ, сбыть съ глазъ столичныхъ говоруновъ.

— Такъ какъ же, въ отпускъ или въ чистую?—спросилъ, послѣ небольшой паузы, Степанъ Ивановичъ.

— Лучше, батенька, въ чистую, абшѣдъ,—прибавилъ онъ, не дождавшись моего отвѣта:—пойщи ходатаевъ, протекціи; авось, и государь-цесаревичъ твою службу вспомнить и встать пожалуетъ. Нивогда не упускай случая,—сошлись на родителей: стары, моль, и требуютъ помощи, деревнишки сиротѣютъ безъ призора—ну, и отпустить. А если нужно,—дай знать, и я, въ чемъ надобеть, ужъ такъ и быть, помогу...

Я, молча, обернулся и хотѣлъ уйти. Помню, что притомъ даже не поклонился грозному Степану Ивановичу. За мной слышался заглушенный, веселый и дружескій смѣхъ старца.

— Ну, куда-жъ ты, вѣтеръ-голова? анъ и не все, вѣдь, еще кончено.

Я остановился.

— Вотъ чтб... Подпиши-ка, на всякъ разъ, такъ, для памяти хотя, вотъ эту бумажонку.

Онъ протянулъ мнѣ по столу листъ съ заготовленнымъ въ рукоприкладству, клятвеннымъ и подъ страхомъ нещадной кары обѣщаніемъ,—выѣхать немедленно изъ столицы и ея окрестностей и молчать обо всемъ, чтб мною слышано отъ Степана Ивановича, господина Шешковского.

Какъ пьяный, какъ сонный, я вышелъ на улицу, возвратился на постоялый, послалъ за почтовыми и къ утру былъ въ Гатчинѣ.

Тамъ я нашелъ два письма. Одно было изъ деревни отъ отца, другое отъ Ловцова, изъ дунайской арміи.

Отецъ писалъ, что дѣла наши по сельской экономіи весьма неавантажны, что со дня на день грозитъ продажа съ аукціона, по залогу въ казну, всего нашего имѣнія, и что одно упованіе на Бога и на добрыхъ людей. «Добрыхъ! гдѣ они?» подумалъ я, дочитавъ эти строки.

Письмо Ловцова было объ иной матеріи. Онъ рассказывалъ о Турціи. Отрядъ Гудовича, при коемъ онъ служилъ, по прежнему стоялъ у нижняго Дуная, томясь въ ожиданіи дѣлъ, воими между тѣмъ такъ медлилъ главнокомандующій.

«Свѣтлѣйшій,—писалъ Ловцовъ,—живетъ въ Яссахъ, погруженный въ полнѣйшее бездѣйствіе и въ столь великую хандру, что приближенные не рѣшаются ему дѣлать намековъ, не токъ о дальнѣйшихъ, всѣми ожидаемыхъ, смѣлыхъ предпріятіяхъ, но и вообще о текущихъ дѣлахъ. А время уходитъ; турки, переживъ несносныя тягости минувшей зимы, вздохнули, начали стягивать изъ Азіи новыя, диво-свирѣпыя полчища и открыли во всѣхъ мечетяхъ и на базарахъ священную проповѣдь поголовнаго ополченія за вѣру. Они ввели въ Дунай сильную гребную и парусную флотилію, укрѣпили побережныя фортеціи и, по словамъ лазутчиковъ, снабдили огромнымъ гарнизономъ и по соразмѣрности провизіей стоящую на главномъ, исходномъ нашемъ пути въ Стамбулу, крѣпость Измаилъ».

Далекій мой другъ описывалъ, при этомъ случаѣ, благословенныя страны, гдѣ онъ въ то время находился, въ столь увлекательныхъ, живыхъ краскахъ, а страданія и надежды на русскую помощь единовѣрныхъ намъ греческихъ, болгарскихъ, молдавскихъ и иныхъ народовъ такъ трогательно, что наши школьныя бесѣды и мечтанія о боевыхъ походахъ и побѣдахъ безсмертнаго Миниха и славнаго Румянцева воскресли во мнѣ съ новою, неодолимою силой.

«Ужъ не персть ли Божій, не указаніе ли свыше?» подумалъ я, прочтя письмо Ловцова:—«въ подобную минуту и такое напоминаніе! Неужели послѣ этого выходить въ отставку, ѣхать въ деревню и на вѣкъ закабалить себя и свою молодость въ мирной, но дикой и сердце-гнетущей глуши? Нѣтъ, лучше принести посильную пользу отечеству, пожертвовать неудавшейся жизнью тамъ, на краю свѣта, гдѣ, какъ мы всѣ ждали тогда, загоралась заря воскресенія близкихъ намъ, и гдѣ геніями Суворова и Потемкина—я твердо вѣрилъ въ то—готовились свѣту новыя безсмертныя подвиги и новыя неуязвимыя лавры русскаго оружія».

Отдавъ ротному отчетъ въ исполненіи порученныхъ мнѣ ком-

миссій, я скорехонько собрался и обратился къ любимцу, комнатному камердинеру государя-наслѣдника, къ Ивану Кутайсову, съ неотступной просьбой устроить мнѣ въ тотъ же день свиданіе, буде можно, на-единѣ съ его высочествомъ.

Пятнадцать лѣтъ назадъ плѣнный мальчишка-турченокъ, изъ городка Кутая, крестникъ цесаревича, его истопникъ, цирюльникъ и фельдшеръ, а въ недалекомъ будущемъ, какъ всему свѣту извѣстно, російскій высочиновный баронъ и, наконецъ, могучій, украшенный первыми кавалеріями графъ и владѣлецъ десятковъ тысячъ подаренныхъ ему крестьянъ,—Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, близко зналъ насъ всѣхъ, тогдашнихъ гатчинскихъ офицеровъ, и къ намъ благоволилъ.

Я засталъ цесаревичева слугу въ гардеробной, за подготовкой для прогулки выѣздной амуниціи великаго князя.

— Что, сударь, деньгъ понадобилась?—спросилъ онъ, свала зубы на мою просьбу.

— Нѣтъ, Иванъ Павлычъ, по милости его высочества, еще не нуждаемся въ томъ...

— Такъ отличку какую? а? Ты, ваше благородіе, говори правду, зачѣмъ пришелъ?

Я рѣшилъ пока скрыть принятую мысль и отвѣтилъ, что получилъ письма отъ родителей, что они пожелали видѣть меня, а какъ, въ виду шведскаго вторженія, морскими батальонамъ, вѣроятно, повелѣно будетъ находиться въ полномъ сборѣ, то я и рѣшился искать доступа къ его высочеству, для полученія отпуска, хотя на краткую отлучку во-свои.

— Шведское вторженіе! успокойся, бачва, — возразилъ съ улыбкой Кутайсовъ,—они ужъ далече... Что-жъ до аудіенціи, такъ вотъ тебѣ она... найдемъ... а совѣтъ мой, сударикъ, воли что по службѣ, то побывай у Неплюева, особливо-жъ у Арсенія Андреича Аракчеева.

Онъ пріотворилъ дверь, провелъ меня къ кабинету наслѣдника, предупредилъ его о моей просьбѣ и черезъ минуту я былъ передъ особой его высочества.

Государь-наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ принялъ меня въ собственномъ маломъ кабинетѣ. Онъ стоялъ, полуоборотясь къ окну, и надѣвалъ большія, съ раструбами, лосинныя перчатки, поданныя ему для прогулки. У крыльца, какъ видно было изъ окна, поигрывалъ подведенный рейтнехтомъ любимый его, столь извѣстный впослѣдствіи, бѣлый, англизированный верховой конь, по имени Помпѣнъ. Какъ теперь вижу статную, рыцарски-благородную фигуру Павла Петровича: лиловый бархатный сюпервѣстъ, поверхъ короткаго, бѣлаго колѣта, вружев-

ной шейный платокъ и такіе же манжеты, высокіе ботфорты со шпорами, треуголь съ плюмажемъ подъ мышкой и орденская звѣзда на груди.

Не забуду я, пока живъ, благосклоннаго приѣма великаго князя, хотя въ началѣ на меня и погнѣвались. Приѣмъ даже главныхъ сотрудниковъ цесаревича, Аракчеева и Неплюева, былъ также, по мѣрѣ объясненій, сперва строгій, потомъ сочувственный. Какъ давно было и какъ между тѣмъ все ясно я помню, точно вчера то совершилось.

— Перевода прошу, — осмѣлился я прямо сказать, — вовсе увольненія изъ гатчинскихъ батальоновъ.

Мнѣ были хорошо знакомы быстрыя, неудержимыя вспышки этой безупречно-благородной и по рожденію кроткой души, не терпѣвшей признака кривотолковъ или лжи.

— Обманулъ? Ивана Павлыча провель? добился? — вонъ, вонъ, въ чистую! курятники, полотѣры, торгаши!..

«Курятниками» и «полотѣрами» въ досадѣ въ то время обыкновенно называли большую часть тогдашняго гвардейскаго офицерства, дѣйствительно въ оны годы болѣе походившаго на богатыхъ купцовъ и мѣщанъ, чѣмъ на военныхъ.

— Меня требовали въ Шешевскому, — въ силу я проговорилъ.

— Къ Шешевскому? что ты?

— Съ меня взята подписка въ молчаніи.

— Ну, какъ знаешь...

— Передъ всѣми, но не передъ моимъ благодѣтелемъ долженъ я молчать, — отвѣтилъ я.

Тутъ откровенно я передалъ все, что со мною произошло въ Петербургѣ. Я говорилъ безъ стѣсненій. Меня слушали сумрачно, глядя въ окно и изрѣдка, чуть слышно восклицая подъ носъ, особенно при упоминаніи нѣкоторыхъ именъ: «coquins! scelerats»...

— И если, простите, — заключилъ я, задыхаясь отъ подступившихъ слезъ: — если государь-цесаревичъ, коюго обожать и коюму служить я готовъ до гроба, соблаговолитъ оказать мнѣ милость, молю о дозволеніи мнѣ ѣхать не въ деревню къ отцу, а на Дунай, въ дѣйствующую армію, куда нынѣ стремлюсь и по долгу совѣсти и по судьбѣ, постигшей меня.

— Жаль, жаль... ты было такъ изрядно выпекся! послѣ нашихъ батальоновъ, заразишься, погибнешь въ праздности и тамошней распутной толкотнѣ!

Я въ то время зналъ ужъ причину особливаго гатчинскаго неудовольствія на Свѣтлѣйшаго, который не хотѣлъ, или не сумѣлъ, въ омутѣ дворскихъ интригъ, отстоять священнаго и искренняго рвенія государя-наслѣдника — быть при дѣйствующей арміи.

— Впрочемъ, поѣзжай! такъ и быть... Берусь лично устроить твое дѣло. Нынче-жъ будетъ доведено въ Сарское и доложено о тебѣ... На Дунай и впрямь не одинъ вѣдь Пансальвинъ, князь тьмы... тамъ Суворовъ, Гудовичъ, Кутузовъ...

Я, склонясь, въ почтительномъ молчаніи, ожидать дальнѣйшихъ сообщеній.

— Въ Яссахъ будь не долго: — балеты, комедіанты, когда войско рвется къ бою! цѣлый сераль разряженныхъ модницъ и замужнихъ, безстыдныхъ побродяжекъ, а еще не взял ни одной путной крѣпостцы, не то что пашалыка... Ну, можешь готовиться, съ Богомъ... Поѣзжай; увидишь графа Александра Васильича, Михайлу Иларіонича, вланыйся имъ. А что найдешь нужнымъ, отписывай ко мнѣ, — только осторожнѣй. Понимаешь?

Не забуду послѣднихъ часовъ моего пребыванія въ Гатчинѣ. Надо было узнать отъ Аракчеева результатъ доклада въ Сарскомъ. Аракчеева я дома не засталъ и положилъ вновь добиться аудіенціи великаго князя, какъ моего батальоннаго командира. Я сѣлъ въ саду, на скамьѣ, за кустарной клумбой, ближайшей къ крыльцу цесаревича, и просидѣлъ здѣсь долго, не рѣшаясь вновь просить Кутайсова и раздумывая то и сѣ о предпринятомъ отъѣздѣ на Дунай. Солнце сильно припекало. Я очнулся, заслышавъ курць-галопъ Помпона. Бѣлый конь былъ взмыленъ. Потемкинѣ бога его тяжело дышали. Видно было, что цесаревичъ, для разсвѣнія пришедшихъ мыслей, сдѣлалъ немалый туръ по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ.

Завидѣвъ меня и какъ-бы ожидая моего обращенія, онъ замедлился на ступенькахъ крыльца.

Я осмѣлился подойти и спросить, послѣдовало ли разрѣшеніе государыни и дозволяетъ ли его высочество сообщить о томъ моему ротному?

Кивкомъ головы отвѣтилъ онъ утвердительно, и съ улыбкою махнулъ мнѣ перчаткой съ крыльца...

Великій князь сдержалъ слово. Онъ испросилъ обо мнѣ разрѣшеніе государыни. Zubовымъ же было все равно, лишь бы съ глазъ меня делой. Они поддержали ходатайство цесаревича. Былъ подысканъ и благовидный къ тому предлогъ. Меня командировали въ южную армію, съ очередными депешами, отдавъ притомъ на усмотрѣніе и въ распоряженіе Свѣтлѣйшаго и обязавъ нигдѣ, не токмо не сворачивать съ пути, но даже и не останавливаться.

Такимъ образомъ, лишенный возможности провѣдать родителей, я откланялся его высочеству, простился съ товарищами и, съ фельдъегерской подорожной и съ сумбой на имя фельдмаршала, уѣхалъ прямо въ Молдавію.

Надо, впрочемъ, сознаться, я свернулъ съ дороги, заѣхалъ въ Горы. Что я хотѣлъ тамъ предпринять, не помню. Когда я приближился ко двору, было уже поздно вечеромъ. Ажигинскій домъ еще кое-гдѣ свѣтился; я разглядѣлъ свѣтъ въ гостиной и въ комнатѣ Пашуты.

Остановясь у ограды, я вошелъ въ садъ.— «Нѣтъ! объясненія не помогутъ» — рѣшилъ я, возвращаясь. Въ отблескѣ гостинныхъ оконъ, я разглядѣлъ завѣтный дубокъ, прошелъ къ нему, ухватилъ его за вѣтви, съ силой рванулъ изъ мягкой клумбы, надломилъ, и безъ оглядки уѣхалъ обратно по маршруту.

Чѣмъ болѣе удалялся я отъ родины и приближался къ югу, тѣмъ страннѣй и непостижимѣй казалось мнѣ все происшедшее со мной.— «А ужъ какъ удивится Ловцовъ» — утѣшалъ я себя: «онъ ожидаетъ отвѣта на свое письмо, а вмѣсто отвѣта—и вотъ я самъ»...

Дни становились жарче, небо прозрачнѣй и синѣй. Вотъ украинскія степи, Днѣпръ, запорожскіе хутора и опять степи. Вотъ долгополюя, бѣлыя свиты и широкія войлочныя капелюхи кишиневскихъ царанъ. Вотъ кукурузныя и табачныя нивы, жидовскія корчмы и лавчонки, — арнауты, румыны, — цыганскіе грязные таборы, мамалыга съ масломъ, перецъ въ каждомъ кушаньи, овцы съ курдюками, верблюды въ возахъ, сторожевыя вышки, казацкіе разъѣзды, пѣхотный у какой-то рѣчки лагерь, и цѣль поѣздки—столь ожидаемый городъ Яссы.

V.

Сильно колотилось мое сердце, когда я приблизился къ резиденціи главнокомандующаго и началъ соображать, что въ скорости долженъ буду предстать предъ лицо мужа толковой силы, генія и столь многихъ, всюду гремѣвшихъ противоположностей права.

Неподалеку отъ Яссъ, у небольшой молдавской корчмы, меня догналъ другой курьеръ. То былъ немолодой и, какъ жукъ, черный отъ пыли и загара, провіантскій офицеръ. Мы зашли освѣжиться въ корчму, и какъ, разговарясь, узнали, что намъ путь къ одной цѣли, то и рѣшили ѣхать остальные перергоны вмѣстѣ. Онъ возвращался изъ командировки отъ главной квартиры, а потому возбудилъ во мнѣ живѣйшее любопытство узнать, куда и зачѣмъ онъ ѣздилъ. Онъ, впрочемъ, болѣе отмалчивался. Въ числѣ его поклажи были два небольшихъ, упакованныхъ въ рогожи, боченка, которые онъ особенно бережно хранилъ и, несмотря на усталость, не спускалъ съ глазъ.

«Вѣрно червоныцы» — подумалъ я, но казны безъ конвоя не везать.

— Не порохъ ли? — спросилъ я, указывая на багажъ.

— О, нѣтъ, — неохотно отвѣтилъ мой спутникъ: — иначе какъ бы я могъ курить! не порохъ, а взорвать можетъ мою судьбу почище всякой бомбы...

Онъ, между тѣмъ, разговорился со мной о другихъ предметахъ и сообщилъ мнѣ многое о Свѣтлѣйшемъ, о чемъ прежде я зналъ только слегка. Намъ предстояло вмѣстѣ явиться къ князю. А потому остальной путь Потемкинъ не сходилъ у насъ изъ бесѣды: какъ приметъ насъ обоихъ, будетъ ли доволенъ и что съ того выйдетъ каждому изъ насъ?

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, въ молодости, какъ всѣмъ вѣдомо, обучался у духовныхъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ, изъ коего былъ исключенъ «за лѣнь и частое нехождение въ классы». Онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины, еще при восшествіи ея на престолъ. Попавъ изъ гвардейскихъ офицеровъ въ оберъ-секретари Синода, а въ скорости и въ генераль-адъютанты къ ея величеству, онъ не разъ, видя къ себѣ, изъ-за придворныхъ интригъ, охлажденіе государыни, рѣшался бросить свѣтъ и даже подумывалъ о постриженіи въ монахи. А когда ему, вслѣдствіе неосторожнаго приложенія къ большому глазу примочки тогдашняго всезнайки, фельдшера академіи художествъ «Ерофеича» — пришлось на одинъ глазъ окривѣть, то это такъ повліяло на его амбицію, что онъ и впрямь удалился въ Невскую лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ рясу и сталъ готовиться въ постриженію. Проворливость и доброта сардобольной монархини и тутъ его спасли. Екатерина его навѣстила и уговорила возвратиться въ своему престолу. — «Тебѣ, Григорій, не архіереемъ быть, — сказала она: — ихъ у меня довольно; а Потемкинъ одинъ, и его ждетъ иная въ мірѣ стезя».

Слова государыни сбылись въ точности.

Покоритель нѣкогда грознаго Крыма, основатель Екатеринослава, Херсона и Николаева, и насадитель на мѣстѣ буйнаго, дивопорожняго Запорожья, тихой и плодоносной Новороссіи, Свѣтлѣйшій удостоился, въ помраченіе навѣтовъ враговъ, показать государынѣ, въ ея путешествіе на югъ, новосозданныя и возрожденныя имъ области имперіи. На мѣстѣ татарскаго аула Гаджи-бей, онъ осматривалъ Одессу, а мало извѣстную и заброшенную крымскую гавань Ахтиаръ обратилъ въ разносящій нѣтъ грома, по всему Понту Эвксинскому и дажѣ, Севастополь. Здѣсь въ 1787 году императрица увидѣла, аки-бы по мановенію волшеб-

наго жезла, возникшія укрѣпленія, до четырех-сотъ домовъ, склады, верфи и сильную духомъ моряковъ, юную эскадру. Мысль Великаго Петра о южномъ флотѣ сбывалась.

Послѣ уничтоженія новыхъ мамелюковъ, Запорожской-Сѣчи, Потемкинъ былъ возведенъ въ графы и вскорѣ сталъ ближайшимъ помощникомъ царственной своей учительницы, во всѣхъ ея предначертаніяхъ о югѣ. Смѣлый «Греческій прожектъ» напелъ въ немъ горячаго и преданнѣйшаго пособника. Потемкинъ сталъ грезить Дунаемъ, гдѣ нѣкогда Святославъ ставилъ города, — Царьградомъ и Босфоромъ, видѣвшими когда-то ладья и мечи Олега и Ярослава... Петръ стремился на сѣверъ и утвердился тамъ. Потемкинъ разумно обратилъ взоры Россіи на благодатныя, родственныя ей страны юга...

Монархиня любила и цѣнила гений Свѣтлѣйшаго. Но она видѣла его слабости и ихъ покрывала, хотя «иновѣ» надъ оными и подтрунивала. Такъ, въ правилахъ эрмитажа, насчетъ его дистракцій и всѣмъ извѣстныхъ привычекъ, былъ ею вставленъ пунктъ: «Всѣмъ быть веселымъ, но ничего не портить и не грызть».

Произведенный въ генералъ-фельдмаршала и награжденный воеводствомъ кривецкимъ, Потемкинъ, по смерти князя Григорія Орлова и воспитателя цесаревича графа Никиты Панина, сталъ при дворѣ главнымъ и всемогучимъ лицомъ. Еще въ первую турецкую кампанію, Румянцовскую, онъ прислалъ о театрѣ войны обширныя и дальновидныя примѣчанія. Когда началась нынѣшняя вторая турецкая война, то онъ сперва командовалъ екатеринославскою арміею, а потомъ ему подчинили и украинскую, освободивъ притомъ отъ команды надъ ней Румянцова. Покоривъ Россіи Тавриду, онъ своимъ гениемъ, безъ сомнѣнія, предуготовилъ для потомковъ и освобожденіе Царьграда.

Штурмъ и взятіе Очакова прославили Потемкина, какъ полководца; но видъ гибели тысячъ людей, приводя его сердце въ несказанное горе, былъ ему невыносимъ. Во время приступа пущенныхъ въ штыки суворовскихъ егерей, князь Григорій Александровичъ, сидя у баттарен на валу, все время крестился и, закрываясь руками, блѣдный, виѣ себя, со слезами и съ ужасомъ повторялъ: «Господи, помилуй ихъ, помилуй!»

Нравъ Свѣтлѣйшаго былъ постоянной загадкой для общества и не моему слабому перу изобразить, для прославленія въ потомствахъ, его примѣчательныя черты.

То пышный, блестящій и жадный въ веселостямъ и почестямъ, то мрачный меланхоликъ, врагъ раболѣпныхъ льстецовъ и мизантропъ, съ раскольниками начѣтчикъ, съ дамами нѣжный Эдмундъ, Потемкинъ монѣ являлся во дворѣ ликующій, без-

печный, счастливый, смѣшившій до слезъ Екатерину умѣньемъ перецыганивать ее голосъ, манеру, или скакать по Невской першпективѣ, въ зеленой, бархатной бешметѣ, подобитой на тысячныхъ соболахъ, въ брилліантахъ и пунде-шпажахъ. А завтра, на цѣлые дни, недѣли, закирался въ комнату и лежалъ здѣсь на диванѣ, небритый, невымытый, растрепанный, сторбенный, въ заносенномъ халатѣ и въ стоптанникъ туфляхъ на босу ногу. Угрюмо и молча хандря, онъ въ такіе часы, надо полагать, въ удаленіи и тайности отъ всѣхъ, обсуждалъ свои высшія проповѣсти. По природѣ лѣнтивъ, онъ, принимаясь за выполнение задуманнаго, трудился безъ-устали днемъ и ночью. Ожидая опасности, тревожился, какъ малое дитя; когда же опасность приходила, онъ встрѣчалъ ее безпечно и весело. Скупой и мотъ, вольнодумецъ и суевѣръ, онъ былъ подобіемъ тогдашней Россіи: дикая необузданность граничила въ немъ съ мягкостью восприимчивыхъ европейскихъ обычаевъ.

Видомъ гордый сатрапъ, поведѣній утонченный, во вкусѣ старинныхъ французскихъ нравовъ, придворный, величественный, головой выше всѣхъ и красивый, какъ древній Агамемнонъ, Потемкинъ свободное отъ службы время проводилъ, читая, молясь, либо компанствуя за прѣшествами и воловѣтству. Считая себя баловнемъ Бога, онъ, какъ истѣженныя грѣшницы, боялся чорта. Ходила молва о свареной имъ въ восьми-пудовой серебряной ваннѣ ухѣ, цѣною въ полтысячи червонцевъ. Онъ вѣрилъ въ сны, разныя примѣты и, вѣдучи на любовное свиданіе, крестился противъ каждой церкви и молебни.

Амурнымъ похощеніямъ Свѣтлѣйшаго не было числа. И тутъ ужъ его нравъ не стѣснялся; въ слѣбомъ и ревнивомъ бѣшенствѣ, онъ зачастую срывалъ пышные головные уборы съ возлюбленныхъ и, не стѣсняясь ничѣмъ, гналъ ихъ прочь. Свои веселые дни онъ называлъ «Каной Галилейской», а мрачные — «сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ».

Книги для Потемкина были насущнымъ хлѣбомъ. Онъ ихъ не читалъ, но жадно проглатывалъ. И въ то время, какъ соперникъ князя, Платонъ Зубовъ, омрачилъ послѣдніе годы правленія мудрой монархини, раздувая ее болѣзненную подозрительность и преслѣдуя такихъ писателей, кановы Новиковъ и Радищевъ, универсально-образованный Потемкинъ дружилъ съ свѣлымъ остроумомъ-поэтомъ Костровымъ и съ переводчикомъ Омѣра Петровымъ, читалъ въ подлинникѣ Софокла, переводилъ историковъ; въ томъ числѣ Флѣри, любилъ поэзію, самъ втайнѣ писалъ недурные стихи и покровительствовалъ гонимому сатирику Князину.

Юношей-студентомъ Свѣтлѣйшій любилъ прислуживать въ

перьями, раздувалъ перьямъ кадило и выносилъ съ дьячкомъ передъ дарами свѣчу. Не забывалъ онъ этихъ наклонностей и на вершинѣ почестей, жалѣя въ шутку, что командуешь генералами, а не полками, и прибавляя въ страстныхъ эпистолахъ къ предметамъ любви такія изреченія: «Облаченный и въ архіерейство, преподалъ бы я тебѣ мое благословеніе, — да побѣдиши враги твоя красотою твоею и добротою твоею».

Врагъ любостязанія, всякихъ лишннихъ прижимокъ, стѣсненій и малостей, Потемкинъ настоялъ на отбѣгѣ въ арміи, во время походовъ, пудры, буфлей и косъ, и на дозволеніи носить, вмѣсто кафтановъ, просторныя куртки. Все отечественное что превыше иностраннаго, онъ ненавидѣлъ лѣсть и раболѣвство, какъ не выносилъ медицины и не слушался лекарей. Скрывая свои умозрѣнія о государственныхъ дѣлахъ, онъ, какъ всѣ отъ природы лѣнливые и всныльчливые люди, терпѣть не могъ напоминаній о запущенныхъ или забытыхъ дѣлахъ, какъ никогда же, боясь напоминанія смерти и расчетовъ съ жизнью, не носилъ съ собою и карманныхъ часовъ.

Третья изъ дарованныхъ ему средствъ на свою жизнь до трехъ милліоновъ въ годъ, Потемкинъ не умѣлъ подчасъ ограничивать себя и въ служебныхъ отношеніяхъ. Разъ обратилась къ нему одна важная придворная барыня: «Пристрой, голубчикъ князьница, да и пристрой мою гувернантку-мамзель къ какому-нибудь дѣлу на казенный счетъ. Я рассчитала ее, и она пока безъ мѣста». — Чтобъ отдѣлаться отъ бѣса-бабы, князь и причислилъ ту мамзель, по формѣ, къ гвардіи — на казенный окладъ. Много объ этой и подобныя ея штукахъ толковали въ то время, и сама государыня, оскѣдомясь о забавной выходкѣ Потемкина, не мало тому смѣялась.

То былъ вѣкъ славной пышности и сказочнаго богатства. При дворѣ незабвенной монархини, сказывали, угли для подогрѣванія парикмахерскихъ щипцовъ тратилось на пятнадцать тысячъ рублей въ годъ, а на самовары на пятьдесятъ тысячъ, — и сливки выписывались при дворѣ на четверть милліона въ годъ.

Со вѣдомомъ въ Яссы, какъ я, такъ и мой сопутникъ стали повольно терять спокойствіе и робѣть. Въ приемѣ Сербскаго князя ротагидеи нашей участи. Мнѣ предстояло либо пойти къ дѣлу — достойному, немалому, либо запереться на нашей аранжѣ, какъ-бы желтой вѣстникѣ къ марскому полковнику, безъ всякаго слѣда.

Преміатскій фельдшеръ, бывшій все время въ спальной.

и бодромъ духѣ, подъ-вонецъ крайне присмирѣлъ. На послѣдней станціи, пока намъ запрягали, онъ куда-то юрнулъ, а когда вскопчилъ опять въ телѣжку, я его не узналъ. Онъ успѣлъ умыться, прибраться, и изъ чернаго, включеннаго цыгана сталъ милостивымъ, съ располагающими чертами лица, блондиномъ.

Разговорясь, гдѣ и какъ намъ остановиться, послѣ приѣма князя, мы въѣхали въ форштатъ. Резиденція Потемкина была здѣсь же невдалѣ, на загородной, окруженной садами, дачѣ князя Кантакузена. Свѣтлѣйшій особенно любилъ это мѣсто, такъ какъ здѣсь было удобно давать городу и дамамъ его свиты непрерывныя правдства, до коихъ онъ былъ такой охотникъ: «Вотъ квартира капельмейстера Сарти», объявилъ мой сопутникъ, указывая отдѣльный флигель, близъ княжескаго дворца. По его словамъ, Сарти содержалъ при князѣ до трехъ-сотъ музыкантовъ и цѣлую труппу балетныхъ танцоровъ и танцовщицъ. Балы смѣнялись театрами, фейерверки и кавалькады концертами свѣтскаго и духовнаго пѣнія. «Въ прошлую зиму, — сказалъ мой сопутникъ, — этотъ волшебникъ Сарти исполнилъ у его свѣтлости собственнаго переложенія кантату «Тебѣ Бога хвалимъ», причемъ слова «святъ, святъ» сопровождались придуманною имъ бѣглою палубой изъ пушекъ». — Въ числѣ красавицъ, гостившихъ въ то время при главной квартирѣ, мой сопутникъ назвалъ княгиню Гагарину, графиню Самойлову и, въ особенности, жену двоюроднаго брата князя, Прасковью Андреевну Потемкину. Для этихъ дамъ свѣтлѣйшій выписывалъ, съ особыми фельдшерами, равныя диковинки: икру съ Урала и Каспія, шекснинскихъ въ бадягахъ жирныхъ стерлядей, невскую лососину, калужское тѣсто, трюфли изъ Перигѣ, изъ Милана итальянскіе макароны, и варшавскихъ каплуновъ. «А не задолго до моего выѣзда, — добавилъ сопутникъ, — прослышавъ, что пѣніе два брата, кавказскіе офицеры, Кузьмины, лихо пляшутъ по-цыгански, князь, выполняя чей-то дамскій капризъ, — выписалъ и этихъ Кузьминыхъ. Тѣ прискакали съ курьеромъ изъ Еваторинодара, отплясали усердно у его свѣтлости по-цыгански и вновь уѣхали вспать». — «Что-жъ было съ ними?» — спросилъ я сопутника. — «Да ничего, все благополучно кончилось, — исполнили по мѣрѣ силъ желаемое, услышали: спасибо, ребята! — и безпрепятственно отретировались».

Былъ полдень, когда мы подошли къ оградѣ княжескаго дворца. Солнце страшно пекло. На небѣ ни облачка. Кругомъ ни пѣшихъ, ни конныхъ. Только часовые, въ бѣлыхъ курткахъ и шапкахъ, молча прохаживались у воротъ. Мой сопутникъ сходилъ въ какую-то варанку, поговорилъ съ дежурнымъ, и скоро ми предстали передъ любимымъ, ближнимъ секретаремъ Потемкина, ге-

вераль-майоромъ Василіемъ Степанычемъ Поповымъ. Послѣдній, носившій по своей добротѣ у офицеровъ имя Васи и Васиньки, съ важностью оглядѣлъ насъ, опросилъ, взялъ отъ меня письма и провелъ насъ въ садъ, говоря, что его свѣтлость прогуливается, а гдѣ, онъ того не зналъ.

— Станьте здѣсь, — рѣшилъ Поповъ, указавъ намъ мѣсто невдала отъ дворца, у перекрестка двухъ дорожекъ. Самъ же онъ, оправя свой красневоротный мундиръ, съ ужимкой шевалье, отошелъ въ сторонѣ, сталъ читать привезенныя мной на его имя столичные письма и, какъ мнѣ показалось, при чтеніи, раза два на меня взглянулъ. Мой спутникъ, идя въ садъ, осмѣлился спросить шопотомъ Попова: «въ духѣ?» и, получивъ въ отвѣтъ: «такъ и сякъ...» — еще болѣе оробѣлъ и смѣшался.

Прошло нѣсколько минутъ. Невдала, за зеленую завровъ и миртовъ, послышался страшный голосъ. Кто-то грубымъ и нѣсколько фальшивымъ басомъ мурлыкалъ про себя несвязную и али-би ему одному понятную пѣсню. Въ тишинѣ, напоенной ароматомъ сада, стали слышны звуки мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ. Точно грузный слонъ двигался своими мягкими, медленными копитами. Я оглянулся: важный секретарь, попятивъ письма, сталъ тоже на выжку. На моемъ-же товарищѣ не было лица.

«Свѣтлѣйшій!» — прервалось у меня въ мысляхъ, и я съ трепетомъ ждалъ появленія обожаемаго, величественнаго вельможи, котораго никогда не видѣлъ и котораго всегда мнѣ рисовался въ образѣ сказочнаго, восточнаго сатрапа или гомерическаго Агамемнона.

Изъ-за деревъ, на усыпанную пескомъ дорожку, вышелъ матерой, сказочный Илья-Муромецъ. Вышелъ и сталъ смотрѣть на насъ. Широкія плечи, острый поношенный халатъ на распашку, обнаженная, волосатая грудь, красная тафтяная рубашка, нешапудренная, въ природныхъ завиткахъ, встрѣпанная, свѣтлорусая безъ шляпы голова и на босу ногу узконосые, желтые, молдавскіе плѣпанцы. Въ ружь онъ держалъ свертокъ нотъ.

Свѣтлѣйшему въ то время было лѣтъ пятьдесятъ, но на видъ онъ казался моложе, хотя не по лѣтамъ сгорбленъ и мѣшиковатъ. Я съ умиленіемъ увидѣлъ совершенство тѣлесной, человѣческой красоти: продолговатое, красивое, бѣлое лицо; носъ соразмѣрно-протяженный, брови возвышенныя, глаза голубые, ротъ небольшой и пріятно-улыбающійся, подбородъ округлый, съ ямочкой. Лѣвый окривѣвшій глазъ былъ странно-покоенъ, рядомъ съ свѣтлымъ, ворчимъ и нѣсколько-разстѣяннымъ правымъ глазомъ.

Целомъ назвалъ насъ. Я подалъ князю адресованныя на его имя конверты.

— Одинъ умылся, а этотъ арапъ, — проговорилъ Свѣтлѣйшій, вскрывая пакеты.

Я такъ и опѣшиль. Глаза стали властно заперорены. Ну, отчего и я не догадался прибраться? Потемкинъ прочелъ одно письмо, другое, поморщился и, зѣвнувъ, передалъ бумаги Попову. «Послѣ» — сказалъ онъ, двинувшись далѣе, и очевидно вовсе не думая въ ту минуту ни о тѣхъ, кто ему писалъ, ни тѣмъ менѣе о доставителѣ депешъ. Мы, не шелохнувшись, стояли молча.

— А знаешь, Степанъ, — замедляя, обратился Потемкинъ въ Попову: — что отвѣтилъ мнѣ съ давешнимъ гонцомъ Александръ Васильичъ?

«Суворовъ» — подумалъ я, замирая отъ счастья услышать рѣчь великаго о великомъ.

— Матушѣ-государынѣ покотѣлось узнать, — продолжалъ князь, — что дѣлаетъ генераль-аншефъ, графъ Суворовъ? Ну, я ему, какъ ты знаешь, и отписалъ; а онъ въ отвѣтъ: «Я на камушѣ сижу, на Дунай рѣку гляжу».

Я взглянулъ на Потемкина: его лицо усмѣхалось и вмѣстѣ было печально.

— Все вотъ музыку подбираю на эти слова, — добавилъ князь со вздохомъ: — Сарти прислалъ, да у него всё итальянца — а я одну смоленскую пѣсню вспомнилъ... Не знаешь-ли? — какъ дѣвѣи канусту рубили и козла поймали. Вотъ бы въ Питеръ послать.

Поповъ молчалъ.

— Такъ ты отличишь у насъ захотѣлъ? — вдругъ обернулся ко мнѣ Свѣтлѣйшій: — въ свѣтскіе, въ штабъ? жовб, да чардашъ съ валацкими мамзелями отплясывать? флото-пѣхотный боецъ! надолю питерское вертѣніе въ контраганцахъ? прошу извинить, — нѣтъ у меня для тебя мѣста.

Я стоялъ ни живъ, ни мертъ.

— И безъ того у насъ вонъ, съ Василиемъ Степанычемъ, легионъ прихлебателей. И свои, и французы, и нѣмцы, есть даже изъ Америки. Своро не-тѣмъ будетъ кормить. Можешь, сударь, отправляться по добру-здорову обратно въ Гатчину и респектовать отъ меня пославшимъ тебя отъѣнное мое почтеніе.

«Такъ вотъ онъ, мой идеаль, герой!» — помнилъ я съ горечью: — «и чѣмъ я виноватъ, что прибылъ не изъ другого мѣста, а изъ Гатчины?»

Потемкинъ захлопнулся, принялъ рапортъ отъ моего спутника и, не взглянувъ въ бумагу, направился во дворецъ.

— Молю объ одномъ, — рѣшился я выговорить вслѣдъ князю: — удостойте меня послать въ передовые отряды и въ такое

мѣсто, гдѣ бы я могъ всѣмъ... жизнью пожертвовать для славы отечества и вашей.

Потемкинъ не слышалъ меня. Уйди онъ въ то время, приговоръ мой былъ бы подписанъ. Я по всей вѣроятности уѣхалъ бы изъ арміи на другой же день. Но вдругъ князь уронилъ взоръ на рапортъ провіантскаго курьера.

— Какъ? — воскликнулъ онъ: — капуста изъ Сернухова... клюква... и подновскіе, свѣжепросольные огурцы? и ты, центюхъ, молчишь? гдѣ они, гдѣ?

Офицеръ указалъ на припасенные подъ крыльцомъ боченки.

— Михенча! — крикнулъ Свѣтлѣйшій, присѣвъ въ бессиліи на ступени крыльца.

Явился, переваливаясь, толстый, въ парижѣ и въ бѣломъ передникѣ, ближній офиціантъ и старый, домашній слуга князя. Боченки вскрыли. Но когда догадливый посоль, приподнявъ квашенные капустные листья и кочни, вынулъ изъ нихъ что-то бѣлое и головатое и, какъ-бы съ робостью сказалъ: — «А ужъ это, ваша свѣтлость, я на свой страхъ... извините, — мяснѣвская рѣдька-съ...» — изнѣженный, съ притупленнымъ вкусомъ, князь растаялъ. У него слюнки потекли.

— Ахъ, ты, скотина! вотъ удружили! — даже плюнулъ Свѣтлѣйшій, смотря на гостиницы, какъ на нѣкую святиню, и дивясь генію посланца: — магъ, шельмецъ, магъ! шехеразада, сонъ на яву...

И, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ не въ шутку:

— Вотъ, сударь, истые слуги отечества; вотъ съ какихъ проевъ брать примѣръ. А они въ свиту, въ прихлебатели! У васъ вонъ ужъ и Державинъ Зубова въ громкихъ одахъ превозносятъ, а этотъ мнѣ — рѣдьку, да-съ... Кто лучше? этотъ безпримѣрно. Правъ ли я, Василій Степанычъ? Посуди! — обратясь князь къ Попову: — главнокомандующій сытъ, доволенъ; будетъ довольна и сыта и его армія. Ахъ, они буфоны, гороховые шуты! Громкихъ дѣлъ имъ нужно, — отчего не беремъ Тульчу, Исавчу?.. Эй, — крикнулъ онъ уходившимъ съ боченками слугамъ: — на ледъ, по маковку, да соломкой сверху... Михенчъ, голубчикъ! для-ради такого случая, яичницу сегодня глазунью, да съ свинымъ саломъ, зеленого луку побольше...

И, шелкая шлѣпанцами, легко и бодро двинулся на крыльцо матерой Илья-Муромецъ.

Поповъ придержалъ меня за фалду.

— Обожди, запрячься тутъ гдѣ-нибудь! — шепнулъ онъ, наспѣвая за княземъ: — придетъ добрый часъ, все авось перемелется... Меня просятъ за тебя; всеработвенно готовъ служить его высочеству...

Мысленно благословляя цесаревича, я отправился въ городъ и прискалъ себѣ, въ отдаленномъ и глухомъ его предмѣстьѣ, небольшую коморку. Оттуда я навѣдывался въ Попову. Но ждать «добраго часа» Свѣтлѣйшаго мнѣ пришлось долѣе, чѣмъ я могъ думать.

Послѣ капусты и рѣдьки, князь было ожилъ; вскорѣ однако впасть въ прежнюю хандру. «Бракъ въ Канѣ Галллейской» смѣнился вновь для него «сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ». Напоминать ему обо мнѣ, значило — въ конецъ испортить дѣло. Такъ прошло болѣе двухъ недѣль.

VI.

Однажды, — такъ рассказывалъ мнѣ впоследствии Поповъ, — сидѣлъ Свѣтлѣйшій съ ногами на диванѣ и, по обычаю, запустивъ гребнемъ пальцы въ волосы, читалъ вновь привезенныя французскія и нѣмецкія газеты. Извѣстия изъ Англiи и Пруссiи, особенно-же изъ Францiи, гдѣ тогда болѣе и болѣе разыгрывалась революцiя, сильно интересовали князя.

— А гдѣ тотъ-то, флото-пѣхотный боецъ? — спросилъ онъ вдругъ Попова, который возлѣ занимался разборкой и отправкой бумагъ.

— Какой, ваша свѣтлость?

— Ну, да помнишь, что въ герои тутъ изъ Питера просился?

— Давно, полагаю, дома, — отвѣтилъ знавшiй обычай князя Поповъ.

— Жаль, — сказалъ Потемкинъ: — забрался въ такую даль и вдругъ съ носомъ.

Поповъ услышалъ это — и ни слова.

— Согласись однако, — пробѣжавъ еще два-три газетныхъ листа, произнесъ Свѣтлѣйшій: — Зубовы... да и весь ихъ соціетѣтъ!.. вотъ, надо думать, бѣсятъ; подслужиться кой-кому хотѣли морякомъ... Какихъ рекомендацiй наслали... Анъ и не выгорѣло...

— Не дали бы, ваша свѣтлость, маху, — отоваялся Поповъ.

— Какъ маху?

— Да вѣдь Вехтѣевъ не Зубовской руки.

Потемкинъ посмотрѣлъ черезъ газету на Попова.

— Какъ не Зубовской? — спросилъ онъ.

— Помнится, этотъ молодой человекъ даже что-то сказалъ о ссорѣ и неудавшемся его поединкѣ съ братомъ Платона Александровича...

Потемкинъ спустилъ ноги съ дивана и бросилъ газеты.

— Что-жъ ты молчалъ?

— Запоматовалъ, ваша свѣтлость.

— Посылай ему тотчасъ курьера, зови.

— Извините, теперь пожалуй и не поѣдетъ.

— Какъ не поѣдетъ? во мнѣ?!

— Обидѣлся, я, чай... строго ужъ ему отвѣчено.

— Вотъ какъ... Обидчивы нынче люди... А послушай, чѣмъ бы его расположить?

Поповъ подумалъ и отвѣтилъ: — Надо прежде освѣдомиться, доподлинно ли Вехтѣвъ уѣхалъ? Онъ что-то сказывалъ объ ожиданіи отписки отъ отца.

Меня тогда же, разумѣется, нашли, но я былъ снова призванъ въ Потемкину только на слѣдующій день.

А наканунѣ вечеромъ у князя съ Поповымъ былъ примѣчательный разговоръ. Огорченный нападками иностранныхъ газетъ, свѣтлѣйшій для развлеченія принялся тонкою пилкой обточивать и чистить оправу какой-то цѣнной вещицы. Кучки дорожныхъ камней и жемчуга лежали передъ нимъ на столѣ, межъ фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

— Требуютъ, спрашиваютъ, тормозятъ! — сказалъ онъ Попову: — да возможно-ль то все, и въ добавокъ, какъ видишь, въ моемъ каторжномъ положеніи? Со всѣхъ сторонъ такіа вѣсти; а меня тамъ пересушиваютъ, ризы мои дѣлятъ, распятію предають, — удаляютъ отъ моего солнца, счастья, жизни...

Князь помолчалъ.

— Я измученъ, Василій Степанычъ, бодрости лишень, сна, — продолжалъ онъ, налегая на пилку: — слабѣю подъ часъ отъ вслѣдствія дразгъ душой и тѣломъ, какъ малое дитя, а имъ подавай триумфы, побѣды, вѣнки! Если бы все-то знали... Изведуть, отдадутъ, — произнесъ онъ, глянувъ въ сторону и какъ-бы вида вдали вѣкиа таинственныя и другимъ непонятныя откровенія: — ну, что, полагаешь, нужно мнѣ, чего еще искать?

Поповъ не нашелся съ отвѣтомъ.

— Чего желать человѣку въ моей судьбѣ? — продолжалъ князь, не поднимая лица: — меня ли соблазнить побѣдами, воинскими триумфами, когда вижу, насколько напрасны и гибельны они? Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими транжирить и швырять ихъ по пустынямъ. Я полководецъ по высшей волѣ, по ордеру, не по природѣ; не могу видѣть крови, ранъ, слышать стоны и вопли истерзанныхъ снарядами людей. Истинный гуманистъ несовмѣстимъ, бралецъ, съ войной... Вотъ графъ Александръ Васильевичъ — тотъ на мѣстѣ, ему и книги въ руки... Отчего-жъ, спросишь, я здѣсь, а не при дворѣ?

Изумили Попова эти рѣчи. Онъ ушами своими не вѣрилъ и сказалъ — пока живъ, не забыть ему, что услышалъ онъ въ тотъ незабвенный часъ. Свѣтлѣйшій всталъ, медленно прошлепалъ по горницѣ, открылъ окно въ стемнѣвшій садъ и опять сѣлъ.

— Нешповѣдимы судьбы Божьи! — сказалъ онъ: низринуть Гога, превознестъ Иосифа! Чего я желалъ, въ чему стремился, исполнено, — всѣ помыслы, прихоти. Нуждался въ чинахъ, орденнахъ, — имѣю; любилъ мотать, играть въ карты, — проигрывалъ немалыя, безумныя суммы. Захотѣлъ обзавестись деревнями, — подарено и куплено вдоволь. Любилъ задавать праздники, балы, пиры, — давалъ такіе, что до меня и не снилось. Пожелалъ имѣть по вкусу домъ, — настроилъ дворцовъ. Драгоценностей имѣю столько, что ни одному частному человѣку и во снѣ не снилось. И всѣ мои страсти, планы, во всемъ приводились въ дѣйство и выполняются... А, клянусь тебѣ, нѣтъ и не можетъ быть человѣка несчастнѣе меня?

Поповъ сталъ возражать.

— Не вѣришь? — спросилъ упавшимъ, какъ-бы молящимъ голосомъ князь: — думаешь, вичу? нѣтъ и нѣтъ! Всѣ вы стремитесь, надѣетесь, авось грануть битвы, — отличіе, всѣмъ слава. Для меня-жъ, дружище, все въ мірѣ пустоши, тлѣнь, гробъ поваленный, уготованный человѣчеству... И не будь знамя, не будь ласковыхъ воровъ отголѣ, далече, ея повелѣній, — я бы жизнь свою, не задумавшись, истребилъ, разбилъ вотъ какъ это...

Тутъ онъ схватилъ со стола дорогую саксонскую вавочку и, разбивъ ее объ-поль въ дребезги, удалился въ опочивальню.

Звѣвши по зову Попова, я былъ принятъ княземъ на-единѣ. На этотъ разъ Потемкинъ былъ тщательно выбритъ, одѣтъ, отмѣнно вѣжливъ и добръ. Пряди шелковистыхъ, съ замѣтной просѣдою, волосъ красиво отгнѣняли его женственно-нѣжный, высоко-всклннутый лобъ. Полныя, какъ у счастливаго ребенка, губы были обнѣнены величавою, располагающею улыбкой.

— Ну, говори откровенно, — произнесъ онъ: — что за исторія у тебя вышла со вторымъ Зубовымъ?

Я изложилъ все подробно и безъ утайки. Лицо Потемкина, при моемъ разсказѣ, не разъ омрачалось и же немъ пробѣгали судороги.

— Желаніе твое будетъ исполнено, — сказалъ онъ, когда я кончилъ, — куда хочешь причислиться?

Я назвалъ передовой отрядъ графа Ивана Васильича Гудовича, гдѣ служилъ Ловцовъ.

— Завтра же можешь отправляться. И, если въ чемъ будетъ у тебя нужда, обращайся ко мнѣ.

Я поклонился. Идолъ мой, сердечный герой вновь туманилъ мою душу восторгомъ, а глаза слезами.

— Ты молодъ, отъ судьбы не уйдешь, — продолжалъ князь: — занесла тебя доля, садись на нашу ладью... Греческій прожектъ, путь въ Константинополь... Вы, юноши, безъ сумнѣнія, плѣнены... Чай, и твое сердце не разъ замирало въ восхищеніи отъ такихъ чаяній?.. Дай, Боже, монархинѣ выполнить высокіе священные обѣты. Слава ея и вѣрныхъ ея слугъ — широколѣвное дерево; и подъ его сѣнію когда-нибудь отдаленные потомки съ благодарностью вспомнятъ о насъ. У корней того древа ползаютъ и шипятъ змѣи.. Но не змѣи ему опасны, а черви... По мелочи, тайкомъ, подъ землей точатъ они, *зубатые*, жадные... Съ виду тихіе, безстрастные, знаютъ наметку, а больше — какъ угодно-съ... Платокъ на куртагѣ въ-время подымае съ паркета, — и пошелъ въ гору... Мальчикъ писанный, сущій ребенокъ!.. а глядишь... Ну, да прощай, Господь съ тобой; кланяйся графу Ивану Васильичу..

Я поклонился и, высказавъ, какъ могъ, мою признательность, направился въ двери.

— Стой, — окликнулъ меня князь.

Я обернулся.

— Нужны тебѣ деньги?

— Пока не терплю лишній.

— Не нужны? Чужае ты, человекъ. И мнѣ впрочемъ ничего не нужно, вотъ онъ знаетъ! — указавъ князь на входившаго Попова, принимаясь грызть ногти, что, по молвѣ, было признакомъ сильнаго въ немъ душевнаго волненія.

Пріѣздъ мой въ отрядъ Гудовича, какъ и первое мое тамъ пребываніе, остались особенно памяты для меня. Свиданіе съ Ловцовымъ было самое радостное, тѣмъ болѣе, что ему и въ мысляхъ не грезилась наша встрѣча въ Турціи. Поповъ, обласкавшій меня и почтившій впоследствии даже особымъ довѣріемъ, взялъ съ меня слово молчать о переданной имъ бесѣдѣ съ княземъ, что я, при жизни его свѣтлости, и побуждался свято исполнить. Но теперь, пробѣгая въ памяти цѣль долгихъ лѣтъ, не могу, милый сынъ и мои будущіе потомки, не сказать вамъ о знаменательныхъ событіяхъ того времени, для чего, переправя, со временемъ, гдѣ нужно, и можете переписать сіи листы, для припечатанія даже въ публику...

Мнѣ съ годами стало вполне ясно тогдашнее, многимъ не-

понятное настроеніе Потемкина. Его мечты о восстановленіи Византійской имперіи, о царствѣ Константина поколебались.

Вѣрный союзникъ и товарищъ Екатерины въ войнѣ съ турками, австрійскій императоръ, большой, угрожаемый сосѣдями и видя предательства и фермантаціи въ собственныхъ своихъ областяхъ, а паче всего обманутый въ надеждахъ на подданныхъ своихъ венгерцовъ, близился къ кончинѣ. Войска его были отозваны изъ Турціи. Онъ умеръ въ тотъ годъ весной. Его преемникъ, подъ вліяніемъ Голландіи, Пруссіи, особливо-жъ Англій, безъ участія и вѣдома Екатерины, завелъ негоціи о мирѣ съ султаномъ. Недовѣріе Потемкина къ австрійцамъ оправдалось на дѣлѣ. Ему въ такихъ обстоятельствахъ приходилось думать ужъ не о завоеваніи Царьграда. Онъ съ горечью увидѣлъ, что турки начинаютъ негосіровать не о своемъ спасеніи, а спорять объ утвержденіи за Россіей даже тѣхъ земель и правъ, которыми, въ силу прежнихъ завоеваній, мы обладали нѣсколько лѣтъ. Коснусь сего пункта подробнѣе.

Ослабленіе турокъ чуть было не обратилось въ нашу пользу. Великій вихрь, не дождавшійся исхода переговоровъ, неожиданно перешелъ Дунай у Рушукъ, противъ коего въ Журжѣ стояли австрійцы. Поеліку у турокъ было восемьдесятъ тысячъ войска, австрійскій же полководецъ былъ вдвое слабѣе, то и запросилъ онъ насъ о помощи. Русскіе встрепенулись.

Отряду Суворова повелѣно было поддержать австрійцевъ. Онъ бросился къ Журжѣ. Но съ Потемкинскимъ вновь начались колебанія. Онъ то подвигалъ командированный отрядъ, то слалъ гонцовъ и вновь его останавливалъ. Десятого іюля Суворовъ донесся до Биленъ и прождалъ здѣсь двѣ недѣли; двинулся къ Гинешти и, къ изумленію всѣхъ, стоялъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Въ два дня съ пѣхотой прошелъ семьдесятъ верстъ до Низапѣни и снова тридцать дней бездѣйствовалъ. Наконецъ, ему присланъ ордеръ—сразиться. Въ три дня форсированнымъ маршемъ съ пѣхотой онъ прошелъ къ Бухаресту сто-двадцать-пять верстъ, увидѣлся съ австрійскимъ фельдмаршаломъ, условился обо всемъ, расположилъ мѣсто битвы. Новая викторія готовилась огласить давно молчавшіе берега Дуная... Но пришла вѣсть, что заключенъ миръ Австріи съ Турціей, а съ ней и приказъ о немедленномъ превращеніи военныхъ дѣйствій.

— «Для чего драться и терять людей за землю, которую ужъ рѣшено возвратитъ врагамъ?»—писалъ Потемкинъ къ Суворову, требуя его назадъ. Суворовъ повиновался. Расположась у Галаца, онъ совѣтовалъ главнокомандующему овладѣть, посредствомъ гребного флота, устьями Дуная, ваять сильно-укрѣп-

ленний Измаилъ и, отырывъ доступъ въ Добруджу, дѣлается даѣе безъ союзниковъ. Отвѣта на визовъ не послѣдовало. Да и что было отвѣчать князю? Изъ Петербурга приходили дурныя вѣсти. Швеція передъ тѣмъ гровила самой столицѣ. Враги не дремали. Вліяніе Зубова росло съ каждымъ днемъ. Потемкинъ терзался ревностью въ власти, сомнѣніями, въ малодушной боязни, — съ каждымъ новымъ курьеромъ, узнать о своемъ паденіи. Предупреждая опалу, низверженіе съ высоты почестей и славы, онъ хотѣлъ все бросить и удалиться въ смоленскую губернію на покой.

Но повѣяло надеждой въ лучшему. Война съ Швеціей, безъ вѣдома стерегущей Англіи, кончилась въ августѣ миромъ въ Верелѣ. Дворъ ожилъ. Сорокъ линейныхъ кораблей, четырежды разбившихъ шведскій флотъ, ожидали приказа идти противъ Англіи. Даже въ угрозу Пруссіи готовъ былъ двадцатитысячный корпусъ вторгнуться въ Польшу. Къ Потемкину понеслись совѣты дѣйствовать смѣлѣй... Гудовичъ, съ флотиліей, гдѣ находился и я, въ половинѣ октября, взялъ, послѣ сильной атаки, крѣпость Кицію. Булгаковъ и Мансуровъ на Кубани разбили наголову и взяли въ плѣнъ, со всею свитой, лагеремъ и множествомъ пушекъ, турецкаго сераскира, Батталъ-пашу. Но главное, на что указывалъ Суворовъ, взятіе Измаила и дальнѣйшее шествіе за Дунай, оставалось безъ исполненія. Недовольство въ войскѣ было всеобщее.

— «Для чего-жь мы не беремъ другихъ, болѣе сильныхъ крѣпостей, не идемъ на Царьградъ? — роптали въ арміи и на судахъ:— изъ-за чего томимся въ гирлахъ и по болотнымъ пустирямъ, болѣемъ и мремъ не въ битвахъ, а отъ молдавскихъ лисорадовъ? Долго ли намъ кормить своей кровью турецкихъ комаровъ и слушать не громъ орудій, а кваканье лягушекъ? Гдѣ наши соколы, Румянцевъ, Суворовъ? Отчего молчитъ Потемкинъ? Онъ обаялся, или турки подсыпали ему дурману!» Стали кое-гдѣ толковать ужъ и объ измѣнѣ, о подкупѣ...

Все это зналъ Свѣтлѣйшій, и оставался въ упорномъ, мирномъ дефансивѣ. Курьеры по прежнему пересылались отъ него въ государствѣ и обратно. Придворные трактанты стали благосклоннѣе? Но князь, повидимому, былъ погруженъ въ прежнее безучастіе ко всему, въ недѣятельность, а колыми паче въ лютую хандру. Кто-то прислалъ ему рѣдкое кievское изданіе «Книга хваленій, сирѣчь Псалтирь», и онъ погрузился въ сличеніе его текста съ прежними тисненіями.

«Яеси — Бапуя Свѣтлѣйшаго, — явили его столичные и наши лагерные дармоуды-остряки: — опустился князь Григорій Але-

коандрычъ, одряхлѣлъ не по лѣтамъ, нравственно угасъ, въ напыщенности и сибаритствѣ своего двора. Видна птица по полету. Не бываетъ кукушкѣ соколомъ. И пора давно освѣжить, поднять духъ арміи инымъ вождемъ. Пѣсня Таврическаго спѣта...

Больше всѣхъ судачили и шишѣли о князѣ иностранные вояжеры и эмигранты, имъ обласканные и, въ надеждѣ легкихъ триумфовъ, кншма-кншѣвшіе при главной квартирѣ. Въ ожиданіи отличекъ, снявъ мундиры и надѣвъ фракы, они испривно плясали на молдаванскихъ балахъ и редутахъ и безъ усталы чesали языки.

— Измаиль, государи мои, не Килія и не Тульча, — отвѣчалъ Потемкинъ этимъ критиканамъ: — локальное положеніе вовсе иное. За его твердынями сорокъ-тысячъ отборнаго войска, припасовъ на годъ и самъ сераскиръ Аудузлу-паша. Хоть цѣпанье намъ и не противно, но упаси Богъ тратить людей; я не кожедиратель-людоѣдъ... тысячи лягутъ даромъ. Всѣ вы привыкли къ театральнымъ, легкимъ эффектамъ... Опера-буффа, въ ущербъ строгимъ, старымъ концертамъ, всѣхъ переверкала...

— Такъ что-жь дѣлать? — кнштились залетные гости.

— А вотъ что. Война надоѣла Турціи; авось и мы, какъ это ни прискормно, кончимъ съ подобающимъ достоинствомъ — дипломатіей...

Ропотъ и гнѣвъ дешеваго полетиванства на Свѣтлѣйшаго росли. Взоры и слухъ мерзились видѣннымъ и слышаннымъ на счетъ его. Всѣ ожидали его смѣлы. Онъ, между тѣмъ, ускромилъ остервененное злорѣчіемъ сердце и брося псалтирь, затѣялъ новое и небывалое по причудамъ правднество.

Не вдали отъ яснаго лагеря, Потемкинъ повелѣлъ, яко бы для генеральнаго «реню» — соорудить въ полѣ подземную палату. Убралъ ее колоннами, бархатомъ, шелками и бронвой, а вокругъ поставилъ два поля съ барабанами, ружьями и батареей изъ ста пушекъ. И когда Свѣтлѣйшій, за «ужинной», вышелъ съ гостями изъ землянки и, поднявъ кубокъ вина, далъ знакъ, что пьеть въ честь гостей, барабанщики ударили тревогу, ружья подняли батальный огонь, а за ними и пушки огласили окольность далеко-слышными, оглушительными залпами.

Такъ развлекалъ Потемкинъ умы легкоовѣрныхъ пересудчиковъ и не чаявшихъ, что, между тѣмъ, онъ готовилъ и чѣмъ соображалъ поучивствовать россійскимъ врагамъ.

Около того же времени я получилъ нерадостныя вѣсти отъ родителей. Ненасытный и алчный оберъ-прокуроръ перваго департамента сената, отецъ Зубова, пользуясь своимъ положеніемъ, занимался покупкой на барыши выгодныхъ тѣлесныхъ дѣлъ.

Узнавъ, что сосѣднее съ его В** — ой вотчиной наше помѣстье описано къ продажѣ съ аукціона, онъ внесъ, куда слѣдуетъ, свои деньги и, противъ всякихъ правъ и законовъ, выкупилъ это имѣніе безъ публичныхъ торговъ. Гражданская палата, а за ней и наместническое правленіе выдали графу вводный листъ, а своимъ родителямъ предложили изъ помѣстья выѣхать въ кратчайшій срокъ. Отместка за мою исторію съ его сыномъ сказывалась здѣсь ясно. Намъ грозило полное разореніе.

Я вспомнилъ обѣщаніе помощи Свѣтлѣйшаго и рѣшилъ при случаѣ просить отпуска въ Яссы. Въ войскѣ, между тѣмъ, пронеслась вѣсть, что турки, видя наше бездѣйствіе, сами составили новыя калькуляціи и замыслили перейти въ наступленіе на нашу авангардъ, бывшій подъ командою Кутузова.

VII.

Было начало октября. Стояла теплая, сухая, только этимъ благословеннымъ краемъ свойственная, въ такую пору, погода.

Отрядъ генералъ-маіора Михаила Иларіоновича Голеннищева-Кутузова охранялъ линію Днѣстра, отъ Бендеръ до Аккермана. Очаковъ ужъ прославилъ имя этого генерала. Здѣсь, два года назадъ, онъ былъ раненъ въ голову, причемъ пуля, войдя въ високъ, вылетѣла въ затылокъ.

Кутузовъ получилъ повелѣніе передвинуться къ югу. Разбивъ два турецкихъ передовыхъ табора, онъ направился въ гирламъ, близъ которыхъ и расположилъ свой отрядъ. Подъ его началомъ было нѣсколько гренадерскихъ и егерскихъ полковъ, двѣ тысячи донскихъ и запорожскихъ казаковъ и часть флотиліи, при коей состояли — я и Ловцовъ. Флотилія находилась подъ охраной казаковъ, занимавшихъ аванпостами холмистый берегъ, у молдаванской деревушки Петешти.

Этимъ движеніемъ Кутузова завершились впрочемъ наши тогдашнія дѣйствія. Турки, запершись въ Измаилъ, молчали и насъ не тревожили. Опять настала однообразная скука, тщетныя ожиданія наступленій и общее невѣдѣніе и тишина.

Близилась осень, съ ея дождями, холодами, а тамъ и зима. Зная настроеніе главной квартиры, всѣ убѣдились, что кампанія этого года кончилась, и на досугѣ толковали о томъ, гдѣ и какъ придется «обратиться» на вѣнтеръ-квартиры.

Нельзя сказать, чтобъ мы утопали въ роскошахъ; но мы и не жаловались на судьбу. Роптали одни господа заматайловы-десятыя. Въ отрядъ, по мысли Свѣтлѣйшаго, подвели нѣсколько

сотъ ногайскихъ войлочныхъ палатокъ. Солдаты окопали ихъ канавками, обсыпали снизу землей и обставили свѣжимъ камышомъ, натасканнымъ изъ гирловыхъ заводовъ и оверъ. Жилось, по-вторю, не ахти-какъ. Темные вечера воротались бесѣдами за чугуннымъ чайникомъ, пѣснями съ гитарой, пуншемъ, а иногда и картами въ маѳо. Болѣе играли въ казацкомъ корпусѣ Платова, имѣвшаго повсегда изрядный запасъ цымыянскаго. Съ возвышенности, на которой стоялъ лагерь пѣхоты, были видны прибрежныя, глинистыя холмы, поросшіе ивами и кустами, плѣвни и нѣскольکو извивовъ Дуная.

Несмотря на строгія запрещенія, егеря, что-ни-день, отъ скуки пробирались въ одиночку и по нѣскольکو человекъ къ запорожскимъ пикетамъ, въ рѣкѣ, лова рыбу, собирая сушники для костровъ, а иногда рѣшался и охотиться съ ружьемъ. Особенно соблазнялъ солдатъ невиданный, вечерній перелетъ тамошней дичи. Пробретется егерѣвъ передъ вечеромъ изъ лагера, станетъ въ гущинѣ камышей, у Дуная, и хлопаетъ изъ мушкета, слѣдя по свисту крыльевъ за птицами, летящими на воду съ просынныхъ и кукурузныхъ полей. Смотришь, поздне въ сумерки и тащится въ рогному котлу, искусанный комарами и увѣшанный отъѣвшимися на привольѣ утками и куликами.

Не однихъ солдатъ соблазнялъ этотъ перелетъ. Охотились и офицеры, въ томъ числѣ и Ловцовъ. На него нашелъ въ этомъ какой-то особенный стихъ. Я ему нѣскольکو разъ и въ подробностяхъ передавалъ о моемъ приключеніи съ Пашутой. Моя исповѣдь произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ то-и-дѣло вспоминалъ о моемъ разсказѣ и обращался ко мнѣ съ вопросами о дальнѣйшихъ моихъ намѣреніяхъ. «Я забылъ о нанесенной мнѣ обидѣ,—говорилъ я съ горечью:—и не хочу о томъ болѣе думать». — «Нѣтъ, не повѣрю,—отвѣчалъ онъ:—будешь думать». — «Почему?» — «Потому... ну, да что! увидишь,—она навѣрно пошла въ монастырь...» — «Изъ-за чего?» — «Вспомни мое слово: сердце чувствуетъ»...

Разказы о родинѣ не повидали нашихъ бесѣдъ. Въ сходствіе того, бывало, сидимъ на палубѣ или подъ войлочнымъ шатромъ у казаковъ, куримъ, поглядывая на рѣку и на тихое, звѣдное небо, и толкуемъ о корпусѣ, о Питерѣ и о близящихъ. Письма съ родины доходили рѣдко и каждое нами обсуждалось до мелочей. Въ одномъ изъ домашнихъ писемъ обмолвились, наконецъ, и объ Ажигинныхъ. Матушка получила вѣсти о нихъ отъ какой-то знакомой, жившей по сосѣдству съ Горками. Строго осудивъ вѣтренную Пашуту и даже дважды обозвавъ ее въ письмѣ ко мнѣ невкою, бездушною «поганной» и «севернавкой», ма-

тушка прибавляла, что персть Господень, очевидно, спасъ меня: отвергнутая измѣнница затихла, какъ вѣтромъ ее сдуло, никуда не кажется, ходитъ въ черномъ и, по слухамъ, собирается на долгій отъѣздъ прочь отъ своихъ краевъ. «И ты, Саввушка, — прибавила мнѣ мать, — не даромъ у меня въ сорочкѣ рожденъ: избавился отъ такой ранней истомы, да засухи, и теперь воленъ, какъ вѣтеръ. Пріѣзжай-ка, миль-дружокъ, въ здоровьи и благополучи въ нашу Вектѣвку, — авось ее еще отстоимъ! мы тебѣ вотъ какую принцессу приотыщемъ».

— А что, Савватій? не я говорилъ? — произнесъ, выслушавъ эти строки, Ловцовъ: — удаляется, потрясена... чудное созданіе! Твоя родительница, извини, не права; и я въ жизнь ужъ теперь не повѣрю, чтобъ Ажйгина тебѣ измѣнила.

— Какъ не повѣришь? а все, что случилось?

— Убей Богъ, душа говорить, — кипятился Ловцовъ: — не по комъ-инюмъ Ажйгина и черное носить, какъ по тебѣ...

— А Зубовъ съ родичемъ?

— Не говори ты мнѣ о нихъ. Вѣрь, ее отуманили, обманули. Неопытная, пылкая дѣвушка; мысли разыгрались, опять же эти книги, — ну, и замутилась. Она-ль одна сочла себя въ заточеньи, жертвой, и рвалась изъ-подъ крыла матери на бѣдовый ухарскій подвигъ? Такъ вотъ ее и вижу. Ты не подоспѣлъ изъ командировки, тебя вѣтъ, — а у ней ужъ весь планъ готовъ: замаскирована, гдѣ-жъ рыцарь? какъ бы матери сюрпривъ? а тебя вѣтъ...

— Хорошъ подвигъ, — осерчалъ я: — тебя слушая, надо счесть виновникомъ себя.

— У нихъ, у дѣвочекъ, вѣдь это все иначе, — продолжалъ Ловцовъ: — ахъ, какъ же ты не понимаешь? Тамъ своя логика и свои тонкости... Да и всякъ юноша... Ну, хоть бы наши гардемарины, или юнкера... Вспомни, разбери, какъ гонялись за оперными и балетными дѣвками! Развѣ не одни шалости, не одна приткая, безшабашная дурь? вѣдь тѣ же годы, та же кровь... Вспомни нашихъ и въ Аккерманѣ; поволотели жиды и готовы были на его жидовѣ жениться, ну, немедленно, въ минуту, въ секунду и тутъ же, среди разбитыхъ бутылокъ, недоѣденной мамалыги и оторопѣлыхъ молдаванъ... Не такъ развѣ было? не такъ?

Бѣдовый былъ этотъ Ловцовъ; общественный, добрыйшій, милыйшій товарищъ, но скорый и вспыльчивый, какъ порохъ. Отъ близорукости, онъ еще въ корпусѣ носилъ очки. И чуть поволосятся черезъ нихъ, — шея и уши въ краскѣ, ничего не помнить: въ жерло пушки, въ огонь готовъ влѣтъ.

Его рѣчи, пылкая защита Пашути и острая, томящая скупа

Бездѣйствія измучили меня. Я сталъ видѣть не иначе, какъ тяжелые, странные сны. Все манило меня въ дѣлу, въ подвѣтїю подвига, который бы расшевелилъ и оживилъ общій застои. Одна мысль начинала меня занимать, и я предавался ей во всѣ свободные часы, для чего отлагалъ пока и поѣздку въ Ясы, съ дѣлю хлопотать о спасеніи имѣнія отца.

Дни между тѣмъ стояли тѣ же чудные, почти лѣтніе. Ни облачка, тихо и ясно, какъ въ маѣ. Только предвѣстники осеннихъ невгодъ—бѣлыя паутинки—летѣли и медленно стлались по травамъ и камышамъ.

Разъ мы лежали съ Ловцовымъ у берега въ казацкомъ палатѣ. Въ лагерѣ, за ближнимъ холмомъ, пробили вечернюю зорю; барабаны и трубы смолкли; затихли въ обозѣ кузнечные мелоды, у котловъ пѣсни, звуки балалаекъ и торбановъ. Одинъ за другимъ погасли по взгорью костры. Совсѣмъ стемнѣло. Ловцовъ съ утра былъ въ возбужденномъ, нервическомъ состояніи.

— На твоёмъ мѣстѣ я бросилъ бы все,—сказалъ онъ мнѣ вдругъ:—и уѣхалъ бы къ ней...

— Въ кому?

— Въ Ажигиной.

— Ты смѣешься надо мной?—произнесъ я, подъ настроеніемъ мысли, о которой не переставалъ думать.

Онъ вскочилъ, проворно сталъ надѣвать плащъ.

— Слушай,—произнесъ онъ:—если я шучу, пусть мнѣ не дожеть до утра.

Тутъ онъ взялъ ружье, мѣшокъ съ зарядами и вышелъ изъ палатки.

— Куда ты?—спросилъ я.

— Въ острову, въ секретъ. Казаки Михайлѣ Ларіончу рыбы рѣшили половить.

— Ну, не стыдно-ли такъ по-пусту рисковать?—сказалъ я въ досадѣ:—почемъ знаешь, что турки не пренюхали и васъ не стерегутъ?

— Пустое,—отвѣтилъ голосъ Ловцова ужъ за палаткомъ въ темнотѣ:—мѣста перемѣнныя, и лазутчики доносятъ, что турковъ не видать на тридцать верстъ кругомъ. А въ твоей-то, въ перлу, въ цвѣтку... ужъ какъ хочешь, братъ... ахъ, жизнь наша тресклятая...

Конца рѣчи его я не разслышалъ; но его слова перевернули вверхъ дномъ мою сдержанность, замкнутость. Я догналъ его на берегу.

— Слушай,—сказалъ я:—вмѣсто того, чтобъ тратить по-пу-

сту силы, напрасно подвергать гибели другихъ и себя, выполнимъ дѣло, не дающее мнѣ спокойствія и сна.

— Какое? какое?..

— Подговоримъ запорожцевъ,—они достанутъ у некрасовцевъ простые челны, переодѣнемся рыбаками и проберемся вверхъ по рѣкѣ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Ловцовъ.

— За островомъ, противъ Измаила, станулся на зимнюю стоянку весь турецкій гребной флотъ...

— Ну, ну?

— А далѣе, что Богъ дастъ...

Ловцовъ горячо пожалъ мнѣ руку. Я передалъ ему свой планъ въ подробностяхъ и въ слѣдующую ночь мы явились на условное свиданіе. Невдали отъ берега насъ ожидали запорожцы. Я объяснилъ имъ, какъ приступить и выполнить дѣло. Они слушали молча, понурия чубатыхъ головы.

— Князь гетманъ оттого можетъ и сидитъ, какъ рѣдка въ огородѣ,—произнесъ одинъ изъ сѣчевиковъ, когда я кончилъ,—что никто ему не снялъ на бумажку измаильскихъ шанцовъ... Мы уже пытались, да не выгорѣло... Авось, его превелѣбіе пошевелитъ бровями и дастъ добрымъ людямъ размять отерпѣлыя руки и ноги въ бою съ нехристями.

— Готово?—спросилъ я.

— Готово.

Запорожцы сошли къ Дунаю, вытащили изъ камышей заранѣе припрятанныя лодки, всѣ—въ томъ числѣ и мы съ Ловцовымъ—переодѣлись въ рубахи и шапки гирловыхъ молдаванъ, спрятали въ голенища ножи, и уложили на дно сѣти, мушкеты, и кое-какую провѣзью. Коляеобратно ни вспоминаю то время, ясно и живыми образами является оно предо мной.

Ночь была тихая, мгlistая. Даже съ вечера трудно было разглядѣть окрестныя, подернутыя туманомъ берега. Теперь, тотчасъ же за отмелью, начиналась непроглядная тьма. Дунай, будто дыша, плескался о края отмели, ката быстрья, темныя волны. То тамъ, то здѣсь зарождались и вновь пропадали какіе-то странныя, отрывистыя звуки. Парусъ мерещился. Кудластая коряга, сорвавшись съ песчаного бугра, какъ нѣкое живое чудище, плыла серединой рѣки. Плескъ рыбы, шелестъ ночныхъ птицъ—кидали невольно каждаго въ холодъ и трепеть. Запорожцы сѣли въ лодки, мы за ними, всѣ перекрестились и налегли на весла.

Не буду рассказывать въ подробностяхъ о нашемъ предпріятіи, хотя считаю за нужное передать о нѣкоторыхъ мелочахъ. Мы плыли всю ночь, день стояли гдѣ-то въ заливѣ, въ кустахъ,

и еще проплыли ночь. Огня разводять не смѣли. И досталось же намъ отъ мошекъ и комаровъ; не помогали и сѣтки, намазанныя дегтемъ. Руки и лица наши вздулись, запеклись кровью. Особенно жалко было видѣть Ловцова. Мы изъ предосторожности обрѣзали себѣ короче волосы, а онъ, близорукій, нетерпѣливый, не взялъ и очковъ. Мы старались не говорить межъ собой. Онъ же ничего не могъ разглядѣть и поминутно спрашивалъ, гдѣ мы и не видно ли турецкихъ разъядовъ?

Въ одномъ мѣстѣ, во вторую ночь, послышался у берега шелестъ. Лодки въ темнотѣ плыли дефилею небольшихъ островковъ.

— Что это? — тихо вскрикнулъ Ловцовъ, хватаясь за мушкетъ.

— Брось, пане, рушницу, — сказала ему братъ куреннаго атамана, Чепига:—то не вѣроги.

— Кто-жь это?

— А повидишь.

Справа яснѣй раздался мѣрный, тихій плескъ весель. Всѣ упрятали дыханіе. Изъ волыхавшейся, густой осои, медленно выплыло что-то длинное, черное. Еще минута. Востроносый, ходкій челнъ съ-размаха влетѣлъ между казацкихъ лодокъ.

— Здоровы были, братья по Христу, — проговорилъ голосъ съ челна.

— И вы, братья молодцы, будьте здоровы.

— Харьб? — спросилъ Чепига.

— Онъ самый.

По челну зашлепали кожаные, безъ подошвъ, чубаки. Здоровенный, плечистый некрасовець обрисовался у кормы; съ нимъ рядомъ не то болгаринъ, не то грекъ.

— Проведешь? — спросилъ Чепига.

— Проведу, — отвѣтилъ, просовывая бороду, некрасовець.

— Да, можетъ, опять какъ тогда?

— Ну, не напились бы, братцы, ракии, была бы наша ко-черма. Не боятесь?

— Кошевой звездѣлъ, — гордо объяснилъ другой запорожець, Понамаренко-пушкарь:—а что велѣно кошемъ, того послушаться не можно.

Некрасовець помялся плечами, взглянулъ на своего спутника.

— А какъ поймають, да на коль, либо кожу съ живого сдеруть? — спросилъ онъ.

— Ну, пой про то вашимъ бабамъ да дѣвкамъ, — презрительно вставилъ третій запорожець, Бурлай:—а кожа на то она ж есть, чтобъ ее, когда можно, сдирали... Да чорта лысаго сде-

руть. Ты же, братъ, коли договариваться, веди; а не то, лучше и не срамись. Сколько?

Некрасовецъ условился, передалъ дукаты спутнику, тотъ сѣлъ въ весла, и челны потанулись далѣе по рѣкѣ. Товарищъ некрасовца говорилъ по-русски.

Въ воздухѣ похолодѣло; въ концу же ночи поднялся такой туманъ, что лодку отъ лодки трудно было разглядѣть, и они держались кучей. Въ сырой, побурѣвшей мглѣ стали надвигаться то одинъ берегъ, то другой.

— Ну, братцы, кидай теперь сѣти, да гребни лѣвѣй, — тихо окликнулъ жожакъ: — не наткнуться бы на ихъ суда. Тутъ впрямъ за косой и Измаилъ.

Сѣти были брошены. Весла чуть шевелились. Жожакъ не ошибся...

Въ поблѣвшемъ туманѣ, какъ въ облакѣ, противъ передней лодки обрисовалась громада двухпалубнаго, съ пушками, корабля. Паруса убраны; у кормы ходитъ въ чалиѣ часовой. Не успѣли его миновать, возлѣ — другой, такой же, выше — чуть видный — третій. Съ послѣдняго кто-то громко и сердито крикнулъ.

— Что это? — спросилъ я некрасовца.

— Ругаются, прочь велеть ѣхать; палками грозятся отдуть.

Лодки стали огибать островъ противъ Измаила. Близились густыя нвы, по тотъ бокъ пролива — лѣсистой, въ оврагахъ, холмѣ. Поднимался свѣжій утренникъ. Туманъ залюбился. Кое-гдѣ его полосы раздвинулись: изъ-подъ нихъ обовзначились бѣлыя стѣны, башни, ломанныя линіи земляныхъ батарей, и въ двѣ перенги передъ крѣпостью — весь парусный и гребной турецкій флотъ.

Сильно забились наши сердца, когда изъ-за острова мы считали суда, пушки на нихъ и на крѣпости. «Ну, ваше благородіе, — обратился ко мнѣ Чепига: — бери карандашъ да бумажку, наноси все на планчикъ». Я на спинѣ запорожца набросалъ въ записную книжку очеркъ крѣпости и сталъ перечислять суда. Оглянулся — нѣтъ лодки некрасовца, какъ въ воду кануль. «Струсилъ, видно, собаки, — сказали сѣчевики: — да мы и безъ нихъ вернемся». Утро загоралось во всей красѣ: синій Дунай засверкалъ зеркаломъ, крѣпость ожгла; раздались голоса вдоль берега, засновали ялики, гдѣ-то послышался барабанъ, заиграли турецкія трубы.

— Что-жъ, ребята? — спросилъ я, понявъ исчезновеніе лодки: — не отдаваться-жъ въ полонъ живымъ?

— Не отдаваться. Взяли, перевертни, деньги, да видно, чортвы головы, насъ и продали.

— Выводи лодки къ берегу, — сказалъ я, кончивъ набросокъ: — тамъ камышами, и въ лѣсъ.

— Въ гущину́ багьяа лысаго найдуть, — прибавилъ Чепига: — сперва вмѣстѣ, а слышимъ погоню, въ разсыпную.

— Хлѣба осталось? — спросилъ я.

— Осталось.

— Ну, кого Богъ спасеть, авось и до своихъ доберемся.

Втанувъ лодки въ заливу, мы съ ружьями бросились на берегъ. Почва шла болотомъ, потомъ въ гору, кустами. Сплошной безлиственный лѣсъ сомкнулся веру́тъ насъ. Сначала намъ мерещилась погоня. Мы ускоряли шаги, чуть переводили дыханіе. Но вскорѣ все стихло. Въ полдень мы отдохнули, закусили — воды только не добыли — и передъ вечеромъ подошли къ окраинѣ лѣса, окаймленнаго голыми, песчанымъ пустыремъ. Далѣе опять начинался сплошной лѣсъ. Чтoby насъ не открыли, рѣшено было пройти этотъ пустырь ночью.

Чуть смерклось, мы раздѣлились. Одни безъ препонъ направились къ берегу, въ надеждѣ поискать лодокъ, другіе — прямо долиной. У всѣхъ была надежда, что по ручью, протекавшему въ долину, должны оказаться болгарскіе поселки. «Если насъ не сэроютъ, то хоть накормятъ, укажутъ путь», — толковали мы, пробираясь по мягкому, бѣлому песку. Учредивъ сей маршъ, мы шли долго. Начинаясь разсвѣтъ.

Вдругъ что-то прозвучало. Окрестность будто охнула. Мы замерли. То былъ выстрѣлъ, за нимъ раздался другой. «Это наши» — смутно пронеслось у каждаго въ мысляхъ.

— Что-жъ, братцы, — свазалъ я: — ужли пропадать товарищамъ? Вѣрно ихъ открыли; надо попытаться имъ помочь.

— За мной! — крикнулъ Ловцовъ.

Мы взвели курки, направились къ берегу. Песокъ смѣнился трясной. Ноги вязли въ болотной травѣ. И вотъ мы добѣжали. Сталъ видѣнъ берегъ. Вода заблѣла межъ кустовъ.

— Здѣсь, братцы, здѣсь! — слышавъ голоса, не утерпѣлъ и крикнулъ Ловцовъ.

Подъ ивами что-то шелохнулось. Сверкнулъ огонь, гранулъ протяжный, ружейный выстрѣлъ. Мы сквозь дымъ бросились къ камышамъ. Тамъ, отталиваясь баграми, въ двухъ душегубкахъ, отчаливали отъ берега ушедшіе впередъ наши товарищи. Мы добрались къ нимъ, по-поясъ въ водѣ. Лодки поплыли изъ залива. Съ середины рѣки обозначился оставленный нами берегъ.

Подъ ивой, какъ теперь помню, стоялъ здоровенный, толстый турчинъ, въ красной курткѣ и съ обнаженной бритой головой. Онъ наводилъ мушкетъ на лодку и изрѣдка по насъ стрѣлялъ. Поодаль отъ него, нагнувшись къ землѣ, возился надъ чѣмъ-то другой турчинъ. Между ними, на пригоркѣ, непо-

движно бѣгло что-то навзничь распластанное; ближе къ берегу еще двое безъ движенія. Мы оглянулись другъ на друга, перекрестились.

Живъ ли остался Ловцовъ, или погибъ съ другими, попавшими подъ выстрѣлы турокъ, о томъ мы узнали нескоро.

Скрывшись отъ новой погони въ островахъ, мы поплыли, съ заходомъ солнца, далѣе, и черезъ сутки, измученные, еле-живые отъ голода, дотащились къ нашему аванпостамъ. Вѣсть о нашемъ поискѣ равнеслась по лагерю. Всѣ хвалили отвагу развѣдчиковъ и оплакивали погибшаго Ловцова. Кутузовъ призвалъ меня, слегка попенялъ и даже пригрозилъ арестомъ, но кончилъ тѣмъ, что черезъ два дня мнѣ же поручилъ препроводить въ Яссы запорожцевъ, бывшихъ на поискѣ, и лично передать Свѣтлѣйшему набросанный мною очеркъ Измаила и стоявшей тамъ флотиліи.

Нивогда я не забуду ощущеній, съ которыми вновь подъѣзжалъ изъ лагеря къ Яссамъ. Мысль о потерѣ Ловцова не давала мнѣ покоя, мучила меня. — «Я виноватъ въ его гибели,—говорилъ я себѣ:—зачѣмъ было его брать? Я зналъ его пылкость, несдержанность; притомъ же онъ близорукъ,—нарвался прямо на пулю... Боже, Боже! За что такіа испытанія?» Я отдалъ все, что имѣлъ, всѣ свои вещи, деньги, даже подарокъ матери—часы, лишь бы узнали о немъ. Всѣ розыски были тщетны.

Передовая телѣга, везшая меня, чуть двигалась въ ночной тиши. Другія съ запорожцами поотстали. Небо ярко горѣло звѣздами. Вотъ Медвѣдица, золотой снопъ Стожара. Я съ замираніемъ сердца вспоминалъ, какъ любовался этими-жъ звѣздами въ корпусѣ, съ Ловцовымъ. Сколько оживо въ памяти съ ними: экзамены, выпускъ, первые на службѣ шаги, Пашута и первая любовь. Живо представлялись мнѣ дни у бабушки, поѣздки въ усадьбу Горокъ, корпусныя письма, приѣздъ Ольги Аркадьевны, столкновение въ театрѣ и рассказъ попади. Боже! зачѣмъ не состоялся поединокъ? И зачѣмъ здѣсь, въ Турціи, погибъ онъ, неповинный ни въ чемъ, а я живъ, не убитъ? Она бы узнала, оцѣнила бы меня... Вотъ преданность, вотъ любовь! — прошептала бы она, прочтя мое имя въ реляціи: онъ не вынесъ, ушелъ на поприще славы и палъ героемъ... Ужли-жъ и въ конецъ отвернулась отъ насъ слава? Ужли нигуда, мы не двинемся, не предпримемъ ничего, и правы запорожцы, что Свѣтлѣйшій, какъ рѣдка въ огородѣ, засѣлъ по шею въ сомнѣніяхъ и вѣчныхъ колебаніяхъ? Нѣтъ, я везу ему точный снимокъ Измаила и флота.

Притодились корпусные уроки фортификаціи. Онъ взглянетъ и, нѣтъ сомнѣнія, объявить походъ.

VIII.

Я присутствовалъ при аудіенціи князя Григорія Александровича запорожцамъ.

Потемкинъ вышелъ къ нимъ съ гордой осанкой, въ богатомъ гетманскомъ кафтанѣ, въ лентахъ и орденахъ. Войсковой судья черноморской казачьей команды, охранявшей квартиру главнокомандующаго, умный, смѣтливый и «письменный» Антонъ Головатый, былъ назначенъ Поповымъ представить князю прибывшихъ удалцовъ. Тѣ, какъ были на-скоро отправлены изъ лагера въ дорогу, стояли отрепанные, въ порванныхъ рубахахъ и свитахъ, иные даже босикомъ. Свѣтлѣйшій принялъ ихъ за нищихъ.

— А гдѣ-жъ твои храбрые молодцы?—спросилъ онъ, оглянувшись на Головатого.

— Да это-жъ, ваше превелѣбіе, они и есть, — отвѣтилъ съ поклономъ войсковой судья.

— Неужели начальство поскупилось получше снабдить ихъ въ дорогу?

— А что нужно, бѣтъю ты нашъ, хоть бы казаку?—отвѣтили запорожцы:—роспытались мы у вѣша, кошевой сказалъ: идите съ добрымъ человѣкомъ; ну, мы и пошли, а ихъ благородіе и списали планчикъ.

Потемкинъ взглянулъ на меня. Я ему подалъ рисунокъ. Онъ очевидно меня не призналъ, — такъ я загорѣлъ и огрубѣлъ за это время.

— Теперь, княже, нѣтъ ужъ опаски, — сказалъ Чепига:— турчинова фортеція какъ на ладони. Звеліте, ваше высочпревелѣбіе, и побей, Боже, насъ и нашихъ дѣтей, коли не заберемъ вмаиальскаго папу, со всѣми его папешятами.

Потемкинъ вскользь поглядѣлъ на рисунокъ, опустилъ его въ карманъ и, покачавъ головой на щеголей-штабныхъ, стоявшихъ здѣсь же въ сторонѣ, — «не вамъ, дескать, чета» — объявилъ производство нѣкоторыхъ изъ запорожцевъ, въ томъ числѣ и Чепигу, офицерами. Всей партіи казаковъ, бывшихъ въ поискѣ, князь повелѣлъ выдать новое, полное, по ихъ обычаю, платье и по сту червонцевъ. Деньги и платье запорожцы, впрочемъ, въ слову сказать, пропили меньше чѣмъ въ трое сутокъ и не выѣжая изъ Яссы, и отретировались обратно, какъ пріѣхали, въ лохмотьяхъ. Радостямъ ихъ не было конца. «Походъ, походъ!»

толковали они, распѣвая свои заунывные, боевыя пѣсни. Вышло однако иначе.

Мнѣ, какъ главѣ развѣдчиковъ, Свѣтлѣйшій назначилъ особый приѣмъ.

— Думаешь, буду хвалить?—спросилъ онъ, вынувъ изъ баула и вновь разсматривая привезенный мною рисунокъ:—отличились вы, флотскіе, одинъ даже чуть ли не погибъ. Но ни къ чему, братецъ, все это, ни къ чему,—прибавилъ, нахмурясь, Потемкинъ:—не въ томъ дѣло...

Я онѣмѣлъ отъ этой неожиданности.

— Согласись,—продолжалъ онъ,—ты свѣжій человѣкъ, и въ Гатчинѣ проходишь достойную, почетную школу. Я говорилъ всѣмъ, доказывалъ. Мы заморимъ турокъ осадой, заставимъ сдаться, возьмемъ, далѣе, рядъ другихъ крѣпостей; а намъ... охъ, что, сударь, и говорить!—объявятъ вдругъ—баста, ни на пядень!—и пропадутъ задаромъ всѣ труды, вся кровь, вся честь...

— Кто же скажетъ, ваша свѣтлость?—осмѣлился я спросить.

— Есть такіе,—произнесъ онъ загадочно.

Порывшись въ бумагахъ, Потемкинъ отложилъ одну изъ нихъ и прикрылъ ее бронзовой накладкой.

— Отважный подвигъ твой и этихъ смѣльчаковъ,—продолжалъ князь:—изобличаетъ въ васъ достойныхъ всякой похвалы слугъ. Я тебя давече не призналъ. По твоему отличію и качеству, о тебѣ ужъ репортовано выше. Но это все, братецъ, ни къ чему. Вы рветесь, ты особенно; это понятно и дѣлаетъ тебѣ честь. Я тебя не забылъ; памятую твой вызовъ, принять и выполнить такую комиссію, въ войнѣ бы видна была твоя персональная послуга. Готовъ ли ты, Вехтѣвъ, сдержать слово? Нынѣ найдется дѣло и для тебя...

— Приказывайте, располагайте жизнью моею, мной!—воскликнулъ я въ радости.

Князь позвонилъ. Вошелъ Поповъ.

— Гдѣ Бауэръ?—спросилъ Потемкинъ.

Секретарь удивился вопросу.

— Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ нынче Бауэръ?—нетерпѣливо застучалъ князь по столу пальцами.

— Проѣхалъ Буда-Пештъ, можетъ и Вѣну.

— Французскій языкъ знаешь?—обратился ко мнѣ Григорій Александровичъ.

— Съ-измальства, въ домѣ родительскомъ, и опять же въ корпусѣ обученъ.

— А ну, прочитай, вотъ, Вехтѣвъ,—сказалъ онъ, протянувъ мнѣ книгу... — Не дурно; расскажи теперь, попробуй, прочтен-

ное своими словами... Слышишь, Василій Степанычъ, видно на Жюбондѣ зубы проѣлъ, какъ и мы съ тобой... Пѣвуна, всякаго петимѣтра, за поясъ затянешь. Ну, изготове же, по этой матеріи, бумаги и все, что нужно. Въ командировку, сударь, нынче-жъ въ ночь выѣдешь.

— Куда, ваша свѣтлость? — спросилъ Поповъ, взглядываясь въ поданный ему, мелко-исписанный каракулями Свѣтлѣйшаго, листокъ.

— Ахъ, батюшка, куда! извѣстно, въ догонку Бауэра, въ Парижъ... Наговорили болтуны, — почти безъ каблуковъ... А оказывается чуть не въ полтора вершка. Прасковья Андреевна, сударь, вычитала въ «Вольномъ Корреспондентѣ» — обратился ко мнѣ Потемкинъ: — что при платьѣ а-ля-бѣль-пуль дамы нынче опять носятъ и башмаки съ высобими, выгибными каблуками. Каблуки, именно каблуки; безъ нихъ ни шагу... Такъ готовься, братецъ, поѣдешь въ подмогу Бауэру. Умъ хорошо, два лучше. Хлопочите... помогите угодить фрѣрушкиной супругѣ...

Поповъ сдѣлалъ мнѣ знакъ уходить. Князь меня остановилъ.

— Передъ отправкой зайдѣ сюда, — сказалъ онъ, — получишь еще лично отъ меня цидулку въ королевскому башмачнику, — какъ бишь его?... Они разрушили Бастилю, грозятъ самому трону, религій, а деспотъ — мода — не даетъ имъ покоя, властвуетъ ими, какъ дѣтьми... Всѣмъ россійскимъ мотамъ велѣно выѣхать изъ Парижа; Бауэру и тебѣ — исключеніе. Ты рвался изъ усердія битъ турокъ; поусердствуй пока иначе, — барынѣ постарайся угодить. А что выгоднѣй въ жизни — это, братъ, еще бабушка на-двое сказала. Послѣ самъ увидишь и поймешь...

Удивило меня, а потомъ и разобидѣло это рѣшеніе. «Какъ? офицеру покупать башмаки для какой-то Прасковьи Андреевны? Супруга фрѣрушки! да мнѣ-то какое дѣло? Выкидывалъ штуки Свѣтлѣйшій, и къ нимъ ужъ привыкли, — но такого, да еще съ носившимъ мундиръ гатчинскихъ батальоновъ, — я не ожидалъ».

Повѣся носъ, въ досадѣ на всѣхъ и все, я возвратился въ «кафѣанъ», гдѣ нанялъ комнату. Офицеры бросились меня поздравлять.

— Отмѣнный, завидный случай, вѣрная тропка къ отличіямъ.

— Да въ чемъ же дѣло? — спрашивалъ я.

— Какъ въ чемъ? неужто не знаешь? Во всемъ городѣ и въ лагерѣ только и говорю, что о новой причудѣ Таврическаго. И кому-жъ выпало на долю ее совершить? Ближнему, любимому адъютанту князя, Бауэру, и тебѣ, Вехтѣевъ... Оба какъ-бы въ

одинъ рангъ поставлены... Такія порученія не забываются. Любимый предметъ, властительница сердца, жена двоюроднаго, брата Свѣтлѣйшаго... Радуйся, да скорѣхонько отъѣзжай; а то какъ бы еще князь не раздумалъ. Съ нимъ это бываетъ.

Получилъ я отъ скупяги-Попова подорожную на фельдъегерскихъ, прогоны и щедрое пособіе на подъѣмъ, а въ прощальной аудіенціи отъ князя нѣсколько частныхъ писемъ, и въ томъ числѣ небольшой паветъ, съ надписью: «Распечатать черезъ недѣлю, по прибытіи на мѣсто».

На другой день я отправился въ столицу Франціи. Завистники штабные провожали меня вѣжливо и искательно; но я видѣлъ ихъ двусмысленныя улыбки и слышалъ ихъ шопотъ: «фельдъегерь по башмачной части; не вывели батальоны, вывезутъ выгнанные каблуки».

Въ Парижѣ, съ появленіемъ странныхъ коммиссіонеровъ, поднялась буря толковъ и всякихъ пересудъ. Я засталъ Бауэра внѣ себя отъ бѣготни по магазейнамъ, въ вознѣ съ башмачниками и поставщиками модныхъ вещей. Онъ выбивался изъ силъ, хлопоча лично и черезъ подходящихъ агентовъ въ присканіи, по привезенной мѣрѣ, башмаковъ, съ отдѣлкой изъ перьевъ, или а-ля-бѣль-пуль. «Des souliers pour madame la princesse Rotchkine!» — тараторили на всѣ лады словоохотливые французы. Вѣсти о новоприбывшихъ курьерахъ главнокомандующаго дунайской арміи понеслись всюду, выросли въ чудовищные размѣры.

Отчаяннымъ и вѣтренымъ парижанамъ такая фанфара была на руку. Столица перваго въ Европѣ народа была польщена прихотью могучаго русскаго вельможи. И тамъ, гдѣ уже второй годъ царилъ яacobинцы, гдѣ во имя правъ человѣка были уничтожены церкви, монастыри и всякія внѣшнія отличія, гдѣ духовенство присягнуло народу и закону, гдѣ выходили газеты Лусталбъ «Революціи Парижа» и Марата «Другъ народа» и толпа валила смотрѣть на празднество федераціи на Марсовомъ полѣ и на политическую трагедію Жозефа Шоньё «Карлъ Девятый» — тамъ всѣ заговорили о русскомъ фельдмаршалѣ, удостоившемъ командировать своего адъютанта въ столицу великаго народа, за покушью избобрѣтенныхъ этимъ народомъ башмаковъ. Уличные крикуны, съ портретами Мирабо, Бальи и Лафайета, вынесли на продажу изображенія Потемкина. Газеты приводили десятки анекдотовъ изъ его жизни, увѣряя, что князь въ Яссахъ посаженъ своей возлюбленной на хлѣбъ и на воду, и что она его не выпуститъ, пока фельдмаршалъ не добудетъ ей желаемой обновки. Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ явился печатный, съ карриатурами, памфлетъ, гдѣ былъ изображенъ султанъ, по-

дающій на колѣняхъ фаворитѣ князя собственную обувь. Нѣкій же догадливый содержатель театра и музыкальный композиторъ написалъ даже по сему случаю преострый, съ куплетами, водевилъ, подъ именемъ: «Бѣдствія Сѣвернаго Рыцаря», на представленіи котораго публика повалила, какъ на нѣкое диво. Мы сами съ Бауэромъ некогда были на томъ представленіи и хохотали отъ души надъ пьесой, гдѣ остроумно изображали насъ самихъ.

А въ то время, какъ парижане занимались водевилемъ и всей этой исторіей новаго чудачества Свѣтлѣйшаго, контора россійскаго банкира Сатерланда отсчитала передъ нѣвоей, еще недавно-высоочотимой и титулованной красавицей, обитателькой Сенжерменскаго форштата, по веселю князя, шестьдесятъ-тысячь ливровъ золотомъ.

Дѣло въ томъ, что пришелъ указанный срокъ. Я распечаталъ особо мнѣ врученный пакетъ, напелъ вексель и краткую инструкцію относительно банкира и оной дамы. Обсудивъ съ Бауэромъ, какъ исполнить указанное, мы раздѣлили роли. Онъ тайно доставилъ запечатанное письмо князя дамѣ, я—вексель и ордеръ Свѣтлѣйшаго банкиру.

Впослѣдствіи объяснили, что названной красавицѣ было предложено лѣвбой рукой выбрать изъ бюро страстно влюбленнаго въ нее, вновь назначеннаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Делесара, нужныя для князя дипломатическія тайныя бумаги. Золотой ключъ отперъ дверь въ податливости корыстной сальфиды и придалъ ей крылья бабочки и благопотребную рѣшимость льва. Она слетала, куда слѣдуетъ, изловчилась и возложенную на нее порученность спроворила отмѣнно успѣшно. Копіи съ нужныхъ бумагъ намъ были переданы, въ переплетѣ вновь вышедшаго кодекса «Правъ человѣка»—а подлинники бумагъ положены на прежнее мѣсто.

Тутъ я съ Бауэромъ простился. Онъ остался улаживать въ картоны и сундуки вороха бархатныхъ, шелковыхъ, сафьянныхъ и всякихъ бапмаковъ, и расплачиваться съ лавочниками и мастерами. Я же навѣстилъ двухъ первыхъ въ Парижѣ медикусовъ, аки-бы для совѣта о больныхъ глазахъ, бережно упаковалъ въ сумку книгу «Правъ человѣка», и пустилъ слухъ, что ѣду для консультаціи съ врачами, еще въ Италію. Черезъ Миланъ и Триестъ, я прибылъ въ Вѣну, дождался тамъ Бауэра и, одновременно съ нимъ и съ его модною поклажей, явился обратно въ Яссы, въ концѣ ноября.

Содержаніе доставленныхъ документовъ оставалось долгое время для всѣхъ тайной. По смерти же князя, при разборѣ его бумагъ

Поповымъ и Бауэромъ, оказалось, что то была конія съ секретнаго отказа французскаго кабинета первому министру англійскаго короля Георга Третьяго. Наперекоръ стоявшей за насъ оппозиціи безсмертнаго Фокса и его друзей, Портланда и Девоншира, коварный и скрытный Питтъ предлагалъ, для возбужденія англійской нижней каморы и въ видахъ отвлеченія французскихъ умовъ отъ возраставшей парижской неурядицы, заключить оборонительный и наступательный договоръ Англійи съ Франціей, съ цѣлю принудить русскихъ къ остановкѣ войны противъ Турціи. Франція отказала. Прочія державы, подъ вліяніемъ Англійи, были до того въ великой фермантаціи; намъ грозили войной съ Пруссіей, даже Австрія клонила нашъ кабинетъ къ принятію негодій мира съ Турціей—одна отдаленная Гипшпанія была сноровина... И вдругъ руки наши развязались...

Получивъ такое свѣдѣніе, Потемкинъ увидѣлъ, что дѣло Восточной Системы спасено.

— Василій Степанычъ,—крикнулъ онъ Покову, пробѣжавъ поданныя ему бумаги:—балъ на завтра, танцы и балетъ, съ фейерверкомъ... Молодцы, господа!—обратился онъ къ Бауэру и ко мнѣ:—Прасковья Андревна сама оцѣнитъ ваше усердіе и поблагодаритъ.

Бауэра онъ кликнулъ въ кабинетъ, а, подойдя ко мнѣ, опустилъ руку въ карманъ и запѣлъ по церковному: «Бресту твоему поклоняемся, Владыко!» Онъ хотѣлъ нацѣпить мнѣ въ петлицу орденъ; я его остановилъ.

— Иной награды, коли стою,—осмѣлился я произнести.

— Какой?—всего проси: заслужилъ.

Я передалъ о захватѣ отцомъ Зубовыхъ имѣнія монахъ родителей.

— И грабителей проучимъ, и отъ креста не уйдешь,—сказалъ Свѣтлѣйшій:—возвращайся къ арміи и респектуй отъ меня Михайлѣ Ларивоничу; мысли ваши на-дняхъ будутъ утѣшены...

IX.

Едва я возвратился къ колоннѣ Кутузова, гдѣ меня тѣмъ временемъ причислили къ егерскому полку, пришла вѣсть, что нашей гребной флотиліи, взвавшей Тульчу и Исаичу, удалось прервать сообщеніе Измаила съ занятымъ нами, правымъ берегомъ Дуная. Множество запорожскихъ чаекъ и заготовленныхъ въ Севастополѣ шкуновъ, дувельшлюпокъ, полѣкръ, ботовъ и галеръ вошла гирлами въ рѣку, подтанулись къ занятымъ нами крѣпостцамъ. Поль-

зудсь эскимъ, Свѣтлѣйшій предписалъ командиру корпуса, Гудовичу, занять десантомъ островъ противъ Измаила, устроить тамъ въ тайности ягель-батарею и, начавъ обстрѣливаніе самой фортеціи, подойти въ ней съ суши и отъ рѣки, и попытаться взять ее осадой. Стало извѣстно, что въ Стамбулѣ опять усилилась партія войны; муфти, стоявшій съ матерью султана и сералемъ за миръ, былъ смѣненъ. Порты напрягала послѣдніе ресурсы, съ цѣлью выбить насъ изъ занятыхъ ею владѣній.

Обложеніе Измаила началось, по этому плану, 21-го ноября. Войско вздохнуло отъ радно.

Но гдѣ было изнуренному непогодой, болѣзнями, бездорожьемъ и всякими лишеніями, двадцати-восми-тысячному отряду, половину коего составляли казаки, мѣряться съ грозной фортеціей, снабженной въ обиліи съѣстными, огнестрѣльными и прочими припасами, въ которой за неприступными, земляными и каменными твердынями, сидѣлъ съ сорока-тысячнымъ, отборнымъ и свѣжимъ войскомъ, самъ сераскиръ Мегметъ-Аудузлу-паша? Первый пылъ арміи, обрадованной приступомъ въ дѣйствіямъ, прошелъ. Начались сомнѣнія, колебанія. Позднее-жъ время года, непрестанные проливные дожди, холодъ, грязь и болѣзни въ войскѣ еще болѣе усилили общій упадокъ духа. Черезъ недѣлю по началу осады, Гудовичъ созвалъ военный совѣтъ, для обсужденія вопроса: продолжать ли предпріятіе, или ретироваться на зимнѣе-квартиры? Генералы, послѣ недолгихъ колебаній, рѣшили—отступить.

Мы двинулись по убійственнымъ дорогамъ, затопленнымъ дождями и разбитымъ нашими же обозами, въ обходъ болотъ, у озеръ Кугурлея и Ялгуха. Предписано было идти къ Рени и Галацу, гдѣ, вопреки общему мнѣнію и въ удивленію всѣхъ, сидѣлъ въ то время, какъ-бы нарочно забытый и всѣми оставленный, любимецъ арміи и всего русскаго народа, безсмертный Суворовъ...

Былъ свѣрхнѣйшій, холодный и сырой вечеръ второго декабря 1790 года.

Колонна Кутузова, гдѣ мнѣ дали въ команду роту фузилеровъ, шла цѣлыя сутки, но сдѣлала, по дѣсистымъ топямъ и оврагамъ, не болѣе пятнадцати-двадцати верстъ, каждый часъ, каждый мигъ ожидая, что вотъ растворятся ворота Измаила и въ нашемъ тылу раздадутся грозные крики преслѣдующихъ турокъ. Авангарду скомандовали привалъ. Кое-какъ установили обозъ и разложили по моврому песку костры.

Налетавшій мелкій, какъ сквозь сито, дождь то и дѣлю тушилъ еле-глѣвшій бурьянъ, сучья и кукурузные стебли. Обмокшіе,

просябіиѣ солдаты толпились у ротныхъ возковъ. Офицерство забралось къ чайникамъ, въ наскоро разбитыя палатки. Сумерки сгустились. Я не могъ обогрѣть у слабого огня предротнуншихъ, оловянныхъ членовъ, и сталъ, разинувшись, прохаживаться между палатками.

Влѣво отъ авангарда видѣлась темная полоса озера; вправо—рядъ пустынныхъ бугровъ, все-гдѣ поросшихъ мелкимъ кустарникомъ. Ноги скользили въ жидкой, расплывавшейся во всѣ стороны грязи. То здѣсь, то тамъ въ сумеркахъ, подъ шуршаніе и назойливый пискъ зарядившаго на всю ночь дождя, слышался говоръ солдатъ.

— То-же старьяки зовутся, круподѣры, — толковалъ кто-то подъ навьюченной фурой недовольнымъ, старымъ басомъ:—двадцать лѣтъ въ полевой, да въ гваризонѣ шестъ, и опять взяли,—служи. А какова новѣ муниципія? Одинъ шонноль на двухъ... Были каски: зимой—холодно, въ дождь—въ загривокъ, какъ изъ трубы...

— За то новѣ кивера, — перебилъ говорившаго молодой, веселый голосъ:—ахъ, братцы, ну, чьсто оципаннѣи въчетъ; спереди—хохолъ, сзади—лопасть; въ зимунку опять будешь безъ щекъ и ушей.

— Нѣтъ, ты, дядя, уважь — когда жалованье? — спросилъ третій голосъ изъ-за палатки, склонившейся надъ лужей:—двѣ трети его и въ глаза не видѣли. Отъ кукурузы, да отъ треклятаго папушуба живота подвело. Сѣна конямъ не даютъ; можно, молъ, и на подножномъ... А подножный что? нынче грязюка, завтра снѣгъ.

— Хорошо тоже хотъ бы самъ-отъ, — продолжалъ первый критиканъ, очевидно о Гудовичѣ:—подъ Киліей ни разу его, какъ есть, и не видѣли на брешь-батгарей; все изъ резерва, даже въ туманѣ, въ подворную трубку глазѣлъ.

— Да! ты вотъ лобъ подставляй, — отозвался кто-то, прохаживавшійся, отъ коновязи:—а они и къ параду въ обѣдни не выходятъ. То-ли, братцы, Александра Васильичъ...

— Суворовъ?

— Ну, да... Это—хотъ бы въ очаковску зиму. Стоимъ мы, братцы... ахъ, въ жить, то-есть!.. ну, какъ есть...

Дождь будто пересталъ. Я набилъ трубку у востра, закурилъ; слышу, толкуеть въ сторонѣ кучка отставшихъ артиллеристовъ.

— Хучъ бы тебѣ выгода какая, ли лагерь взяли, — провианъ, ли горюдь—серебра, золота. Портки въ дыркахъ, сапожниковъ и званія нѣтъ.

— За то, Евсѣичъ, у Свѣтлѣйшаго, видѣлъ ли, двѣсти гра-

подеревъ колонами; выросъ дубиной, хорошо подавъ тарелку за франтыкомъ, ну, онъ-те сейчасъ и въ офицеры.

— Для виду только?

— Какой для виду! Портного за кафтанъ — въ подпрапорные, молдаванчина-серебренника — въ корнеты, булочника пожаловалъ въ подпоручики. Лошадей у него болѣе двухъ сотъ, и всѣ, братцы, кормятся на счетъ кирасирскаго и драгунскаго полковъ. А подрядчики грабятъ! вотъ антихристы... Зашелъ это я въ Семень-Митричу, разуть, совсѣмъ ознобѣли щиколки; послѣдняя подошва въ лужѣ у моста осталась. А онъ жретъ мамалыгу, смѣется: ты, говорить, въ припрыжку...

— Ахъ, живны! ахъ, горе! И нѣтъ на нихъ, людодѣловъ, сударасиравы.

— Австриякъ, сканывають, своихъ вѣшалъ. Вотъ бы нашимъ-то...

— Держи карманъ, на нашихъ толстошесевъ видно веревка еще не сплетена...

Духъ тогдашняго армейскаго критиканства мнѣ былъ не въ новость. Но то, что привелось услышать въ дни нашей ретирады, смутило меня сверхъ мѣры. Я возвратился въ палатку, прилежъ на влажныхъ снопахъ, гдѣ ужъ расположились трое другихъ офицеровъ, и завернулся въ шинель.

Лагерь смолкалъ. Пригорокъ, на которомъ стояла наша палатка, былъ въ передней линіи авангарда. Внизу видѣлись лужи узкаго проселка, ведшаго въ мосту, черезъ ближній ручей. Съ вечера долго слышались съ той стороны крики погонщиковъ-молдаванъ, тащившихъ на волахъ, черезъ дырявые мостовые горбыли, отставшія пушки какой-то баттарен.

Изъ-подъ обвисшей, намокшей парусины было видно, какъ надъ окраинной долины бѣжали низкія, бурныя, клочковатая облака.

— Господи! хоть бы ужъ замрение, — сказалъ въ отвѣтъ высокому, широкоплечему майору Невлюдову, лежавшій воелъ меня, больной лихорадкой, молоденькій, вѣчно-жалующійся и разочарованный въ ожиданіяхъ, прапорщикъ Гуськовъ: — въ два мѣсяца хотѣли Константинополь взять! по недѣлямъ рубахи не мѣняешь, отъ карпетовъ осталась какая-то корнія; накиннулъ барабанщикъ изъ стараго кибера подметку, — а она, анаеема, какъ окунь, опять ѣсть просить, эту хлябъ такъ и всасываетъ...

— Ну, миленькій, все простишь, какъ у тебя это убѣжденіе, что тебя не тронетъ ни штыкъ, ни пуля, — возразилъ ему, весело вскидываясь изъ-подъ шинели и садясь въ потьмахъ палатки, Невлюдовъ: — мнѣ, господа, цыганка въ Яссахъ гадала, что а кончу походъ не токма живъ, даже не раненъ.

вспомнилъ на землѣ, бодро вскрикнулъ, бросилъ поводья ближнему изъ кавалеріи и мелкими, бойкими рывками двинулся прямо къ генералу.

— Хорошъ Бахаблѣнъ!... бахаблѣнъ графъ Александръ Васильчъ! — вскрикнулъ Кутузовъ, отстранивъ фельдшера и вставая на встрѣчу гости.

— Ура! — весело произнесъ, оглядывая всѣхъ и نگاهивая новой шляпой, гость: — такъ ли богатырски да ослупили? назадъ! обратно, съ походомъ...

«Генералъ-аншефъ Суворовъ! ушли они? откуда?» — воскликнулась голица вблизи меня. Я обернулъ въ радости и удивленіи.

Суворовъ и Кутузовъ дружески обнялись.

— Вы, сударь, съ нами Гудовичъ, Голицынъ, Меклюбъ и Рыбасъ, всѣ, — продолжалъ Суворовъ, не выпуская изъ перепачканной, хулой и красной своей руки волнистыхъ, бѣлыхъ калѣдъ Кутузова: — всѣ части отнынѣ становятся подъ мою верховную команду. — (Кутузовъ, моргнувъ зрячьемъ глазомъ, почтительно приставилъ ко лбу калѣди свободной руки). — А вотому, батюшка, ординарецъ сюда, штабныхъ, вѣстовыхъ. Трубача! снимать лагерь. Да-съ... Мѣшкать нечего... Приятно будетъ невѣрнннн, фуй, вотъ какъ приятно-съ! — какъ люблю волнивая... Нынче же къ везеру на прежнія позиція къ Намангу; а завтра... помилуй Богъ!.. увидимъ, какъ поступить...

Кутузовъ оглянулся на адъютанта. Суворовъ придержалъ его за руку.

— Повелѣно, — произнесъ онъ: — войди тутъ, снзнова ложи-роваться, во что ни стало... а потомъ... Ну, да увидимъ, батюшка... увидимъ, сударики мои... А, впрочемъ, вотъ тебѣ, Михайло Ларіончъ, и на бумагѣ...

Тутъ Александръ Васильчъ отстегнулъ лацканъ кафтана, вынулъ отсырѣвшій, порывѣлый пакетъ, вручилъ его Кутузову, и оба они, давая другъ другу дорогу, съ аттенціей и молча, вошли въ палатку.

«Суворовъ, Суворовъ!» — понеслась радостная вѣсть по лагерю. Все ожило, задвигалось. — «Какой приказъ? наступленіе? голубчики вы мои, дождались - таки праздника!» — Одна мысль, что Суворовъ въ авангардѣ, переродила общее настроеніе. Все рвалось впередъ. — «А эти сѣрбины, босвѣи, болгарчики — сущіе хохлы, нашъ братъ» — толковали лякующіе солдаты, недавно еще ругавшіе за разными прижимки одноплеменниковъ: «какъ есть свои, и крестятся по нашему и все... И отчего матушка-царица ихъ не забережетъ совсѣмъ у турка?» — Какъ нарочно, перемѣнилась и по-

года. Тучи подобрались, стали расходиться. Выглянула полоса чистаго синяго неба. Начало подмораживать. Лагерь ковошился, синяая палатка, вьюча и запрягая фурь.

Въ полдень Суворовъ вывелъ изъ ставки Кутузова, тоже выбритый, въ синей шерстяной фуфайкѣ и въ чистомъ бѣломъ волпакѣ.

— Не видать что-то монхъ соколовъ, — сказать онъ, щурясь противъ солнца: — ужъ и ждала-жь, ждала свою друга молодѣ...

— Не это-ли, ваше сіятельство? — осмѣлился я указать за ручей.

Отъ моста на лугъ по-взводно вѣвжалъ конный отрядъ. За кавалеристами тянулись, блестя штыками и бляхами шляпъ, шеренги фаваторійскаго, вездѣ слѣдовавшаго за любимымъ воедемъ, егерскаго полка.

— Спасибо! вторая послуга... Быть тебѣ въ монхъ ординарцахъ, — сказать, взглянувъ на Кутузова и быстро на одной ногѣ обратиться ко мнѣ, Суворовъ: — дай имъ знать, что, молю, дядюшка тутъ; щи, — каша — готовы. Танци ихъ къ котламъ... Помялъ? Штыкъ, внезапность, быстрота... вотъ нами вожди — не отставай и ты.

Я поспѣшилъ на встрѣчу подходившаго отряда. Но какъ забилось мое сердце, когда я узналъ, что въ тотъ же день меня причислили къ штабу Суворова. Я расположился при главной, походной квартирѣ, и пока живъ, не забуду того, что я тутъ испыталъ и чему сдѣлался очевиднымъ и глубоко-трогнутымъ свидѣтелемъ.

Ранней утренней зарей, третьяго декабря, бывшій отрядъ Гудовича, обратился вспять, какъ снѣгъ на голову, вновь появился предъ твердынями Измаила. Колебаній, безнадежности не было и слѣда. Малодушные порицатели смолкли. Духъ героя зажегъ бодростью и рвеніемъ робкія, упавшія сердца.

Въ войскѣ такъ объясняли это событіе: на донесеніе Гудовича, о крайней невозможности взять Измаилъ, Потемкинъ, отъ 25 ноября, изъ Бендеръ, прислалъ отвѣтъ: «Вижу пространственина ваши толкованія, а не вижу вреда неприятелю», — и тогда же послалъ въ Галацъ приказъ Суворову: «Вести штурмованіе и, буде окажется можно, взять Измаилъ». — Суворова въ этомъ письмѣ Свѣтлѣйшій назвалъ «милестивымъ другомъ», а себя «вѣрнѣйшимъ слугою». Отвѣтъ Суворова князю состоялъ въ двухъ строкахъ: «Получа повелѣніе, отправился къ Измаилу. Боже! даруй намъ помощь свою».

Потемкинъ между тѣмъ вскорѣ впалъ въ новыя сомнѣнія. Получивъ извѣстіе, что Гудовичъ ужъ отступилъ, онъ послалъ въ догонку Суворову, отъ 29 ноября, новый ордеръ: «Извѣстася о ретирадѣ корпуса Гудовича, предоставляю вашему сіятельству

воступить тутъ по лучшему усмотрѣнію, — продолженіемъ ли предпріятій на Измаилъ, или его оставленіемъ. Вы на мѣстѣ, и руки у васъ развязаны». Но Суворовъ болѣе рѣшилъ не поддаваться такимъ шатаваніямъ. Онъ по-своему объяснилъ новый приказъ главнокомандующаго. — «Воля отступать и не отступать» — сказалъ онъ, прочтя бумагу: «слѣдовательно, отступать не приказано». Въ такомъ смыслѣ, положила все на мѣрѣ, и повелъ дальнѣйшія приготовленія.

Войско, двинувшись, расположилось полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Измаила, занявъ почти двадцать верстъ вдоль берега Дуная. Установилась ясная, морозная погода. Вѣтеръ и стужа увеличались. Стали грѣться ракіей и пуншами изъ моднаго рижскаго бальзама. Суворовъ повелѣлъ поддерживать день и ночь костры. Приготовивъ лѣстницы и фашины, онъ обучалъ по ночамъ войска дѣйствовать ими; осматривалъ съ инженерами удобныя мѣстности и отряжалъ вылазки, а чтобъ турки предполагали возобновленіе правильной осады, диспозировалъ и возвелъ рядъ батарей, чуть не въ колотнѣ сажень отъ бастионовъ Измаила, откуда намъ и стали отвѣчать непрерывнымъ, ожесточеннымъ огнемъ. Наводчики наши, направляя орудія, дули въ замерзшіе кулаки и, пуская снаряды, приговаривали: «ишь, бабушка Терентьевна, какъ сморкается! ну-ка, уважь еще, уважь»...

Громадныхъ размѣровъ фортеція, по обширности своей названная турками «орду-калеси», то-есть — сборъ войскъ, занимала въ окружности десять верстъ. Съ Дуная ее окружали наметныя стѣны; съ суши — земляной валъ, въ четыре сажени вышиной, со рвомъ еще глубже. Въ ней было до трехъ-сотъ пушекъ и сорока-тысячный гарнизонъ, на половину изъ отчаянныхъ спаговъ, зейбековъ и янычаръ.

Седьмого декабря, 1790 года, генералъ-аншефъ Суворовъ послалъ сераскиру Мегмету-Аудузлу-пашѣ, «всѣмъ прочтеннымъ султанами» и прочимъ пашамъ прокламацію, съ требованіемъ, безъ напраснаго кровопролитія, — сдать крѣпость, дабы могли быть пощажены отъ раздраженнаго воинства женщины, младенцы и другіе невоинные. Гордый сераскиръ, отказавшійся незадолго отъ принятія визирскаго достоинства, отвѣчалъ черезъ парламентаря: «Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, нежели сдастся гаурамъ Измаилъ».

X.

— Сами захотѣли, ну, попробуютъ! — сказалъ Суворовъ, огненими и радостными взоромъ прѣбывая переводъ хвастливаго отвѣта паши.

Узнавъ, что сераскира, въ его рѣшимости, поддерживали нѣкоторые изъ пашей и между прочимъ братъ крымскаго хана, Канланъ-Гирей, бывшій въ Иманлѣ съ шестью молодыми сыновьями, Суворовъ увѣдомилъ Аудуалу, «что если тотъ въ двадцать-четыре часа не выставитъ бѣлаго флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ, и гарнизонъ ея содѣлается жертвой ожесточенныхъ войнновъ». Сераскиръ, въ отвѣтъ на новое увѣдомленіе графа, удвоилъ канонаду съ крѣпостныхъ окоповъ.

А къ вечеру примчался отъ Сивлѣйшаго новый гонецъ. Страхась неудачей омрачить себя и славу вѣранныхъ ему войскъ, Потемкинъ окончательнѣо отмѣнилъ посланныя передъ тѣмъ распоряженія и предписывалъ Суворову: «не отваживаться на приступъ, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхѣ». — Суворовъ отвѣтилъ князю: — «Мое намѣреніе непремѣнно. Два раза было руссійское войско у воротъ Иманла, — стыдно будетъ, если въ третій оно отступить, не войдя въ него».

Ночью девятаго декабря былъ созванъ окончательный военный совѣтъ.

Всѣ первенствующіе въ арміи генералы, подъ разными предлогами, на это обѣщаніе почему-то не удостоили явиться. Дѣло рѣшилось тринадцатыи второстепенными командирами. Бригадиръ Матвій Платовъ, будучи, какъ младшій изъ всѣхъ, спрошенъ въ началѣ, первый подписалъ резолюцію: штурмовать. За нимъ Орловъ, Самойловъ, Кутузовъ; а дажѣ и всѣ, колебавшіеся и приходившіе въ отчаяніе, положили рѣшеніе: «Приступить къ штурму неотлагательно. И носему ужъ нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости. Обращеніе осады къ блокаду исполнять не должно. Отступление предосудительно».

Узнавъ рѣшеніе, Суворовъ вѣбжалъ въ засѣданіе совѣта, всѣхъ перещѣловалъ и объявилъ: «Одинъ день Богу молитесь, другой учиться; въ третій — Боже Господи! въ знатные понадемъ — славная смерть, или побѣда».

Утромъ десятаго декабря, была открыта рѣдкая, слабая, съ перерывами, пальба съ флота и съ батарей на сушѣ и на острову, дабы обмануть турокъ мнимымъ недостаткомъ у насъ пороха и прочіихъ снарядовъ. Къ вечеру канонада стихла.

Ночь съ десятаго на одиннадцатое декабря была послѣднею

передъ грознымъ приступомъ, который прогрѣлъ во всемъ свѣтѣ и воспѣтъ бессмертнымъ Бѣйрономъ. Съ вечера сильный, безъ вѣтра, морозъ скрѣпилъ окольные болота и дорожную грязь. Наступили сумерки. Войско готовилось молча и набожно къ битвѣ, гдѣ столько тысячъ храбрыхъ ожидала лютая, безжалостная смерть.

Меня позвали въ землянку Суворова, вырытую въ передовой части нашихъ позицій. Это была просторная, безъ оконъ, укрытая сучьями и кукурузными снопами, перегороденная на-двое яма, съ печуркой и дымникомъ въ стѣнѣ, и съ камышевыми щитомъ вмѣсто двери. Освѣщалась она свѣчками, вставленными въ пустыя бутылки.

Сутуловатый, черномазый полтавецъ Бондарчукъ, тогдашній графскій деньщикъ, высунувшись съ локанкой изъ-за перегородки, гдѣ стояла походная, складная кровать главнокомандующаго, сказалъ мнѣ: «Звелѣли, добродію, обождать». По этому боку перегородки, безопасно и мирно, точно гдѣ-нибудь на рѣднѣ, въ Гатчинѣ или Чухломѣ, потрескивали въ печи откуда-то добытыя сухія полѣвца. Пахло дымомъ и столь любимымъ графскимъ присканьемъ, смѣсью мяты, шалфея и калѣфера. Воображеніе переносило въ русскую баню, а въ опочивальнѣ графа кстати слышались нѣкіе пріятные запахи, оканье и какъ-бы плесканье.

— Еще, голубчикъ, хохликъ! Ну-ка, Бондарчукъ! Ой, Господи! да важно какъ, еще! — восклицалъ Александръ Васильевичъ, очевидно подставляя подъ локанку деньщика то лицо, то затылокъ, то плечи.

— Удивляешься? — спросилъ онъ вдругъ, выйдя закутанный въ простыню: — часочекъ рекреаціи! съ Покрова, братъ, головы не мылъ; на утро же, знаешь, какое дѣло....

Графъ вытерся, опросталъ голову, сѣлъ на какой-то обрубокъ и протянулъ къ печкѣ худыя, волосатые, тоже вымытыя ноги, на которыхъ деньщикъ сталъ натягивать шерстяныя стоптанныя онучки, вмѣсто чулковъ, и сапоги. Все тѣло графа, впадыя плечи и уваяя, плоская грудь, поражали слабостью и худорьбой. Онъ, подъ вліяніемъ пріятной печной теплоты, смолкъ и сталъ слегка вадрѣмывать.

— «И этому щедушному старику предстоитъ завтра такое страшное, отвѣтственное дѣло» — подумалъ я.

— Пуговочку... ниже... охъ, что же это? — проговорилъ въ полуснѣ Суворовъ и вдругъ весело раскрякилъ глаза: молодая была, — янычаръ была, стара стала, — баба стала.. Вехтѣвъ, ты тутъ? Слушай, ты не лживка и не лживка! скажи, да по

правдѣ, любилъ Питеръ?.. То-то, гдѣ его любить! Близко къ пѣщамъ... Оттого и многіа тамъ павости. Всюду, окъ, проникаетъ питерскій воздухъ... Прислони, братецъ, дверь въ сѣняхъ плотнѣе, — такъ-то... Оно спокойнѣй. Не то, какъ бы опять изъ Яссы не запахло Питеромъ. Критика, политика, вернуфты! сохрани и помилуй отъ нихъ Богъ, помилуй!

Вѣлье и рейгузы были надѣты. Деньщикъ, вытянувшись, давно стоялъ съ камзолъ и сюрревестомъ въ рукахъ. Но графъ медлилъ подниматься отъ печи. Я тоже молча ожидалъ приназаній. Наверху, за двернымъ щитомъ, слышался сдержанный шопотъ, толпились адъютанты и прочіе штабные.

— Воскресъ убитый Тональ-паша, хромой паша! воскресъ, — проговорилъ, глядя въ печку, Суворовъ: — такъ меня, сударь, провали турки за хромоту и совсѣмъ-было схоронили подъ Бендерами... Да ожилъ на страхъ изуверамъ и завтра явится, какъ Божья кара. Самъ Петръ Александрычъ, не то что, самъ Задунайскій меня лично цѣнилъ и одобрялъ. У Вобана, сударь, у Турення и Монтекукули учились мы, вонъ съ Бондартучкичъ, военной премудрости и всякому артикулу. Мы не антишамбристы, не блюдолизы, хотъ и вандалы, дивари. Солдаты любятъ насъ, друзья славятъ, враги бранятъ... Ну-ка, Прохоръ Иванычъ, другую прежде фуфаечку поверхъ этой; оно теплѣй. Да пуговичку... шлифная пражка намедни лопнула, досталъ ли иголку, ниточки зашить? досталъ? ну, молодець. А ты, Вехтѣевъ, — вотъ зачѣмъ я тебя позвалъ: огнищи въ чемоданѣ баульчикъ такой, — походную аптечку. Матушка-царица, Екатерина Алексѣевна, снарядила ее сама, своими ручками, и прислала мнѣ послѣ Очакова, — во-вѣки съ ней не расстаюся. Такъ ты приладь на плечо и завтра воеи за мной. Сердцевритель-Господь чертитъ каждому путь... Можетъ кому и пособимъ...

Хилый, сморщенный старикъ, вряхтя, поднялся со скамьи, надѣлъ камзолъ, обвязалъ шею чистымъ батистовымъ платкомъ, нарядненько прибралъ свой гарбейтель-косичку, зачесалъ сзади на лобъ часть жидкихъ, сѣдыхъ волосъ и подвернулъ ихъ завитушкой-хохолкомъ, одѣлся въ синій съ золотомъ кафтанъ, со звѣздами, пристегнулъ шпагу, прошелся по землянкѣ и куда дѣлалась сонливость и хилость. «Туалетъ солдата таковъ — всталъ и готовъ! — сказалъ Суворовъ: — честь и хвала князю Потемкину, поубавилъ кувольныхъ занятій у войска... но все еще немало осталось!» Графъ pokrмлся шляпой съ бѣлымъ плюмажемъ, расправился, обернулся, — я его не узналъ. Три ночи не спавшій въ переговорахъ съ турками, шестидесяти-лѣтній старикъ, измученный душевной, никому незримой борьбой, и страдавшій ревма-

тиками раненой ноги, глядѣль бодрѣмъ, выносливымъ, свѣжимъ и молодымъ. — «Фазаны тутъ?» спросилъ Суворовъ Прошку. — «Тутъ», отвѣтилъ деньщикъ. Тамъ графъ называлъ нарядныхъ штабныхъ. «Ну, теперь выкинетъ штуку, — подумалъ я, вспоминая выходки графа: — высочить, прикинетъ пѣтухомъ, чтобы разбудить дремлющій станъ»...

— Господа, по мѣстамъ! — сказала Суворовъ серьезно, торжественно взбираясь изъ землянки и направляясь къ большому сосѣднему костру. Графъ позвалъ назначенныхъ заранее начальниковъ, кое-кого изъ офицерства, и сѣлъ у огня, дожидаясь условнаго знака. Штурмъ, какъ всѣ знали, былъ предположенъ до разсвѣта, но выпускъ трехъ, съ промежутками, сигнальных ракетъ.

Войско для взятія крѣпости было раздѣлено на три отряда, — въ каждомъ по три колонны. Правымъ крыломъ, или первымъ отрядомъ, командовалъ двоюродный братъ Свѣтлѣйшаго, мужъ Прасковьи Владиміровны, генералъ-поручикъ Потемкинъ; второе, или лѣвое крыло было поручено племяннику князя Таврическаго, генералъ-поручику Самойлову; третьимъ, отъ рѣки, командовалъ контръ-адмиралъ Рыбасъ. Начальниками подчиненныхъ имъ колоннъ были генералъ-маіоры: Львовъ, Мекнобъ, Ласси, Беабородко, Кутузовъ, Арсеньевъ; бригадиръ: Платовъ, Орловъ, Марковъ и атаманъ запорожцевъ Чепига.

Костры шестой колонны, Кутузова, бывшей въ отрядѣ Самойлова, свѣтились красивыми правильными рядами слѣва, но холмамъ и спускамъ въ ложину, подходившую здѣсь къ самой рѣкѣ.

Суворовъ, полулежа на примерзлой травѣ и вутаясь въ бурю, отдавалъ послѣднія приказанія. Рѣзкій, пронизывавшій холодомъ и сыростью вѣтеръ, дувшій съ-вечера, затихъ. Въ отблескѣ графскаго костра рисовалось нѣсколько старыхъ и молодыхъ фигуръ, почтительно стоявшихъ возлѣ Александра Васильича. Въ стѣрѣнѣ, у смежныхъ огней, слышалась французская, бойкая, самоувѣренная рѣчь. Между говорившими я узналъ прибывшихъ въ эти дни въкоторыхъ изъ агентовъ иностранныхъ дворовъ и наслѣвшихъ изъ яской главной квартиры партикулярныхъ воиновъ и волонтеровъ. На коврѣ бовомъ къ огню сидѣлъ блѣокурый и сильно близорукий, съ пріятной важной осанкой, сынъ извѣстнаго принца Де-Лина. Съ нимъ оживленно спорилъ, сидя на корточкахъ, въ бархатномъ кофейномъ кафтанѣ, въ кружевныхъ манжетахъ и огромномъ лабѣ, вертлявый и толстенный, съ острымъ носомъ, эмигрантъ, герцогъ Фронсакъ — впоследствии извѣстный на югѣ Россіи, герцогъ Ришелье. Пощады отъ нихъ, въ другу обсту-

дившихъ его артиллерійскихъ офицеровъ, прислонясь къ пушечному лафету, полулежалъ на кучкѣ соломы другой эмигрантъ, суровый и блѣдный, болявшій лихорадкой и зубами и съ подвязанной щемой, графъ Ланжеронъ.

— Все это вѣрно, все это такъ, — говорилъ онъ съ расстановкой на родномъ языкѣ, закрывая отъ боли глаза: — но мнѣ, въ концѣ-концовъ, непонятна эта безконечная война; столько погибнетъ жизней, прольется крови. И все кажется даромъ, врядъ ли одолѣемъ эту страшную машину смерти. Всѣ европейскіе авторитеты сходятся въ томъ, что Имамъъ положительно невриступень для штурма...

— А мы все-таки его возьмемъ и двинемся съ триумфомъ къ Константинополю! — съ вызывающей усмѣшкой, сказала, глядя на француза, невысокій, рыжеватый, съ веснушками на лицѣ, пѣхотный майоръ.

— Какъ, безъ союза съ другими? — спросилъ, морщась и хватаясь за щеку, Ланжеронъ.

— Съ нами Суворовъ, кто противъ насъ? — отвѣтилъ нѣсколько напыщенно майоръ: — притомъ же...

— Нѣтъ, вы скажите, гдѣ ваши союзники? — рѣзко его перебилъ эмигрантъ: — ихъ у Россіи нѣтъ и быть не можетъ... Оставляя страданія другимъ странамъ, допуская, извините, безбожниковъ подрывать древніе троны, вѣру...

Я пошелъ къ другому востру.

— Безумныя, несбыточные ватѣи, и притомъ — столько риску! — пропзнесъ въ сторонѣ, за лафетомъ, другой, какъ-бы знакомый мнѣ голосъ, отъ котораго я невольно вздрогнулъ. Говорившаго мнѣ не было видно за окружавшими его..

«Неужли онъ? мой заклятый врагъ? — пронеслось у меня въ головѣ: — графъ Валерьянъ Зубовъ! какими судьбами? За легкими отличіями, или на помѣху славнаго предпріятія присланъ въ столицу? Но какъ могъ, какъ рѣшился его допустить сюда Потемкинъ?» Я хотѣлъ подойти, взглянуть ближе, не ошибся ли, какъ въ то время меня кликнули къ Суворову. Я нашелъ его въ ту минуту, когда онъ, бесѣдуя съ командиромъ козаковъ, Платовымъ, говорилъ ему, не стѣсняясь близостью иностранныхъ воеждъ: «Каждый французъ, батюшка Матвѣй Ивановичъ, по природѣ танцмейстеръ; вся сила у него въ ногахъ, а не въ головѣ»...

— Вектѣвъ, — сказала, завидя меня, графъ: — сѣди къ Михайлѣ Ларіонычу; пригасилъ бы онъ востры; туманить, — не долго до разсвѣта... пусть думаютъ турки, что мы заснули... А на туманѣ, при огняхъ, команды не проглядѣли-бъ сигналомъ.

Я вскочилъ на рѣдкогриваго, донскаго мерина, на которомъ

близилъ въ тѣ дни, пробрался между кибиткой и пунжином и направился въ переднюю кибитку настоящей палатки. Сидоровскій, сидѣвъ тряскай вѣкъ, забралъ ружье и выстрѣлилъ выстрѣломъ, кидаясь на лѣсистой бугоръ, кричала въ вѣду вѣдѣной кибитки и беренно, между залетѣвшихъ окрестно, сталъ спускаться въ оврагъ, за поворотомъ выскочилъ огни оврагъ Кутузова.

«О, жаль! — ражуждалъ я, пробрался кибитки, кибитки двѣмъ оврагъ — оги, выгучи, на верлу почтѣной и оги, оги, Собѣдѣной, для покура, во его же слѣдствіи, одинъ только законъ и одна въ жизни дѣль, — слава и честь обожасной монархии, — могъ такъ потеряться и унасть душой! Завѣтъ Зубовыхъ, завѣтъ все ихъ ничтожество, зло и зависть къ себѣ, и услужить, завѣщавать въ вѣкъ. Одинъ дуновениемъ, словомъ — пожелай только, явись хоть на нѣтъ обратво въ столицу, и оги разѣблѣ бы весь ихъ жалкій, бездарный козлютокъ, — а оги поворасетъ, лѣстятъ и насланному брату кровного, смертельного врага оказывать почтене и реншесть, видимо отражаетъ его къ столь священному, важному дѣлу. И этотъ мальчишка, ниверскій малбѣрникъ и шаркунъ, его же столь подво критичанить. Ну, Собѣдѣной... еще повѣтво — дѣлжонить; но Суворовъ? оги какъ согласился? Или и этотъ стойкій, крѣпкій столикъ потнулся передъ дуновениемъ вѣлюбнаго вѣтъ петербургскаго вѣтра?»

Я нашель Кутузова, отдавъ ему приказъ главнокомандующаго. Оги ласково выслушалъ мое порученіе, простился и, перекрестивъ меня, сказалъ: «Ну, съ Богомъ! все будетъ выполнено; а жаль, что ты не у меня, — ну, да авось свидимся». Когда же я обратился вснять, оги подошелъ во мнѣ, склонился къ сѣду, и спросилъ вполголоса: «А что, Вехтѣвъ, графъ-то Валерьянъ Александровичъ при особѣ Александра Васильча, или получилъ особую команду?» На мой отвѣтъ, что я ничего въ томъ не знаю, Кутузовъ прибавилъ съ аттенціей: «Уважь, братецъ, передай его сізательству, графу Валерьяну, мое высочайшее и желаніе отъ былого знакожда всѣхъ отиѣнѣвшихъ смѣтъ утромъ триумфовъ»...

Пока я возвращался къ позиціи главнокомандующаго, костры вдоль всего фронта потасали одинъ за другимъ. Настала общая, торжественная тишина. Она длилась не долго.

Въ три часа вазегѣла первая сигнальная ракета, — всѣ взяли за оружіе. Въ четыре — другая, ряды построились. Въ пять вивилась третья и, бороздя туманъ, глухо взорвалась въ высоту. Все войско обѣинило себя крестнымъ знаменіемъ и молча, съ Су-

воровымъ впереди, двинулось къ незримымъ въ ночной тѣмѣ окопамъ и бастионамъ Измаила.

Конница расположилась на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. Казаки, назначенные для перваго натиска, взяли пики на перевѣсъ. Ни одна лошадь не ржала. Пушки, съ оберченными соломой колесами, безъ звука занявъ указанные мѣста, снялись съ передковъ. Въ ихъ интервалы, медленнымъ густымъ строемъ, стала продвигаться пѣхота. Суворовъ, окруженный штабомъ, появлялся то здѣсь, то тамъ, ободряя подходившіе полки, наставляя офицеровъ и перебрасываясь шутками съ солдатами.

— Немогузнайки, вѣжливыи, краснословии могутъ оставаться въ резервѣ,—говорилъ онъ:—недомолвки, намѣки и безтолковки на подмогу къ нимъ поступать,—а мы, братцы, впередъ...

— Пилаву, ребатушки, турецкихъ орѣховъ вонъ тамъ вамъ принасъ! говорилъ онъ, указывая на выдвигавшіяся изъ темноты очертанія крѣпости.

— Ишшо рано, ваше сіятельство! отвѣчали изъ ближнихъ рядовъ.

— Врешь, вострома,—шутилъ графъ своимъ бойкимъ, лапидарнымъ слогомъ:—голодному ѣсть, усталому на коврикъ сѣсть, а бѣдному дукаатовъ не счесть!

«Го-го-го!» любовно и радостно отвѣчалъ сдержанный смѣхъ по солдатскимъ, уходившимъ въ потѣмки рядамъ.

Войско безъ выстрѣла подошло и построилось въ ста саженьяхъ отъ крѣпости. Суворовъ началъ-было рѣчь къ ближайшимъ: «Храбрые воины! дважды мы подступали, въ третій побѣдимъ»... да махнулъ рукой—ну, молъ, ихъ, красныя слова—и, только прибавивъ Платову: «такъ постарайся же, голубчикъ Матвѣй Ивановичъ!» далъ знакъ начинать. На ближнемъ бастионѣ замѣтили русскихъ. Тамъ поднялась суета, раздались крики «алла!»—имъ отвѣтили громкимъ «ура!» Грянули первые, нестройные ружейные и пушечные выстрѣлы. Мигъ,—и земля кругомъ застонала отъ залповъ освѣтившихся въ пороховомъ дѣму холмовъ и батарей.

Съ первымъ щелканьемъ картечи, брызнувшей по нашимъ рядамъ, егеря и казаки, таща лѣстницы, бросились къ стѣнамъ. Глубокій ровъ, до половины залитый болотистой, вонючей водой, остановилъ передовую шеренгу. Залпы съ бастиона освѣщали площадь и ровъ, гдѣ произошло это замедленіе. Суворовъ ужъ подтянулъ поводья кабардинца, хотѣлъ помчаться туда.

«Охотники, ва мной!» громко крикнулъ кто-то впереди замѣвавшихся. Смотрю: размахивая новенькой, незадолго выписанной изъ Пешта шляпой, побѣждалъ ко рву мой недавній сожитель по палаткѣ, секундъ-майоръ Неклюдовъ, которому гадала цыганка.

«Прочь лѣстницы, — грудью, братцы, ура!» Онъ первый вско-
чилъ въ ровъ, ближніе за нимъ. Вонъ они ужъ на той сторонѣ.
Взбѣгая конья и штыки въ насыпь, атакующіа шеренги стали
взбираться на валъ. Егеря внизу осыпали выстрѣлами амбра-
зуры редута. Въ отблескѣ нашихъ свѣтящихся бомбъ и турец-
кихъ рвавшихся ракетъ было видно, какъ мокрый, испачканный
тиной, Невлюдовъ быстро карабкался по отвосу бастиона. Вор-
вавшись въ редутъ, онъ охриплымъ голосомъ вскрикнулъ: «съ
Богомъ, соколикъ! наша взяла!» воткнулъ надъ стѣной полковое
знамя и упалъ навзничь. Новенькая треуголка скатилась по эс-
карпу редута: онъ былъ раненъ на-вылетъ въ грудь изъ ближ-
ней турецкой батареи.

Въ шесть часовъ утра взошла на валъ вторая колонна
Ласси. Первая Львова и третья Мекноба должны были ее под-
крѣпить, но опоздали: Мекнобъ и Ласси одновременно и тяжело
были ранены, впереди своихъ полковъ. Ласси могъ еще коман-
довать. Съ прострѣленной рукой, онъ повелъ далѣе свой отрядъ
и штыками взялъ нѣсколько батарей за Хотинскими воротами.

На лѣвомъ флангѣ было хуже. Кутузовъ пробился севозь
уличные завалы, сквозь картечь и ятаганы янычаръ, предводи-
мыхъ братомъ крымскаго хана. Онъ овладѣлъ ужъ главнымъ
редутомъ, господствовавшимъ надъ этой частью города. Но силь-
ный отрядъ спасовъ, поддержанный артиллеріей и полкомъ тѣло-
хранителей сераскира, съ распущеннымъ зеленымъ знаменемъ,
зашелъ ему въ тылъ и сталъ охватывать какъ Кутузова, такъ
и сосѣднюю колонну, бывшую подъ начальствомъ раненаго въ
ту минуту Безбородко.

Побѣда ускользала изъ рукъ наступавшихъ героевъ. Осы-
паемые гранатами, бомбами и пулями; солдаты замаялись, стали
отступать. Въ это время былъ убитъ пулей командиръ пѣхот-
наго полковнаго поля, Яцунскій.

Молодой, русый, въ свѣтло-синей раскѣ, священникъ этого
поля вскочилъ на разбитый брустверъ, поднялъ крестъ и крик-
нулъ: «Что вы, братья? ранили вашего вождя? съ Богомъ, за
мною! — вотъ вашъ командиръ!»... Онъ бросился въ улицу; ближ-
нія роты за нимъ; но опять бѣгутъ въ разсыпную назадъ. По-
лоса дыма расцѣлилась. Легли сотни. Синяя ряса священника вид-
нѣлась въ грудѣ окровавленныхъ тѣлъ.

Въ это время къ Суворову подскакалъ знакомый мнѣ адью-
тантъ Кутузова, Кнохъ. «Дальше нѣтъ силъ наступать; просить
подкрѣпленій»... Онъ не докончилъ реляціи. Осколокъ лопнув-
шей вблизи гранаты ранилъ его въ плечо.

— Вехтѣвъ, аптечку сюда, аптечку! — крикнулъ, обращаясь

ко мнѣ Суворовъ:—костюда на пальцы треклятымъ изувѣрамъ! да вотъ что... побѣжай-ка къ Кутузову и скажи, нѣтъ отступленія! я жалую его комендантомъ Измаила и ужь послалъ курьера съ вѣстью о взятіи крѣпости...

«Благослови насъ Богъ!» отвѣтилъ на переданное мною Кутузовъ. Онъ потребовалъ къ себѣ сосѣдній херсонскій полкъ и, едва тотъ къ нему направился, командовалъ новымъ отчаяннымъ натискомъ, опрокинулъ анычаръ и тѣлохранителей сераскира, и на ихъ плечахъ, вкляда черезъ ручьи и каналы портативные мосты, ворвался въ пылавшій со всѣхъ концовъ городъ. Я не могъ двинуться обратно. Меня стиснули и повлекли наступавшіе далѣе и далѣе батальоны.

Не вдали, съ оглушающимъ трескомъ и гуломъ, взлетѣлъ на воздухъ пороховой подвалъ, взорванный турками подъ оставленнымъ ими бастиономъ. У моста горѣла мечеть, изъ оконъ и дверей которой гремѣли выстрѣлы засѣвшей тамъ горсти турокъ. Въ концѣ улицы поднимался громадный, черный столбъ дыма отъ зажженной нашими калеными бомбами главной казармы.

Меня съ лошадыю прижали къ мостовой оградѣ, трещавшей подъ натискомъ проходившихъ частей. Съ криками: «ну-ка, его! такъ-то, жарь!»—и стрѣляя на пути черезъ мостъ, валила пѣхота, за ней артиллерія, казаки и опять егеря. Картаульные единороги и дальнобойныя, кугорновскія пушки снимались съ передковъ, пѣшіе разступались, и картечь съ визгомъ хлестала по пустѣвшимъ, дымившимся улицамъ. Сзади черезъ головы летѣли снаряды изъ казацкихъ мортиръ. Еще взрывъ и еще пожаръ. Подъ Суворовымъ было убито двѣ лошади. Въ восемь часовъ утра онъ сѣлъ на третью и, при звукахъ трубъ, съ полками: свято-николаевскимъ, фанагорійскимъ, малороссійскимъ гренадерскимъ и петербургскимъ, прошелъ всѣ предмѣстья Измаила.

Началась перестрѣлка и страшная, безпощадная рѣзня, на птыкахъ и ятаганахъ, въ улицахъ пылавшаго со всѣхъ концовъ города.

Цѣлыя роты анычаръ и эскадроны спаговъ бросали оружіе и, ставъ на колѣни, протягивали руки, съ искаженными отъ страха лицами, моля о пощадѣ: «аманъ, аманъ!»—Суворовъ ѣхалъ молча, нахмури брови, не глядя на нихъ и какъ-бы думая: «сами захотѣли,—пробуйте!»... Остервенѣлые солдаты птыками, саблями и прикладами, безъ сожалѣнія, вляли въ лужи крови тысячи поздно-сдававшихся бойцовъ.

XI.

Я почиталъ мою миссію въ Кутузову оконченной. Его храбрый отрядъ выбилъ турокъ съ указанныхъ фортовъ и вошелъ въ ближайшія улицы. Я подъѣхалъ къ нему, съ цѣлью узнать, что онъ прикажетъ дополнить къ рапорту главнокомандующему? Михайлу Ларіонича я засталъ у какого-то сада. Прислонясь къ корявому, дуплисту орѣшнику, онъ жадно пилъ добытую въ сосѣднемъ колодезѣ воду. Мундиръ на немъ былъ растегнутъ, обрызганъ грязью и кровью; коса расплелась; руки и лицо въ пороховой копоти.

— Вонъ, за тѣмъ огородомъ, видишь?—объяснялъ онъ, переводя духъ, отѣзжавшему Гуськову: — бери взводъ, роту... не одолѣешь, дай знать Платову...

Не успѣлъ онъ кончить, откуда-то съ страшнымъ, сверлящимъ гуломъ и визгомъ, налетѣлъ тяжелый снарядъ. Что это было, граната, бомба или ядро? Перемахнувъ черезъ садъ, колодезь и наши головы, снарядъ обо что то хлопнулъ и, незамѣченный глазу, унесся далѣе. Лошадь Гуськова взвилась. Смотрю, онъ поблѣднѣлъ, сталъ склоняться съ сѣдла. Изъ обнаженного снарядомъ, благо волѣна хлесталъ кривой струей кровавой фонтанъ. Мы бросились къ раненому.

— Выхѣвъ!—крикнулъ Кутузовъ:—въ арсеналѣ,—видишь, двѣ башни?—наши пѣнные... Турки ихъ рѣжутъ... Бери бугцевъ—вонъ за огородомъ... не опоздать бы, голубчикъ... именъ моихъ...

Я поспѣвалъ къ указанному мѣсту. Что передумалось въ тѣ мгновенія, трудно изобразить. Не скажу, чтобы я не дорожилъ собственной жизнью; но мнѣ мучительно было мыслить, что меня убьютъ на пути и я не достигну цѣли. Свистѣвшія вправо и влѣво пули, разрывавшія здѣсь и тамъ гранаты я считалъ направленными именно въ меня. «Какъ? мнѣ не удастся оказать помощи? Эти несчастные, и между ними,—можетъ быть,—измученный голодомъ, цѣпями Ловцовъ»...

Я шпорилъ лошадь. Миновавъ одинъ переулокъ, другой, я достигъ огорода. Невысокій, рыжеватый и толстенькій маіоръ, тотъ самый, что спорилъ съ Ланжерономъ объ исходѣ войны, только-что собралъ разсыпанную межъ обгорѣлыхъ избушекъ и деревъ роту бугцевъ и, съ оторванной фалдой, поднявъ шпагу въ обмотанной чѣмъ-то, окровавленной рукою, сталъ выводить солдатъ въ опустѣлую, застывшуюся дымомъ улицу.

— Извергъ ты рода человѣческаго,—вричалъ маіоръ, съ вы-

мгченными на веснушечномъ лицѣ, сердитыми глазами, обращаясь къ плечистому, длинному, сконфуженно и робко шагавшему черезъ грядки, фельдфебелю: — турчанка въ шароварахъ ему, изволите видѣть, понадобилась! Бабъ имъ, треклятымъ йродамъ, давайте! сласти всякія, перины, чубуки! А ты прежде, распробестія, службу, а тогда и въ задворки...

Подсказавъ къ маіору, я передалъ ордеръ Кутузова.

— Что-жъ, берите, — бѣшено крикнулъ онъ, въ досадѣ и на меня: — матушкины, тетушкины отлички! все съ налету-съ! — продолжалъ онъ, озираясь на ходу: — ты вѣрой-правдой, а у тебя нивъ-подъ носа...

Столбъ дыма и земляныхъ комьевъ, какъ исполинскій косматый кусть, вдругъ съ трескомъ выросъ между грядокъ. Осколками разорвавшейся бомбы были за-жертво скопены и сердитый, въ веснушкахъ, ругавшійся маіоръ, и длинноногий, сконфуженный фельдфебель. Офицеровъ въ ротъ больше не было. «Стройся, сомьнись! — командовалъ я, слѣзая съ лошади: — лѣвое плечо впередъ, черезъ плутонгъ, скорымъ шагомъ... маршъ!» — Я повелъ роту къ арсеналу.

Любовь къ жизни, страхъ за жизнь, съ новой, еще болѣею силой, загорѣлись во мнѣ. — «Нѣтъ, меня не убьютъ и не рвануть!» думалъ я, шагая улицей, загроможденной обломками разрушенныхъ и гудѣвшихъ въ заревѣ пожара зданій, трупами враговъ и своихъ.

Гдѣ-то вправо трещала раскатыстая, частая перестрѣлка мушкетовъ; ближе за клубами дыма, летѣвшаго поперегъ улицы, слышалась турецкая команда и настигающія волны близкаго, русскаго ура. Команда и крики смолкли; очевидно, дѣло пошло на штыки.

Рота, предводимая мной, вышла на опустѣлую, обставленную каменными зданіями, площадь. Въ глубинѣ ея видѣлись съ двумя башнями, обнесенный сѣвостной оградой, арсеналъ. На столбахъ и выступахъ ограды висѣли трупы казенныхъ. Среди площади догоралъ костѣръ, и надъ нимъ на возьяхъ торчали обгорѣлые, безъ носовъ и ушей, живьемъ замученные плѣнники. Одинъ изъ страдальцевъ еще двигался. — «Видите, братцы? вотъ каковы изверги!» — крикнулъ я. — Не выдадимъ, выручимъ остальныхъ — подхватили егера.

Я раздѣлилъ роту на двѣ части. Одну выстроилъ подъ прикрытіемъ мечети, другую послалъ въ обходъ арсенальной ограды. Надо было пройти площадь, на которую съ незаятаго русскими береговаго редута, съ нашимъ появленіемъ, стали ложиться снаряды. Резервъ двинулся въ переулочъ. Остальныхъ я повелъ

дворомъ, прилегавшимъ къ арсеналу. На площади слышался конскій топотъ. За рѣшеткой показалась вучка нашихъ всадниковъ, скакавшихъ въ направленіи къ редуту. Впереди ихъ мнѣ бросился въ глаза, на небольшой каравовой лошади, въ блестящемъ мундирѣ, гвардейскій офицеръ. — «Ужли опять онъ?» — подумалъ я, пораженный встрѣчей.

— Опоздали графчики, — проговорилъ возлѣ меня лѣвый фланговый: — наши и пить туркѣ не дадутъ...

Я оглянулся. Со двора было видно, какъ на зеленые откосы рѣчного редута, точно муравьи, посыпались, поднимаясь выше и выше, самойловскіе егеря. Злое чувство еще злѣе сказалося во мнѣ въ обидчиву, не желавшему мнѣ дать сатисфакціи. — «И вотъ въ то время, — подумалъ я: — когда эта горсть храбрныхъ, не щадя себя, стремится исхитить отъ лютой гибели мучимыхъ братьевъ, — онъ сповоино гарцуетъ, поспѣвая въ лаврамъ, добываемымъ чужими руками. Ему бы, фанфарону, въ ломберъ теперь играть... Ловцовъ, другъ мой! — прибавилъ я мысленно, взглядывая на окна арсенала: — предчувствуешь-ли ты, кому суждено тебя спасти?»

Толпа зейбековъ, засѣвъ въ окнахъ и на башенныхъ крышахъ, стала осипать насъ выстрѣлами. Мы ворвались въ арсенальный дворъ. У воротъ лежалъ, съ отрубленными руками, старикъ монахъ, захваченный при послѣднемъ отступленіи Гудовича. На крыльцѣ валялась обезглавленная болгарка-маршантка. Возлѣ былъ брошенъ на-двое разсѣченный, обнаженный ребенокъ. А въ двухъ шагахъ отъ него, на угляхъ, въ чугунномъ горшкѣ варился плавъ съ бараниной и кипѣлъ въ котелѣ кофей.

Видъ истерзанныхъ мучениковъ остервенилъ солдатъ. Не слыша команды, они бросились къ внутреннимъ ходамъ. Поражаемые пулями, падали, стремились встать, и опять опускались. По нимъ, напирая другъ на друга, бѣжали задніе ряды. «Но кто же изъ нихъ убьетъ меня?» — думалось мнѣ при видѣ свирѣпыхъ, бородатыхъ лицъ, въ чалмахъ и фескахъ, выглядывавшихъ то здѣсь, то тамъ и въ упоръ стрѣлявшихъ изъ-за прикрытія: — «чей выстрѣлъ, чья пуля сразитъ меня и на вѣкъ оставитъ мое, такъ быющееся, сердце?»

Въ узкія окна правой башни повалилъ дымъ. Изнутри ясно слышались русскіе вопли — «горимъ, горимъ!» — «Наши! касатики!» гаркнули солдаты: — «лѣстницу, рѣшетки ломать!» — Егеря потащили отъ сарая какія-то жерди.

— Въ крайнее лѣвое цѣлься, бей на выстрѣлы! — закричалъ я, бросившись къ тѣмъ, которые стрѣляли изъ-за крылечного на-

шеса. Я думалъ этими выстрѣлами прикрыть ладившихъ и поднимавшихъ въ башнѣ лѣстницу.

Но мои мысли странно и рѣзко вдругъ прервались. Поднятая со шпагой, правая рука бессильно повисла. Въ глазахъ все завертѣлось и спуталось: жерди, солдаты, клубы дыма, повалившаго изъ окна, обезглавленная болгарка на крыльцѣ и разрубленный на-двое, курчавый, обнаженный ребенокъ.

Я, какъ помню, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и, съ жадной воздуха, побѣды, жизни и общаго счастья, ухватясь за сдавленную и вдругъ какъ-то страшно переставшую дышать грудь, бессильно и жалко, будто тотъ же ребенокъ, упалъ на чьи-то протянутыя, въ продиравленныхъ и стоптанныхъ сапогахъ, ноги. Мнѣ почудилось, а можетъ быть я впоследствии о томъ слышалъ отъ другихъ и принялъ это за дѣйствительность: дворъ арсенала огласился громкимъ, перекачистымъ ура. Изъ-за башни гудѣлъ топотъ быстрыхъ, подбѣгающихъ ногъ. «Мой резервъ» — подумалъ я, замирая въ сладкомъ забытьи.

Догадка моя оправдалась. Турки были сломлены и всѣ до одного переколоты. Плѣнныхъ спасли.

Не стану рассказывать, какъ я былъ поднятъ и доставленъ на берегъ, на перевязочный пунктъ. Своимъ спасеніемъ я былъ обязанъ морякамъ Рибаса, взявшимъ городъ со стороны рѣки.

— Ну, какъ чувствуешь себя? — спросилъ меня кто-то въ лазаретномъ шалашѣ, едва я очнулся отъ лихорадочнаго бреда.

Онъ, другъ и товарищъ дѣтства, Ловцовъ, былъ передо мной. Я не вѣрилъ себѣ отъ радости, хотѣлъ говорить, но меня остановили. Лекаръ, перевязавшій раздробленную въ локтѣ мою руку, сильно опасался, отъ чрезмѣрной потери крови, за исходъ моего леченія.

Раненыхъ некуда было дѣвать. Видъ ихъ страданій разрывалъ душу. У одного былъ на-искозь разсѣченъ черепъ, мозгъ выглядывалъ изъ-подъ окровавленныхъ, русыхъ волосъ. У другого осколкомъ гранаты была прострѣлена грудь; въ отверстіе раны было видно трепетавшее, блѣдно-розовое легкое. Хорошенькому темноволосому адъютанту Мекноба, который въ Яссахъ плѣнялъ всѣхъ, танцуя съ молдавскими красавицами чардашъ, отняли по колено ногу. Душный запахъ крови наполнялъ, открытый съ двухъ концовъ, оперативный шалашъ.

— Одначе держались и турки! — объяснялъ за мной Ловцову выбившійся изъ силъ лекаръ: — Каптанъ-Гирей вывелъ пятерыхъ сыновъ; всѣхъ ихъ доканали платовскіе казаки; онъ послѣдній

свалился на трупы дѣтей... Тѣло сераскира насилу распознали въ грудѣ крошеного мяса...

— А сколько всѣхъ турокъ убито?—спросилъ лекаръ подѣхавшаго штабнаго.

— Убито больше двадцати-трехъ тысячъ; въ томъ числѣ насчитано шестьдесятъ нашихъ... Взято двѣсти-пятьдесятъ пушекъ и до четырехъ-сотъ знаменъ...

— Кто же тебя освободилъ?—успѣлъ я спросить, вечеромъ ужъ, въ больницѣ, Ловцова:—какъ это было? ну, объясни, кто вломалъ дверь, кто вошелъ первый?.. ты знаешь, вѣдь... судьба...

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

— Да не стѣсняйся... я велъ, охъ, знаю... и все-таки...

Онъ склонился къ моему изголовью, оправилъ мнѣ волосы, постель. Исхудалое, блѣдное, обросшее бородой его лицо было сумрачно, важно. Въ глазахъ видѣлись слезы.

— Спасъ насъ тотъ,—сказалъ онъ,—кто и тебѣ дастъ спасеніе. Онъ одинъ... ему одному...

— Да о чемъ ты?

— Помнишь, въ ту ночь, въ лагерѣ—въ палаткѣ,—прошенталъ Ловцовъ, пригинаясь ко мнѣ:—припомни, я говорилъ тебѣ, ручался... Ахъ, Савватій, все время въ страданіяхъ, въ плѣну, я думалъ... Ее обманули, она неповинна ни въ чемъ.

Я горячо пожалъ руку Ловцову. Отвѣчать не имѣлъ силы. Тысячи терзаній подступали къ сердцу, и я искренно жалѣлъ, что не былъ въ тотъ день убитъ на-повалъ.

— Что дѣлать съ городомъ?—спросили Суворова, по взятіи Измаила.

— Дѣло прискорбное и—помилуй Богъ!—моему сердцу зѣло противное,—отвѣтилъ онъ:—но должна быть острастка извергамъ въ роды родовъ... Отдать его во власть, на двадцать-четыре часа, въ полное распоряженіе арміи...

Добычи было захвачено солдатами въ Имамнѣ больше чѣмъ на два милліона. Солдаты носили въ обозъ жемчугъ рукавицами. Во многихъ русскихъ селахъ долго потомъ встрѣчались арабчики-червонцы, персидскіе ковры и шелки.

Графъ Александръ Васильчъ послалъ фельдмаршалу въ Яссы рапортъ о штурмѣ: «Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила». Государынѣ онъ отправилъ особое донесеніе: «Гордый Измаилъ палъ въ стопамъ Вашего Величества».

На утро въ Измаилѣ, въ церкви греческаго монастыря св. Іоанна, пѣлся благодарственный молебенъ. Умершій отъ раны, генералъ Мекнобъ былъ похороненъ радомъ съ убитыми Вейсманомъ и Рибопьеромъ.

Шесть дней очищали городъ отъ труповъ и обломковъ сторѣвшихъ и разрушенныхъ канонадою зданій. Раненыхъ размѣстили въ двухъ удѣлѣвшихъ кварталахъ. Былъ пиръ на кораблѣ у Рибаса. Гремѣлъ гимнъ «Славься симъ, Екатерина». Салютовали пушки.

Спусти недѣлю, генералитетъ и прочее начальство пировали въ квартирѣ Павла Сергѣича Потемкина. Здѣсь Суворовъ узналъ отъ племянника Свѣтлѣйшаго о сдержанныхъ, хотя и благосклонныхъ на его счетъ выраженіяхъ въ реляціи Таврическаго императрицѣ о штурмѣ Измаила. Болѣе-жъ всего его обидѣло то, что рѣшили далѣе въ Стамбулу не идти и что князь послалъ съ донесеніемъ въ Петербургъ не кого-либо изъ дѣйствительно заслужившихъ эту порученность, а брата своего соперника, графа Валерьяна Зубова. Суворовъ, по обычаю, смолчалъ, но выразилъ свой достойный гнѣвъ инымъ, присутщимъ ему способомъ.

— Шутъ, блюдолизъ, двуличка, вилайка! — напустился онъ вдругъ на своего слугу, Бондарчука, служившаго за обѣдомъ у Павла Сергѣича: — дистракція, субординація! подаешь не по чинамъ. Высока лѣствица воинскаго чиновачанія! Съ нихъ начинай, — указавъ онъ на сидѣвшихъ въ концѣ стола оберъ-офицеровъ: — имъ и карты въ руки, а мы съ тобой здѣсь капральство, послѣдніе...

Вставъ изъ-за стола, Суворовъ отдалъ генераламъ послѣднія распоряженія, велѣлъ опять привести себѣ простую казацкую лошадь, велѣлъ Бондарчуку вздуть свою походную кадильничку и окурить себя ладаномъ, надѣлъ бараній тулупъ и верхомъ, въ сопровожденіи слуги, отправился обратно въ Галацъ, куда его фанаторійцы шли на зимнія квартиры. Въ лазаретахъ развились повальные горячки. Больныхъ стали вывозить въ сосѣдніе города. Я этого ужъ не помнилъ, такъ какъ заболѣлъ изъ первыхъ. Между офицерствомъ тогда пошла по рукамъ и читалась тайкомъ въ палаткахъ сатира остролова, Павла Дмитрича Циціянова: «Бесѣда російскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ». Здѣсь въ разговорѣ убитыхъ на войнѣ солдатъ, Двужильнаго и Статнаго, была изложена весьма ѣдкая критика на бывшій штурмъ и на Потемкина.

Встрѣча побѣдителя Иманна съ фельдмаршаломъ произошла въ концѣ декабря, того же 1790 года. О ней мнѣ впоследствии передавалъ Бауэръ.

Желая пристойными почестями салютовать подчиненнаго себѣ вождя, Потемкинъ рѣшилъ принять къ тому подобающія мѣры. Онъ послалъ въ Галацъ фельдъегеря, съ приглашеніемъ Суворову, буде онъ кончилъ должное, по времени года, расквартированіе войскъ, явиться къ нему въ Яссы.

Въ ожиданіи именитаго гостя, князь Григорій Александровичъ распорядился изготовить, для мужской и дамской части своей свиты, парадный обѣдъ, съ пѣвчими и съ вечернимъ, нарочито-приспособленнымъ, балетнымъ спектаклемъ; городъ же велѣлъ украсить флагами, иллюминаціей и триумфальными изъ декораций воротами.

Равставя отъ вѣзда въ Яссы и вплоть до своей квартиры нарочныхъ махальныхъ, Потемкинъ поручилъ адъютанту Бауэру доложить, лишь только генераль-аншефъ покажется въ улицахъ города. Тотъ засѣлъ въ залѣ, откуда дорога была видна на версту.

Суворовъ между тѣмъ спуталъ всѣ эти затѣи и предположенія. Его ждали въ приличномъ его званію и лѣтамъ, рессорномъ калѣшѣ, а онъ прибылъ на парѣ фурлейтскихъ, и притомъ ночью, въ рогожаной, аки-бы поповской долгущѣ. Упряжь была въ шорахъ, но веревочная. На запяткахъ сидѣлъ, въ польскомъ жупанѣ, съ вылетами, престарѣлый инвалидъ, на козлахъ кучеръ, въ широкополой молдаванской шляпѣ и въ овчинномъ, до пятъ, балахонѣ. Рано утромъ изъ самообѣднѣшаго арнаутскаго квартала генераль-аншефъ тѣмъ же цугомъ двинулся къ разукрашенной резиденціи Свѣтлѣшаго.

Смѣтливый Бауэръ угадалъ ожидаемаго гостя, какъ по странной формѣ ковылявшей, рогожаной долгущи, такъ и по необычному хлопанью въ княжескихъ воротахъ кучерскаго, длиннаго бича. Онъ предупредилъ фельдмаршала.

Князь Григорій Александровичъ бросился изъ комнатъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти и съ первыхъ ступеней, какъ увидѣлъ ужъ передъ собой Суворова.

— Чѣмъ я могу, сердечно-чтимый мой другъ, Александръ Васильичъ, — сказалъ онъ въ искреннемъ волненіи, обнимая графа: — тѣмъ долженъ наградить васъ за ваши заслуги?

— Другъ, другъ? — заспѣшилъ, взбѣгая съ оглядкой на крыльцо и закашливаясь, Суворовъ: — нѣтъ, ваша свѣтлость! что же, помилуйте-съ... Я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться... Не идти далѣе? прочь Стамбулъ? ну, и шабашъ... А

окромѣ Бога и моеѣ всемилостивѣйшей монархини никто награждать меня не можетъ, никто...

Князь измѣнился въ лицѣ. Отстуня, онъ сказалъ только: «Отъ тебя ли слышу?» — но видя, что гость молчитъ, обернулся и молча пошелъ въ зало. Тамъ Суворовъ вручилъ ему формальный о ходѣ дѣлъ рапортъ. Свѣтлѣйшій не взглянулъ въ бумагу.

— Публика верхняго парламента не одобритъ? министерія въ суетѣ и колеблется дальше идти? — спросилъ, гордо выпрямляясь и зажмуривъ глаза, Суворовъ: — мужайтесь, князь... Не придворные навѣты... вашъ геній... Исторія помянетъ вѣчнымъ признаніемъ ваши труды...

Фельдмаршалъ, не слыша его, глядѣлъ въ окно. Сдѣлавъ по залѣ нѣсколько неровныхъ, колеблющихся шаговъ, Потемкинъ и Суворовъ молча разстались и болѣе въ жизни не видѣлись.

Въ январѣ слѣдующаго, 1791 года, графъ Суворовъ, по зову императрицы, явился въ Петербургъ. Государыня приняла его, среди первыхъ лицъ двора, отъивно-внимательно и пригласила его въ столу...

— Гдѣ желаешь, батюшка-графъ, быть намѣстникомъ? — спросила Екатерина, за тостомъ въ честь его побѣдъ, поставя адъсь же въ лавровомъ вѣнкѣ, выписанный изъ Англій бюстъ нашего политическаго пособника оратора Фоса.

— И, матушка-царица, — отвѣтилъ, склоня голову, графъ: — ты слишкомъ любишь своихъ подданныхъ, чтобъ наказать мною какую либо провинцію. Я чуждаю, мальчишка, Алкивиадъ! знаю тысячу грѣшась, проказъ... Родился отъ мушкета, дай и кончить жизнь солдатомъ.

Потемкинъ, разгнѣвавшись въ Яссахъ на Суворова, ужъ болѣе ему не прощаль. Самый вызовъ побѣдителя Измаила въ столицу ему не нравился. Онъ высказался противъ пожалованія Суворову фельдмаршальскаго жезла и предоставилъ ему, за славный подвигъ, только чинъ подполковника преображенскаго полка.

Въ февралѣ Свѣтлѣйшій также поѣхалъ въ Петербургъ, какъ выражался, съ цѣлью вырвать больной зубъ.

Въ концѣ апрѣля онъ устроилъ для императорскаго дома свой знаменитый пиръ въ Конногвардейскомъ, впоследствии Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, въ торжество покоренія Измаильской крѣпости, предполагалось представить государынѣ плѣнныхъ пашей. Присутствіе въ столицѣ главнаго виновника достигнутой побѣды стѣсняло князя. За три дня до этого праздника, Екате-

рина, будто незначай, сказала, на вечернемъ собраніи въ эригтажѣ, Суворову:

— Я васъ, батюшка, Александръ Васильичъ, препозирую въ Финляндію, для осмотра и укрѣпленія тамошнихъ границъ. Что скажете на это?

Суворовъ молча припалъ къ рукамъ императрицы, у коей отъ невольной алтерациі красныя пятна выступили на щекахъ. Возвратившись домой, онъ послалъ за почтовыми, сѣлъ въ телѣжку, доскакалъ въ одну ночь до Выборга и утромъ оттуда послалъ съ курьеромъ государынѣ письмо: «Жду повелѣній твоихъ, матушка!»

Тамъ—до времени—графа и оставили.

ХП.

Четырехлѣтняя, предпринятая съ толикими надеждами и силами, война съ Турціей завершилась почти ничѣмъ. Поддержанная Англіей, Голландіей и Пруссіей, опасавшимися возрастанія Россіи, Оттоманская Порта отвергла мирныя условія русскихъ и рѣшилась продолжать войну. Рѣшительный, оставленный на Дунаѣ Потемкинымъ, 27-го іюля 1791 г. разбилъ визиря на-голову подъ Мачиномъ. Черезъ три дня послѣ этой побѣды, онъ заключилъ окончательный съ Турціей миръ. Австрійскій императоръ подписалъ съ Портой мирный договоръ повдѣе, въ августѣ, въ Систовѣ.

Россія потеряла много людей и денегъ, а гора родила мышь: мы остались при томъ же, чѣмъ начали. — «La guerre est une vilaine chose, monsieur!» — писала Екатерина Вольтеру о турецкой войнѣ.

Не долго затѣмъ здравствовалъ Свѣтлѣйшій. Рубежъ исполнискаго шествія въ славѣ былъ имъ пройденъ. Онъ не могъ легко пережить разбитыхъ въ дребезги гордыхъ мечтаній своихъ и обожаемой монархини. Новая восточная система, великая мысль возстановленія древней Византійской имперіи, должны были кануть съ того времени въ рѣку забвенія. Молва явила его, будто онъ стремился длить войну, съ цѣлью освободить Молдавію и Валахію и, снявъ съ нихъ турецкое ярмо, сдѣлаться съ своимъ потомствомъ ихъ всевластнымъ и независимымъ отъ Россіи государемъ.

Изъ Петербурга Потемкинъ выѣхалъ раздраженный и убийтій духомъ, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ сломить и грознаго ему возрастанія партіи Зубовыхъ. Передъ выѣдомъ онъ занимался разными примѣтами, толковалъ предчувствія, сны. Прибывъ въ

Яссы, князь заболѣлъ молдавской, злою лихорадкой и уже болѣе не поправлялся. Онъ вспоминалъ столичные пиры, жалѣя, что не вдоволь ими насытился, такъ какъ вдругъ получилъ странное убѣжденіе, что доживаетъ послѣдніе дни.

Случился при томъ весьма печальный, имѣвшій на князя неотразимое вліяніе, казусъ. Въ августѣ, въ Галацѣ скончался покровительствуемый имъ генералъ, братъ супруги цесаревича, принцъ Виртембергскій. На отгѣваніи принца, Потемкинъ вышелъ изъ церкви—гуча тучей. Больной и утомленный давней и духотой, онъ въ разсѣянности, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на траурныя, гробовыя дроги, поданныя для повойника. Воображеніе его было этимъ такъ потрясено, что онъ лишился сна и сталъ на себя не похожъ. Постоянная взволнованность и несоблюденіе дѣтъ вызвали нервическую горячку. Князь рвался къ своей любимой Новороссіи...

Подписавъ дрожащей рукой инструкціи Самойлову, онъ въ сопровожденіи своей племянницы, молодой графини Браницкой, и правителя канцеляріи Попова, выѣхалъ чуть живой въ Николаевъ. Въ сорока верстахъ отъ Яссъ, онъ почувствовалъ приближеніе кончины.

Было теплое, тихое осеннее утро.

Свѣтлѣйшій сталъ безмѣрно метаться и тревожиться. Со словами: «Теперь некуда больше ѣхать... стойте! хочу умереть въ полѣ!» — онъ велѣлъ вынести себя изъ кареты. На травѣ, изъ казацкихъ дротиковъ и ковровъ, устроили шатѣръ, возлѣ на-скоро разостлали бѣлый, фельдмаршальскій плащъ князя. Онъ обратилъ взоръ на безоблачное небо, обнялъ подаренный государыней, походный образъ Спаса, проговорилъ: «прости, милосердная мать-государыня!» и тихо скончался на рукахъ плачущей красавицы, графини Браницкой.

Узнавъ о смерти Свѣтлѣйнаго, Суворовъ прослезился и сказалъ: «Се человекъ—образъ мірсвой суеты! помилуй Богъ!.. бѣги отъ него, мудрый! А что до нашихъ замысловъ о Турціи, не мы исполнимъ высокую задачу, наши внуки, правнуки»...

Съ другими больными и ранеными на штурмѣ Измаила меня препроводили въ концѣ декабря 1790 г., въ Галацъ. Я пришелъ въ полное сознаніе и сталъ оправляться лишь въ началѣ февраля. Подживленіе раздробленной руки, задержанне горячкой, пошло успѣшнѣе съ весеннимъ воздухомъ и тепломъ.

Квартировалъ я въ небольшомъ уютномъ домикѣ, недалеко отъ опустѣлой квартиры Суворова. Дунай освободился отъ льда. Наступилъ мартъ. Кто вездоравливалъ, слѣпилъ на почтовыхъ

и не рѣкъ на родину, откуда такъ рѣдко въ то время доходили вѣсти. Я давно не ни́къ писалъ отъ матери.

Пользуясь разрѣшеніемъ прогулокъ на воздухѣ, я пробирался, съ забинтованной рукой, на берегъ, садился у пристани и, въ ожиданіи срочныхъ австрійскихъ судовъ, весьма неаккуратно разосыпавшихъ почту, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ въ синюю даль, думая о родникѣ и обо всемъ, что я въ ней оставилъ.

Однажды,—это было передъ вечеромъ,—тихотно прождавъ или проглядѣвъ почтовый парусъ,—я пришелъ утомленный на квартиру, велѣлъ поставить самоваръ, сѣлъ у окна въ кресло и заснулъ. Мнѣ грезилась Гатчина, отпущавшій меня великій князь-цесаревичъ, мать, совѣтовавшая забыть измѣнницу, усадьба Горокъ, Ажигины. Долго ли спалъ я, не знаю, только почувствовалъ, что меня будятъ. Открылъ глаза, передо мною дѣшница Якушъ, изъ родныхъ владимірцевъ.

— Что тебѣ?—спросилъ я, неясно различая въ примеркеи комнатѣ его лицо.

— Ваше благородіе спрашиваютъ,—какъ-то странно оглядывая и многогласа отбѣтилъ, обыкновенно невыносимо басившій, Якушъ.

— Кто?.. да говори же, ахъ! что тамъ?

— Письмо-съ,—проговорилъ онъ, подавая пакетъ.

«Ужъ не хватилъ ли черезъ край, съ хохлойкой, ракинъ?»—подумалъ я.—«Отъ родителей!»—добавилъ я въ мысляхъ, вскрывая пакетъ: «наконецъ-то, послѣ столь долгихъ ожиданій. Здоровы-ль они, дорогіе, и знаютъ ли, что мы скоро увидимся, что моему пребыванію на Дунаѣ вотъ-вотъ конецъ?»

Поднеся письмо къ окну, еще освѣщенному лучами заката, я сталъ его читать, протеръ глаза, опять взглянулъ въ бумагу и чуть её не выронилъ.

Письмо было за подписью оберкамердинера его высочества, Ивана Павловича Кутайсова; но, разумѣется, сочинено не имъ, а кѣмъ-либо изъ приближенныхъ къ государю-цесаревичу сановниковъ. Во всякомъ же случаѣ по его слогу прошло въ перо и болѣе высокой особы.

Такъ въ то время писывались цидулки не въ одному изъ очастливленнхъ службой при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Вотъ его копія.

— «Господинъ, его высочества гатчинскихъ морскихъ батальоновъ, бывшій мичманъ, Вехтѣвъ! Вы и вдали отъ насъ, въ походахъ и въ битвахъ съ негѣрными, паче-жь всего прочаго, при славномъ штурмованіи измалъской, сильной фортеціи, гдѣ при томъ тяжело и ранены,—не уронили чести знамени, воему

служите. Оправдавъ во всемъ, какъ подобаетъ достойному россійскому гражданину, возлагавшіяся на васъ велѣнія начальства и надежды всѣхъ, знающихъ вашъ нравственный квалитѣтъ, вы не пошли по стопамъ хлѣбодцевъ, томъо вертящихся на пирушкахъ и въ контраганцахъ, и тѣмъ дали прежнему вашему ближайшему командиру пріятный долгъ, утруждать о васъ вселюбезнѣйшую нашу и свято чтимую всѣми государыню, родительницу его высочества. Генераль-аншефъ, графъ Суворовъ, благосклонно поддержалъ о васъ аттестацію. А посему, спѣшу тебя, старый знакомецъ, обрадовать: вы вчера произведены, не въ примѣръ прочимъ, въ капитаны арміи и получили аяненскій третьей степени крестъ, а сегодня назначены, съ соизволенія и по мысли графа Александра Васильича,—буде ваше здоровье то дозволитъ и вы въ томъ изъявите довольство,—командиромъ второго батальона бугскихъ стрѣлковъ, съ конми вы столь мужественно отбили въ оной фортеціи россійскихъ, военнаго и статскаго званія, плѣнниковъ. А теперь скажу тебѣ конфиденціально и нѣкую приватную просьбу. Государь-наслѣдникъ и великая княгиня, его супруга, навели точныя и несомнѣнныя справки о поступившей пепиньѣркой въ воспитательный, для круглыхъ сиротъ домъ, вашей знакомѣ, достойной дѣвицѣ изъ дворянъ, Прасковѣ Львовнѣ Ажигиной. Великая княгиня узнала ея рѣдкій, чистый нравъ и высокія добродѣтели. Госпожа Ажигина ни передъ Богомъ, ни передъ тобой ни въ чемъ неповинна. Случай съ нею былъ особливо-фатальный и противъ ея воли. Прости ее, какъ и она сама, столько претерпѣвъ, простила въ душѣ своего оскорбителя. Забудь все и да не зайдетъ солнце въ грѣбѣ твоемъ. Господинъ секундъ-маіоръ и кавалеръ, Вехтѣвъ! Двѣ нѣкія, высокаго ранга, вѣдомыя вамъ персоны просятъ васъ принять пропозицію сватовъ и не отказать въ рукѣ бывшей вашей невѣстѣ. Господь да благословитъ ее и тебя, голубчикъ, на многія лѣта и долгое счастье. За симъ есмь, впрочемъ, всеповорный и отмынно-готовый ко услугамъ вамъ, Иванъ Кутайсовъ. Гатчина, марта втораго, 1791 года». — Приписка: — «А подателемъ сего, угадаешь-ли, кто вывалялся быть?»

— Гдѣ? гдѣ?—вскрикнулъ я, не помня себя и опрометью бросаюсь къ двери.

Въ стемнѣвшей, тѣсной горенѣ что-то въ дорожной, темной и смятой одеждѣ прошумѣло отъ порога и съ воплемъ повисло у меня на груди. Я обхватилъ, прижалъ исхудалую, безмольвную гостью, привлекъ къ окну дорогое, заплаканное лицо, силясь прочесть на немъ мою радость, счастье...

— Прости меня, Саввушка, — прѣговорила, обвиняя меня, Пашута: — я тебя никогда, никогда не переставала любить.

Свадьбу мы сыграли въ маѣ, въ Горкахъ, куда мнѣ дали полугодовой, для поправленія здоровья, отпускъ. Туда прѣѣхали и мои родители. Великій князь Павелъ Петровичъ прислалъ въ презентъ новобрачной чайный, севрскаго фарфора, сервизъ, а мнѣ въ миниатюрѣ весьма схожій, на слоновой кости, свой портретъ. Отецъ, благодаря заступничеству Потемкина, успѣлъ окончательно спасти наше имѣнiе отъ захвата стараго графа Зубова, и былъ въ отчужденномъ духѣ. На свадебномъ балѣ онъ танцевалъ гавотъ съ моей тещей. Мать, узнавъ невѣстку, охотно съ ней примирилась, а съ моей тещей дружески сыграла шесть партій въ мазао и въ модный тогда гамбонъ. Послѣ бала сожгли фейерверкъ въ саду у грота, надъ прудомъ. Веселье было на цѣлый уѣздъ.

Во время иллюминаціи, Пашута взяла меня подъ руку и, непримѣтно для прочихъ, провела верхними аллеями къ дому, гдѣ на цвѣточной площадкѣ я въ памятную, тяжелую ночь, ѣдучи на Дунай, обломалъ и выдернулъ посаженный нами когда-то дубокъ.

— Вотъ онъ, — сказала Пашута, подведя меня, межъ сиреневыхъ и розовыхъ кустовъ, къ срединѣ площадки — онъ цѣль! Я нашла его тогда утромъ, вновь посадила и вырастила моими слезами и молитвами о тебѣ...

Прошло девять лѣтъ. Я былъ вполне счастливъ съ Пашутой. Какая это была жена и мать, и какъ я ее любилъ!

Въ послѣдній годъ царствованія незабвеннаго для меня, рѣцарски-возвышеннаго и столь мало оцѣненнаго современнымъ міромъ, императора Павла, я былъ произведенъ въ секундъ-майорн и вскорѣ назначенъ командиромъ фанаторійскаго полка. Поворотель Исмаила ужъ отошелъ въ вѣчность.

Какъ истый Россіянинъ, я рѣшилъ помылится праху безсмертнаго, всевѣстнаго побѣдителя, и встать отвезти изъ Бендеръ въ кадеты въ сѣверную столицу, гдѣ такъ давно не былъ, старшаго, восьмилѣтняго моего сына, Сергѣя, на память коему, впоследствии, я озабочился стать сочинителемъ и сей исторіи. Совершивъ оную побѣдку, я милю самую близость моего жизненнаго разрушенія содѣлать безмятежною и мирною.

Былъ мартъ 1801 года. Прибывъ въ Петербургъ, я осмѣлился искать счастья представиться императору Павлу, для чего и за-

нисался въ приемной графа Ивана Павловича Кутайсова. Петербургъ сталъ неузнаваемъ. вмѣсто пышности—простота, вмѣсто веселья, картъ, попоекъ—служба, суровость, дисциплина, тишина. Новыя лица властвовали, новыя партіи складывались...

Государь не замедлилъ назначить мнѣ аудіенцію. Это было въ недавно-отстроеномъ, Михайловскомъ дворцѣ. Я не узналъ Павла Петровича. Куда дѣлся свѣтлый, какъ бы окрыленный взоръ, нѣкогда стремившійся къ Дунаю, вслѣдъ за суворовскими орлами? Куда дѣлась легкая, статная походка и этотъ въ бархатномъ колетѣ всадникъ, скакавшій на своемъ бѣломъ Помпониѣ по мирнымъ гатчинскимъ садамъ? Передо мной былъ озабоченный, въ суровыхъ морщинахъ и примѣтно посѣдѣвшій отъ раннихъ, немолчныхъ тревогъ, вѣчный дѣлецъ.

— Полковникъ Вехтѣвъ! очень радъ!—сказалъ императоръ, приветливо поднимаясь на встрѣчу мнѣ отъ груди бумагъ:—радъ видѣть стараго гатчинца. Ну, какъ живешь, что семейство, жена?

Тутъ усталые, когда-то живые и ясные глаза Павла Петровича засвѣтились знакомою, мягкой улыбкой.

— Ты счастливѣе меня,—проговорилъ онъ, выслушавъ мои отвѣты на рядъ быстрыхъ, отрывистыхъ вопросовъ.

Послѣ нѣкоторыхъ воспоминаній о Гатчинѣ и о суворовскихъ походахъ въ Италію и Францію, государь задумался, тревожно прошелся по комнатамъ и, пристально взглянувъ на меня, произвѣсь:

— Вехтѣвъ! я знаю о твоей побѣдѣ въ Парижѣ.

Я почтительно склонился.

— Ты дѣльный, исполнительный человекъ. Понадобишься мнѣ. Не забуду тебя, пришло за тобой.

Тѣмъ первое свиданіе кончилось. Дня черезъ два за мной явился курьеръ. Тотъ же благосклонный пріемъ и то же обнадѣженіе высочайшею милостью. Покончивъ чтеніе какой-то присланной отъ канцлера бумаги, государь подошелъ къ окну, взглянулъ на Лѣтній садъ, видѣвшійся изъ дворца, и, по нѣкоторой паузѣ, изволилъ промолвить, что посылаетъ съ повелѣніемъ къ наказному атаману войска Донского, Орлову, съ изготовленными дополнительными планами и маршрутами въ Инду и Гангесу...

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. Величіе и смѣлость рѣшеннаго, почти легендарнаго предпріятія ошеломили, подавили меня. Глубоко тронутый довѣріемъ и новою милостью монарха, я возвращался на

Здѣсь «Записки Вехтѣва» превращаются. Конецъ рукописи былъ, очевидно въ послѣдствіи, вѣтъ-то оторванъ и, сколько о томъ ни старались, не найденъ нигдѣ.

Посѣтивъ В***ю губернію, я ослѣдствовалъ о помѣстьи, принадлежавшемъ въ прошломъ вѣвѣ роду Ажигинныхъ. Деревня Горки существуетъ и до-нынѣ и находится во владѣніи Петра Сергѣича Вехтѣева, внука автора здѣсь приведенныхъ мемуаровъ.

Еще бодрый, румяный, съ сѣдыми усами и съ такою же окластой бородой, шестидесятилѣтній старикъ, Петръ Сергѣичъ, узнавъ цѣль моего заѣзда, принялъ меня очень радушно. Я попалъ въ Горкахъ на семейный праздникъ а именно на день рожденія семилѣтней внучки хозяина, Фленушки.

Виновица праздника была очевидно любимицей всей семьи. По-знакомясь со мной, она подвела меня къ двумъ фамиліинымъ портретамъ, изображавшимъ красивую, въ напудренной, высокой прическѣ, сухощавую даму, и добродушнаго, полного, съ краснымъ отложнымъ воротомъ и однимъ эполетомъ, мужчину.

— Это моя прабабушка, а вотъ ея мужъ!— сказала быстроглазая, коротко-остриженная и живая Фленушка, взглядывая сбоку, какое впечатлѣніе произведутъ на меня ея слова:— прадѣдушка былъ добрый, а она... злюба.

— Почему?— удивился я.

— Она... ахъ, нѣтъ! то не она, а другая прабабушка! та бросила жениха и не любила копейкъ... а вы любите?

— Этотъ ребенокъ такъ все замѣчаетъ и ничего не боится!— посѣвшила мнѣ объяснить, отводя меня, мать Фленушки:— представьте, недавно я призвала управляющаго и говорю— вынесите въ саду на полянахъ траву; тамъ много ящерицъ, Флена увидитъ и еще испугается. А она тутъ же запустила руку въ фартухъ и мнѣ въ отвѣтъ: помилуйте, мама, у меня ужъ два дня вотъ живая ящерица въ варманѣ, и я ее кормлю сахаромъ.

— Суцая, кажется, Пашута,— сказалъ я.

— Кто это?

— Да ея прабабушка, — отвѣтилъ я, разглядывая портретъ напудренной дамы.

Семья Вехтѣевыхъ, какъ и весь этотъ, точно забытый временемъ уголокъ, была очень симпатична и своеобразна. Каменный, старинный домъ, съ цвѣтными изразцами печей, съ семидюймовыми часами, съ отдѣланной въ бронзу мебелью и венеціанскими, въ стеклянныхъ рамахъ зеркалами, такъ и вѣялъ прошлымъ вѣкомъ. Говорили о начавшейся войнѣ съ турками, о переходѣ Дуная и Балканъ. Сынъ хозяина, отецъ Фленушки, былъ въ дѣйствующей арміи, писалъ о Тырновѣ, о Шибкѣ. О немъ говорили сдержанно, робко. Извѣстій отъ него давно ужъ не было. На мой вопросъ, какъ кончалъ жизнь Савватій Ильичъ? мнѣ отвѣтили, что онъ былъ убитъ подъ Бородинымъ.

Его сынъ Сергѣй, отецъ нынѣшняго владѣльца Горокъ, служилъ въ двадцатыхъ годахъ во флотѣ и умеръ въ Италіи, раненый въ Наваринскомъ бою.

Существованія привезенныхъ мной записокъ никто не подозрѣвалъ. Ихъ чтеніе было устроено въ портретной, въ кругу всей семьи. Я и невѣстка Петра Сергѣича, бывшая смолянка, читали вслухъ по-очереди. Старинные портреты, работы Тишбейна, Левицкаго и ихъ учениковъ, какъ живые, привѣтливо глядѣли изъ потемнѣвшихъ, фигурныхъ рамъ.

Послѣ первыхъ главъ рукописи, Фленушка засутилась, сбѣгала куда-то и, принеся свѣжій дубовый листокъ, молча положила его передо мной. Выслушавъ конецъ записокъ, она принесла фарфоровую, разрисованную чашку.

— Я не знала прабабушки, — сказала она: какая она добрая! теперь я никогда, никогда...

— Не бросишь жениха? — спросилъ внучку, съ густымъ, простодушнымъ смѣхомъ, дѣдъ: а вотъ ты лучше покажи гостю Дунюшкѣ сундукъ...

Дѣвочка молча прижалась къ матери.

Дунюшка полвѣка сряду была слугой въ этомъ домѣ и въ ея сундукѣ, оставшемся, десять лѣтъ назадъ, послѣ ея смерти, хранились между разнымъ хламомъ семейныя бумаги Вехтѣвыхъ, связки писемъ, лечебники, травники и пр. Флена любила рыться въ кладовой въ этомъ сундукѣ, разобрать документы котораго хозяева все откладывали.

Въ тотъ же вечеръ вся семья собралась въ чай на цвѣточную площадку, подъ дубомъ. На чайный столъ былъ поставленъ жалованный, съ пастушками и амурами, северскій сервизъ. Толковали о Потемкинѣ, Суворовѣ, о Екатеринѣ и Павлѣ.

Освѣщенный яркимъ лѣтнимъ багрецомъ на маковѣхъ и сбоку отъ пруда, столѣтній, снизу стемнѣвшій дубъ, далеко простиралъ свои вѣтви надъ поминавшей давнѣе, забытые годы семьей.

Григорій Данилевскій.

ОФФИЦІАЛЬНАЯ ТУРЦІЯ

ВЪ

ЛИЦАХЪ

Stambul und das moderne Türkenthum. Politische, sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen. Leipzig, 1877.

Окончаніе.

V 1).

Учрежденное еще въ 1847 году, министерство народнаго просвѣщенія въ Турціи существуетъ уже 30 лѣтъ. Впрочемъ, вся дѣятельность его состоитъ лишь въ томъ, что оно ведетъ списки учителей съ означеніемъ ихъ именъ и содержанія; случилось, что министромъ народнаго просвѣщенія дѣлался человѣкъ, который ничему самъ не учился, кромѣ каллиграфіи, и въ тому умѣлъ всякими паясничествами забавлять султана Абду-ль-Азиза; такимъ былъ, напримѣръ, Невресъ-паша. Иногда правительство, вкупѣ съ министерствомъ, время отъ времени принималось за нѣкоторыя улучшенія въ дѣлѣ народнаго образованія; но эти начинанія такъ и оставались только начинаніями и не вели ни къ какимъ путнымъ результатамъ. Такъ, въ началѣ 50-хъ годовъ постановлено было составить учебникъ по всеобщей исторіи. Съ этой цѣлью было учреждено три коммиссіи: для древней, средней и новой исторій. Каждая коммиссія состояла изъ трехъ лицъ—

¹⁾ См. выше, янв., 275 стр.

предсѣдателя, который только курилъ трубку, христіанина, на которомъ собственно и лежалъ весь трудъ, да письмоводителя, которому нечего было писать. Предсѣдателемъ комиссіи для древней исторіи былъ Субхи-паша, весьма ученый человекъ, который нѣсколько серьезнѣе другихъ смотрѣлъ на дѣло, и не нѣ-которымъ вопросамъ обращался къ одному европейцу за совѣ-тами. Въ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, Субхи-паша совершенно серьезно говорилъ ему: «Въ вашихъ исторіяхъ многое разсказы-вается о какомъ-то Кирѣ, который будто бы основалъ Персид-ское государство, тогда-какъ наши историческія книги ничего не знаютъ объ этомъ человекѣ; только въ одномъ сочиненіи я на-шелъ, что Киръ былъ верховнымъ визиремъ Навуходносора, и мнѣ сдается, что все, что европейцы толкуютъ о Кирѣ и его преемникахъ, есть чистѣйшій вымыселъ. Вотъ если бы мнѣ могли указать на какой-нибудь восточный источникъ, которымъ бы под-тверждались эти сказанія—это было бы другое дѣло!» Европейецъ возразилъ ему на это, что можно назвать не одинъ, а нѣсколько такихъ источниковъ, и указалъ ему на книги ветхаго завета, а именно на книгу Эздры, Нееміи и Эсѣири; затѣмъ, на Бигистун-скія клинообразныя надписи, которыя находятся близь турецкой границы на пути изъ Багдада въ Гамаданъ, въ которыхъ сохра-нились подробныя свѣдѣнія о Даріѣ, сынѣ Гистаспа, и его ди-настіи, начиная отъ Кира до его времени, не говоря уже о дру-гихъ меньшихъ памятникахъ въ Персеполѣ, Гамаданѣ и въ ту-рецкихъ предѣлахъ близь Вана, изъ которыхъ можно достаточно убѣдиться по-крайней-мѣрѣ въ существованіи Кира, Дарія и Ксеркса. Но ученый предсѣдатель скоро нашелся, что отвѣтить на это. «Ветхій заветъ», сказалъ онъ, «искаженъ евреями и христіанами и, слѣдовательно, вовсе не достовѣрный источникъ. А что касается до клинообразныхъ надписей, то хотя многіе европейскіе ученые и утверждаютъ, будто они въ состояніи чи-тать ихъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это только пустое хвастовство, *fable convenue*, которую они, какъ и мно-гое кое-что другое, хотѣли бы навязать свѣту».

Нужно замѣтить, что, по мнѣнію могаммеданъ, только тѣ мѣста Библии искажены евреями и христіанами, въ которыхъ будто бы воевѣщалось о посланничествѣ Могаммеда; а Субхи-паша распространилъ этотъ предрасудокъ, ограничивающійся, при томъ, чисто-догматическимъ вопросомъ, на весь ветхій заветъ цѣликомъ.

Такъ послѣ ничего и не слышно было о тѣхъ трехъ ком-миссіяхъ.

Верховный визиръ Аали-паша исходатайствовалъ у султана

высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы члену драгоманата Ахмеду-Хыльми-эфенди поручено было перевести какой-нибудь изъ иностранныхъ учебниковъ исторіи для школьнаго употребленія. Порученіе было исполнено, и когда первый томъ труда былъ напечатанъ, Ахмедъ-Хыльми-эфенди представилъ его въ министерство. Тутъ по этому поводу происходило долгое совѣщаніе, а потомъ приглашенъ былъ самъ переводчикъ, и ему возражали въ такомъ родѣ:

«Вотъ вы пишете здѣсь объ Авраамѣ, другѣ Божиемъ — миръ надъ нимъ! — а совсѣмъ не упоминаете объ огнѣ, которымъ хотѣлъ его сжечь Нимродъ; а было весьма встати упомянуть объ этомъ и разъяснить читателямъ, былъ ли этотъ огонь зажженъ фосфорными спичками, или инымъ какимъ-либо способомъ». А.-Хыльми отвѣчалъ на это: «Такъ какъ Авраамъ не былъ современникъ Нимрода, то Нимроду не могло и въ голову придти осуждать Авраама на сожженіе». — «Вы пишете здѣсь, далѣе, о Соломонѣ, сынѣ Давида — миръ надъ ними обоими! — и о храмѣ, построенномъ имъ въ Иерусалимѣ; а не упоминаете при этомъ, что храмъ-то былъ выстроенъ, по повелѣнію Соломона, геніями. Намъ думается, что подобная книга не годится для нашихъ школъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы сдѣлать учебникомъ исторіи въ нашихъ школахъ «Житія святыхъ» (т.-е. магометанскихъ).

А «Житія святыхъ» — книга, составленная тѣмъ самымъ членомъ учебнаго совѣта, который производилъ допросъ.

Переводчика попросили опять удалиться изъ засѣданія совѣта, въ которомъ затѣмъ произведено было голосованіе насчетъ того, какой учебникъ ввести въ школы. Само собою разумѣется, что единогласно рѣшено было въ пользу «Житія святыхъ». Въ это время входитъ министръ народнаго просвѣщенія, Субхи-паша, и спрашиваетъ, о чемъ шла толка. Когда ему подробно изложили сущность дѣла, — онъ заявилъ: «господа, вы не имѣете никакого права разсуждать объ этомъ: его величество султанъ повелѣлъ перевести эту книгу и употреблять ее въ школахъ, и вы совершенно не въ правѣ подвергать баллотировкѣ высочайшее повелѣніе, а тѣмъ болѣе постановлять рѣшеніе, противное этому повелѣнію».

Такимъ образомъ, «Житія святыхъ» опять были устранены; но не лучше стало и съ другою книгою: все изданіе было сдано въ министерство и до сихъ поръ гниетъ гдѣ-то въ подвалѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что простое народонаселеніе, преимущественно анатолійское, по свидѣтельству многихъ, жившихъ среди него, путешественниковъ, имѣетъ многія хорошія каче-

ства — честность, умеренность, трудолюбие, гостеприимство и обходительность; но оно погружено во мракъ самаго первобытнаго невежества и суевѣрія, вѣдреннаго въ него правовѣріемъ, исламомъ. Что же касается до того класса, который и долженъ бы быть проводникомъ въ свою націю европейской цивилизаціи и культуры, т. - е. классъ чиновной аристократіи, стамбульскихъ эфенди, то онъ представляетъ собою полнѣйшую деморализацію. Обезпеченный должностною монополіею и преждевременно истощаясь, еще въ томъ возрастѣ, когда европейскій юноша едва только вступаетъ въ права мужской зрѣлости, этотъ классъ съ каждымъ поколѣніемъ становится все хуже и хуже не только въ интеллектуальномъ, но и въ физическомъ отношеніи. Кто, будучи врачомъ, или учителемъ, или въ иной-какой профессіи, имѣлъ случай ближе познакомиться съ семейными отношеніями этихъ людей, тѣ единогласно утверждаютъ, что развѣ еще перво-рожденный ребенокъ, продуктъ сравнительно еще здороваго организма, обладаетъ всѣми физическими и умственными способностями, пока онъ самъ впоследствии не растратилъ ихъ всякаго рода излишествами; дѣти же, рождающіеся позже, сплошь и рядомъ бывають болѣе или менѣе золотушные, слабоумные, вялы и лѣнливы. Вслѣдствіе этого уровень умственнаго образованія въ этомъ классѣ у турокъ годъ-отъ-году все падаетъ. Немногія исключенія, какія выдаются своимъ талантомъ и способностями, не принадлежать въ стамбульскому населенію. Напр., Ахмедъ-Вефикъ-паша — сынъ перешедшаго въ мусульманство еврея и гречанки; теперешній верховный визирь Эдхемъ-паша — грекъ, попавшій въ руки турокъ еще мальчикомъ во время хіосской катастрофы 1822 г.; Субхипаша сынъ гречанки изъ Морей; недавно, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія Мюнифъ-эфенди — арабъ изъ Антаба и т. д. Только Решидъ-паша, Аали-паша и Фуадъ-паша составляютъ замѣчательныя исключенія. Послѣдній происходитъ изъ конійской фамиліи Кечеджі-Задѣ, существующей 300 — 400 лѣтъ. Наслѣдственный порокъ сердца грозитъ и этой фамиліи скорымъ и неминуемымъ превращеніемъ.

Но и эти замѣчательныя личности ничего не могли произвести: здравое пониманіе ими вещей и лучшія ихъ стремленія парализовались односторонностью или недостаткомъ энергіи, коренившимися въ нѣкоторыхъ своеобразныхъ условіяхъ быта оффиціальнаго турецкаго міра и его общихъ религіозно-нравственныхъ понятій. При такихъ условіяхъ дѣло образованія не много можетъ выиграть. Кто вопліяъ понимаетъ значеніе образованія, тотъ приступаетъ къ нему, откинувъ всякое самолюбіе и воору-

жившійся энергіею и готовностью употребить на него всё силы и средства свои. Иначе относятся къ этому дѣлу въ Турціи: выучившіеся кое-чему сейчасъ начинаютъ мечтать о себѣ какъ о свѣтилахъ мудрости и относиться свысока къ вещамъ, которыхъ хорошенъко не понимаютъ; или же дѣлаютъ изъ образовательныхъ предпріятій спекуляцію, а чаще относятся къ дѣлу образования съ полнымъ равнодушіемъ и не выказываютъ никакой готовности содѣйствовать его развитію и возвышенію. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Ахмедъ-Вефיקъ-паша играетъ теперь такую видную роль въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ въ Турціи, что мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этой личности. Какъ уже сказано было, онъ не принадлежитъ къ турецкой расѣ: въ его жилахъ течетъ смѣшанная, семитическая и греческая кровь; самыя черты лица показываютъ его семитическое происхожденіе. Безспорно, что онъ одинъ изъ свѣдущихъ и образованныхъ турокъ, вышедшихъ изъ переводческаго бюро министерства иностранныхъ дѣлъ. Во время визирства Решидъ-паши онъ всецѣло углубился въ изученіе славнаго прошлаго оттоманской имперіи. Въ 1848 году онъ былъ делегатомъ со стороны Порты на конференціи въ Бухарештѣ, результатомъ которой была Балто-Лиманская конвенція, вскорѣ, впрочемъ, утратившая свою силу вслѣдствіе новыхъ событій въ Молдавіи и Валахіи. Послѣ того онъ занималъ много различныхъ должностей, но не выдвигался замѣтно. Чистокровные стамбульскіе эфенди смотрѣли на него какъ на *homo novus*; да и онъ не упускалъ случая давать имъ чувствовать свое умственное превосходство. Грубость тона, которую онъ позволялъ себѣ даже и въ отношеніи къ европейцамъ, была причиною враждебности къ нему Аали-паши, который, какъ выдощенный дипломатъ, не любилъ никакихъ рѣзкостей. Въ 1860 году онъ былъ сдѣланъ посломъ въ Парижъ, и его-то настояніямъ Турція обявана тѣмъ, что французскія войска тотчасъ по окончаніи своей миссіи оставили Сирію. Но Наполеонъ III постарался скоро избавиться отъ него, и онъ былъ отозванъ. По восшествіи на престолъ султана Абду-ль-Азиза, Ахмедъ-Вефיקъ объѣзжалъ въ качествѣ ревизора западныя мѣстности Малой-Азіи и отерылъ тамъ массу злоупотребленій. Сдѣлавшись министромъ *вакуфовъ* (благочестивыхъ вѣладовъ), онъ было принялся за очистку этой авгіевой конюшни отъ колоссальныхъ злоупотребленій; но его образъ дѣйствій былъ не по вкусу стамбульскимъ эфенди. Аали-паша пріялъ ихъ сторону, и Ахмедъ-Вефיקъ снова удалился къ частной жизни. На своей дачѣ возлѣ самой высокой башни

въ Румили-Хысарѣ онъ проводилъ все время за книгами: издавалъ сочиненія древнихъ оттоманскихъ писателей, преимущественно историковъ; переводилъ комедіи Мольера; печаталъ учебники, ландарты и т. п. При Махмудъ-Недимъ-пашѣ онъ снова былъ исправляющимъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія до конца 1872 г. Но грубость, которую онъ часто позволялъ себѣ не только съ невѣждами и негодяями, но и съ порядочными людьми, нажила ему много враговъ, и онъ опять долженъ былъ удалиться въ уединеніе, въ которомъ и оставался до послѣдняго времени. Въ 1876 году его командировали, какъ представителя оттоманской учености, на международный съѣздъ ориенталистовъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, по провозглашеніи конституціи, онъ былъ предсѣдателемъ палаты депутатовъ въ турецкомъ парламентѣ, а теперь — генералъ-губернаторомъ въ Адрианополѣ и занимается вѣдѣніемъ болгаръ всѣхъ возрастовъ и состояній, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ мятежѣ.

Отличительную черту характера А.-Вефика составляетъ полное отвращеніе къ европейцамъ и ко всему европейскому. Шовинизмъ его еще имѣлъ бы смыслъ, если бы былъ противопоставляемъ тѣмъ отребьямъ человечества, которыя приливаютъ въ Турцію изъ Европы и, какъ воли и гѣны, ршщутъ, ища себѣ добычи; но шовинизмъ этотъ не имѣетъ у него никакихъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного ориенталиста. Какъ самоучка, онъ о многихъ произведеніяхъ европейской науки совсѣмъ не знаетъ, другихъ же не понимаетъ. Онъ совершенно правъ, напримѣръ, указывая нѣкоторые недостатки въ турецкихъ словаряхъ Менинскаго, Ханджери, Бывши и Ценнера; но и его собственный словарь турецкаго языка далеко не соответствуетъ современнымъ научнымъ требованіямъ лексикографіи: онъ безъ всякой разумной цѣли придумалъ какую-то запутанную систему расположенія словъ; многія слова славянскія производитъ изъ греческаго или изъ итальянскаго языковъ и т. п.

Редактированныя имъ изданія прежнихъ турецкихъ писателей не имѣютъ и признаковъ наукообразности: въ нихъ нѣтъ ни вариантовъ, которыхъ, встати замѣтить, всегда не мало въ восточныхъ памятникахъ, ни историко-литературныхъ, ни филологическихъ примѣчаній. Собственные произведенія Вефика, въ родѣ его «Фезеле», краткой исторіи Турціи, суть не болѣе какъ дюжинныя компіляціи. Бывши делегатомъ на конгрессѣ ориенталистовъ, онъ не сдѣлалъ никакого научнаго сообщенія. До-

волью сказать, что и сами турки далеко не всё считают его свѣтломъ, какимъ его выставлялъ мимоходомъ въ своихъ сочиненіяхъ покойный французскій генеральный консулъ въ Константинополѣ Белень: намъ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывъ о немъ, какъ о *шарлатанѣ*. Недостатокъ дѣйствительныхъ ученыхъ заслугъ своихъ онъ за то старается при всякомъ удобномъ случаѣ восполнить наглымъ лганьемъ, на какое способны только высокопоставленные турки. Мы уже упоминали прежде о той беззабѣчивости, съ которою онъ всё маломальски порядочныя турецкія сочиненія выдавалъ за *его собственныя*, и не краснѣлъ, если его, бывало, прямо въ глаза изобличать во лжи. Вотъ еще нѣсколько характерныхъ фактовъ. Бывши въ Петербургѣ, онъ раздавалъ всѣмъ лично знававшимся съ нимъ членамъ конгресса экземпляры сочиненія арабскаго писателя Замахшари «Атвату-в-Зачабъ», незадолго передъ тѣмъ изданное французскимъ оріенталистомъ Барбье-де-Мейнардомъ съ примѣчаніями. «Что за притча?»—спрашивали себя получившіе таковой подарокъ. А дѣло было вотъ въ чемъ: въ предисловіи ученый французъ рассыпался въ комплиментахъ Ахмеду-Вефику за то, что онъ прислалъ ему экземпляръ того же сочиненія, *напечатаннаго* въ Константинополѣ. Вефикъ такое обыкновенное между учеными одолженіе, въ которомъ не было бы и нужды, если бы въ его отечествѣ существовала правильно организованная книжная торговля, не задумался поставить себѣ тоже, вѣроятно, въ ученую заслугу и, чтобы повѣдать о ней свѣту, привезъ цѣлый тюкъ чужого труда и награждалъ имъ оріенталистовъ. Въ частныхъ разговорахъ онъ ни объ одномъ ученомъ не отзывался какъ о заслуживающемъ своей репутаціи, и очень многихъ, *въ томъ числѣ и г. Вальбери* называлъ *своими плохими учениками*, надъ просвѣщеніемъ которыхъ онъ напрасно трудился, ибо изъ нихъ не вышло никакого проу. «А ваши,—сказалъ онъ равъ про русскихъ,—профессора—какіе это профессора, если они льстятся хватать (*attraper*) прибыльныя *чиноничьи* должности»... Единственно, кого онъ признаетъ истиннымъ ученымъ — это Раулинсона, да и то, надо полагать, въ пику своимъ же ученымъ туркамъ, которые, какъ мы видѣли, дешифрируемыя европейцами клинообразныя надписи считаютъ за *fable convenue*; а отчасти еще и потому, что онъ считаетъ себя, Богъ вѣсть съ какой стороны, *соучастникомъ* въ трудахъ англійскаго оріенталиста: должно быть, сочиняетъ. До чего Вефикъ враждебенъ всему европейскому, это онъ высказываетъ каждую минуту.

Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ прежде всего притворился страшно страдающимъ отъ ревматизма и изобрѣлъ на этотъ случай особую даже походку. Когда ему предложили порекомендовать доктора, то онъ, охотно принявъ это предложеніе, прибавилъ при этомъ, съ своимъ саркастическимъ хохотомъ: «только пожалуйста, чтобъ этотъ докторъ былъ не изъ общества Краснаго Бреста, а *то онъ меня отравитъ!!!*». Во время своего посѣщенія Императорской Публичной библіотеки онъ завелъ рѣчь о разныхъ научныхъ сокровищахъ Стамбула и между прочимъ о монетахъ. «У насъ», — говорилъ онъ, — «страшное множество всякихъ древнихъ монетъ; нѣсколько милліоновъ уже правительствомъ сплавлено и перечеканено на новую монету; а затѣмъ *европейскіе ученые*, пользуясь позволеніемъ разсматривать сохранившіяся въ нашихъ коллекціяхъ монеты, много изъ нихъ *послороваши*, и вотъ я сдѣлалъ султану представленіе о томъ, чтобы запереть ихъ въ сундуки, и заперъ, да крѣпко заперъ, такъ какъ *я дѣлаю все, что хочу, въ Стамбуль...* Вотъ этотъ господинъ вамъ это можетъ засвидѣтельствовать!» — добавилъ онъ, безъ церемоній указывая на меня прочимъ лицамъ, предъ которыми онъ ораторствовалъ. Увидѣвъ проѣздомъ черезъ Неву Петропавловскую крѣпость и при этомъ вспомнивъ о своей побѣдѣ въ Бронштадтѣ, онъ выразился: «Это все созданія варваровъ!» Но потомъ, вѣрно спохватившись, прибавилъ: «я всѣхъ военныхъ считаю варварами!» Хорошо хоть то, что онъ и своихъ военныхъ тоже не превозноситъ. Когда, бывало, заведешь съ нимъ разговоръ о комъ-нибудь изъ профессоровъ «Дару-ль-Фунуна» (университета стамбульскаго), то онъ дѣлалъ видъ, что онъ ихъ не знаетъ, говоря: — «да, ихъ много тамъ; они всѣ *являются* ко мнѣ; но я ихъ *не принимаю дальше передней!*» Собственно трудно разобрать, чтó за идеалы у этого человѣка: Европа и европейцы въ его глазахъ дрянъ; турки, отдѣльная личности, тоже не лучше того; остается какое-то отвлеченное понятіе — Турція, которое онъ цѣнитъ выше всего на свѣтѣ и не допускаетъ никакихъ несовершенствъ въ этомъ заоблачномъ, идеальномъ государствѣ. Странно только одно: сколько ни приходилось мнѣ читать о немъ отзывы европейцевъ, всѣ называютъ его честнымъ человѣкомъ. Кромѣ подобнаго отзыва о немъ нашего неизвѣстнаго автора, такой же панегирикъ его честности написала ему и одна гувернантка изъ англичанокъ («Биржев. Вѣдом.», № 337 и 344 за 1876 г., фельетонъ). Эта, долго жившая въ Константинополѣ, госпожа приписываетъ ему же какой-то радикальный переворотъ, произведенный имъ въ гаремной

жизни своего дома, изъ котораго онъ будто бы создалъ *домашній очагъ* въ смыслѣ англійскаго *home*. Равнымъ образомъ, когда Ахмедъ-Вефика приѣзжалъ въ Петербургъ на конгрессъ ориенталистовъ, онъ тоже былъ рекомендованъ къ-то изъ нашего посольства въ письмѣ къ одному изъ учредителей конгресса, какъ *заремный реформаторъ* и *ревнитель женскаго образованія* въ Турціи. Конечно, англичанка, какъ женщина, могла быть вхожа въ преобразованный гаремъ Вефика и могла ближе знать строй его жизни; съ ней спорить поэтому трудно. Но я, съ своей стороны, только позволю себѣ сомнѣваться въ правильномъ пониманіи Вефикомъ истиннаго образованія и заключаю это изъ того, что девятилѣтняя дочь его начала свое обученіе съ древняго арабскаго сочиненія «Таріхъ-и-Табарі» — родъ нашихъ старинныхъ хронографовъ или папел. Точно также во время моего посѣщенія Вефика сыновья его со сложенными на животѣ руками смиренно сидѣли обыкновенно у порога, изрѣдка всматривая для исполненія какой-нибудь послуги для своего *эфенди*; женскій же полъ, за исключеніемъ вышеупомянутой маленькой его дочери, вовсе не показывался, или же закутанный съ ногъ до головы въ чадру прохаживался въ саду и издали поглядывалъ въ растворенныя окна гостиной, гдѣ мы сидѣли, любопытствуя знать, что за гауръ пребываетъ въ ихъ домѣ. Когда Вефику пожалованъ былъ титулъ паши, то онъ сказалъ по этому случаю въ парламентѣ: «уже четыре или пять разъ мнѣ предлагали титулъ паши, и я все отказывался; но теперь я его принимаю, такъ какъ я усматриваю въ пожалованіи мнѣ этого титула то высокое уваженіе, какое его величество султанъ питаетъ въ конституціи». Тѣмъ не менѣе онъ дѣйствовалъ въ парламентѣ скорѣе какъ правительственный комиссаръ, чѣмъ президентъ свободнаго представительнаго собранія, и у него нерѣдко происходили крупныя столкновенія съ нѣкоторыми провинціальными депутатами, о чемъ официальные отчеты въ газетахъ, конечно, не сообщали и чего не ожидали сами составители турецкой конституціи.

И вотъ такіе-то господа, какъ Али-Совъ-эфенди и Ахмедъ-Вефикъ-наша, пользуясь значительнымъ вліяніемъ въ Стамбулѣ, даютъ направленіе образованію оттоманскаго юношества: они тѣмъ же воспитываютъ подобныхъ себѣ фанатиковъ-самозваловъ и патриотовъ, что уже и обнаружилось въ послѣднее время въ турецкой печати. Въ турецкихъ газетахъ безпрестанно раздаются вопли въ родѣ слѣдующихъ: «*Библиотеки европейцевъ ось наполнены нашими* (т.-е. турецкими) *книгами и сборниками*

длинной вереницы биографій наших ученых, а они называютъ насъ... *варварами*... Глазурскій жиръ утратилъ способность различать, что добро и что худо... («Басиретъ», № 2210). Или вотъ что недавно пишетъ газета «Имранъ» (№ 52): «Османы — это таковой благодатный народъ, предки котораго, повелѣвая міромъ въ то время, когда вся Европа была погружена во мракъ невѣжества и звѣрообразія, озарили всю вселенную лучезарнымъ солнцемъ мусульманской цивилизации. Наслѣдственный фанатизмъ османовъ есть только ихъ прогрессъ, повергающій въ недоумѣніе нѣкоторыхъ кривоглазовъ изъ европейцевъ. *Науки и искусства Европы суть достояніе османовъ*, ибо они капиталъ любознательности и смѣливости, необходимыхъ для усвоенія этихъ наукъ и искусствъ, унаслѣдовали отъ дѣдовъ своихъ, *положившихъ основаніе этимъ наукамъ и искусствамъ*. То, чего европейцы не въ состояніи изучить и въ 10 лѣтъ, османамъ легко достичь въ 5 лѣтъ — это уже доказано, напр. изученіе иностранныхъ языковъ». Но образецъ безграничнаго чванства турецкихъ недоучекъ-шовинистовъ представляетъ длинная статья одного молодого османскаго медика, питомца медицинскои школы, въ №№ 11 и 12 военно-медицинскаго турецкаго журнала «Джеридэ-и-Тыббіе-и-Аскеріе» (январь и февраль 1873 г.), подъ заглавіемъ: «О важнѣйшихъ медицинскіхъ и гигиеническихъ открытіяхъ». Авторъ старается доказать въ ней, что всѣ важнѣйшія открытія въ области медицины, какъ, напримѣръ, вакцинація, принадлежать восточнымъ ученымъ, и что европейцы до сихъ поръ пробавляются ихъ безсмертными трудами. «Какъ могутъ европейцы, которые пожрали наслѣдіе могоammedанскихъ университетовъ, приписывать открытія, сдѣланныя нами въ средніе вѣва, безчисленныя великія медицинскія и гигиеническія открытія, какимъ-нибудь своимъ *мусь*?»

Другіе же вліятельные турки, которые могли бы содѣйствовать своимъ положеніемъ развитію науки въ своемъ отечествѣ или, по крайней мѣрѣ, готовить средства и пособія для нея, смотрятъ на нее съ чисто спекулятивной точки зрѣнія. Такъ, знаменитый уже намъ Исмаиль-паша, сдѣлавшись изъ цырюльниковъ главнымъ придворнымъ лейбъ-медикомъ, занялся собираніемъ древнихъ монетъ, приобретаая ихъ отчасти добровольною уступкою владѣльцевъ, частью получая въ подарокъ, а больше всего добывая путемъ вымогательства. Сдѣлавшись министромъ торговли, онъ разослалъ по провинціямъ приказъ о томъ, что всѣ древнія монеты должны быть продаваемы исключительно *правительству*, т.-е., другими словами, всюду поставленнымъ агентамъ Исмаиль-паши, и этимъ онъ сразу уничтожилъ весьма развитый дотогѣ въ

Турція промисель—свободную торговлю монетами, ибо чиновники постарались исполнить приказаніе высшаго начальства, не разсуждая о томъ, сколь оно вредно. Ровно ничего не смисли въ монетахъ, Исмаиль обращался къ куншихатамъ за опредѣленіемъ монетъ, а потому, на основаніи сообщенныхъ ими свѣдѣній, поручилъ своему хану (интенданту) привести ихъ въ порядокъ и составить каталогъ, причемъ самъ онъ только куритъ свой чубукъ. И вотъ, когда онъ сталъ членомъ государственнаго совѣта, т. е. уже закончилъ свою служебную карьеру, онъ продалъ въ Смирнѣ свою коллекцію.

Не больше готовности выказываетъ и османское общество, когда ревнители просвѣщенія обращаются къ его содѣйствію. Замѣтивъ быстрое возрастаніе школь армянской и особливо греческой общины, дающее перевѣсъ грекамъ и армянамъ надъ турками въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, турецкія газеты возопіяли противъ такого бѣдствія, и прежде всего стали требовать, чтобы министерство народнаго просвѣщенія взяло подъ свой *строжайшій надзоръ* эти школы, — разумѣется, въ видахъ низведенія ихъ на одинаковый уровень съ турецкими. Это уже чисто турецкая логика! Въ то время какъ греческіе банкиры жертвуютъ тысячи и десятки тысячъ лиръ на поддержку существующихъ и учрежденіе новыхъ учебныхъ заведеній, турки не въ состояніи были составить путемъ подписки даже незначительной суммы въ 15,000 піастровъ, понадобившейся на устройство школы въ населенномъ турками мѣстечкѣ Эренкѣй (недалеко отъ Босфора), такъ что, за исключеніемъ нѣсколькихъ лиръ, пожертвованныхъ турками, весь недочетъ взялъ на себя богатый албанскій христіанинъ Христанъ Зографосъ. Аали-паша и Юсуфъ-Камиль-паша одно время посѣщали общество армянскихъ носильщиковъ и собственнымъ наблюденіемъ убѣдились въ услѣхахъ этихъ труженниковъ, которые, проработавъ цѣлый день, еще находили время и средства по вечерамъ учиться. И вотъ рѣшено было завести ремесленное училище для турецкихъ работниковъ на добровольныя пожертванія, и съ этою цѣлью была открыта подписка. Фуадъ-паша подписалъ 500 лиръ, Аали-паша—500 лиръ, и такъ далѣе; прочіе сановники подписали каждый по своему состоянію. Возведено было колоссальное зданіе въ расчетѣ на громадную подписную сумму. И что же? Когда начали собирать деньги, то никого изъ подписавшихъ не оказалось дома, такъ что, кромѣ какихъ-нибудь 2, 3, 5, много 10 лиръ, никто больше не заплатилъ. Фуадъ-паша умеръ; Аали—тоже, а наследники отказались платить. Между тѣмъ цѣль была достигнута: школа по-

минально была учреждена, зданіе выстроено, и Европѣ пущено были въ глаза, что собственно и требовалось; а тамъ—будь себѣ что будетъ.

Еще лучше были случаи въ Айваджикѣ и Салоникахъ, показывающіе, насколько дѣло образованія сочувственно самому турецкому обществу, если бы даже и нашлись дѣятели на этомъ поприщѣ изъ турокъ. Въ Айваджикѣ правительство выстроило красивое помѣщеніе для городского училища: но, вмѣсто того, чтобы послать въ него дѣтей своихъ, фанатическая чернь настронла ихъ выбить стекла въ этомъ зданіи и натворить другихъ подобныхъ безобразій. Простоявъ нѣкоторое время пустымъ, зданіе это было отдано потомъ въ наемъ греческой общинѣ, которая съ благодарностью воспользовалась такимъ предложеніемъ. Въ Салоникахъ же одинъ учитель, по недостатку помѣщенія для школы, занимался обученіемъ дѣтей у себя на дому. Наконецъ, послѣ долгихъ исканій и просьбъ, ему отведено было правительствомъ мѣсто на дворѣ одной мечети, которая уже 60 лѣтъ стоитъ разрушенная, съ тѣмъ чтобы онъ на свой счетъ выстроилъ школу. Но тогда цѣлый кварталъ возсталъ противъ этого: какъ, молъ, можно строить школу на этомъ мѣстѣ, предназначенномъ для молитвы вѣрующихъ (хотя уже 60 лѣтъ никто тамъ не молился)—точно будто школа какой-нибудь неприличный домъ!

Напрасно, слѣдовательно, иногда указываютъ, какъ на образецъ, на распространенность грамотности среди мусульманскаго турецкаго населенія. Эти познанія, которыми надѣляются турокъ ихъ разные ходжи да муллы, плодятъ лишь суевѣріе да вѣдряютъ фанатизмъ, а къ образованію въ европейскомъ смыслѣ османлы такъ же враждебно относятся, какъ во всему, что носить на себѣ слѣды истинной культуры. Что касается до самыхъ грубыхъ суевѣрій, то они господствуютъ не только среди низшаго турецкаго народонаселенія, но даже въ такъ-называемыхъ высшихъ классахъ. Еще до сихъ поръ существуетъ должность придворнаго астролога («Мюнеджимъ-баші»), которую въ настоящее время исправляетъ Хаджиръ-Тагиръ-эфенди, бывшій до половины марта 1877 года председателемъ учебнаго совѣта и теперь сенаторъ. На его обязанности, какъ гофъ-астролога, лежитъ опредѣлять счастливые часы и минуты для совершенія всякихъ официальныхъ торжествъ. Онъ ежегодно издаетъ альманахъ, въ которомъ съ самою величайшею точностью указываются дни, когда хорошо стричь волосы, обрѣзывать ногти, принимать слабительное, посѣщать друзей, покупать дома, сады или рабовъ, когда ничего не дѣлать, когда отправляться въ путешествіе, открывать вровъ и

т. п. Въ 1850 году въ Константинополь прѣѣхалъ извѣстный астрономъ Петерсъ (теперь онъ въ с. Америкѣ) съ рекоменда- тельными письмами отъ А. Гумбольдта и отъ другихъ ученыхъ; но это ни къ чему не повело, потому что какъ разъ въ тотъ день, когда онъ былъ представленъ прусскимъ посланникомъ вер- ховному визирю Решидъ-папѣ, взорвало линейный корабль «Нус- ретийе». «Если этотъ франкъ-астрономъ», сказалъ Решидъ-паша, «предвидѣлъ такое несчастье, то, значить, онъ лукавый злодѣй; а если онъ ничего объ этомъ не зналъ, то въ такомъ случаѣ онъ невѣжда, и намъ нечего съ подобнымъ человѣкомъ имѣть дѣло». Одинъ муфти (ученый законовѣдъ) разъ спрашиваетъ автора нашей книги, что бы могло предзнаменовать случив- шееся тогда лунное затмѣніе—войну, или миръ, эпидемію, или мятежъ, или что-нибудь другое подобное. Докторъ Мюлигъ, (Mühlig), врачъ германскаго посольства, во время Абду-ль-Азиза считался во дворцѣ *persona ingratisissima*, потому что турки проив- носили его фамилію *Мюликъ*, что значить на арабскомъ языкѣ «убійца», «губитель». Во время болѣзни даже самые образован- ные турки приглашаютъ какого-нибудь ходжу или шейха для заклинанія и изгнанія болѣзни посредствомъ какихъ-то особен- ныхъ молитвъ ¹⁾. Въ одной изъ окраинъ Константинополя, близъ Адрианопольскихъ воротъ, есть большое пустопорожнее мѣсто, принадлежащее Рауфъ-бею. Онъ вздумалъ-было построить на этомъ мѣстѣ дома и просилъ разрѣшенія на это у подлежащаго на- чальства. Въ государственномъ совѣтѣ долго спорили по этому поводу, пока предсѣдатель Эдгемъ-паша (зять нынѣшняго султана), который дотолѣ спокойно читалъ себѣ газету, наконецъ прислу- шался къ спорящимъ и спросилъ, ужъ не о томъ ли лугъ идетъ рѣчь, который состоитъ *подъ надзоромъ римскаго папы*, и когда получилъ утвердительный отвѣтъ, то категорически заявилъ, что онъ никогда не согласится на это, ни за что не желая брать на себя такой *тяжкой ответственности*. Чтобы понять смыслъ этого заявленія Эдгемъ-паши, надобно знать, что у турокъ су- ществуетъ народное повѣрье о томъ, что отъ вышеупомянутаго луга есть подземный и подводный ходъ въ Римъ, и что папа

¹⁾ Въ подтвержденіе этого мы, съ своей стороны, можемъ указать на объявленіе, печатавшееся мѣсяца два тому назадъ въ турецкихъ газетахъ, о томъ, что какой-то Мегмедъ-Садикъ-эфенди, или потомокъ мѣсяца Тажу-д-Дина, некогдагоса въ Ке- саріи (значить потомокъ святого—это важная статья), занимается *отчитываньемъ* отъ всевозможныхъ болѣзней (газета „Ирванъ“, № 49). А въ газетѣ „Вахитъ“ (№ 725) въ концѣ этого объявленія прибавлено даже, что этотъ эфенди великій мастеръ своего дѣла.

въ ночь наканунѣ каждаго новаго года отправляется этимъ путемъ въ Константинополь самолично освѣдомиться, все ли еще этотъ лугъ не застроенъ; ибо какъ только онъ будетъ застроенъ домами, папа, какъ намѣстникъ Христа на землѣ, долженъ провозгласить о наступленіи въ этотъ годъ страшнаго суда, на которомъ и по ученію ислама будетъ предсѣдательствовать Иисусъ Христосъ.

Въ довершеніе всего, даже сама печать турецкая раздѣляетъ суевѣрныя понятія черни и содѣйствуетъ ихъ распространенію и укорененію. Вотъ что писала газета «Басирѣгъ» въ маѣ 1872 года. Прознали какъ-то, что въ глубинѣ Азіи, у одного курдскаго шейха, хранится «налінъ» (родъ деревяннаго сандалія), принадлежавшій пророку Могаммеду, и что шейхъ этотъ изъявлялъ готовность уступить свою драгоцѣнность въ государственную сокровищницу и самолично доставить ее. Священный сандалій доставленъ былъ сухимъ путемъ до Самсуна, а оттуда съ экстреннымъ пароходомъ привезенъ въ Стамбулъ, гдѣ съ торжественною процессіей, въ которой участвовали верховный визирь и всѣ министры, былъ отнесенъ въ хранилище священныхъ древностей въ старомъ Сераѣ. Провинціальныя и столичныя газеты разсказывали даже о чудесахъ, совершѣнныхъ священнымъ сандаліемъ. Напримѣръ, когда его перевозили въ Амасію черезъ рѣку Ирисъ (по-турецки Ешилъ-ирмакъ), воды этой рѣки вдругъ остановились и сдѣлались гладки какъ зеркало. Около 500 овецъ, пасшихся на горѣ Зервъ, устремились всѣ внизъ, окружили лошадей, везшую «налінъ», и шли за нею въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, пока, наконецъ, съ десятковъ изъ нихъ были заколоты въ жертву, чѣмъ прочія овцы остались довольны и возвратились въ своему пастбищу.

Корень невѣжества, неспособности и безнравственности туракъ составляетъ ихъ семейный бытъ, повоющійся на весьма важномъ законоположеніи корана, доказывающемъ, что исламъ есть противокультурная религія, если строго отличать *культуру* отъ *цивилизациі*, которой не чужды и османлы. Цивилизація есть какъ бы только первая ступень выхода изъ варварства; но она далеко еще не культура; не будучи въ состояніи облагородить внутренній складъ человѣка, его характеръ, и сдѣлать его воспримчивымъ къ высшимъ, жизненнымъ идеаламъ, цивилизація, слѣдовательно, есть не что иное, какъ «замалеванное варварство».

Вотъ къ этому-то семейному строю турецкой жизни и къ нѣкоторымъ проистекающимъ изъ него послѣдствіямъ мы и обратимся теперь.

VI.

Боранъ, какъ извѣстно, если и не предписываетъ, то, по крайней мѣрѣ допускаетъ *полигамію*: законныхъ женъ мусульманинъ, сообразно своимъ средствамъ, можетъ имѣть четыре, наложницъ же неограниченное число. Рабыня, забеременившая отъ своего господина, дѣлается свободною. Несоблюденіе супружескихъ обязанностей и отказъ въ надлежащемъ содержаніи даютъ женѣ право искать развода. При несуществованіи общности имущества супруговъ въ исламѣ, мужъ обязывается возвращать получающей разводъ женѣ ея приданое. Вообще у мусульманъ разводъ весьма легко дѣлается; для наложницъ же онъ, само-собою разумѣется, вовсе не нуженъ.

Возрастъ для вступленія въ бракъ не опредѣленъ: очень часто дѣти еще въ колыбели бываютъ обручаемы другъ другу родителями. Половое же сожительство часто начинается въ томъ возрастѣ, когда европейское дитя сидитъ еще на пеленочной свамейкѣ, и съ этой поры до дѣйствительнаго брака не знаетъ себѣ никакихъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія ставятся самою природою. Обыкновенно мальчика или его ляля (негръ-дядька), а то и сами родители еще до брака снабжаютъ рабынею; а тѣмъ, кто по своему положенію не можетъ имѣть жены или наложницъ, проституція представляетъ средство истощить свои силы еще въ ту пору, когда наши юноши начинаютъ только понимать различіе половъ.

Друзья турокъ обыкновенно ставятъ на видъ, что фактически полигамія существуетъ и въ Европѣ, а исламъ только легитимировалъ ее. За то европейскіе законы признаютъ лишь моногамію, противозаконное же сожительство не признается семейнымъ домомъ; по этимъ законамъ внѣбрачныя дѣти не имѣютъ правъ на наслѣдство. Последнее обстоятельство особенно возмущаетъ европейскихъ писателей, занимающихся социальнымъ вопросомъ. Правда, что внѣбрачный ребенокъ есть также человѣческое существо; но къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ равное съ прочими членами семьи положеніе батардовъ, какъ это среди мусульманъ водится, объ этомъ, конечно, судить не европейцамъ.

Прежде всего полигамія вредно вліяетъ на экономическій бытъ турокъ. Содержаніе гарема, куда входитъ все безъ разбора женское населеніе турецкаго дома — жены, наложницъ, рабыни, дочери — стѣбитъ огромныхъ расходовъ: для него необходимо много особыхъ помѣщеній, особая прислуга, болѣею частью особыя кухни, а у зажиточныхъ людей даже и особые сады,

особые экипажи и т. д. Если къ этому присовокупить еще полное невѣдѣніе того, что называется экономіей, домоводствомъ, то само собою станетъ очевидно, что при равныхъ условіяхъ христіанинъ или еврей будетъ гораздо зажиточнѣе, нежели турокъ, а это обстоятельство не остается безъ вліянія на гигиеническія, интеллектуальныя и даже нравственныя отношенія различныхъ семействъ турецкихъ.

Чтобы имѣть хорошій гаремъ, слѣдовательно, надобно располагать для этого достаточными ресурсами. Но гдѣ же взять ихъ, когда честный, но тяжелый трудъ считается у турокъ унизительнымъ дѣломъ; когда, напримѣръ, сынъ какого нибудь сановника считаетъ за стыдъ быть врачомъ, адвокатомъ, учителемъ, купцомъ, банкиромъ, фабрикантомъ и т. п.? Все это ложится своею тяжестью на государственную казну. Всякій паша или другой какой сановникъ, имѣющій сыновей и дочерей, только и помышляетъ о томъ, какъ бы добыть мѣстечко въ государственной службѣ своему сыну или зятю. И вотъ гдѣ причина существованія въ Турціи громаднаго количества бесполезныхъ должностей и всевозможныхъ синекуръ, непроизводительно поглощающихъ государственные доходы. Чтобы, напримѣръ, отправить небольшую сумму денегъ или посылку по почтѣ изъ столицы въ провинцію, вамъ придется имѣть дѣло съ семью разными почтамтскими чиновниками и потерять по крайней мѣрѣ часъ времени, между тѣмъ во всякомъ европейскомъ почтовомъ агентствѣ вы то же самое дѣло повончите въ какія-нибудь 5—10 минутъ. И такой порядокъ ведется во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ турецкихъ.

Но главное зло, порожденное ненормальными житейскими потребностями турецкаго быта, составляетъ взяточничество. Язва эта столь развита въ Турціи и столь общеизвѣстна, что о ней и распространяться нѣтъ надобности. Довольно того, что султанъ Абду-ль-Меджидъ даже санкціонировалъ своею властью разимѣръ подарковъ натурою—курами, яйцами, молокомъ,—какіе можетъ принимать чиновникъ, не рискуя быть обвиненнымъ во взяточничествѣ. Такъ какъ даже и въ самомъ дворцѣ не пренебрегаютъ приношеніями разныхъ банкировъ, устраивающихъ государственные займы, фабрикантовъ, поставляющихъ оружіе, пушки и т. п., то, конечно, вышеупомянутое законоположеніе остается мертвою буквою для прочихъ смертныхъ. Когда Махмудъ-Недимъ-паша 6 октября 1876 года объявилъ государство банкротомъ, со всѣхъ сторонъ сбѣжались шакалы и гіены, чтобы пожизниться хоть костями финансоваго трупа Турціи. Посыпались массы вся-

ныхъ проектовъ отъ разныхъ спекулянтовъ. Послѣ долгихъ конференцій принятъ былъ проектъ *единства государственныхъ долговъ* гг. Скулуди, П. Розе и Стэнфордга, причемъ, конечно, не было и помышленія объ облегченіи государственныхъ тягостей, а всѣ только думали о собственной наживѣ. И въ самомъ дѣлѣ, при этомъ совокупленіи разныхъ долговъ съ разными процентами, гарантіями и условіями, въ одинъ долгъ присчитали цѣлыхъ два милліона лиръ противъ дѣйствительной суммы, изъ которыхъ одинъ милліонъ пошелъ во дворецъ, полмилліона въ карманъ верховнаго вивира, а остальное подѣлили между собою вышеупомянутые три учредителя. Всѣмъ и каждому также извѣстно, какія баснословныя суммы расходовалъ египетскій хедивъ во дворцѣ и у министровъ, чтобы выхлопотать себѣ разные фирманъ, обезпечившіе ему положеніе независимаго монарха. Однимъ фирманомъ ему дарованъ титулъ хедива; другимъ — наслѣдственность власти; третьимъ — отмена ограниченія военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; четвертымъ — право заключать торговые договоры съ иностранными государствами; пятымъ — господство надъ гаванью Зейлой у входа въ Черное море; шестымъ — перемѣна египетскаго судоустройства. Всѣ эти фирманъ стоили сотенъ тысячъ лиръ, изъ которыхъ ни одного гроша не попало въ государственную кассу. Однажды хедивъ, впрочемъ, такъ выразился въ своемъ гаремѣ о такомъ постыдномъ порядкѣ турецкаго государственнаго управления: «турецкіе чиновники — это собаки, которыя съ головы до пятъ обгаживаютъ (berissen) своего господина».

Другое слѣдствіе полигаміи составляетъ быстрый ущербъ турецкаго народонаселенія. На первый взглядъ это кажется какъ будто бы парадоксомъ; а на дѣлѣ выходитъ такъ. Мусульманская полигамія есть нѣчто иное, чѣмъ противозаконная полигамія въ Европѣ. Здѣсь она есть вмѣстѣ и полиандрія и полигинекія, чѣмъ нѣсколько и уравниваются ея физическія послѣдствія. Турецкая же полигамія значительную часть населенія обрекаетъ на абсолютное безбрачіе, отнимая женъ у другихъ бракоспособныхъ мужчинъ въ пользу полигамистовъ. Кромѣ того, естественный недостатокъ женщинъ въ странѣ при подобныхъ условіяхъ влечетъ за собою необходимость приобретать ихъ изъ другихъ земель путемъ покупки, похищенія и военнаго плѣна. Въ прежнія времена женщины доставлялись въ Турцію съ Кавказа; теперь же, когда русское правительство уничтожило этотъ гнусный промыселъ, остались однѣ африканскія негритянскія страны, и насчетъ ихъ до сихъ поръ ведется самая бойкая торговля невольниками, хотя турецкая пресса и отрицаетъ ее. Уже потому,

что турецкая жена или наложница есть очень дорого стоящая игрушка, многие турки принуждены вести безбрачную жизнь. А те, которые имѣют по нѣскольку женъ, никогда въ действительности не производятъ столько потомства, чтобы имъ восполнилось то количество дѣтей, котораго слѣдовало ожидать отъ другихъ, остающихся незамѣжатыми. Султанъ Абду-ль-Меджидъ, напримѣръ, имѣлъ до 500 сожительницъ, и только 13 человѣкъ дѣтей; у брата его было не меньше женъ, а дѣтей всего только пятеро. Причина понятная: турецкій мальчикъ отъ преждевременныхъ измѣнствъ совершенно истощается къ той порѣ, когда европейскій только-что дѣлается совершеннолѣтнимъ; оттого гаремъ его или остается совершенно безплоднымъ, или же бываетъ въ состояніи произвести лишь нѣсколькихъ золотушныхъ кретинокъ.

Кромѣ этихъ, независящихъ отъ индивидуальнаго произвола послѣдствій полигаміи, обнаруживающихся въ вырожденіи турецкой націи, ей присуще другое не менѣе пагубное явленіе, которое уже проистекаетъ изъ нравственнаго состоянія націи, порождаемаго полигаміей — мы разумѣемъ страшно развитой въ Турціи преступный обычай истребленія плода женщинами ¹⁾. Ближайшею причиною его служить соперничество гаремницъ, въ коихъ каждая старается приобрѣсть исключительное вліяніе на своего сожителя и пользоваться предпочтительнымъ предъ прочими его вниманіемъ. А такъ какъ главное достоинство женщины въ глазахъ турка заключается въ ея физической красотѣ и способности доставлять наибольшее чувственное удовольствіе своимъ тѣлеснымъ сложеніемъ, то отсюда естественнымъ образомъ проистекаетъ стремленіе турчанокъ по возможности избѣгать дѣторожденія. Авторъ книги, съ которою мы имѣемъ дѣло, говоритъ, что онъ лѣтъ 8—10 спеціально занимался этимъ вопросомъ: собиралъ самыя точныя свѣдѣнія, дѣлалъ наблюденія касательно этого предмета, и по его расчету въ одной столицѣ ежегодно совершается до 4,000 выкидышей, и притомъ исключительно среди турецкаго населенія. Турки сперва сочли эту цифру преувеличенною, пока не послѣдовало подтвержденія въ февралѣ 1877 года въ официальной турецкой газетѣ «Джерид-и-Хавадисъ». Авторъ статьи въ этой газетѣ пишетъ, что въ одномъ кварталѣ, гдѣ онъ живетъ, въ продолженіи 20 дней было замѣчено шесть случаевъ вытравленія плода, причемъ одна изъ турчанокъ теперь уже въ чет-

¹⁾ Существованіе этого обычая въ Турціи подтверждаютъ и другіе ученые исследователи, изучавшіе Турцію въ гигиеническомъ отношеніи, какъ, напр., г. Вулкеръ (см. его *Reise in den Orient*, 1860—1861. В. II, S. 102).

верткій разъ изобличается въ этомъ преступномъ дѣяніи. Возьвъ за основаніе вышеприведенную цифру, мы получимъ въ итогѣ ежегодно 100—110 случаевъ на кварталъ; а такъ какъ Константинополь съ окрестностями имѣетъ больше 40 кварталовъ, то, слѣдовательно, цифра 4,000 на весь городъ ничуть не будетъ преувеличеніемъ. Въ той же статьѣ прибавлено также, что 95 процентовъ дѣтей и болѣе двухъ-третей матерей дѣлаются жертвами этого варварскаго обычая. Другая турецкая газета, «Басврётъ», напечатала небольшую статью о томъ же самомъ предметѣ въ апрѣлѣ 1875 года; но предлагала очень наивную противъ этого порока мѣру — увѣщаніе женщинъ «имъами» (духовенствомъ). Да и о какихъ тутъ можетъ быть рѣчь мѣрахъ, когда въ декабрѣ 1875 года мать султана Абду-ль-Азиза надала формальный приказъ о томъ, что каждая обитательница султанскаго гарема, какъ только забеременитъ, должна позаботиться о вытравленіи плода; а если операція не удастся, то при рожденіи ребенка ему не должно перевязывать пуговины, пока онъ не войдетъ кровью; а тѣ, какія уже были дѣти во дворцѣ, никогда не должны впредь показываться. Для исполненія этой варварской операціи у турокъ существуетъ даже особый классъ мегеръ, извѣстныхъ подъ именемъ «ванлі эбэ» (кровавая бабка), которыя преспокойно и безнаказанно занимаются своею ужасною практикою въ палатахъ вельможъ турецкихъ.

Да отчего турчанкамъ и не прибѣгать къ подобному средству, какъ плодонстребленіе, въ своихъ видахъ? Вся ихъ жизнь, всѣ ихъ интересы не выходятъ изъ предѣловъ ихъ гарема. Умственное ихъ развитіе настолько ограничено, что онѣ не въ состояніи искать разсвѣнія отъ своей скучной, однообразной тюремной жизни въ какихъ-нибудь благородныхъ занятіяхъ, напр., въ чтеніи книгъ и т. п. Сплетни тоже прискучиваютъ, не находя себѣ матеріала, вслѣдствіе полного отчужденія турецкихъ женщинъ отъ всякой общественной дѣятельности; вѣчно онѣ должны мозолить другъ другу глаза и дома, и на базарѣ, и на гуляньяхъ: показываться женщиной на улицѣ въ обществѣ мужчины, хоть бы даже мужа или родственника, считается предосудительнымъ. Да и однѣ-то онѣ, выходя изъ дома, обязаны какъ можно плотнѣе закутываться въ свои безобразныя «фереджа» (салопы) и «ашмаки» (вуали), о чемъ то-и-дѣло въ турецкихъ газетахъ раздаются грозныя имъ напоминанія (напр., въ № 168 газеты «Мусаватъ» за 1877 г.), которымъ охотно вторитъ правительство и издаетъ соотвѣтственныя въ этомъ духѣ предписанія стамбульскимъ дамамъ («Вакытъ», № 588, 1877 г.). Даже

теперь, въ трудное военное время, газеты, постоянно обращаясь съ воззваніями въ благотворительности женщинъ, при этомъ предупредительно устраняютъ въ нихъ даже и мысль о непосредственномъ участіи хоть бы, на примѣръ, въ уходѣ за ранеными, выставляя это доброе дѣло, вошедшее въ обычай у гуровъ, какъ гнусный развратъ, котораго надо остерегаться правоверными. Не мудрено поэтому, что всѣ мысли турчанокъ вращаются около одного своего животнаго призванія—бить орудіями тѣлесной услады своихъ сожителей; что въ молодости онѣ только и стараются всѣми позволительными и непозволительными средствами поддержать свою привлекательность, а подъ старость становятся страшными вѣдьмами, зорко слѣдящими за поведеніемъ своихъ молодыхъ подругъ, съ которыми онѣ уже больше не въ состояніи соперничать. Мнѣ живо припоминается случай, какъ одинъ европеецъ во время шествія султана въ пятницу на молитву намѣренно или случайно втерся было въ толпу турчанокъ. Тѣ изъ нихъ, которыя были помоложе, нисколько не препятствовали, а старухи неистово завопили на него: «Гечъ! гечъ!» (ступай! ступай!) Правда, есть и поэты изъ турчанокъ; но всѣ произведенія ихъ представляютъ тѣ же бесплодныя заигрыванія съ своею неудовлетворенною страстью, въ которыхъ проходить и дѣйствительная жизнь этихъ затворницъ.

То, что съ давнихъ поръ творится въ турецкомъ обществѣ въ силу гнуснаго обычая, то въ послѣднее время породило въ сельскомъ населеніи все болѣе и болѣе усиливающійся пауперизмъ. Жена христіанскаго поселенна, раздѣляя съ нимъ всѣ труды его, способствуетъ возвышенію его благосостоянія; турчанка же, въ силу своего религіознаго закона, принуждена вѣкъ прозябать какимъ-то паразитомъ. Не далѣе какъ 1876 году губернаторъ въ Передней Азіи издалъ приказъ, которымъ строго воспрещалось женщинамъ, мужья, братья и дѣти которыхъ отправились воевать съ сербами и черногорцами, самимъ обрабатывать поля свои. Зія-паша, принадлежащій къ партіи младотурокъ, отъ которыхъ турвофилы чаяли не вѣсть-какого прогресса, сдѣлавшись губернаторомъ города Амазіи, посѣтилъ однажды шелкопрядильную фабрику, въ которой работали сотни дѣтей обоюбого пола и безъ различія вѣроисповѣданія. Ригоризмъ этого фанатика былъ шокированъ присутствіемъ турецкихъ дѣвочекъ, съ открытыми лицами и веселыми пѣснями работавшихъ на фабрикѣ, и онъ приказалъ, чтобы ихъ тотчасъ же тамъ не было, не давши себѣ труда поразмыслить, что, можетъ быть, трудами русъ ихъ кормились бѣдные ихъ отцы, престарѣлыя матери и

налогѣтнія сестры, и что родители этихъ дѣвочекъ, будучи сами мусульмане, не знали ничего въ этомъ предосудительнаго.

Турецкая пресса тоже въ послѣднее время обратила вниманіе на усилившееся вымирание и обѣдненіе турецкаго населенія и довольно вѣрно указывала на причины такого печальнаго явленія, въ числѣ воинокъ упоминаются ею поянгами, злодѣйствомъ и преждевременное истощеніе молодого поколѣнія излишествами. Но, по недостатку твердости убѣжденій и основательныхъ знаній, турецкіе публицисты, вмѣсто того, чтобы энергически настаивать на принятіи цѣлесообразныхъ мѣръ, сами сбиваются съ толку, подогрѣваютъ высокоуміе и шовинизмъ своей развращенной націи своими выходками противъ еврейской культуры и, забывая о ея болѣе тяжкихъ прегрѣшеніяхъ, съ жаромъ повторяютъ глупыя діатрибы «Neue-Freie-Pressе», которая, въ числѣ доказательствъ превосходства ислама, однажды указывала на то, что будто бы «турецкія женщины ввели равноправіе съ мужчинами, ибо плѣнныя дѣвцы въ Турціи *вступаютъ въ бракъ* съ знатными лицами; что мусульмане своихъ *дѣтей не подкидываютъ* въ церковнымъ дверямъ, и что власти ихъ не поврѣтительствуютъ домамъ терпимости» («Басиретъ», № 1985). Все отъ перваго слова до послѣдняго тутъ ложь. Положимъ, что турецкое правительство не терпитъ среди мусульманскаго населенія непотребныхъ домовъ; что оно предписываетъ своимъ женщинамъ закутываться отъ взоровъ мужчинъ; что оно бы готово было преслѣдовать, какъ величайшее беззаконіе, обращеніе дѣвушки или женщины къ какому-нибудь честному занятию, напр., въ случаѣ если бы она сдѣлалась продавщицею въ магазинѣ, или прачкою и т. п.; но эта внѣшняя добродѣтель, полицейская мораль, есть только маска, подъ которою кроется отвратительное лицемеріе. Вотъ примѣръ.

Одинъ еврей, обнищавшій отъ азартныхъ игръ и другихъ пороковъ, продалъ свою 14-ти-лѣтнюю дочь за 15 лиръ содержательницѣ дома терпимости. Хозяйка пригласила раввина, который и сочеталъ бракомъ дѣвушку съ слугою заведенія, причемъ брачнымъ контрактомъ строго возбранялось супругамъ сожителство, такъ какъ дѣвушка предназначена была стать жертвою проституціи. Полиція въ Галатѣ схватила всѣхъ участвовавшихъ въ этой гнусной сдѣлкѣ и представила въ главное полицейское управленіе для наказанія виновныхъ. Но такъ ихъ всѣхъ отпустили, такъ какъ они заявили, что они всѣ дѣйствовали въ этой постыдной торговлѣ по взаимному соглашенію. Одинъ только раввинъ остался подъ арестомъ за неправильное

отправление своихъ обязанностей. А затѣмъ одинъ турокъ отку-
шилъ двѣушну у содержательницы непотребнаго заведенія за
20 лръ для своего собственнаго гарема.

Еще бы турецкое правительство покровительствовало непо-
требнымъ заведеніямъ, когда таковы всѣ дома турецкой знати,
составляющей это самое правительство: какъ же назвать, въ са-
момъ дѣлѣ, жилище каваго-нибудь шайи, наполовину населен-
наго его многочисленными фаворитами? А потребности прочихъ
классовъ, помимо извѣстныхъ фарисейскихъ мусульманскихъ воз-
зрѣній, игнорируются какъ несущія никакого вниманія, на
томъ основаніи, что всѣ эти люди — существа низшей породы,
кавалы, котерны созданы единственно для того, чтобы работать.
Да и престолоудиниовъ-то или людей среднего класса принуждаетъ
къ сравнительно добродѣтельной жизни лишь недостатокъ средствъ,
а не особыя нравственныя возвышенныя понятія, котерны, вос-
питанныя на традиціяхъ мусульманскихъ, у всѣхъ турокъ въ
сущности одинаковы.

Не лучшее вліаніе турецкій семейный бытъ оказываетъ и на
отношенія родителей къ дѣтямъ и на нравственное воспитаніе
послѣднихъ. «Мусульмане, — по словамъ газеты «Басиретъ», —
не подвигаютъ дѣтей своихъ къ церковнымъ дверямъ», что
дѣлается — разумѣй — христіанами. Еще бы — когда они истреб-
ляютъ ихъ еще въ утробѣ! Но нельзя сказать, чтобы многоженцы
могли быть такъ же привязаны къ своимъ дѣтямъ, какъ одно-
семейные люди; чтобы они въ нихъ видѣли вторыхъ себя и по-
тому такъ же рачительно велись объ ихъ физическомъ и нрав-
ственномъ воспитаніи и объ устройствѣ ихъ будущности, какъ
они пелутся о своемъ собственномъ комфортаѣ. На это также
имѣются примѣры. Въ одному пріятелю автора нашей книги,
должно быть, занимающему видный постъ на турецкой службѣ,
приходитъ одинъ ходжа (учитель) вотъ съ какимъ дѣломъ: онъ
прогналъ отъ себя свою первую жену и намѣревался теперь же-
ниться на другой; но сперва онъ хотѣлъ сбыть съ рукъ двухъ
своихъ сыновей отъ перваго брака, котернымъ было около 12—
15 лѣтъ. Такъ вотъ онъ пришелъ просить принять ихъ въ си-
ротскій домъ. Онъ хотѣлъ-было помѣстить ихъ въ медицинскую
школу, но ихъ не приняли, потому что они не имѣли требуемаго
свидѣтельства о томъ, что они умѣютъ читать и писать. Поэтому
онъ ихъ отдалъ въ обученіе одному трубаку. Ходжа поясняетъ,
что сиротскій домъ устроенъ только для бѣдныхъ дѣтей, неимѣю-
щихъ ни отца, ни матери, а слѣдовательно онъ не можетъ при-
нимать дѣтей, у котерныхъ есть родители; что мудро было

также рассчитывать и на опредѣленіе въ медицинскую школу, если эти два парня, да еще дѣти учителя, до сихъ поръ не обучены чтенію и письму; что, равнымъ образомъ, нѣтъ смысла отдавать ихъ въ науку къ трубачу, потому что профессія трубача вовсе не такова, чтобы обѣщала что-нибудь лестное впоследствии. Нѣжному отцу совѣтовали лучше обучить своихъ дѣтей какому-нибудь ремеслу: сдѣлать изъ нихъ корзищниковъ или горшечниковъ. Последнее ходжа нашелъ неприличнымъ. «Да развѣ занятіе корзищника или горшечника есть что-нибудь безчестное?» возразилъ ходжѣ раздосадованный пріятель и прогналъ его вонъ.

Въ воспитаніи, какъ извѣстно, имѣеть огромное значеніе примѣръ: что же добраго можетъ выйти изъ мальчика, съ самаго дѣтства своего видящаго вокругъ себя одну огульную лѣнь, свары и безпутство? Флегматическіе отцы, притупившіе въ себѣ всякую нравственную чувствительность излишествами, какъ мы видѣли, равнодушно смотрять на безпрізорное провращаніе своихъ дѣтокъ; или же не имѣють въ тому возможности, будучи принуждены проводить большую часть дня внѣ дома по дѣламъ службы, а время отдыха посвящать своему гарему. Матерямъ, занятымъ взаимными распрами и кокетствомъ, да къ тому же крайне неразвитымъ, не до дѣтей. А для тьюторовъ, въ родѣ евнуховъ-негровъ, прямой расчетъ внушить къ себѣ расположеніе и привязанность своего барченка, покаявая его страстишкамъ; да и чему путному могли бы научить рабы эти, если бы даже и пожелали? Установившаяся же обычаемъ наследственность чиновничьихъ должностей обезпечиваетъ будущаго эфенди въ матеріальномъ отношеніи. Естественно, что при такихъ семейныхъ условіяхъ турецкій юноша растетъ повѣсою и безъ времени дряхлѣеть физически и нравственно, успѣвъ уже въ дѣтствѣ испытать всѣ сладости празднаго сластолюбія, составляющаго идеаль правовѣрнаго турка. Если же этому юношѣ посчастливится провести нѣкоторое время въ Парижѣ, въ качествѣ ли ученика какого-нибудь заведенія, или атташѣ тамошняго турецкаго посольства, то—первымъ дѣломъ—онъ постарается перенять манеры парижскихъ денди: въ публичныхъ мѣстахъ Константинополя онъ появляется уже не иначе, какъ въ ландо и въ безуморивненнѣйшемъ костюмѣ, предается всѣмъ мыслимымъ и немислимымъ безобразіямъ разврата и дѣлаеть такіе долги, о какихъ и пожитіи не имѣють въ Европѣ (кромѣ развѣ Россіи, прибавимъ мы). Что молодые люди должаютъ на нѣсколько тысячъ лиръ—это весьма обыкновенное явленіе въ Турціи: сынъ тунисца Махмуд-пашы и зять египетскаго принца Мустафа-Фазиль-пашы, со вре-

мени возвращенія своего изъ Париза, въ 1870 году, слѣдовательно въ какія-нибудь шесть лѣтъ, надѣлалъ долговъ слишкомъ на полмилліона франковъ. Еще этого господина невиняеть отчасти то обстоятельство, что отецъ его страшный богачъ, такъ что кредиторы рано или поздно могутъ быть удовлетворены; но большинство мотовъ находится далеко не въ такихъ условіяхъ, потому что отцы ихъ вовсе не богаты.

При такомъ духѣ, господствующемъ въ цѣломъ турецкомъ обществѣ, оказываются безуспѣшными всякія попытки отдѣльныхъ благоразумныхъ отцовъ—дать иное направленіе дѣтямъ своимъ. Ахмедъ-бей, братъ бывшаго министра Махмудъ-Недимъ-паши, будучи самъ неспособенъ ни въ какой службѣ вслѣдствіе неизлечимой глухоты и не имѣя большого состоянія, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дать сыновьямъ возможно лучшее по турецкимъ понятіямъ воспитаніе и употребилъ на это значительную долю ограниченныхъ средствъ своихъ; но изъ нихъ никакого не вышло проку. Одинъ изъ сыновей, Неджибъ-бей, отличался тѣмъ, что упорно пренебрегалъ всякимъ образованіемъ и проводилъ все время или ровно ничего не дѣлая, или же страшно развратничая. Когда дядя его, Махмудъ-Недимъ-паша, вторично сдѣлавшись верховнымъ визиремъ (въ 1875—76 гт.), хотѣлъ дать племяннику мѣсто, то послѣдній изъявилъ желаніе быть посланнымъ въ Паризъ въ посольство. Когда желаніе его исполнилось и его назначили атташѣ при посольствѣ въ Паризъ, съ жалованьемъ въ 4000 піастровъ въ мѣсяцъ, то онъ и не думалъ слѣпить отправиться на свой постъ подъ разными предлогами; а между тѣмъ самъ уже надѣлалъ долговъ въ счетъ своего оклада, сумма которыхъ была переведена на *Banque Ottomane* въ Паризъ и записана тамъ на счетъ турецкаго казначейства. Но такъ какъ нашъ бей все еще и не помышлялъ объ отъѣздѣ, то министерство финансовъ отказало въ платежѣ денегъ, и онъ до сихъ поръ остается долженъ. Дядя потребовалъ, чтобы онъ или отправлялся, или же взялъ отставку; но ни того, ни другого не послѣдовало, и онъ былъ уволенъ; а теперь пляется безъ дѣла, живя, разумѣется, на счетъ отца своего. Прошломъ зимою отецъ его, при всеобщемъ безденежьи, былъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что у него на покрытіе самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей оставался только одинъ «сегѣмъ», родъ пожизненной ренты. Когда подходилъ срокъ полученія по ней 6000 піастровъ процентовъ, онъ отдалъ купонъ Неджибъ-бей, чтобы тотъ дисконтировалъ его и принесъ ему деньги. Неджибъ-бей дисконтировалъ купонъ за 4000 піастровъ; но вмѣсто того,

чтобы привести деньги домой, гдѣ сидѣли безъ топлива, безъ освѣщенія, безъ масла, безъ рису, словомъ — безъ всего, они прошировали ихъ въ Перѣ и Галагѣ въ игорныхъ притонахъ, въ публичныхъ домахъ и въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, да еще причинили безпокойство своимъ домашнимъ, которые не знали что съ ними случилось. Когда дали знать полиціи, то она, очень хорошо зная подобнаго рода людей, тотчасъ розыскала его въ одномъ публичномъ домѣ; а денегъ, конечно, уже при немъ не оказалось.

Если бы даже и выискались между молодыми турками благонравные, то едва ли бы они могли устоять противъ соблазновъ распутнаго сотоварищества, которое въ Турціи процвѣтаетъ во всей своей силѣ. Лѣтомъ 1873 года развратъ турецкой молодежи дошелъ до того, что образовалась цѣлая шайка подъ именемъ «тусунъ» (жиръ, сало), которая выходила не на разбой, убійство и воровство, а затѣмъ, чтобы среди бѣлдня хватать мальчиковъ, дѣвушекъ и женщинъ и насиловать, такъ что никто не отваживался отпустить на улицу своихъ домашнихъ. Шайка эта такъ была организована, что даже полиція ничего не могла противъ нея подѣлать: во главѣ «тусуна» стоялъ человѣкъ, отецъ котораго нѣкогда былъ смотрителемъ султанскихъ садовъ, а тещъ былъ военный министръ. Надо было прибѣгнуть въ самомъ энергическомъ мѣрамъ, чтобы положить вонецъ этому безобразію.

Я слышала собственными ушами, какъ турецкіе мальчишескіе гимназисты, рассказывая на корридорѣ въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія, въ ожиданіи предстоящаго имъ экзамена, и болтая между собою, хвастались другъ передъ другомъ, какъ они весело провели время накануне въ какихъ-то компанияхъ и кто изъ нихъ сколько выпилъ «мастѣн» (нрѣдкій спиртуозный напитокъ, въ родѣ донпель-кюммеля)—чего же еще лучше?

Отсутствіе нравственнаго семейнаго и общественнаго воспитанія въ Турціи дѣлаетъ то, что пресловутая гордость турокъ и наглая ихъ самоувѣренность вовсе не есть признакъ сознанія своего человѣческаго достоинства, свойственнаго истинно-культурному человѣку. Тотъ самый юный денди, который въ другомъ мѣстѣ готовъ третировать не только райю, но и бѣднаго человѣка изъ своихъ же турокъ, не стыдится играть роль пресмыкающагося животнаго въ кабинетѣ министра или другого какого высшаго самовластна и публично становится передъ нимъ на колѣни и цѣловать край его одежды. Не стань онъ этого дѣлать, — онъ не можетъ рассчитывать получить мѣсто: его будутъ считать человѣкомъ, незнающимъ свѣтскаго обращенія; а

человѣкъ безъ свѣдѣній напередъ, но понятіямъ турокъ, не годясь для государственной службы.

Дулы, наприимѣръ, совершенно непонятны туркамъ, не только потому, что у нихъ нѣтъ понятія о личной чести. Они знаютъ одну только честь, которую жалуетъ имъ султанъ въ фарагъ чина или *орденовъ*. У нихъ вовсе не считается предсудительнымъ пить, ѣсть, за-просто бесѣдовать, короче—быть въ одномъ обществѣ съ человѣкомъ, который занимается какими-нибудь грязными дѣлами, съ извѣстными негодямъ; не считается за стыдъ быть уличеннымъ во лжи, чему блистательнымъ примѣромъ можетъ служить знаменитый Ахмедъ-Вефизъ-паша; словомъ,—никъ вовсе непомыслимо, что человѣкъ можетъ и долженъ приобретать и поддерживать свою честь самъ, своею собственною личностью.

Точно также турецкій дѣловой человѣкъ никакъ не можетъ взять себя въ толкъ того,—зачѣмъ это дѣловой европеецъ такъ дорожить временемъ. Первому рѣшительно ничего не значить на дѣло, на исполненіе котораго достаточно получаса, употребить цѣлыя дни, недѣли и даже мѣсяцы и годы. Онъ гдѣ-нибудь въ чужомъ городѣ преспокойно даромъ проживетъ нѣсколько недѣль въ «ханѣ» (азіатская гостиница), если у него въ этомъ мѣстѣ есть какое-нибудь незначительное дѣло, которое онъ могъ бы окончить въ одинъ день. Слѣдность, съ которою европеецъ работаетъ, добывая себѣ хлѣбъ, туркамъ кажется просто какою-то безнравственностью. Когда еще европеецъ гонится за матеріальными приобрѣтеніями, то онъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, цѣль, которая если и не оправдываетъ въ глазахъ турка его торопливости, то все-таки очевидна и понятна для него. Но ужъ онъ рѣшительно недоумѣваетъ, какъ это европеецъ можетъ безъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ, наприимѣръ, отыскивать и отрывать неизвестныя страны, собирать камни, растенія, платить большія деньги за древнія, ничего не стоящія монеты, проводить цѣлыя дни въ обезрѣніи развалинь и т. п.: все это ему кажется просто вакиль-то помѣвательствомъ. А если случится, что подобный «глупецъ» при этомъ еще лишается жизни, то турокъ вклинъ въ этомъ даже безумное вродѣство. И было бы тщетно стараться разубѣдить его въ этомъ; отнюдь не слѣдуетъ думать, что это происходитъ въ немъ изъ чистаго упрямства или ограниченности: это скорѣе коренится въ самой сущности ислама. Корана не ограничивается однимъ только религіозными и нравственными понятіями: онъ имѣетъ также презаніемъ на установленіе всѣхъ вообще, какія только можно себѣ представить,—физическихъ, интеллектуальныхъ, гражданскихъ и политическихъ воззрѣній спо-

никъ послѣдователей. По взгляду мусульманина, все, что составляетъ среду, окружающую его единобожество, есть прямое слѣдствіе этихъ религіозныхъ установленій, и если онъ замѣчаетъ въ иномыслящихъ что-либо противорѣчащее этимъ исконнымъ традиціямъ, онъ съ ужасомъ усматриваетъ въ этомъ религіозную ересь. Это совершенно справедливо. Въ бытность свою въ Константинополь, мнѣ разъ случилось ѣхать на пароходѣ по Босфору. Въ числѣ пассажировъ находился одинъ англичанинъ, возвращавшійся съ зоологической экскурсіи, совершонной имъ на азиатской сторонѣ пролива. Шляпа его вся была утыкана булавками, на которыхъ припилены были собранныя имъ разныхъ насѣкомья. Болѣе живучія изъ нихъ еще продолжали шевелиться въ предсмертной агоніи; бабочки хлопали крыльями. Надо было видѣть, въ какое негодованіе привело это одного солиднаго турка, который сталъ во всеуслышаніе читать мораль гауру-зоологу, говоря, что грѣшно такъ обращаться съ животными безъ всякой надобности, и лучше если бы онъ сейчасъ же снялъ этихъ насѣкомыхъ съ булавокъ и впредь не дѣлалъ бы такихъ глупостей. По лицамъ прочихъ, сидѣвшихъ по близости турокъ и слышавшихъ его проповѣдь, видно было, что они волюнѣ раздѣляли его мнѣніе. Во всемъ этомъ странно именно то, что турки, не стѣсняющіеся распарывать животы и подвергать другимъ всевозможнымъ истязаніямъ беззащитныхъ христіанъ, безъ различія пола и возраста, — тутъ проявляютъ жалость. Но насѣкомья не исповѣдуютъ никакой религіи, а это — гаури!

VII.

Въ заключеніе два слова о младо-туркахъ. Младо-турецкая партія образовалась лѣтъ 12—15 тому назадъ въ оппозицію старо-турецкой, и именно самому выдававшемуся ея члену, верховному визирю Аали-пашѣ. Это были молодые люди самаго обыкновеннаго покроя, которые набрались прогрессивныхъ идей частью во время своего долгаго или короткаго пребыванія въ Парижѣ, — частью начитавшись помпезныхъ произведеній французской литературы. Это была какъ-разъ пора займовъ, пора безумнаго мотовства и расточительности. Надежды, возлагавшіяся на Абду-ль-Джиса, съ его воцареніемъ совершенно исчезли; а тутъ еще чаще прежнего должностныя мѣста стали давать христіанамъ, что ужасно какъ коробило стамбульскихъ ефенди и турецкую *Jemasse dorée*. Они цѣтали невыразимую ненависть и

презрѣніе къ христіанамъ, и раздражались неослабѣющимъ живи-
низмомъ въ газетахъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ,
которыя они издавали массами. Самыми выдающимися членами
этой партіи были: Али-Соави-эфенди, Кемаль-бей, Тевфизъ-бей
(журналистъ), Зія-бей (членъ государственнаго совѣта), Меге-
медъ-бей (племянникъ бывшаго верховнаго визиря Махмудъ-паша),
Ахметъ-Митхадъ-эфенди (журналистъ), и т. д.

Лѣтомъ, 1867 года, разразилась первая буря надъ *Jemle Turque*. Издававшіяся ею газеты отличались необузданностью тона и рѣчи, особенно газета «Мухбѣръ», редакторомъ которой былъ Али-Соави-эфенди. Главнымъ образомъ, катастрофа вы-
звана была заговоромъ, который они составили съ цѣлью про-
извести революцію. Тѣхъ членовъ этой компаніи, которые были
позначительнѣе, правительство хотѣло было привлечь на свою
сторону и, назначивъ ихъ губернаторами, такимъ образомъ ду-
мало выпроводить ихъ изъ столицы. Али-Соави-эфенди получилъ
мѣсто въ Малой Азіи, кажется, въ Чангри; Зія-бей былъ назна-
ченъ губернаторомъ Кипра. Но они не поддались на эту уловку,
а предпочли поскорѣе спастись въ Парижъ; нѣкоторые же, опоз-
давшіе, были арестованы и потомъ сосланы въ различныя за-
холустыя.

Большинство эмигрировавшихъ вели весьма плачевную жизнь
въ Парижѣ. Только время отъ времени имъ оказывалъ пособія
египетскій принцъ Мустафа-Фавиль-паша, тоже находившійся
тогда въ Парижѣ, потому что онъ тогда протестовалъ противъ
фирмана, которымъ онъ лишентъ былъ своихъ наследственныхъ
правъ на Египетъ. Онъ былъ тоже сосланъ, но вовсе не при-
надлежалъ къ младо-туркамъ. Самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ
былъ Али-Соави-эфенди: онъ продолжалъ и въ Парижѣ, и въ
Лондонѣ издавать свой «Мухбѣръ» и тысячи экземпляровъ спро-
важивалъ въ Турцію.

По смерти своего отъявленнаго врага Аали-паша, эти добро-
вольные и невольные изгнанники были помилованы Махмудъ-
Недимъ-пашею, и всѣ, за исключеніемъ Али-Соави-эфенди, вер-
нулись назадъ. Мегемедъ-бей, племянникъ верховнаго визиря,
недолго, впрочемъ, подышалъ отечественнымъ воздухомъ: онъ
вовсрѣ умеръ отъ пьянства, къ восторгу пристрастився еще
до своей ссылки. Зія-бей былъ дѣлать тайнымъ совѣтникомъ, и
такъ какъ заговорщика неможно было опредѣлить на государ-
ственную должность, то верховный визирь приеманичивалъ его
къ своей домашней канцеляріи.

Большая часть прочихъ членовъ *молодой Турціи* опять обра-

тлѣсь къ журналистикѣ. Войдя нхъ пидѣе бѣль Кемаль-бей, который съ большимъ успѣхомъ издавалъ газету подъ названіемъ «Ибрагъ» — «Образецъ». Онъ написалъ, кромѣ того, нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ одно, а именно драма «Ватіанъ, яходъ Силистріа» — «Отечество или Силистріа», было резовымъ для его партіи. Пьеса эта дана была въ апрѣлѣ 1873 года на турецкомъ театрѣ въ Константинополѣ съ такимъ успѣхомъ, что нашли нужнымъ дать еще представленіе. Огромная толпа народа явилась въ эту вечеръ вооруженною, и вѣроятно бы дошло до кровопролитія, если бы только полиціей не были приняты самыя энергическія мѣры. Главные члены *Jeune Turquie*, Кемаль-бей, Тевфинъ-бей, Ахмедъ-Мидхатъ-эфенди и т. д., были въ тотъ же вечеръ арестованы и сосланы частью въ Родось, частью въ Кипръ, чѣмъ дѣло на нѣсколько лѣтъ и прекратилось. При теперешнемъ султанѣ они въ прошломъ году получили амнистію и возвратились опять въ Константинополь. Главные ихъ противники сошли съ сцены: Аали-паша умеръ; Абду-ль-Азизъ умеръ; конституція дана; партія торжествуетъ. Въ настоящій моментъ она уже взяла въ свои руки турецкое общественное мнѣніе въ лицѣ своего нововода Али-Соави-эфенди. Толпы народа стекались слушать этого мусульманскаго Савонаролу, когда онъ въ прошлый рамазанъ выступилъ на сцену въ качествѣ проповѣдника въ мечети Ая-Суфья, и сборы, предназначенный въ пользу раненныхъ, былъ громадный. Когда газета «Османли» упрекнула его, какъ ректора университета и лица, за совращеніе штатовъ воспитанниковъ (онъ выгналъ 95 учениковъ изъ лицея, не принадлежавшихъ къ османской націи), ему посыпались со всѣхъ сторонъ — и отъ учениковъ, и отъ ихъ родителей — благодарственные адреса и порицанія вышеупомянутой газетѣ. Передъ парламентскими выборами изъ стамбульскихъ выборныхъ округовъ потекли къ нему письменныя просьбы принять на себя званіе депутата. Самъ этотъ фарисей-фанатикъ наполняетъ своими сумасбродными статьями слободы газеты «Имранъ», «Цивилизація», редакторомъ которой хотя и подписывается какой-то Мевмедъ-Рашидъ, но которая по всѣмъ даннымъ есть органъ самого Али-Соави. Почувъ новую силу, и старо-турки, кажется, принуждены теперь въ партіи младе-турецкой. Да почему и не применить, когда основные принципы тѣкъ и другіе одинаковы? Самыя яркія ихъ противники, Аали-паша, иногда раздѣлялъ изъ воверѣнія; но, какъ дипломатъ, онъ не одобрялъ ихъ слишкомъ уже окровавленное и рѣзкаго образа дѣйствій. Тѣ и другіе проникнуты однимъ и тѣмъ же шовинизмомъ: они одинаково ненавидятъ христіанъ, и при-

томъ не только живущихъ въ ихъ собственной странѣ, но и въ Европѣ вообще. Но такъ какъ до европейцевъ у нихъ руки коротки, то они изливаютъ теперь весь ядъ своего фанатизма на бѣдныхъ болгарахъ. Ахмедъ-Вефигъ-паша, подвизающійся на поприщѣ казней этихъ несчастныхъ беззащитныхъ рабовъ дивой орды, ведетъ дѣятельную переписку съ Али-Соави-эфенди и, очевидно, получаетъ отъ него варварское вдохновеніе. Одинъ дѣйствуетъ висѣлицею, другой печатнымъ словомъ, чтобы задержать несокрытое даже и отъ ихъ ослѣпленныхъ глазъ шатаніе и можетъ быть близкое разрушеніе ихъ возлюбленнаго отечества. А что одно время въ Европѣ приходили въ умиленіе отъ *молодой Турции*, то это было чистое недоразумѣніе, въ которомъ умышлено держали европейцевъ какъ сами члены этой партіи, такъ и ихъ европейскіе поклонники. Проповѣдуя печатно, что, по основному ученію ислама, государственно-общественныя дѣла должны подлежать обсужденію цѣлаго народа, они утверждали, что, по тому же самому ученію ислама, не-мохаммедане должны быть исключены изъ этого участія въ управленіи государствомъ: дѣло этихъ «каналій» только работать, а не политикою заниматься. Поэтому, перепечатывая свои произведенія на французскомъ языкѣ на показъ Европѣ, младо-турецкіе фанатики выпустили въ переводѣ всѣ направленные противъ христіанъ и Европы діатрибы, заключавшіяся въ турецкомъ текстѣ. Господствующее теперь направленіе въ умахъ стамбульцевъ, руководимыхъ заклятыми врагами европейской культуры и человѣческой равноправности, способно разжечь фанатизмъ турецкой массы до того, что она рѣшится, пожалуй, на отчаянную борьбу съ «московами» до послѣдней крайности, или же, принужденная уступить превосходящей силѣ, выместитъ свою неудачу на ближайшихъ, какія подвергнутся ей подъ руку, жертвахъ — на беззащитныхъ христіанахъ и даже на своихъ государственныхъ людяхъ, не исключая, пожалуй, и самого калифа вѣрующахъ, султана. Если дѣла кончатся опять программю реформъ константинопольской конференціи, то все это можетъ дать только срокъ туркамъ изыскать болѣе цѣлесообразныя средства къ систематическому истребленію не-мусульманскаго элемента въ своемъ государствѣ, но едва ли заставитъ ихъ вполнѣ образумиться и навсегда отказаться отъ своей завѣтной химерической мечты — возстановить прежнее могущество и блескъ Оттоманской Порты, и заставить трепетать всѣ прочія сосѣднія государства Европы.

В. Смирновъ.

Декабрь, 1877.

ИЗЪ
АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ

I.

МАЙСКАЯ НОЧЬ ¹⁾.

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ, воснись меня устами!
Сегодня, въ эту ночь, рождается весна.
Шиповникъ ужъ цвѣтеть; душистыми вѣтрами
Отъ юга вѣетъ къ намъ; поляна зелена
И птички вешнія гнѣзятся подъ кустами.
Спой пѣсню, мой поэтъ, воснись меня устами!

ПОЭТЪ.

Какая тамъ, въ долинѣ, тьма!
Я видѣлъ тѣнь: изъ-за холма
Она таинственно предстала,
Неслась по зелени луговъ,
Въ лѣсу мелькала межъ деревь,
И вдругъ—опять ея не стало...

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Вотъ ночь, благоухая,
Колеблетъ свой покровъ надъ сонною землей

¹⁾ „Октябрьская ночь“—см. выше: янв., 265 стр.

И роза, надъ жучкомъ листочки замыкая,
 Съ заботой нѣжною поить его росой.
 Послушай, что за тишь! Припомни образъ милой,
 Лети въ объятія въ ней мечтою легковрилою!
 Сегодня на рѣкѣ вечерній лучъ потухъ
 Такъ нѣжно, будто онъ томился отъ разлуки,
 И въ воздухѣ ночномъ лобзаній таютъ звуки,
 Какъ будто въ немъ любви парить незримый духъ.

П О Э Т Ъ .

Зачѣмъ печаль меня томить
 И сердце бьется и щемитъ
 И грудь такъ тягостно вздыхаетъ?
 Кто тамъ за дверью у меня?
 И лампа тусклая моя
 Зачѣмъ тревожно такъ пылаетъ?
 Вотъ мѣрно, глухо въ тишинѣ
 Часы пробили на стѣнѣ...
 Вотъ будто голосъ недалекий
 Коснулся слуха моего...
 Кто тамъ? Молчанье. Никого...
 О, я несчастный, одинокий!

М У З А .

Спой пѣсню, мой поэтъ! Броженье молодое
 Природу въ эту ночь волнуешь и томить,
 Желаньями любви сгараешь все земное,
 И страстью бурною вся кровь моя кипитъ.
 Когда-то для тебя прекрасною была я,
 Прекрасна и теперь, — взгляни ты на меня...
 Иль, милый, ты забылъ, какъ нѣкогда, рыдая,
 Ты палъ ко мнѣ на грудь, и тихо, осѣня
 Тебя своимъ крыломъ, я тучи разогнала,
 Когда, еще дитя, ты началъ горевать?
 О, дай мнѣ поцѣлуй... Мнѣ жить осталось мало,
 Молитвы я прошу, чтобъ утро увидетьъ.

П О Э Т Ъ .

Не твой ли голосъ музыкальный
 Я слышу, Муза? Мой цвѣтокъ!

Моя богиня! Твой печальный
 Питомецъ нынче одинокъ.
 О, неизмѣнная, родная,
 Одна мнѣ близкая теперь,
 Войди, ласкаясь и блистая
 И душу свѣтомъ наполняя,
 Въ мою покиннутую дверь.

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! То—я, твоя подруга.
 Я видѣла съ небесь, какъ былъ печаленъ ты,
 Снѣдаемый тоской сердечнаго недуга,
 И я къ тебѣ сошла съ лазурной высоты.
 Страдалецъ мой, я здѣсь! Я знаю, тайной боли
 Душа твоя полна. Не слова-ль, милый мой,
 Манить тебя любовь, какъ приврагъ лучшей доли,
 Какъ отблескъ радости мелькая предъ тобой?
 Иди, мы воспоемъ минувшія тревоги
 И счастья свѣтлаго утраченные дни;
 Волшебной силою, могуче, какъ боги,
 Въ туманѣ прошлаго засвѣтимъ мы огни.
 Чего желаешь ты? Веселья, славы звуки
 Мы тотчасъ вызовемъ на лирѣ. Хочешь: въ даль
 Умчимся въ уголокъ, гдѣ нѣтъ терзаній скуки
 И гдѣ забвеніемъ врачуется печаль?
 Куда мы полетимъ? Весь міръ открытъ предъ нами:
 Вонъ тамъ—Италія въ загарѣ золотомъ,
 Вдали—Шотландія съ зелеными холмами,
 Тамъ—горы Греціи, въ туманѣ голубомъ,
 Глядятся съ высоты въ кристальные заливы...
 О, чудная страна! О, мой родимый край!
 Откуда-жъ мы возьмемъ волшебные мотивы
 Для пѣсенъ и молитвъ? Рѣшайся, выбирай:
 О томъ ли будемъ пѣть, что ангелъ безмятежный
 Тебѣ нашептывалъ сегодня на зарѣ,
 Когда, сорвавъ сирень рукою бѣлоснѣжной,
 Съ цвѣтами чудными склонился онъ къ тебѣ?
 Блестящіе полки пошлемъ ли въ бой, горячій?
 Надежду-ль окрылимъ? ущемся ли слезой?
 Любовница-ль введемъ по лѣстницѣ висячей?
 Замылимъ ли воинъ подъ вихремъ и грозой?

Поднявъ ли къ небесамъ задумчивые взгляды,
 Мы будемъ пѣть Того, кто въ благодсти своей,
 Въ лазури засвѣтилъ несчетныя лампы,
 Кто жизни и любви вливаетъ въ нихъ слезы?
 Въ морскую-ль глубину проникнемъ, гдѣ кораллы
 И жемчугъ мы сорвемъ съ таинственнаго дна?
 За смѣлымъ ли стрѣлкомъ взберемся мы на скалы?
 Предъ нимъ трепещетъ лань; испуганно она
 Со взоромъ жалобнымъ взываетъ о пощаду;
 Оврагъ ее манить, дѣтеныши зовуть...
 Стрѣлокъ ее сразилъ, а жадные къ награду
 Собаки собрались надъ жертвою и ждутъ,
 И сердце теплое охотникъ имъ бросаетъ.
 Воспѣтъ ли дѣву намъ? Стыдлива и стройна,
 Она своей красой, какъ вешній день, сияетъ;
 Къ обѣднѣ съ матерью въ соборъ идетъ она;
 За ними юный пажъ. Съ тревогою во взглядѣ,
 Красавица, забывъ молитву и соборъ,
 Внимаетъ, какъ звучитъ въ церковной колоннадѣ
 Послѣдний бѣгъ коня и эхо звонкихъ шпоръ.
 Иль вызовемъ съ тобою на башни вѣжовныя
 Мы старой Франціи героевъ, — и тогда
 Воскреснетъ тотъ романсъ, которымъ вочевные
 Пѣвцы упрочили ихъ славу навсегда.
 Элегія къ тебѣ призвать ли образъ блѣдный?
 Иль Ватерлоскаго героя оживить,
 Который тьмы людей рукой своей побѣдной
 По прихоти своей рѣшился погубить?
 Но къ славному вождю явился вѣстникъ ночи,
 Онъ гордаго низвергъ однимъ ударомъ крылъ,
 Сомкнулъ ему навѣкъ воинственныя очи
 И руки на стальной груди его сложили.
 Иль имя низкое зовла-памфлетиста
 Мы вывѣсимъ къ столбу сатиры, для того,
 Чтобъ онъ отравою ругательства и свиста,
 Смѣясь изъ темнаго приюта своего,
 Не смѣлъ у генія тревожить вдохновеній
 И лавры обгривать на избранномъ чевѣ!
 Спой пѣсню, мой поэтъ! Смотри — отъ дуновеній
 Весеннихъ я лечу... Остаться на землѣ
 Мнѣ трудно... Часъ насталъ, часъ думъ и пѣсногбвнй.
 О, дай мнѣ хоть слезу!.. Теряюсь я во мглѣ...

ПОВѢТЬ.

О, если ты однихъ лобзаній
 Иль слезъ желаешь отъ меня, —
 Подруга, вѣрь, безъ колебаній
 Ихъ дамъ тебѣ отъ сердца я.
 Когда утонешь ты въ зенрь,
 Когда на небѣ будешь ты,
 Припомни, какъ тебѣ на лирѣ
 Ввѣрялъ я сладкія мечты!
 Теперь, увы, не воспѣваю
 Ужъ я ни славы, ни любви.
 Не слышу жизни я въ крови
 И даже зло не проклинаю.
 Не льется рѣчь, и я въ тиши
 Внимаю лепету души.

МУЗА.

Но что-жъ ты думаешь? Что я, какъ вихрь осенній,
 Съ могилъ собираю скорбь и жадно слезы пью,
 Блуждая по стопамъ печальныхъ привидѣній?
 А нѣжный поцѣлуй, — не я-ль тебѣ дамъ?
 Нѣтъ! Сорная трава, которую хотѣла
 Я съ корнемъ истребить, то — глѣнь твоя, мой другъ.
 И если въ старину душа твоя болѣла,
 Раскрой и обнажи мучительный недугъ.
 Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ путь его опаснѣй;
 Поэтъ! свою печаль безслѣдно ты не прятъ.
 Отчаянія пѣснь едва-ль не всѣхъ прекраснѣй,
 Есть пѣсни дивныя, похожія на плачъ.
 Ты знаешь — пеликанъ, когда онъ прилетаетъ
 Въ вечернемъ сумракѣ въ оставленнымъ птенцамъ,
 Вся жадная семья на берегъ выбѣгаетъ,
 Отца издаലെа зоветъ знакомый гамъ
 И крикъ его дѣтей. Избравъ утесъ высокій
 И дѣтокъ защитивъ повиснувшимъ крыломъ,
 Онъ въ небо темное вонзаетъ взоръ глубокій,
 И льетъ густая кровь сбѣгающимъ ручьемъ
 Изъ груди жалнаго кормильца-рыболова!
 Нѣтъ корма у него, напрасно онъ искалъ
 Добычи въ камышахъ, вдоль берега морского

И въ черной глубинѣ за цѣпью сннхъ скаль.
 Онъ сердце лишь свое принесъ для насыщенья
 Любимыхъ имъ дѣтей, и молча дѣлитъ онъ
 Свою всю внутренность. Не чуя истощенья,
 Голодною толпой задавленъ, окруженъ,
 Онъ нѣжностью своей печаль свою смягчаетъ.
 Такъ, жертва чистая, пируя свой вонецъ,
 Свою живую грудь для близкихъ онъ терзаетъ.
 Бываетъ иногда, что любящій отецъ,
 Усталый умирать отъ пытки непосильной,
 Рѣшительный ударъ себѣ наноситъ самъ.
 Тогда несется крикъ въ ночной тиши могильной,
 Его послѣдній вопль по темнымъ берегамъ.
 Онъ страшно такъ звучитъ, что путникъ запоздалый
 Невольно крестится, и въ разные концы
 Всѣ птицы прячутся отъ пѣсни небывалой:
 Такъ плачутъ, мой поэтъ, великіе пѣвцы!
 Они даютъ шумѣть толпѣ самодовольной,
 Пока не призовутъ ее къ себѣ на пиръ,
 Но полонъ горечи звукъ пѣсни ихъ застольной,
 Они, какъ пеликанъ, собой питаютъ мѣръ.
 Не тѣшится толпа ихъ скорбными рѣчами:
 Отъ нихъ, какъ отъ меча, сверкаетъ полоса,
 Змѣясь по воздуху волшебными огнями,
 Но каплетъ изъ нея кровавая роса.

ПОЭТЪ.

О, ненасытная! Не въ силѣ
 Я пѣть больной, горя отъ ранъ.
 Зачѣмъ чертить слова на пыли,
 Когда несется ураганъ?
 Умчались молодости годы,
 Когда на праздникъ свободы
 Я птичвой рѣвой напѣвалъ.
 Съ тѣхъ поръ же столько я страдаю,
 Что еслибъ визвать пожелалъ
 На лирѣ горечь этихъ дней,—
 Порвалъ бы струны я на ней!

II.

АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ.

МУЗА.

Лишь солнце перешло въ лазури безпредѣльной
 Черту созвѣздія, дающаго весну,
 Какъ стала жизнь моя угрюмой и безцвѣтной,
 А счастье унеслось въ далекую страну.
 Забыта я съ тѣхъ поръ своимъ повтомъ мнѣмъ,
 Я жду, когда-то онъ стоскуется по мнѣ...
 Увы! Его жилье пустыннымъ и унылымъ
 Стоитъ уже давно въ безлюдной тишинѣ.
 Одна лишь я иду, какъ изгнанная Пери,
 Склонять свое чело къ его забытой двери
 И плакать на его покинутой стѣнѣ.

ПОВѢТЬ.

Привѣтъ тебѣ, мой другъ любимый,
 Моя ты слава и мечта!
 Опять я здѣсь, опять одни мы,
 И всѣхъ милѣй подруга та,
 Что насъ встрѣчаетъ въ день возврата.
 Людской хвалой и блескомъ злата
 Я былъ на время увлеченъ.
 О, мать моя! моя родная!
 Твой сынъ вернулся, неземная,
 И снова пѣсенъ жаждетъ онъ.

МУЗА.

Зачѣмъ, о, вѣтренникъ!—понять тебя мнѣ трудно—
 Отъ мирныхъ этихъ мѣстъ бѣжать ты вѣчно радъ?
 Кого, какъ не судьбу, ты ловишь безразсудно,
 И съ чѣмъ, какъ не съ тоской, приходишь ты назадъ?
 Чѣмъ занять ты вдали, когда я здѣсь тоскую?
 Напрасно ищешь ты зарницы въ темнотѣ.
 Среди земныхъ утѣхъ любовь мою святую
 Едва-ль ты сохранишь въ небесной чистотѣ,

Всегда твое жилие пустынь я находила
 И въ часъ, когда вездѣ стихалъ движенья гулъ,
 А я въ твоёмъ саду подъ окнами бродила,
 Ты ночи расточалъ на пагубный разгулъ.
 Иль снова любишь ты и вырваться изъ плѣна
 Нѣтъ силъ въ тебѣ опять, питомецъ бѣдный мой?
 А здѣсь, гляди, кругомъ осыпалась вервѣна
 И ты не проводишь отцвѣтъ ея слезой.
 Та зелень грустная пророчить увяданье
 И мнѣ, когда меня твой духъ не оживить:
 Взовьется къ небесамъ ея благоуханье,—
 И память обо мнѣ на небо улетитъ.

П О Э Т Ъ .

Идя сегодня по равнинѣ,
 Я вустъ шиповника нашель;
 Цвѣточекъ блѣдный въ серединѣ
 Дрожалъ: бѣдняжка! онъ отцвѣлъ...
 А тутъ же рядомъ, зеленѣя,
 Бутоны качался на стеблѣ:
 Онъ молодъ былъ, онъ былъ милѣе,—
 Такъ мать-природа, будто фея,
 Людей смѣняетъ на землѣ.

М У З А .

О, жалкій человѣкъ! Все тотъ же ты, несчастный!
 Ногами топчешь прахъ и въ свѣту льнешь челомъ.
 Вездѣ кровавый бой, повсюду путь опасный,
 И сердце какъ ни лжетъ, все рана есть на немъ.
 Одинъ надѣется, тотъ свѣтуетъ на Бога,
 Комедию одну играетъ цѣлый свѣтъ;
 Подъ лоскомъ мишуры скрываютъ люди много,
 Но вѣрно въ нихъ одно: ихъ спрятанный скелетъ.
 Увы! любимецъ мой, твой даръ тебя повинуетъ,
 И лира ни на что привѣтомъ не звучитъ,
 А гений твой въ чаду пустыкъ желаній стигнулъ,
 Любовью къ женщинѣ до срока онъ убить;
 Растратилъ душу ты на слезы и страданья,—
 Не взыщетъ Богъ за кровь, какъ взыщетъ за рыданья!

ПОЭТЪ.

Сегодня въ рошѣ голосъ сладкій
 Я птички рѣзвой услыхалъ,
 Въ ея же гнѣздышкѣ украдкой
 Птенцовъ я мертвыхъ увидалъ.
 Я пѣньемъ птички любовался...
 Кто слабъ, разбить и изнемогъ,
 Тому, вѣдь, Богъ еще остался:
 Надежда — здѣсь, на небѣ — Богъ.

МУЗА.

Но что же ты найдешь, когда въ изнеможеньи
 Вернешься ты одинъ въ очагъ забытый свой?
 Ты всюду встрѣтишь пыль, — слѣды пренебреженья,
 Оттуда улетать отрада и покой,
 Тамъ духъ невидимый на-вѣки поселится,
 Чтобъ спрашивать тебя: что сдѣлалъ ты съ собой?
 Иль ты надѣешься, что совѣсть уснитъ
 Подъ звуки мирныя поэзіи былой?
 А гдѣ убѣжище поэзіи? — Сознайся,
 Что въ сердцѣ лишь твоемъ; но сердце замолчить,
 Его спрашивать тогда ты не пытайся,
 Тлетворный ядъ страстей его испепелить.
 Лишь изрѣдка его живучіе остатки,
 Какъ змѣи обвиваютъ всю грудь твою кольцомъ, —
 И кто же облегчитъ тѣ жгучіе припадки?
 Кто сѣтовать придетъ надъ горестнымъ пѣвцомъ,
 Когда Создатель самъ, быть можетъ, мнѣ прикажетъ,
 Чтобъ, недостойнаго, я кинула тебя,
 Въ небесную страну мнѣ грозно путь укажетъ
 И, крыльями блеснувъ, какъ сонъ, исчезну я?
 А прежде, помнишь ли, ничто не угрожало
 Свиданью нашему въ таинственныхъ лѣсахъ,
 Гдѣ въ тихія мечты тебя я погружала,
 А сѣлфы прятались въ каштановыхъ вѣтвяхъ,
 Желая подсмотрѣть красу мою нагую...
 Тамъ слезы нѣжныя жемчужною росой
 Припомни, какъ ронялъ ты въ воду ключевую!
 Что сдѣлалъ ты, поэтъ, съ той радужной весной?
 И кто сорвалъ плоды, что я заколдовала?
 Щека твоя цвѣла здоровьемъ молодымъ,

Которымъ я тебя отъ неба надѣляла;
 Теперь же смотришь ты безсильнымъ и худымъ.
 Безумный! съ красотой и даръ ты свой теряешь.
 Ты гнѣваешь боговъ; они возьмутъ меня,
 И если упаду я съ неба для тебя, —
 Чѣмъ, жалкій, предо мной себя ты оправдаешь?

ПОЭТЪ.

Вѣдь птичка не груститъ, а свищетъ и порхаетъ
 На вѣткѣхъ надъ своимъ разрушеннымъ гнѣздомъ,
 А радостный цвѣтокъ, что въ полѣ расцвѣтаетъ, —
 Едва другой цвѣтокъ свой вѣнчикъ раскрываетъ, —
 Склоняется въ траву покорнымъ стебелькомъ;
 Вѣдь вѣчно мы въ лѣсу ногами попираемъ
 Подъ веленю живой опавшіе сучки,
 И сколько мѣръ земной, трудясь, ни изучаемъ,
 Мы знаемъ лишь одно, что взгляды измѣняемъ,
 И дальше насъ несутъ невѣрные шаги;
 Вѣдь, все, до самыхъ скалъ, — добыча разрушенья,
 И все погибшее рождается опять,
 И самая война готовить удобренье
 Полямъ, дающимъ хлѣбъ, — для жизни подкрѣпленье,
 Которое съ могилъ идемъ мы собирать;
 Итакъ, что стѣбитъ жизнь? Зачѣмъ же воздержанье?
 Люблю, хоть блѣденъ я; люблю — хоть буду хилъ;
 Люблю — и я отдамъ свой геній за лобзанье,
 Люблю — и я хочу, чтобъ вѣчный ключъ страданья
 Миѣ впалую щеку слезою оросилъ.
 Да, Муза, я люблю, и смѣло я рѣшился
 Разгулу и страстямъ хваленіе воспѣть,
 И буду повторять, чтобъ каждый веселился,
 Что былъ я цѣломудренъ, — нынче измѣнился
 И въ радостяхъ любви готовъ я умереть.
 О, сердце гордое! Гнетъ вѣчныхъ колебаній
 Тебя удерживагь: раскрой свою любовь,
 Красуйся, какъ цвѣтокъ, среди благоуханій;
 Страдавшимъ нужно жить для новыхъ испытаній,
 Тому, кто разъ любилъ — любить тому и вновь.

ПАТРОНАТЪ

ВЪ

РОССІИ И ЗА-ГРАНИЦЕЮ

ОТТАНОВАЦІА ПОМОЩИ ОСВОБОЖДЕННЫМЪ ИЗЪ МѢСТЪ ЗАКЛЮЧЕНІА.

I.

Дѣятельность филантропическая вызывается естественно сочувствіемъ къ участи ближняго и стремленіемъ облегчить ее; но если бы существовало только это одно соображеніе въ пользу организаціи патроната, съ цѣлью помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, мы бы еще не рѣшились ставить этотъ вопросъ теперь, въ минуту, когда всѣ усилія частной филантропіи обращены на другой патронатъ, на облегченіе участи семействъ павшихъ и раненыхъ воиновъ. Мы не рѣшились бы, при существованіи только этого соображенія, сдѣлать малѣйшій шагъ, послѣдствіемъ котораго могло бы быть ослабленіе вниманія общественнаго къ послѣднимъ и удѣленію части этого вниманія къ освобожденнымъ изъ тюремъ, — людямъ во всякомъ случаѣ порочнымъ, потому что они уже были изобличены въ нарушеніи закона общественнаго.

Мы рѣшаемся поднять теперь этотъ вопросъ потому только, что съ безотложнымъ разрѣшеніемъ его связаны самыя существенныя интересы гражданскаго общества и правительства, въ отношеніяхъ безопасности, благосостоянія, нравственности и государственной экономіи. Мы ставимъ его потому, что, не будучи

до сихъ поръ ни разу затронуть въ нашей печати и законодательныхъ сферахъ, онъ стоитъ, тѣмъ не менѣе, въ самой близкой связи съ дѣломъ тюремной реформы, которымъ серьезно занята теперь наша законодательная власть. Мы желаемъ обратить на него вниманіе, такъ какъ только при организаціи помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія можно ждать сколько-нибудь успѣшныхъ результатовъ отъ тюремной реформы и такъ какъ, при организаціи ея, возможно значительное уменьшеніе расходовъ на тюремное дѣло, падающихъ на государственную и земскую казну, а слѣдовательно и на карманы каждаго частнаго лица.

Эти положенія стали уже аксіомою для нашихъ западныхъ сосѣдей, преимущественно въ Швейцаріи, Великобританіи, Франціи и Сѣверо-Американскомъ Союзѣ, гдѣ они встрѣчаютъ весьма широкое практическое примѣненіе. Много умовъ работало по тюремному вопросу, много опытовъ перебрано здѣсь и не мало финансовъ поглотилъ онъ изъ казначействъ различныхъ государствъ. Было время, когда теорія потребовала введеніе одиночной системы во всѣ мѣста заключенія, даже для малолѣтнихъ, — и громадныя суммы отпущены въ услугамъ этой мысли. Было другое время, когда теорія требовала для арестантовъ системы общихъ работъ съ обязанностью безусловнаго молчанія, но при ночномъ разъединеніи по спальнямъ, — государства не остановились передъ расходами и тяжкими наказаніями для осуществленія и этой мысли. Всевозможныя иныя предложенія, сколько-нибудь выдерживавшія критику, равнымъ образомъ встрѣчали исполнителей, не останавливавшихся передъ обширными затратами. Словомъ, правительство и общество на Западѣ съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы обезпечить успѣхъ тюремной дѣятельности и дожидаться тѣхъ результатовъ, которые имъ обѣщали пенитенціаристы. Но дождались-ли они ихъ?

Успѣхъ тюремной дѣятельности общество опредѣляетъ, и не можетъ не опредѣлять, цифрою рецидива преступленій, такъ какъ основная задача, которая ставится себѣ тюрьмою новѣйшей школы, состоитъ въ исправленіи своихъ узниковъ, въ предупрежденіи для нихъ нравственной и физической возможности или даже необходимости совершать новыя преступленія по освобожденіи. Между тѣмъ цифра рецидива во всѣхъ государствахъ, располагающихъ даже самыми совершенными тюремными системами, представляется громадною и — что всего хуже — годъ отъ году возрастаетъ. Если всѣхъ содержащихся въ тюрьмахъ Франціи раздѣлить на осужденныхъ въ первый разъ и рецидивистовъ, то на долю пер-

нимъ придется лишь отъ 35 до 40%, а на долю женщинъ—отъ 60 до 65%. Въ Англіи съ Уэльсомъ въ общемъ составѣ тюремнаго населенія, по официальнымъ даннымъ, рецидивисты составляютъ около 30%; но если обратить вниманіе, что такъ не принимаются такіа тщательная мѣры для констатированія рецидива, какія имѣютъ мѣсто во Франціи, и что самое попятіе рецидива въ Англіи гораздо тѣснѣе, то безъ преувеличенія цифру рецидивистовъ въ тюрьмахъ этой страны можно опредѣлить не менѣе, чѣмъ въ 60%. Въ Бельгіи, обладающей наиболее благоустроенною тюремною системою, по свидѣтельству Олфенса на лондонскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, цифра рецидивистовъ между арестантами достигаетъ 78%. Въ тюрьмахъ Австріи рецидивисты составляютъ 57%. Пруссія въ своихъ тюрьмахъ содержитъ отъ 60 до 70% рецидивистовъ. Въ венггерскихъ Норвегіи рецидивисты составляютъ 40%, въ Швеціи ихъ насчитываютъ 30%. Высказывается иногда мнѣніе, что въ Россіи, располагающей обширною системою судебной и административной ссылки, мѣтъ основаній опасаться чрезмѣрнаго распространенія рецидива. Но мнѣніе это не оправдывается дѣйствительностью. Не говоря уже о сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ полуторастолѣтняя ссылка выработала организованный преступный классъ, даже въ Европейской Россіи рецидивъ стоитъ на весьма почтенной цифрѣ 20% общаго количества осужденныхъ, а со включеніемъ бродягъ поднимается почти до 25%; въ округахъ нѣкоторыхъ судебныхъ палатъ, напр., с.-петербургской, рецидивъ уже стоитъ на 30%.

Такимъ образомъ, опасность рецидива не можетъ быть устранена однимъ тюремнымъ. Это становится совершенно понятнымъ, если взглянуть то положеніе, въ которомъ оказывается недавній узникъ тотчасъ послѣ освобожденія его.

За исключеніемъ незначительнаго ихъ количества, имѣющихъ готовую и обезпеченную семью, большинство освобожденныхъ суть люди, могущіе свискивать себѣ пропитаніе лишь подъ условіемъ ежедневнаго труда. Положимъ даже, —что, собственно говоря, у насъ лишь рѣдкое исключеніе, —всѣ они успѣли вынести изъ тюрьмы заработную плату; но послѣдняя нивогда не достигаетъ такой величины, чтобы дать имъ возможность завести мастерство за свой счетъ и рискъ, такъ что имъ необходимо предстоитъ искать работы у другихъ. Но кто дастъ охотно работу человѣку, про котораго извѣстно лишь, что онъ отсидѣлъ свой срокъ въ тюрьмѣ, кто согласится принять его въ свою мастерскую? У освобожденнаго, предоставленнаго самому себѣ, есть единственная

возможность получения работы—скрывать, что онъ находился въ тюрьмѣ; но это шансъ весьма не вѣрный, какъ по затруднительности, такъ и потому, что онъ можетъ быть разрушенъ первою встрѣчею съ какимъ-нибудь старымъ знакомымъ по тюрьмѣ. А между тѣмъ, заработанная въ тюрьмѣ сумма успѣла уже изъяснить, и освобожденный изъ тюрьмы, преслѣдуемый недоувѣріемъ и предубѣжденіемъ общества, окруженный безвыходно нищетою, съ ужасомъ видитъ приближеніе того дня, когда ему придется погибнуть въ тяжелой борьбѣ жизни или уступить соблазнамъ преступленія. Такова участь лучшихъ изъ осужденныхъ. Перспектива ея хорошо извѣстна тюремнымъ сидѣльцамъ, и не удивительно, что для отклоненія бѣдствій болѣе между ними опытные въ первый же шагъ свободной жизни употребляютъ вынесенныя изъ тюрьмы деньги не на безплодную болѣею частью попытку заручиться честнымъ трудомъ, а на покупку орудій для новыхъ преступленій и на пріисканіе товарищей. Такимъ образомъ тюрьма, самымъ фактомъ пребыванія въ ней человека, закрываетъ ему честный трудъ и вызываетъ рецидивъ преступленій. При наилучшей постановкѣ, она въ силахъ дать своимъ узникамъ рабочія привычки, обучить ихъ какому-либо мастерству, возбудить въ нихъ сознаніе совершенной неправды и стремленіе стать на дорогу честной жизни и честнаго труда; но ея высокія стѣны закрываютъ отъ глазъ общества тѣ усилія, къ которымъ прибѣгаютъ лучшіе изъ арестантовъ для самоисправленія, и такимъ образомъ недоувѣріе и предубѣжденіе общества встрѣчаетъ всѣхъ освобождаемыхъ безъ различія, неизбежно толкая ихъ на новыя преступленія.

Для того именно, чтобы ослабить это неизбежное вліяніе высокихъ тюремныхъ стѣнъ и обратить на пользу общественную дорого-стоящія усилія тюремнаго содержанія, и необходима организація помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія. Формы этой помощи могутъ быть весьма разнообразны, начиная отъ устройства такъ-называемыхъ переходныхъ тюремъ (*intermediale prisons*) ирландской тюремно-ваторажной системы, переходя къ устройству частныхъ убѣжищъ и рабочихъ домовъ для освобожденныхъ и кончая единичными вспомошествованіями освобожденнымъ пріисканіемъ мѣстъ, доставленіемъ работъ, примиреніемъ ихъ съ родными, пріисканіемъ помѣщеній вдали отъ преступнаго товарищества, облегченіемъ эмиграціи, а также, въ случаѣ крайности, выдачею на руки небольшихъ суммъ. Но при всемъ разнообразіи этихъ формъ, основная идея помощи состоитъ въ томъ, чтобы облегчить освобожденному возможность утилизировать при-

обрѣтенныя въ тюрьмѣ рабочія привычки и ремесленныя познанія, возвратить его въ среду свободнаго общества полезнымъ членомъ. Преслѣдуя эту цѣль, дѣло вспомошествованія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія уже успѣло увѣнчаться на Западѣ значительными успѣхами. Если колоніи и приюты для малолѣтнихъ преступниковъ успѣли значительно понизить рецидивъ между своими питомцами, то этотъ блестящій результатъ, какъ нынѣ признано, сталъ возможнымъ потому только, что они, во-первыхъ, стараются какъ можно ближе поддерживать постоянныя сношенія между свободнымъ обществомъ и своими питомцами еще во время заключенія, и, во-вторыхъ, принимаютъ на себя заботы о помѣщеніи освобождаемыхъ на работы въ частнымъ лицамъ, поддерживая связи съ малолѣтними и по освобожденіи ихъ. Весьма естественно было распространеніе этой идеи и на мѣста заключенія для взрослыхъ; правда, первая часть задачи здѣсь менѣе выполняема, но для второй открытъ полный просторъ. И дѣйствительно, опытъ не замедлилъ подтвердить еще разъ, что истины простыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ истины великія, богатыя благотворными послѣдствіями. Изъ 363 освобожденныхъ, встрѣтившихъ поддержку со стороны гласговскаго общества, только 13 человекъ впади въ рецидивъ, а 350 были спасены и для себя, и для государства. Въ средѣ покровительствуемыхъ парижскимъ генеральнымъ обществомъ, рецидивистовъ оказалось менѣе 15%. Тюрьмы невшательская и цюрихская въ Швейцаріи невидимъ процентомъ рецидива обязаны главнымъ образомъ дѣятельности существующихъ при нихъ обществъ вспомошествованія освобождаемымъ. Въ другихъ странахъ замѣчены столь же благоприятные результаты.

Мы считаемъ невозможнымъ болѣе закрывать на нихъ глаза, и потому находимъ въ высшей степени своевременнымъ и полезнымъ познакомить читателей съ дѣломъ организаціи помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ чертахъ. Наше описаніе мы начнемъ со Швейцаріи, какъ государства, гдѣ помощь освобождаемымъ успѣла пустить весьма глубокіе корни въ общественное сознаніе; тѣмъ болѣе, что объ этой странѣ мы имѣемъ самыя точныя и подробныя свѣдѣнія.

II.

Попечительства объ освобождаемыхъ изъ тюремнаго заключенія преступникахъ возникли въ Швейцаріи въ концѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія и началомъ своимъ обязаны какъ вообще гуманнымъ воззрѣніямъ швейцарскаго общества на судьбу бывшихъ преступниковъ, такъ и постоянно возраставшему въ этомъ государствѣ числу преступленій, въ особенности же преступленій, совершаемыхъ во второй разъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Тщательное изслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ, доводящихъ людей до преступленія, привело швейцарское общество къ убѣжденію, что тюремное заключеніе во многихъ случаяхъ не исправляетъ преступника, и что, въ виду опасности, грозящей преступнику, по полученіи имъ свободы, снова совершить какое-нибудь преступленіе или вообще сбиться съ пути добродѣтели и законности, необходимо не только обезпечить дальнѣйшее его существованіе въ матеріальномъ отношеніи, но позаботиться также и о довершеніи нравственнаго его исправленія, начало которому было положено въ тюрьмѣ.

Сенъ-Галленскій кантонъ былъ однимъ изъ первыхъ, въ которомъ общество особенно ревностно отнеслось къ судьбѣ бывшихъ преступниковъ и не замедлило устроить у себя для нихъ попечительство, полезная дѣятельность котораго и началась съ половины 1839 г. Исторія возникновенія этого попечительства совпадаетъ съ исторіею учрежденія въ С.-Галленѣ новой тюрьмы по принципамъ карательно-исправительной системы. Характеръ устройства этой тюрьмы необходимо требовалъ учрежденія особаго братства или общества для надзора за освобожденными преступниками. Послѣ того, какъ вопросъ объ учрежденіи новой тюрьмы и тѣсно связаннаго съ нею попечительнаго братства былъ въ теченіи 1836 и 1837 годовъ устно и печатно разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, за словомъ не замедлило послѣдовать и дѣло. Осенью 1838 г. была отстроена сказанная тюрьма, а 24 ноября того же года изданъ новый законъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, въ 5-мъ пунктѣ котораго выражено: «Каждый освобождаемый изъ тюрьмы, если только онъ гражданинъ кантона или постоянный житель онаго, по отбытіи имъ срока наказанія, передается въ вѣдѣніе попечительства на срокъ отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ». Что касается до характера дѣятельности этого попечительства, то въ общихъ чертахъ онъ уже ранѣе былъ опредѣленъ рѣшеніемъ великаго совѣта, отъ 15 ноября

того же года, касательно управленія тюрьмою. Въ 5-й пунктѣ этого рѣшенія сказано: «Коммиссія по управленію тюрьмою позаботится о томъ, чтобы всѣ преступники, по освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, нашли себѣ приличное пристанище и честный заработокъ и были переданы подъ надзоръ попечительства. Съ этою цѣлью коммиссія позаботится объ устройствѣ своего собственного попечительнаго общества, на которое малый совѣтъ можетъ возложить попеченіе объ освобожденныхъ изъ тюремъ преступникахъ, по одобренному имъ плану». Въ томъ же засѣданіи великаго совѣта были выработаны основныя положенія о предположенномъ обществѣ, которое и составилось 10 іюня 1839 г. изъ 36 членовъ, принадлежащихъ въ разнымъ частямъ кантона, а 21 того же іюня это общество получило утвержденіе со стороны малого совѣта, выразившаго при этомъ, между прочимъ, надежду, что «общество будетъ руководствоваться чисто христіанскою любовью въ исполненіи того дѣла, котораго законъ не можетъ вѣнчать въ обязанность».

Такимъ образомъ уцрѣдилось съ неослабною силою и успѣхомъ дѣйствующее по-нынѣ С.-галленское попечительное общество, въ основаніе котораго, какъ мы могли замѣтить, принята система принужденія (Zwangssystem), т. е. условіе, чтобы не въ-которые лишь, а всѣ безъ исключенія освобожденные изъ тюремнаго заключенія преступники поступали въ вѣдѣніе попечительнаго о нихъ общества. О томъ, насколько сочувственно относятся С.-галленское общество къ судьбѣ бывшихъ преступниковъ, можно судить уже потому, что только-что названное нами попечительство, имѣвшее въ началѣ всего только 36 членовъ, въ 1865 г. насчитывало ихъ 1005 человекъ и содержало на своемъ попеченіи 774 освобожденныхъ, причемъ рецидивъ преступленій въ кантонѣ составлялъ только 11 на 100.

Въ цюрихскомъ кантонѣ попечительное общество объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія образовалось гораздо позднѣе С.-галленскаго. 10 апрѣля 1865 г., по приглашенію правительственнаго совѣтника Бенца, собралось въ залѣ великаго совѣта около 250 человекъ мужского пола, которые въ то же засѣданіе проектировали статутъ предполагаемаго общества, а 21 того же апрѣля статутъ этотъ былъ утвержденъ и правительствомъ, вслѣдъ зачѣмъ избранные изъ общаго числа членовъ 7 человекъ для управленія дѣлами попечительства вступили въ отправленіе своихъ обязанностей. Попечительство это, не принявшее въ основаніе своего устава той системы принужденія, которою характе-

разуется С.-галленское попечительное общество, отличается от послѣдняго также и тѣмъ, что:

1) оно оказываетъ свое покровительство исключительно молодымъ преступникамъ;

2) принимаетъ на свое попеченіе не только преступниковъ, освобождаемыхъ изъ главной кантональной тюрьмы, но также и выпускаемыхъ изъ разныхъ другихъ окружныхъ тюремъ, и—

3) при главномъ или центральномъ комитетѣ имѣетъ въ округахъ зависящія отъ него меньшія окружныя попечительства, обязанныя нещисъ какъ о лицахъ, освобождаемыхъ изъ окружныхъ тюремъ, такъ равно и о содержащихся прежде въ главной кантональной тюрьмѣ и помѣщенныхъ затѣмъ на жительство въ соответственномъ округѣ. Въ случаѣ невозможности учредить окружныя попечительства, вмѣсто нихъ, устриваются по крайней мѣрѣ окружныя комитеты.

Въ отношеніи порядка внутренняго управленія, а также правъ и обязанностей лицъ, составляющихъ Цюрихское попечительство, необходимо замѣтить, что въ то время, какъ въ С.-галленскомъ кантонѣ директоръ тюрьмы, не будучи членомъ попечительства, обязанъ только сообщать сему послѣднему, за 6 недѣль до освобожденія изъ тюрьмы каждаго преступника, свѣдѣнія объ его возрастѣ, состояніи, поведеніи, совершенномъ преступленіи и т. п., директоръ цюрихской кантональной тюрьмы, вмѣстѣ съ состоящимъ при ней священникомъ, суть непрѣмнныя члены центрального комитета, обязанные участвовать во всѣхъ его засѣданіяхъ и представлять ему подробныя свѣдѣнія о предназначаемыхъ въ освобожденію изъ тюрьмы лицахъ. По полученіи такихъ свѣдѣній предсѣдатель комитета выбираетъ изъ среды его особаго члена для каждаго изъ освобождаемыхъ, котораго избранный членъ обязанъ затѣмъ навѣщать въ тюрьмѣ, чтобы поближе познакомиться съ нимъ, узнать объ его будущихъ планахъ и предположеніяхъ, о родѣ жизни и занятій, которыя онъ намѣренъ впоследствии избрать себѣ и т. п.

Основнымъ правиломъ попечительства принято не оказывать покровительства тѣмъ преступникамъ, которые не нуждаются ни въ матеріальной, ни въ нравственной помощи, или которые отвергають предлагаемую имъ помощь, хотя, быть можетъ, она была бы имъ очень полезна, и, наконецъ, такимъ, исправленіе которыхъ невѣроятно. По числу своихъ членовъ Цюрихское попечительство, вѣроятно вслѣдствіе своего повѣйшаго открытія, значительно уступаетъ С.-галленскому. Такъ, въ 1863 г. это попечительство насчитывало всего только 668 членовъ, причемъ

покровительствовало 378 освобожденнымъ преступникамъ; но тѣмъ не менѣе дѣятельность его оказалась вполнѣ благотворною и въ значительной степени способствовала уменьшенію числа преступленій въ кантонѣ.

Говоря о цюрихскомъ кантонѣ, необходимо еще замѣтить, что въ немъ, кромѣ только-что описаннаго попечительства для освобожденныхъ преступниковъ мужского пола, существуетъ съ 1839 года также «дамское попечительное общество», основанное г-жею Елизаветою Фри, урожденной Гёрней, изъ Лондона, исключительно для лицъ женскаго пола, и дѣйствующее, судя по нѣмѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, весьма успѣшно. Члены этого общества неоднократно посѣщаютъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, обучаютъ ихъ, и вообще назиданіемъ, совѣтомъ и собственнымъ примѣромъ стараются возвратить вовлеченныхъ въ преступленія женщинъ на путь добродѣтели. По отбытіи срока заключенія, бывшія преступницы, въ случаѣ надобности, получаютъ отъ общества въ продолженіе нѣкотораго времени пропитаніе и работу. Если обществу не представляется возможности опредѣлить освобожденную женщину въ какому-нибудь мѣсту или въ какое-нибудь порядочное семейство, тогда ей дается на нѣкоторое время убѣжище въ домѣ какаго-нибудь ремесленника въ кантонѣ, съ которымъ общество заключило на сей предметъ особыя условія; или же общество передаетъ эту женщину на попеченіе въ одно изъ тѣхъ иностранныхъ убѣжищъ (во Франціи и Германіи), съ которыми оно состоитъ въ дѣятельномъ сношеніи. Что касается до денежныхъ средствъ, то общество не ощущаетъ въ нихъ недостатка, такъ какъ добровольныя пожертвованія поступаютъ къ нему, можно сказать, въ избыткѣ.

Въ люцернскомъ кантонѣ попечительное общество учредилось въ одномъ году съ Цюрихскимъ. 1 марта 1855 г., Люцернское общепольное общество, по инициативѣ одного изъ своихъ членовъ, обратившаго вниманіе общества на значительное возрастаніе въ кантонѣ числа преступленій и преступниковъ, единогласно рѣшило позаботиться о противодѣйствіи такому печальному явленію устройствомъ попечительства для освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ. Постановлено было съ этою цѣлью собраться вновь на 6-е декабря того же года. Въ составленномъ и разосланномъ по этому случаю приглашеніи ко всѣмъ членамъ и благомыслящимъ людямъ, между прочимъ, указывается на то обстоятельство, 1) что число преступленій и преступниковъ въ люцернскомъ кантонѣ за послѣднія десять лѣтъ утроилось; 2) что наказаніе и исправительное заведеніе, если они даже и

вполнѣ соответствовать положенной въ основаніе ихъ цѣли — утрашенія и исправленія — вовсе не способствуютъ уменьшенію числа преступленій и рецидивовъ ихъ; 3) что преступникъ, покидающій тюрьму съ твердою рѣшимостью вести на будущее время честную жизнь, будучи предоставленъ самому себѣ, если даже въ немъ и не развилась еще привычка къ преступленіямъ, вслѣдствіе встрѣчающихъ его въ жизни обстоятельствъ, слѣбомъ и рядомъ вновь попадаетъ на путь порока, и что въ видахъ противодѣйствія такому присворбному явленію въ Англии, Германіи и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи устроились попечительныя общества для освобожденныхъ преступниковъ; и 4) что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только существуютъ подобныя попечительства, рецидивъ преступленій значительно уменьшился; такъ, напр., въ Лондонѣ, представляющемъ для человѣка болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, соблазна и искушеній, онъ не превышаетъ 11%. Означенное воззваніе произвело желаемое дѣйствіе. Собраніе 6 декабря въ тотъ же день выработало для предполагаемаго попечительнаго общества уставъ, въ общихъ чертахъ схожій съ уставомъ Цюрихскаго попечительства, а 10 числа того же декабря мѣсяца уставъ этотъ былъ утвержденъ правительственнымъ совѣтникомъ, послѣ чего общество и открыло свои дѣйствія, продолжаящіяся и по сіе время. Въ социальную, Люцернское попечительство не можетъ похвалиться особенными успѣхами на избранномъ поприщѣ, вслѣдствіе того, что встрѣчаетъ иногда недоувѣріе въ себѣ со стороны общества и, сверхъ того, ощущаетъ недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ.

По образцу С.-галленскаго и Цюрихскаго попечительственныхъ обществъ, мало по-малу открылись затѣмъ подобныя же учрежденія и въ нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ Швейцаріи. Такъ, въ 1858 учреждено попечительство въ кантонѣ Тургау, въ 1860 г. въ Ааргау, въ 1874 г. въ Апенцелѣ и Бернѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ кантоновъ въ то же самое время открылся и «Дамскій комитетъ» для призванія освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія женщинъ. Въ томъ же 1864 году послѣдовало преобразование, или, точнѣе сказать, возрожденіе попечительства въ кантонѣ Вадтѣ, которое хотя и было учреждено еще ранѣе С.-галленскаго, именно въ 1834 г., но по встрѣтившимся затрудненіямъ въ скоромъ же времени должно было отказаться отъ своей цѣли и на время передать состоявшихъ подъ его опекой освобожденныхъ преступниковъ въ вѣдѣніе Лозанскаго Евангелическаго общества. Попечительное общество открыто также и въ Женевѣ, но о характерѣ и результатахъ его дѣятельности намъ ничего не извѣ-

ство. — Въ кантонѣ гор. Базели нѣтъ особаго попечительства объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ; вмѣсто же попечительства, заботу о судьбѣ такихъ лицъ, по отбѣтѣ ими опредѣленнаго срока тюремнаго заключенія, приняло на себя вужествующее тамъ общество для распространенія добра и общественной пользы (Gesellschaft zur Beförderung des Guten und Gemeinnützigen). Благотворная дѣятельность этого общества ограничивается, въ сожалѣнію, только одними молодыми преступниками, которые получаютъ отъ общества, по выходѣ изъ тюрьмы, необходимую одежду, инструменты и матеріалы для работы, а также обучаются на его счетъ разнымъ ремесламъ.

Имѣются ли подобныя попечительства, или, вообще говоря, обеспечена ли хоть сколько-нибудь судьба освобожденныхъ изъ тюремъ преступниковъ въ другихъ кантонахъ Швейцаріи, — намъ неизвѣстно. По крайней мѣрѣ до 1870 г. въ другихъ, не названныхъ нами здѣсь, кантонахъ, какъ видно изъ имѣющихся у насъ источниковъ, не существовало ничего подобнаго. Мы думаемъ однако, что въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ и другія мѣстности Швейцаріи успѣли уже хоть сколько-нибудь сравняться въ этомъ отношеніи съ описанными нами кантонами, такъ какъ необходимость учрежденія попечительствъ во всѣхъ кантонахъ сознава была въ Швейцаріи еще въ 1869 году, какъ это видно изъ реферата, прочитаннаго предсѣдателемъ с.-галленскаго суда и тамошняго попечительства объ освобожденныхъ преступникахъ Г. М. Форреромъ на бышемъ 21 и 22 сентября 1869 г. въ С.-Галленѣ общемъ собраніи Швейцарскаго тюремнаго общества. Въ первыхъ двухъ, оковзательно принятыхъ собраніемъ, тезисахъ этого реферата выражено: «Попечительство объ освобождаемыхъ изъ тюремнаго заключенія уголовныхъ преступникахъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и такихъ лицахъ, которые были подвергнуты исправительному наказанію), въ видахъ поддержанія общественной нравственности и обезпеченія общественного права, составляетъ вполне цѣлесообразное и полезное учрежденіе и потому необходимо позаботиться о томъ, чтобы это учрежденіе существовало рѣшительно во всѣхъ кантонахъ».

III.

Изъ Швейцаріи перейдемъ въ сосѣднюю съ нею Германію и посмотримъ на дѣятельность тамошнихъ попечительныхъ обществъ, начало которыхъ относится къ двадцатимъ годамъ настоящаго столѣтія. Результаты дѣятельности германскихъ попечительствъ почти столь же удовлетворительны, какъ и швейцарскихъ. Изъ числа, напр., 6,436 человекъ, содержавшихся въ 1864 году въ 34 мѣстахъ заключенія Германіи, было только 1,739 такихъ, которые совершили преступленіе во второй разъ; слѣд. рецидивъ составлялъ только 27%. Такимъ благоприятнымъ результатомъ Германія обязана главнымъ образомъ неутомимой дѣятельности своихъ попечительствъ о бывшихъ преступникахъ. Не имѣя возможности, по недостатку состоящихъ въ нашемъ распоряженіи источниковъ, описывать исторію возникновенія и развитія каждаго изъ германскихъ попечительствъ, и въ то же время не желая утомлять читателей повтореніемъ почти одного и того же, мы въ настоящемъ нашемъ очеркѣ ограничимся только указаніемъ на главнѣйшіе пункты устава берлинскаго тюремнаго общества, основаннаго въ 1828 году и принятаго, между прочимъ, на свою обязанность также и попеченіе объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ, и на наиболѣе выдающіеся черты дѣятельности Дюссельдорфскаго попечительства, учрежденнаго въ 1826 году, исключительно для преступниковъ, выпускаемыхъ изъ тюремъ Рейнской провинціи и Вестфалии. Этихъ немногихъ данныхъ будетъ, какъ мы надѣемся, вполне достаточно для оцѣнки той громадной пользы, которую приносятъ всѣ вообще подобныя попечительства въ Германіи.

«Наше общество», сказано, между прочимъ, въ уставѣ Берлинскаго тюремнаго общества, «поставившее себѣ также задачей содѣйствовать нравственному и гражданскому улучшенію освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ и такимъ образомъ способствовать устраненію того недовѣрія, которое встрѣчается бывшихъ преступниковъ при возвращеніи ихъ въ гражданское общество, и тѣхъ препятствій къ ихъ дальнѣйшему усовершенствованію, которыя приходится при этомъ испытывать даже самымъ лучшимъ изъ нихъ, тогда только можетъ рассчитывать на успѣхъ, когда его дѣятельность будетъ имѣть во всѣхъ отношеніяхъ воспитательный характеръ. Въ его дѣятельности, какъ и въ дѣятельности воспитательной, должна быть оказываема одновременно и помощь тѣлесная и помощь духовная: первая — для

устраненія препятствій, мѣшающихъ нравственному исправленію, а послѣдняя—какъ непосредственно дѣйствующее цѣлебное средство. Заботясь о бывшихъ преступникахъ, общество должно тщательно слѣдить за ними и руководить ими; между обществомъ и находящимися на его попеченіи бывшими преступниками должны существовать такія же отношенія, какія существуютъ между отцомъ и сыномъ, между опекуномъ и опекаемымъ. — Оказываемая обществомъ освобожденнымъ преступникамъ тѣлесная или матеріальная помощь никакъ не должна имѣть характера раздѣланія милостыни, дабы нельзя было упрекнуть общество, что оно людитъ, доведшимъ до крайности вслѣдствіе совершенныхъ или преступленій, отдастъ то, что должно бы было принадлежать само же нуждающимся, но ничѣмъ не запятывавшимъ себя людами. Общество не должно забывать, что оказываніе матеріальной помощи не составляетъ цѣли общества, но только служитъ средствомъ для цѣли, т.-е. для того, чтобы поставить освобожденныхъ преступниковъ на путь исправленія и держать ихъ на этомъ пути; необходимо постоянно помнить, что эта помощь должна имѣть мѣсто только при увѣренности или по крайней мѣрѣ достаточной вѣроятности, что освобожденный твердо намѣренъ исправиться, и никакъ не должна переступать за предѣлы своей цѣли, — вообще же эта помощь должна заключаться только въ доставленіи освобожденному честнаго заработка посредствомъ соответствующей его склонностямъ и умѣнью работъ. Поэтому тѣ изъ освобожденныхъ, которые не хотятъ работать, точно такъ же не могутъ и не должны пользоваться подобною помощью, какъ и тѣ, вообще не могутъ работать по тѣлесной неспособности: первые должны быть передаваемы въ вѣдѣніе полиціи, а послѣдніе—въ вѣдѣніе попечительства о бѣдныхъ. — Болѣе чѣмъ о тѣлесной помощи, въ видахъ истиннаго исправленія бывшего преступника, обществу слѣдуетъ заботиться объ оказаніи ему духовной помощи, т.-е. о томъ, чтобы онъ живо сознавалъ не столько свою тѣлесную, сколько свою духовную безпомощность или свою грѣзность и каясь-мѣрно стремился бы выйти изъ таково бѣдственнаго состоянія. — Общество должно находиться въ постоянномъ сношеніи съ начальствомъ мѣстъ заключенія и получать отъ него, за нѣсколько времени до освобожденія того или другого преступника, слѣдующія: 1) объ его имени и фамиліи, 2) о возрастѣ, 3) о вѣронскожденіи, 4) о происхожденіи и прежнемъ образѣ жизни, 5) объ его родителяхъ или опекунахъ, если таковыя у него есть, 6) объ его будущемъ мѣстопребываніи, 7) о совершенномъ имъ преступленіи, 8) о судебномъ мѣстѣ, приготовившемъ это къ тюремному за-

плечению, 9) о продолжительности его заключения, 10) о днѣ освобожденія его изъ тюрьмы, 11) о прежней его судимости, 12) объ его поведении во время нахождения его въ тюрьмѣ въ послѣдній разъ и о томъ, насколько можно надѣяться на дальнѣйшее его исправленіе, 13) объ его познаніяхъ и 14) объ его собственнѣхъ предположеніяхъ насчетъ предстоящей ему по освобожденіи жизни. — Если заключенный въ тюрьму успѣлъ заработать себѣ такъ нѣкоторую сумму денегъ, то, по освобожденіи его отсюда, ему выдается изъ этой суммы лишь столько, сколько ему необходимо для того, чтобы добраться до избраннаго имъ мѣстнаго или назначеннаго ему обществомъ мѣста будущаго его жительства; остальная же часть его заработка отдается въ распоряженіе общества, которое и снабжаетъ освобожденнаго на счетъ этой суммы всѣмъ необходимымъ ему обзаведеніемъ въ новой его жизни. Общество вступаетъ въ непосредственное сношеніе съ полицейскими властями и чрезъ нихъ напредство провѣрять и наблюдать, полученныя ли изъ мѣста заключенія свидѣнія о преступникѣхъ. Опредѣляя освобожденнаго преступника на какое-нибудь мѣсто или отдавая его въ обученіе какому-нибудь мастерству, общество съ тѣмъ вмѣстѣ непремѣнно должно сообщать будущему хозяину освобожденнаго все, что ему извѣстно о прошедшей жизни послѣдняго. Общество должно употребить всѣ зависящія отъ него средства къ тому, чтобы помѣщать возобновленію связей освобожденнаго съ товарищами его прежней порочной жизни и отстранить отъ него, по возможности, всѣ тѣ вѣщныя побужденія, при которыхъ было совершено уже искупленное имъ преступленіе. Если освобожденный, побуждаемый иррелигиозными расказами и угроженіями совѣсти, самъ пожелаетъ быть помѣщеннымъ сколь можно далѣе отъ мѣста, въ которомъ онъ совершилъ преступленіе, то обществу слѣдуетъ удовлетворить, по возможности, такому желанію.

Заслуживая здѣсь похвалы гласнѣйшихъ и существеннѣйшихъ пунктовъ устава Берлинскаго тюремнаго общества касательно его пожеланія объ освобожденіяхъ изъ мѣста заключенія преступниковъ, считаемъ не лишнимъ прибавить, что общество это съ давнихъ поръ успѣло уже приобрести всеобщую извѣстность въ восточной Пруссіи и въ числѣ своихъ членовъ и добровольныхъ жертвователей, оказывающихъ ему немалыя услуги въ матеріальномъ отношеніи, насчитываетъ нѣсколько высокопоставленныхъ особъ и, между прочимъ, императора и императрицу; Германія и другіе члены царствующей въ Пруссіи фамиліи.

Обратимся теперь къ Дюссельдорфскому попечительному обществу. Уставъ этого общества имѣеть въ основаніихъ полнѣншихъ много общаго съ Берлинскимъ. Члены общества ознакомливаются съ преступниками еще до выхода послѣднихъ изъ тюрьмы, изучаютъ ихъ таинную жизнь, узнаютъ ихъ склонности, способности и предположенія на-счетъ дальнѣйшей ихъ жизни на свободѣ, даютъ имъ читать книги религиозно-нравственнаго содержанія и доставляютъ имъ, по возможности, работу. Такимъ образомъ, попечительство начинаетъ свою дѣятельность еще въ тюрьмѣ, тѣмъ главнымъ образомъ и кладется прочное основаніе для дальнѣйшихъ успѣховъ. При выходѣ преступника изъ тюрьмы, ему, для необходимаго первоначальнаго обезпеченія въ жизни, выдается денежное пособіе изъ суммы, составляющейсѣя изъ членскихъ взносовъ. Въ крайнихъ случаяхъ, вмѣсто денежнаго пособія, освобожденному дается временное помѣщеніе въ особомъ убѣжищѣ, содержимомъ на средства попечительства. Срокъ пребыванія въ этомъ убѣжищѣ различенъ, смотря по обстоятельствамъ и по поведенію бывшаго преступника; для лицъ же, не подающихъ надежды на исправленіе, онъ не можетъ продолжаться болѣе 6-ти мѣсяцевъ. Если проживающій въ убѣжищѣ своимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ успѣеть слитанить себѣ полное довѣріе своихъ попечителей, тогда общество рекомендуетъ его на какое-нибудь частное мѣсто, причѣтъ въ день выхода его изъ убѣжища въ честь его устраивается небольшое празднество. Кромѣ главнаго или центрального Дюссельдорфскаго попечительства, въ провинціяхъ устроены такіа же вспомогательныя ему попечительства, имѣющія одинаковую съ нимъ организацію и обязанныя представлять ему ежегодные отчеты о своей дѣятельности.

Большую поддержку своей дѣятельности встрѣчаетъ Дюссельдорфское попечительство со стороны мѣстнаго духовенства: Тамъ, на одиннадцатомъ провинціальномъ синодѣ въ Вестфалии сдѣлано нѣсколько весьма важныхъ и важныхъ для дѣятельности попечительнаго общества постановленій. Первымъ изъ этихъ постановленій имѣнено въ обязанности состоящихъ при тюрьмахъ духовнымъ лицамъ сообщать приходскимъ пасторамъ фамиліи освобожденныхъ, которые, по выходѣ изъ тюрьмы, имѣли бы проживать въ районѣ ихъ прихода; пасторамъ же слѣдуетъ послѣднихъ предложено посѣщать поселившихся въ ихъ приходѣ бывшихъ преступниковъ, способствовать всѣми законными отъ нихъ мѣрами нравственному ихъ улучшенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ—не оставлять безъ своего покровительства также и семейства этихъ

людей. Сверхъ того, имѣя въ виду, что недобѣріе, нѣтъ-лихо обыкновенно обществомъ въ бывшимъ преступникамъ, и особенно въ такимъ, которые состоятъ подъ надзоромъ полиціи, составляетъ главнѣйшее препятствіе въ дѣлѣ перевоспитанія этихъ лицъ, синодъ постановилъ просить министра внутреннихъ дѣлъ объ отнѣннѣ повидѣйскаго надзора или, въ крайней мѣрѣ, о значительномъ его ослабленіи, какъ для бывшихъ преступниковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи самого попечительства, такъ и для независимыхъ отъ общества, но отличающихся вполнѣ безупречною нравственностію. Въ заключеніе, синодъ призналъ необходимымъ, чтобы сверхъ уже существующихъ были открыты еще новыя убищница для лицъ, освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія.

Таковы въ общихъ чертахъ мѣры, принимаемыя Дюссельдорфскимъ почетнымъ обществомъ и вестфальскимъ духовенствомъ для нравственнаго исправленія бывшихъ преступниковъ.

IV.

Отъ Германіи обратимся въ Англїю и посмотримъ на дѣятельность тамошнихъ обществъ попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ.

Существованіе почетныхъ обществъ для бывшихъ преступниковъ съ давнихъ уже поръ узаконено въ Англїи особымъ правительственнымъ актомъ и одобрено также очередными сессіями широкаго суда (Quarter Sessions), въ большей части значительнѣйшихъ графствъ и городовъ, какъ-то: въ Миддлсексѣ, Сэррей, Ланкаширѣ, Йоркширѣ, Стаффордширѣ, Верминширѣ, Уилтоѣ, Лондонѣ, Бристолѣ и пр. Каждое изъ этихъ графствъ и городовъ имѣетъ у себя дѣятельное общество попеченія объ освобождаемыхъ изъ тюремъ преступникахъ. Общества эти, вездѣ, гдѣ только они учреждены, оказываютъ самое благотѣльное вліяніе, засвидѣтельствованное лицами, заслуживающими полнѣйшаго довѣрія. Такъ, напримѣръ, лордъ Морлей, читая 24 іюля 1871 года въ палатѣ лордовъ во второй разъ отъ имени правительства билль «О предотвращеніи преступленій», между прочимъ сказалъ: «Не могу поволнѣть съ этою частью предмета, не воздавъ видимъ заслуженной похвалы «обществамъ для пособія освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія», приносящимъ громадную пользу. Справедливость требуетъ, чтобы добрыя дѣла этихъ по-истинѣ благотѣльныхъ учреждений были извѣстны всему свѣту». Въ законѣ же точно смыслъ выразился въ 1872:

году и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, лордъ Аббердинъ, въ рѣчи, произнесенной имъ на международномъ тюремномъ конгрессѣ.

Не ограничиваясь однако только узавоженіемъ этикъ обществъ, англійское правительство, въ виду несомнѣнной ихъ пользы для государства, проявляющейся главнымъ образомъ въ уменьшеніи числа рецидивовъ преступленій и протеканціемъ отсюда сокращеніи расходовъ по содержанію въ тюрьмахъ преступниковъ, постановило оказывать имъ также и матеріальную поддержку изъ своихъ собственныхъ средствъ. Такъ, закономъ 1862 года дозволено судьямъ выплачивать за каждого освобождаемаго изъ мѣста заключенія особую выходную сумму, въ размѣрѣ не ниже двухъ фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги поступали въ вѣдѣніе подлежащаго общества вспоможенія бывшимъ заключеннымъ. Этотъ-то источникъ, вмѣстѣ съ членскими взносами и пожертвованіями благотворительныхъ лицъ, и составляетъ тотъ фондъ, располагая которымъ, попечительныя общества въ своей дѣятельности достигаютъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ тюремная статистика Англій. Такъ, напримѣръ, изъ числа 2,565 человѣкъ, освобожденныхъ въ теченіи семи лѣтъ изъ Колдъ-Батъ-Фильдской тюрьмы, благодаря поддержкѣ со стороны столичнаго общества для пособія бывшимъ заключеннымъ, только 159 возвратились въ своей вредной порочной жизни. Столь же утѣшительныя цифры можно было бы привести и для другихъ мѣстностей и тюремъ Англій.

Не излагаю подробно исторіи учрежденія и характера дѣятельности всѣхъ попечительныхъ обществъ Англій, мы опишемъ для примѣра, по имѣющимся у насъ достовѣрнымъ источникамъ, образъ дѣяній одного только Лондонскаго попечительнаго общества, именуемаго «The discharged prisoners' aid Society».

Лондонское попечительное общество, основанное на началахъ истинно-христіанскаго человеколюбія, составъ въ вѣдѣніи самыхъ именитыхъ мужей Англій. Комитетъ этого общества, подъ предсѣдательствомъ маркиза Вестминстерскаго, составляютъ епископы и члены королевскаго совѣта и парламента. Въ числѣ членовъ вице-президентовъ этого комитета встрѣчается, между прочимъ, и имя лорда Шефтсбери. Изъ ответа общества за 1867 годъ видно, что въ періодъ времени съ 1857 по 1867 годъ общество содержало на своемъ попеченіи 5,257 преступниковъ, въ томъ числѣ 4,678 мужчинъ и 579 женщинъ. Помощь, оказанная обществомъ этимъ лицамъ, заключалась главнымъ образомъ въ снабженіи ихъ одеждою, инструментами и матеріалами для про-

изводства, ремесла, и некоторыми другими средствами для приобретения заработка честным трудомъ. Секретарь комитета майоръ Тиллбрукъ въ концѣ своего отчета приводитъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько дѣйствительно полезна была помощь, оказанная обществомъ освобожденнымъ преступникамъ, и насколько по тому самому полезно для государства учрежденіе этого общества.

Цѣль Лондонскаго попечительнаго общества ясно выражена во 2-мъ пунктѣ его устава, въ которомъ сказано: «Общество имѣетъ своею цѣлью оказывать покровительство тѣмъ изъ освобожденныхъ преступниковъ, которые избраны комитетомъ; покровительство же это заключается въ доставленіи бывшимъ преступникамъ работы или средствъ для возвращенія на родину, въ присвоеніи имъ приличнаго помѣщенія, или оказаніи временной помощи тѣмъ изъ нихъ, которые желаютъ поступить куда-нибудь на мѣсто». Что касается до способовъ достиженія основной своей цѣли, то въ отношеніи ихъ определено обществомъ: 1) ни въ какомъ случаѣ не покровительствовать освобожденному, если съ его стороны нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что покровительство будетъ для него дѣйствительно полезно, и 2) пользоваться въ дѣлѣ оказанія покровительства только самими простыми мѣрами, удобнѣйшими и благотвѣнно вліяющими на нравственность покровительствуемыхъ. Первую гарантію, какая требуется обществомъ отъ освобождаемаго, составляетъ рекомендація директора той тюрьмы, въ которой онъ содержался. Въ этой рекомендаціи должны заключаться самыя полныя и точныя свѣдѣнія о прошедшей жизни бывшаго преступника, объ его поведеніи за время пребыванія его въ тюрьмѣ, о цифрѣ причитающагося ему отъ тюрьмы денежнаго вознагражденія за проведенныя имъ работы, объ его способностяхъ и о родѣ занятій, которыя онъ предполагаетъ избрать себѣ по освобожденіи на волю. Въ этихъ свѣдѣніяхъ обыкновенно предлагается и фотографическое изображеніе освобождаемаго, которое, вмѣстѣ съ такими же портретами другихъ бывшихъ преступниковъ, хранится въ обществѣ въ особомъ альбомѣ. Вторая, не менѣе важная гарантія, требуемая попечительствомъ отъ освобождаемаго, состоитъ въ томъ, что въ случаѣ желанія послѣдняго поступить на попеченіе общества, онъ долженъ, по выходѣ изъ тюрьмы, тотчасъ же явиться въ агентство общества и передать секретарю его всѣ свои деньги, вырученныя имъ отъ работъ, исполненныя во время пребыванія его въ тюрьмѣ. Эта мѣра необходима въ томъ отношеніи, что даетъ обществу вещественное ручательство за искренности;

наибрѣе освобожденнаго исправиться и отплатить у него возможность непроизводительно израсходовать приобретенный имъ въ тюрьмѣ заработокъ. Вся эта сумма—или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ея—передается загнѣзъ тому лицу, которое соглашается принять въ себя бывшаго преступника въ услуженіе и которому, нѣтъ съ тѣхъ, сообщается по секрету и все прошлое освобожденнаго. Есть еще и третья гарантія, придающая обществу особенный авторитетъ въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ освобождаемыхъ, именно тѣхъ, которые, на основаніи принятой въ Англій системѣ, за свое приличное поведеніе и трудолюбіе, получаютъ такъ-называемое «ticket of leave» (увольнительный билетъ), т. е. освобождаются на известныхъ условіяхъ въ тюрьмѣ до истеченія опредѣленнаго имъ срока заключенія. Одно изъ этихъ условій состоитъ въ томъ, что освобождаемый подчиняется полицейскому надзору. Если же условно освобождаемый конвентъ пожелаетъ поступить на попеченіе общества, тогда полицейскій надзоръ загнѣзается для него надзоромъ самого общества, въ агентство котораго онъ обвужается являться каждый мѣсяць. Пока поступившія на попеченіе общества лица проживаютъ въ Лондонѣ, они остаются внѣ полицейскаго надзора: полиція можетъ, конечно, знать ихъ, но ей формально запрещено слѣдить за ними, если только не представится какихъ-нибудь обстоятельствъ, навлекающихъ на нихъ подозрѣніе въ совершеніи новыхъ преступленій. За то попечительное общество зорко слѣдитъ за своими конвентами и доставляетъ о нихъ въ опредѣленные сроки свѣдѣнія начальнику полиціи. Въ случаѣ нарушенія конвентомъ предписанныхъ ему условій, онъ немедленно передается въ вѣдѣніе полиціи. Этой послѣдней мѣрѣ болѣе всего боятся освобожденные, потому что въ надзорѣ за ними самого общества видятъ все-же-таки згъ, внушаемый обществу чувствомъ любви и желанія имъ добра, какаго чувства они вовсе не предполагаютъ въ надзорѣ полицейскомъ; — этигъ и объясняется, почему люди этого сорта такъ добровольно подчиняются всѣмъ правиламъ общества, какъ бы ни были строги эти правила. Таковы мѣры, которыми попечительное общество гарантируетъ свои дѣйствія.

Средства, употребляемая обществомъ для достиженія поставленной въ основаніе его цѣли, весьма просты: онѣ заключаются главнымъ образомъ въ присваиваніе покровительствуемимъ имъ лицамъ соотвѣственной ихъ способностямъ и наклонностямъ должности, — напримеръ, слуги въ законѣ-нибудь семействѣ, сидѣльцы въ магазинѣ и т. п., или же — доставленіи имъ необходимимъ средствъ для начатія какаго-нибудь собственнаго торговаго или

промышленнаго предпріятія. Казалось бы на первый взгляд, что не легко помѣщать подобнаго рода людей куда-нибудь на должность; но въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ иное. Въ Лондонѣ, да и вообще въ Англіи, есть весьма много людей, которые, руководствуясь принципомъ человеколюбія, не боятся принимать къ себѣ въ услуженіе подобныя несчастливцы, особенно же имѣя въ своихъ рукахъ такіе отличныя средства для удержанія ихъ въ предѣлахъ должнаго и законнаго, назови — заработка: освобожденнаго и знаніе всей прошлой его жизни.

Дѣя пріеманія соотвѣтственнаго мѣста, общество выдѣляетъ состоящему на его пометеніи освобожденному изъ заработной платы въ торжѣ суммы самое необходимое количество денегъ и навмаетъ ему помѣщеніе въ части города, наиболѣе отдаленной отъ мѣста жительства прежнихъ его товарищей по пороку и преступленію, вліяніе которыхъ могло бы быть для него вреднымъ. Если покровительствуемое обществомъ лицо есть женщина, то ее обыкновенно помѣщаютъ въ какое-нибудь убійница, съ начальницей котораго общество состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, или въ какой-нибудь другой общѣ, пользующейся довѣреніемъ общества. Жена преслѣдываема или одержимаго тѣлесными недугами и потому не могущія заниматься ручными работами, снабжаются отъ общества нѣкоторымъ количествомъ овецъ или козъ: въ дѣлаются мясники или чинятъ торговани. Впрочемъ, такого рода занятія не особенно одобряются агентами общества; такъ называемая мелочная торговля на улицахъ легко развиваетъ страсть къ бродячей жизни и приводитъ нерѣдко мелкихъ торговцевъ въ сношеніи съ прежними знакомыми, послѣдствіемъ чего могутъ быть рецидивы преступленій. Тѣ изъ освобожденныхъ, у которыхъ въ колоніяхъ есть друзья, готовые принять ихъ къ себѣ на жительство и способствовать ихъ нравственному улучшенію, получаютъ отъ общества безплатно билетъ на професію: туда и сверхъ него необходимую эквипировку.

Что касается до самой организаціи общества, то она имѣетъ нѣкую форму права. Комитетъ изъ трехъ секретарей, изъ которыхъ два почетные, двухъ или трехъ вице-президентовъ и столько же инспекторовъ, заведуетъ всѣми дѣлами общества. На инспекторовъ исключительно возложена обязанность навѣщать ежедневно одного или нѣсколькихъ изъ освобожденныхъ, посѣщеніемъ которыхъ не накинѣтъ никакихъ должностей, и имѣть представлять секретарю письменный рапортъ о результатѣ своихъ посѣщеній. Содержаніе представляемыхъ рапортовъ состоитъ изъ возможности имѣть и тожностію въ общіе списки:

зрѣлѣеишій обществу; такъ-что изъ изъ этихъ списковъ можно составить самую полную біографію бывшихъ преступниковъ съ момента поступленія ихъ въ вѣдѣніе общества.

Познакомившись въ предыдущемъ съ организаціею и характеромъ дѣятельности Лондонскаго общества попеченія объ освобожденникѣхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ и получивъ такимъ образомъ возможность составить себѣ по нему общее понятіе объ устройствѣ и образѣ дѣйствій всѣхъ прочіхъ незначительствъ этого рода въ Англіи, мало-лишь чѣмъ отличающихся отъ размогубнаго, взглянемъ также и на дѣятельность Франціи по отношенію къ людямъ, искушавшимъ свои преступленія тюремнымъ заключеніемъ и вновь вступающимъ въ жизнь съ обществомъ.

V.

Во Франціи общественное мнѣніе долгое время не признавало громадной пользы, приносимой государству учрежденіемъ общества попеченія объ освобожденникѣхъ изъ тюремъ преступникахъ. Никакія убѣжденія лучшихъ законодатель Франціи, кавовы, напр., Шарль, Лукъсъ и др., указывавшихъ на необходимость позаботиться о судьбѣ освобожденныхъ, ни постоянное возрастаніе рецидива, ни достойный подражанія примѣръ другихъ просвѣщенныхъ государствъ Европы, — ничто не могла вывести Францію изъ ея апатіи и побудить ее заняться улучшеніемъ нравственнаго и матеріальнаго бита бывшихъ преступниковъ. Общество до того было проникнуто презрѣніемъ къ подобнымъ личностямъ, что когда въ 1842 г. бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дюпатель, въ качествѣ депутата сталъ разбирать проектъ объ учрежденіи попечительства объ освобожденникѣхъ преступникахъ, то многіе изъ присутствовавшихъ въ собраніи рѣшились поднять свой голосъ противъ такой мѣры, считая ее утопіею великодушна.

Не слѣдуетъ, однако, думать, будто во Франціи, которую никакъ нельзя уврекнуть въ отсутствіи челоуколюбія, рѣшительно ничего не было сдѣлано на пользу падшаго челоучества. Напретвъ и въ ней учреждалось, помимо еще существующаго, попечительства для освобожденныхъ преступниковъ, привокъ, убійства и, в. п. Така, напр., общаго извѣстнаго монетальнаго общества для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Оснаго департамента, общаго сформъ существованіемъ и процвѣтаніемъ знаменитыхъ Берангестону и вышеупомянутому криминальному Лукъсу. Были

также сдѣланы отдѣльныя попытки учрежденія попечительствъ и для взрослыхъ, не имѣвшихъ, однако, никакого опредѣленнаго плана и предзназначенія исключительно для женщинъ, устроены даже многіе приюты и убѣжища для взрослыхъ, бывшихъ преступниковъ мужскаго и женскаго пола. Но всѣ эти учрежденія какъ по основной цѣли своей, такъ и по способамъ достиженія ея: результатами своей дѣятельности существенно отличны отъ попечительствъ для освобожденныхъ въ томъ значеніи этого слова, какое придается ему въ другихъ государствахъ Европы.

Таково было положеніе дѣлъ во Франціи до самаго 1869 г., въ которомъ наставъ Робертъ, членъ нинѣшняго генеральнаго французскаго тюремнаго общества, учредилъ общество попеченій объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія взрослыхъ преступникахъ протестантскаго исповѣданія и въ томъ положилъ во Франціи начало такимъ же попечительствамъ, какія существуютъ и въ другихъ перенесенныхъ нами выше государствахъ.

Одновременно съ учрежденіемъ этого общества, другое лицо, совершенно справедливо именуемое неумолимымъ и равностнымъ пропагандистомъ идеи о необходимости повсемѣстнаго распространенія попечительствъ о бывшихъ преступникахъ, задумало громадный проектъ устройства одного генеральнаго попечительства этого рода для всей Франціи, которое, познакомивъ французское общество съ значеніемъ заграничныхъ попечительствъ и пользою, приносимую ими своимъ государствамъ; вызвало бы отдѣльныя силы Франціи къ совокупной дѣятельности на пользу нуждающагося въ перевоспитаніи человѣка. Это былъ Ламаркъ.

Въ концѣ 1870 года, предложивъ множество затрудненій, Ламаркъ успѣлъ, наконецъ, убѣдить своихъ собратьевъ въ настоятельной необходимости учрежденія задуманнаго имъ попечительства и не замедлилъ привести задѣмъ свое намѣреніе въ исполненіе. Этому, конечно, много способствовали также и тогдашнія обстоятельства. На глазахъ Франціи совершалось тогда событіе, болѣе, чѣмъ когда-либо, требовавшее изысканія всѣхъ возможныхъ средствъ къ искорененію порока и нищеты. Въ кругу тогдашняго общественаго мнѣнія Ламаркъ нашла себѣ, наконецъ, всеобщее сочувствіе и дѣятельную помощь со всѣхъ сторонъ. Національное собраніе, къ которому Ламаркъ обратился съ просьбою объ утвержденіи своего проекта и объ оказаніи ему необходимаго содѣйствія, единогласно одобрилъ этотъ проектъ, дѣйствіемъ отъ 4 ноября 1875 г. увѣдомило существованіе генеральнаго общества попеченія объ освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія Франціи.

Учрежденное такимъ образомъ на идеѣ и плану Далакрия, генеральное попечительное общество имѣетъ въ виду двоякую цѣль:

1) Попровителъствовать освобожденнымъ изъ тюремъ Франціи, доставляя имъ необходимую для существованія работу, а въ некоторыхъ случаяхъ и одежду, инструменты для производства ремесла, а также и временное пристанище, и—

2) Содѣйствовать учрежденію во всѣхъ мѣстахъ французской территоріи попечительныхъ обществъ, поддерживать эти общества всеми зависящими отъ него мѣрами и обращать частныхъ лицъ къ благотворительности въ пользу освобожденныхъ.

Насмотря на недавность своего основанія, генеральное попечительное общество успѣло уже оказать свое содѣйствіе около 700 освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія и вызвать отаріе провинціальныхъ попечительствъ во всѣхъ мѣстахъ Франціи. Не перечисляя названій всѣхъ этихъ попечительствъ, замѣтимъ только въ заключеніе, что ихъ въ настоящее время такое множество, что правительство и общество озабочены уже не столько изысканіемъ средствъ въ открытію новыхъ учрежденій этого рода, сколько разрѣшеніемъ вопроса о наилучшей въ нравственномъ отношеніи организаціи ихъ. Такимъ образомъ, Франція, долгое время оставшаяся въ дѣлѣ покровительства бывшимъ преступникамъ отъ другихъ государствъ Европы, въ какіе-нибудь два или три года успѣла сдѣлать на этомъ поприщѣ едва ли не болѣе того, до чего дошли другія государства въ теченіи многихъ лѣтъ труда, терпѣнія и настойчивости.

Въ остальныхъ государствахъ западной Европы благотворительное дѣло учрежденія попечительствъ для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія преступниковъ, какъ кажется, или вовсе не находятъ себѣ примѣненія, или практикуется въ самой слабой степени. Но крайней мѣрѣ относительно Бельгіи намъ извѣстно, что тамошнее общество считаетъ существованіе попечительствъ для бывшихъ преступниковъ дѣломъ почти лишнимъ, и надѣется, что лучшее исправленіе преступниковъ можно достигнуть, вовсе не прибѣгая къ этой мѣрѣ, съ помощью лишь правильной системы тюремной дисциплины. Въ Швеціи точно такъ же еще очень мало сдѣлано на пользу освобожденныхъ. Тамъ, въ 1872 году тамъ, какъ видно изъ отвѣтовъ шведскаго королевства на запросы, сдѣланные ему бывшимъ въ Лондонѣ международнымъ тюремнымъ конгрессомъ, существовало всего только два попечительныхъ общества этого рода. Судя, однако, по словамъ совѣтника при верховномъ дворѣ шведскаго королевства, извѣстнаго криминалиста К. д'Оливеркрона,

для Швеции не далеко то время, когда и она въ дѣлѣ обезпеченія судьбы освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія станетъ въ уровень съ Англіею, Германіею и другими государствами. «Съ чувствомъ живѣйшей радости,—говоритъ д'Оливекрона въ концѣ своего сочиненія: «О причинахъ рецидива преступленій и средствахъ къ ослабленію ихъ вліанія»,—узнали мы, что патриотическое общество (Fosterländska Föreningen), принесшее уже столько пользы поощреніемъ бережливости и сокращенія расходовъ, въ годовомъ засѣданіи 25 апрѣля 1872 года сдѣлало воззваніе къ шведскому народу «о необходимости принять мѣры къ уменьшенію рецидива». Это воззваніе найдетъ себѣ, какъ мы надѣемся, сочувственный отголосокъ во всѣхъ сердцахъ добрыхъ гражданъ и истинныхъ друзей челоѣчества; патриотическое общество, конечно, не напрасно обратилось къ шведскому народу съ воззваніемъ относительно предмета, достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ серьезнаго вниманія и самаго горячаго рвенія». «Мы заканчиваемъ эти страницы», добавляетъ д'Оливекрона въ заключеніе своего сочиненія, «въ полной надеждѣ, что въ скоромъ времени образуется и генеральное общество попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія взрослыхъ и молодыхъ преступникахъ, центральное отдѣленіе котораго будетъ въ Стокгольмѣ, а вспомогательныя—во всѣхъ главныхъ городахъ провинцій. Если общество это получитъ хорошую организацію, если въ управленіи и дѣятельности этого общества примутъ участіе мужчины и женщины, полные рвенія и опытности, тогда отечество и челоѣчество могутъ и должны ожидать отъ него прекрасныхъ результатовъ».

Что касается до принятой въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ системы попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія преступникахъ, то о ней, по неимѣнію у насъ никакихъ данныхъ, мы рѣшительно ничего не можемъ сказать; мы думаемъ, однако, что судьба бывшихъ преступниковъ обезпечена въ Америкѣ не менѣе, чѣмъ и въ Англіи.

VI.

Изложивъ въ предыдущихъ очеркахъ развитіе и современное состояніе общественной помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія за границей, мы должны обратить теперь вниманіе на самую большую сторону этого вопроса, именно на состояніе его въ нашемъ отечествѣ.

Молодой, но уже составившій себѣ почетное имя въ политико-филантропической дѣятельности, англичанинъ, Мерри Браунъ (Murray Browne), въ представленномъ имъ брейтонскому съѣзду социальныхъ наукъ рефератѣ объ обществахъ вспоможенія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, между прочимъ, говоритъ: «Въ Россіи пенитенціарная реформа находится еще въ состояніи зародышномъ. Первое общество покровительства освобожденнымъ учреждено въ этой имперіи въ 1872 году.» Какъ ни суровъ этотъ приговоръ, но и его приходится принять за комплиментъ: у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного общества, которое бы учредилось съ цѣлью вспоможенія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, такъ что, за однимъ исключеніемъ, о которомъ мы скажемъ далѣе, въ нашемъ обширномъ отечествѣ освобождаемые изъ мѣстъ заключенія остаются совершенно на произволъ общественныхъ предубѣжденій и недоброжелательства, которыя въ большинствѣ случаевъ приводятъ ихъ къ новымъ преступленіямъ.

Полная весьма интересныхъ страницъ русская исторія тюремнаго попечительства, въ которомъ, при непосредственномъ участіи правительства при имп. Александрѣ I и Николаѣ I, одно время принимала дѣятельное участіе вся высшая интеллигенція нашего общества, оставляетъ на первый взглядъ такой важный пробѣлъ совершенно непонятнымъ. Но объясненіе его лежитъ именно въ весьма широкихъ и неумѣстныхъ для общества задачахъ, которыя были на него возложены его уставомъ.

На основаніи устава 1819 г., перешедшаго затѣмъ въ Сводъ законовъ, общество попечительное о тюрьмахъ представляетъ собою разбросанную по всей имперіи сеть установленій, вѣдающихъ хозяйственную и нравственную стороны тюремной жизни подъ ближайшею отвѣтственностью лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе высокое положеніе на государственной службѣ. Оно образовалось въ ту историческую эпоху тюремной филантропіи, когда послѣдняя задавалась одною задачею — облегчить по возможности тяжелую участь тюремныхъ сидѣльцевъ въ отношеніяхъ экономическомъ и нравственномъ, и остановилось на этой первоначальной точкѣ, несмотря на истѣншіе польѣка. Филантропическая дѣятельность, поставленная подъ ближайшую отвѣтственность лицъ официальныхъ, мало-по-малу исказилась въ своемъ существѣ и превратилась въ канцелярскую рутину. Множество работъ по внутренней тюремной жизни закрывали глаза общества отъ попеченій объ участи арестантовъ по освобожденіи, и какъ только тюремныя ворота открывались для арестанта, общество

попечительное «о тюрьмахъ» переставало существовать для него... до новаго преступленія.

Однако, хотя уставъ общества попечительнаго о тюрьмахъ обходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о помощи освобожденнымъ, въ немъ не содержится прямого на то запрещенія. Съ другой стороны, законъ, хотя и восвеевно, устанавливаетъ мѣры, рассчитанныя на поощреніе освобожденныхъ въ честной жизни за предѣлами тюрьмы; такъ, напр., онъ заботится, чтобы арестантъ къ выходу изъ тюрьмы могъ заработать деньги, выдаваемые по освобожденіи, вводить надъ освобожденными полицейскій надзоръ и надзоръ общества, одною изъ задачъ котораго, несомнѣнно, должно быть устраненіе отъ недавняго узника прежнихъ пагубныхъ вліяній и доставленіе ему возможности окончательно смыть съ себя пятно преступленія. Руководясь этими мотивами, С.-петербургскій комитетъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1875 году основалъ «Убѣжище для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія», съ особымъ въ немъ отдѣленіемъ для несовершеннолѣтнихъ. Сюда могутъ поступать освобожденные изъ различныхъ тюремъ С.-Петербурга въ теченіи недѣли со дня освобожденія, и пользоваться въ убѣжищѣ помѣщеніемъ, пищею и одеждою въ теченіи до 4 мѣсяцевъ. Попечительство и начальникъ убѣжища прискиваютъ призрѣваемымъ работы на свободѣ, облегчаютъ имъ возвращеніе на родину, заботятся объ устройствѣ въ самомъ убѣжищѣ мастерскихъ для занятій призрѣваемыхъ и принимаютъ другія мѣры, направленные въ тому, чтобы направить своихъ питомцевъ по дорогѣ чести и общественной пользы. Несовершеннолѣтніе изъ призрѣваемыхъ, по уставу, пользуются въ убѣжищѣ и школьнымъ преподаваніемъ въ объемѣ народныхъ училищъ. Изъ слѣдующей призрѣваемымъ заработной платы вычитается стоимость содержанія ихъ, для каждаго въ отдѣльности.

Вотъ и все, что имѣется имѣется въ Россіи по предмету попеченія освобожденнымъ изъ тюремъ. Но, во-первыхъ, этотъ классъ лицъ съ избыткомъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ имперіи, кромѣ С.-Петербурга, и участь его во многихъ мѣстахъ, преимущественно густо населенныхъ, представляется весьма тяжелою. Во-вторыхъ, при той формѣ попеченія, которая принята С.-петербургскимъ комитетомъ, помощь можетъ быть доставляема весьма ничтожному количеству нуждающихся въ ней даже въ мѣстахъ, гдѣ она практикуется, гдѣ убѣжища открыты и находятся въ дѣйстви. Чтобы доставить освобожденнымъ помѣщеніе, содержаніе и работы, нужны громадныя затраты, и для сокра-

щенія ихъ необходимо прибѣгать къ сокращенію числа приврѣваемыхъ. «Убѣжище» С.-петербургскаго комитета, въ теченіи двухъ лѣтъ своего существованія, приняло всего около 90 человѣкъ, а между тѣмъ оно ежегодно обходится комитету, за вычетомъ расходовъ на обзаведеніе мастерскихъ и наемной платы (1200 р.), не менѣе чѣмъ въ 3000 руб. То же было замѣчено и въ другихъ государствахъ; напр., убѣжище въ Глазгау, учрежденное въ 1859 г., приняло въ этомъ году только 60 человѣкъ, между тѣмъ стоимость его въ теченіи первыхъ девяти мѣсяцевъ, не считая надержекъ на обзаведеніе, возрасла до 483¹/₂ фунт. стерл., т.-е. около 3000 руб. Въ-третьихъ, и самое главное, единственная практикуемая у насъ форма попеченія объ освобожденныхъ, по самому существу своему, наикрѣпѣ пригодна для достиженія сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть рекомендована въ видѣ общаго правила. Къ ней можно прибѣгать съ пользою только относительно нѣкоторыхъ категорій освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія, именно несовершеннолѣтнихъ обоехъ половъ и отчасти совершеннолѣтнихъ женщинъ; что же касается совершеннолѣтнихъ мужчинъ, то опытъ западныхъ государствъ успѣлъ доказать уже крайнюю непригодность и даже вредъ ея. Сошлюсь на Глазгауское убѣжище, которое уже названо выше. Съ апрѣля 1859 по январь 1860 г., оно помѣщалось въ скверѣ св. Андрея, представляя изъ себя пріютъ-мастерскую, подобно С.-петербургскому убѣжищу; но изъ 60 поступившихъ въ него, 25 человѣкъ за новыя преступленія подверглись вторичному наказанію, 5 чел. скрылись безъ вѣсти, 4 эмигрировали. Столь неутѣшительный результатъ лица, стоявшія во главѣ убѣжища, объяснили помѣщеніемъ его въ городѣ, вблизи отъ приврѣваемыхъ ихъ прежнихъ товарищей, и потому рѣшили перевести его въ деревню, занявъ приврѣваемыхъ сельско-хозяйственными работами. Но громадныя затраты, положенныя на осуществленіе этой мысли (около 1000 ф. ст.), не вознаградились ожидаемыми результатами. *Детрети* поступившихъ въ убѣжище-ферму (41 чел.) впали въ новыя преступленія, и только относительно 8 человѣкъ свѣдѣнія были удовлетворительны. Энергическій и весьма честный начальникъ, стоявшій во главѣ этого учрежденія, вынужденъ былъ придти къ заключенію, что «убѣжище могло принести пользу только несовершеннолѣтнимъ, побывавшимъ въ тюрьмѣ единственный разъ и не успѣвшимъ запастись дровами въ этой средѣ. Но случаи этого рода были настолько рѣдки, что ими не могутъ оправдываться весьма серьезныя расходы, поглощенные убѣжи-

щемъ». Тогда гласгаускіе филантропы порѣшили отказаться отъ этой формы попеченія, известной подъ именемъ коллективной, и постепенно, въ теченіи непрерывной 15-ти-лѣтней дѣятельности, выработали такъ-называемую индивидуальную форму попечительства. Она состоитъ въ томъ, что общество, черезъ своихъ членовъ и агентовъ, о каждомъ освобожденномъ заботится особо. Никакихъ общихъ помѣщеній не устраивается, но за то, знакомясь съ арестантомъ еще въ тюрьмѣ и признавъ его достойнымъ помощи, гласгауское общество прискиваетъ ему немедленно работу на свободѣ, старается примирить его съ родственниками или прежними хозяевами, въ случаѣ нужды содѣйствуетъ эмиграціи и лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ выдаетъ отъ себя матеріальное пособіе, но не деньгами на руки, а платою за помѣщеніе и содержаніе освобожденнаго на первое время. При этомъ способѣ попеченія, расходы значительно сократились (въ теченіи 10 лѣтъ издержано столько, сколько прежде издерживалось въ теченіи одного года), и вмѣстѣ съ тѣмъ рецидивъ въ средѣ призрѣваемыхъ палъ до 10% ¹⁾. Столь же успѣшные результаты получались и на континентѣ Европы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ индивидуальное попечительство. Парижское генеральное общество, построенное на такомъ основаніи, въ теченіи двухъ первыхъ лѣтъ своего существованія доставило помощь болѣе чѣмъ 600 освобожденнымъ, при самыхъ скромныхъ денежныхъ затратахъ и съ блестящими результатами по цифрамъ рецидива.

Такимъ образомъ, при выборѣ индивидуальной системы попеченія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, денежный вопросъ оказывается далеко не столь непреодолимымъ, какъ бы могло показаться съ перваго взгляда. Несомнѣнность этой истины выступитъ еще рельефнѣе, если твердо слѣдовать основному началу, на которомъ должно быть построено все дѣло попеченія: оно должно быть доставляемо не всѣмъ желающимъ, а лишь нуждающимся въ немъ и заслуживающимъ его, притомъ только въ предѣлахъ необходимости и съ обязанностью призрѣваемаго возратить, по возможности, всѣ понесенные на него расходы. «Рука помощи; — говоритъ Ламаркъ, человеколюбіе котораго едва ли можетъ быть заподозрѣно, — должна быть протягиваема только освобожденнымъ исправившимся или подающимъ надежду на исправленіе. Что же касается тѣхъ изъ нихъ, которые выставляютъ на показъ свое безсиліе или, прикрываясь личною честности, на самомъ дѣлѣ твердо рѣшились не отступать отъ

¹⁾ *Lamarque, La réhabilitation des libérés. Paris, 1877, стр. 170.*

своихъ порочныхъ привычекъ, то помогать имъ значило бы осуждать человеколюбіе быть жертвою обмана». «Черезъ чужъ щедрая помощь,—прибавляетъ онъ,—въ большинствѣ случаевъ будетъ скорѣе приманною для порока и лицемерія, чѣмъ посредствіемъ къ раскаянію. Наоборотъ, ограниченіе филантропической дѣятельности исключительно помощью моральною легко можетъ подорвать успѣхъ всего дѣла. Объ крайности слѣдуетъ тщательно избѣгать». Конечно, выборъ изъ всей массы освобожденныхъ дѣйствительно нуждающихся въ помощи и заслуживающихъ ее представляется дѣломъ не легкимъ, но въ немъ заключается почти вся задача, и опытъ нашихъ сосѣдей успѣлъ уже выработать главнѣйшія мѣры, обезпечивающія ея правильное разрѣшеніе. Въ Швейцаріи, въ Великобританіи и во Франціи прибѣгаютъ для этого къ тщательному изслѣдованію прежней жизни освобождаемаго, стараются разузнать, каковы его родные и знакомые и каково поведеніе его въ тюрьмѣ. Находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тюремною администраціею, попечительныя общества значительную часть свѣдѣній получаютъ отъ смотрителя тюрьмы или черезъ его посредство. На случай недостаточности свѣдѣній, собираемыхъ этимъ путемъ, попечительныя общества расширяютъ ихъ при помощи своихъ членовъ и агентовъ; послѣдніе играютъ особенно выдающуюся роль и признаны уже крайне необходимымъ органомъ попечительной дѣятельности для освобожденныхъ. Заинтересованный полученіемъ жалованья, близко знакомый съ фабричными и промышленными учрежденіями, а также съ міромъ рабочихъ, онъ доставляетъ попечительствамъ свѣдѣнія, которыя невозможно получить изъ бумагъ освобождаемаго, прискидываетъ мѣста и имѣетъ въ своемъ распоряженіи тысячи путей для того, чтобы слѣдить за освобожденнымъ, пользующимся помощью. Опытномъ дознано, что расходъ на хорошаго комиссіонера отнюдь не долженъ остававлять попечительство.

Прочныя связи съ тюремнымъ начальствомъ, возможность знакомиться съ освобождаемыми еще въ стѣнахъ тюрьмы и сношенія съ полиціею для полученія свѣдѣній о поведеніи освобожденнаго существенно необходимы для успѣха попечительной дѣятельности. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы правительство не протянуло руку помощи попечительству: развитіе попечительной дѣятельности неминуемо приведетъ къ уменьшенію въ странѣ рецидива преступленій, а къ этому результату направлены усилія высшаго правительства. Слѣдуетъ даже ожидать денежной помощи отъ правительства, такъ какъ, особенно на первыхъ порахъ, частная попечительная дѣятельность можетъ быть

серьёзно стѣснена недостаткомъ средствъ. Парижское общество, послѣ двухъ лѣтъ своего существованія, признано «учрежденіемъ общественной пользы» и получаетъ теперь отъ правительства ежегодно денежную субсидію, въ выдѣлѣ которой правительство не имѣетъ поводовъ раскаяваться. Но изъ этого не слѣдуетъ, что попечительная дѣятельность должна быть подчинена оффиціальной власти. Напротивъ, только при полной ея самостоятельности, хотя бы съ самымъ широкимъ контролемъ правительства, только при отсутствіи канцелярской рутинны и мертвящихъ формальностей, дѣло вспоможенія освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія можетъ идти успѣшно. Положеніе, въ которомъ находится нынѣ наше «Общество попечительное о тюрьмахъ», хорошо намъ знакомо и должно предостеречь насъ на будущее время отъ этой пагубной ошибки.

Слѣдую этимъ началамъ, по нашему мнѣнію, не трудно найти способы и средства для осуществленія идеи попечительства освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія, не откладывая этого важнаго дѣла въ долгій ящикъ. Во-первыхъ, эту задачу могло бы примкнуть къ своимъ обыкновеннымъ заботамъ Общество попечительное о тюрьмахъ. Если С.-петербургскій комитетъ его нашелъ даже возможнымъ исходатайствовать учрежденіе особаго убѣжища, поглощающаго значительныя средства и требующаго обширную администрацію, то тѣмъ болѣе возможно расширить обыкновенную дѣятельность общества на попеченіе освобожденнымъ въ той формѣ, которая не требуетъ ни прискиванія квартиры, ни устройства мастерскихъ, приспособленіе которыхъ для лицъ этой категоріи весьма затруднительно, и обойдется несравненно дешевле. Оставивъ убѣжища для несовершеннолѣтнихъ, комитетъ могъ бы ввести для взрослыхъ *индивидуальное* попечительство. Включеніе этой новой и многообъщающей задачи въ кругъ дѣятельности комитетовъ, по нашему убѣжденію, было бы крайне желательно въ собственныхъ интересахъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ; служа ей, Общество могло бы снова завоевать то высокое уваженіе, которымъ оно пользовалось еще не такъ давно, развитъ частную инициативу въ средѣ своихъ членовъ, указать имъ благородную цѣль дѣятельности, и такимъ образомъ могло сохранить свое существованіе, которому грозитъ серьёзная опасность вслѣдствіе того, что правительство недовольно, да и имѣетъ полное право быть недовольнымъ его дѣятельностью. Извѣстно, что объ коммисіи, которымъ была поручена разработка тюремной реформы, пришли въ мысли о необходимости упразднить это учрежденіе, признавъ, что задачи, преслѣдуемыя

имъ, всецѣло принадлежать тюремной администраціи и что доставляемое обществомъ вспомошествованіе арестантамъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Конечно, при тюремной реформѣ Обществу попечительному о тюрьмахъ во всякомъ случаѣ необходимо будетъ измѣнить свои цѣли и формы дѣятельности, даже если оно удержится. Но, начавъ измѣнять ихъ теперь по собственному почину, включивъ въ свою программу удовлетвореніе такихъ потребностей, жизненная необходимость которыхъ бьетъ въ глаза, Общество могло бы замѣнить вопросъ о своемъ прекращеніи вопросомъ преобразованія, что было бы крайне желательно и въ интересахъ самого Общества, и въ интересахъ цѣлаго государства: въ интересахъ Общества—потому что смертный приговоръ ни для кого не желателенъ, и мы не можемъ допустить, чтобы общество не приняло самыхъ энергическихъ мѣръ для устраненія опасности, грозящей его существованію; въ интересахъ цѣлаго государства—потому что успѣхъ государственныхъ мѣръ обезпеченъ болѣе, если онѣ основываются на учрежденіяхъ преобразуемыхъ, чѣмъ когда ихъ приходится связывать съ учрежденіями вновь создаваемыми, еще не существующими. Инициатива всего дѣла могла бы быть взята на себя или комитетамъ, или президентомъ и совѣтомъ президента Общества; послѣднее было бы всего болѣе желательно, такъ какъ при этомъ способѣ сбережется много дорогого времени.

Но, кромѣ Общества попечительнаго о тюрьмахъ, во-вторыхъ, дѣло заботы объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія съ успѣхомъ могли бы взять въ свои руки и другія частныя общества или кружки, дѣйствующіе въ опредѣленномъ районѣ. Не имѣя другихъ заботъ, специально посвящая себя помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, такія частныя общества представляютъ значительные шансы успѣха. Тѣ изъ нихъ, которые устроятъ это дѣло практичнѣе, въ скоромъ времени могутъ надѣяться на субсидію правительства, но во всякомъ случаѣ желателенъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ испытанія за свой страхъ и рискъ, прежде чѣмъ будетъ получена правительственная субсидія. Этотъ періодъ обезпечить самостоятельность такихъ частныхъ обществъ и помочь имъ пріискать способы дѣятельности, всего прямѣе ведущіе къ цѣли. По той же причинѣ съ нашей точки зрѣнія желательно сперва образованіе отдѣльныхъ частныхъ обществъ, и только съ теченіемъ нѣкотораго времени дѣло вспомошествованія освобожденнымъ можетъ завершиться соединеніемъ отдѣльныхъ обществъ въ одно общее или главное. Во Франціи, гдѣ нынѣ существуетъ, но ста-

раніямъ Ламарка, такое генеральное общество, раньше его уже дѣйствовали многочисленныя частныя общества, такъ что дѣло помощи освобожденнымъ уже было подготовлено во всѣхъ концахъ этого государства. Тѣмъ болѣе необходимо и желательно предварительное развитіе отдѣльныхъ обществъ у насъ, гдѣ существуетъ много такихъ сторонъ государственнаго и народнаго быта, которыхъ нѣтъ за-границей и съ которыми нужно познакомиться поближе, лицомъ къ лицу; такъ, напр., общественное управленіе, круговая порука, административная ссылка и другіе институты нашей бытовой жизни могутъ оказывать весьма серьезное вліяніе на постановку вопроса о помощи освобожденнымъ, и съ ними намъ предстоитъ познакомиться самостоятельно.

Успѣхъ попечительной дѣятельности для освобожденныхъ зависитъ отъ степени готовности и сочувственности, съ которыми правительство протянетъ руку помощи частной инициативѣ. Имѣя въ виду общегосударственное значеніе этого дѣла и нашу, выработавшуюся вѣками, непривычку къ частному почину въ подобныхъ случаяхъ, было бы даже желательно, чтобы на первое время правительство приняло участіе даже въ самой инициативѣ, но не мѣрами бюрократическими, конечно, а силою своего нравственнаго авторитета. По образованіи обществъ, имъ необходимо предоставить находящіеся въ распоряженіи правительства способы ознакомленія съ освобожденными и наблюденія за поведеніемъ ихъ по освобожденіи, какъ-то: право посѣщать ихъ въ самой тюрьмѣ, право просматривать тюремныя книги, сносіться съ полиціей и т. под. Затѣмъ, года черезъ три-четыре послѣ начала дѣятельности отдѣльныхъ кружковъ, слѣдуетъ вызвать къ жизни центральное общество вспоможенія освобожденнымъ, которое сольется съ отдѣльными вѣтвями этой системы учреждений, пополнить пробѣлы, которые неминуемо встрѣтятся, и завершитъ собою организацію помощи.

Тогда—и только тогда, мы будемъ имѣть право сказать рецидивистамъ: вы имѣли полную возможность остановиться на дорогѣ честной жизни, но вы этого не сдѣлали и потому заслужили то наказаніе, которое вамъ назначено закономъ. Тогда, и только тогда, отпадетъ упрекъ, по которому само общество является какъ-бы участникомъ совершаемыхъ въ средѣ его преступленій.

И. Ф.

ДУМЫ и ГРЕЗЫ

III *).

НАШЕ ГОРЕ.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на пламенномъ конѣ
Гуляеть-скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшемъ и голову понура,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская Печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопоть ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы...
Намъ эти слезы безъ числа
Родная Муза сберегла...

*) См. выше: 1877 г., дек. 461 стр.

IV.

ЗАЧѢМЪ?

Мнѣ снилось: въ шапкахъ изъ бѣлыхъ снѣговъ
 Касался горы сѣдыхъ облаковъ.
 Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
 Онъ началъ ломать вѣховыя вершины.
 И робко спросилъ я: «Зачѣмъ, великанъ,
 Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
 Онъ злобно вскричалъ: «Мнѣ болтать недосужно,
 Чтобъ выростить лѣсъ, это мѣсто мнѣ нужно».

Мнѣ снилось: вздымался стотысячный лѣсъ,
 Косматою гривой касаясь небесъ.
 Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ лучины,
 Онъ дубы и ели ломалъ и осины.
 И робко спросилъ я: «Зачѣмъ, великанъ,
 Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
 Онъ злобно вскричалъ: «Мнѣ болтать недосужно,
 Чтобъ выстроить замокъ, мнѣ лѣсъ имѣть нужно».

Мнѣ снилось: замокъ стоялъ высоко;
 Ограды и рвы сторожили его.
 Мнѣ снилось: пришелъ великанъ; какъ колоды,
 Металъ онъ ограды, и башни, и своды.
 И робко спросилъ я: «Зачѣмъ, великанъ,
 Все рушишь и губишь, какъ злой ураганъ?»
 Онъ крикнулъ мнѣ: «Брось свои глупыя рѣчи,
 Мнѣ надо-жъ размять богатырскія плечи!»

V.

ПѢСНЯ МОЮТА.

Быстро кузнецъ снину гнетъ, выпрямляется,
 Молотомъ тяжкимъ желѣзо куетъ.
 Мечется молотъ, плющить, выкалывается,
 Въ искры радится, греметь и шестъ:

Всю жизнь я свое
 Плющу и кую
 Что хочешь—стальное, желѣзное.
 Не знаю я самъ,
 То-ль цѣпи рабаго,
 Труда-ли орудье полевное.

Что скажетъ кузнецъ,
 Сготовить кузнецъ:
 То дѣло людское, мудреное.
 Мнѣ-жь надо стучать,
 Ковать, расплюцать
 Желѣзо, въ печи раскаленное.

Бумъ!... куйся и гнись,
 Полоска, плющись,
 Намъ скоро разлука ждетъ вѣчная.
 Коль хочешь судьба,
 Чтобъ цѣпью раба
 Была ты, прости мнѣ, сердечная!

Въ тѣ грустные дни
 Меня не кляни.
 Я самъ—полоса несвободная,
 Всегда надъ огнемъ,
 Вся въ искрахъ кругомъ
 И вѣчно гѣмая, холодная...

Но если бы ты
 По волѣ судьбы

Для дѣла служила полезнаго,
Блестя и звеня:
Припомни меня,
Ты узника вспомни желѣзнаго.

Всю жизнь я свою
Плющу и жую...
Моя-ли судьба не тяжелая?
Но часто во снѣ
Мерещатся мнѣ
И счастье, и воля веселая...

Бумъ!... вуйся и гнись,
Полоска, плющись,
Прочь, горе и дума невозная!
Мнѣ надо стучать,
Бовать, расплющать,
Я самъ—полоса подневольная...

Н. Минскій.

БОЛГАРІЯ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Замѣтки и воспоминанія.

ГЛАВА V *).

Наше гражданское управленіе.

Надъ прописными правилами принято обыкновенно смѣяться, а между тѣмъ, право, надъ нѣкоторыми изъ нихъ стоило бы почаще задумываться — какъ отдѣльнымъ людямъ, такъ и цѣлымъ народамъ. Возьмите, напримѣръ, это мудрое изреченіе: «кто хочетъ управлять другими, тотъ пусть научится прежде управлять собою!» Сколько разъ эта прописная истина приходила мнѣ на память въ Болгаріи, когда я лицомъ къ лицу встрѣтился съ тѣмъ гражданскимъ управленіемъ, которое вводилось тамъ при нашемъ вступленіи въ этотъ несчастный отъ людей, но счастливый отъ природы край.

Отправляясь въ Болгарію,—мнѣ приходилось уже въ томъ казаться,—я блуждалъ въ самой кромѣшной тѣмѣ, думая о гражданскомъ управленіи, водворяемомъ нами въ нествоеванной еще странѣ. Что за задача этого гражданского управленія, каковы его цѣли, во имя какой идеи выставимъ мы наше знамя среди болгарскаго населенія? Какъ-то непонятно казалось, чтобы въ странѣ, истекающей кровью и неосвобожденной еще отъ турецкаго владычества, мы спѣшили заводить собственные порядки, съ

*) См. выше: дек., 1877, стр. 379.

которыми мы сжились, но которые болгарамъ были одинаково чужды. Впрочемъ, сладкія надежды,—кому это неизвѣстно,—никогда не покидаютъ человека, и потому въ волю можно было утѣшать себя мечтою, что все это кажется непонятно только тѣмъ, кто не посвященъ въ глубокой современной смыслъ нашей общей славянской политики.

Впрочемъ, чѣмъ бы кто ни утѣшался, одна мысль должна была все-таки тревожить,—тѣмъ болѣе, что она тащила за собой на буксирѣ цѣлый рой другихъ думъ, связанныхъ съ гаданіями о послѣдствіяхъ этой неожиданно тяжелой войны. Мысль эту можно, мнѣ кажется, высказать смѣло, и притомъ не закутывая ее въ цѣлое облако смягчающихъ и затемняющихъ разсужденій. Какъ было нами объявлено, мы начали войну изъ-за освобожденія болгаръ, полнаго освобожденія, безъ всякихъ личныхъ видовъ, безъ тѣни покушенія на самостоятельность болгарскаго народа. Освободить Болгарію отъ изнуряющаго ее и физически и нравственно турецкаго гнета и предоставить ей полную свободу устроить свою государственную жизнь сообразно ея собственнымъ желаніямъ и интересамъ—такова, казалось, заманчивая, благородная и вмѣстѣ разчетливая роль, выпавшая на долю Россіи. Оставаясь же въ предѣлахъ этой роли, повидимому, излишнее было бы переносить на болгарскую почву нашу собственную и чуждую Болгаріи администрацію. Мнительность, это исторически привитое всѣмъ намъ чувство, вызывало тревожный вопросъ: не обнаруживаетъ ли введеніе русскаго гражданскаго управленія замысла водворить въ Болгаріи, взамѣнъ турецкой системы, тотъ строй, который выработался цѣлыми вѣками общественной жизни Россіи? Не желаемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ же шагахъ самостоятельнаго существованія болгарскаго народа, навязаться имъ въ учителя и сдѣлаться непрощенными руководителями во всемъ, что касается ихъ политическаго устройства? Чего добраго! А между тѣмъ, какъ было не сознаться, что не по влечу еще русскому обществу принимать на себя роль руководителя другого, хотя и близкаго намъ народа, что для выполненія, хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ, этой трудной роли—необходимо прежде всего пройти ту школу, которая научаетъ управлять собою, а пока эта школа еще впереди, до тѣхъ поръ не слѣдуетъ забывать глубокаго смысла упомянутой уже прописной истины.

Но какъ бы отчетливо ни было сознаніе въ непригодности русскаго общественнаго строя—служить краеугольнымъ камнемъ для политической организаціи другого народа, тѣмъ не менѣе

зведеніе нами гражданскаго управленія въ Болгаріи волей-неволей заставляло задаваться вопросомъ — счуждемъ ли мы по отношенію къ болгарамъ остаться въ тѣхъ скромныхъ границахъ, къ которымъ обязываетъ насъ весьма многое. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе просился наружу, что вся почти западная Европа никогда не переставала твердить, что она не вѣритъ въ беззастѣнчивость русской политики на Востокѣ, что намъ въ дѣйствительности нѣтъ никакого дѣла до права народа на самостоятельное политическое существованіе, что мы будто бы не имѣемъ даже основанія возмущаться системою турецкаго гнета, практикуемаго въ Болгаріи, а, наконецъ, и это главное, что будто бы даже провозглашеніе самаго принципа свободы противорѣчатъ всѣмъ нашимъ традиціямъ, и т. п.

Какъ ни оскорбительны казались для національнаго самолюбія подобныя варіаціи на старую тему нашего политическаго обскурантизма, но все-таки эти толки заставляли задумываться и слѣдить еще болѣе за всѣми мѣрами, принимаемыми относительно Болгаріи. Но если еще въ далеки отъ Болгаріи задача гражданскаго управленія представлялась какою-то туманною, двусмысленною, то тутъ, на мѣстѣ, въ Тырновь, этомъ центрѣ болгарской жизни и вѣстѣ центрѣ гражданскаго управленія, она не только не становилась для васъ болѣе ясною, но, напротивъ, — присматриваясь и къ этой задачѣ и къ самому гражданскому управленію нѣсколько ближе, вы не могли не чувствовать, какъ смущеніе, уже прежде закравшись въ вашу душу, теперь только усиливается и вызываетъ въ васъ цѣлый рядъ сомнѣній — такъ ли мы понимаемъ нашу настоящую роль въ дѣлѣ освобожденія южныхъ славянъ?

Мой скептицизмъ относительно гражданскаго управленія былъ, разумѣется, ничто по сравненію съ скептицизмомъ моего смутливаго пессимиста.

— Что же вамъ кажется страннымъ въ этомъ гражданскомъ управленіи? — спрашивалъ его одинъ изъ защитниковъ этого управленія, имя которыхъ, впрочемъ, далеко не было легіонъ.

— Да какъ вамъ сказать? Я просто не вижу въ немъ смысла, не понимаю я, для чего оно вводится, какая его цѣль, что то ужъ очень мудреное захотѣли мы придумать, — отвѣчалъ знакомый читателю «маркизь Пова».

— А между тѣмъ — возражали ему — дѣло чрезвычайно просто и какъ нельзя болѣе ясно. Вдумайтесь только въ особый характеръ этой войны, и тогда, можетъ быть, гражданское управленіе получитъ и для васъ смыслъ. Война эта совсѣмъ особенная,

и нисколько не походить на обыкновенныя войны. Мы пришли сюда не завоевывать, а освобождать, мы вступаемъ въ страну не какъ враги населенія, а какъ его друзья, какъ старшіе братья, какъ покровители, и потому совершенно естественно, что между покровителями и покровительствуемыми устанавливаются совсѣмъ особыя отношенія.

Въ этомъ аргументѣ была, безъ сомнѣнія, доля правды. Трудно было не согласиться, что эта война, которую исторія, быть можетъ, назоветъ славянской войною, носить на себѣ совершенно исключительный характеръ. Обыкновенно непріятель, вступая въ чужую страну, ничего не щадитъ, нисколько не интересуется внутреннимъ управленіемъ края, онъ видитъ передъ собою только враговъ, и въ силу этого задача его чрезвычайно проста. Тутъ же было прямо противоположное. Начиная войну за освобожденіе болгаръ отъ турецкаго владычества, мы вступали въ страну и въ качествѣ друзей и въ качествѣ враговъ, въ одно и то же время мы должны были и оберегать населеніе отъ разоренія, всюду щадить его, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно подвергать его тяжелому испытанію; съ одной стороны, мы должны были смести турецкое безправное управленіе, съ другой дать возможность установиться такому порядку, который отвѣчалъ бы желаніямъ и интересамъ болгарскаго населенія. Но «дать возможность» очевидно не означаетъ «навязывать» покровительствуемому народу тотъ или другой порядокъ, а предоставить ему устроить свою судьбу по своему усмотрѣнію. Но не такъ понималъ «покровительство» защитникъ гражданскаго управленія, и потому онъ вызвалъ ѣдкій отвѣтъ.

— Въ томъ-то и горе, — отвѣчалъ его противникъ, — что покровители слишкомъ часто склонны смотрѣть на покровительствуемыхъ какъ на нѣчто безгласное, что должно только слушаться и благодарить! И ужъ если говорить откровенно, то я опасаясь, чтобы мы именно не впали въ эту грустную ошибку.

— Однако же, согласитесь, — возражали ему, — что мы оказали бы крайне плохую услугу цивилизаціи, если бы не позаботились о томъ, что станется съ этимъ «объединеннымъ» народомъ, послѣ того, что мы избавимъ его отъ турецкаго правительства. Это народъ не развитой, не подготовленный, не привыкшій управлять собою, и потому на комъ же, какъ не на насъ, лежитъ обязанность указать ему тотъ путь, по которому онъ долженъ идти?

— Вы стоите на самой опасной почвѣ, какую можно себѣ только представить, и я шлю мольбы къ небу, чтобы наша политика не усвоила себѣ подобныхъ возвращеній. Для меня

вопросъ чрезвычайно простъ. Россія, безъ сомнѣнія, представляетъ собою изъ всѣхъ славянскихъ государствъ самое сильное, самое могущественное, и я радуюсь, что Россія отдаетъ «свою силу» въ услуженіе угнетеннымъ славянскимъ національностямъ. Но этой силой и должно исчерпываться наше служеніе, другого мы ничего дать не можемъ, да главное и не должны, хотя бы только для того, чтобы не умалить значенія нашей услуги. При другихъ условіяхъ, мы, конечно, помимо физической силы, могли бы служить и нашей нравственной силой. Но вѣдь вы хорошо знаете, что на вѣтъ и суда вѣтъ. Вотъ почему мы должны устранить всякое намѣреніе внести въ Болгарію какую-то цивилизующую силу, такъ какъ такое намѣреніе было бы принято, и не безъ основанія, за стремленіе водворить среди болгаръ порядокъ, основанный на всемъ что угодно, только не на широкое пониманіи свободы народа.

— Вы не отвѣчаете на вопросъ, — возражалъ защитникъ гражданскаго управленія. — Неужели же, по вашему мнѣнію, исполнивъ нашу высокую задачу освобожденія болгаръ, мы можемъ сдѣлаться равнодушными зрителями той неурядицы, той, пожалуй, анархій, которая станетъ поѣдать страну нисколько не хуже, чѣмъ поѣдали ее турки. Развѣ не погибнуть въ такомъ случаѣ безплодно всѣ принесенныя нами тяжелыя жертвы!

— А неужели, — слышался отвѣтъ, — вы до сихъ поръ еще не убѣдились, что самое губительное для народа, это когда являются на сцену непрошенные спасители отъ какой-то фантастической анархій. Я пойду еще дальше, и скажу, что даже временная неурядица въ Болгаріи несравненно менѣе пагубна для народа, чѣмъ чужеземное вмѣшательство; а извѣстно, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ склонны обзывать неурядицею такой порядокъ, при которомъ народъ самостоятельно управляетъ своею судьбою. Ваше опасеніе на счетъ болгаръ происходитъ изъ давно знакомаго намъ вѣчнаго источника, изъ традиціонной привычки смотрѣть на каждый народъ какъ на малое неразумное дитя, требующее себѣ строгой кнѣжки. Довольно турки кнѣжили болгаръ, предоставляя имъ самимъ себѣ, и повѣрьте, что они прочно станутъ на обѣ ноги и безъ отеческаго надзора пойдутъ прямою дорогою. Если вамъ нужны примѣры, взгляните на Румынію, Сербію! вѣдь онѣ также находятся въ такомъ же положеніи, какъ и болгары, — однако посмотрите, какъ они устроились! Конечно, онѣ не представляютъ собою могущественныхъ державъ, но вѣдь могущество, хотя бы даже и не мишурное, какъ часто случается, не составляетъ еще счастья народовъ. Вотъ почему ограничимся тѣмъ,

что при помощи нашей силы вырвем болгаръ изъ турецкихъ когтей; я думаю, что это достаточно святая задача и немалая услуга славянскому дѣлу, и не будемъ помышлять о внесении въ ними непременно нашихъ порядковъ, хотя бы только для того, чтобы, вмѣсто благодарности, не получить отъ нихъ очень скоро горькаго упрека!..

И привелъ этотъ отрывокъ изъ большого спора по поводу введенія гражданскаго управленія въ Болгаріи, такъ какъ въ намъ достаточно ясно обрисовываются тѣ два мнѣнія, которыя такъ часто приходилось потомъ выслушивать, бесѣдуя объ этомъ вопросѣ. Едва ли возможны были какія-нибудь колебанія и сомнѣнія относительно того, которое изъ этихъ двухъ мнѣній было болѣе справедливо. Самая плачевная судьба, могущая только выпасть на долю какого-либо народа, это—подпасть подъ опеку, лишиться своей полноправности. Пусть народъ переживаетъ эпохи колебанія, пусть онъ выбивается изъ силъ, терпитъ неудачи, лишь бы не брали его подъ опеку, потому что въ такомъ случаѣ онъ утрачиваетъ вѣру въ самого себя и мало-по-малу становится слѣпымъ орудіемъ своихъ опекуновъ. Внутренняя борьба, какими бы бурями она ни была претолпнена въ Болгаріи, только воспитаетъ, закалитъ народъ, опека же расслабитъ его политическое тѣло, самое существованіе его подвергнетъ опасности постепеннаго разложенія. Опека не только опасна, но она, сверхъ того, и бесполезна. Если въ народѣ существуетъ внутренняя сила, способность къ жизни, къ развитію, тогда опека наименѣе, она только задержитъ ростъ народа; если же этой жизненной силы въ немъ нѣтъ, то никакая опека не поможетъ, не спасетъ его отъ смерти. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, не утратили ли болгары этой жизненной силы, не убита ли въ нихъ способность къ прогрессивному движенію впередъ. На такой вопросъ отвѣчать немудрено. Если пятисотлѣтнее суровое владычество, если разлагающее византійское вліяніе, вся коварная работа греческаго духовенства оказались бессильны заглушить громкіе стоны болгарскаго народа, если безчеловѣчные удары, наносимые ему въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не заставили умолкнуть, наконецъ, его вопля, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ народѣ таится жизненная сила, способная выдти наружу, какъ только ей будетъ предоставленъ просторъ. Къ чему же тогда опека, задерживающая проявленіе этой силы? Неужели изъ опасенія, что эта сила направится по иному пути, нежели тотъ, который, быть можетъ, былъ бы желателенъ въ интересахъ того или другого направленія.

Вопросъ объ отклоненіи нашихъ къ болгарскому народу не могъ, разумѣется, не возбуждаться, когда мы рѣшались поднять знамя освобожденія его изъ-подъ турецкаго ига, оцъ-наминемо долженъ былъ представиться, когда мы готовились войти въ Болгарію. Но какъ же онъ разрѣшался? Я вовсе не желаю утверждать, чтобы его разрѣшили въ смыслѣ оцки, но самая практика гражданскаго управленія могла давать нинимъ поводъ подозревать, что рѣшеніе послѣдовало именно такое, а не другое. Конечно, подозрительность рѣдко даетъ хорошіе результаты, и потому лучше прямо и откровенно задаться вопросомъ: каково же было наше оффиціальное отношеніе къ болгарскому народу?

Первое слово, обращенное къ этому народу, было слово любви и мира. Россія рѣшилась, говорилось болгарамъ въ воззваніи, обнародованномъ при вступленіи въ ихъ страну нашихъ войскъ, «оградить вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немисливо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы приобрѣли не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковнхъ страданій и мученической крови, въ которой такъ долго томил: вы и ваши покорные предки». Если бы прошлыя историческія событія не поколебали до извѣстной степени вѣру въ нашу силу, въ твердую рѣшимость положить предѣлы мученическому существованію болгарскаго народа, какъ свободно подокнулъ бы этотъ народъ, читая гуманныя слова обращеннаго къ нему воззванія: «отсега русское оружіе оградить отъ всякаго насилія каждаго христіанина, ни одинъ волею не снадетъ беснамазанно съ его головы, ни одна крупнца его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманномъ или вѣмъ-либо другимъ. За каждое преступленіе послѣдуетъ безоцадное наказаніе. Одинаково будутъ обезпечены жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы цѣркви онъ ни принадлежалъ. Но не мечь будетъ руководить нами, а оснаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и мораль тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ».

Нѣсколько разъ и въ Сисловѣ, и въ Тырновѣ мнѣ приходилось наблюдать болгаръ, читавшихъ это воззваніе, прибитое къ стѣнѣ. Я присматривался къ тому, каково впечатлѣніе производятъ на нихъ знаменательныя слова, обещающія имъ свободу и возрожденіе къ новой политической и общественной жизни; но едва ли какой-либо безпристрастный наблюдатель подмѣтилъ бы уже тогда въ ихъ глазахъ, выраженія, даже слова — чув-

ство увѣренности, что дѣйствительно уже тогда пробилъ часъ освобожденія отъ мусульманскаго безправнаго гнета.

— Отчего, — приходилось мнѣ спрашивать у бойцовъ развитыхъ и нелишенныхъ образованія болгаръ, — у нихъ не дрогнетъ ни одинъ мускулъ, когда они читають это воззваніе? Чѣмъ объяснить этотъ индифферентизмъ, который, повидимому, проглядываетъ у нихъ даже въ дѣлѣ ихъ собственнаго возрожденія?

— Скажите — не индифферентизмъ, а утрата вѣры, — было мнѣ отвѣтомъ! — Мы съ вами понимаемъ, что такое это мѣсто воззванія — и оныя указалъ мнѣ на строки: «Сплотитесь твердо подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, немогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу — дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края». — Мы съ вами понимаемъ, — добавилъ болгаринъ, — что въ этихъ словахъ кроется рѣшимость, обѣщаніе добиться нашего освобожденія, но масса населенія относится къ нимъ съ скептицизмомъ; обусловленнымъ боязнью, что за свое сочувствіе вамъ, русскимъ, они дорого заплатятъ туркамъ. И не обвиняйте насъ за такое недо-вѣріе! Справедливо, конечно, что побѣды русскаго знамени не разъ уже оглашали Дунай и Балканы, но развѣ эти побѣды до сихъ поръ дали намъ что-либо, кромѣ горя и лишняго страданія! Развѣ болгары не помогали вамъ во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ съ нашимъ врагомъ, помогали немногимъ, конечно, но, но крайней мѣрѣ, всѣмъ, чѣмъ могли только, — и что же? Турки кровью каждый разъ заставляли платить насъ за ту посильную помощь, за то сочувствіе, которое мы выказывали вамъ! Мы вѣримъ, безъ сомнѣнія, въ ваше братское къ намъ чувство, но мы не увѣрены, что вы въ силахъ будете сдѣлать все то, что вы обѣщаете намъ. Вотъ причина, — закончилъ оныя, — почему болгары, храня въ своемъ сердцѣ любовь къ вамъ и благодарность, относятся, повидимому, холодно къ теплему воззванію, возвѣщающему имъ новую зарю въ ихъ политической жизни.

Каковъ долженъ быть новый строй политической жизни болгарскаго народа, объ этомъ, разумѣется, не говорилось въ воззваніи, хотя инымъ и казалось, что въ концѣ прокламаціи къ болгарамъ указывались не только контуры этого строя, но даже и отношеніе къ нему Россіи. «По мѣрѣ того, — упоминалось въ воззваніи, — какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутреннѣ страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участию въ немъ будутъ немедленно

призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужать ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности... Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе». Едва ли однако изъ этихъ словъ можно было дѣлать выводъ, что Россія возьметъ на себя трудную задачу продиктовать болгарамъ тѣ начала, на которыхъ долженъ быть созданъ новый строй ихъ общественной жизни. Правда, въ воззваніи говорится, что мѣстное управленіе будетъ дѣйствовать подъ руководствомъ «установленной для сего власти», но нигдѣ не высказано, что власть эта будетъ русская, и что такимъ образомъ освобожденные болгары попадутъ подъ бдительную опеку Россіи. Но если бы такая мысль и заключалась въ концѣ обращенія къ болгарамъ, то она стояла бы въ противорѣчіи со вступительными словами воззванія, съ указаніемъ на примѣры Румыніи и Сербіи, освобожденныхъ, какъ сказано, русскимъ вліаніемъ и оружіемъ. Сербія, вырванная изъ турецкаго гнета, была предоставлена волюй сама себѣ, несмотря на то, что сербы при своемъ освобожденіи вовсе не находились на высшей степени политическаго развитія, чѣмъ болгары. Сербія представляла собою, такъ сказать, мужицкое государство, безъ образованнаго сословія, ея могучіе народные дѣятели, Милоши и Карагеорги, были простыми мужицами, стоявшими въ ряду гайдуковъ, и все это однако не помѣшало сербамъ тотчасъ выбрать мужицкую сущность, принявшую въ свои руки бразды правленія. Только въ управленіи Румыніею Россія, начиная съ сороковыхъ годовъ до 1856 г., принимала болѣе непосредственное участіе, но оно и не ознаменовало однако себя никакими благодѣяніями и вызвало къ себѣ только всеобщую нелюбовь среди румынскаго населенія. И только тогда, когда превратилось наше непосредственное вліаніе на политическую судьбу Румыніи, она быстро двинулась впередъ и усвоила себѣ тѣ государственныя начала, которыя выработаны западно-европейскою жизнью. Примѣръ Сербіи, предоставленной собственному попеченію и оттого не поглощенной анархіей, примѣръ Румыніи, для которой началась новая эра только съ той минуты, когда она была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, говорятъ достаточно громко для того, чтобы никто не считалъ себя обязаннымъ брать въ опеку и болгаръ, освобождаемыхъ русскою силою.

Повидимому, все это ясно и просто, но въ дѣйствительности оказывается не совсемъ такъ. Введеніе гражданскаго управленія,

обрисовывая наше отношеніе къ болгарамъ болѣе ярно, чѣмъ воззваніе, набрасываетъ сомнѣніе и вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и думъ самаго разнохарактернаго свойства. Еще до объявленія войны стало извѣстнымъ, что если только война дѣйствительно вспыхнетъ между Россіею и Турціею, то водвореніе новаго порядка вещей въ Болгаріи выпадетъ на долю князя Черкаскаго, что именно онъ и не кто иной будетъ поставленъ во главѣ гражданскаго управленія освобождаемаго нами края. Очень скоро дѣйствительно состоялось назначеніе этого государственнаго человѣка на должность заведывающаго гражданскими дѣлами. Это назначеніе, хотя въ то время никто еще не зналъ, въ чемъ должно заключаться гражданское управленіе, быть можетъ, не исключая и самого князя Черкаскаго, встрѣтило всеобщее сочувствіе. Князь Черкасскій пользовался довольно значительною популярностью, притомъ популярностью либеральнаго человѣка. Я не желаю, впрочемъ, ни мало отрицать либерализмъ устроителя Болгаріи, но меня всегда занималъ вопросъ, какими именно заслугами князь Черкасскій приобрѣлъ себѣ столь громкую извѣстность. Правда, онъ былъ однимъ изъ дѣятелей въ важную эпоху освобожденія крестьянъ, но вѣдь были же тамъ и другіе, не менѣе видные дѣтели, о которыхъ едва помнить, а ужъ во всякомъ случаѣ не пользующіеся и сегою долею популярностью князя Черкаскаго.

Вообще говоря, чуднымъ образомъ,—я не отношу этого къ князю Черкасскому,—сладываются у насъ репутаціи. Какъ ничего не слѣдуетъ набросать на человѣка не совсѣмъ выродную тѣнь, даже хуже, унижить его въ глазахъ общества, подчасъ предать даже проклятійю всѣхъ вселенскихъ соборовъ, такъ точно также легко создать у насъ человѣку совершенно незаслуженную репутацію, чуть не благодѣтеля человѣческаго рода. И дурные и хвроніе поступки нигдѣ съ такою быстротою не забываются, какъ у насъ. Справедливой оцѣнки человѣка, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, не существуетъ. Общество судить людей не по ихъ достоинствамъ, а по своему минутному настроенію. Сегодня безъ всякихъ основательныхъ поводовъ оно начинаетъ пренебрегать человѣка, и тогда ужъ нѣтъ, что называется, удержи. Ему припишутъ всѣ прекрасныя качества: онъ и уменъ, и талантливъ, и великодушенъ, природа наградила его всѣми дарми. Попробуйте спорить. Васъ покрѣютъ дружными шипаньемъ.

— Помилуйте, —говорить имъ, —вѣдь этотъ человѣкъ всю жизнь свою считался слабоумнымъ.

— Мало ли что! онъ былъ непомнятъ, но теперь никто не

нибеть права сомнѣваться въ то, что это замѣчательный человекъ! Онъ доказалъ и свой умъ, и свои таланты, и свой гений, и свою аристократическую честность!

Нечего дѣлать, нужно подчиниться, и у насъ отнюдь даже право сомнѣваться публично въ то, въ чемъ мы даже не сомнѣвались, а чему просто вѣрили.

Какъ этого счастливица ни за что превознесши, такъ другого ни за что втолкнуть въ грязь, и нужно большое мужество, рѣдко встрѣчающееся среди насъ, чтобы, вопреки бесчисленному приговору, отстаивать и таланты, и честь, и даже честность человека. Едва ли нужно приводить примѣры, съ какою легкостью создаютъ у насъ фальшивыя репутаціи? Залѣжь вскинь далеко, время войны даю уже не одно тому доказательство.

Вотъ почему я не рѣшаюсь дѣлать характеристику и князь Черкасскіи, опасаясь впасть въ преувеличеніе въ ту или другую сторону, хотя такая характеристика представлялась бы весьма интересною въ виду той роли, какую онъ играетъ и теперь, какъ губернаторъ Болгаріи, и, быть можетъ, будетъ играть впоследствии при вѣрнѣйшемъ отдѣленіи этой чудесной страны отъ угнетающей ее Турціи.

Отказываясь отъ всякой личной характеристики губернатора Болгаріи, я все-таки, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, долженъ пополнить его послужной списокъ, съ общественной точки зрѣнія. Италъ, его положительная заслуга — это участіе въ важномъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, доставившее ему репутацію либеральнаго человека, отстаивавшаго освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ. Далѣе идетъ его дѣятельность въ царствѣ польскомъ въ эпоху «умиротворенія» края послѣ революціоннаго движенія. Но эта дѣятельность менѣе всего могла упрочить за княземъ Черкасскимъ популярность либеральнаго человека, и въ Польнѣ высшій губернаторъ Болгаріи былъ осуждаемъ общественнымъ мнѣніемъ за крутость своего нрава и т. п. Но въ Польнѣ для него было оправданіе — онъ «умиротворялъ» восставшій противъ Россіи край, хотя, конечно, умиротвореніе умиротворенію рознь, и цѣли правительствъ едва ли не лучше достигаются тѣмъ, которое никогда не разстается съ справедливостью и гуманными отношеніемъ къ людямъ. Покинувъ Польшу, князь Черкасскій возвратился въ Москву, гдѣ принялъ на себя должность городского головы. Эта новая его дѣятельность не усилила, и даже поколебала ту симпатію, которою всегда дарила его Москва, и въ глазахъ весьма многихъ ослабила его репутацію. Упрекають князя Черкаскаго за то, что либераламъ не дожьшало ему быть

защитником гнѣсныхъ иезавидъ, во можно ли этому удивляться? И до настоящей минуты у насъ не перевелись еще люди, пользующіея даже въ некоторомъ уваженіемъ известной части общества, и нестыдящіяся отечествовать роуги. Какъ не сказать, что на нашихъ нравахъ вообще лежитъ еще печать чего-то дико-грубого, и гр. Алексѣй Толстой зналъ свое общество, когда писалъ:

И будетъ онъ спины вамъ бить батожемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ!

Все это, однако, были детали, неспособныя поколебать давно установленной репутациі челоука, и потому назначеніе князя Черкаскаго возбуждено самими пылкими надеждами и вывало самые сочувственные ему толпы. Толпы эти весьма естественно, быстро проникали въ Болгарію, и всѣ сколько-нибудь интеллигентные болгары спѣшили благодарить судьбу, что она послала въ управленіи такого либеральнаго, просвѣщеннаго, истинно-европейскаго государственнаго челоука. Въ сожалѣнію, такое живнне удерживалось недолго, и очень скоро уже многіе болгары жаловались, что надежды ихъ не сбылись.

Я хорошо помню, какъ въ первый, или во второй день моего пребыванія въ Тырновѣ, я встрѣтился съ однимъ болгаринимъ, принадлежавшимъ къ парти молодой Болгаріи, который на мои вопросы о гражданскомъ управленіи, о князѣ Черкасскомъ, сталъ горько жаловаться на введенные порядки.

— Чѣмъ же вызвано ваше неудовольствіе? — спрашивала я его.

— О! намъ дали очень скоро почувствовать, какъ смотреть на насъ. Съ первыхъ же шаговъ показали намъ, что пришли въ Болгарію не для того, чтобы войти въ наше положеніе, узнать близко край, внимательно отнестись къ нашимъ нуждамъ, а только для того, чтобы приказывать и повелѣвать, не обращая нисколько вниманія на наши мнѣнія, на наши представленія!

Я наводилъ этотъ отзывъ голословнымъ и домогался фактовъ.

— Вы требуете фактовъ, — продолжалъ болгаринъ: — извольте. Вотъ одинъ. Когда еще русскія войска, — сталъ онъ рассказывать, — на переправѣ черезъ Дунай, въ Пдосети отправилась болгарская депутація. Она была крайне милостиво принята самимъ Государемъ, князь Горчаковъ точно также объяснать ее, а люди обещали все съдѣлать иначе. Въ рѣзкой формѣ заявили имъ, что не хотятъ знать никакихъ депутацій, чтобы они не смѣли думать, что являются какъ представители болгарскаго народа, что Болгарія не знаетъ и не будетъ знать политическаго представителя.

стра, и громко посоветовали имъ, чтобы они выбросили изъ головы всякія политическія заги. Представьте себѣ, — съ большою уже горячностью стали передавать болгаринъ, — когда одинъ изъ этой депутаціи пожелалъ высказать какое-то соображеніе, ему громко закричали: «Мы не нуждаемся въ вашихъ соображеніяхъ, вы должны только слушаться и повиноваться, а не разсуждать!» Скажите пожалуйста, — прибавили намъ: — неужели у васъ принято такъ обращаться съ людьми, не совершившими никакого преступленія: мы вѣдь думали, что такъ обращаются только въ Турціи.

Я, разумѣется, не придалъ особаго значенія этому разсказу, полагая, что такой пріемъ болгарской депутаціи былъ результатомъ какого-нибудь недоумѣнія, или просто случайного дурного расположенія духа губернатора Болгарин, но, къ сожалѣнію, это былъ далеко не послѣдній разсказъ въ такомъ родѣ, и далеко не послѣдній жалоба болгаръ на суровое съ ними обращеніе.

Но, безъ сомнѣнія, дѣятельность гражданскаго управленія нужно судить не потому, какое впечатлѣніе производитъ извѣстное лицо, хотя и это впечатлѣніе не лишено своего значенія — тамъ въ особенности, гдѣ мы являемся въ качествѣ освободителей. Дѣятельность эта не богата еще дѣлами, хотя она и началась, еще до вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію. Первымъ актомъ губернатора Болгарин было назначеніе, какъ всегда почти бываетъ у насъ, коммисіи для собранія матеріаловъ, съ цѣлью изученія Болгарин. Задача этой коммисіи была весьма почтенная, и если она не выполнила ее особенно блестящимъ образомъ, то разумѣется только потому, что она должна была ее выполнить съ необыкновенною поспѣшностью. Собрать матеріалы для изученія Болгарин въ какой-нибудь мѣсяць или два — дѣло не легкое! 30-го апрѣля была командирована коммисія, получившая отъ князя Чернасскаго для руководства подробную программу работъ, изъ Книжинева въ Бухарестъ. 3-го мая она приступила въ своимъ трудамъ, а 21-го мая, т.-е. по иреществію всего 18-ти дней, вышела уже въ свѣтъ первый выпускъ матеріаловъ, въ объемѣ девяти печатныхъ листовъ. Если принять въ расчетъ то время, которое должно было быть употреблено на назначеніе труда коммисіи, да притомъ еще въ небольшой болгарской типографіи, гдѣ имѣлось всего два наборщика, то надо полагать, что коммисія употребила на составленіе первой книги не болѣе двухъ-трехъ дней. Какою бы исключительною способностью въ труду не отличались члены коммисіи, какъ бы, наконецъ, было и требовать, чтобы, при такой изумительной быстротѣ ра-

боты, выпущенные въ свѣтъ матеріалы обладали серьезными достоинствами. Нѣтъ, эти матеріалы въ сущности представляютъ не что иное, какъ на-споро сдѣланные переводы отрывковъ изъ иностранныхъ сочиненій, написанныхъ подъ руку чуждымъ иностранцамъ. Эта работа въ попыткахъ представляетъ собою довольно характерную черту, она обрисовываетъ собою все гражданское управленіе. Не долго думая, не долго размышляя, сдѣлать поспѣшье, а заглавъ—какъ будетъ сдѣлано,—это вопросъ совершенно второстепенный! Но отчего же, можно спросить, потребовалась такая поспѣшность? Она объясняется двумя причинами: первая, это полное незнаніе того края, въ который мы вступали; вторая—это повальное убѣжденіе, что въ два, три мѣсяца мы отступимся передъ стѣнами Константинополя, вся Болгарія будетъ въ нашихъ рукахъ, а вѣдь же, полагади, оставишь страну, не водворивъ въ ней немедленно порядка, и не поручивъ охрану его русскимъ дѣятелямъ.

Будь ни была вторая причина, хотя и къ ней нельзя относиться серьезно, но первая? Боже, какъ зѣрло она рисуетъ собою нашу развращенную натуру, наши нравы, всю нашу систему! Сколько войнъ вели мы съ Турціей, сколько разъ приходили въ соприкосновеніе съ болгарами, чуть не цѣлый вѣкъ твердилъ ми, что наша политика на Востокѣ заключается въ освобожденіи, сначала говорилось—христіанскихъ, потомъ славянскихъ народностей, наконецъ, въ послѣднее время, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, начиная съ герцеговинскаго восстанія, мы понимали уже, что эта искра можетъ вызвать цѣлый пожаръ, который заставитъ насъ вступить въ Болгарію,—и что же! мы даже не позаботились узнать, каково состояніе народа, ради котораго мы будемъ воевать, какой существуетъ порядокъ въ этой странѣ, какъ она управляется, какими средствами располагаетъ,—словомъ, можно было подумать, что Болгарія лежитъ гдѣ-то далеко, за тридцать земель, куда не проникало никогда никакое чужеземное существо. Возможно ли представить себѣ большее легкомысліе, обличающее и съ этой стороны нашу полную неприготовленность въ моментъ начала войны; не могъ ли я не вспомнить слова петербургскаго пессимиста, что наше отношеніе къ болгарамъ не серьезное, что вчера мы нисколько не понимали о немъ, а сегодня вдругъ возмущаемся, но этотъ пламень можетъ тоже быстро погаснуть, какъ быстро онъ вспыхнулъ.

— Неужели вы этому удивляетесь,—говорилъ мнѣ одинъ изъ знакомыхъ нелицемцовъ, бесѣдуя о нашемъ отношеніи къ Болгаріи,—а бы, признаюсь, удивлялся, если бы было иначе, вслѣдствіе на-

чина эта война, у насъ оказалось знаніе страны, народа, условій его жизни, законовъ, словомъ—всего того, что доказываетъ серьезное отношеніе къ дѣлу. Мы жьдь не ибнцы! Вотъ если бы тѣ предприняли подобную войну, то они, конечно, предварительно бы изучили каждое село, каждую деревню и лучше бы знали болгаръ, чѣмъ когда либо ихъ знали турки или даже сами болгары. А намъ этого не нужно, мы все понимаемъ, не размышляя, все знаемъ, не изучая. Вы, я вижу, слишкомъ требовательны!

Увы! эта вроня находила себѣ полное оправданіе. Гражданское управленіе Болгаріи, очевидно, стремилось доказать, что можно прекрасно управлять страню, не имѣя никакого понятія о странѣ и народѣ, которыми люди призваны управлять. Судя по тѣмъ лицамъ, которыя были призваны для управленія княземъ Черкасскимъ, можно, съ увѣренностью не ошибиться, и сказать, что онъ вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ.

Выборъ лицъ, призванныхъ для гражданского управленія Болгаріею, былъ предоставленъ исключительно князю Черкасскому; поэтому этотъ выборъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ отношеніе гражданского губернатора къ своей задачѣ. Во время моего пребыванія въ Тырновѣ и позже, мнѣ пришлось встрѣтиться и довольно близко узнать тѣхъ, на чью долю выпала благодарная роль—служить проводниками русскаго вліянія въ Болгаріи. Я могу говорить объ этихъ лицахъ совершенно свободно, не испытывая ни малѣйшаго смѣненія, такъ какъ, само-собой разумѣется, что я вполне отдѣляю ихъ личныя достоинства отъ канесствъ, требуемыхъ ихъвѣсною дѣятельностью.

Значительное большинство лицъ, приглашенныхъ княземъ Черкасскимъ для гражданского управленія Болгаріею, явилось изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ, какъ ми уже о томъ упоминали. Преимущественно все были молодые еще офицеры, и тѣ, которыхъ мнѣ пришлось узнать, люди крайне симпатичные, съ добрымъ сердцемъ и добрыми манерами. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ моей памяти незапамятное впечатлѣніе, отъ нихъ шло какою-то теплою и задуневною.

Но между обладаніемъ личными достоинствами, дѣлющими человека привлекательнымъ, и обладаніемъ качествами, необходимыми для такой дѣятельности, какъ управленіе чужою страню, еще громадная разница. Такая дѣятельность требуетъ не только знаній, высшего образованія, пониманія историческихъ условій, благодаря которымъ сложилось общественное устройство и воспитались такіе или другіе нравы, словомъ, она требуетъ

известной подготовки, а что ей не было у лиц, призванных въ Болгарію, въ этомъ они всегда сами сознавались, и осуществленіе такой подготовки менѣе всего можетъ быть имъ поставлено въ вину.

— Я точно въ дремучемъ лѣсу, — говорилъ мнѣ одинъ только-что назначенный начальникъ округа, — я понятія не имѣю, что мнѣ дѣлать, а между тѣмъ, повидимому, у меня масса обязанностей; только и есть одно утѣшеніе, что не я одинъ въ такомъ положеніи, а всѣ мы бродимъ въ потьмахъ, не зная, зачѣмъ мы здѣсь, что мы имѣемъ право дѣлать, и чего нѣтъ.

Меня не могъ, конечно, не интересовать вопросъ, вслѣдствіе какихъ соображеній всѣ эти гвардейскіе офицеры, имѣвшіе дома известное положеніе, хорошо имъ знакомую дѣятельность, рѣшились бросить Петербургъ и посвятить себя совершенно новому и незнаемому дѣлу. Всѣ почти отвѣты походили другъ на друга, какъ два листа одного и того же дерева.

— Видите ли, — говорилъ мнѣ тотъ же офицеръ, — гвардія оставалась въ Петербургѣ; между тѣмъ всѣ стремились за Дунай, перевода добиться было довольно трудно, а между тѣмъ предлагаютъ бѣжать сюда. Отчего же не попробовать? Понравится — хорошо, нѣтъ, я ничего не теряю. Изъ полка я не выхожу; производство идетъ своимъ чередомъ, навоенъ, разъ что я здѣсь; мнѣ уже легче попасть въ дѣйствующую армію, да если бы этого и не случилось, все-таки — не бѣда. Пробыду здѣсь нѣкоторое время, увижу новую страну, и въ добавокъ получаю здѣсь хорошее жалованье, подъемные и т. д.

Что люди, пріѣхавшіе въ Болгарію для управленія этою страной, люди, выросшіе изъ совершенно чуждой этого рода дѣятельности среды, и нисколько не подготовленные ни предшествовавшей дѣятельностью, ни своимъ чисто-спеціальнымъ образованіемъ, ни пріобрѣтенною опытностью, разсуждаютъ такимъ образомъ, это совершенно понятно и естественно, и, безъ сомнѣнія, не можетъ быть поставлено имъ въ вину; но что ихъ приглашаютъ, вызываютъ, ими замѣщаютъ весьма серьезныя должности, этого не понимали они сами, какъ не понимаетъ, я полагаю, никто, кто только не посвященъ въ преобразовательныя замыслы гражданскаго губернатора Болгаріи. Но пока эти замыслы еще обнаружатся, во всей глубинѣ ихъ, наждаго посторонняго человека поражалъ этотъ цѣлый гвардейскій офицерскій, съ которыми въ большинствѣ случаевъ не знали что дѣлать. Въ Петербургѣ ихъ торопили словами: слышите ли вы

сто вашего новаго служенія!—въ Тырновъ говорятъ: подождите, намъ некуда васъ дѣвать!

А между тѣмъ, содержаніе этихъ лицъ было уже, вѣроятно, опредѣлено, они его получали, и содержаніе не маленькое. О чемъ другомъ у насъ на Руси не подумаютъ, а ужъ о штатахъ безповоротна нечего: они всегда оставалась предметъ особой заботливости. Объ этихъ штатахъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ всѣ расходы по содержанію лицъ, вызванныхъ для гражданскаго управленія, должны были возмѣщаться изъ денежныхъ сборовъ болгарскаго края, и по нимъ болгары могли ознакомиться съ тѣмъ, какъ будутъ расходоваться ихъ деньги. Я знаю, что противъ этого сейчасъ же можетъ быть сдѣлано такое возраженіе: сколько бы ни стоило болгарамъ русское управленіе, все-таки оно будетъ дешевле турецкаго! Спора нѣтъ, но вѣдь мы и пришли-то въ Болгарію, чтобы освободить ее отъ гнета и разоренія. Итакъ, каковы же опредѣленные штаты? Прежде всего — губернаторъ, получающій 7,000 руб. жалованья, сверхъ чего на экстраординарные расходы ему полагается ежегодно отъ 6,000 до 10,000 р. с. Затѣмъ идетъ вице-губернаторъ, получающій 4,500 р.; далѣе, начальникъ округа 2,500 р., получающій, сверхъ того, на экстраординарные расходы да разъѣзды еще 1,500 р.; полиціймейстеръ столько же и т. д. и т. д. Нельзя при этомъ не замѣтить, что, на основаніи положенія о штатахъ, «суммы, назначаемыя на экстраординарные расходы, остаются въ безотчетномъ распоряженіи лицъ, коимъ они назначены». Если къ этому прибавить еще, что значительная часть этихъ окладовъ должна быть выдаваема золотомъ, что всѣ лица, призванныя въ Болгарію изъ Россіи получаютъ на подъемъ годовое жалованье «и двойное, по чинамъ, прогоны, на одинаковомъ основаніи съ чинами, отправляющимися на службу въ Туркестанскій край», что всѣмъ лицамъ «отводятся на счетъ городовъ и селеній соотвѣтственныя помѣщенія», — то дѣлается довольно понятнымъ, что матеріальныя условія представлялись настолько заманчивыми, что весьма легко могли бы преодолѣть въ людяхъ, призванныхъ въ Болгарію, сознаніе своей абсолютной неприготовленности къ тому дѣлу, второму они должны были служить.

И давленъ, впрочемъ, отъ мысли дѣлать упрекъ тѣмъ лицамъ, которыя явились въ Болгарію для занятія различныхъ должностей по гражданскому управленію краю; принимая сдѣланное имъ предложеніе, они руководились не исключительно матеріальными выгодами, забывая о всемъ остальномъ. Многихъ изъ этихъ лицъ мнѣ пришлось узнать довольно близко, и я съ увѣрен-

небось могу сказать, что большинство изъ нихъ своею иже недобрыхъ нарекаемъ. Но къ чему же тогда, меня могутъ спросить, они принимали эти названія; если матеріальныя выгоды не пересиливали всѣхъ другихъ соображеній, то зачѣмъ они не отказались отъ приглашеній, если только они сознавали свою неприготовленность, свою неумѣлость?

Этотъ вопросъ приходилось дѣлать и мнѣ, и выслушивая отвѣтъ, полный искренности, я отлично понималъ, что со стороны этихъ людей не было сдѣлано не только ничего предосудительнаго, но что 99 на 100 поступили бы точно такъ же, какъ и они.

— Когда мнѣ предложилъ ѣхать въ Болгарію, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ этихъ офицеровъ, — я прежде всего поспѣшилъ отказаться. Отчего же вы отказываетесь, спрашивали меня: развѣ условія кажутся вамъ недостаточно выгодными? — Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — условія чрезвычайны выгодны, но я не могу принять этого предложенія, такъ какъ я ровно ничего не анаю и не понимаю въ дѣлѣ гражданскаго управленія! — «Помилуйте, вамъ ничего знать и не нужно, вы можете быть совершенно спокойны, вы получите точныя инструкціи и будете по нимъ дѣйствовать!» — Я чувствовалъ, — продолжалъ мнѣ рассказывать офицеръ, — что такой доводъ мало убѣдителенъ и продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ.

— Чѣмъ же васъ убѣдили? — спрашивалъ я.

— Меня убѣдили не доводами, а именемъ князя Черкаскаго. Я всегда слышалъ о немъ, какъ объ очень замѣчательномъ человѣкѣ, и потому когда мнѣ стали говорить: — Повѣрьте, если князь Черкасскій предлагаетъ эти мѣста гвардейскимъ офицерамъ, онъ, значить, знаетъ, что дѣлаетъ! Это былъ для меня самый убѣдительный доводъ, я подумалъ-подумалъ — и рѣшился попробовать!

И я долженъ сказать, что большинство лицъ, пріѣхавшихъ въ Болгарію, смотрѣли на свои мѣста какъ на пробу, и весьма многіе изъ нихъ очень скоро убѣдились, что проба оказалась неудачною. Всѣ почти жаловались на то, что имъ приходилось дѣйствовать, какъ Богъ пошлетъ на душу, никакихъ серьезныхъ и дѣльныхъ инструкцій они не получали, а если и получали, то такія, каковымъ не было возможности слѣдовать. Двадцать разъ приходилось мнѣ слышать жалобы, что тѣ, которые должны были наставлять ихъ въ новой дѣятельности, сами не знали, что имъ дѣлать; отсюда происходило то, что сегодня дается какое-нибудь предписаніе, завтра отмѣняется, сегодня говорятъ — поступайте такъ,

завтра прямо наоборот. Словомъ, всѣ почти очень скоро убѣдились, что ханъ, еще естественно господствующій въ дѣлахъ во время войны, несравненно болѣе господствуетъ въ умахъ, чѣмъ желали считать что-то очень мудрое, а считали только нѣчто очень мудрое.

Вслѣдствіе этого, единства въ дѣятельности не было никакого, все опредѣлялось чисто субъективными воззрѣніями того или другого лица. Одинъ являлся дѣйствительно защитникомъ болгаръ, и старался приобрести ихъ сочувствіе и любовь къ русскимъ, другой становился защитникомъ турокъ и весьма сурово обходился съ болгарами.

— Я знаю,—говорилъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ округа, когда мы странствовали по его владѣніямъ, и останавливались въ деревняхъ,—что «братушки» мои терпѣть не могутъ, но мнѣ это все-равно, это такой дрянной народецъ, съ которыми нужно обходиться строго. Теперь они боятся меня, потому что знаютъ, что я ихъ даромъ ничего не пропущу: виноваты—двадцать ихъ нагаекъ! Пусть боятся!

— Послушайте,—возражалъ я ему,—однако вѣдь нагайка это очень дурное средство приобрести расположеніе болгаръ.

— А я вотъ бы сдѣлалъ васъ на недѣлку начальникомъ казны, то вы бы и увидѣли, можно или нѣтъ обходиться безъ нагайки: вы каждый день сыпали бы дѣвяти-треста штукъ! Вы не знаете болгаръ, а что касается ихъ расположенія,—да Богъ съ нимъ, на что оно намъ нужно?

— Да вѣдь вы все забываете, что мы пришли вѣдь освобождать ихъ! А вы съ нагайкой!

— Повѣрьте мнѣ, что для нихъ лучшее освобожденіе—это нагайка!

И сколько я съ нимъ ни спорилъ, онъ твердо стоялъ на своемъ, что управлять болгарами безъ нагайки невозможно, и продолжалъ ее считать лучшимъ орудіемъ правительственной мудрости.

И не подумайте, чтобы это былъ какой-то звѣрь, которому бы доставляло удовольствіе сыпать ударами нагайки,—нѣтъ, это былъ чрезвычайно милый, добрый и умный человекъ. Нагайка вытекала вовсе не изъ звѣрскихъ инстинктовъ, а изъ известной системы воспитанія и самаго крайняго непониманія нашей задачи среди южныхъ славянъ. Ему казалось почему-то справедливымъ отстаивать интересы турокъ, оставшихся въ мѣстности, занятой нашими войсками, и сурово преслѣдовать мажѣешее проявленіе вѣковой злобы болгарскаго населенія противъ ихъ угне-

тетелей. Укажите оны, что какой-нибудь бомбардиръ послѣ занятія города или деревни русскими дозволяетъ себѣ присвоить что-либо изъ турецкой собственности, тотчасъ на сцену показывается нагайка.

— Да перестаньте, что вы дѣлаете, развѣ это возможно!

— А по-вашему можно позволять грабить? я ихъ проучу, этихъ братушекъ!

И сколько ни стараешься убѣдить, что въ моменты остраго прилива нельзя такимъ образомъ относиться къ людямъ, пострадавшимъ, кажется, всѣмъ мукамъ ада отъ турокъ, что грабежь является подчасъ вовсе не результатомъ желанія ограбить, а желанія вполне естественнаго — отомстить; ничто не дѣйствуетъ, всѣ доводы безсильны.

— Какое мнѣ дѣло до ихъ прежней вражды, я хочу, чтобы какъ турки, такъ и болгары жили спокойно. Посмотрите на турокъ, на которыхъ такъ нападаютъ, какъ они ведутъ себя, какъ обращаются съ болгарами, — ни одинъ ихъ не тронетъ; такъ пусть же и болгары знаютъ, что они не смѣютъ ихъ обижать. А кто обижаетъ, тому — нагайка!

Тяжело было возражать, что нельзя скоро забыть вѣковой вражды, что турки ведутъ себя тихо и скромно только потому, что они побѣжденные, что они не грабятъ и не убиваютъ болгаръ только потому, что видятъ предъ собою русскихъ солдатъ, но что пусть только уйдутъ послѣдніе, пусть хоть на вѣсколько часовъ эта мѣстность снова будетъ занята турецкими войсками, и тогда еще и еще разъ вся деревня или весь городъ будутъ залиты болгарскою кровью. До этихъ соображеній начальнику казны, или округа, не было никакого дѣла, всѣ историческія условія оны совершенно игнорировала. Оны примѣняла къ управляемымъ имъ болгарамъ ту систему военной дисциплины, къ которой привыкъ еще съ юныхъ лѣтъ, и ему казалась дикою и невозможною всякая иная система. Оны не могъ понять, что система военной дисциплины совершенно непригодна для гражданскаго управленія, и потому нагайка немилосердно ходила по спинамъ несчастныхъ болгаръ. Правда, спины эти были давно уже привычны къ безчеловѣчнымъ ударамъ. Сѣно не скошено въ срокъ — нагайка, мостъ не исправленъ — нагайка, не поставлено известное число подводъ — нагайка! Но можно ли, спрашивается, было винить такого начальника округа за систему его управленія? Очевидно, нѣтъ: оны дѣйствовалъ по своему крайнему разумѣнію, убѣжденный, что оны руководится чувствомъ справедливости какъ въ отношеніи турокъ, такъ и въ отношеніи болгаръ. Винить, конечно, можно

было только тѣхъ, кому вѣрено было устройство гражданскаго управленія. Результаты такой системы мнѣ пришлось наблюдать въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мы останавливались. Турки относились къ этому начальнику округа съ видимымъ расположеніемъ; въ своихъ домахъ оказывали ему всякія любезности, заимали всевозможныя жалобы,— и получали, нужно сказать, полное удовлетвореніе. Болгары же безпрекословно исполняли приказанія, но на лицахъ ихъ нельзя было прочесть ни особаго доволства, ни радости. Они получали убѣжденіе, что если ихъ били произвольно турки, то также произвольно бьютъ ихъ и русскіе.

Если я указываю на такое нѣсколько оригинальное пониманіе своихъ обязанностей одного изъ должностныхъ лицъ гражданскаго управленія, то только потому, что оно далеко не представляло собою явленія исключительнаго, рѣзко-отличавшагося отъ всего остальнаго. Напротивъ, если меня что-либо поражало, то, конечно, это преобладающая, видная роль, которую такъ часто играла нагайка. Примѣръ заразителенъ, и употребленіе нагайки быстро переходило отъ одного къ другому. Она, къ сожалѣнію, получила право гражданства, и кто только не злоупотреблялъ этимъ оригинальнымъ орудіемъ цивилизаціи! Болгары, очевидно, не могли быть особенно довольны такимъ управленіемъ, сопряженнымъ при этомъ со всѣми бѣдствиями и страшными жертвами войны, между тѣмъ это подчасъ даже дурно-скрытое неудовольствіе служило источникомъ нареканій въ неблагодарности и испорченности. Всѣ точно забывали, что отъ народа, да притомъ забитаго и находящагося въ силу турецкаго ита въ невѣжественномъ состояніи, нельзя требовать рассужденій, отмѣченныхъ печально философскою зрѣлостію, на тему: мы должны претерпѣть новыя страданія въ настоящемъ, чтобы достигнуть лучшаго будущаго! Болгарскій народъ усталъ страдать; онъ жаждетъ чуть не царствія небеснаго на землѣ... можно ли винить его, что онъ не скрывалъ горечи своего разочарованія? Когда настоящее терзаетъ васъ, то надежда на будущее мало кого способна утѣшить!

Съ одной стороны, такое неудовольство тѣхъ, кого мы пришли освобождать, съ другой—отсутствіе какой-либо ясно-установленной задачи отчетливаго пониманія своей роли, своихъ обязанностей, своего назначенія, вызывали въ свою очередь неудовольство даже тѣхъ лицъ гражданскаго управленія, для которыхъ нашлось все-таки дѣло въ сѣверной части Болгаріи,— а такихъ, строго говоря, было не много. Если эти горько жаловались на свою судьбу и не разъ проклинали тотъ день, когда приняли приглашеніе

князя Черваскаго, то что же сказать о тѣхъ, для которыхъ избрѣтали дѣло, потому что въ дѣйствительности его не было? Множество лицъ наѣхало въ Болгарію съ цѣлью управлять страной, но управлять было нѣтъмъ, приходилось ждать у моря погоды.

Но гражданскій губернаторъ Болгаріи, повидимому, не обращалъ на то вниманія, и желая размѣстить вызванные лица, назначалъ ихъ губернаторами, вице-губернаторами, начальниками орутовъ въ Русукуъ, Филиппополь, Плевну. Всѣ эти назначенія происходили въ тотъ тревожный іюль мѣсяць, когда мы испытывали столько же неожиданнаго, сколько и горькія неудачи. Подобныя назначенія имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ — дискредитированіе гражданскаго управленія, и это только не дѣлалъ обидныхъ пролическихъ замѣчаній:

— А что же, не назначенъ еще губернаторъ адрианопольскій!

— Да ужъ встаетъ было бы назначить губернатора въ Константинополь.

Такимъ образомъ, гражданское управленіе еще лѣтомъ завоевало и Русукуъ, и Филиппополь, и другіе города.

Представьте же себѣ положеніе человѣка, который на вопросъ—какую онъ занимаетъ должность? вынужденъ отвѣтить:

— Я назначенъ губернаторомъ Русука!

— Русука? да развѣ онъ взятъ?

— Нѣтъ, онъ не взятъ, но онъ можетъ быть взятъ!

И русукускій губернаторъ получаетъ 7000 р. жалованья, и филиппопольскій губернаторъ получаетъ тѣ же 7000 р. Не въ правѣ ли были дивиться болгары такому оригинальному расходованію суммъ, собираемыхъ съ нихъ нашими властями.

Весьма многіе изъ офицеровъ гвардіи не могли мириться съ комическимъ положеніемъ, созданнымъ имъ гражданскимъ управленіемъ, и думали только о томъ, какъ-бы посворѣй развязаться съ принятыми ими предложеніями.

— Нѣтъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ этихъ людей,—я ни за что не останусь служить въ этомъ гражданскомъ управленіи; если бы я только могъ предвидѣть всю эту комедію, я бы никогда сюда не пріѣхалъ. Слава Богу, гвардія, говорятъ, будетъ вызвана на театръ войны; какъ только она придетъ, я снова тотчасъ возвращусь въ свой полкъ. Я не могу играть роль какой-то куклы, а служить тутъ съ пользою я не въ силахъ, у меня нѣтъ на то ни подготовки, ни опытности.

Гвардія пришла, и тотъ, который провозносилъ эти слова съ такою искренностью, возвратился въ свой полкъ. Онъ сослужилъ службу русскому народу, но, увы! смертию заплатилъ онъ за

принесенную имъ пользу. Турецкая граната подкосила его молодую жизнь въ сраженіи при Горнемъ-Дубнякѣ, — онъ погибъ смертью человека, исполнившаго свой святой долгъ передъ родиною.

Но чѣмъ же, спрашивается, можетъ быть объяснено приглашеніе лицъ изъ военнаго сословія для занятія должностей по гражданскому управленію? Я не могъ довѣрять тому объясненію, которое мнѣ приходилось такъ часто слышать. Объясненіе это казалось мнѣ просто неправдоподобнымъ. Оно состояло въ томъ, что вызовъ лицъ, совершенно не приготовленныхъ къ такого рода дѣятельности, обусловливается будто бы исключительно личными свойствами самого начальника, его характеромъ, не терпящимъ никакой самостоятельности во всѣхъ, кто только ему подчиненъ. Его противники рѣшительно настаивали, что, обладая свойствомъ, не рѣдко встрѣчающимся въ государственныхъ людяхъ, не выносить въ подчиненныхъ самаго легкаго противорѣчія и считать собственное мнѣніе непоправимымъ вольнодумствомъ, князь Черкасскій остановился въ своемъ выборѣ на лицахъ военнаго сословія какъ на элементъ, наиболѣе привыкшемъ къ дисциплинѣ и къ слѣпому повиновенію, безъ всякихъ разсужденій и безъ тѣни критики, во лѣ начальника. Они утверждали, что губернаторъ Болгаріи держался убѣжденія, что на землѣ существуетъ только одна разумная, сознательная воля — это его собственная, и что потому всѣ остальные лица, которыя должны были помогать ему въ дѣлѣ управленія Болгаріи, не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ послушными орудіями въ его рукахъ. Тѣ же противники доказывали далѣе, что это убѣжденіе вытекало изъ общаго его политическаго міросозерцанія, краеугольнымъ камнемъ котораго служило положеніе, что народы созданы для управителей, а вовсе не управители, какъ кричатъ легкомысленные либералы, для народовъ.

— Все, что происходитъ въ Болгаріи въ сферѣ гражданского управленія, — говорили мнѣ противники князя Черкаскаго, — все это не ново, все это является скопомъ съ того, что дѣлалось въ царствѣ польскомъ. Тамъ точно такъ же и преимущественно всѣ должности находились въ рукахъ лицъ военнаго сословія, привыкшихъ дѣйствовать рѣшительно, круто. Привычка къ крутости сохранилась, и отдѣлаться отъ нея, повидимому, не такъ-то легко. Она заставляетъ даже забывать различіе въ почвѣ для дѣятельности. Тамъ приходилось имѣть дѣло съ не-другами правительства, тутъ же вы встрѣчаете только друзей русскаго народа. Тамъ крутость могла побѣждать, тутъ она вооружаетъ

тѣхъ, которые видятъ въ русскихъ старшихъ братьевъ, пришедшихъ на помощь. Вотъ почему система дѣйствій, устанавливаемая здѣсь и заключающаяся въ томъ, что въ одинъ прекрасный день назначать начальникомъ округа или даже губернаторомъ человѣка, выдающаго въ нагайкѣ лучшее средство для управленія, а въ другой — высокомерно и рѣзко отнесутся къ болгарамъ, являющимся для выраженія чувства благодарности, сегодня заподозрять цѣлую партію, хотя бы партію молодой Болгаріи, въ политической неблагонадежности и обвинять ее чуть не въ революціонныхъ проискахъ, завтра устранять отъ общественной дѣятельности болгарина только за то, что онъ мечтаетъ для своей родины о самостоятельной политической жизни, о свободномъ, несѣсномъ опекѣ, развитіи — такая система дѣйствій едва ли доставитъ Россіи прочную любовь и беззаветную преданность со стороны болгаръ, на что, бесспорно, Россія приобрѣла право цѣною обильно-пролитой дорогой крови русскаго солдата-героя. И будутъ ли виноваты, скажите, одни только болгары, если за сдѣланное имъ добро — освобожденіе отъ турецкаго ига, они не заплатятъ тою горячею привязанностью, которая, кажется, на вѣки должна была бы соединить это несчастное племя съ русскимъ народомъ?

Что въ этомъ мнѣніи была значительная доля справедливаго, въ этомъ трудно было сомнѣваться тому, который хотя нѣсколько присмотрѣлся на мѣстѣ къ характеру гражданскаго управленія. Характеромъ этимъ объясняется между прочимъ и то, что въ числѣ лицъ, служившихъ въ гражданскомъ управленіи, было такъ мало дѣйствительно гражданскаго элемента. Казалось бы совершенно естественно, чтобы въ дѣлѣ введенія гражданскаго управленія въ Болгаріи приняли участіе люди, получившіе хоть какой-либо навыкъ къ такому дѣлу своею предшествовавшею дѣятельностью въ Россіи, — люди если и не специально знакомые съ болгарскимъ народомъ, то все же хоть получившіе высшее образованіе, болѣе способные освоиться съ историческими условіями близкаго намъ народа. Такихъ людей, однако, за исключеніемъ трехъ-четырехъ человѣкъ, на которыхъ была возложена разработка вопросовъ по финансовой, судебной части, въ дѣйствительности не оказалось. Почему? потому ли, что такихъ не находилось, людей не было желающихъ ѣхать въ Болгарію и посвятить себя скромной и невидной дѣятельности въ незнакомой странѣ? Это предположеніе казалось невѣроятнымъ въ виду того сочувствія, которое обнаружилось въ русскомъ обществѣ къ дѣлу освобожденія южныхъ славянъ. Нельзя же сказать, чтобы у всѣхъ

это сочувствіе было только, но выраженію Гамзета, «слова, слова и слова!» И на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Многѣ приходилось встрѣчать людей, съ прекраснымъ образованіемъ, полныхъ энергіи и готовности служить славянскому дѣлу, порѣшившихъ прѣхать въ Болгарію, чтобы предложить свои услуги начальнику края, но предложеніе ихъ было принято такъ, что люди эти, дорожившіе чувствомъ собственнаго достоинства, должны были очень скоро отказаться отъ мысли стать въ непосредственное дѣловое отношеніе къ болгарскому народу.

Зная это, я не могъ признавать исполнѣ справедливыми тѣ доводы, которыми сторонники принятой системы гражданскаго управленія защищали какъ самую систему, такъ и назначеніе на весьма серьезныя должности лицъ, совершенно къ тому неподготовленныхъ.

— Что же вы хотите,—говорили они,—когда у насъ нѣтъ людей! Мы и у себя-то, въ Россіи, жалуемся постоянно на недостатокъ въ людяхъ, и жалуемся не безъ основанія. Посмотрите, что дѣлается въ земствахъ, въ мировыхъ учрежденіяхъ, какъ исполняется составъ слѣдователей, прокуратуры, адвокатуры, вспомните, много ли находилось людей, дѣйствительно серьезно подготовленныхъ для проведенія въ жизнь совершенныхъ реформъ, и тогда вы признаете, что лучшее можетъ быть, что можно было придумать для Болгаріи—это призвать лицъ изъ военнаго сословія, которые по крайней мѣрѣ смѣло будутъ исполнять всѣ приказанія и, не разсуждая хорошо ли то или другое, или дурно, будутъ безпрекословно держаться данныхъ имъ инструкцій.

— А не думаете ли вы,—возражали этия сторонникамъ установленной системы гражданскаго управленія,—что ваша защита, не говоря уже о томъ, что она несправедлива, гораздо болѣе походить на обвиненіе, нежели на защиту. Вы указываете на недостатокъ въ людяхъ, но не спрашиваете ли этотъ недостатокъ, этотъ ограниченный кругъ настоящихъ «выбранныхъ» только оттого, что въ дѣйствительности было мало «званныхъ» — что условія, которыми постоянно обставлялось призваніе лицъ, были таковы, что многіе вынуждены были не отклоняться на зовъ? Условія же эти все тѣ же, какихъ вы требуете для лицъ, явившихся въ Болгарію, и выражающіяся въ немногихъ словахъ: «слѣпое исполненіе», «не разсуждать» «безпрекословно» повиноваться. Что выйдетъ изъ такой системы въ Болгаріи, можно и не говорить, такъ какъ нѣтъ разумной системы, основанной на неразумныхъ принципахъ!

Но противъ доводовъ первыхъ, т.-е. защитниковъ граждан-

скаго управленія, можно мнѣ кажется сдѣлать еще одно и самое вѣсское возраженіе. Если правда, что въ Россіи не существуетъ людей подготовленныхъ въ такой дѣятельности, то не служить ли это лучшимъ доказательствомъ, что мы не должны вносить въ Болгарію нашихъ порядковъ, что не нужно было задаваться цѣлью устроить въ этой странѣ гражданское управленіе, а слѣдовало только освободить этотъ народъ отъ пятисотлѣтняго рабства и предоставить ему устроить свою политическую жизнь по своему собственному усмотрѣнію? Авось болгары не оказались бы хуже сербовъ, счумѣвшихъ безъ посторонней опеки устроить себѣ политическую жизнь, и нельзя сказать, чтобы эта жизнь не покоилась на разумныхъ началахъ. Признавая вѣрнымъ положеніе, что наша общественная жизнь не выработала достаточно людей даже для собственнаго обихода, — единственная мораль, которую можно вывести изъ такого положенія, опять-таки сводится къ прописной истинѣ, что прежде чѣмъ воспитывать другихъ, нужно позаботиться о своемъ собственномъ воспитаніи. Исходя изъ этого положенія, нельзя не признать справедливымъ, что наше поведеніе въ отношеніи болгаръ было бы болѣе цѣлесообразно, если бы мы ограничились введеніемъ во время войны исключительно военнаго управленія, и отбросили бы въ сторону всякія поползновенія, не довольствуясь освобожденіемъ болгаръ отъ турецкаго ига, надѣлать ихъ еще высокимъ общественнымъ строемъ.

Итакъ, нельзя не согласиться, кажется, съ тѣмъ, что политическія соображенія были противъ введенія гражданскаго управленія въ Болгарію русскими властями. Но въ политическимъ соображеніямъ должны быть также присоединены соображенія чисто практическія или, вѣрнѣе, военно-практическія. Время войны не создано вообще для того, чтобы могли быть предпринимаемы внутреннія реформы въ странѣ. Время это наступаетъ съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Какимъ бы блескомъ ни завершилась та или другая война, но блескъ этотъ никогда не долженъ ослѣплять глаза людей, которымъ дорого не мишурное, а истинное величіе своей родины. Та или другая война по своему исходу, благодаря героизму ли арміи или деморализаціи противника, можетъ быть вполне блестящею, и все-таки на общественномъ организмѣ она можетъ обнаруживать такія язвы, которыя ведутъ къ полному разложенію политическаго тѣла, если своевременно не будутъ приняты мѣры, способныя исцѣлить ихъ. Горе странѣ, если военные успѣхи настолько отуманяютъ общественное сознаніе, что она возмечтаетъ о своемъ совершенствѣ и забудетъ о под-

тѣмъ, каковыя ея язвахъ. Но не прежде чѣмъ съ наступленіемъ мира можетъ быть, или, вѣрнѣе, должно быть приступлено къ внутреннимъ преобразованіямъ. Если такое положеніе справедливо вообще, то оно имѣетъ въ особенности значеніе, когда идетъ вопросъ о такой странѣ, какъ Болгарія, испытывающей на себѣ еще ближе такъ-сказать горлечное состояніе, вызываемое неизбежными ужасами войны. Можно ли въ такой странѣ найти хотя одного человѣка, который бы въ это тревожное время сохранялъ настолько спокойствіе духа, чтобы могъ отдаться всецѣло служенію мирныхъ интересовъ? Очевидно, нѣтъ. Притомъ, шансы войны бывають и переищивчивы. Сегодня вы вырываете изъ рукъ турокъ нѣсколько селеній и городовъ, вы устанавливаете новый порядокъ вещей, избираете людей, которые должны служить этому новому порядку! Завтра враги торжествуютъ, положимъ и временно, но тѣмъ не менѣе этотъ, даже самый мимолетный переходъ власти достаточенъ для того, чтобы смести только-что установленный новый порядокъ и подвергнуть жестокииъ карамъ тѣхъ, кто дерзнулъ принять на себя роль его служителей. При такомъ положеніи неизбежно будетъ подорванъ авторитетъ всѣхъ тѣхъ, кто устанавливалъ этотъ новый порядокъ. Но помимо этого условія, требованія войны крайне капризны. Сегодня нужно принять одну мѣру, завтра эти капризные условія войны потребуютъ ея уничтоженія и замѣны ея мѣрою прямо противоположною. Вслѣдствіе этого является постоянное колебаніе, недопускающее установленіе чего-либо прочнаго, а между тѣмъ безъ этой прочности едвали возможно и помышлять о серьезномъ проведеніи въ народную жизнь какихъ-либо началъ того или другого порядка.

ГЛАВА VI.

Отъ Тырнова до Казанлыка.

Введеніе гражданскаго управленія въ Болгаріи въ разгаръ самой войны должно было подтвердить все сказанное мною выше самымъ нагляднымъ образомъ, и потому—способъ введенія новыхъ порядковъ, результаты, которые достигались, заслуживають особеннаго вниманія. Мнѣ представился случай быть свидѣтелемъ введенія гражданскаго управленія и убѣдиться въ степени прочности водворяемаго порядка. Случаюъ этимъ я и воспользовался съ тѣмъ болѣею охотою, что онъ давалъ возможность ближе взглянуть въ болгарь и самому сдѣлать оцѣнку ихъ отношенія къ намъ, русскимъ.

Войска наши были уже за Балканами. Храбрый отряд генерала Гурко, преодолевъ страшныя трудности, занялъ уже Казанлыкъ. Кто не помнитъ этого времени, когда въ началѣ іюля мы мечтали уже черезъ мѣсяць или два окончить кампанію. Все, казалось, намъ улыбалось, мы не знали препятствій. Въ занятой нашими войсками мѣстности, очищенной отъ турецкаго правленія, предстояло ввести гражданское управленіе. Въ видахъ ближайшаго ознакомленія съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность и для введенія въ ней новаго порядка, изъ Тырнова должны были отправиться нѣсколько человѣкъ офицеровъ, служившихъ въ гражданскомъ управленіи, но не посвященныхъ еще въ его сокровенный смыслъ. Съ ними долженъ былъ ѣхать одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, стоявшій около князя Черкаскаго; ни у кого почти я не видѣлъ такого яснаго пониманія нашей задачи, такого свѣтлаго взгляда на наше отношеніе къ южнымъ славянамъ. Едва ли это былъ не единственный человѣкъ, хорошо знакомый съ нравами, характеромъ болгарскаго народа и съ тѣми историческими условіями, которыя создали и этотъ характеръ и эти нравы. Примкнувъ къ этой небольшой партіи, состоявшей изъ людей какъ нельзя болѣе симпатичныхъ, 11-го или 12-го іюля мы выѣхали изъ Тырнова.

Съ этою-то «комиссіей» по дѣламъ гражданскаго управленія я совершилъ весь путь отъ Тырнова до Казанлыка. Мы останавливались въ городахъ, селахъ и деревняхъ, и путь этотъ былъ интересенъ не только съ точки зрѣнія ознакомленія съ вводимыми нами порядками, но, быть можетъ, еще больше съ точки зрѣнія бытовой. Во время этого странствованія можно было вдоволь присмотрѣться къ болгарамъ и къ ихъ отношенію къ намъ, русскимъ. Нужно ли говорить, что на нашемъ пути часто встрѣчались суровые слѣды войны, съ ея неизбежными спутниками, разореніемъ и опустошеніемъ, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ это представляется настроенной на ужасы фантазіи. Богатая природа, непривычная для нашего глаза растительность, стройный хлѣбъ на корню, роскошныя виноградники скрадывали впечатлѣніе то покинутыхъ, то сожженныхъ деревень, попадавшихъся нерѣдко по дорогѣ. Хлѣбъ, виноградники не пострадали отъ войны, они не подверглись уничтоженію по той же причинѣ, по которой сохранились всѣ мосты, телеграфы и многіе города и деревни, покинутыя турками. Приказъ уже былъ отданъ уничтожать хлѣбъ на корню и другія произведенія земли, но приказъ запоздалъ; быстрое движеніе передоваго отряда вплоть до Казанлыка спасло до-балканскую Болга-

рѣю отъ варварскаго опустошенія. Сожженныя деревни были турецкія, и сожгла ихъ народная мѣсть. Большинство же другихъ турецкихъ деревень представляло собою жалкую картину запустѣнія: турки при приближеніи нашихъ войскъ бѣжали, но это бѣгство турокъ ни мало не было похоже на бѣгство десятковъ тысячъ болгаръ: тѣ бѣжали, захвативъ все свое имущество, и для спасенія его отобрали у болгаръ на прощанье ихъ лошадей, воловъ, скотъ—весь скотъ. Попадались, впрочемъ, и сѣлянскія деревни, на половину турецкія, на половину болгарскія. Изъ одной деревни всѣ турки ушли, въ другой остались, и къ чести болгаръ нужно сказать, что ни живыхъ, ни достойные этихъ оставшихся на своихъ мѣстахъ турокъ не подвергались ни малѣйшей опасности. Я не скажу разумеется, что ни одинъ турокъ не былъ лишень жизни, ни одна вещь не была насильственно отнята у нихъ,—быть можетъ, такіе факты и встрѣчались; но, во всякомъ случаѣ, если они и бывали, то настолько рѣдко, что о нихъ не говорили, и мнѣ не приходилось слышать никакихъ жалобъ отъ турокъ. Быть можетъ, скажутъ: страхъ удерживалъ этихъ людей обирать оставшихся въ своихъ жилищахъ турокъ; но едва ли такое возраженіе было бы справедливо, такъ какъ неубѣжавшихъ турокъ сравнительно было такъ мало, что они были вполне безсильны передъ болгарскимъ населеніемъ. Скажутъ: страхъ возвращенія турокъ и ихъ будущей мести! но и это было бы невѣрно, такъ какъ болгары—увѣ!—хорошо знали, что если турки восторжествуютъ, то ничто, никакое дружелюбное отношеніе къ оставшимся туркамъ, не спасетъ ихъ отъ поголовной рѣзни и дѣлаго истребленія.

Что болгары не ошибались въ этомъ, тому кровавыя доказательства дали Ловча, Казанлыкъ, Беброво, Ески-Загра, Лени-Загра, Елена и еще многія другія деревни и села. Но глазъ скоро привыкалъ къ этимъ покінутымъ или сожженнымъ жилищамъ, и мы двигались впередъ, не обращая на нихъ больше вниманія. Въ вечеру мы пріѣхали въ Дряново, большое селеніе, имѣвшее полное право считать себя городомъ, да еще не изъ послѣднихъ. Не зная бы, что турки еще нѣсколько времени тому назадъ держали это селеніе въ страхѣ и трепетѣ, никогда бы по наружному виду и въ голову не пришло, что здѣсь людямъ жилось не привольно:—все такъ чисто, красиво, улицы, дома, украшенные зеленью, теравшіеся въ садахъ, вызвали отрадное впечатлѣніе, не только поддерживаемое, но еще усиливаемое довольнымъ видомъ высыпаннаго на улицу населенія. День былъ праздничный, женщины, дѣти,

чисто и даже красиво одѣтые, смотрѣли на военные костюмы съ какимъ-то веселымъ любопытствомъ. Мужчины дружески кланялись, снимая свои шапки, и на всѣхъ этихъ шапкахъ красовались кресты. Да, сомнѣнія нѣтъ, мы были желанные гости, и какъ легко было настроиться, судя по вѣщному виду, на самый радушный тонъ. Совсѣмъ идиллія! Но такъ ли безмятежно было на душѣ у всего этого люда? Рабство приучаетъ ко лжи и притворству, и изъ этихъ «добродѣтелей» создается вторую натуру. Когда люди извѣстнымъ общественнымъ строемъ, знакомымъ не однимъ болгарамъ на свѣтѣ, доводятся до того животнаго состоянія, что они дѣлаются способными лобызать ту руку, которая наноситъ удары ихъ человѣческому достоинству, тогда трудно становится добраться до искренняго чувства. Любовь и ненависть выражаются тогда въ одинаковыхъ формахъ. Вотъ почему и здѣсь наружный видъ вовсе еще не доказывалъ, что весь этотъ людъ спокойно смотритъ на свое будущее. За видимой улыбкой скрывалась невидимая на первый взглядъ тревога; но присмотритесь ближе, и это скрытое чувство опасенія не уйдетъ отъ вашего наблюденія.

Мнѣ не мудрено было въ этомъ убѣдиться, когда я вмѣстѣ съ другими пришелъ въ конакъ, т.-е. полицейское управленіе, куда приказано было собрать членовъ временнаго управленія общиною, замѣнившаго собою турецкое управленіе. Такихъ членовъ было десять, кромѣ предсѣдателя, но въ конакъ пришли не только члены временнаго управленія, но многіе изъ жителей, такъ что комната, корридоръ, дворъ—все наполнилось народомъ.

Необыкновеннымъ смиреніемъ, носившимъ на себѣ печать забитости, столь привычной для нашего глаза, проникнуты были собравшіеся тутъ болгары. Они стояли, и при первомъ почти словѣ кланялись и благодарили, благодарили и кланялись.

— Вамъ извѣстна прокламація русскаго царя къ болгарамъ?— спрашиваютъ ихъ черезъ молодого переводчика, сына извѣстнаго болгарскаго поэта Соловейко.

— Неизвѣстна!—отвѣчали болгары.

— Вамъ извѣстно, что впредь вы *навсегда* освобождаетесь отъ уплаты бедель?

— Неизвѣстно!—отвѣчаютъ болгары и кланяются.

Бедель, это—подать, которую турки брали со всѣхъ крестьянъ за полное освобожденіе ихъ отъ воинской повинности. Подать эта, безъ сомнѣнія, не была особенно тяжела для болгаръ, особенно, если подумать, что, благодаря ей, они не несли самой тяжелой, хотя и самой высокой въ нравственномъ смыслѣ повин-

что, несмотря на въевшееся влияние этих разлагающих мужество народа причин, среди его отыскался такой значительный процентъ гражданъ, охотно взявшихъ за оружіе, вступившихъ въ болгарскіе легіоны, доказавшихъ еще разъ цѣлому свѣту, что не военная выправка научаетъ умирать людей геройскою смертію, а святая любовь къ свободѣ личной и свободѣ своихъ ближнихъ.

Но если возвѣщеніе, что «всѣ вообще жители, безъ различія вѣроисповѣданія, освобождаются навсегда отъ уплаты этой подати», не вызвало особаго восторга среди болгарскаго населенія, за то не вызвало и ни малѣйшаго ропота. Болгары признали такую мѣру справедливою и полезною, хотя и не могли видѣть въ ней дѣйствительнаго «освобожденія» отъ этой подати, а только замѣну денежной подати повинностью натурою. Одно слово въ текстѣ официальнаго возвѣщенія этой мѣры должно было бы, конечно, вызвать въ странѣ всеобщую радость, это слово: «навсегда»; но болгары давно уже, и не безъ причинъ, были заражены ядомъ сомнѣнія. Слово это выражало собою, такъ сказать, обязательство, принимаемое на себя Россіей, что начатая война не будетъ окончена прежде, чѣмъ вся Болгарія не будетъ вырвана изъ турецкихъ когтей, и это торжественное обѣщаніе болгары, безъ сомнѣнія, приняли къ свѣдѣнію, хотя послѣдующія событія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи и показали, что во время войны гораздо лучше избѣгать такихъ громкихъ словъ, какъ «навсегда», «навѣки» и т. д. Особенная осторожность требовалась именно въ Болгаріи, гдѣ во всѣхъ предшествующихъ войнахъ мы не дали вовсе доказательствъ въ твердости нашей политики. Вслѣдствіе этого болгары относились съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ громкимъ заявленіямъ гражданскаго управленія, и, несмотря на всю законность такого скептицизма, имъ часто ставили его въ вину, требуя отъ нихъ, чтобы слова они принимали уже какъ за совершившіеся факты.

— Какъ можемъ мы радоваться, — приходилось мнѣ слышать отъ болгаръ, — когда у насъ нѣтъ увѣренности, что все возвѣщенное намъ сбудется въ дѣйствительности и что слова надежды не превратятся въ слова горькой ироніи надъ нашею жалкою судьбою!

Рядомъ съ возвѣщеніемъ объ уничтоженіи навсегда беделя, представители гражданскаго управленія объявили и объ уничтоженіи другой дѣйствительно страшнаго для болгаръ подати, это — ошуръ, или, въ переводѣ на русскій языкъ, — десятины со всѣхъ произведеній земли. Взамѣнъ отмѣняемой точно также «навсегда» десятины должна была быть введена поземельная подать, зви-

нашая, какъ говорилось, на правильныхъ основаніяхъ. Съ этою мѣрою случилось то, что должно было еще разъ подтвердить, что во время войны, въ странѣ, подвергнутой всѣмъ ея случайнымъ, противорѣчивымъ требованіямъ, невозможно задаваться мыслию вводить что-либо неизмѣнное. Такъ, первоначально, въ іюль мѣсяцѣ, было положено въ 1877 г. собирать десятину натурою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска. О такомъ сборѣ десятины натурою было объявлено болгарамъ. Мѣсяць спустя было принято другое рѣшеніе—не собирать натурою, а взимать десятину деньгами. Измѣненіе этой мѣры обуславливалось, разумѣется, необходимостью, соображеніями интендантства, контрактомъ съ товариществомъ гг. Горвица, Грегера и Когана, и мало ли еще чѣмъ могла быть вызвана необходимость собирать десятину не натурою, а деньгами. Разъ, что такое измѣненіе было признано полезнымъ, нечего и говорить, что необходимо было его совершить, несмотря ни на что, не обращая даже вниманія на то, что для болгаръ, особенно въ этомъ году, было бы выгоднѣе платить натурою, такъ какъ, благодаря войнѣ, сбыта продуктовъ, помимо интендантства или товарищества, никакого не было, но, разумѣется, для товарищества поступленіе десятины натурою было бы невыгодно, такъ какъ у арміи были бы запасы, которыхъ нельзя было бы поставлять по дорогой цѣнѣ. Но дѣло, конечно, не въ томъ, насколько то могло быть невыгодно для болгаръ, насколько выгодно, положимъ, хоть для товарищества,—эти соображенія не могли быть, безъ сомнѣнія, принимаемы въ расчетъ при замѣнѣ одной мѣры другою: польза арміи — вотъ единственное соображеніе, которымъ слѣдовало руководиться. Случайно это измѣненіе оказалось выгоднымъ товариществу,—что дѣлать! значить, судьба! Фортуна покровительствуетъ ему, счастье во всемъ его преслѣдуетъ! Но эти измѣненія, вышедшія изъ гражданскаго управленія, производили нѣкоторый хаосъ среди болгаръ. Приѣзжаетъ къ нимъ одно лицо и объявляетъ: сборъ десятины будетъ производиться натурою! Они кланяются и благодарятъ. Черезъ нѣкоторое время является другое лицо и говоритъ: сборъ будетъ производиться деньгами. Болгары кланяются и недоумѣваютъ! Робко обращаются они съ вопросомъ:

— Не ошиблись ли вы, говоря, что десятина будетъ собираться деньгами: намъ только-что на дняхъ объявили, что будутъ брать натурою.

И болгары не знаютъ, кому вѣрять, тому или другому, а какъ тотъ, такъ и другой — власть! И никакъ они не могутъ объ-

женить себя, что за перемена случилась въ нѣсколько дней, — сегодня такъ, завтра иначе, сегодня одно распоряженіе, завтра прямо противоположное, и мало-по-малу у нихъ закрадывается мысль, что мы сами не знаемъ, чего хотимъ, что у насъ нѣтъ строго послѣдовательнаго, обдуманнаго плана, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. А такая мысль вредна, она наноситъ ущербъ авторитету русской власти. Приведенный мною примѣръ былъ, разумѣется, не единственный. Объявляется, напримѣръ, болгарамъ посредствомъ органовъ гражданскаго управленія, что за каждую оставленную ими подводку они будутъ получать, положимъ, по 3 франка. Подводки поставляются, положимъ, для перевозки раненныхъ, нужно платить. Кто будетъ платить—военно-медицинское управленіе или гражданское управленіе, но болгары объ этомъ спорѣ не знаютъ, а знаютъ, что денегъ не получаютъ. Я привожу такой случай вовсе не для того, чтобы сказать, что мы обижали болгаръ; нѣтъ, можетъ быть, вполне было бы справедливо, чтобы они поставляли подводки безъ всякаго вознагражденія, война вѣдь ведется ради ихъ освобожденія, слѣдовательно, и на нихъ должны падать тягости, жертвы войны,—но только для того, чтобы объяснить, почему въ гражданскому управленію они не относились съ большимъ довѣріемъ.

Вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ объявлялось болгарамъ о сборѣ податей въ 1877 году, нигдѣ не подбѣчалъ я ни тѣни ропота. Относительно сбора самаго тяжелаго налога—десятины, имъ было сдѣлано облегченіе въ томъ смыслѣ, что требовали его уплаты не за-разъ: въ сентябрѣ должна была быть уплачена половина, въ октябрѣ одна четверть и въ ноябрѣ остальная четверть. Строго говоря, болгары до нѣкоторой степени имѣли право роптать на сборъ податей во время войны; экономическая дѣятельность была остановлена, во многихъ мѣстностяхъ они подвергались разоренію и, наконецъ, мысль, тяжелая мысль, что турки во второй разъ заставляютъ ихъ заплатить налоги, никогда ихъ не покидала. Вотъ почему отсутствіе ропота не можетъ не быть поставлено имъ въ заслугу.

Въ Драновѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ избранія должностныхъ лицъ, такъ какъ послѣ ухода турокъ тотчасъ же образовался здѣсь изъ болгаръ совѣтъ старѣйшинъ, принявшій въ свои руки бразды правленія. Этимъ временнымъ управленіемъ далеко не всѣ жители были довольны, но не смѣли смѣнить его, такъ какъ это временное управленіе получило санкціи гражданскаго управленія. Причина недовольства лежала въ томъ, что весь онъ почти состоялъ изъ того элемента, который зовется

чорбаджи, т. е. тѣхъ болгаръ, которые приирились вполнѣ съ турками, сами въ значительной степени отуречились и всегда держали ихъ руку. Вслѣдствіе того, что они перешли на сторону турокъ, они быстро богатѣли, турки сдавали имъ на откупъ налоги, и они немилосердно грабили своихъ соотечественниковъ. Когда кто-либо изъ другого класса, изъ людей, принадлежавшихъ въ «молодой Болгаріи», желалъ взять откупъ на болѣе льготныхъ для народа условіяхъ, тогда чорбаджи являлись къ панѣ, давали большую взятку, и откупъ оставался въ ихъ рукахъ. Взявъ откупъ, они безсовѣстно начинали притѣснять болгаръ; положишь, требуютъ съ нихъ уплаты налога, у болгарина нѣтъ денегъ, они являются на помощь и предлагаютъ нужную сумму изъ 5%, или 6%, въ мѣсяць. Черезъ мѣсяць—требованіе уплаты, переписывается обязательство, прибавляются проценты, и въ концѣ-концовъ болгаринъ попадаетъ подъ страшное ярмо ростовщика. Благодаря такому способу дѣйствій, цѣлыя деревни отучились въ неволѣ. Естественно, что съ освобожденіемъ Болгаріи отъ турецкаго владычества наступитъ и освобожденіе отъ власти чорбаджи, которая держится только силою турецкаго гнета. Чорбаджи это прекрасно понимаютъ, и потому естественно крайне недовольны настоящею войною. Эти чорбаджи, составляющіе, разумѣется, незначительный процентъ всего болгарскаго народа, образуютъ собою, такъ сказать, болгарскую аристократію. Этотъ классъ, пользующійся такою справедливою ненавистью, до крымской кампаніи игралъ совсѣмъ иную роль. Чорбаджи были люди образованные, и въ силу своего образованія пользовались значительнымъ вліяніемъ. Населеніе относилось въ нимъ съ уваженіемъ, такъ какъ всегда въ столкновеніяхъ съ турецкими властями они отстаивали интересы народа. Но послѣ крымской кампаніи они утратили свой характеръ, образованіе среди нихъ стало исчезать, и изъ защитниковъ своего народа они превратились въ грубыхъ кулаковъ и ростовщиковъ, всячески притѣсняющихъ населеніе, и стали служить лучшимъ оплотомъ турецкой системы.

Такіе-то люди, прикрываясь своею болгарскою національностью, по уходѣ турокъ, старались забрать въ свои руки власть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Дряновѣ, имъ и удавалось; но населеніе знаетъ имъ цѣну, и какъ только наступитъ болѣе спокойное время и болгарамъ будетъ предоставлено устроиться по своему усмотрѣнію,—они всюду теряютъ свое вліяніе. Этотъ элементъ относился и относится къ намъ враждебно, но элементъ этотъ отуреченный, а между тѣмъ весьма

многіе, въ своихъ нападкахъ на болгаръ, судятъ именно о настроеніи всѣхъ болгаръ по этимъ же-болгарскимъ экземплярамъ.

Не вездѣ было еще учреждено временное правленіе, не вездѣ были избраны должностныя лица, совѣты общинъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходило еще междуцарствіе. Такъ было въ мѣстечкѣ Травнѣ, куда мы пріѣхали на слѣдующій день. На дворъ вонака или полицейскаго управленія были собраны всѣ жители, и на нашихъ глазахъ произошло избраніе на различныя должности въ общинѣ. Нельзя было не быть пораженнымъ тѣмъ спокойствіемъ, достоинствомъ, съ которымъ происходили эти выборы. Группы между собою совѣщались, толковали, и потомъ громко заявили, что такого-то они избираютъ на такую-то должность. Избранныя лица отвѣчали на всѣ предложенные вопросы, они все знали, чтѣ дѣлается у нихъ въ общинѣ; если кто не зналъ, другіе сейчасъ подсказывали. Объявляли, что у нихъ столько-то домовъ турецкихъ и болгарскихъ, столько-то семействъ турецкихъ бѣжали, столько-то осталось; сколько у нихъ школъ, учениковъ и ученицъ, сколько учителей и т. д. Ни разу мнѣ не пришлось услышать: у насъ нѣтъ школъ! въ каждой общинѣ, немножко побольше, и двѣ и три школы, есть и учителя и учительницы и вездѣ много учениковъ. Эти отвѣты, я не могу не покаяться, постоянно приводили меня въ смущеніе. Не турки, правда, завели всѣ эти школы, но—надобно отдать справедливость и неприятелю—турки терпѣли, дозволяли заводить школы; они, несмотря на всю свою грубость и отсталость, не страшились въ послѣднее время распространенія образованія, они, какъ мнѣ говорили, не старались инквизиторскимъ образомъ забраться въ душу каждаго сельскаго учителя — не срываетъ ли онъ въ себѣ замысла ниспровергнуть существующій въ Турціи порядокъ. Турки предоставляли болгарамъ свободу обученія и только не дозволяли заводить высшія училища, университеты. Что-жъ! Турки дѣйствовали въ этомъ случаѣ только откровенно, въ дѣйствительности они могли бы обставить вступленіе въ высшія заведенія такими волючными преградами, что все равно въ нихъ попадали бы только избранные. Болгары все-таки должны быть благодарны туркамъ за разрѣшеніе свободно обучать грамотѣ народъ.

Спокойствіе, простота, разумность, съ которою происходили выборы въ общинахъ, ясное пониманіе своихъ правъ и обязанностей, сознаніе того, чтѣ необходимо для Болгаріи, словомъ—всѣ наблюденія, какія приходилось дѣлать, служили подтвержденіемъ только того положенія, что самая большая ошибка, которую мы

могли бы только сдѣлать, это—объявить болгаръ народамъ несовершеннѣйшимъ и вообразить себя призванными опекунами и учителями. Сами болгары относительно своего будущаго разсуждаютъ какъ нельзя болѣе основательно.

— Пусть,—говорятъ они,—намъ будетъ предоставлено только просторъ—и дѣло пойдетъ у насъ на ладъ. Мы выберемъ себѣ представителей, и они выработаютъ такую политическую организацію, которая будетъ наиболѣе соответствовать нашимъ интересамъ.

И все, что я видѣлъ, все, что слышалъ, меня какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ справедливости этихъ словъ. Нѣтъ болѣе ошибочнаго положенія, какъ то, что представительное правленіе пригодно только для народовъ, стоящихъ на очень высокой ступени умственнаго и политическаго развитія. Если народъ способенъ выносить дурное правительство, каково было въ Болгаріи, то ужъ, конечно, онъ способенъ вынести хорошее правительство. Если бы нужно было представлять доказательства въ пользу этого положенія, то стоить лишь сослаться на то, что дѣлается въ настоящее время въ Турціи. Ужъ если какой-либо народъ могъ считаться неспособнымъ для усвоенія себѣ представительнаго правленія, то, конечно, это турки. Вотъ отчего провозглашеніе турецкой конституціи было встрѣчено во многихъ государствахъ однимъ взрывомъ смѣха. Смѣялись тѣ, кто имѣлъ право смѣяться, но еще больше смѣялись, и главное—дурнымъ, притворнымъ смѣхомъ—тѣ, которые не имѣли на то ни тѣни права. И что же мы видимъ? Представительное правленіе, несмотря на всю свою молодость, вступаетъ въ открытую борьбу съ вѣковымъ турецкимъ абсолютизмомъ, и теперь уже можно видѣть, что побѣда останется не на сторонѣ послѣдняго. Если же турки выказали способность къ представительному правленію, то нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія предполагать, что болгары окажутся менѣе въ нему способными. Тѣ, кто враждуетъ противъ него въ Болгаріи, доказываютъ только одно, что его личныя выгоды наиболѣе удовлетворяются порядкомъ, прямо противоположнымъ представительному правленію. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы выказать большую откровенность и заявлять открыто: я противодѣйствую такой формѣ правленія, потому что не нахожу въ ней для себя личной выгоды! а не прикрываться въ нападеніяхъ на эту форму громкими словами о пользѣ и благѣ народа. Впрочемъ, въ Болгаріи я не встрѣчаюсь много людей, не признающихъ возможнымъ введеніе представительнаго правленія.

Противники его живутъ въ лагерѣ приверженцевъ опеки и нашего гражданскаго управленія.

— Помилуйте,—восклицаютъ они,—какъ возможно думать о представительномъ правленіи для Болгаріи, когда мы не находимъ даже людей, годныхъ занять мѣста губернаторовъ, вице-губернаторовъ, начальниковъ округовъ и т. д. Мы нашли всего нѣсколько человѣкъ, но и тѣ оказались мало способными для такой дѣятельности.

— А не думаете ли вы, — возражалъ при мнѣ одинъ болгаринъ, — что вы не находите людей вовсе не потому, чтобы ихъ не было, а совсѣмъ по инымъ причинамъ, изъ которыхъ первая та, что вы не хотите искать ихъ, а вторая, болѣе серьезная, заключается въ томъ, что вы относитесь съ предубѣжденіемъ къ тѣмъ, которые дозволяютъ себѣ проявлять малѣйшую самостоятельность, что вы отрещиваетесь точно отъ нечистой силы, отъ всѣхъ людей, принадлежащихъ къ партіи «молодой Болгаріи»; на всѣхъ этихъ людей вы наложили ваше veto, только потому, что, по какимъ-то невѣдомымъ мнѣ причинамъ, вы вездѣ чувствуете революціонный духъ. Если бы вы могли освободиться отъ этого ложнаго страха передъ краснымъ призракомъ, тогда вы убѣдились бы, что нашлись бы люди, если и не стоящіе на высотѣ европейскаго образованія, то вполнѣ все-таки пригодные, чтобы служить честно и добросовѣстно своему народу. Такие люди существуютъ въ Болгаріи, и если только намъ будетъ предоставлено право распоряжаться нашею судьбою сообразно нашимъ интересамъ, тогда вы убѣдитесь, что мы вовсе не будемъ вынуждены искать себѣ губернаторовъ, начальниковъ округовъ и иныхъ должностныхъ лицъ въ другой, хотя бы и родственной намъ странѣ.

Вопросъ, какъ относятся болгары къ нашей политикѣ, каковы стремленія, желанія народа относительно его будущаго, представляясь, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интереснымъ, и потому, естественно, что разговоры съ болгарамъ, особенно изъ интеллигентнаго класса, очень часто вращались около этой темы. Нужно при этомъ замѣтить, что болгары вели себя въ этомъ отношеніи крайне осторожно, они не желали, точно опасались говорить откровенно, и требовалась известная настойчивость, чтобы заставить ихъ, не стѣсняясь, выразить свое мнѣніе. Вопросъ этотъ можно нѣсколько обобщить.

Существуетъ ли дѣйствительно тѣсная связь между Россіей и южными славянами, или связь эта дѣланная, искусственная, изобрѣтенная? Не влονται ли всѣ стремленія южныхъ славянъ

только къ тому, чтобы высвободиться изъ-подъ тяжелаго ига турокъ, и не относится ли они безразлично къ вопросу: кому будетъ принадлежать извѣстное главенство надъ ними, Россіи, Австріи, или какому-либо другому государству? Задаваясь этимъ вопросомъ, я не могу не припомнить словъ одного изъ вождей герцеговинскаго возстанія, Любобратича, съ которыми мнѣ привелось встрѣтиться еще въ Бухарестѣ. Говоря о роли Австріи и Россіи среди южныхъ славянъ, онъ съ неподдѣльнымъ жаромъ сталъ доказывать, что только одной Россіи принадлежать всѣ ихъ симпатіи.

— Что съ нами будетъ, я не знаю, только я говорю одно— лучше я приму исламъ и сдѣлаюсь туркомъ, лучше намъ навсегда оставаться подъ этимъ варварскимъ господствомъ, чѣмъ быть присоединенными къ Австріи и сдѣлаться нѣмцами. Неужели, — продолжалъ Любобратичъ, — мы боролись въ продолженіи пятидесяти лѣтъ за наше существованіе, за право остаться славянами, только для того, чтобы результатомъ этой борьбы сдѣлаюсь наше онѣмеченіе. Вопросъ стоитъ прямо: есть славянство или его нѣтъ? Если есть, то ни единая часть славянскаго племени не можетъ быть принесена въ жертву. Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина, Болгарія—все это одна славянская семья, стремящаяся къ самостоятельному существованію. Въ какой формѣ она явится, будетъ ли какая-нибудь династія или не будетъ, это все равно. Россію мы любимъ, на Россію надѣемся, и если у девяти-десятихъ населенія, — выразился онъ съ большою энергіею, — вы разрѣжете сердце, то вы прочтете въ немъ любовь къ Россіи, которую ничто не могло поколебать. Въ русской политикѣ мы часто видѣли колебаніе, сомнѣніе, опасеніе подчасъ начинало закрадываться въ душу, но мы вѣрили въ силу исторической необходимости, и событія оправдали нашу вѣру. Война явилась ея результатомъ. Будьте же увѣрены, что кровь русскаго народа льется не даромъ; пролитая кровь будетъ служить тѣмъ цементомъ, который скрѣпитъ славянское единство подъ сильнымъ главенствомъ Россіи. И чѣмъ больше впередъ будетъ идти ваше внутреннее развитіе, тѣмъ связь Россіи съ южными славянами будетъ все крѣпче и крѣпче.

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ разговора только потому, что онъ хорошо рисуетъ отношеніе южныхъ славянъ къ Россіи. То, что говорилъ Любобратичъ, довольно часто мнѣ приходилось слышать въ Болгаріи. Болгары несомнѣнно чувствуютъ большое таготнѣніе къ Россіи, несмотря на печальныя страницы въ прошломъ, они любятъ Россію, но любовь эта, не нужно заблуж-

даться, вовсе не сантиментального свойства. Они не ослѣплены нашимъ блескомъ, нашимъ могуществомъ; этотъ «бѣдный» народъ, по выраженію одного политическаго Юпитера, прекрасно понимаетъ наши сильныя и слабыя стороны и подвергаетъ критической оцѣнкѣ не только нашу внѣшнюю, но и внутреннюю политику. Несмотря на то, что уровень ихъ политическаго развитія далеко не высокъ, они понимаютъ, что зовется въ политикѣ бѣлымъ, что чернымъ, и въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи Россіи къ славянамъ руководствуются все-таки примѣрами историческими, отношеніемъ нашимъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя уже состоятъ съ нами въ бравѣ.

— Скажите,—приходилось мнѣ не разъ спрашивать у болгаръ,—чего желаетъ вашъ народъ, къ чему онъ стремится?

— Онъ стремится,—было мнѣ отвѣтомъ,—прежде всего получить право жить, потому что подъ владычествомъ Турціи мы не живемъ, а только медленно умираемъ. Мы просимъ жизни, просимъ освободить насъ отъ нашего вѣкового и жестокаго врага.

— Прекрасно. Положимъ, что это законное желаніе будетъ, наконецъ, удовлетворено, какія тогда ваши надежды на будущее? на что вы рассчитываете?

— Все, что съ нами ни сдѣлаютъ, все будетъ лучше того положенія, въ какомъ мы находимся теперь. Будемъ ли мы присоединены къ другому государству, образуютъ ли изъ насъ отдѣльное княжество, мы всѣмъ будемъ довольны!

— Да, но чего вы сами желаете?

Молчаніе.

— Желали бы вы быть присоединенными къ Россіи?

— Если иначе нельзя, мы будемъ довольны!

— А если можно?

— Тогда лучше отдѣльное существованіе подъ покровительствомъ Россіи.

— Отчего же лучше,—допытывался я.

— Видите ли, мы въ Россіи очень привязаны, но быть присоединенными къ намъ все-таки было бы неудобно. Мы народъ еще мало развитый, намъ нужно мало-по-малу выработать свои порядки, намъ необходимо устройство простое, несложное. Если бы мы попали подъ власть Россіи, то вы стали бы примѣнять къ намъ ваши порядки, давно сложившіяся, къ которымъ мы не готовы, могли бы возникнуть недоразумѣнія, вы бы считали насъ неспособными, неразвитыми, ну, пожалуй, и не пошло бы хорошо!

Я отлично понималъ, что въ этихъ словахъ есть много не-

договореннаго, что другая мысль шевелится въ головѣ, и только не выходитъ наружу по недостатку откровенности.

— Но отчего же вы думаете, что мы будемъ относиться къ вамъ свысока?

— Да видите ли, — отвѣчалъ мнѣ болгаринъ: — если вы уже хотите, чтобы я былъ откровеннымъ, то я вамъ скажу, что и теперь ужъ, когда не рѣшенъ вопросъ, что съ нами будетъ, вы относитесь къ намъ слишкомъ строго...

— Въ чемъ же, однако, выражается эта строгость?

— Да хоть бы въ отношеніи къ намъ вашего управленія. Если ужъ теперь оно смотритъ на насъ какъ на своихъ подчиненныхъ, вѣрнопослушныхъ, то что же было бы, если бы мы перешли подъ вашу власть. Обращаются съ нами круто, не желаютъ выслушать ни одного болгарина. Кто ни подойдетъ, только и слышитъ: «вы народъ неразвитой, вы не должны разсуждать; если вамъ говорятъ что-нибудь, вы должны слушаться и быть благодарны!» Мы, конечно, благодарны, но все-таки вѣдь мы лучше знаемъ, что намъ нужно, а между тѣмъ заявлять не смѣемъ. Да и не одинъ губернаторъ такъ обращается, его примѣру слѣдуютъ и другія лица гражданскаго управленія. Вотъ почему мы и желали бы лучше имѣть свое управленіе. Свои нужды и потребности мы знаемъ хорошо. А подъ главенствомъ Россіи мы хотимъ быть; мы были бы довольны, если бы намъ дали русскаго князя и у насъ установился бы такой порядокъ, какъ въ Румыніи или Сербіи.

Меня невольно поражало, какъ скоро среди болгаръ сдѣлалось непопулярно наше гражданское управленіе и съ какою быстротою распространяются различные рассказы о губернаторѣ Болгаріи. Какъ образецъ того, что вызывало недовольство, я приведу слѣдующій, переданный мнѣ рассказъ. Болгары не желали, чтобы ихъ духовенству была предоставлена особенно вліятельная роль въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Объ этомъ нежеланіи они скромно и заявили, но получили грозный отвѣтъ, чтобы они не смѣли разсуждать подобнымъ образомъ, что духовенство должно имѣть предпочтительное вліяніе, что болгары народъ неблагодарный, что они должны помнить, какъ духовенство поддерживало ихъ національность, сохранило ихъ языкъ, что они должны относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, что религія это краеугольный камень и т. д.

— А мы никогда и не думали, — прибавлялъ мнѣ, — говорить что-нибудь о религіи, мы говорили только о духовенствѣ, потому что знали его хорошо.

Нужно при этомъ сказать, что дѣйствительно болгарское духовенство стоитъ на очень низкой степени развитія, и при этомъ большинство не пользуется особенно хорошою репутаціею, такъ какъ многіе изъ нихъ имѣли различныя отношенія съ турками. Отсюда проистекаетъ то, что болгары относятся безъ особеннаго почтенія къ своему духовенству, хотя среди его, конечно, есть люди, глубоко преданные интересамъ своей родины.

Трудно, конечно, сказать, насколько справедливаго было во всемъ, что говорилось о гражданскомъ управленіи. Вѣрно только то, что его судили, въ большинствѣ случаевъ, не по дѣламъ его, а по словамъ. Иначе, впрочемъ, едва ли и могло быть, потому что настоящей дѣятельности его еще не было и не могло быть. Были единичные факты проявленія этой дѣятельности, но эти единичные факты далеко не всегда заслуживали одобренія. Непопулярность его, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что болгары опасались, чтобы оно изъ временнаго не превратилось въ постоянное, а опасались они потому, что въ дѣйствительности желали имѣть свое собственное управленіе, желали и надѣялись достигнуть самостоятельнаго существованія. Но это желаніе вовсе не стояло въ противорѣчій съ ихъ искреннею вполне привязанностью къ Россіи.

Въ этой привязанности, въ этой любви къ русскимъ нельзя было мнѣ не убѣдиться во время поѣздки отъ Тырнова до Казанлыка.

Оставивъ Травну, мы послѣ довольно тяжелаго перехода, вознаграждаемаго, впрочемъ, на всемъ пути необыкновенною красою величественныхъ картинъ Балканскихъ горъ, сдѣлали привалъ въ небольшой чисто-болгарской деревнѣ Станче-Ханъ. Въ этой деревушкѣ не видѣли еще до насъ ни одного русскаго офицера, ни одного солдата, и потому жители стали разсматривать насъ съ особенно великимъ любопытствомъ. Они кланялись, улыбались, гурьбой проводили насъ до маленькаго домика, гдѣ помѣщалась школа, отданная на ночь въ наше распоряженіе. Черезъ переводчика они стали допрашивать насъ, откуда мы пришли, куда направляемся, гдѣ стоятъ русскія войска, много ли ихъ, и, въ свою очередь, передали, что въ нѣсколькихъ верстахъ, въ семи или девяти, есть башни-бузуки, но что къ нимъ пока не приходили, ихъ не трогали.

— Вотъ, пожалуй, узнають, что вы сегодня пришли къ намъ, такъ, чего добраго, сдѣлають ночью набѣгъ!

На встрѣчу къ намъ вышелъ священникъ, старецъ лѣтъ 80, съ длинною бѣлою бородою, съ давно потухшими глазами. По

вѣншему его виду, онъ вѣнкъ не отличался отъ остальныхъ болгаръ, развѣ только бѣдностью своего одѣянія. Эта бѣдность несколько говорила о жалкомъ положеніи православнаго думавскаго, но крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, кто не держалъ руки турокъ. Съ этими старцами ни могли объясниться по-русски, но ничего можно было вывести изъ разговора съ ними. По слову развѣтію онъ не стоялъ выше всѣхъ остальныхъ своихъ одновѣнчавъ. Онъ пригласилъ насъ отслушать молебень, и ни спрашивая въ церковь, которая стояла тутъ же, вслѣдъ шлоли. Нужно было сказать, что это—церковь, чтобы догадаться о томъ, такъ какъ ничто во вѣншескѣ видѣ не подсказывало, что это былъ православный храмъ. Небольшой сарай съ иконостасомъ крестной, безъ креста, не говоря уже о колокольнѣ. Колокольни нигдѣ не допускались, звонъ колоколовъ не раздавался въ Болгаріи до самаго вступленія нашего въ этотъ несчастный край. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Тырново, гдѣ населеніе по преимуществу болгарское, и тамъ вверху раздавался колокольный звонъ послѣ зажитія его нашими войсками. Но въ этой деревушкѣ турки не дозволяли даже выставить креста надъ этимъ жалкимъ сарайчикомъ, откуда неслась въ небо молитва презрѣнныхъ гуровъ, несмотря на то, что тутъ не было даже ни единого турецкаго дома. Внутреннее убранство церкви отвѣчало вполнѣ вѣншему виду, оно было по-истинѣ нищенское. Небольшой иконостасъ изъ бѣлаго простого дерева съ двумя бѣдными, ничѣмъ не украшенными образами. На царскихъ вратахъ должно быть была когда-нибудь рѣдкая новолота, но она вся обвалилась, и отъ нея остались только едва видимые слѣды. Ни въ одной самой бѣдной русской деревнѣ никто не встрѣчалъ, конечно, никогда такой бѣдой, заброшенной церкви. Двѣ-три восковыя свѣчи передъ образами освѣщали своимъ слабымъ свѣтомъ этотъ скромный, точно покинутый христіанскій уголокъ. Съ нами вошло еще нѣсколько чужбѣхъ болгаръ, и священникъ своимъ слабымъ, едва слышимымъ старческимъ голосомъ сталъ служить молебень. Риза на немъ была поношенная, вся истертая, и еле-еле держалась на его плечахъ. Не было пѣвчихъ, не было дьячка, и какъ-то глухо, замолгливо раздавался драхлнй голосъ старца среди четырехъ голыхъ стѣнъ этого запретнаго храма. Трудно передать то впечатлѣніе, которое производила на насъ эта нищенская церковь, едва освѣщенная двумя-тремя мерцающими огоньками, бесцвѣтными разсыпавшимся наступившимъ мракомъ, эта заброшенность, подсказывавшая, что имя Христа со страхомъ произносится среди этихъ людей, эта непривычная для глаза бѣдность одѣянія, видимо забытаго, слу-

жители церкви. Жутко дѣлалось на сердцѣ, и не смиреніе, а злобу вызывала эта скрывающаяся отъ людского взора молитва, злобу и ненависть противъ тѣхъ, кто угнетаетъ свободу совѣсти народа, кто похищаетъ у людей право свободно исповѣдывать свои убѣжденія, свои вѣрованія и даже право свободно молиться своему Богу.

Какъ-то заунывно раздавалась здѣсь молитва о русскомъ воинствѣ, и какъ-то живѣе, судорожнѣе чувствовалась здѣсь боль за тѣ обильныя жертвы, которыя пали и должны будутъ пасть еще и еще, за ту дорогую кровь, которая пролилась уже изъ груди русскаго народа.

Слабый, едва внятный голосъ старца продолжалъ раздаваться. Онъ молился о здравіи живыхъ, и даже о здравіи давно отошедшихъ въ вѣчность; видно было, что жизнь давно здѣсь застыла, и давно уже не проникала сюда никакая газета. Отъ насъ впервые узналъ болгарскій священникъ о смерти покойнаго наследника, и когда ему сказали о томъ, онъ взглянулъ только своими потухшими глазами, точно удивленный, ни слова не отвѣтилъ и вычеркнулъ осторожно это имя изъ своей книжки.

Не въ веселомъ настроеніи всѣ мы вышли изъ церкви. Невольную жалость, состраданіе вызывали болгары. Когда мы вернулись къ нашему домику, болгары, человѣкъ двадцать, суетились около стола, приготовляя намъ ужинъ. Навѣрно они зарѣзали для насъ самаго жирнаго барана. Зарѣзанный баранъ свидѣтельствовалъ объ ихъ радости видѣть среди себя первыхъ русскихъ.

— Чего добраго, и башни-бувуки захотятъ на насъ пострѣть!—сказалъ кто-то.

Какъ ни мало было въ тому основаній, но опытные военные люди приняли мѣры предосторожности. Поставили на ночь въ деревнѣ двухъ-трехъ болгаръ съ ружьями, да казаки по-очереди должны были стоять на часахъ.

— Да прогоните вы часовыхъ, отпустите спать болгаръ, — заговорилъ одинъ изъ насъ, когда мы всѣ, сколько насъ было, размѣстились на ночь на полу въ маленькой комнатѣ болгарской школы.

— А вы поручитесь, что въ цѣлой деревнѣ не сыскалось никого, кто бы сбѣгалъ за нѣсколькими верстами и не предупредилъ турокъ о нашемъ прибытіи?—отвѣчалъ самый опытный изъ нашей компаніи.—Я вамъ совѣтую лучше, господа, положить револьверы около себя, на войнѣ вѣдь все случается.

И начались рассказы о различныхъ случаяхъ неожиданныхъ нападеній.

— Паломте, господа, страсти-то рассказывать! слынуть Бани-бузунки изъ-за насъ себя безновонть ночью!

Рассказы не унывались.

— Господа! кто помнитъ, какъ въ дѣтскіе годы старуха наша рассказывала на ночь страшныя сказки?

Всѣ рассказались и унывали. Часовые награсно впрестоили на часахъ до рассѣта. Бани-бузунки оказались въ этотъ разъ сложены съ сказочными разбойниками, которые никогда не тревожатъ безмятежнаго сна.

Равно утромы тронулись мы далѣе. Путь впрестоилъ тяжелый. Нужно было переваливать черезъ Балканы. Мы рѣшились спуститься въ долину Розъ не черезъ Шибку, не черезъ ханъ-кюйскій проходъ, а черезъ травянской и сельчанскій, гдѣ не проходили еще русскія войска. Мыѣ живо рисуются гѣ сверхъестественныя усилія, гѣ страданія, гѣ нѣщи, которыя должны были испытать наши войска, переходя черезъ Балканы потомъ въ зимнюю пору, сопровождаемую на вершинахъ горъ страшными морозами, невыносимыми вѣтрами и ителами! Нужно было обладать гигантскою бодростью, быть воодушевленными по-истинѣ геройскимъ духомъ, чтобы совершить то, что въ послѣднее время совершено русскою аріею. Если хѣтотъ, въ то время, когда стояла прекрасная погода, когда солнце палило своими лучами, переходъ черезъ Балканы сопряженъ съ такими трудностями, какія намъ пришлось испытать, то что же должно быть зимою, во время стужи, гололедицы и урагановъ? Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ при одной мысли, какія терзанія должны были перенести люди, да еще безъ хорошихъ сапоговъ, безъ теплаго платья, совершая этотъ геройскій переходъ черезъ Балканы.

Большую часть дороги приходилось не то идти, не то ползти, лошади еле-еле шли за нами, на каждойъ шагѣ оступался, скатывался, выбивался изъ силъ. Крутизна ужасная, почва каменистая, и мѣстами до того скользкая, что не знаешь, какъ и ступить. Такъ и казалось въ горькую минуту, что вотъ-вотъ потеряешь равновѣсіе, ноги подвоятся и стремглавъ покатишься внизъ. Часовъ шесть продолжался этотъ тяжелый путь, пока мы не спустились съ страшной крутизны, пока мы не вошли въ великолѣпное ущелье, среди котораго пріютилась довольно большая болгарская деревня Сельцы.

Трудно подискать словъ, которыми бы можно было передать ту радость, которая охватила жителей этой деревни, когда они увидѣли небольшой русскій отрядъ, состоявшій изъ пятнадцати человѣкъ. Это была самая искренняя, неподдѣльная радость, ка-

зую мнѣ только когда-либо удавалось видѣть. Я невольно подумалъ о томъ упрекѣ, который такъ часто слышался въ Болгаріи: «стоило намъ изъ-за братушекъ начинать войну, когда они относятся къ намъ такъ недружелюбно!» Вся эта деревня, имѣвшая отъ 55 до 60 домовъ или кыштъ, высыпала намъ на встрѣчу. Десятки рукъ протаскивались къ намъ, многіе бросались къ нашимъ лошадямъ, хватали платья, руки и цѣловали ихъ. Точно подъ конвоемъ всего населенія деревни мы направились, по указанію болгаръ, на какую-то лужайку. Въ одну минуту они нагаскали сюда ковровъ, подушекъ и подъ тѣнью вѣевого, орѣховаго дерева устроили намъ мѣсто для отдохновенія. Никогда, я думаю, никому не задавали они еще такого пиршества, какъ намъ. Сто человекъ, не ѣвшихъ нѣсколько дней, могли бы насытиться! Въ избыткѣ радости они принесли чуть не цѣлаго жаренаго барана, куръ, супъ съ цыплятами, какую-то болгарскую кашу съ медомъ, нѣсколько кувшиновъ вина, словомъ—каждый несть, что у него только было, и всѣ мы невольно вспомнили Демьянову уху. Густою толпою окружили они насъ и радостно шептались. Женщины засыпали насъ цѣбтами; не знали болгары, что бы придумать, чтобы доказать намъ свою радость. Горько разобидѣлись они, когда мы хотѣли заплатить имъ за обѣдъ.

«Вы пришли насъ избавить отъ вѣевого врага,—говорили они,—и не хотите позволить намъ хоть накормить васъ!»

Какихъ только пожеланій не дѣлали намъ, когда мы сѣли на коней, чтобы продолжать нашъ путь до Казанлыка. Всячески сначала уговаривали они остановиться у нихъ, не ѣхать дальше, говоря, что выѣзжать подъ-вечеръ не безопасно, что по дорогѣ могутъ встрѣтиться баши-бузуки, и лучше переждать до утра. Три-четыре человекъ изъ деревни отправились провожать насъ, чтобы указывать дорогу, хотя два другіе, сопровождавшіе насъ до деревни Сельцы, не рѣшились ѣхать дальше, опасаясь сдѣлаться жертвами баши-бузуковъ.

На пути отъ деревни Сельцы до Казанлыка лежало нѣсколько турецкихъ деревень. Наши болгарскіе проводники не переставали убѣждать насъ, что лучше сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ, но объѣхать эти деревни, чѣмъ повстрѣчаться съ оставшимися въ своихъ деревняхъ турками. Совѣтъ ихъ не былъ принятъ во вниманіе, такъ-какъ всѣ раздѣляли, и вполне основательно, убѣжденіе, что если турки ужъ остались, то они не рѣшатся сдѣлать что-либо въ родѣ нападенія.

— Да развѣ турокъ много, чего ни боятся? — спрашивали болгарь.

— Больше, чѣмъ насъ, — отвѣчали они.

— Да вѣдь у нихъ оружіе отобрано, они невооружены; значитъ, это мирные турки!

— Они мирные, — возражали проводники, не хотѣвшіе проходить мимо турокъ, — только до тѣхъ поръ, пока они боятся! А оружіе у нихъ есть! Они сдаютъ только старое оружіе, никуда негодное, а хорошее припрятываютъ!

Въ послѣднихъ словахъ заключалась правда. Сколько разъ случалось у турокъ отбирать оружіе, они сами несутъ его и складываютъ.

— У насъ нѣтъ больше ружей?

— Мы всё отдали; у насъ ничего не осталось.

Смотришь, черезъ нѣсколько дней они начинаютъ рѣзать, являются ружья, револьверы, атаганы — все это такъ хорошо припрятано до поры-до-времени, что, несмотря на обыски, ничего нельзя было открыть.

Болгары кляли, впрочемъ, основаніе не попадаться на глаза туркамъ. Послѣдніе слѣдили тщательно за тѣми изъ болгаръ, которые являлись проводниками или оказывали русскимъ какія-нибудь другія услуги, и ужъ эти болгары, при первомъ оборотѣ счастья на сторону турокъ, конечно, не могли набѣжать самаго лютаго истребленія.

Медленно двигались мы впередъ. Съ горной высоты мы еще издалека увидѣли двѣ деревни, какъ намъ сказали, турецкія; но, нѣсколько приблизившись, мы могли уже отличить, что деревни были сожжены, дома стояли разрушенныя, и среди развалинъ, еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дымившихся, уцѣлѣло нѣсколько домовъ.

— Кто сжегъ эти деревни? — спрашивали мы у болгарь.

— Самы турки, какъ всегда, — отвѣчали болгары.

Иной разъ, впрочемъ, являлась вариация въ отвѣтъ, говорили, что сожгли русскіе. Подчасъ оно дѣйствительно такъ и бывало, но въ большинствѣ случаевъ деревни жгли сами болгары, и никогда почти они не хотѣли въ томъ сознаться, точно опасаясь чего-то. Я уже упоминалъ, что ставить болгарамъ въ упрекъ эти пожары, разрушенія, — едва ли было бы справедливо. Въ темпераментѣ народа нельзя не удръжить извѣстнаго мѣста и чувству мести, особенно когда эта мѣсть является такою законною, какъ здѣсь.

Казалось бы, что въ этихъ сожженныхъ и опустошенныхъ

деревняхъ не могло быть турокъ, — гдѣ имъ тутъ жить! — но, въ дѣйствительности, когда мы подъѣхали, — увидѣли довольно много турокъ, бродящихъ среди развалинъ. Надъ деревней развѣвался бѣлый флагъ, какъ эмблема того, что деревня покорилась, и что въ ней живутъ только мирные турки. Это были турки, бѣжавшіе при приближеніи русскихъ, но затѣмъ, по занятіи Казаньска, Эски-Загры и Лени-Загры, возвратившіеся на свои пепелища и испросившіе себѣ у казаньскаго коменданта билеты на свободное проживаниеъ въ своихъ деревняхъ. Нужно сказать, что русскія власти, несмотря на то, что въ занятой мѣстности мы были окружены врагами, не только не препятствовали туркамъ оставаться на своихъ мѣстахъ, но всячески этому содѣйствовали, общая покровительство противъ какой-либо вспышки болгарской ненависти.

— Зачѣмъ удерживаютъ турокъ, — говорили болгары, пусть бы они уходили, а то они будутъ намъ мстить.

Но русскія власти хотѣли выказать свою гуманность въ отношеніи турокъ, и нельзя не сказать, что это желаніе быть гуманнымъ, заслуживающее само по себѣ полнаго одобренія, иногда шло слишкомъ далеко и становилось источникомъ страшныхъ бѣдствій для болгаръ. Дѣло въ томъ, что даже оставшіеся или возвратившіеся въ свои жилища турки вовсе не были склонны платить намъ тою же монетою. «Мирные» турки, всячески показывавшіе намъ свою покорность, обнаруживавшіе, повидимому, такую кротость и отсутствіе вражды, — какъ только наши войска повидали ту или другую мѣстность, тотчасъ изъ «мирныхъ» превращались въ звѣрей, и вымещали чудовищными неистовствами надъ болгарами свою временную покорность и кротость. Достаточно было дошедшаго до нихъ извѣстія, что русскіе потерпѣли гдѣ-нибудь пораженіе, что турецкія войска приближаются къ нимъ, чтобы тонъ немедленно измѣнился, и чтобы ихъ обхожденіе получило характеръ чего-то выывающаго.

— Если бы туркамъ не предоставляли спокойно жить въ занятыхъ вашими войсками мѣстахъ, то нашихъ не погибло бы столько, — говорили болгары: — наши дѣти тогда не тонули бы въ яровы!

Въ не-гуманное само-по-себѣ дѣло, какъ война, трудно внести начала гуманности, особенно въ войнѣ съ фанатизированными турками, неостанавливавшимися ни передъ какою злодѣйствомъ. Послѣдовать ихъ примѣру мы, разумѣется, не могли: нужно было только принимать большія мѣры предосторожности противъ расхоловшейся ярости турокъ. Впрочемъ, ужъ если грѣ-

нить, то лучше грѣшить въ кабылкѣ гуманности, нежели въ пресрѣтѣніи къ ней. Гуманность въ отношеніи турокъ заставляла только желать, чтобы то же гуманное отношеніе было усвоено нами и во всѣхъ нашихъ собственныхъ, общественныхъ дѣлахъ. А то, чего добраго, насъ волнуетъ русской же посланницей: «въ людяхъ ангель—не жена, дома....»

Подъѣхавъ къ турецкой деревнѣ, мы увидѣли какого-то турка, стоявшаго въ сторонѣ; мы кивнули ему, чтобы онъ подошелъ къ намъ, но турокъ бросился безъ оглядки бѣжать въ сторону. Другіе же турки, замѣтивъ насъ, собрались въ кучку и встали на дорогу. Прежде, чѣмъ мы обратились къ нимъ съ какою-нибудь вопросомъ, они вытащили бѣлые бумажки и стали называть намъ. Это были разрѣшенія казанскаго коменданта безпрепятственно проживать имъ въ этихъ деревняхъ. Видъ этихъ турокъ былъ довольно сумрачный, и видимо они не желали отвѣчать намъ на вопросы.

— Въ Казанлики есть русскія войска?

— Не знаемъ!

— А по-сосѣдству нѣтъ турокъ? башни-бузуновъ?

— Не знаемъ!

Одинъ только отвѣтъ мы и слышали отъ нихъ: «не знаемъ». Какъ они здѣсь жили, среди развалинъ и опустошенной мѣстности, — одному Богу извѣстно. Но что они вернулись въ надеждѣ, что мы вынуждены будемъ скоро оставить эту мѣстность, и что и для нихъ наступитъ праздникъ, — въ этомъ трудно было сомнѣваться. Въ ихъ обращеніи была гордость, какая-то самоувѣренность, ихъ взглядъ говорилъ недоброе. Быть можетъ, въ это время они уже знали то, что было неизвѣстно намъ, это — о наступательномъ движеніи Сулеймана-паша съ огромными силами противъ небольшого отряда изъ нѣсколькихъ тысячъ генерала Гурко, столь блистательно — что бы ни говорили — совершившаго нашъ первый переходъ черезъ Балканы: не вина, конечно, этого отряда и его начальника, что имъ не дали или не могли дать своевременно надлежащихъ поддержекъ. Наши проводники-болгары торопили насъ скорѣе отъѣхать подальше отъ этой турецкой деревни. Кто не знаетъ, что у страха глаза велики: напуганные болгары опасались, что турки пошлютъ намъ въ тылъ нѣсколько пулъ на память свиданія съ ними. «Мирные» турки — нужно отдать имъ эту справедливость — имѣли не-разъ случай доказать, что на ихъ покорность нельзя особенно полагаться. Они умѣли устраивать саады и въ полѣ, и въ домахъ. Ѣдетъ кто-

нибудь себѣ тихо среди «мирныхъ» турокъ, — вдругъ встрѣль, и съдохъ сваливается съ коня, пораженный на-смерть.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда мы пробрались въ Казанлыку по долинѣ Розъ. Никто, впрочемъ, изъ насъ не могъ получить понятія о той красотѣ, которая доставила этой мѣстности такое поэтическое прозвище. Ни одной розы мы не видѣли на пути: онѣ давно уже отцвѣли, и палющее солнце выжгло даже всю зелень.

Въ Казанлыкѣ мы надѣялись достигнуть отряда генерала Гурко, но надежды эти не сбылись. Мы прѣехали въ Казанлыкъ поздно вечеромъ, а рано утромъ въ тотъ самый день генералъ Гурко оставилъ этотъ городъ. Изъ тѣхъ болгарскихъ городовъ, въ которыхъ мнѣ привелось быть, Казанлыку безспорно принадлежитъ первое мѣсто. Я не скажу, разумѣется, чтобы онъ походилъ на городъ европейскій, но онъ отличался отъ другихъ восточныхъ городовъ своею опрятностью, чистотою. Христіанская часть города съ открытыми домами, съ окнами на улицу, рѣзко отдѣлялась отъ мусульманской его части, съ домами, обруженными высокими каменными стѣнами, изъ-за которыхъ поднимались высокія деревья. Богатый болгаринъ, въ домъ котораго мы остановились, принялъ насъ съ сдержанною любезностью. Всѣ мы прѣехали въ Казанлыкъ съ самыми розовыми надеждами, и потому насъ невольно поразила характеръ его разсужденій о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Да, да, конечно, вы зашли далеко и скоро, но что будетъ еще впереди! Я опасюсь, — говорилъ онъ, хотя въ голосѣ его и не слышалось ни опасенія, ни участія въ руселямъ: — чтобы вамъ не пришлось вернуться обратно.

Мы недоумѣвали, спрашивали его, но хитрый болгаринъ, изъ чорбаджей, отдѣлывался самыми общими фразами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ болгаръ, которые жили въ большой дружбѣ съ турками и, получая удовлетвореніе въ своихъ личныхъ выгодахъ, нимало не скорбѣли о бѣдственномъ и униженномъ состояніи болгарскаго народа. На нашихъ глазахъ онъ постоянно имѣлъ сношенія съ турками, по нѣвольному разъ въ день въ нему приходили и турецкія кадїи, т.-е. судья, и другія лица, завѣдомо стоявшія на сторонѣ турокъ. На другой день намъ объяснилъ его загадочный вечерній разговоръ. Въ Казанлыкѣ войскъ болѣе не было, всѣ ушли, оставалась только одна сотня казаковъ. Ночью еще распространился слухъ, что генералъ Гурко потерпѣлъ пораженіе, и что нѣсколько тысячъ баша-бузуковъ съ небольшимъ отрядомъ регулярныхъ войскъ идутъ изъ Карлова на

Казанликъ. Чуть-свѣтъ насъ разбудили этии неожиданныиъ печальными извѣстиями: Городъ, жители имѣли унылый, сумрачный видъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, что зовется паникой, и никогда эта тяжелая картина не изгладится изъ моей памяти. Паника охватила всѣхъ жителей; не было болгарина, который не поддался бы ея гнету. Пропала улыбка, пропала радость, исчезли куда-то шапки съ крестами, — на улицахъ на взрослыхъ и мальчуганахъ показались фески, у всѣхъ на лицѣ было написано одно только чувство — страхъ. Болгары не кланялись намъ больше съ обычнымъ радушиемъ, на улицахъ не раздавались слова: «здравствуй, братунка!» — все стихло, притамилось, — у многихъ въ глазахъ уже можно было прочесть какъ-бы упрекъ: «что теперь будетъ съ нами?» Турки заперлись въ своихъ домахъ, не показывались больше на улицахъ, и всѣ чувствовали, что тамъ, за этими стѣнами, они ведутъ оживленную радостную бесѣду и каждую минуту надѣются услышать шумное приближеніе тѣхъ, кто освободитъ ихъ отъ власти ненавистнаго врага и снова принизитъ поднявшійся было духъ ихъ вѣковыхъ рабовъ — болгаръ. Многія лавки закрылись, ставни домовъ захлопнулись, люди ходили растерянные, мужчины, женщины, дѣти — все было въ отвратительной власти испуга! Точно свинцовая доска придавила весь городъ.

— Что дѣлать? что предпринять? — вотъ вопросъ, которымъ задавались немногіе русскіе, оставшіеся въ Казанликѣ. Положеніе коменданта Казанлика было невеселое, можно было потерять эвергію, но онъ не падалъ духомъ и старался усновывать отчаявшихся болгаръ.

— Пошлите скорѣе на Шипку, дайте знать начальнику болгарской дружины: онъ, быть можетъ, спустится оттуда съ нѣсколькими орудіями, — говорили ему мои спутники, гвардейскіе офицеры.

Послали на Шипку, но когда оттуда придетъ отвѣтъ — и придетъ ли? — а между тѣмъ волненіе въ городѣ все усиливается. Что тутъ дѣлать? И странное дѣло! когда паника охватываетъ городъ, никто какъ-бы не задается вопросомъ: «да откуда явился такой слухъ, правда ли все это? можетъ быть, въ дѣйствительности ничего особенно дурнаго и не случилось?» Во время войны нѣтъ, кажется, хуже зла, какъ появленіе тревожнаго слуха, быстро развесеннаго летящею молвою. Не разъ во время настоящей войны онъ вызывалъ отвратительную панику. Кто доставилъ извѣстіе, что баши-бузуки идутъ изъ Карлова на Казанликъ? кто сообщилъ о пораженіи передоваго отряда? — никто не

знать, а между тѣмъ всё вѣрять, всё считаютъ, благодаря охватившей городъ паникѣ, эти извѣстiя несомнѣнными.

Командантъ отправилъ двухъ-трехъ казаковъ охотниковъ въ передовой отрядъ, чтобы узнать что-либо вѣрное, но казаки не возвращались, точно пропали. А между тѣмъ населенiе нужно какъ-нибудь успокоить, нужно на что-нибудь рѣшиться, нужно принять какiя-нибудь мѣры на случай приближенiя турокъ. Оставлять городъ, уйти на Шипку, никому не приходило даже въ голову: каждый понималъ, что отъѣздъ въ такую минуту хотя бы одного русскаго только усилилъ бы панику и вызвалъ бы бѣгство всего болгарскаго населенiя, бѣгства, сопряженнаго съ страшными жертвами.

— Что же, какъ намъ быть? на что мы рѣшима? — спрашивали всё другъ друга на импровизованномъ военномъ совѣтѣ.

— Надо защищаться, принять мѣры въ сопротивленiю, удерживать турокъ хоть на нѣсколько часовъ, пока не подойдетъ помощь съ Шипки или не отступитъ къ Казанликъ передовой отрядъ.

Но какъ защищать Казанликъ, когда всё наши военныя силы въ эту минуту ограничивались сотнею казаковъ!

Какъ можно было оставить Казанликъ безъ прикрытiя!

Но объ этомъ позднее было разсуждать. Рѣшенiе защищать Казанликъ было принято и тотчасъ приступлено къ организацiи обороны. Собрали болгаръ; тѣмъ, у кого не было оружiя, его выдали; ихъ повели на большое поле на окраинѣ Казанлика, впереди монастыря, и на этомъ полѣ закинула работа. Стали немедленно рыть ложементы, дѣлать вездѣ окопы, всё засуетились; гвардейскiе офицеры, прiѣхавшiе служить по гражданскому управленiю, вновь попали въ свою колею: распорядились, указывали мѣста, гдѣ нужно копать землю, и черезъ нѣсколько часовъ открытое поле было превращено — такъ или иначе — въ укрѣпленное мѣсто. Болгары, укрѣпляя земляными работами Казанликъ, какъ-то приободрились. Рѣшенiе защищаться подбiтствовало на нихъ какъ нельзя лучше: лица нѣсколько просiали, и когда въ вечеру работы были приведены въ концы, во всѣхъ ложементахъ были поставлены вооруженные болгары, городъ не имѣлъ уже такого встревоженнаго вида: паника ослабла, пробудилась энергiя, твердость. Подожди турки, — Казанликъ не былъ бы занятъ ими безъ боя.

Ночь прошла благополучно, а на утро было получено радостное извѣстiе, что передовой отрядъ не только не разбитъ, но что генералъ Гурко нанесъ поражение туркамъ при Лени-Загрѣ, несмотря на превосходство непрiятельскихъ силъ. Въ то же

время сдѣлалось извѣстнымъ, что слухъ о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ баша-бузуковъ былъ ложный, и что, такимъ образомъ, ничто не угрожаетъ болѣе Казанькѣ. Городъ моментально получилъ другой видъ, болгары опять сдѣлались веселы, пріятливы, скрылись фески, появились опять шапки съ крестами, снова болгары радушно кланялись русскимъ, «мирные» турки показались на улицахъ съ скромнымъ, поворончатымъ видомъ. Исчезла свинцовая давившая доска, опять просвѣтлѣло небо. Въ этотъ день Казанькѣ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Вчера война тѣснила насъ со всѣхъ сторонъ, сегодня, казалось, она за тридевять земель!

Одинъ такой день, какъ тотъ, который мы провели въ Казанькѣ, среди всеобщей тревоги и паники, долженъ былъ бы, казалось, говорить о несвоевременности введенія гражданского управленія, предполагающаго извѣстную прочность порядка. Но мало ли что можетъ казаться. Инструкціи должны были исполняться въ точности, гражданское управленіе должно было вводиться. Опять собраніе въ конакѣ, но только болѣе многолюдное, болѣе торжественное. Тотчасъ по занятіи Казаньки было сдѣлано распоряженіе объ избраніи совѣта изъ всѣхъ сословій, какъ изъ болгаръ, такъ равно и изъ турокъ. Большая комната, съ турецкими диванами вдоль всѣхъ стѣнъ, была наполнена представителями болгаръ и турокъ. Тѣ и другіе сидѣли рядомъ, безъ видимыхъ признаковъ вражды, и только на нѣкоторыхъ лицахъ турецкихъ представителей можно было прочесть злобу и ненависть. Эта злоба и ненависть не была ложнымъ впечатлѣніемъ извѣстнымъ образомъ настроеннаго воображенія, нѣтъ, она существовала въ дѣйствительности, да и могло ли быть иначе. Правда, нѣкоторые турки умѣли отлично сдерживать ее, но за то другіе не настолько владѣли собою. Мнѣ долго будетъ памятно выраженіе лица одного изъ турецкихъ представителей въ эфемерномъ совѣтѣ Казаньки. Во все время онъ не произнесъ ни единого слова, онъ сидѣлъ сумрачно, опустивъ глаза, но когда поднималъ ихъ, то во взглядѣ его было столько сдержанной злобы, бѣшенства, негодованія, что можно было только удивляться, какъ онъ рѣшился присутствовать въ этомъ собраніи и выслушивать приказанія ненавистныхъ для него побѣдителей. Когда я смотрѣлъ на него, для меня какъ-то понятнѣе становились тѣ страшныя, звѣрскія сцены, которыя такъ часто обогрѣли кровью Болгарію. Это былъ жадій. За то нѣкоторые другіе турки имѣли довольно спокойный и добродушный видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишены достоинства.

Въ этомъ собраніи происходило то же, что и на всѣхъ другихъ. Было объявлено, что «навсегда» уничтожается бедель, «навсегда» отменяется сборъ десятины, наконецъ, было сдѣлано внушеніе или, вѣрнѣе, увѣщаніе, чтобы болгары и турки жили между собою дружно, не обижая другъ друга, что «навсегда» должна исчезнуть всякая распря и что съ этой минуты наступать для всѣхъ жителей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, спокойствіе и миръ. Кланялись болгары, привладывали руки къ своей груди турки, въ знакъ признательности, но, впрочемъ, не всѣ. Суровый кадіи оставался неподвижнымъ. Наконецъ, имъ было объявлено, что отнынѣ «навсегда» устанавливается свобода вѣроисповѣданій, что магометанская религія будетъ пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ и христіанская, что какъ мечеть, такъ и православный храмъ будутъ одинаково стоять подъ охраною закона. Болгары, повидимому, искренно радовались, слушая все, что имъ говорилось, они забыли о только-что пережитой паникѣ, и не подовѣривали, несчастные, что торжественное слово «навсегда» означало въ то время не болѣе, какъ «на двадцать четыре часа». Несчастные не догадывались, что выражать свою радость на глазахъ турокъ значило совершать преступленіе, которое они должны были искупить такъ скоро не только своею кровью, но и кровью своихъ женъ, дѣтей, всѣхъ имъ близкихъ. Хорошо, что будущее закрыто отъ людей, а то жутко было бы намъ всѣмъ смотрѣть на ихъ «преступную» радость.

Окончилось собраніе. Шумная толпа довольныхъ и счастливыхъ болгаръ окружала насъ, когда мы увидѣли двухъ протискивающихся впередъ болгаръ; они отыскивали въ конакѣ коменданта.

— Что вамъ нужно?—спросилъ ихъ черезъ переводчика комендантъ.

— Мы пришли просить оружія, — отвѣчали болгары, видимо крайне возбужденные, — мы хотимъ защищаться сами отъ турокъ, которые угрожаютъ нашей деревнѣ.

Эти два болгарина прибѣжали изъ какой-то деревни по близости къ Казанлыку; они явились отъ имени всѣхъ жителей, не желавшихъ бѣжать передъ турками, а сопротивляться, бороться, отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свое достоинствіе, свою жизнь.

Мнѣ часто приходилось слышать жалобы на болгарское малодушіе, на ихъ трусость, на неспособность самимъ отстаивать свою независимость, свою свободу, свое право на существованіе. Эти два болгарина какъ-бы давали отвѣтъ на эти жалобы. Какъ защищаться безъ оружія, а между тѣмъ его-то и не было, да и не могло быть, такъ какъ ничто не навлекало на населеніе та-

какъ свирѣпыхъ преслѣдованій турокъ, какъ появленіе оружія у того или другого болгарина.

Мы вышли изъ коняка, сдѣлавъ визитъ плѣнному каймакыму или начальнику уѣзда, бичу болгарскаго населенія, отличившемуся, какъ передавали, страшнымъ звѣрствомъ во время рѣзни въ Батакѣ. Болгары, естественно, ненавидѣли его, какъ только могли, и зорко стерегли своего врага, притворявшася сумасшедшимъ. Мы посѣтили также «мирныхъ» турокъ, пригласившихъ насъ посмотрѣть на ихъ жизнь, на ихъ дома. Они приняли насъ съ своимъ обычнымъ гостеприимствомъ. «Гость» для турокъ—это нѣчто священное, пусть те будутъ даже самый заклятой ихъ врагъ.

— Ну, что, — спрашивали мы у нихъ: — когда русскіе вступили въ Казанлыкъ, — болгары не начали васъ грабить?

— Были такіе случаи, но не много, — говорили турки, и, повидимому, въ словахъ ихъ не было никакого раздраженія. Точно забыта была вѣбовая вражда.

Но не прошло и двухъ сутокъ, какъ турки доказали, что эта вражда не можетъ быть забыта, и что болгары и турки не могутъ жить подъ однимъ и тѣмъ же небомъ.

Но что было въ Казанлыкѣ черезъ два дня, объ этомъ будетъ идти рѣчь въ слѣдующей главѣ; теперь же все представлялось умиротвореннымъ, и казалось, что никогда болѣе Казанлыкъ не будетъ переживать тяжелыхъ, страшныхъ дней.

Подъ такимъ впечатлѣніемъ мы оставляли Казанлыкъ. Мои спутники возвращались обратно въ Тырново черезъ Шипку и Габрово, я же рѣшился съ ними расстаться и применить къ двумъ-тремъ офицерамъ, въ тотъ же день отправлявшимся въ Эски-Загру, гдѣ они надѣялись встрѣтить отрядъ генерала Гурко.

Дѣла наши шли, повидимому, такъ успѣшно, что черезъ десять дней, много дѣй недѣли, мы рассчитывали быть уже въ Адрианополь, но... прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, и какихъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ русскія войска вступили въ этотъ городъ! Ожидая быть скоро свидѣтелемъ нашего торжества, я долженъ былъ — это происходило въ концѣ іюля — сдѣлаться свидѣтелемъ нашего отступленія и всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыми отозвалось оно на судьбѣ десятковъ тысячъ болгарскаго народа. Въмѣсто Адрианополя, мнѣ пришлось еще разъ увидѣть Казанлыкъ, но — увы! — уже обгаренный болгарскою кровью.

Евг. Утинъ.

СТАРАЯ ПОСЛОВИЦА

THE SKELETON IN THE HOUSE.

П О В Ъ С Т Ь.

О к о н ч а н і е.

V *).

Докторъ, обратившись къ Анхенъ съ вопросомъ, вовсе не любопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло; ему было ясно главное, а именно, что не въ мамашѣ дѣло. Очевидно, старая Ульценъ выболтала тайну; другъ его Лебрехтъ, значить, не напрасно боялся, ничего не преувеличивалъ: жена его негодуешь теперь на оскорбленіе, нанесенное знатнымъ предметамъ ея матери, урожденной фонъ-Блюнгель-Пютцъ, которую злополучный случай, — если только то былъ случай! — привелъ теперь сюда созерцать позоръ дочери. Повидимому, ее встревожило также и то, что онъ, старый знакомый, многолѣтній другъ дома, зашелъ къ нимъ такъ некстати. Впрочемъ, оно понятно. Докторъ является теперь лишнимъ свидѣтелемъ безобразія! И вотъ, она, вѣроятно, намѣрена излить свое сердце, исполненное стыда и негодованія хоть передъ другомъ, такъ какъ не осмѣливается сдѣлать этого передъ мужемъ, или, быть можетъ, не считаетъ стоящимъ вниманія выказывать свое пренебреженіе презираемому человѣку: вѣдь во всю предыдущую сцену она держала себя съ образцовымъ спокойствіемъ и сдержанностью! Но пусть, пусть-ка попробуетъ сдѣ-

*) См. выше: янв., 312 стр.

питья съ нимъ, съ докторомъ! Онъ умѣетъ изгонять бѣсовъ, а въ особенности бѣса высокомерія. Она узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло!

Въ то время, какъ докторъ съ каждымъ шагомъ, который онъ дѣлалъ по комнатѣ, забирался все далѣе и далѣе по тому ложному пути, на который его натолкнуло дружеское рвеніе и странная увѣренность въ непогрѣшимости своей наблюдательности, у бѣдной Анхенъ давно уже пропало мужество отчаянія, съ какимъ она удержала его. Что она надѣялась? Чего она хотѣла? Открыть мрачному, угрюмому человѣку муки, испытанныя ею съ тѣхъ поръ, какъ она переступила за порогъ этого дома, что ей сердце не въ силахъ больше выносить страха, мучительнаго страха и страшной мысли, заронившейся въ ея душу... Она не думала... нѣтъ! нѣтъ! Она не вѣрила этой мысли, она отгоняла ее, какъ спящій старается прогнать кошмаръ, когда онъ давить во снѣ! Все это тоже не болѣе какъ ужасный сонъ, отъ котораго она проснется, если только соберетъ всѣ свои силы, и призоветъ къ себѣ на помощь! Помогите! помогите!

Но крикъ замеръ на ея дрожащихъ губахъ; вмѣсто того, кто то сказалъ... можетъ быть, то была она сама, хотя она и не узнала собственнаго голоса, и онъ показался ей чѣмъ-то постороннимъ голосомъ и какъ будто донесся съ конца комнаты:

— Я хочу переговорить съ вами не о мамашѣ, а о Лебрехтѣ... онъ такой странный... такой унылый... все это послѣднее время... и сегодня вечеромъ... и во время долгаго путешествія сюда... и теперь еще... мои родители... мой добрый, старый папѣ... онъ всегда съ такой охотой говорилъ объ этомъ... съ такой охотой... они такъ часто шутили надъ этимъ... почему... почему...

Чужой голосъ былъ заглушенъ рыданіемъ, но это рыданіе исходило изъ ея груди, и то ея слезы катились межъ пальцевъ, которые она прижала къ глазамъ, бросаясь въ кресло.

Докторъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на фигуру, сжавшуюся въ креслѣ. Неужели она въ самомъ дѣлѣ ничего не знаетъ? Дрожащее *почему*, дважды повторенное, совсѣмъ не звучитъ такъ, какъ если бы она знала въ чемъ дѣло и досадовала на мужа. Можетъ быть, у молодой женщины разстроились нервы отъ утомительнаго пути? Можетъ быть, ее смущаетъ, тревожитъ только странное поведеніе Лебрехта? Не желаетъ ли она, чтобы онъ объяснилъ ей то, о чемъ Ульценъ умолчала? чтобы онъ...

Но такъ какъ онъ, повидимому, уже ошибся разъ, то теперь хотѣлъ дѣйствовать навѣрняка. Онъ сказалъ:

— Почему Лебрехтъ отказалъ вамъ въ такой, повидимому, ничтожной любезности, какъ вынуть кубокъ изъ шпала? Вы это желаете знать?

Она кивнула головой:

— Да, да! и это также?

— И это также? Слѣдовательно, и еще что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчала испуганная Анхенъ, судорожно сжимая пальцы и уставивъ остолбенѣлые глаза на доктора.

Не сказать ли ей въ чемъ дѣло? Случай представлялся благопріятный: она, кажется, въ мягкомъ настроеніи, расстроена, боится можетъ быть, что Лебрехтъ станетъ срывать свое немыслимое для нея неудовольствіе также и на ея родителей; что родители, въ ихъ удивленію и страху, найдутъ, что медовый мѣсяцъ уже омрачился таинственными тучами, а онъ можетъ сказать ей: вотъ въ чемъ дѣло! теперь же бѣги на-встрѣчу твоему Лебрехту, когда онъ вернется, и шепни ему съ поцѣлуемъ на ухо: — я все знаю! И ты увидишь, какъ онъ въ одно мгновеніе она станетъ прежнимъ Лебрехтомъ!

Нѣтъ! онъ не можетъ ей этого сказать! Если Лебрехтъ ухитрился запутаться въ этихъ сѣтяхъ, какъ неразумный левъ, то пусть самъ пытается порвать свои узы; неужели спасеніе должно придти отъ услужливой мыши. Это было бы плохой дружеской услугою! Любовь многое прощаетъ: но она не прощаетъ трусости. И воспоминаніе о трусости мужа никогда не выгладится изъ памяти молодой красавицы, если онъ лишитъ Лебрехта возможности собственной ногой раздавить подлага червяка.

Но онъ можетъ сдѣлать слѣдующее: показать ей подлага червяка, какимъ онъ представлялся въ глазахъ Лебрехта: ужаснымъ дракономъ! онъ можетъ попытаться поставить ее на точку зрѣнія Лебрехта; внушить ей должное почтеніе въ чудовищу! Это онъ можетъ сдѣлать... и попытается сдѣлать это.

Онъ снова положилъ шпалу и трость на столъ, усялся напротивъ Анхенъ на низенькомъ креслѣ, и сказалъ, медленно глядя острыя когти ладонями и глядя сквозь очки на встревоженную Анхенъ:

— Не знаю, извѣстно ли вамъ изъ англійскихъ романовъ... изданія Таухница, — одно выраженіе, которое не то, чтобы очень часто, но и вѣрѣею попадаетъ, особливо у Теккерея... мимоходомъ сказать, онъ тоже одинъ изъ моихъ святыхъ: «The skeleton in the house» — скелетъ въ домѣ?

Анхенъ вадрогнула, но чудакъ разсмѣялся при этомъ ужас-

новый вопросъ. Какъ могъ бы онъ смѣяться, если бы все это не было одной изъ его странныхъ шутокъ? Она отвѣчала на удачу:

— Мнѣ помнится, я читала это выраженіе, но никакъ не могла хорошенько взять его въ толкъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, — сказала докторъ, смѣясь еще рѣшительнѣе: — какой-нибудь смыслъ долженъ связываться съ этимъ словомъ; но прежде всего послѣдуемъ совѣту Мефистофеля и «остановимся на словѣ». Скелеть, сударыня, скелеть... это звучитъ страшно въ ухахъ непосвященнаго человѣка. Это вполне естественно: скелетомъ называется то, что остается отъ человѣка, когда прекрасное, цвѣтущее тѣло снова обратится въ прахъ: бонетъ пѣсенки, такъ сказать; и «если пѣсенка звучитъ не особенно пріятно», то о концѣ все-таки ничего неизвѣстно, и когда гениальный молодой бутылка пьетъ шампанское изъ человѣческаго черепа, то въ сущности это только придаетъ лишнюю пикантность напитку! Не правда-ли?

— Можетъ быть, — прошептала Анкенъ.

— Вѣрно, говорю вамъ. Да и вообще дѣло такъ просто, что доступно даже дѣтскому пониманію: но смерть нигдѣ и никогда не бываетъ желаннымъ гостемъ, а потому не особенно-то любятъ и ея оскаленную эмблему; если же мы найдемъ ее тамъ, гдѣ ей быть надлежитъ, то не находимъ въ томъ ничего особеннаго, и въ крайнемъ случаѣ, если вы Гамлетъ и вамъ попадется въ руки черепъ Йоррика, то самое большое, что вы изречете нѣсколько меланхолическихъ, сильно дискредитирующихъ цѣну жизни, но вообще юмористическихъ словъ. — Но представимъ себѣ, сударыня, что остроумный принцъ остался бы въ живыхъ, сдѣлался королемъ и сталъ бы вдвое остроумнѣе; не повидать ли бы его юморъ всякій разъ, какъ ему приходилось бы проходить по одной лѣстницѣ въ замкъ, несмотря на то, что нѣкій болтливыи, старыи господинъ давно уже успокоился на кладбищѣ? Скелеть на кладбищѣ, сударыня, такая же немилая вещь, какъ и крыса въ погребѣ или какъ шпага въ ножнахъ; но скелеть подъ лѣстницей... это, скажу вамъ, все-равно, что крыса за обоями: вытаскивай шпагу изъ ноженъ и рази поскорѣй! Вы понимаете меня, сударыня?

— Конечно, конечно, — пробормотала бѣдная Анкенъ.

— Да и какъ не понять! У васъ, женщины, такъ тонко развито чувство гармоніи: невольно приволотый бантикъ, ленточка, цвѣтъ которой не подходитъ къ вашему платью, — однѣ эти мелочи уже могутъ привести васъ въ отчаяніе, а тутъ, шутка! скелеть подъ лѣстницей, fi, done! И еще другое обстоятельство

наверное не ускользнуло от вашей провинительности, а именно: что страшного предмета въ вышеупомянутомъ случаѣ вовсе не существовало, и спѣшу прибавить, что нѣтъ никакой надобности, чтобы онъ существовалъ, если только онъ уже былъ тамъ однажды; мало того, иду далѣе: онъ можетъ быть совсѣмъ неосознаваемой объектъ, какъ, на примѣръ, какая-нибудь математическая точка, которой не видалъ еще ни одинъ человѣческій глазъ и вокругъ которой весь свѣтъ вертится. Вы не математикъ, сударыня. Нѣтъ? Все-равно, мы занимаемся здѣсь не математикой, но моралью, эстетикой—если хотите, въ которой женщины насъ всегда передегоняютъ, подобно тому, какъ и въ нашемъ случаѣ онѣ играютъ важную роль. Не упускайте изъ виду, сударыня, только одного пункта, того пункта, которому намъ слѣдуетъ придать только одинъ эпитетъ, чтобы тотчасъ же подобрать наилучшій переводъ къ англійскому выраженію.

Докторъ снялъ очки и принялся протирать стекла желтымъ полковымъ носовымъ платкомъ. Это было бы большимъ облегченіемъ для бѣдной Анкенъ, тѣмъ болѣе, что страшному человѣку пришлось снять руки съ колѣнъ, если бы только онъ не походилъ на помѣшаннаго, съ своими остоубенѣлыми, сѣро-зелеными глазами, съ красными вѣками. Уже не помѣшанный ли передъ нею, въ самомъ дѣлѣ, и ирекаетъ свои глупости только затѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе себя слушать? Былъ ли во всей этой нелѣпицѣ какой-нибудь страшный смыслъ, котораго онъ не хотѣлъ прямо высказать и котораго она доискивалась? Ей хотѣлось крикнуть ему: «да говори же, въ чемъ дѣло?» но ей точно заперли ротъ на замокъ,—и вотъ страшный человѣкъ снова надѣлъ очки на ястребинный носъ; ладони снова заѣрзали по острымъ колѣнямъ и на губахъ заиграла неповорная усмѣшка, и онъ продолжалъ говорить съ той же изумительной торопливостью; одно слово погоняло другое, и казалось, что онъ не дастъ даже себѣ времени перевести духъ.

— Но наилучшій переводъ, сударыня, рѣдко когда вполне передаетъ подлинникъ: онъ выражаетъ то слишкомъ много, то слишкомъ мало: въ данномъ случаѣ слишкомъ много. Нашъ любезный, метафорическій скелетъ все еще остается темнымъ пунктомъ; но отводъ не всякій темный пунктъ есть светлый. Темная точка найдется въ каждомъ индивидуальномъ существованіи; мало того: индивидуумъ можетъ даже быть веселъ, если темныхъ точекъ у него не много, и я знавалъ людей, которые были татуированы, точно любой новозеландскій военачальникъ; не существуетъ также ни одной семьи, гдѣ бы не существовало своей

сий замешь во славу Божию. Достоинный камергеръ, который могъ угодить своему молодому, пылкому повелителю лишь цѣною своей фамильной чести, совершалъ это, конечно, лишь in usum delphini, т.-е. въ общему благополучію своихъ внуковъ, чтобы имъ жилось лучше на свѣтѣ, нежели изъ дѣдушекъ...

— Но милые внуки, сударыня, были ли они благодарны, какъ слѣдуетъ, дѣдушекъ за жертву, которую онъ имъ принесъ? Разумѣется: они выстроили часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ рыскалъ изъ дѣдушка въ кустахъ, но только слабонервные люди не могутъ вѣнчаться или крестить дѣтей въ этой часовнѣ безъ того, чтобы имъ не пришло на умъ, что подъ плитами, на которыхъ они стоятъ на колѣняхъ, лежитъ скелетъ дома. Быть можетъ, тамъ портретъ Агамемнона, принесшаго дочь въ жертву, изъять изъ портретной галлерей предковъ, потому что исторія слишкомъ щеголива, но тѣмъ не менѣе, всякій разъ, какъ въ старой залѣ дають балъ, сквозь завываніе скрипокъ и ропотъ контрабаса, ясно слышится, какъ стучатъ восты скелета, который замурованъ въ стѣнѣ, подъ толстыми, золотыми, парчевыми обоями. Вы смотрите на часы, сударыня: теперь немного больше четверти десятого, а Лебрехтъ только-что выѣзжаетъ изъ-подъ воротъ—въ узкомъ переулкѣ экипажъ всегда такъ ужасно гремитъ—право, Лебрехту слѣдовало бы маадаминировать переулокъ;— вы видите, у насъ пропасть времени, и мнѣ хотѣлось бы показать вамъ еще нѣсколько экземпляровъ изъ моего собранія скелетовъ, которые, быть можетъ, наименесѣйшіе, хотя и не сравнятся съ первыми по романтическому ужасу, но за то въ нихъ нѣтъ недостатка въ юмористическихъ чертахъ. Возьмемъ, на примѣръ, слѣдующій случай: вотъ большой-большой торговый домъ, который ведетъ торговля сношенія со всѣми странами міра, корабли котораго плаваютъ по всѣмъ морямъ, который считаетъ только на тысячи, и вотъ этотъ большой-большой домъ хранитъ въ одномъ изъ своихъ флигелей... Вы думаете: у купеческаго дома не можетъ быть никакого скелета? Прошу извинить: это совершенно ложный взглядъ, который я прощаю родовой аристократѣ, и который я, быть можетъ, подкрѣпилъ своимъ одностороннимъ изображеніемъ дѣла. Подумайте только о царственныхъ средневѣковыхъ купцахъ, о Фулерахъ, о Вельзерахъ и другихъ, которые, по-истинѣ, ни въ чемъ не уступали въ своихъ дворцахъ дворянскимъ корнунамъ въ ихъ разбойничьихъ замкахъ. Да и нѣтъ нужды, чтобы такой старинный домъ былъ непременно дворцомъ; достаточно, если онъ давно уже существуетъ и обитается все одной и той же фамиліей, фамиліей врачей, скажемъ мы, чтобы привести при-

и́ръ изъ моей профессіи. Уже мой дѣдъ былъ врачомъ, отецъ — само собой разумѣется — и сынъ тоже врачъ. Но прадѣдъ, выстроившій большой домъ, былъ по ремеслу цирюльникомъ, и такъ какъ онъ выстроилъ свой домъ благодаря своей бритвѣ, то не только завѣщалъ, чтобы эта бритва красовалась на вѣки-вѣчные въ видѣ герба на самомъ видномъ мѣстѣ передняго фасада, но и заказалъ, чтобы не смѣли закрывать самую цирюльню, а, напротивъ того, удерживали ее до скончанія вѣка, и завѣщали своимъ потомкамъ и наследникамъ, — подѣ страхомъ потери всего состоянія, и будь они тысячу разъ доктора медицины и сами Эскулапы въ лицахъ, содержать цирюльню отъ своего имени и даже учиться въ ней ремеслу цирюльника, хотя бы только въ теченіи мѣсяца. Представьте себѣ, сударыня, какъ долженъ чувствовать себя человѣкъ, специалистъ своего дѣла, голова котораго наполнена мировыми идеями, и въ гербѣ котораго красуется бритва... та самая бритва, изъ-за которой ему пришлось выслушать не мало колесостей въ своей жизни, которая положительно лишила его доступа въ нѣкоторыя корпораціи, куда влекло его честолюбіе, поселившееся въ его душѣ, вообще мужественной и откровенной, а въ недо-вѣрія и даже трусости?

Впервые докторъ умолялъ на нѣкоторое время, онъ даже пересталъ тереть свои колѣни и устался на Анхенъ, вытянувъ длинную шею и дожидаясь отвѣта или хоть какого-нибудь замѣчанія, которое бы доказало, что она поняла его, что она предчувствуетъ, куда онъ мѣтитъ.

— Извините, — пролепетала Анхенъ: — но я должна на минуту оставить васъ.

Докторъ почувствовалъ себя какъ человѣкъ, натолкнувшійся на запертую дверь тамъ, гдѣ ожидалъ найти открытую. Онъ, хотѣвшій, чтобы молодая женщина поняла всѣ его намеки, его рискованныя уподобленія, его головоломныя фантазіи... онъ не понималъ, что она врядъ ли даже слышала его послѣднія слова, и ужъ навѣрное не поняла ихъ; что въ эту минуту она испытывала только одно желаніе: видти въ такого положенія, котораго, она чувствовала, не въ силахъ долѣе выносить. Въ его глазахъ она была избалованной дамой, гордой принцессой, которая, вопреки всему, продолжала ѣхать въ своей побѣдной колесницѣ и не можетъ даже представить себѣ ухабовъ, на которыхъ ломаютъ себѣ шею остальные простые смертные, пѣшкомъ бредущіе по набитой тропѣ.

И вмѣстѣ съ этой мыслью, пронесшейся какъ молнія въ его головѣ, горячая кровь прилила къ его мозгу, затѣмъ отклинула

отъ мозга къ сѣрдцу, и онъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ пылкой ненависти къ этому молодому, прекрасному, гордому созданию, явившемуся сюда лишь затѣмъ, чтобы давѣи лишить его возлюбленнаго Лебрехта мира и покоя и поселить гибель и несчастье на вѣки-вѣчные въ этомъ старомъ, потухшемъ домѣ. Не высказать ли ей это?

Еще немного—и горячій человѣкъ исполнилъ бы свое намѣреніе. И усиліе, которое онъ долженъ былъ употребить надъ самимъ собой, чтобы не наговорить лишняго, произвело такое же дѣйствіе на его настроеніе, какъ шпоры, вонзаемые всадникомъ въ бока коня, несущагося черезъ рвы и изгороди.

— Пойдите, сударыня, только одну минуту, дайте мнѣ только высказать, какую роль играютъ милыя дамы въ этой патологической домашняго скелета. Итакъ, узнайте, сударыня, что онъ... геронни съ бархатными, невинными газельими глазами и бѣлыми, изящными ручками, унизанными перстнями, слишкомъ часто, почти всегда бываютъ причиной, вызывающей страданіе на свѣтъ Божій, что онъ усиливаютъ и обостряютъ страданіе, что онъ дѣлаютъ нестерпимымъ то, что можно было бы еще кое-какъ выносить,—потому что для первоначальнаго владѣльца скелеть все же окруженъ ореоломъ проплаго, которое всегда бываетъ свято для людей, и зачастую скелеть такъ срастается съ нимъ, онъ такъ привыкаетъ къ нему, какъ Филоветъ къ своей ранѣ. Вотъ! — Но вотъ является въ домъ молодая женщина! Она посторонняя и не знаетъ, какимъ образомъ скелеть сросся съ нашей плотью и кровью. Она находитъ только, что это ужасная и потѣшная вещь,—тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ потѣшнѣе. Она не питаетъ никакого уваженія къ скелету... она только стыдится его. —И это, сударыня, еще наилучшій исходъ и благо тому молодому человѣку, который еще до свадьбы находить въ себѣ мужество сказать: «подъ нашей лѣстницей, въ стѣнѣ нашего дома лежитъ нашъ фамильный скелеть, ну, а затѣмъ хочешь: выходи за меня замужъ, не хочешь—нѣтъ».

— Менѣе честенъ, но все еще достаточно разуменъ хитрый Рауль Синяя-Борода, который стумбеть объявить про скелеть въ медовый мѣсяцъ, такъ себѣ en passant. Хотя это и бесполезно, но онъ все же предупреждаетъ прекрасную Филлисъ, когда она станетъ женой Синей-Бороды, не советъ своего любимтнаго носика, подъ страхомъ смерти, въ покой, находящійся въ башнѣ, и къ которому ведетъ вотъ этотъ золотой, изъ золота вышней пробы, ключъ! Потому что, видите ли, сударыня, если молодая дама не послушается и будетъ такъ долго играть съ во-

лотнымъ ключикомъ, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день дверь не растворится, то она начнетъ оплакивать страшную картину, представившуюся ей взорамъ, и отравлять жизнь милому мужу!.. Ну да вѣдь Синяя-Борода звучалъ Гегеля и знаетъ, что наказаніе есть право неправо и пр. и... отсѣчетъ хорошенькую, неосторожную головку.— Но, сударыня, въ тысячу, въ десять тысячъ разъ хуже, всего хуже тотъ случай, когда добрая Филлисъ ничего не знаетъ, ничего не подозрѣваетъ, потому что у ней нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, нѣтъ ушей, чтобы слышать, и пристаётъ къ милому муженьку, чтобы онъ показалъ ей серебряный сервизъ, знаменитый серебряный сервизъ, запертый въ стѣнномъ шкафѣ, отъ котораго потерялъ ключъ. И муженёкъ, который совершенно вѣрно говоритъ себѣ, что дѣло все-таки всплыветъ, наконецъ, наружу, отпираетъ, наконецъ, шкафъ, и что-жъ! фамильныя драгоценности тамъ, и блестятъ, и сверкаютъ, но на драгоценностяхъ воссѣдаетъ скелетъ и скалитъ зубы: «мое почтеніе! очень радъ тебя видѣть! ты и я — мы составляемъ одно цѣлое, потому что вѣдь ты знаешь, что ты взяла меня вмѣстѣ съ стариннымъ домомъ».

И въ то время, какъ докторъ, вскочивъ съ мѣста, прокричалъ это самыми неприятными голосовыми нотами, вытянувъ впередъ худую руку, странный порывъ вѣтра налетѣлъ на домъ и потрясъ его до самаго основанія. Вѣтеръ, должно быть, напелъ скважину въ оконной рамѣ, сильно трещавшей, потому что въ комнатѣ раздавался пронзительный, жалобный вой и сквозь него слышался крикъ...

Анхенъ испустила этотъ крикъ: она стояла—какъ изображеніе ужаса—съ дрожащими, блѣдными губами и, ломая руки передъ докторомъ, спросила:

— Ради самого неба! что въ шкафу?

— Какъ что,—отвѣчалъ докторъ:—я уже имѣлъ честь доложить вамъ, знаменитый кубокъ и пр., а также и скелетъ!

Онъ отвѣсилъ одинъ изъ своихъ забавнѣйшихъ поклонковъ и пошелъ къ двери за шляпой и тростью, какъ вдругъ дрожащая рука схватила его за руку:

— Я... я... фрау Ульценъ, говорила передъ тѣмъ... и ваши послѣднія слова... что онъ долженъ мнѣ все сказать... что... не замѣшанъ ли тутъ Гансъ Флидербушъ?

Докторъ провелъ ладонью по лбу. Что онъ надѣлалъ? Возможность, мало того, вѣроятность, что Ульценъ наболтаетъ съ три короба—это обстоятельство, на которое онъ самъ передъ тѣмъ указывалъ Лебрехту—совсѣмъ вылетѣло у него изъ головы, точно будто его и не существовало! Развѣ тайна уже обнаружена? Не-

возможно; она бы иначе сдѣлала свой вопросъ, не съ такимъ страхомъ. Небу извѣстно, какихъ ужасовъ наговорила ей старая болтунья! Что благоразумнѣе: объяснить ей въ чемъ дѣло? или лучше оставить ее еще въ некоторое время въ неизвѣстности, которая окружала побѣгъ Ганса? И даже, если можно, еще усилить эту неизвѣстность, такъ чтобы открытіе настоящей тайны показалось ей послѣ этого настоящимъ солнечнымъ лучомъ?

— Да, да,—отвѣчалъ онъ,—Гансъ Флидербушъ, сумасброжденный мальчишка—такъ какъ вы уже про него знаете—надѣлалъ намъ много хлопотъ и еще, конечно, надѣлаетъ. Хотя онъ врядъ ли сломалъ себѣ шею, но утопленникъ тотъ же мертвецъ. Если только эта кошка, этотъ мальчишка... кошки не такъ-то легко тонуть. Но намъ приходится выжидать, выжидать!

Тутъ докторъ для разнообразія и такъ какъ не могъ достать колѣнь, погладилъ длинный, худой подбородокъ, длинными, худыми пальцами.

— Значить, не Гансъ Флидербушъ... скелетъ?

— Я еще не видѣлъ его въ этомъ видѣ... но... чего вѣтъ, то еще можетъ быть; я вамъ уже говорилъ: для настоящаго скелета нужно время, много времени.

— Что же это такое?

— Видите, сударыня, если бы я могъ или хотѣлъ вамъ это сказать, то давно бы сдѣлалъ это. У врача, знаете ли, должны быть на этотъ счетъ самыя рѣшительныя принципы. Я никогда не вмѣшиваюсь въ семейныя дѣла, а изъ моихъ разглагольствованій одно должно быть ясно, что скелетъ принадлежитъ къ числу интимнѣйшихъ семейныхъ дѣлъ. При этомъ вы и Лебрехтъ попали въ самое худшее, самое щекотливое положеніе, которое можетъ сдѣлаться опаснымъ, вслѣдствіе вмѣшательства третьяго лица. Я ни за что не хочу быть этимъ третьимъ лицомъ. Лебрехтъ самъ познакомитъ васъ со своимъ скелетомъ. До сихъ поръ у него недоставало для этого ключа отъ стараго шкафа и мужества. Будемъ надѣяться, что онъ найдетъ вмѣстѣ и ключъ и мужество...

— Я... ключъ у меня.

— У васъ?.. ключъ у васъ? и вы это говорите только теперь? Вы не говорили объ этомъ Лебрехту? А Лебрехтъ скрываетъ отъ васъ, какъ тайну то, къ чему у васъ давно есть ключъ... Честное слово, вотъ самая забавная исторія изъ всѣхъ, какія только я знавалъ въ жизни!

И докторъ засмѣялся, громко засмѣялся, но только смѣхъ

ель больше полагая на право своего гонима. Женщина на че-
ловеческой силе.

Кроме малых выжимок изми Анхень до самого вечера,
и, чувствуя дикая утомлен на выжимках мери, она пришло-
рала слабень, дряхленья тирелья. Испирити ей не съ рунъ уи-
дась притиль жерлык.

— Я знаю, что это отъ его гунъ съ мной спирити: но я не
хотла повугиль... бегуть мери. Из Верак... выжила, это было
въ Верак... перель отбавил... Избретъ мери-то уижи... я
хотла повугиль въ его судити мери... испирити ни не
милъ не могла найти. и я думала, что его судити не судити.
Я хотела не могла его найти мери... выжила, жб мери и
на днъ судити... выжила мери. испирити на мери мери.
Кажуть мери я хотла мери... я хотла его спра-
сить... такъ, при случай спраши...

— Не ключъ ли это отъ его сердца?—договорилъ докторъ,
съ уяснень гляди въ прекрасное, малое, приличное ли-
цо.

— Да... да...

— И чтобы отъ на будущее время лучше беречь его?

— Да... да...

— Вовсе: я все-что списалъ въ сердечнику дикая! но про-
должайте и сейчас: сиди лучше говорити.

Она предложила руку молодой женщине, дала ее къ креслу
у камина и сѣла на свое старое кѣсо, выпротилъ ей. Голосъ
его не звучалъ больше насильной, какъ до сихъ поръ; вы-
ражение лица не было больше саркастическимъ, и рунъ спокойно
лежали на выжилахъ.

— Вы хотѣли отдать ему ключъ тотчасъ по прибытѣ сюда?

— Да, да... и для этого положила его въ мой ручной сакъ-
возжъ, чтобы онъ былъ у меня подъ руками, а потомъ совсѣмъ
забыла про него... я все это время была... поведенье Избрета
такъ тревожило меня... онъ былъ зачастую такъ мраченъ, раз-
сѣянъ... я думала, что онъ...

Два крупныхъ слезы сватились съ темныхъ рѣсницъ.

— Что онъ не любитъ васъ, такъ какъ бы вамъ этого хо-
тѣлось... какъ вы этого заслуживаете?

Докторъ взялъ руку Анхень и пожалъ ее.

— Я такъ мучилась, — говорила Анхень, со слезами:—я все
спрашивала себя: что я сдѣлала такого, чтобы потерять его лю-
бовь? Нѣтъ, нѣтъ... онъ любить меня, не правда ли? онъ лю-
бить меня? но онъ не былъ счастливъ... и я... я сдѣлала его

несчастливыми! Еще раньше, когда я сидѣла у камина тамъ, наверху, пока Ульценъ не приходила... я обо всемъ снѣтъ перодумала, и у меня въ умѣ вертѣлась все одна и та же страшная мысль, что я не могу сдѣлать его счастливымъ, не могу! А тутъ пришла фрау Ульценъ и принялась говорить безъ умолку... я почти не слушала ее, пока она... сама не знаю, какъ это случилось... не начала разсказывать про вечеръ, передъ отъѣздомъ Лебрехта; какъ она изъ кухни....

— Слышала споръ и такъ далѣе; могу себѣ представить, какъ она все это разуверсила. И тутъ вы и вспомнили про ключъ?

— Она такъ много говорила про шкафъ и....

— Про негѣности, которыя болтаютъ люди. Надѣюсь, что вы этому не вѣрите?

— Нѣтъ, но я нашла все это такимъ ужаснымъ, такимъ обратительнымъ, и удивлялась, что Лебрехтъ ничего не разсказалъ мнѣ; конечно, изъ боязни меня встревожить; но лучше было бы, если бы онъ мнѣ разсказалъ. Я хотѣла порадоваться тому, что знаю теперь причину его унынія, но никакъ не могла радоваться; сердце у меня ныло, сама не знаю почему. Я взяла ключъ, чтобы отдать его Лебрехту.... Ульценъ сказала, что онъ потерялъ ключъ отъ стѣнного шкафа, и я была убѣждена, что это тотъ самый ключъ. Потомъ я вошла сюда изъ той комнаты... вонъ въ ту дверь... Докторъ, пожалѣйте меня: что долженъ славать мнѣ Лебрехтъ? что такое спрятано въ этомъ шкафѣ?

Она встала съ кресла, сложивъ руки на груди, и съ мольбой устремивъ на него большіе, темные, полные слезъ, глаза. Въ страстному сердцу этого человѣка прилила жаркая кровь. Она была такъ прекрасна, такъ волшебнo-прекрасна, какъ тѣ видѣнія, которыя представлялись его опьяненнымъ взорамъ въ ночные часы, когда муза тихо приекалась къ его сильно-бьющимся вискамъ! Вотъ и повторилось буквально то, что онъ говорилъ Лебрехту часъ тому назадъ: въ своей сердечной тоскѣ она обратится къ другимъ мужичивамъ! Долженъ ли онъ допустить погибель этого глупца? Долженъ ли онъ?...

Онъ прохаживался медленными шагами по комнатѣ и, наконецъ, подошелъ къ ней.

— Видите ли, я бы далъ отрѣзать себѣ этотъ палець... нѣтъ, я этого не могу сдѣлать ради интересовъ моей профессіи... но я бы далъ много, очень много, за то, чтобы Лебрехтъ былъ разумникомъ № 1 изъ моего давешняго повѣствованія и своевременно открылъ бы вамъ тайну. Я боюсь, что время упущено. Но какъ

— Ну, что-жъ далье, я заранѣе поздравляю его.

— Я сказала: пасквилянтовъ слѣдуетъ остерегаться, но и пасквилянты тоже должны держать ухо остро... у королей руки длинныя...

— Великолѣпно! ну, а что отвѣтить на это пасквилянты?

— Я не дала ему времени отвѣчать мнѣ. Но отъ той же пріятельницы я узнала, что онъ помялся страшной клятвой отыскать мѣя за это, и вотъ теперь нужно же на бѣду, чтобы онъ выходился тутъ... въ настоящую минуту... когда менѣ бѣдныя родители... когда мой бѣдный напѣ... если онъ объ этомъ узнаетъ... а злой человѣкъ напрямикъ сообщитъ ему... какъ будетъ очень огорченъ, что Лебрехтъ не хотѣтъ отпереть шкафа... не согласится ли онъ отпереть его, если я скажу ему, что ключъ у меня? не согласится ли?

Докторъ потеръ свои колѣни.

— Это хитрый вопросъ, — отвѣтилъ онъ: — Лебрехтъ уже вѣроятно предупредилъ вашего отца, что сегодня нельзя будетъ вынуть изъ королевскаго кубка; онъ можетъ смутиться, если ему скажутъ про ключъ, а я не хотѣлъ бы увеличивать его смущенія, которое и безъ того очень велико. Вы тоже, сударыня, изъ опасеній, которыя я вполнѣ понимаю, пропустили удобную минуту. Пусть лучше ключъ считается потеряннымъ, потому-что вообще, по моему глубокому убѣжденію, во всемъ этомъ ролевѣмъ дѣлѣ онъ играетъ лишь символическую роль. Настоящій ключъ совсѣмъ иной, и я надѣюсь, что Лебрехтъ отыщетъ его рано или поздно, но для истинной любви, которая все переищетъ, все прощаетъ... не слишкомъ поздно. Ключъ при васъ?

— Да, — отвѣчала Анхенъ, колеблясь.

— Знаете, что я вамъ предложу: отдайте его мнѣ!

— Вотъ онъ.

Анхенъ вынула изъ кармана ключъ, завернутый въ платокъ. Докторъ, которому нуженъ былъ только ключъ, развернулъ платокъ и собрался передать его Анхенъ, какъ вдругъ носившино отвелъ назадъ протянутую руку и торопливо сунулъ платокъ, вмѣстѣ съ ключемъ, въ боковую карманъ своего сюртука.

— Это кровь?

Анхенъ проговорила такъ тихо, что казалось двоявленнымъ, какъ это докторъ слышалъ ея слова; и быть можетъ въ самомъ дѣлѣ онъ скорѣе прочиталъ этотъ вопросъ на блѣдныхъ, дрожащихъ губахъ, потому-что въ его собственной душѣ откликнулся въ эту минуту тотъ же вопросъ.

— Это можетъ показать только химическій анализъ, — отъ-
чалъ онъ, засветивъ свѣчку и вставая съ мѣста.

— Это кровь! — проговорилъ Анненъ и словно подвешенная,
опустилась на стулъ.

Докторъ съ состраданіемъ поглядѣлъ на нее.

— А если бы и такъ, — медленно произнесъ онъ... — Что бы ни
случилось, но и самому Лебрехту... я вѣрю въ это такъ, какъ въ
то, что и его другъ... известно только начало, но не конца.
Злая воля дѣлаетъ преступникомъ, но не поступкомъ... поэтому
Лебрехтъ въ глазахъ друга никогда не можетъ быть преступни-
комъ... ну, если онъ можетъ быть имъ въ глазахъ любви?

— Никогда! никогда! никогда! — закричала Анненъ, ломая
пальцы.

— Что бы ни случилось?

— Я его люблю! я его люблю!

— Богъ благослови васъ.

Докторъ сдѣлалъ одинъ шагъ и снова остановился.

— Я надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ это. Соберитесь съ духомъ: бразъ
былъ воспрещенъ въ средніе вѣка гнѣтъ, которые предались чорту, не-
тому что любовь, говоритъ Вольфрамъ-фонъ-Эшенбахъ, существуетъ
и въ аду; бразъ же есть высшее очищеніе любви, и кто шесту-
етъ, озаренный его свѣтомъ, тотъ идетъ по пути благочестія. Но
Богъ зачастую ведетъ своихъ святыхъ по чудесному пути; кто
любитъ, тотъ бы желалъ смягчить для любимаго человека даже
майскій воздухъ, и ради него выдерживаетъ бурю и непогоду,
и бросается въ огонь и въ воду, если нужно. Еще разъ повто-
рю: надѣюсь, что во всемъ этомъ не представится надобности.
И еще разъ повторяю: Богъ благослови васъ!

Только стукъ двери заставилъ Анненъ опомниться и сообра-
зить, что докторъ ушелъ. Она вскочила со стула. Зачѣмъ она
отдала ему ключъ? Она хотѣла-было вернуть его, бросилась къ
двери, но та вела въ столовую, а когда она добѣжала до съ-
ней и открыла ихъ, то было уже поздно. Винау захлопну-
лась входная дверь съ страшнымъ громомъ, глухо отклину-
вшая въ обширныхъ объѣмахъ. Затѣмъ все утихло. А она, при-
слонясь къ колоннѣ, прислушивалась къ біенію своего сердца и
еще разъ беззвучно повторила:

— Зачѣмъ я отдала ему ключъ!

VI.

Докторъ былъ глубоко потрясенъ предшествующей сценой, онъ кривился жавѣющимъ восторгомъ къ прекрасной молодой женщинѣ и былъ сильно ослабченъ положеніемъ любимаго друга. Машинально спустился онъ съ лѣстницы въ нижнія сѣни, и, растворивъ наружную дверь, ошарашенъ въ нерѣшимости: не вернуться ли назадъ и не осмотрѣть ли самому подозрительный шкафъ, или же идти дальше и предоставить все на волю случая, — какъ вдругъ вѣтеръ вырвалъ дверь изъ нежѣрной руки и захлопнулъ ее передъ его носомъ.

— Проклятый вѣтеръ! закричалъ докторъ.

— Сердцемъ погодка! — проговорилъ слово него хриплый голосъ.

— Блю такъ! закричалъ докторъ.

— Я, Кабелъманъ!

— Чего вамъ здѣсь надобно? что, вашей женѣ стало хуже?

— Боже упаси, г. докторъ.

— Ну, такъ въ чемъ дѣло?

— Мнѣ поручено попросить васъ къ господину ассессору — по дѣламъ службъ.

Докторъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ-бы собираясь ухватиться за ручку двери, хотя зналъ, что пружина замка заглохла и теперь отворить ее съ унцими было невозможно.

— Въ чемъ дѣло, Кабелъманъ? Не случилось ли опять чего съ Ледбури? Я здѣсь говорилъ господину ассессору, что бѣдняга совсѣмъ свихнется, если онъ будетъ дальше морить ее темнотою и голодомъ.

— Нѣтъ, дѣло касается не Ледбури, г. дѣворъ. Она сидитъ теперь, по предписанію врача, въ седьмомъ номерѣ, гдѣ пользуется воздухомъ и свѣтомъ; а сегодня вечеромъ она получила теплое кушанье и сама сказала мнѣ:

— Кабелъманъ, этихъ я обязана оружнему врачу, потому что тотъ, другой, онъ..... тутъ она сказала очень дурное слово; г. докторъ..... онъ бы далъ мнѣ сгнѣкъ на бокомъ. Дѣло кажется.....

Полицейскій слухившій, на дѣлаую голору переросшій домоваго доктора, соизволи и проговорилъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Мнѣ не слѣдовало бы этого говорить, но я знаю, что

я вижу, что онъ бѣгаетъ по комнатамъ и потираетъ себя рукой, и говоритъ:—ну, Кабельманъ, я добился своего, и въ десять часовъ, когда г. Нудель придетъ домой, мы заглянемъ въ стѣнной шкафъ и посмотримъ, не найдемъ ли мы тамъ чего-нибудь такого, что доставитъ удовольствіе его молодой женѣ.—Да, говорю я, г. ассессоръ, г. Нудель уже съ восьми часовъ дома и теперь опять поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать старухъ господъ; мнѣ говорилъ Небелофа, г. докторъ, что фрау Ульценъ послала къ сенатору Цингеру за серебромъ, потому что г. Нудель потерялъ ключъ отъ шкафа; я и говорю это г. ассессору, и что г. докторъ въ гостяхъ теперь у молодой. А г. ассессоръ какъ васмѣется.... точно старая обезьяна, г. докторъ, и говоритъ: онъ потерялъ ключъ, вотъ какъ?—ну, мы поможемъ ему найти его и велѣлъ мнѣ бѣгать къ вамъ, г. докторъ, и сказать: чтобы вы немедленно пожаловали къ нему на одну минутку; г. ассессору надо переговорить съ вами о дѣлѣ, а вотъ вы какъ разъ и вышли изъ дома.

Докторъ, какъ ни хотѣлось ему поскорѣе уйти, спокойно далъ старуху высказаться, затѣмъ поднялъ веротникъ своего пальто и сказалъ:

— Хорошо, Кабельманъ, черезъ часъ, скажите ему, я буду; теперь мнѣ рѣшительно некогда.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но полицейскій не двинулся съ мѣста.

— Не дѣлайте этого, г. докторъ, никакого толка все равно не выйдетъ. Онъ уже послалъ Мартенса на желѣзную дорогу и велѣлъ неотступно слѣдить за г. Нуделемъ, не такъ, чтобы г. Нудель этого не замѣтилъ! Я самъ слышалъ, какъ онъ ему наказывалъ это.

— Вотъ какъ! ну, такъ подождите одну минутку, я сейчасъ вернусь.

Докторъ скватился за звонокъ; полицейскій поначалъ головой:

— Не дѣлайте этого, г. докторъ. Небелофа нѣтъ дома, намъ не скоро отворять, а мнѣ отданъ строжайшій приказъ немедленно привести васъ, г. докторъ; я дивлюсь, что онъ до сихъ поръ еще не прислалъ за нами.

— Ну, такъ скажите, что вы меня не нашли, что я уже ушелъ.

— Никакъ не могу, г. докторъ; вѣдь долженъ я помнить о своей присягѣ. Знаете ли, г. докторъ, пойдите со мной: быть можетъ, онъ обрадуется, когда переговоритъ съ вами и отложитъ

хоть до завтра. Блѣдая молодая женщина... въ первый же вечеръ ея прѣзда... это вѣдь ужасно; утро вечера мудренѣе.

— Но, Кабельманъ, — вскричалъ докторъ, вы вѣдь рассудительный человѣкъ: неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите, что человѣкъ можетъ безъ всякаго повода убить человѣка и затѣмъ спокойно ѣхать жениться?

— Ну, ну, — возразилъ Кабельманъ, — поводъ-то, положимъ, былъ, и сповоино онъ не убѣжалъ; мало ли чего не бываетъ на свѣтѣ, да еще и похитрѣе. Однако пойдете, милый г. докторъ, давно пора.

Докторъ колебался: «не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, идти? Если онъ даже и не убѣдитъ фонъ-Франца, что подозрѣнія его неосновательны — а какимъ образомъ убѣдитъ онъ его въ томъ? Кто знаетъ, какія улики открыла эта полицейская ищетка! — у него на всякій случай есть оружіе: онъ можетъ сказать въ крайнемъ случаѣ: «мнѣ знакомы личныя мотивы, которые руководятъ вами въ этомъ дѣлѣ! — слабое орудіе, когда имѣешь дѣло съ такимъ важнымъ и мстительнымъ человѣкомъ! не нужно все же пытаться и поглядѣть, что изъ этого выйдетъ».

Съ колокольни сосѣдней церкви глухо донесся, свесомъ завыванія вѣтра, бой часовъ: безъ четверти десять! Черезъ какихъ-нибудь полчаса Лебрехтъ вернется съ родителями... и молодая, прекрасная, блѣдая женщина, которая ждетъ теперь тамъ, на верху...

— Ну, идемъ, Кабельманъ! — проговорилъ докторъ и вышелъ изъ-подъ глубокаго портика, подъ которымъ проходилъ этотъ разговоръ, и прошелъ мимо передняго фасада стараго дома, съ остроугольной крышей, въ переулокъ, по направленію къ ратушѣ.

Старый полицейскій молча послѣдовалъ за нимъ.

Тѣмъ временемъ уходъ доктора не остался незамѣченнымъ въ кухнѣ. Дорте, которая давно уже поглядывала въ оконечко, черезъ которое можно было видѣть часть галлерей и лѣбеницы, спустила приподнятый ея уголъ шторы и сказала, обращаясь къ фрау Ульцигъ:

— Наконецъ-то! ну, теперь падивъ и спросите: что же я должна жарить въ ужину.

— А! съ листа не тронусь, — отвѣчала фрау Ульцигъ, медленно вертя большими пальцами обѣихъ рукъ: — если барышня болтаетъ дѣлать чашъ съ докторомъ, вѣсто того, чтобы заниматься своимъ хозяйствомъ... то мнѣ какое же дѣло.

— На, то вы эконома, — замѣтила Дорте, — а такой молодой женщиной мало ли о чемъ надо поговорить съ докторомъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Дорте! вѣдь ты сама модная дѣвушка! — укорила фрау Ульцень.

— Я не ребенокъ, — отвѣчала дѣвушка, смѣясь: — пора мнѣ вѣдать, какъ дѣла идутъ на свѣтѣ; но я должна сказать одно: мнѣ она нравится.

— Я не покупаю вещейъ въ мѣшкѣ, — отвѣчала фрау Ульцень, бросивъ философскій взглядъ на ярко вышитыя кастрюли, блестящія въ большомъ кухонномъ шкафу.

— Она совсѣмъ не похожа на кошку, — отвѣчала Дорте: — у ней такіе добрые, честные глаза и она такъ хороша собой, такая тонкая и стройная, и когда она стояла въ своемъ темномъ дорожномъ платьѣ... ну, что-жъ, фрау Ульцень, красавице ея не найдешь вѣдь во всемъ омолодѣ; даже сенаторша Кусовгаръ не сравнится съ ней! Она могла бы быть чутью новоселѣ, конечно... это бы не повредило. Боже милостивый, какъ я подумаю только: такая молодая, и такая красавица, и такая богатая, — и такой молодой, красивый и богатый мужъ...

— Благодарю Бога, что я не на ея мѣстѣ, — объявила фрау Ульцень.

Дѣвушка захохотала во все горло:

— Трудненько было бы себѣ это представить, фрау Ульцень.

— Поживемъ, увидимъ. Впрочемъ, я-то не увижу: я больше здѣсь не живу.

— Вы это только такъ говорите, фрау Ульцень.

— Я не говорю только такъ, а это такъ и есть, — подхватила съ жаромъ фрау Ульцень. — Я не даромъ жила у стольныхъ господъ, и могу понять, когда въ домѣ неладно. Здѣсь совсѣмъ такъ идутъ дѣла, какъ у барона Грибена, гдѣ я прожила въ эпоху какъ нять дѣтъ; онъ еще женился на молодой графинѣ Пустофъ — и не прожили они одной недѣли въ деревнѣ, какъ онъ застрѣлился въ собственной спальнѣ, а что касается молодой женщины, то она спала на другомъ концѣ вѣшка, и...

Фрау Ульцень пододвинула свое кресло на два вершка ближе и сказала таинственнымъ тономъ:

— У него было шесть пальцевъ на правой ногѣ: женщина, обмывавшая его тѣло, сама мнѣ передавала это.

— Боже мой! — вскричала Дорте, всплеснувъ красными руками: — развѣ она этого не знала?

Фрау Ульцень ничего не отвѣчала, но продолжала еще таинственнѣе:

— А то вотъ еще пріѣхалъ г-нъ фонъ-Линдبلادъ изъ Швеціи и женился на меньшей изъ двѣнадцати дѣвицъ фонъ-Пас-

сежанацери, а старей Пассельманцери отдалъ за ней въ приданое Рандофъ, потому что Ландманъ совсѣмъ обманулъ его, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день прѣѣхалъ къ Шисцинъ его первая жена, отъ которой онъ убѣжалъ, и велѣлъ довезти о себѣ баринѣ...

— Боже милостивый, вѣдь бывають же такіе люди на свѣтѣ! — закричала Дорте. — Чѣмъ же сказала Бидина, молодая жена? — я говорю про вѣрунъ.

— Чѣмъ она сказала? — ропало ничего не сказала, но велѣла закрывать наперту, вела съ собой своихъ двухъ малыхъ дѣтей, — младшему не было еще шести лѣтъ, — другая тоже привезла съ собой пару дѣтей, съ длинными волосами, — и вернулась въ Пассельманцери, а теперь живетъ въ Сунднѣ.

— И вы думаете, что у нашего барина есть такая тайная жена?

Фрау Ульденъ прерывительно засмѣялась:

— Тутъ творятся вещи похуже, Дорте, и я говорю: если старые господа прѣѣхали недѣлю раньше того, какъ должны были прѣѣхать, и прислали о томъ дѣшеву, а баринъ небаждѣлъ, какъ смерть, когда прочиталъ ее, и у насъ нѣтъ серебра для свола, и баринъ потерялъ ключъ отъ шкафа и не велѣлъ открывать его... — это все не просто, говорю я, и Небелофъ говорить то же самое.

— Стыдился бы вы оба! — закричала Дорте съ жаромъ: — совсѣмъ это негодится, когда живешь въ домѣ — да еще такъ долго — и въ домѣ чѣмъ случится, о чемъ никому не извѣстно, и позволяють о томъ сплетничать людямъ въ городѣ, да еще и сами сплетничаютъ, — да такъ, что у Бидиной дѣвушки, которая живетъ въ домѣ всего шесть недѣль, отъ ужаса волоси становится на головѣ дыбомъ, тогда какъ г-нъ Флидербунтъ престопа-престо удралъ; и хотя я очень любила, когда онъ приходилъ въ тѣтѣ Инфельдъ, потому что онъ всегда такъ дурачился, но теперь я была бы рада, если бы ему надавали столько же колотушекъ, сколько дней онъ находится въ бѣгахъ... ужъ тогда онъ навѣрное бы отъѣзжалъ.

— Ну, ужъ, что онъ является, — это несомнѣнно. Сегодня вечеромъ онъ уже два раза явился, — сказалъ старей Небелофъ, входя въ кухню незамѣченными объими женщинами.

— Если вы еще разъ скажете что-нибудь такое, то я закричу, — объявила Дорте.

— Онъ является? когда? кому? да говорите же! — вскричала фрау Ульденъ.

Старикъ бросилъ зидицъ, который несъ въ рукахъ, съ такой силой на столъ, что изъ него выпалились ложки, а самъ усѣлся въ кресло, съ котораго фрау Ульценъ вскочила въ первомъ порывѣ испуга.

— Да говорите же! — вторично закричала фрау Ульценъ.

— Или я закричу! — поддержала Дорте.

— Дай ему сначала придти въ себя! — замѣтила фрау Ульценъ.

Она вынула изъ кухоннаго шкафа бутылку вина, налила полный стаканъ и поднесла его въ самому носу старика. Старикъ взялъ его дрожащей рукой, осушилъ залпомъ, перевелъ духъ и сказалъ:

— Часовъ въ семь — за часъ до прїѣзда господь — я захо-
дилъ внизъ въ приващивамъ, чтобы спросить: не запрутъ ли они
сегодня пораньше, такъ какъ собираются въ десять часовъ пѣть.
А тамъ въ это время сидѣлъ башмачникъ Кюнъ и рассказываетъ,
что г-нъ ассессоръ принималъ его вчера и показывалъ ему пару
сапогъ — и спросилъ: не сапоги ли то г-на Флидербуна, такъ
какъ онъ всегда шилъ на него. А башмачникъ Кюнъ сказалъ:
«да! это его сапоги» — и спросилъ, откуда ихъ взялъ г-нъ ассес-
соръ. А г-нъ ассессоръ засмѣялся и говоритъ, что это его не
касается: съ него довольно и этого, и что онъ можетъ идти. И
мы говорили объ этомъ, а г-нъ Шмидтъ зажечь лампу, потому
что уже стемнѣло, и говоритъ: — какъ можно признать сапоги,
которые шилъ полгода тому назадъ, и что онъ даже позабылъ,
каковъ г-нъ Флидербунъ изъ себя, а онъ всего лишь шесть не-
дѣль, какъ пропалъ; — а я въ это время поглядѣлъ въ окно и
хотѣлъ вспомнить: а какое, можетъ, въ сапогъ-дѣлѣ, у него лицо? —
и вдругъ вижу лицо его глядитъ на меня изъ-за двухъ сахар-
ныхъ головъ и подмигиваетъ мнѣ, такъ-что я почти пролилъ
свой рогъ, а когда снова взглянулъ на то мѣсто, — его ужъ не
было. Фрау Ульценъ, налейте мнѣ еще стаканчикъ.

Экономка охотно налила ему еще стаканъ; старикъ выпилъ
его, перевелъ духъ и продолжалъ:

— Я рассказывалъ объ этомъ Кабелману, когда проходилъ
мимо ратуши, гдѣ онъ стоялъ у двери, а Кабелманъ и гово-
ритъ: «Кто нѣтъ больше въ живыхъ и г. ассессоръ самъ нашелъ
вчера его сапоги на Висльичной горѣ, подъ соснами; Мертенсъ
былъ съ нимъ... и говоритъ, что онъ такъ-таки и пошелъ прямо
на сапоги, точно носомъ печуалъ ихъ, какъ собака ищейка, го-
воритъ Мертенсъ... и... говоритъ Кабелманъ... ты увидишь, Баль-
тазаръ: что онъ добьется своего! держи только языкъ за зубами
и не разбѣтай про стѣнной шкафы, и я тоже промолчу объ

звонки; вѣдь не мы привели его на Висбадскую гору». И, говоря и, казалъ нѣтъ ворваться болѣе, да Биспе меня унес! ну, конечно, яду а къ Цинтманъ и проку одолжить дважу серебряныхъ дожекъ, потому что ждуть старикъ гаспадъ, а нѣтъ баринъ потерялъ ключъ отъ стѣнного шкафа. Тутъ сенаторъ надвинулъ сенаторицѣ, а сенаторица надвинула сенатору; они сидѣли какъ равъ въ это время за столомъ, и сенаторица встала, достала дожки и подала нѣтъ, ни слова не говори, и я нѣтъ ни слова не сказала, и все еще думалъ объ звонки, какъ проходилъ по рынку, а дождь такъ и хлещетъ нѣтъ въ глаза, и я какъ удирись зонтикомъ въ дверь: «Что ты, нѣтъ, Небелоф!» — спрашивалъ я самого себя и закрывалъ зонтикъ. — Небелоф! — прошепталъ чѣй-то голосъ воутѣ меня.

— Глухости, — проговорила Дорте.

— Тѣше, — оспивала фрау Ульценъ: — г. Флидербунтъ?

— Я также спросилъ: г. Флидербунтъ! потому что галось нѣтъ нѣтъ окна конторы, точь-въ-точь какъ они всегда, бывало, перекликаются со мной, когда желаютъ узнатъ: узнатъ ли со двора баринъ и можно ли нѣтъ часочкомъ раньше завалиться къ теткѣ Имфельдъ. Вдругъ въ третій разъ раздались поговаскъ: «Небелоф!» такъ что я и самъ не знаю, какъ открылъ дверь, а онъ вошелъ поводи меня и холодной какъ медъ руной допронудся до моего затмана и въ третій разъ закрычалъ...

Странный свистъ и трескъ во даль старину договорилъ; огнемъ пахнуло въ кухню изъ кухонной печи и кухни вся наполнилась дымомъ. Дорте, которую повинулъ весь ослепокъ ея мужества во время страшнаго разсказа старика, испустила раздразнительный крикъ, ушла на каѣкин и, закривъ лицо руками, продолжала кричать, какъ вдругъ чѣй-то руна, которую она приняла за руку фрау Ульценъ, легла къ ней на плечо, и чѣй-то голосъ, только не фрау Ульценъ, спросилъ:

— Чѣд тутъ случилось?

Дорте осталась на волѣннхъ и, протянувъ сложенными руны къ молодой баринѣ, проговорила, среди рыданій:

— Я не виновата, сударини: я долго кричалась и говорила, что это грѣхъ и сидѣть говорить такія вещи про нашего барина, и я этому не вѣрю, сударини, право не вѣрю!

— Встань, — сказала Анхонъ.

Джуунна приводилась, подошла къ пинтѣ, и стала къ полуоборотъ къ баринѣ, старалась подавить свои рыданія и въ страшномъ смущеніи, чѣд ей сказать, если барини спроситъ: отчего она такъ закричала и чему это она не вѣритъ?

Но барыня, повидимому, не обращала больше на нее никакого внимания и только спросила совершенно спокойным тоном, чему Дорте очень удивилась: «Часто ли динить въ кухню? и что это за лозини въ ящичѣ? и кто велѣлъ привести лозини?» на что фрау Ульценъ должна была отвѣтить, что она сдѣлала это потому, что баринъ уѣхалъ, ничего не приказавъ на этотъ счетъ, а она не хотѣла безпокоить барыню, и вѣдь безъ лозинъ никакъ нельзя ужинать.

И на это барыня не сказала ничего особеннаго, но спросила только: «Накрытъ ли столъ и на сколько приборовъ?» и цѣпнула фрау Ульценъ провести ее въ комнаты, отведенныя для гостей, на которыя она хочетъ посмотрѣть прежде, чѣмъ прійдутъ господа, хотя она и заранѣе убѣждена, что все въ нихъ въ порядкѣ.

Съ этими Анжентъ вышла изъ кухни и взяла съ собой фрау Ульценъ.

Фрау Ульценъ показалось, что барыня, которая глядѣла со всѣми другими глазами, чѣмъ прежде, очень сердита, и она рѣшилась идти на встрѣчу бурѣ: барыня не должна видеть ее за то, что въ городѣ ходятъ такія злыя слухи; она рѣшила говорить: «Вѣдь людямъ рта не замажешь, а теперь сама барыня слышала это собственными ушами. Но какъ же можетъ быть иначе, когда г. ассессоръ управляетъ ратушей и формально старается лишить барина чести и репутаціи и — да проститъ ему Богъ его грѣхъ — привести его на висѣлицу?» Она не хотѣла раньше говорить объ этомъ, чтобы не напугать молодую барыню, только что пріѣхавшую домой. Но даже хорошо, что барыня, наконецъ, узнала объ этомъ и можетъ сказать барину, чтобы онъ осерегнулся г. ассессора и до-времени принялъ противъ него мѣры, потому что въ маленькомъ городѣ ужъ такое правило: свой глазокъ — смотри. А когда такое лицо, которое считается наибольшимъ послѣ г. бургомистра въ городѣ и всегда ходитъ въ лакированныхъ сапогахъ и желтыхъ перчаткахъ, собственной персоной отправляется на Висѣличную гору, чтобы искать тамъ сапоги, а затѣмъ вѣрить пьяному сапожнику, что это сапоги г. Жандербуна... то она не можетъ не спросить у барыни, можно ли доверить такому человѣку?

Фрау Ульценъ чувствовала себя очень нехорошо, потому что въ то время, какъ она говорила такимъ образомъ, справая востани и передвигая стулья, барыня стояла въ ней спиной у огня; не возвращая ни единого словечка, а она влѣдствіе этого говорила все больше и дальше и все усиливала краски. Но никакъ

же испугалась она, когда барыня, повернувшись, вдруг показала свое блѣдное, какъ мѣль, и какъ-бы застывшее лицо, такъ что даже большіе, темные глаза глядѣли неподвижно, и вдругъ съ этимъ-то блѣднымъ лицомъ и неподвижными глазами прошла мимо нея въ двери, которая оставалась открытой и тамъ, не оборачиваясь, проговорила голосомъ, который совсѣмъ и не похожъ на ея голосъ:

— Если я понадобитсяъ, то прислать за мной въ барыню комнату.

Фрау Ульценъ такъ испугалась, что нѣсколько минутъ, послѣ того какъ барыня ушла, простояла, какъ привоженная, на одномъ мѣстѣ, и когда вернулась въ кухню и передала приказаніе барыни Балъгазару, то на вопросъ старьяна и Дорте: «Что это означаетъ?» отвѣтила только: «Пусть болтаетъ тотъ, кто не умѣетъ держать языка за зубами, а что до нея касается, то она не промолвить больше ни слова, если бы даже ей вырывали языкъ изъ рта калеными щипцами».

Между тѣмъ въ комнатѣ Лебрехта Анкенъ сидѣла у камина, закрывъ лицо, и передъ закрытыми глазами ея носилась картина, которую она только-что видѣла въ окно спальни, выходившее въ переулочекъ, гдѣ стояла ратуша и гдѣ въ комнатѣ, приходившейся ниже той, гдѣ она сама находилась, стоялъ большой столъ, покрытый книгами и документами и освещенный яркимъ свѣтомъ лампы, спускавшейся съ потолка. За большимъ столомъ видѣлась горбатая фигурка ассессора фонъ-Франка и безобразный профиль его отчетливо вырѣзывался на заднемъ фонѣ. Онъ жестивулировалъ худой рукой, обращаясь къ доктору, который, опустивъ голову и поглаживая подбородокъ руками, стоялъ возлѣ него и молча слушалъ его оживленную рѣчь. А затѣмъ докторъ тоже принялся жестивулировать своей длинной рукой, и, казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ видѣнится въ волосъ маленькому человѣку, который, скрестивъ руки на груди, иронически улыбался. А затѣмъ вдругъ фонъ-Франкъ повернулся къ столу и поволокъ въ колокольчикъ, причемъ появилась необыкновенно длинная фигура въ мундирѣ и стала возлѣ доктора, между тѣмъ, какъ г. фонъ-Франкъ, не садясь, наклонился надъ столомъ и на листѣ бумагъ, блестящемъ при свѣтѣ лампы какъ сѣнь, что-то теропливо писалъ перомъ. Докторъ же, не поворачиваясь, протянулъ руку длинной фигурѣ въ мундирѣ, и та, съ своей стороны, протянула руку, такъ что ихъ руки на минуту воснулись одна другой, и затѣмъ они ихъ развели, какъ разъ въ ту минуту, какъ фонъ-Франкъ вглядывалъ сложенную

бумагу въ конвертъ и, написавъ адрессъ, отдать вошедшему слугѣ, который затѣмъ пошелъ къ двери, вышелъ вонъ изъ высокой комнаты со сводами въ узкій корридоръ, спустился съ широкой лѣстницы на рыночную площадь, гдѣ дома съ остро-конечными крышами были освѣжены тѣмво-краснымъ свѣтомъ факеловъ, горѣвшихъ на черномъ эшафотѣ, водвигнутомъ посреди площади, а на эшафотѣ стоялъ онъ—блѣдный и печальный—и глядѣлъ на собственный домъ и, протянувъ къ ней руки, говорилъ: «Ты бы могла спасти меня, но ты отдала ключъ въ чужія руки, и теперь я долженъ умереть!» А затѣмъ наступалъ крикъ и въ мракѣ свернулось, точно молнія, мечъ...

Съ громкимъ крикомъ вскочила Анкетъ съ своего мѣста: передъ ней стоялъ человекъ, котораго она дождалась.

— Прошу прощенія, — сказалъ человекъ, — меня сюда прислали. Я долженъ передать вамъ, сударыня, похвонъ отъ г. ассессора и это письмо.

Хриплый голосъ старика дрожалъ, когда онъ говорилъ это, и рука, которою онъ подаль ей письмо тоже дрожала, и онъ удивился, что маленькая, бѣлая ручка, принявшая отъ него письмо, было такъ тверда, и что прекрасная, молодая дама, которая теперь подошла къ столу, чтобы прочесть письмо при свѣтѣ лампы, стояла выпрямившись во весь ростъ и сноровой читала письмо, и затѣмъ, положивъ его на столъ и повернувшись къ нему, сказала спокойно:

— Хорошо; благодарю васъ.

Старикъ покачалъ головой:

— Не за что, сударыня, и съ позволенія вашего, сударыня — я доброжелатель вашего супруга и г. доктора — могу я спросить: чтѣ вамъ пишетъ г. ассессоръ?

— Только то, что онъ черезъ полчаса явится сюда съ докторомъ, чтобы увидѣться съ моими родителями: мы давно знакомы съ г. ассессоромъ.

И, говоря это, она улыбнулась такъ странно, что у старика морозъ подралъ по кожѣ.

Онъ проинтервалъ:

— Если вы его знаете, сударыня, то, конечно, слышите воспользоваться тѣмъ получасомъ времени, какой у васъ еще остается, и знаете, чтѣ вамъ дѣлать съ ключомъ, который вамъ послала г. докторъ.

VII.

Кабельманъ положилъ ключъ на столъ и не говоря больше ни слова, даже не взглянувъ на молодую женщину, крупными шагами вышелъ вонъ изъ комнаты.

Она тоже не двигалась съ мѣста, пока онъ не заперъ за собой дверь; но вслѣдъ за тѣмъ со всѣмъ нескъ бросилась въ этой двери и заперла ее на замокъ. Затѣмъ подбѣжала ко второй двери, ведущей въ столовую, и къ третьей, ведущей въ салонъ, и заперла на ключъ и эти двери. Послѣ того подбѣжала къ столу и взяла большой ключъ, причемъ рука ея дрожала, точно она окунулась за раскаленное желѣзо. Съ минуту казалось, что она слова вырывать изъ рукъ ключъ; но она не выпускала ключа, а глаза ея были устремлены на раскрытую записку, лежавшую передъ ней:

«Милостивая государыня! Доносъ, сдѣланный съ часъ тому назадъ здѣшнему полицейскому начальству — дѣло идетъ о необъяснимомъ до сихъ поръ, хотя и не совсѣмъ безслѣдномъ исчезновеніи одного молодого человѣка, конторщика вашего супруга — вынуждаетъ меня произвести сегодня вечеромъ, хотя и частный, обыскъ въ вашемъ домѣ. Възвѣстательство доктора Бертрама, который въ настоящую минуту находится у меня и въ качествѣ окружнаго врача будетъ присутствовать при обыскѣ, было совсѣмъ ненужно, чтобы побудить меня исполнить мою обязанность самымъ бережливымъ образомъ. Эта бережность во всякомъ случаѣ предписывается уже той безукоризненной репутаціей, какою пользовался до сихъ поръ вашъ супругъ, носившій своею уважаемое, можно сказать столь знаменитое имя, а также и искренней дружбой, которая столько уже лѣтъ привязываетъ меня къ вашему родительскому дому, и глубокимъ восхищеніемъ, которая я лично почтительнѣе и издали питала къ вашей особѣ. Прѣтому я прошу позволенія явиться, какъ молчаливый, скромный гость, въ тотъ моментъ, когда вашъ супругъ привезетъ вашихъ родителей въ ваши объятія и оснаться послѣ того, какъ ваши родители удалятся на покой.

«Милостивая государыня! Я не прошу у васъ извиненія. Извинитесь въ этомъ случаѣ зналицо бы признавать себя виновнымъ. Моя судьба — дѣлать вамъ несправедливое; но именно потому, что такова моя судьба, я долженъ переносить ее. Есть одно чувство, которое стоитъ выше всякой щекотливости: это чувство долга.

Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть

Оскаръ фонъ-Франкъ».

— Чувство долга, — проговорила Анхена: — я поучусь у этого демона!

Ключъ не горѣлъ больше въ ея рукѣ; въ другой она держала свѣчу, которую взяла съ камина. И вотъ подбѣжала она къ тому углу обширнаго покое, гдѣ въ толстой стѣнѣ, выступавшей на нѣсколько вершковъ, долженъ былъ скриваться шкафъ. Доктора указывалъ на это самое мѣсто. Тѣмъ не менѣе она никакъ не могла отыскать скрываемаго замка въ матовыхъ обояхъ изъ гиссенной, темножелтой кожи. Секунды показались ей цѣлой вѣчностью. — О, Боже мой! Боже мой! — протонала она; — гдѣ, гдѣ замокъ! — вотъ оны!

Ключъ былъ вложенъ въ замокъ.

И вотъ снова раздались завыванія бури въ окно, близъ котораго она теперь стояла, — желтыя гардины заколыхались, точно ихъ толкала кто-то, кто стоялъ позади нихъ; въ шкафу раздались трескъ, точно сухія кости стучались другъ о дружку.

— О! Боже! помоги мнѣ!

Обѣ половинки растворились разомъ. Въ тотъ же моментъ какой-то бѣлый предметъ упалъ какъ разъ возлѣ нея на толстый коверъ. То могла быть большая доска, оторвавшаяся отъ дверцы шкафа или что-нибудь въ этомъ родѣ. Она не обратила на нее вниманія — тотъ же — какъ и на опасность, какой подвергалась. Она не обратила также вниманія на предметы, стоявшіе на полкахъ, занимающихъ всю правую сторону шкафа съ низу до верху. Высокія канделябры, великолѣпныя вазы, блестящія груди дожекъ, нежей и вилокъ, сверляющіе кубки и чаши, бѣлой зубки — королевскій подарокъ въ этой царской сокровищницѣ... какое ей было дѣло до всего этого. Тамъ, на-гѣво, въ большомъ пустомъ пространствѣ, въ одномъ изъ глубочайшихъ угловъ, куда не доходилъ свѣтъ свѣчи — тамъ надо искать потайного хода. Она двинула къ противоположной сторонѣ, нигдѣ никакого отверстія; плавленія, необыкновенно оригинальныя обои покрывали стѣны, на которыхъ на крючкахъ висѣли разные вещи: пары двѣ необыкновенныя сѣделки, съ серебряной сбруей, хлыстки, конки, различной формы мешки и удочки, охотничьи ружья и нѣсколько паръ висонихъ сапоговъ, очевидно предназначенныхъ для ноги Лебрехта, не то, чтобы очень маленькой.

— Чего вы такъ усердно ищете?

Этотъ голосъ раздавался, какъ будто надъ ея головой, изъ глубины шкафа, изъ груди вещей — мягкій, звучный голосъ, какой-то небесный. — То не могъ быть челоуѣчскій голосъ!

Бѣдная Анхена сложила руки, какъ она это дѣлала ре-

бенномъ, когда молилась любимому святому. Дрожація губы произнесли полузабытую молитву.

— Быть можетъ, я могу помочь вамъ?

Голосъ звучалъ за ея спиной: гремій, твердый голосъ, мужской голосъ... а она заперла всѣ двери.

Анхенъ не закричала: послѣ того, что она пережила въ послѣдніе часы и въ особенности въ послѣдніи минуты, она была замалена противъ всякаго земного страха. Она наклонилась за свѣчой, которую поставила возлѣ себя на полъ и, поднявшись съ полу, обернулась.

Но и для робкой души не показалось бы страшнымъ загадочное появленіе молодого человѣка, лицо котораго она освѣтила свѣчой: красивое, обрамленное мягкими темными кудрями юношеское лицо, съ большими голубыми, лукавыми глазами, чуть пробивающимся усиками на тонкихъ губахъ, изъ-за которыхъ на минуту сверкнули зубы.

— Г. Флидербушъ!—закричала Анхенъ.

Красивый юноша сложилъ руки на груди, низко кланяясь. Изъ удрученной груди Анхенъ вырвался радостный крикъ; изъ глазъ полились слезы, ослѣпившія ее на минуту. А загнѣвъ она ужъ и сама не помнила, какъ вышла изъ шкафа и куда дѣвался подсвѣчникъ изъ ея рукъ; но юноша уже былъ у ея ногъ, повторяя:

— Простите меня! и попросите моего доброго хозяина простить меня!

Анхенъ сѣла на стулъ, потому что колѣни ея дрожали, а Гансъ стоялъ возлѣ нея и рассказывалъ скоросоворкой, свойственнымъ ему шутивнымъ тономъ, жестами и съ едва сдерживаемымъ смѣхомъ:

— Какъ я вошелъ въ домъ? да всего какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ, позади стараго Бальгара, который отъ страха, что я подшуталъ надъ нимъ, оставилъ дверь открытой настежь. Удобнѣе войти я не могъ бы, не правда ли? я осторожно прокрался по лѣстницѣ и пришелъ на верхъ какъ разъ въ ту минуту, какъ вы шли съ фрау Ульценъ осматривать комнату для гостей. Потомъ я проскользнулъ въ эту комнату и стоялъ за гардинами, когда Кабельманъ—не правда ли какой, славный старикъ?—принесъ вамъ письмо отъ ассессора.

Тутъ Гансу очень хотѣлось расхохотаться; но онъ удержался и сказалъ съ лицомъ рно-серьезной миной:

— Боже мой, сударыня! ужасно соблазнительно, когда можно такъ одурачить человѣка. Вслушайте меня: я уже три дня, какъ

накожусь въ Вольдемѣ и свриваюсь у своего пріятели, капитана Мартина, который въ ту ночь, какъ я совершилъ свое *salto mortale* изъ окна въ садъ и затѣмъ по грушевому дереву вообразился на садовую стѣну и перелѣзъ черезъ нее—одно изъ самыхъ удачныхъ моихъ гимнастическихъ упражненій—взялъ меня къ себѣ на корабль, который въ ту же ночь отплылъ въ Штетинъ. И Мартинъ—добрая душа—вѣрно сохранилъ мою тайну; деньгами снабдилъ меня опять—такъ Мартинъ, и, между нами будь сказано, я бы не такъ скоро вернулся, если бы не стосковался по моему милому хозяинѣ и старому домѣ, вслѣдствіе чего и рѣшился попросить прощенья, и распрощался съ моими братьями и сестрами по Аполлону—я вѣдь всѣ эти шесть недѣль прошатался изъ города въ городъ и изъ села въ село, въ эту северную погоду, по нашей милой Помераніи съ трупной бродичихъ комедіантовъ. И вотъ я поспѣшилъ въ объятія своего добраго Мартина, который, къ счастью, тоже вернулся изъ своей поѣздки.— И вотъ, сударыня, проживая у Мартина въ его маленькихъ двухъ горенкахъ въ ожиданіи свиданія и примиренія съ моимъ милымъ хозяиномъ, вдругъ слышу я—въ моей величайшей потѣхѣ—отъ друга Мартина, какія изумительныя исторіи рассказываются въ городѣ по случаю моего исчезновенія, и какъ снова выкопали баснословное сказаніе о потайномъ ходѣ, ведущемъ будто бы изъ комнаты хозяина на Висѣльичную гору, чтобы объяснить мое исчезновеніе, и какъ новый полицейскій комиссаръ выслушиваетъ всѣхъ бабъ сплетницъ, которымъ хочется потолковать объ этой исторіи, и какъ теперь каждая изъ нихъ клянется и божится, что хозяинъ убилъ Гауса и свесъ черезъ потайной ходъ на Висѣльичную гору и тамъ зарылъ его подъ соснами, но только не его сапоги, про тѣ онъ какъ-то позабылъ! и въ самомъ дѣлѣ! третьяго дня господинъ ассессоръ нашелъ ихъ тамъ! Мы, т.-е. я и Мартинъ, собственноручно выставили ихъ для него, и онъ не преминулъ ихъ найти. Это была шутка, сударыня! а сами мы притаились и чуть не лопнули со смѣха.

— Но вотъ Мартинъ, зашедшій сегодня мимоходомъ въ контору за справками, узналъ, что вы сегодня пріѣдете съ курьерскимъ поѣздомъ, и тотъ же самый шутникъ написалъ г-ну ассессору письмо, въ которомъ извѣщали его, что хотя это дѣло и опасное, но что если онъ найдетъ въ себѣ мужества войти въ домъ вмѣстѣ съ возвращающимся хозяиномъ и приступить къ обыску стѣнного шкафа въ комнатѣ хозяина, то онъ откроетъ скелетъ въ домѣ.

— Скелетъ,—закричала Анхень,—скелетъ!

— Выраженіе нѣсколько сильно, сударыня, не спорю: оно

могло бы даже видеть все дѣло; но она неудержимо соскочила съ пера писавшаго, потому что онъ такъ часто слышалъ его отъ доктора Бертрама—вы ужъ, конечно, незнакомылись съ нимъ, сударыня? Но, гдѣжь же мѣнье, лисица попалась въ капканъ, а человекъ съ нечистой совѣстью, т.-е. вамъ поворонный слуга, бродить весь вечеръ, съ гдѣжь поръ, какъ стенильбо вокругъ дома, и видѣль, какъ вы прѣехали и какъ, затѣмъ, хозяинъ опять уйхалъ на желѣзную дорогу, вѣроятно, встрѣчалъ кого-нибудь...

— Моехъ родителей,—объяснила Анхенъ.

— Такъ я и думалъ... Ну, вотъ, въ то время, какъ я стоялъ за портикомъ входной двери и слышалъ разговоръ доктора Бертрама съ Кабельмамомъ, совѣсть моя заговорила, и я увидѣль, что слишкомъ далеко зашелъ въ своей шуткѣ и что въ сущности то была плохая шутка, плохая хотя бы уже потому, что человекъ, собирающійся просить прощенья, не долженъ позволять себѣ шутить. И при этомъ мнѣ пришло въ голову, что когда вамъ, на чье заступничество я болѣе всего рассчитывалъ, супругъ расскажетъ про глупую исторію, случившуюся въ вечеръ отъѣзда хозяина, и про то, какъ мы сняли вотъ это и спрятали въ шкафъ...

— Что это такое?—спросила Анхенъ, впервые поглядѣвъ на дивную черную доску, которая чуть-было не упала на нее, когда она раскрыла шкафъ, а теперь лежала между ней и Гансомъ, и тотъ пальцемъ указывалъ на нее.

— Вы этого не знаете?—спросилъ Гансъ.

— Конечно, нѣтъ, какая-то доска,—отвѣчала Анхенъ, смѣясь надъ страннымъ выраженіемъ, которое приняло лицо Ганса при ея отвѣтѣ.

— Вы не знаете, что стоитъ на оборотѣ доски?

— Но она не прозрачна...

— Ахъ ты, Боже мой милостивый, ахъ ты, Боже мой милостивый,—закричалъ Гансъ:—ну, возможно ли это? онъ ничего не сказалъ вамъ про это до сегодняшняго дня, до сегодняшняго вечера? онъ скрылъ это отъ васъ, онъ, который вообще живетъ подъ стекляннымъ колпакомъ, и долженъ такъ жить, потому что сердце его чисто, какъ хрусталь...

— Что это такое?—спросила Анхенъ, и сердце ея снова тревожно забилось, несмотря на шутливую декламацию Ганса.—Я хочу это знать.

— Вы хотите... въ самомъ дѣлѣ, хотите? Ну, если такъ, то

отойдите на нѣсколько шаговъ назадъ, а то вы не разглядите въ чемъ дѣло: вѣдь это предназначено для большой перспективы.

Опустясь на колѣни, онъ приставилъ доску къ длинному жарнизу.

— Что это означаетъ?—спросила Анхенъ.

— Боже мой! Боже мой! буквы, однако, достаточно крупны, — пробормоталъ Гансъ сивозъ бѣлые зубы.

— Я хочу сказать: что означаетъ эта шутка?

Гансъ снова уронилъ доску, но обратной стороной, такъ что надпись осталась наверху, и, вскочивъ съ колѣнъ, закричалъ:

— Шутка, вы называете это шуткой? Шутка—то, что едва не разбило сердце моему доброму хозяину? шутка, изъ-за которой онъ чуть не убилъ своего вѣрнаго оруженосца? Шутка! развѣ вы не прочитали число, выставленное въ лѣвомъ углу: 1654? и другое, въ pendant къ нему, въ правомъ: Renovatum 1854? Renovatum, сударыня, это значитъ «возобновлена, заново отдѣлана, освѣжена...» старымъ сенаторомъ, Лебрехтомъ Первымъ, королемъ Вольдома, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ Лебрехту Второму, если ему дорого отцовское благословеніе, на которомъ вообще строится сыновнее благополучіе, оставить ее висѣть тамъ, гдѣ она провисѣла въ продолженіи двухъ столѣтій — вонъ тамъ, подъ окномъ. И Лебрехтъ Второй оставилъ ее тамъ висѣть—хотя, когда онъ вступилъ въ управленіе, то съ несомнѣнною чистой совѣстью и іезуитскою хитростью перевелъ лавочку въ узкій переулокъ ратуши—до той памятной ночи! И вотъ говорить онъ мнѣ, здѣсь, въ этой комнатѣ, у того стола, на которомъ стояла цѣлая батарея пустыхъ бутыловъ, и когда уже надвигался глухой, полнотный часъ: «Гансъ,—говоритъ онъ,—они тамъ, на Рейнѣ, въ своемъ домѣ, съ зеркальными стеклами и балконами, убранными цвѣтами, все еще не знаютъ, что здѣсь, въ Вольдомѣ, каждая рыночная торговка покупаетъ каждый фунтъ кофе, и каждый матросъ—свой табакъ, и каждый башмачный подмастерье—свою сеledку у короля вольдомскаго». — Ну, такъ что-жъ? — спрашиваю я.—«Она не выйдетъ за меня замужъ, если узнаетъ это». — Ну, такъ Богъ съ ней,—говорю я.—Сударыня, не негодуйте на меня за это: я васъ тогда еще не видалъ! Онъ только усмѣхнулся презрительно, и затѣмъ сталъ жаловаться на свою судьбу: на то, какъ онъ виноватъ, что не сказалъ вамъ объ этомъ въ первую минуту, и какъ онъ провинился еще сильнѣе, когда дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, а онъ все не сознавался, и какъ онъ долженъ теперь вновь провиниться—и еще сильнѣе—онъ, вѣдь, понимаетъ это, потому что наступить же,

наконецъ, моментъ, когда вы, пробѣгая по старой рыночной площади, увидите вывѣску. «Ну, такъ признайте съ вѣчнымъ поѣдомъ,—говорю я.—Вѣдь не будетъ же она сія въ отгнанныхъ буквахъ». Сударыня, не сердитесь на меня за это: но, право, онъ мнѣ казался совсѣмъ не въ нормальномъ состояніи; да и самъ я былъ на три-четверти не въ своемъ умѣ: я снялъ вывѣску съ крюковъ, поставилъ ее вонъ въ тотъ шкафъ и, заперевъ шкафъ, положилъ ключъ себѣ въ карманъ. Вѣдь, можетъ быть, король Вольдома найдетъ въ себѣ достаточно мужества, въ которомъ у него никогда не было недостатка съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю, и если онъ мнѣ прикажетъ, то я снова повѣшу вывѣску на старое мѣсто, и пусть, кто хочетъ, ужасается ее. А если бы у него не нашлось мужества... Я видѣлъ по его глазамъ, сударыня, что у него не хватитъ мужества, что онъ будетъ откладывать признаніе, которое его такъ странить, до послѣдней минуты. И когда я увидѣлъ такую слабость въ такомъ сильномъ человѣкѣ, такую безпомощность въ королѣ Вольдома, тогда меня постигло искушеніе, и въ душѣ моей проснулась мысль: онъ долженъ это сдѣлать теперь! разрѣшить мнѣ то, о чемъ я уже неоднократно просилъ его въ шутку и серьезно: дозволить мнѣ доказать изумленному свѣту, что Гарригъ и Талья и Лудвигъ Девриентъ и какъ они тамъ всѣ называются, жалкія ничтожества сравнительно съ Гансомъ Флидербушемъ, единственнымъ и несравненнымъ! И вотъ, сударыня, онъ ни за что не хотѣлъ позволить этого; я просилъ, онъ отказывалъ; я умолялъ, онъ называлъ меня дуракомъ; я рассердился, онъ сталъ надо мной смѣяться; я сталъ грозить, онъ запрета мнѣ разъ навсегда упоминать объ этомъ, пока онъ мой хозяинъ, а я—жалкій болванъ—я пригрозилъ... я пригрозилъ выдать моего хозяина. Клянусь всѣмъ, для меня святымъ, что я говорилъ это не серьезно, и никогда бы этого не сдѣлалъ; но бургундское, сударыня, и поздній часъ—я, конечно, былъ очень неприличенъ и заслуживалъ бы хорошей встрѣчки, не то, что того единственнаго удара, которымъ онъ наградилъ меня... нечаянно,—я это знаю, когда онъ хватилъ меня ключомъ, который вырвалъ у меня изъ рукъ, по головѣ. Но рука его тяжела, кровь хлынула у меня изъ носа и я упалъ на тотъ столъ и, падая, повалилъ его со всѣмъ, что на немъ стояло. А онъ сталъ на колѣни воалъ меня, положилъ мою голову къ себѣ на грудь и сталъ говорить мнѣ милыя, ласковыя слова; но—Боже мой! сударыня, я былъ пьянъ!—я яростно вскочилъ на ноги: «Вы приближъ меня—мы квиты!»—Гансъ, останься!—«Не хочу».—Ты долженъ остаться.—Ну, тутъ

ужь, сударыня, я прогрезвился только въ каютѣ Мартина; да и то лишь вполовину, причемъ мы уже ушли на десять миль въ открытое море и возвращаться было поздно. — Боже мой, — что вамъ угодно?

Анхень, съ сіяющими, темными глазами и ямочками на щекахъ, и смѣющимся ротикомъ, не могла, кажется, достаточно взглянуть на Ганса и послушаться его, — но тутъ вдругъ сдѣлала серьезное лицо и, вставъ внезапно со стула, побѣжала въ столовую. Но вотъ она снова вернулась изъ нея съ веселымъ лицомъ, и поспѣшно проговорила:

— Скорѣе, милый Гансъ, скорѣе!

— Что прикажете? — спросилъ Гансъ, готовый «за милого Ганса» сразиться съ самимъ чортомъ, если бы только красавица приказала ему это.

— Въ столовую... я такъ рѣшила... перенесите все это въ буфетъ!

И она взяла изъ серебряной посуды первое, что ей попалось подъ руку, и побѣжала съ этимъ въ столовую, а за нею Гансъ, неся два подсвѣчника, чайникъ и королевскій кубокъ.

— Мы переставимъ все это сюда опять, — сказала Анхень. — Я останусь здѣсь и стану прибираться, а вы приносите мнѣ вещи.

Гансъ бѣгалъ взадъ и впередъ, а Анхень разставляла посуду, и съ такимъ вкусомъ, что Гансъ каждый разъ останавливался и любовался, пока, наконецъ, не принесъ послѣдней вещи и все не было готово.

— А теперь что? — спросилъ Гансъ, надѣясь, что найдется еще дѣло, просто лишь изъ одного удовольствія помогать красавицѣ.

— Я, право, не знаю: возможно ли это? — сказала Анхень.

— Возможно, — отвѣчалъ Гансъ рѣшительно.

Они уже вернулись въ угловую комнату.

— Не можете ли вы вотъ это... вы говорили, что могли бы повѣсить это обратно на мѣсто, — но врядъ ли вы это успѣете сдѣлать.

— Успѣю, — отвѣчалъ Гансъ, — теперь всего половина одиннадцатаго; поѣздъ всегда опаздываетъ на полчаса. Паря держу, что онъ еще не пришелъ, да чтобы пріѣхать сюда, имъ понадобится, по крайней мѣрѣ, четверть часа... а я черезъ пять минутъ буду готовъ.

— Вы справитесь совсѣмъ одни?

— Да, совсѣмъ одинъ, безъ всякой помощи, какъ и тогда, когда снималъ ее. Г. Нудель не хотѣлъ и не долженъ былъ

привыкшая к ней. Она висит тутъ, надъ окнами, и ее неподвижность иерархической иерархик; да къ тому же она висит не только. Времени и черны испочина се и она стала иерархик, иишь грабъ, и если все еще держался, то жалко блондинки такъому слову лиза; иишелли жалко волда по обоникъ иишарикъ, иишарикъ сблудуетъ надъкъ на крочка. А иишькъ ииши ииши не иишарикъ: на всакъ ринкъ не иишарикъ ни одной иишарикъ. не ии, что иишарикъ.

Гансъ не послуживалъ иерархической Антоник: ни си иишарикъ оставить лучше это, ни си слабого иишарикъ, иишарикъ оишарикъ оишарикъ, и буре и иишарикъ иишарикъ въ него,—его не оставивалю то, что оишарикъ ублудили, что иишарикъ иишарикъ было герардо иишарикъ. иишарикъ иишарикъ,—не оставивалю всакъ сербшарикъ оишарикъ иишарикъ иишарикъ галовой на иишарикъ иишарикъ съ иишарикъ—оишарикъ би ни за что не иишарикъ се изъ руки—и иишарикъ иишарикъ ринкъ въ ту иишарикъ, какъ оишарикъ иишарикъ:

— Конечно балъ, иишарикъ, иишарикъ!—оишарикъ иишарикъ, что иишарикъ держитъ его за иишарикъ: тоишарикъ алкиричический ударъ иишарикъ его руку... и иишарикъ иишарикъ оишарикъ на иишарикъ. Оишарикъ иишарикъ въ иишарикъ, иишарикъ оишарикъ, и иишарикъ:

— Теперь что?

— Сначала отдохните!

— Затишь! влди иишарикъ у иишарикъ иишарикъ во иишарикъ иишарикъ! Въ чешъ дбл?

— Вы должны быть иишарикъ!

Она показала на пустой иишарикъ, двери котораго были расприты иишарикъ. Гансъ раскохотался во все герардо; иишарикъ иишарикъ тоже раскблалася: еще иишарикъ—и оишарикъ иишарикъ были иишарикъ за руки и иишарикъ иишарикъ, тоишарикъ рблшарикъ дбл.

— Это иишарикъ!—иишарикъ Гансъ:—оишарикъ тоишарикъ не до-ставало! ахъ! Я дуракъ! кака иишарикъ:—оишарикъ иишарикъ иишарикъ влди иишарикъ въ иишарикъ! Ну, иишарикъ иишарикъ иишарикъ!

— Но влди иишарикъ иишарикъ иишарикъ, иишарикъ иишарикъ иишарикъ—съ иишарикъ, иишарикъ.

— Да хотя би иишарикъ иишарикъ иишарикъ въ иишарикъ иишарикъ утра!

— И иишарикъ иишарикъ тоишарикъ же иишарикъ въ иишарикъ и иишарикъ иишарикъ, потому что иишарикъ иишарикъ иишарикъ иишарикъ по иишарикъ...

— Не иишарикъ иишарикъ иишарикъ...

Гансъ уже влди въ иишарикъ и иишарикъ иишарикъ иишарикъ иишарикъ, во иишарикъ иишарикъ иишарикъ иишарикъ иишарикъ:

— Но, не правда-ли, сударыня, вы принимаете на себя ответственность передь вашимъ супругомъ?

— Будьте спокойны!

— Благодарю... но я все время собираюсь спросить васъ: какимъ образомъ ключъ очутился въ рукахъ у доктора?

— Это до васъ не касается.

— Благодарю! но, не правда-ли, сударыня, вы бы все-таки вышли за него замужъ, если бы и знали про это?

— Хорошо, что я этого не знала.

Она проговорила это такъ серьезно, что Гансъ никакъ не могъ унять.

— Почему же?

— Мнѣ бы пришлось выдержать большую бурю, и...

Она провела рукою по лбу; но затѣмъ засмѣялась:

— Теперь, я васъ запроу.

— Еще одно слово: могу я стонать или вздыхать по временамъ и вообще выкидывать какія-нибудь штуки?

— Будьте тише воды, ниже травы!

— Ну, такъ прощайте пока.

Смѣющееся лицо исчезло; Анхенъ затворила шкафъ, заперла его, положила ключъ въ карманъ, вивнула головой шкафу, какъ будто могла видѣть, что Гансъ послышалъ въ немъ въ эту минуту ей поцѣлуй рукой и, отперевъ предварительно всѣ двери, побѣжала черезъ галерею въ кухню, приведа въ неописанное удивленіе собравшихся трехъ слугъ въ кухнѣ, угрюмыхъ, молчаливыхъ и нечальныхъ, — тѣмъ, что бессознательно для самой себя весело зацѣла, идя по галереѣ.

— Она съ ума сошла, — сказала фрау Ульценъ.

— Или онъ и ей также явился, — замѣтилъ Бальтазаръ.

— Не можетъ быть, чтобы это цѣла барыня, — рѣшила Дорте.

Но вотъ барыня появилась на порогѣ, улыбаясь, какъ май-свое утро, и закричала голосомъ, вмѣстѣ и ласковымъ и повелительнымъ:

— Ну! въ самую послѣднюю минуту я должна вѣдать вамъ цѣлую кучу дѣла! Мнѣ говорилъ докторъ, что молодые конторщики находятся у... Имфельдъ, такъ кажется зовутъ ее, Бальтазаръ! Ну, такъ идите сейчасъ въ нимъ и передайте поклонъ отъ г. доктора: онъ извиняется, что заставилъ ихъ такъ долго ждать, и затѣмъ тихохонько проведите ихъ въ столовую. А еще, Бальтазаръ, снесите-ка обратно эти ложки, вѣдь это не большой вѣрюжъ, и поскорѣй возвращайтесь домой. — А вы, милая

фрау Уларенгъ, выстройте гѣвъ временемъ свѣтъ не на нихъ приборотъ, какъ вы это уже сдѣлали, но на ипподромъ. Балшпиръ, какъ вернется, поможете вамъ, да и мамъ Лангетта также. Она очень добрая дѣвушка. А серебро, какое мамъ изощрилась, вы можете взять изъ буфета... Я тоже пригласила сиротинъ Барину. Ступайте въ столовую. А вы, мамъ мамъ... Дорте, такъ васъ зовутъ,—споро ли поспѣеть у васъ ушки? И что вы мамъ стоговили? Два жаренки?! Ну, этого будетъ довольно.

Барина отворила дверь въ духовой шкафъ и заслупила къ нему. Но Дорте словно преросла въ кѣсту, услышавъ изумленные глаза на Анхенъ,—между гѣвъ какъ остальные две женщины изъ кухни,—а у Анхенъ, хотя она и говорила весело и живо, глаза были полны слезъ. Этого зрѣлища Дорте не могла далѣе выдержать. Она подбѣжала къ баринѣ, упала передъ ней на колѣни и вскричала, рыдая:

— Ахъ! не притворяйтесь, милая барина, все пропало!

— И ты, Дорте?

— Ахъ! барина, что же дѣлать, если Кабелъникъ пришелъ въ кухню и сказалъ:—самъ ассессоръ сейчасъ придетъ!

— И уйдетъ назадъ, Дорте!

— Но съ вѣтъ? Съ добринъ баринотъ! Ахъ, Боже мой! Ахъ! Боже мой! Вы не повѣрите, какой онъ добрый!

— Откуда ты его знаешь, Дорте? Но сперва встань и... говори потише!

— Я уроженка Вольдома, судариня,—рыдала Дорте, наклонившись съ колѣни,—я дочь иштурмана, судариня,—съ одного изъ его кораблей—мой отецъ оборвался съ мачты и упалъ за бортъ, а у моей матери было, кромѣ меня, еще шесть человѣкъ дѣтей и все малъ-мала меньше, и всѣ мы умерли бы съ голоду, если бы г. сенаторъ не позаботился о насъ; мальчишковъ отдалъ въ ученье и воспиталъ ихъ матросами; и теперь они всѣ хорошо пристроены и четверо даже женаты—а я была самая младшая и одна изъ съ нимъ дѣтъ, и мы часто играли вѣстъ, когда были дѣтьми, здѣсь—на дворѣ, и на рынкѣ, и на мѣшкахъ балласта въ гавани—и хоть я и иштурманская дочь, а онъ—сынъ сенатора, но онъ не гордился передо мной, и водился со всѣми мальчишками, но только былъ всѣхъ ихъ сильнѣе, а насъ, дѣвочекъ, онъ всегда бралъ подъ свое покровительство и однажды сказалъ мнѣ:—Дорте, сказалъ онъ мнѣ:—я не могу на тебѣ жениться, но когда ты будешь выходить замужъ, то я дамъ тебѣ приданое, и я думала: что онъ совсѣмъ и позабылъ объ этомъ. Но когда меня помолвили на святой съ Христианомъ Шульценомъ—онъ

тоже штурманъ, сударыня, и находится теперь въ Америкѣ, а когда онъ вернется весною, то мы обвѣщаемся—можетъ онъ и говорить мнѣ—Дорте, я позабочусь о твоёмъ приданомъ, а когда онъ убѣждалъ жениться, шесть недѣль тому назадъ — я жила у тети Имфельдъ уже два года,—Дорте,—сказалъ онъ,—мнѣ бы хотѣлось, чтобы жена, когда пріѣдетъ, нашла бы въ дождь хорошую дѣвушку; на которую могла бы поломиться, и я уже говорилъ съ тетей Имфельдъ... Ахъ! сударыня, я совсѣмъ не для хвастовства говорю это... но въ цѣломъ Вольдомѣ не найдется человѣка—ужь между бѣдными навѣрное ни одного — кому бы онъ не помогалъ и не разъ... такой души, какъ у нашего барина, ни у кого больше нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, сударыня, хотите вѣрять, хотите нѣтъ... и вдругъ теперь...

— Не плачь, милое дитя,—сказала Анхенъ.

— Да вѣдь вы тоже плачете, сударыня,—рыдала Дорте.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчала Анхенъ.

Дорте провела обѣими красными руками по глазамъ.

— Я никогда не забуду про твои слезы, пока буду жива! никогда! а теперь готовь свое жаркое, моя милая.

Дорте осталась посреди кухни, и сама не знала, во снѣ ли она это видѣла, или красавица-барыня въ самомъ дѣлѣ поцѣловала ее, а затѣмъ ушла, или, скорѣе, улетѣла изъ кухни.

VIII.

— Послѣ васъ, пожалуйста!—Нѣтъ, послѣ васъ, если позволите!—больше они ничего не сказали,—докладывалъ Бальтазаръ, который необыкновенно быстро исполнилъ данныя ему порученія, и теперь ввелъ доктора и г. фонъ-Франка, по приказанію барыни, которая находилась съ фрау Ульценъ въ столовой, въ комнату барина.

Бальтазаръ, совсѣмъ отрезвившійся, благодаря всѣмъ чудесамъ, которыя онъ видѣлъ и слышалъ въ послѣднія десять минутъ — и только по временамъ украдкой обмѣнивавшійся по-истинѣ жалостными взглядами съ фрау Ульценъ — не могъ въ самомъ дѣлѣ сообщить ничего иного. Но старикъ не успѣлъ выйти изъ комнаты, какъ споръ, превратившійся въ его присутствіи, снова разгорѣлся.

— А я вамъ говорю и повторяю, — кричалъ ассессоръ тихимъ, тонкимъ, но замѣчательно-явственнымъ голосомъ: — я ничего не сдѣлалъ и не дѣлаю такого, чего бы вы сами не сдѣ-

дали на моемъ мѣстѣ. И если—чего я не отрицаю—это дѣло меня такъ сильно интересуетъ, то развѣ вы не называете интереснымъ случаемъ болѣзнь, которая съ такою силой завладѣваетъ вполнѣ здоровымъ на видѣ человекомъ, что у всѣхъ честныхъ людей волосъ становится дыбомъ на головѣ при видѣ его, или другой коварный недугъ, который никакъ не поддается вашей наукѣ? И развѣ долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ не заставляютъ васъ наблюдать каждый подозрительный симптомъ? и развѣ вы не выводите важныхъ заключеній о характерѣ болѣзни на основаніи этихъ наблюдений, этихъ изслѣдованій? Развѣ симптомы, которые я перечислялъ вамъ въ моемъ случаѣ, не достаточно подозрительны? развѣ они не такого рода, что всякій прокуроръ въ мірѣ немедленно заарестовалъ бы на ихъ основаніи человека? Молодой человекъ не ушелъ живымъ изъ этой комнаты — это для меня ясно, какъ Божій день! Куда онъ дѣвался? да! почтеннѣйшій, объ этомъ-то я ломалъ себѣ голову въ продолженіи четырехъ недѣль, пока сегодня вечеромъ не получилъ удивительнѣйшаго доноса, который вамъ угодно называть мистификаціей. Хорошо! мы увидимъ, насколько тутъ правды! Трупъ не запереть въ шкафъ и не оставлять его тамъ въ теченіи шести недѣль — согласенъ, по многимъ причинамъ! Я не вѣрю также въ потайной ходъ, но я хорошо изучилъ постройку этого дома по старинному плану, доставленному мнѣ нашимъ городскимъ архитекторомъ: стѣны настолько толсты, что позади шкафа, который мнѣ давно подозрителенъ, или подъ нимъ легко можетъ быть какая-нибудь впадина или нѣчто въ этомъ родѣ. Вонъ тамъ, въ выдающемся углу комнаты, у окна—вы видите, какъ я хорошо могу ориентироваться, хотя и никогда не бывалъ въ этомъ домѣ—долженъ быть шкафъ. И встаетъ—какъ, однако, вдругъ осѣиваютъ на самомъ мѣстѣ необыкновенныя мысли! — куда дѣвалась вывѣсла, которая до той ночи висѣла подъ тѣмъ окномъ и пропала въ ту ночь?

— Но какую, чортъ побери, это имѣетъ связь со всѣмъ дѣломъ?—вскричалъ докторъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ ассессоръ, потирая низенькій лобъ; — я знаю только, что когда я пріѣхалъ въ Вольдомъ, то впервые узналъ, въ моему немалому удивленію, о существованіи мелочной лавочки въ этомъ домѣ; объ этомъ обстоятельствѣ, въ то время, какъ г. Нудель проживалъ въ качествѣ жениха въ Кальмѣ, я не слыхалъ никогда ни полслова, хотя какъ близкій другъ дома былъ онъ соизвѣстъ всего, что тамъ происходило, — и въ счастью для г. жениха, потому-что, насколько я знаю эту семью и въ особен-

ности тещу г. Нуделя, за наде ни за что не выдали бы дочь, если бы это обстоятельство было известно. Молодой человек былъ его довѣреннымъ лицомъ... онъ и вывѣска исчезли въ одну и ту же ночь. Право! это наводитъ меня совсѣмъ на необыкновенныя мысли, на совѣтъ новыя комбинаціи... вы смѣтаетесь, натурально.

— Я не смѣюсь!—отвѣчалъ докторъ, находившійся на другомъ концѣ комнаты.

— Однако здѣсь былъ слышенъ смѣхъ,—замѣтилъ ассессоръ, стоявшій воалѣ шкафа.

— Ну, значить это самъ сатана смѣется!—завричалъ докторъ.

Ему было не до смѣху: онъ боролся съ искушеніемъ схватить за горло этого дьявола, какъ лающую бѣшеную собаку, готовящуюся вонзить ядовитые зубы въ то, что для него дороже всего на свѣтѣ! Боже мой! чѣмъ все это кончится? ну, если молодая женщина не воспользовалась ключомъ, который онъ ей послалъ, или не рѣшилась употребить его въ дѣло... а развѣ онъ самъ не отнял у ней послѣдняго мужества?... Если этотъ ужасный человекъ, черные, пронзительные глаза котораго проникали сквозь глубочайшія тайны, какъ сквозь стекло, найдутъ какой-нибудь окровавленный платокъ, или фуражку, или вообще какой-нибудь предметъ, принадлежащій Гансу, или другую какую-нибудь улику; если онъ, какъ это неизбѣжно, найдетъ въ шкафу вывѣску—что изъ этого воспослѣдуетъ? И тогда... тутъ послышался стукъ кареты, быстро катившейся... громъ и трескъ раздались подъ самыми окнами, затѣмъ, стой! они пріѣхали! громкій звонокъ.... послѣдніе шаги по лѣстницѣ.... кто-то сбѣгаетъ съ лѣстницы и затѣмъ поднимается на нее.... вотъ слышатся голоса... чѣмъ все это кончится?

—Снова даю вамъ слово,—сказалъ ассессоръ, шепотомъ, подойдя къ доктору,—что я, помимо всякихъ личностей, буду соблюдать величайшую деликатность. Отъ танта молодой женщины, отъ поведенія г. Нуделя будетъ зависѣть, смогу ли я соблюсти ее. — Любезный г. Нудель, простите ли вы старому другу милаго дома въ Кельнѣ, если онъ—по приглашенію и подъ отвѣтственностью нашего бедѣннаго доктора—осмѣливается уже сегодня вечеромъ привѣтствовать васъ и просить позволенія быть допущеннымъ въ вашъ семейный кружокъ?

Лебрехтъ, только-что вошедшій въ комнату, бросилъ мрачный взглядъ на бѣднаго доктора, который, какъ безумный, бѣгалъ вездѣ и впередъ по комнатѣ, но вездѣ проталкивая руку ассессора и сказавъ:

— Господи́нство, г. фонъ-Франкъ, сидится у насъ, въ Помераніи, вънарушннмиъ законоиъ. По этому милости проси́тъ. Моя жена уже знаетъ о вашемъ присутствіи. Она проситъ извинить ея отсутствіе еще въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, пока она здороваеся съ своимн родителями. Не угодно ли пока садиться? Не сидишь ли и ты, Адальбертъ?

— Благодарю!—отвѣчалъ докторъ, продолжая бѣгать по комнатѣ.

Красивое лицо Лебрехта вымывало безнововство, мучившее его. Ницье присутствіе не могло быть такъ ему неприятно въ настоящую минуту, какъ присутствіе ассессора. Все время какъ онъ ѣхалъ на дебаркадеръ, забившись въ темный уголъ кареты, ему припоминались предостереженія пріятеля, печальный взглядъ, брошенный на него бѣдной, ничего не подозревающей Анхенъ, когда онъ выходилъ изъ комнаты; — безуміе того положенія, въ какое онъ себя поставилъ, стало для него жиниъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его созрѣла твердая рѣшимость. Онъ хотѣлъ не только одной Анхенъ, не только родителямъ, но всѣмъ имъ вмѣстѣ и въ присутствіи Бертрама, уваженіемъ котораго онъ дорожилъ больше, чѣмъ уваженіемъ всѣхъ остальныхъ людей, вмѣстѣ встать, за исключеніемъ Анхенъ,—онъ хотѣлъ сказать имъ: вотъ что случилось! Поступайте теперь, какъ знаете! Какъ они поступятъ? что скажутъ родители? что скажетъ Анхенъ—онъ заранѣе уничтоженно склонялъ голову: онъ заслуживалъ, по его мнѣнію, всякой кары, мало того: онъ спрашивалъ себя: не желательно ли для него, чтобы его постигла самая жестокая кара? и можетъ ли онъ, въ случаѣ если бы онъ любилъ ея, когда-либо жить снова въ мирѣ со своею совѣстью? Какъ онъ перенесетъ ее—объ этомъ онъ себя не спрашивалъ.

А теперь злобный случай бросилъ ему на дорогу этого человека, въ которому онъ съ перваго момента почувствовалъ глубокую, непреодолимую антипатію, чей злой языкъ онъ уже испыталъ на самомъ себѣ, въ чьей враждебности — хотя онъ и не имѣлъ на то доказательствъ — онъ былъ инстинктивно убѣжденъ, и котораго такъ уважали, если не сама Анхенъ, то ея родители. Ему уже было неприятно, когда Бертрамъ вскользь упомянулъ давеча, что этотъ человекъ находится въ настоящее время въ Вольдомѣ; и вотъ, вдругъ, теперь этотъ человекъ сидитъ, словно ему на зло, передъ его каминомъ. Или же это было лишь усугубленіемъ наказанія? не долженъ ли онъ сознаться въ присутствіи этого человека въ томъ, чего не смѣлъ объявить въ присутствіи друга? Ну, что-жъ! онъ вѣдь рѣшилъ, что нивалое

наказаніе не будетъ слишкомъ жестокимъ: тяжелѣе этого не могъ придумать для него самъ сатана!

Въ то время, какъ эти мрачныя, безутѣшныя мысли наполняли душу бѣднаго, молчаливаго Лебрехта, а г. фонъ-Франкъ болталъ съ полной непринужденностью о Кальвѣ и Вольдомѣ, о томъ и сѣмъ, доктору Бертраму было вдоволь времени, чтобы наблюдать за странной четой у каминна: неужели это его другъ бесѣдуетъ съ новымъ знакомымъ? нѣтъ! то бѣдная муха попала въ паутину пауку, который осторожно трогаетъ нитку, чтобы видѣть, какъ велика сила сопротивленія у его жертвы;—то глухой бѣднаго-путникъ спокойно идетъ своей дорогой въ то время, какъ разбойникъ, стоя за деревомъ, прицѣливается въ него изъ ружья,—это человѣкъ, котораго ударъ въ сердце повергаетъ бездыханнымъ на стулъ въ то время, какъ онъ собирается помянуть уголья въ каминѣ...

Такъ размышлялъ чудакъ, отирая потъ ужаса съ своего лица, и вдругъ окаменѣлъ на мѣстѣ съ платкомъ въ рукахъ: на порогѣ двери, которую Бальтазаръ распахнулъ настежь, показавъ внушительнаго вида старый господинъ въ черномъ фракѣ, съ двойнымъ подбородкомъ, между двухъ высокихъ и туго-накрахмаленныхъ брыжжакъ, ведя подъ-руку высокую, полную даму въ черномъ шелковомъ платьѣ, выдающейся чертой лица которой былъ орлиный носъ, красовавшійся межъ густыхъ, черныхъ, прямыхъ бровей, а изъ-за черныхъ плечъ этой достойной пары выглядывало прекрасное личико, котораго только онъ и искалъ, и онъ увидѣлъ устремленный на него взглядъ большихъ, лучистыхъ глазъ, сопровождаемый лукавой, веселой улыбкой... и всѣ въ комнатѣ, не исключая и самого ассессора, были испуганы страннымъ звенящимъ возгласомъ, похожимъ—не то на крикъ человѣка, не то на крикъ пѣтуха, и который несомнѣнно испустилъ докторъ, несмотря на то, что онъ съ почтительнѣйшей миной подходилъ теперь къ г-ну и г-жѣ Comergienpath Шмицъ и предъявилъ, въ отборнѣйшихъ выраженіяхъ, право быть имъ представленнымъ въ качествѣ старѣйшаго и лучшаго друга Лебрехта.

Минуту спустя, общество, усѣвшееся вокругъ каминна, завязало самый веселый разговоръ, въ которомъ одинъ только Лебрехтъ не принималъ участія. Какое ему было дѣло до воспоминаній г-на фонъ-Франка о гостепріимномъ домѣ въ священномъ городѣ? какое дѣло до милостивыхъ отвѣтовъ его тещи? какое дѣло до разсказа свекра о событіяхъ дня, — о голодѣ и жаждѣ, мужественно перенесенныхъ, чтобы не испортить ужина,

а главное — королевскаго кубка? какое дѣло до юмора Вертрама, изливавшагося въ самыхъ дивныхъ выходкахъ и неоднократно уже повергавшаго добраго стараго папá припадкамъ судорожнаго смѣха? Взоры его украдкой искали лишь «ея» лица, которое никогда еще не казалось ему столь прекраснымъ, одушевленное веселостью, представлявшею для него такой убійственный контрастъ съ ея усталой молчаливостью въ предыдущіе часы. И затѣмъ поторопилась она надѣть зеленое шелковое платье, которое онъ такъ любилъ, потому что впервые онъ увидѣлъ ее въ немъ? — лишь затѣмъ, чтобы дать ему сильнѣе почувствовать, какова сокровища готовъ онъ лишиться, быть можетъ, навсегда! Замолвнеть тогда ея смѣхъ, который время отъ времени серебромъ раскатывается среди разговора, и горестно и сладостно раздается въ его ухахъ! Омрачится ея прелестное личико при первыхъ же его словахъ, которыя, однако, должны быть высказаны:

— Уважаемые гости! позвольте мнѣ сказать пару словъ...

— Ни подъ какимъ видомъ, — перебилъ его докторъ, все время наблюдавшій за нимъ, несмотря на свои дурачества: — онъ хочетъ провизнести спичъ! не позволяйте этого, сударыня!

— Ни за что на свѣтѣ! — вскричала Анхень, отрываясь, по видимому, отъ оживленной бесѣды съ ассессоромъ: — ты скажешь спичъ за столомъ... Я обожаю востольные спичи. Папá отлично говорить ихъ. Да, да, папахень, это такъ! а г-нъ ассессоръ, должно вамъ знать, докторъ, прославился на всемъ Рейнѣ своими тостами! Что же касается васъ, милый докторъ, то послѣ рѣчи, которую вы мнѣ сказали сегодня, — я многого ожидаю отъ васъ. А, Лебрехтъ, ты тоже долженъ сказать спичъ! — право! хочешь или нѣтъ: я все-таки вѣдь пригласила твоихъ припадковъ — я удивляюсь, что еще ихъ здѣсь нѣтъ — всѣхъ, даже и тѣхъ, что сидятъ въ нашей лавкѣ. Да, да, мамахень, у насъ есть своя лавка! настоящій магазинъ колониальныхъ и съѣстныхъ продуктовъ, которая существуетъ уже Богъ знаетъ съ какихъ временъ и въ которой можно все достать, что только можетъ понадобиться для кухни. Могу сказать: ничто въ этомъ великолѣпномъ, старомъ домѣ меня такъ не порадовало, какъ моя лавка. Потому что — знаешь, мамахень? — Лебрехтъ подарилъ мнѣ въ день нашего обрученія доходы съ лавки, на мои карманные расходы, — это составитъ нѣсколько тысячъ талеровъ въ годъ, мамахень! Мы хотѣли сдѣлать вамъ сюрпризъ, и Лебрехтъ велѣлъ даже снять старую вывѣску, но я слишкомъ горжусь своей лавкой и велѣла снова повѣсить вывѣску на старое мѣсто. Вы ее не замѣтили въ темнотѣ. И — знаешь, папахень? — сахаръ и по-

меранцы для королевскаго кубка будут изъ моей жизни. Но, мамашень, что тебя особенно должно интересовать, такъ это то, что у насъ есть скелетъ въ домѣ, а скелетъ въ домѣ—знаешь ли?—есть самая аристократическая вещь въ мѣрѣ, потому что скелетъ можетъ водиться лишь въ очень знатныхъ домахъ, и въ каждомъ знатномъ домѣ есть свой скелетъ. Вотъ докторъ, который знаетъ всю исторію скелетовъ, говоритъ, что существуютъ хроническіе и острые скелеты,—такъ вѣдь, докторъ? Но хроническіе-то и суть самые настоящіе, а нашъ хроническій,—самый настоящій. О, онъ возбудилъ во мнѣ такое любопытство поглядѣть на нашего скелета, но Лебрехтъ потерялъ ключъ отъ стѣннаго шкафа, гдѣ сидитъ нашъ скелетъ, и мнѣ пришлось ждать, пока не привезли нашъ багажъ! И поэтому, къ великому отчаянію нашей фрау Ульценъ, я и по сіе время нахожусь безъ нашего серебра, которое, вмѣстѣ съ королевскимъ кубкомъ, спрятано въ немъ, а потому давно пора достать наше серебро и идти ужинать. Скелетъ тоже, натурально, тамъ. Ты, мамашень, не должна пугаться его. Въ нашихъ пятидесяти замкахъ навѣрное водилось несчѣтное количество скелетовъ, и нашему ассессору будетъ такъ пріятно съ нимъ познакомиться! Вы тоже изъ стариннаго дома, г-нъ фонъ-Франкъ, и я знаю, что вы обожаете скелеты, а въ особенности нашъ. — Вотъ ключъ, милый Лебрехтъ!

На лицо Лебрехта легло горячее облако съ того момента, какъ Анхенъ произнесла роковое слово. Бертрамъ ли выдалъ его? откуда она взяла ключъ—объ этомъ онъ не успѣлъ раздуматься, да оно было и ненужно. Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ одно только: раскаяніе, искупленіе приходитъ слишкомъ поздно. Ему хотѣлось броситься со стыдомъ въ ноги волшебницы, которая, сладко улыбаясь, шутиливо высвободила его изъ тѣхъ путъ, которыя онъ своей глупостью наложилъ на самого себя.

И въ то время какъ онъ—слабый, пристыженный человѣкъ—еще дивился незаслуженной милости, новый лучъ оварилъ его голову! Неужели это можетъ быть? Ея прежнее смущеніе... ея теперешняя веселость... давешніе намеки Бертрама... непонятное присутствіе ассессора... полицейскій служитель, неотступно слѣдовавшій за нимъ на дебаркадеръ желѣзной дороги—она знала обо всемъ этомъ, все вынесла, обо всемъ промолчала... она, которую онъ не считалъ достаточно великодушной, чтобы простить ему жалкій пустякъ... и которая теперь приготовила ему еще лучший даръ...

Сильный человекъ былъ сраженъ величиною своего благополучія. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, какъ нѣжный и бросившись къ шкафу, распахнулъ объ его дверцы.

— Гансъ!

Гансъ съ такою поспѣшностью бросился въ объятія своего милаго хозяина, что нельзя было понять, выбѣжалъ ли онъ изъ шкафа, или выросъ изъ земли. Даже маманя Анхенъ не успѣла вскрикнуть отъ удивленія или отъ испуга, въ то время, какъ оба свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки, со слезами на глазахъ снова и снова обнимали другъ друга и жали другъ другу руки.

Но вотъ Гансъ первый вырвался изъ объятій Лебрехта, отеръ слезы, вѣжливо поклонился и сказалъ:

— Прошу прощенья, господа, меня зовутъ Гансъ Флидербушъ, а четвертый приващивъ въ домъ вашего зятя... А, г-нъ ассессоръ фонъ-Франкъ? радуюсь необыкновенно случаю познакомиться съ вами. Вы должны извинить, господа, и мое возмущеніе, и мою худобу! не шутка вѣдь просидѣть шесть недѣль въ темнотѣ, безъ всякаго развлеченія, кромѣ ежедневной, почкой прогулки черезъ потаенный ходъ на Висбличную гору и тамъ играть въ карты съ капитанами невольничьихъ кораблей! И представьте, эти негодяи, обыгравъ всѣ мои деньги, перебрали всю серебряную посуду, штука за штукой, кромѣ королевскаго кубка, г. коммерціи совѣтникъ, который, какъ видите, одиноко красуется въ шкафу и который я ни за что не хотѣлъ отдать. И представьте себѣ, какъ велика жадность у этихъ негодяевъ: они сняли подъ конецъ съ меня сапоги...

— *Mauvais sujet!*—закричалъ докторъ, кладя объ руки на плечи Ганса, — когда ты образумишься. Вы должны знать, г. коммерціи совѣтникъ...

И докторъ тихо похлопалъ по плечу г. коммерціи совѣтника, не понимавшаго ровно ничего во всей этой шуткѣ, но чуть не помирившаго со смѣхомъ, глядя на забавнаго человѣка, точно высочившаго изъ карнавала, и, отвѣдя его въ сторону, шепнулъ ему два-три слова въ поясненіе этой загадки, въ то время, какъ Гансъ перепрыгнулъ за порогъ въ столовой, откуда доносились шопотъ и звуки каммертона, настраиваемаго на А.

— Ради Бога, любезный г. фонъ-Франкъ, что все это означаетъ? — шептала коммерціи совѣтница ассессору.

Въ это время, большія двери въ столовую распахнулись. Изъ нея полился ослѣпительный блескъ сотни свѣчей въ канделябрахъ на столѣ, заставленномъ серебромъ, и на стѣнахъ, надъ головами восьми или десяти молодыхъ людей, въ черныхъ фра-

кахъ и бѣлыхъ галстукахъ, которые тотчасъ же заплѣли на горло одной извѣстной мелодии:

Кому амуръ надѣнетъ цѣпи,
Тому бываетъ тѣсень свѣтъ!
И онъ спѣшитъ сойтися съ тою,
Кого ему милѣе нѣтъ!

И въ часъ, когда ее онъ встрѣтитъ
И къ сердцу вѣрному прижметъ,
Счастливей нѣтъ его на свѣтѣ,
Да съ ней и горе онъ снесетъ.

Вѣдь все, что рокъ ему готовить,
Онъ дѣлать съ милею своею!
Она въ бѣдѣ ему поможетъ!
И съ нею радости свѣтлѣе!

Невинна ты, кротка, прекрасна,
Сияетъ взоръ счастливый твой.
Ему ты будешь утѣшеньемъ,
Подругой вѣрной, дорогой.

И мы, друзья, носимъ вамъ хоромъ,
Что вѣримъ вашей мы звѣздѣ!
Желаемъ счастья и здоровья
Прекрасной, юной мы четѣ!

Затѣмъ кругъ разступился, чтобы пропустить гостей, предводительствуемыхъ Гансомъ, который несъ «королевскій кубокъ». Папа Шмицъ, ведшій Анхенъ подъ руку, шепнулъ ей на ухо:
— Знаешь, Анхенъ, я скажу мама, что я тоже зналъ объ этомъ, не правда ли?

Урожденная же фонъ Клингель-Пютцъ, которую Лебрехтъ велъ подъ руку, милостиво увѣряла его, что она не вѣритъ, разумѣется, ни одному слову той нѣсколько безцеремонной шутки, какую позволила себѣ Анхенъ съ «лавкой».

Докторъ остался нѣсколько назади, и затѣмъ оглянулся, чтобы предложить руку ассессору.

Но ассессоръ исчезъ.

— Жалко, — пробормоталъ докторъ, надѣвая очки, — онъ не глупъ и могъ бы сегодня вечеромъ позабавить меня... Какъ бываютъ добры и незлобивы люди, благополучно отдѣлавшіеся отъ «скелета въ домѣ» — the skeleton in the house!

Ф. Р. Шпильгагенъ.

ПО ПОВОДУ
КРИТИКЪ И РЕЦЕНЗІЙ

НА КНИГУ „ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ“.

Письмо въ Редацію.

Въ нашихъ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ говорилось не разъ о моемъ послѣднемъ сочиненіи „Землевлдѣніе и Земледѣліе“; хотя большая часть этихъ отзывовъ очень благосклонны и лестны для автора, но были заявлены и нѣкоторые серьезныя возраженія, на которыя я считаю долгомъ представить мои отвѣты и объясненія.

Я это дѣлаю не изъ авторскаго самолюбія и не смѣлъ бы занимать читателей такой полемикой, еслибъ не признавалъ того нужнымъ для разъясненія самаго вопроса, составляющаго предметъ моего сочиненія. Этотъ предметъ такой сложный и спорный, что я напередъ долженъ былъ предвидѣть много возраженій и выжидалъ ихъ, чтобы распознать и различить слабыя стороны моихъ изслѣдованій и по возможности ихъ пояснить и исправить.

Самая слабая ихъ сторона та, что они касаются одного изъ живыхъ вопросовъ нашего времени, раздѣляющаго образованнѣйшія общества Европы на два враждебные лагеря, такъ что экономическая, хозяйственная ихъ сторона всегда заслоняется тенденціозными политическими видами, которые болѣе или менѣе мѣшаютъ правильному обсужденію самаго предмета.

Поэтому неудивительно, что и моя книга, какъ и многія другія попытки—освѣтить эту темную область поземельнаго быта сельскихъ сословій, подверглась нареканіямъ съ разныхъ и самыхъ противоположныхъ сторонъ: многіе читатели, удостоившіе мою книгу только

прочтениемъ отдѣльныхъ страницъ, нашли въ ней отголосокъ анти-соціальныхъ ученій европейскихъ демагоговъ и, закрывъ книгу на такихъ неблагонамѣренныхъ отрывкахъ, произнесли надъ ней строгій приговоръ:—она отзывается коммунизмомъ.

Другіе, совершенно наоборотъ, ставятъ мнѣ въ вину нѣкоторую сдержанность или даже непослѣдовательность, робость въ моихъ сужденіяхъ, и, соглашаясь со мной въ общихъ взглядахъ и принципахъ, жаждутъ, что я не провожу ихъ въ дѣйствительный бытъ, не призываю ихъ всецѣло къ практикѣ и какъ будто отрезаюсь отъ основныхъ положеній, мною же предложенныхъ.

Одинъ изъ критиковъ вводитъ на меня даже формальное обвиненіе „въ безпринципности и противоположности принциповъ“, упрекаетъ меня, „что я дѣйствую въ пользу реакціи и желаю ей угодить“, угрожаетъ „не пригласить меня въ устроители русской земли“ (sic!), и, наконецъ, дѣлаетъ мнѣ внушеніе, приводя библейское изреченіе: „горе сердцамъ страшливымъ и рукамъ ослабленнымъ и грушничкамъ ходящимъ на двѣ стези“¹⁾. — Эти-то противоположныя обвиненія и оправдываютъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, но крайней мѣрѣ утѣшаютъ меня сознаниемъ, что я удержался на той „стезѣ“ (говоря библейскимъ слогомъ моего критика), по которой хотѣлъ идти. *Стеза* эта—не реакція и не *устройство русской земли*, а ея изслѣдованіе, изученіе народнаго быта и соглашеніе интересовъ разныхъ классовъ жителей мирнымъ путемъ разумныхъ уступокъ.

Но за исключеніемъ этого крайне строгаго выговора, я искренно долженъ благодарить моихъ критиковъ за вниманіе, коимъ они удостоили мой посильный трудъ и за многія дѣльные ихъ замѣчанія, на которыя я постараюсь дать нужныя объясненія.

Первое замѣчаніе, о которомъ я выше упомянулъ: „что сочиненіе мое отзывается пресловутыми теоріями европейскихъ социалистовъ“—было мнѣ дѣлаемо очень часто словесно читателями, недочитавшими мою книгу до конца, но оно было сформулировано и въ печати, напримеръ, въ статьѣ, помѣщенной въ здѣшней французской газетѣ²⁾.

Въ этомъ обвиненіи мнѣ довольно трудно себя оправдать, если бы такое оправданіе было необходимо, ибо дѣйствительно исходныя мои положенія заимствованы прямо изъ заявленной такъ-называемыхъ соціальныхъ демократовъ: что въ жалобахъ европейскихъ рабочихъ

¹⁾ Отеч. Зап., авг., 1877, стр. 264.

²⁾ 31 января 1877 г.

классовъ много справедливаго, что городской пролетаріатъ возникъ изъ экспроприаціи сельскихъ сословій, что крупное земледѣніе въ Европѣ подавило мелкія крестьянскія хозяйства, и что эти причины повліяли вредно, пагубно на социальный строй образованныхъ странъ свѣта—во всемъ этомъ я раздѣляю вышеупомянутыя заявленія. Неудовольствіе рабочихъ классовъ, хотя оно и эксплуатируется агитаторами для своихъ видовъ и цѣлей, происходитъ, однако, изъ естественныхъ коренныхъ причинъ, изъ коихъ главная—та, что они находятся въ вѣчной кабалѣ наемнаго труда, не имѣя своего собственнаго хозяйства.

Затѣмъ, я также удостовѣрился изъ новѣйшей исторіи освобожденія крестьянъ и устройенія ихъ быта, что эти благодѣтельныя реформы были обставлены въ разныхъ государствахъ такими аграрными и кредитными мѣрами, которыя неизбежно должны были привести большую часть сельскихъ жителей къ несостоятельности, заставить ихъ не насильственно, но по крайней нуждѣ—распродать или уступить свои имущества и въ концѣ-концовъ утратить прежній осѣдлый хозяйственный бытъ, чтобы превратиться въ наемниковъ и служителей.—Это я признаю великимъ зломъ, грозною опасностью, въ чемъ я думаю согласны и мои оппоненты. Но они считают такое положеніе рабочихъ классовъ какъ будто закономъ естества, условіемъ гражданства и цивилизаціи и во всякомъ случаѣ неизбежнымъ послѣдствіемъ высшей культуры; я же, напротивъ, усматриваю изъ исторіи, что оно произошло вовсе не изъ такихъ естественныхъ причинъ, не отъ приращенія и густоты населенія, не отъ недостатка земель и неспособности людей,—а отъ неправильнаго распредѣленія имущества, дурной организаціи наслѣдства и родственныхъ правъ и недостатка кредита, который поглощался, истощивался похѣстными и торговыми сословіями; и такъ какъ всѣ эти явленія были послѣдствія законодательныхъ и экономическихъ мѣропріятій, то я полагаю, что они могутъ быть предотвращены такими же заблаговременными предпріятіями для огражденія мелкихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, мое мнѣніе о злокачественности самаго этого факта, т.-е. безземельнаго положенія европейскихъ рабочихъ, совпадаетъ съ мнѣніями западныхъ радикаловъ и социалистовъ. Но, при обсужденіи причинъ этого явленія и средствъ его избѣгнуть, я становлюсь на другую почву и прихожу къ выводамъ діаметрально противоположнымъ. Коммунистическія и социалистическія школы возникли на Западѣ въ то время (въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія), когда уже общественный и аграрный строй въ этихъ странахъ окончательно сложился, и изъ прежняго осѣдлаго, домовитаго крестьянства выдѣлилась большая масса немущихъ рабочихъ-наем-

шниковъ. Это положеніе и было принято социалистами какъ совершившійся фактъ, какъ исходный пунктъ ихъ предначертаній. Видя, съ одной стороны, что всѣ недвижимыя имущества подѣлены, и съ другой, что низшіе классы присуждены исключительно къ наемной работѣ, они раздѣлили всѣхъ жителей на два разряда, собственниковъ и рабочихъ, и стали разсматривать ихъ какъ два противоположныя и непримиримыя элемента современныхъ обществъ. Предметомъ ихъ заботъ и попеченій были рабочіе классы, какъ они есть, т. е. безземельные и бездомные, и такъ какъ возвращеніе имъ утраченныхъ имуществъ и раздѣлъ земель оказывались невозможными безъ всемірной революціи, то они (социалисты) не нашли другого исхода, какъ отрицаніе самаго права собственности и основанныхъ на ней правъ семействъ и наслѣдства и провозглашеніе социальной революціи. Изъ того, что этими правами высшія и среднія сословія злоупотребляли, они выводили заключенія, что они незаконны, противоестественны; изъ того, что земель не доставало для всѣхъ жителей, они заключали, что земля не должна принадлежать никому.

Такимъ образомъ, рабочій бытъ сдѣлался главнымъ предметомъ изслѣдованій и агитацій, какъ будто онъ и составляетъ естественное положеніе рода человѣческаго; вопросы объ ассоціаціи рабочихъ, наемной платѣ, рабочихъ часахъ, стачкахъ и т. п. вращались въ одномъ и томъ же кругу неразрѣшимой задачи—вывести людей немущихъ изъ кабалы людей богатыхъ и сдѣлать человѣчeskій трудъ и личную работу вполнѣ самостоятельными, независимыми отъ собственности. Изслѣдованія большей части иностранныхъ экономистовъ были посвящены почти исключительно быту городскихъ и фабричныхъ рабочихъ, которые составляютъ въ Европѣ главную и самую безпечную массу пролетаріевъ, и при этомъ все-таки упускалось изъ виду другое важнѣйшее соображеніе: изслѣдованіе того источника, откуда течетъ пролетаріатъ, а именно *сельскаго крестьянскаго быта*, который устроенъ такъ на основаніи римской и европейской юриспруденціи, что изъ него неперестанно набираются толпы новыхъ рабочихъ пролетаріевъ.

Такая постановка вопроса мнѣ кажется совершенно превратною, хотя, впрочемъ, нельзя не признать, что для европейскихъ социалистовъ она представлялась едва ли не единственнымъ средствомъ для проведенія своихъ доктринъ: — городскіе и фабричные рабочіе, уже отыкшіе отъ хозяйственной, семейной жизни, болѣе или менѣе развращенные бродяжничествомъ въ столицахъ и городахъ, утратившіе привычки и приемы сельско-земледѣльческаго быта, очень мало способны къ владѣнію и управленію поземельной собственностью, и еслибъ имъ предложенъ былъ земельный надѣлъ, то они вѣроятно отказались бы

отъ такого благодѣянія, или, принявъ, не могли бы справиться съ тяжелымъ трудомъ полевыхъ работъ, требующихъ особаго навыка.

Поэтому европейскіе социалисты принуждены были взять за исходное положеніе это состояніе низшихъ классовъ, т.-е. именно *рабочее ихъ состояніе*, немущее, бездомное, и всё ихъ предначертанія улучшенія народнаго быта исходили изъ стремленія освободить рабочихъ отъ гнета капитала и собственности, сдѣлать личный трудъ вполне независимымъ и самостоятельнымъ. Не видя возможности надѣлать рабочіе классы ниществами, и сознавая, что такой надѣль или передѣль въ странахъ густонаселенныхъ очень затруднителенъ, они по неволѣ задались идеальной задачей—сдѣлать трудъ вполне вольнымъ и безъ помощи движимыхъ или недвижимыхъ имуществъ, придумывая для этого разныя комбинаціи, которыя по сіе время не привели ни къ какимъ результатамъ.

Въ Россіи вопросъ этотъ представляется въ совершенно иномъ видѣ.

Процессъ обезземленія низшихъ классовъ и перехода сельскихъ жителей изъ крестьянскаго состоянія въ городскіе и фабричныя чернорабочіе, процессъ, доведенный до конца въ Англіи, до половины въ другихъ странахъ Европы, въ Россіи, благодаря Бога, былъ прерванъ въ самомъ началѣ. Большая часть рабочаго населенія сохранила свои недвижимыя имущества, земли и дворы, и обыватели русской земли, сельскіе и городскіе, за весьма немногими исключеніями, соединяютъ въ себѣ оба эти элемента имущества, собственность общинную или частную. Они заинтересованы въ одинаковой степени и въ выгодахъ земледѣлія какъ работи, и въ прибыляхъ и убыткахъ землевладѣнія, какъ собственности. Изъ этого, очевидно, вытекаетъ необходимость разсматривать эти интересы совокупно; ставить рабочій вопросъ отдѣльно или даже противоположно праву собственности, какъ европейскіе социалисты, значило бы разсѣкать надвое не только сельскія общества, но и самыя хозяйства, семьи, дворы, наконецъ и самыя личности, которыя попеременно въ одномъ и томъ же индивидуумѣ являются то рабочими, то хозяевами, то наемниками, то собственниками.

Крестьянинъ, какъ домохозяинъ, имѣетъ такія же нужды и пользы, какъ и прочіе собственники, онъ разсчитываетъ, какъ и крупный или средній владѣлецъ, на изобиліе урожаевъ и высокія цѣны своихъ продуктовъ, хотя такая дорогота важна хлѣбовъ, съѣстныхъ припасовъ и другихъ сырыхъ матеріаловъ, очевидно, противна интересамъ рабочихъ пролетаріевъ, городскихъ сословій и другихъ потребителей.

Но, съ другой стороны, тотъ же домохозяинъ, если собственное хозяйство не покрываетъ его потребностей или если у него остается

свободное время отъ домашнихъ работъ, ищетъ постороннихъ заработковъ, отходить на промыслы, и тутъ временно превращается изъ владѣльца-хозяина въ рабочаго-наемника, интересуясь, наоборотъ, удешевленіемъ цѣнъ на продукты и возвышеніемъ рабочей платы.

Однимъ словомъ, въ немъ, въ крестьянинѣ, сливаются интересы землевладѣнія и земледѣлія, собственности и труда, и главный вопросъ его благосостоянія разрѣшается соотношеніемъ этихъ двухъ факторовъ между собой: чѣмъ крупнѣе владѣніе, чѣмъ менѣе онъ долженъ прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, тѣмъ болѣе преобладаетъ въ крестьянскомъ состояніи элементъ землевладѣльческій, и, наоборотъ, чѣмъ мельче собственныя хозяйства и надѣлы земледѣльцевъ, тѣмъ болѣе превѣствуетъ между ними рабочій элементъ.

Это отношеніе я старался выразить общей формулой, что благосостояніе народа „будетъ тѣмъ лучше обезпечено, чѣмъ болѣе народныя массы будутъ заняты работой на себя, въ собственномъ хозяйствѣ“, или, другими словами: чѣмъ болѣе будетъ собственниково-домохозяевъ; я выразилъ это условно, потому что нельзя допустить, чтобы все рабочее населеніе круглый годъ было занято домашнимъ хозяйствомъ; въ сельскомъ быту это въ особенности невысказимо, потому что полевныя работы сами собой прекращаются, въ теченіе цѣлаго полугодія.

Отношеніе это потому указывается самой природой, по крайней мѣрѣ въ нашихъ сѣверныхъ климатахъ, и личный наемный трудъ представляется естественнымъ подспорьемъ хозяйственнаго земледѣльческаго промысла.

Вотъ тѣ начала, которыя я старался провести въ моемъ сочиненіи.

Не знаю, отъзываются ли онѣ коммунизмомъ или социализмомъ, но, во всякомъ случаѣ, они исходятъ не изъ вымысловъ и предположеній, но изъ дѣйствительнаго, нынѣ существующаго быта нашего народа, и приводятъ не къ разрушенію правъ собственности и семейства, а къ укрѣпленію ихъ за всѣми сословіями и упроченію ихъ осѣдлаго, хозяйственнаго быта. Если же предвидѣть замѣнительства, постигшія всѣ гражданскія общества отъ неправильнаго распредѣленія имущества, предостерегать отъ нихъ своихъ современниковъ заранѣ, когда еще остается много свободныхъ земель и есть возможность согласить интересы собственниково-домохозяевъ съ выгодами рабочихъ—если это значитъ проводить коммунистическія, антисоціальныя доктрины, то я долженъ принять на душу эту вину.

Другой мой оппонентъ сдѣлалъ мнѣ такое возраженіе, а именно: „что право полной собственности на земли, съ предоставленіемъ крестьянскимъ общинамъ права отчуждать ее, противоположно стариннымъ народнымъ понятіямъ о правѣ всѣхъ и каждаго на пользованіе пустопорожной землей“.

Далѣе онъ говоритъ: „для успѣха колонизаціи необходимо предоставить переселенцамъ право выбирать мѣста, право перемѣнять ихъ въ случаѣ ошибки, возможной при выборѣ. Этими самими уже исключается (какъ общее правило) мысль о покупкѣ переселенцами земли въ колонизируемыхъ мѣстностяхъ, и остается возможною лишь та форма, къ которой нашъ народъ привыкъ, *форма оброчнаго владѣнія на неопредѣленный срокъ, съ правомъ перехода ренты на новую землю*. Фактъ бродяжничества не долженъ устрашать никого, такъ какъ отъ добра добра не ищутъ“.

Заключеніе г. рецензента состоитъ въ томъ, „что въ смыслѣ общаго правила слѣдуетъ сохранить въ колонизируемыхъ мѣстностяхъ форму пользованія землею за оброчную повинность или особую форму неизмѣнной ренты, выплачиваемой поселенцами какъ бы съ тѣмъ, что впоследствии, если поселеніе получитъ вѣрность, то поселенцы добровольно могутъ выкупать ее въ собственность“¹⁾.

Это составляетъ, если я не ошибаюсь, единственный предметъ моего разногласія съ авторомъ означенной статьи, и я искренно ему благодаренъ, что онъ даетъ мнѣ случай разъяснить этотъ вопросъ, по существу очень спорный.

Я, во-первыхъ, позволю себѣ выразить сомнѣніе, чтобы „народное понятіе о правѣ каждаго на пустопорожной земли“ было прилѣпимо къ настоящему крестьянскому быту. Понятіе это дѣйствительно есть въ народѣ или, вѣрнѣе сказать, было въ тѣ уже отдаленныя времена, когда пустыхъ земель было болѣе, чѣмъ желающихъ на нихъ водворяться; тогда и крестьяне и помѣщики поселялись на неизвѣданнымъ и неотмежеваннымъ дачахъ, владѣя чѣмъ Богъ послалъ, куда ходили топоръ и коса; для таковой заимки не требовалось никакого акта, никакого межеванія. Но волею судьбы потребовалось указаніе границъ, отрѣзка участковъ, то право каждаго стѣснилось правами другихъ, и прежнія смутныя понятія о правѣ на пустыя земли умекали только нашихъ крестьянъ къ безтолковому вочеванью на Амурь-рѣку, на теплую воду, на камуш-то нарусинную фабрику, гдѣ они находили вмѣсто дарового нахѣла—разореніе.

Плата за землю въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ мы ее полагаемъ, составляетъ такой ничтожный процентъ при переселеніи, что успѣхъ

¹⁾ „Нов. Вр.“, 11 авг. 1877 г.

колонизаціи зависить не оттого, даромъ ли или за плату приобретаются земли, а гораздо болѣе оттого, чтобы были сокращены или облегчены надѣржки на переѣздъ, отысканіе мѣста и формальности на ввѣдъ во владѣніе.

Но главное возраженіе относится къ тому, что я предполагаю отводить земли подъ поселенія въ полную собственность, и это, по мнѣнію рецензента, противорѣчитъ и древне-русскимъ принципамъ и народнымъ понятіямъ о мірскомъ, неотчуждаемомъ владѣніи. Тутъ дѣйствительно приходится совмѣстить самые разнородные интереси: съ одной стороны, надо предвидѣть, что будетъ много таквихъ случаевъ, что цѣлыя сельскія общества, или артели, подвинутся на переселеніе и, вѣроятно, перенесутъ и на новыя мѣста свои мірскіе, общественные порядки; но, съ другой стороны, нельзя не предполагать, что представится еще больше случаевъ одиночныхъ переселеній, и спрашивается: нужно ли ихъ стѣснить необходимыми условіями, чтобы они заранѣе приписались къ обществу людей, или желательныхъ, или чтобы они предварительно отыскали товарищей для основанія на новыхъ мѣстахъ новаго общества?

Такия условія были бы равносильны полному запрещенію переселенія для отдѣльныхъ домохозяевъ и семействъ, а между тѣмъ, по нашимъ понятіямъ, такіе отдѣльные переходы именно и желательны: переселеніе цѣлыми обществами всегда сопряжено съ большими смутами, и совершается только тогда, когда гнетъ и неудобства дѣлаются невыносимыми; такъ, напр., можно ожидать, что много изъ крестьянъ, имѣвшихъ неосторожность принять четвертой надѣль, захватить желаніе переселиться цѣлыми семьями или многочисленными группами: изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ крестьянскія земли рѣшительно не выносятъ податныхъ окладовъ, можно ожидать такихъ переселеній цѣлыми обществами, если, слѣдующимъ прибавить, податная реформа не предупредитъ такого печальнаго кризиса. Но эти случаи и подобныя составляютъ исключительныя, чрезвычайныя явленія, происходящія изъ ошибочныхъ мѣръ, принятыхъ при освобожденіи крестьянъ, и которыя должны быть регулированы одновременно другими мѣрами. Мы же имѣли въ виду настоящую систему колонизаціи, постоянный отливъ нѣкоторой части населенія изъ густо населенныхъ и малоземельныхъ мѣстностей на новыя мѣста и постоянную прибавку душъ, которая никакими мѣрами не можетъ быть прекращена.

Это движеніе обнаруживается другимъ порядкомъ, а именно—выселеніемъ отдѣльныхъ семействъ, которыя уступаютъ свои полосы другимъ односельцамъ и черезъ это восстанавливаютъ правильную пропорцію между землей и рабочими силами. Этого рода переходы настолько же желательны, настолько же полезны въ общемъ эконо-

ническаго отношенія, насколько переходы цѣлыми обществами въ томъ же отношеніи вредны. Для нихъ-то я полагаю неизбѣжнымъ допустить приобрѣтеніе участковъ по-семейно и въ полную собственность, предоставляя ихъ собственной инициативѣ вносильцамъ приписываться въ сельскія общества или основывать таковыя новыя между собой на общемъ мірскомъ положеніи ¹⁾).

Въ сущности мое разсмотрѣніе со многими омишлентами заключается въ томъ, что они ожидаютъ отъ общиннаго (т.-е. мірскаго) начала болѣе, чѣмъ я,—что оно предотвратитъ эксплуатацию крестьянъ посторонними аферистами и домашними кулаками, удержитъ между ними равенство состояній и предохранитъ ихъ отъ сельскаго пролетаріата. Я же, отдавая преимущество общинному землевадѣнію передъ участковымъ, вижу въ немъ только одно изъ средствъ предупредить до известной степени эти злоупотребленія и ихъ быстрое развитіе. Въ совокупности съ другими мѣрами оно можетъ имѣть благое дѣйствіе; если, напр., сельскимъ обществамъ открытъ будетъ общедоступный кредитъ, возмное страхованіе отъ огня и надежа скота, то лихонство кулаковъ и аферистовъ будетъ значительно укрощено; если малоземельнымъ крестьянамъ будетъ дана возможность переселиться и приобрѣтать новыя земли, то процентъ безземельныхъ крестьянъ будетъ меньше — и для всѣхъ таковыхъ мѣропріятій ниша мірская организація имѣетъ громадные преимущества передъ подворными поселеніями. Въ этомъ-то именно отношеніи я ее и защищаю, какъ грубую, но плодородную почву, на которой могутъ быть предприняты другія насажденія съ большими удобствами, какъ сѣть общественныхъ садовъ, основанныхъ на взаимности и представляющихъ готовымъ надры для другихъ учреждений, опирающихся тоже на взаимности интересовъ.

Но этой организаціи надо помогать для ея правильнаго будущаго развитія. Если же изъ опасенія нарушить принципы, пошатнуть самостоятельность крестьянскаго самоуправленія, ми будемъ отставать

¹⁾ Я глубоко убѣжденъ, что большая часть русскихъ переселенцевъ, если даже они первоначально и будутъ селиться подворно, вносильцамъ, при первой возможности, сомкнутся въ сельскія общества или припишутся къ нимъ существующимъ обществамъ, и что мірской порядокъ разверстки земель по рабочимъ силамъ введется самъ собой и въ новыя поселенія. Но я не вижу возможности установить общинное вадѣніе обязательное при самомъ подворнѣи, потому что, приходя изъ дальнихъ странъ въ незнакомую ему среду, переселенецъ не можетъ дать своимъ односельчанамъ никакого обезпеченія въ своей исправности, а требовать, чтобы они приняли съ самаго начала новопришедшаго въ свою круговую поруку,—значитъ подрывать самое значеніе таково поручительства.

его грубыя и положительно вредныя проявленія, то едва ли русскій сельскій міръ устоитъ противъ всемогущихъ элементовъ, ему враждебныхъ, и мы окажемъ ему медвѣжью услугу. Такъ, напримѣръ, можно ли допустить съ тѣмъ же рецензентомъ: „что для колонизаціи остается возможнымъ только форма оброчнаго владѣнія на неопредѣленные сроки съ правомъ перехода опять на новыя мѣста?“—или „что бродяжничества не надо опасаться, потому что отъ добра — добра не ищутъ“.

Да, дѣйствительно отъ добра не слѣдуетъ искать добра; но вотъ какое добро неминуемо послѣдуетъ изъ той формы владѣнія, которая предлагается въ означенной статьѣ—за оброчную возможность съ правомъ перехода на другія мѣста: земледѣлецъ, если онъ трудолюбивъ и смѣливъ, въ первые же годы распашетъ весь свой участокъ и засѣетъ его наиболее цѣнными и истощающими почву продуктами: льномъ, просомъ, бѣлотуркой, кубанкой; затѣмъ въ послѣдующіе годы и нѣсколько лѣтъ сразу воздѣлаетъ на тѣхъ же мѣстахъ сѣрые хлѣба, рожь и овесъ, и когда и они перестанутъ родиться, онъ броситъ выпаханную землю и заявитъ право перехода на новыя мѣста.—Онъ будетъ дѣйствовать по прямому, совершенно основательному расчету, не дѣлая затратъ, не улучшая почву, но извлекая изъ нея всю пользу, все добро, какое въ ней есть, и бросая ее, когда это добро исчерпано.

Такъ-то, потворствуя дурнымъ привычкамъ, грубымъ инстинктамъ простого народа, можно дойти до предположеній, угрожающихъ разореніемъ всей русской землѣ, и подъ предлогомъ удовлетворенія насущныхъ потребностей подрывать благосостояніе самого народа.

Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что предположенія, подобныя этому, совершенно соотвѣтствуютъ духу, привычкамъ, желаніямъ нашихъ крестьянъ; усидчивый, прилежный трудъ—имъ мѣня по праву; престоур степей и луговъ, приволье лѣсовъ и выгоновъ, споркая работа, распашное хозяйство,—вотъ что составляетъ излюбленную мечту нашихъ хлѣбонашцевъ, переданную имъ отъ отцовъ и дѣдовъ, которые дѣйствительно пользовались неограниченнымъ привольемъ прежнихъ временъ. Поэтому надо признать, что предлагаемая форма поселеній „на неопредѣленный срокъ“ и съ „правомъ перехода“ была бы принята съ восторгомъ бблшей частью переселенцевъ. Но это-то и составляетъ, по нашему разумѣнію, главную опасность таковыхъ предположеній, еслибъ они когда-либо могли состояться; за кратковременнымъ увлеченіемъ послѣдовало бы горькое разочарованіе, и за первыми переселенцами, выбравшими лучшія земли и извлекавшими изъ нихъ лучшіе соки, послѣдовали бы другія толпы, которыя горько бы поплатились за благодѣнія, оказанныя ихъ предшественниками.

Я думаю, что мое разногласіе съ некоторыми указанными новыми ориентирами происходит именно отъ той различной точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на аграрный вопросъ; они полагаютъ, что разнѣрное распредѣленіе поземельной собственности есть высшая цѣль, къ которой должны стремиться благоустроенныя общества, и въ этомъ я съ ними согласенъ, но съ одной существенной поправкой: чтобы при такомъ распредѣленіи соблюдались и существующіе интересы народнаго хозяйства, т. е. охранялись плодородіе почвы, растительность лѣсовъ и другія условія рациональнаго хозяйства. Отъ этого взгляда мой на поземельныя отношенія выходитъ нѣсколько иной, чѣмъ у нихъ, менѣе широкій, но болѣе опредѣлительный: я желаю бы, чтобы при новыхъ поселеніяхъ и при отводѣ новыхъ земель соблюдалась строгая бережливость, чтобы голословныя заявленія и жалобы крестьянъ на малоземелье не принимались всегда на вѣру, чтобы разнѣры надѣловъ соображались съ действительными рабочими силами, чтобы хлѣбонашцы были заинтересованы въ поддержаніи производительности почвы—и все это я считаю нужнымъ, во-первыхъ, для того, чтобы запасъ земель преждевременно не истощился легкомысленной раздачей въ даръ людямъ, неспособнымъ къ работѣ, и, во-вторыхъ, чтобы онъ былъ сберегаемъ для земледѣльцевъ, наиболѣе нуждающихся и трудолюбивыхъ.

Государственная территорія имѣетъ свои предѣлы, но приращеніе населенія безгранично; производительности почвы и растительности лѣсовъ, злаковъ и хлѣбовъ поставлены природою неизмѣнимыя границы, но потребностию человека нѣтъ предѣловъ. Увлечать простой народъ такими соблазнительными мечтами, какъ широкій и даровой надѣлъ, частые передѣлы и переходы съ одного мѣста на другое—это значитъ—учитывать громадными процентами его же собственную будущность и завѣщать грядущимъ поколениямъ уплату протестовавшаго векселя.

Я перехожу затѣмъ къ двумъ статьямъ, помѣщеннымъ въ двухъ послѣдующихъ номерахъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ 1877 года, и такъ какъ онѣ принадлежатъ, если не ошибаюсь, двумъ различнымъ авторамъ, взгляды которыхъ на мой трудъ нѣсколько различны, то я долженъ отвѣчать на нихъ отдѣльно.

Въ первой изъ этихъ статей сочиненіе мое разбивается на двѣ части, теоретическую и практическую, и насколько одна кажется удовлетворительной, основательной рецензенту, настолько же вторая признается „никуда негодною“. Послѣ многихъ одобрительныхъ отзывовъ объ отдѣльныхъ моихъ сужденіяхъ, онъ открываетъ совер-

неспособность ихъ и противорѣчіе между принципами и ихъ примѣненіями, въ особенности же восстаетъ противъ многихъ исчисленій крестьянскихъ земель, нормальныхъ размѣровъ вадѣль; заставляетъ сомнѣніе, что количество ихъ преувеличено, и что вообще цифры у меня приводятся разныя на разныхъ страницахъ и, какъ онъ выражается, „танцуютъ“.

На это замѣчаніе я долженъ обратить тѣмъ болѣе вниманія, что дѣйствительно числовыя данныя въ моемъ сочиненіи могутъ казаться нѣсколько сбивчивыми, несмотря на то, что я старался, сколько могъ, согласить разногласіе статистическихъ показаній. Но относительно крестьянскихъ земель въ Россіи я придерживался официальныхъ исчисленій, которыя несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ, потому что въ нихъ не включаются земли, пріобрѣтенныя крестьянами въ частную собственность; кромѣ того, изъ разныхъ показаній я выбиралъ самыя утѣренныя и выкидывалъ изъ итоговъ тѣ цифры, которыя значительно измѣняютъ средніе выводы, какъ, напр., земли крестьянъ сибирскихъ губерній, коимъ приходится на душу 18,93 десятинъ. Главнымъ руководствомъ мнѣ служили труды податной комиссіи и труды комиссіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства, изъ коихъ первые изданы въ 1870, а вторые—въ 1878 годахъ, и хотя извѣстно, что въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ покупка земель крестьянами и переселенія на новыя земли производились въ большихъ размѣрахъ, я принялъ цифры, опубликованныя въ 1870 г. Общій итогъ собственно крестьянскихъ земель составляетъ 116 милліоновъ, и эта цифра, приведенная и въ новѣйшихъ статистическихъ трудахъ профессора Якоба, служила мнѣ основаніемъ для дальнѣйшихъ исчисленій. Г-нъ рецензентъ говоритъ, что въ другомъ мѣстѣ я насчитываю 158 милліоновъ дес. и причисляю къ крестьянскимъ владѣніямъ казачьи земли. Это не такъ: я дѣйствительно имѣлъ въ виду отличить мелкое землевладѣніе отъ крупнаго, и вывести пропорцію между ними по всей имперіи; при этомъ я полагалъ, что крестьянскія хозяйства отличаются отъ помѣстнаго владѣнія не однимъ наименованіемъ, но самымъ порядкомъ веденія хозяйства, а именно тѣмъ, что въ первыхъ главныя работы производятся самимъ домохозяиномъ съ помощью домохадцевъ, а во вторыхъ—наемными рабочими. На этомъ основаніи я причислилъ къ землямъ, называемымъ официально „крестьянскими“,—земли, состоящія во владѣніи служилыхъ казаковъ, и земли колонистскія, такъ какъ онѣ имѣютъ тотъ же характеръ мелкаго землевладѣнія, эксплуатируемаго хозяевами; далѣе, я также исключилъ изъ помѣстныхъ земель участки менѣе 19 десят. и городскія общественныя земли и причислилъ ихъ къ мелкому владѣнію по той же причинѣ, что они хотя и не называются крестьян-

скими, но по размѣру своему принадлежать въ той же категоріи нашихъ владѣній,—и изъ этихъ цифръ вышелъ общій итогъ 156 и 164 милл. десятинъ. Но этотъ расчетъ сдѣланъ только для того, чтобы вывести, какъ сказано, пропорцію между помѣстной собственностью и мелкими земледѣльческими хозяйствами и чтобы показать, что послѣднія составляютъ въ Россіи преобладающій элементъ поземельной собственности; относительно же собственно крестьянскихъ земель, въ тѣсномъ смыслѣ, я придерживался во всѣхъ моихъ расчетахъ цифръ, выведенныхъ на стр. 494, но коимъ приходится на 22.544,583 душъ (за исключеніемъ Омбири)—116.103,790 десятинъ или въ средней сложности 5,1 десятины на ревизскую душу ¹⁾).

Г-нъ рецензентъ также неточно цитируетъ другое мѣсто моего сочиненія, говоря, что я полагаю, что максимумъ надѣла на 1 дворъ, состоящій изъ 3-хъ рабочихъ душъ, долженъ быть не болѣе 10—15 десятинъ. Изъ этого можно бы заключить, что я рассчитываю надѣлъ 10—15 на трехъ полныхъ рабочихъ мужского пола, между тѣмъ какъ я считалъ на 1 дворъ только 1½: мужика рабочаго возраста и остальные полурабочіе, бабы и подростки. Максимумъ надѣла я вовсе не определяю, а говорю только о нормальномъ, т. е. среднемъ надѣлѣ, и вывожу его изъ слѣдующихъ цифръ: всѣхъ крестьянскихъ

¹⁾ Тотъ же упрекъ въ неослѣдовательности и въ сбивчивости цифръ мнѣ дѣлается и другимъ рецензентомъ, въ журналѣ „Недѣля“, № 32, 1877 г., потому что я въ одномъ мѣстѣ говорю, что въ сѣверной полосѣ крайній предѣлъ крестьянскаго подворнаго надѣла будетъ 10 десятинъ, а въ другихъ, что средній нормальный надѣлъ надо принять въ 15 десат. Это не противорѣчіе: на тяжелыхъ почвахъ сѣверной полосы, требующихъ навоза, обработка 10 десат. труднѣе, чѣмъ 20 на черноземк; уборка хлѣбомъ и сѣна въ сырыхъ климатахъ вдвое продолжительнѣе, и поэтому, принимая для однихъ мѣстностей норму въ 10 дес., а для другихъ въ 20, мы и выводимъ среднюю цифру въ 15.

Вообще, большая часть моихъ критиковъ приписываютъ мнѣ совершенно негѣрное мнѣніе, будто я утверждаю, что крестьянскіе надѣлы вообще во всей Россіи достаточны. Я говорю, что въ общей сложности итогъ крестьянскихъ земель соответствуетъ рабочимъ силамъ нашихъ сельскихъ жителей, но въ частности представляются такіа крупная исключенія, что распредѣленіе земель въ дѣйствительности выходитъ очень неравномѣрное. Еслибы я былъ того мнѣнія, что крестьяне надѣлены достаточно землею, то съ какой стати предлагалъ бы колонизацію, устройство кредита для переселенія и другія мѣры для уравненія надѣловъ? Но другое дѣло—уравненіе, посыланіе недостаточныхъ надѣловъ—и общее заключеніе о будто бы всеобщемъ малоземельи нашихъ крестьянъ. Въ этомъ я рѣшительно не раздѣляю мнѣнія моихъ оппонентовъ, точно такъ, какъ и не вижу пользы въ отводѣ крестьянамъ лѣсныхъ угодій: лѣсная культура, по долгосрочности своей, требуетъ особенной бережливости, которая стѣснительна для бѣдныхъ хозяевъ, имѣющихъ крайнія настоянія нужды, и лѣсныя дачи, отведенныя крестьянамъ, были бы мгновенно истреблены и распроданы; я, напротивъ, полагаю, что даже и помѣщичьи лѣсы должны быть охранены отъ произвола владѣльцевъ.

дворовъ считается въ имперіи (все-таки за исключеніемъ Сибири) — 7.361,769. Число рабочихъ въ селеніяхъ, по имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ, въ точности не выведено, но по расчетамъ возраста и на практикѣ оно обыкновенно равняется немного болѣе половинѣ ревизскихъ душъ, 50 или 52%, такъ что, зная итогъ ревизскихъ душъ (22.437,301 крестьянъ муж. пола) можно приблизительно считать между ними—11.218,000 полныхъ мужиковъ рабочихъ, владѣющихъ 116.103,720 десятинами.

На 1 дворъ приходится	15,77 дес.
„ 1 рабочего приходится	10,84 „
„ 1 ревизскую душу приходится	5,1 „

Эти-то цифры служили мнѣ исходнымъ положеніемъ для дальнѣйшихъ сужденій о крестьянскомъ владѣніи.

Затѣмъ я старался разъяснить себѣ одинъ изъ самыхъ трудныхъ, но существенныхъ вопросовъ сельскаго хозяйства—*сколько дееспособными и муловъ можетъ обрабатывать взрослый крестьянинъ съ помощью бабы и малолѣтнихъ дѣтей*. Для этого я сначала обратился къ многостороннимъ изслѣдованіямъ и опытамъ иностранныхъ экономистовъ и хозяевъ, и нашелъ, что, смотря по климатамъ и порядку культуръ, пропорція эта колеблется между 10 и 20 десятинами на 1 дворъ.

Въ умѣренныхъ климатахъ сѣверной Германіи полный тягловой участокъ, *Hufe, spannfähige Bauernstelle*, полагается въ 10—15 десятинъ, въ Шотландіи, *hilde*, въ 12 дес., въ Лявѣ и Подшѣ, *уволока*, въ 20 дес.; при интенсификаціи культуръ и лучшей почвѣ, какъ, напр., въ южной Англій, на 1 рабочего полагается запашки не болѣе 15 акровъ (около 6 дес.); англійскіе экономисты рассчитываютъ, что фермы не болѣе 30 акровъ (11—12 дес.) обыкновенно воздѣлываются самими фермерами-хлѣбопашцами, фермы въ 30 и до 75 акровъ (27 десятинъ) ими же, но съ помощью батраковъ, а болѣе крупныя эксплуатируются арендаторами-господами (*gentlemen's farms*) посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Въ прибалтійскомъ краѣ, по свидѣтельству одного изъ опытнѣйшихъ агрономовъ, профессора Миттендорфа, участки въ 8—12 десятинъ обрабатываются самими домохозяевами, при болѣе крупныхъ размѣрахъ, отъ 20 до 50 десятинъ—крестьянско-хозяинъ долженъ держать отъ 2—3 рабочихъ.

При этомъ я обращаю вниманіе моихъ оппонентовъ на слѣдующее обстоятельство: *во всѣхъ странахъ, гдѣ крестьянскіе дворы превосходятъ известную среднюю пропорцію, они мало-по-малу приняли характеръ полнѣйшей собственности, то-есть обрабатываются батраками или сдаются въ аренду: такъ въ Пруссіи, гдѣ полныя крестьянскіе дворы состоятъ изъ 25 и до 100 дес., такъ и въ остзейскомъ*

край, такъ и въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, гдѣ на душу отвѣдено по 50—60 дес.: одинокіе и слабѣе хозяева, не осиливая обработку такихъ пространныхъ владѣній и стѣсняемые поземельнымъ сборомъ, на нихъ лежащимъ, распродаютъ или уступаютъ свои участки болѣе зажиточнымъ односельцамъ. Не довольствуясь этими указаніями и предвидя возраженіе, обыкновенно у насъ дѣлаемое, что Европа намъ не указъ, я обратился къ сѣверной Америкѣ, гдѣ пустыхъ земель также изобильно, какъ въ Россіи, и гдѣ демократическія начала строго соблюдаются: по извѣстному акту конгресса 1785 года, участки подъ поселенія отводились въ размѣрѣ 40 акровъ (почти 15 десятинъ) и за плату, разсроченную на 5—7 лѣтъ по $1\frac{1}{4}$ доллара за акръ, что составляетъ за полный участокъ около 62 рублей.

Послѣ этого я перешелъ къ соображенію о томъ, можетъ ли эта пропорція быть принята въ Россіи, слѣдуетъ ли ее уменьшить или увеличить,—другими словами: можетъ ли русскій рабочий обработать столько же земли, какъ нѣмецкій или американскій, болѣе или менѣе? Тутъ я прежде всего долженъ былъ замѣтить, что сезонъ полевыхъ работъ продолжается у насъ 5—6 мѣсяцевъ, а въ другихъ краяхъ 7—8, также—что русскій православный мужикъ празднуетъ въ году, кромѣ воскресній, по меньшей мѣрѣ, 40 дней, а крестьянинъ-протестантъ не болѣе 7—10 дней, и что поэтому трудно предположить, чтобы нашъ земледѣлецъ могъ обработать въ 120—150 дней одноконной сохой столько же, какъ нѣмецъ или англичанинъ въ 200 дней и пароконнымъ плугомъ. Изъ сравненія и сопоставленія этихъ обстоятельствъ я убѣдился, что крестьянское земледѣніе должно быть рассчитано по извѣстной нормѣ рабочихъ силъ, и что норма, выведенная по опыту другихъ странъ, должна быть скорѣе уменьшена, чѣмъ увеличена въ Россіи.

Но противъ этого намъ дѣлали очень вѣскія возраженія словесно и въ печати.

Какъ же можно сравнивать, говорили мнѣ, наши русскія холодныя и тяжелыя почвы съ плодородными нивами средней Европы и съ дѣвственными преріями Америки? Тамъ десятина дастъ 10—12 зеренъ, у насъ 3—4, и не ясно ли какъ $2 \times 2 = 4$, что у насъ надѣлъ долженъ быть вдвое-втрое больше, если урожай меньше!!!

Но это совсѣмъ не ясно; еслибъ, по милости Божьей, хлѣба и всякіе продукты производились сами собой, выросли изъ почвы безъ труда человека, то расчетъ вышеприведенный былъ бы вѣрнымъ, но за наши грѣхи благодать эта намъ не дана, и чтобы обезпечить

земледѣльца—недостаточно относить ему землю, нужно дать ему и рабочую силу, соответствующую его нуждѣ. Если же въ Германіи и Америкѣ полный годовоіі урокъ рабочаго считается 10 — 15 дес., то спрашивается: можетъ ли русскій земледѣлецъ обработать столько же? Тяжелыя, мокрыя почвы, лежащія 6 мѣсяцевъ подъ снѣгомъ, поднимаются ли легче? Голые пески, которые укрываютъ всю западную полосу Россіи, требуютъ ли менѣе удобренія? Сильнѣе ли у насъ рабочей скотъ, лучше ли наши орудія, образованнѣе ли наши хлѣбопашцы? Слѣдя этой светелѣ, что чѣмъ хуже земля и чѣмъ болѣе ее нужно для пропитанія, тѣмъ обширнѣе должны быть владѣнія, можно придти къ такимъ выводамъ, которые прямо подрываютъ земледѣльческій бытъ, расширяя его до безпредѣльности. Поэтому вѣрнѣе, мнѣ кажется, принять обратное положеніе—*что чѣмъ хуже земля, чѣмъ короче лѣто, чѣмъ суровѣе климатъ, тѣмъ болѣе требуется работы на то же пространство для произведенія такого же количества зерна и соломы, и тѣмъ менѣе будетъ и пространство, обрабатываемое однимъ земледѣльцемъ.*

Но и этимъ мои оппоненты не убѣждаются. Разсчитывайте вы какъ хотите,—говорятъ они,—но вѣрно то, что нашъ мужикъ пахать гораздо болѣе, чѣмъ полагается на рабочаго, по вашимъ же исчисленіямъ; что онъ, во времена бны, работалъ на барина 3 дня въ недѣлю, что онъ и теперь своей пашней не довольствуется, вездѣ и всегда старается прихватить земли и вездѣ жалуется на тѣсноту и мало-земелье.

Еслибы подобные аргументы не приводились иногда людьми серьезными и практическими, мы бы приняли ихъ за шутку или за отзывъ людей, никогда не видавшихъ крестьянской пашни. Да, дѣйствительно, такъ, какъ производится у насъ пахота, можно вспахать не 20 дес., а пожалуй 40—50: забирая борозду по-шире и по-мельче и привязывая къ поясу позади пахаря влачу съ деревянной боронной; можно скосить много луговъ, оставляя прокосы, обходя кочки, корни и пни, которые на слѣдующій годъ заростутъ такой порослью, которую коса уже болѣе никогда не возьметъ; можно жать хлѣбъ повыше, вязать его похуже, убирать въ прозелень одну часть хлѣба, чтобы не дать оснаться второй, однимъ словомъ, работая спорко, размашисто и небрежно, какъ любить работать русскій мужикъ, можно воздѣлывать большія пространства и производить мало хлѣба, что и составляетъ отличительную черту нашего крестьянскаго хлѣбопашества. Когда въ добавательство малоземелья приводится, что большая часть нашихъ крестьянъ снимаютъ земли помѣщичьи, казенныя, удѣльныя, то это доказательство такъ же слабо, какъ и предыдущія, ибо

въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ они арендуютъ чужія угодья, очень часто крестьяне оставляютъ свои посевы впустѣ.

Главная черта крестьянскаго хозяйства слѣдующая: работа небрежно, ворочая сохой, изъ-году-въ-году, тотъ же самый малый, верхній пластъ земли, и не имѣя достаточнаго числа скота и удобрения, наши земледѣльцы, по-крайней-мѣрѣ, въ сѣверо-западной и центральной полосѣ, окончательно уже выпалили свои деревенскія земли и для своихъ посѣвовъ должны искать свѣжихъ новыхъ земель; они ихъ забираютъ *околоко могутъ вспахать*, но гораздо *болѣе, чѣмъ могутъ порядочно обработать и своевременно убрать*, и для того, чтобы прихватить гдѣ-либо новыя, цѣлину, рѣвы, лядины, бросаютъ и запускаютъ свою коренную, истощенную пашню; для того, чтобы вымочить лѣнь, вымолотить хлѣбъ въ дальней пустешѣ или степи, оставляютъ свой хлѣбъ подъ дворами на борню или въ сенокѣхъ, однимъ словомъ, они снимаютъ чужія земли не потому, что у нихъ земли мало, но потому, что ихъ земли выпаланы и измурены, и что на нихъ, кромѣ сѣрыхъ хлѣбовъ, ржи и овса, ничего не родится.

Вотъ въ этомъ-то заколдованномъ кругу вращается земледѣліе нашихъ крестьянъ: они издавна распахали свои луга и выпалили свою пашню и вмѣсто того, чтобы исправить ее лучшей культурой, унавоживать, осушать, забираютъ все шире и шире новыя земли, которыя истощаются еще скорѣе, потому-что лежатъ отъ дворовъ дальше и унавоживаются еще менѣе. Землевладецы съ своей стороны возвышаютъ цѣны на сдаточныя земли, но ни мало не заботятся о поддержаніи ихъ производительности, продаютъ ихъ безъ надзора хищнической культурѣ съѣмщиковъ, и вмѣстѣ, дружно, безъ зазрѣнія, ревнуя о разореніи своихъ хозяйствъ, жалуются одни на малоземелье, другіе на бездоходность имѣній, на которыя не прилагаютъ ни порядочнаго труда, ни необходимыхъ затратъ.

Въ этомъ положеніи нашего сельскаго хозяйства я считаю, что дополненіе крестьянскаго наѣла въ общей массѣ не принесло бы пользы и могло бы причинить большой вредъ, способствуя распространенію хищнической культуры и дальнѣйшему запущенію коренныхъ мірскихъ пашень.

Это и есть то предположеніе, которое окончательно скомпрометтировало меня въ глазахъ почтеннаго моего рецензента, и въ пылу негодованія, чтобы выставить противоположность моихъ принциповъ, онъ пишетъ, что „самъ же князь Васильчиковъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 689) приводитъ, что у насъ работники обрабатываютъ 14 дес.“. Я раскрываю стр. 689, и вижу, во-первыхъ, что это ничу вовсе не я, а г. Чаславскій въ статьѣ „Торговля въ Ригѣ“, которая выписана

у меня на означенной страницѣ, и, во-вторыхъ, что это мѣсто, приведенное изъ другого сочиненія, вполне подтверждаетъ мое мнѣніе и самымъ убѣдительнымъ примѣромъ: г. Чаславскій,—одинъ изъ тѣхъ немногихъ публицистовъ, которые собираютъ свѣдѣнія о русской землѣ не за письменными столами, а по мѣстамъ,—описывая быть одной волости Курской губ., приводитъ очень замѣчательный фактъ:

Въ волости считается ревизскихъ душъ—2645 и изъ нихъ взрослыхъ работниковъ - мужиковъ — 1350. Они имѣютъ своихъ земель только по 2,75 дес. на душу, а всего 7287 д., но снимаютъ въ экономіи князя Юсупова по цѣнѣ 7½ р. за десятину—5500 д.; между тѣмъ изъ общаго числа 1350 рабочихъ уходятъ на заработки—650, такъ-что вся обработка 12.787 дес. лежитъ на 750 рабочихъ. Откидывая парное поле, г. Чаславскій считаетъ, „что на каждого остающагося дома работника приходится по 14 дес. пашни въ двухъ поляхъ“, и тутъ же прибавляетъ: „понятно, до какой степени несовершенна должна быть обработка при такихъ размѣрахъ запашки“.

Далѣе, тотъ же авторъ приводитъ расчетъ совершенно-вѣрный изъ другой мѣстности, тамбовской губерніи, гдѣ средний надѣлъ:

на душу	4,08 дес.
„ одинъ дворъ	18 „
„ одного рабочаго	6,12 „

На одинъ крестьянскій дворъ при 3,17 рев. душахъ и 1½ рабочихъ муж. поля и 1½ женскаго поля приходится въ такъ-называемую лѣтнюю страду:

Сжать и убрать 4 дес. овсянаго	40 дней.
„ „ „ 4 „ ярового	24 „
Заложать, посѣять и оборонить 4 дес. овсянаго	24 „

Всего . . 88 дней.

Лѣтняя страда, какъ извѣстно, продолжается у насъ около 6 недѣль, съ 15 іюля по 1 сентября; въ это время должны непременно совершиться всѣ вышеупомянутыя работы. Если исключить изъ 6 недѣль (42 дня), 6 воскресеній и 6 праздниковъ (Ильинъ день, Преображенье, Успенье, Флора и Лавра, Усѣновеніе главы Предтечи и Александровъ день 30 августа), то остается на цѣлый дворъ (считая 1½ рабочихъ мужскаго поля и 1½ женскаго поля)—90 дней. Это расчетъ математическій, но природа математики не соблюдаетъ, и на 90 дней обыкновенно посылаетъ нѣсколько дней дождя и ненастья, такъ-что при 4-хъ-десятинномъ надѣлѣ крестьянинъ едва ли успѣетъ своевременно убрать и посѣять свой хлѣбъ.

Но онъ положительно можетъ вспахать и оборонить гораздо больше, потому что на яровой посѣвъ имѣетъ до 30 и болѣе дней,

начиная въ апрѣлѣ посѣвъ картофеля, овса, и кончая въ исходѣ мая посѣвомъ ячменя, льна, гречи; въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ бабы также пахутъ, а мальчики 10—15 лѣтъ боронятъ, онъ легко можетъ приготовить весной пашни десятины 8—10, въ особенности если довольствуется однимъ взметомъ, какъ это зачастую и дѣлается. Эту-то непропорціональность между посѣвомъ и уборкой крестьянинъ постоянно упускаетъ изъ вида, и отъ этого выходитъ, что онъ засѣваетъ — особенно яровыхъ хлѣбовъ — болѣе, чѣмъ можетъ убрать, что хлѣбъ осыпается и проростаеъ въ снопахъ, и что изъ урожая 5—6 четвертей онъ вымолачиваетъ 3 или 4, — остальные потерины невозвратно, не по волѣ Божьей, и не по дурному качеству почвы, а потому собственно, что, по широкой нашей натурѣ, мы забираемъ болѣе пространства, чѣмъ можемъ обработать.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ меня принять для крестьянскаго двора норму въ 10—15, соотвѣтствующую 4—5 дес. на ревизскую душу. Рецензентъ спрашиваетъ меня: отчего 10, а не 2 или 3 десятины? — и самъ же отвѣчаетъ на свой вопросъ: „потому что я желаю этимъ способомъ направить остатки или половину силы на арендуемую землю“ ¹⁾.

Я же именно утверждаю, что — при настоящемъ уходѣ за землей и при краткости нашего лѣта — отъ 10—15 десятины домохозяину средняго состоянія никакого излишка рабочихъ дней въ лѣтнюю

¹⁾ Въ новѣйшемъ сочиненіи профессора Ясона („Опытъ статистическаго изслѣдованія“, 1877), на стр. 27, авторъ, рассчитывая надѣль въ не-черноземной полосѣ, полагаетъ его не менѣе 8-ми десятины на душу, на томъ основаніи, что урожай озимаго хлѣба полагается самъ-3. Но, спрашивается, можно ли дѣлать какіе-либо расчеты на такомъ исчисленіи, которое равняется пошлѣйшему неурожаю: если рожь дѣйствительно родится самъ-3, то земледѣлецъ положительно работаетъ себѣ въ убытокъ, и чѣмъ шире будетъ его надѣль, тѣмъ крупнѣе будетъ и убытокъ. Кромѣ того, я утверждаю, что такой пропорціи запаши въ сѣверныхъ губерніяхъ, о коихъ упоминаетъ профессоръ, крестьянинъ средняго состоянія порядочно обработать не можетъ: 8 десятины на душу соотвѣтствуютъ 12 на рабочаго, 24 на дворъ. Изъ нихъ, по расчету г-на Ясона, приходится озимаго посѣва на душу 2 десятины, что составляетъ на 1 рабочаго мужика 8 десятины, на 1 дворъ 6 десятины. Не говоря уже о прочихъ работахъ, но для уваживанія одного парного поля (полагая по 3 штуки скота на десятину) нужно бы держать крупнаго скота на дворъ 18!! Или же не класть навоза — и тогда довольствоваться такимъ же неурожаемъ, какой рассчитываетъ г-нъ профессоръ, и работать весь свой вѣкъ въ убытокъ. Я думаю, что урожай самъ-3 составляетъ исключенія, которыя показывались самими крестьянами изъ предосторожности и недовѣрія къ собирателямъ статистическихъ свѣдѣній; если же это дѣйствительно такъ, то надо изъ этого заключить, что хлѣбопашество въ этой полосѣ Россіи немисливо и что никакія мѣры не выведутъ крестьянъ изъ ихъ бѣднаго состоянія. Усиливать производство, расширять промисель, производимыя въ убытокъ, во всякомъ случаѣ, — мѣра не рациональная, но я твердо убѣжденъ, что эти расчеты неѣтрны и что средній урожай гораздо выше показаннаго.

страду, въ рабочую пору, оставаться не можетъ, и что если онъ пашетъ и засеиваетъ болѣе, то эти работы производятся дурно и небрежно, въ ущербъ производительности почвы и въ убытокъ самому земледѣльцу. Само-собой разумѣется, что эта норма не должна быть принята въ смыслѣ математическаго масштаба, по коему измѣряются крестьянскіе надѣлы; я нисколько не думаю, чтобы слѣдовало подводить всѣ крестьянскія земли подъ одну мѣру, и полагаю, что будутъ и такія мѣстности, гдѣ надо допустить и болѣе широкій надѣлъ; вообще я—выставляю эти цифры для примѣра—и не стану спорить, если будетъ признано нужнымъ ихъ измѣнить.

Но я формально протестую противъ соблазнительной для крестьянъ, но обманчивой системы отводить имъ столько земли, сколько нужно для обезпеченія исправнаго платежа податей и содержанія семейства, потому что—при дурномъ качествѣ почвы и постепенныхъ ея истощеній отъ дурной обработки—такимъ надѣламъ нѣтъ предѣловъ. По мѣрѣ того, какъ вспахиваются пашни, вытравливаются луга, вырубаются лѣса, слѣдовало бы, по этой системѣ, отводить новыя угодья для обезпеченія платежей и домашнихъ расходовъ, и продолжать это до тѣхъ поръ, покуда хищническая культура не обойдетъ всѣ русскія земли безъ остатка.

Чтобы исчерпать этотъ предметъ, я долженъ еще упомянуть объ одномъ возраженіи, которое мнѣ дѣлали на словахъ лица, съ коими я во всѣхъ другихъ мнѣніяхъ совершенно схожусь.

Они полагаютъ, что никакъ не слѣдуетъ разсчитывать норму крестьянскихъ надѣловъ на основаніи раціональной агрономіи и усовершенствованной культуры, и что, напротивъ, надо руководствоваться существующимъ въ данной мѣстности и въ данный моментъ полеводствомъ, какое оно есть, и соображать количество земель съ сѣвооборотомъ, принятымъ въ краѣ. Далѣе они заявляютъ, что разныя системы хозяйства: сначала переложное или лядинное, потомъ трехпольное,—наконецъ, плодoperемѣнное—слѣдуютъ одно за другимъ въ непреложной и естественной очереди, которая указывается общимъ состояніемъ страны и народа; напримѣръ: что залежное полеводство продолжается, покуда земли изобильны, а трехпольное или плодoperемѣнное вводится сами собой, когда наступаетъ необходимость перейти къ интенсивнымъ культурамъ.

Изъ этого слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, что если въ восточной Россіи еще держится система перелоговъ, въ сѣверной—лядинное и лѣсоподпольное хозяйство, то это значитъ, что время перехода еще не наступило и что для обезпеченія земледѣльцевъ нужно имъ столько земли, чтобы они могли залужать пашню и подсебать лѣсъ

черезъ каждыя 7 или 10—15 лѣтъ; если въ центральной полосѣ земли безъ удобренія даютъ не болѣе 5—6 четвертей съ десятины, а унавоживанье полей не введено, то надо дополнить надѣлы до такихъ размѣровъ, чтобы они и при скудномъ урожаѣ покрывали нужды семейства; наконецъ, на голыхъ пескахъ или холодныхъ почвахъ сѣверо-западной полосы слѣдовало бы отводить домохозяину, для его обезпеченія, вдвое или втрое больше, чѣмъ онъ можетъ обработать. Такимъ образомъ, по этой системѣ всѣ соображенія о достаточности и недостаточности земельного владѣнія основываются на дѣйствительномъ, настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной культуры; забѣгать впередъ, рассчитывать норму надѣла при рациональномъ веденіи хозяйства, ограничивать надѣлы въ виду будущихъ, ожидаемыхъ улучшеній — не слѣдуетъ; надо брать урожай, какой выходитъ въ средней сложности; земли, какія есть, въ натуральномъ или даже испорченномъ ихъ видѣ; полеводство, какое принято, хотя бы и грубое, — и по этой пропорціи рассчитывать, сколько земли можетъ воздѣлать сельскій рабочій и сколько ему нужно для пропитанія. Эта доктрина имѣетъ одно безспорное преимущество передъ тѣмъ мнѣніемъ, которое я защищаю: она какъ нельзя лучше согласуется съ нравами и понятіями нашихъ сельскихъ жителей и будетъ, безъ сомнѣнія, очень популярна. Если государство должно заботиться только о настоящемъ поколѣннн, то оппоненты мои правы; въ Россіи свободныхъ земель еще достаточно для самыхъ просторныхъ поселеній: еще остается много пустошей на сѣверѣ, степей на востокѣ, которыя могутъ быть распаханы вновь и потомъ выпажаны и истощены до бесплодія — и, для ускоренія этого процесса, всего лучше отводить переселенцамъ широкіе надѣлы въ общинное или участковое владѣніе.

Но чтѣ же дальше?

Дальше, говорить, намъ сама природа укажетъ необходимость стѣснить владѣнія и перейти къ интенсивной культурѣ, какъ это и должно быть по непреложному ходу человѣческаго прогресса.

Но это опять не такъ: не во всѣхъ образованныхъ странахъ — и въ очень немногихъ сдумѣли жители охранить производительность своихъ земель; на всемъ земномъ шарѣ только одинъ уголокъ, Германія, Франція и Англія, успѣли остановить во-время хищническую эксплуатацію и перейти къ улучшенной культурѣ; ббольшая часть странъ, издревле обитаемыхъ, Средняя Италія и Греція, гдѣ процвѣтали древнія цивилизаціи, ббольшая часть Малой и Средней-Азіи, гдѣ нѣкогда обитали многолюдныя племена, обратились въ бесплодныя пустыни вслѣдствіе грубыхъ системъ эксплуатаціи, — и на на-

шихъ глазахъ въ наше время и нашемъ отечествѣ повторится тотъ же неумолимый процессъ, и мы все-таки опасаемся положить ему предѣлъ, чтобы не посягнуть на священное право собственности землевладѣльцевъ и на народныя понятія крестьянъ!!!

Политика эта широка, но не предусмотрительна, и какъ бы она ни казалась благотворительной и гуманной для современнаго поколѣнія, но едва ли сыновья и внуки будутъ благодарить за такія щедрныя благодѣянія, оказанныя отцамъ въ ущербъ ихъ потомству и всему народному богатству.

Я теперь перехожу ко второй статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“, сентябрь, 1877, извѣстнаго нашего публициста, А. А. Головачова, которая по серьезному своему значенію, по важности возбуждаемыхъ вопросовъ, требуетъ особаго вниманія и объясненій съ моей стороны.

Въ статьѣ проведена вообще мысль (которая была заявлена и въ первой неподписанной рецензій „Отеч. Зап.“), что принципы, предпосланныя въ моему сочиненіи, вѣрны, но что я отъ нихъ часто отступаю, дѣлая уступки, допуская компромиссы, и вообще отрекаюсь въ примѣненіи, на практикѣ, отъ тѣхъ здравыхъ началъ, которыя самъ же признаю и защищаю.

Это дѣйствительно слабая сторона моего сочиненія въ *научномъ* отношеніи, но я имѣлъ дѣло съ двумя факторами, которые совершенно уклоняются отъ теоретическихъ соображеній—съ землей и человекомъ и не съ человекомъ въ нравственномъ его и гражданскомъ значеніи, а съ рабочимъ людомъ въ физическомъ его отношеніи. Область умственнаго и нравственнаго прогресса безгранична и можетъ быть доведена до высшихъ соображеній, но земля, территория, почва имѣютъ свои предѣлы и свои естественныя законы, коимъ должна покориться наука. Рабочій человекъ также встрѣчаетъ въ природѣ постоянныя и непреодолимыя преграды,—то въ самомъ себѣ, въ слабости и изнуреніи своихъ силъ, въ болѣзняхъ и недугахъ, то извнѣ—въ томъ предметѣ, къ коему примѣнялъ свой трудъ, и земледѣлецъ въ особенности непрерывно подчиняется неумолимому закону климата и почвы.

Какая же можетъ быть польза провозглашать принципы, которые никакъ безусловно проведены быть не могутъ; напротивъ, утверждать, что для благосостоянія страны желательнее: „чтобы вся масса жителей была занята работой на себя“, когда, по мнѣнію того же рецензента, „на практикѣ установить такой порядокъ довольно затруднительно“, а по моему мнѣнію—совершенно невозможно.

Хорошо ли поступаютъ люди науки, провозглашая принципы,

которые сами же они признаютъ несприятельными или затруднительными при настоящихъ обстоятельствахъ и не лучше ли, уважая такіе принципы, какъ высшую, идеальную цѣль, объяснить непосредственно и тѣ непреодолимыя препятствія, которыя мѣшаютъ ихъ примѣненію. Такъ, въ данномъ примѣрѣ, я формулирую ту же мысль, но условно: „что благосостояніе народа будетъ лучше обозначено въ тѣхъ странахъ, гдѣ наибольшая (а не вся) масса жителей занята работою на себя“—потому собственно, что вся масса жителей неспособна къ такой работѣ, что значительный процентъ людей всѣхъ сословій, по слабости своихъ физическихъ силъ, по безпечному или разгульному праву, не могутъ вести собственнаго хозяйства, и всегда, что бы ни придумывали для нихъ благосостоянія, будутъ подчиняться эксплуатаціи другихъ способнѣйшихъ людей. Этого приема я всегда придерживался въ моемъ сочиненіи и считаю его необходимымъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ аграрный вопросъ; теоретическихъ взглядовъ, абсолютныхъ принциповъ въ немъ нельзя допустить, потому что предметъ этотъ ограниченъ самой природой, пространствомъ территорій, производительностью почвы и рабочими силами человѣка.

Огвѣтивъ на это общее возраженіе уважаемаго критика, я перехожу къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ его замѣчаніямъ, по которымъ, какъ мнѣ кажется, мы расходимся только въ отгѣнкахъ нашихъ мнѣній, а не въ существенномъ ихъ смыслѣ.

Г-нъ рецензентъ находитъ, что я „упустилъ изъ виду, что земля есть только орудіе производства, тогда какъ народъ или рабочая сила съ его потребностями есть не только факторъ народнаго хозяйства, но и конечная его цѣль; что положеніе рабочей силы должно разсматриваться не рядомъ съ положеніемъ земли, а *отсреды* его, и что положеніе земли и ея культуры должно имѣть значеніе второстепенное, *служебное*“.

Далѣе онъ пишетъ: „на этомъ основаніи, чѣмъ болѣе обозначена возможность приложенія народнаго труда къ землѣ, тѣмъ обильнѣе должны быть и результаты этого труда“.

И заключаетъ такъ: „отсюда уже прямо слѣдуетъ, что положеніе рабочей силы и ея отношеніе къ землѣ есть важнѣйшій вопросъ социальнаго хозяйства, такъ какъ обезпеченіе полной возможности свободнаго и самостоятельнаго приложенія этой силы обуславливаетъ наибольшую производительность труда, и, слѣдовательно, наибольшую сумму производства при данной степени развитія народа“.

Разница между взглядомъ рецензента и моимъ заключается въ томъ, что я ставлю оба фактора, землю и народъ, на одну степень, а онъ полагаетъ, что положеніе рабочей силы должно рассматри-

ваться вперед и что возращеніе земли и культуры имѣетъ значеніе второстепенное, служебное. Я готовъ согласиться съ такой постановкой вопроса, еслибъ можно было разсматривать рабочую силу какъ нѣчто непреложное, какъ неизмѣнный законъ народнаго быта, дѣйствующій всегда въ извѣстномъ, правильномъ порядкѣ, т.-е. въ такихъ же условіяхъ, какъ земля, которая производитъ и истощается, даетъ обильный или скудный урожай, по извѣстному естественному обороту, независимому отъ человѣка.

Но это не такъ: земля служить человѣку настолько, насколько онъ самъ повинуется ея требованіямъ, соблюдаетъ ея интересы; ея культуру можно, пожалуй, поставить на вторую степень, но если эта культура,—груба, нераціональна, то земля выйдетъ изъ повиновенія человѣку, откажется ему служить, и рабочая сила съ ней ничего не подѣлаетъ.

Г-нъ Головачевъ совершенно правъ, говоря—, что чѣмъ болѣе обеспечено приложеніе народнаго труда въ землѣ, тѣмъ обильнѣе должны быть и результаты этого труда, но я бы только просилъ прибавить „разумнаго труда“.

По моимъ понятіямъ, производительность земли, плодородіе пашни, растительность лѣсовъ составляютъ такой же высшій интересъ для народа, какъ и рабочія его силы,—не второстепенный, а первостатейный, и если для улучшенія быта рабочихъ предлагаются мѣры, нарушающія эти условія, то такіа предложенія мнѣ кажутся столь же пагубными, какъ и противоположная система, которая такъ долго преобладала въ Европѣ,—жертвовать интересами рабочихъ классовъ для улучшенія культуръ.

Мои выводы оказались многимъ какъ будто не выдержанными, не доведенными до конца,—потому именно, что я все время имѣлъ въ виду эти два условія народнаго благосостоянія, и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ они не соглашались, долженъ былъ предложить уступки, компромиссы.

Такъ, напримѣръ, для поселянъ-земледѣльцевъ было бы очень выгодно пользоваться правомъ временнаго владѣнія на неопредѣленные сроки съ правомъ перехода на другія мѣста. Изъ общиннаго начала также можно вывести по принципу права передѣлать поля по усмотрѣнію, и съ точки зрѣнія пользы и выгоды бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ эти порядки кажутся наилучшими для уравнианія сельскихъ хозяйствъ.

Но они положительно пагубны въ отношеніи земли, поощряя небрежную работу, хищническую культуру и растрачивая такимъ образомъ самый основной капиталъ, изъ доходовъ коего живетъ народъ. Поэтому я долженъ былъ въ этихъ и во всѣхъ подобныхъ

случае отступать отъ принципа въ тѣсномъ его смыслѣ и предложили ограничить произволъ переходовъ и передѣловъ, насколько это нужно, для охраненія производительности почвы.

По другимъ принципамъ также признается, что право частной собственности есть полное и неограниченное право, и что изъ него вытекаетъ также неограниченная власть распоряжаться своимъ имуществомъ по усмотрѣнiю, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что большая часть землевладѣльцевъ злоупотребляютъ этимъ правомъ, сдавая землю въ аренду на краткіе сроки, безъ всякаго обезпеченія для сѣмщиковъ или вырубая сплошь лѣсныя дачи, и что черезъ это, точно такъ, какъ и отъ крестьянскихъ передѣловъ, нарушаются общіе интересы народнаго хозяйства. И въ этомъ случаѣ, я полагаю, что земли и лѣса должны быть поставлены на первый планъ, арендованіе земель должно быть подчинено нѣкоторымъ условіямъ и рубка лѣсовъ правильному обороту.

Такимъ образомъ, я долженъ признаться, что ни принципъ общиннаго владѣнiя, ни принципъ полного права частной собственности не соблюденъ въ моемъ сочиненiи въ томъ священномъ, ненарушимомъ значенiи, какой придается имъ ревностными приверженцами этихъ началъ, но я отступилъ отъ нихъ лишь настолько, насколько это мнѣ казалось необходимымъ для охраненія народнаго хозяйства.

„Русская жизнь“—говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ г. Головачевъ— „смотреть на нее (на землю) прежде всего, какъ на средство обезпеченія народныхъ нуждъ, а затѣмъ уже, когда эта потребность удовлетворена, тогда только можетъ выступить другая сторона вопроса, и земля можетъ рассматриваться, какъ предметъ культуры; но такое значеніе земли, по всему складу русской жизни, будетъ всегда второстепеннымъ и подчиненнымъ первому ея значенію“.

Противъ этого-то взгляда русской жизни я и протестую всѣми силами; на немъ была дѣйствительно основана вся наша недатная система, рассматривающая землю, какъ средство для платежа налоговъ, но пора, давно пора, если даже не поздно, признать, что этотъ взглядъ фальшивый, потому что государственному бюджету и народнымъ нуждамъ нѣтъ предѣла, а пространство земель и ихъ производительность ограничены, и если русская жизнь будетъ требовать отъ земли обезпеченія всѣхъ народныхъ потребностей, не возвращая ей, посредствомъ лучшей культуры, истраченныхъ ею силъ—то и жизнь прекратится на такой землѣ.

Мой взглядъ на общинное владѣнiе отзывается также, по мнѣнiю моихъ критиковъ, нѣкоторою шаткостью; защищая его въ однихъ главахъ моей книги, я въ другихъ предлагаю нѣкоторую его

регламентацію и ограниченіе, и въ статьѣ о колонизаціи допускаю продажу или отводъ земель участвами въ полную собственность.

Вопросъ объ общинномъ или мірскомъ владѣніи, поднятый въ 50-тыхъ годахъ при освобожденіи крестьянъ, въ послѣдніе годы былъ много разъясненъ изслѣдованіями русскихъ писателей (Кавелина, Постникова) и иностранными (Лавелѣ, Леруа-Больѣ, Мэкензи-Уоллесъ).

Если не ошибаюсь, всѣ эти отзывы, хотя и составленные съ разныхъ точекъ зрѣнія, соглашаются въ одномъ,—что общинное землевладѣніе имѣетъ свои дурныя стороны, но и хорошія; что мѣтвіе, долго пользовавшееся безспорнымъ авторитетомъ, будто бы этотъ родъ владѣнія препятствуетъ безусловно всякому прогрессу, не подтверждается опытомъ; что во всякомъ случаѣ неудобства, присущія общинной эксплуатаціи, изъ коихъ главныя—частые передѣлы и переходы имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія—встрѣчаются и въ другихъ видахъ владѣнія, въ краткосрочныхъ арендахъ, раздѣлахъ и продажахъ,—и что, въ концѣ-концовъ, за общину можно привести столько же аргументовъ, какъ и противъ, и столько же (если не болѣе), какъ и за участковое или помѣстное владѣніе.

Иностранные публицисты, внимательно изучившіе нашу мірской бытъ, относятся къ нему, хотя и не очень благосклонно, но безпристрастно, и отдають полную справедливость этой организаціи въ отношеніи твердости общественной связи, дающей нашему крестьянству болѣе самостоятельности, чѣмъ земледѣльцамъ другихъ странъ. Въ моемъ сочиненіи я только это и хотѣлъ доказать; *общинное землевладѣніе я признаю наилучшимъ союзомъ для огражденія мелкихъ и бѣдныхъ владѣльцевъ отъ сильныхъ и богатыхъ*, лучшей опорой для охраненія ихъ имущественныхъ правъ, и, покуда не найдена другая форма сельскихъ обществъ или ассоціацій (а таковая по сихъ поръ не отыскана), надо признать необходимымъ не только ея сохраненіе, но и дальнѣйшее ея развитіе и улучшеніе.

Но я дальше неиду и не смѣю утверждать, чтобы русскій мірской бытъ былъ верхъ совершенства, образцовое учрежденіе, которое должно быть охраняемо какъ святилище отъ всякаго вмѣшательства; также не полагаю, чтобы оно могло само-собою, безъ другихъ вспомогательныхъ и дополнительныхъ мѣръ, предохранить народъ отъ всякихъ золъ и бѣдствій, нищенства и пролетаріата.

Признавая за общиной многія преимущества, я не вижу необходимости давать ей привилегированное положеніе, навязывать ее обязательно на всякія новыя поселенія, оберегать ее отъ регулированія порядковъ во многихъ отношеніяхъ очень грубыхъ и вредныхъ — и не вижу даже возможности поддержать ее безъ нѣкоторой регламентаціи, безъ опредѣленія законодательнымъ порядкомъ ея правъ, обя-

занностей, предметовъ вѣдомства и круга дѣйствій. Это я считаю нужнымъ для собственной ея консолидаціи.

Вотъ въ этомъ представленіи, въ этой оцѣнкѣ общиннаго начала я и расхожусь со многими нашими дѣятелями и публицистами, съ коими въ другихъ отношеніяхъ вижу себя въ полномъ единомысліи.

Извѣстно, что община имѣетъ у насъ и ярыхъ противниковъ и не менѣе пристрастныхъ приверженцевъ, и между послѣдними въ новѣйшее время, въ особенности при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, установилось мнѣніе, во-первыхъ, что общинное землевладѣніе составляетъ всю суть нашего простонароднаго крестьянскаго быта; во-вторыхъ, что оно, и только оно, можетъ спасти низшіе классы отъ пролетаріата.

Въ моемъ сочиненіи я старался опровергнуть то и другое мнѣніе.

Относительно перваго я заявилъ, что существо нашего поземельнаго быта заключается не въ общемъ владѣніи, а въ *правѣ на землю*, что земли занимались и надѣлялись у насъ различно, что первобытныя населенія даже болѣею частью производились посемейно и подворно, и что общинное владѣніе появилось въ Россіи не какъ основныи принципъ нашего общественнаго строя, а только какъ послѣдствіе другого высшаго принципа, что всѣ рабочіе люди надѣляются землей поровну и только тогда, когда пустыхъ свободныхъ земель не оставалось для надѣла. По этому самому я не признаю нужнымъ ввести обязательно, исключительно, общину въ новыя поселенія, если земли имѣется достаточно для подворныхъ участковъ, и считаю существеннымъ не форму владѣнія, а самое владѣніе, т.-е. право сельскаго обывателя получать надѣлъ въ какой бы формѣ ни было, въ видѣ ли полосы въ общемъ полѣ, или подворнаго участка, или хутора.

Навязывать общинное владѣніе всѣмъ переселенцамъ безъ исключенія, какъ условіе *sine qua non*, было бы такъ же стѣснительно, какъ и напрасно, и поэтому въ главѣ о колонизаціи я вовсе не касаюсь этого вопроса, предполагая, что онъ будетъ разрѣшаться различно по обстоятельствамъ и удобствамъ мѣстностей.

Другая статья, въ коей я расхожусь со многими поборниками общиннаго начала, есть та, что я не признаю, чтобы оно могло, самъ собой, безъ другихъ дополнительныхъ мѣръ, предупредить развитіе сельскаго пролетаріата. Извѣстно, что въ шестидесятихъ годахъ вѣлемя между славянофилами и западниками болѣею частью вращалась на этомъ вопросѣ; первые подавали мнѣніе, что община должна быть сохранена, какъ одно изъ средствъ предупрежденія пролетаріата, что и было вполне вѣрно; но, какъ часто случается

въ жару преній правильныя посылки привели въ ошибочнымъ умозаключеніямъ, и мало-по-малу распространилось мнѣніе, будто бы общинное начало должно служить спасеніемъ рода человѣческаго отъ всякихъ невзгодъ и между прочимъ отъ пролетариата; другіе даже видѣли въ этой формѣ владѣнія вѣрнѣйшее средство для абсолютнаго уравненія сельскихъ жителей, предупрежденія ихъ эксплуатаціи кулаками и аферистами, и вообще для удержанія крестьянскаго сословія на одномъ болѣе или менѣе одинаковомъ, среднемъ уровнѣ состояній.

Это преувеличенное мнѣніе показалось мнѣ тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно, по явной своей неосновательности, даетъ оружіе противникамъ общины, и поэтому я въ моемъ сочиненіи старался поставить вопросъ на другую почву, въ другую болѣе тѣсную рамку.

Съ одной стороны, я привелъ факты, положительныя данныя, что пролетариатъ зарождается въ нашихъ сельскихъ обществахъ и растетъ быстро, но въ вліяніемъ податной системы, обременительной для одинокихъ и бѣдныхъ крестьянъ; что общій уровень благосостоянія ихъ, который при крѣпостномъ правѣ и именно посредствомъ авторитета помѣщичьей власти держался вездѣ ровный, средній, съ цѣлью обезпечить интересы самихъ помѣщиковъ, что этотъ уровень нынѣ колеблется и измѣняется, давая положительный перевѣсъ трудолюбивымъ хозяевамъ передъ безпечными и разгульными, — что такое неравенство прямо вытекаетъ изъ вольности состоянія и есть прямое послѣдствіе свободы, — однимъ словомъ, и говоря простымъ языкомъ, что общинное владѣніе не мѣшаетъ смѣтливымъ и трудолюбивымъ хозяевамъ забирать полевые надѣлы лѣнливыхъ и слабыхъ крестьянъ, и владѣть ими *de facto*, хотя бы *de jure* они и оставались въ номинальномъ пользованіи послѣднихъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что приписывать общинѣ значеніе радикальной мѣры противъ неравенства состояній, обѣдненія сельскихъ сословія и нищенства, такъ же ложно, какъ и обвинять ее въ расстройствѣ сельскаго хозяйства; она не заслуживаетъ ни такой чести, ни такой укоризны; дѣйствіе ея болѣе скромное, ограниченное, но тѣмъ не менѣе существенно полезное, и это мы и старались выяснить въ послѣднихъ главахъ нашей книги.

Дѣло въ томъ, что общинное владѣніе, не предупреждая условно хозяйственное расстройство людей слабыхъ, неспособныхъ, даетъ имъ нѣкоторую отсрочку, задерживаетъ ихъ окончательное разореніе, и черезъ это спасаетъ отъ круглаго нищенства извѣстный процентъ домохозяевъ, которые при подворномъ владѣніи мгновенно лишились бы всего своего имущества. Миръ, изъ собственнаго своего интереса, заставляетъ лѣнливаго или разгульнаго хозяина вы-

ходить на работу своевременно, чтобы скоопить лугъ, сжать полюсу вмѣстѣ съ прочими односельцами, чтобы не мѣшать уборкѣ сѣна, выгону скоту; онъ въ крайности помогаетъ вдовамъ и сиротамъ, ссужаетъ имъ хлѣбъ изъ магазина, хотя бы и не изъ чувства гуманности, но по расчету, чтобы онъ окончательно не разстроился и не палъ на попеченіе своихъ односельцевъ; наконецъ, и въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда крестьянинъ бросаетъ свою полюсу, отказывается отъ надѣла, онъ не терлетъ окончательно своего права на землю; обстоятельства могутъ измѣниться, счастье вновь ему улыбнется, и онъ вступаетъ вновь въ свои права, дѣти не наказываются за вину и бѣдность родителей, и полюса, упрядненная отцомъ, можетъ возвратиться сыну, вступающему въ тягло.

Все это въ совомунности поддерживаетъ нѣкоторое время разстроенныя хозяйства, даетъ имъ время выдержать кризисы неурожа, надежа скоту, пробиться сквозъ нужду и съ Божьей помощью ее преодолѣть. Сколько мнѣ случалось видѣть и слышать, русскій мужикъ вовсе не восхваляетъ благодѣнія своего мірскаго быта и благоустройство своего общества, но и при полной возможности—изъ него не выдѣляется; онъ смотритъ на сельскій міръ, какъ на пріютъ, который можетъ пригодиться на черный день, какъ на союзъ, дающій его искамъ, ходатайствамъ болѣе сильн, чѣмъ еслибъ его голосъ былъ одинокій, и на свой мірской надѣлѣ какъ на средство не обогащенію, а насущаго пропитанія.

Такъ я думаю и надо поставить вопросъ въ общемъ экономическомъ его значеніи, и статистическія данныя совершенно подтверждаютъ тотъ фактъ, что въ странахъ общиннаго владѣнія пролетаріатъ если и зарождается, то развивается несравненно медленнѣе, чѣмъ при участивомъ надѣлѣ, и составляетъ процентъ гораздо менѣе значительный. Въ моемъ сочиненіи я привелъ эти сравнительныя исчисленія: въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьяне безземельные составляютъ уже, къ сожалѣнію, очень крупный процентъ 5%—12,15%, но въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Литвѣ ихъ насчитываютъ втрое, вчетверо болѣе; самое удобное сравненіе представляется въ колоніяхъ между колонистами-нѣмцами, принявшими участивый надѣлъ, и болгарскими переселенцами, владѣющими землей на общинномъ правѣ; водворившись почти въ одно и то же время, въ началѣ настоящаго столѣтія, первые насчитываются ужъ на 49,020 душъ безземельныхъ 25,969, т.е. около 50%, вторые и 281,645 душъ безземельныхъ 1,032 или 0,35%. Эти изслѣдованія привели меня къ общему заключенію, что общинное владѣніе не есть панацея отъ бѣдности и немущества, какъ нѣкоторые полагаютъ но что оно предохраняетъ народъ отъ этихъ золъ, насколько и

люди, но слабости своего тѣлословія, своихъ способностей и своей нравственности, можетъ быть охраненъ отъ бѣдности;—оно не можетъ служить исключительной формой владѣній для цѣлаго населенія, цѣлой страны, но составляетъ запасъ, гдѣ каждый изъ жителей имѣетъ свою долю, minimum владѣнія, ему слѣдующаго, на него причитающагося изъ государственной территории; по личной своей инициативѣ, онъ можетъ пріобрѣтать и другія имущества, можетъ и лишиться ихъ по своей несостоятельности, но и въ такомъ случаѣ за нимъ остается надѣлъ мірской, какъ послѣднее обезпеченіе насущнаго пропитанія, какъ неотчуждаемая собственность, охраняемая закономъ отъ спекулятивныхъ оборотовъ; точно такъ, какъ въ аристократическіхъ обществахъ признавалось нужнымъ для поддержанія знатныхъ родовъ установить неподвижность имущества, преемственность ихъ, чтобы предохранить ихъ отъ растраты, такъ въ демократическихкихъ обществахъ нашего времени полезно имѣть неотчуждаемыя общественныя земли, гдѣ мелкіе владѣльцы, черныя люди имѣли бы каждый свой участокъ или свою полосу, подлежащую продажѣ и сохраняемую для грядущихъ поколѣній, какъ маіоратное, заповѣдное владѣніе всего народа ¹⁾.

Мнѣ остается рассмотреть въ статьѣ г. Головачова одинъ еще предметъ, не скажу—разногласія, но недоразумѣнія между нами: это—значеніе народнаго кредита въ дѣлѣ поземельнаго устройства, значеніе, которое я, по отзыву почтеннаго рецензента, будто бы упустилъ изъ виду. Я называю это недоразумѣніемъ потому, что въ моемъ сочиненіи я нѣсколько разъ упоминаю о необходимости устроить общедоступный народный кредитъ для мелкихъ владѣльцовъ, и въ главѣ о Германіи подробно объясняю, что, за недостаткомъ такого

¹⁾ Въ главѣ объ общинномъ владѣніи я выразилъ мнѣніе, которое подало поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію, именно, что я считалъ бы нужнымъ ограничить произволъ сельскихъ обществъ насчетъ передѣловъ мірскихъ полей и устанавливать для нихъ извѣстные сроки. Нѣкоторые писатели поняли это такъ, что сроки передѣловъ должны быть обязательныя, общія, опредѣленныя закономъ, чего я вовсе не предполагалъ. Я полагаю, что сельскимъ обществамъ слѣдуетъ предоставить право установить эти сроки по своему усмотрѣнію, однако не менѣе, какъ на трехлѣтіе для пахатныхъ земель, но съ нѣкоторою формальностью, по мірскому приговору, и непремѣнно съ условіемъ, чтобы срокъ, однажды установленный—не былъ измѣняемъ въ теченіи опредѣленнаго періода. Существенный вредъ передѣловъ состоитъ въ ихъ неопредѣленности, неизвѣстности сроковъ, такъ что они часто производятся совершенно неожиданно, по внезапному требованію вліятельныхъ домохозяевъ, которые задвигаютъ мірскую сходку приличнымъ угощеніемъ. Противъ этихъ собственныхъ своихъ слабостей и колебаній законъ долженъ защищать мірскія общества, и требовать, чтобы порядки, ими самими установленные, ими же соблюдались.

кредита, большая часть крестьянъ принуждена была распродать свои земли; въ главѣ же о колонизаціи я выразился, „что послѣднее слово правильной системы колонизаціи есть кредитное учрежденіе, и именно въ виду эту операцію“.

Правда, эту сторону аграрнаго вопроса я не рассматривалъ въ подробности, потому, во-первыхъ, что она увлекла бы меня на такую почву, на которой я чувствую себя не вполне компетентнымъ, и, во-вторыхъ, потому, что предметъ этотъ самъ по себѣ составляетъ цѣлую отрасль социальныхъ наукъ и едва ли не самую сложную и трудную, которой я не смѣю воспутъя слегка.

Мое мнѣніе о важности кредита, для мелкихъ владѣльцевъ и земледѣльцевъ въ Россіи, я заявилъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Малый кредитъ въ Россіи“ соч. кн. Васильчикова и Яковлева (Петербургъ, 1876). Но, кромѣ того, я принимаю участіе въ дѣлѣ, которое имѣетъ и другое, болѣе практическое значеніе, именно въ устройствѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, коины завѣдуетъ особый комитетъ, состоящій подъ моимъ предсѣдательствомъ. Дѣло это, принятое тому 6 лѣтъ, составляетъ слабый и очень неполный опытъ примѣненія кредита къ народнымъ нуждамъ, и я не думаю выдвигать его за разрѣшеніе этой великой задачи; но оно доказало быстрымъ развитіемъ, что кредитныя учрежденія могутъ быть приспособлены и къ этой средѣ, къ крестьянскому быту, гдѣ по сіе время признавались несбыточными. Во всякомъ случаѣ, я вполне соглашусь съ мнѣніемъ моего уважаемаго критика о необходимости примѣнить народный кредитъ къ поземельному устройству и колонизаціи и въ этомъ отношеніи иду даже, можетъ быть, дальше, чѣмъ онъ.

Я полагаю, что всѣ гуманныя предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ и рабочихъ вообще, всѣ проекты объ уравнианіи и доукомплектованіи ихъ надѣловъ, о переселеніи, колонизаціи, улучшеніи культуры и проч. и проч., находятся въ прямой зависимости отъ вопроса о народномъ кредитѣ и имъ непосредственно на практикѣ обусловываются; я обѣими руками подписываюсь подъ мнѣніе Головачова „что еслибы для народнаго кредита (и я прибавлю, для мелкихъ владѣльцевъ и рабочихъ) была сдѣлана десятая часть того, что сдѣлано для достаточныхъ классовъ, то общество находилось бы на пути къ лучшему“.

Соображенія эти имѣютъ особенную важность для обсужденія аграрнаго вопроса съ той точки зрѣнія, которая принята въ моемъ сочиненіи, и я искренно благодаренъ моему критику, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ, который дѣйствительно не довольно развѣсненъ въ моихъ изслѣдованіяхъ.

Постараюсь его здѣсь нѣсколько развить.

Исходное мое положеніе то, что при всякомъ поземельномъ устройствѣ слѣдуетъ имѣть въ виду два высшіе интереса: соблюденіе правильной культуры, т.-е. сбереженіе производительныхъ силъ страны, и охраненіе пользы и нужды народа, воздѣлывающаго землю. Изъ этого я вывожу, что расширеніе владѣній поселенія на новыхъ мѣстахъ и всѣ подобныя иѣропріятія не достигаютъ своей цѣли, если земледѣльцу не дается средствъ улучшить свою культуру; широкіе надѣлы и новыя поселенія безъ этой существенной помощи ведутъ только къ быстрѣйшему неудержимому расхищенію главнаго капитала, плодородія почвы. Съ другой стороны, дознано наукой и испытано на дѣлѣ, что изъ всѣхъ промысловъ земледѣліе наиболѣе нуждается въ заблаговременныхъ затратахъ и въ обезпеченіи отъ случайностей, независимыхъ отъ воли человѣка, отъ неурожая, градобитія, засухи и другихъ естественныхъ явленій. Все это такъ извѣстно, такъ несомнѣнно, что гипотечный кредитъ вездѣ составляетъ первую заботу поземельной организаціи для крупныхъ собственниковъ. Но онъ былъ и останется доселѣ недоступнымъ для мелкихъ владѣльцевъ и земледѣльцевъ, и въ этомъ недостатокъ кредита кроется, по моему мнѣнію, главнѣйшая причина поглощенія мелкой крестьянской собственности—крупнымъ, помѣстнымъ землевладѣніемъ.

Всѣ разсужденія о вредѣ грубыхъ культуръ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту, о необходимости уваживанія, травосѣянія и вообще введенія интенсивной культуры дѣйствительно разбиваются объ это возраженіе—недостатокъ средствъ; точно также и предположенія объ улучшеніи быта крестьянъ посредствомъ отвода имъ новыхъ земель оказываются несостоятельными, если имъ не будутъ даны средства для эксплуатаціи; благодушныя предположенія нѣкоторыхъ публицистовъ о даровомъ надѣлѣ земель, о правѣ перехода съ одного мѣста на другое составляютъ только соблазнительныя мечты, которыя увлекутъ поселанъ къ бесполезному бродяжничеству, и въ концѣ-концовъ къ разоренію, если они не будутъ снабжены кредитными средствами для выдержанія кризиса и устройствъ своихъ хозяйствъ.

Итакъ, въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій объ аграрномъ вопросѣ долженъ непремѣнно лечь, по моему мнѣнію, народный кредитъ.

Это мое мнѣніе я не только защищалъ на бумагѣ, но старался провести и въ дѣйствительный народный бытъ.

Кредитъ для крестьянъ нуженъ двоякій: во-первыхъ, краткосрочный, мелкій, для покрытія обыденныхъ потребностей; во-вторыхъ, долгосрочный, болѣе крупный, для улучшенія культуръ, округленія мѣрскихъ надѣловъ, прикупки земель и переселеній.

Первый получилъ уже нѣкотораго рода приращеніе въ учрежденіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, и какъ бы этотъ шагъ не былъ еще несовершененъ, но открытіе около тысячи товариществъ съ оборотомъ въ 34 милліона рублей, во иниціативѣ комитета, составленнаго изъ частныхъ лицъ, но нѣтъ ни официальнаго, ни общественнаго значенія—есть фактъ, доказывающій во крайней мѣрѣ возможность приращенія кредита къ мелкой собственности.

Второй видъ кредита несравненно важнѣе перваго, но и гораздо сложнѣе. Я полагаю, что онъ долженъ служить для различныя операцій, нѣтъ ли въ виду улучшеніе и регуляваніе крестьянскаго землевлдѣнія.

Сюда войдутъ и ссуды для покупки земель у помещичьихъ владѣльцевъ, и авансы для переселеній на казенныя земли, и ссуды для осушенія болотъ, провѣданія каналовъ, копен колодезей, востройки плотинъ, порчеванія плей и другихъ улучшеній.

Одинъ изъ моихъ критиковъ („Отч. Зап.“, августъ, 1877, стр. 263) дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе и по этому поводу, будто бы: „я предлагаю организацію кредитнаго учрежденія для покупки крестьянскихъ земель у помещиковъ“, и находитъ эту мѣру не целесообразною, на томъ основаніи, „что крестьяне будутъ платить дорого (100,200,400 рублей) за выпаханныя земли и надѣнутся на свою жею козую кабалу!!!“

Это опять намекъ на то, что я защищаю сословные интересы и личныя выгоды землевлдѣльцевъ; но и здѣсь г. рецензентъ ставится на совершенно зыбкую почву голословныхъ заявленій, которыми часто увлекаются наши „народолюбивые писатели“.

Во-первыхъ, утверждать вообще, что крестьяне платятъ 100,200 р. за выпаханныя земли—очень рискованно; можетъ быть, что и были случаи, гдѣ, по крайней необходимости, для выѣзда или для выгона скота покупщики платили дорого за неудобныя земли. Но это общій законъ всякой сдѣлки между людьми, по коему купецъ платитъ высокую цѣну за товаръ ему необходимый.

Мои соображенія о народномъ кредитѣ для покупки помещичьихъ земель, и не только помещичьихъ, но и казенныхъ, имѣютъ совершенно другія основанія.

Замѣчаніе, что земли вообще сильно вздорожали при покупкѣ, совершенно справедливо, и, не прибѣгая къ такимъ натяжкамъ, какъ мой оппонентъ, можно, однако, принять, что въ послѣднія 15—20 лѣтъ онѣ поднялись вдвое въ цѣнѣ, и что пашня (только не выпаханная) стѣбитъ въ черноземной полосѣ 100—150 р., въ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ около 40—50. Но арендныя цѣны возвышаются не пропорціонально продажнымъ, а еще гораздо быстрѣе, и составляютъ уже среднюю плату (въ трехпольномъ сѣвооборотѣ)

около 10% съ капитальной стоимости пахатныхъ угодій. Это объясняется тѣмъ, что у мелкихъ съемщиковъ хватаетъ еще денегъ на арендованіе изъ году въ годъ, но недостаетъ денегъ для покупки въ вѣчное владѣніе, и этому-то недостатку и долженъ помочь кредитъ.

Какую же это новую кабалу видитъ рецензентъ въ такомъ предположеніи, которое, напротивъ, выручаетъ земледѣльцевъ изъ угрожающей и неминуемой опасности приплачивать ежегодно по нѣскольку лишнихъ процентовъ за наемъ земель? Неужели покупка крестьянами земель помѣщичьихъ признается вредною потому только, что при этомъ доставляются нѣкоторыя выгоды и помѣщикамъ. Неужели мы дойдемъ до такой исключительности, что будемъ отвергать всякую мѣру въ пользу низшихъ сословій, если они не вредятъ высшимъ?

Я старался избѣгнуть въ моемъ сочиненіи той исключительности, тенденціозности, которая въ иностранной и въ нашей публицистикѣ затемняютъ многіе экономическіе вопросы, въ особенности аграрный, подчиняя ихъ политическимъ мнѣніямъ и партіямъ.

Выше сословныхъ интересовъ, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣстныхъ, торговыхъ, я ставлю интересы земли и народа, состоящіе въ томъ, чтобы государственная территория не была расхищена и ея богатства безвозвратно исчерпаны одними поколѣніями или одними сословіями въ ущербъ всѣхъ прочихъ.

Какъ общинное, такъ и помѣстное владѣніе могутъ привести къ такимъ результатамъ и причинить невозвратный вредъ народному хозяйству, если допущено будетъ, по принципу, неограниченное право распоряженія мирскихъ сходовъ на общинныхъ земляхъ и землевладѣльцевъ на частныхъ земляхъ и лѣсахъ.

Частые передѣлы полей безъ установленныхъ сроковъ, переходы съ одного мѣста на другое оказываются столь же вредными въ крестьянскомъ быту, сколько въ помѣстномъ — арендованіе земель безъ срока, по волѣ владѣльца (at will of the Lord) или краткосрочныя аренды безъ надлежащаго обезпеченія арендаторовъ. Ни общинное, ни участковое владѣніе не могутъ сами по себѣ предотвратить зарожденіе и развитіе пролетаріата, и единственное (но очень важное) преимущество перваго рода владѣнія состоитъ только въ томъ, что оно удерживаетъ въ извѣстной мѣрѣ быстрое приращеніе неимущества и даетъ черезъ это возможность принять мѣры къ предупрежденію его пагубныхъ послѣдствій.

Земельный надѣлъ долженъ соответствовать не потребностямъ хозяевъ, а рабочимъ ихъ силамъ и притомъ — такой пропорціи силъ, какая требуется для хорошей, тщательной обработки полей и луговъ.

Наконецъ, послѣдній мой выводъ слѣдующій: всякое поземельное

устройство, на какихъ бы принципахъ оно ни было основано, на общинномъ или на участковомъ, на правѣ пользованіи или полной собственности, съ полнымъ ли надѣломъ для самостоятельнаго хозяйства, или съ уменьшеннымъ по рабочимъ силамъ хозяевъ,—всякое аграрное устройство имѣетъ только временное и условное значеніе, измѣняющееся ежегодно отъ измѣненія самой пропорціи между землей и рабочими, отъ приращенія народонаселенія, съ одной стороны, и распространенія или стѣсненія культуры—съ другой, т. е. распахиванія луговъ, осушенія болотъ, расчистки лѣсовъ или, наоборотъ, заупущенія пашни, заростанія луговъ.

Въ Россіи оба члена этой пропорціи измѣняются въ громадной прогрессіи: прибыль населенія составляетъ въ годъ около 1% или 700,000 жителей. Пространство угодій, культурныхъ земель растетъ еще быстрѣе, но совершенно неправильно, въ томъ отношеніи, что качество ихъ упадаетъ по мѣрѣ того, какъ количество умножается. Всякія попытки исправить эти недостатки посредствомъ мѣръ, уставовъ, или другихъ комбинацій, имѣющихъ въ виду настоящее положеніе землевладѣнія, всякія такія попытки окажутся черезъ нѣсколько лѣтъ такими же бесплодными, какъ и всѣ прежнія соображенія, и покуда они будутъ обсуждаться и изслѣдоваться, положеніе опять измѣнится: предложенныя исправленія окажутся недостаточными, потребуются новыя дополненія, и возобновятся тѣ же сѣтованія о несоразмѣрности владѣній, малоземелья и эксплуатаціи земледѣльцевъ землевладѣльцами.

Поэтому мнѣ казалось бы, что поземельное устройство должно имѣть въ виду не регулированіе владѣній въ данный моментъ, а такую систему, которая бы давала возможность народу регулировать поземельныя отношенія само собой, по непреклонному закону всякаго народнаго движенія, направляющагося въ тѣ края, гдѣ имущества дешевы, а работа дорога, и гдѣ поэтому заработки дадутъ средства пріобрѣтать собственность.

Къ такой системѣ относятся *колонизація* и *народный кредитъ*. Вотъ тѣ главные тезисы, которые я старался провести въ моемъ сочиненіи. Безусловныхъ принциповъ, абсолютныхъ доктринъ, правилъ безъ исключеній—я не допускаю въ такомъ матеріальномъ вопросѣ, какъ аграрный. Общинное и помѣстное владѣніе могутъ и должны существовать совмѣстно при нѣкоторыхъ обоюдныхъ уступкахъ и ограниченіяхъ, и таковыя ограниченія необходимы для огражденія народнаго хозяйства, съ одной стороны, отъ хищнической, грубой культуры земледѣльцевъ, съ другой—отъ алчной эксплуатаціи владѣльцевъ и аферистовъ.

Но оба эти рода злоупотребленій поземельными правами должны быть признаны одинаково вредными и опасными для общаго благосостоянія страны и народа.

Извѣстный отзывъ нашихъ политическихъ фантазеровъ — по существу совершенно соответствуетъ пресловутому принципу европейскихъ экономистовъ: „laissez faire, laissez passer“, и только переноситъ съ высшихъ сословій на низшія право неограниченнаго распоряженія поземельною собственностью. Даровой надѣлъ исходитъ изъ того же принципа, какъ и владѣніе по пожалованію, т.-е. что государственныя власти имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, выдѣлять и дарить часть общей собственности отдѣльнымъ обществамъ и лицамъ.

Отводъ крестьянамъ обширныхъ угодій, сверхъ извѣстной пропорціи, которую онъ можетъ обработать собственными силами, имѣетъ такія же послѣдствія, какъ концессіи крупныхъ помѣстій, т.-е., что хозяинъ самъ не эксплуатируетъ свою собственность, а сдаетъ ее другимъ или нанимаетъ себѣ въ помощь батраковъ. Передѣлы мірскихъ полей причиняютъ такой же вредъ общинникамъ, какъ краткосрочныя аренды частнымъ владѣльцамъ, лишая временныхъ владѣльцевъ возможности производить нужныя улучшения для поддержанія производительности почвы. Всѣ такія дѣйствія я признаю одинаково вредными, отъ кого бы они ни исходили, отъ крестьянъ-общинниковъ или отъ крупныхъ владѣльцевъ, и полную волю земледѣльцевъ въ этомъ отношеніи считаю столь же опасною, какъ и самовластіе помѣщиковъ.

Я также никакъ не могъ убѣдиться, чтобы общинное землевладѣніе, вольная ассоціація, даровой надѣлъ и всѣ прочія благодѣянія, коими соблазняютъ рабочіе классы, могли обезпечить ихъ благосостояніе, если не будутъ приняты мѣры къ постоянному регулированію поземельныхъ отношеній, а такими мѣрами я признаю:

- 1) Мелкій земельный кредитъ, — и
- 2) Колонизацію.

Въ моихъ изслѣдованіяхъ я коснулся только послѣдняго предмета, — колонизаціи, потому что вопросъ о народномъ кредитѣ потребовалъ бы совершенно особеннаго изложенія.

Поэтому мой трудъ оказывается дѣйствительно неполнымъ въ томъ отношеніи, что, объясняя главные недостатки настоящаго аграрнаго строя и способы болѣе или менѣе успѣшнаго его улучшенія, я не указываю на главное условіе — матеріальные ресурсы, которые могутъ быть доставлены только широкой системой народнаго кредита.

Этотъ вопросъ остается открытымъ.

Кн. А. Васильчиковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1878.

Бюджетъ 1878 года.—Отчетъ контроля за 1876 годъ.—Уменьшеніе доходовъ.—
Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—
Временныя факты, вызванныя войною.—Ея финансовое наслѣдство.—Вопросъ
о производительности страны.

Въ первый разъ обзорѣніе, посвященное государственной росписи и отчету государственнаго контроля, намъ приходится писать во время войны, налагающей на финансы такія пожертвованія, въ сравненіи съ которыми цифры упомянутыхъ документовъ какъ-бы теряютъ значеніе. Въ бюджетѣ 1878 года принимается дефицитъ въ 27¹/₂ милл. руб., а уже контрольный отчетъ по исполненію росписи 1876 года показываетъ намъ дѣйствительный недостатокъ бюджетныхъ средствъ того года на покрытіе расходовъ въ 5¹/₂ милл. рублей. Но, казалось бы, что могутъ значить подобныя цифры въ сравненіи съ тѣми 750 милліонами, которые были вновь нами заняты и въ значительнѣйшей части издержаны на военныя приготовленія и на самое веденіе войны, въ теченіи года и трехъ мѣсяцевъ, а именно, съ ноября 1876 года, то-есть со времени объявленія перваго военнаго займа, на сумму 100 м. р.

Дѣйствительно, отдѣльныя цифры тѣхъ документовъ, которые отражаютъ въ себѣ нормальное теченіе дѣлъ, утрачиваютъ свое значеніе передъ цифрами потребностей чрезвычайныхъ, обусловленныхъ войною. Когда мы читаемъ въ изъясненіи бюджета, что дефицитъ будущаго года въ 27¹/₂ м. р. предположено покрыть изъ суммъ послѣдняго вышняго займа, или когда усматриваемъ въ контрольномъ отчетѣ, что недостатокъ въ 5¹/₂ м. р., оказавшійся на удовлетвореніе расходовъ 1876 года, покрыть изъ свободныхъ остатковъ отъ

сміть предшествующихъ годовъ, и что за всѣмъ тѣмъ этихъ остатковъ сохранилось еще до 34 милл. р., то намъ неизбежно припоминается, что вѣдь и весь-то виѣшній заемъ не составляетъ и четверти занятыхъ нами вновь чрезвычайныхъ средствъ, а въ свободныхъ остаткахъ отъ прежнихъ лѣтъ мы при такихъ новыхъ потребностяхъ, конечно, видимъ только счетную рубрику.

Но изъ всего этого никакъ не слѣдуетъ, что разсмотрѣніе бюджета и контрольнаго отчета теперь не представляетъ интереса. Какъ ни малозначительны являются отдѣльныя ихъ цифры въ сравненіи съ размѣрами военныхъ потребностей, онѣ, тѣмъ не менѣе, сохраняютъ полное свое значеніе, когда рассматриваются одна въ связи съ другою и сравниваются только между собой. Война и чрезвычайные расходы, ею вызванные, нисколько не избавляютъ общество отъ обязанности уяснить себѣ данныя нормальнаго хозяйства, какъ оно представляется въ настоящее время послѣдними финансовыми документами. Вѣдь въ концѣ-концовъ и тѣ чрезвычайные ресурсы, которые добыты путемъ кредита, отзовутся все-таки на бюджетахъ же и неизбежнымъ путемъ возвышенія податей войдутъ въ область нормальнаго хозяйства. Поэтому, передъ окончательной расплатой за войну особенно интересно бросить взглядъ на тѣ признаки, какіе обнаруживались въ послѣднее время въ поступленіи доходовъ, возрастаніи расходовъ и болѣе или менѣе успѣшномъ сведеніи тѣхъ и другихъ въ общемъ балансѣ.

Вотъ почему, на нынѣшній разъ, мы нѣсколько измѣнимъ порядокъ нашей бесѣды по поводу новой росписи и послѣдняго отчета. Обыкновенно, на первомъ планѣ мы ставили предположенія бюджета и затѣмъ свѣряли ихъ съ тѣми данными, какія представлялъ отчетъ. Теперь именно предвидѣнія бюджета представляютъ менѣе интереса, чѣмъ положительныя данныя контрольнаго отчета по исполненію послѣднихъ законченныхъ смѣтъ. Предвидѣніе бюджета дѣйствительно измѣняется въ весьма значительныхъ размѣрахъ дальнѣйшими потребностями на войну, которыя будутъ зависѣть отъ самаго хода военныхъ дѣйствій и международныхъ отношеній. Поэтому нынѣшняя роспись для насъ интересна только какъ констатированіе до нѣкоторой степени того, что само финансовое управленіе думаетъ о дальнѣйшемъ поступленіи государственныхъ доходовъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Между тѣмъ, данныя контрольнаго отчета за 1876 г. сохраняютъ всю свою цѣну, такъ какъ они показываютъ намъ именно, какое направленіе сказывалось въ состояніи нашего нормальнаго хозяйства въ послѣднее время. Вотъ почему на нынѣшній разъ мы начнемъ съ контрольнаго отчета и рассмотримъ его нѣсколько по-

дробнѣе, а уже потомъ перейдемъ къ предположеніямъ росписи на 1878 годъ.

Контрольный отчетъ за 1876 годъ отличается отъ предшествующихъ по составу только тѣмъ, что въ немъ нѣсколько измѣнено изложеніе сверхсметныхъ доходовъ; но есть особенность, принадлежащая собственно этому отчету: это—свѣдѣнія о чрезвычайныхъ расходахъ, которые были вызваны уже въ сметный періодъ 1876 г. (обнимающій полугодіе 1877 г.) предстоявшею и начавшеюся войною, расходахъ, для покрытія которыхъ назначены особые источники. Мы упомянемъ о нихъ далѣе, а прежде всего обратимся къ самому важному отдѣлу отчета, въ которомъ отражается дѣйствительное поступленіе въ 1876 году доходовъ и приводятся данныя для сравненія съ поступленіемъ доходовъ въ ближайшіе предшествовавшіе годы. По росписи 1876 года обыкновенныхъ доходовъ (включая оборотные) было предположено 556³/₄ м. р., а поступило въ дѣйствительности 559¹/₄ м. р., то-есть на 2¹/₂ м. р. болѣе. Но этотъ общій результатъ, къ сожалѣнію, не свидѣтельствуетъ еще о благоприятномъ состояніи платежныхъ силъ страны. Дѣло въ томъ, что по двумъ главнымъ статьямъ доходовъ: питейному и податямъ, оказался противъ исчисленій росписи недоборъ, и излишекъ поступленія въ конечной общей цифрѣ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ усиленнаго поступленія третьяго, по важности, изъ государственныхъ доходовъ, именно—дохода таможеннаго. Но и такое усиленное поступленіе таможеннаго дохода не означало возрастанія спроса на привозные продукты, которое, въ свою очередь, свидѣтельствовало бы объ обильныхъ заработкахъ и сбереженіяхъ въ странѣ.

Таможенный доходъ за послѣдніе годы постоянно возрасталъ: съ 53¹/₂ м. р. 1872 года онъ поднялся за 1875 годъ до 62³/₄ м. р., т.-е. возросъ за тѣ 4 года на 9¹/₄ м. р., въ 1876 же году цифра таможеннаго дохода дошла до 71 м. р. или еще на 8³/₄ м. р. болѣе противъ 1875 года, на 10¹/₂ м. р. выше исчисленія по росписи 1876 г. Увеличеніе это зависѣло прямо отъ предстоявшаго съ 1 января слѣдующаго года взиманія таможенныхъ пошлинъ золотомъ по нарицательному курсу, вмѣсто взисканія ихъ кредитными билетами. Постановленіе комитета министровъ въ этомъ смыслѣ состоялось 10 ноября. Понятно, что привозители иностранныхъ товаровъ, имѣя въ виду, что чрезъ полтора мѣсяца имъ приходилось платить пошлину на 30% высшую, поспѣшили воспользоваться оставшимися полутора мѣсяцами для очищенія возможно большаго количества товаровъ пошлинами на прежнемъ основаніи. Такимъ образомъ огромное возвышеніе таможенныхъ сборовъ за конецъ 1876 года представляло явленіе фиктивное. Отчетъ замѣчаетъ по этому поводу, что „значи-

тѣлѣйшая часть превышенія таможеннаго дохода надъ поступленіемъ предшедшаго года составляетъ въ сущности принадлежность росписи 1877 года, въ счетъ которой онъ поступилъ какъ бы авансомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что таможенныя поступления текущаго (1877) года,—независимо отъ продолжающагося вліянія возвышенныхъ пошлинъ и войны,—должны уменьшиться на всю сумму пошлинъ преждевременно оплаченныхъ въ концѣ 1876 года^а.

Не будь этого искусственнаго приращенія или, лучше сказать, перечисленія таможеннаго дохода изъ одной росписи въ другую, въ концѣ 1876 года, и всѣкъ доходовъ въ общей ихъ сложности за тотъ годъ поступило бы менѣе, чѣмъ было предположено по росписи. Цѣлый рядъ годовъ доселѣ приучилъ насъ къ постоянному возрастанію итога доходовъ милліоновъ на 15-ть въ каждый годъ. Въ 1876 же году мы знакомимся съ явленіемъ новымъ: общій итогъ доходовъ года представилъ паденіе на 17¼ м. р. сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Не будь—какъ уже сказано—фигитивнаго возрастанія таможенныхъ полученныхъ въ концѣ 1876 года, и тогда сумма его доходовъ представила бы въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ упадокъ милліоновъ на 27.

Воѣ главныя статьи дохода упали. Такъ, питейный доходъ, на которомъ доселѣ главнымъ образомъ основывались всѣ благопріятныя явленія въ нашихъ ежегодныхъ отчетахъ, какъ-то: возрастаніе общей цифры доходовъ, покрытіе, благодаря превышенію поступленій противъ росписей, кѣлой массы расходовъ, росписями непредвидѣнныхъ, образованіе свободныхъ остатковъ,—питейный доходъ самъ сталъ падать еще съ 1875 года. Вслѣдствіе постояннаго возрастанія, питейный доходъ въ 1874 году дошелъ уже до 200¾ м. р., такъ что одинъ представлялъ собою почти ⅔ всей суммы обыкновенныхъ доходовъ государства; но уже въ 1875 году онъ упалъ почти на 3½ м. р., а въ 1876 году еще на 6¼ м. р., такъ что противъ наибольшей цифры поступленія питейнаго дохода, соответствовавшей 1874 году, нынѣшняя (1876 г.) цифра 191 м. р. представляетъ уменьшеніе почти на 9¾ м. р.

Такое направленіе того дохода, на которомъ главнѣйше зиждилось доселѣ наше относительное финансовое благополучіе, заслуживаетъ особаго вниманія. Если питейный доходъ, вмѣсто того, чтобы возрастать, сталъ падать, а сумма расходовъ продолжаетъ съ году на годъ расти въ прежнихъ размѣрахъ, нынѣ же къ ней прибавилось бремя чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, которые наложатъ на бюджетъ по меньшей мѣрѣ 20 м. р. расхода на платежи по новымъ займамъ, то такую перспективу нельзя, конечно, признать благопріятною.

Отчетъ показываетъ, по сравнению прежнему, уменьшились самыя возъ главныя статьи увеличенія итѣйнаго дохода— „дровныя и лесодеревяныя и административныя и др. въ обширномъ числѣ итѣсть продажи итѣй“; но, итѣсть съ ней, отчетъ рѣшается, однако, указать и другую причину, именно— болѣе суровымъ, а именно „уменьшеніе заработковъ въ слѣдъ народа, являющагося главными потребителями вина“. Впрочемъ, по итѣвійю отчета, это уменьшеніе заработковъ зависѣло собственно отъ „проникновенна, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, застои въ торговлѣ и внутреннѣхъ производствѣ“. Мы уже говорили объ этихъ обстоятельствахъ по поводу зависящихъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, въ которомъ также указывалось на уменьшеніе заработковъ, но, сверхъ того, говорилось прямо и объ обѣдненіи сельскаго населенія. Мы высказали тогда и повторимъ теперь, что при всѣхъ разсужденіяхъ о инфляціи, относящихся къ народному потребленію, то-есть именно къ потребленію продуктовъ въ массѣ народа (будь то мануфактурные продукты или акцизное вино), обращается слѣдуетъ мало вниманія на желѣзнодорожныя заработки. Около миллиарда рублей, нумерованныхъ на желѣзнодорожныя заработки въ теченіи всего 11 лѣтъ (до 1876 года), не могли не отозваться на усиленіи въ массѣ народа потребленія, между прочимъ и вина, и должны были играть важную роль въ быстрое возрастаніе итѣйнаго дохода. А такъ какъ желѣзнодорожное строительство съ 1875 года сильно сократилось и чрезвычайные заработки, имъ обусловливавшіеся, упали, то это не могло не отразиться и на упадкѣ итѣйнаго дохода, который сказались именно съ 1875 года.

Россия—доселѣ страна бѣдная, а эта истина отчасти забывалась въ теченіи того ряда лѣтъ, который представлялъ непрерывное и изумительное возрастаніе доходовъ государства. Между тѣмъ, истина продолжала быть истинной, и быстрое возрастаніе доходовъ казны было бы необъяснимо, если бы оно не сопровождалось столь же быстрымъ увеличеніемъ бремени лежащихъ на государствѣ обязательствъ по займамъ, сдѣланнымъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Суммы, вырученныя этими займами, въ значительной степени обращались именно на созданіе въ странѣ временныхъ усиленныхъ заработковъ, а это усиленіе заработковъ, въ свою очередь, сказывалось въ увеличеніи потребленія, между прочимъ и вина, что влекло за собой постоянный ростъ итѣйнаго дохода казны, и болѣе исправное поступленіе подушныхъ сборовъ, а отъ этого зависѣло общее возрастаніе доходовъ.

Такимъ образомъ, казна выигрывала на-время въ возвышеніи своихъ доходовъ въ сущности то, что прибавляла къ своимъ долго-

вымъ обязательствамъ. Иначе и не могло быть въ странѣ со столь слабой производительностью, какова Россія. Откуда же было взяться быстрому возрастанію казеннаго дохода, если не изъ особаго временнаго источника заработковъ, который создавала сама же казна? При этомъ, въ дѣйствительномъ балансѣ получалась казною только та выгода, которая представлялась поднятіемъ самой производительности въ странѣ устройствомъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, и та невыгода, которая выражается цифрой недоимокъ по платежамъ, слѣдовавшимъ казнѣ отъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ возмѣщеніе ея расходовъ по обязательствамъ, принятымъ за нихъ.

Что производительность Россіи слаба, въ этомъ всѣ согласны. Но ныне понимаютъ это въ слишкомъ узкомъ смыслѣ; они относятъ все къ недостатку у насъ фабрикъ и заводовъ, и требуютъ возвышеннаго тарифа для искусственнаго созданія русской заводской промышленности. Есть и такіе мыслители, которые видятъ главную причину бѣдности народа въ большомъ числѣ праздниковъ. Между тѣмъ, основныя причины такого или иного экономическаго положенія цѣлаго народа обуславливаются, конечно, физической природой страны. Населеніе раскинуто на громадномъ пространствѣ, и большая половина населенія живетъ на земляхъ скудныхъ; затѣмъ, по климатическимъ условіямъ, цѣлые шесть мѣсяцевъ въ году почти пропадаютъ для работы. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства выясняется обращеніемъ къ финансовымъ даннымъ. Какая главная цѣнность въ Россіи, какой въ ней главный источникъ для сборовъ въ пользу казны?—личный трудъ; изъ 540 м. р. обыкновенныхъ доходовъ (безъ оборотныхъ) гораздо ббльшая половина, свыше 300 м. р., представляются подушными податями и питейнымъ доходомъ, который у насъ можетъ быть разсматриваемъ именно какъ налогъ на душу населенія. Во Франціи, напримѣръ, питейный доходъ составляетъ всего 8 процентовъ бюджета, а въ Россіи 35%. Почему это такъ? Потому, что Франція—страна богатая, и въ ней много источниковъ, изъ которыхъ казна можетъ почерпать средства, а Россія—страна бѣдная, богатая только числомъ населенія. И вотъ въ ней численность населенія, по необходимости, и служитъ главнымъ источникомъ обложенія, которое и падаетъ главнымъ образомъ на личный трудъ.

А между тѣмъ, для личнаго труда, для развитія этого главнаго капитала Россіи и для пополненія этого главнаго источника ея казны—пропадаетъ, по климатическимъ условіямъ, почти половина времени въ году. Русскій крестьянинъ по необходимости работаетъ, также какъ пьетъ, порывами, черезъ силу: онъ чрезмѣрно трудится въ тѣ шесть мѣсяцевъ, которые должны прокормить его на цѣлый годъ,

а потомъ ему на мѣстѣ и совсѣмъ нельзя достать работы, и къ веснѣ истощаются всѣ его запасы, чахнетъ или распродается его скотъ, заключаются займы на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Въ общемъ же результатѣ, за цѣлый годъ, и выходитъ, что онъ работалъ мало, какъ мало, въ общемъ же результатѣ, и пилъ, да надо прибавить—какъ худо и ѣлъ, и какъ во всемъ терпѣльнѣе нужду. Но къ этому вопросу мы еще возвратимся. Теперь мы коснулись его только потому, что главный фактъ въ отчетѣ контроля за 1876 годъ представляется именно паденіемъ главныхъ государственныхъ доходовъ, между которыми первыя мѣста принадлежать именно доходу питейному и личнымъ податямъ.

Податей и поземельнаго налога поступило въ 1876 году 115 м. р., менше противъ 1875 года на $2\frac{1}{4}$ м. р., и даже менше противъ предвидѣній росписи—на 666 т. р. Уменьшеніе въ поступленіи податей отчетъ объясняетъ тѣми же причинами, которыя вліяли на пониженіе питейнаго дохода: застою торговли и промышленности, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, и какъ слѣдствіемъ таковаго застоя—уменьшеніемъ заработковъ въ отхожихъ и другихъ промыслахъ крестьянскаго и фабричнаго населенія. Объясненіе это мы принимаемъ съ той же поправкой, которая нами сдѣлана выше, относительно причинъ паденія питейнаго дохода. Съ 1875 года сильно сократилось желѣзно-дорожное строительство и связанныя съ нимъ временныя заработки; въ 1875 году впервые упалъ питейный доходъ, постоянно возростающій до того времени; въ 1875 же году прекратилось и возростаніе поступленія податей; въ 1873 году оно возросло на 8 м. р., въ 1874 г. на около $1\frac{1}{2}$ м. р., а въ 1875 году уже всего на $\frac{1}{4}$ м. р., въ 1876 же году поступленіе податей уже упало противъ 1875 года на $2\frac{1}{4}$ м. р. Вообще, замѣтное увеличеніе дохода за 1876 годъ оказывается только по двумъ статьямъ: доходамъ—таможенному и съ свеклосахарнаго производства. Но выше уже объяснено, что увеличеніе таможеннаго дохода въ 1876 году было только фиктивное; что касается дохода съ свеклосахарнаго производства, то его увеличеніе зависѣло отъ спеціальной мѣры, принятой по самому размѣру обложенія этого производства (возвышеніе суточныхъ нормъ снарядовъ).

Еще двѣ особыя статьи дохода, по которымъ въ 1876 г. оказался значительный недоборъ, представлялись платежами обществъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ и собственно доходомъ казни отъ желѣзныхъ дорогъ. По первой изъ этихъ статей поступило всего 12 м. р., менше противъ 1875 года на 5 м. р., и противъ ожиданій росписи на 4 м. р. По второй, послѣдовало уменьшеніе противъ 1875 года на $1\frac{1}{4}$ м. р. Известно, что желѣзнодо-

рожныя общества постоянно должны казнѣ. Изъ общей суммы недоимокъ и долговъ государственному казначейству, которая въ 1 января 1877 г. составляла около 422¹/₂ м. р. — почти двѣ трети (275³/₄ м. р.) числятся за обществами желѣзныхъ дорогъ. Долги этихъ обществъ постоянно увеличиваются: такъ, въ одномъ 1876 году они увеличились на 38 м. р., а возвращено изъ долговъ ихъ въ томъ году всего 1³/₄ м. р. Итакъ, собственно на платежи по облигаціямъ, общества желѣзныхъ дорогъ внесли въ 1876 году 12 м. р., вмѣсто 17 м. р., которые были ими внесены въ 1875 году, то-есть почти на цѣлую треть менѣе. Причинами этого отчетъ указываетъ слѣдующія обстоятельства: многія общества не успѣли получить суммъ за перевозку войскъ, а нѣкоторыя должны были вперед до расчета съ казною отнестъ на доходы эксплуатаціи тѣ различныя приспособленія, какія были вызваны мобилизаціею. Но это еще не все. Для полноты сужденія, надо здѣсь же упомянуть о томъ увеличеніи расходовъ казны въ 1876 году, какое потребовалось на уплату желѣзнодорожнымъ обществамъ гарантій дохода. На гарантіи въ 1876 году надержано не 5 м. р., какъ въ 1874 году, и не 7¹/₂ м. р., какъ въ 1875 году, но—14¹/₄ м. р., то-есть 6³/₄ м. р. болѣе противъ 1875 года; короче сказать, на гарантіи въ 1876 году уплачено почти вдвое противъ предшествовавшаго года.

Оказывается, что за исключеніемъ трехъ дорогъ въ царствѣ польскомъ и одной (шуйско-ивановской) дороги въ прочихъ губерніяхъ, по всемъ остальнымъ дорогамъ размѣръ приплаты по гарантіямъ въ 1876 году увеличился, и что даже тѣмъ семи линіямъ, которымъ въ 1875 году приплаты по гарантіи вовсе не потребовалось, теперь пришлось отпустить въ общей сложности до 1³/₄ м. р. Замѣчательны нѣкоторые примѣры увеличенія приплаты по гарантіи въ 1876 году: такъ, одной курско-харьково-азовской дорогѣ приплачено по гарантіи дохода вмѣсто ¹/₂ милл. р. 1875 года — слишкомъ 3 м. р. (на 2¹/₂ м. р. болѣе); волово-воронежско-ростовской болѣе противъ 1875 г. на 622 т. р., орловско-вѣтебской—болѣе на 608 т. р. Причина, вызвавшая такое необычайное усиленіе приплатъ по гарантіи дохода, разумѣется, была та же самая что и въ недоборѣ въ платежахъ по облигаціямъ—мобилизація и сопряженныя съ нею расчеты съ казною, изъ которыхъ не всѣ были окончены въ 1876 году. Но если, вслѣдствіе мобилизаціи, общества желѣзныхъ дорогъ внесли на 5 м. р. менѣе противъ 1875 года по облигаціямъ, да потребовали приплаты по гарантіи дохода на 6³/₄ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1875 году, то что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что казна хотя и платитъ обществамъ за перевозку войскъ и приспособленія въ вагонахъ, но, сверхъ такого прямого расхода, она, вслѣдствіе мобилизаціи, по-

терала въ 1876 году на желѣзныхъ дорогахъ еще $11\frac{3}{4}$ м. р. (говоримъ, потеряла, потому что за обществами состоитъ $275\frac{3}{4}$ м. р. долгу, который все растетъ).

Допустимъ, что общества, хотя они и получали отъ казны плату за перевозку войскъ, но тѣмъ не менѣе сами дѣйствительно потеряли хоть часть той суммы, которую не доплатили казнѣ или перетребовали съ нея. Не забудемъ, что при мобилизаціи, по новости дѣла, движеніе на линіяхъ останавливалось иногда на десять дней преждевременно, такъ какъ войскъ въ это время не отправлялось, потому что они не были собраны. Указывая на подобные случаи въ концѣ прошлаго года, мы тогда же замѣтили, что за такой бесполезный перерывъ движенія въ конечномъ результатѣ расплатится сама же казна—такъ или иначе, т.-е. въ формѣ ли вознагражденія желѣзнымъ дорогамъ, или въ видѣ приплатъ по гарантіямъ. Но расчеты съ желѣзными дорогами до такой степени эластичны, что мы отложимъ пока сужденіе объ этомъ предметѣ, чтобы не прерывать связи нашего обзора.

Перейдемъ къ расходамъ 1876 года, какъ они опредѣлились по контрольному отчету. По росписи 1876 года, расходовъ обыкновенныхъ (съ оборотными) было исчислено $550\frac{1}{2}$ милл. рубл.; но въ теченіи года было ассигновано сверхъ смѣты около $86\frac{1}{2}$ милл. руб., такъ что общая сумма ассигнованныхъ расходовъ опредѣлилась въ $637\frac{1}{4}$ милл. руб. Но не вся эта сумма дѣйствительно потребовалась: потребовалось въ дѣйствительности 624 мил. руб. Изъ суммъ, ассигнованныхъ сверхъ смѣты, 51 милл. рубл. относились къ расходамъ чрезвычайнымъ, вызваннымъ военными приготовленіями. Расходы сверхсмѣтные въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. такіе, которые прибавились къ смѣтнымъ ассигнованіямъ независимо отъ военныхъ издержекъ и отпуска военному и морскому вѣдомствамъ на-счетъ ихъ запаснаго фонда, составили въ 1876 году 21 милл. 616 тыс. руб.

Итакъ, если оставимъ въ сторонѣ расходы чрезвычайные (51 милл. руб. на военныя приготовленія), то увидимъ, что расходы 1876 года, 573 милл. руб., превзошли расходы 1875 года на $29\frac{1}{4}$ милл. руб. или на $5\frac{1}{2}\%$. Фактъ этотъ вовсе не безпримѣренъ и, бросивъ взглядъ на рядъ предшествующихъ годовъ, мы найдемъ подобные скачки отъ одного года къ другому. Но особенное значеніе фактъ этотъ получаетъ, если принять во вниманіе: во-первыхъ, что съ 1874 по 1875 годъ расходы не только не увеличились, но уменьшились, а съ 1875 по 1876 годъ они вдругъ возрасли на $29\frac{1}{4}$ милл. руб., причемъ не считаются чрезвычайные, военные расходы; во-вторыхъ, что, одновременно съ такимъ скачкомъ въ гору суммы расходовъ, доходы въ 1876 году не только не возрасли, какъ возрастали въ прежніе годы,

но упали на 17¼ милл. руб. противъ 1875 года. Вотъ тѣ, весьма неблагоприятныя финансовыя данныя, которыя уже выяснились въ то время, когда мы начали войну, потребовавшую огромныхъ жертвъ, неизбежно имѣющихъ отозваться въ ухудшеніи того положенія дѣлъ, которое обозначилось приведенными сейчасъ цифрами.

Справедливость заставляетъ признать, что сумма сверхсметныхъ кредитовъ 1876 года—21 милл. 616 тыс. руб. (безъ 51 милл. руб. расходовъ военныхъ)—сама по себѣ не велика, такъ какъ обстоятельства были все-таки исключительныя. Но размѣръ этой суммы, по сравненію съ цифрами сверхсметныхъ ассигнованій ближайшихъ годовъ, и самое происхожденіе цѣлой половины этой суммы—какъ сейчасъ будетъ объяснено—показываютъ, что дѣло уравнишенья расходовъ съ доходами теперь, по меньшей мѣрѣ, приостановилось, даже независимо отъ военныхъ расходовъ.

Объяснимъ только-что сказанное цифрами. Финансовое управленіе въ послѣдніе годы весьма настойчиво старалось установить равновѣсіе въ расходахъ съ доходами, и старанія его не были безуспѣшны. Въ каждомъ году сумма кредитовъ, ассигнованныхъ сверхъ сметъ, уменьшалась, сравнительно съ такимъ же кредитомъ года предшествовавшаго. Такъ, еще въ 1872 году сумма сверхсметныхъ кредитовъ составляла до 34½ милл. руб. или 7¼% назначенія по росписи, а въ 1873 году сверхсметныхъ кредитовъ было уже только 5¼% противъ назначеній росписи; въ 1874 году—4¼%; наконецъ,— въ 1875 году, сверхсметная сумма составила уже только 2¼% въ сравненіи съ бюджетомъ; она упала до 15¼ милл. руб., т.-е. уменьшилась слишкомъ вдвое противъ итога 1872 года. Теперь же, т.-е. за 1876 годъ, она вдругъ опять возрасла почти на 6 милл. руб. (не считая расходовъ военныхъ) и составила 3¼% сметнаго ассигнованія. Итакъ, дѣло уравнишенья расходовъ съ доходами теперь, по меньшей мѣрѣ, приостановилось—и независимо отъ расходовъ военныхъ. Далѣе, цѣлая половина сверхсметныхъ расходовъ 1876 года, и именно 10 милл. 632 тыс. руб., вызвана была чѣмъ?—необходимостью добавки къ такимъ расходамъ, исчисляемымъ по сметамъ въ размѣрѣ приблизительно (напримѣръ, поставки), „который (по словамъ отчета) вслѣдствіе возвышенія цѣвъ и другихъ обстоятельствъ, оказался недостаточнымъ“. Подобныя добавки бывали и въ прежніе годы; но въ каждый изъ двухъ ближайшихъ къ 1876-му годовъ они составляли немного болѣе половины той надбавки, которая потребовалась въ 1876 году—главнымъ образомъ вслѣдствіе сверхсметнаго отпуска обществу желѣзныхъ дорогъ на уплату гарантіи, тогда какъ въ 1874 и 1875 годахъ на этотъ предметъ сверхсметныхъ кредитовъ вовсе не требовалось.

Въ числѣ сверхсѣтныхъ расходовъ 1876 года, мы, впрочемъ, по-прежнему встрѣчаемъ значительныя рубрики такихъ издержекъ, которыхъ непредвидѣнность и крайняя настоятельность довольно трудно объясняется. Такова, напримѣръ, рубрика производства добавочнаго жалованья, наградъ и пособій: она одна составляетъ 2 милл. 113 тыс. руб., т.-е. десятую часть всего итога сверхсѣтныхъ кредитовъ за годъ. Такова — чтобы указать еще примѣръ — сверхсѣтная издержка въ 800 тыс. руб. по морскому министерству, на пріобрѣтеніе въ казну акцій „балтійскаго желѣзо-судоостроительнаго и механическаго общества“. Мы нисколько не удивляемся тому, что казна пріобрѣла эти акціи; но неужели необходимость ихъ пріобрѣтенія нельзя было предвидѣть раньше, такъ-чтобы внести этотъ расходъ въ сѣту 1876 года, или настоятельность этого пріобрѣтенія была столь велика, что его нельзя было отнести на сѣту 1877 года? Вѣдь съ конца августа, когда рѣшенъ былъ вопросъ о такой покупкѣ, до дѣйствія росписи 1877 года оставалось всего съ небольшимъ 4 мѣсяца.

Чрезвычайные расходы на военныя надобности въ 1876 году составили, какъ уже сказано, до 51 милл. руб. Изъ этой суммы, дѣлая четверть употреблена на одніи уплаты за лошадей и приготовленіе фуража; перевозка войскъ обошлась въ 4 милл. руб.; но такъ какъ, сверхъ того, приплачено желѣзнымъ дорогамъ по гарантіи около 6 милл. руб. болѣе, чѣмъ въ 1875 году, то цифра 4 милл. не представляетъ всего расхода, вызваннаго этой перевозкой. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ 1876 года и быть сдѣланъ четвертый внутренній 5%, заемъ, объявленный въ ноябрѣ того года, но о реализаціи его въ отчетѣ 1876 года не имѣется свѣдѣній: они отложены до слѣдующаго отчета. О движеніи суммъ желѣзно-дорожнаго фонда мы говорить не будемъ; замѣтимъ только, что въ числѣ краткосрочныхъ ссудъ, выданныхъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, каждая отдѣльная ссуда мотивируется какою-либо потребностью, не есть двѣ отсрочки ссудъ, которыя въ объяснительной запискѣ отчета ничѣмъ не мотивированы: по ссудѣ г-ну Губонину, подъ залогъ акцій грязе-царицынской дороги, срокъ уплаты продолженъ на два года, а по ссудѣ г-ну Варшавскому, подъ залогъ акцій ражско-вземской дороги, срокъ уплаты продолженъ на одинъ годъ. Желѣзно-дорожный фондъ — самое снисходительное изъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій и самое безответственное, такъ какъ оно даже не стѣснено никакимъ уставомъ.

Въ недоимкахъ податныхъ и по выкупнымъ платежамъ отражалось то же явленіе, что и въ уменьшеніи годовой цифры вообще:

податныя недоимки возрасли на $2\frac{3}{4}$ милл. руб., а выкупныя почти на 2 милл. руб.

Итакъ, отчетный баланс по росписи 1876 года указываетъ слѣдующія главныя цифры: поступило обыкновенныхъ доходовъ $559\frac{1}{4}$ м. р., и расходовъ потребовалось 624 м. р.; но если оставить въ сторонѣ чрезвычайныя, военные расходы и выдачи на счетъ запасныхъ фондовъ военного и морского вѣдомствъ, то сумма расходовъ, подлежащая удовлетворенію изъ обыкновенныхъ доходовъ, составила около $564\frac{1}{4}$ м. р.; такимъ образомъ, при исполненіи росписи 1876 года, обыкновенныхъ его средствъ противъ обыкновенныхъ же потребностей не достало на $5\frac{1}{2}$ м. р. Этотъ недостатокъ покрывается изъ свободныхъ остатковъ прежнихъ лѣтъ, которыхъ и числится до 34 м. р. Но какъ ни мало благоприятны нѣкоторые выводы, истекающіе изъ отчета 1876 года, не можетъ быть сомнѣнія, что отчетъ за 1877 годъ долженъ представить данныя еще гораздо менѣе благоприятныя.

Чрезвычайныя, военные расходы 1877 года также производились изъ экстраординарныхъ ресурсовъ—займовъ. Но вотъ тѣ факты, которые прямо падутъ уже на бюджетъ обыкновенныхъ расходовъ и отзовутся на бюджетахъ цѣлаго ряда лѣтъ: увеличеніе платежей по системѣ государственнаго кредита суммою годовыхъ процентовъ и погашенія вновь заключенныхъ займовъ, возростаніе суммы сверхсѣтныхъ кредитовъ вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на всѣ предметы востановокъ и заготовленій, какъ результатъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на сумму около 300 м. р. въ теченіи одного 1877 года, въ связи съ этимъ и переплата по системѣ государственнаго кредита, вслѣдствіе паденія вексельнаго курса; наконецъ, неизбежное, значительное уменьшеніе доходовъ подъ вліяніемъ уменьшенія заработковъ, паденія цифры таможенныхъ сборовъ, и отвлеченія большого числа людей, призванныхъ въ армію отъ работы и потребления въ предѣлахъ страны.

Обращаясь теперь къ государственной росписи на 1878 годъ, мы, разумѣется, не можемъ найти въ ней полнаго отраженія всѣхъ этихъ новыхъ финансовыхъ фактовъ, вызванныхъ войною; они скажутся впервые только въ контрольныхъ отчетахъ за 1877 и 1878 годы. Но названные факты все-таки выступаютъ наружу отчасти ужъ и въ самомъ бюджетѣ на 1878 годъ.

Обыкновенныя доходы въ немъ исчислены въ $538\frac{1}{2}$ м. р., оборотныя въ $22\frac{1}{2}$ м. р. и спеціальныя (по желѣзнымъ дорогамъ и портамъ) въ слѣшкомъ 12 м. р. Оборотными доходами и спеціальными ресурсами соответствуютъ равныя суммы въ графѣ расходовъ; сверхъ того, въ нее занесется 2 м. р. на надоборъ въ окладныхъ сборахъ.

Но затѣмъ, цифра обыкновенныхъ расходовъ принята въ 563³/₄ м. р. Такимъ образомъ, уже теперь предвидится, независимо отъ военныхъ расходовъ, дефицитъ 1878 года въ суммѣ 27¹/₂ м. р. Въ первый же разъ при разсмотрѣніи исчисленія доходовъ въ бюджетѣ мы должны отказать отъ обычнаго указанія, что итогъ доходовъ исчисляется въ бюджетѣ ниже, чѣмъ его можно ожидать въ дѣйствительности. Такъ было въ продолженіи десятиа лѣтъ, и доходъ всегда сильно превъшалъ предвидѣнія росписи, услужливо являясь для покрытія столь же непредвидѣнной и столь же предвидѣнной сумми сверхъ-сѣтанныхъ расходовъ. Но въ виду примѣра 1876 года, когда доходъ не возросъ, а упалъ на 17 м. р., мы уже не можемъ сѣтовать на излишнюю скромность въ предвидѣніи цифры дохода нынѣшнихъ бюджетовъ.

Цифра обыкновенныхъ доходовъ въ бюджетѣ 1878 г. принята всего на ¹/₂ м. р. выше росписи 1877 года. Какъ всегда, въ однихъ отрасляхъ дохода предвидится возрастаніе, въ другихъ—уменьшеніе противъ прошлаго года, но въ общирнѣ результатъ исчисляется именно превышеніе на ¹/₂ м. р.; почти на эту сумму предполагается увеличеніе питейнаго дохода. Но возрастаніе въ большихъ размѣрахъ предполагается въ акцизѣ съ табаку, вслѣдствіе новаго тарифа бандеролей, и въ платежахъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе исчисленія платежей съ облигаціонныхъ капиталовъ по возвышенному курсу. Между тѣмъ, цифра таможеннаго дохода уменьшена въ нынѣшнемъ бюджетѣ на 2 м. р. Въ то время, когда по бюджету возвышеніе доходовъ предполагается только въ ¹/₂ милліона, неизбѣжное возрастаніе обыкновенныхъ расходовъ надо было предвидѣть не только въ прежнемъ, но въ большемъ противъ прошлаго размѣрѣ; оно опредѣлено въ 28 м. р.

Такое увеличеніе бюджетныхъ расходовъ обусловилось, главнымъ образомъ, сдѣланными въ 1877 году займами, по которымъ придется заплатить 17 м. р. въ годъ и отъ паденія вексальнаго курса, что вызываетъ дополнителный расходъ въ 3 м. р.; всего по сместенію государственнаго кредита расходъ увеличился такимъ образомъ на 20 м. р., и увеличеніе это совершенно несомнѣнно; въ предполагаемыхъ доходахъ можетъ оказаться надоборъ, но въ усиленіи расходовъ, зависящихъ на двѣ трети отъ увеличенія платежей по долгамъ, сокращеніе можетъ произойти только въ незначительномъ размѣрѣ; такъ, если допустить, что нашъ курсъ, который уже сталъ поправляться, поднялся бы на 20%, то можетъ оказаться сбереженіе въ указанной суммѣ 3 м. р.—всего на 600 т. р. Вся сумма платежей по государственному долгу и по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ теперь составляетъ уже 133¹/₂ м. р., такъ что вся сумма притоковъ на

дегерь (188½ м. р.) идут на один эти платежи по долгу. Весь же итерь бюджетныхъ расходовъ, т.-е., считая сверхъ обыкновенныхъ — еще оборотные, спеціальныя по постройкѣ желѣзныя дороги и цифру 2 м. руб., положенную на надоборъ сборовъ, составляетъ свѣдѣе 600 м. руб.

Шестисотъ милліоновъ рублей — независимо отъ военныхъ расходовъ — цифра весьма почтенная, до которой нанѣ бюджетъ дорожъ доведенъ быстро. До крымской войны государственныя расходы составляли менѣе половины нынѣшней сумки, а именно 280 м. р. (въ 1862 году). Но еще и въ 1862 году сумка расходовъ составляла только 369 м. р. Въ 16 лѣтъ мы довели свой расходъ съ 369 м. р. до 600 милліоновъ! Выбѣ съ тѣмъ, процентный государственный долгъ, въ кредитныхъ рубляхъ, считая и желѣзнодорожный, дошелъ до 1 милліарда 900 м. руб. Если же приведемъ безпроцентный долгъ, то получимъ цифру въ свѣдѣе 2 милліарда 900 м. рублей.

Докладъ министра финансовъ, объясняющій роспись 1878 года, упоминаетъ и о чрезвычайныхъ расходахъ на продолженіе военныхъ дѣйствій. Итеръ уже ассигнованныхъ выѣ росписи чрезвычайныхъ расходовъ, начиная съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1876 года по 25 декабря 1877 г., простирается, по словамъ доклада, до 432½ м. р. На покрятіе этихъ расходовъ ишлись: два внутреннихъ займа въ сложности на сумку 300 м. р. и вышній заемъ въ 100 м. р. металлическимъ, что по нынѣшнему курсу составляетъ омоло 150 м. р. кредитныхъ, и свободные остатки отъ свѣтъ прежняго времени, которые, по показанію контрольного отчета, составляли 34 м. р. — всего нѣсколько менѣе 480 м. р. — что касается отъ курса, по закону выпущенъ вышній заемъ. А такъ какъ по бюджету 1878 года предвидится дефицитъ въ 27½ м. р., который долженъ быть покрятъ также изъ этого, вышняго займа, то мы и получаемъ: чрезвычайныхъ расходовъ, подлежащихъ удовлетворенію, 460 м. р. и чрезвычайныхъ же ресурсовъ на ихъ удовлетвореніе — до 480 м. р.

Между тѣмъ, съ конца 1876 года и по 1 января 1878 года выпускаемо вые кредитныхъ билетовъ на сумку 305 м. 150 т. р., что въ соединеніи съ прежней цифрой кредитныхъ билетовъ, нынѣ значащейся въ „обращеніи“, представляетъ итеръ кредитныхъ билетовъ въ 1.089.922,025 р., т.-е. до 1 милліарда 40 милліоновъ рублей. Эта новая сумка кредитныхъ билетовъ въ 305 м. р. не показывается въ докладѣ, сопровождающемъ бюджетъ, такъ какъ она въ счетахъ банка именуется „временно выпущенной на подврѣженіе кассъ монторъ и отдѣленій банка“, и частью, хотя и небольшою, употреблена, конечно, на дѣла банковыя. Но такъ такъ въ докладѣ было признано необходимымъ упомянуть о чрезвычайныхъ расходахъ и ресурсахъ,

второе въ бюджетъ не входить, то можно пожелать, что въ немъ не указано, какая часть суммы въ 305 м. р. должна быть отнесена къ тѣмъ же чрезвычайнымъ ресурсамъ. Въ каскахъ банка, его конторъ и отдѣленій въ 1 января 1878 года бумагами (въ томъ числѣ сверхъ кредитныхъ билетовъ и процентными) значилось всего 5½ м. р. Если же всю остальную сумму новыхъ кредитныхъ билетовъ, т.-е. около 300 м. р., причесть къ чрезвычайнымъ ресурсамъ, то вмѣстѣ съ указанными выше 480 м. р., итогъ нашихъ экстраординарныхъ средствъ на покрытие военныхъ расходовъ и дефицита составлялъ бы 780 м. р. При этомъ не надо забывать, что бюджетное ассигнованіе въ 180 м. р. для военного вѣдомства и 25 м. р. для морского вѣдомства, какъ идущіе на обыкновенные расходы, въ эту сумму не входятъ.

О вѣнскомъ займѣ мы доселѣ не имѣемъ еще точныхъ свѣдѣній; известно только, что правительствомъ реализовать былъ сдѣланъ авансъ, а подписка на заемъ, объявленная въ ноябрѣ, не удалась, но что затѣмъ заемъ все-таки былъ реализованъ успѣшно, такъ какъ о немъ уже упоминается въ докладѣ, сопровождающемъ бюджетъ; по частнымъ свѣдѣніямъ остальная (но какая?) часть займа была разобрана въ Парижѣ даже съ премією. Но каковы бы ни были его условія, онъ обезпечилъ покрытие нашихъ чрезвычайныхъ расходовъ на первое время, и самый успѣхъ его показалъ, что въ случаѣ необходимости, т.-е. если бы недостало и приведенныхъ цифръ чрезвычайныхъ ресурсовъ, Россія можетъ рассчитывать на заключеніе новаго вѣнскаго займа.

Но въ томъ финансовомъ положеніи, какое создается и еще создается нынѣшней войною, надо различать двѣ категоріи явленій: явленія временныя, временныя потребности, временныя средства и — явленія постоянныя, такіа явленія, которыя война оставитъ послѣ себя въ наслѣдство цѣлому ряду будущихъ бюджетовъ. О тѣхъ и другихъ явленіяхъ надо поговорить отдѣльно.

Въ ближайшее время, т.-е. до возвращенія войскъ въ предѣлы Россіи, намъ прежде всего нужны наличныя чрезвычайныя средства; какъ указано, такіа средства уже есть и могутъ быть еще усилены. Но требуется, чтобы средства эти могли обезпечить намъ для военныхъ расходовъ за границами государства достаточное количество металла; и это условіе удовлетворяется вѣнскимъ займомъ, покупкою иностранныхъ векселей правительствомъ, черезъ посредство государственнаго и частныхъ банковъ; наконецъ, при помощи введенія таможеннаго сбора золотомъ, которое должно доставлять ежегодно, въ среднемъ размѣрѣ, до 4 м. р. золота. Вообще настоя-

нее положеніе дѣлъ, въ смыслѣ временныхъ средствъ, довольно благоприятно. Побѣды сдѣлали свое и въ финансовомъ положеніи. Хотя и говорится, что деньги—*perquis belli*, но понятно и то, что мечъ, положившій Бренномъ на вѣки, перетянулъ не малое количество золота. Такъ, вѣнскій банкъ, посостязавшійся до занятія Илленн, удался послѣ нашихъ успѣховъ. Такъ, неслыханный курсъ, который во время нашихъ военныхъ неудачъ опустился было до 284 сантим. на Парижъ, а кредитный рубль стоилъ всего 58½ металлическихъ копѣекъ, въ провинціи живари держался уже на 262—268½ сантим., а цѣна кредитнаго рубля была уже 65 метал. копѣекъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что извѣстія объ установленіи предварительныхъ условій мира поведутъ къ новому, замѣтному повышенію курса.

Но въ такомъ временномъ улучшеніи должно появиться новое ухудшеніе при сведеніи расчетовъ за войну. О серьезной контрибуціи съ Турціи, конечно, не можетъ быть рѣчи, а дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ, несомнѣнно, уронятъ вновь ихъ цѣнность. А между тѣмъ, война оставитъ намъ наслѣдство въ видѣ слѣдующихъ настоящихъ, т.-е. несноро прекоидищихъ явленійхъ: увеличеніе платежей по государственнымъ долгамъ по меньшей мѣрѣ на 20 м. р. въ годъ, увеличеніе всѣхъ государственныхъ расходовъ на поставки и заготовленія, въ размѣрѣ около 25%, то-есть, соответственно наибольшей разницѣ въ цѣнности кредитнаго рубля, которая должна выразиться въ возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы потребностей. Такимъ образомъ, весьма значительную часть того, что казна приобрѣтетъ на военные расходы выпусками кредитныхъ билетовъ, она должна будетъ передерживать на заготовленіяхъ и поставкахъ не только военного, но и мирнаго времени. Итакъ, первал потребностей, которая является по сведеніи счетовъ за войну, будетъ—желаніе значительной части бумажно-денежнаго обращенія и созданіе новыхъ доходовъ. Созданіе новыхъ доходовъ является необходимо уже вслѣдствіе одного погашенія части кредитныхъ билетовъ, такъ какъ придется уплачивать проценты по сдѣланному съ этой цѣлью займу.

Экономическихъ послѣдствій, какія могутъ возникнуть для страны въ переходѣ сперва отъ выпуска бумажныхъ денегъ на 25 мил. руб. ежемѣсячно—къ превращенію этихъ выпусковъ, а затѣмъ, отъ прекращенія ихъ—къ погашенію нѣкоторой части миллиардо-кредитныхъ рублей, — мы здѣсь разсматривать не будемъ, такъ какъ это далеко бы насъ сдвинило далеко. Весьма вѣроятно, что рядъ этихъ явленій будетъ сопровождаться сперва сильнымъ развитіемъ спекуляцій, а потомъ—паденіемъ цѣнныхъ бумагъ, которыя утратятъ нѣзначительную, отчасти приращенную свою цѣну, и что такіа перемѣны не

обойдутся безъ зашѣтой пертурбаціи въ торговомъ мірѣ и безъ значительныхъ потерь частнымъ учрежденій и лицъ. Повторимъ только, что необходимость прекращенія выпуска кредитныхъ билетовъ и затѣмъ погашенія части ихъ—явится сама собою, какъ нѣчто неизбежное и неотложное. Иначе всей странѣ будутъ грозить уже не временныя затрудненія только, но нѣчто худшее.

Но какъ специально на этотъ предметъ, такъ и на покрытіе расходовъ государства, возросшихъ какъ по долгамъ, такъ и по пережиткамъ вслѣдствіе водорожанія продуктовъ, потребуются созданіе новыхъ доходовъ или сокращеніе разнѣобразныхъ потребностей, входящихъ въ снѣтъ. Достигнуть созданія новыхъ доходовъ простымъ средствомъ—надбавкой въ обложенію нынѣ существующему—возможно только въ малыхъ размѣрахъ, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ отраслямъ доходовъ. Такъ, наприимѣръ, мы видимъ, что въ нынѣшнемъ бюджетѣ уже имѣется возвышеніе акцизнаго дохода съ табаку вслѣдствіе возвышенія тарифа бандеролей. Но гдѣ большія средства могли бы быть добыты только надбавкою въ обложенію въ главныхъ статьяхъ дохода, каковы доходъ питейный, подати и таможенный доходъ. А между тѣмъ, контрольный отчетъ удостовѣряетъ, что такая надбавка невозможна, такъ какъ питейный доходъ и поступленіе податей и при нынѣшнемъ размѣрѣ обложенія стали падать. Свѣдѣнія же о поступленіи таможенного дохода за 1877 годъ показываютъ, что фактическое повозышеніе тарифа, произведенное перемѣненіемъ его на золото по нарицательному курсу, имѣло послѣдствіемъ не возростаніе, но паденіе этого дохода.

Итакъ, возвышеніе доходовъ посредствомъ простыхъ надбавокъ къ нынѣшнему обложенію оказывается невозможнымъ, но крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ главнымъ источникамъ дохода. Стало бытъ, придется изыскивать совершенно новые налоги. Дѣйствительно, уже и созрѣла мысль объ установленіи классной подати, чего надо зашѣтить, что ничего другого доселѣ еще не придумано. Но классную подать считаютъ всѣ, какъ только найдеть рѣчь о какомъ-либо улучшеніи въ финансовомъ положеніи. Но намъ уже случалось оговариваться, что классная подать, имѣющая большое значеніе для образованія податной системы, далеко не имѣла бы большого значенія въ смыслѣ новаго источника для увеличенія доходовъ государства.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ зѣлѣтій и початіи снѣдн занимались установленіемъ подоходнаго налога или классной подати, то разумѣли ее именно въ первомъ смыслѣ, то-есть ставили ея цѣлью не увеличеніе государственныхъ доходовъ, но облегченіе массы народа въ несеніи податей. Въ ней видѣли не новую денежную

статье для казны, но средство къ болѣе уравнительному распредѣленію личныхъ податей. При этомъ предполагалось, что когда новый видъ прямого налога, наравняющій уравнительно на всѣхъ, будетъ введенъ въ бюджетъ, то прежній видъ прямого налога — подушныя подати, лежащія только на нѣкоторыхъ классахъ населенія, будутъ стѣснены. Теперь же о классной подати начинаютъ говорить вслѣдствіе въ нѣмъ смысла, въ смыслѣ новой, добавочной статьи дохода, которая прибавилась бы къ бюджету для покрытія возросшихъ расходовъ. Но если введеніе классной подати послѣдуетъ не для облегченія нѣтъншихъ податныхъ классовъ, а для доставленія назвѣнныхъ средствъ, то изъ этого слѣдуетъ, что нынѣшнее податное бремя массы народа останется въ прежнемъ размѣрѣ.

Какой же, однако, былъ бы результатъ такого обращенія къ классной подати? При сохраненіи подушныхъ податей классная подать можетъ пасть только на „неподатные“ классы и, какъ вообще предполагать, можетъ дать государству около 10 м. р. въ годъ. Но вѣдь это — всего одна треть въ сравненіи съ увеличеніемъ расходовъ казны по бюджету 1878 года. А если присоединить счесть по окончаніи войны и по погашенію сколько-нибудь значительной части бумажнаго обращенія, то названные 10 м. р. составятъ, быть можетъ, всего четверть потребнаго увеличенія доходовъ. Италь, результатомъ введенія классной подати въ смыслѣ новой доходной статьи было бы только то, что мы лишили бы себя прекраснаго средства для преобразованія податной системы, съ цѣлью болѣе уравнительности; а для покрытія новыхъ расходовъ получили бы нѣчто весьма недостаточное.

Гдѣ же найти еще новыя статьи дохода, для уравновѣшенія возраставшихъ издержекъ? Повторимъ, что ничего, кромѣ классной подати, доселѣ еще и не придумано. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на то, какъ поступаютъ нѣкоторые доходы уже нынѣ существующіе, то усмотримъ такой фактъ, что одиѣ недолгими желѣзнодорожными обществами въ настоящее время, слѣдующихъ съ нихъ взносѣ, по облигаціямъ ихъ, оставленнымъ за собой правительствомъ, составляютъ до 57 мил. рублей? Въ одномъ 1876 году, общества не заплатили на этотъ предметъ 4 м. р.; въ теченіи одного этого года они вновь задолжали въ общей суммѣ до 38 м. р., а возвратили всего 1³/₄ м. р. Да и вообще все движеніе суммъ желѣзнодорожнаго фонда представляетъ крупныя расходныя цифры на такія потребности, которыя могутъ быть удовлетворены только болѣе или менѣе, а не безусловно. Напомнимъ хотя бы о той отсрочкѣ уплаты даукъ осудѣ, которая умалана въ нынѣ. При разрѣшеніи такой отсрочки, конечно, имѣлась въ виду польза дѣла; но вѣдь польза бывасть также относительная; при раз-

сметрѣнія свѣтъ министерствъ государственныя соображенія исключаются же многія суммы, требемыя на нужды несомнѣнныя, исключаются потому именно, что сперва нужно обеспечить удовлетвореніе нуждъ еще болѣе несомнѣнныхъ и настоятельныхъ.

Быть можетъ, мыслимы и такія мѣры, которыя возвысили бы нѣкоторые доходы, существующіе безъ увеличенія ихъ нормъ, и уменьшили бы нѣкоторые, существующіе же, расходы безъ вреда дѣлу. Говоримъ это въ особенности именно по отношенію къ расчетамъ съ желѣзнодорожными обществами, такъ какъ движеніе желѣзнодорожнаго фонда находится въ совершенно особыхъ условіяхъ, совершается главнымъ образомъ внѣ бюджета, но отзывается въ концѣ концовъ на немъ же. Напримѣръ, мы видимъ въ контрольномъ отчетѣ, что потребовалось значительно болѣе противъ 1875 года приплата по гарантіи дохода; приплата эта составила въ 1876 году 14¹/₂ м. р., на 6³/₄ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1875 году. Мы объясняемъ себѣ это затрудненіемъ при перевозкѣ войскъ: перерывомъ движенія и несовершеніемъ счетовъ съ казною. Прекрасно; но рядомъ съ этимъ мы замѣчаемъ еще и другой фактъ, который невольно наводитъ на размышленіе. Расходы по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ сильно возрастаютъ; а вѣдь на чистый доходъ вліяетъ не одно уменьшеніе валового сбора, но и увеличеніе расходовъ. Представимъ себѣ примѣръ злоупотребленія, которое можетъ представиться хотя бы въ видѣ единичнаго случая. Представимъ себѣ, что какое-либо общество гарантированной дороги скажетъ себѣ: такъ какъ опредѣленный доходъ гарантированъ намъ казною, то нѣтъ нужды стараться о возвышеніи валового сбора и объ уменьшеніи расходовъ; вѣдь при этомъ мы стараемся бы только объ уменьшеніи той жертвы, какую должна нести казна, превзойти же гарантированную цифру дохода мы не имѣемъ надежды; не лучше ли намъ наживаться на расходахъ по эксплуатаціи, на ремонтѣ, на всякихъ подрядахъ? То, что мы приобретаемъ на этомъ, мы получимъ непосредственно для себя; а казна пусть приплатитъ болѣе по гарантіи, намъ до этого нѣтъ дѣла; гарантированный доходъ все-таки будетъ нашъ.

Едва ли можно утверждать, что нравственность не дозволитъ подобнаго расчета ни въ одномъ случаѣ. А между тѣмъ, вѣдь приплата казны по гарантіи составила въ годъ 14 мил. р., въ одинъ годъ возрасла на 6³/₄ милліоновъ. Если справедливо, что расходы по эксплуатаціи, въ общей суммѣ, возрасли гораздо болѣе, чѣмъ валовой сборъ, и что въ теченіи всего двухъ лѣтъ общая цифра расходовъ по эксплуатаціи увеличилась на 12 мил. рублей, то вотъ уже вамъ болѣе покойныя той гадательной цифры, какую можетъ дать въ годъ предполагаемая классная подать.

Собораніе, что расходы по эксплуатациі растутъ въ такихъ размѣрахъ, несмотря на утвержденіе министерствомъ путей сообщенія сдѣлать, есть только одно изъ тѣхъ, которыя заставляютъ желать, чтобы въ отношеніи жизни въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ было внесено какъ можно болѣе энергіи и надзора.

Если же допустить, что изъ всѣхъ существующихъ статей государственныя доходы увеличивается все, что изъ нихъ исключено быть можетъ и что всѣ расходы сокращены насколько то возможно безъ вреда отправленіямъ государственной жизни, — то значитъ, для прѣлагаемаго улучшенія финансового положенія, для постоянного роста доходовъ безъ обремененія народа, остается одно надежнѣйшее средство — поднятіе самой производительности страны. Первый шагъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ — проведеніемъ обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая сократила разбросанность, разрозненность населенія Россіи, облегчила сбытъ продуктовъ и доставила части населенія тѣ пречные заработки, которые исходятъ изъ самой эксплуатации желѣзныхъ дорогъ. Но это еще далеко не все. Это въ бундальномъ смыслѣ только начало пути для развитія производительности, но еще не источникъ такого развитія. Пусть съ облегченіемъ сбыта является выгода расширенія производства и размещеніе занятъ за новыми отраслями труда. Но что же производить и что сбывать русскому крестьянину? Все — одинъ хлѣбъ, а производство хлѣба доставляетъ ему заработка только на полгода. Половина времени въ году по-прежнему для него пропадаетъ, если онъ остается на мѣстѣ. Не и отхожіе промыслы — строительства и судоходства — предлагаются только въ тѣ же рабочіе полгода, такъ-что самое занятіе ими идетъ, до нѣкоторой степени, въ ущербъ сельскому хозяйству. Развитію скотоводства мѣшаетъ вздоржаніе земель, обезлюеніе является новымъ препятствіемъ въ учрежденіи мелкихъ мѣстныхъ заводскихъ производствъ.

Вотъ то положеніе дѣлъ, изъ котораго возможенъ только одинъ выходъ. Такъ какъ главное богатство Россіи заключается въ численности ея населенія и главнѣйшій источникъ ея казны — въ числѣ душъ, платящихъ личный и акцизный налоги, такъ-какъ дѣйствительное основаніе русскаго бюджета есть личный трудъ, то надо сдѣлать все, что возможно, дабы половина года не терялась для труда. Сдѣлать нѣчто сарьбаное въ этомъ отношеніи можетъ только государство. Что бы ни говорила теорія о неспособности государства къ инициативѣ экономическихъ улучшеній, государство у насъ фактически стало на путь улучшенія быта массы народа. Оно явилось дѣлательнымъ и посредникомъ при выкудѣ крестьянскихъ земель и при осуществленіи желѣзнодорожной сѣти. Теперь оно же должно пойти дальнѣе

по этому пути. Вопросъ въ томъ, чтобы благопріятствовать развитію сельско-хозяйственнаго и мануфактурнаго производства въ самыхъ селеніяхъ. Весьма ошибается тѣ, кто видитъ спасеніе въ одномъ развитіи крупнаго фабричнаго, централизованнаго мануфактурнаго производства въ Россіи и склоняетъ видѣть въ самомъ земельномъ надѣлѣ препятствіе къ такому развитію. Идеаль разсуждающихъ таковы образцы слѣдующій: масса пролетаріевъ, лишенныхъ средствъ и принужденныхъ во что бы то ни стало завалиться къ фабрикантамъ, высокой непромышленной тарифы, услонные заказы и поощренія правительства фабрикантамъ. Но какіе дѣйствительно результаты могла бы произвести такая система: высокое обложеніе массы потребителей въ пользу нѣсколькихъ сотенъ „лицевой промышленности“, запусканіе сельскаго хозяйства и въ видѣ вознагражденія за все это—какой-нибудь ничтожный доходъ казна съ этихъ сотенъ фабрикантовъ, въ видѣ ли возрастанія гильдейскихъ оборотовъ, или въ видѣ подоходнаго налога, который еще наполовину поглотился бы переплатами казны тѣмъ же фабрикантамъ, для поощренія ихъ. Совершенно не то было бы, если бы развитіе заработковъ на мѣстахъ населенія дозволило массѣ народа, не бросаю сельское хозяйство, а напротивъ, улучшая его, съ волненьемъ удобоверно уплачивать казнѣ даже возвышенные противъ нынѣшнихъ налоги. Вѣдь одинъ лишний рубль съ каждой души населенія въ Россіи (женщины такъ же работаютъ) уже означаетъ 80 лициныхъ милліоновъ рублей дохода; такова особенность нашей страны, въ которой главнымъ источникомъ бюджета является все-таки личный трудъ.

Для развитія желѣзныхъ дорогъ, государство сдѣлало уже достаточно. Теперь на первый планъ должны быть выдвинуты заботы о развитіи лѣснаго, сельскаго производства. Разведеніе лѣсовъ и устройство ирригаціи вездѣ было совершенно государствомъ и при помощи государства. Затѣмъ, развитіе скотоводства, столь необходимое для предохраненія самаго земледѣлія отъ окончательнаго упадка, могло бы вызвать массу зависящихъ отъ этой производительности сельскихъ промысловъ: но видѣлкѣ кожъ, шерсти, щетинъ и т. д. Развитіе скотоводства одно только можетъ распространить и воздѣлываніе льна и пеньки, съ первоначальной ихъ мануфактурною обработкой. Затѣмъ, развитіе коневодства, столь естественное въ Россіи, уже одно давало бы Россіи огромный источникъ вывоза. Наконецъ, всякое распространеніе такъ-называемаго кустарнаго мануфактурнаго производства по самымъ разнообразнымъ отраслямъ представляло бы благопріятное приобрѣтеніе, если бы оно устраивалось, при помощи государственнаго кредита, на томъ же общинномъ началѣ, то-есть въ формѣ артельного производства въ волостяхъ.

Когда подумаешь, какія плодотворныя послѣдствія могло бы имѣть обращеніе какого-нибудь одного десятка милліоновъ рублей ежегодно на цѣли развитія ибѣтныкъ сельскихъ промысловъ, то можно только удивляться, какъ еще ничего не сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ направленіи и какое требуется долготерпѣніе, чтобы самыя вопросы о лѣсоразведеніи и устройствахъ ирригаціи оставались годами въ портфельхъ разныхъ комиссій. Много вѣковъ тому назадъ въ татарскихъ песчаныхъ степяхъ устроена была превосходная ирригація, благодаря которой средняя Азія обитана десяти, а у насъ, на югѣ, при условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, при громадныхъ средствахъ казны, при настоятельности самаго этого дѣла, самая возможность за него приняться все еще остается вопросомъ. Между тѣмъ серьезный починъ государства въ указанномъ направленіи, то-есть въ заботѣ о созданіи въ Россіи массы ибѣтныкъ сельскихъ заработковъ, сельскохозяйственныкъ и мануфактурныкъ --- вотъ тотъ единственный раціональный и вѣрный путь, на которомъ можетъ быть осуществлено и дѣйствительное водянїе производительности въ странѣ, и прочное возвышеніе платежныхъ силъ государства. Проще нами лежитъ безграничное поприще для обширныхъ внутреннихъ завоеваній!

НОВАЯ ТЕОРИЯ Г-НА ЕВГЕНІЯ МАРКОВА.

Г-нъ Евгеній Марковъ въ одномъ изъ январскихъ номеровъ „Голоса“ обстоятельно высказалъ свое мнѣніе вообще о „толстыхъ“ журналахъ, и о нашихъ въ частности. По наведеннымъ имъ справкамъ, въ глубинѣ (?) русскаго народа и русскаго народа, оказалось, что высшіе общества охладѣли къ толстымъ журналамъ за „однимъ изъ общихъ грѣховъ: они, такъ сказать, *проспали войну*“..... „все имѣли свою глѣбу, что ради войны невозможно забывать своихъ внутреннихъ интересовъ“. Г-нъ Марковъ наводитъ свои справки такъ, что трудно повѣрить имъ, а потому и спорить съ нимъ по вопросу „охлажденія“ нѣтъ и будетъ; да, наконецъ, если бы онъ и ошибался, то тутъ нѣтъ ничто особенно важнаго ни для толстыхъ журналовъ, ни для самого г-на Маркова. Болѣе важно — указаніе авторомъ мотивовъ наблюденнаго имъ „охлажденія“ вслѣдствіе „общаго грѣха“: журналы, оказывается, имѣли, по меньшей степени, безтактность заснуть во время войны, т.-е. настаивать на необходимости заниматься *внутренними* вопросами. Такое настояніе г. Марковъ считаетъ почтеннымъ и логичнымъ, но „не современнымъ“, т.-е. непрактичнымъ; съ этимъ пожалуй можно согласиться: дѣйствительно, было бы практичнѣе идти по теченію, и г. Марковъ, вѣроятно, не затруднился бы поддѣрживать свою мысль недалекими примѣрами практичности тѣхъ органовъ печати (не говоримъ — толстыхъ, или тонкихъ), которые, говоря словами г-на Маркова, „поняли историческую минуту“.

Но вотъ что заслуживаетъ серьезнаго вниманія: свое ученіе о „современности“ г. Марковъ возвелъ на высоту принципа, который, въ известномъ смыслѣ, обезсмертитъ его имя и поставитъ его на ряду съ творцомъ известной бонапартистской теоріи о непригодности частной морали для государственныхъ людей: „Все, что говорили большіе журналы, — возвѣщаетъ г. Марковъ, — о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, о нашихъ внутреннихъ задачахъ, все это, почти безъ исключенія, было *правдою само по себѣ*“ (курсивъ у автора). Что же, — замѣтитъ читатель, — значитъ, большіе журналы правы! — Напротивъ, возражаетъ г. Марковъ: „все это, вмѣстѣ съ тѣмъ, было совершенною *неправдою минуты*“ (курсивъ у автора). Итакъ, нашъ нравственный кодексъ обогатился новымъ принципомъ г-на Маркова: „правда сама по себѣ“ можетъ быть „неправдою минутн!“ Даже „софисты XIX вѣка“, изображенные и неизобразенные г-нъ Марковымъ, поблѣднѣютъ отъ зависти: какъ этотъ принципъ при-

годились бы во многих случаях их практики, даже въ спорѣ съ самимъ г-мъ Марковым! Напримѣръ, въ этой же самой статьѣ г. Марковъ соглашается со взглядами, выраженными въ декабрской хроникѣ относительно необходимости „освободить печать отъ всѣхъ дѣтскихъ пеленговъ“ — какъ образно выразился г. Марковъ. Но теперь и мы, и г. Марковъ вмѣстѣ съ нами, уничтожая его же принципомъ: намъ основательно возражать, что мысль о свободѣ печати есть правда сама по себѣ, но это — неправда минуты, и оплыветъ при этомъ на г-на Маркова, какъ на авторитетъ. Вотъ что значитъ прибѣгать къ сомнительнымъ принципамъ, въ родѣ того, что „правда сама по себѣ есть неправда минуты“; что „правила частной морали не должны стѣснять великихъ людей“, и т. п. А потому мы просимъ у г-на Маркова позволенія остаться при нашихъ старыхъ заблужденіяхъ, а именно, будто правда по себѣ остается всегда правдою, и мораль обязательна одинаково какъ для великихъ публицистовъ, такъ и для прочихъ. Пусть г-нъ Марковъ, печатая свои статьи въ „Голосѣ“, „понимаетъ историческія минуты“, ловить ихъ на-лету, но пусть онъ, въ такомъ случаѣ, не упрекаетъ другихъ въ „какомъ-то черезъ край переложенномъ осласкѣн разившейся фирмы за свои собственные интересы“, что очень плохо выжется съ его же свидѣтельствомъ объ „охлажденіи“ общества къ этимъ другимъ; едва ли какой-нибудь натуралистъ пойметъ, какимъ образомъ явился „жиръ“ отъ „охлажденія“, т. е. отъ уменьшенія поддержки. И вся эта проповѣдь противъ „жира“ пишется г-мъ Марковымъ „изъ глубины русскаго народа и русскаго земли“, и все это наивно печатается имъ въ „Голосѣ“! Но вѣдь г-нъ Марковъ — защитникъ правды только на минуту; будемъ ожидать отъ него теперь правды на секунду, и т. д. — до совершеннаго исчезновенія ея на землѣ и юбилейнаго торжества новой теоріи нашего почтеннаго публициста, съ которой отнынѣ тѣсно связано его имя.

Но и отъ послѣдователей „правды на минуту“ мы нижемъ право едвамо требовать, чтобы они, по крайней мѣрѣ, въ теченіи одной минуты не противорѣчили самимъ себѣ и не перебѣгали на сторону ненавистной имъ „правды самой-по-себѣ“. Г-нъ Марковъ и тутъ согрѣшилъ самымъ вопиющимъ образомъ.

Въ началѣ статьи онъ горько упрекаетъ, какъ мы видѣли, большіе журналы за ихъ „пѣсно, что ради войны невозможно забывать своихъ внутреннихъ интересовъ!“ Представьте себѣ, что читатель съ нимъ согласился, даже одобрилъ, — мало того: добродушный читатель, не дочитавъ статьи, на основаніи словъ своего авторитета, при встрѣчѣ съ знакомыми, украсилъ себя этою фразою. Но каково его удивленіе, когда, возвратившись домой, онъ рѣшился дочитать статью г-на Маркова, и чрезъ два-три столбца газеты встрѣтилъ у него же слѣ-

дуракум сантиментам, но поводу статьи о статьях нашего журнала в декабрьской книгѣ „Будущность славянства“: — „Авторъ (говоритъ г-нъ Марковъ) размышляетъ въ высшей степени справедливую и плодотворную мысль, что будущность славянскаго міра все заключена въ болѣе или менѣе счастливыхъ оумираемыхъ ростѣ Россіи“. Можно собѣ представить теперь положеніе бѣднаго читателя: онъ только-то вѣрится г-ну Маркову, что нужно отклонить въ сторону внутренніе вопросы ради славянскаго вопроса, а, вернувшись домой, узнаетъ, что г-нъ Марковъ совсѣмъ иное думаетъ: будущность-то славянскаго міра, оказывается, зависитъ отъ болѣе или менѣе уснѣннаго рѣшенія внутренннихъ вопросовъ Россіи! Входя такимъ образомъ помысли нравственный принципъ о двухъ правдахъ, путался въ вопросѣ о внутренннихъ нашихъ интересахъ между двумя правдами, онъ въ заключеніе представлялъ образецъ своей проникательности, и ни съ своей стороны готовъ придать этому всякую гласность.

Г-нъ Марковъ намалъ нужннхъ и полезннхъ указать, что у насъ въ журналѣ выработался „вѣстнй истербургскій языкъ, укнвннй высказатъ много, не задѣвъ никого, и въ самой оффиціальной (?) формѣ провести неоффиціальной (?) мысли“! Любопытнъ тутъ можетъ быть только одно: чувствовалъ ли г-нъ Марковъ, выражаясь такимъ образомъ, что и у него самого въ послѣднее время выработался „языкъ“, только онъ работаетъ какъ-разъ въ другомъ смыслѣ, а именно: высказываетъ „оффиціальной“ мысли въ „неоффиціальной“ формѣ. Это — совершенно классически, и г-нъ Марковъ можетъ быть цѣлью быть понятнхъ во всѣмъ, а только немногимъ, — черезъ свою гениальную мысль не-латыни: „Videant consules, ne quid detrimenti respublica capiat!“ Оно и въ самомъ дѣлѣ становится въ безопасно жить: люди наши ужасное средство „проводить неоффиціальныя мысли въ оффиціальной формѣ“! Г-нъ Марковъ, быть не жеть, ожидаетъ благодарности за свое уваженіе и поощренія къ болѣе точному изобличенію нашихъ „неоффиціальныхъ“ мыслей, завернутыхъ въ „оффиціальную“ форму; но едва ли кто нуждается въ его помощи, да и мы остановились на всемъ этомъ, какъ на фактѣ характеризующемъ наше время, наши современные нравы, когдъ можно публично толковать о двухъ правдахъ и не краснѣя поднимать свое имя подъ этнхъ.

А.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 января, 1877.

Планы Бисмарковскихъ реформъ.

Въ письмахъ прошедшаго года я постоянно указывалъ на то критическое положеніе, въ которомъ находится Германія, и можно было думать, что я желаю напророчить ей кризисъ. Но дѣло вовсе не въ томъ, и я не гонюсь за репутацію пророка, тѣмъ болѣе, что если бы кризисъ и наступилъ, то каждый былъ бы въ правѣ мнѣ сказать: когда кто-нибудь постоянно увѣряетъ, что пойдетъ дождь, то его пророчество должно же, наконецъ, когда-нибудь сбыться.

Говоря о кризисахъ въ нѣмецкой политической, экономической или парламентской жизни, я совершенно далека отъ того, чтобы вѣрить въ вѣроятность или неизбежность катастрофы. Но несомнѣнно и очевидно, что Германія, выработывая новыя условія жизни, находится постоянно въ критическомъ положеніи. И къ этому присоеди- няется еще то обстоятельство, что нивалому другому государству не грозитъ такой непосредственной опасностью ультрамонтанство и социальная демократія, какъ Германія. Можно даже корое удивляться, какими образомъ эти два опаснѣйшихъ врага нашего государственнаго организма еще не совсѣмъ разрушили его. Менѣе талантливыи государственный человѣкъ, чѣмъ Бисмаркъ, давно бы уже ухватился за лучшее средство выпутываться изъ временныхъ затрудненій, а именно, за воиственную политику, какъ это дѣлалъ Наполеонъ III, который искалъ выпутаться изъ незначительныхъ сравнительно затрудненій войною 1870 г. Что эта попытка его не увѣчалась успѣхомъ, конечно, могла бы смутить подражателей, но изъ исторіи всѣхъ временъ черпаютъ такъ мало поучительнаго, что послѣ Наполеона многіе еще сдѣлаютъ ту же самую ошибку; и кто поручится, что она не увѣчается болѣеишмъ успѣхомъ, нежели ошибка ихъ предшественника? Можно какъ угодно относиться къ Бисмарку, но нельзя отрицать, что со времени 1871 г. онъ преслѣдуетъ исключительно мирную политику и ясно сознаетъ, что нѣмецкій народъ только путемъ мира можетъ упрочить свое новое государственное устройство и устранить экономическіе беспорядки, отъ которыхъ страдаетъ.

Въ концѣ прошлаго года появилась въ одной изъ дѣйствующихъ газетъ важная, повидимому, замѣтка, гласившая, что фонъ-Беннигсенъ, президентъ палаты депутатовъ и глава національ-либеральной

партіи, отирається на кіскалко днів із Вардніє, по спеціальному пригласенню князя Бисмарка. Рідко кимось-будь навіть проходило таке сильне виступання, новому чю іспий, кю мюч князьскіи звідомъ съ политическимъ отношеніемъ, говорилъ собі, то это приглашеніе имѣть спеціальную кѣм. Уже сама форма вѣщенія была характеристична потому, что вообще вѣщанія въ Вардніє окружались обыкновенно большой тайной и только случайно публики узнають о нихъ. На этотъ же разъ, то обстоятельство, то вѣсть была не только гласной, но еще раньше дошедши до сѣдѣнія публики, могло имѣть только одну кѣм, а именно, та, чи канцлеръ имѣть обмѣненія съ національ-либеральными и попытокъ объяснить дѣло такъ, чтобы національ-либерали не могли скрыть зана. Это соображеніе подтверждалось очень скоро, потому что узнали, что приглашеніе послано фонъ-Беннингсону уже десять дней тому назадъ и что самъ онъ держалъ его въ величайшей секретѣ. Востановіи было, какъ уже сказано, чрезвычайное, потому что вообще имѣи до сихъ поръ было таковое, что канцлеръ не могъ дати національ-либеральной партіи доступъ въ правительство частью вслѣдствіе обстоятельнаго политическаго положенія, частью потому, что царь и желалъ дальнѣйшаго развитія либеральнаго принципа. Число вѣщаній, связываемыхъ съ этимъ объявленіемъ, было громадно, но оі еще умножались, когда фонъ-Беннингсонъ побывалъ въ Вардніі і когда, вернувшись сюда, онъ сталъ совѣщаться съ своими политическими друзьями. Известный историкъ, фонъ-Трейчке, національ-либераль правого фланга этой партіи, недавно передъ тѣмъ, въ издаваніи имъ „Прусская Ежегодникъ“, написалъ статью, въ которой обзорѣвалъ протекшій годъ и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ, чтобы былъ положенъ конецъ временному порядку дѣлъ, обусловленному отсутствіемъ канцлера и министра внутреннихъ дѣлъ, графа Эйленбурга. Эта статья вызвала другую, въ одной изъ ежедневныхъ газетъ, которая считается вѣдомой Бисмаркомъ и его друзьями. Въ этой статьѣ требовались на будущій годъ новые люди и новые мѣры! Эта статья произвела громадное впечатлѣніе. Пресса немедленно стала обсуждать вопросъ о лицахъ. Если должны явиться новые люди, то старые должны уйти? Кто уйдетъ? Кто придетъ? Перебрали всѣхъ существующихъ министровъ, двухъ-трехъ изъ нихъ опредѣлили отгравить въ изгнание и на ихъ мѣста выбрали новыхъ. Что самъ фонъ-Беннингсонъ вслухъ въ министерствѣ казалось вполне естественнымъ. Разумѣется, фонъ-Форкенбекъ, извѣстный рейхстага и сильный вліятельный, послѣ Беннингсона, членъ національ-либеральной партіи, тоже прочился въ министры. Къ этимъ

двумъ присоединяли еще Гнейста или Ласпера, и этимъ пока заключивали вторженіе національ-либеральнаго элемента въ министерство. Само собой разумѣется, все это творилось на бумагѣ и именно на газетной бумагѣ. Когда газеты въ конецъ исчерпали эту тему, вдругъ наступило нѣкоторое отрезвленіе, и всѣ начали соображать, что министерскіе мѣсты не могутъ быть заняты, прежде чѣмъ они станутъ вакантными, чего до сихъ поръ еще не существуетъ, потому что даже графъ Эйленбургъ можетъ снова принять свой портфель, по истеченіи срока своего отпуска. Распространился также слухъ, что король сказалъ министрамъ, явившимся къ нему съ поздравленіемъ на новый годъ, что теперь очень много толкуютъ про перемены въ министерствѣ, но что ему ничего объ этомъ неизвѣстно. И при этомъ король прибавилъ, что онъ освѣдомлялся объ этомъ у канцлера. И вотъ наступилъ переворотъ вдоль всей линіи. Стали толковать, что Бисмаркъ не могъ согласиться съ Беннигсеномъ, что всѣ его планы рушились; а такъ какъ его возвращеніе изъ отпуска замедлилось вслѣдствіе болѣзни, то это было признано за наилучшее доказательство вѣрности пессимистическихъ воззрѣній. Мы уже говорили, что ничего достовѣрнаго не доводится до свѣдѣнія публики, а потому и невозможно положительно сказать, насколько во всемъ этомъ справедливаго; но кажется можно съ достовѣрностью признать, что дѣло шло лишь о предварительныхъ переговорахъ. При этомъ, само собой разумѣется, должны были быть упоминаемы имена министровъ, не нарушая этимъ уваженія къ королю, назначавшему министровъ. Естественно, необходимо еще при этомъ, чтобы король согласился принять предложенныя ему лица, но князь Бисмаркъ, если бы это было не такъ, имѣлъ бы конституціонное право потребовать своего увольненія, какъ это дѣлаетъ въ подобномъ случаѣ каждый англійскій первый министръ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что толкуютъ о замѣщеніи министерскихъ мѣстъ, когда они еще не упряднены; но министерскіе мѣсты въ конституціонномъ государствѣ не составляютъ пожизненныхъ должностей и не могутъ быть таковыми, если весь кабинетъ долженъ выражать однородную политическую идею. Министру-президенту предстоитъ рѣшить, представляетъ ли министерство такое однородное цѣлое, или же въ него прокрадось вредное разногласіе. Въ германской имперіи и въ Пруссіи дѣло обставлено въ настоящее время такъ, что прочнаго большинства не существуетъ ни въ прусскомъ ландтагѣ, ни въ германскомъ рейхстагѣ. Такое большинство можетъ являться лишь тогда, когда двѣ фракціи, а именно: національ-либералы и фрей-консерваторы дѣйствуютъ за-одно, и къ этимъ двумъ фракціямъ приимкнутъ еще справа и слѣва умѣренные элементы. Наприимѣръ,

сирова такъ-называемые ново-консерваторы, которые нешиного консервативнѣе фрей-консерваторовъ, а слѣва тѣ изъ частковъ прогрессивной партіи, которые образуютъ особую группу подъ предводительствомъ Лѣве.

Я много разъ уже прежде старался въ точности указать для вашихъ читателей разницу между этими партіями; но, не имѣя сказать, сомнѣваюсь, чтобы мнѣ удалось объяснить, или вообще, чтобы иностранецъ могъ понять вполнѣ ясно различіе между этими фракціями. Нигдѣ не разнито такъ то, что называется партикулярнымъ фракціи, какъ въ Германіи. Эти господа думаютъ, что вселенная рухнетъ, если двѣ фракціи съ различной программой соединятся другъ съ другомъ, хотя это — самая легкая вещь въ мірѣ. Можно на это возразить, что самымъ правильнымъ путемъ, для образованія большой партіи, было бы распузненіе рейхстага и ландтага и новые выборы съ опредѣленной правительственной программой. Но опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ неопровержимымъ образомъ, что страна сама собою не вынутається изъ сѣтей небольшихъ фракцій. Всѣ выборы оставили существующія имѣя партіи почти въ прежнемъ ихъ составѣ, безъ измѣненія, и нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы это измѣнилось въ будущемъ. Поэтому даже, если бы правительство и было намѣрено распузнить парламентъ и назначить новые выборы, то простое благоразуміе предписывало бы связать правительственную программу съ тѣми партіями, на которыхъ онъ располагаетъ опираться. Игакъ, газеты ошибаются, если онѣ дѣйствительно думаютъ или считаютъ нужнымъ то утверждать, что не дѣло зависитъ отъ простаго соглашения національ-либераловъ съ клезенъ Бисмаркомъ. На сторонѣ національ-либераловъ не бываетъ большинства, если къ нимъ не присоединятся вышеупомянутые элементы, а потому необходимо спросить эти послѣдніе и выслушать ихъ условия для образованія крупной комбинаціи. Названныя партіи равноправны ad hoc, и каждая изъ нихъ должна быть слѣдилъ уступки другъ другу. Националь-либералы отнюдь не могутъ заблуждаться на этотъ счетъ, и въ этомъ-то и заключается, надо полагаю, главное затрудненіе, такъ какъ національ-либералы отчасти всего признаютъ свое принципиальное родство съ прогрессивной партіей, и считаютъ, что ихъ раздѣляетъ болѣе глубокая пропасть отъ консерваторовъ вслѣдствіе, чѣмъ отъ прогрессивной партіи. (Отъ этой послѣдней имъ пришлось бы безусловно отказаться, и не слѣдуетъ имъ сомнѣваться, что они приобрѣли бы болѣе консервативный характеръ, чѣмъ теперь, но за то правительству сообщены бы болѣе либеральный характеръ, и это приобрѣтеніе было бы извѣстнымъ утратой съ другой стороны.

Когда и оглядываюсь не только на жизнь нашего поколѣнія, но и на исторію послѣднихъ двухъ столѣтій, то все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что настоящее и будущее принадлежать либерализму, и что этотъ послѣдній гораздо могущественнѣе консерватизма. Я случайно какъ разъ только-что прочиталъ весьма интересную исторію ватиканскаго собора П. Фридриха, который въ предисловіи описываетъ появленіе ультрамонтанской партіи во Франціи. То было самымъ сильнымъ реакціоннымъ движеніемъ нашего вѣка. Послѣ того какъ Наполеонъ I снова восстановилъ церковь, цѣлый рядъ весьма талантливыхъ писателей сталъ работать съ тѣмъ, чтобы путемъ авторитета церкви обезпечить торжество за консервативными принципами. Первымъ изъ нихъ былъ де-Местръ; за нимъ слѣдовали Ламенне и Лавордеръ, Фаллу и Вейльо—все люди весьма талантливые и вліятельные, и при всемъ томъ какаѣ судьба постигла консервативный принципъ во Франціи? Всѣ французскіе представители этого принципа стоятъ на строго-церковной точкѣ зрѣнія, равно какъ и другіе писатели романской расы, какъ, напр., испанецъ Доново-Кортель, который можетъ соперничать по своему блистательному краснорѣчію съ своимъ повдѣйшимъ антиподомъ—Эмилио Кастеларомъ, и который считаетъ монаховъ и солдатъ единственными столпами государственнаго порядка. Точно такъ же оцѣненъ по достоинству и Ромьё, написавшій въ началѣ пятидесятыхъ годовъ два небольшихъ сочиненія, въ подготовленіе Наполеоновскаго государственнаго переворота: — „Эра Цезарей“ и „Красный Призракъ“— и я самъ чуть было не позабылъ упомянуть о свѣтилѣ первой величины, о настоящемъ виновникѣ всего реакціоннаго движенія—Шатобрианѣ. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются реакціонные писатели германскаго племени, т.-е. евангелическаго вѣроисповѣданія. Такъ какъ это вѣроисповѣданіе признаетъ принципомъ свободу изслѣдованія, и духовенство связано не такой строгой іерархіей, какъ римское, то церковь не можетъ придти на помощь государству, но реакціонеры должны ограничиться лишь тѣмъ, что вообще поощряютъ вѣру или религіозность. Отъ этого имъ недостаетъ того воодушевленія, которое отличаетъ романскія расы и которое отражается и на нѣмецкихъ ультрамонтанахъ, напр. на Гёрресѣ, первомъ представителѣ ультрамонтанства въ Германіи и спеціально на Рейнѣ. Самые главные представители реакціи въ Германіи: Галлеръ въ тридцатыхъ годахъ, Шталь послѣ революціи 1848 г.—не могутъ съ нимъ сравниться. Только одинъ Гёнцъ можетъ достойно конкурировать съ ними.

Но за то какой длинный списокъ блестящихъ именъ представляетъ литература политическаго либерализма, начиная съ первой защиты свободы печати Мильтономъ, писавшимъ еще на ла-

тинскомъ языкѣ, и до новѣйшаго времени. Въ числѣ этого длиннаго ряда людей я всегда признавалъ троихъ выше и несравненно выше всѣхъ остальныхъ. Во-первыхъ, автора знаменитыхъ писемъ Юніуса, о которыхъ ихъ первый нѣмецкій переводчикъ, Арнольдъ Руте, въ предисловіи (замѣчательно, что переводъ этотъ появился въ 1847 г., т.-е. наканунѣ нѣмецкой революціи) говоритъ, что политическій интересъ, связанный съ Юніусомъ, обвиняетъ себя всю логику свободы и крайне поучителенъ. Къ сожалѣнію, въ наше время эти письма мало читаются въ Германіи, а между тѣмъ заслуживали бы, чтобы ихъ читали люди всѣхъ партій, консерваторы такъ же, какъ и либералы; англійскіе политики никогда не могли превзойти Юніуса ни въ пониманіи свободы, ни по глубинѣ образованія, ни по красотѣ классической формы, а англійскіе политики въ своею очередь еще не превзойдены въ этомъ отношеніи никакими другими. Слогъ Юніуса въ высшей степени патетическій и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне зазорный. За исключеніемъ французской революціи 1789 г. никогда еще не дѣлалось такихъ жестокихъ нападокъ на королей и министровъ, какъ нападки, дѣлаемыя въ этихъ письмахъ на короля Георга III и министерство Крафтона. Письма вообще всегда служили образцомъ для либеральныхъ писателей. Именно позже Юніуса появился другой либеральный писатель, Томасъ-Пайнтъ, секретарь по иностраннымъ дѣламъ въ первомъ американскомъ конгрессѣ, во время войны за независимость, знаменитѣйшее сочиненіе котораго „Права людей“ было отвѣтомъ на нападки Борка въ англійскомъ парламентѣ на французскую революцію. „Права людей“ написаны совсѣмъ безъ всякихъ прикрасъ и не могутъ по классичности слога и по своему весу идти въ сравненіе не только съ Юніусомъ, но и съ самимъ Боркомъ, однимъ изъ величайшихъ и самыхъ блестящихъ стилистовъ; но въ нихъ проявляется столько здраваго смысла, что сочиненіе это имѣло большой успѣхъ и произвело большое впечатлѣніе. Написано оно было въ первые годы французской революціи, и если бы сама революція не губила себя, сначала своими крайностями и ужасами, затѣмъ своимъ завоевательнымъ духомъ, то, безъ сомнѣнія, уже въ ту эпоху республиканская идея получила бы большее распространеніе на континентѣ. Въ извѣстномъ отношеніи, къ числу литературныхъ представителей консерватизма долженъ я причислить также и англійскаго министра Питта, величайшаго оратора, которыхъ только обладалъ англійскій парламентъ, и который странно возненавидѣлъ французскую революцію послѣ казни Людовика XVI и изъ всѣхъ силъ боролся съ нею. Рѣчи его и теперь еще поучительно прочесть, хотя онѣ и кажутся на нашъ вкусъ нѣсколько неадаптированными, главнымъ образомъ, благодаря множеству латинскихъ цитатъ, которыхъ онѣ уснащены. Во главѣ тѣхъ

писателей, которые боролись въ новѣйшее время на континентѣ за либеральныя идеи и принимали новыя литературныя средства для борьбы, стоитъ писатель, которому либеральная французская литература обязана главнымъ образомъ своимъ блестящимъ слогомъ и звательностью своихъ нападокъ, а именно: Поль-Луи Куррье, — писатель, всѣ сочиненія котораго, состоящія изъ памфлетовъ и писемъ, образуютъ всего лишь одинъ маленький томикъ, но являются неисчерпаемымъ источникомъ для тѣхъ, кто желаетъ образовать свой слогъ какъ политическаго писателя или какъ оратора. Политическіе памфлеты Куррье, предательски застрѣленного въ 1825 г. и которому Арманъ Каррель воздвигнулъ прекрасный біографическій памятникъ, относятся къ періоду самой тяжелой реакціи, которая тяготѣла надъ Франціей послѣ паденія Наполеона I, а именно въ 1816—1824 гг. Французы признаютъ въ Куррье одного изъ величайшихъ стилистовъ, и самыми замѣчательными качествами его являются простота, естественность, крайне увлекательныя и соединенныя съ большимъ остроуміемъ. Если же вообще пришлось бы сравнивать эти памфлеты между собой и отдать которому-нибудь предпочтеніе, то я призналъ бы наилучшими самый первый и самый послѣдній. Въ первомъ, который озаглавленъ „Петиція двумъ палатамъ“, Куррье описываетъ, въ качествѣ крестьянина Туррени, вторженіе ультрамонтанства и реакціонной правительственной власти въ мирную жизнь села такими красками, правдивость которыхъ, къ сожалѣнію, могутъ засвидѣтельствовать и наши современники на основаніи личнаго опыта. Послѣдній изъ памфлетовъ называется „Памфлетъ изъ памфлетовъ“ и является защитительной рѣчью за эту форму политической борьбы. Куррье отводитъ слѣдующія рамки этому памфлету. Онъ былъ осужденъ судомъ присяжныхъ за памфлетъ, и генеральный прокуроръ, вдохновленный общественной моралью, какъ онъ выразился, назвалъ его „vil pamphletair“. Въ числѣ присяжныхъ, вынесшихъ обвинительный приговоръ, находится знаменитый книгопродавецъ Брандсъ; и по окончаніи засѣданія онъ и осужденный Куррье идутъ вмѣстѣ часть дороги. Книгопродавецъ умѣетъ цѣнить умъ и таланты писателя, но ставитъ ему въ упрекъ, что онъ пишетъ не книги, а памфлеты. Куррье защищаетъ отъ этого упрека самымъ веселымъ образомъ, доказывая историческими примѣрами, что во всѣ времена памфлетъ, т.-е. кратко и понятно для массы выраженная мысль, дѣйствовала всего сильнѣе въ политическомъ отношеніи. Кто внимательно прочтаетъ этотъ памфлетъ въ настоящее время, тотъ найдетъ, насколько это дозволяетъ болѣе грубый нѣмецкій слогъ, что способъ и родъ полемики Куррье сдѣлались принципами всей полемики, служащей дѣлу либерализма. Вознамѣрившись доказать, что направле-

ніе современнаго духа либерально, я указалъ только на одиѣ изъ его симптомовъ, а именно литературныхъ представителей его в противной консервативной партіи. Но и это сравненіе лишь поверхностно и требовало бы болѣе обстоятельнаго изложенія. Но я полагаю, что никто не станетъ отрицать, что все развитіе новѣйшихъ европейскихъ государствъ, и спеціально Германіи весьма благоприятно для либерализма, и что консерватизмъ далекъ отсталъ отъ него, какъ со стороны духовныхъ, такъ и со стороны матеріальныхъ средствъ. Опасность для будущаго развитія Германіи заключается на мой взглядъ, не столько въ томъ, что это развитіе идетъ недостаточно быстро въ либеральномъ смыслѣ, сколько въ томъ, что оно идетъ слишкомъ быстро. Если мы сравнимъ, напримѣръ, политическое состояніе въ Англіи, то увидимъ, что англійскій народъ обладаетъ гораздо болѣе обширнымъ фондомъ консерватизма, нежели нѣмецкій. До конца прошлаго столѣтія и даже до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія англійская конституція и англійскій парламентъ были по преимуществу консервативны; но съ тѣхъ поръ отношенія измѣнились въ пользу либеральныхъ идей, и мнѣ кажется, что темпъ этихъ переменъ все ускоряется.

Въ Германіи, гдѣ до 1815 г. существовало абсолютное правленіе, развитіе шло съ чрезмѣрной быстротой, и именно со времени введенія всеобщей подачи голосовъ, которое въ Англіи до сихъ поръ еще не существуетъ. Поэтому для дѣла либерализма является весьма важнымъ и даже настоящей выгодой, если консервативные элементы, насколько они еще существуютъ въ странѣ, по возможности издятся и оберегаются. Прогрессъ, конечно, этимъ немного замедляется, но за то онъ, проница и менѣе подверженъ опасности реакціи, которая неизбежно слѣдуетъ за каждымъ слишкомъ торопливымъ порывомъ общественной жизни и причиняетъ ей громадный вредъ; реакція, какъ извѣстно, два раза водворилась въ Пруссіи: въ первый разъ послѣ революціи 1848 г., во второй, послѣ такъ называемой новой зри въ 1862 г.

Въ первый числахъ января впервые стало съ точностью извѣстно, какимъ образомъ канцлеръ предполагать совершить слияніе имперскихъ присутственныхъ мѣстъ съ министерствами, и проведено пять такихъ слияній. И прежде всего имперскія военныя дѣла, во главѣ которыхъ долженствовали стоять военный министръ, въ качествѣ государственнаго секретаря; во вторыхъ—финансовыя дѣла вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ имперскія финансовъ; въ третьихъ—иностранныя дѣла; въ четвертыхъ—желѣзно-дорожное дѣло, и въ пятыхъ—юстиція. Въ этихъ пременахъ востанно измѣняется въ виду, что

начальниками отдельных отраслей должны быть прусские министры и через это, если можно так выразиться, происходит слияние партикуляристическаго прусскаго государства съ имперіей. Противники, конечно, могутъ возразить, что съ такою же успѣхомъ можно сказать, что дѣйствіе этой новой организаціи выражается тѣмъ, что германская имперія поглощается Пруссіей. И во всякомъ случаѣ слѣдовало найти средства возстановить и упрочить вліяніе остальныхъ союзныхъ вѣвствъ на управленіе дѣлами, и гарантію для этого думали найти въ томъ, чтобы расширить компетенцію настоящихъ комитетовъ союзаго совѣта. Для меня этотъ пунктъ неясенъ еще и потому, что князь Бисмаркъ до сихъ поръ всегда высказывалъ стремленіе привлечь политическія силы остальныхъ государствъ Германіи, кромѣ Пруссіи, къ служенію имперіи. Но вообще этотъ пунктъ имѣетъ второстепенное значеніе, и на первый планъ выступаетъ реформа имперскихъ финансовъ. Какъ извѣстно, доходы имперіи опираются главнымъ образомъ на матрикулярныя взносы, — техническое выраженіе, означающее то, что отдельные государства должны дѣлать взносы на общія потребности, на основаніи матрикулъ, то-есть пропорціонально ихъ населенію. Этой системѣ дѣлають два упрека: первый заключается въ ея несправедливости, причемъ, напримѣръ, богатое населеніе великаго города Гамбурга платитъ не болѣе, чѣмъ равное ему по численности населеніе какого-нибудь мелакаго княжества, не ведущаго никакой торговли, не имѣющаго судоходства и занимающагося главнымъ образомъ земледѣліемъ и еще, быть можетъ, кое-какими не особенно доходными промыслами. Второй упрекъ, имѣющій еще болѣе значенія съ политической точки зрѣнія, заключается въ томъ, что, при такой системѣ имперскихъ налоговъ, имперія никогда не будетъ въ состояніи стоять на своихъ собственныхъ ногахъ, но всегда будетъ зависѣть отъ милости отдельныхъ государствъ. Упразднить же матрикулярныя взносы можно лишь въ томъ случаѣ, если будутъ найдены новые источники налоговъ, которые можно уступать имперіи.

Князь Бисмаркъ давно уже высказалъ по этой части ту мысль, что можно было бы со временемъ уступить въ пользу имперіи нѣкоторые крупныя военныя налоги. Какъ скоро это будетъ сдѣлано, такъ немедленно явится возможность ввести реформу и въ прусскую систему вѣвманія налоговъ, которая позволитъ дать участіе общинамъ, въ вознагражденіе за чрезвычайное увеличеніе ихъ налоговъ, въ нѣкоторыхъ доходахъ, какъ, напр., въ поземельномъ доходѣ и доходѣ съ аданій. Богатѣйшимъ источникомъ военныхъ налоговъ была бы, безъ сомнѣнія, табачная монополія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ во Франціи; но нельзя не признать, что въ

Германіи весьма крупныя интересы препятствуютъ введенію монополій, и я вскорѣ возвращусь къ этому вопросу, а теперь замѣчу, что всякій косвенный налогъ задѣваетъ обширный кругъ интересовъ, между тѣмъ какъ прямыя налоги представляются самыми справедливыми, но это только въ теоріи, потому что на практикѣ всегда оказывалось, что постоянное увеличеніе, постоянный ростъ прямыхъ налоговъ становится бѣдствіемъ, противъ котораго даже самыя уморныя защитники борются безъ особеннаго усилія. Напримѣръ, никакъ нельзя оспаривать того, что отмена налога на мясо, муку и хлѣбъ въ городахъ совсѣмъ не произвела ожидаемаго пониженія цѣнъ и не облегчила этимъ положеніе бѣдныхъ классовъ, тогда какъ недостатокъ въ доходахъ, происшедшій отъ этого, долженъ былъ пополниться прямыми налогами, и эти послѣдніе достигли необыкновеннаго размѣра. Такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ городской подоходный налогъ въ Берлинѣ составлялъ около 60% государственнаго, т.-е. кто платилъ 100 талеровъ подоходнаго налога правительству, тотъ долженъ былъ вносить городу Берлину 60 талеровъ. Въ послѣдніе годы этотъ доходъ увеличенъ до 80%; а въ первую четверть текущаго 1878 г. достигъ 100%, и въ послѣднія три-четверти года дойдетъ по крайней мѣрѣ до 112%; мало того, толкуютъ, что неизбежно повышеніе на 140—150%! Я не знаю, какъ смотреть у васъ на вопросъ о налогахъ, я не беру безусловно сторону за ту или за другую партію; но стараюсь только передать общественное мнѣніе, и долженъ сказать, что въ немъ въ этомъ отношеніи совершился переворотъ. Я встрѣтилъ въ одной газетѣ прекрасное выраженіе: газета сравнивала косвенные и прямыя налоги съ благотворной росой и опустошительнымъ ливнемъ. Благотворное вліяніе росы, тихо осаждающейся на цвѣточныя чашечкахъ, достаточно извѣстно; но точно также извѣстны и опустошенія, производимыя ливнемъ: онъ побиваетъ нѣжныя растенія и промываетъ почву. То вліяніе прямыхъ налоговъ въ наше время можно сравнить по справедливости съ опустошительнымъ дѣйствіемъ проливнаго дождя.

Справедливо требуютъ, чтобы каждый по оцѣнкѣ протирывалъ ножи и не дѣлалъ долговъ. Но система прямыхъ налоговъ ведетъ къ долгамъ. Нельзя не признать, что большинство людей не станетъ ежедневно откладывать извѣстную сумму для того, чтобы въ концѣ мѣсяца или четверти года быть въ состояніи уплатить эти сбереженіями налоги. Срокъ платежа заставяетъ всегда болѣею частью человѣка враслохъ и заставитъ плательщика дѣлать долги, чтобы уплатить налогъ. Совсѣмъ иначе чувствуетъ себя небогатый человѣкъ, который ложится вечеромъ въ постель въ пріятномъ сознаніи, что онъ не только уплатилъ все, чего отъ него требовали: мясника,

булочникъ, продавецъ табаку и пива и т. д., но еще и удовлетвори- рилъ при этомъ требованія государства и общины. Эта аргумента- ція можетъ казаться не особенно научной, но тотъ, кто внимательно наблюдаетъ жизнь дѣйствительную, тотъ найдетъ, что она весьма справедлива. Главнымъ принципомъ финансоваго дѣла должно быть то, чтобы такъ распредѣлить налоги, чтобы они не истощали жиз- ненныхъ источниковъ націй, чтобы они уплачивались изъ доходовъ частныхъ лицъ, а не изъ капитала. Изъ этому необходимо также, чтобы самая форма взиманія налоговъ не была обременительна. Это бывало въ Италіи и во Франціи, а также и въ Англіи, тотъ видѣлъ, какъ легко сравнительно уплачиваются даже большіе косвенные на- логи. Напротивъ того, если сборщикъ податей постоянно является въ производительнымъ классамъ: къ купцу, къ рабочему, и требуетъ сравнительно небольшія суммы, у работника мало-по-малу пропа- даетъ охота къ работѣ и сбереженіямъ, потому что онъ видитъ, что ему никакъ не справиться. Конечно, очень легко проповѣдывать фл- антропически звучащую, въ сущности же весьма легкомысленную фразу о томъ, что несправедливо облагать налогомъ трубку бѣднаго человѣка. Бѣдный человѣкъ и во Франціи также выкуриваетъ свою трубку саргал, за которую платитъ гораздо меньше денегъ, нежели небогатый человѣкъ въ Германіи за сигары, возмездія здѣсь во все- общее употребленіе, и право нельзя считать національнымъ несчастіемъ, если употребленіе этихъ послѣднихъ нѣсколько ограничится.

Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ введенія табачной моно- полии, бывшій вюртембергскій министръ фонъ-Вариблмеръ, представ- ляетъ весьма интересныя данныя объ этой послѣдней. Налогъ на та- бакъ приноситъ въ Австріи 2,00 марокъ, во Франціи 5,00 марокъ, въ Великобританіи 3,75 марокъ, въ Италіи 2,25 марки, а въ Гер- маніи только 0,35 марки съ дуни. Затруднительность обложить та- бакъ болѣе высокими налогомъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что производство табаку достигло въ Германіи весьма значи- тельныхъ размѣровъ, тогда какъ въ Англіи, напр., оно совсѣмъ за- вращено; во-вторыхъ, въ томъ, что большое число фабрикъ и мел- кихъ, какъ и крупныхъ купцовъ, занимаются фабрикаціей и прода- жей табаку. Нѣмецкимъ табачнымъ производствомъ занимаются 106,307 воздѣлывателей табаку съ ихъ семьями; подъ него идетъ слишкомъ 24—30.000 гектаровъ, и оно приноситъ 16—20 милліоновъ марокъ. Прусское правительство приняло на себя починъ въ ре- формѣ налоговъ, и законнымъ путемъ внесло въ совѣтній совѣтъ проектъ о повышеніи налога на табакъ, и превосходно изложило причины, дѣлающія необходимымъ это увеличеніе налоговъ. До сихъ поръ имперія покрывала свои расходы частію собственными ресур-

сими: телеграфными посылками, немалымъ сборомъ, дивиденды съ почты, телеграфовъ и желѣзныкъ дорогъ и немалыи дивиденды нинверскаго банка. Бюджетъ нинверин на 1872 г. былъ увеличенъ въ 304 милліона; въ финансовый годъ, т. е. съ 1 апрѣля 1873 г. по 1 апрѣля 1879 г., онъ дойдетъ до 406 милліоновъ, между тѣмъ вышеупомянутые источники доходовъ, сравнительно, отнюдь не разрослись, а следовательно необходимо настоятельно возвысить нинверинские вносы, что это можетъ очень затруднить администрацію финансовъ отдѣльныхъ государствъ. Отдѣльнымъ государствамъ придется, кромѣ того, для покрытия послѣднихъ налоговъ нинверин, возвысить старые налоги, чего нельзя оправдать съ эконоинической точки зрѣнія и, сверхъ того (въ мотивахъ объ этомъ, конечно, не упоминается), это не будетъ способствовать развитію любви къ населенію въ германской нинверин.

Поэтому прусское правительство считаетъ своимъ долгомъ и своей задачей такъ новости финансовую политику нинверин, чтобы черезъ уменьшеніе собственныиъ доходовъ послѣдней не только бы покрывалась ее увеличившіяся потребности, но и возможно было бы настоятельно облегчить бюджеты отдѣльныхъ государствъ и дать этимъ послѣднимъ возможность отхлѣвать кѣмоторыя особенно обременительныя налоги или передать въ вѣдѣніе провинцій, округовъ и общинъ канцелярію спеціальныиъ налоговъ на покрытие нѣтъ спеціальныиъ потребностей. Далѣе мотивы приводятъ, почему въ настоящее время невозможно введеніе табачной монополіи,—что для нея потребуются обширныя подготовленія и потому ее нельзя немедленно ввести, не тѣмъ не менѣе нѣтъ мотивовъ правительства ясно высказавъ его наміреніе ввести поадѣе эту монополію. Я не буду вдаваться въ подробности проекта; критикъ его состоитъ въ томъ, что существовавшая до сихъ поръ система налога на табакъ внутренняго производства и возвышеніе пошлины на заграничный табакъ удерживается, и только на добавочныя статьи дѣлается наивидя.

Слѣдуетъ допустить, что фонъ-Бенингсенъ условился съ Бисмаркомъ въ Варцинѣ на счетъ вопроса о налогахъ, но никакъ нельзя усилить себя, почему собственно переговоры не привели ни къ какому положительному результату, и объ этомъ до сихъ поръ упоминаютъ какъ національ-либералы, такъ и друзья князя Бисмарка. Я уже выше говорилъ, что для того, чтобы образовать действительное правительственное большинство, необходимо союзъ не только между національ-либералами и умѣренными-консерваторами, но также и умѣренными элементами прогрессивной партіи. Въ прогрессивной партіи существуетъ наружное единодушіе, но уже не разъ оказывалось, что: внутри прогрессивной партіи, какъ и во всякой другой, су-

существовать правая и лѣвая стороны, и представителями этихъ двухъ направлений являются Генералъ и Евгений Рихтеръ; послѣдній извѣстенъ какъ представитель лѣваго фланга, а первый, профессоръ въ Килѣ—какъ представитель умѣреннаго отѣла; замѣчательно, что радикальные элементы состоятъ изъ старо-пруссавовъ, тогда какъ умѣренные набираются главнымъ образомъ изъ новыя провинцій, присоединенныхъ въ 1866 году.

Депутатъ Рихтеръ посѣтилъ, въ первые числа января, Бреславль и говорилъ тамъ, въ большомъ собраніи, рѣчь, имѣвшую характеръ политической программы, и главнымъ предметомъ которой служили варшавскіе переговоры. Ораторъ благодарилъ національ-либераловъ за то, что они отвергли помыслъ Бисмарка, и высказывалъ увѣренность, что они, въ соединеніи съ прогрессивной партіей, сдѣлаютъ реакцію невозможной. Князь Бисмаркъ вовсе не незамѣнителен. Рихтеръ очень рѣзко высказывался объ этомъ пунктѣ, составляющемъ любимую таму радикальной части прогрессивной партіи, и вызвалъ этимъ энергичныя возраженія со стороны бреславльской прогрессивной партіи, такъ какъ въ этой партіи существуетъ нѣсколько лицъ, которые хотя и очень свободномыслящіе люди, однако охотно дѣлаютъ въ князѣ Бисмаркѣ руководителя дипломатическихъ сношеній германской имперіи и вообще признаютъ его заслуги и не желали бы, чтобы его положеніе пошатнулось. Эта партія, само собою разумѣется, имѣетъ представителей не въ одномъ только Бреславлѣ, но и во всей странѣ, и разсудительные люди въ средѣ самой прогрессивной партіи твердо убѣждены, что величайшій ущербъ, какой только можетъ нанести себѣ эта партія—это занять себя въ глазахъ страны противницей князя Бисмарка. Напротивъ того, самая радикальная часть прогрессивной партіи полагаетъ, что у ней нѣтъ болѣе настоятельнаго дѣла, какъ по возможности скорѣе устранить со сцены Бисмарка.

Въ недавно появившейся книгѣ одного изъ главныхъ руководителей этой партіи, — книгѣ, трактующей о политическихъ партіяхъ въ Германіи и о князѣ Бисмаркѣ, написанной Лудольфомъ Парнцгусомъ, и въ которой есть, конечно, весьма одностороннее изложеніе парламентской исторіи Пруссіи съ 1848 года до послѣдняго времени, эта враждебность въ канцлеру выразилась съ особенной силой. Авторъ предпослалъ своему сочиненію предисловіе о канцлерскомъ кризисѣ, въ которомъ Бисмарку приписываются всевозможныя реакціонныя планы. „Съ 1874 г.,—говорится въ немъ въ одномъ мѣстѣ,—имперскій канцлеръ во многихъ отношеніяхъ увлекъ насъ назадъ и можно почти принять, что Бисмаркъ поставилъ себѣ послѣдней задачей привести внутреннія дѣла Германіи и Пруссіи въ

такое положеніе, чтобы на будущее время, даже послѣ его удаленія отъ дѣлъ, консервативныя лица могли вести дѣла въ консервативномъ духѣ". На удаленіе Дельбрюка, даже на теперешній отпускъ графа Эйленбурга указывается, какъ на симптомы того, что политика князя Бисмарка все болѣе и болѣе вдается въ реакціонную колею. Относительно этихъ плановъ прогрессивная партія, по словамъ ея историка, приняла твердое положеніе. „Ей предстоитъ,—патетически взывать онъ,—продолжать старую борьбу, борьбу за дѣйствительныя права народнаго представительства съ кажуцимися конституціонализмомъ, борьбу либераловъ съ консерваторами, которую предстоитъ вести до тѣхъ поръ, пока въ Германіи будутъ существовать политическія партіи". Хотя авторъ постоянно рекомендуетъ объединеніе либеральныхъ партій, со всѣмъ тѣмъ его историческое мнѣніе постоянно направлено противъ національ-либераловъ, которымъ ставится въ тягчайшій упрекъ поддержка, оказанная ими военному закону и юридическимъ законамъ. Книга Паризюса и рѣчь Рихтера одушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ, и поэтому противъ нихъ обонхъ направлены критическія замѣчанія, высказанныя Гёнеломъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, издающихся въ его родной провинціи и касающихся варцбургскаго свиданія и плановъ образованія правительственнаго большинства. Эти критическія замѣчанія, оставая въ сторонѣ всѣ частности, сводятся, главнымъ образомъ, на то, что образованіе такого правительственнаго большинства разсматривается какъ великій конституціонный прогрессъ, которому не можетъ противиться нѣмецкая прогрессивная партія, если только она понимаетъ интересы свободы. Я тоже раздѣляю это мнѣніе, которое и не разъ уже высказывалъ. Но кажется, что переговоры затянулись настолько, что благоприятный моментъ снова упущенъ. Отсутствие князя Бисмарка все затягивается, и въ послѣднее время въ компетентныхъ кружкахъ снова начали высказываться сомнѣнія на счетъ того, вернется ли онъ къ дѣламъ вообще. Многіе симптомы показываютъ, что его противники воспользовались какъ-разъ этими послѣдними переговорами и идеями канцлера, чтобы снова повести противъ него интриги; между тѣмъ какъ его реформаторскіе планы, касающіеся германской имперіи, встрѣтили очень мало сочувствія въ кругу среднихъ государствъ и скорѣе произвели сильное неудовольствіе, о которомъ извѣщенъ императоръ Вильгельмъ.

Я уже упоминалъ раньше, что однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ настоящаго политическаго положенія вещей является то обстоятельство, что нашъ императоръ крайне несклоненъ ко всякимъ перемирянамъ, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ. Эта неохота к.к.

дети на политическое положеніе печать застоя, который особенно нестерпимъ такому человѣку, какъ канцлеръ. Большое счастье для Пруссіи, что большинство ея правителей царствуютъ долго и достигаютъ престарѣлаго возраста; но вмѣстѣ съ этимъ связано неизбежное слѣдствіе, что послѣ великихъ и славныхъ правительственныхъ эпохъ наступаютъ длинныя періоды почти абсолютнаго покоя. Стоитъ только припомнить долгіе годы, проведенныя Фридрихомъ Великимъ на престолѣ по окончаніи Семилѣтней войны: то было время крайняго затихшя, и нельзя отрицать, что было бы гораздо лучше, если бы въ Германіи было побольше жизни въ то время. То было время, когда во Франціи уже проявлялись предвѣстники великой революціи, но Пруссія въ умственномъ отношеніи отстала въ ту эпоху на цѣлое столѣтіе отъ Франціи и лишь въ очень небольшомъ слѣдствіи общества понимали вообще смыслъ событій. Великій Фридрихъ, какъ говорятъ приписываемыя ему знаменитыя слова, усталъ подлѣ конецъ царствовать надъ рабами, и это рабство умовъ тяжело сказывалось въ продолженіи еще цѣлаго поколѣнія послѣ его смерти на государствѣ, которое собственно онъ основалъ. Подобныя же отношенія существовали и при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III по окончаніи войны за независимость: и въ то время такъ же весьма вреднымъ оказалось послѣдствіемъ, что политическая жизнь и политическое развитіе государства были такъ слабы въ эпоху отъ 1815—1840 г. Само собой разумѣется, что нельзя сравнивать настоящее время съ тогдашнимъ; но въ принципѣ вопросъ остается все такимъ же, а именно: считаютъ ли, что въ государственной жизни можно терять время или нельзя? Прогрессивныя умы, конечно, придерживаются послѣдняго мнѣнія, и нельзя отрицать, что было бы, конечно, не дурно, если бы тѣмъ періодамъ мира, которымъ теперь наслаждается Германія, воспользовались съ тѣмъ, чтобы довести до окончанія конституцію имперіи. Никто вѣдь не можетъ заранѣе сказать: какія бури могутъ наступить въ ближайшемъ будущемъ, въ области иностранной политики или, вѣрнѣе, вызванныя ею.

Хотя по всей справедливости считается заслугой канцлера, что Германія оставалась до сихъ поръ въ сторонѣ отъ восточнаго водоворота и благодѣтельно охраняла миръ всей Средней Европы, но нѣкто не рѣшится утверждать, что въ настоящую минуту устранены всѣ опасности. Громадный переворотъ политическихъ государственныхъ отношеній на Востокѣ, который необходимо произведетъ настоящая война, сообщитъ необыкновенное движеніе и тревогу народамъ и государствамъ на всѣхъ концахъ земли, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, недовольство Англій печальной ролью, какую она играла въ настоящей войнѣ, опасенія англійскихъ поли-

тиковъ за цѣлость ихъ ость-индскихъ владѣній и сознание великой военной слабости страны — послужать источникомъ продолжительныхъ смуть. Конечно, что касается Франціи, то тутъ совершился рѣшительный поворотъ къ лучшему, и войны „возмездія“ нельзя опасаться до тѣхъ поръ, пока большинство на сторонѣ республиканцевъ и они устанавливаютъ принципы правленія. Бисмаркъ же всегда считалъ войну съ Франціей худшимъ зломъ, не изъ боязни войны, но отъ любви къ миру. За то отношенія между Германіей и Римомъ все еще въ прежнемъ видѣ, и нѣтъ никакой надежды, чтобы они измѣнились къ лучшему. Правда, много толкуютъ про то, что въ высшемъ духовенствѣ или, вѣрнѣе сказать, въ самой римской куріи замѣчается желаніе придти къ соглашенію, и что правительство и дружественныя съ нимъ партіи очень бы хотѣли выработать *modus vivendi*, но все это пока одни мечтанія, не имѣющія подъ собой твердой почвы. Какія послѣдствія возымѣетъ пережѣна короля въ Италию — это еще трудно сказать; французовъ очень испугала внезапная смерть Виктора-Эммануила, потому что этотъ послѣдній чувствовала личную, благодарную симпатію къ Франціи, — чувства, которыхъ его сынъ, по всей вѣроятности, далеко не раздѣлялъ въ такой степени; кромѣ того, этотъ послѣдній очень друженъ съ германскимъ кронъ-принцемъ, и всѣ понимаютъ, что такое обстоятельство скоро можетъ имѣть очень большое вліяніе на политику. Остается теперь еще Австрія, которая официально живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Германіей, но нельзя сказать, чтобы изъ отношеній этихъ двухъ странъ исчезло всякое облако. Въ Германіи опасенія возбуждаются относительно Австріи съ той стороны: какъ бы ультрамонтаны и военная придворная партія — которые всегда были и по самой природѣ вещей всегда будутъ самыми непримиримыми врагами Пруссіи — не взяли перевѣса. Въ Германіи также тяжело отзывается то обстоятельство, что борьба между Венгріей и Австріей, то-есть между Цисъ- и Трансъ-лейтаніей все не прекращается. Истинные интересы австро-венгерской монархіи жестоко страдаютъ отъ этого, и внѣшнее могущество государства тоже сильно подрывается. Но не въ нѣмецкихъ интересахъ окончаніе этого процесса, такъ какъ, напротивъ того, при существующихъ обстоятельствахъ, Германія и Австрія имѣютъ всѣ причины взаимно поддерживать другъ друга. Въ этомъ отношеніи, величайшій интересъ представляетъ недавно появившаяся брошюра; въ ней сообщенъ разговоръ князя Висмарка съ г-мъ Криспи, происходившій въ прошломъ году въ Гаштейнѣ, въ которомъ первый объявилъ второму, что итальянцы должны выкинуть у себя изъ головы мечту завладѣть Триестомъ, потому что Германія непременно вступится за Австрію въ такомъ случаѣ, хотя бы

уже потому, что это нарушило бы интересы 8-ми миллионных ильцевъ, живущихъ въ Австріи.

Я считалъ необходимымъ присоединить къ моей корреспонденціи этотъ краткій обзоръ политическаго положенія, чтобы characterize настроеніе и надежды въ ближайшемъ будущемъ.

Не будучи песимистомъ, я не могу не признать, что общее у всѣхъ чувство, это — недовольство существующимъ положеніемъ; большинство жаждетъ скорѣе переменъ во всѣхъ направленіяхъ, нежели дальнѣйшаго существованія порядка, который самъ по себѣ не невыносимъ, но кажется невыносимымъ. Важнымъ признакомъ является тотъ фактъ, что прогрессивная партія уже начала готовиться къ ближайшимъ выборамъ, которые произойдутъ только въ 1881 г. и что другія партіи намѣрены послѣдовать ея примѣру. Надо, конечно, принять, что нѣмецкая флегма и привычная безпечность политическихъ партій не допустятъ до настоящихъ, серьезныхъ подготовленій, и что истинная причина этого преждевременнаго усердія заключается въ опасеніи или, вѣрнѣе сказать, въ надеждѣ, что можетъ воспослѣдовать неожиданное распущеніе рейхстага или палаты депутатовъ. Но такое распущеніе, конечно, было бы не симптомомъ, но послѣдствіемъ катастрофы: въ томъ ли случаѣ, если бы удалось Бисмарку провести свои планы, или въ томъ случаѣ, если бы онъ потерялъ всякую надежду на проведеніе ихъ и удалился бы въ отставку, что, по мнѣнію его друзей, онъ сдѣлаетъ въ такомъ случаѣ, — разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы, уступивъ мѣсто второстепеннымъ политикамъ, сажать зарѣзъ вапуста, но чтобы проводить дальше свою политику въ парламентѣ.

Я не стану разбирать въ подробностяхъ, какія бы послѣдствія произошли изъ того для Германіи и Пруссіи, — во всякомъ случаѣ Германія въ такомъ случаѣ затмила бы даже Францію интересомъ своей внутренней политики, если только до того времени социаль-демократамъ не удастся произвести свою революцію. Сильность ихъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и особенно усилилась вслѣдствіе весьма благонамѣренной, но крайне неполитичной мысли, а именно: основанія *христіанско-соціалистической* рабочей партіи, долженствующей противодѣйствовать социаль-демократамъ. Зачинателями этой партіи являются частью профессора и, разумѣется, изъ той партіи, которую зовутъ „Katheder-Socialisten“, частью евангелическое духовенство. Они соединились въ той идеѣ, что христіанство, съ его всеобъемлющей любовью, даетъ все то, чего желаютъ достигнуть социаль-демократы, и что государство и общество должны ревностнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, заняться экономическими и социальными реформами, чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ

соціальной демократіи. Все это само по себѣ прекрасно, но уже новѣйшее экономическое движеніе вполне освободило рабочіе классы въ Германіи, необыкновенно какъ улучшило ихъ экономическое и соціальное положеніе, и всѣмъ этимъ прогрессомъ соціаль-демократы пользуются, чтобы предъявлять все большія и большія требованія и уже теперь упразднить поземельную собственность, т.-е. они хотятъ сохранить частную собственность лишь въ томъ размѣрѣ, чтобы всякій имѣлъ свой домъ и свое платье, но чтобы вся земля, всѣ фабрики, весь капиталъ—были общими, и все производство принадлежало государству. Эти принципы совершенно громко высказываются въ ихъ сочиненіяхъ и на ихъ собраніяхъ. Конечно, собственники имѣютъ право защищаться отъ такихъ нападений на нихъ; но худшимъ способомъ защиты будетъ тотъ, когда защищающіеся объявляютъ: да! да! собственность въ самомъ дѣлѣ нуждается въ реформѣ, и разсуждать въ своихъ сочиненіяхъ о томъ, въ какихъ размѣрахъ возможны уступки соціаль-демократамъ, чтобы удовлетворить ихъ. А если ихъ нельзя удовлетворить? Каждая уступка, которую имъ дѣлаютъ, служитъ лишь поводомъ къ новому требованію. Въ этомъ-то и заключается ошибка „профессоровъ“. Ошибка духовенства заключается въ томъ, что оно воображаетъ, будто можетъ повлѣять путемъ религіи на соціаль-демократовъ, тогда какъ это совершенно невозможно. Вражда къ религіи составляетъ настоящее основаніе нашей соціальной демократіи, потому что она совершенно вѣрно понимаетъ, что должно убить вѣру въ будущую жизнь для того, чтобы подвинуть своихъ приверженцевъ на ожесточенную борьбу. Если будущей жизни не существуетъ, то нужно на землѣ воспользоваться всѣми радостями, какія только на ней доступны.

Одинъ изъ основателей *христіанско-соціалистической партіи*, придворный проповѣдникъ Штөкеръ, совалъ недавно народное собраніе, чтобы обращать соціаль-демократовъ. Эти послѣдніе явились натурально въ громадномъ числѣ, и Мостъ, самый бойкій изъ ораторовъ соціаль-демократической партіи, возражалъ ему среди наступленнаго восторга толпы, отчаянными нападками на религію и на духовенство, и даже обратилъ противъ него знаменитыя слова, которыя въ Шиллеровской драмѣ Вильгельмъ Тель говоритъ намѣстнику Гесслеру передъ тѣмъ, чтобы направить въ него смертельную стрѣлу:

„Mach deine Rechnung mit dem Himmel Vogt!
„Fort musst Du, deine Uhr ist abgelaufen!“

Но, не удовольствовавшись этимъ, Мостъ немедленно перешелъ къ наступленію, и на-днякъ читалъ лекцію о „повоствѣ“, въ которой убѣждалъ соціаль-демократовъ немедленно и en masse отдѣ-

лится отъ церкви. У дверей помѣщенія, гдѣ происходило это собраніе, находились списки, въ которые немедленно заносились заявленія пожелавшихъ отдѣлиться. Такъ какъ во всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ у насъ нѣтъ ничего противозаконнаго, то власти не имѣютъ никакого повода вмѣшиваться, и нельзя же согласиться послѣ того, что всѣ толки о стѣсненіи въ Пруссіи свободы довольно неосновательны.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 января, 1878.

Разногласіа въ сенъ-джвмскомъ кабинетѣ.

Въ тотъ самый моментъ, какъ я отсылалъ свое послѣднее письмо къ вамъ, 5 (17) октября, для ноябрьской книги, въ Лондонъ пришло извѣстіе о громкой побѣдѣ русскихъ на Аладжъ-Дагѣ. То было какъ бы мановеніе волшебнаго жезла, которымъ такъ сказаны сняты чары съ русскихъ армій: съ этого дня онѣ переходили отъ побѣды къ побѣдѣ, и доблестная оборона Османа-паши только рельефнѣе отъѣнила его окончательное паденіе:

„A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire!“

— сказала великій французскій поэтъ; въ этомъ отношеніи нашимъ войскамъ нельзя было пожаловаться.

По зрѣломъ размысленіи я очень доволенъ, что окончилъ свою хроникку до этой перемѣны счастья. Быть можетъ, подъ вліяніемъ новаго оборота, какой приняла дѣла, я былъ бы склоненъ нѣсколько смягчить картину общественнаго мнѣнія, какою она представлялась послѣ первыхъ и серьезныхъ неудачъ въ Азіи и въ Европѣ; между тѣмъ, теперь мы получили вѣрную характеристику періода, соотвѣтствовавшего первымъ событіямъ кампаніи.

Въ настоящее время—какая перемѣна! Въ Азіи: турецкая армія сокрушена, Карсъ взятъ приступомъ, Эрзерумъ—наканунѣ своего паденія. Въ Европѣ по сегодняшнее число: Плевна завоевана, Софія занята, Шилкинская армія плѣнена—вотъ непрерывные удары, обрушивающіеся въ послѣдніе три мѣсяца на голову Джона Була, разсѣявшіе его розовыя мечты и приведшіе его къ такому пессимизму, что онъ могъ бы порадовать приверженца Гартмана и Шопенгауэра. Я уже не разъ имѣлъ случай указывать на эти колебанія въ

нашею общественною жизнью. Но никогда еще ушнее — словом настоящее слово — страх не был так велик. Я бы не мог предсказать, что дѣло можетъ зайти такъ далеко въ этомъ направленіи: тамъ по крайней мѣрѣ поразительное, бесспорное недостаткѣ настоящее минуты. Я настаивалъ на временности этого явленія: невозможно, чтобы черезъ нѣсколько дней, когда разсѣется первая паника, англійскій народъ не вернулся къ сознанию если не своей силы, то своего достоинства.

Но самой выдающейся чертой въ положеніи дѣлъ въ теченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ былъ антагонизмъ, все рѣзче и рѣзче выступавшій между различными членами кабинета. Не только маркизъ Сольсбери, но также — и въ особенности — лордъ Карнарвонъ, дошли до послѣдняго предѣла сопротивленія политической программѣ лорда Биконсфильда — политической программѣ, которую вполне разделяетъ королева Викторія. Это пунктъ важный, отнынѣ всѣмъ извѣстный, и объясненіе которому будетъ дано ниже.

27 октября (9 ноября) на ежегодномъ банкетѣ лорда-мэра, первый министръ, говоря подъ впечатлѣніемъ первыхъ событій подъ Плевной, утверждалъ въ громкихъ выраженіяхъ о могуществѣ и жизненности Турціи. „Въ этомъ еще сомнѣвались годъ тому назадъ, — восклицалъ онъ, среди рукоплесканій, — и потѣшались надъ этимъ. Отнынѣ, каковы бы ни были превратности войны — а судьба сраженій такъ же измѣнчива, какъ фазы луны — независимость турецкой имперіи является бесспорнымъ фактомъ. Она подтверждена полумилліономъ воиновъ, пожертвовавшихъ жизнью отечеству, безъ всякаго жалованья и вознагражденія... Впрочемъ, я не могу забыть, что въ началѣ настоящей войны, русскій императоръ съ великодушнѣе, такъ хорошо характеризующимъ возвышенность его характера, объявилъ, что единственная цѣль его заключается въ обезпеченіи безопасности и благосостоянія христіанскихъ подданныхъ Порты, и что по одному случаю онъ утверждалъ своей честью, какъ человекъ и императоръ, что онъ вовсе не помышляетъ о пріобрѣтеніи территорій. Я не могу также забыть, что султанъ формально заявилъ о своемъ намѣреніи дать христіанамъ ту безопасность и то благосостояніе, которыхъ требуетъ для нихъ русскій императоръ. И, опираясь на эти двѣ деклараціи, исходящія отъ такихъ высочайшихъ авторитетовъ, высказанныхъ въ такихъ торжественныхъ и искреннихъ выраженіяхъ двумя государями, между которыми идетъ въ настоящее время борьба, я полагаю, что могу заключить, безъ того, чтобы меня обвинили въ дерзости, о вѣроятности мира“. И онъ прибавилъ, что безъ сомнѣнія недалеко время, когда „великія державы при-

мутъ участіе въ соглашеніи—такого характера, чтобы имъ обезпечивался не только миръ, но и независимость Европы“.

Таковъ былъ прологъ и такъ-сказать изложеніе драмы, сдѣланное главнымъ актеромъ. Эта рѣчь, которую называли юмористическою, была въ сущности и высокоумна, и дерзка, несмотря на кажущуюся умѣренность формы. Нѣсколько дней спустя пришло извѣстіе о вѣсти Карса,—извѣстіе безусловно неожиданное и разразившееся, какъ ударъ грома. Самъ „Times“, вопреки своему оптимизму, былъ сначала оглушенъ имъ: и ему понадобилось время, чтобы оправиться. Припоминали славную оборону 1856 г., и казалось невѣроятнымъ, чтобы великая вѣрность Арменіи была повержена за одинъ штурмъ. Однако пришлось уступить передъ очевидностью, и вотъ когда нѣсколько обществъ и лицъ, стоящихъ за покровительство Турціи, послали делегатовъ въ *Foreign-Office*, съ цѣлью потребовать немедленнаго вмѣшательства ради британскихъ интересовъ, которымъ угрожаетъ опасность.

Отвѣтъ лорда Дербі этимъ депутатамъ 17-го (29-го) ноября былъ подхваченъ всею европейскою прессой, и скажу сразу, что она сильно преувеличила значеніе декларацій главы *Foreign Office*. Все же лучше будетъ представить, согласно нашему обыкновению, главные фразы на усмотрѣніе читателя. „Я не могу допустить,—сказалъ между прочимъ лордъ Дербі, намекая на спичъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ,—чтобы долина Евфрата была прямымъ путемъ сообщенія между Англійей и Индіей. Я думаю, что Суэскій каналъ можетъ вполне удовлетворить всѣ наши потребности, до тѣхъ моръ по крайней мѣрѣ, пока мы можемъ имъ располагать безпрепятственно. Говорить, что этому пути можетъ угрожать большая опасность, если русскіе возьмутъ Травезунтъ. Это, признаюсь, такое положеніе, которое еще требуетъ доказательства; и такъ какъ у меня нѣтъ подъ руками доказательства противнаго, то я прошу позволенія не высказывать пока своего сужденія. Другой джентльменъ говорилъ, что въ случаѣ, если бы афганцы объявили себя противъ насъ, можно опасаться, что все нагорноталское населеніе Индіи присоединится къ нимъ. Я не думаю, чтобы существовала такая неминуемая опасность... Третье замѣчаніе было сдѣлано однимъ изъ ораторовъ, по поводу настоящаго отношенія австрійскаго правительства, которое, будто бы, готово дѣйствовать, если мы сдѣлаемъ ему хотя слабое поощреніе. Я полагаю, что знаю объ этомъ больше, чѣмъ лица, постороннія этому министерству, и удовольствуюсь пока заявленіемъ, что я вполне расхожусь во взглядѣ съ тѣмъ, кто высказалъ это мнѣніе... Мы всѣ помнимъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ министръ предпринялъ великую войну, единственно ради славы; онъ

объявить, что приступаетъ къ ней съ легкимъ сердцемъ; но онъ не вышелъ изъ этой войны съ легкимъ сердцемъ, ни онъ, ни его государь и ни его страна. Что до меня касается, то я считалъ, что всякая война, которая не необходима, есть преступленіе, а того мнѣнія, что имъ должны старательно избѣгать всякаго дѣйствія, всякаго слова, которое могло бы насъ вовлечь въ нее⁵.

Эта рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ рѣчью лорда Виконсфилда. Но если взглянуть въ истинное положеніе партій, если сообразить, что депутація требовала ни болѣе, ни менѣе какъ немедленнаго извѣщательства, то должно сознаться, что министерство и не могло дать другого отвѣта. Единственнымъ важнымъ пунктомъ въ этой рѣчи было отреченіе отъ знаменитой долины Евфрата, которую отнынѣ англійскіе государственные люди предоставляли ей несчастной судьбѣ. Это происходило до паденія Плевны.

Въ это же самое время произошелъ интересный эпизодъ, который можетъ дать понятіе о возбужденіи, царствовавшемъ въ англійскомъ обществѣ по поводу настоящей войны: я говорю про гвалтъ, поднятый въ прессѣ и въ клубахъ Арчибалдомъ Форбесомъ. Этотъ корреспондентъ газеты „Daily News“, брѣгана, какъ выражаются у насъ, руссофильскаго, прибылъ въ Лондонъ въ октябрѣ, проведя пять мѣсяцевъ съ русскими войсками на театрѣ войны, откуда онъ присылалъ тѣ трогательныя описанія, которыя останутся навсегда замѣтнымъ храбрости и дисциплины русскаго войска.

Немедленно по возвращеніи Форбесъ напечаталъ въ здѣшнемъ „XIX Вѣкѣ“ статью, въ которой говорилъ жестокія истинныя русскимъ, туркамъ и болгарамъ. Что касается турокъ, то онъ, не колеблясь, признавалъ ихъ жестокость на полѣ битвы: онъ самъ видѣлъ, какъ бани-бузуки устремлялись на поле битвы, послѣ неудачнаго приступа, и доканчивали русскихъ илѣнныхъ, предоставленныхъ ихъ печальной судьбѣ.

Но въ то же самое время онъ отказывался свалить на однихъ турокъ всю отвѣтственность за послѣднія событія. „Постоянно старались умалить значеніе движенія, организованнаго, съ цѣлью возмущенія Болгаринъ,—говоритъ онъ,—но это мнѣніе не можетъ устоять передъ фактами“. Кроме того, онъ опровергался на болгаръ—„расу, созданную въ минуту разсѣянности творческой силы, если только не признавъ ее какъ опроверженіе дарвиновской теоріи, въ силу которой переживаетъ достойнѣйшій“. Онъ настаивалъ на ихъ благодѣяніи и утверждалъ, что „имъ хорошо съ турками, и не надо никакихъ избавителей“.

Тутъ уже выступилъ на сцену Гладстонъ, прозванный „дровосѣкомъ Гоуардена“. Что этотъ государственный человѣкъ проводитъ свои канікулы въ томъ, что рубить деревья въ своемъ паркѣ, вообра-

жая, безъ сомнѣнiя, что подсѣкаетъ само министерство Виконсфильда; что онъ принимаетъ депутацiи безъ киртука и съ топоромъ въ рукѣ— противъ этого никто и ничего не можетъ возразить. Но что уже гораздо характеристичнѣе, это—пускать въ продажу свой фотографическiй портретъ въ этомъ странномъ видѣ. Но и это куда бы еще ни шло, а то вдругъ ему пришла злосчастная идея припутать къ спору Мидхата-пашу, и обвинить его ни болѣе, ни менѣе какъ въ убiйствѣ, соединенномъ съ самымъ подлымъ коварствомъ. Нѣкій м-ръ Джесперъ Моръ, бывшiй нѣкогда членомъ парламента за Шропшайръ, написалъ книгу, озаглавленную: „Under the Balkans“, въ которой передаетъ слѣдующiй анекдотъ объ эхсъ-великомъ визирѣ, который и припомнилъ Гладстонъ.

Этотъ м-ръ Моръ, находясь въ Болгарiи, обѣдалъ разъ у одного турецкаго полковника, — имени его онъ не приводитъ, — который разсказалъ ему слѣдующее: враги подговорили убiйцъ умертвить Мидхата-пашу за 25,000 шастровъ, а онъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ имъ 50,000 шастровъ съ тѣмъ, чтобы они убили его врага. Разбойники согласились, получили половину обѣщанной суммы, убили кого надо и вернулись за остальными деньгами, но Мидхатъ арестовалъ ихъ, судилъ какъ убiйцъ и казнилъ.

12 декабря „Daily-Telegraph“ напечаталъ письмо Мидхата, изъ Неаполя, въ которомъ тотъ вѣжливо, но категорически, съ доказательствами, подтверждающими его слова, опровергалъ показанiя его противника. Послѣ этого Гладстонъ, честно, но безъ конфуза, взялъ назадъ свое обвиненiе и покаялся. Конечно, это лучшее, что онъ могъ сдѣлать, но можетъ ли быть болѣе жалкое зрѣлище, какъ зрѣлище общественнаго дѣятеля, поставившаго себя въ необходимость завить о собственномъ легкомислiи или недобросовѣстности.

Тѣмъ временемъ пришло извѣстiе о взятiи Плевны. Хотя событiе это предвидѣлось, но оно тѣмъ не менѣе произвело сильное волненiе. И прежде всего появилось весьма искреннее чувство уваженiя въ Осману-пашѣ, доблести котораго отдавали справедливость сами противники.

И со всѣмъ тѣмъ, нашлись здѣсь люди, которые крайне легкомысленно относились къ этому капитальному эпизоду настоящей войны. Въ тотъ самый день, какъ пришло въ Англiю извѣстiе о взятiи Плевны, военный мистеръ Гаторнъ Гарди говорилъ рѣчь въ Эдинбургѣ передъ консервативнымъ клубомъ шотландской столицы. Онъ похвалилъ въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ доблестное поведенiе Османа-пашы и его соратниковъ, а на другой день—въ рѣчи, сказанной на митингѣ „консервативныхъ рабочихъ“, онъ подтвердилъ увѣренiя, уже неоднократно-высказываемыя правительствомъ. „Нѣ-

которыя лица, — говорилъ онъ, — утверждали, что миръ будетъ заключенъ безъ содѣйствія Англіи. Не вѣрьте этому, джентльмены! Англія — нація двойственная: она принадлежитъ и западу, и востоку. Ея интересы замѣшаны въ Средиземномъ морѣ, они замѣшаны въ Черномъ морѣ и въ Индіи. Ничего не можетъ быть невозможнѣе окончательнаго мира, заключеннаго и подписаннаго безъ ея внимательства въ рѣшительную минуту. Если, какъ я думаю, придется созвать всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ какой-нибудь интересъ въ устройствѣ восточныхъ дѣлъ, то Англія должна быть призвана — и съ нею вмѣстѣ вся Европа^а. То были, какъ видите, все тѣ же рѣчи: продолжали настаивать на *обмѣнаніи*, данномъ — созвать державы для окончательнаго устройства дѣлъ, какъ это всегда утверждалъ кабинетъ.

Но съ этой минуты выясняется новое движеніе. Три факта отричаютъ его постепенныя перипетіи. Первый фактъ: обнародованіе 3-го тома біографіи принца Альберта (на первой недѣлѣ декабря мѣс.). Второй фактъ: визитъ королевы къ лорду Виконсфилду (15 декабря). Третій фактъ: преждевременное созваніе парламента (19 декабря). Событія быстро чередуются, и драма почти отличается единствомъ времени, столь милымъ сердцу французовъ. Что касается единства дѣйствія, то оно почти безусловное, какъ объ этомъ можно судить.

Въ 1875 году появился первый томъ біографіи принца Альберта, написанной или, вѣрнѣе, скопированной Теодоромъ Мартиномъ, съ помощью документовъ, доставленныхъ королевой. Безъ сомнѣнія, надо винить случай или естественный ходъ событій, если этотъ 3-й томъ какъ-разъ посвященъ эпохѣ крымской войны и если патристическое и анти-русское рвеніе прессы прорывается въ немъ на каждой страницѣ, самымъ компрометирующимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ хорошо-извѣстный культъ, которымъ королева окружала своего мужа, не менѣе ея собственныхъ писемъ, писанныхъ въ ту эпоху, не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ характера ея темпераментныхъ чувствъ. Достаточно привести то, что она писала, 18 ноября 1854 года послѣ Инкерманскаго сраженія, противъ русскихъ, которыхъ она обвиняетъ въ томъ, что они вели себя съ величайшимъ варварствомъ. — Многіе изъ нашихъ бѣдныхъ офицеровъ, — говоритъ она, — которые были только ранены, были безжалостно умерщвлены на мѣстѣ^а. Что подобное письмо было написано государыней; что оно было включено въ этотъ томъ, что этотъ томъ появился накануне паденія Плевны — вотъ что краснорѣчивѣе всякихъ комментаріевъ и не надо быть колдуномъ, чтобы вывести изъ этого выводы и узнавать наизусть вещи.

Дѣло еще упрощается, когда вдова Альберта нѣсколько дней спустя отправляется не *incognito*, но съ полниимъ парадомъ въ зѣ-

нокъ Гугенденъ и завтракаетъ съ лордомъ Бивонсфильдомъ. Безъ сомнѣннй, государь можетъ посѣтить своего перваго министра—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ обыкновенное время. Но при настоящихъ обстоятельствахъ этотъ визитъ былъ перетолкованъ такъ, какъ и слѣдовало ожидать: въ виду событий, столь важныхъ, въ виду наружнаго отступничества одной части нации и даже нѣкоторыхъ министровъ, королева приближалась съ главой кабинета и вмѣстѣ съ своимъ содѣйствіемъ окружала его обявіемъ своей личной поддержки. Нельзя болѣе въ этомъ сомнѣваться и остается только примириться съ этимъ фактомъ. Я не могу входить въ дальнѣйшія подробности: впрочемъ, факты, указанные выше, достаточно объясняютъ дѣло.

Упомяну еще объ эпизодѣ, касательно учрежденія новаго ордена *остъ-индской короны*. Въ началѣ нынѣшняго года королева, съ согласія лорда Бивонсфильда, который очень любитъ этого рода „*ragam*“, учредила новый орденъ, предназначенный исключительно для дамъ: принцессы королевскаго дома, жены остъ-индскихъ принцевъ, родственницы высшихъ сановниковъ остъ-индской имперіи однѣ могутъ быть награждаемы имъ. Все это прелестно, конечно, съ точки зрѣнія моды и туалета и въ высшей степени невинно. Но опять всѣ замѣтили, что въ списокъ орденскихъ дамъ герцогиня Эдинбургская поставлена была послѣдней, даже послѣ принцессы Беатрисы.

Черезъ четыре дня послѣ визита королевы къ лорду Бивонсфильду, извѣстіе о созваніи парламента на 17 января разразилось, какъ бомба. Это вовсе не одна риторика: дѣло въ томъ, что въ этомъ преждевременномъ созваніи каждый увидѣлъ угрозу войны или по крайней мѣрѣ требованіе субсидій. Впрочемъ, надо быть справедливымъ и признать, что перспектива представлялась неблестящая. Одинъ фактъ, который можно было сначала считать неважнымъ, выяснился самымъ неоспоримымъ образомъ: я говорю про союзъ трехъ императоровъ. Этотъ союзъ не только ослаблялся, но становился все тѣснѣе по мѣрѣ развитія событий: Германія рѣшительно стояла на сторонѣ побѣдоносной Россіи, и императорская и военная партія въ Австріи оказывалась слугою политики князя Бисмарка. Слѣдовательно, не приходилось рассчитывать на содѣйствіе Австро-Венгрии, между тѣмъ, что касается континента, то Англія изолированная равняется Англіи упрямденной. Въ новѣйшія времена она почти всегда выходила побѣдоносной, но у ней всегда бывали одинъ или нѣсколько союзниковъ.

Но, по правдѣ сказать, не было никакого основанія предполагать, что правительство намѣрено въ одиночку пуститься на вооруженное вмѣшательство. На всякій случай и внѣ всякихъ личныхъ симпатій приходилось Англіи высказаться, подать признакъ жизни: большая

честь націй такъ это и понимала, и нельзя сказать, чтобы это служило къ ея чести. „Times“ въ своемъ номерѣ, отъ 5 января, являясь вѣрнымъ гламатасемъ этого уничтоженія. Какое! подумать только, что многочисленныя митинги собираются въ пользу мира! Значитъ, со стороны правительства существуютъ воинственные наміренія. Но это ужасно! что тутъ толковать про честь, про британскіе интересы и все такое: вопросъ рѣшенъ, вся Европа осуждаетъ Турцію и одобряетъ наше новое отношеніе къ этому случаю.

Такъ или почти такъ рассуждалъ такъ-названный органъ Сити.

Тѣмъ временемъ произошелъ эневодъ съ лордомъ Каршароуэнъ, министромъ колоній, рѣчь котораго бросила яркій свѣтъ на раздоры въ кабинетѣ. Отвѣчая депутаціи негоціантовъ, явившихся разспросить его о событіяхъ, происходящихъ въ настоящую минуту на Мысъ Доброй-Надежды, министръ, не колеблясь, пустился рассуждать о восточномъ вопросѣ: „Я надѣюсь во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что мы не будемъ подстрекать себя по поводу такъ-названной британской чести и британскихъ интересовъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ, я никогда не слышалъ ни одного слова, ни одного намека даже про англійскую честь; а что касается британскихъ интересовъ, то мы дѣйствовали какъ свѣтскіе люди, умѣящіе различать существенныя и серьезныя отъ второстепенныхъ.“

„Я надѣюсь также, что русское правительство и русская нація не забудутъ, что имѣющіяся въ виду мѣры касаются не однихъ только воюющихъ сторонъ. Онѣ интересуютъ всю Европу. И какъ членъ великой европейской семьи, мы не только имѣемъ право быть выслушанными, но необходимо, чтобы насъ выслушали въ рѣшительный моментъ. Все это мнѣ кажется легко примирить, лишь бы съ обѣихъ сторонъ выказали нѣкоторую умѣренность. Большинство тѣхъ, кто здѣсь присутствуетъ, помнитъ начало крымской войны. Мы понимимъ какъ съ одной стороны, Россія, въ силу обманчивой иллюзіи, съ другой стороны наша страна, вслѣдствіе крайняго возбужденія, были увлечены въ войну. Я очень сомнѣвался, чтобы въ настоящее время нашлось много людей, которые бы съ удовольствіемъ вспоминали объ этомъ событіи, и я увѣренъ, что не найдется такихъ безумцевъ, которые желали бы его повторенія“.

Мы неоднократно намекали на равногласіе, существующее въ сенъ-жемскомъ кабинетѣ: то былъ очевидный и бесспорный фактъ. Но никогда бы никто не подумалъ, что дѣло могло зайти такъ далеко, чтобы членъ этого кабинета могъ высказаться такъ рѣзко, почти грубо, противъ большинства своихъ собратьевъ. Можно представить себѣ, какую гримасу сдѣлалъ лордъ Вигонсфильдъ въ виду этого неожиданнаго сюрприза. И не только первому министру досталось,

но и съ королевой тоже не поцеремонились и предложили ей вернуться къ своей „прядь“, вмѣстѣ съ 8-михъ томахъ Биографіи принца Альберта.

Тѣмъ временемъ восточный вопросъ вступилъ въ новую фазу: дипломатія снова выступила впередъ — очень скромно, какъ мы знаемъ. Послѣ паденія Плевны Турція обратилась къ коллективному милосердію великихъ державъ. Отверженная всѣми, она обратилась къ Англіи, которая, не колеблясь, вступилась за свою старую союзницу. Держась буквы трактатовъ, Турція имѣла полное основаніе обратиться къ державамъ. По статьѣ 6 парижскаго трактата—статьѣ, неотмѣненной конвенціей 13 марта 1871 г.—шесть державъ гарантировали территориальную непривосновенность турецкой имперіи, утверждая, что онѣ будутъ считать вопросомъ общаго интереса всякое дѣйствіе, клонящееся нанести ей ущербъ. Англійская публика не забыла ноту лорда Дерби, отъ 6 прошлаго мая, которою онъ напоминалъ Россіи, что она не уполномочена дѣйствовать отъ имени Европы.

Но съ трактатами—та же исторія, что и съ контрактами между частными лицами: они дѣйствительны лишь настолько, насколько договаривающіяся стороны имѣютъ силу заставить ихъ уважать. Такъ ведется исконно въѣку, и вмѣсто того, чтобы распространяться въ сантиментальныхъ декламацияхъ на эту тему, лучше сдѣлали бы, если бы принялись изучать научныя условія общественныхъ отношеній, равно какъ и отношеній одного народа къ другому. Въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ Турція безсильна, а великія державы—равнодушны, Англіи слѣдуетъ самой заботиться объ интересахъ, которые ей близки.

Поэтому сенъ-джемскій кабинетъ поспѣшилъ предложить свое посредничество Петербургу. Но затѣмъ сталъ выѣзжать на словахъ послѣ неуспѣха этой попытки, и утверждать, что дѣло шло о простой услугѣ, лишенной всякаго оффиціальнаго характера: кабинетъ взялъ на себя порученіе Турціи и ему не удалось его выполнить—вотъ и все.

Назовемъ вещи ихъ именами: англійское правительство въ самомъ дѣлѣ предлагало свое посредничество Россіи и получило отъ нея самый категорическій отказъ, вмѣсто подарка на новый годъ.

Въ то же самое время, какъ правительству нанесенъ былъ этотъ ударъ прямо въ грудь, митинги въ пользу мира замѣчательно учащались. Тутъ дѣйствовали—не надо этого забывать—все тѣ же либеральныя ассоціаціи, разсыпанныя по всей странѣ и уже годъ тому назадъ выступившія на сцену, по призыву Гладстона. Но въ настоящее время нельзя закрывать глаза на слѣдующее обстоятельство:

теперь уже не проски партій, теперь уже всѣ затронутые интересы, повидному, сбѣгаются въ лагерь Гладстона. Я говорю „повидному“— и наставляю на этотъ, потому что послѣднее слово еще не было произнесено. Страна находится въ полномъ броженіи. Я вижу среди гвалта—и нескоро мнѣ можно будетъ отличить опредѣленные признаки чего-нибудь устойчиваго въ этомъ движеніи наездъ, совершаемое въ нормѣ страха.

Но правдѣ сказать, это движеніе достигло своего апогея съ рѣчью Джона Брайтъ въ Виррингемѣ. Но этотъ ветеранъ лиги мира, другъ Кобдена, оставался во крайней мѣрѣ вѣренъ своей роли, проповѣдуя своимъ соотечественникамъ политику не-инициателства. „Въ этой заглѣ,—сказалъ онъ между прочимъ,—есть много людей, которые, конечно, понимаютъ, какъ тотъ же самый вопросъ былъ рассмотренъ на обсужденіе народа 23 года тому назадъ. Въ 1854 г. были поданы точъ-въ-точъ такой же вопросъ, какъ и теперь. Въ ту эпоку народъ рѣшилъ востать. Онъ пошелъ на букингъ правительства, которое безумно,—какъ я думалъ тогда и многіе теперь раздѣляютъ мое мнѣніе—увлекло его въ случайности борьбы. Я читалъ недавно одинъ вліятельный журналъ, описывавшій ослѣпленіе нѣкоторыхъ лицъ и укоравшій ихъ въ томъ, что они все ссылаются на ту отдаленную эпоку, говоря, что обстоятельства совершенно измѣнились и что люди, бывшіе приверженцами войны въ ту эпоку, осуждаютъ ее нинѣ съ такимъ же основаніемъ. Я же полагаю, съ своей стороны, что аргументы въ пользу войны такъ же сильны въ настоящее время, какъ они были въ 1854 г.—и такъ какъ я считаю, что ни одинъ изъ этихъ аргументовъ не былъ справедливъ въ ту пору, то и не вижу, чтобы существовали нинѣ разумныя причины вовлекать націю въ борьбу“.

Ораторъ заключилъ слѣдующими словами:

„Возьмите какую-хотите серьезную исторію нашего края, со времени Вильгельма III и до нашихъ дней, и вы увидите, что войны всегда вызывались и поддерживались посредствомъ аргументовъ, за которые впоследствии кормили другъ друга, что ихъ одобрили. Те пустякъ въ ходъ хитрую фразу, въ родѣ „европейское равновѣсіе“, родъ фантома, за который гонялось правительство нашего края въ продолженіи двухъ столѣтій, никогда не будучи въ состояніи уловить его. Те набросаете на другое выраженіе, въ родѣ „британскихъ интересовъ“, которое въ ходу теперь. Лордъ Дерби произнесъ самое мудрое слово, какое только исходило изъ устъ современнаго министра, когда онъ объявилъ, что величайшій изъ британскихъ интересовъ—это миръ! И на сотняхъ митинговъ утверждали ту же истину,

и въ тысячи семействакъ мужчины и женщины думаютъ то же самое (*Продолжительная рукоплесканія*). Я счастливъ, что вижу передъ собой это громадное собраніе въ этомъ величественномъ зданіи, посвященномъ миру и свободѣ. Васъ здѣсь собралось тысячи, и вы представляете миллионы, находящіеся внѣ этихъ стѣнъ. Соединимъ свои голоса въ единодушную резолюцію, и выразимъ желаніе, чтобы перечень кровавыхъ событій въ нашихъ лѣтописяхъ былъ заключенъ, и чтобы мы могли начать новую страницу, "гдѣ отнынѣ и на-вѣки было вписано благословенное посланіе милосердія и мира".

Все это прекрасно — и я охотно обѣими руками подписался бы подъ этия — но, увы! все это рѣчи, рѣчи человѣка, говорившаго недавно одному изъ моихъ пріятелей, отъ котораго я это слышалъ: „въ сущности, я предаю все въ руки Всемогущаго Творца, который сзумѣетъ направить событія къ лучшему“. Это, конечно, очень благотивно, но не для всѣхъ убѣдительно.

Говорятъ, что рѣчь Джона Брайта (сказанная 1/12 января), была кульминаціоннымъ пунктомъ движенія за то, что я называю „миромъ во что бы то ни стало“, я забылъ про статью „Times“, напечатанную того же числа и превосходящую все, что можно вообразить. Известно, что не разъ толковалось о пріобрѣтеніи Египта Англіею въ виду возможныхъ случайностей. Ваддингтонъ, теперешній министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, находясь недавно въ Лондонѣ, говорилъ въ нѣкоторыхъ салонахъ про сношенія, которыя всегда существовали между Франціей и Египтомъ. Послѣ этого, съ „Times“ вдругъ дѣлается припадокъ страха. Пусть ему не говорятъ больше о пріобрѣтеніи Египта: на что его, Творецъ небесный! и каковъ будетъ результатъ этого пріобрѣтенія? „Французы намъ не простятъ его, и мы лишимся нашего послѣдняго политическаго друга въ Европѣ. Говорили, что если укрѣпить оба конца Суэскаго канала, то дорога въ Индію будетъ обезпечена. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе: это послужитъ, напротивъ того, новымъ источникомъ подозрѣній и тревоги. Тулонъ вскорѣ сталъ бы опаснѣе самого Константинополя, ставшаго русскимъ городомъ и пр. и пр.“

Всѣ эти странныя заявленія дѣлались какъ-разъ въ моментъ отказа Россіи принять англійское посредничество, и раздавались все громче и громче, по мѣрѣ сокрушительнаго движенія русскихъ арій черезъ Балканы. Между тѣмъ, правительство королевы старалось мужественно перенести неудачу: оно передало Портъ отвѣтъ Россіи и посоветовало ей обратиться къ командующимъ непріятельской аріей, чтобы добиться перемирія, а такъ какъ петербургское правительство требовало, чтобы въ то же самое время и непосредственно обжада-

лись предварительныя условія мира, — то чтобы Порты приняла, не обинуясь, и эти условія.

Вотъ тогда-то „Pall-Mall-Gazette“ высказалась о положеніи дѣлъ: „на-счетъ положенія, въ какомъ стоитъ Англія къ войнѣ и къ Европѣ, можетъ быть только одно мнѣніе: она смѣшна“ (№ 2/16 января).

Начиная съ этого момента, и въ то самое время, какъ я это пишу, въ общественномъ мнѣніи произошелъ большой переворотъ. Митинги продолжаютъ, но согласіе на нихъ дарить не такое уже безусловное. Уже 29-го декабря (10-го января) многочисленное собраніе происходило въ Сентъ-Джемсъ-Голлѣ, чтобы выслушать и-ра Вортунка, редактора „Morning-Post“, весьма известной во времена лорда Пальмерстона газеты. Герцогъ Сэтерлендъ председательствовалъ на этомъ собраніи, и въ числѣ присутствующихъ находился членъ королевской фамиліи, герцогъ де-Текъ. Ораторъ, среди рукоплесканій собранія, заключилъ, что надо, если не возвать — чего никто не желаетъ — то, по крайней мѣрѣ, держать себя мужественно и съ чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы спасти честь и вмѣстѣ съ тѣмъ — и интересы Англіи.

Но это еще не много доказываетъ, такъ какъ собраніе состояло изъ консерваторовъ, друзей министерства, а согласія въ министерствѣ совѣтъ не существуетъ. Но что гораздо серьезнѣе, такъ это то, что на митингъ, созванномъ немного спустя эконоимстомъ и приверженцемъ Гладстона, Фоусетомъ, произошла разногласица — и довольно энергическая. Раздавались возгласы противъ политики мира во что бы то ни стало.

Дѣла приняли еще болѣе рѣшительный поворотъ вчера вечеромъ, 4/16 января, по случаю внушительной мирной демонстраціи, организованной въ громадной концертной залѣ, известной подъ названіемъ Оксетеръ-Голла, на Страндѣ. Ораторомъ былъ Мунделла, прелестный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ, бывший когда-то рабочиикъ, теперь богатый негоціантъ Ноттингема и членъ парламента отъ Шеффилда. Митингъ созванъ былъ, по крайней мѣрѣ официально, „представителями рабочихъ метрополіа“. Нѣсколько чертъ, выхваченныхъ изъ самаго митинга, дадутъ, какъ мнѣ кажется, вѣрное понятіе о возбужденіи, царствующемъ въ настоящую минуту въ политической атмосферѣ Лондона.

Ораторъ говоритъ, что онъ никогда не видывалъ „столь дружныхъ голосовъ и рукъ въ этой странѣ, какъ въ вопросѣ о нейтралитетѣ“ (*Голосъ изъ толпы*: да! но не во что бы то ни стало). Безъ сомнѣнія; но никто не желаетъ жертвовать кровью и деньгами на пользу кровожаднаго деспотизма (*Рукоплесканія*). Всѣ презираютъ

вступленныя разглагольствованія какъ Сѣтерленда, такъ и „Daily Telegraph“ (*Новыя рукоплесканія*). И всѣ счастливы, вида, что между правительствомъ есть истинныя англичане, какъ лордъ Карнарвонъ (*Рукоплесканія*) — люди честные, добросовѣстныя, умныя, — люди, искренно заботящіеся объ интересахъ Англіи. Я не думаю, чтобы въ какой-либо партіи: виговъ, торъ и радикаловъ, существовалъ человекъ съ болѣе англійской душой, чѣмъ лордъ Карнарвонъ. И нѣтъ другого — за исключеніемъ Гладстона — который бы былъ болѣе популяренъ, и это благодаря его честнымъ, мужественнымъ, откровеннымъ рѣчамъ (*Рукоплесканія. Голосъ изъ толпы: — а лордъ Виконсфильдъ?*) Это нѣтъ, — возражаетъ ораторъ, — мы не будемъ упоминать, хотя довольно часто о немъ думаемъ, и хотя тотъ, кто его несетъ, заставляетъ насъ дорого платиться за него (*Омъхъ и рукоплесканія*).

Слѣдуютъ обычное предложеніе и рѣчи въ подкрѣпленіе его, какъ вдругъ одинъ, затѣмъ два оратора смѣняютъ другъ друга на трибунѣ, рекомендуя парламенту не забывать про интересы и честь Англіи. Вслѣдъ за этимъ поднимается большой шумъ, крики, борьба, такъ какъ окончательнымъ результатомъ должно быть необходимое торжество организаторовъ митинга.

Но въ то время какъ внутри зданія стоитъ стоя, у дверей его происходитъ драка. Нѣсколько сотенъ лицъ, которыя не нашли себѣ доступа, озаиваются рѣшительными противниками „мира во что бы то ни стало“. И вотъ посрѣдѣ организуется импровизированный митингъ, избирается президентъ, и этотъ митингъ, происходившій на улицѣ, и которому благоприятствуетъ исключительно хорошая погода, воткуруетъ продравительный и благодарственный адресъ первому министру. Немедленно и безъ передышки устраивается процессія и толпа, постоянно возрастающая на пути, идетъ, распѣвая „Rule Britannia“ черезъ Страндъ и Трафальгаръ-Скверъ до Foreign-Office, гдѣ лордъ Виконсфильдъ бесѣдуетъ со своими друзьями изъ министерства и палаты лордовъ. Къ нему являеся депутація, сообщаетъ о своей дѣлѣ, выслушиваетъ обычную благодарность, и каждый возвращается къ себѣ, послѣ этой небольшой кампаніи, столь живо совершѣнной.

Въ тотъ же самый вечеръ происходитъ другой митингъ въ Уэльсъ-Румъ за „свободную навигацію по Дарданелламъ и Востфору“. Новые крики, новый гвалтъ, среди котораго поэтъ Моррисъ, авторъ „Earthly Paradise“ объявилъ, что лордъ Виконсфильдъ рѣшительно не талантливый человекъ; онъ представляетъ собою одно лишь „гальваническое подражаніе“ талантливому человеку: — все это въ перемѣнку со свистами и контръ-свистами, привѣтствіями и контръ-

привѣтствіями въ честь Гладстона, „Daily-Telegraph“ и лорда Блункефильда.

Вотъ на чемъ остановились дѣла. Прибавимъ, что кажущаяся перемена въ отношеніи Австріи нѣсколько ободрила умы. Впрочемъ, повторяю, оппозиція Гладстона утратила свою силу; въ случаѣ, если кабинетъ потребуетъ субсидій, то онъ можетъ рассчитывать на большинство. Я не вѣрю въ распущеніе, я знаю по крайней мѣрѣ изъ вѣрнаго источника, что правительство наводило справки по этому поводу, и его агенты увѣрили его, что оно можетъ рассчитывать въ этомъ случаѣ на новое и внушительное большинство. Конечно, они могутъ ошибаться, но это имъ невыгодно, а потому слѣдуетъ вѣрять ихъ отчетамъ.

Но въ ожиданіи тронной рѣчи королевы, я долженъ сообщить кое-какія подробности о военныхъ событіяхъ, совершающихся въ колоніяхъ. Не слѣдуетъ преувеличивать ихъ, какъ это дѣлалось во время недавнихъ затрудненій, встрѣченныхъ англійскимъ правительствомъ на западной границѣ Индіи. Извѣстно, что тамъ, на границахъ Пенджаба и Афганистана, живутъ вольныя, горныя племена, не признающія ничего владычества надъ собой. Со времени присоединенія Пенджаба въ 1849 г. и по 1870 г. англійской арміи пришлось выдержать не менѣе двадцати-трехъ небольшихъ войнъ съ этими горными племенами, въ числѣ ихъ отличаетъ африди, главнымъ образомъ въ сосѣдствѣ „Kohat-pass“. Въ 1876 г. это безпокойное племя вызвало цѣлый рядъ новыхъ экспедицій противъ него.

Не успѣли усюкнуться эти волненія, какъ въ августѣ мѣсяцѣ 1877 г. джавани, незначительная отрасль африди, предприняли цѣлый рядъ нападеній на границу. Ущелья Когата стали безусловно непроходимыми. Безпорядокъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта въ октябрѣ мѣсяцѣ, и пришлось послать экспедицію подъ начальствомъ генерала Кея, чтобы положить конецъ положенію дѣлъ, ставшему нестерпимымъ. Въ настоящее время все спокойно, по крайней мѣрѣ на время.

Но чтó гораздо важнѣе, такъ это предполагаемая причина этихъ волненій. Кажется, что образъ дѣйствія Англій въ русско-турецкую войну не особенно понравился мусульманамъ Средней Азии и, несмотря на титулъ „Падишаха Индіи“, принятый королевой Викторіей, афганистанскій эмиръ отказывался до сихъ поръ смотрѣть на англичанъ, какъ на друзей и покровителей его вѣры. Это онъ, по сказанію нѣкоторыхъ людей, подстрекнулъ послѣдніе безпорядки. Дѣло не невозможное, хотя можно объяснить и болѣе естественными причи-

нами возмущеніе этихъ непокорныхъ племенъ, съ которыми Англія такъ часто приходилось воевать.

Съ другой стороны несомнѣнно, что слегка задирательная политика лорда Литтона произвела неблагоприятное впечатлѣніе на Ширъ-Али. Новый вице-король Индіи, прибывшій туда въ 1876 г., совсѣмъ во вкусъ своего покровителя и друга лорда Виконсфильда. Его стараниями заключенъ новый договоръ съ ханомъ Келата, и городъ Кветта, на границахъ Афганистана и Белуджистана, вотъ уже годъ какъ занятъ англійскими войсками. Эти факты стали обсуждаться въ прессѣ совсѣмъ недавно: мы будемъ имѣть случай вернуться къ нимъ въ другой разъ и изложить съ необходимыми подробностями. Замѣтимъ только, что Кветта находится непосредственно на англійской границѣ, при входѣ въ Боланскій проходъ, который составляетъ настоящій ключъ къ Индостану.

Я буду также кратко относительно дѣлъ южной Африки. Присоединеніе Трансваальской республики, до сихъ поръ, не принесло счастья Англіи. Въ концѣ сентября мѣсяца возмутилось племя кафровъ Галека и подъ предводительствомъ престарѣлаго короля Крели вступило въ открытую борьбу съ вооруженной силой колоніи. Съ ней довольно легко справились. Но вотъ другое племя, Ганки, которое давно уже вело себя смирно,—теперь грозитъ возмутиться. Эти туземцы вооружены хорошими ружьями, и имъ вполне хорошо знакомы слабыя оборонительныя средства ихъ противниковъ. Опасаются общаго возстанія кафровъ, и сэръ Бартль Фриръ, губернаторъ Мыса Доброй-Надежды, объявилъ недавно, что колонія подвергается величайшей опасности.

...Наконецъ-то! общее ожиданіе удовлетворено. Прежде чѣмъ окончить это письмо, я хотѣлъ узнать рѣшеніе правительства королевы. Сегодня, въ тотъ самый моментъ, какъ совершились въ Римѣ похороны короля Виктора-Эммануила, англійскій парламентъ открывалъ одну изъ самыхъ важныхъ сессій, происходившихъ за послѣдніе годы. Читатели „Вѣстника“ будутъ знать результатъ ее задолго до того, какъ эти строки попадутся имъ на глаза, но не лишнее будетъ отвести мѣсто на этихъ страницахъ самому тексту рѣчи, которой, быть можетъ, предоставлено занимать важное мѣсто въ исторіи. Вотъ главное мѣсто въ рѣчи королевы:

„До сихъ поръ, въ ходѣ событій, ни одна изъ воюющихъ сторонъ не нарушила условій, на которыхъ опирается мой нейтралитетъ, и я хочу думать, что обѣ стороны намѣреваются уважать ихъ, насколько то въ ихъ власти. До тѣхъ поръ, пока эти условія не будутъ нарушены, мое поведеніе не измѣнится. Но я не могу скры-

взять отъ себя, что въ случаѣ, если бы предприняли дѣйствія, къ несчастію, затянулись, можетъ случиться, что какое-нибудь неожиданное событіе не позволитъ на время обязанности принять мѣры предосторожности. Такія мѣры не могутъ быть приняты безъ необходимыхъ приготовленій, и я рассчитываю на адресъ моего правительства, чтобы имѣть необходимые ресурсы на этотъ предвѣтъ².

Такое послѣднее слово, вложенное лордомъ Биннингемомъ въ уста государя, которую онъ произнесъ во время бѣга изъ „королеву, царствующую надъ землей, которой не могъ завоевать великій македонскъ,—надъ континентомъ, о существованіи котораго не подозрѣвалъ самъ Колумбъ,—королеву всѣхъ народовъ и князей, расположенныхъ во всѣхъ концахъ свѣта“¹).

R.

¹) „Sybill, or the two nations“, by B. d'Israeli. Book. 1, chapt. 6.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 января, 1878.

XXXIII.

НАШИ СОВРЕМЕННЫЕ ПОЭТЫ.

I.

Я никогда еще не бесѣдовалъ съ вами о нашихъ современныхъ поэтахъ, а они между тѣмъ заслуживаютъ вниманія. Конечно, романисты занимаютъ въ настоящее время первенствующее мѣсто въ литературѣ. Но поэты, хотя не производятъ такого шума и занимаютъ болѣе скромное мѣсто въ симпатіяхъ публики, представляютъ однако тотъ интересъ, что почти всѣ они имѣютъ весьма определенное положеніе и ихъ очень легко классифицировать. Изучая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изучаешь все движеніе французской поэзіи съ самаго начала столѣтія.

Общій характеръ современныхъ поэтовъ — я говорю о тѣхъ, которымъ теперь лѣтъ отъ 30 до 40 — полное отсутствіе личной оригинальности. Всѣ они представляютъ отблескъ своихъ старшихъ братьевъ 1830 г., и едва ли кто изъ нихъ прибавилъ къ нимъ свою собственную небольшую черточку. Романтизмъ безконечно продолжается въ нихъ, и они остаются заведомымъ хвостомъ. Известно, какой переворотъ совершился въ романѣ. Вслѣдъ за Бальзакомъ молодые романисты устремились наблюдать жизнь и каждый изъ нихъ дѣлалъ свои открытія, придерживаясь одного и того же метода анализа. Поэтому мы далеко ушли отъ „Notre-Dame de Paris“ и другихъ романовъ романтическаго періода. Мы здѣсь находимся въ полномъ разгарѣ натурализма. По причинамъ, объяснить которыя было бы легко, поэзія должна была остаться назадъ, и мы все еще живемъ преданными „Fenilles d'automne“ и „Orientales“.

Припомнимъ, какимъ удивительнымъ блескомъ засверкали стихи Витора Гюго при ихъ появленіи. То былъ какъ-бы новый расцвѣтъ нашей національной литературы. Лирическая поэзія была намъ незнакома. У насъ были только хоры Расина и оды Жанъ-Ватиста Руссо, которыя въ настоящее время кажутся намъ такими холодными и напыщенными. Поэтому впечатлѣніе, произведенное на образованную молодежь, было громадное, и это впечатлѣніе не стерлось до сихъ поръ. Кажется невозможнымъ, чтобы въ непродолжительномъ

отъ насъ времени выросло новое растеніе на нашей литературной почвѣ, въ тѣни громаднаго дуба, насажденнаго Викторомъ Гюго. Этотъ дубъ романтической лирики распространяетъ свои вѣтви во всѣ концы вселенной, покрываетъ собою всю землю, наполняетъ небо, и нѣтъ ни одного поэта, который бы не приходилъ мечтать подъ нимъ и не уносилъ въ ухахъ пѣніе его птицъ. Роковымъ образомъ эти начинающіе голоса повторяютъ ту же музыку. Нѣтъ мѣста для другихъ пѣсенъ въ воздухѣ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ можно думать, что единственный поэтический языкъ — это языкъ Виктора Гюго. Когда какая-нибудь эпоха получить такое глубокое и сильное впечатлѣніе, то послѣдующія поколѣнія страдаютъ отъ того и дѣлаютъ продолжительныя усилія, прежде нежели освободятся и получить возможность свободно располагать своими творческими способностями.

Повторяю, только въ поэзіи Викторъ Гюго царитъ безусловно. Въ театрѣ и въ романѣ вліяніе его никогда не было сильно, а теперь стало ничтожно. Надо сказать, что и самъ онъ исключительно лирическій поэтъ: въ этомъ заключается его гений и его право на бессмертіе. Но надо прибавить, что если проза отличается гибкостью, позволяющей ей быть по преимуществу орудіемъ нашей новѣйшей цивилизаціи, то поэзія по характеру своему консервативна, и для нея не легко представить себѣ переворота въ натуралистическомъ духѣ. Въ двѣхъ извѣстныхъ формуль: классической и романтической, нельзя еще вообразить, чѣмъ она могла бы быть. Это обезпечиваетъ долгое царствованіе Виктора Гюго. Никогда нельзя вернуться къ напыщеннымъ и холоднымъ стихамъ трагедіи, и всѣ предпочитаютъ оставаться вѣрными блистательной фантазіи оды. И едва-едва кто изъ диссидентовъ ищетъ тропинокъ, чтобы уклониться отъ общаго кортежа, покорно слѣдующаго за авторомъ „*Légende des Siècles*“.

Между тѣмъ было бы ошибочно думать, что вліяніе Виктора Гюго одно пользуется безспорнымъ авторитетомъ. У Альфреда де-Мюссэ тоже свои почитатели, — я говорю не про читателей, но про послѣдователей. Извѣстно, какимъ успѣхомъ пользовались стихотворенія Альфреда де-Мюссэ, двадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ смерти поэта. При жизни онъ былъ извѣстенъ однимъ избраннымъ. Поддѣйе женщины и молодые люди какъ-бы вновь отерли его. „*Premières poésies*“ и „*Poésies nouvelles*“ расходились въ громадномъ количествѣ. Въ провинціи въ особенности, въ самыхъ маленькихъ городкахъ не найти было ни одной молодой женщины, ни одного юноши, у которыхъ бы не водилось этихъ двухъ книгъ. Понятно, какъ велика должна была быть популярность поэта. Онъ отвѣчалъ общему настроенію умовъ, потребности жить и любить; люди, которыхъ тревожила торжественность и вѣчные стоны Виктора Гюго, находили у Альфреда де-Мюссэ

прекрасный и глубокий отголосок драмы, пережитых изъ собственнымъ сердцемъ; и я не имѣю при этомъ въ виду тонкій и по преимуществу французскій талантъ поэта, его трогательный здравый смыслъ, его искреннія и безискусственныя слова. Совсѣмъ тѣмъ послѣдователей было мало; Викторъ Гюго, находившійся тогда въ изгнаніи, на своемъ колоссальномъ пьедесталѣ утесовъ Гернсея, держалъ безусловно. Мюссэ много читали, но ему не подражали. Гораздо уже позднѣе послѣдователи Мюссэ водружили свое знамя напротивъ знамени послѣдователей Гюго. Въ настоящее время арена открыта.

Что меня удивляетъ—это забвеніе, которое мало-по-малу окутываетъ всего Ламартина. Онъ принялъ первыиъ: когда появились „Méditations“, всѣмъ показалось, что съ неба раздастся голосъ. Романтическая поэзія народилась въ эту эпоху. Онъ былъ ея предвозвѣстникомъ, ея истиннымъ творцомъ. И какой восторгъ возбуждалъ онъ! Миѣ стоить только вызвать свои юническія воспоминанія, чтобы отыскать мѣсто, какое Ламартинъ занималъ въ сердцахъ. Онъ былъ всеобщимъ любимцемъ; съ нимъ такъ хорошо мечталось. Викторомъ Гюго восхищались, но любили Ламартина. За него были всѣ женщины и его допускали даже въ пансіоны и въ монастыри. Онъ пошелъ подъ подушкой, открывалъ для самыхъ чистыхъ душъ путь къ идеальной любви. Самое его имя, такое нѣжное, какъ-бы ласкало. Можно сказать, что онъ игралъ роль въ любви всѣхъ людей того времени, потому что онъ создалъ свою собственную манеру любить и мечтать, и влюбленные той эпохи пользовались его стихами для выраженія своихъ чувствъ. И что-жъ! этого-то челоуѣка совсѣмъ перестали читать! Онъ, который, казалось, такъ глубоко вибрировалъ въ сердце націи, онъ испарился изъ него въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, да такъ незамѣтно, постепенно, что невольно удивишься этому факту. Не знаю, сохранилъ ли онъ любовь молодыхъ дѣвушекъ въ пансіонахъ и въ семьяхъ; лѣтъ десять тому назадъ его имя находило себѣ убѣжище тамъ, но я подозреваю, что въ настоящее время онъ изгнанъ и оттуда. Его не поминаютъ больше въ литературныхъ бесѣдахъ; миѣ не случается прочесть его имя и разъ въ мѣсяцъ въ журналахъ; наконецъ, сочиненія его идутъ очень худо. Я только свидетельствую эту неблагодарность публики, я не произношу о ней сужденія. Къ тому же, это забвеніе понятно. Поэзія Ламартина была просто-на-просто музыкой, мелодической фразой. Она убаюкивала и восхищала. Что касается содержанія, то оно заключалось въ жалобѣ, въ покорномъ отчаяніи, сказавшемся на другой день послѣ великаго переворота, превращеннаго революціей и войнами первой имперіи. Чувствуешь, насколько эта музыка должна была трогать современниковъ. Но времена переиѣнились, мы вступили въ эпоху дѣй-

стѣя, и неудивительно, что въ настоящее время никому не нравятся больше неопредѣленная нечестливость Ламартина. Я увѣренъ даже, что немногіе его почитаютъ. Онъ слишкомъ далекъ отъ насъ, слишкомъ ушелъ въ облака, словомъ—онъ не отвѣчаетъ больше состоянію умовъ нашего времени. Отсюда безмолвіе, окружающее его имя и его произведенія.

Я хочу, впрочемъ, доказать одно только: что въ настоящее время во Франціи не найдется ни одного поэта, который бы захотѣлъ избрать себѣ въ образцы Ламартина. У него нѣтъ послѣдователей, его вліяніе не отражается на безчисленныхъ сборникахъ стиховъ, появляющихся ежедневно. О Расинѣ даже больше говорятъ и больше подражаютъ ему.

Вотъ три великихъ родоначальника. Сомнѣнъ тѣмъ, прежде чѣмъ покончить съ ними, я хочу упомянуть и о другихъ поэтахъ, занимавшихъ видное мѣсто въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Альфредъ де-Виньи набрало такъ же славы, какъ и Ламартинъ. Его стихи, такіе судѣнные и наивные, читаются очень мало. Недавно въ „Comédie Française“ возобновили его драму „Чаттертонъ“, и она встрѣтила ледяной пріемъ. Эта драма, правда, написана прозой; но я привожу этотъ фактъ только какъ одинъ изъ признаковъ. Въ настоящее время мы вообще съ трудомъ понимаемъ произведенія 1830 г.; ихъ байроническая горечь, ихъ романтическая грусть, ихъ черпанія изъ идеала, чуждому намъ, сбиваютъ насъ съ толку и захватываютъ неприятно. Прибавлю впрочемъ, что Альфредъ де-Виньи никогда не пользовался любовью толпы. Известно, что мечтой его было запереться въ башнѣ изъ словеновой кости. Онъ въ самомъ дѣлѣ саперомъ въ ней и пробудеть такъ навѣки.

Назову еще Огюста Барбье, автора „Любовь“, который еще живетъ въ академическомъ креслѣ. Этотъ поэтъ, у котораго въ жизни былъ проблескъ таланта и который затѣмъ сталъ писать самыя длинныя произведенія, необыкновенно странное явленіе въ нашей литературѣ. Многіе воображаютъ, что авторъ „Cugée“ и „Idole“ давно умеръ; и онъ умеръ въ самомъ дѣлѣ,—хотя Огюста Барбье еще живъ.

Но еще характеристичнѣе безмолвіе, воцарившееся вокругъ имени Веранже. Если былъ когда популярный поэтъ, то это—онъ. Во время моей юности, въ послѣдніе годы царствованія Луи-Филиппа, я помню, что его пѣсни расиѣвались всюду. При второй имперіи, эта мода устарѣла, а въ настоящее время совсѣмъ прошла. Очевидно, что такъ должно было случиться, потому что пѣсни Веранже почти всѣ написаны на данный случай и ровнымъ образомъ должны были исчезнуть вмѣстѣ съ эпохой, породившей ихъ. Но что еще удивительнѣе, это то, что Веранже не оставилъ послѣдователей. Послѣ

него у насъ былъ Пьерръ Дюлонъ, но оказался недоговорчивымъ. Затѣмъ родъ пѣсенокъ вѣроятно прекратился. Въ наши дни пѣсня вошла въ руки подневѣстныхъ, жалкихъ пиваевъ, незнающихъ даже крошеченько о географіи. Эта объясняетъ свойства тѣхъ мерзостей, которыя раскидываются на улицахъ. Вся парижская глупость нашла мѣсто въ этихъ пошлыхъ нумерахъ.

Такимъ образомъ, тремя великими родоначальниками могутъ быть только Ламартины, Викторъ Гюгъ и Мюссэ. Вотъ три свѣтила нашего поэтическаго неба; весь свѣтъ ровнымъ образомъ заимствуется отъ нихъ. Но надо объяснить: Ламартины не имѣютъ больше существеннаго вліянія, тогда какъ Викторъ Гюгъ продолжаетъ быть главнымъ учителемъ молодого поколѣнія. Симеонъ оскаривается у него только Альфредомъ де-Мюссэ, насчитывающимъ нѣсколько ревностныхъ послѣдователей. Въ настоящее время я хочу заняться изученіемъ этихъ поэтовъ, и это дастъ мнѣ возможность очертить развитіе поэзіи во Франціи за послѣднія двадцать лѣтъ.

Замѣтимъ, что романтизмъ царитъ въ ней даже среди послѣдователей Мюссэ. Конечно, Мюссэ подсмѣивался надъ романтизмомъ, и его сентенциозъ, исполненный здраваго смысла, спасалъ его отъ негѣностей 30-хъ годовъ. Но онъ тѣмъ не менѣе вдыхалъ лирическія вѣянія той эпохи, и даже по сіе время поэты, воспитавшіяся на немъ, роковымъ образомъ и помимо своей воли входятъ въ романтическій явь. Можно ли надѣяться, чтобы въ непродолжительномъ времени развѣдалась новая романтическая формула? Я изслѣдую это въ заключеніи этой статьи, послѣ того какъ разберу различныя попытки новѣйшей поэзіи, сдѣланныя недавно.

II.

Но прежде чѣмъ перейти къ поэтамъ нашего времени, мнѣ необходимо замѣтить промежуточными фигурами, редными символами дѣятелей 1830 г., которымъ современныя писатели доводятся, собственно говоря, изучая. Надо знать эти фигуры, чтобы понять современное движеніе во всей его совокупности. Приведу двухъ умершихъ поэтовъ, Теофиля Готье и Шарля Воделера, и двухъ поэтовъ, находящихся еще въ живыхъ: Теодора де-Ванвилля и Леконтъ де-Лиль (Lisle).

Я скажу, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть по преимуществу промежуточныя звенья между знаменитыми поэтами начала нынѣшняго столѣтія и современными поэтами. Это безусловно вѣрно. Они имѣли на послѣднихъ рѣшительное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, наши поэты не выдѣлились непосредственно изъ романтической плески; они вы-

дять Виктора Гюго и Мюссе лишь сквозь Бодлера и Леконтъ де-Лиль. Мы переживаемъ уже третій періодъ романтизма.

Теофиль Готье першій началъ отдѣлывать форму, какъ совершенное произведеніе. Извѣстны его „Emaux et Camées“, рядъ коротенькихъ стихотвореній, отполированныхъ какъ драгоценные камни и отличающихся хрустальной прозрачностью агатовъ и аметистовъ. Мысль была въ волнѣ пренебреженій; „les Orientales“ были превзойдены невниманіемъ къ содержанію и презрѣніемъ къ здравому смыслу. Дѣло сводилось только къ тому, чтобы представить совершенныя произведенія по формѣ и качеству стиха. Романтическая школа должна была придти къ этому: къ чистой музыкѣ, безъ словъ. Я долженъ однако прибавить, что Теофиль Готье, — изумительный живописецъ, но въ сущности человекъ съ душевнымъ равновѣсіемъ, не издававшій ни одной рѣшковой ноты, — никогда не пользовался очень большимъ вліяніемъ. Онъ умеръ гдѣ нять тому назадъ, и равнодушіе начинаеть воцаряться вокругъ его произведеній. Я знаю мало поэтовъ, подражавшихъ ему. У него, повторяю, не было достаточно оригинальныхъ и сильныхъ нотъ.

Поэтъ, оказывавшій довольно сильное вліяніе, былъ Леконтъ де-Лиль. Я сейчасъ займусь группою молодыхъ писателей, которые, не признаваясь въ томъ громко, ставятъ его гораздо выше Виктора Гюго, за красоту и изящество формы. Леконтъ де-Лиль, которому теперь пятьдесятъ-восемь лѣтъ, родился на островѣ Бурбонъ. Онъ выступилъ на литературную арену поздно, когда ему было уже за тридцать лѣтъ. Но самыя первые сборники, изданные имъ, „les Poèmes antiques“ и „les Poèmes barbares“, произвели сильный восторгъ среди образованной молодежи. Главная сила его происходила отъ того, что онъ принялъ оригинальное положеніе. Послѣ разнузданности романтизма, вступленнаго лиризма, онъ сталъ превозносить красоту неподвижности. Пребывать безстрастнымъ, не увлекаться страстью, сохранять правильную и холодную позу мрамора — стало, по его мнѣнію, высшимъ идеаломъ. Онъ проповѣдывалъ, что всякое выраженіе лица, радостное или горестное, искажаетъ его черты до безобразія. Послѣ того онъ порвалъ съ средними вѣками и искалъ убѣжища въ Греціи и въ Индіи. Онъ проникся еще сильнѣйшею ненавистью къ современной жизни. Викторъ Гюго удостоиваетъ иногда побить съ нами; сакаетъ къ себѣ на колѣни маленькихъ дѣтей, описываетъ уголокъ Парижа. Леконтъ де-Лиль счелъ бы себя опозореннымъ, если бы остановилъ свое вниманіе на такихъ предметахъ. Онъ живетъ съ Гомеромъ, котораго перевелъ и восстановилъ географію греческихъ земель; онъ знатокъ Библии, онъ изучилъ до тонкости индусскихъ боговъ; ему привольно въ самыхъ темныхъ и въ самыхъ торжественныхъ закоулкахъ всемірной исторіи. И такъ какъ онъ удивительно

овладалъ формой, то писалъ стихи безукорыненной красоты. У насъ на нашемъ языкѣ не существуетъ стихотвореній болѣе изящныхъ и болѣе звучныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., „Midi“, изумительны по красотѣ и мощи стиха. Но только Леконтъ де-Лиль зачастую бываетъ тѣшенъ и несносенъ, и я сейчасъ укажу, какое зло причинилъ онъ нашей поэзии. Наконецъ, надо замѣтить, что съ нимъ мы пребываемъ въ самыхъ нѣдрахъ романтизма. Это, конечно, не трескучій и неступленный романтизмъ Виктора Гюго; но это романтизмъ еще болѣе опасный, стремлящійся къ классическому совершенству, превращенный въ догматъ, оледенѣвшій съ цѣлью навязать формулу совершенной и вѣчной красоты.

Боделеръ тоже весьма опасный образецъ. У него и по сіе время толпа подражателей. И его сила тоже заключалась въ оригинальной и присущей ему лично чертѣ. Въ немъ надо видѣть романтизмъ демоническій. Леконтъ де-Лиль окаменѣлъ въ классической позѣ; Боделеру оставалась роль одержимаго бѣсомъ. И онъ сталъ искать красоты въ злѣ и, по выраженію Гюго, „создалъ новый тропетъ“. Въ сущности то былъ весьма классическій умъ, усердный труженникъ, мономанъ-пуристъ со стороны формы. Поэтому онъ оставилъ только одинъ сборникъ стихотвореній: „les Fleurs du mal“, изъ которыхъ нѣкоторые очень красивы. Я не буду говорить про искусственныя чудачества его жизни; онъ сталъ въ концѣ-концовъ жертвой своего демоническаго возирванія; онъ умеръ молодымъ отъ нервной болѣзни, лишившей его памяти словъ. Въ заключеніе скажу, что онъ создалъ себѣ особое мѣсто въ нашей литературѣ, которое за нимъ и останется. Онъ возбудилъ восторгъ въ молодежи, которая любитъ всякую отставу. Послѣ него цѣлая группа изобразилась надъ изображеніемъ ужасныхъ картинъ. Все это тотъ же романтизмъ, но только приправленный сатанинскимъ перцемъ. Но и здѣсь форма стиха превосходна.

Рядомъ съ Боделеромъ я поставлю Теодора де-Банвиль, который остался чистымъ романтикомъ. Это по преимуществу бардъ, поющій ради удовольствія гдѣтъ. Его представляешь себѣ съ лирой какъ Аполлона, увѣнчанаго звѣздами, распространяющими вокругъ него сіяніе. Онъ ко всему относится какъ поэтъ, презираетъ жизнь дѣйствительную и вѣрять лишь въ дѣйствительность невозможнаго, живетъ въ эфирѣ, питается парадоксами и ризмами. Онъ непосредственный подражатель Виктора Гюго, но его подражаніе милое, безобидное, непринужденное. Онъ работалъ легко и написалъ много. Приведу „les Cariatides“, „les Stalactites“, „les Occidentales“, и въ особенноти „les Odes Punambulesques“ — сборникъ, больше прославившій его, чѣмъ всѣ остальные его произведенія вмѣстѣ взятая. Онъ предавался въ немъ весьма любопытнымъ римическимъ фантазіямъ и

перодеревалъ какъ уютный уютъ своимъ замѣненнымъ симметрией Виктора Гюгё. Одной этой книги достаточно, чтобы продемонстрировать его таланты, отличающійся главнымъ образомъ гнѣвомъ и млодонностью.

Изъ „*Caristides*“, произведенія его юности, упомяну на одной сонетъ, озаглавленный „*Sonnet vain*“; онъ очень вѣрно передаетъ характеръ его лирической фантазии и его кисти идеального живописца, любовь къ стилямъ, къ ихъ мучкѣ и блеску. Грота всегда богата и звучна. Стихословеніе, помнящее танцы образовъ, становится выходящимъ искусствомъ, весьма сложнымъ и провѣреннымъ, существующимъ само по себѣ въ всякой идее. Наставило на этотъ мигъ, что мы сейчасъ увидимъ, что большинство современныхъ поэтовъ принадлежатъ поэзіи, какъ и Ваннелъ: какъ искусство сочетанія слоговъ, раскрывающихъ аріи на данныя ноты.

Теперь я могу вернуться къ повѣданному полаганію.

Мы увидимъ, къ чему привелъ романтизмъ послѣ Виктора Гюгё, Миссё; Ламартина, пройдя черезъ Теофила Готье, Воданора, Ламонгъ де-Анля и Теодора де-Ванвилля.

III.

Въ 1860 г., въ самый разгаръ второй имперіи, поэзія не была въ чести. Ускѣхъ газетъ съ сильно развитой хроникой, легкая и текущая литература, повидному, надолго отгѣснили стихи на задній планъ. Одинъ только „*Revue des Deux-Mondes*“ озаглавался печатать время отъ времени коротенькую поэму, да и тотъ старательно выбиралъ для этого самую безвѣтную и посредственную поэму. Словомъ, поэтическое движеніе, послѣ блистательнаго раскрѣта 1830 г., пошло, совсѣмъ заглохло.

Въ эту-то эпоху группа молодыхъ, никому неизвѣстныхъ поэтовъ стала собираться у Ксавье де-Рикара, который самъ писалъ и покупалъ основать журналъ. Но вскорѣ группа избрала мѣстомъ собранія салонъ другого поэта, Катудла Мендѣсь, который только-что женился на дочери Теофила Готье. Мендѣсь пріѣхалъ изъ Бордо, одушевленный чисто общественной дѣятельностью, потребностью играть роль и другихъ выводить въ люди. Въ скоромъ времени онъ сталъ какъ-бы главой всѣхъ молодыхъ людей въ Парижѣ, подобранныхъ времени. Они собирались у него почти каждый вечеръ; салонъ его служилъ убѣжищемъ; въ послѣдніа десять лѣтъ у него навѣрное перебивали всѣ поэты, пріѣзжавшіе изъ провинціи. Впрочемъ, эта роль кончена; Мендѣсь не придерживался только одной теоріи; онъ основывалъ журналы, въ которыхъ печатались стихи его группы; вонечно, жур-

налы были недогловѣчны, всѣ были рады, если имъ удавалось существовать полгода, но такъ какъ они слѣдовали другъ за другомъ, то маленькая армія, шествовавшая за Мендесомъ, не терпела мужества и съ убѣжденіемъ двигалась впередъ.

Прибавьте, что Мендесъ—пріятный собесѣдникъ, очень симпатичный и очень образованный, и самъ пишетъ стихи съ большой легкостью—и тогда вамъ станетъ понятнымъ то вліяніе, какое онъ оказалъ на современное поэтическое движеніе.

Между тѣмъ группа нудалась въ клячѣ. Ихъ прозвали сначала „les Impraisibles“, намекая на мраморную неподвижность пластической красоны, за которой они гонялись; но вскорѣ ихъ стали величать „les Ragnassiens“. Надо сказать что одинъ издатель, Альфонсъ Ламерръ, только-что выступившій на издательское поприще, издавалъ сборникъ, озаглавленный „le Ragnasse contemporain“, въ который каждый поэтъ изъ группы Мендеса далъ стихотвореніе. Такимъ образомъ за ними упрочилось это прозвище.

Само собой разумѣется, что всѣ эти молодые люди стояли особнякомъ. Живя въ эпоху, крайне враждебную поэзии, сознавая, что къ нимъ относятся съ равнодушіемъ и насмѣлками, они должны были заператься ото всѣхъ и сдѣлать изъ поэзіи настоящую религію.

Роковымъ образомъ тутъ являлась удачная почва для идолопоклонническихъ пріемовъ, сектантскаго упорства, фанатическаго преувеличенія. Преслѣдованіе вызываетъ неступленную набожность. Поэтому новое поэтическое движеніе отличалось весьма мелочными сторонами замкнутой церкви. То не было широкое движеніе 1830 г., разветвлявшееся подъ открытымъ небомъ, въ эпоху, упоенную поэзіей. То былъ заговоръ иллюминатовъ, уважающихъ другъ друга по франмасонскимъ знакамъ, по страннымъ формуламъ. Какъ индійскіе факіры, поглощенные созерцаніемъ собственнаго пупка, „les Ragnassiens“ проводили вечера въ томъ, что восхищались другъ другомъ, закрывая глаза, чтобы не быть смущаемы живою средою, окружающей ихъ.

Тогда-то былъ созданъ новый романтизмъ, или вѣрнѣе сказать, романтическій хвостъ увеличился на одно звено. Викторъ Гюго для глубины продолжалъ оставаться безусловнымъ главой. Но для посвященныхъ онъ былъ лишь почетнымъ главой. Парнасцы приняли болѣе торжественный и болѣе правильный ритуаль Леконтъ де-Лилъ. Нѣкоторые поклонялись Воделеру. Всѣ признавали владичество формы, всѣ вѣдали изгнать человѣческія волненія изъ своихъ произведеній, какъ освербительныя для величія стиховъ. Надо было возвыситься до скульптурнаго наваганія, стать внѣ времени и исторіи, поставить свой талантъ на томъ, чтобы подбирать богатя рѣчмы и лисать стихи—яриѣ, какъ брилліанты. Поэтому парнасцы отправля-

лись за сюжетами въ мисологическія эпохи, въ самыя отдаленныя страны. Каждый изъ нихъ избралъ себѣ специальность. Одни поселились въ сѣверныхъ странахъ, другіе перенеслись на востокъ, нѣкоторые заѣхали въ Грецію, наконецъ, были и такіе, что помѣстились среди звѣздъ. Ни одинъ вначалѣ, повидимому, и не подозревалъ, что существуетъ Парижъ, что по улицамъ ѣздятъ фіакры и омнибусы, что современный міръ, могущественный и обширный, сталкивается съ ними на троттуарахъ.

Съ такими странными теоріями движеніе, направляемое парнасцами, было заранѣе осуждено на гибель. Оно могло быть только искусственнымъ цвѣткомъ, который долженъ былъ очень скоро завянуть, потому что онъ выросъ не на современной почвѣ. Надо было присутствовать на собраніяхъ парнасцевъ, чтобы догадаться о безумномъ и мелочномъ честолюбіи, пожирившемъ ихъ. Они твердо вѣрили, что перевернуть вверхъ дномъ литературу. Но на дѣлѣ они сами не замедлили распасться, и въ настоящее время ихъ группа осталась однимъ воспоминаніемъ.

Впрочемъ, я отдаю имъ справедливость. Ихъ поведеніе было очень благородно при второй имперіи. Они любили поэзію безкорыстной любовью и уже то было почтеннымъ дѣломъ, что они не увлекались легкими успѣхами журнализма, а запирались, чтобы поклоняться музамъ. Имъ нельзя также отказать въ одномъ достоинствѣ: почти всѣ отличались красотой формы. Самые посредственные изъ нихъ оставили стихотворенія—безукоризненныя по формѣ.

Я не могу всѣхъ ихъ перечислить, но назову главнѣйшихъ изъ нихъ. Во-первыхъ, упомяну о Мендесѣ, талантъ котораго отличается необыкновенной подражательностью, какой другой я ни у кого не встрѣчалъ. Онъ поочередно подражалъ Виктору Гюго и Леконтю де-Лиллю; оба эти поэта могли бы подписаться подъ его стихами, но въ несчастію въ немъ вполнѣ отсутствовала оригинальность.

Катуль Мендесъ издалъ нѣсколько сборниковъ стиховъ: „*Philomela*“, „*Hesperus*“, „*les Soirs moroses*“, „*les Sérénades*“. Прочтите у него, наприм., „*les Fils des Anges*“; самъ „учитель“ не написалъ бы ничего прекраснѣе въ отношеніи формы. Стихи гремятъ словно барабанъ, но какъ и барабанъ оказываются внутри пустыни. Это лучшіе образцы „парнасской“ поэзіи.

Назову теперь Дьеркса, который до послѣдняго времени былъ вѣрнымъ спутникомъ Мендеса. Его поэтический багажъ довольно великъ. Специальность его составляютъ торжественныя и лиричныя всякаго содержанія стихи. Онъ весь вѣкъ свой паритъ и на такихъ высотахъ, какія недоступны для людей. Самыя обыкновенныя, самыя дѣшныя и вульгарныя идеи облачаются у него въ библейскія одежды, выражаются напыщенными и нескончаемыми образами. И ничего

не привелъ бы изъ нихъ, потому что сомнѣваюсь, чтобы можно было перевести на чужой языкъ этотъ грандіозный вздоръ.

Анатоль Франсъ удалился въ Грецію. Изданный имъ сборникъ называется „Les Noces Corinthiennes“. Это—Шенъ, но только безъ граціи послѣдняго. Онъ воображаетъ, что передаетъ намъ древность, называя эпитеты. Я называю его, потому что онъ представляетъ цѣлый классъ романтиковъ, порвавшихъ съ средними вѣками, чтобы выдумать нео-классическую поэзію, столь же сомнительной правды, какъ и классическая поэзія семнадцатаго вѣка.

Верленъ, нынѣ сошедшій со сцены, дебютировалъ своими „Рошес saturnins“. Этотъ сталъ жертвой Боделера, и говорятъ даже, что онъ довелъ на практикѣ подражаніе учителю до того, что испортилъ себѣ жизнь. Одну минуту однако онъ былъ счастливымъ соперникомъ Боппе, которыхъ я сейчасъ специально займусь. За ними слѣдили, сиранивая, кому изъ нихъ доставится пальма первенства.

Маллармѣ былъ и остался самымъ диеовиннымъ поэтомъ изъ всей группы. У него особенно рельефно выразилось безумное увлеченіе формой. Поглощенный постоянной заботой о рѣчѣ и подборѣ словъ, онъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ утратилъ пониманіе живого языка и дошелъ до самыхъ изумительныхъ результатовъ, какіе только можно себѣ представить. Его стихотворенія совершенно неопытны, въ нихъ нѣтъ никакого смысла, а есть только слова, поставленные другъ воглѣ друга не для выраженія какой-нибудь мысли, но ради гармоніи стиха. Эстетика Маллармѣ заключается въ томъ, чтобы давать чувствовать идеи, не выражая ихъ. Это чистое умопомѣшательство, но весьма характеристичное, потому что въ сущности оно не что иное, какъ теорія парнасцевъ, доведенныхъ до той грани, за которой начинается безуміе.

Жозе-Марія де-Эредіа писалъ сонеты удивительной красоты со стороны формы. Парнасцы охотно признаютъ, что онъ всѣхъ ихъ перещеголялъ изяществомъ формы. Стихъ его звученъ, слоги звонятъ, точно мѣдъ. Нельзя извлечь изъ рѣчи болѣе звонкой музыки. Однако поэтъ остается неизвестенъ публикѣ, которая требуетъ отъ поэзии кое-чего другого, кромѣ брацанія киввалъ.

Другой поэтъ, очень талантливый, Арманъ Сильвестръ тоже причисляется къ группѣ парнасцевъ. Ему принадлежитъ сборникъ „la Gloire du Souvenir“, гдѣ есть прекрасныя стихотворенія, безукорыненныя по формѣ. Онъ бы правился миѣ еще больше, если бы онъ согласился быть проще. Но я не могу не признать, — у него есть своя собственная фizioномія.

Назову еще Мера—его „Chimères“ имѣли большой успѣхъ; Валадъ, написавшаго цѣлый томъ имѣсть съ Мера; д'Эрвилля, чисто парижскій уль, не способный замкнуться цѣлкомъ въ формулѣ парнас-

цевъ; Валлебрегъ, провансальца, начатавшаго нѣсколько корононскихъ стихотвореній, тщательно отдѣланныхъ; Вернеръ, второго зятя Теофила Готье, „*Reims de la guerre*“ котораго очень читались. Я, конечно, пропустилъ кое-кого, потому что молодые поэты у насъ не считаются дѣтьми. Но въ сущности я достаточно ясно показала, какова была до послѣднихъ лѣтъ парнасская группа. Надъ ней много сѣдалься. Она тѣмъ же больше играла роль въ нашей литературѣ. Въ продолженіи цѣлой замалучной эпохи, она хранила священныи огонь поэзии.

IV.

Среди группы „парнасцевъ“ развивался молодой поэтъ, Франсуа Коппе, и ему предстояло со временемъ смирергнуть своими произведеніями доктрину о безотрастности къ поэзии. Такими-то образомъ каждое литературное движеніе носитъ въ самомъ себѣ реакцію. Мендосъ и его друзья очень скандализировались бы, если бы имъ сказали въ то время, что они пригравать натуралиста на своей груди. А между тѣмъ это была правда, и романтизмъ долженъ былъ пережить измѣну одного изъ своихъ самыхъ горячихъ приверженцевъ. Франсуа Коппе самъ еще не подозревалъ о томъ, какую вліятельную роль ему предназначено играть.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что парнасцы жили душа въ душу. Они жили другъ въ другѣ, чтобы бороться съ общественными равнодушіемъ, но между собой имъ случалось и грызться. Ихъ эстетическая теорія была не чѣмъ инымъ, какъ знаменемъ, которое они водрузили, чтобы быть замѣченными. Когда ихъ подняли на смѣхъ, они всѣ отреклись отъ званія парнасцевъ; каждый саживалъ, на безъ основанія, притязаніе на индивидуальность, которую желали стереть въ общемъ характерѣ группы.

Франсуа Коппе, родившійся въ Парижѣ въ 1842 г., въ семьѣ, по происхожденію своему, фламандской, познакомился въ 1864 году съ Катюлемъ Мендосомъ. Онъ немедленно поступилъ въ члены кружка и долгое время клялся и божился однимъ Викторомъ Гюгю и Леконтъ де-Лиллемъ. Онъ тоже льстил себя увѣренностью, что онъ безотрастенъ. Онъ надѣлъ мундиръ школы, девизъ которой высказанъ Катюлемъ Мендосомъ въ „Филомелѣ“:

*La grande Muse porte un peplum bien sculpté
Et le trouble est banni des âmes qu'elle haute;*

Par de sanglots humains dans le chant des poètes.

У нашего поэта было тогда очень тонкое и очень интересное лицо. Я не разъ встрѣчалъ его. Его профиль поразительно сходенъ

съ профилемъ молодого Венанарта. Отець его умеръ, онъ жилъ съ матерью и двумя сестрами въ такомъ стѣснительномъ положеніи, что оно было близко къ нищетѣ. Объ его жизни сообщали самыя трогательныя подробности. Почти немедленно по выходѣ изъ коллежа, онъ получилъ мѣсто въ военномъ министерствѣ, гдѣ прослужилъ болѣе десяти лѣтъ. Болѣзненный, блѣдный, какъ воскъ, онъ казался меланхолическаго характера, несмотря на внезапные припадки нервной веселости, случавшіяся у него порой. Въ немъ не чувствовалось жальнейшей воли, и тогда уже можно было предвидѣть, что онъ поедетъ туда, куда его поведетъ талантъ, и не станетъ выработывать себя ни въ какомъ отношеніи.

Между парнасцами за нимъ уже признавали замѣчательную непринужденность таланта. Каталь Мендесъ направлялъ его, и молодой поэтъ съ первыхъ же шаговъ выказалъ неподражаемое безстрастіе. Подъ многими изъ его советовъ, безукоризненно-правильной формы, не отказался бы подписаться самъ Леконтъ де-Лиль.

Но когда человѣкъ овладѣлъ ремесломъ до высшей степени, то всегда странно, какъ бы ремесло не поглотило его. Къ счастью, въ Франсуа Конпѣ жила потребность страсти и слезъ, которой онъ не въ силахъ былъ противиться.

Въ 1867 году—ему было тогда двадцать-пять лѣтъ—онъ напечаталъ первый сборникъ своихъ стиховъ „le Reliquaire“. На этомъ сборникѣ стояло слѣдующее посвященіе: „моему дорогому учителю Леконтъ де-Лиллю посвящаю я свои первые стихи“. Крімъ того, въ первомъ стихотвореніи, озаглавленномъ: „Prologue“, поэтъ говорилъ, что превращаетъ „длинное горе, испускающее ненужныя вопли“. То былъ рецензъ, который ему приписали его литературные друзья. Но проницательному критику легко было догадаться, читая книгу, что поэтъ никогда не выработаетъ себѣ безстрастнаго сердца. Слезы, жалобы, сильное людское страданіе сквозить сквозъ мельчайшія стихотворенія. Въ нихъ чувствуется душа католика, воспитаннаго въ семьѣ, крайне религіозной, но смущаемой такъ же обожаніемъ женщины, чувственнымъ и болѣзненнымъ обожаніемъ, готовившимъ поэту великія радости и великія горести.

Годъ спустя Франсуа Конпѣ высказался вполне въ новомъ сборникѣ: „les Intimités“. Съ этихъ поръ парнасцевъ совсѣмъ исчезъ и остался только влюбленный, который сравниваетъ себя съ двѣнадцатилѣтнимъ пажемъ, колѣнопреклоненнымъ у ногъ большой принцессы. Минутами вы чувствуете, что онъ рассказываетъ вамъ о своей собственной любви. Онъ жалуется въ каждомъ стихѣ, что слишкомъ молодъ для страсти, что умираетъ отъ любви „медленно и чудной смертью“. Все это очень болѣзненно и мило. Измѣненная и пассивная любовь нашего времени вполне выражена здѣсь.

Но Франсуа Коппе окончательно порвалъ съ парнасцами лишь послѣ большого успѣха, какой имѣла его пьеса „Rassant“ въ Одеонѣ. По просьбѣ трагической актрисы Агарн, онъ написалъ маленькую одноактную вещьцу, но она составила его славу. Въ этой пьесѣ всего два дѣйствующихъ лица: куртизанка Сильнія мечтаетъ на крыльцѣ своего замка и завязываетъ любовную бесѣду съ ибнцомъ Занетто, случайно проходящимъ по парку. Это написано въ 1869 г., накануне паденія имперіи. Все французское общество, поднимавшее на смѣхъ поэзію, пришло въ восторгъ, выслушавъ эти нѣсколько стиховъ. Коппе сразу сталъ знаменитъ. Первые собранія его произведеній, залежавшіяся у издателей, стали раскупаться. Его пригласили ко двору; императоръ удостоилъ разговаривать съ нимъ въ теченіи пяти минутъ. Никогда еще успѣхъ не бывалъ такимъ полнымъ.

Само собою разумѣется, парнасцы съ тревогой глядѣли на своего товарища, который вдругъ очаровалъ публику. Конечно, я не обвиняю ихъ въ зависти. Я хочу только сказать, — они догадывались, что между ними явился ренегатъ. Сильнія и Занетто казались имъ слишкомъ похожими на людей. Впрочемъ, пропастъ должна была увеличиваться все больше и больше. Франсуа Коппе, сбросивъ всякую маску, сталъ интересоваться современной жизнью, скромными личностями, съ которыми онъ сталъ вѣдался на улицахъ. Разрывъ произошелъ полный; группѣ Катюлла Мендеса пришлось оплакивать эту измѣну. Они отпистили за нее, обозвавъ Франсуа Коппе—буржуа. Я приведу стихотвореніе, возмущившее парнасцевъ и часть публики. Это стихотвореніе находится въ сборникѣ „les Humbles“ и называется „le Petit épicier“. Оно остается по сіе время знаменемъ натурализма въ поэзіи и потому знаменито.

C'était un tout petit épicier de Montrouge,
 Et sa boutique sombre, aux volets peints en rouge,
 Exhalait une odeur fade sur le trottoir.
 On le voyait debout derrière son comptoir,
 En tablier, cassant du sucre avec méthode.
 Tous les huit jours, sa vie avait pour épisode
 Le bruit d'un camion apportant des tonneaux
 De harengs saurs ou bien des caisses de pruneaux....
 Il avait ce qu'il faut pour un bon épicier:
 Il était ponctuel, sobre, chaste, économe.
 Son patron l'estimait, et, quand ce fut un homme,
 Voulant récompenser ses mérites profonds,
 Il lui fit prendre femme et lui vendit son fonds..

 C'était déjà son rêve, à cet homme, être père!
 Mais il ne devait pas durer, le temps prospère:

Sa femme n'aimait pas le commerce; elle était
Hargneuse, lymphatique et froide; elle restait
A l'écart et passait ses heures dans sa chambre.
De sa boutique, ouverte au vent froid de décembre,
Lui ne pouvait bouger, mais ne se plaignait pas.

Cet homme est fatigué de l'existence, il trouve,
— Où de pareils dégouts vont-ils donc se nicher? —

La colle et le fromage ignobles à toucher.

Il hait le vent coulis qui souffle de la rue,

Il ne peut plus sentir l'odeur de la morue;

Et ses doigts crévassés maudissant leur destin,

Ont trop froid au contact des entonnoires d'étains.

Pourtant il brille encore un rayon dans cette ombre,

Derrière son comptoir, seul, debout, le coeur sombre,

Quand il casse du sucre avec férocité,

Parfois entre un enfant, un doux blondin, tenté

Par les trésors poudreux du petit étalage.

Dans la naïveté du désir et de l'Age,

Il montre d'une main le bonbon alléchant

Et de l'autre il présente un sou noir au marchand.

L'homme alors est heureux plus qu'on ne peut le dire,

Et, tout en souriant,—s'ils voyaient ce sourire,

Les autres épiciers le prendraient pour un fou,—

Il donne le bonbon et refuse le sou.

Mais aussi, ces jours là, sa tristesse est plus douce;

S'il lui vient un dégoût coupable, il le repousse;

Il rêve, il croit revoir sa mère qui partit,

Soissons, et le bon temps, quand il était petit.

Le pauvre être pardonne, il s'apaise, il oublie

Et, lent, casse son sucre avec mélancolie.

Это уже совсѣмъ не то, что гѣсноцѣнія Воделера или библейскіе стихи Леконта де-Лиль. Тутъ звучитъ совсѣмъ новая нотка, отголосокъ современнаго романа. Реализмъ проникаетъ въ поэзію. И напрасно было бы думать, что попытка была легка. Трудно представить себѣ, какія громадныя трудности пришлось преодолѣть въ приведенномъ мною стихотвореніи. Надо было для того, чтобы успѣть, владѣть такъ стихомъ, какъ Коппѣ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ осмѣлиться допустить въ французскіе стихи обыкновенныя слова; классическая напыщенность и романтическій лиризмъ приучили насъ къ особенному поэтическому языку, отъ котораго наши поэты не могутъ удалиться, не рискуя показаться смѣшными. Отъ этого трудно вводить въ стихъ обыденныя явленія и современныхъ людей.

По-моему, отличительной чертой Коппѣ является его мастерская стихъ. Можно подумать, что онъ водился съ группою парнасцевъ лишь затѣмъ, чтобы усвоить себѣ форму и сладить со всѣми трудностями, сопряженными съ ней. Онъ—единственный изъ поэтовъ, ко-

тогого книжное слово не затруднять—и стихи его отирались на своей простотѣ. Примирилось чему можетъ служить „le Petit épicier“.

Конечно, я желалъ бы, чтобы у него было побольше картин и мужественности. Ему недостаетъ силъ. Онъ слишкомъ долго измѣлялся любовными жалобами, несчастной любовью, и она точно будо источникъ его. Я знаю, что поэты любятъ укрѣпить, что женщины разбили нѣтъ жизни. Поэтому я не хочу еще дѣлать никакихъ измѣновъ. Коннѣ работаетъ съ большою легкостью, и нѣтъ кажется, что онъ собирается написать большую современную поэму, въ которой выразится вся новѣйшая жизнь. Онъ одинъ можетъ въ настоящую минуту удачно выполнить такое предпріятіе. Онъ мастеръ своего дѣла, и ему стѣбитъ только захотѣть.

Я не перечислять всѣхъ произведеній Коннѣ. Ему всего традиционность лѣтъ, а онъ уже напечаталъ болѣе десяти тысячъ стиховъ. Въ названныхъ новыхъ сборникахъ надо перечислить „les Poèmes modernes“, „le Cahier rouge“, „Olivier“—поэма, и отдѣльными стихотвореніями: „la Grève des Forgerons“, „Plus de sang“ и пр. На театрѣ „le Passant“ былъ его единственнымъ настоящимъ успѣхомъ. Другія вещи: „les Deux Douleurs“, „l'Abandonnée“, „le Rendez-Vous“, и держали очень мало представленій. Совсѣмъ глѣзъ, въ прошломъ году „le Luthier de Crémone“ имѣлъ большой успѣхъ въ Théâtre-Français.

V.

Однимъ отступничествомъ Коннѣ дѣло не ограничилось. Другіе поэты захотѣли описывать страсть и жизнь,—поэты неизвѣстные, выросшіе нѣтъ парижскаго кружка и въ настоящее время уже знаменитые. Я назову изъ нихъ Мориса Бушоръ и Жана Ринненъ.

Въ 1874 г. появилось первое собраніе стихотвореній Мориса Бушоръ. Одинъ актеръ изъ „Comédie Française“ прочиталъ издателю Жоржу Шарпантье нѣсколько стихотвореній, весьма поразившихъ того. Актеръ принесъ еще нѣсколько стихотвореній,—и ихъ набралось, наконецъ, на цѣлый томъ—и назвалъ автора, совсѣмъ молодого человѣка, которому еще не было двадцати лѣтъ. Никто еще не слыхалъ про Бушора; нѣтъ кажется даже, что онъ ничего ровно не печаталъ въ нашихъ журналахъ; во всякомъ случаѣ объ его существованіи и не подозрѣвали. Появились его стихотворенія, и Бушоръ сразу сталъ знаменитъ.

Этотъ быстрый успѣхъ легко объяснить. Новый поэтъ выступилъ среди подражателей Леконтъ де-Лилиа, среди этихъ ледяныхъ рвеноплетовъ, ставившихъ себя за честь, что они не смѣются и не плачутъ, и принесъ съ собой широкое любящее сердце, смѣхъ и слезы

и мучительныя воли страстей. Всѣ слышали, наконецъ, чело-вѣка, сознали въ немъ брата; всѣ рады были счастись отъ торже-ственной скуки, навѣваемой поэтами-ювелирами. Бушоръ былъ пре-емникомъ Мюссэ. Передъ лицомъ торжествующей пьены Виктора Гюго, онъ продолжалъ французскую традицію: Ренъе, Лафонтенъ, Мюссе. Самое заглавіе его перваго сборника уже было находкой. Онъ назвалъ его „les Chansons joyeuses“ въ видѣ протеста противъ такого множества печальныхъ пѣсень. Въ нашей поэзи подулъ какъ-бы свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ, который освѣжилъ всѣ сердца. Мы какъ-бы вернулись къ веснѣ искусства.

Я говорилъ, что Бушору не было и двадцати лѣтъ. Теперь ему больше двадцати-трехъ. Это высокій малый, бородатый, съ манерами англичанина. Онъ принадлежитъ къ богатой семьѣ. Онъ почти постоянно въ разъѣздахъ. Щеголяеть порывами, которыхъ у него нѣтъ, —но это юношеская замашка и пройдетъ съ годами. Главной страстью у него — Шекспиръ. Хуже всего то, что онъ не особенно долѣблываетъ современную жизнь. Мнѣ кажется, въ его стихахъ слѣдуетъ пока видѣть реакцію фантазера, увлекающагося жизнью.

Вотъ нѣсколько строфъ изъ стихотворенія, озаглавленнаго „A quelques robes“ и въ которомъ легко усмотрѣть объявленіе войны парнасцамъ.

Je crois que vous prenez des poses de théâtre;
Je ne distingue pas votre air sacerdotal
De l'air jésuitique, et, sous le masque en plâtre,
Je ne lis sur vos fronts aucun signe fatal.
Vous ne voulez pas être applaudis par les masses,
Et solitairement vous planez dans les cieux?
Pour vous montrer à nu, moi qui hais les grimaces,
J'irai bien relever votre robe de dieux.
L'on vous verra claquer des dents, mornes et pâles,
Maigres à faire peur et tout roués de coups;
Et quand vous chanterez, il sortira des râles
De ces tambours crevés qui sont vos coeurs, à vous.

.....
Aussi, toujours aimant, buvant à perdre haleine,
Et voulant à tout prix cueillir la vie en fleur,
Nous ne chantons jamais que si notre ame pleine
S'échappe en cris soudains de joie ou de douleur.

Въ „Chansons joyeuses“ есть нѣкоторыя премиленькія. Самъ Мюссэ не писалъ ничего нѣжнѣе и изящнѣе.

Страшнѣе всего то, что Морисъ Бушоръ пишетъ очень легко. Мнѣ кажется, онъ пишетъ стихи вездѣ, только не въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Плодовитость опасна въ его годы. Второй томъ его сти-хотвореній: „les Poèmes de l'amour et de la mer“, встрѣтилъ менѣе

радушный приемъ. Я боюсь, что не въ немъ скажется тотъ новѣйшій поэтъ, котораго мы ожидаемъ.

Совсѣмъ недавно, въ прошломъ году, одинъ сборникъ стихотвореній надѣлалъ много шума. Авторъ ихъ уже былъ извѣстенъ какъ журналистъ и какъ прозаикъ. Но никто не подозрѣвалъ, чтобы у него была такая развязная муза; скандалъ, произведенный ею, былъ таковъ, что прокуратура встопенилась и арестовала книгу. Былъ судъ; нѣкоторыя стихотворенія пришлось выбросить, но продажа книги удвоилась.

Эта книга, озаглавленная: „les Chansons des Gueux“, въ сущности весьма замѣчательна. Ришпенъ высказался въ ней какъ отчаянный реалистъ, не отступающій передъ рѣзкими словами и называющій безобразныя вещи ихъ именемъ. Нѣкоторыя стихотворенія даже написаны цѣликомъ на „argot“. Должно сказать, что это тѣ, которыя мнѣ наименѣе по вкусу. Мнѣ кажется, что Ришпенъ дѣлаетъ слишкомъ большія усилія для того, чтобы опростонародиться. При изображеніи народа требуется прежде всего добродушіе. Слишкомъ ясно, что грубыя детали у Ришпена не вытекаютъ изъ сущности дѣла, что онъ ихъ втиснулъ ради эффекта.

Вотъ гдѣ заключается опасность для реальной школы. Въ совершающемся натуральномъ движеніи зачастую принимаютъ грубость за правду. Рѣзкая нота не всегда бываетъ правдивой нотой. Напротивъ того, при описаніи низшихъ классовъ требуется много мѣры и гармоніи. Поэтому Ришпенъ, выдающій себя за реалиста, представляется мнѣ скорѣе романтикомъ. Его „gueux“ принадлежатъ скорѣе Калло, нежели современной жизни. Вообще его стихи носятъ почти чисто-лирическій характеръ. Въ сущности подражаніе Боделеру весьма замѣтно. Ришпенъ отличается отъ Боделера только въ томъ отношеніи, что не такой пурнистъ и позволяетъ себѣ все. Съ другой стороны, онъ шумнѣе, боязливѣе и хвастливѣе. Повторяю: мнѣ бы хотѣлось, чтобы у него было больше заботы о правдѣ. Впрочемъ, я тѣмъ не менѣе признаю, что у Ришпена большой талантъ.

Я могъ бы еще назвать Поля Бурже, который только-что окончилъ большую современную драму и собирается ее напечатать. Но это еще не все. Другіе поэты реального направленія дѣйствуютъ особнякомъ. Пробѣгая рѣдкіе литературные органы, печатающіе стихи, я нахожу иногда весьма характеристичныя стихотворенія, указывающія на реальное направленіе у многихъ новичковъ. Такъ, я упомяну о поэмѣ одного молодого человѣка Гюи де-Вальмонъ. Эта поэма, озаглавленная: „Au bord de l'eau“, передаетъ просто-на-просто исторію любви одной прачки, съ которой знакомится одинъ молодой человѣкъ и котораго она вгоняетъ въ чахотку своей любовью. Сoder-

жаніе нѣсколько рискованное — согласенъ, но я рѣдко видалъ болѣе рельефную и правдивую картину.

Жизнь дѣйствительная, очевидно, начинать давать поэтамъ новую поэзію. Глубокая ошибка думать, что поэзія означаетъ ложь. Я увѣренъ, что явится поэтъ, который извлечетъ изъ современной среды широкую поэтическую формулу. Прачка, идущая на плоть; общественный садъ, наполненный гуляющими; кузница, гдѣ раздается стукъ молота; отходъ желѣзно-дорожнаго поѣзда, и даже рынокъ, съ его торговцами и торговками, — все, что живетъ, что насъ окружаетъ, можетъ быть предметомъ поэзіи и очень нравится. Чтобы совершить этотъ переворотъ, — достаточно, чтобы гениальный поэтъ избралъ новый поэтическій языкъ. Препятствіемъ является форма, которую надобно пріискать. Въ настоящее время еще не рѣшаются употреблять нѣкоторыхъ словъ. Коппé слишкомъ робокъ, а Ришпенъ слишкомъ смѣлъ. Когда найдено будетъ орудіе, реальная поэзія восторжествуетъ.

VI.

Выводъ мой уже можно предвидѣть. Но прежде, чѣмъ высказать его, мнѣ надо упомянуть о двухъ поэтахъ, которыхъ я не могъ номѣстить въ мою классификацію. Я говорю объ Альфонсѣ Додэ и о Сюлли Прюдомъ.

Оба стоятъ особнякомъ, и ихъ нельзя пристегнуть ни къ какой группѣ. Я долженъ прибавить, что Додэ давно уже не пишетъ стиховъ. Онъ писалъ пріятные стихи въ юности, когда еще не установился. Извѣстно, какое видное мѣсто онъ завоевалъ себѣ съ тѣхъ поръ въ литературѣ. Онъ началъ съ предельныхъ сказокъ и кончилъ романами, въ которыхъ еще больше расширилъ свои рамки. Наконецъ, онъ дошелъ до „Nabab“, самаго сильнаго изъ своихъ произведеній, представляющаго прекрасную картину парижской жизни. Въ настоящее время романистъ затеръ стихотворца.

Но я знаю, что Додэ любитъ вспоминать о томъ времени, когда онъ былъ стихотворцемъ. Онъ очень огорчился бы, если бы въ обзорѣ поэтовъ того времени было пропущено его имя. Безъ сомнѣнія, мѣсто, которое онъ занимаетъ въ поэзіи того времени, скромно — и я не стану жаловаться на то, что онъ отдался провѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ немъ жилъ очень тонкій, очень изящный поэтъ, заслуживающій, чтобы о немъ не забыли.

Въ ту эпоху онъ виталъ исключительно въ мірѣ фантазій. Любовь къ современному Парижу, къ картинамъ обыденной жизни еще не поглотили его. Онъ мечталъ о звѣздахъ, пилъ росу, плѣнился

крѣтами и бабочками. Онъ только-что прибылъ изъ Прованса, еще согрѣтый лучами полуденнаго солнца, — и уже, разувѣется, въ его головѣ не пощипалось никакихъ эстетическихъ идей. Онъ иѣлъ, какъ птица, для собственнаго увеселенiя!

Впрочемъ, онъ написалъ не болѣе тысячи стиховъ. Издатель Шарпантье издалъ всѣ ихъ подъ общимъ заглавiемъ: „les Absentees“. И даже для исполненiя тома пришлось присоединить нѣсколько прозаическихъ сказокъ. Заглавiя стихотворенiй достаточно объясняютъ фантастическiй характеръ этого сборника: „la Vierge à la Crèche“, „les Bottines“, „à Clairette“, „le Rouge-Gorge“, „les Aventures d'un papillon et d'une bête à Bon Dieu“.

Но въ особенности прославилось одно стихотворенiе. Я говорю про „Prunes“, которое актеры читали во всѣхъ салонахъ Парижа. Оно очень мило, и чтобы познакомить съ Додэ-стихотворцемъ, который такъ извѣстенъ, какъ романистъ, стоить привести его.

I.

Si vous voulez savoir comment
 Nous nous aimâmes pour des prunes,
 Je vous le dirai doucement,
 Si vous voulez savoir comment.
 L'amour vient toujours en dormant,
 Chez les bruns comme chez les brunes;
 En quelques mots voici comment
 Nous nous aimâmes pour des prunes.

II.

Mon oncle avait un grand verger
 Et moi j'avais une cousine;
 Nous nous aimions sans y songer,
 Mon oncle avait un grand verger.
 Les oiseaux venaient y manger,
 Le printemps faisait leur cuisine:
 Mon oncle avait un grand verger
 Et moi j'avais une cousine.

III.

Un matin, nous nous promenions
 Dans le verger, avec Mariette:
 Tout gentils, tout frais, tout mignons,
 Un matin, nous nous promenions.
 Les cigalles et les grillons
 Nous fredonnaient une arriette:
 Un matin nous nous promenions,
 Dans le verger! avec Mariette.

IV.

De tout cotés, de ci, de là,
 Les oiseaux chantaient dans les branches,
 En si bémol, en ut, en la,
 De tout cotés, de ci, de là.
 Les près en habit de gala
 Étaient pleins de fleurettes blanches.
 De tous cotés, de ci, de là,
 Les oiseaux chantaient dans les branches.

V.

Fraiche sous son petit bonnet,
 Belle à ravir, à point coquette,
 Ma cousine se démenait
 Fraiche sous son petit bonnet.
 Elle sautait, allait, venait,
 Comme un volant sur la raquette;
 Fraiche sous son petit bonnet,
 Belle à ravir, à point coquette.

VI.

Arrivée au fond du verger,
 Ma cousine lorgne les prunes;
 Et, la gourmande en veut manger,
 Arrivée au fond du verger.
 L'arbre est bas; sans se déranger,
 Elle en fait tomber quelques-unes.
 Arrivée au fond du verger,
 Ma cousine lorgne les prunes.

VII.

Elle en prend une, elle la mord,
 Et, me l'offrant: „Tiens“!.. me dit-elle.
 Mon pauvre coeur battait bien fort.
 Elle en prend une, elle la mord.
 Ses petites dents sur le bord
 Avaient fait des points de dentelle...
 Elle en prend une, elle la mord,
 Et, me l'offrant: „Tiens“!.. me dit-elle.

VIII.

Ce fut tout, mais ce fut assez;
 Ce seul fruit disait bien des choses,
 (Si j'avais su ce que je sais!..)
 Ce fut tout, mais ce fut assez.
 Je mordis, comme vous pensez,
 Sur la trace des lèvres roses.
 Ce fut tout, mais ce fut assez;
 Ce seul fruit disait bien des choses.

IX.

Oui, mesdames, voilà comment
 Nous nous aimâmes pour des prunes:
 N'allez par l'entendre autrement;
 Oui, mesdames, voilà comment.
 Si parmi vous, pourtant, d'aucunes
 Le comprenaient différemment,
 Ma foi, tant pis! voilà comment
 Nous nous aimâmes pour des prunes.

Сюдли Прюдомъ поэтъ совсѣмъ иного закала. Его очень уважаютъ и его считаютъ самымъ замѣчательнымъ изъ нашихъ поэтовъ послѣ Боделера и Леконтъ де-Лилля. Но только такъ какъ онъ не принадлежитъ ни въ какой литературной категоріи, то и не пользуется той извѣстностью, какой заслуживаетъ. Это меланхолическій умъ и любить уединеніе. Его не встрѣтишь ни въ одномъ салонѣ; онъ ведетъ замкнутую и безвѣстную жизнь. Его характеризуетъ наиболѣе стремленіе къ разрѣшенію великихъ философскихъ задачъ. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ онъ сильнѣе вдается въ отвлеченность и увлекается метафизической формулой. Поэзія его близко соприкасается съ философіей.

Конечно, это опасный путь. Извѣстно, что философія плохо уживается съ образами. Поэтому стихи Сюдли Прюдома, несмотря на всю свою силу, становятся безцвѣтнѣе и суше по мѣрѣ того, какъ онъ вдается въ умозрѣнія. Никто лучше его не облакалъ простую и сильную мысль въ трудную и сложную форму сонета. Онъ не ищетъ блеска, лиризма, неожиданнаго контраста красокъ и богатыхъ рѣчъ; онъ довольствуется тѣмъ, что ярко освѣщаетъ свою идею, такъ что ее не легко забыть. Въ этомъ родѣ его chef d'oeuvre — „le Vase brisé“. Это — знаменитое стихотвореніе, которое всѣ знаютъ наизусть и которое даетъ поэтому понятіе о манерѣ Сюдли Прюдома. Оно такъ коротко, что его можно привести цѣликомъ.

Le vase où meurt cette verveine
 D'un coup d'éventail fut fêlé.
 Le coup dut l'effleurer à peine,
 Aucun bruit ne l'a révélé.
 Mais la légère meurtrissure
 Mordant le cristal chaque jour,
 D'une marche invisible et sûre,
 Lentement en a fait le tour.
 Son eau fraîche a fui goutte à goutte,
 Le suc des fleurs s'est épuisé,
 Personne encore ne s'en doute.
 N'y touchez pas, il est brisé.

Ainsi, souvent, la main qu'on aime
 Effleurant le coeur le meurtrit,
 Et le coeur se fend de lui-même,
 La fleur de son amour périt.
 Toujours intact aux yeux du monde
 Il sent croître et pleurer tout bas
 La blessure fine et profonde.
 Il est brisé, n'y touchez pas.

Весьма жаль, конечно, что Сюлли Прюдомъ увлекается философскими диссертациями, замораживающими его поэтический талантъ. Но меня поражаетъ самый фактъ, что философскія идеи такъ преслѣдуютъ его, и я вижу въ этомъ глухую работу современныхъ идей. Нельзя обмануться въ этомъ призывѣ: поэзіи придется со временемъ считаться съ наукой; скажу болѣе, что величайшей поэзіей нашего вѣка является наука съ ея изумительными открытіями, ея побѣдой надъ матеріей, крыльями, которыми она придаетъ человѣку и удешевляетъ его дѣятельность. Итакъ, для меня Сюлли Прюдомъ — поэтъ, задѣтый наукой и умирающій отъ этого прикосновенія.

Теперь нужно ли дѣлать выводъ? Я показала, что романтизмъ все еще торжествуетъ у насъ. У насъ его хватить еще лѣтъ на сто; не скоро еще отдѣлаемся мы отъ этой язвы, приставшей въ нашей литературѣ и исключающей ея народный духъ. До сегодня первенствуютъ послѣдователи Виктора Гюго, непосредственные ученики, каковы Боделеръ, де-Банвилль и Леконтъ де-Лиль, и ученики второго періода, какъ Катюль Мендесъ и всѣ молодые поэты, сгруппировавшіеся вокругъ него. Правда, что вліяніе Мюссэ общается какъ будто бы усилиться, и Бушоръ готовится стать соперникомъ парнасской группы. Но, какъ я уже говорилъ, это будетъ лишь новой формой романтическаго хвоста. Наше время продолжаетъ копировать 1830 г. Бошпé держится, къ несчастію, въ сторонѣ отъ естественнаго движенія; его поэтический духъ слишкомъ изнѣженъ для тяжелой и черновой работы, которую предстоитъ выполнить. Съ другой стороны, Рянненъ годится лишь на то, чтобы пугать буржуа своими бесполезными рѣзкостями и своими современными поэмами съ сильнымъ Рембрантовскимъ освѣщеніемъ. Желанный поэтъ, кажется, еще не родился.

Въ поэзіи не появлялось настоящаго творческаго таланта со времени Ламартина, Гюго и Мюссэ. Всѣ наши поэты, безъ исключенія, вдохновляются этими тремя предшественниками. Виѣ ихъ еще ничего не создано. Этотъ фактъ слѣдуетъ засвидѣтельствовать. Поэтому мнѣ кажется, что великій поэтъ будущаго долженъ смести всѣхъ эстетиковъ настоящей минуты. Я думаю, что онъ будетъ вносить современнѣе, что онъ проведетъ реальную идею во всей ея чистотѣ. Онъ выразитъ нашъ вѣкъ въ новомъ языкѣ, который самъ создастъ. И,

не будучи пророкомъ, надѣюсь, что онъ не заставитъ себя ждать, потому что усилія, дѣлаемыя современными молодыми поэтами, чтобы отдѣлаться отъ избытка формулъ, доказываютъ глухой переворотъ, который подготавливается. Мы видимъ въ нихъ предвозвѣстниковъ; быть можетъ, учитель находится среди нихъ, но еще безвѣстенъ; во всякомъ случаѣ мы готовы принять его съ честью.

Эмиль Зола.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Письменные донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя и его книга.

Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, Виктора Григоровича.
Изданіе второе. Москва, 1877 г.

Новое изданіе извѣстнаго славистамъ труда В. И. Григоровича даетъ намъ поводъ сдѣлать дополненіе во всему, что было сказано о немъ, по поводу его недавней смерти.

Покойный В. И. Григоровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя своими трудами не производили эфемернаго шума на аренѣ русской литературы; они проходили незримо для публики съ своими идеями и открытіями, и были цѣнными по достоинству только незначительнымъ числомъ лицъ, понимавшихъ высокую миссію такихъ дѣятелей.

Тридцать-пять лѣтъ трудился Григоровичъ и какъ ученый, и какъ профессоръ, и—умеръ вдали отъ центровъ ученой дѣятельности. Пока онъ жилъ и дѣйствовалъ, его игнорировали собратья по оружію. Изрѣдка, въ общихъ выраженіяхъ, почтительно отзывались о немъ по поводу какого-нибудь его открытія, и затѣмъ снова усердно отпаивались до новаго труда, о которомъ нельзя же было все-таки не сказать двухъ словъ, чтобы пополнить какой-нибудь краснорѣчивый отчетъ о своей дѣятельности. Въ русскія столицы, обилующія и библіотеками рукописей и печатныхъ пособій, куда неоднократно стремился Григоровичъ, ему не давали ходу. Случайно какъ-то Григоровичъ попалъ-было въ Москву, но пребываніе его тамъ ограничилось нѣсколькими мѣсяцами, и насильственный произволъ усадилъ его снова въ Казани, гдѣ онъ и напечаталъ лучшіе свои ученые труды.

Въ числу ихъ принадлежитъ и вышедшее на-дняхъ въ Москвѣ,

вторымъ изданіемъ, „Путешествіе по Европейской Турціи“, которое можно назвать и первымъ отдѣльнымъ изданіемъ, такъ какъ оттиски „Путешествія“ изъ „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“ 1848 г. были выпущены въ самомъ незначительномъ количествѣ, и не могли никакимъ образомъ проникнуть въ публику. Да и нужно ли это было? Кто сталъ бы читать эту книгу, переполненную библіографическими указаніями невѣдомыхъ міру славянскихъ и греческихъ рукописей? Нѣсколько десятковъ лицъ, которымъ дорога была такая указанія, своевременно получили книгу отъ автора, а другимъ до нея не было никакого дѣла.

Положимъ, что книга Григоровича вносила въ науку славяно-вѣдѣнія массу новаго матеріала, допустимъ, что безъ усвоенія этой массы матеріала становилась немислима исторія литературы восточныхъ славянъ, но публикѣ, привыкшей глотать пережеванную пищу, книга Григоровича представляла тяжелый, неудобоваримый матеріалъ.

Григоровичу, не успѣвшему обнародовать можетъ быть и десятой доли своихъ открытій, некогда было заботиться о соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Онъ жилъ только мечтой объ успѣхахъ своей науки и не видалъ и самъ ничего пріятнаго на своемъ вѣку, кромѣ задушевныхъ отзывовъ о своемъ дѣлѣ за предѣлами Россіи. Въ „Воспоминаніи о Григоровичѣ“, помѣщенномъ во II-мъ томѣ „Древней и Новой Россіи“ за 1877 г., авторъ сообщаетъ, что Григоровичъ не желалъ сообщать публикѣ о многихъ интересныхъ для нея эпизодахъ своего путешествія, потому что не имѣлъ, по его собственнымъ словамъ, — „таланта къ изложенію такого рода повѣствованій“. Впрочемъ, нрѣдка въ позднѣйшихъ трудахъ онъ касался и частныя стороны своей повѣдки¹⁾. Вообще же, въ бесѣдахъ даже съ людьми близкими ему, Григоровичъ никогда не высказывалъ своихъ личныхъ интересовъ или своего недовольства окружающими его: въ немъ было слишкомъ много доброты, чтобы уличать злобу другихъ; въ немъ слишкомъ глубоко развито было чувство корпоративности, чтобы жаловаться на недоразумѣнія и возникающія отсюда драги въ профессорской семьѣ. Григоровичъ былъ выше ихъ. Слухъ о томъ, что онъ „своей стилистической опытностью въ латинскомъ языкѣ выручалъ молодыхъ докторантовъ, обязанныхъ представлять докторскія диссертации непременно на латинскомъ языкѣ“, ходилъ, какъ тѣ видно изъ сообщенія А. А. Котляревскаго²⁾, не въ одной Казани. Не знаемъ, помогалъ ли Григоровичъ своимъ знаніемъ латыни казанскому профессору Н. А. Иванову, хотя такіе слухи и ходили въ свое время,

¹⁾ Напр. въ „Замѣткахъ о Солунѣ и Корсунѣ“, изданныхъ въ Одессѣ, въ 1872 г.

²⁾ Славянской Ежегодникъ. Кн. II, стр. 308.

знаемъ только, что Григоровичъ въ бесѣдахъ съ людьми, которыхъ вѣрилъ, никогда не жаловался на предвѣрчивость профессора Иванова, высказывавшуюся неоднократно въ ихъ отношеніяхъ. Со времени прибытія Григоровича въ Казань, профессоръ Ивановъ дѣлается уже его антагонистомъ. Онъ не одобрялъ кандидатскую диссертацию Григоровича: „Исслѣдованія о Церковно-Славянскомъ нарѣчій, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ, и отношеніе его къ новѣйшимъ нарѣчіймъ“. Несмотря на сочувственный отзывъ рецензента диссертациі, профессора Фойгта, находившаго трудъ Григоровича достойнымъ печати, „по исправленіи языка и слога“, съ чѣмъ согласно было большинство членовъ факультета, профессоръ Ивановъ въ разсужденіи дѣйствительнаго студента Григоровича видѣлъ *неудачную попытку* сдѣлать вѣроятнымъ извѣстное мнѣніе Копитара; особенно слабо почиталъ онъ историческую часть разсужденія, въ которой доказательства основаны на догадкахъ, а не на положительныхъ источникахъ; что же касалось языка, то г. Ивановъ признавалъ, „что диссертациі Григоровича *по значительнымъ грамматическимъ ошибкамъ* чрезвычайно неудовлетворительна для предоставленія ему кандидатской степени“. Не смотря на то, что диссертациі утрачена, намъ извѣстно, что Григоровичъ представилъ самостоятельное наслѣдованіе, хотя бы и развивающее мысль Копитара, знаемъ, что профессоръ Ивановъ былъ въ русской стилистикѣ искуснѣе Григоровича и можетъ быть *школьнымъ* правилами правописанія зналъ тверже молодого слависта, требующаго иныхъ грамматическихъ началъ; но голосъ его остался единичнымъ, и рѣшено было, „по исправленіи языка и слога“, напечатать наслѣдованіе Григоровича. Затѣмъ недоразумѣнія между профессоромъ Ивановымъ и Григоровичемъ высказались и въ разборѣ отчетовъ Григоровича о путешествіи по Турціи, отчетовъ, на основаніи которыхъ и было составлено „Путешествіе по Европейской Турціи“.

Вслѣдствіе порученія со стороны факультета, представить мнѣніе объ отчетахъ Григоровича, профессоръ Ивановъ въ своемъ широковѣщательномъ докладѣ заявлялъ, что Григоровичъ „уклоняется отъ главной цѣли миссіи — приготовленія себя къ званію университетскаго наставника, думая, что онъ отправленъ путешествовать для обогащенія науки новыми открытіями, а не для *собственной* науки, чтобы по возвращеніи *быть въ состояніи учить другихъ*“. Передавая содержаніе отчетовъ, профессоръ Ивановъ, предубѣжденно смотрѣвшій на Григоровича, обмолвился слѣдующею тирадою: „Стремась на Аѳонскую гору, нашъ молодой путешественникъ предложилъ себѣ вотъ какую задачу: *Свидѣнія о (тамошнихъ) славянскихъ рукописяхъ, сколько имъ извѣстно, не были сообщены, и потому, при обзрѣтніи монастырей Аѳонскихъ, обращу особенное на нихъ вниманіе*“.

Очевидно, что г. Григоровичъ былъ подстрекаемъ надеждою новыхъ открытій. Не стану повторять здѣсь то, что я сказалъ уже выше о цѣли его путешествія; но не хочу умолчать, что эта задушевная надежда слишкомъ прискорбно обманула его. Когда же подумаю, что сей невѣрной надеждѣ онъ принесъ въ жертву почти четыре съ половиною мѣсяца, то невольно приходитъ на мысль, *чесо ради шбелъ сія бысть*. Изъ этихъ драгоценныхъ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ жизни г. Григоровичъ между учеными болгарами, сербами и чехами хотя три мѣсяца, *результаты ея трудовъ были бы несоразмѣрно существенныя для ея будущаго назначенія*". Послѣ наложенія содержанія отчетовъ, профессоръ Ивановъ просилъ факультетъ ввести справку въ дѣлахъ, наблюдаетъ ли Григоровичъ сферы, назначенныя ему въ планѣ путешествія. Впрочемъ, въ концѣ рецензій онъ признавалъ его „разностороннія дѣльныя свѣдѣнія, похвальную любознательность и новыя утѣшительныя доказательства его неутомимой ревности къ своему предмету“, хотя и не забылъ упомянуть о небрежности слога.

Очевидно, профессоръ Ивановъ свысока смотрѣлъ на молодого слависта и не прочь былъ порисоваться и своимъ, до известной степени, знакомствомъ съ предметомъ занятій Григоровича.

„Путешествіе“ составлено по отчетамъ, представляемымъ начальству съ пути, и начинается Царьградомъ, куда Григоровичъ прибылъ 22-го августа 1844 г. О пребываніи въ Царьградѣ въ „Путешествіи“ говорится короче, нежели въ рукописныхъ отчетахъ. Въ печати упомянуто только, что библиотеки константинопольскаго патріарха не существуетъ со времени греческой войны, но за то много книгъ хранится въ патріархатѣ іерусалимскомъ, хотя и мало интересныхъ для славянской науки. Затѣмъ упоминается о дѣятельности типографіи константинопольскаго патріархата и знакомствѣ съ нѣкоторыми болгарами, известными въ ново-болгарской литературѣ. Непосредственно затѣмъ Григоровичъ переходитъ къ Солуню и Аѳону. Въ дополненіе этого краткаго разсказа приводимъ здѣсь донесеніе Григоровича о пребываніи въ Царьградѣ. Это донесеніе покажетъ, какъ и что извлекалъ Григоровичъ изъ своихъ отчетовъ для печати. Это первое донесеніе попечителю округа и факультету служить какъ бы введеніемъ въ его книгу.

„.... Августа 20 числа оставилъ я отечество. Быстро почался пароходъ „Крымъ“, на которомъ занялъ я мѣсто, прорѣзалъ въ ширь Черное море, пронесся мимо ненаглядныхъ береговъ Босфора и ровно въ сорокъ часовъ послѣ отправленія сталъ на якорѣ у Константинопольской пристани, Топхана. Не смѣю воспользоваться перомъ своимъ этихъ дивно разнообразныхъ видовъ, которые очаровательно смѣнялись предъ нашими глазами, и торжественной осанки, съ которой

предсталъ вѣковѣчный Царьградъ. Поощажу ваше вниманіе, не дарому въ безсиліи своемъ пытаться передать на бумагѣ удивленіе и душевный трепетъ при видѣ этихъ, нодлинно, чудесъ міра.

„Въ день приѣзда засвидѣтельствовалъ свой паспортъ въ турецкой таможи и въ канцеляріи посольства. Спусти еще два дня отправился на Босфору въ Вуюкдере, прелестную дачу, гдѣ проводилъ лѣтнее время нашъ посланникъ. Владиміръ Павловичъ Титовъ обратилъ благосклонное вниманіе на порученіе, мнѣ данное, и обѣщаль, сколько позволяютъ обстоятельства, содѣйствовать. Эти обстоятельства однакожь не весьма благоприятствовали моимъ ожиданіямъ. Послѣ нѣкоторыхъ соображеній, господинъ посланникъ изволилъ меня извѣстить, что не рѣшается ходатайствовать о выдачѣ мнѣ фирмана на путешествіе по всей Турціи, а совѣтуетъ ожидать благоприятнаго случая. До этого онъ изволилъ мнѣ выдать только тесноре (паспортъ) въ Салонки и на Афонскую гору, вмѣстѣ съ довѣрительнымъ письмомъ къ настоятелямъ Афонскихъ монастырей. Проживъ мѣсяца два или три въ этихъ мѣстахъ, я могу узнать отъ русскаго консула въ Салонки, возможно ли мнѣ путешествовать по Румелии и Болгаріи, или — не нужно ли будетъ обратно уѣхать въ Константинополь, чтобы отсюда отправиться моремъ въ Галацъ, или сухимъ путемъ, съ почтою черезъ Адрианополь въ княжество сербское. Господинъ посланникъ при этомъ далъ мнѣ замѣтить, что извѣстныя ему причины склоняютъ его въ такой только мѣрѣ содѣйствовать и вмѣстѣ требовалъ наблюдать нужныя правила осторожности. Такимъ образомъ я на первый разъ завѣрешъ въ возможности быть въ мѣстахъ, указанныхъ мнѣ въ инструкціи и постоянно завлекавшихъ нѣкогда мое любопытство. О продолженіи своего путешествія долему вашему превосходительству частнымъ письмомъ.

„До полученія этихъ охранныхъ бумагъ, протекло ровно двѣ недѣли. Этимъ временемъ я воспользовался такъ, что обобрѣлъ всё для меня важныя памятники столицы. Если я болѣе, чѣмъ ожидалъ, удовлетворилъ своему желанію, то этимъ весьма обязанъ г-ну Березину, встрѣча съ которымъ въ такомъ городѣ, какъ Стамбулъ, была вдвойнѣ пріятна. Отрадно было встрѣтить въ моемъ благородномъ соотечественникѣ добраго товарища и готоваго путешественника. Г. Березинъ провелъ уже болѣе мѣсяца въ Константинополѣ въ занятіяхъ турецкою литературою.

„Я обобрѣлъ главнѣйшія мечети и въ числѣ ихъ св. Софію снаружи, былъ въ знаменитомъ Сарай-бурну и осмотрѣлъ всё дозволенныя путешественнику его пригнѣчательности, былъ на мѣстѣ древняго гипподрома (аттеейдана), видѣлъ византійскіе акведуки и даже осмотрѣлъ нѣкоторыя исторически важныя окрестности.

„Въ мой цѣли вело знакомство съ патриархатами іерусалимскимъ

и константинопольскимъ, съ типографіею и бібліотекою патриаршими, съ книжными лавками, нѣкоторыми училищами, и освѣдомленіе о славянской части народонаселенія столицы. Въ патриаршихъ соборахъ, которые ниществомъ своимъ трогательно свидѣтельствуютъ объ уничтоженіи христіанства, не много нашелъ примѣчательностей. Гораздо болѣе стоило обратить вниманія на бібліотеку іерусалимскаго патриархата. Библіотека константинопольскаго раскинена въ греческую войну:—въ ней около 900 рукописей, болѣею частью богословскихъ. Надобно было имѣть нарочное позволеніе для разсмотрѣнія ихъ: мнѣ какъ посѣтителю дозволено было обзорѣніе. Книжныя лавки, которыхъ я нашелъ шесть, заключаютъ много греческихъ книгъ, въ числѣ которыхъ много рукоуабуловъ, а также довольно болгарскихъ, которыя я не замедилъ приобрести. Какъ о примѣчательности, долее о географической картѣ Волгаріи, данной на болгарскомъ языкѣ въ Стамбулѣ. Вообще замѣтно, что въ Константинополѣ задумываютъ о распространеніи болгарскихъ книгъ между турецкими славянами. Въ патриаршей типографіи недавно отпечатано ихъ нѣсколько. Изъ христіанскихъ училищъ главное мѣсто бесспорно занимаетъ то, которое находится недалеко отъ Стамбула, въ деревнѣ Куручесме. Оно почитается высшимъ. Кромя богословія и философіи, латинская литература преподается тамъ профессоромъ нѣмцемъ. Еще любопытно было мнѣ узнать о большемъ числѣ болгаръ и другихъ славянъ, здѣсь проживающихъ. Однихъ болгаръ, полагаютъ, будетъ до 20 тысячъ. Ихъ главный промыселъ—сбытъ сумокъ своего собственнаго выдѣлія. Сверхъ того, они продаютъ здѣсь свои шерстяныя матеріи, табакъ и розовое масло отличной доброты. Мнѣ удалось также познакомиться съ нѣкоторыми весьма образованными болгарами, воспитанными въ Парижѣ и Афинахъ.

„Не могу придать письму своему занимательности, стоящей важности и разнообразія предметовъ, съ которыми ежедневно знакомился. Надобно бы было преодолѣть душевное волненіе, которое вдругъ обнимаетъ душу каждаго на этомъ поприщѣ великихъ событий, — чтобы спокойно соображать и передавать свои впечатлѣнія. Уваженіе, которое питаю въ вашему правескодительству, воспринимаетъ и вливаетъ индивидуальныя чувства и позволяетъ только, делаясь вѣрнѣе о прежитомъ мною, повторить искреннія слова признательности, которую всегда глубоко чувствую.—В-го Пр-ства и проч. 7 (19) сентября. Константинополь“.

Второе донесеніе было прислано Григоровичемъ изъ Салунъ, отъ 28-го сентября (1844 г.).

„Сентября 8-го числа — писалъ Григоровичъ — отправился я изъ Константинополя на австрійскомъ пароходѣ въ Солунъ, и прибылъ туда 10-го числа. Завѣсивъ свой тескеръ въ турецкой тамошнѣ и вру-

чивъ письмо отъ г. посланника г. консулу Мустоксиди, я остался здѣсь жить до перваго удобнаго случая къ отправленію на Аеонскую гору. Сегодня, т.-е. 28-го числа, нашлись попутчики, монахи Хиландарскаго монастыря, и я нанялъ лошаковъ, дабы вмѣстѣ съ ними совершить свое путешествіе до мѣста, гдѣ общаю себѣ много труда и много пользы.

Въ Солуни начались труды, исключительно ведущіе къ достиженію указанной цѣли. Этотъ городъ, достопримѣчательный въ торговомъ отношеніи, представляетъ нестерпаемые источники для эллиниста археолога и можетъ также полезно занять славяниста. Какъ древній городъ, онъ единственный въ цѣлой Турціи, сохранившій—искаженные, конечно, но неизглаженные—памятники древняго быта. Начиная отъ македонскихъ царей до послѣднихъ временъ византийской имперіи, памятники, частью уцѣлѣвшіе, больше же въ развалинахъ, напоминаютъ о важной роли, которую онъ игралъ. Ни въ одномъ городѣ, быть можетъ, путешественникъ не найдетъ столько остатковъ древности, которые еще легко можно различать. По улицамъ вездѣ встрѣчаются камни съ истертыми латинскими или греческими надписями, служившіе нѣкогда надгробіями,—теперь мостовой; колонны, отличной отдѣлки—въ стѣнахъ, на порогахъ или даромъ лежащія. Нѣкоторыя мечети носятъ еще неизгнѣвшій блескъ древняго великолѣпія. Самымъ древнимъ зданіемъ почитается ротонда, нѣкогда храмъ Кабировъ, обращенный въ христіанскую церковь,—теперь ветхая мечеть. Не менѣе примѣчательны двѣ мечети, первая—бывшій храмъ Венеры, впоследствии христіанская церковь, гдѣ проповѣдывалъ апостолъ Павелъ; вторая—нѣкогда церковь св. Софіи, модель константинопольской. Не всѣхъ великолѣпнѣе мечеть, бывшій храмъ св. Димитрія. Это обширное зданіе украшено внутри колоннадою превосходной отдѣлки изъ зеленого и бѣлаго мрамора и изъ гранита. Не извѣстно, куда дѣвались мощи святого, но гробъ его, надъ которымъ теплится лампада, турки благоговѣнно сохраняютъ. Солунь игралъ въ христіанствѣ самую значительную роль. Здѣсь проповѣдывалъ апостолъ Павелъ. Теперь еще хранится кафедра, съ которой совершались его проповѣди. Здѣсь родина и поприще христіанскихъ подвиговъ св. Димитрія и многихъ другихъ святыхъ. Но для насъ, славянъ, этотъ городъ имѣетъ еще особенную важность. Изъ него вышли славянскіе апостолы Кириллъ и Меодій. Замѣчательно, что здѣшнее греческое духовенство, за исключеніемъ митрополита, ничего не знаетъ объ этихъ святителяхъ. Напрасно въ церквахъ искалъ ихъ иконъ и разспрашивалъ о мѣстномъ ихъ почитаніи.

Обозрѣвая памятники города, я между тѣмъ прискивалъ себѣ ученыхъ занятій. Къ нимъ привели знакомства. Съ содѣйствіемъ

г. консула Мустоксида я познакомился съ митроволитомъ солунскимъ, отцомъ Геронимомъ, и съ консулами европейскихъ державъ. Освѣдомившись, гдѣ находятся библіотеки, вскорѣ получилъ къ нимъ доступъ. Солунь, духовенство котораго славилось ученостью, не могъ не сохранить памятниковъ его трудолюбія. И теперь еще нѣсколько книгохранилищъ сохраняютъ много матеріаловъ для ученаго историка-богослова. Въ нихъ я нашелъ слишкомъ полтораста греческихъ рукописей. Положеніе этихъ рукописей самое жалкое, особенно въ монастырѣ, называемомъ Чаушъ-монастырь. Это образецъ небреженія. Хотя ихъ важность можетъ только оцѣнить ученый богословъ, но можно навѣрное сказать, что онѣ заключаютъ много пособій, безъ которыхъ затрудняются издатели отцовъ церкви. Обращая вниманіе на исторически важное по отношенію къ славянамъ, а какъ ни трудился надъ этими извѣденными и пропрѣлыми фолиантами, не могъ однакожъ присесть себѣ къ тому матеріаловъ. Трудно притомъ разсматривать рукописи, покрытыя пылью, для которыхъ нѣтъ каталога и которыхъ нельзя брать домой. Допущенный въ эти книгохранилища, я всегда долженъ былъ спѣшить, опасаясь наскутить монахамъ, которые неохотно показывали книги, хотя и не берегутъ ихъ. Надѣясь однакожъ, возвратившись изъ Аѳонской горы, заслужить болѣе довѣрія. Знакомство съ австрійскимъ консуломъ, г. Михановичемъ, принесло мнѣ существенную пользу. Страстный охотникъ къ славянскимъ древностямъ, г. Михановичъ, родомъ хорватъ, совершилъ самъ нѣсколько поѣздокъ по Македоніи и Тракии и собралъ много заслуживающихъ всеобщее вниманіе рукописей. Гостеприимный, онъ дозволяетъ мнѣ разсматривать ихъ, сдѣлать нѣкоторые выписки и замѣчанія. Эти рукописи, числомъ слишкомъ двадцать, и тѣмъ уже примѣчательны, что собраны въ Македоніи, откуда мы еще не имѣли ученыхъ запасовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ любопытны, что я осмѣливаюсь обратить теперь же вниманіе в—го пр—ства. Ихъ открытіе находится въ связи съ нѣкоторыми вопросами, которые недавно занимали ученыхъ. Благодаря г. Михановичу, я имѣлъ случай удостовѣриться въ обширномъ нѣкогда употребленіи глаголиты. Ему принадлежитъ глаголитскій отрывокъ, доставленный ему изъ Аѳонской горы, гдѣ также находится цѣлая глаголитская книга. О существованіи здѣсь глаголиты предполагалъ уже покойный Копитаръ. Еще любопытнѣе неполный кодексъ XIII или XIV стол. словъ отцовъ церкви на славянскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ находятся тѣ же самыя слова, которыя издавали Копитаръ и Калайдовичъ. Но самое любопытное открытіе и для русскихъ ученыхъ весьма важное есть полный кодексъ номоканона, который древнѣе всѣхъ находящихся въ Россіи, и принадлежитъ къ новому разряду. Онъ переписанъ въ 1262 году и принадлежалъ сербскому патриарху Арсенію. Намъ извѣстны кодексы

суть болгарскіе и неслыши ученыхъ Розенкампфъ; этотъ новый кодексъ принадлежитъ къ разряду сербскихъ. Другія рукописи включаютъ въ себя также много любомитоваго, хотя и относятся къ чисто церковной категоріи.

„Вообще можно сказать, что всякая европейская Турція — была известна для ученыхъ. Нѣсколько недавно совершеннѣе изысканій только завлекли любомитство, но не удовлетворили его. Не м надѣбно признаться, что этому любомитству поставлены многія преграды. Только тому, кто можетъ прожить здѣсь многіе годы, возможно уловить удобный случай для поисковъ и изслѣдованій. Надѣбно признаться для нихъ весьма разнообразнаго приготовленія. Преслѣдовать одну цѣль невозможно, необходимо многими заниматься, много изслѣдовать, чтобы, наконецъ, достигнуть ея.

„Что касается меня, то я старался пользоваться всѣми, что представляло мнѣ извѣстность, не упуская изъ виду своихъ обязанностей. Подчиняясь необходимости, налаженной обычаями края, изыскивалъ удобный для своихъ изысканій случай. Могу надѣяться, что не буду безъ пользы. Благодаря содѣйствію г. консула, мнѣ возможно, кажется, будетъ достигнуть многихъ изъ предложенныхъ цѣлей. Основываясь на его удостовѣреніяхъ и совѣтахъ, я предполагалъ, возвратившись изъ Афонской горы въ Солунь, отсюда отправиться въ Охридъ, гдѣ надѣюсь найти нѣсколько болгарскихъ памятниковъ. Изъ Охрида еще разъ обратно въ Солунь, дабы, наконецъ, отсюда поднянуться на сѣверъ къ Валахія. Если исполнится это предположеніе, то надѣюсь этимъ удовлетворить многими прежними желаніями. Но впрочемъ ничего не рассчитываю — тогда, когда возможность ещечасно можетъ измѣниться.

„Теперь отправляюсь на Афонскую гору, гдѣ желаю прожить два мѣсяца, а если занятія потребуютъ — и болѣе. Здѣсь предметомъ занятій своихъ поставлю ознакомленіе со всѣми славянскими рукописями и теоретическое и практическое изученіе болгарскаго языка. При этомъ осмѣливаюсь доложить в—му пр—ству, что донесеніе свое буду лишь въ состояніи отправить по возвращеніи въ Солунь, откуда только возможно мнѣ будетъ доставить начальству о себѣ извѣстіе“.

Изъ донесеній, въ родѣ приведенныхъ здѣсь, составилось знаменитое „Путешествіе по Европейской Турціи“, открывшее ученому міру массу дотогдѣ неизвѣстныхъ древне-славянскихъ памятниковъ болгарской и сербской рецензій, которымъ суждено было впоследствии занять много страницъ въ исторіи древней письменности южныхъ славянъ. Почти всѣ 214 страницъ книги Григоровича (1848, Вазанъ) наполнены такими библиографическими указаніями, и только типографскіе недостатки книги могли неприятно поразить изслѣ-

дователя славянской старинки. Въ сороковыхъ годахъ типографія казанскаго университета, богатая восточными шрифтами, бѣдна была славянскимъ шрифтомъ. Кромѣ обычнаго шрифта церковныхъ книгъ, въ ней не было другихъ шрифтовъ, необходимыхъ для передачи особенностей древне-славянскихъ рукописей, и издателю невольно приходилось передавать тексты гражданскимъ шрифтомъ и прибѣгать къ помощи составленія изъ двухъ гражданскихъ литеръ одной церковной. Такимъ образомъ въ книгѣ Григоровича встрѣчаемъ Ѡ-а вмѣсто ѡа, і-є вмѣсто ѡе. Даже въ бѣдномъ Вѣлградѣ типографское дѣло было поставлено лучше, чѣмъ въ Казани, и въ книгѣ Авраамовича ¹⁾, посвященныхъ описанію афонскихъ древностей и вышедшихъ въ свѣтъ одновременно съ „Путешествіемъ Григоровича“, — мы нерѣдко видимъ болѣе правильную, со стороны типографской, передачу древне-славянскаго текста. Уже г. Майковъ въ своемъ изслѣдованіи о сербскомъ языкѣ замѣтилъ, что Григоровичъ, посѣщая Афонскіе монастыри... „читалъ многія сербскія грамоты, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а нѣкоторыя и вполне списалъ, но съ сожалѣніемъ должно сказать, что отрывками, сообщенными имъ въ его „Путешествіи“ невозможно пользоваться при изученіи языка, ибо въ нихъ слова подлинника перемѣнены съ выраженіями самого издателя; напечатаны гражданскими буквами, между которыми кое-гдѣ проглядываютъ перво-славянскія буквы и сочетанія въ родѣ Ѡ—а и і—є, и титлы. Поэтому, — продолжаетъ Майковъ, — мы не сличаемъ его грамотъ съ тѣми, которыя изданы Авраамовичемъ. Довольно указать на одну грамоту Стефана Немани, изданную весьма точно два раза Авраамовичемъ и одинъ разъ Шафарикомъ, и переданную Григоровичемъ со множествомъ разнословій противъ трехъ другихъ изданій; но стоитъ лишь прочесть двѣ или три строки, чтобы убѣдиться, что грѣшати не первые двое, а послѣдній“ ²⁾.

Отзывъ Майкова я назвалъ бы суровымъ и потому, что типографскіе недостатки приписаны были ученому не менѣе, чѣмъ кто-либо дорожающему буквой, и потому, что отрывокъ текста извѣстнаго Хрисовула Стефана Немани (Симеона), помѣщенный на 40-й страницѣ перваго изданія „Путешествія“ и на 35—36 втораго изданія—текстъ, о которомъ, конечно, упоминаетъ г. Майковъ ³⁾, мѣстами конечно толковѣе полнаго текста, дважды напечатаннаго Авраамовичемъ. Читатель, знающій дѣло, пойметъ очень хорошо, что должно быть въ оригиналѣ вмѣсто напр., *велмега жоутана*, а стало быть возможно пользо-

¹⁾ „Описаніе древностей србски у святой (Атонской) горѣ“. У Београду, 1847; и Света гора со стране вере, художества и повестнице. У Београду, 1848.

²⁾ Исторія сербскаго языка. Стр. 9.

³⁾ „Света Гора“, стр. 40—45; „Описаніе древностей србски“, стр. 16—18.

важнѣе и неоспоримѣе въ типографскія отношенія имени Грѣгоревича. Съ другой стороны, текстъ Александровича тоже не перестанетъ являть оригинала, напр. *Дѣла*, *книга* *Исидорова*. Въ Москвѣ въ 1857 г. издавать правильные церковно-славянскіе тексты было почти невозможно въ Казани въ 1848 г., и еще легче было бы пользоваться типографскими удобствами Москвы въ 1877 г., когда вышло въ свѣтъ изданіе „Путешествій“ Грѣгоревича. Изъ соображеній, послужившихъ редактору новаго изданія „Путешествій“ Грѣгоревича, явнѣе, что правное казанское изданіе „составляетъ библиографическую рѣзкость“, книга въ виду, кажется, новую кнѣ. Она въ предисловіи своемъ заявляетъ, что „въ настоящее время, когда идетъ святой брань, поднятая православною Русью и ея доблестными Царемъ-Освободителемъ за чловѣчскія права и нравственно-религіозное существованіе нашихъ единоверцевъ, стонущихъ подъ гнетомъ несправедливыхъ и грубыхъ оскаловъ, предлагаемый очеркъ (Путешествіе) можетъ наилучшимъ образомъ ознакомить нашихъ читателей съ географіей Балканскаго полуострова, съ бытомъ болгаръ, ихъ матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ и ихъ безотраднымъ положеніемъ между, съ одной стороны, ихъ неограниченными, но несправедливыми поселителями—турками, врагами ихъ кѣри по принципу, и съ другой стороны—будто бы просвѣщенными, но лукавыми ихъ единоверцами—греками и куцовлаками“. Слѣва говорить, что издатель оказалъ плохую услугу и русской публикѣ, которая не найдетъ въ книгѣ Грѣгоревича того, что обѣщаетъ въ ней издатель,—и не имѣти достойнаго ученаго, представивъ въ новомъ изданіи его почтеннаго труда небрежную переечатку, не только не устранившую очевиднаго для знающаго дѣла опечатки перваго изданія, но облудившую безчисленными множествомъ помѣтокъ.

М. П—овъ.

1 декабря 1877 г.

НЕКРОЛОГЪ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ

род. 22 ноября 1821 г. † 27 декабря 1877.

Некрасова не стало,—но долго не перестанетъ звучать въ воздухѣ Некрасовскій стихъ. Этимъ стихомъ поэтъ справедливо стяжалъ себѣ большое имя, и въ немъ будущій его биографъ долженъ искать главнымъ образомъ и опредѣленіе литературнаго характера поэта, и от-

печатки пережитой имъ эпохи. Такой характеръ старались обыкновенно опредѣлять словомъ: „народный“; какъ-бы въ отвѣтъ на это, Некрасовъ въ своихъ „Послѣднихъ пѣсняхъ“ сказалъ:

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моею не стажалъ;
Я настолько же чуждѣмъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ!

— и только друзьямъ своимъ, нашему будущему, онъ пожелалъ не „праздно“ —

Жить и въ такую могилу сойти,
Чтобъ широкіе лапты народныя
Къ ней проторили пути!

Идея поэта ясна,—и не-разъ высказывается имъ горькое, болѣзненное чувство, вызываемое всегда одною и тою же мыслью, что не до стиховъ и не до книжекъ тому „Калистратушкѣ“, который поетъ у него же: „Въ ключевой водѣ купаюсь,—патырней чешу волоснышки;—урожаю дожидаясь,—съ непосѣянной полоснышки!“ Тутъ трудно быть въ прямомъ смыслѣ слова народнымъ поэтомъ, какъ нельзя назвать ученаго автора педагогическихъ трактатовъ дѣтскимъ писателемъ: ихъ могутъ читать всѣ, кромѣ именно дѣтей, хотя эти трактаты и пишутся, такъ-сказать, въ защиту дѣтскаго дѣла.

Въ литературѣ такое положеніе вещей бывало не у однихъ насъ; въ такомъ положеніи была не только поэзія, но и проза въ Германіи, напримѣръ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, когда въ обществѣ начали носиться идеи о необходимости лучшаго гражданскаго порядка, который могъ бы поднять народъ изъ его невѣжества, нищеты, умственной неразвитости. Эта эпоха осталась извѣстною въ исторіи Германіи подъ именемъ эпохи — „Aufklärung“. Она имѣла своихъ особенныхъ писателей, своихъ поэтовъ; напрасно было бы ихъ сравнивать съ поэтами другихъ эпохъ, называемыхъ обыкновенно классическими. Некрасовскій „Поэтъ“ отлично понималъ такое различіе и попытался заставить своего призывающаго къ борьбѣ собесѣдника прочесть изъ Пушкина:

„Не для житейскаго волненья,
„Не для користи, не для бѣды,
„Мы рождены для вдохновенья,
„Для звуковъ сладкихъ и молитвы!“

— и Некрасовскій „поэтъ“ въ восторгѣ: „Неподражаемые звуки!“ — но собесѣдникъ качаетъ отрицательно головою:

И я восторгъ твой раздѣлю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живѣ къ сердцу принимаю!

Вѣрный знакъ, что на сдѣлѣ исторіи идетъ эволюція „Aufklärung“.

Чтобы понять качество значенія такого „Aufklärung“, мы должны къ сколько отринуться отъ понятія, которое соединяется вообще съ именемъ переводомъ нѣмецкаго выраженія словомъ: просвѣщеніе, и которое у насъ, въ иныхъ случаяхъ, выражаетъ даже прямо противоположное тому, что говорится этимъ словомъ. Эволюція „просвѣщенія“ въ Германіи была главнымъ образомъ эволюціею просвѣщенія ума и чувства въ обществѣ,—возбужденія общественной совѣсти, и съ этою-то цѣлью литература старалась сдѣлать наглядными, вынести бѣдственное положеніе насъ — конечно, не этимъ же самымъ классамъ: онѣ и не знали литературы — но тѣмъ, которые долгое время оставались бы безъ того равнодушными къ ихъ жалкому положенію.

Эпохи такого „просвѣщенія“ повторяются собственно въ исторіи всѣхъ обществъ, въ самыхъ различныхъ формахъ; орудіями такого „просвѣщенія“, конечно, являются всегда большіе таланты въ литературѣ или на сдѣлѣ; все значеніе такихъ людей истощается къ талантамъ говорить прямо здравому смыслу и дѣйствовать непосредственно на чувство; частая ихъ жизнь, дѣятельность — тутъ не причастна; и вѣроятно она не имѣетъ ничего общаго съ возвышенностью и чистотой мыслей ихъ творенія; но это обстоятельство никогда не ослабляло высокаго назначенія ихъ общественной службѣ: таково уже обаяніе таланта и таково потребность общества — быть вынуждену изъ своего латентнаго сна. Всѣ стѣнать какъ-бы вкусить „плоды, съ вѣснаго дерева“, говоря словами же Некрасова:

Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посаждалъ ему и трудъ и время!

Припомнимъ Вольтера, проведеннаго всю свою жизнь въ средѣ, которая именно и была потрясена его талантомъ, и вовсе чуждаго другой среды, которой послужилъ его талантъ. Кто говорить о его частной жизни, кому она теперь интересна, и кто не знаетъ цѣны того, что было имъ произведено?

Вотъ именно къ разряду такой „просвѣщающей“ поэзіи относится и Муза Некрасова. Только по своей внѣшней формѣ она была „Музою мести и печали“,—тутъ, пожалуй, могъ выразиться и личный темпераментъ поэта, и воспоминанія о тяжелыхъ годахъ молодости; но не „мести и печали“ были ея окончательною цѣлью; не къ народу она обращалась, который, конечно, о ней и понятія не имѣлъ; эта Муза могла и не встрѣчаться вовсе съ народомъ, въ кабинетѣ поэта; оба они жили съ тѣмъ же обществомъ, которое мы видимъ повсюду на нашихъ городскихъ улицахъ, площадяхъ; но она будила совѣсть этого общества; благодаря таланту поэта, она успѣвала проникать глубоко въ душу даже тѣхъ, кого подчасъ корила, и кто самъ былъ

причастенъ дѣламъ вѣка — или по испорченности природы, или просто по апатіи и нравственному индифферентизму; она иногда бывала жестока и къ самому поэту, и онъ какъ-будто тосковалъ:

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой а пѣсни сладкогласной!

Понятно теперь, въ чемъ состоитъ существенная заслуга такъ-называемой „просвѣщающей“ литературы; она вовсе не увеличиваетъ массы знанія; напротивъ, она и говоритъ только о томъ, что всѣ про-себя знаютъ; она не дѣлаетъ открытій, и именно наставляетъ особенно на томъ, что лежитъ собственно предъ всѣми открыто; но она вноситъ свѣтъ въ минуты помраченія или ослабленія общественной совѣсти и будитъ то, что начинаетъ дремать въ нашей нравственной природѣ, или даже и то, что заснуло давно и не просыпалось дѣльными вѣками. Кромѣ поэзіи Некрасова, мы знаемъ въ исторіи нашей литературы другой блестящій примѣръ силы „просвѣщающей“ поэзіи, хотя и не въ формѣ стиха. Это — „Записки Охотника“ Тургенева. Они писаны также ради народа, и также никогда не были читаны народомъ; но есть эпохи, когда великій художникъ дѣйствуетъ могущественнѣе, чѣмъ дѣлаетъ трактаты, направленные, въ настоящемъ случаѣ, на примѣръ, противъ крѣпостного права; великій художникъ вноситъ свѣтъ въ общественную совѣсть, и подготавливаетъ почву, прежде нежели наступитъ пора бросить въ нее новое сѣмя. Къ счастью человечества, общественная совѣсть, если только дѣло не дошло до Содома и Гоморры, никогда долго не выноситъ тревожнаго состоянія, сомнѣнія въ своей правотѣ; а разъ она встревожена, — о ней тогда можно сказать словами древнихъ: „egubuit — salva res est!“ Велика потому и заслуга тѣхъ, кто побуждаетъ общественную совѣсть время отъ времени — краснѣть.

Секретъ обаянія таланта въ подобныя эпохи „просвѣщенія“ заключается единственно въ художественности, въ живомъ и стройномъ воспроизведеніи того, что каждый изъ насъ, безъ всякаго таланта, видитъ ежедневно предъ своими глазами во всей наготѣ. Вотъ почему, — не знай мы даже стиховъ Некрасова, но если только намъ извѣстно впечатлѣніе, которое они производили на общественное сознание, на общественную волю, — и мы не поколеблемся признать его замѣчательнымъ художникомъ. Любопытно при этомъ, что Некрасовъ не только хорошо понималъ и дѣнилъ значеніе художественности, но горько сожалѣлъ, что не всегда его талантъ могъ имѣть для себя главное ея условіе — онъ не всегда могъ быть независимымъ во всѣ стороны. Вѣроятно, въ одну изъ минутъ тяжелаго раздумья у него вырвалось, такъ-сказать, изъ груди замѣчательное восклицаніе:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ!

Въ переводѣ съ поэтического языка это значитъ: „при другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ, я былъ бы полнымъ представителемъ искусства; но опять я не могъ быть и общественнымъ дѣятелемъ, потому что все-таки я родился для пѣсней“. Это — не скромность; напротивъ: это — сознаніе своей внутренней силы, вынужденной расходовать себя не столько на творчество, сколько на обходъ всякихъ житейскихъ препятствій, на тщетную борьбу съ ними, изъ которой не всегда можно выдти цѣлымъ. Пусть будущій биографъ поэта остановится и подумаетъ надъ смысломъ этого знаменательнаго самоотрицанія; комментарий къ нему, оставленный Некрасовымъ въ его обращеніи къ памяти Шиллера, еще не полонъ, и выражаетъ только тоску о другихъ эпохахъ, когда поэтъ можетъ отдаваться свободно и всецѣло задачамъ искусства:

Гдѣ вы — пѣвцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Вѣтъ „крови и меча!“
На тронъ земли ты посадилъ банкира,
Провозгласилъ героемъ налача...
Толпа гласитъ: „пѣвцы не нужны вѣку!“
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
О, кто-жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?..
Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись! Волшебный фатагъ свой,
Погаженный рукою дерзновенной,
Вновь засѣти надъ глѣбущею толпой!

Годъ тому назадъ, въ февралѣ, еще до операціи, выслушивая у постели больного его различныя воспоминанія изъ различныхъ эпохъ его жизни, мы просили у него позволенія дѣлать замѣтки съ тѣмъ, чтобы, изложивъ ихъ послѣ, по его словамъ, въ слѣдующій разъ, какъ говорится, мы читали протоколъ предыдущаго нашего засѣданія, а потомъ онъ будетъ рассказывать дальше — или дополнить и исправить предыдущее. Къ сожалѣнію, эта мысль пришла намъ въ голову слишкомъ поздно: болѣзнь не ждала исполненія всей программы, и дѣло остановилось на первомъ періодѣ, до оставленія Некрасовымъ здѣшняго университета (1821—1841 гг.). Затѣмъ должны были послѣдовать эпохи подготовительной литературной школы и опытовъ (1841—1846 гг.), и наконецъ, 30-ть лѣтъ журнальной дѣятельности (1847—1877 гг.), съ небольшимъ перерывомъ между „Современникомъ“ и „Отечественными Записками“. Около того времени, въ мартѣ или въ апрѣлѣ прошлаго года, выходилъ въ свѣтъ

новый выпускъ „Русской Библиотеки“ (VII), съ выборомъ изъ стихотвореній Некрасова, и въ немъ появился тотъ очеркъ жизни поэта, въ томъ видѣ, какъ мы успѣли его набросать съ его словъ. Въ виду общаго интереса, мы позволимъ себѣ перепечатать этотъ очеркъ здѣсь, такъ какъ „Русская Библиотека“ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ свою публику и находится въ рукахъ у немногихъ ¹⁾.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился, 22-го ноября 1821 года, въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ одномъ изъ мѣстечекъ, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексій Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Съ ея семьей отецъ Некрасова познакомился въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій приобрѣлъ обширныя помѣстья на извѣстныхъ въ то время правахъ посессионера. Оставивъ службу съ чиномъ майора, отецъ Некрасова поселился окончательно въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой. Многочисленное семейство (всего было 13 братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ теперь въ живыхъ два брата Н. А. Некрасова, Константинъ и Федоръ Алексѣевичи, и одна сестра, Анна Алексѣевна), процессы по имѣнію—все это ставило нерѣдко главу семейства въ затруднительное положеніе.

Николай, въ 1832 году, былъ отданъ въ ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятаго класса. Проведя все свое дѣтство въ деревнѣ, онъ и во время обученія возвращался туда же при каждомъ удобномъ случаѣ: весною — на

¹⁾ Въ самомъ концѣ прошлаго года явился въ свѣтъ второй выпускъ изданія г. Баумана: „Русскіе современные дѣятели“; между прочимъ, тамъ помѣщенъ портретъ Н. А. Некрасова съ биографическимъ очеркомъ, который, къ нашему удивленію, подписанъ А. Михайловымъ, въ качествѣ автора. Если сравнить помѣщенный нами наверху текстъ нашего очерка съ текстомъ очерка г. Михайлова, то наше удивленіе будетъ совершенно понятно. Вотъ текстъ г. Михайлова:

„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился 22-го ноября 1811 г. (I), въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ одномъ изъ мѣстечекъ, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексій Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Съ ея семьей отецъ Некрасова познакомился въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій приобрѣлъ обширныя помѣстья на извѣстныхъ въ то время правахъ посессионера. Оставивъ службу съ чиномъ майора, отецъ Николая Алексѣевича поселился окончательно въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой. Многочисленное семейство, процессы по имѣнію, хлопоты и заботы нерѣдко ставили главу семейства въ затруднительное положеніе. У Николая Алексѣевича всего было тринадцать братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ теперь въ живыхъ два брата, Константинъ и Федоръ Алексѣевичи, и одна сестра, Анна Алексѣевна“.

„Въ 1832 году Н. А. былъ отданъ въ ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятаго класса. Проведя свое дѣтство въ деревнѣ“, и т. д.

До сихъ поръ г-ну А. Михайлову, какъ автору, принадлежить ошибка въ годъ рожденія Некрасова, и то, что сказано у насъ въ скобкахъ, у него—безъ скобокъ. Затѣмъ продолжается въ запискѣ г-на Баумана такая же дословная переписка нашего текста до самаго конца, за исключеніемъ послѣднихъ строкъ (гдѣ нами объяснено,

песку, гітотъ—на камікули, зимою—на сніжки. Одно время оно очень было исправникомъ; онъ любилъ часто, скуки ради, брать сына Николая въ разлѣзды по дѣланъ лубжб; такимъ образомъ, мальчикъ 12—13-ти лѣтъ присутствовалъ при различныхъ сценахъ народной жизни, при свѣдѣствіяхъ, при вскрытіи труновъ, а иногда и при расправахъ во вкусъ прежняго времени. Все это производило глубокое впечатлѣніе на ребенка, и рано, въ живыхъ картинахъ, знакомило его съ тогдашними, часто снымихъ тяжелыми условіями народной жизни.

Отець Некрасова всегда желалъ, чтобы его сынъ наследовалъ его знаніе и поступилъ въ военную службу. Въ свѣдствіе того молодой Некрасовъ долженъ былъ рано оставить гимназій, и въ 1839 году отправился въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній дворянскій полкъ, на Петербургской сторонѣ. Пріятель отда, ярославскій прокуроръ Полозовъ, далъ письмо къ своему брату, начальнику III-го округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, который въ свою очередь отрекомендовалъ молодого человѣка Я. И. Ростовцеву—и дѣло было почти рѣшено. Но Некрасовъ встрѣтилъ въ Петербургѣ своего ярославскаго товарища Глушицкаго, университетскаго студента, и случайно познакомился съ профессоромъ духовной семинаріи Дм. Ив. Успенскимъ; они возбудили въ немъ такую охоту учиться, что онъ откровенно признался жемѣ генерала Полозова: вмѣсто дворянскаго полка, ему было бы желательнѣе поступить въ университетъ. Полозовы одобрили его намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Черезъ него скоро узналъ обо всемъ и отецъ Некрасова. Гнѣвъ отда не остановилъ молодого человѣка, который въ свѣдствіе того увидѣлъ себя предоставленнымъ своей собственной судьбѣ.

Между тѣмъ друзья, Глушицкій и Успенскій, взяли на себя приготовленіе Некрасова къ вступительному экзамену въ университетъ, и Успенскій занимался съ нимъ съ такимъ успѣхомъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ ему на приемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 «съ плюсомъ»; но въ физическихъ наукахъ самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ финки онъ не можетъ получить отлѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже пріобрѣтена на экзаменѣ изъ географіи у проф. Басторскаго.

то намъ текстъ писанъ со словъ Некрасова) и со вставкою въ двухъ мѣстахъ замеченій изъ фельетоновъ газеты. Мы упоминаемъ на это довольно рѣдкое явленіе въ литературѣ во извѣстнѣ недоразумѣній. На обоихъ наданныхъ замечаніяхъ одинъ и тотъ же годъ: въ одномъ текстѣ объявлено, что онъ писанъ со словъ Некрасова, а въ другомъ объявлено, что это сочиненіе А. Михайлова. Эти два утвержденія не могутъ быть справедливыми вмѣстѣ; одно изъ нихъ ложно; весьма также допустить подобнаго случая буквального совпаденія текста двухъ авторовъ. Или „Русская Библиотека“ поступила неэкономично: переписала статью А. Михайлова и еще выдала ее за написанную со словъ Некрасова; или г-нъ А. Михайловъ выдалъ г-ну Вауману переписку чужого труда за авторскій трудъ. Такъ какъ на обоихъ наданныхъ стоятъ одинъ и тотъ же годъ (1877), то послѣдствіемъ нужно будетъ навести справки, а теперь, въ объясненіе этого страннаго случая можно сказать еще не наматъ, что томъ VII-й „Русской Библиотеки“ вышелъ осенью 1877 года, а томъ II-й „Русскихъ современныхъ дѣтелей“—зимомъ 1877-78 года.

Въ виду такого печальнаго обстоятельства Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отиѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ — историко-филологическій), и обнадѣшилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтъ. На основаніи этого обѣщанія Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, а вслѣдствіе того въ совѣтъ о немъ вовсе не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ Исакиевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то его догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839—1841 годовъ. Некрасовъ поселился на Малой-Охтѣ; средства къ жизни приходилось добывать уроками, корректурой и литературными попытками; еще до поступления въ университетъ онъ писалъ стихи, и первое его стихотвореніе «Мысль» было напечатано, въ 1838 г., въ «Синѣ Отечества». Но деньги, добываемыя подобными трудами, были очень скудны; нѣрѣдко приходилось Некрасову вмѣстѣ съ товарищемъ Глушицкимъ и ихъ единственнаго слугою довольствоваться пятнадцатыми въ день.

Въ тѣ времена преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человѣкъ, съ бюджетомъ чуть не нѣсколькихъ копѣекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ,—и не только сближался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ кейпловъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульных товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взрослый въ деревнѣ, и тутъ-то онъ ознакомился впервые съ обиходною жизнью и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему невѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя, деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязаніи тогда имъ связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ—и хорошо знакомы. Новые впечатлѣнія столкнулись въ Некрасовѣ съ первыми воспоминаніями изъ деревенской жизни, совсѣмъ иного рода, и этотъ контрастъ окончательно опредѣлилъ будущій характеръ его поэзіи. Къ этому присоединилась другая противоположность, лично испытанная имъ: при близости съ молодежью болѣе тѣмъ достаточною, беззаботною и наслаждающеюся, онъ самъ терпѣлъ на каждомъ шагѣ много тяжелыхъ ищаний и съ трудомъ добывалъ кусокъ насущнаго хлѣба. Нечего было и думать серьезно объ университетской наукѣ и правильномъ окончаніи курса, при такой обстановкѣ, требовавшей почти всего времени на добываніе самыхъ первобытныхъ средствъ къ существованію.

Между тѣмъ литературныя способности и наклонности позволяли молодому

человѣку выступить на арену общественной жизни немедленно, безъ всякихъ экзаменовъ, какихъ потребовала бы научная дорбга, да и притомъ литературные труды окунались на мѣстѣ въ водъ хотя бы и скучнаго гоморара, въ то время какъ научный трудъ требовалъ на себя затраты уже готовыхъ денегъ. Еще въ 1839 г. Некрасовъ восмалъ свои первые опыты въ «Литературную Газету», издаваемую тогда А. А. Краевскимъ, и въ «Отечественныя Записки», а въ 1840 г. онъ рѣшился вынустить въ свѣтъ собраніе перныхъ своихъ перныхъ стихотвореній, водъ названіемъ «Метты и Звука»,—но съ одновъ перныхъ начальныхъ буквъ имени и фамили: дѣло шло не о славі, а о кускѣ насущнаго хлѣба. Будущій его пріятель, Блинскій, строго отговался объ этомъ собраніи; но къ юному поэту отнеслись снисходительно Жуковский и Полевой, въ «Библиотекѣ для Чтенія». Въ 1841 году, Некрасовъ рѣшился всеімъ оставить университетскія лекціи, и съ того времени для него открылась въ тогдашнихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ новая школа, продолжавшаяся пять лѣтъ (1841—1846) и заключившаяся въ 1847 году рѣшительнымъ выступленіемъ его на журнальное поприще: вмѣстѣ съ Панаевымъ онъ пріобрѣлъ у П. А. Шестова издательское право на «Современникъ», основанный въ 1836 году Пушкинымъ.

Этотъ періодъ литературной школы можно считать опредѣляющимъ въ жизни Некрасова и вмѣстѣ самымъ тяжелымъ въ матеріальномъ отношеніи. Подъ гнетомъ ежедневной нужды онъ пробовалъ свои силы вслѣдствіе—дале писалъ водевилы для Александринскаго театра, водъ псевдонимомъ Перенескаго ¹⁾, предпринималъ различныя изданія: такъ, въ 1845 г. вышла его «Физиологія Петербурга»; въ 1846 году имъ изданъ былъ замѣчательный «Петербургскій Сборникъ», какъ разъ уже наканунѣ журнальнаго поприща. Въ этотъ періодъ завязались у Некрасова тѣ литературныя связи, которыя опредѣлялись его дальнейшая журнальная дѣятельность и ея характеръ. При этомъ существенное мѣсто принадлежало вліянію Блинскаго.

Съ 1847 года начинается періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, которая, за небольшимъ перерывомъ (1866—67 гг.), продолжалась до настоящаго времени, въ теченіи тридцати лѣтъ: съ 1847 по 1866 г. въ «Современникѣ», и съ 1868 года въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этотъ періодъ жизнь его тѣсно связана съ исторіей упомянутыхъ журналовъ, которые онъ редактировалъ или одинъ, или вмѣстѣ съ другими своими сотрудниками, и гдѣ онъ помѣщалъ все свои произведенія этой эпохи.

Последнее полное собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова вышло въ 1878—74 годахъ и составило шесть частей въ трехъ томахъ; въ 1877-мъ году къ этому собранію присоединилась, въ видѣ дополненія, особая книга подъ заглавіемъ: «Последнія пѣсни Н. Некрасова 1874—77 годовъ».

Возвращаясь опять къ памяти Некрасова, къ тѣмъ чертамъ его біографіи, которыя записаны, такъ-сказать, имъ самимъ въ его же поэтическихъ трудахъ, мы не можемъ не признать въ его поэзіи дру-

¹⁾ „Шла въ хлѣбъ не утани“, ориг. водев. 1841 г.; „Ѳ. А. Вобъ“, ориг. водев. 1841 г.; „Актёръ“, ориг. водев. 1841 г.; „Вотъ что значить влюбиться въ актрису“, перев. водев. 1841 г.; „Дядушкины конугалы“, перев. водев. (Хроника Петерб. театр. 1826—1855 гг., А. И. Вольфа. Сиб., 1877).

гихъ двухъ періодовъ, которые были прожиты и нашимъ обществомъ на пространствѣ послѣднихъ почти сорока лѣтъ. Какъ-разъ на рубежѣ этихъ двухъ періодовъ, въ 1856 году, Некрасовъ произнесъ свой памятный стихъ, — и думаемъ — вовсе не случайно:

Замолки, Муза мести и печали,
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мнѣ съ тобою прокинула...

— такъ тогда говорилъ поэтъ, какъ-бы обращаясь къ прежней своей дѣятельности въ ея предшествовавшую эпоху, и чувствуя вѣяніе грядущихъ временъ; но въ опасеніи, что „муза любви“ будетъ слабѣе „музы мести“, онъ заключаетъ это стихотвореніе великолѣпнымъ аккордомъ:

Тѣ сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть!

Это было обращеніе поэта къ самому себѣ, къ своимъ силамъ; онъ думалъ, что наступаетъ время, когда нужна будетъ одна любовь, а сердце его уже „устало ненавидѣть“; но опасенія поэта не сбылись, или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ сбылись: старая муза нашла себѣ въ новомъ времени новую пищу, она оставалась съ поэтомъ до конца дней, — и тѣмъ не менѣе онъ былъ отчасти правъ: во второмъ періодѣ, его „муза мести и печали“ уже не всегда представляетъ одинаковую энергію, замѣтны иногда колебанія, какъ-бы уступки, — но разъяснить все это во всѣхъ подробностяхъ и въ связи съ теченіемъ времени, это — задача біографа.

М. С.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 декабря 1877 г. по 20 января 1878 года.

Если бы послѣ взятія Плевны 28 ноября, войска наши двинулись прямо на Шипку и оттуда на Адрианополь, то могла бы повториться прежняя ошибка: необеспеченность праваго фланга общей операционной линіи. На Большомъ-Балканѣ и на этропольскомъ Балканѣ, турки имѣли въ то время около 50 тысячъ человекъ. Эти силы раздѣлялись на армію Весселя-пашы у Шипки и армію Мехмета-Али-пашы въ Арабъ-Конакѣ, на софійскомъ шоссе. Но силы турокъ за Бадманами, какъ то и удостовѣрили позднѣйшія событія, могли скоро возрасти. Черезъ какую-нибудь недѣлю послѣ паденія Плевны, за Бал-

новомъ, передъ Адрианополемъ былъ уже Сулейманъ-паша, привезшии моремъ 40 тысячъ чел. изъ четырехугольника думалинскихъ крѣпостей Игаль, двингась впередъ, хоти бы ибсладными полками, чрезъ Большой-Балканъ, прямо на Адрианополь, ни кѣмъ бы предъ собой 40 т. никкинской арміи и 40 т. арміи Сулеймана, и на правыхъ своихъ флангѣ оставили бы 25 т. чел. Мехмета-Али, и могли ожидать, что оны, въ соединеніи съ подошедшею къ нему частью арміи Сулеймана, ударить нагъ во флангъ изъ Филиппополя, изъ Татаръ-Базарджика или Иггана.

Поэтому, необходимо было прежде всего обезпечить себя съ этой стороны, очистить отъ турецкихъ войскъ крѣпкія позиціи этропольскаго Балкана и обходить движеніемъ на Игганацъ, Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь такъ сказать свести и уничтожить всѣ неприступныя силы къ западу и отъ нашего движенія къ центрѣ Большого-Балкана. Не будь это сдѣлано, не могло бы состояться и блестящее извѣстіе всей никкинской арміи, потому что Сулейманъ, съ главными силами, непрекѣнно пришелъ бы къ ней на помощь. Между тѣмъ, движеніе нашей западной арміи по софійскому шоссе отвлече главные силы турокъ (около 40 т. чел.), подъ начальствомъ Сулеймана, къ западу, на помощь софійскому турецкому отряду (25—30 т. ч.) и, уничтоживъ эти турецкія силы на западѣ же, въ болѣе при Танкисетѣ, Бугаровѣ, Филиппонолѣ и за Хаскюбенъ, открыло свободный путь наступленію на Адрианополь центральной нашей арміи, которая въ то же время колонна никкинскую армію Весселя-паша (32 т. чел.), единственную, которая оставалась передъ нею, благодаря отвѣченію Сулеймана на западѣ. Такимъ образомъ, безъ дѣйствій генерала Гурко на западѣ былъ бы немислимъ успѣхъ генерала Радецаго въ центрѣ; безъ натиска генерала Радецаго въ центрѣ, ни къ чему не привело бы движеніе генерала Гурко съ запада.

Такова была связь операцій двухъ нашихъ балканскихъ арій. Движенія ихъ впередъ до такой степени дополнили одно другое, что совокупность ихъ представила полное подобіе впередъ разработаннаго точнаго общаго плана дѣйствій. И дѣйствительно, въ телеграммѣ 29 декабря былъ изложенъ такой планъ: форсировать Балканы, съ двухъ сторонъ—въ этропольско-софійскихъ и въ траяно-никкинскихъ проходахъ; первое дѣло было поручено генералу Гурко, второе—генералу Радецкому, между которыми, соотвѣтственно тому, и были распредѣлены подкрѣпленія изъ главныхъ силъ, освободившихся взятіемъ Плевны. Такой планъ могъ возникнуть и дѣйствительно возникъ только послѣ наденія Плевны, т.-е. послѣ 28 ноября. Но дѣло въ томъ, что все направленіе дѣйствій западнаго отряда опредѣлялось само-собой гораздо раньше: еще 11 ноября былъ взятъ Правецъ, а 12-го—Этрополь, то-есть, начато генераломъ Гурко наступленіе

противъ софійской арміи (Мехмета-Али); 19 ноября, то-есть за девять дней до взятія Плевны, войска Гурко уже вступили въ Ваба-Конакскій перевалъ чрезъ Балканы, и 20-го уже заняли позицію для обстрѣливанія Арабъ-Конака, мѣстѣ расположенія главныхъ турецкихъ силъ, встали на эту позицію пушки, а 21-го отбили нападеніе на нее непріятеля, и затѣмъ начали бомбардировку Арабъ-Конака; до взятія Плевны одна изъ колоннъ ген. Гурко уже была на южномъ склонѣ Балванъ. Затѣмъ, дѣйствія западнаго отряда приостановились по распоряженію изъ главной квартиры и возобновились только тогда (чрезъ 18 дней), когда къ ген. Гурко прибыли посланные ему изъ-подъ Плевны подкрѣпленія: 3-я гвардейская дивизія и 9-й корпусъ. Но тѣмъ не менѣе, самое сравненіе чиселъ ясно доказываетъ, что вся сущность плана, принятаго и осуществлявшагося послѣ взятія Плевны, уже опредѣлилась заранѣе сама-собою, движеніемъ и дѣйствіями западнаго отряда на софійской дорогѣ, отъ Телиша на Орханіе, до Арабъ-Конака и на южный склонъ Балванъ. При этомъ, уже само-собою разумѣлось, что изъ центра будетъ сдѣланы главными силами натискъ къ югу, почти подъ прямымъ угломъ къ обходному движенію войскъ гвардіи и 4-го корпуса. Все сказанное для уясненія дѣйствительнаго хода событій нисколько, однако, не уменьшаетъ ни доли общаго распоряженія въ обезпеченіи конечнаго успѣха, ни блестящей заслуги генерала Радецкаго, взявшаго въ плѣнъ на Шипкѣ армію въ 32 т. чел., т.-е. всего на 12 т. чел. меньше, чѣмъ было взято въ Плевнѣ. -

Главные этапы побѣдоносной балканской кампаніи можно обозначить слѣдующими не многими числами: 13 декабря ген. Гурко возобновилъ свое движеніе изъ Орханіе въ обходъ Арабъ-Конака и 19 декабря разбилъ турокъ у Ташкисена; 21 декабря, одна изъ колоннъ центральной арміи (Радецкаго), подъ начальствомъ ген. Карцова, форсировала Траянскій проходъ, составляя правый флангъ центральной арміи, между тѣмъ какъ лѣвому ея флангу, корпусу ген. Деллингсгаузена, поручено было перейти чрезъ Балканы у Твардицы; 23 декабря ген. Гурко уже вступилъ въ Софію, а 28 декабря главныя силы центральной арміи ген. Радецкаго, окруживъ шипкинскую армію Весселя-паши, взяли ее въ плѣнъ съ боя; 3 января, войска ген. Гурко разсѣяли отступавшую предъ ними армію Сулеймана у Филиппополя, разрѣзавъ ее на двѣ части, а 5—въ битвѣ при Дермендере уничтожили ту ея половину, которая была подъ начальствомъ Фуада-паши; 7 января, остальная часть арміи Сулеймана, преслѣдуемая передовымъ отрядомъ ген. Гурко, подъ начальствомъ гр. Шувалова 2-го къ Хаскию, была разсѣяна казаками этого отряда, и остатки ея, потерявъ всю свою артиллерію (110 пушекъ) бросились въ сторону отъ Адрианополя, на югъ, въ горы, по направленію къ

Галлиполи; наконецъ, 8 января, кавалерія передового отряда ген. Радецкаго, дивизія ген. Скобелева, состоявшая подъ начальствомъ ген. Струкова, заняла Адрианополь.

Вотъ бѣглый обзоръ всей этой кампаніи, со времени возобновленія дѣйствій западнаго отряда. Такъ какъ разработка дороги къ Арабъ-Конаку была начата въ арміи ген. Гурко еще 9-го декабря, то мы можемъ принять, что возобновленіе и окончаніе забалканскаго похода взяли ровно мѣсяць: съ 9-го декабря по 8-е января.

Уяснивъ общую связь операцій и бросивъ затѣмъ взглядъ на главные ихъ, хронологическіе этапы, мы должны теперь кратко прослѣдить каждую изъ главныхъ отдѣльныхъ операцій по линіямъ ихъ. Рисунокъ этихъ линій представляетъ подобіе вѣера, котораго рукоятка находилась бы въ Адрианополѣ, а лучи расходились бы къ западу, сѣверу и сѣверо-востоку. Этотъ вѣеръ по бокамъ имѣетъ двѣ каймы, а на окружности, въ самой срединѣ,—точку. Каймы эти—линіи отступленія турокъ; съ одной стороны отъ Арабъ-Конака на Сонаково, Филиппополь и горы Деспото-дага и на Галлиполи; съ другой стороны—отъ Казана на Сливно и къ востоку отъ Адрианополя—на Караглису и Чатаджиу.

Итакъ, обратимся сперва къ западной линіи нашего концентрическаго наступленія къ Адрианополю—къ пути ген. Гурко. Читатель можетъ начертить себѣ движеніе какъ этой арміи, такъ затѣмъ и отрядовъ арміи центральной, по названіямъ городовъ, которые мы должны будемъ привести.

Выставивъ небольшую кавалерійскую команду въ горахъ, у Чурьяка, впереди Врачеша, ген. Гурко приступилъ, 9-го декабря, къ разработкѣ дороги въ обходъ къ западу арабъ-монакской позиціи на софійскомъ шоссе; 13-го возобновилось наступленіе, двумя колоннами: изъ Орхалие на Чурьякъ и отъ Врачеша на Жилаву. Труды и лишения, сопровождавшіе этотъ походъ, у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Вообще о переходѣ Балкана всѣми нашими войсками, какъ западной, такъ и нѣкоторыхъ частей центральной арміи, надо замѣтить, что нѣчто подобное въ новѣйшія времена представлялось только походомъ Суворова въ Швейцарію въ 1799 году. Движенье переходило Балканы, въ 1829 году, дѣтскимъ. Но и Суворовъ совершалъ походъ въ горахъ въ сентябрѣ; теперь же двѣ массы войскъ, въ 70 т. чел. каждая, двигались чрезъ обледѣвшіе Балканы, съ артиллерією, несравненно болѣе тяжелою, чѣмъ прежняя, глухой зимой, отъ половины декабря до Рождества. Въ арміи ген. Гурко не было и теплой одежды; шесть дней подъ-рядъ длилась изнурительная работа, состоявшая въ томъ, чтобы обходить постепенно одну неприступную позицію за другою и избирая себѣ позиціи противъ тѣхъ, втаскивать на нихъ орудія, причемъ иногда надъ однимъ орудіемъ

бились по нѣскольку часовъ, и оно задерживало прочія. Люди впрягались въ орудія съ лошадьми и волами и, порою, унавъ въ изнеможеніи на снѣгъ, уступали неодолимому сну и такъ и спали, выраженные въ орудія. Переходы совершались преимущественно по ночамъ, чтобы скрыть ихъ до времени отъ непріятеля. Солдаты и генералы спали на снѣгу. При этихъ трудностяхъ былъ примѣръ, что 8 верстѣ неимовернаго пути потребовали цѣлыхъ полу-сутокъ. Естественно, что обходъ былъ труденъ, потому что онъ совершался по такимъ путямъ, которые турками считались непроходимыми. Къ 19 и 18 декабря обѣ колонны ген. Гурко соединились въ Чурьякѣ, такъ какъ командующій узналъ, что турки занимаютъ большими силами Ташкисенъ, къ юго-западу отъ Арабъ-Конака, что и заставило приблизить сюда обѣ колонны.

Не давъ себѣ никакого отдыха послѣ шестидневной необычайной работы, та колонна, которая вышла изъ Орханіе, атаковала турецкую позицію у Ташкисена, а между тѣмъ главные силы ген. Гурко сдѣлали демонстрацію противъ позиціи Арабъ-Конака и Шандорника, удерживая бывшія тамъ главные силы непріятеля. Отрѣзанные отъ Арабъ-Конака, турки стали отступать изъ Ташкисена, и наши войска ворвались туда съ тыла. Между тѣмъ, та колонна, которая слѣдовала изъ Врачеша, направлена была отъ Чурьяка къ Софіи и у Горняго-Бугарова разбила непріятельскій отрядъ, выступившій на встрѣчу ей изъ Софіи. Въ бояхъ при Ташкисенѣ и Бугаровѣ наши войска овладѣли 10-ю орудіями, большимъ числомъ плѣнныхъ, цѣлымъ англійскимъ походнымъ лазаретомъ и нанесли непріятелю большой уронъ (не опредѣленный, впрочемъ, съ точностью въ телеграммахъ), а сами лишились 550 чел. Послѣдствіями этихъ боевъ были: выходъ западной арміи изъ горъ въ комарційскую и затѣмъ софійскую долины и взятіе Софіи, куда ген. Гурко и вступилъ 23 числа. Взятіе Софіи русскими произвело въ Константинополѣ тревогу; Мехметъ-Али былъ отозванъ, а главное распоряженіе дѣйствіями турецкой софійской арміи было поручено Сулейману, чьи войска, по всей вѣроятности, уже участвовали въ бою при Ташкисенѣ.

Сулейманъ началъ отступление по двумъ направленіямъ: часть арміи, подъ начальствомъ Фуада, онъ направилъ на Татаръ-Базарджикъ, чрезъ укрѣпленныя позиціи, Ихтиманъ и Соматово, а съ другою частью самъ двинулся прямо вдоль Балканъ къ Филиппополю. Въ этомъ городѣ обѣ части его арміи должны были соединиться. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ ташкисенскаго боя, ген. Гурко, направившись самъ, съ главными силами, къ Софіи, выслалъ для преслѣдованія турокъ отряды: генерала Дандевилля съ Ваба-Горы на Златицу, и генерала Каталея отъ Арабъ-Конака на Мирково, западнѣе Златицы, кавалерію же выслалъ къ Петричеву, предназначая ей от-

рѣзать путь отступленія той части арміи, которую велъ самъ Сулейманъ. Златица и Мирково были заняты 21-го, а Петричево 22-го числа, причѣмъ при Златицѣ у насъ погибли изъ строя три генерала 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи: начальникъ ея Каталей, Философовъ и Мирковичъ. Первый былъ убитъ, второй умеръ отъ ранъ. Для пресѣченія отступленія и другой части сулеймановой арміи, были разсланы кавалерійскіе отряды къ Ихтиману и Сомакову. Но пути отступленія туркамъ все-таки отрѣзаны не были; наши войска впоследствии ихъ только преслѣдовали, но участь арміи Сулеймана была рѣшена уже послѣ, полнымъ разсѣяніемъ ея у Филиппополѣ.

Послѣ восьмидневныхъ изнурительныхъ трудовъ, нельзя было предпринимать новаго форсированнаго похода на 150 верстъ (до Филиппополя) съ пѣхотою и артиллеріею, не давъ войскамъ отдохнуть хоть дня два-три. Генералъ Гурко воспользовался этимъ отдыхомъ для занятія Софіи, которому онъ справедливо придавалъ политическое значеніе. Обѣ столицы Болгаріи — Тырново и Софія находились уже въ нашихъ рукахъ; замѣтимъ, что обѣ были взяты тѣмъ же генераломъ. Преслѣдованіе турокъ продолжалось колоннами генерала Гурко: генерала Вельяминова, которая 30-го декабря шла съ боя Сомаково; генерала графа Шувалова, которая преслѣдовала чрезъ оставленный непріятелемъ Ихтиманъ, и 30-го же числа прошла мимо также оставленной позиціи у Траяновыхъ-Воротъ (Вѣтронова), идя прямо на Базарджикъ; наконецъ, третья колонна — на Петричево и вдоль рѣки Топольницы. Всѣ эти три колонны направлялись на Татаръ-Базарджикъ и, по занятіи этого города графомъ Шуваловымъ, соединились тамъ. Но и обѣ части арміи Сулеймана должны были соединиться верстахъ въ 45-ти позади Татаръ-Базарджика — въ Филиппополѣ; ихъ-то соединеніе и слѣдовало предупредить. Это было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Сулейманъ 3-го января уже прошелъ Филиппополь, но оставался, ожидая прибытія Фуада; въ Филиппополѣ находился арріергардъ Сулеймана, а Фуадъ приближался къ нему отъ Татаръ-Базарджика. Къ этому времени войска генерала Гурко, благодаря усилленнымъ переходамъ, настигли Фуада у самаго Филиппополя и, атаковавъ 3-го января Сулеймана, отрѣзали отъ него Фуада, который былъ отброшенъ къ югу, на Держендере. Сулеймана изгнала изъ Филиппополя колонна генерала барона Крюденера, которая и заняла этотъ городъ; а Фуада отбросили колонны генераловъ: графа Шувалова и Шильдера-Шульднера, которые, чтобы атаковать его, должны были перейти въ бродъ, при ледоходѣ, рѣчку Марицу (причемъ часть пѣхоты была перевезена гвардейскими драгунами). Замѣтимъ генералъ Гурко направилъ 4-го января, по среднему пути

между ливіями отступленія Сулеймана и Фуада, а именно на городъ Станимаку (къ юго-западу отъ Филиппополя) колонну генерала Дандевилля съ гвардією, а на Дермендере двинулъ колонны генераловъ: графа Шувалова, Шильдера-Шульднера и Вельяминова. Фуадъ, отбиваясь отъ нихъ въ Дермендере, выслалъ свой авангардъ къ Станимакъ, гдѣ онъ и былъ встрѣченъ и разсѣянъ колонною Дандевилля. На слѣдующій день, всѣ войска генерала Гурко соединились съ этою колонною и атаковали отрядъ Фуада, который, бросивъ свою артиллерію, окончательно разсѣялся въ горахъ Деспото-Дага. Кавалерія же генерала Дандевилля преслѣдовала Сулеймана, отступавшаго, въ разстройствѣ, на Хаскской,—горами, по направленію къ Адрианополю; 7-го января Сулейманъ былъ настигнутъ нашей кавалерією и былъ найденъ уже въ такомъ положеніи, что одинъ казачій полкъ Грекова отнялъ у него съ боя 40 орудій. При этомъ преслѣдованіи, войска генерала Гурко, въ сраженіяхъ у Филиппополя и Дермендере, взяли 110 орудій, около 3-хъ тысячъ плѣнныхъ, а однихъ убитыхъ у турокъ было 4 тысячи человекъ, что предполагаетъ полное уничтоженіе, по меньшей мѣрѣ, половины всей арміи Сулеймана. На нашей же сторонѣ вся потеря въ войскахъ западной арміи, съ 13-го декабря по 5-ое января, была около 1,200 человекъ,—цифра весьма малая въ сравненіи съ достигнутымъ результатомъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ арміи центральной—генерала Радецкаго. Ея общая операціонная линія была гораздо короче, чѣмъ у западной арміи. Если считать отъ Шипки до Херманлы—пункта, гдѣ обѣ арміи пришли въ соприкосновеніе—то линія центральной арміи окажется втрое короче, чѣмъ линія западной арміи. Сверхъ того, здѣсь, на Шипкѣ, все дѣло было рѣшено однимъ ударомъ: 21-го декабря только началось движеніе праваго фланга (генерала Карцова), а 28-го уже вся шипкинская армія находилась въ плѣну. Остальное движеніе впередъ войскъ центральной арміи было уже только ходомъ ея въ Адрианополь, безъ преслѣдованія непріятели, такъ какъ непріятель остался въ тылу—военноплѣннымъ. Вотъ почему и изложеніе операцій центральной арміи можетъ быть весьма коротко, хотя мы прослѣдимъ и здѣсь отдѣльные пути каждаго изъ главныхъ отрядовъ.

Генералъ Радецкій, командиръ 8-го корпуса, отстоявшій Шипку въ прошломъ августѣ отъ отчаянныхъ атакъ Сулеймана-пашы, продолжалъ занимать передовымъ своимъ отрядомъ шипкинскій перевалъ, т.-е. находящійся въ немъ фортъ св. Николоя; но выходъ изъ перевала на югъ и деревня Шипка были во власти турокъ еще съ августа. Много лишений и трудовъ пришлось перенести защитникамъ шипкенскаго перевала въ продолженіи этихъ 4½ мѣсяцевъ. Сперва

много разъ возобновлявшися нападенія турокъ и безпрестанную верестрѣлку, потомъ всѣ ужасы зимы, въ проходѣ между горами, гдѣ поднимались такіе снѣжные бураны, что даже въ баракахъ нельзя было разводить огня, и приходилось грѣться только помѣщеніемъ въ нихъ же и животныхъ. Другія подчиненныя ген. Радецкому части находились въ Габровѣ, Тырновѣ, Сельви и Ловчѣ. Послѣ взятія Плевны, когда уяснился окончательный планъ кампаніи, изъ войскъ, освободившихся подъ Плевною, въ поддержаніе къ ген. Радецкому были посланы: 16-я дивизія ген. Скобелева 2-го съ 3-мя стрѣлковыми батальонами; 30-я дивизія, болгарское ополченіе, 3 кавалерійскіе полка и 1 казачій. О составѣ войска ген. Карцова мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, и даже не знаемъ опредѣлительно, былъ ли онъ прямо подчиненъ ген. Радецкому, хотя надо полагать, что былъ, такъ какъ, назначенный для перехода черезъ Траянскій переваль, онъ составлялъ правый флангъ центральной арміи, подобно тому, какъ командиръ 11-го корпуса ген. Деллинггаузенъ, имѣвшій перейти Балканы у Твардицы, составлялъ ея лѣвый флангъ.

Центральная армія двинулась чрезъ Балканы сперва обоними флагами: 21 декабря генераль Карцовъ началъ движеніе чрезъ Траянскій переваль, борясь съ такими же трудностями природы, какъ и ген. Гурко, но двигаясь путемъ гораздо болѣе краткимъ, такъ что ему потребовалось только одно обходное движеніе, а именно съ 24 по 27-е декабря. Дѣло въ томъ, что войска ген. Карцова уже поднялись на горы, и когда въ ночь на 25-е число сдѣлана была рекогносцировка къ южному спуску съ Траянскаго перевала, то оказалось, что выходъ изъ него еще занятъ былъ турками, а потому потребовалось и здѣсь обходное движеніе по горнымъ тропинкамъ, такое же, какія совершались въ западной арміи. Небольшой отрядъ, отправленный въ обходъ турецкихъ позицій, спустился 27-го числа къ деревнѣ Корнаръ и, выбивъ изъ нея турокъ, разбилъ батальонъ, посланный имъ на помощь. Въ это время, ген. Карцовъ, съ остальной частью своихъ силъ, атаковалъ съ фронта турецкую позицію у выхода изъ перевала и овладѣлъ ею; затѣмъ ген. Карцовъ двинулся впередъ по направленію къ Филиппополю и разбѣды его вступали въ этотъ городъ 4-го января, то-есть черезъ день по занятія его колонною западной арміи ген. Криденера. Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ отрядъ ген. Деллинггаузена, какъ уже было сказано, перешелъ Балканы чрезъ Твардицкій переваль, безъ боя, такъ какъ ближайшія къ нему турецкія войска оставались по лѣвой сторонѣ общей операціонной линіи центральной арміи: 25 т. чел. турокъ изъ Казана и Сливно отступали на Ямболъ и далѣе, гораздо восточнѣе Адрианополя, на Каралиссу, стягиваясь къ Константинополю.

Обезпечивъ себя такими движеніями своихъ фланговъ, центральная армія генерала Радецкаго посреди ихъ какъ-бы обняла шипкинскую армію Рассима или Весселя нашей (съ точностью доселѣ неизвѣстно, когда Вессель вступилъ къ командованію) двумя парами клещей: 1) войсками ген. Карцова и ген. Деллингсгаузена съ наружной стороны, на случай наступленія съ фланговъ или на случай, если бы шипкинской арміи удалось ускользнуть изъ тѣхъ ближайшихъ внутреннихъ клещей, какими ее захватили главные силы ген. Радецкаго; и 2) этими силами, которыя выдвинули отъ себя еще двѣ ближайшія обходныя колонны, справа и слѣва отъ Шипки, колонны ген. князя Святополкъ-Мирскаго 2-го и ген. Скобелева 2-го, между тѣмъ, какъ атаку на Шипку съ фронта повелъ самъ командующій арміею, ген. Радецкій.

Черезъ три дня послѣ начала движенія ген. Карцова, а именно 24-го декабря, ген. Радецкій направилъ генераловъ Скобелева и кн. Святополкъ-Мирскаго въ обходъ Шипки, каждая примѣрно на десятиверстномъ разстояніи по той и другой сторонѣ, отъ шипкинскаго шоссе. Колонны эти шли весь день 25-го декабря при сильномъ морозѣ, и заняли 26-го въ тылу Шипки одна—Иметли, другая—Гузovo. Затѣмъ, 27-го числа кн. Святополкъ-Мирскій подошелъ съ тыла къ шипкинской позиціи и, атаковавъ ее, первый выдержалъ отчаянный бой, пока 28-го къ нему на помощь подошелъ съ другой стороны и Скобелевъ. Тогда, т.-е. 28-го числа, ген. Радецкій двинулъ свои главные силы противъ фронта шипкинской позиціи, и результатомъ этой битвы было, что вся армія Весселя-пашы положила оружіе. Здѣсь взято 32 т. чел., самъ Вессель-паша, и еще трое нашей, 280 офицеровъ, 93 орудія и 10 знаменъ. Наша потеря была 5484 чел., въ томъ числѣ 135 офицеровъ, между которыми 2 генерала, Гренквистъ и Домбровскій (ранены).

Дальнѣйшее движеніе центральной арміи было на Адрианополь чрезъ Казанлыкъ, Эски-Загру и Чирнакъ, на Трново (пунктъ соединенія ябольской вѣтви желѣзной дороги съ филиппопольскою), Херманлы, Мустафа-пашу и, наконецъ, Адрианополь. Впередъ былъ посланъ кавалерійскій отрядъ ген. Струкова, который первый и занималъ постепенно Трново, Херманлы и т. д. Въ Адрианополь ген. Струковъ вступилъ 8 января. За нимъ слѣдовалъ весь отрядъ ген. Скобелева 2-го, къ которому принадлежали московскіе драгуны ген. Струкова.

Ген. Скобелевъ два дня занималъ Херманлы, когда въ ночь съ 6 на 7 января, со стороны Хаскюби показался приближавшійся къ Херманлы громадный обозъ остатковъ арміи Сулеймана, сопровождаемый массою бѣгущаго турецкаго населенія. Ген. Скобелевъ вы-

сласть 7 января на встрѣчу неприятелю кавалерійскій отрядъ полковника Панютина, который атаковалъ турокъ и, заставивъ ихъ разбѣжаться, захватилъ обозъ въ 20 тысячъ повозокъ, на которомъ насалось турецкое населеніе. Во время перестрѣлки, жители бѣжали, бросивъ въ обозъ нѣсколько тысячъ дѣтей. Послѣ окончанія боя, наши войска, старавшіяся сколь возможно охранить эти несчастныя существа, созвали бѣжавшихъ матерей и призрѣли турецкія семейства, сопровождавшія неприятельскую армію — размѣстивъ ихъ по окрестнымъ деревнямъ.

Военныя дѣйствія собственно и окончились взятіемъ Адрианополя. Тамъ, въ половинѣ января, соединились двѣ наши арміи: центральная и западная; 14-го числа туда прибылъ главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, съ своимъ штабомъ. Но нѣкоторые отряды были выдвинуты и далѣе Адрианополя, а именно: генералъ Струвовъ занялъ, 13 января, Люле-Бургась, въ трехъ переходахъ къ юго-востоку отъ Адрианополя, по желѣзной дорогѣ, захватилъ тамъ 200 вагоновъ и локомотивовъ и остановилъ 15 тысячъ повозокъ и 50 т. чел. бѣжавшаго населенія, а ген. Шинтниковъ 14 января занялъ Демотику и Узунъ-Кепри, къ югу отъ Адрианополя.

Движеніе нашихъ войскъ въ этомъ послѣднемъ направленіи, т.-е. въ сторону Галлиполи, лежащаго у выхода изъ Дарданеллъ въ Мраморное море, вызвало тревогу въ англійскомъ правительствѣ и приказаніе англійскому флоту вступить въ Дарданеллы; впрочемъ, флотъ этотъ тотчасъ же ушелъ обратно въ Везикскую бухту.

Между тѣмъ движеніе съ нашей стороны на Демотику и хотя бы на Галлиполи вполне оправдывалось тѣмъ, что остатки арміи Сулеймана бѣжали по горамъ въ этомъ направленіи и столпились именно въ Галлиполи, гдѣ и были посажены на суда, для перевозки ихъ въ Константинополь.

Войска наши находились верстахъ въ 90—100 отъ Константинополя, когда переговоры о предварительныхъ условіяхъ мира и о перемиріи, начатыя еще въ Казанкѣ, привели, наконецъ, къ результату въ Адрианополѣ. Въ Петербургѣ была получена 21 января телеграмма главнокомандующаго: „предложенныя основанія мира установлены и перемиріе заключено 19-го января, вслѣдствіе чего приказаніе о приостановленіи военныхъ дѣйствій отправлено во всѣ войска дѣйствующей арміи и сообщено на Кавказъ“. Одновременно получено было извѣстіе, что главныя условія перемирія заключались въ очищеніи турецкими войсками дунайскихъ крѣпостей и Эрзерума.

Въ виду этого факта достаточно лишь упомянуть о крайнихъ пунктахъ, до которыхъ дошли наши войска передъ тѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ европейскаго театра войны и въ Азіи. Отряды

восточной или рундукской арміи Государя Наслѣдника, при которой состоялъ и генералъ Тотлебенъ, заняли 14 января Разградъ, а 15-го Османъ-Базаръ,—позиціи сильно-укрѣпленныя, но оставленныя турками. Нижнедунайскій отрядъ генерала Циммермана, въ поднежъ открытіи своей кампаніи, выдвинулъ часть своихъ войскъ, подъ начальствомъ ген. Манея къ Оглу-Базарджику, причемъ 10 и 12 января турки были успѣшно атакованы. Ген. Циммерманъ самъ вступилъ въ Базарджикъ, 15-го января, а драгунскій разѣздъ изъ его войскъ 19 января занялъ станцію Гебеджи на желѣзной дорогѣ изъ Рущува въ Варну, въ 17-ти верстахъ отъ Варны.

Къ сожалѣнію, передъ самымъ концомъ военныхъ дѣйствій случился новый неуспѣхъ подъ Батумомъ. Узнавъ, что оттуда послана часть гарнизона въ Константинополь, нашъ рѣонскій или кабулетскій отрядъ произвелъ атаку на цихедзирскую позицію, по р. Бянтрини, и снова неуспѣшно; при этомъ былъ убитъ бригадиръ ген. Шелеметьевъ. Сербы не пошли далѣе Пирота; главная ихъ квартира осталась въ Лесковацѣ. Румыны окончили обложеніе Виддина, который теперь будетъ, впрочемъ, очищенъ турками въ силу перемирія.

Весь интересъ прошлаго мѣсяца сосредоточивался на тѣхъ движеніяхъ двухъ нашихъ армій, которыя привели къ измѣненію шипкинскій арміи и къ пораженію арміи Сулеймана подъ Филиппополемъ. Правда, что послѣдняя армія не была взята въ плѣнъ; она была только на половину уничтожена, на половину разсѣяна и приведена въ полное разстройство, съ потерей всей артиллеріи и обоза. Результатъ былъ одинъ и тотъ же, и дѣло было не легче. Нельзя же было и ожидать, что четыре непріятельскіе отряда, находившіеся на Балканахъ, на протяженіи какихъ-нибудь 300 верстъ (въ прямой линіи по картѣ) и изъ которыхъ три отступали по разнымъ дорогамъ—всѣ могли быть взяты въ плѣнъ. Достаточно и того, что плѣненъ былъ одинъ изъ нихъ—шипкинская армія. Эти четыре отряда были слѣдующіе, считая съ запада на востокъ: 1) софійская или арабъ-конакская армія Мехмета-Али, которой уцѣлѣвшія части вошли въ составъ арміи Сулеймана и образовали ту половину ея, которая отступала подъ начальствомъ Фуада, на Сомаково, Ихтиманъ и Татаръ-Базарджикъ; ее можно принять въ 25 т. чел.; она уничтожена; 2) другая половина арміи Сулеймана, разбитая при Филиппополѣ и разсѣянная при Хаскойѣ, съ потерей всей артиллеріи; въ ней было не менѣе 40 т. чел., остатки ея, примѣрно въ 25 т. чел., спаслись въ Галиполи; 3) шипкинская армія Рассима-паши или Веселя-паши, 32 т. чел.; взята въ плѣнъ; наконецъ, 4) до 25 т. чел., которые, послѣ обратнаго отнятія нами у турокъ Елены, отступали

отъ Казана на Сливно и потомъ стянулись къ Константинополю, не бывъ атакованы центральною арміею потому, что лѣвый флангъ ея (ген. Деллинггаузена) былъ нуженъ для обезпеченія атаки на Шипку. Если раздѣлимъ такимъ образомъ турецкія войска, бывшія въ районѣ дѣйствій генерала Гурко и генерала Радецаго, то получимъ, что изъ 65 т., дѣйствовавшихъ противъ перваго, къ Константинополю дошли всего 25 т. чел., и изъ 57-ми тысячъ, дѣйствовавшихъ противъ втораго и на лѣвомъ его флангѣ, въ Константинополь дошли также ровно 25 т. чел.

Туркамъ оставалась 19 января въ Европѣ уже только одна линія обороны; это линія Деркасъ-Чекмедже,—укрѣпленная линія, преграждающая весь тотъ узкій четвероугольникъ между Чернымъ и Мраморнымъ морями, который имѣетъ видъ трапеціи, поставленной на меньшее изъ своихъ основаній и на одномъ изъ крайнихъ точекъ этого основанія имѣющей—Константинополь. Эта укрѣпленная линія, представляющая одинъ бокъ трапеціи, находится всего въ 35-ти верстахъ отъ Константинополя. На ней было устроено 26 фортовъ съ 210 орудіями. Оборона ея была вѣрена Мехмету-Али-пашѣ, который стянулъ къ себѣ изъ Карагисы въ Чатаджу тѣ 25 т. чел. восточнаго турецкаго отряда, о которыхъ только-что упомянуто, и изъ Галлиполи получилъ моремъ 25 т. чел. остатковъ арміи Сулеймана, впрочемъ, нуждающихся въ новомъ вооруженіи. Если присоединить сюда подкрѣпленія, доставленные въ послѣднее время изъ Ватума и изъ Анатолиі, то послѣдняя турецкая армія въ Европѣ могла составить до 60 т. чел., не считая собственно константинопольскаго гарнизона, который, впрочемъ, не великъ и потребовался бы для предупрежденія восстанія въ самой столицѣ. Вотъ то положеніе военныхъ дѣлъ, при которомъ состоялось подписаніе предварительныхъ условій мира. Конецъ-ли это, или только начало конца—намъ указать то ближайшія событія.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

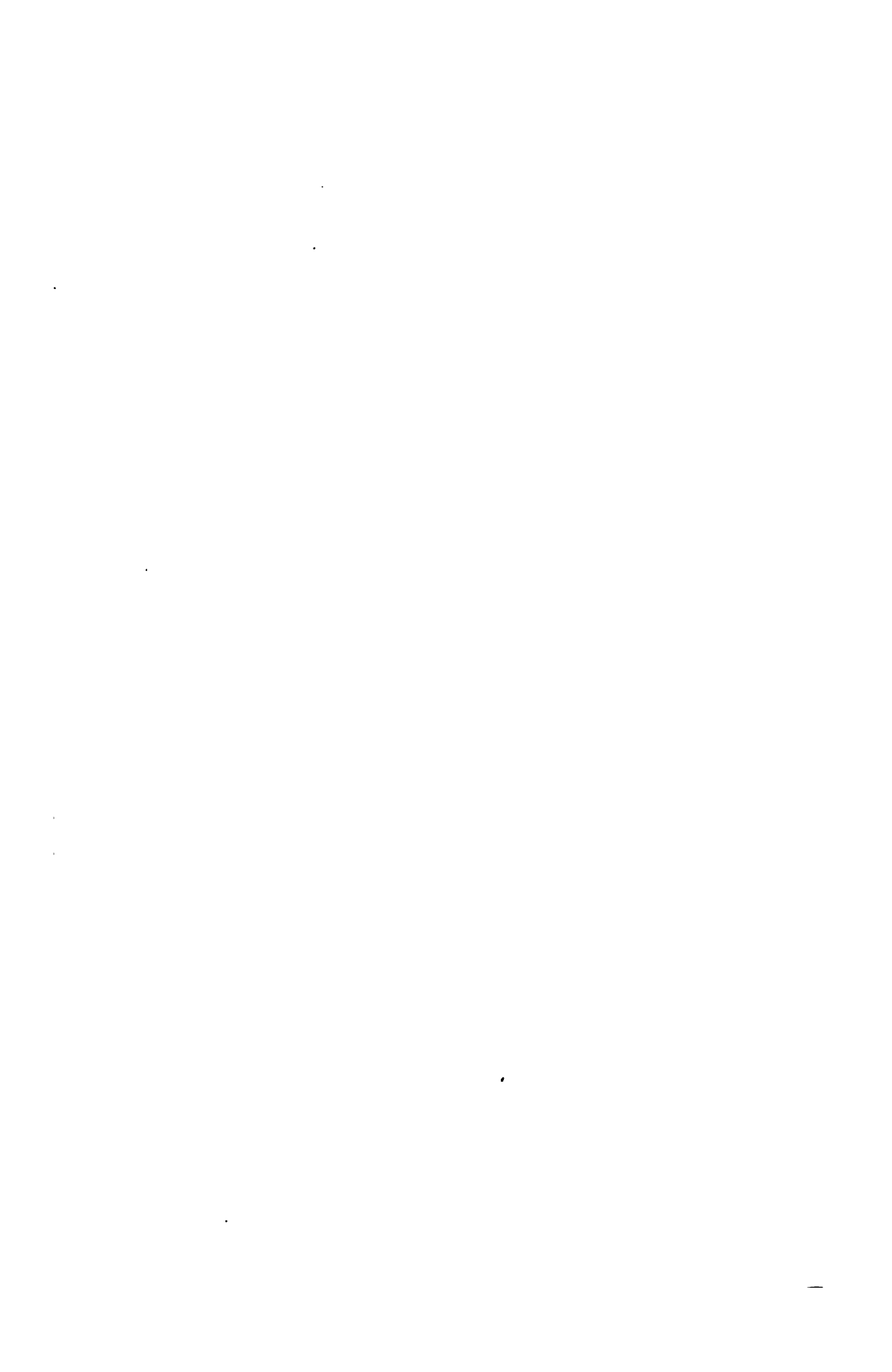
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1878.

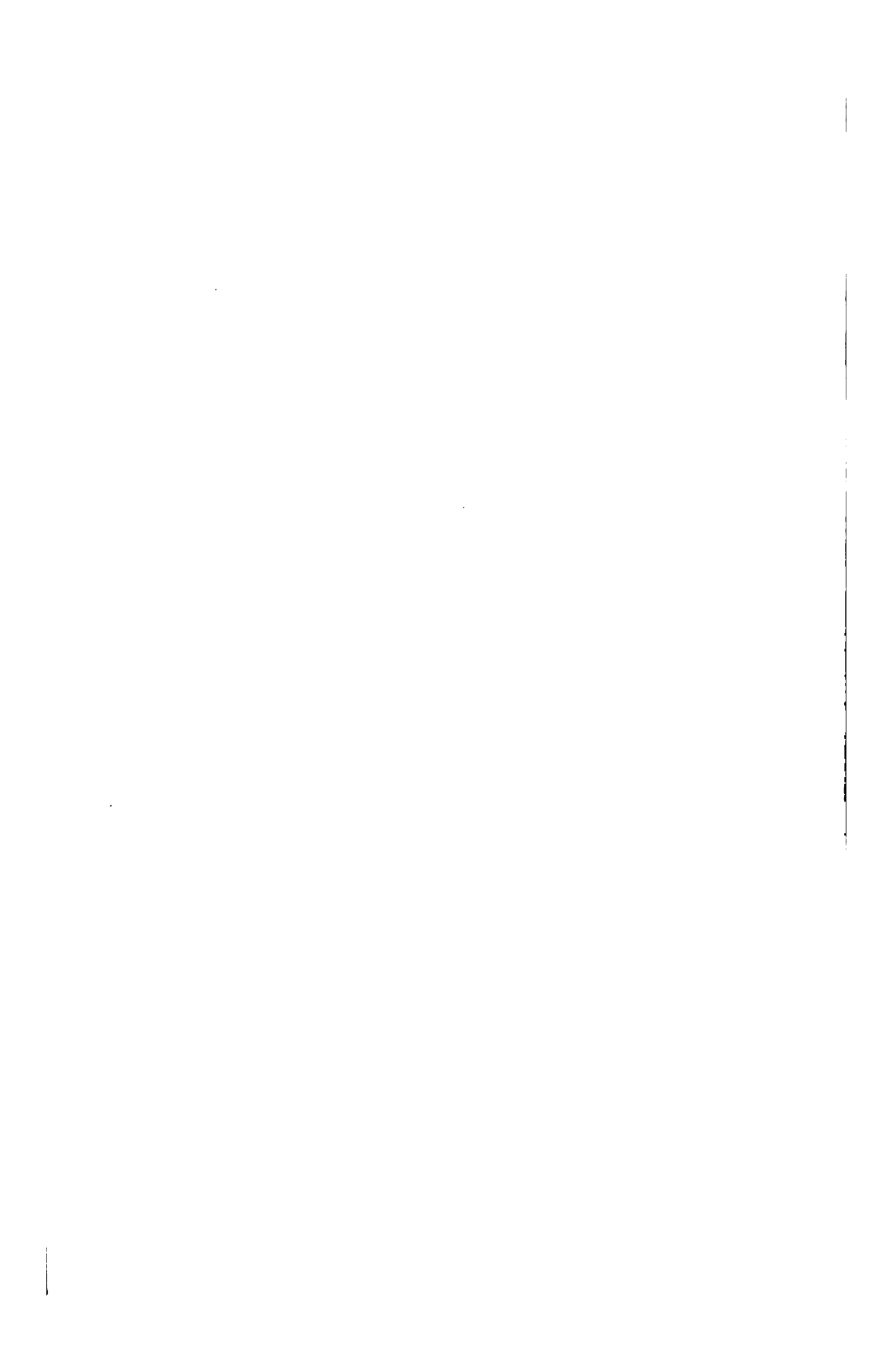
Книга первая.—Январь.

	СТР.
Стежотворенія. — I. Пора! — II. Ночь. — Гр. А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА	5
Новыя письма А. С. ПУШКИНА. — Июль 1880 — май 1886 г. — I. Письма къ не- вѣстѣ и тещѣ: 1880—81 гг. — II. Письма къ жемѣ: 1881—88 г. — Съ пре- дисловіемъ И. С. ТУРГЕНЕВА.	7
ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРИЯТІЕ. — Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. — А. А. ПОТВЪХИНА.	47
Откуда неудачи вкаторининской законодательной коммисіи? — Историческое ислѣдованіе. — В. И. СЕРГѢЕВИЧА	188
Октябрьская ночь. — Изъ Альфреда де-Мюссе. — С. А.	265
Официальная Турція въ лицахъ. — Очеркъ. — В. И. СМІРНОВА	276
Старая поговорка: Тыя скелетон им тыя ноуве. — Повѣсть. — I—IV. — ФР. ШПИЛЬБАГЕНА	312
Хроника. — Дѣло г-на Иловайскаго въ Галиціи. — Небольшая глава изъ славянской патологіи. — К. В.	361
Внутреннее Овозрѣніе. — Празднованіе столѣтія рожденія Александра I-го. — Пріѣзд Государя Императора въ Петербургъ. — Взглядъ на историче- скую почту развитія. — Свѣтлая сторона нынѣшняго положенія Россіи. — Дѣло мира и дѣло войны. — Сравненіе съ войною 1828—1829 годовъ. — Причины неуспѣха крымской кампаніи. — Успѣхи и недостатки, обнару- жившіяся нынѣ. — Внутренніе вопросы и задачи. — Дальнѣйшая работа. — Амнистія печати	379
Парижскія Письма. — XXXII. — Новыя условія драмы во Франціи. — ЭМ. ЗОЛА	404
Два дѣла Александровской эпохи. — Двадцать-первый томъ Сборника Импера- торскаго Русскаго Историческаго Общества. — М. С.	435
Овозрѣніе воинскихъ дѣлѣтій. — Декабрь	443
Извѣстія. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	456
Библиографическій Листокъ. — Императоръ Александръ I, С. Соловьева. — Нѣ- мецкіе поэты, и. р. Н. Гербеля. — Очерки общей теоріи гражданскаго права, С. Муромцева. — Городское самоуправленіе въ Россіи, И. Дят- лева. — Исторія Востока, Греціи и Рима, бар. Н. Корфа.	

Книга вторая.—Февраль.

	стр.
Лордъ Байронъ и его судьба.—Биографическій очеркъ.—I.—О. О. МИЛЛЕРА.	457
Потопкины на Дунаѣ.—1790-й годъ.—Историческая повѣсть.—Г. П. ДАНИ-ЛЕВСКАГО.	501
Официальная Турція въ лицахъ.—V-VII.—Окончаніе.—В. И. СМИРНОВА.	600
Изъ Альфреда де-Мюссю.—I. МАЙСКАЯ НОЧЬ.—II. АВГУСТОВСКАЯ НОЧЬ.—С. А. АНДРЕЕВСКАГО.	630
Патронатъ въ Россіи и за-границею.—Организація помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія.—И. Ф.	640
Думы и грезы.—III. Наше горе.—IV. Затѣмъ?—V. Пѣсня молота.—Стих. Н. М. МИНСКАГО	672
Болгарія во время войны.—Замѣтки и воспоминанія.—V. Наше гражданское управленіе.—VI. Отъ Тырнова до Казанлиев.—ЕВГ. УТИНА	676
Старая пословица: THE SKELETON IN THE HOUSE.—Повѣсть.—V.—Окончаніе.—ФР. ШПИЛЬГАГЕНА	731
Хроника.—По поводу критикъ и рѣзкихъ на книгу „Землевладѣніе и земледѣліе“.—Письмо въ редакцію.—Кн. А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА.	778
Внутреннее Овозрѣніе.—Бюджетъ 1878 года.—Отчетъ контроля за 1876 годъ.—Уменьшеніе доходовъ.—Чрезвычайныя военныя потребности.—Средства къ возвышенію доходовъ.—Временныя факты, вызванныя войною.—Ея финансовое наследство.—Вопросъ о производительности страны	814
Замѣтка.—Новая теорія г-на Евгенія Маркова.—А.	836
Корреспонденція изъ Берлина.—Планы Бисмарковскихъ реформъ.—К.	839
Корреспонденція изъ Лондона.—Разногласица въ сенъ-джемскомъ кабинетѣ.—Р.	857
Парижскія Письма.—XXXIII.—Наши современные поэты.—ЭМ. ЗОЛА.	878
Литературная Замѣтка.—Письменныя донесенія В. И. Григоровича изъ Константинополя и его книга: „Путешествіе по Европейской Турціи“.—М. П.—ОВЪ.	896
Некрологъ.—Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.—М. С.	906
Овозрѣніе военныхъ дѣйствій.—Январь	915
Библиографическій Листокъ.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности, М. Е. Салтыкова (Щедрина).—Анна Каренина, гр. Л. Н. Толстого.—Очерки Персіи, П. Огородникова.—Миръ реальный и миръ идеальный, И. Я. Блюка.—Жизнь европейскихъ народовъ, Е. Н. Водовозовой, т. II.	

3 2044 019 212 612

